

**Материалы
по Археологии,
Истории
и Этнографии
Таврии**

Выпуск XXIV

**Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria**

Volume XXIV

**Симферополь
Simferopol
2019**

УДК 94(477.75)082
ББК 63.3(2Рос.Кры)я43
М 34

**Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского**

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Протокол № 7 от 13.09.2019 г.)

Редакция:

Айбабин А. И., ответственный редактор
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
Вып. XXIV. — Симферополь: Соло-Рич, 2019. — 608 с.

*Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
при поддержке Благотворительного фонда «Артемиды»*

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, 2019
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2019
© Авторы, текст, 2019

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Научный журнал
Основан в 1990 году
Выходит один раз в год
Сайт журнала: <http://maiet.cfuv.ru>

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).

Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК Минобрнауки РФ) по специальности 07.00.00 — исторические науки и археология.

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Герцен А.Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)

Зинько В.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхазы, Венгрия)

Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Кузнецов В.Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Степаненко В.П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Тункина И.В., д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Хайрединова Э.А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

MATERIALS IN ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF TAURIA

Academic Periodical

Publishes from 1990

One volume a year

English version of Website: <http://maiet.cfuv.ru/en/>

Founder: V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.

The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)

Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jósa András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)

Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Khrapunov Igor?, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Tunkina Irina, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).

Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

АРХЕОЛОГИЯ

Н. В. ЗАВОЙКИНА, С. В. ОЛЬХОВСКИЙ

Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

ГРАФФИТИ НА КЕРАМИКЕ ИЗ РАСКОПОК ОАН «БУХТА АК-БУРУН» (КРЫМ) В 2015 г.

Аннотация: Работа открывает серию публикаций граффити из новейших раскопок ОАН «Бухта Ак-Бурун» в Восточном Крыму. Она содержит пять граффити. Три граффити процарапаны на чернолаковой керамике, которая была доставлена морем в Пантикапей во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. Надписи представляют сокращение от названия сосуда (№ 4), владельческие маркировки (№№ 1, 5). Граффито № 2, сделанное в последней четверти III – начале II вв. до н.э., является записью торговца о поставке или получении 6 медимнов какого-то сыпучего продукта, возможно, зерна. Граффито № 3 представляет маркировку посуды из судового сервиза. Оно датируется концом I – первой половиной II вв. н.э.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, торговля, Боспор, Пантикапей, порт, граффити на керамике.

В 2014 г. при обследовании проектируемой трассы Крымского моста на дне Керченской бухты было локализовано крупное скопление неокатанной археологической керамики площадью более 75000 м², получившее обозначение ОАН «Бухта Ак-Бурун»¹. Так как в границах скопления запроектировано строительство мостовых опор,

¹ Этот объект был открыт в 2012 г. А. В. Зинько, начальником Боспорской подводной археологической экспедиции Крымского отделения Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (сейчас НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского) и получил наименование «Белый-3». Результаты исследования опубликованы (см.: Зинько А.В. Подводные археологические разведки припортовой части Тиритаки // Археологічні дослідження в Україні в 2012 р. Київ, Луцьк, 2013; Зинько А.В. Охранные исследования на некрополе Тиритаки и подводные разведки у мыса Ак-Бурун // Археологічні дослідження в Україні в 2013 р. Київ, 2014; Зинько А.В. Актуальные задачи исследований подводных историко-археологических объектов Керченского пролива // Материалы VIII научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма». Новый Свет, 2015; Зинько А.В. Из истории подводных археологических исследований в Керченском проливе // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016; Зинько А.В. Новые подводные археологические исследования в Керченском проливе // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI; Зинько А.В. К вопросу о ло-

в 2015–2017 гг. здесь были проведены спасательные подводные раскопки на площади 4700 м², на поверхность поднято почти 70000 археологических предметов – преимущественно тарная, кухонная, столовая и строительная керамика, светильники, костяные изделия. Особенностью коллекции является многочисленность археологически целых форм, относящихся к широкому кругу пантикапейского импорта V в. до н.э. – XIII в. н.э. До 70% керамического комплекса составляют амфоры, 80% из них датируются IV–III вв. до н.э. и происходят из региона Эгейского моря, 20% – из южно-понтийских центров и Колхиды. Среди столовой керамики преобладает понтийская, аттическая и малоазийская посуда IV–II вв. до н.э. В результате исследований было установлено, что обнаруженные археологические предметы не отложились у мыса Ак-Бурун в ходе жизнедеятельности какого-то крупного поселения, а были перемещены сюда в 1970-х гг. в результате углубления дна Генуэзской гавани Керчи. Тем не менее, керамическое скопление сохраняет свое научное значение, так как является представительным источником информации о масштабах и ассортименте морской торговли Пантикапея на протяжении всей его истории [6, с. 355–364].

Итак, настоящая работа открывает серию публикаций надписей на керамике из подводных раскопок «Бухты Ак-Бурун» в 2015–2017 гг. Представленные находки являются частью сброса керамики в море, образовавшегося в процессе деятельности порта Пантикапея в античное время.

1. Канфар чернолаковый, фрагментированный, со штампованно-врезным орнаментом в виде четырех листьев аканфа, окруженных двумя рядами узора из насечек в центре дна, Аттика, вторая половина IV – начало III вв. до н.э. [13, р. 122, pl. 29, № 709; 3, с. 27]. С внешней стороны поддона процарапано граффито – крупного размера *πι* с укороченной правой гостой, к нижнему краю которой во внутреннем поле *πι* приписан маленького размера *ομικρον* (рис. 1).

Граффито: *Πο*

Отмеченная лигатура в надписях классического времени нередко используется для обозначения «5 оболов». Вопрос о стоимости столовой керамики в боспорских городах в разные исторические периоды изучен слабо из-за недостатка сведений [4, с. 19]. Даже в этом случае, стоимость импортного чернолакового канфара в 5 оболов в позднеклассическое время в Пантикапее выглядит высокой. Близкие по смыслу дипинти ПД, в которых *дельта* вписана во внутреннее поле *πι*, в аттической системе такая лигатура означают цифру 50 или 5 драхм, встречены на аттических сосудах второй половины VI – IV вв. до н.э., но они рассматриваются как маркировки гончаров [10, р. 118, type 6D.1,2]. Поэтому следует искать другое объяснение публикуемо-

кализации якорных стоянок древних судов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII). Была составлена карта-схема «свалки донного грунта, изъятая из портовой части Керченской бухты», а ее границы зафиксированы GPS-координатами [Зинько 2013, с. 49]. Осенью 2014 г. А.В. Зинько по просьбе представителей ИА РАН проводил, в рамках своего открытого листа, на этом объекте разведки и шурфовки под трассу моста и передал московским специалистам все материалы [Зинько 2018, с. 56–57]. *Отв. редактор.*

му граффито. Сокращения имен владельцев сосудов, расположенные, как правило, на внешней стороне поддонов сосудов, могли изображаться как монограммы или лигатуры [4, с. 334–336, № 21, 22, 24, 29, 36, 47 и др.]. Поэтому нельзя исключать, что сокращение По- выступает началом личного имени, например, По(λέμαρχος), По(λεμοκράτης), По(λύδοξος) (КБН, 1059, 495, 243) и пр. Можно предположить, учитывая условия находки канфара, что он входил в состав корабельного груза [7, с. 299–302, 320; 9, р. 571–573], доставленного в Пантикапей из другого античного центра. В таком случае, монограмма По может рассматриваться как надпись пантикапейского торговца – заказчика партии аттической посуды. Возможно, что сосуд являлся собственностью моряка, который он подписал начальными буквами своего имени [ср.: 9, р. 581, fig. 23].

2. Стенка светлоглиняной амфоры, центр производства не ясен. Высота – 9,5 см, ширина – 15,6 см. На внешней стороне сохранилась двухстрочная надпись (рис. 2). Высота букв: 1 см (*дельта, омикрон*) – 1,5 см; во 2 строке высота букв – 2 см. Среди особенностей шрифта выделяются *мю* с широко разведенными боковыми гастами и высокой центральной частью, *ню* – с небольшим наклоном вправо и укороченной правой частью; *дельта* и *омикрон* – меньшего размера, чем остальные буквы; *пи* – с почти равновеликими гастами. Отмеченные формы букв обнаруживают аналогии в граффити III в. до н.э. [5, с. 153–154, 155; 14, S. 323–325, T. 9]. Учитывая форму *пи*, граффито следует датировать не ранее последней четверти III – начала II в. до н.э.

Граффито: ΜΙΔΙΜΝΟΙ | Π

Чтение: Μιδίμνοι | Π, – мидимны | б.

Μιδίμνος (resp. μέδιμνος) – древнегреческая мера сыпучих тел, которой измерялось, в том числе, и зерно. Обращает внимание, что после *мю* вырезан *йот* вместо *эпсилон*. Такого рода замена гласных является проявлением итацизма, известного в боспорских надписях примерно с начала III в. до н.э. [1, с. 799–800; 8, с. 677]. Медимн соответствует 52,53 л. В пантикапейской надписи сообщается о шести медимнах, то есть 315,18 л какого-то сыпучего продукта. Таким образом, граффито является коммерческой записью торговца о поставке или получении сыпучего товара, не исключено, что пшеницы, в пантикапейском порту.

3. Миска краснолаковая, конец I – первая половина II вв. н.э., Понтийская Сигиллата А [2, с. 55–56]. На внешней стороне процарапаны слово, рисунок в виде горизонтальной стрелы с косыми насечками по бокам и лигатура (рис. 3). Высота букв – 0,4–0,6 см (*омикрон, ню*) до 1 см (*каппа, йот, альфа*); в лигатуре высота букв – 1,2 см.

Граффити: ΓΥ (в лигатуре) | ΚΟΙΝΑ

Чтение: ΓΥ | κοινά

Сущ. τὰ κοινά имеет различные значения, одно из основных «общее, общественное» [12, s.v. κοινός II, III]. Аналогий надписи среди опубликованных материалов античных кораблекрушений найти не удалось. Поэтому в качестве гипотезы предлагаем следующее. Учитывая месторасположение надписи и условия ее находки, миска с такой подписью связана с какой-то общей собственностью – корабельной или, возможно, портовой. Некоторую подсказку дает рисунок под надписью, изображаю-

ший стилизованный корабельный якорь на веревке. Если это так, то миска входила в состав командного сервиза одного из торговых судов, которые стояли на якоре в порту Пантикапея в конце I – первой половине II в. н.э. В этом случае лигатура ГΥ может интерпретироваться, предположительно, как сокращение от названия судна.

4. Канфар чернолаковый фрагментированный, Аттика, последняя четверть IV – начало III вв. до н.э. [13, p. 122, pl. 29, № 709]. На внешней стороне поддона сосуда процарапана *каппа* (рис. 4). Высота буквы – 0,9 см.

Каппа нередко использовалась в маркировках чернолаковых чаш для питья для сокращений слов κ(ύλιξ) – килик, κ(άvθαρος) – канфар или κ(ούλα) – кубок [10, p. 32–33; 13, p. 19–20]. Этой буквой маркировались сосуды, предназначенные на экспорт. Цель подобных маркировок заключалась, видимо, в фиксации их типа, который подразумевал определенные объем и цену в каждом отдельном случае.

5. Рыбное блюдо чернолаковое, Пергам, вторая – третья четверти III в. до н.э. [3, с. 60–61, 228, рис. 30,494,497]. На внешней стороне поддона процарапано граффито (рис. 5). Высота букв – 1,2 см.

Граффито: ΜΙ

Месторасположение надписи из двух букв на внешней стороне поддона указывает, что она должна рассматриваться как начало имени владельца сосуда. Такого рода маркировки известны на чернолаковых сосудах из раскопок затонувших древнегреческих судов (подробнее см. граффито № 1). Имен, начинающихся на Μι-, как греческих, так и варварских, в антропонимии Боспора встречено достаточное число [13, s.v. Μι-]. Например, Μικαλίον, Μίκας, Μιλήσιος, известные в антропонимии Пантикапея (КБН, 432, 80, 519).

Итак, в представленных в статье надписях на керамике отразился широкий диапазон деятельности пантикапейского порта с позднеклассического до раннеримского времени. Граффити фиксируют поставки аттического и пергамского импорта, их различные коммерческие маркировки, торговлю местными продуктами. Наиболее интересной является надпись № 3, в которой зафиксирована маркировка общекорабельной собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доватур А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. С. 797–831.
2. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма в I–III вв. н.э. Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
3. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-западного Крыма. М.: Изд-во МГУ, 2009. 254 с.
4. Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник, 2012. 478 с.
5. Намойлик А.С. Посвятительное граффити из Нимфея // *Hypoboreus*. 2008. Vol. 14. Fasc. 2. P. 153–160.
6. Ольховский С.В., Степанов А.В. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта-Ак-Бурун» в 2015 г. // ДБ. 2016. Т. 20. С. 355–364.

7. Терещенко А.И. Исследования торгового судна второй половины IV в. до н.э. в Черном море и моделирование упаковки амфорной тары // ДБ. 2013. Т. 17. С. 297–324.
8. Тохтасьев С.Р. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 673–682.
9. Elpidas H. Underwater Excavations of a Late Fifth Merchant Ship at Alonneses, Greece: the 1991-1993 Seasons // BCH. 1996. Vol. 120. Liv. 2. P. 561–593.
10. Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979. 270 p.
11. Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Addenda. Oxford, 2006. 255 p.
12. Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Eds. P. M. Fraser, E. Matthews. Oxford, 2005. 410 p.
13. Sparkes B.A., Talcott L., Richter G.M.A. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Part 1. Text. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1970. 382 p. (The Athenian Agora. Vol. 12).
14. Vinogradov Yu.G. Eine neue Quelle zum Zopyrion-Zug // Pontischen Studien. Mainz, 1997. P. 323–335.

REFERENCES

1. Dovatur A.I. Kratkij ocherk grammatiki bosporskikh nadpisej. *Corpus inscriptionum regni Bosporani*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 797–831.
2. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaja keramika yugo-zapadnogo Kryma v I–III vv. n.e.* Simferopol, 2010, 320 p. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Suppl. 9).
3. Egorova T.V. *Chernolakovaja keramika IV–II vv. do n.e. s pamjatnikov Severo-zapadnogo Kryma*. Moscow, MGU Publ., 2009, 254 p.
4. Emec I.A. *Graffiti I dipinti iz antichnykh gorodov i poselenij Severnogo Prichernomor'ja* (Podgotovitel'nye materialy k Korpusu). Moscow, Sputnik Publ., 2012, 478 p.
5. Namojlik A.S. Posvjatitel'noe graffiti iz Nimfeja. *Hyperboreus*, 2008, Vol. 14, Fasc. 2, pp. 153–160.
6. Ol'khovskij S.V., Stepanov A.V. Spasatel'nye podvodnye issledovanija OAN "Bukhta Ak-Burun" v 2015 g. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2016, Vol. 20, pp. 355–364.
7. Tereshchenko A.I. Issledovanija torgovogo sudna vtoroj poloviny IV v. do n.e. v Chernom more i modelirovanie upakovki anfornoj tary. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2013, Vol. 17, pp. 297–324.
8. Tokhtas'ev S.R. Grecheskij jazyk na Bospore: obshchee i osobennoe. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Bosporskij fenomen. Naselenie, jazyki, kontakty"*, St-Petersburg, 2011, pp. 673–682.
9. Elpidas H. Underwater Excavations of a Late Fifth Merchant Ship at Alonneses, Greece: the 1991–1993 Seasons. *Bulletin correspondence Hellenic*, 1996. Vol. 120. Liv.2. P. 561–593.
10. Johnston A.W. *Trademarks on Greek Vases*. Warminster, 1979, 270 p.
11. Johnston A.W. *Trademarks on Greek Vases. Addenda*. Oxford, 2006, 255 p.
12. Fraser P.M., Matthews E. (Eds.), *Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005, 410 p.
13. Sparkes B.A., Talcott L., Richter G.M.A. *Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C.* Part 1. Text. Princeton, The American School of Classical Studies at Athens Publ., 1970, 382 p. (The Athenian Agora. Vol. 12).
14. Vinogradov Yu.G. Eine neue Quelle zum Zopyrion-Zug. *Pontischen Studien*, Mainz, 1997, pp. 323–335.

N. V. ZAVOYKINA, S. V. OL'KHOVSKIY

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

**GRAFFITI ON CERAMIC WARE FROM 2015 EXCAVATIONS
AT THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE PROPERTY
“AK-BURUN BAY” (CRIMEA)**

Abstract: This paper launches a series of publications of graffiti from most recent excavations at the archaeological heritage property “Ak-Burun Bay” in eastern Crimea. This site is located near Ak-Burun cape in eastern Crimea. It was investigated the underwater expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences supervised by S.V. Ol'khovskii in 2015–2017. According to an account from the 1970s, ceramic material excavated at Ak-Burun Bay originates from the ancient harbor of Pantikapaion. A great deal of amphorae and tableware of good preservation state dates from the fifth century BC to the fourth century AD. Among them there are numerical graffiti incised on different types of ceramic vessels. This paper publishes five graffiti. Three inscriptions graffiti are incised on black-slip ware, which was delivered to Pantikapaion by sea from the second half of the fourth to the first half of the third century BC. These inscriptions show abbreviated name of the vessel (no. 4) and owners' marks (nos. 1 and 5). Graffito no. 2 from the late third to the early second century BC is a trader's record of the supply or receipt of 6 *midimnoi* of some granular product, apparently, grain. Graffito no. 3 is a mark of the of dishes from the ship's set of vessels, dating from the late first to the first half of the second century AD.

Key words: Northern Black Sea Area, trade, Bosporos, Pantikapaion, port, ceramic graffiti.

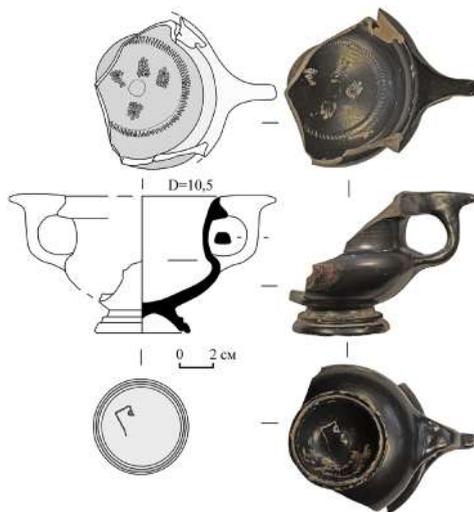

Рис. 1. Граффито № 1

Рис. 2. Граффито № 2

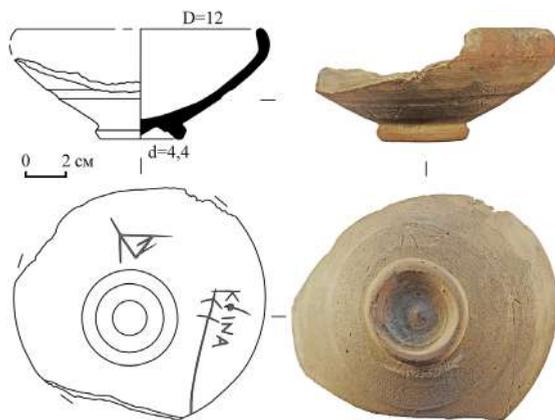

Рис. 3. Граффито № 3

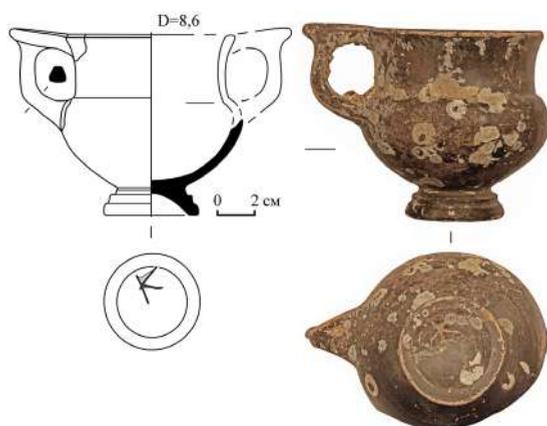

Рис. 4. Граффито № 4

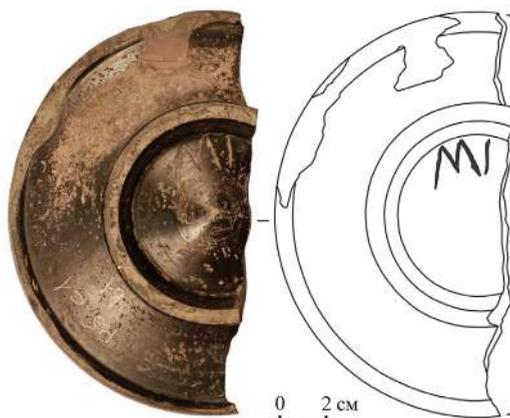

Рис. 5. Граффито № 5

**И. Н. ХРАПУНОВ^{а)}, Э. ИШТВАНОВИЧ^{б)}, В. КУЛЬЧАР^{в)},
А. А. СТОЯНОВА^{г)}**

а) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

б) Музей им. Андраша Йожя (Ньиредьхаза, Венгрия)

в) Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

г) Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

**КОНСКАЯ СБРУЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
В КРЫМУ И В АЛЬФЕЛЬДЕ¹**

Аннотация: Крымский полуостров и часть Карпатского бассейна, известная под названием Альфельд, были окраинными зонами расселения сарматских племен, соответственно, южной и западной. В обоих регионах кочевники-сарматы столкнулись с оседлым населением. В отличие от остальных заселенных сарматами регионов, и в Крыму, и в Альфельде происходили процессы седентаризации недавних кочевников. С методической точки зрения интересно проследить, какие общие и особенные черты культуры формировались в отдаленных друг от друга регионах у разных, но принадлежавших сарматской общности, племен в процессе оседания на землю в разных географических условиях и в разном этническом окружении. Такое исследование целесообразно провести комплексно, используя разные элементы культуры.

В данном случае речь идет о конской сбруе – неотъемлемой, важнейшей части культуры любых кочевников, в том числе сарматов. Сравнение деталей конской сбруи, найденных в Альфельде и в Крыму, показывает следующее. В Крыму таких находок сделано несравненно больше, и они гораздо разнообразнее. Однотипны удила, использовавшиеся в обоих регионах. Однако имеется и существенное различие. В Крыму на кольца удил надевали парные зажимы, удерживавшие ремни повода и оголовья. На территории Венгрии зажимы обнаружены только в могильнике Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok, причем по одному на кольце. Наряду с отсутствием псалиев, это явное свидетельство того, что альфельдские сарматы управляли конем не так, как крымские.

Обнаруженные в Альфельде немногочисленные кольца с зажимами, полусферические бляшки, железные накладки на ремень, бронзовые кольца и бронзовое кольцо, концы которого расплющены и соединены внахлест с помощью заклепки, возможно, использовавшиеся в конской сбруе, такие же, как в Крыму. Однако они не демонстрируют сепаратных связей между Крымом

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население предгорного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

и Альфельдом. Однотипные изделия были распространены на всех территориях, заселенных сарматами. Только пара секировидных наконечников ремней из Визешдпусты / Vizesd-Pusztа имеет точную и, кажется, единственную аналогию именно в Крыму. Набор деталей конской сбруи из Визешдпусты / Vizesd-Pusztа заметно отличается от других находок из Альфельда. Он, вероятно, принадлежал всаднику, прибывшему из Восточноевропейской степи.

Ключевые слова: Крым, Венгрия, сарматы, конская сбруа.

Крымский полуостров и часть Карпатского бассейна, известная под названием Альфельд, были окраинными зонами расселения сарматских племен, соответственно, южной и западной (рис. 1). В обоих регионах кочевники-сарматы столкнулись с оседлым населением. На территории Альфельда это были жители пограничных римских провинций Паннония, Мезия и, в 106–270 гг., Дакия, а также даки, кельты и германцы, в Крыму – граждане античных государств Боспорского царства и Херсонеса, а также поздние скифы. В отличие от остальных заселенных сарматами регионов, и в Крыму, и в Альфельде происходили процессы седентаризации недавних кочевников. С методической точки зрения интересно проследить, какие общие и особенные черты культуры формировались в отдаленных друг от друга регионах у разных, но принадлежавших сарматской общности, племен в процессе оседания на землю в разных географических условиях и в разном этническом окружении. Такое исследование целесообразно провести комплексно, используя разные элементы культуры. В данном случае речь пойдет о конской сбруе – неотъемлемой, важнейшей части культуры любых кочевников, в том числе сарматов.

В Крыму наиболее часто встречаемым элементом конской сбруи являются железные удила. Все они однотипны, состоят из соединенных между собой грызл, с загнутыми в кольцо концами. Конструкция таких удил принципиально не изменилась вплоть до настоящего времени (рис. 2). В концы удил часто вставлялись кольца, железные или бронзовые. К ним с помощью псалиев или зажимов присоединялась ременная часть сбруи. Зажимов, как правило, бывает по два на кольцо, в одном крепился ремень повода, в другом – ремень оголовья.

В склепе № 306 могильника Нейзац, среди сдвинутых костей погребений III в. н. э., найдено пять более или менее фрагментированных железных удил (рис. 2, 1, 2). Во всех случаях, кроме одного, в загнутые концы грызл вставлены массивные бронзовые кольца, выполнявшие роль псалиев. На бронзовых кольцах одной пары удил сохранились по два пластинчатых зажима, в которые, вероятно, вставлялись ремни оголовья и повода, крепившиеся двумя заклепками (рис. 2, 2). Конструкция удил с бронзовыми кольцами и двумя зажимами известна в позднесарматской культуре. Однако найденные до сих пор удила не вполне идентичны крымским. Удила из погребения около г. Азова и из склепа на Васюриной горе в Прикубанье снабжены более длинными, сделанными из серебра зажимами. Кроме того, и это представляется более важным, отражающим особенности уздечки, в каждой паре зажимов один длиннее, а другой короче [6, с. 136, рис. 1, 2, 3; 54, с. 296, 300, рис. 3, 10; 6, P10 (B12);

9,12]. В разрушенном погребении близ г. Кисловодска зажимы серебряные, одинаковых размеров, но по форме они отличаются от нейзацких [25, с. 253, рис. 1,7,8]. Удила с использованием зажимов на кольцах найдены в крымских позднескифских некрополях Усть-Альма и Битак [39, с. 142, рис. 101, I; 102, I, II].

Удила с кольцами, выполнявшими роль псалиев, с двумя зажимами на них изредка сохраняются в Крыму в IV в., а в V в. распространяются практически на всех занятых гуннами территориях [24, с. 41]. Это свидетельствует о том, что принципиальных изменений в способах управления конем с помощью повода не произошло. Правда, материал, из которого делали кольца и зажимы, их форма и орнаментация с течением времени изменялись.

В могильнике Нейзац, в склепе IV в. № 4 найдены три пары железных удил, внешние концы которых загнуты в кольца.

1) В концы удил вставлено по железному кольцу. К каждому из колец прикреплено по два двупластинчатых железных зажима. В один из зажимов вставлено железное кольцо (рис. 2,3).

2) В концы удил вставлено по железному кольцу. На кольцах сохранились остатки зажимов (на одном кольце двух, на другом – одного). Лучшее других сохранившийся зажим представляет собой кольцо, концы которого уплощены и соединены тремя заклепками (рис. 2,5).

3) В концы удил вставлено по железному кольцу (рис. 2,4).

Способ крепления ременной части сбруи с помощью зажимов на кольцах, вставленных в загнутые концы удил, как уже говорилось, широко распространяется в гуннское время. Считается, что кольца сарматских удил отличаются от гуннских большим (5–8 см) диаметром [24, с. 41]. В нашем случае кольца небольшого (4,5 см) диаметра от удил № 3 сочетаются с удилами №№ 1 и 2, где диаметр колец достигает соответственно 7,4 и 7,0 см.

Иногда в конец удил вставляли не одно, а два кольца или кольцо и карабин. В таком случае зажимов не было. Вероятно, к одному кольцу крепился повод, а ко второму или к карабину – ремень оголовья. Такая конструкция не характерна для степных сарматов, аналогии сосредоточены в погребениях оседлых жителей Нижнего Подонья и у меотов Прикубанья [3, с. 86].

У сарматов и на периферии их ареала с I в. до н. э. или с рубежа эр до середины III в. н. э. были широко распространены железные колесовидные псалии [32, с. 75, 76; 29, с. 210; 39, с. 142; 31, с. 50; 40, с. 165, 168; 3, с. 88–90; 30, с. 14]. Нередки находки таких изделий и в Крыму (рис. 3,6). В отдельных случаях спицы не прямые, как у большинства экземпляров, а фигурные. Колесовидные псалии из крымских могильников отличаются друг от друга некоторыми конструктивными деталями, точно такие же особенности зафиксированы и у псалиев, найденных в степных сарматских погребениях. Крымские находки датируются в пределах II – первой половины III в. [39, с. 142, 143, рис. 105, II; 106, II; 16, т. I, с. 75, 76, 169; т. II, табл. 151, 2].

Весьма разнообразны стержневидные псалии. Иногда это просто стержни. В таком случае непонятно, как к ним крепилась ременная часть сбруи [39, с. 374, рис.

100,III]. Гораздо чаще на стержне имелось два отверстия или две более или менее выраженные рамки, с помощью которых крепились ремни повода и оголовья (рис. 3,2,3).

Наиболее ранний в могильнике Нейзац комплект деталей конской сбруи обнаружен в могиле № 355, которая датируется, по всей вероятности, второй четвертью II в. н. э. [52, с. 224, 225]. В кольца найденных там удила вставлены железные псалии в виде стержня, заканчивающегося с каждой стороны круглой бляхой с сердцевидным вырезом. В кольцо удила вставлена также прямоугольная железная петля, заканчивающаяся железным зажимом для повода. На поверхности псалиев в некоторых местах заметны остатки золотого и серебряного покрытия (рис. 3,1).

Ближайшим аналогом нейзацких могут считаться удила, найденные в могиле А или могиле «аланского военачальника» в Неаполе скифском. Особое сходство им придает петля с зажимом, вставленная в кольцо удила, и «золотая насечка». Отличие неапольской находки заключается в дополнительных кольцах с зажимами, вставленных в кольца удила, а также отсутствие вырезов в бляхах, которыми заканчиваются псалии [22, с. 85, рис. 8,5]. Обломки подобных удила найдены в Усть-Альминском могильнике [39, с. 144, рис. 107,V]. Псалии из могильника Вязовый на Верхнем Дону завершаются дисками, покрытыми золотой фольгой, но они, в отличие от нейзацких, двудырчатые [33, с. 87, рис. 76,12]. Двудырчатые плакированные золотой фольгой псалии обнаружены в кургане, раскопанном на окраине г. Азова и получившем название «Дачи». К их концам приделаны, возможно, использовавшиеся ранее для других целей, фалары, состоявшие из бронзового задника и золотой пластины с халцедоновой вставкой [8, с. 180, рис. 4; 10, с. 210, 212, рис. 114]. Все перечисленные выше удила с псалиями относятся к среднесарматской культуре.

Могилы № 374 из могильника Нейзац датируется второй половиной II в. н. э. В ней обнаружены железные удила, в загнутые концы которых вставлены кольца, а в них – стержневидные псалии с раскованными в виде лопастей концами. Псалии плакированы серебром (рис. 3,7).

Стержневидные псалии с концами в виде лопастей обнаружены в Кобани [1, с. 7, рис. III,30] и в позднесарматском погребении из кургана № 19 в Сладковском могильнике в Нижнем Подонье [28, с. 188, рис. 2,9,12]. Концы, раскованные в виде лопастей, имеют псалии из некоторых среднесарматских погребений, но там псалии не стержневидные, а пластинчатые [17, с. 11, каталог 368; 9, с. 15, табл. 13,1а; 7, с. 17, рис. 4,20].

Некоторые стержневидные псалии заканчивались кольцами с фигурными выступами [39, рис. 100,I; 104,I] или волютами [63, S. 329, 331].

В конской сбруе использовались железные изделия в виде прямоугольного зажима, куда вставлялся ремень, и подвешенной к нему фигурной пластины. Четыре таких предмета найдены в могильнике Опушки (рис. 3,8), один – в могиле А, открытой на территории Неаполя скифского [49, рис. 3,7; 52, рис. 2,7; 11,5,6; 22, рис. 8,3]. Со времени находки первого изделия в Неаполе они трактуются как конские налобники. Судя по тому, что в могиле № 374 могильника Нейзац две такие подвески (рис.

3,9) находились рядом, они могли использоваться как-то иначе. Все погребения с фигурными подвесками датируются II в. н. э.

Почти во всех крымских могилах с конской сбруей находят бронзовые или железные пронизи. Такие же пронизи встречаются в степных погребениях среднесарматской и позднесарматской культуры, обычно по 6–8 экземпляров в могиле [5, с. 107, 108, рис. 3,13,17; 42, с. 173, рис. 1,14; 38, с. 126, 133, рис. 4,6; 8,12; 4, с. 184, рис. 10,9–12].

Функционально ту же роль играли, вероятно, уникальные литые бронзовые пронизи в виде голов животных из склепа первой половины III в. № 17 могильника Нейзац (рис. 4,1–7). Они найдены среди остатков кожаной сумки вместе с набором бронзовых деталей конской сбруи [53, с. 302, рис. 6,9–15].

В шести погребальных сооружениях III в. н. э. могильника Нейзац (№№ 18, 152, 169, 200, 222, 306) найдено 30 серебряных и бронзовых подвесок от конской сбруи (рис. 4,8–10,12,13). Они состоят из круглой, листовидной или секировидной собственно подвески и обоймы, с помощью которой крепились к ремню, похожи друг на друга, но имеют конструктивные, морфологические и орнаментальные особенности, позволяющие выделить разновидности [48, с. 108, рис. 3,11,12,14,15; 51, с. 9, 10, рис. 7,1; 9,6; 12,1–6; 13,1–4; 15,1,11,16]. В Крыму подобные подвески обнаружены еще в кургане у с. Мичурино [36, с. 54, рис. 3,7,9].

Выделяется найденная в могильнике Нейзац в 1927 г. подвеска, украшенная сарматским знаком [55, рис. 14,е; 43, рис. 92; 19, табл. 74,11] (рис. 4,11). Бляхи такой формы, но украшавшиеся в разных стилях, изготавливались, вероятно, в Боспорском царстве [65, S. 420, Abb. 3; 45, с. 168, 169].

В целом, несмотря на различия в деталях и даже наличие нескольких уникальных экземпляров, крымские подвески соответствуют подвескам позднесарматской культуры и по форме, и стилистически. В. Ю. Малашев отнес их к разновидностям С1–3 предметов конской сбруи позднесарматской культуры [29, с. 197–199].

В склепе первой половины III в. № 17 могильника Нейзац найдены два бронзовых предмета, очевидно, принадлежавших конской сбруе. Каждый из них состоял из накладки и обоймы. Накладка прямоугольная с двумя срезанными углами. У ее внешнего края имелось маленькое отверстие для заклепки, крепившей накладку к основе. Еще три отверстия были прямоугольными. Два из них располагались вдоль длинной оси накладки, одно – поперек, у внутреннего края. В поперечное отверстие вставлена обойма. Ее внешняя часть равна по ширине накладке, внутренняя значительно более узкая. У внешнего края обоймы сделаны три отверстия для заклепок. Две крайние крепили обойму непосредственно к основе, центральная через основу соединялась с внутренней частью обоймы, в которой было сделано специальное отверстие. Ремень шириной приблизительно 3 см вставлялся в обойму. Еще два узких ремешка пропускались через отверстия в накладке [53, с. 304, рис. 3,6,7] (рис. 5,1,2). Нейзацкие изделия не имеют точных аналогий. Однако нельзя не обратить внимание на несколько находок, сделанных в сарматских степях, на Северном Кавказе и в Крыму. Это накладки, каждая из которых имеет по два прямоугольных отверстия.

Они отличаются друг от друга формой и размерами, сделаны из железа, иногда плакированного серебром или из серебра. Одна такая вещь из могильника Покровка 10 изготовлена из дерева и покрыта золотом. Некоторые накладки имеют язычки для соединения с ремнем и, таким образом, могут называться пряжками. Полагают, что все эти предметы крепились на ошейнике или нагрудном ремне коня [15, с. 47; 46, с. 11, 13; 35, с. 237, 238; 39, рис. 106,1; 31, с. 50; 7, с. 62, 100]. Все исследователя относят комплексы с накладками к позднесарматскому времени.

Бляшки серебряные и бронзовые. В большинстве случаев к внутренней стороне бляшки была припаяна заклепка, с помощью которой она крепилась к кожаной основе. У некоторых экземпляров заклепка отсутствовала. Такие бляшки крепили к основе с помощью клеящих веществ. Правда, некоторые заклепки могли не сохраниться в могиле. Одинаковые бляшки украшали, чаще всего, конскую сбрую, но также кожаные детали одежды людей и другие предметы. Подавляющее большинство бляшек сделаны из серебра, лишь немногие из бронзы. Все перечисленные ниже бляшки найдены в могилах, датирующихся второй половиной II – первой половиной III в.

Более всего бляшек найдено в могильнике Нейзац, 245 серебряных и бронзовых экземпляров, не считая фрагментов. По форме бляшки можно разделить на несколько разновидностей.

Разновидность 1 (44 экз.). Бляшки усеченно-конической формы из могил №№ 200, 222 и 306 (рис. 5,3). Эти бляшки соответствуют типу 9 предметов сарматской конской сбруи (С9). Они были широко распространены во второй половине III – IV вв., но до гуннского времени не доживают [29, с. 198, 200].

Разновидность 2 (79 экз. и фрагменты). Бляшки полусферической формы из могил №№ 17, 35, 152, 169, 222, 300, 306, 411, 511 (рис. 5,4,5). На внутренней поверхности бляшек из могилы № 152 сохранилась красная краска от органической основы. Самая ранняя бляшка такого типа найдена в крымском могильнике Левадки, в склепе № 20, датируемом I в. до н. э. – I в. н. э. [37, с. 12, рис. 4,8]. В позднесарматской культуре такими бляшками украшали ножны мечей, конские уздечки, налобники, деревянные, обтянутые кожей изделия [5, с. 103, рис. 2,14; 34, с. 76, рис. 3; 28, с. 183, рис. 2,6; 18, с. 31, рис. 4,13,14; 15, с. 52, рис. 16,12; 36, с. 54, 55, рис. 2,10,11]. В Крыму, в могильнике Дружное аналогичные по форме, но сделанные из бронзы и обтянутые серебряной фольгой бляшки найдены в склепе IV в. н. э. [47, с. 16, рис. 73,16,17].

Разновидность 3 (91 экз. и фрагменты). Бляшки усеченно-пирамидальной формы из могил №№ 35, 152, 169, 222, 306 (рис. 5,6,7). Бляшки разновидности 3 сочетались с бляшками разновидности 2 в подкурганном погребении у станции Дзинилор в Северо-Западном Причерноморье [15, с. 36, рис. 10,7,8], а также в нейзацких могилах №№ 152, 222 и 306.

Разновидность 4 (23 экз.). Бляшки ромбовидные и квадратные, плоские, с загнутыми краями из могилы № 306 (рис. 5,8). Аналогичные по форме изделия найдены в склепе IV в. могильника Дружное. Они сделаны из бронзы и обтянуты серебряной фольгой [47, с. 16, рис. 73,5].

Разновидность 5 (3 экз.). Бляшки круглые, плоские, по периметру украшенные точечным орнаментом из могилы № 306 (рис. 5,10).

Разновидность 6 (3 экз.). Бляшки такой же формы, как и разновидность 5, но без орнамента из могилы № 377 (рис. 5,9).

Разновидность 7 (2 экз.). Бляшки умбовидные из могил №№ 59 и 152 (рис. 5,11). В рантах бляшки из могилы № 152 имелись четыре отверстия, в них вставлены заклепки. На внутренней поверхности этой бляшки сохранилась красная краска от органической основы.

Конской сбруе принадлежали железные распределители ремней, найденные в погребениях первой половины III в. н. э. Один из них – в подбойной могиле № 9 Неаполя скифского [44, с. 61, табл. XVIII,25], другой – в склепе № 200 могильника Нейзац (рис. 5,13).

В погребениях, где найдена конская сбруя, часто встречаются кольца с зажимами. Только в могильнике Нейзац найдено 37 экземпляров таких изделий. На кольцо надевалась согнутая пластина, в нее вставлялся ремень, крепившийся одной или двумя заклепками. Изготавливались кольца с зажимами, в основном, из бронзы, но есть серебряные.

Кольца с зажимами крепились к конской сбруе и к ремням, надетым на людей. В могиле № 306 Нейзацкого могильника они найдены *in situ*, прикрепленными к краю деревянного блюда.

В едином стиле с пряжками и наконечниками ремней, кольца иногда гранились, а зажимы фасетировались (рис. 5,15).

Такие же функции, как кольца с зажимами, выполняли, вероятно изделия иного типа. Отличие заключается в способе крепления к ремню. Концы пластины, которую надевали на кольцо, тонкие. Ими протыкали ремень и с тыльной стороны ремня загибали в противоположные стороны (рис. 5,12). Толщина ремня, к которому крепились такие изделия, не превышала 0,5 см.

Кольца с зажимами являются обычной находкой в позднесарматских погребениях восточноевропейской степи и особенно в крымских комплексах III–V вв. [см., напр.: 5, с. 107, рис. 3,20,21; 47, рис. 73,5; 75,15; 80,4,7; 143,5; 170,5; 177,2; 182,2; 13, рис. 5,14; 41, с. 41, рис. 15,16; 15, с. 47, рис. 14,16; 17, кат. №№ 73, 550, 556 и др.; 11, с. 27, 37, рис. 21,2,3; 27, с. 245, рис. 6,20; 23, с. 44, табл. 13,31; 2, рис. 16,3,4,16–18; 14, с. 27, рис. 35,5–8; 12, с. 51, рис. 5,4,5; 62, S. 111, Taf. 64,2].

Нередки находки бронзовых колец, концы которых расплющены и соединены внахлест с помощью заклепки (рис. 5,16). Это детали конской сбруи, довольно широко распространенные в позднесарматской культуре [см., напр.: 6, с. 137, рис. 2,11,12; 21, с. 102, рис. 58,5; 35, с. 238, рис. 3,3; 20, с. 213, рис. 6,7; 7,7]. В. Ю. Малашев отнес их к типу 8 предметов конской сбруи (С8) и датировал преимущественно первой половиной III в. [29, с. 198, 208, 209], что полностью подтверждается крымскими материалами.

Деталими конской сбруи часто служили железные, бронзовые и серебряные пряжки, наконечники ремней, накладки на ремень, обоймы. В Крыму их найдены многие сотни. Морфологически они ничем не отличаются от деталей одежды людей.

В целом следует отметить, что описанные выше детали конской сбруи и морфологически, и стилистически, и хронологически полностью соответствуют сарматским степным образцам.

Многочисленные аналогии в подкурганных сарматских памятниках свидетельствуют о постоянных контактах жителей крымских предгорий с населением степных районов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Можно утверждать, что сбруя верхового коня на огромных, заселенных сарматами территориях, в среднесарматское и в позднесарматское время была практически одинакова. В то же время, уже довольно давно подмечено, что снаряжение, которое подбирали своему коню едва ли не каждый всадник, отличалось незначительными индивидуальными особенностями [34, с. 76; 5, с. 110]. Они выражались: а) в различных сочетаниях общих для всей культуры элементов сбруи; б) в использовании редких или даже уникальных вещей; в) в конструктивных или орнаментальных отличиях одинаковых, в принципе, артефактов. Со стороны эти отличия были, вероятно, не особенно заметны, и в глазах окружающих все кони выглядели снаряженными примерно одинаково.

В Альфельде в нескольких пунктах найдены однотипные железные удила, состоящие из соединенных между собой грызл с загнутыми концами. Как правило, в концы удил были вставлены кольца. Такие находки были сделаны в погребении, открытом под церковью в Хевиздьерке / Hévizgyörk [57, s. 156, tabl. 15] (рис. 6,1), в могиле № 500 могильника Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok [61, s. 146, tábl. 108,1–3] (рис. 7,1), в могиле № 10 могильника Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát [67, s. 274, tabl. III,28] (рис. 6,6), в могиле № 30 могильника Сентеш-Шаргапарт / Szentessárgapart [64, s. 135, taf. XIX,2–4] (рис. 6,2), в погребении из Гестереда / Geszteréd [64, s. 195, taf. LXXXVIII,3] (рис. 6,4). Еще две пары удил обнаружены при исследовании дома 7 на поселении V в. н. э. Тисавашвари-Варошфелдье, Йедзьё-таг / Tiszavasvári-Városhely, Jegyző-tag [58, p. 181, 182, pl. XLII,3; XLIII] (рис. 6,3,5). Такие же удила были найдены у с. Уйхартьян в погребении, в 1960-е годы неверно атрибутированном И. Боной как гепидское [56, s. 193, 1 kép. 2; 2 kép. 3]. По нынешним понятиям, комплекс относится к группе Тисадоб, в могильниках которой перемежаются сарматские и германские черты [59].

По размерам колец, вставленных в концы удил, находки из Альфельда распадутся на две группы: с большими и малыми кольцами. Отличие в размерах колец свидетельствует об использовании разных техник управления конем [58, p. 182]. Тем не менее, конструкция удил простейшая, как уже говорилось, она принципиально не изменилась вплоть до настоящего времени. Вероятно поэтому исследователи высказывали разные мнения о происхождении удил, найденных в Альфельде. И. Диньеш рассматривал удила из Хевиздьерка / Hévizgyörk как отражение римского влияния на сарматов [57, p. 175], соглашаясь с И. Бона, который полагал, что удила с большими кольцами появились в Западной Европе в раннем железном веке и были принесены на территорию нынешней Венгрии кельтами. О степном влиянии они не

свидетельствуют [57, p. 198]. Однако и на сарматских территориях удила с большими кольцами известны [58, p. 181–182].

При сравнении с сарматскими удилами бросается в глаза отсутствие зажимов на кольцах. Таковые имеются только на удилах из Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok, да и то, только по одному зажиму на кольце вместо обычных двух.

В одном комплексе с удилами находят иногда предметы, которые могли использоваться как детали конской сбруи. В погребении в Хевиздёрке / Hévizgyörk обнаружено бронзовое кольцо, концы которого расплющены и соединены внахлест с помощью заклепки (рис. 7,5), а также, предположительно, подпружная пряжка (рис. 7,6) [57, s. 156, tabl. 14, 18, 19], в Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok – девять полусферических бляшек (рис. 7,7) [61, s. 146, tábl. 109,7–15], в Хортобадь-Порошхате / Hortobágy-Poroshát – железные накладки на ремень (рис. 7,8) [67, s. 274, tabl. III,29–34]. Такие же вещи сарматы часто использовали в качестве конструктивных деталей или украшений конской сбруи, но они применялись и в одежде людей, для крепления и украшения ножен мечей, а также деревянных, обтянутых кожей изделий.

В двух случаях изделия, которые, судя по восточноевропейским аналогиям, могли использоваться в конской сбруе, найдены в погребениях, где другие детали конского снаряжения отсутствовали. В погребении Тисалёк-Разомпуста / Tiszalök-Rázompusztá оказалось железное кольцо с зажимом (рис. 5,17) [60, p. 91, 106, fig. 4,4], а в могильнике Галгахевиз-Моноштори / Galgahéviz-Monostori – два бронзовых кольца (рис. 7,9,10) [64, s. 207, taf. LXXXVIII,22,25].

Наиболее полный набор металлических деталей конской сбруи собран в курганах Визешдпуста / Vizeds-Pusztá (современное название Визежда / Vizejdia). В целом, он соответствует представлениям о сарматской сбруе, сложившимся в результате изучения находок, сделанных в Восточноевропейской степи. Конкретно с Крымом его связывают кольца с зажимами (рис. 5,17) [66, Abb. 1,15,16] и, особенно, наконечники ремней (рис. 5,18) [66, Abb. 1,13,14]. Если кольца с зажимами, как уже неоднократно говорилось, характерны для всего позднесарматского ареала, то наконечники ремней представляют собой очень редкий тип. Они состоят из лицевой секировидной пластины и тыльной пластины, повторяющей форму лицевой. Между пластинами зажимался ремень, крепившийся с помощью одной заклепки. Четыре наконечника, аналогичные найденным в Визешдпуста / Vizeds-Pusztá, обнаружены в могиле первой половины III в. № 300 могильника Нейзац в Крыму (рис. 5,19,20,21) [50, с. 67, рис. 4,2–5].

На основании анализа комплексов из Визешдпуста / Vizeds-Pusztá и Хевиздёрка / Hévizgyörk, сравнения их с Восточноевропейскими материалами сделан вывод о вторжении сарматских всадников во второй половине II в. н. э. в Альфельд и об участии их в Маркоманских войнах [26, с. 66, 70].

Сравнение деталей конской сбруи, найденных в Альфельде и в Крыму, показывает следующее. В Крыму таких находок сделано несравненно больше, и они гораздо разнообразнее. Сарматы, жившие в Альфельде, не использовали или почти не использовали различные виды псалиев, подвесок, бляшек, а также налобники и

конские ошейники, широко представленные в Крыму. Впрочем, не исключено, что малое число находок деталей конской сбруи в Альфельде объясняется особенностями погребальных обрядов населявших этот регион сарматов.

Однотипны удила, использовавшиеся в обоих регионах. Однако имеется и существенное различие. В Крыму на кольца удил надевали парные зажимы, удерживавшие ремни повода и оголовья. На территории Венгрии зажимы обнаружены только в могильнике Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok, причем по одному на кольце. Наряду с отсутствием псалиев, это явное свидетельство того, что альфельдские сарматы управляли конем не так, как крымские.

Обнаруженные в Альфельде немногочисленные кольца с зажимами, полусферические бляшки, железные накладки на ремень, бронзовые кольца и бронзовое кольцо, концы которого расплющены и соединены внахлест с помощью заклепки, возможно, использовавшиеся в конской сбруе, такие же, как в Крыму. Однако они не демонстрируют сепаратных связей между Крымом и Альфельдом. Однотипные изделия были распространены на всех территориях, заселенных сарматами. Только пара секировидных наконечников ремней из Визешдпусты / Vizesd-Pusztá имеет точную и, кажется, единственную аналогию именно в Крыму. Набор деталей конской сбруи из Визешдпусты / Vizesd-Pusztá, как уже отмечалось, заметно отличается от других находок из Альфельда. Он, вероятно, принадлежал всаднику, прибывшему из Восточноевропейской степи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 3–31.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.
3. Антипенко А.В. Типология псалий I–IV вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 84–109.
4. Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 175–186. (Труды ГИМ. Вып. 118).
5. Безуглов С.И. Позднесарматское захоронение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. С. 103–115.
6. Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону / Ред. В.Я. Кияшко. Азов, 1997. Вып. 14. С. 133–142.
7. Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый 1). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 128 с.
8. Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1. С. 175–191.
9. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганый могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 186 с. (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 2).
10. Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. 224 с. (Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. 1. Т. 2).

11. Веймарн Е.В. Археологичні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 15–89.
12. Ворошилов А.Н. Воинское захоронение с плетью из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 7, вып. 4 / Ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 39–55.
13. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 256–273.
14. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
15. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1984.
16. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: В 2-х т. М.: Государственный исторический музей, 2016. 272 с.
17. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
18. Гущина И.И., Мошкова М.Г. Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии / Ред. А.И. Мелюкова. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. С. 26–47.
19. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с. (САИ. Вып. Д1–7).
20. Демиденко С.В. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 195–221.
21. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Сонат, 1997. С. 102–116.
22. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь 2 в. н. э. у центральных ворот Неаполя скифского // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 81–108.
23. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
24. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994. 220 с.
25. Кузнецов В. А. Погребения III в. из Кисловодска // СА. 1990. № 2. С. 251–256.
26. Кульчар В. Новые аспекты этнического определения сарматских погребений из Хевиздерка // Донская археология. 2000. № 1. С. 64–71.
27. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.
28. Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматское погребение на реке Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 183–192.
29. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, Гэфест, 2000. С. 194–232.
30. Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
31. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная лит-ра, 2008. 365 с.
32. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1996. 336 с.
33. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 220 с.
34. Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 71–76.

35. Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1 / Ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2001. С. 236–249.
36. Мульд С.А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 51–67.
37. Мульд С.А., Масякин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки в Крыму // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 5–31.
38. Пуздровский А.Е. Погребение Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма / Ред. И.И. Гушина, Д.В. Журавлев. М., 2001. С. 122–140. (Труды ГИМ. Вып. 118).
39. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
40. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История, 2010. 328 с.
41. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. 149 с.
42. Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 172–181.
43. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1959. 180 с.
44. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам некрополя Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
45. Тайна золотой маски. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2009. 204 с.
46. Флеров В.С., Малашев В.Ю. Сбруйный набор III в. из могильника Клинь-Яр III (Кисловодск) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 11–18.
47. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
48. Храпунов И.Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 104–118.
49. Храпунов И.Н. Погребение воина 2 в. н.э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
50. Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 61–79.
51. Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Доля, 2011. 72 с.
52. Храпунов И.Н. Погребения II в. н.э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2015. № 1. С. 216–240.
53. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. 2004. Вып. VII. С. 299–326.
54. Шаров О.В. О конских погребениях большого кургана Васюринской горы // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXII. С. 283–323.
55. Шульц П.Н. Исследования Неаполя скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма / Ред. П.Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 61–93.
56. Bóna I. Az újhartyáni germán sír [Погребение всадника в с. Уйхартян. Das germanische Reitergrab von Újhartyán] // Archaeologiai Értesítő. 1961. No. 88. P. 192–209.
57. Dinnyés I. A hévízgyörki szarmata sírok [Sarmatian graves from Hévízgyörk] // Régészeti tanulmányok Pest megyéből. Studia Comitatus. 1991. No. 22. P. 145–201.
58. Istvánovits E. Tiszavasvári-Városföldje, Jegyző-tag. A settlement of the 5th century // A nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 1999. No. 41. P. 173–254.
59. Istvánovits E. Das Gräberfeld aus dem 4-5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1993. XLV. P. 91–146.

60. Istvánovits E., Kulcsár V., v. Carnap-Bornheim C. The barbarian warrior burial from Tiszalök-Rázompuszta in the 3rd century history of the Upper Tisza Region // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2006. No. 36. P. 91–110
61. Kőhegyi M., Vörös G. Madaras-Halmok. Kr. u. 2–5. századi szarmata temető. Szeged, 2011. 146 p.
62. Maćzyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 180 S.
63. Muld S. Die Nekropole von Levadki // *Die Krim. Golden Insel im Schwarzen Meer. Griechen–Scythen–Goten*. Bonn, 2013. S. 324–331.
64. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns III // *Archaeologica Hungarica*. 1950. XXX. 207 p.
65. Šarov O. Ein reiches Pferdegeschirr fus Kerč // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Her. C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg, 1994. S. 417–427.
66. Vaday A. Beitrag zum Fund von Vizesd-puszta // *Folia Archaeologica*. 1986. No. 37. P. 197–221
67. Zoltai L. Die Hügelgräber der römischen Kaiserzeit in Hortobágy. Budapest, 1941. 274 p.

REFERENCES

1. Abramova M.P. Pamyatniki gornyykh rayonov Tsentral'nogo Kavkaza rubezha i pervyykh vekov nashey ery. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy*, Moscow, 1974, pp. 3–31.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Rannie komplekсы mogil'nika u s. Luchistoe v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 274–311.
3. Antipenko A.V. Tipologiya psalii I–IV vv. n. e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ia). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 84–109.
4. Akhmedov I.R., Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. Bogatoye pogrebenie II v. n. e. iz mogil'nika Bel'bek IV. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. (Eds.), *Pozdnie skify Kryma*, Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 2001, pp. 175–186.
5. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskoye zakhronenie znatnogo voyna v stepnom Podon'e. *Sovetskaya arkheologiya*, 1988, No. 4, pp. 103–115.
6. Bezuglov S.I. Voinskoye pozdnesarmatskoye pogrebenie bliz Azova. Kiiashko V.Ia. (Ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu*, Azov, 1997, Vol. 14, pp. 133–142.
7. Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)*. Rostov-na-Donu, Media-Polis Publ., 2009, 128 p.
8. Bepalyi E.I. Kurgan sarmatskogo vremeni u g. Azova. *Sovetskaya arkheologiya*, 1992, No. 1, pp. 175–191.
9. Bepalyi E.I., Bepalaya N.E., Raev B.A. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik «Valovyy I»*. Rostov-na-Donu, Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN Publ., 2007, 186 p.
10. Bepalyi E.I., Luk'iashko S.I. *Drevnee naselenie mezhdurech'ia Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Novoaleksandrova*. Rostov-na-Donu, Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN Publ., 2018, 224 p.
11. Veimarn E.V. Arkheologichni roboti v raioni Inkermana. *Arkheologichni pam'iatki URSR*, Kiev, 1963, T. XIII, pp. 15–89.
12. Voroshilov A.N. Voinskoye zakhronenie s plet'iu iz Fanagorii. Kuznetsov V.D., Zavoikin A.A. (Eds.), *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*, T. 7, vol. 4, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2018, pp. 39–55.
13. Vysotskaya T.N. Sklepy mogil'nika Sovkhoz 10 (Sevastopol'skii): problemy etnosa i khronologii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 256–273.
14. Gabuev T.A., Malashev V.Iu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza*. Moscow, Taus Publ., 2009, 468 p.

15. Gudkova A.V., Fokeev M.M. *Zemledel'tsy i kochevniki v nizov'iakh Dunaia I–IV vv. n. e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1984.
16. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*: in 2 vol. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 2016, 272 p.
17. Gushchina I.I., Zasetkaia I.P. «*Zolotoe kladbishche*» *Rimskoi epokhi v Prikuban'e*. St-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
18. Gushchina I.I., Moshkova M.G. Kurgany u s. Khar'kovka v Zavolzh'e (raskopki B.N. Grakova i P.S. Rykova v 1925, 1926 gg.). Meliukova A.I. (Ed.), *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii*, Moscow, Institut arkheologii AN SSSR Publ., 1990, pp. 26–47.
19. Dashevskaia O.D. *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.
20. Demidenko S.V. Voinskoe pogrebenie s paradnoi konskoi upriazh'iu pozdnesarmatskogo vremeni v basseine reki Kurmoiarskii Aksai. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, 2016, Vol. 244, pp. 195–221.
21. Zaitsev Iu.P. Okhrannye issledovaniia v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisaraiskom raionakh. Kutaisov V.A. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. 1994 god, Simferopol, Sonat Publ., 1997, pp. 102–116.
22. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. Elitnyi nekropol' 2 v. n. e. u tsentral'nykh vorot Neapolia skifskogo. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Eds.), *Drevniaia Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 81–108.
23. Zasetkaia I.P. Materialy Bosporskogo nekropolia vtoroi poloviny IV – pervoi poloviny V vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 23–105.
24. Zasetkaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuuu epokhu*. St-Petersburg, 1994, 220 p.
25. Kuznetsov V. A. Pogrebeniia III v. iz Kislovodska. *Sovetskaia arkheologiia*, 1990, No. 2, pp. 251–256.
26. Kul'char V. Novye aspekty etnicheskogo opredeleniia sarmatskikh pogrebenii iz Khevizderka. *Donskaia arkheologiia*, Rostov-on-Don, 2000, No. 1, pp. 64–71.
27. Loboda I.I. Raskopki mogil'nika Ozernoie III v 1963–1965 gg. *Sovetskaia arkheologiia*, 1977, No. 4, pp. 236–252.
28. Maksimenko V.E., Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskoe pogrebenie na reke Bystroi. *Sovetskaia arkheologiia*, 1987, No. 1, pp. 183–192.
29. Malashev V.Iu. Periodizatsiia remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni. Guguev Iu.K. (Ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*, Rostov-on-Don, Terra, Gefest Publ., 2000, pp. 194–232.
30. Malashev V.Iu. *Pamiatniki srednesarmatskoi kul'tury severokavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroi poloviny II – serediny V v. n. e.* Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2016, 208 p.
31. Malashev V.Iu., Iablonskii L.T. *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2008, 365 p.
32. Marchenko I.I. *Siraki Kubani*. Krasnodar, Kubanskii Universitet Publ., 1996, 336 p.
33. Medvedev A.P. *Sarmaty v verkhov'iakh Tanaisa*. Moscow, Taus Publ., 2008, 220 p.
34. Moshkova M.G. Dva pozdnesarmatskikh pogrebeniia v gruppe «Chetyre brata» na nizhnem Donu. *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy*, Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 71–76.
35. Moshkova M.G. Sbruinye nabory iz pozdnesarmatskikh pogrebenii Lebedevskogo mogil'nika (Zapadnyi Kazakhstan). Sergatskov I.V. (Ed.), *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei*, Vol. 1, Volgograd, Volgogradski universitet Publ., 2001, pp. 236–249.
36. Mul'd S.A. Pozdnesarmatskoe pogrebenie v Tsentral'nom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 51–67.
37. Mul'd S.A., Masiakin V.V. Pozdneskifskii sklep № 20 mogil'nika u s. Levadki v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 5–31.

38. Puzdrovskii A.E. Pogrebenie Bitakskogo mogil'nika pervykh vekov n. e. s oruzhiem i konskoi uzdoi. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. (Eds.), *Pozdnie skify Kryma*, Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 2001, pp. 122–140.
39. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
40. Simonenko A.V. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia*. St-Petersburg, Nestor–Istoriia Publ., 2010, 328 p.
41. Skripkin A.S. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery*. Saratov, Saratovski universitet Publ., 1984, 149 p.
42. Skripkin A.S. Pogrebal'nyi kompleks s uzdechnym naborom iz Kotlubani i nekotorye voprosy etnicheskoi istorii sarmatov. *Sovetskaia arkheologiya*, 1989, No. 4, pp. 172–181.
43. Solomonik E.I. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1959, 180 p.
44. Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam nekropolia Neapolia skifskogo)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 173 p.
45. *Taina zolotoi maski*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2009, 204 p.
46. Flerov V.S., Malashev V.Iu. Sbruiny nabor III v. iz mogil'nika Klin-Iar III (Kislovodsk). Evglevskii A.V. (Ed.), *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, T. 1, Donetsk, Donetskii universitet Publ., 2000, pp. 11–18.
47. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery)*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002, 313 p.
48. Khrapunov I.N. Sklep III v. n. e. iz mogil'nika Neizats. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2006. Vol. XVI/1, pp. 104–118.
49. Khrapunov I.N. Pogrebenie voina 2 v. n.e. iz mogil'nika Opushki. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Eds.), *Drevniaia Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 115–124.
50. Khrapunov I.N. Nakonechniki remnei iz mogil'nika Neizats. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 61–79
51. Khrapunov I.N. *Sklep s pogrebeniiami III–IV vv. n. e. iz mogil'nika Neizats*. Simferopol, Dolia Publ., 2011, 72 p.
52. Khrapunov I.N. Pogrebeniia II v. n.e. iz mogil'nika Neizats. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2015, No. 1, pp. 216–240.
53. Khrapunov I.N., Mul'd S.A. *Sklepy s pogrebeniiami III v. n. e. iz mogil'nika Neizats. Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2004, Vol. VII, pp. 299–326.
54. Sharov O.V. O konskikh pogrebeniiax bol'shogo kurgana Vasiurinskoii gory. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2009, Vol. XXII, pp. 283–323.
55. Shul'ts P.N. Issledovaniia Neapolia skifskogo (1945–1950 gg.). Shul'ts P.N. (Ed.), *Istoriia i arkheologiya drevnego Kryma*, Kiev, Akademia Nauk USSR Publ., 1957, pp. 61–93.
56. Bóna I. Az újhartyáni germán sír [Das germanische Reitergrab von Újhartyán]. *Archaeologiai Értesítő*, 1961, No. 88, pp. 192–209.
57. Dinnyés I. A hévízgyörki szarmata sírok [Sarmatian graves from Hévízgyörk]. *Régészeti tanulmányok Pest megyéből. Studia Comitatus*, 1991, No. 22, pp. 145–201.
58. Istvánovits E. Tiszavasvári–Városföldje, Jegyző-tag. A settlement of the 5th century. *A nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve*, 1999, No. 41, pp. 173–254.
59. Istvánovits E. Das Gräberfeld aus dem 4-5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1993, XLV, pp. 91–146.
60. Istvánovits E., Kulcsár V, v. Carnap-Bornheim C. The barbarian warrior burial from Tiszalök-Rázompusztá in the 3rd century history of the Upper Tisza Region. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 2006, No. 36, pp. 91–110
61. Kőhegyi M., Vörös G. *Madaras-Halmok. Kr. u. 2–5. századi szarmata temető*. Szeged, 2011, 146 p.

62. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, 180 p.
63. Muld S. Die Nekropole von Levadki. *Die Krim. Golden Insel im Schwarzen Meer. Griechen–Scythen–Goten*, Bonn, 2013, pp. 324–331.
64. Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns III. *Archaeologica Hungarica*, 1950, XXX, 207 p.
65. Šarov O. Ein reiches Pferdegeschirr fus Kerč. C. von Carnap-Bornheim (Hrs.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 417–427.
66. Vaday A. Beitrag zum Fund von Vizeds-pusztá. *Folia Archaeologica*, 1986, No. 37, pp. 197–221
67. Zoltai L. *Die Hügelgräber der römischen Kaiserzeit in Hortobágy*. Budapest, 1941, 274 p.

I. N. KHRAPUNOV^{a)}, E. ISTVÁNOVITS^{b)}, V. KULCSÁR^{c)}, A. A. STOYANOVA^{d)}

a) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

b) Jósza András Museum (Nyíregyháza, Hungary)

c) University of Szeged (Szeged, Hungary)

d) Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

HORSE TACK FROM THE SARMATIAN PERIOD IN THE CRIMEA AND ALFÖLD

Abstract: The Crimean peninsula and the part of the Carpathian basin known as Alföld were southern and western borderlands of the area where Sarmatian tribes lived. In both countries, horse-riding Sarmatians met settled populations. In contrast to other regions populated with the Sarmatians, in the Crimea and Alföld there was sedentarization of those who recently had been nomads. Regarding methodology, it would be interesting to trace common and specific features of cultures that shaped in faraway countries among different tribes which were parts of common Sarmatian unity, when they turned to settled life under different geographical conditions and in different ethnic environment. This research would better be done as a complex study addressing various elements of culture. The case addressed in this paper discusses horse tack as an inalienable part of culture of any nomads and the Sarmatians in particular. The comparison of horse tack elements discovered in Alföld and the Crimea allows the following conclusions. In the Crimea, the number of such finds is much bigger, and they are much more varied. Horse bits occurring in both regions belong to the same type. However, there is an important difference. In the Crimea, bit rings held paired clamps carrying straps of reins and head-gear. In the territory of modern Hungary, such clamps appeared only in the cemetery of Madaras-Halmok, by one on a ring. Besides the absence of cheek-pieces, it makes a clear evidence that the Sarmatians from Alföld drove the horse in an alternative way in comparison with Crimean Sarmatians. There are finds from Alföld which were possibly used in horse tack, such as a few rings with clamps, hemispherical badges, iron belt fittings, bronze rings, and a bronze ring with hammered overlapping ends riveted together. They are identical with the artefacts discovered in the Crimea. However, they did not indicate separate connections of the Crimea and Alföld. There were artefacts of the same types distributed in all the areas populated with Sarmatians. Only the pair of double-axe-shaped strap-ends from Vizeds-Pusztameets meets with exact and seemingly the only analogy in the Crimea. The set of elements of horse tack from Vizeds-Pusztá greatly differs from other finds in Alföld. It probably belonged to a horse-rider who came from Eastern European steppe.

Key words: Crimea, Hungary, Sarmatians, horse tack.

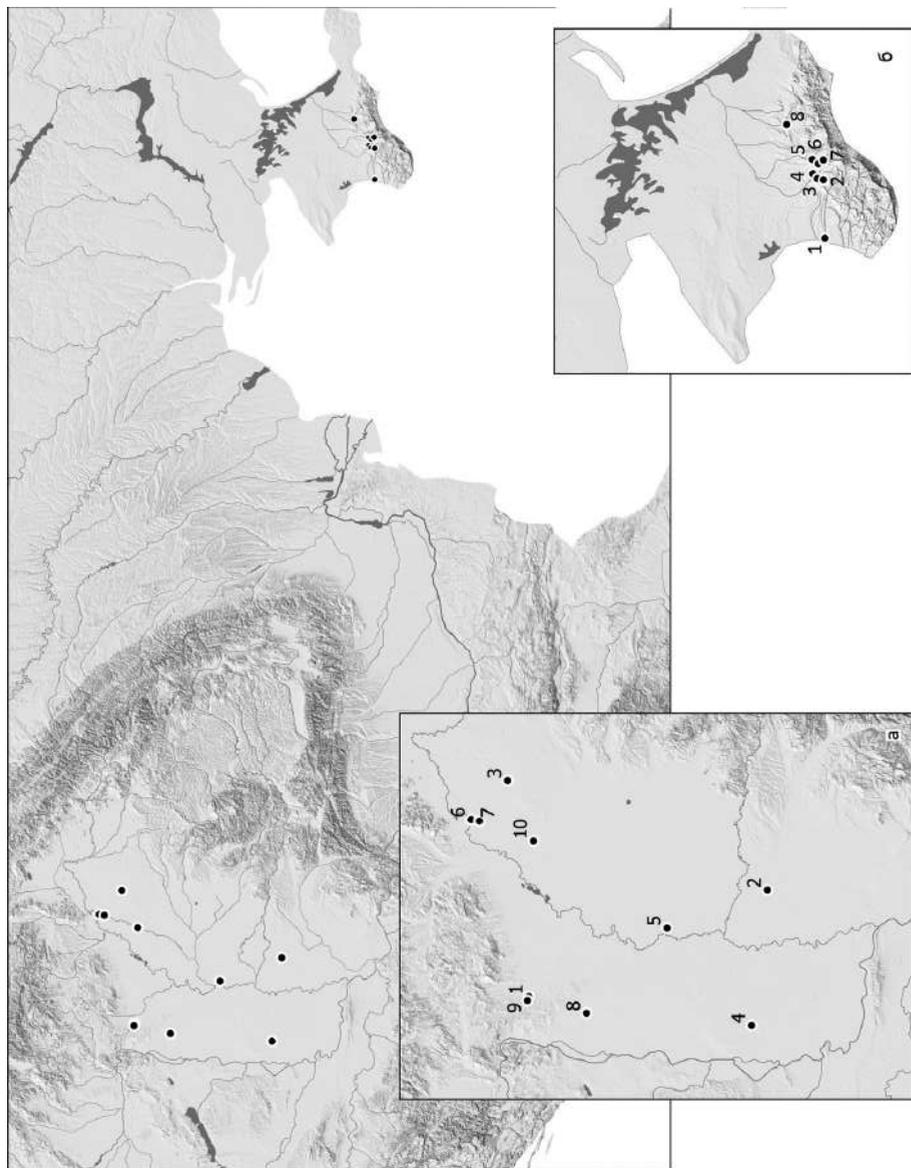

Рис. 1. Карта памятников Крыма и Альфельда, упомянутых в статье. А: 1 – Визешдлушта / Vizesfpuszta; 2 – Галлахевиз / Galgahévíz; 3 – Гестерд / Geszteréd; 4 – Мадараш / Madaras; 5 – Сентеш / Szentés; 6 – Тисалёк / Tiszalök; 7 – Тисавашвари / Tiszavasvári; 8 – Уйхартьян / Újhartyan; 9 – Хевиздъёрк / Hévízgyörok; 10 – Хортобадь–Порошхат / Hortobágy–Poroshát.

Б: 1 – Усть-Альма; 2 – Левадки; 3 – Неаполь скифский; 4 – Бигтак; 5 – Нейзац; 6 – Олушки; 7 – Дружное; 8 – Мичурино

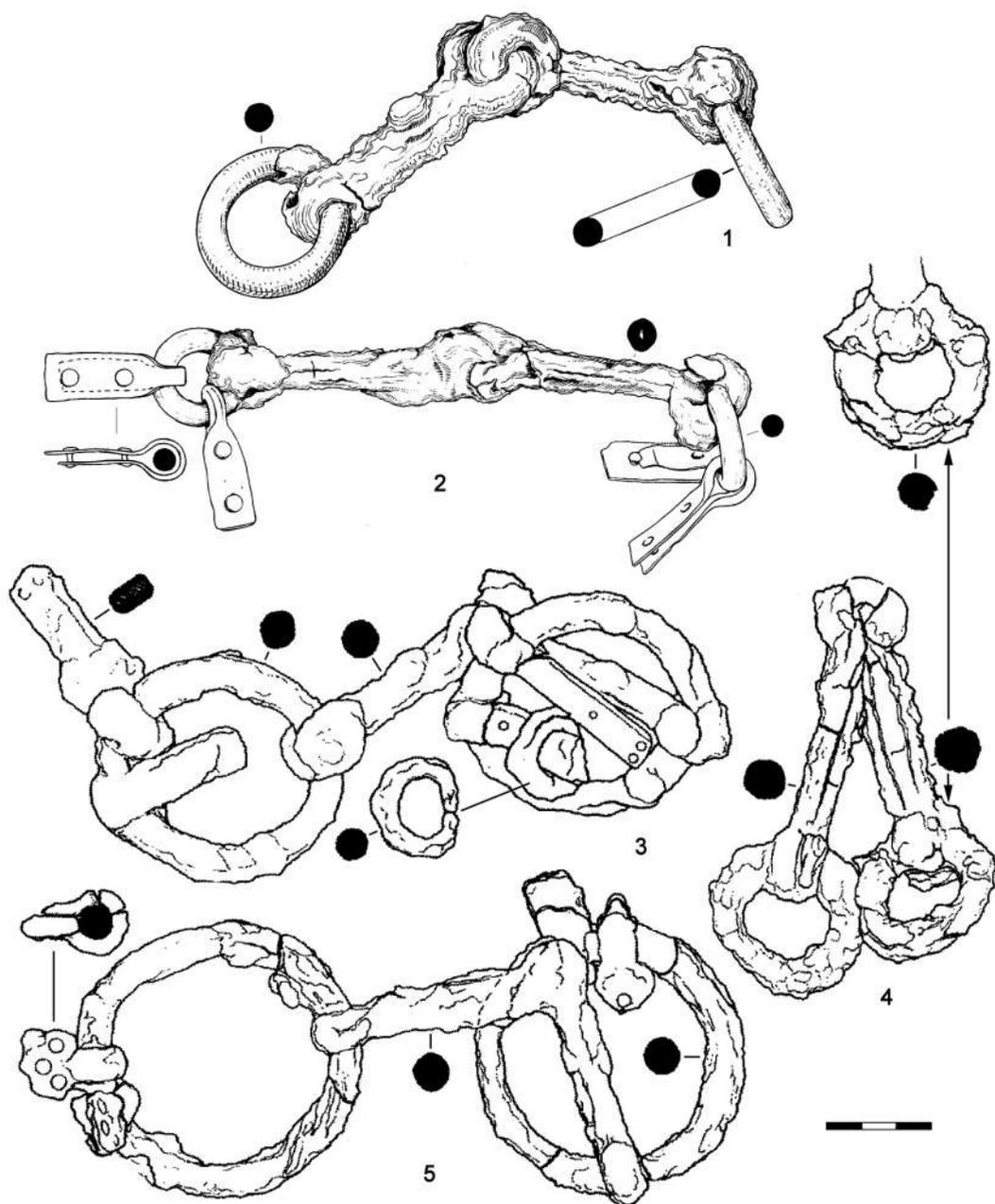

Рис. 2. Удила из могильника Нейзац

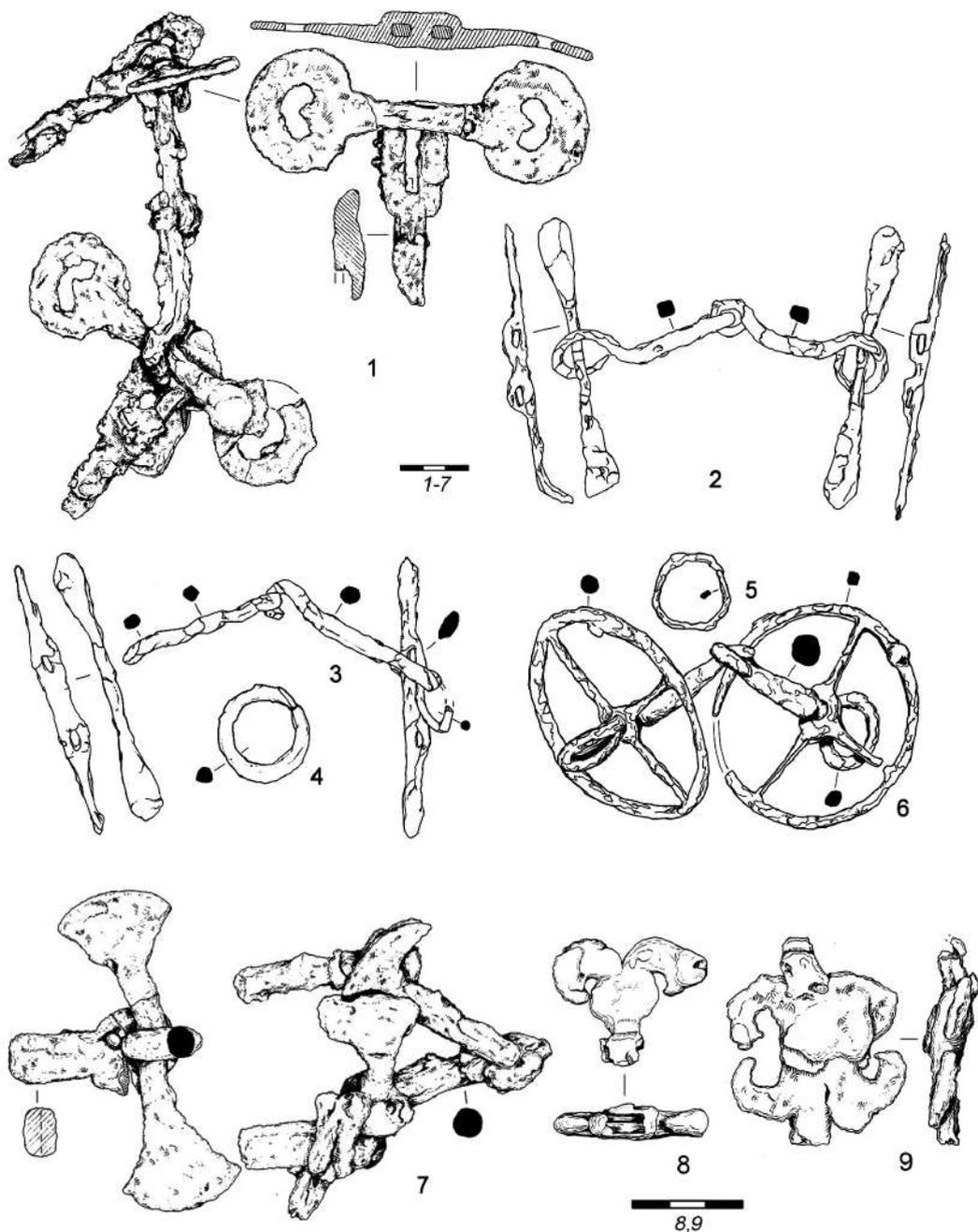

Рис. 3. Удила и псалии из могильника Нейзац (1–7), налобники из могильников Опушки (8) и Нейзац (9)

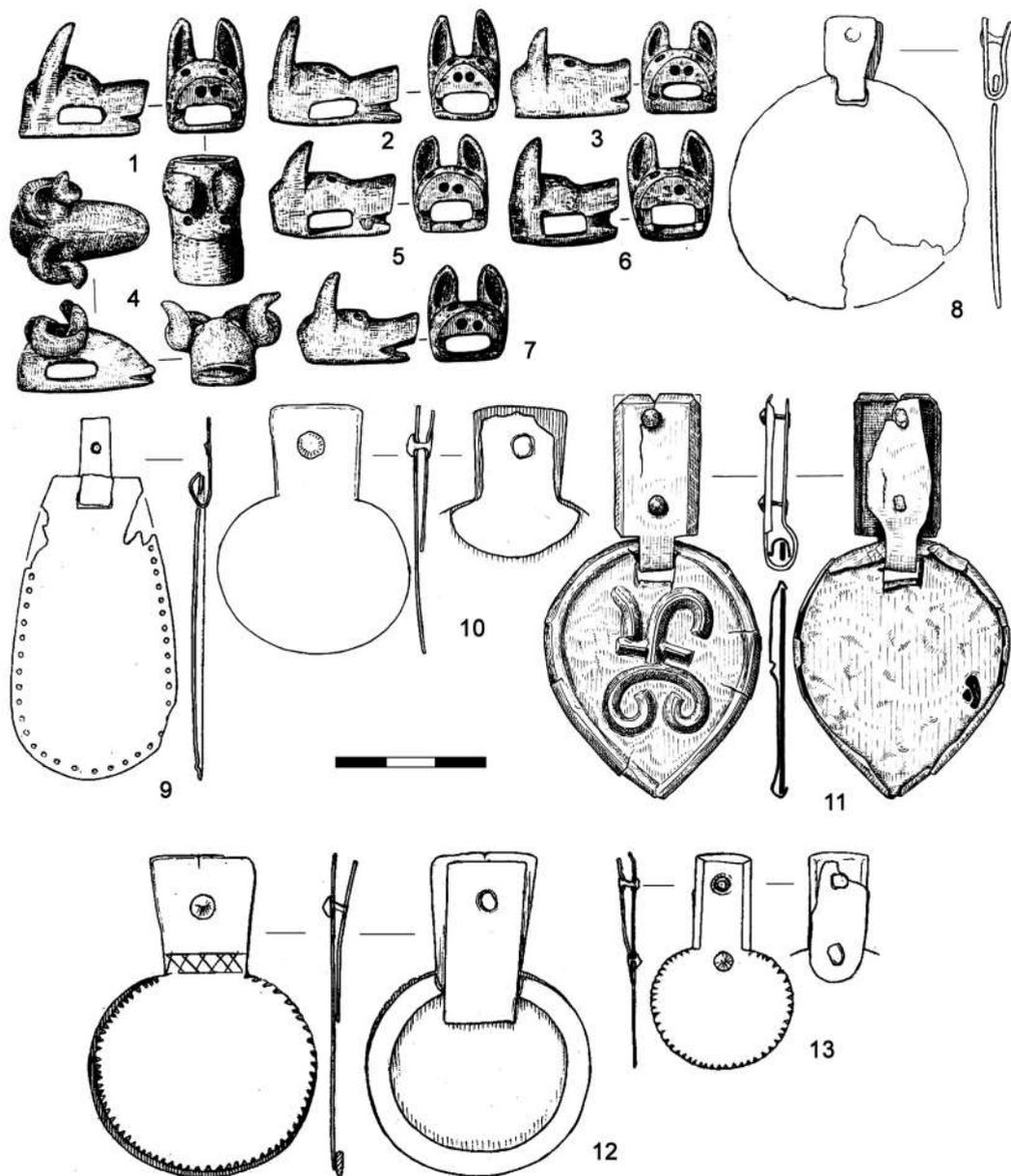

Рис. 4. Пронизи (1–7) и подвески (8–13) из могильника Нейзац

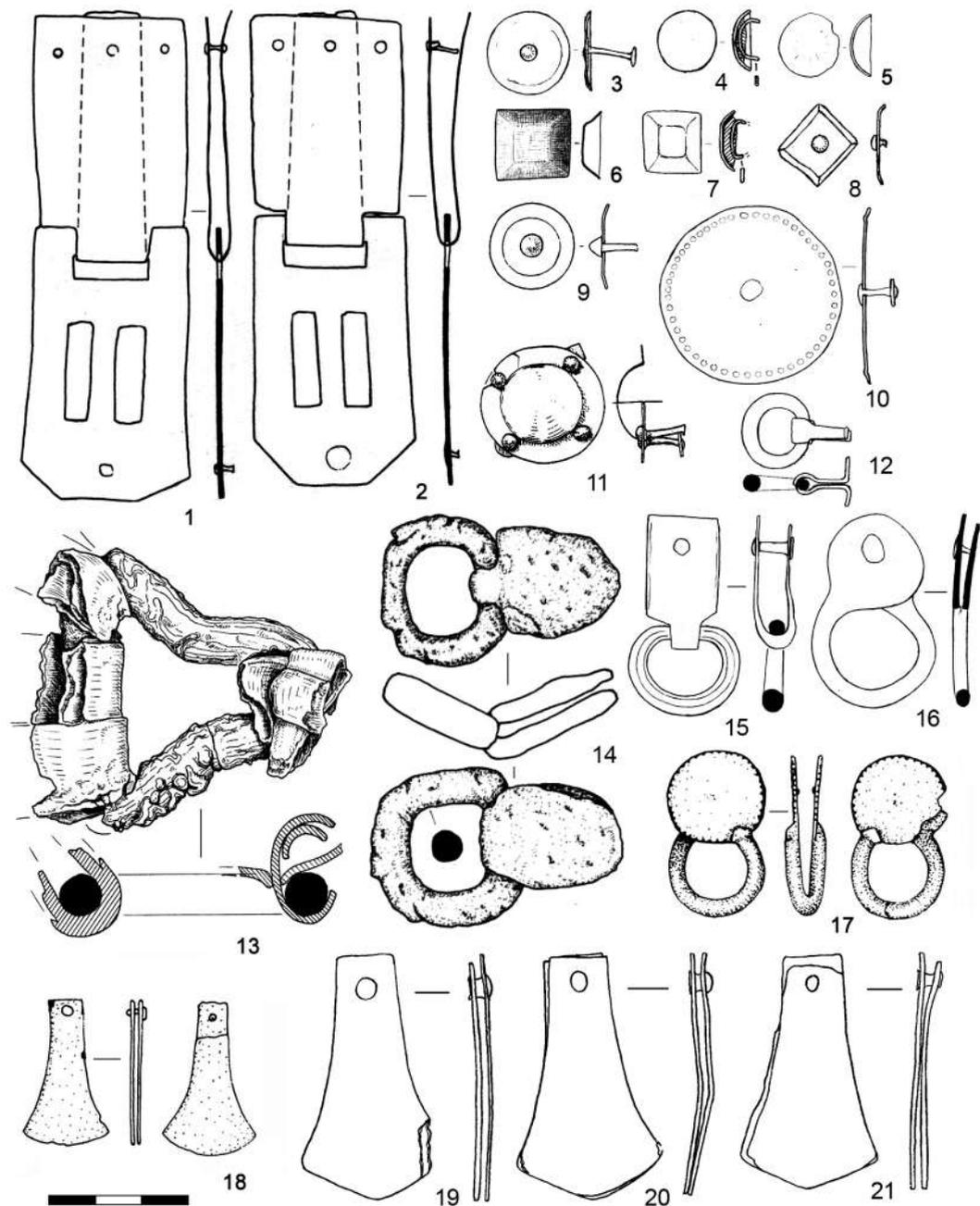

Рис. 5. Детали конской сбруи из могильников Нейзац (1–13, 15, 16, 19–21), Тисалёк / Tiszalök (14), Визешдпушта / Vizesdpuszta (17, 18)

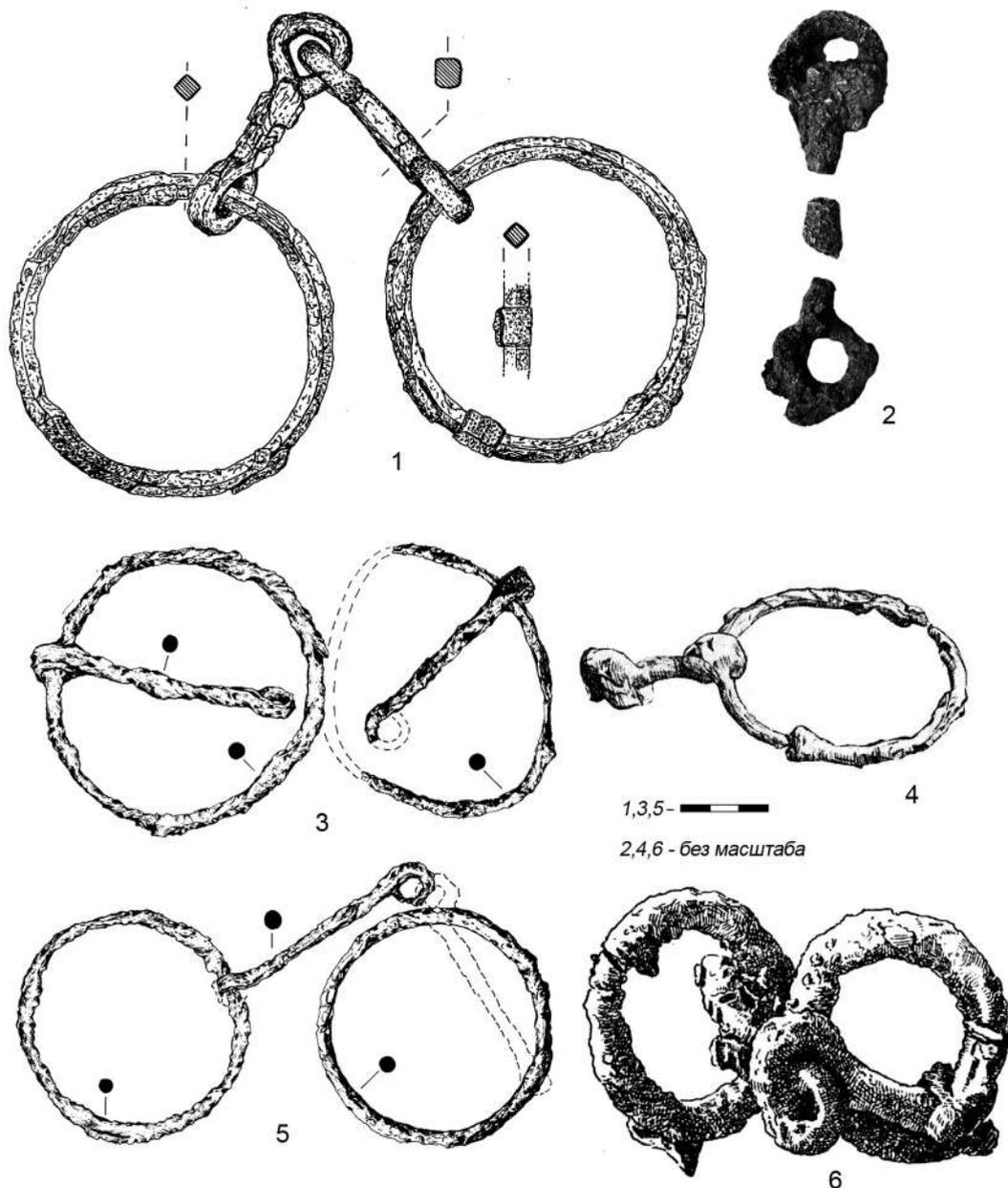

Рис. 6. Детали конской сбруи из могильников Хевиздърк / Hévízgyörk (1), Тисавашвари / Tiszavasvári (3, 5), Сентеш / Szentes (2), Гестеред / Geszteréd (4), Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát (6)

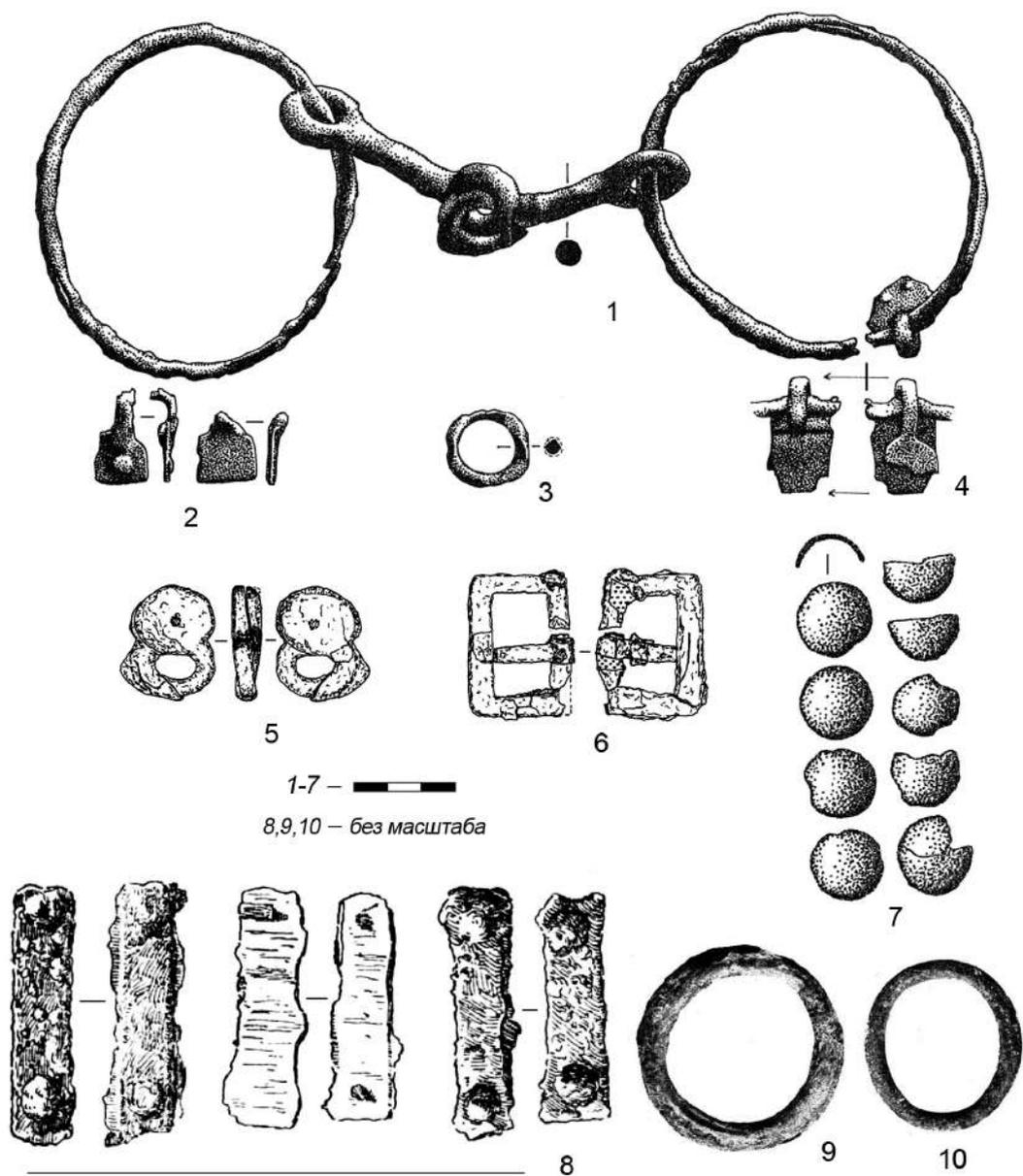

Рис. 7. Детали конской сбруи из могильников Мадараш / Madaras (1–4, 7), Хевиздьёрк / Hévízgyörk (5, 6), Хортобадь–Порошхат / Hortobágy–Poroshát (8), Галгахевиз / Galgahévíz (9, 10)

А. А. ТРУФАНОВ

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ПЕРСТНИ С ЭМАЛЕВЫМИ ВСТАВКАМИ ИЗ ВАРВАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КРЫМА

Аннотация: Бронзовые перстни с украшенными эмалью щитками входят в круг вещей, распространенных на территории римских провинций и являющихся составной частью провинциально-римской материальной культуры. В статье рассматриваются находки таких изделий, выявленные в погребениях варварских могильников Крымского полуострова. На основании формальных отличий среди них выделяются перстни 5 вариантов. Перстни с эмалью обнаружены в захоронениях, датирующихся в пределах II в. и второй половины II – первой половины III в. Исходя из этих датировок, попадание перстней с эмалью в крымские погребения, по крайней мере, с середины II в., сомнений не вызывает. Однако предположение о появлении изделий этого типа в более раннее время (в конце I – первой половине II в.) нуждается в дополнительных доказательствах.

Ключевые слова: Крым, могильники, погребения, перстни, эмалевые вставки, хронология.

Включение Северного Причерноморья в сферу интересов Римской империи способствовало распространению на этой территории изделий провинциально-римского производства. К их числу, среди прочего, относят бронзовую посуду и фибулы, аналогичные находкам из римских провинций. Такие изделия поступали не только к варварскому населению данного региона, находившемуся в прямых контактах с античными городами, но и к варварам, проживавшим на довольно значительном удалении.

Начиная с I в. н. э. в элитных варварских погребениях Крыма появляется римская бронзовая посуда, а в захоронения рядовых жителей попадают многочисленные фибулы западноевропейских типов. В это же время здесь значительно возрастает количество импортной краснолаковой посуды и различных мелких бронзовых изделий. В частности, обыденными украшениями становятся металлические перстни. В могильниках варварского населения Крыма второй половины I – IV в. они исчисляются сотнями.

Среди этих находок выделяется группа изделий, обладающих формальным и технологическим сходством с вещами, распространенными в римских провинциях. Это бронзовые перстни со щитками, украшенными цветной эмалью. Они представляют собой изделия с круглым (реже – овальным) щитком и тонкой шинкой, украшенной выступами по бокам от щитка. Шинка уплощенная изнутри и выпуклая снаружи, углубление на внешней поверхности щитка заполнено эмалью.

Учтено 29 экземпляров целых и фрагментированных перстней, украшенных эмалью, происходящих из 22 комплексов Юго-Западного и Центрального предгорного Крыма. Значительная часть находок выявлена в погребениях Усть-Альминского некрополя (20 экземпляров из 13 комплексов). Прочие перстни происходят из могильников «Совхоз 10», Черноречье, Бельбек IV, Заветное, Нейзац и некрополя Неаполя скифского.

Усть-Альма, склеп 125, погребение 2 (рис. 2,1). Перстень с круглым щитком и двумя цилиндрическими выступами на шинке, круглая лицевая часть которых орнаментирована рельефными кольцами. Центральная часть щитка украшена рельефным зубчатым кольцом на фоне красной эмали¹. Этот перстень относился к одному из позднейших захоронений в погребальной камере склепа и «по условиям находки» в публикации был датирован II–III вв. [6, с. 113, табл. 41,16], однако такая датировка представляется неоправданно широкой. В составе вещей, сопровождавших погребение, вместе с перстнем находилась лучковая подвижная фибула 5 варианта [2, с. 51] со сплошной обмоткой спинки, что позволяет сузить датировку комплекса, определяя ее в границах конца II – первой половины III в.

Усть-Альма, могила 191 (рис. 2,2,3). В погребении обнаружены два одинаковых перстня с выступами на шинке, круглые щитки которых украшены рельефными зубчатыми кольцами на фоне красной эмали. В этой же могиле найдены краснолаковые сосуды: двуручный кувшин, подобные которому происходят из комплексов, датирующихся от последней четверти I – начала II до конца II – начала III в. (форма б) [9, с. 72], и тарелка с вертикальным бортиком (тип III-Г-3) II в. [18, с. 188], на основании чего погребение может быть отнесено ко II в. Хронология остальных вещей из данного комплекса (бусы, колокольчики) этому не противоречит.

Усть-Альма, могила 284 (рис. 2,4). В детском захоронении найден перстень с круглым щитком, декорированным зубчатым кольцом на фоне красной эмали. В этой же могиле находились краснолаковые сосуды, фибулы, бусы и пять перстней со стеклянными вставками. В числе обнаруженных фибул² одна сильно профилированная со спинкой из круглого в сечении стержня, без крючка для тетивы, подобные которой датируются II в. (серия II, вариант 1 [2, с. 42, табл. 8,9,12,13], серия III [11,

¹ Благодарю хранителя музейных предметов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника И. И. Неневолю за помощь, оказанную при работе в фондах музея.

² Всего в погребении были найдены три фибулы, но две из них разрушились, так что их форма неизвестна.

с. 249, рис. 68]). Это дает основание для датировки рассматриваемого погребения в границах II в.

Усть-Альма, склеп 316 (рис. 2,5,6). Два одинаковых фрагментированных перстня с выступами на шинке и круглыми щитками, украшенными эмалевыми вставками (орнамент: зубчатое кольцо на фоне красной эмали), обнаружены в склепе среди костей погребений верхнего яруса [13, к.о. 248, 249]. Всего в погребальной камере было совершено несколько десятков захоронений, расположенных в три яруса. Нижние ярусы состоят из захоронений второй половины I – первой половины II в., погребения верхнего яруса А. Е. Пуздровский отнес к первой половине III в. [12, с. 167]. Не исключено, однако, что столь длительного перерыва в функционировании склепа не было, и самые поздние погребения в его камере совершались во второй половине II в. Наиболее поздней из обнаруженных здесь находок является шарнирная трубчатая подвеска, аналогии которой «в Крыму и на сопредельных территориях» встречаются в комплексах второй половины II – первой половины III в. [23, с. 342, прим.].

Усть-Альма, могила 331 (рис. 2,7). Фрагментированный перстень с выступами на шинке и круглым щитком с эмалевой вставкой (орнамент: зубчатое кольцо на фоне красной эмали) [13, к.о. 372]. Помимо него в погребении найдены бусы, браслет с окончаниями в виде змеиных головок, а также краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком II – первой половины III в. (форма 4.2) [9, с. 46, 47]. Отсутствие в данном комплексе бус поздних типов, характерных для конца II – первой половины III в., дает некоторые основания для отнесения данного погребения ко II в.

Усть-Альма, склеп 424-А, погребение 9 (рис. 2,8–10). Из склепа происходят три фрагментированных перстня с эмалью [14, к.о. 730]. У одного из них шинка украшена четырьмя выступами (рис. 2,10), у другого передняя часть шинки оформлена в виде утолщений и выступов (рис. 2,9), особенности декора третьего изделия определить сложно из-за малых размеров фрагмента (рис. 2,8). Вместе с перстнями найдены фибула с завитком на конце пластинчатого приемника второй половины I – II в. (группа 8, серия I, форма 5) [11, с. 183, 188, 189] и орнаментированное зеркало-подвеска II – первой половины III в. (вариант 6-А) [20, с. 178]. Всего в погребальной камере склепа зачищены остатки не менее 15 погребений, что свидетельствует о длительности функционирования данного погребального сооружения. Среди обнаруженных находок присутствуют краснолаковые тарелки группы ESB-2 и понтийской сигиллаты (с клеймом *planta pedis*), а к числу наиболее поздних вещей относится шарнирная фибула-брошь с эмалью, подобные которой датируются второй половиной II в. (тип 7.13) [28, Taf. 61,1612] или концом II – первой половиной III в. (форма 54) [11, с. 311].

Усть-Альма, склеп 520, погребение 2 (рис. 2,11,12). Два перстня, украшенные эмалью, найдены среди вещей, сопровождавших одно из самых поздних погребений, совершенных в этом склепе. Шинка одного украшена четырьмя выступами (рис. 2,11), у другого ее передняя часть оформлена в виде утолщений и выступов (рис. 2,12). Среди прочих находок из данного погребения: краснолаковый кувшин,

аналогии которому происходят из комплексов 125/150–200 гг. (тип 16, вариант 2-а) [21, с. 128, 192, рис. 45,4], лучковая подвязная фибула (вариант 4) второй половины II – начала III в. [2, с. 50] или «заключительной части» II – первой половины III в. [11, с. 77, 80], орнаментированное зеркало-подвеска и бусы. В числе бус сложнодисковидные изделия с металлической прокладкой типа 25 и цилиндрические искривленные из красного глухого стекла типа 57 [1, с. 32, 67], характерные для комплексов второй половины II – первой половины III в. [21, с. 253, 254]. На основании перечисленных датировок комплекс может быть отнесен ко второй половине II в.

Усть-Альма, могила 582 (рис. 2,13). Перстень с круглым щитком с утолщениями и выступами на шинке найден в детском погребении в грунтовой могиле с каменным перекрытием. Помимо него в составе вещевого набора, сопровождавшего погребение, находились два перстня иной формы, три фибулы смычковой конструкции, краснолаковая тарелка, зеркало-подвеска II – первой половины III в., бронзовый колокольчик второй половины II – первой половины III в. и бусы (в том числе цилиндрические из красного глухого стекла типа 57 [1, с. 67]) этого же времени.

Усть-Альма, могила 589 (рис. 2,14). Перстень с круглым щитком и двумя выступами на шинке находился в составе комплекса вещей, сопровождавших женское погребение в подбойной могиле. Здесь же найдены краснолаковый узкогорлый кувшин конца II – первой половины III в. (форма 39) [9, с. 89, 90] и набор бус, типичный для погребений второй половины II – первой половины III в.

Усть-Альма, могила 656 (рис. 3,1,2). В могиле найдены два одинаковых перстня с выступами на шинках и круглыми щитками, украшенными орнаментом в виде зубчатого кольца на фоне красной эмали. Перстни обнаружены среди вещей из погребений (одного женского и двух детских) верхнего яруса плитовой могилы вместе с монетой Антонина Пия (152–153 гг.) и другими находками (краснолаковыми сосудами, фибулами, бусами), позволяющими датировать комплекс второй половиной II в. [19, с. 226–229, рис. 1,4; 2,11].

Усть-Альма, склеп 830 (рис. 3,3). Перстень с круглым щитком и выступами на шинке по бокам от него. Указание на наличие остатков эмали в отчете отсутствует, но на рисунке обозначены контуры вставки. Перстень найден в разграбленном склепе, время функционирования которого на основании прочих разрозненных находок было определено в границах последней трети I – первой половины II в. [15, с. 11]. Не исключено, однако, что последние захоронения в склепе совершались несколько позже середины II в.

Усть-Альма, могила 894 (рис. 3,4). Перстень с круглым щитком и выступами на шинке происходит из женского погребения в грунтовой могиле с каменным перекрытием. Вещами, определяющими датировку комплекса, являются лучковая подвязная фибула (5 вариант) конца II – первой половины III в. [2, с. 51] и краснолаковый кувшин (тип 11-1) [21, с. 178] этого же времени.

Усть-Альма, могила 1086 (рис. 3,5,6). Два перстня с круглыми щитками, украшенными эмалью, найдены в женском погребении, совершенном в подбойной могиле. У одного из них эмалевая вставка состоит из синего круга в центре, окруженного

четырьмя меньшими белыми кругами на красном фоне, а шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений (рис. 3,5). У другого эмалева вставка разрушилась, а шинка по бокам от щитка, помимо утолщений, декорирована дополнительными выступами (рис. 3,6). В могиле также найдены две краснолаковые тарелки с вертикальным бортиком (форма 4.2) II – первой половины III в. [9, с. 46, 47], орнаментированное зеркало-подвеска (вариант 6-А) [20, с. 178] этого же времени, лучковая подвязная фибула с нижней тетивой (серия II, вариант 1) [2, с. 52] и набор бус, обычный для комплексов второй половины II – первой половины III в.

Некрополь Неаполя скифского, могила 3, погребение 1 (рис. 3,7). Перстень с круглым щитком и выступами на шинке находился среди вещей, относящихся к одному из двух детских погребений в подбойной могиле [17, с. 60, табл. XXX,3]. Вместе с перстнем найдена лучковая фибула с фигурной обмоткой второй половины II – первой половины III в. [21, с. 210, 213] или конца II – первой половины III в. (серия I, вариант 4, форма 2) [11, с. 77, 80, 116, 333].

Нейзац, могила 90 (рис. 3,8). Опубликован найденный в могиле бронзовый перстень с круглым щитком и выступами на шинке. Щиток «орнаментирован двумя concentрическими линиями», «поверхность между орнаментом и краем щитка заполнена красной эмалью» [24, с. 43, рис. 45,12]. Информация о датировке комплекса в цитируемой статье отсутствует.

Бельбек IV, могила 243 (рис. 3,9). Фрагментированный перстень с круглым, украшенным эмалью щитком найден в грунтовой могиле с женским погребением. Передняя часть шинки оформлена в виде утолщений и выступов. Могила датирована авторами публикации второй – третьей четвертью II в. [7, с. 175; 8, табл. 169,8]. В этой же могиле найдены краснолаковые сосуды (кружка формы 1 и кувшин формы 2.4) II в. [9, с. 75, 92], лучковая подвязная фибула (серия I, вариант 2/3) второй половины I–II в. [11, с. 72–77] и зеркало-подвеска II – первой половины III в. (вариант 6-А) [20, с. 178]. Попадание перечисленных вещей в единый погребальный набор могло произойти во II в. Ввиду отсутствия в этом комплексе бус поздних типов, обычных для погребений второй половины II – первой половины III в., можно предположить, что рассматриваемое захоронение было совершено до финальной части II в.

Бельбек IV, могила 260 (рис. 3,10). Перстень с круглым щитком, украшенным эмалью, и утолщениями на шинке по бокам от щитка происходит из грунтовой могилы с женским погребением. Авторы публикации датировали комплекс концом II – началом III в. [7, с. 179; 8, табл. 181,5]. Основанием для датировки служат краснолаковый кувшин (форма 12.1) [9, с. 80] и бусы этого времени

Могильник Бельбек IV (рис. 3,11). Перстень с круглым, украшенным эмалью щитком и выступами на шинке числится среди случайных находок, обнаруженных на территории могильника [8, табл. 221,13].

Заветное, могила 310, погребение 2 (рис. 3,12). Перстень с овальным, украшенным эмалью щитком (орнамент: четыре круга на фоне эмали) и утолщениями

на шинке происходит из женского погребения в подбойной могиле, датированной авторами публикации первой половиной III в. [10, с. 254, 255, рис. 17,15].

Заветное, могила 311 (рис. 3,13). Перстень с круглым щитком с эмалевой вставкой (орнамент: четыре круга на фоне эмали) найден в женском погребении, совершенном в подбойной могиле. Шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений и выступов. Авторы публикации отнесли погребение ко второй половине II – первой половине III в. [10, с. 256, рис. 18,2].

«**Совхоз 10», могила 52** (рис. 3,14). Перстень с овальным, вертикально вытянутым щитком со вставкой «из красноватой пасты» найден в могиле, отнесенной авторами публикации ко II–III вв. [16, с. 166, табл. 7,72]. Передняя часть шинки изделия оформлена в виде утолщений и выступов. Из этого же комплекса происходят бусы и бронзовые подвески второй половины II – первой половины III в., а также фибула смычковой конструкции. Здесь же найдено бронзовое кольцо большого диаметра с тремя рядами выступов, подобные которому в Крыму встречаются в погребениях, датирующихся не позже конца II в., что, на мой взгляд, служит основанием для отнесения рассматриваемого погребения ко второй половине II в.

Черноречье, могила 15 (45)³ (рис. 3,15). Фрагмент бронзового перстня с круглым щитком, украшенным синей эмалью, и утолщениями на шинке по бокам от щитка найден вместе с монетой Марка Аврелия (161–180 гг.) [3, с. 103]. В этой же могиле обнаружена лучковая подвязная фибула с нижней тетивой и пластинчатой спинкой, украшенной «змейкой» (серия II, вариант 4, форма 3), подобные которой происходят из погребений конца II – первой половины III в. [11, с. 135, 136].

Типология и вопросы хронологии. Выявленные в Юго-Западном и Центральном предгорном Крыму перстни с эмалью входят в круг вещей, распространенных на территории римских провинций и являющихся составной частью провинциально-римской материальной культуры.

Общим формальным признаком перстней, обнаруженных в Крыму, является наличие выступов на шинке по бокам от щитка. У подавляющего большинства изделий щиток круглый, у двух перстней овальный. Орнамент на щитке состоит из рельефного зубчатого кольца на фоне красной эмали или разноцветных (белых, синих) кругов на красном фоне, у одного изделия щиток полностью покрыт эмалью синего цвета. На основании отличий в оформлении передней части шинки различаются перстни нескольких вариантов.

Вариант 1. Шинка по бокам от щитка украшена двумя заостренными выступами (рис. 2,2–7,14; 3,1–4,7,8,11).

Вариант 2. Шинка по бокам от щитка украшена четырьмя заостренными выступами (по два с каждой стороны) (рис. 2,10,11).

³ В публикации материалов раскопок Чернореченского могильника изображение этого перстня отсутствует, но в тексте содержится упоминание о семи обломках перстней, среди которых, надо полагать, был и этот [3, с. 103]. Предмет хранится в фондах Бахчисарайского музея-заповедника (инв. № А-Д-1026).

Вариант 3. Шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений и украшена дополнительными выступами (рис. 2,8,9,12,13; 3,6,9,13,14).

Вариант 4. Шинка по бокам от щитка оформлена в виде утолщений (рис. 3,5,10,12,15).

К изделиям вариантов 1–4 относятся почти все перстни с эмалью, выявленные в погребениях Юго-Западного и Центрального Крыма, что свидетельствует об их распространении среди проживавшего здесь варварского населения. Напротив, в Восточном Крыму подобные перстни исключительно редки. Один такой перстень (с круглым щитком и «с утраченной вставкой») происходит из разграбленной могилы некрополя городища Артезиан, отнесенной автором публикации к I–II вв. [5, рис. 287,6], хотя для такой датировки, на мой взгляд, нет достаточных оснований, ибо иных датирующих вещей в могиле не обнаружено.

Появление подобных перстней в западных римских провинциях, в Рейнской области и в Словении относят к концу II в. [29, S. 33, 130]. Они известны в числе находок на территории Галлии (тип 3, варианты c, d) (рис. 5,7,8) [26, fig. 5,2; 21,c,d; 23,c,d], выявлены в римском городе Аугуста Раурика на Рейне (тип 2) (рис. 5,1,2) [29, S. 33, 130, Taf. 7,108,109]. В Колчестере (Британия) похожие перстни найдены в контексте материалов 100/125–300 и 320–450 гг. (рис. 5,3–5) [25, p. 49, fig. 50,1778,1781,1785].

Вариант 5. Шинка по бокам от щитка украшена двумя цилиндрическими выступами (рис. 2,1). Такой перстень обнаружен в комплексе конца II – первой половины III в. (склеп 125/2, Усть-Альма). Аналогичные перстни известны среди находок, обнаруженных на территории Галлии (тип 4, вариант d) (рис. 5,6), но сведения об их датировке в соответствующей статье отсутствуют [26, fig. 5,3; 26,d; 30,d].

Из перечисленных перстней с эмалью, выявленных в могильниках варварского населения Крыма: 9 экземпляров происходят из 6 комплексов II в., 18 – из 14 комплексов второй половины II – первой половины III в. (из них 5 – из 3 погребений второй половины II в., 7 – из 5 захоронений второй половины II – первой половины III в., 6 – из 6 комплексов конца II – первой половины III в.). Датировка еще 2 находок не установлена.

Примечательно, что некоторые учтенные комплексы датируются в рамках II в., что допускает совершение погребений с перстнями, украшенными эмалью, как до, так и после середины века. В связи с этим следует упомянуть группу перстней, формально близких рассматриваемым изделиям с эмалью – это перстни с выступами на тонкой шинке и круглыми щитками, на которых не выявлено остатков эмали или имеются стеклянные вставки.

Перстни с выступами на шинке, отличающиеся тем, что их вставки выполнены из «стеклянной массы» (glass), известны среди материалов раскопок римского города Аугусты Раурики на Рейне (тип 3) (рис. 5,14,15), в том числе с керамикой второй половины II – первой половины III в., монетами Адриана и Антонина Пия [29, S. 33, 130, Taf. 7,110,111]. Подобные находки выявлены и в Британии (рис. 5,16) [25, p. 49, fig. 50,1780]. Перстни, описанные как изделия со стеклянными вставками

(рис. 5,9–13), найдены в некрополе Никония в составе комплексов, датированных последней четвертью II – началом III в. [4, с. 98–101, рис. 69; 72,2–6]. Судя по этим публикациям, датировки перстней как с эмалевыми, так и со стеклянными вставками практически не расходятся, оставаясь в границах второй половины II – первой половины III в.

Между тем, есть сведения о немногочисленных находках перстней с выступами на шинке, происходящих из комплексов более раннего времени. В монографии Т. Н. Высотской сообщается о 3 таких перстнях (рис. 4,1–3), найденных в Усть-Альминском некрополе в погребениях, отнесенных автором к I в. (могила 27, склепы 88 и 125)⁴ [6, с. 113, рис. 34,7, табл. 6,33; 27,14; 42,6]. На представленном в публикации рисунке видно, что у одного из них (склеп 88) (рис. 4,2) имеется круглая вставка или гнездо для вставки, у двух других щиток нарисован плоским, без контуров вставки (рис. 4,1,3). Возможно, в этих случаях речь идет о перстнях, вставки которых оказались разрушенными, но нельзя исключать и того, что щитки этих изделий изначально не имели каких-либо украшений. В могиле 27 с двумя погребениями такой перстень (рис. 4,1) [6, табл. 6,33] найден с вещами, датирующими комплекс последней третью I – началом II в. Перстень из склепа 88 (рис. 4,2) происходит из погребения последней трети (или конца) I – первой половины II в., перстень из склепа 125 (рис. 4,3) не привязан к какому-либо конкретному захоронению и может быть датирован в широком временном диапазоне.

Еще два перстня с выступами на шинке из погребений Усть-Альминского некрополя предположительно имели полусферические стеклянные вставки. Один из них (рис. 4,4) найден среди вещей, относящихся к погребениям 21–23 из склепа 520. Гроб с этими погребениями перекрывал более ранние захоронения второй половины I в., а сам был перекрыт более поздним погребением первой половины II в. [21, с. 307–310, рис. 94], что позволяет относить данный комплекс к концу I – первой половине II в. Похожий перстень с полусферической стеклянной вставкой (рис. 4,5) найден в могиле 564 вместе с шарнирной фибулой с эмалью (группа 16, форма 33) II в. [11, с. 309, 314] и набором бус второй половины II – первой половины III в., что дает возможность отнести данное погребение ко второй половине II в.

Здесь надо указать, что оба упомянутых выше перстня (из склепа 520 и могилы 564) найдены во фрагментах и лишь реконструированы как изделия со стеклянными вставками. Не исключено, что отнесенные к их конструкции полусферические вставки на самом деле являлись частями иных, полностью разрушившихся перстней. Иными словами, обнаруженные перстни могли являться изделиями с плоскими щитками без стеклянных вставок или со щитками, украшенными эмалью, которая со временем разрушилась.

На основании приведенных датировок можно предположить, что самые ранние крымские находки перстней с выступами на шинке относятся к последней трети /

⁴ Находки из этих комплексов хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника, но обнаружить данные перстни среди них не удалось.

концу I – первой половине II в. Вопрос о том, были ли щитки этих изделий украшены эмалью (разрушившейся со временем), стеклянными вставками или не имели никаких украшений, остается открытым. Полагаю, что наличие у этих изделий эмалевой вставки не так уж невероятно.

В Северном Причерноморье известно множество импортных фибул, украшенных эмалью, аналогичных заколкам из римских провинций. Считается, что в сравнении с западноевропейскими находками, датирующимися от второй половины I – первой половины II в. и позже [27, р. 393, 394, fig. 58; 28, Taf. 7; 30, S. 163, Taf. 213], фибулы из северопричерноморских комплексов несколько «запаздывают». Было высказано предположение о том, что фибулы, украшенные вставками одноцветной и двухцветной эмали, выявленные на юге Восточной Европы, относятся к «периоду формирования позднесарматской культуры (большая часть II в. н. э.)» [11, с. 315]. Таким образом, даже с учетом вероятного «запаздывания», появление ранних фибул с эмалью в Северном Причерноморье относят ко времени не позже начала II в.

Нельзя ли предположить, что наиболее ранние перстни, украшенные эмалью, появились в Крыму в одно время с ранними эмалевыми фибулами? С другой стороны, вряд ли можно ожидать подтверждения тому, что в Северном Причерноморье такие перстни появились раньше, чем в западных провинциях, а большинство находок с западных территорий датируется не ранее середины II в.

Достоверных данных о попадании перстней с эмалью в погребения варварского населения Крыма после середины III в. в настоящее время нет. Единственная находка, которую в предположительной форме можно отнести к подобным изделиям, обнаружена в могиле 73 из Дружного (рис. 4,б), датированной IV в. [22, с. 32, 70, рис. 170,3]. Это перстень с круглым щитком и двумя выступами на шинке, отличающейся ребристой поверхностью. Вставка, украшавшая щиток, разрушилась. Не исключено, что она была эмалевая. Если это действительно так, то данный комплекс иллюстрирует наиболее поздний случай попадания перстней с эмалью в погребения варварского населения Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 100 с. (САИ. Вып. Г1–12).
2. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука, 1966. 116 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
3. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
4. Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи. Одесса, 2008. 224 с. (Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 10).
5. Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Керчь, 2014. 680 с. (БИ. Suppl. 12).
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.

7. Гушина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
8. Гушина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. М.: Исторический музей, 2016. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
9. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
10. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
11. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
12. Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 167–180.
13. Пуздровский А.Е., Лобода И.И. Отчет об охранных археологических раскопках Усть-Альминского позднескифского могильника в 1993 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27.
14. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1994 г. // Архив Института археологии Крыма РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
15. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровка, 2017. 372 с.
16. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
17. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
18. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 181–192.
19. Труфанов А.А. Могила № 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 226–231.
20. Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
21. Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4. С. 117–328.
22. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
23. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. 2003. Вып. III. С. 329–349.
24. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.
25. Crummy N. The Roman small finds from excavations in Colchester 1971–9. Colchester, 1983. 446 p. (Colchester archaeological Report. 2).
26. Guiraud H. Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule // *Gallia*. 1989. Т. 46. P. 173–211.

27. Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.–C.). Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12).
28. Riha E. Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1979. 201 S. (Forschungen in Augst. Bd. 3).
29. Riha E. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1990. 235 S. (Forschungen in Augst. Bd. 10).
30. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Augst, 1994. 205 S. (Forschungen in Augst. Bd. 18).

REFERENCES

1. Alekseeva E.M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya*, Moscow, Nauka Publ., 1978, 100 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. G1–30).
2. Ambroz A.K. *Fibuly iuga evropejskoj chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*, Moscow, Nauka Publ., 1966, 116 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. D1–30).
3. Babenchikov V.P. Chornorichens'kij mogil'nik. *Arkheologichni pam'yatki* URSSR, Kiev, 1963, T. XIII, pp. 90–123.
4. Bruyako I.V., Dzigovskii A.N., Sekerskaia N.M. *Nikonii rimskoj epokhi*, Odessa, SMIL Publ., 2008, 224 p.
5. Vinokurov N.I. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'ye (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*, Simferopol, Kerch, 2014, 680 p.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*, Kiev, Kievskaya Akademiya Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
7. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*. Part 1, Moscow, Istoricheskij muzej Publ., 2016, 272 p.
8. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*. Part 2, Moscow, Istoricheskij muzej Publ., 2016, 320 s.
9. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaya keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolej Bel'bekskoj doliny)*, Simferopol, 2010, 320 p.
10. Zaitsev Iu.P., Voloshinov A.A., Kiunel't E., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. *Pozdneskifskii nekropol' Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv. n. e. v Iugo-Zapadnom Krymu*. Raskopki 2004 g. *Drevnyaya Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249–290.
11. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoj epokhi*, Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 384 p.
12. Puzdrovskij A.E. Graffiti na krasnolakovoj posude iz raskopok Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 1993–1995 gg. *Bakhchisarayskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavriya Publ., 1997, Vol. 1, pp. 167–180.
13. Puzdrovskij A.E., Loboda I.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh Ust'-Al'minskogo pozdneskifskogo mogil'nika v 1993 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossijskoj akademii nauk*, F. 1, Op. 1, D. 27.
14. Puzdrovskij A.E., Zaitsev Iu.P., Loboda I.I. Otchet ob okhrannykh issledovaniiah Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 1994 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossijskoj akademii nauk*, F. 1, Op. 1, D. 28.
15. Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropol'ya v 2004–2007 gg.*, Simferopol, IP Brovko Publ., 2017, 372 p.
16. Strzheletskij S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. *Naselenie okrugy Khersonesa v pervoj polovine I tysyacheletiya novoj ery (po materialam nekropol'ya «Sovkhos 10»)*. *Stratum plus*, 2003–2004, No 4, pp. 27–277.
17. Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapol'ya skifskogo)*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 172 p.

18. Trufanov A.A. Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov Iugo-Zapadnogo i Tsentral'nogo Kryma). *Bakhchisarayskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, Simferopol, Tavriya Publ., 1997, Vol. I, pp. 181–192.
19. Trufanov A.A. Mogila № 656 Ust'-Al'minskogo pozdneskifskogo nekropolya. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1999, Vol. X, pp. 226–231.
20. Trufanov A.A. Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymskoj Skifi. *Drevnyaya Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 173–186.
21. Trufanov A.A. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. *Stratum plus*, 2005–2009, No 4, pp. 117–328.
22. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery)*, Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2002, 313 p.
23. Khrapunov I.N. Novye dannye o sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Neizats). *Bosporskiye issledovaniya*, 2003, Vol. III, pp. 329–349.
24. Khrapunov I.N. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neizats. *Issledovaniya mogil'nika Neizats*, Simferopol, Dolya Publ., 2011, pp. 13–113.
25. Crummy N. *The Roman small finds from excavations in Colchester 1971–9*, Colchester, 1983, 446 p.
26. Guiraud H. Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule. *Gallia*, 1989, T. 46, pp. 173–211.
27. Feugère M. *Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.–C.)*, Paris, Centre National de la Recherche Scientifique Publ., 1985, 503 p.
28. Riha E. *Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*, Augst, 1979, 201 p.
29. Riha E. *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst*, Augst, 1990, 235 p.
30. Riha E. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*, Augst, 1994, 205 p.

A. A. TRUFANOV

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

**FINGER-RINGS WITH ENAMEL INSETS FROM BARBARIAN
GRAVES IN THE CRIMEA**

Abstract. Bronze finger-rings decorated with enamel insets were among the group of artefacts distributed in Roman provinces, forming a component of the provincial Roman material culture. This paper discusses the finds of such artefacts excavated from the graves at barbarian cemeteries in the Crimean peninsula. Five variants of finger-rings have been suggested according to the formal differences. Enamelled finger-rings occurred in graves from the second century AD or the second half of the second and the first half of the third century AD. This chronology suggests that enamelled finger-rings appeared in Crimean graves from the mid-second century AD on. However, the assumption that these artefacts came into use earlier (in the late first and the first half of the second century AD) requires further arguments.

Key words: Crimea, cemeteries, graves, finger-rings, enamel insets, chronology.

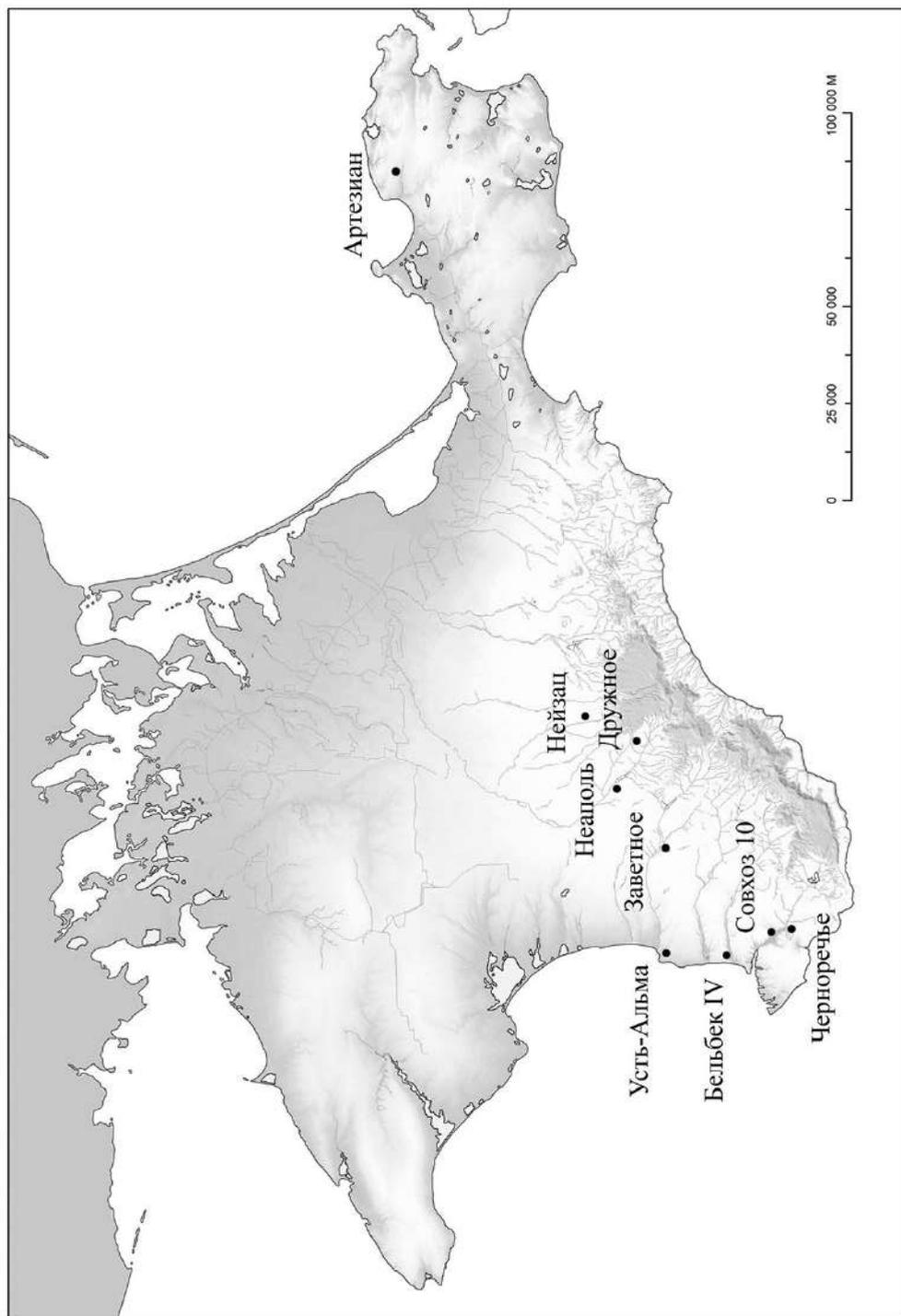

Рис. 1. Карта Крымского полуострова с указанием могильников

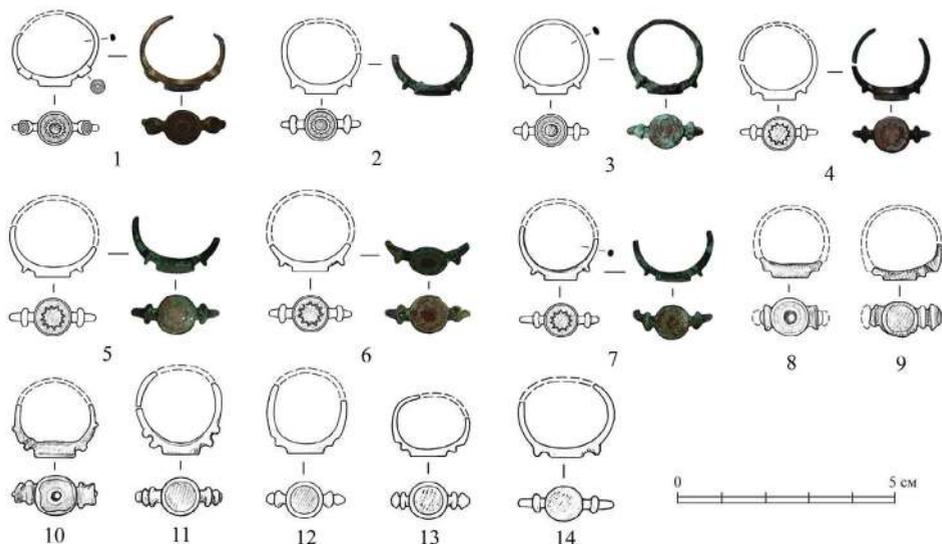

Рис. 2. Перстни с эмалевыми вставками: 1 – склеп 125/2 (Усть-Альма); 2, 3 – могила 191 (Усть-Альма); 4 – могила 284 (Усть-Альма); 5, 6 – склеп 316 (Усть-Альма); 7 – могила 331 (Усть-Альма); 8–10 – склеп 424-А/9 (Усть-Альма); 11, 12 – склеп 520/2 (Усть-Альма); 13 – могила 582 (Усть-Альма); 14 – могила 589 (Усть-Альма) [1–7, 11–14 – фонды БИКАМЗ; 8–10 – по: 14, к.о. 730]

Рис. 3. Перстни с эмалевыми вставками: 1, 2 – могила 656 (Усть-Альма); 3 – склеп 830 (Усть-Альма); 4 – могила 894 (Усть-Альма); 5, 6 – могила 1086 (Усть-Альма); 7 – могила 3 (Неаполь); 8 – могила 90 (Нейзац); 9 – могила 243 (Бельбек IV); 10 – могила 260 (Бельбек IV); 11 – случайная находка (Бельбек IV); 12 – могила 310/2 (Заветное); 13 – могила 311 (Заветное); 14 – могила 52 («Совхоз 10»); 15 – могила 15 (45) (Черноречье) [1–6, 15 – фонды БИКАМЗ; 7 – по: 17, табл. XXX,3; 8 – по: 24, рис. 45,12; 9–11 – по: 8, табл. 169,8; 181,5; 221,13; 12, 13 – по: 10, рис. 17,15; 18,2; 14 – по: 16, табл. 7,72]

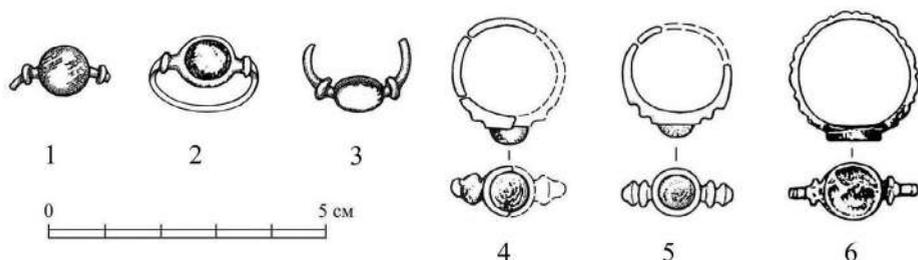

Рис. 4. Перстни с декоративными выступами на шинке: 1 – могила 27 (Усть-Альма); 2 – склеп 88 (Усть-Альма); 3 – склеп 125 (Усть-Альма); 4 – склеп 520/21-23 (Усть-Альма); 5 – могила 564 (Усть-Альма); 6 – могила 73 (Дружное) [1–3 – по: 6, табл. 6,33; 27,14; 42,6; 4, 5 – фонды БИКАМЗ; 6 – по: 22, рис. 170,3]

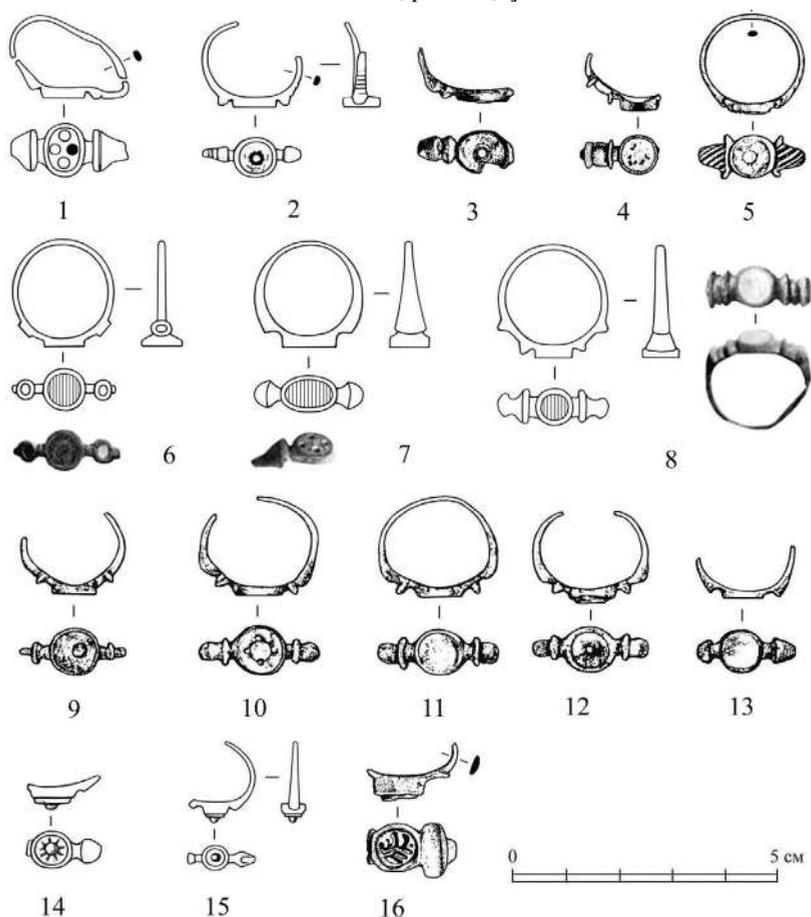

Рис. 5. Перстни с эмалевыми вставками: 1, 2 – Аугуста Раурика; 3–5 – Колчестер; 6–8 – Галлия. Перстни со стеклянными вставками: 9–13 – Никоний; 14, 15 – Аугуста Раурика; 16 – Колчестер [1, 2, 14, 15 – по: 29, taf. 7,108,109; 7,110,111; 3–5, 16 – по: 25, fig. 50,1778,1781,1780,1785; 6–8 – по: 26, fig. 5,2,3; 23,c,d; 30,d; 9–13 – по: 4, рис. 72,2–6]

В. Ю. РАДОЧИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ¹**

Аннотация: В статье публикуются результаты исследования антропологического материала, полученного в ходе охранных археологических раскопок у с. Левадки Симферопольского района в 2005, 2007, 2011–2013 гг. Позднескифский могильник Левадки, как полагают исследователи, использовался жителями поселения Змеиное, находящегося в непосредственной близости, и датируется серединой / второй половиной II – началом / первой половиной I вв. до н.э. – серединой III в. н.э. Костные останки были получены из 33 погребальных сооружений (6 катакомб, 10 склепов и 17 подбойных могил). Сохранность материала характеризуется как плохая. По итогам проведенной работы удалось установить половую принадлежность 86 погребенных (42 мужского пола и 44 женского). Почти треть погребенных (30,7%) составили детские захоронения. В ходе исследований удалось установить средний возраст погребенных в различных погребальных сооружениях и определить пики смертности для разных групп. К сожалению, сохранность материала не позволила провести краниометрические и остеометрические измерения в полном объеме. Среди патологий, выявленных на костях, преобладали заболевания зубочелюстного аппарата, среди которых зубной камень, кариес, утрата зубов. Отмечено заметное преобладание зубочелюстных патологий в мужской серии. Заболевания опорно-двигательного аппарата отмечены у обоих полов. Чаще патологии фиксировались на костях нижних конечностей и позвоночнике. Генетически детерминированные признаки, отмеченные на полученном материале, могут косвенно указывать на генетическое родство погребенных на могильнике людей. Выявленные патологические изменения на краниологическом материале и костях посткраниального скелета отражают стрессовые состояния, связанные с условиями обитания и физическими нагрузками.

Ключевые слова: Крым, Левадки, антропология, палеопатология, маркеры стресса, дискретно варьирующие признаки, травмы, череп.

Могильник у с. Левадки находится в 1,5 километрах от одноименного села в Симферопольском районе. По мнению исследователей, могильник использовался

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

жителями позднескифского поселения Змеиное, расположенного в непосредственной близости, и датируется серединой / второй половиной II – началом / первой половиной I вв. до н.э. – серединой III в. н.э. [13, с. 127; 20, с. 105–106]. Систематические раскопки, ведущиеся с 1997 года, позволили исследовать более 190 погребальных сооружений, среди которых склепы, катакомбы, подбойные могилы, простые грунтовые ямы, могилы с заплечиками. К сожалению, могильник подвергся интенсивному разграблению, в результате чего около 200 погребальных сооружений было разрушено и ограблено. По результатам раскопок, исследователями могильника, опубликован ряд статей, в которых подробно рассмотрены вопросы хронологии, типы погребальных сооружений, дан анализ содержавшегося в погребениях инвентаря [10, с. 5–31; 11, с. 94–102; 12, с. 114–124; 13, с. 117–129; 120, с. 105–163; 21, с. 239–269].

Предлагаемая статья посвящена вводу в научный оборот результатов исследования антропологического материала, полученного в ходе охранных археологических раскопок в 2005, 2007, 2011–2013 гг.² Сохранность костного материала можно охарактеризовать как плохую. Данное обстоятельство обусловлено как механическими разрушениями при ограблении захоронений, так и биохимическими особенностями. Костные останки были получены из 33 погребальных сооружений (6 катакомб, 10 склепов и 17 подбойных могил). Нередко материал из склепов и катакомб поступал в разрушенном и перемешанном состоянии, что существенно осложняло соотнесение полученных костей с конкретными погребениями, чем в первую очередь и обусловлен высокий процент погребений с неопределенной половой принадлежностью.

При работе с материалом использовались традиционные отечественные и зарубежные методики антропологических исследований с привлечением программ по судебной медицине [14; 19; 24; 26; 27]. Краниметрические измерения и описания проводились по методике, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецом [1]. Osteометрические описания и измерения проводились по методике В. П. Алексеева [2]. В работе использована методика комплексного изучения патологических состояний, разработанная А. П. Бужиловой [4]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, М. Троттера и Г. Глезера). Эпигенетические признаки черепов описывались по G. Hauser и G. F. De Stefano [23]. При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г.

Могила 77. Погребения в подбойной могиле.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, черепом на северо-запад. Сохранность погребения плохая. Положение обеих рук вытянутое по продольной оси погребения. Предположительно, при погребении тело было стянуто. Череп грацильный, мезокранный. Форма черепа овоидная. Лоб широкий, округлый. Верхний глазничный край острый. Орбиты средние. Нос широкий. Надпереносье 0 баллов. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Нижний край грушевидного

² Автор выражает благодарность С. А. Мульду за тщательно собранный и предоставленный для изучения антропологический материал.

отверстия инфантильной формы. Затылочное отверстие ромбическое. Небо узкое и длинное. Облитерация черепных швов и состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Костный рельеф плечевых костей и дельтовидная бугристость выражены слабо. Тазовые кости женские. Костный рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Погребение женское. Патологии и эпигенетические признаки: адентия третьих моляров сверху и снизу, асимметрия грудины, S-образное искривление бедренных костей.

Погребение 2. Получено несколько фрагментов костей свода черепа и нижней челюсти неудовлетворительной степени сохранности. Состояние зубной системы и облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Пол погребенного не определен.

Могила 79. Погребение в подбойной могиле.

Погребение совершено головой на юго-восток. Сохранность материала неудовлетворительная. Получены фрагменты детского черепа и зубы. Развитие зубной системы соотносится с 6 годами.

Могила 80. Погребения в склепе.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на север. Руки погребенного были согнуты в локтевых суставах. Правые локтевая и лучевая кости находятся под углом в 90 градусов к продольной оси погребения. Нижние эпифизы локтевой и лучевой костей перекрывают верхние поясничные позвонки. Кости левой кисти перекрывают крестец и правую подвздошную кость. Череп массивный, мезокранный. Форма черепа пентагоноидная. Лоб широкий, уплощенный. Надбровье 2,5 балла. Передняя носовая ость 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Затылочное отверстие круглое. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами, облитерация черепных швов с 30–40 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость и межбугорковая борозда плечевых костей. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Тазовые и крестцовые кости мужские. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены средне. Хорошо выражены большой и малый вертелы и ягодичная бугристость. Подколенная линия большеберцовых костей каплевидная. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 162 см. Патологии: отмечен зубной камень серого цвета, зуб 26 разрушен до пульпы, зубы 22, 38, 48 поражены кариесом, в области зубов 38, 48 абсцесс, энтезопатия надколенников, узлы Шморля на поясничных позвонках.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на север. Руки погребенного были согнуты в локтевых суставах. Кости обеих кистей перекрывают крестцовые кости. Череп массивный, разрушен. Надбровье 2 балла. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный

рельеф затылочной кости выражен средне. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная, округлой формы. Подбородочный край выражен умеренно. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук развит слабо. Тазовые кости женские. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены средне. Подколенная линия «невидимая». Погребение женское. Рост погребенного составлял 160 см. Патологии: *cibra orbitalia*, зубы 36, 37 утеряны при жизни, отмечена эмалевая гипоплазия, зубы 15, 17 поражены кариесом.

Погребение 3 совершено в вытянутом положении на спине, головой на север. Обе руки погребенного были согнуты в локтевых суставах. Кости правой кисти перекрывают крестцовые кости. Левые локтевая и лучевая кости серединой диафиза перекрывают верхние поясничные позвонки. Череп грацильный, разрушен. Надбровье 0 баллов. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 19–20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Тазовые и крестцовые кости женские. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера бедренных костей не выражены. Подколенная линия большеберцовой кости в виде гребня. Погребение женское. Патологии и эпигенетические признаки: эмалевая гипоплазия, на левой локтевой кости отмечено межмышечковое отверстие.

Погребение 4 совершено в вытянутом положении не спине, головой на север. Кости обеих рук погребенного были согнуты в локтевых суставах. Правая рука была согнута под углом в 90 градусов. Кости правой кисти перекрывают левый локтевой сустав. Кости левой руки (локтевая и лучевая) расположены параллельно правым. Кости левой кисти перекрывают гребень правой подвздошной кости. Большеберцовые и малоберцовые кости перекрещены в середине диафиза. Череп грацильный, разрушен. Развитие надбровья 1,5 балла. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Передняя носовая ость 2 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Облитерация черепных швов и состояние зубной системы соотносятся с 35 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Тазовые кости женские. Рельеф бедренной кости и линия аспера выражены хорошо. Погребение женское. Патологии: зубы 16–18, 26–28, 35–37, 38, 45–48 утеряны при жизни, в области зубов 13, 23 отмечен абсцесс, эмалевая гипоплазия, зубы 13, 23 поражены кариесом, энтезопатия правого локтевого отростка, рассекающий остеохондрит правого коленного сустава, артроз тазобедренных суставов, истончение костной ткани длинных костей рук.

Могила 81. Погребение в подбойной могиле.

Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юг. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе под углом в 90 градусов. Кости запястья перекрывают нижние поясничные позвонки. Левая рука была вытянута по продольной оси погребения. Череп умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Нижний край грушевидного отверстия в виде лунки. Альвеолярная часть параболическая. Небо широкое и короткое. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Состояние зубной системы соотносится с 20–25 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Хорошо выражен рельеф и дельтовидная бугристость плечевой кости. Хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевых костей. Тазовые и крестцовые кости мужские. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены хорошо. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 30 годами. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 176 см. Патологии и эпигенетические признаки: отмечен зубной камень, межмышечковые отверстия на плечевых костях.

Могила 83. Погребение в подбойной могиле.

Получен материал только из южного подбоя. Погребение совершено, предположительно, в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Сохранность материала неудовлетворительная. Получен разрушенный детский череп. Верхний глазничный край острый. Развитие зубной системы соотносится с 2–3 годами.

Могила 85. Погребения в склепе.

Два погребения частично сохранили анатомический порядок.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юг. Череп умеренно массивный, брахикранный. Форма черепа овоидная. Лоб узкий, округлый. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1 балл. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие грушевидной формы. Облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольная с хорошо выраженным подбородочным краем. Состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Кости посткраниального скелета умерено массивные. Рельеф длинных костей рук выражен хорошо. Тазовые кости женские. Основание крестца нормальное. Линия аспера выражена слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Погребение женское. Рост погребенного составлял 163 см. Эпигенетические признаки: отмечены добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles).

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юг. Череп разрушен, грацильный, брахикранный. Форма черепа сфеноидная. Лобная кость округлая. Надбровье 0 баллов. Верхний глазничный край острый. Развитие

сосцевидных отростков 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Затылочное отверстие ромбическое. Развитие зубной системы соотносится с 10 годами. Кости посткраниального скелета грацильные, рельеф выражен слабо. Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов, *cribra orbitalia*.

Погребение 3. Кости были смещены. Череп умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 0,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть разрушена, грацильная. Кости посткраниального скелета грацильные. Ключицы грацильные, костный рельеф выражен слабо. Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. Тазовые и крестцовые кости женские. Основание крестца нормальное. Линия аспера выражена слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Возраст погребенного соотносится с 21–22 годами. Погребение женское.

Погребение 4. Кости были смещены. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 35–40 годами. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия в виде лунки. Кости посткраниального скелета массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость плечевых костей. Хорошо выражен межкостный край на локтевых и лучевых костях. Погребение мужское. Патологии: энтезопатия на локтевых отростках, энтезопатия надколенников, спондилоз позвонков поясничного отдела.

Могила 91. Погребение в подбойной могиле.

Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Левая нога погребенного была согнута в коленном суставе под углом в 45 градусов. Правая нога вытянута по продольной оси погребения и перекрывала левую в нижней части голени. Руки были вытянуты по продольной оси погребения. Череп грацильный, плохой сохранности, разрушен. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20–21 годами. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Нижняя челюсть грацильная. Кости посткраниального скелета плохой сохранности, грацильные. Пол погребенного не определен.

Могила 92. Погребение в подбойной могиле.

Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на север. Правая рука погребенного была вытянута по продольной оси погребения. Левая рука согнута в локтевом суставе под углом 45 градусов. Кости левой кисти перекрывали левую подвздошную кость. Череп разрушен. Фрагменты черепа умеренно массивные. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 18–19 годами. Кости посткраниального ске-

лета разрушены, умеренно массивные. Рельеф длинных костей выражен умеренно. Погребение мужское. Патологии: *cribra orbitalia*.

Могила 96. Погребения в склепе.

При зачистке склепа удалось проследить три яруса погребений. Результаты исследования погребального сооружения опубликованы в совместной работе С. А. Мульда и В. В. Кропотова [12, с. 114–124].

Нижний ярус погребений.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Получен детский разрушенный череп. Верхний глазничный край округлый. Лобная кость округлая. Лобный шов не зарос. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 18 месяцами.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Получен детский грацильный череп. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 0,1 балл. Развитие зубной системы соотносится с 9 месяцами. Размеры длинных костей скелета соотносятся с возрастом 9–11 месяцев. Патологии: *cribra orbitalia*.

Погребение 3 потревожено и не сохранило анатомического положения. Получены фрагменты грацильных лобной и теменных костей. Верхний глазничный край округлый. Развитие надпереносья 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка и форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф длинных костей рук и ног выражен слабо. Тазовые кости женские. Линия аспера бедренных костей выражена слабо. Подколенная линия «невидимая». Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 35–40 годами. Погребение женское.

Погребение 4. Череп массивный, разрушен. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки и лопаточная вырезка 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Плечевые кости массивны с хорошо выраженной дельтовидной бугристостью и межбугорковой бороздой. Локтевая и лучевая кости массивные с хорошо выраженным межкостным краем. Тазовые кости мужские. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные. Хорошо выражена линия аспера и ягодичная бугристость. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Возраст погребенного 30–35 лет. Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*os lambda*, *lambdoid ossicles*), зубы 26, 17 поражены кариесом, отмечен зубной камень серого цвета, зубы 36, 46 утеряны при жизни, зуб 47 разрушен до корня.

Погребение 5. Получен разрушенный, грацильный детский череп. Верхний глазничный край острый. Лобная кость средняя. Развитие сосцевидных отростков

0,5 балла. Возраст погребенного около года. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*os lambda, lambdoid ossicles*), *cribra orbitalia*.

Погребение 6. Череп грацильный, пентагоноидной формы. Верхний глазничный край округлый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Небо широкое и короткое. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Развитие зубной системы соотносится с 7 годами. Кости посткраниального скелета (кости лопаток, длинные кости рук и ног) соотносятся с возрастом 6–7 лет.

Погребение 7. Получены фрагменты разрушенного детского черепа. Фрагменты костей грацильные. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Возраст погребенного около 2 лет.

Погребение 8 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, череп перемещен. Обе руки согнуты в плечевых и локтевых суставах. Кости обеих кистей перекрывают кости крестца. Череп разрушен, умеренно массивный. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2 балла. Передняя носовая ось 1 балл. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Рельеф длинных костей рук выражен хорошо. Хорошо выражены рельеф и линия аспера бедренных костей. Погребение мужское. Патологии: зубы 46, 47 утеряны при жизни, энтезопатия пяточных костей.

Погребение 9 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука погребенного слегка согнута в плечевом и локтевом суставах. Череп массивный. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край округлый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ось 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Стертость зубов соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы, с хорошо выраженным подбородочным краем и жевательной бугристостью. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены хорошо. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 165 см. Патологии: отмечен зубной камень.

Погребение 10 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Правая рука погребенного была слегка согнута в локтевом суставе. Кости правой кисти перекрывают кости крестца. Левая рука погребенного была согнута в локтевом суставе под углом в 90 градусов. Кости левой кисти перекрывали поясничные позвонки. Череп грацильный, долихокраний. Форма черепа пента-

гоноидная. Отмечена посмертная деформация костей. Верхний глазничный край округлый. Лобная кость средняя плоская. Надбровье 1 балл. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 2 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 30 годами. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук развит умеренно. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 40 годами. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены умеренно. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Погребение женское. Рост погребенного составлял 159 см. Патологии и эпигенетические признаки: отмечен зубной камень серого цвета, зубы 35–38, 45–48 утеряны при жизни, артроз правого локтевого сустава, остеохондроз суставной впадины лопатки, отмечено срастание грудных позвонков по задней поверхности, остеохондроз мышцелков большеберцовых костей.

Второй ярус погребений.

Погребение 11 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. При погребении руки, предположительно, были сложены на животе. Правая нога была согнута в коленном суставе. Кости правой стопы перекрыты левыми берцовыми костями. Череп грацильный. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0 баллов. Развитие сосцевидных отростков 1 балл. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Развитие сосцевидных отростков 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная. Кости посткраниального скелета грацильные. Подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного 5–7 лет. Патологии: *cribra orbitalia*, особенности развития черепа позволяют предполагать гидроцефалию.

Погребение 12. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Обе руки были согнуты в локтевых суставах. Кости обеих кистей рук перекрывают крестцовые кости. Сохранность удовлетворительная. Череп массивный, брахикранный. Форма черепа пентагоноидная. Лобная кость узкая и плоская. Надбровье 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нос широкий. Передняя носовая ость 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие овальное. Облитерация черепных швов соответствует 25–30 годам. Альвеолярная часть параболическая. Небо короткое и широкое. Нижняя челюсть массивная, квадратная, с хорошо выраженным подбородочным краем. Жевательная бугристость выражена средне. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф длинных костей рук развит хорошо. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены хорошо. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Возраст по костям посткраниального скелета 35–37 лет. Погребение мужское.

Рост погребенного составлял 170 см. Патологии: отмечен зубной камень, зубы 14, 15, 24, 28 разрушены, зуб 16 поражен кариесом, зубы 25–27 утеряны при жизни, зуб 44 разрушен до пульпы, деформация грудных позвонков, узлы Шморля на позвонках грудного и поясничного отделов, болезнь Форестье.

Третий ярус погребений. Погребения 13–16 были смещены.

Погребение 13. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть, грацильная, округлая. Развитие зубной системы соотносится с 6 годами. Кости посткраниального скелета соотносятся с возрастом 6–7 лет.

Погребение 14. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0 баллов. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Передняя носовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Состояние зубной системы соотносится с 16–18 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен слабо. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен слабо. Тазовые кости женские. Линия аспера на бедренных костях выражена слабо. Большеберцовые кости грацильные. Подколенная линия «невидимая». Погребение женское.

Погребение 15. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия в виде лунки. Альвеолярная часть массивная параболическая. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Плечевые кости массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость, межбугорковая борозда и латеральный гребень. Локтевая и лучевая кости массивные. Хорошо выражен блок локтевой кости и межкостный край лучевой кости. Линия аспера и ягодичная бугристость бедренных костей выражены средне. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Хорошо выражена бугристость большеберцовой кости. Возраст погребенного 30–40 лет. Погребение мужское. Патологии: зубы 15, 25 поражены кариесом, зубы 26, 27 разрушены до корней, в области зуба 26 абсцесс с внутренней стороны, энтезопатия надколенников.

Погребение 16. Череп массивный, разрушен. Развитие сосцевидных отростков 3,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 22–23 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Хорошо выражен межкостный край и блок локтевых костей. Бедренные кости массивные, хорошо выражена линия аспера и ягодичная бугристость. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Хорошо выражена бугристость большеберцовой кости.

Возраст погребенного 30–40 лет. Погребение мужское. Патологии: отмечен зубной камень, зуб 36 утерян при жизни, энтезопатия надколенников.

Погребение 17 совершено, предположительно, в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Погребение частично разрушено. Кости головы, рук и ног не сохранили анатомического положения. Череп умеренно массивный, брахикранный. Форма черепа пентагоноидная. Лоб средний, плоский. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 1 балл. Передняя носовая ось 1,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия в виде лунки. Облитерация черепных швов соответствует 30–40 годам. Надпереносье 0,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Небо длинное и узкое. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Погребение женское. Рост погребенного составлял 159 см. Патологии: зубы 46, 48 утеряны при жизни, узлы Шморля на грудных и поясничных позвонках.

Погребение 18 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости правой кисти находятся в области правого тазобедренного сустава. Кости левой кисти перекрывают кости крестца. Правая нога при погребении была согнута в коленном суставе и уложена на внутреннюю поверхность. Левая нога была вытянута по продольной оси погребения. Череп грацильный. Форма черепа сфеноидная. Верхний глазничный край острый. Орбиты высокие. Лобная кость округлая. Передняя носовая ось 1,5 балла. Надпереносье 0 баллов. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми лунками. Нос очень широкий. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть узкая, параболическая. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Состояние зубной системы соотносится с 21–23 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки второго варианта. Рельеф длинных костей рук не выражен. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены средне. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 27–30 годами. Погребение женское. Рост погребенного составлял 160 см. Патологии и эпигенетические признаки: метопизм, нарушение направления роста зубов 12, 13, 23, 24, на левой лобной кости отмечена остеома 5 мм, узлы Шморля на грудных позвонках, деформация нижней челюсти вследствие остеомиелита.

Не соотнесенные кости из первого яруса погребений. Были получены разрушенные фрагменты четырех черепов. Возраст одного из них по состоянию зубной системы соотносится с 25–30 годами, второго – 13–15 лет. Фрагменты еще двух черепов принадлежат взрослым индивидуумам. Получены разрушенные фрагменты

длинных костей рук и ног разной степени массивности. После реставрации и сопоставления по микро- и макрорельефу можно утверждать, что разрушенные фрагменты принадлежали 4 погребенным индивидуумам. Возраст одного из них соотносится с 13–17 годами.

Не сопоставленные кости из третьего яруса погребений. Получены длинные кости рук и ног разной степени массивности, а также тазовые кости и надколенники. Полученные разрозненные фрагменты принадлежали не менее чем 4 погребенным взрослым индивидуумам.

Всего в склепе 96 было захоронено не менее 26 человек.

Мои́ла 97. Погребения в склепе.

Входная яма. *Погребение 1.* Зачищены длинные кости ног взрослого индивидуума. Получены фрагменты бедренных и большеберцовых костей, соотносящиеся с одним погребенным. Бедренные кости массивные, с хорошо выраженным рельефом и линией аспера. Большеберцовые кости массивные, плохой сохранности. Подколенная линия в виде гребня. Бугристость большеберцовых костей выражена средне.

Камера. Кости, зачищенные в камере склепа, не сохранили анатомического положения. Все полученные при зачистке камеры кости принадлежали детским погребениям. Положение некоторых костей говорит о том, что нарушение анатомического порядка, в ряде случаев, происходило до полного истления мягких тканей. Все полученные черепа были разрушены. После работ по реставрации удалось сопоставить некоторые разрушенные кости с конкретными погребенными.

Погребение 1. Получены фрагменты стенок грацильного черепа, верхней и нижней челюстей. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть округлой формы. Развитие зубной системы соотносится с 9 месяцами.

Погребение 2. Получены фрагменты стенок черепа, височных костей, альвеолярная часть и нижняя челюсть. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 2–3 годами.

Погребение 3. Получены фрагменты грацильных стенок черепа, левая височная кость и нижняя челюсть. Нижняя челюсть грацильная, квадратной формы. Развитие зубной системы соотносится с 6 годами. Получены грацильные кости посткраниального скелета (правая ключица, бедренные, длинные кости рук, тазовые кости, длинные кости ног). Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 6–7 годами. Эпигенетические признаки: отмечены добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles).

Погребение 4. Получены грацильные фрагменты стенок черепа, левая височная кость, фрагмент верхней челюсти и нижняя челюсть. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 3 годами.

Погребение 5. Получены височные кости, фрагмент лобной кости и нижняя челюсть. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 6 годами. Получены грацильные кости посткраниального скелета

(правая ключица, длинные кости рук, правая подвздошная кость, длинные кости ног). Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 7–8 годами. Патологии: *cribra orbitalia*.

Погребение 6. Получены височные кости, фрагменты теменных костей, нижняя челюсть. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 2 годами.

Погребение 7. Получены лобная кость, фрагменты стенок черепа, фрагменты верхней челюсти и нижняя челюсть. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 1,5 годами.

Погребение 8. Получены лобная, височные кости, фрагменты теменных, затылочная кость и нижняя челюсть. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 5 годами. Получены грацильные кости посткраниального скелета (подвздошные кости и длинные кости рук и ног). Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода.

Погребение 9. Получены лобная, височные кости, фрагменты теменных костей и нижняя челюсть. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Развитие зубной системы соотносится с 5 годами. Получены грацильные кости посткраниального скелета (левая ключица правая плечевая кость, длинные кости ног). Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 6–7 годами. Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов.

Погребение 10. Череп разрушен. Получены фрагменты лобной, теменных и затылочной костей, а также альвеолярная часть и нижняя челюсть. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 5 годами. Получены грацильные кости посткраниального скелета (плечевые, локтевые, подвздошные, длинные кости ног). Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 5–6 годами.

Погребение 11. Получены фрагменты теменных, височных и затылочной костей. Нижняя челюсть грацильная треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 11–12 годами. Получены грацильные кости посткраниального скелета (ключицы, длинные кости рук и ног, подвздошные кости). Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 11–13 лет.

Всего из камеры получен материал, соотносящийся с 11 погребенными.

Могила 98. Погребения в склепе.

Третий нижний ярус.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости частично сохранили анатомический порядок. Череп разрушен, массивный. Форма черепа овоидная. Лоб широкий. Развитие сосцевидных отростков 2,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Облитерация черепных швов соотносится с 30–35 годами. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Нижняя челюсть массивная, треу-

гольной формы, с хорошо выраженным рельефом. Кости посткраниального скелета массивные, сохранность неудовлетворительная. Длинные кости рук массивные, рельеф выражен умеренно. Длинные кости ног массивные. Пол погребенного не определен. Патологии: зубы 36–38 утеряны при жизни.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости частично сохранили анатомический порядок. Череп разрушен, массивный. Форма черепа овоидная. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Затылочное отверстие овальное. Облитерация черепных швов соотносится с 30–35 годами. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть массивная. Кости посткраниального скелета массивные. Ключицы массивные, с хорошо выраженным рельефом. Сохранность длинных костей рук и ног неудовлетворительная. Погребение мужское.

Погребение 3 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости частично сохранили анатомический порядок. Череп грацильный, разрушен. Форма черепа сфероидная. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная. Облитерация черепных швов соотносится с 20–30 годами. Получены длинные кости рук и ног. Кости грацильные, сохранность неудовлетворительная. Ключицы грацильные, рельеф выражен слабо. Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. Хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевых костей. Длинные кости ног грацильные. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Погребение женское. Патологии: зубы 36–38, 46–48 утеряны при жизни.

Погребение 4 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости частично сохранили анатомический порядок. Череп разрушен, массивный. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Облитерация черепных швов соотносится с 30–35 годами. Состояние зубной системы соотносится с 35 годами. Нижняя челюсть массивная, округлой формы, с хорошо выраженным подбородочным краем. Кости посткраниального скелета массивные. Ключицы массивные, с хорошо выраженным рельефом. Локтевые и лучевые кости массивные, хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевых костей. Хорошо выражена линия аспера и ягодичная бугристость бедренных костей. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Погребение мужское. Патологии: отмечен зубной камень серого цвета.

Погребение 5 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости частично сохранили анатомический порядок. Череп разрушен, умеренно массивный. Форма черепа пентагоноидная. Лобная кость широкая, округлая. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Передняя носовая ость 2 балла. Грушевидное отверстие простое. Альвеолярная часть параболическая. Небо длинное и узкое. Состояние зубной системы соотносится с 20 годами. Облитерация черепных швов не отмечена. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть

массивная, округлой формы. Надбровье 0,5 балла. Нижняя челюсть массивная квадратной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Кости рук массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость плечевых костей. Хорошо выражен блок локтевых костей и межкостный край локтевых и лучевых костей. Хорошо выражена линия аспера и ягодичная бугристость бедренных костей. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Погребение мужское. Эпигенетические признаки: адентия третьих моляров.

Погребение 6. Череп разрушен, умеренно массивный. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 1,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Альвеолярная часть параболическая. Возраст соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородочным краем. Кости посткраниального скелета грацильные. Сохранность неудовлетворительная. Пол погребенного не определен. Патологии и эпигенетические признаки: отмечен зубной камень серого цвета, адентия третьих моляров.

Верхний ярус погребений. Погребения не сохранили анатомического порядка.

Погребение 7. Череп массивный, разрушен. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Лобная кость округлая. Надбровье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная треугольной формы. Череп мужской. Патологии: дегенеративно-дистрофические изменения нижней челюсти, все зубы на обеих челюстях утеряны при жизни.

Погребение 8. Череп разрушен. Получены фрагменты умеренно массивных стенок черепа и фрагменты верхней и нижней челюстей. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная, разрушена. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Пол погребенного не определен.

Погребение 9. Череп разрушен. Получены фрагменты грацильного детского черепа. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Возраст погребенного соотносится с 6 годами.

Погребение 10. Череп разрушен. Получены умеренно массивные лобная, теменные и височные кости. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Череп принадлежал взрослому индивидууму. Пол погребенного не определен.

Погребение 11. Череп разрушен. Получены фрагменты детского грацильного черепа. Развитие сосцевидных отростков 0,5 балла. Возраст погребенного соотносится с 7–8 годами. С костями черепа соотносятся грацильные кости посткраниального скелета (ключицы и длинные кости рук и ног).

Погребение 12. Череп разрушен. Получены фрагменты грацильного детского черепа. Возраст погребенного соотносится с 5–6 годами. С черепом соотносятся грацильные кости посткраниального скелета (получены длинные кости рук и ног).

Погребение 13. Череп разрушен. Получены массивные фрагменты теменных, височных и затылочной костей. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Возраст погребенного соотносится с 35 годами. Пол погребенного не определен. Патологии: зубы 46–48 утрачены при жизни.

Из верхнего слоя погребений получены кости посткраниальных скелетов неудовлетворительной сохранности. После реставрации и соотнесения фрагментов костей удалось установить, что разрушенный костный материал соотносится с 7 погребенными индивидуумами, двое из которых, предположительно, были мужского пола и один женского.

Полученный материал из склепа 98 соотносится с 13 погребенными.

Могила 132. Погребения в склепе.

Склеп был ограблен, все кости перемещены. После реставрации стало возможным соотнести разрозненные кости с конкретными погребениями.

Погребение 1. Череп массивный, разрушен. Форма черепа овоидная. Лобная кость округлая. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 1,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 25 годами. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф плечевых костей умеренный. Хорошо выражен рельеф и межкостный край на локтевых костях. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 1 варианта. Линия аспера на бедренных костях выражена средне. Большеберцовые кости умеренно массивные, подколенная линия в виде гребня. Погребение женское. Патологии: отмечен поротический гиперостоз теменных костей, зубы 45–48 утрачены при жизни.

Погребение 2. Череп очень массивный, разрушен. Лобная кость уплощена. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Передняя носовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Хорошо выражен затылочный бугор. Облитерация черепных швов соотносится с 50 годами. Состояние зубной системы соотносится с 37–40 годами. Нижняя челюсть массивная треугольной формы, хорошо выражен подбородочный край. Кости посткраниального скелета очень массивные. Кости лопаток и ключицы массивные. Рельеф плечевых костей и дельтовидная бугристость выражена очень хорошо. Рельеф и межкостный край на локтевых и лучевых костях выражены хорошо. Рельеф малоберцовых костей выражен хорошо. Бедренные кости массивные, линия аспера и ягодичная бугристость выражены средне. Тазовые и крестцовые кости мужские. Основание крестца

нормальное. Большеберцовые кости массивные, подколенная линия в виде гребня. Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: отмечены добавочные косточки на черепе (*lambdoid ossicles*), зафиксирован синдром Морганьи-Стюарта-Мореля, на надколенниках отмечена сильная энтезопатия, отмечен периостит в области верхний эпифизов большеберцовых костей, деформирующий спондилез грудных и поясничных позвонков.

Погребение 3. Череп умеренно массивный, разрушен. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Состояние зубной системы соотносится с 25–28 годами.

Погребение 4. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Затылочное отверстие круглое. Облитерация черепных швов не отмечена. Хорошо выражен затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 25–28 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость плечевых костей. Суставная впадина лопаток и форма лопаточной ости 2 варианта. Рельеф и межкостный край на локтевых и лучевых костях выражены хорошо. Линия аспера на бедренных костях выражена слабо. Большеберцовые кости массивные, подколенная линия «невидимая». Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: отмечены добавочные косточки на черепе (*lambdoid ossicles*), зубной камень серого цвета, артроз головок плечевых костей, фиксируется всаднический комплекс.

Погребение 5. Кости черепа не получены. Кости скелета грацильные, рельеф длинных костей выражен слабо. Хорошо выражен межкостный край на локтевых и лучевых костях. Тазовые и крестцовые кости женские. Основание крестца нормальное. Линия аспера на бедренных костях не выражена. Большеберцовые кости грацильные, подколенная линия «невидимая». Возраст погребенного соотносится с 16–18 годами. Погребение женское.

Погребение 6. Получены фрагменты грацильных костей детского скелета (длинные кости рук, ног, тазовые кости). Возраст погребенного около 12 лет. Патологии: отмечен сильный периостит на бедренных и большеберцовых костях.

Могила 136. Погребение в подбойной могиле.

Погребение было совершено головой на юго-восток. Получены несколько фрагментов стенок черепа и детские зубы. Степень развития зубной системы соотносится с возрастом 0,5–1 года.

Могила 137. Погребение в подбойной могиле.

Восточная камера.

Погребение 1 не сохранило анатомического порядка. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Рельеф плечевой кости выражен умеренно. Хорошо выражен костный рельеф, блок и межкостный край локтевых костей. Фрагменты бедренных и большеберцовых костей умеренно массивные. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия

большеберцовых костей «невидимая». Возраст погребенного 25–35 лет. Погребение женское. Рост погребенного составлял 165 см. Патологии: истончение костной ткани длинных костей рук и ног.

Западная камера.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребение разрушено, сохранность неудовлетворительная. Фрагменты разрушенного черепа массивные. Кости посткраниального скелета грацильные. Лучевые кости грацильные, хорошо выражен рельеф и межкостный край. Бедренные кости массивные, линия аспера выражена слабо. Большеберцовые кости массивные, уплощены, рельеф выражен хорошо, подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного около 30 лет. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 165 см. Патологии: О-образное искривление бедренных костей.

Погребение 3 совершено в вытянутом положении, головой на юго-восток. Частично разрушено. Череп массивный, разрушен, сохранность плохая. Получено 4 фрагмента свода черепа и височные кости. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Хорошо выражен рельеф и дельтовидная бугристость плечевых костей. Локтевые и лучевые кости массивные, хорошо выражен рельеф и межкостный край. Бедренные кости массивные, хорошо выражен рельеф и линия аспера. Большеберцовые кости массивные, уплощенные, подколенная линия в виде гребня. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 166 см. Патологии и эпигенетические признаки: отмечены добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), нижняя челюсть со следами дегенеративно-дистрофических изменений в виде утраты зубов 33–37, 43–47, нарушение направления роста 38, 48 зубов, артроз головки и блока левой плечевой кости, артроз мыщелков бедренных костей, сильная энтезопатия надколенников, остеофитоз подколенной линии.

Могила 139. Погребение в подбойной могиле.

Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Положение обеих рук вытянутое по продольной оси. Левая нога погребенного несколько согнута в коленном суставе, возможно, из-за конструктивной особенности (мало места). Погребение разрушено, сохранность плохая. Череп разрушен, грацильный, долихокраний. Форма черепа сфеноидная. Верхний глазничный край острый. Лобная кость округлая. Облитерация черепных швов не отмечена. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Состояние зубной системы соотносится с 20–21 годами. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Посткраниальный скелет грацильный. Суставная впадина лопатки второго варианта. Рельеф плечевой кости выражен слабо, дельтовидная бугристость не выражена. Рельеф локтевых и лучевых костей выражен слабо, межкостный край выражен незначительно. Тазовые и крестцовые кости женские. Основание крестца заниженное. Бедренные кости грацильные, линия аспера выражена слабо. Подколенная линия большеберцовых

костей в виде гребня. Погребение женское. Рост погребенного составлял 157 см. Патологии и эпигенетические признаки: *cibra orbitalia*, эмалевая гипоплазия, адентия третьих моляров, О-образное искривление большеберцовых костей, истончение костной ткани бедренных и большеберцовых костей.

Могила 143. Погребения в катакомбе.

Северная камера.

Погребение 1 совершено на спине, головой на северо-восток. Левая рука погребенного была согнута в плечевом и локтевом суставах. Кости левой кисти находятся в области грудинного конца левой ключицы. Череп массивный, долихокранный. Форма черепа пентагоноидная. Лобная кость широкая, округлая. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средние. Нос узкий. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Орбиты квадратные. Нос широкий. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Альвеолярная часть параболическая. Небо узкое и длинное. Затылочная кость сильно отступает кзади. Затылочное отверстие круглое. Стертость зубов соотносится с 25–27 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Посткраниальный скелет умеренно массивный. Суставная впадина лопатки, форма лопаточной ости, лопаточная вырезка и верхний край лопатки 2 варианта. Плечевая кость умеренно массивная, рельеф выражен слабо. Локтевая кость умеренно массивная, рельеф и межкостный край выражены слабо. Лучевые кости грацильные, рельеф выражен слабо. Погребение женское. Рост погребенного составлял 167 см. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*lambdoid ossicles*), метопический шов, носовая перегородка искривлена, проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода, на левой теменной кости отмечена компрессионная травма диаметром 13 мм и глубиной до 3 мм, поротический гиперостоз теменных и затылочной костей, адентия третьих моляров, отмечены костные валики в области резцов с язычной стороны нижней челюсти, зубной камень серого цвета.

Северная камера и входная яма. Все полученные кости были перемещены и не сохранили анатомического порядка. После реставрации удалось соотнести полученный материал с 17 погребенными.

Погребение 1. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия в виде лунки. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Кости посткраниального скелета массивные. Хорошо выражен рельеф ключиц. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 2 варианта. Плечевые кости очень массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость, латеральный и медиальный гребни. Локтевая и лучевая кости массивные. Очень хорошо выражен блок локтевой кости и межкостный край. Тазовые кости мужские. Основание крестца нормальное.

Бедренные кости массивные, хорошо выражена ягодичная бугристость и линия аспера. Большеберцовые кости массивные с хорошо выраженным рельефом. Кости уплощены. Подколенная линия в виде гребня. Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), зубной камень, зуб 46 поражен кариесом, энтезопатия надколенника, остеофитоз нижних эпифизов большеберцовых костей, отмечен всаднический комплекс.

Погребение 2. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. Хорошо выражен наружный рельеф и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Кости посткраниальных скелетов массивные. Суставная впадина лопатки, форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 2 варианта. Плечевые кости массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость и межбугорковая ложбинка. Локтевые кости массивные с хорошо выраженным межкостным краем и блоком. Тазовые кости мужские. Подколенная линия большеберцовых костей в виде гребня. Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), зубы 14, 15 поражены кариесом, зубы 36–38, 46, 47 утрачены при жизни, артроз суставной впадины правой лопатки, отмечено межмышцелковое отверстие на плечевых костях, энтезопатия надколенника, деформирующий спондилез поясничных позвонков.

Погребение 3. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надбровье 0 баллов. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 15–16 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Длинные кости рук грацильные, рельеф выражен слабо. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен средне. Тазовые кости женские. Основание крестца «нормальное». Бедренные кости умеренно массивные, хорошо выражены рельеф и линия аспера. Большеберцовые кости умеренно массивные. Подколенная линия «невидимая». Погребение женское. Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружного левого слухового прохода, энтезопатия надколенников.

Погребение 4. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надбровье 1 балл. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен слабо. Локтевые и лучевые кости грацильные, хорошо выражен рельеф и межкостный край. Тазовые кости женские. Бедренные кости грацильные, хорошо выражены рельеф и линия аспера. Большеберцовые кости уплощены. Подколенная линия «невидимая». Погребение

женское. Патологии и эпигенетические признаки: добавочный шов (Squamomastoid suturae), добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), проявления пародонтоза на нижней челюсти, зубной камень серого цвета, зуб 38 утрачен при жизни, энтезопатия надколенников.

Погребение 5. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Фрагмент тела нижней челюсти грацильный. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Верхний край лопатки и форма лопаточной ости 1 варианта. Левая плечевая кость грацильная. Рельеф выражен умеренно. Локтевые и лучевые кости грацильные. Хорошо выражен межкостный край. Бедренные кости умеренно массивные, хорошо выражены ягодичная бугристость и линия аспера. Большеберцовые кости грацильные. Подколенная линия каплевидная. Пол погребенного не определен. Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода, артроз латерального и медиального мыщелка правой бедренной кости.

Погребение 6. Череп массивный, разрушен. Сохранность фрагментов неудовлетворительная. Нижняя челюсть массивная треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край и жевательная бугристость. Плечевые кости массивные. Хорошо выражен костный рельеф. Локтевые и лучевые кости с хорошо выраженным рельефом и межкостным краем. Очень хорошо выражен рельеф блока локтевой кости. Бедренные кости массивные, хорошо выражены большой и малый вертелы, ягодичная бугристость и линия аспера выражены хорошо. Погребение женское. Патологии и эпигенетические признаки: ямочки грануляций, остеомиелит левой бедренной кости, артроз латерального и медиального мыщелка правой бедренной кости.

Погребение 7. Череп массивный, разрушен, сохранность неудовлетворительная. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Получена правая лопатка. Форма лопаточной ости 2 варианта. Плечевые кости грацильные, костный рельеф выражен слабо. Дельтовидная бугристость не выражена. Локтевая и лучевая кости умеренно массивные. Хорошо выражен рельеф и межкостный край. Очень хорошо выражен рельеф блока локтевых костей. Тазовые кости женские. Бедренные кости массивные, хорошо выражен рельеф и линия аспера. Большеберцовые кости умеренно массивные. Подколенная линия «невидимая». Погребение женское. Патологии и эпигенетические признаки: зубной камень серого цвета, ямочки грануляций, в области нижних эпифизов большеберцовых костей отмечен периостит.

Погребение 8. Череп грацильный, разрушен, сохранность неудовлетворительная. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Длинные

кости рук грацильные, рельеф выражен слабо. Бедренные кости грацильные, рельеф выражен слабо, линия аспера не выражена. Большеберцовые кости грацильные, с хорошо выражены костным рельефом. Подколенная линия в виде гребня. Пол погребенного не определен. Эпигенетические признаки: адентия третьих моляров.

Погребение 9. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Плечевые кости грацильные, дельтовидная бугристость не выражена. Получены правые локтевая и лучевая кости. Межкостный край обеих костей выражен слабо. Бедренные кости грацильные, линия аспера выражена средне. Большеберцовые кости грацильные. Подколенная линия «невидимая». Пол погребенного не определен.

Погребение 10. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 6–7 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 10 годами. Патологии: отмечен зубной камень.

Погребение 11. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,5 балла. Альвеолярная часть параллельная. Развитие зубной системы соотносится с 7 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Основание крестца «нормальное». Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 10–11 годами. Патологии: отмечен зубной камень.

Погребение 12. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета грацильные. Получены кости лопаток, плечевые кости, бедренные и большеберцовые. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 6 годами.

Погребение 13. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета массивные. Плечевые кости массивные. Хорошо выражена дельтовидная бугристость, латеральный и медиальный гребни. Локтевые и лучевые кости массивные. Хорошо выражен межкостный край и блок локтевых костей. Бедренные кости массивные, хорошо выражены вертелы, ягодичная бугристость и линия аспера. Большеберцовые кости массивные, хорошо выражена бугристость большеберцовой кости. Подколенная линия в виде гребня. Погребение мужское.

Погребение 14. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета массивные. Левая плечевая кость массивная, костный рельеф выражен умеренно. Локтевые и лучевые кости массивные. Очень хорошо выражен блок локтевой кости и межкостный край локтевых и лучевых костей. Бедренные кости массивные, хорошо выражены линия аспера и ягодичная бугристость. Большеберцовые кости массивные, хорошо выражен костный рельеф. Подколенная линия в виде гребня. Пол погребенного не определен.

Погребение 15. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета очень массивные. Получены бедренные и большеберцовые кости. Рельеф бедренных костей выражен хорошо, очень хорошо выражены ягодичная бугристость и линия ас-

пера. Большеберцовые кости массивные. Подколенная линия «невидимая». Пол погребенного не определен. Патологии: истончение костной ткани большеберцовых костей.

Погребение 16. Кости черепа не получены. Кости посткраниального скелета очень массивные. Получены бедренные и большеберцовые кости. Костный рельеф и линия аспера бедренных костей выражены слабо. Подколенная линия в виде гребня. Пол погребенного не определен. Патологии: остеомиелит обеих большеберцовых костей.

Погребение 17. Получены бедренные и большеберцовые кости. Кости грацильные, рельеф не выражен. Возраст соотносится с 6–7 годами.

Западная камера. Погребения не сохранили анатомического порядка. Получен материал, соотносящийся с 4 погребенными.

Погребение 1. Череп грацильный. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 2 балла. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Подбородочный край и жевательная бугристость выражены средне.

Посткраниальный скелет грацильный. Суставные впадины лопаток 2 варианта. Верхний край лопаток 1 варианта. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен слабо. Тазовые и крестцовые кости женские. Основание крестца заниженное. Бедренные кости грацильные, линия аспера не выражена. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Погребение женское. Возраст погребенного 18 лет. Рост погребенного составлял 156 см. Патологии и эпигенетические признаки: *cribra orbitalia*, эмалевая гипоплазия, проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов, добавочные косточки на черепе (*os lambda*, *lambdoid ossicles*, *astericum ossicles*, *incisura parietalis ossicles*).

Погребение 2. Череп массивный, разрушен. Форма черепа сфеноидная. Надбровье 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Состояние зубной системы и облитерация черепных швов соотносится с 40–50 годами. Кости посткраниального скелета массивные, сохранность плохая. Линия аспера на бедренных костях выражена хорошо. Большеберцовые кости массивные, подколенная линия в виде гребня. Очень хорошо выражен рельеф малоберцовых костей. Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: поротический гиперостоз теменных костей, добавочные косточки на черепе (*lambdoid ossicles*), ямочки грануляций, проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода, все верхние моляры разрушены до пульпы, зуб 15 поражен кариесом, в области 15 зуба абсцесс.

Погребение 3. Череп разрушен, грацильный. Надбровье 2 балла. Орбиты высокие. Нос широкий. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Хорошо выражен затылочный бугор. Затылочное отверстие ромбической формы. Альвеолярная

часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, рельеф умеренный. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта и форма лопаточной ости 2 варианта. Рельеф плечевых костей выражен слабо. Линия аспера бедренных костей выражена средне. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Погребение женское. Патологии и эпигенетические признаки: на орбитальной части лобной кости справа остеофит, отмечен зубной камень серого цвета.

Погребение 4. Получены только фрагменты детских локтевых и лучевых костей. Возраст погребенного соотносится с 7–10 годами.

Могила 144. Погребения в катакомбе.

Восточная камера.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Руки погребенного вытянуты по продольной оси погребения. Череп массивный, разрушен. Форма черепа – асимметричный пентагоноид. Верхний глазничный край острый. Облитерация черепных швов соотносится с 25 годами. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Затылочная кость сильно отступает кзади. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Затылочное отверстие – асимметричный овал. Нижняя челюсть массивная, хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 25–27 годами. Посткраниальный скелет грацильный. Суставная впадина лопатки второго варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Форма лопаточной ости 2 варианта. Рельеф плечевых костей и дельтовидная бугристость выражены средне. Лучевые кости грацильные, рельеф и межкостный край выражены средне. Локтевые кости грацильные, хорошо выражен костный рельеф и межкостный край. Тазовые кости женские. Бедренные кости грацильные, линия аспера выражена слабо. Хорошо выражен рельеф малоберцовых костей. Большеберцовые кости грацильные, подколенная линия в виде гребня. Погребение женское. Рост погребенного составлял 162 см. Патологии: зубы 35–38, 47, 48 утрачены при жизни, артроз блока правой локтевой кости.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, частично разрушено. Левая рука погребенного была согнута в локтевом суставе под углом в 45 градусов, кости правой кисти перекрывают крестцовые кости. Череп разрушен, грацильный, сохранность неудовлетворительная. Облитерация черепных швов не отмечена. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы, хорошо выражен подбородочный край. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 2 варианта. Дельтовидная бугристость и рельеф плечевой кости выражены средне. Межкостный край и рельеф лучевых костей выражены умеренно. Рельеф локтевых костей выражен средне. Линия аспера на бедренных костях выражена слабо. Возраст погребенного 25–30 лет. Погребение женское. Рост погребенного составлял 160 см. Патологии и эпигенетические признаки: адентия третьих моляров, эмалевая гипоплазия.

Восточная камера. Перемещенные кости.

Получен краниологический материал, соотносящийся с 10 черепами.

Череп 1 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надбровье 0,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Передняя носовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть треугольная, грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 16–17 годами. Череп женский. Эпигенетические признаки: адентия третьих моляров.

Череп 2 разрушен, массивный. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Нижняя челюсть массивная, угол ветви нижней челюсти женский. Состояние зубной системы соотносится с 20–22 годами. Череп женский. Патологии и эпигенетические признаки: остеофит в области правого наружного слухового прохода, адентия третьих моляров.

Череп 3 разрушен, массивный. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Облитерации черепных швов нет. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: адентия третьих моляров, зуб 31 поражен кариесом, отмечены проявления холодового стресса.

Череп 4 разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,5 баллов. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Возраст соотносится с 7–8 годами.

Череп 5 очень массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3,5 балла. Передняя носовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25–27 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: адентия третьих моляров, зубной камень серого цвета.

Череп 6. Получены фрагменты верхней и нижней челюстей. Альвеолярная часть верхней челюсти параллельная. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть разрушена, массивная, хорошо выражена жевательная бугристость. Пол погребенного не определен. Патологии и эпигенетические признаки: зубной камень серого цвета, эмалевая гипоплазия, дегенеративные изменения верхней и нижней челюстей ввиду утраты зубного ряда, сохранились зубы 28, 30.

Череп 7 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 1 балл. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Пол погребенного не определен.

Череп 8 массивный. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край острый. Надбровье 1,5 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Надпереносье 1,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Передняя носовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Пол погребенного не определен. Эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*os lambdae, lambdaoid ossicles*).

Череп 9 массивный, разрушен. Форма черепа пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 40 годами. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Череп, предположительно, мужской. Патологии и эпигенетические признаки: ямки грануляций.

Череп 10 умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 25–30 годами. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Пол погребенного не определен. Патологии: зуб 46 утрачен при жизни, зубной камень, разрушение зубной эмали.

Кости посткраниальных скелетов плохой сохранности и сильно фрагментированы. После реставрации костного материала можно утверждать, что в погребальном сооружении было погребено не менее 10 человек. На костях посткраниальных скелетов отмечена энтезопатия надколенников у трех погребенных. У одного погребенного отмечено межмышцелковое отверстие на правой плечевой кости.

Западная камера. Погребения не сохранили анатомического порядка. После реставрации удалось соотнести разрозненные кости с четырьмя погребенными.

Погребение 1. Череп умеренно массивный, форма пентагоноидная. Верхний глазничный край округлый. Облитерация черепных швов соотносится с 20–30 годами. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Надбровье 2,5 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 20–25 годами.

Посткраниальный скелет массивный. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 2 варианта. Плечевые кости массивные, с хорошо выраженным рельефом и дельтовидной бугристостью. Рельеф и межкостный край локтевой кости выражены хорошо. Хорошо выражен рельеф локтевого отростка. Тазовые и крестцовые кости мужские. Основание крестца нормальное. Линия аспера на бедренных костях выражена очень хорошо. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Погребение мужское. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*lambdaoid ossicles, incisurae parietalis ossicles*), ямки грануляций, следы воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода, отмечены проявление холодового стресса.

Погребение 2. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Облитерация черепных швов соотносится с 20–25 годами. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Посткраниальный скелет умеренно массивный. Суставная впадина лопатки и форма лопаточной ости 2 варианта. Верхний край лопатки 3 варианта. Лопаточная вырезка 4 варианта. Рельеф плечевых костей и дельтовидная бугристость выражена хорошо. Межкостный край и рельеф локтевых и лучевых костей и общий рельеф выражены средне. Линия аспера на бедренных костях выражена средне. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Погребение мужское. Патологии: зубной камень серого цвета.

Погребение 3. Череп разрушен. Фрагменты стенок черепа грацильные. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть, грацильная. Подбородочный край и жевательная бугристость выражены слабо. Состояние зубной системы соотносится с 18–20 годами. Получены грацильные бедренные и большеберцовые кости. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Линия аспера на бедренных костях не выражена. Малоберцовые кости грацильные. Погребение женское.

Погребение 4. Череп разрушен. Фрагменты стенок грацильные. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть разрушена, грацильная. Подбородочный край выражен слабо. Хорошо выражена жевательная бугристость. Возраст соотносится с 18 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Получены длинные кости рук и ног. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Основание крестца нормальное. Линия аспера бедренных костей и ягодичная бугристость выражены средне. Подколенная линия «невидимая». Погребение женское.

Могила 146. Погребение в подбойной могиле.

Получены мелкие фрагменты разрушенного черепа и зубы, соотносящиеся с возрастом 18 месяцев – 2 года.

Могила 147. Погребение в подбойной могиле.

Череп не получен. Сохранность удовлетворительная. Ключицы грацильные. Форма лопаточной ости и суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Плечевые кости средней массивности. Хорошо выражена дельтовидная бугристость и межбугорковая борозда. Локтевые кости массивные, хорошо выражен рельеф и межкостный край. Лучевые кости умеренно массивные, рельеф и межкостный край выражены слабо. Тазовые кости женские. Бедренные кости грацильные, линия аспера не выражена. Большеберцовые кости массивные, подколенная линия «невидимая». Малоберцовые кости с очень хорошо выраженным костным рельефом. Погребение женское. Рост погребенного составлял 167 см. Патологии и эпигенетиче-

ские признаки: на правой лучевой кости в нижней трети диафиза отмечен сросшийся перелом, перелом сросся без смещения, двойное первое ребро (левое).

Мои́ла 148. Погребения в склепе.

Погребение 1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на север. Правая рука погребенного согнута в локтевом суставе под углом в 90 градусов. Правые локтевая и лучевая перекрывают поясничные позвонки. Левая рука согнута в локтевом суставе кости левой кисти перекрывали кости крестца. Череп разрушен. Фрагменты черепа очень массивные. Верхний глазничный край округлый. Лобная кость округлая. Надбровье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 4 баллов. Передняя носовая ость 4 балла. Нос широкий. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Состояние зубной системы соотносится с 40 годами. Нижняя челюсть массивная, хорошо выражен подбородочный край («двойной») и рельеф. Посткраниальный скелет массивный. Хорошо выражен рельеф ключиц. Суставная впадина лопатки второго варианта, форма лопаточной ости 2 варианта. Плечевые кости очень массивные, хорошо выражены рельеф и дельтовидная бугристость. Лучевые и локтевые кости массивные с хорошо выраженным рельефом и межкостным краем. Тазовые кости мужские. Бедренные кости массивные, хорошо выражена линия аспера и ягодичная бугристость. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 170 см. Патологии и эпигенетические признаки: ямки грануляций, проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода, диастема верхних зубов (11–21), все верхние моляры разрушены, зубной камень серого цвета, артроз суставных впадин лопаток, на обеих плечевых костях отмечены проявления артроза головки мыщелка и блока, сильная энтезопатия надколенников, фиксируется всаднический комплекс, отмечены проявления холодового стресса.

Погребение 2 было смещено и не сохранило анатомического порядка. Череп массивный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 16 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Сохранность посткраниального скелета плохая, кости грацильные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен умеренно. Лучевые кости грацильные, межкостный край выражен слабо. Бедренные кости грацильные, линия аспера не выражена. Подколенная линия на большеберцовой кости «невидимая». Хорошо выражен рельеф малоберцовых костей. Погребение мужское. Эпигенетические признаки: метопизм.

Также получен костный материал смещенных погребений, соотносящийся с двумя индивидуумами детского возраста: погребение 1 – сохранность неудовлетворительная, развитие зубной системы и размеры посткраниальных костей соотносятся с 6 годами, погребение 2 – сохранность неудовлетворительная, развитие зубной системы и размеры длинных костей рук и ног соотносятся с 1 годом.

Могила 149. Погребения в склепе. Погребения в склепе совершены в вытянутом положении на спине, головой на юг.

Верхний ярус. Детское погребение неудовлетворительной сохранности. Развитие зубной системы и кости посткраниального скелета соотносятся с 5–6 месяцами.

Нижний ярус. Детское погребение неудовлетворительной сохранности. Развитие зубной системы и посткраниального скелета соотносятся с 6 месяцами.

Могила 150. Погребения в склепе. Склеп ограблен. Костный материал смещен и не сохранил анатомического порядка.

Череп 1 очень массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Хорошо выражен наружный рельеф и бугор затылочной кости. Облитерация черепных швов соотносится с 35–40 годами. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: проявление воспалительных процессов в области наружных правого слуховых проходов, на затылочной кости отмечено сквозное разрушение диаметром 5 мм, отверстие без вторичных трещин, добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), зуб 47 разрушен, кариес, в области зуба 47 абсцесс.

Череп 2 грацильный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25–28 годами. Нижняя челюсть грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Череп женский. Патологии и эпигенетические признаки: ямочки грануляций, на левой теменной кости отмечен след от компрессионной травмы 7х3 мм и глубиной до 1 мм, зубной камень серого цвета.

Череп 3 умеренно массивный, брахикранный. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Затылочное отверстие ромбической формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20–25 годами. Нижняя челюсть грацильная. Череп женский. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (incisurae parietalis ossicles), поротический гиперостоз теменных и затылочной костей.

Череп 4 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 25 годами. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 23–24 годами. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 2 балла. Нижняя челюсть грацильная. Череп женский. Патологии и эпигенетические признаки: cribra orbitalia, проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов, поротический гиперостоз

теменных и затылочной костей, метопизм, зубной камень, зуб 26 разрушен, зуб 27 утрачен при жизни.

Череп 5 очень массивный, разрушен, брахикранный. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 50–60 годами. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ось 3 балла. Затылочное отверстие овальной формы. Хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 45–50 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: адентия третьих моляров, зуб 15 поражен кариесом, в области зуба 25 абсцесс, зуб 25 разрушен, отмечены проявления холодового стресса.

Череп 6 грацильный. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1,5 балла. Угол наклона лобной кости мужской. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 35–40 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: проявление воспалительных процессов в области наружного левого слухового прохода, поротический гиперостоз теменных костей, ямки грануляций, синдром Морганьи-Стюарта-Морелля.

Череп 7 детский. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Альвеолярная часть параболическая. Развитие сосцевидных отростков 0,2 балла. Развитие зубной системы соотносится с 6–7 годами. Патологии и эпигенетические признаки: метопизм, поротический гиперостоз теменных костей.

Череп 8 детский, грацильный. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть округлой формы. Развитие сосцевидных отростков 0,3 балла. Развитие зубной системы соотносится с 7 годами.

Череп 9 детский, грацильный. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 2–3 годами.

Череп 10 детский, грацильный. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть округло-треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 6–7 годами. Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов.

Череп 11 детский, грацильный. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Возраст соотносится с 3–4 годами.

Череп 12 массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 бала. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 20–22 годами. Череп

мужской. Патологии и эпигенетические признаки: на правой теменной кости в области затылочного шва отмечено сквозное разрушение диаметром 5 мм, отверстие без вторичных трещин, проявление воспалительных процессов в области наружного левого слухового прохода, добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), зубы 27, 28 утрачены при жизни.

Череп 13 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 2 балла. Рельеф затылочной кости выражен хорошо. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20–22 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная. Череп женский. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles), зубной камень, зуб 47 утрачен при жизни.

Череп 14 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 1 балл. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Возраст погребенного 20–25 лет. Череп мужской.

Череп 15 умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 22–23 годами. Череп мужской. Патологии: отмечены признаки холодового стресса.

Череп 16 умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 23–24 годами. Пол погребенного не определен. Патологии и эпигенетические признаки: метопизм, зубной камень серого цвета, ямочки грануляций.

Череп 17 массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1 балл. Развитие сосцевидных отростков 2,5 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Череп женский. Патологии: зубы 35–38, 45–48 утрачены при жизни.

Череп 18 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открытые. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Нижняя челюсть грацильная треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 10–12 годами.

Череп 19 массивный. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Альвеолярная часть параболиче-

ская. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Облитерация черепных швов соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*bregmaticum ossicles*), ямочки грануляций.

Череп 20 грацильный, долихокраний. Форма черепа асимметричный пентагоноид. Лоб средний. Лобная кость округлая. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольной формы, грацильная. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Развитие зубной системы соотносится с 22–23 годами. Череп женский. Патологии: поротический гиперостоз теменных костей, проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов, зубной камень серого цвета.

Череп 21 грацильный, брахикраний. Форма черепа овоидная. Лобная кость округлая, высокая, короткая. Лицо среднее. Орбиты высокие. Нос узкий. Небо короткое и широкое. Передняя носовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 18–19 годами. Нижняя челюсть треугольная, рельеф выражен умеренно. Череп женский. Патологии и эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (*lambdoid ossicles, incisurae parietalis ossicles*), метопизм, искривление носовой перегородки, проявление воспалительных процессов в области наружных слуховых проходов, зубной камень серого цвета, поротический гиперостоз теменных костей, в носовой полости отмечено пористое костное новообразование.

Также были получены две левые височные кости, развитие сосцевидных отростков 3 и 1,5 балла.

Получены нижние челюсти от разрушенных и несохранившихся черепов.

Череп 22. Нижняя челюсть взрослого индивидуума, массивная, округлой формы.

Череп 23. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 20–22 годами.

Череп 24. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 20–23 годами.

Череп 25. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Развитие зубной системы соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть, предположительно, женская. Патологии: зубной камень серого цвета, эмалевая гипоплазия.

Череп 26. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть, предположительно, мужская. Патологии: эмалевая гипоплазия, зубной камень.

Череп 27. Нижняя челюсть очень массивная, квадратной формы. Хорошо выражен подбородочный край и жевательная бугристость. Патологии: зуб 46 утрачен при жизни, эмалевая гипоплазия.

Кости посткраниальных скелетов неудовлетворительной сохранности. После реставрации костного материала и анализа макро- и микрорельефов можно утверждать, что полученный материал соотносится не менее чем с 28 погребенными. На костях посткраниальных скелетов зафиксирован ряд патологических изменений и эпигенетических стигм, среди них: травмы конечностей, патологии позвоночника, энтезопатии костей рук и ног.

Всего из могилы 150 получен антропологический материал, соотносящийся не менее чем с 28 погребенными.

Мои́ла 151. Погребение в подбойной моги́ле.

Получены фрагменты разрушенного детского черепа. Фрагменты грацильные. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 0,2 балла. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 2 года.

Мои́ла 152. Погребения в скле́пе.

Склеп ограблен, погребения не сохранили анатомического положения. Получены множественные фрагменты черепов, соотносящиеся с 8 погребенными.

Череп 1 массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Подбородочный край выражен средне. Череп, предположительно, мужской.

Череп 2 умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0 баллов. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Облитерации черепных швов нет. Череп, предположительно, женский.

Череп 3 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Получен массивный фрагмент нижней челюсти. Состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Хорошо выражен подбородочный край. Череп, предположительно, мужской. Патологии: проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода, зубной камень серого цвета.

Череп 4 умеренно массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 20–30 годами. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 20–25 годами. Затылочная кость сильно отстает кзади. Нижняя челюсть массивная. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Череп, предположительно, мужской. Патологии: зубной камень серого цвета.

Череп 5 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Облитерация черепных швов не отмечена. Возраст погребенного 20–25 лет. Пол погребенного не определен.

Череп 6 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1 балл. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параллельная. Нижняя челюсть умеренно массивная. Возраст погребенного 20–25 лет. Череп, предположительно, женский.

Череп 7 массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие овальное. Состояние зубной системы соотносится с 35–40 годами. Череп, предположительно, мужской.

Череп 8 грацильный, долихокраний. Затылочная кость сильно отстает кзади. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 1 балл. Орбиты высокие. Альвеолярная часть параболическая. Передняя носовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Череп, предположительно, женский.

Получены множественные фрагменты *костей посткраниальных скелетов* неудовлетворительной степени сохранности. После реставрации и соотнесения по микро- и макрорельефу костный материал соотносится не менее чем с 14 погребенными взрослыми индивидуумами. На костях отмечены патологические изменения (узлы Шморля на грудных и поясничных позвонках двух погребенных, фрагмент правой подвздошной кости взрослого человека с истончением костной ткани до сквозного разрушения).

Могилы 159. Погребение в подбойной могиле.

Получены только детские зубы, соотносящиеся с возрастом 6–7 лет.

Могилы 160. Погребения в склепе.

Склеп ограблен. Погребения не сохранили анатомического порядка. Сохранность материала неудовлетворительная. Получены фрагменты черепов, соотносящиеся с 5 погребенными.

Череп 1. Получены грацильные фрагменты, соотносящиеся с возрастом 2 года.

Череп 2 разрушен, фрагменты умеренно массивные. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Затылочное отверстие овальной формы. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 20–23 годами. Череп, предположительно, мужской. Патологии и эпигенетиче-

ские признаки: метопизм, поротический гиперостоз теменных и затылочной костей, адентия третьих моляров, зуб 46 поражен кариесом, зубной камень серого цвета.

Череп 3 грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 2 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передняя носовая ость 3 балла. Облитерация черепных швов не отмечена. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие ромбической формы. Возраст погребенного 20–25 лет. Череп, предположительно, женский. Эпигенетические признаки: добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles).

Череп 4 массивный, разрушен. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Надглазничные вырезки открыты. Передняя носовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Череп мужской. Патологии и эпигенетические признаки: метопизм, добавочные швы на черепе (ossicles suturae mastoidea), зубной камень серого цвета.

Череп 5. Получены только зубы, соотносящиеся с возрастом 5 лет. Патологии: зубной камень.

Кости посткраниальных скелетов неудовлетворительной сохранности. После реставрации полученный материал был соотнесен с 3 погребенными индивидуумами взрослого возраста. На паре бедренных костей взрослого индивидуума отмечено О-образное искривление. На трех правых пяточных костях отмечена энтезопатия.

В могиле 160 было захоронено не менее 5 человек.

Могилы 162. Погребение в подбойной могиле.

Погребение было совершено в вытянутом положении, головой на юго-восток. Получены зубы и фрагмент большеберцовой кости. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 2 года.

Могилы 163. Погребения в подбойной могиле. Погребения ограблены и разрушены. Кости смещены.

Юго-западная камера. Получен фрагмент лобной кости черепа, фрагмент правой ключицы, а также фрагменты бедренных и малоберцовых костей. Возраст погребенного около 3–4 лет.

Северо-восточная камера. Получены кости, соотносящиеся с одним погребенным. Череп массивный, разрушен. Форма черепа овоидная. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1,5 балла. Развитие сосцевидных отростков 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Хорошо выражен затылочный бугор. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная. Состояние зубной системы соотносится с 20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина

лопатки 2 варианта. Кости рук грацильные. Межкостный край локтевых и лучевых костей выражен слабо. Тазовые кости женские. Бедренные и большеберцовые кости уплощены. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Погребение, предположительно, женское. Патологии и эпигенетические признаки: адентия третьих моляров сверху и снизу, зубной камень серого цвета.

Могила 165. Погребения в катакомбе. Погребения разрушены. In situ удалось зафиксировать фрагменты большеберцовых и малоберцовых костей.

Погребение 1. Череп разрушен. Фрагменты черепа грацильные. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 0 баллов. Облитерация черепных швов не отмечена. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Нижняя челюсть разрушена, фрагменты массивные. Развитие зубной системы соотносится с 17 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук и ног выражен слабо. Тазовые кости женские. Кости посткраниального скелета соотносятся с возрастом 10–11 годами. Рост погребенного составлял 146 см.

Погребение 2. Получены фрагменты верхней и нижней челюстей, ключиц, левых плечевой и бедренной костей. Все фрагменты грацильные, неудовлетворительной сохранности. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 5 лет.

Могила 166. Погребение в подбойной могиле.

Погребение было совершено в вытянутом положении, головой на юго-восток. Получены фрагменты разрушенного детского черепа. Фрагменты грацильные. Верхний глазничный край острый. Развитие зубной системы соотносится с 3–4 годами.

Могила 169. Погребения в катакомбе. Погребения не сохранили анатомического положения. Получен материал, соотносящийся с 3 погребенными.

Погребение 1. Получены фрагменты правых плечевой и бедренной костей. Сохранность неудовлетворительная. Возраст соотносится с 10–11 годами.

Погребение 2. Получены парные бедренные кости, правая большеберцовая кость и фрагмент тазовых костей взрослого индивидуума. Сохранность материала плохая. Кости грацильные. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Погребение, предположительно, женское.

Погребение 3. Череп разрушен. Фрагменты черепа грацильные. Облитерация черепных швов не отмечена. Нижняя челюсть грацильная. Развитие зубной системы соотносится с 18–20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Хорошо выражен межкостный край на локтевых и лучевых костях. Тазовые кости грацильные. Основание крестца «нормальное». Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Погребение, предположительно, женское. Патологии: эмалевая гипоплазия, зубной камень.

Могила 170. Погребения в катакомбе. Погребения частично разрушены. Захоронения были совершены в вытянутом положении на спине, головой на восток.

Погребение 1. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 2-3 года.

Погребение 2. Получены фрагменты детского черепа неудовлетворительной сохранности. Развитие сосцевидных отростков 0,2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 4 годами. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Получена левая ключица, соотносящаяся с возрастом 4 года.

Могила 175. Погребение в катакомбе. Получены фрагменты черепа и кости посткраниального скелета неудовлетворительной сохранности. Возраст погребенного около 2 лет.

Могила 176. Погребение в подбойной могиле. Получены фрагменты черепа и костей посткраниального скелета неудовлетворительной сохранности. Развитие зубной системы соотносится с 3 годами.

Исследованный антропологический материал был получен из 32 погребальных сооружений: 16 подбойных могил, 11 склепов и 6 катакомб. Практически все зафиксированные *in situ* погребенные были захоронены в вытянутом положении на спине. В большинстве случаев положение рук было согнутым в локтевых суставах под разными углами. При погребении, как правило, тело умершего не оборачивали в тленный материал.

Принимая во внимание то обстоятельство, что мы имеем дело с недоисследованным памятником и неполной антропологической серией, ограничимся констатацией некоторых предварительных результатов, связанных с демографическими показателями.

Половая принадлежность захороненных была установлена у 86 погребенных (42 мужского пола и 44 женского). Почти треть погребенных (30,7%) составили детские захоронения. Для 21,9% погребенных половая принадлежность не была установлена. Столь большой процент погребенных с неустановленной половой принадлежностью обусловлен, прежде всего, степенью сохранности материала, как вследствие биохимических процессов, так и из-за механических повреждений при ограблении захоронений. Дифференцированно по погребальным сооружениям ситуация с погребенными выглядит следующим образом. В 17 подбойных могилах было захоронено 4 мужчин, 5 женщин, 9 детей, у 2 погребенных пол не определен. В 10 склепах было захоронено 29 мужчин, 24 женщины, 35 детей, у 28 погребенных пол не определен. В 6 катакомбах было захоронено 9 мужчин, 15 женщин, 12 детей, у 10 погребенных пол не определен.

Средний возраст захороненных на могильнике, с учетом типа погребального сооружения, выглядит следующим образом. Для мужской серии средний возраст погребенных в подбойных могилах составил 27,8, в склепах – 31,6, в катакомбах – 34 года. Для женской серии средний возраст погребенных в подбойных могилах составил 26,5, в склепах – 26,1, в катакомбах – 23,5 лет. Средний возраст детей, захороненных в подбойных могилах – 3,9, в склепах – 5,1 и в катакомбах – 6,9 лет.

Возрастные пики смертности для мужчин и женщин, захороненных в разных погребальных сооружениях, практически одинаковые и составляют для мужчин 25–30 лет, женщин – 19–25 лет, что может свидетельствовать о схожих жизненных условиях на протяжении всего времени функционирования могильника. Видно, что во всех типах погребальных сооружений возраст погребенных женщин несколько ниже, чем у мужчин, что может объясняться повышенным уровнем стрессовых нагрузок в повседневном образе жизни, а также чрезмерными нагрузками на организм при деторождении и связанными с ними осложнениями. Нельзя также исключать особенности палеодиеты и инфекционную составляющую [9, с. 171].

Для детской серии из подбойных могил пик смертности приходится на 2–3 года. В катакомбах пик детской смертности фиксируется в интервале 6–7 лет. У погребенных в склепах детей удалось зафиксировать два пика смертности 2–3 года и 6–7 лет. Вероятно, это обусловлено большим количеством исследованных детских костяков, полученных из склепов, и соответственно более корректными данными. В целом, оба пиковых порога укладываются в общеизвестные нормы для древнего населения. И если первый пик объясняется повышенными стрессовыми нагрузками на организм в период его бурного роста и становления иммунитета, то второй больше связан с повышенной двигательной активностью и, как следствие, повышенной травматизацией организма.

Генетически детерминированные признаки, отмеченные на полученном материале, могут косвенно указывать на генетическое родство погребенных на могильнике людей [15, с. 71–72; 13, с. 52–54; 16, с. 76–80]. Наиболее часто нами фиксировались добавочные косточки на черепе (во всех погребальных сооружениях чаще у мужчин). Достаточно частыми были наличие метопического шва у взрослых индивидуумов и адентия третьих моляров. В ряде случаев признаки были сочетаны.

Краниоформы в основном представлены пентагоноидными и овоидными, реже сфероидными формами. Дифференциации по половому признаку или типу погребального сооружения не выявлено. У значительной части черепов отмечено сильное отступление затылка кзади. По указателю черепа, в основном, были брахикранные и долихокранные, причем последние отмечены только из женских погребений во всех типах погребальных сооружений. Значительно реже отмечались мезокранные черепа, как у мужчин, так и у женщин.

Для погребенных в склепах и катакомбах наиболее частыми были зубочелюстные патологии. Чаще всего фиксировались отложение зубного камня серого цвета, разрушение зубов и их утрата. Эмалевая гипоплазия, проявляющаяся в виде поперечных бороздок на поверхности зубов, отмечалась только у женщин и детей. Зубные патологии у погребенных в катакомбах фиксировались поровну у мужчин и женщин. Карисные поражения у погребенных в склепах и катакомбах, в подавляющем большинстве, отмечены у мужчин. Все выявленные случаи абсцесса были сочетаны с карисными поражениями зубов. У погребенных в склепах зубочелюстные патологии чаще отмечались на мужских костяках. К примеру, отложение зубного

камня у мужчин фиксировалось в три раза чаще, чем у женщин. Природа образования зубного камня достаточно сложна, но представляется уместным рассматривать некоторые отличия в палеодиете мужского и женского населения.

На полученном материале в 13 случаях отмечены специфические маркеры воспалительных процессов, такие как поротический гиперостоз и как одна из его форм – *cribra orbitalia*. Поротический гиперостоз фиксировался поровну на мужских и женских костях и только у взрослых индивидуумов. *Cribra orbitalia*, в основном, отмечалась у детей и реже у женщин. В одном случае данная патология отмечена на мужском костяке из подбойной могилы. *Cribra orbitalia* рассматривается как частный случай поротического гиперостоза и проявляется на верхней стенке орбиты в виде перфорации. Наиболее часто этот признак связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железодефицитные анемические состояния [6, с. 63, 210–211; 24, с. 350], однако его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована [3, с. 21–28]. Есть мнение, что *cribra orbitalia* может быть вызвана локальными воспалительными процессами [25, с. 336–338].

Воспаление с дегенеративными изменениями, развивающимися в зонах прикрепления связок, суставных капсул или сухожилий к костям, известное как энтезопатия, отмечено на полученном материале в 17% случаев. Как правило, энтезопатии возникают вследствие чрезмерных нагрузок на определенные отделы организма. Подобные изменения костного аппарата также связывают с длительными нагрузками при выполнении однообразных движений, не обязательно связанных со значительными перенапряжениями. Чаще энтезопатия выявлялась на мужских костях и фиксировалась обычно на надколенниках и пяточных костях.

Проявления воспалительных процессов на костях черепа, характерные для гнойных отитов, отмечены в 16 случаях и обнаруживались практически поровну на мужских и женских костях. Помимо традиционных причин их возникновения: осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждения и т.д., есть мнение, что причиной отита может стать плохое состояние зубного аппарата [6, с. 227]. Следует заметить, что данное наблюдение подтверждается практически в половине случаев на материале из могильника Левадки.

На исследуемом материале отмечена достаточно низкая степень травматизма. Зафиксировано четыре травмы на костях черепа и три травмы конечностей. Две травмы компрессионного характера отмечены на черепах из женских погребений в катакомбе и склепе. Еще две травмы на мужских черепах из склепов можно отнести к разряду боевых и, несомненно, они имели смертельный исход. Обе травмы характеризовались сквозным разрушением костей черепа с диаметром 5 мм, без следов облитерации. Травмы конечностей имели, скорее всего, бытовой характер. Перелом большеберцовой кости из склепа 150 повлек за собой осложнения в виде остеомиелитного воспаления.

Такой маркер эпизодического стресса, как холодовый стресс, проявляющийся в виде специфического узора на костях черепа, зафиксирован только на мужских костяках из склепов и катакомб.

Патологии позвоночника отмечены только у погребенных в склепах и катакомбах. Без сомнения, это обусловлено небольшим количеством и степенью сохранности материала из подбойных могил. Деформирующий спондилез отмечался только у индивидуумов мужского пола в возрасте 35–45 лет. В двух случаях фиксировался анкилоз позвонков в результате травматического поражения позвоночника. Узлы Шморля фиксировались в равной степени на мужских и женских костяках разных возрастных групп. К нечастым поражениям позвоночника, выявленным на исследованном материале, можно отнести болезнь Форестье, отмеченную нами на мужском погребении из склепа 96. При данном заболевании внутренний камбиальный слой продольной связки позвоночника начинает продуцировать новую костную ткань. Чаще всего данная патология проявляется на позвонках грудного отдела с правой стороны, реже – на позвонках шейного и поясничного отделов [17, с. 115–116]. На нашем материале заболевание отмечено в грудном отделе. Толщина костного новообразования составляла 2–3 мм.

Проявления артроза на костях верхних и нижних конечностей отмечены у погребенных обоих полов во всех типах погребальных сооружений. В два раза чаще артрозы фиксировались на костях рук и преимущественно на мужских костяках.

На двух мужских черепах, полученных из склепов, фиксировался синдромом Морганьи-Стюарта-Мореля разной степени выраженности. Патология проявляется на костях в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости. В основе данной патологии может лежать гормональная дисфункция, в частности, снижение уровня мужских гормонов. Некоторые ученые связывают данное заболевание с нарушениями, вызванными сахарным диабетом. Не исключается также генетическая составляющая данного заболевания [6, с. 186–188; 5, с. 36–38; 7, с. 188–194]. Возраст погребенных с данной патологией на нашем материале находился в пределах 35–40 лет.

Комплексные изменения костного аппарата, характеризующиеся всадническим комплексом, отмечены у трех погребенных мужчин (2 из склепов и 1 из катакомбы).

Конечно, результаты проведенного исследования следует считать предварительными, требующими уточнения и коррекции при поступлении и изучении нового материала. Но уже на сегодняшний день полученные данные дают представление о половозрастном составе населения, оставившего могильник Левадки, и некоторых особенностях образа жизни. Выявленные патологические изменения на краниологическом материале и костях посткраниального скелета отражают стрессовые состояния, связанные с условиями обитания и физическими нагрузками. Дискретно варьирующие признаки на костях погребенных позволяют предполагать некоторые генетические связи между погребенными.

В заключение хотелось бы отметить, что даже плохой степени сохранности антропологический материал является важным источником информации для реконструкции исторических процессов, как на территории Крымского полуострова, так и за его пределами.

Таблица № 1. Патологические изменения и эпигенетические признаки.

	Подбойные				Склепы				Катакомбы			
	м	ж	д	?	м	ж	д	?	м	ж	д	?
Патологические изменения												
Зубной камень	1	1			12	4		4	3	5	2	2
Разрушение зубов					8	1			1			1
Утрата зубов	1				6	8		3	1	2		2
Эмалевая гипоплазия		1				3			3			1
Карнес					6	2			3			
Абсцесс					4	1			1			
Проявление воспалительных процессов в области наружного правого слухового прохода					5	3	3		2	2		1
Искривление носовой перегородки						1				1		
Холодовый стресс					3				2			
Дегенеративные изменения нижней челюсти	1											1
Пародонтоз										1		
Костное новообразование в носовой полости						1						
Sinus orbitalis	1	1				2	5			1		
Поротический гиперостоз					2	4			1			
Ямочки грануляций					3	2		1	3	2		
Синдром Морганьи-Стьюарта-Мореля					2							
Периостит					1		1			1		
Остеохондрит						1						
Остеохондроз позвонков						1						
Артроз костей рук	1				3	2			1	1		
Артроз костей ног	1					1				1		1
Остеофитоз костей ног	1								1			
Спондилоз					2			1	1			
Узлы Шморля					2	2		2				
Анкилоз позвонков						1		1				
Деформация позвонков					1							
Болезнь Форестье					1							
Энтезопатия надколенников	1				6			5	2	2		3
Энтезопатия костей рук					1	1						
Энтезопатия костей ног					1			9				
Травма черепа					2	1				1		
Травма конечностей		1						2				
Истончение костной ткани		2				1		1				1
Остеомиелит						1		1		1		
Искривление костей ног	1	2						1				
Всаднический комплекс					1			2				
Эпигенетические варианты												
Диастема					1							
Аденция		3			3			1	2	4		1
Нарушения направления роста зубов	1					1						
Метопизм					3	3		1		1		
Добавочные косточки на черепе	1				7	4	2		4	3		1
Межмышечковые отверстия на плечевых костях	1					1		1	1			1
Асимметрия грудины		1										
Добавочные швы на черепе										1		
Двойное ребро		1										
Остеома						1						

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1979.
3. Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И. Criba orbitalia как показатель железодефицитного состояния // Актуальные проблемы медицинской науки и образования. Материалы IV Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы медицинской науки и образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoj_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
4. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
5. Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология. М., 2000.
6. Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005.
7. Бужилова А.П., Соколова М.А. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
8. Бросалов В.М. Распространенность ряда дискретно-варьирующих признаков на черепях жителей г. Пензы XVII–XIX вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2.
9. Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.
10. Мульд С.А., Мяскин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 5–31.
11. Мульд С.А. Склеп с двумя погребальными камерами из могильника Левадки // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 94–102.
12. Мульд С.А., Кропотов В.В. Склеп 96 могильника Левадки (Центральный Крым) // РА. 2013. № 3.
13. Мульд С.А., Кропотов В.В. Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15.
14. Пашковская В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
15. Перерва Е.В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере антропологических материалов из некрополя Водянского городища // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4(28).
16. Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах западной Сибири // Вестник Московского государственного университета. Серия XXIII Антропология. 2016. № 1.
17. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., Л., 1965.
18. Амори С., Крюбези Э. Узы родства в погребальных ансамблях: дискретные признаки и древняя ДНК // Биологическая антропология и археология: к синтезу научных дисциплин. Париж, Самарканд, 2013.
19. Свадковский Б.С. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии М., 1974.
20. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2.
21. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
22. Aufrederheide A.C., Martin C.R. Human paleopathology. Cambridge, 1997.
23. Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart, 1989.
24. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Taraxacum, 1987.

25. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Vol. 123.
26. White T.D., Folkens P.A. *The human bone manual*. Academic Press, 2005. 488 p.
27. Standards for data collection from human skeletal remains // *Arkansas archeological survey research series*. Indianapolis, 1994. № 44.

REFERENCES

1. Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometrija. Metodika antropologičeskikh issledovanij*. Moscow, 1966.
2. Alekseev V.P. *Osteometrija*. Moscow, 1979.
3. Bochkareva I.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S., Isaev I.N., Andreev K.V., Panjushkina L.I. Cribra orbitalia kak pokazatel' zhelezodeficitnogo sostojanija. *Aktual'nye problemy medicinskoj nauki i obrazovanija. Materialy IV Mezhregional'noj nauchnoj konferencii «Aktual'nye problemy medicinskoj nauki i obrazovanija»*. URL: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoy_nauki_i_obrazovanija_2013.pdf
4. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologičeskie aspekty issledovanija naselenija)*. Moscow, 1995.
5. Buzhilova A.P., Kozlovskaja M.V. Byli li skify tuchnymi? (antropologičeskij analiz kremirovannyh ostankov iz skifskogo pogrebenija). *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.je. Paleojekologija, antropologija, arheologija*, Moscow, 2000.
6. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: istorija bolezni*. Moscow, 2005.
7. Buzhilova A.P., Sokolova M.A. Paleopatologičeskij analiz serij s iskusstvenno deformirovannyimi cherepami (po materialam sarmatskogo perioda). *OPUS. Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii*. Moscow, 2006.
8. Brosalov V.M. Rasprostranennost' rjada diskretno-var'irujushhix priznakov na cherepah zhitelej g. Penzy XVII–XIX vv. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No. 2.
9. Dobrovol'skaja M.V. *Chelovek i ego pishha*. Moscow, 2005.
10. Mul'd S.A., Masjakin V.V. Pozdneskifskij sklep № 20 mogil'nika u s. Levadki, *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 5–31.
11. Mul'd S.A. Sklep s dvumja pogrebal'nymi kamerami iz mogil'nika Levadki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 94–102.
12. Mul'd S.A., Kropotov V.V. Sklep 96 mogil'nika Levadki (Central'nyj Krym). *Rossijskaja arkheologija*, 2013, No. 3, pp. 114–124.
13. Mul'd S.A., Kropotov V.V. Pozdneskifskij mogil'nik Levadki v Central'nom Krymu (II v. do n.je. – III v. n.je.). *Ufmskij arkheologičeskij vestnik*, 2015, Vol. 15, pp. 117–129.
14. Pashkovskaja V.I. *Očerki sudebno-medicinskoj osteologii*. Moscow, 1963.
15. Pererva E.V. Diskretno-var'irujushhie priznaki na kostjah postkranial'nogo skeleta: na primere antropologičeskikh materialov iz nekropolja Vodjanskogo gorodishha. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2014, No. 4(28).
16. Razhev D.I. Faktory rasprostranenija porotičeskogo giperostoza v srednevekovyx gruppah zapadnoj Sibiri. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija XXIII Antropologija*, 2016, No. 1.
17. Rohlin D.G. *Bolezni drevnih ljudej*. Moscow, Leningrad, 1965.
18. Amori S., Krjubezi Je. Uzy rodstva v pogrebal'nyh ansambljah: diskretnye priznaki i drevnjaja DNK. *Biologičeskaja antropologija i arheologija: k sintezu nauchnyh disciplin*. Parizh, Samarkand, 2013.
19. Svadkovskij B.S. *Učebnoe posobie po sudebno-medicinskoj stomatologii*. Moscow, 1974.
20. Khrapunov I.N., Stojanova A.A., Mul'd S.A. Pozdneskifskij mogil'nik u s. Levadki. *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologičeskij sbornik*, Simferopol, 2001, Vol. 2, pp. 105–163

21. Khrapunov I.N., Muł'd S.A. Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v svjazi s proishozhdeniem pozdneskifskoj kul'tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, Magnitogorsk, 2004, Vol. XIV, pp. 239–269.
22. Aufrederheide A.C., Martin C.R. *Human paleopathology*. Cambridge, 1997.
23. Hauser G., De Stefano G.F. *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart, 1989.
24. Ubelaker D.H. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Chicago, Taraxacum Press, 1987.
25. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*, 2004, Vol. 123.
26. White T.D., Folkens P.A. *The human bone manual*. Academic Press, 2005, 488 p.
27. Standards for data collection from human skeletal remains. *Arkansas archeological survey research series*, Indianapolis, 1994, No. 44.

V. Yu. RADOCHIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

**PRELIMINARY RESULTS OF THE RESEARCH OF
PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE LATE SCYTHIAN
CEMETERY OF LEVADKI IN CENTRAL CRIMEA**

Abstract: This paper publishes the results of the research of palaeoanthropological material obtained during the protective archaeological excavation near the village of Levadki, Simferopol district, in 2005, 2007, and 2011–2013. The researchers have supposed that the Late Scythian cemetery of Levadki was used by the population of the settlement of Zmeinoe, located very close to it, from the middle / second half of the second or the early / first half of the first century BC to the mid-third century AD. Osseous remains were taken from 33 graves (six catacombs, ten burial vaults, and 17 undercut graves). The preservation of the materials is poor. The research undertaken has determined sex of 86 buried people (42 men and 44 women). About one third (30.7%) of the buried persons were children. The research has discovered the average age of mortality of the persons buried into graves of various types and the peaks of mortality for various population groups. Unfortunately, bad preservation of bone remains does not allow us to make full-scale craniometric and osteometric measurements. Among various kinds of pathologies revealed on bones, the diseases of dentoalveolar apparatus prevailed, particularly dental calculus, caries, and tooth loss. The predominance of dentoalveolar pathologies in the men series has been pointed out. Both sexes had locomotor apparatus diseases. More frequently, pathologies were fixed on bones of lower extremities and spinal column. Genetically determined features documented at the materials in possession could be indirect indicators of genetic relationship of the persons buried in this cemetery. The pathological changes revealed on craniological materials and bones of postcranial skeletons reflect stressful conditions of habitat and physical activities.

Key words: Crimea, Levadki, physical anthropology, palaeopathology, stress markers, discrete variable features, traumas, skull.

А. В. МАСТЫКОВА

Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

КОСТЮМ НАСЕЛЕНИЯ СИРМИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Аннотация: Рассматриваются типы костюма населения Сирмия (столица провинции *Pannonia II*) в эпоху Великого переселения народов (V–VI вв.), известные по раскопкам могильников города. Хорошо выделяется женский убор восточногерманской традиции с фибулами. Другие типы костюма не имеют такой выраженной этнокультурной атрибуции. Это погребения с элементами поясной, реже обувной гарнитуры, с ожерельями из бус, с ожерельями и арбалетными фибулами, с серьгами, а также захоронения, где элементы костюма положены рядом с покойным в виде заупокойных даров. В целом, некрополь Сирмия в эпоху Великого переселения народов сохраняет свой позднеантичный облик. Погребения представляют собой отдельные ингумации, часто с каменными конструкциями (гробницы из каменных плит, кирпича, черепицы и пр.), обычно без инвентаря или же с ограниченным набором предметов, таких как костяные гребни, пряжки, серьги. В отдельных случаях привязка кладбищ к культовым сооружениям очевидна – это могильники у городской базилики и у Октагонального сооружения / мавзолея. На этом фоне ясно, что отмеченный в погребениях Сирмия костюм отражает, в первую очередь, позднеантичные традиции горожан. Немногочисленные захоронения «варварской», прежде всего восточногерманской культурной традиции, с фибулами на плечах или с обувной гарнитурой, свидетельствуют о внедрении и последующей интеграции отдельных групп варваров (остроготы, гепиды) в население Сирмия.

Ключевые слова: Северная Сербия, *Sirmium*, эпоха Великого переселения народов, восточногерманские культурные традиции, ингумации, костюм, элементы костюма.

Данная работа посвящена костюму населения города Сирмий / *Sirmium* (территория современной Северной Сербии). Сирмий, некогда одна из столиц римской Империи, главный город провинции *Pannonia II* и резиденция епископа, в эпоху Великого переселения народов становится яблоком раздора между римлянами и варварами. Гунны, остроготы и гепиды претендуют на этот город, его захватывает армия императора Юстиниана, а в 582 г. после долгой и изнурительной осады Сирмий захватывают авары, чем собственно и заканчивается его позднеантичная история [41; 6]. Недавно материалы некрополя Сирмия, состоявшего из нескольких кладбищ

(участков) (рис. 1), а также изолированные находки эпохи Великого переселения народов конца IV – середины VI в. были монографически опубликованы [32]¹, что и дает возможность предложить типологию костюма [см.: 18, р. 205, 206]².

Костюм германской традиции с фибулами

Женский костюм с парой крупных литых фибул, носимых на груди, отмечен в двух могилах некрополя Сирмия: это погребение 1 участка Сирмий-3 и погребение 149 участка Мачванска Митровица / Маџvanska Mitroviца. С точки зрения датировки и происхождения убора особенно показательными являются некоторые фибулы и пряжки из этих погребений. К сожалению, антропологический материал рассматриваемых погребений был недоступен для изучения.

В погребении 1 участка Сирмий-3 были обнаружены две большие пальчатые фибулы из позолоченного серебра длиной 15,1 см, с полукруглой головкой с пятью пальцами и с ромбической ножкой, украшенной рельефным волутообразным декором (рис. 2,1,2). По краям фибул – бордюр, состоящий из маленьких треугольников с чернью, так называемый волчий зуб. На фибулах имеются выступы, которые инкрустированы красными камнями или красным стеклом³. Помимо фибул в погребении были найдены две бусины у головы. Одна бусина – янтарная дисковидной формы (рис. 2,3). Бусы такого типа появляются в позднеримское время и получают широкое распространение, от волжских степей и Абхазии до Пиренейского полуострова, особенно в течение всего V – первой половины VI в., но известны и позднее, до первой трети VII в. [17, р. 59–62; 3, с. 95–98, рис. 114,3–8; 5, с. 28, табл. 24,23–32]. Вторая бусина из этого погребения – веретеновидной формы с поперечным рифлением на тулове из золотой фольги (рис. 2,4). Подобные золотые бусы можно датировать периодом от D2/D3 до периода D3, что соответствует 430/440 по 450/480 гг. [18, р. 196, там же список находок и библиография].

Большие фибулы, подобные сирмийским, появляются в период D3 (450–470/480 гг.), согласно хронологии европейского Барбарикума. В течение второй половины V в. эти фибулы распространяются, прежде всего, у германского населения Среднего Дуная, а также появляются в Италии и в Крыму, в частности в Керчи, несомненно в результате контактов со Средним Дунаем [см. подробнее: 18, р. 157, 158, там же список находок и библиография]. Довольно сложно выделить внутри этой малочисленной группы фибул типологические серии, поскольку каждая пара этих роскошных украшений явно производилась по индивидуальному заказу. Наиболее близки фибулам из Сирмия застежки из гепидской могилы Берегово / Берегсac / Beregszász в Закарпатье [13, Taf. 204,14,15]. Это погребение было отнесено Г. Чалланем к 454–472 гг. [13, S. 220, 239]. Стоит отметить, что в могиле Берегово, как и в погребении 1 участ-

¹ Материал некрополя в этой монографии был издан Ивановой Попович [31]. Далее в тексте все погребения цитируются по этой работе. Антропологический материал был изучен Наташей Миладинович-Радмилович [25; 26].

² Здесь учтены лишь погребения, где имеется информация о местоположении элементов костюма.

³ Определение материала вставок не проводилось.

ка Сирмий-3, тоже были обнаружены характерные бусы из золотой фольги, а также перстень с инкрустированным щитком и кувшин типа Мурга. Сочетание этих предметов позволяет отнести погребение в Берегово к периоду D3 (450–470/480 гг.) [см. подробнее: 18, р. 158].

Погребение 149 участка Мачванска Митровица содержало две непарные фибулы, поясную пряжку и янтарные бусы дисковидной формы⁴, лежавшие в правой части груди, вероятно, составлявшие ожерелье (рис. 3). Одна из фибул, бронзовая, длиной 7,5 см, имеет прямоугольную головку и ромбическую ножку с зооморфным окончанием. Поверхность фибулы покрыта циркульным декором (рис. 3,4). Эта застежка, скорее всего, гепидского происхождения, поскольку наиболее близкие ей аналогии происходят из погребения 202 могильника Сентеш-Берекхат / *Szentes-Berekhát* в бассейне Тиссы, принадлежавшего гепидам [13, Taf. 83,1,2]. Дериват этой серии фибул найден и в погребении 31 гепидского некрополя Мадырчанад-Бёкенъ / *Magyarcsaná-Bökény*, также в бассейне Тиссы [28, Taf. 24,31.7]. Фибула похожей формы, но меньшего размера и без циркульного декора была найдена в погребении 11 гепидского некрополя Морешть / *Moreşti* в Трансильвании [15, Abb. 75,3].

Вторая фибула из погребения 149 в Мачванской Митровице – железная арбалетная с подвязной ножкой и пластинчатой спинкой, длиной 6,5 см (рис. 3,1), принадлежит к так называемой западно-балканской группе подвязных фибул, датированной поздним V веком [40, S. 151, Abb. 7]. Такие фибулы достаточно типичны для Западного Иллирикума [см. подробнее: 18, р. 159, 160, там же библиография и список памятников]. Видимо, к той же группе надо отнести и подвязные фибулы, найденные в могиле 155 гепидского некрополя Кишзомбор / *Kiszombor* [13, Taf. 135,13].

Из погребения 149 происходит поясная серебряная пряжка, длиной 13 см, со щитком ромбической формы и округлой рамкой, украшенная рельефным волутообразным декором (рис. 3,3). Она является восточногерманской по происхождению и принадлежит довольно большой группе пряжек с ромбическим щитком. Экземпляр из погребения 149 относится к типу Мачванска Митровица-Ношлак второй половины V в., к этому типу также можно отнести пряжки из Майкопа на Северном Кавказе и Вилкитен / *Wilkiten* из Малой Литвы [см. подробнее: 18, р. 161, 162, там же библиография].

Таким образом, убор, представленный в этих двух погребениях, с фибулами на плечах, вне всякого сомнения, является восточногерманским по происхождению [9; 10; 38; 22; 4]. Он типичен для восточногерманского населения Среднего Дуная, Балкан и Италии в V – середине VI в. Так, в балкано-дунайской зоне убор с двумя фибулами на плечах и ожерельем, как в погребении 1 могильника Сирмий-3, отмечен, например, в следующих захоронениях: в погребении 15 могильника Дравлье / *Dravlje* [35, Tabl. 15]; погребении 18 могильника Ваюга [30, Taf. 1, Abb. 10]; погребении 66 могильника Сентеш-Кёкенъзуг / *Szentes-Kökényzug* [13, Taf. 13,1–7]; погребении 4 могильника Сурдокпюшпёки / *Szurdokpüspöki* [8]; погребении 1 могильника

⁴ В музейном каталоге указано, что в этом погребении было шесть янтарных бус и одна халцедоновая; на плане погребения – 6 экз., а на иллюстрации предметов погребения (рис. 3,2) – 5 бусин.

Артанд-Ленчешдомб / Artánd-Lencsésdomb [23, Taf. 1]; Аквинкум (*Aquincum*)-Амфитеатр [27]; погребении 18 могильника Хач-Бендекпуста / Hács-Bendekpuszta [19, Abb. 12]; погребении 210 могильника Сексард-Паланк / Szekszárd-Palánk [20, Abb. 5]; Сикеница-Велки Песек / Sikenica-Velký Pesek [12, S. 416, IX.30, Taf. 68]; Тасов / Tasov [36, Taf. II, 5, 6]; Рабапордань / Rábarordány [7, Taf. 10–12]; Мако / Makó [14]⁵.

Что же касается костюма с двумя непарными фибулами на плечах, ожерельем и поясной пряжкой, как в погребении 149 участка Мачванска Митровица, то в балкано-дунайской зоне поздняя реплика такого убора есть в погребении 133 могильника Виминациум / *Viminacium*, датированном второй третью VI в. [17, p. 180–182, pl. 21].

Другие типы костюма

В других погребениях Сирмия элементы костюма не столь примечательны, тем не менее можно выделить несколько типов.

1. Погребения, содержавшие только элементы поясной гарнитуры в районе тазовых костей. Обычно это одна или две пряжки, представленные в ряде погребений: кладбище у Октагонального сооружения, погребения 3 и 4; кладбище Сирмий-1а, погребения 3.2006, 4а.2006, 7б.2007; кладбище Сирмий-47, погребения 5 и 6; кладбище Сирмий-85, погребение 158 (рис. 4–6; 8, А:а). В некоторых из этих захоронений (Сирмий-1а, погребение 4а.2006; Сирмий-47, погребение 5; Сирмий-85, погребение 158) в районе тазовых костей были также обнаружены ножи, реze железные кресала (Сирмий-85, погребение 158), видимо, подвешивавшиеся к поясу. Антропологические исследования показали, что погребения 3.2006, 4а.2006, 7б.2007 кладбища Сирмий-1а и погребение 158 кладбища Сирмий-85 являются мужскими, а погребение 4б.2006 на кладбище Сирмий-1а – женским.

В эпоху Великого переселения народов такой тип костюма хорошо известен практически повсюду в Европе. В Паннонии и Иллирикуме могилы, содержавшие подобные элементы убора, известны, например, в некрополях Кормадин-Яково [1]; Чаквар / Csákvár [33]; Хач-Бендекпуста / Hács-Bendekpuszta [19]; Книн / Knin [42]; Раковчани / Rakovčani [24]; Дравлье [35]; Виминациум / *Viminacium* [17]; Сингидунум / *Singidunum* III [16]; Сексард-Паланк, погребении 207 [20, Abb. 5, 1]; Пула / Pula, погребение 3 [21, Tabl. 1, 4]; Рифник / Rifnik, погребение 24 [11, Tabl. 6, 3–5].

2. Погребения, содержавшие ожерелье из бус. Для некрополя Сирмия можно назвать только погребение 4б.2006 на кладбище Сирмий-1а, причем погребение было парным (рис. 8, А). Как уже говорилось выше, антропологическая экспертиза показала, что здесь были захоронены мужчина и женщина. На женском костяке (рис. 8, А:б) было обнаружено ожерелье из 20 бусин. Из них – одна янтарная уплощенная бусина бипирамидальной формы и девятнадцать стеклянных: желтая шаровидной формы с накладными многослойными (сине-белыми) «глазками» (1 экз.); шаровидной формы, вероятно, с «золотой» прокладкой (1 экз.); бесцветные шаровидные, возможно, двуслойные (3 экз.); витые неправильной шаровидной, цилиндрической,

⁵ Сердечно благодарю Валерию Кульчар за постоянные консультации и помощь в работе.

эллипсоидной формы черно-коричневого цвета (14 экз.) (рис. 8,А:5) [18, р. 197–201, pl. 1,6, там же библиография и список памятников].

Ожерелья из бус в Подунавье в эпоху Великого переселения народов достаточно часто входят в состав женского убора. Могилы, содержавшие только ожерелье, хорошо известны для этого времени в Паннонии и Иллирикуме, например: Кормадин-Яково, погребение 3.1956–1957 [1, табл. 7,2]; Чаквар, погребения 24, 42 [33, Abb. 7,24,25; 9,42]; Хач-Бендекпуста, погребение 14 [19, Abb. 11,14]; Мёж / Mőzs, погребение 29 [34, pl. 2,5–7]; Фенекпуста / Fenékpuszta, погребение 6 [29, Abb. 1,6]; Виминациум, погребения 33, 49, 134, 206, 1461 1804, 2016 [17]; Книн, погребение 53 [42, Tab. 9,8–10]; Сингидунум III, погребение 79 [16, pl. 7,79].

3. Погребения, содержавшие арбалетную фибулу и несколько бус. Погребение 1 участка Сирмий-47 содержало арбалетную фибулу, находившуюся на левом плече погребенного (рис. 7,А:1), и две небольшие бусины на левой стороне груди⁶ (рис. 7,А:2). Бусы могли входить в колье, или служить подвесками к одежде, или же быть заупокойным даром. В качестве параллели можно назвать погребение 3 могильника Виминациум [17, р. 138, pl. 1,3].

4. Погребения, содержавшие элементы поясной и обувной гарнитуры. В погребении 1.1961 г. из Восточного кладбища (сектор V/137) женские вещи – шесть бусин из золотой фольги веретеновидной формы (рис. 7,Б:2) и три серьги с цельнолитыми полиэдрическими окончаниями (рис. 7,Б:3,5) – были помещены у головы и ног погребенного, возможно, в качестве заупокойного дара. Погребение относится к концу IV – началу V в. и содержало, в частности, металлические элементы ременной гарнитуры обуви (рис. 7,Б:4,6). Этот элемент абсолютно чужд для инвентаря римских погребений позднеантичного времени, но достаточно хорошо известен в восточноевропейском Барбарикуме, в частности, у готов черняховской культуры и у сармато-алан. У дунайских варваров обувные гарнитуры также встречаются [см. подробнее: 17, р. 154–156]. В дунайском регионе такой костюм известен для V–VI вв., в частности, в «княжеском» контексте, например, в известной могиле Блущина / Blučina в Южной Моравии [см.: 39, obr. 3; 37, obr. 53]. Что же касается рядового населения, то этот тип костюма представлен в некоторых погребениях в Виминациуме: 50, 115 и 1608 [17, р. 154–156, 166, 212, pl. 8, 13, 38].

5. Погребения, содержавшие серьги. В погребении 4 на участке Сирмий-ТС1, у черепа погребенного была обнаружена серьга (рис. 8,Б). Впрочем, трудно сказать была ли в могиле только одна серьга или же пара, поскольку вторая серьга была зафиксирована около погребения, в 30 см к югу от него⁷.

6. Погребения, содержавшие элементы костюма только в виде заупокойных даров. Такие случаи засвидетельствованы на могильнике около Октагонального

⁶ Эти две бусины в музейной коллекции не были найдены.

⁷ Одна серьга – проволочная, вторая – с надетой на проволочную дужку бусиной из черного стекла, имеющей декор в виде белой волнистой линии. Указать, какая из серег обнаружена в погребении, а какая – возле него – не представляется возможным, т.к. информация об этом отсутствует.

сооружения: погребение 2 (стеклянная бусина – 1 экз.⁸) и погребение 5 (две железных и одна овальная костяная пряжка) (рис. 9), где эти предметы были помещены в могилу рядом с покойным. Такие погребения иногда встречаются в Паннонии и Илирикуме. В качестве аналога можно привести погребение 1218 в Виминациуме [17, р. 208].

* * *

В целом некрополь Сирмия в эпоху Великого переселения народов сохраняет свой позднеантичный облик. Погребения представляют собой отдельные ингумации, часто с каменными конструкциями (гробницы из каменных плит, кирпича, черепицы и пр.), обычно без инвентаря или же с ограниченным набором предметов, таких как костяные гребни, пряжки, серьги. В отдельных случаях привязка кладбищ к культовым сооружениям очевидна – это могильники у городской базилики и у Октагонального сооружения / мавзолея [31]. На этом фоне ясно, что отмеченный в погребениях Сирмия костюм отражает, в первую очередь, позднеантичные традиции горожан. Немногочисленные захоронения «варварской», прежде всего, восточногерманской культурной традиции, с фибулами на плечах или с обувной гарнитурой, свидетельствуют о внедрении и последующей интеграции отдельных групп варваров (остроготы, гепиды) в население Сирмия [2, с. 228–230].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Димитријевић Д. Гепидска некропола «Кормадин» код Јакова // Рад војвођанских музеја. 1960. № 9. С. 5–50.
2. Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Варвары в городе: погребения германцев в городских некрополях Северного Илирикума в ранневизантийское время // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История, Регионоведение Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 227–238.
3. Мاستыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
4. Мاستыкова А.В. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О. В. Шаров. СПб., Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2011. С. 341–366.
5. Мاستыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1: в 2-х т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
6. Поповић В. Sirmium. Град царева и мученика. Сремска Митровица: Благо Сирмијума, 2003. 364 с.
7. Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 S. (Archaeologia Hungarica. 9).
8. Bácsmeği G., Guba S. Létúnt korok emelkezetete. Szurdopüstoki régimúltja a legújabb régészeti kutatások tükrében. Szurdokpüspöki: Önkormányzat, 2007. 31 S.
9. Bierbrauer V. Zur chronologischen, sociologischen und regionales Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert / Hrsg. H. Wolfram, F. Daim. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. S. 131–142.

⁸Эту бусину осмотреть не удалось, поскольку в музейной коллекции она не была найдена.

10. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien)-Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1991. Jg. 38. S. 541–592.
11. Bolta J. Rifnik. Arheološki izsledni in problematica // *Arheološki vestnik*. 1967. Vol. 18. S. 397–416.
12. Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit / Hrsg. G. Bott. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum, 1987. 632 S.
13. Csallany G. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaauraum (454–568 u.Z.). Budapest: Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961. 406 S.
14. Diaconu G.H., Dörner E. Zwei ostgotische Fibeln im Arader Museum // *Dacia*. 1967. No. 11. S. 349–354.
15. Horedt K. Moreşti. Grabungen in einer vor- und frühgeschichtlichen Siedlung in Siebebürgen. Buaarest: Kriterion, 1979. 220 S.
16. Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // *Singidunum*. 2002. Vol. 3. P. 101–157.
17. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: ACHByz, 2006. 352 p.
18. Kazanski M., Mastykova A. La culture matérielle. VI. Objets en métal. VII. Objets en os. VIII. Objets en verre et perles. IX. Reconstitution possible du costume // *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations* / Eds. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2017. P. 157–214.
19. Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Bendekpuszta (Westungarn) aus dem 5.-6. Jahrhundert // *Acta Antiqua Hungarica*. 1995. No. 36. S. 275–342.
20. Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien // *Zalai Múzeum*. 1996. No. 6. S. 53–86.
21. Marušić B. Neki nalazi iz vremena seobe naroda u Istri // *Jadranski zbornik*. 1961–1962. No. 5. S. 159–175.
22. Mastykova A. Le costume féminin de la civilisation de Černjahov avec des fibules en tôle métallique // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 2007. P. 201–217.
23. Mesterházy K. Artánd – Lencsésdomb // *Gepidische Gräberfelder im Theisgebiet II* / Hrsg. J. Cseh et al. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2005. S. 54–56.
24. Miletić N. Ranosrednjovjekovna nekropola u Rakovčanima // *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu*. 1970. No. 25. S. 119–177.
25. Miladinović-Radmilović N. Sirmium. Necropolis. Beograd, Sremska Mitrovica: Arheološki Institut – Blago Sirmijuma, 2011. 593 s.
26. Miladinović-Radmilović N. Matériel ostéologique humain des tombeaux des Ve et VIe siècles // *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations* / Eds. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2017. P. 93–125.
27. Nagy M. Óbuda a népvándorlás korban // *Budapest Régiségei*. 1993. S. 353–395.
28. Nagy M. Magyararsanád-Bökény // *Gepidische Gräberfelder am Theisgebiet II* / Hrsg. J. Cseh et al. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2005. S. 251–256, 304–312.
29. Pekáry T. Későromai sírok Fenékpusztai // *Archaeológiai Értesítő*. 1955. No. 82. S. 19–26.
30. Popović V. Die süddanubischen Provinzen in der Spätantike vom Ende des 4. bis zur Mitte des 5. Jahrhunderts // *Die Völker Südeuropas im 6. bis 8. Jharhunderts* / Hrsg. B. Hänsel. Berlin, München: Südosteuropa-Ges. u.a., 1987. S. 95–140.
31. Popović I. Les nécropoles des Ve et VIe siècles // *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations* / Eds. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2017. P. 39–92.

32. Sirmium à l'époque des Grandes Migrations / Eds. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2017. 274 p. (Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies, 53).
33. Salamon A., Barkóczi L. Bestungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts // *Alba Regia*. 1971. No. 11. S. 35–76.
34. Salamon A., Lengyel I. Kinship Interpretations in a Fifth-Century "Pannonian" Cemetery An Archaeological and Paleobiological Sketch of the Population. Fragment Buried in the Möszt Cemetery, Hungary // *World Archaeology*. 1980. No. 12. P. 93–104.
35. Slabe M. Dravlje. Grobišče iz časov preseljevanja ljudstev (Situla 16). Ljubljana: Narodni muzej, 1975. 157 s.
36. Tejral J. Grundzüge der Völkerwanderungszeit in Mähren. Praha: Academia, 1976. 120 S.
37. Tejral J. Morava na sklonku antiku. Praha: Academia, 1982. 253 s.
38. Tempelmann-Maczyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1989. 177 S.
39. Tihelka K. Knižeci hrob z období stěhování národu u Blučín, okr. Brno-Venkov // *Památky archeologické*. 1963. No. 54. S. 467–498.
40. Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1992. 600 S.
41. Vinski Z. Arheološki spomenici velike seobe naroda u Srijemu (Situla 2). Ljubljana: Narodni muzej, 1957. 54 s.
42. Vinski Z. Razmatranja o iskopavanjima u Kninu na nalazištu Greblji // *Starohrvatska prosvjeta*. 1991, No. 19, ser. III. S. 5–74.

REFERENCES

1. Dimitrijevič D. Gepidska nekropola «Kormadin» kod Jakova. *Rad vojvočanskih muzeja*, 1960, No. 9, pp. 5–50.
2. Kazanskii M.M., Mastykova A.V. Varvary v gorode: pogrebeniia germantsev v gorodskikh nekropoliakh Severnogo Illirikuma v rannevizantiiskoe vremia. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 4. Istorii, Regionovedenie Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, Vol. 22. No. 5, pp. 227–238.
3. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – serebine VI v. Moscow*, Institut arkhologii RAN Publ., 2009, 502 p.
4. Mastykova A.V. Zhenskii kostium cherniakhovskoi kul'tury s dvuplastinchatymi fibulami. Sharov O.V. (Ed.), *Peterburgskii apokrif. Poslanie ot Marka*, St-Petersburg, Kishinev, Vysshiaia Antropologicheskaia Shkola Publ., 2011, pp. 341–366.
5. Mastykova A.V., Kazanskii M.M., Saprykina I.A. *Pashkovskii mogil'nik № 1*: in 2 vol. T. 2: Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika № 1. Moscow, Institut arkhologii RAN Publ., St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, 372 p.
6. Popovich V. *Sirmium. Grad tsareva i muchenika*. Sremska Mitrovitsa, Blago Sirmijuma Publ., 2003, 364 p.
7. Alföldi A. *Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 1932, 90 p.
8. Bácsmegi G., Guba S. *Létúnt korok emelékezete. Szurdopüstoki régmúltja a legújabb régészeti kutatások tükrében*. Szurdokpüspöki, Önkormányzat, 2007, 31 p.
9. Bierbrauer V. Zur chronologischen, sociologischen und regionalesn Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa. Wolfram H., Daim F. (Hrsg.), *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert*, Wien, Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980, pp. 131–142.
10. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien)-Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in

- Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1991, Jg. 38, pp. 541–592.
11. Bolta J. Rifnik. Arheološki izsledni in problematika. *Arheološki vestnik*, 1967, Vol. 18, pp. 397–416.
 12. Bott G. (Hrsg.), *Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit*. Nürnberg, Germanisches Nationalmuseum Publ., 1987, 632 p.
 13. Csallany G. *Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonauraum (454–568 u.Z.)*. Budapest, Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961, 406 p.
 14. Diaconu G.H., Dörner E. Zwei ostgotische Fibeln im Arader Museum. *Dacia*, 1967, No. 11, pp. 349–354.
 15. Horedt K. *Morești. Grabungen in einer vor- und frühgeschichtlichen Siedlung in Siebebürgen*. Bucarest, Kriterion Publ., 1979, 220 p.
 16. Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à *Singidunum*. *Singidunum*, 2002, Vol. 3, pp. 101–157.
 17. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations*. Paris, ACHByz, 2006, 352 p.
 18. Kazanski M., Mastykova A. La culture matérielle. VI. Objets en métal. VII. Objets en os. VIII. Objets en verre et perles. IX. Reconstitution possible du costume. Popović I., Kazanski M., Ivanišević V. (Eds.), *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*. Leuven, Paris, Bristol, Peeters Publ., 2017, pp. 157–214.
 19. Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Bendekpuszta (Westungarn) aus dem 5.-6. Jahrhundert. *Acta Antiqua Hungarica*, 1995, No. 36, pp. 275–342.
 20. Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien. *Zalai Múzeum*, 1996, No. 6, pp. 53–86.
 21. Marušić B. Neki nalazi iz vremena seobe naroda u Istri. *Jadranski zbornik*, 1961–1962, No. 5, pp. 159–175.
 22. Mastykova A. Le costume féminin de la civilisation de Černjahov avec des fibules en tôle métallique. Tejral J. (Hrsg.), *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno, Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 2007, pp. 201–217.
 23. Mesterházy K. Artánd – Lencsésdomb. Cseh J. et al. (Hrsg.), *Gepidische Gräberfelder im Theisgebiet II*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 2005, pp. 54–56.
 24. Miletić N. Ranosrednjovjekovna nekropola u Rakovčanima. *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu*, 1970, No. 25, pp. 119–177.
 25. Miladinović-Radmilović N. *Sirmium. Necropolis*. Beograd, Sremska Mitrovica, Arheološki Institut – Blago Sirmijuma Publ., 2011, 593 p.
 26. Miladinović-Radmilović N. Matériel ostéologique humain des tombeaux des Ve et VIe siècles. Popović I., Kazanski M., Ivanišević V. (Eds.), *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*. Leuven, Paris, Bristol, Peeters Publ., 2017, pp. 93–125.
 27. Nagy M. Óbuda a népvándorlás korban. *Budapest Régiségei*, 1993, pp. 353–395.
 28. Nagy M. Magyararsanád-Bökény. Cseh J. et al. (Hrsg.), *Gepidische Gräberfelder im Theisgebiet II*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 2005, pp. 251–256, 304–312.
 29. Pekáry T. Későromai sírok Fenékpusztai. *Archaeológiai Értesítő*, 1955, No. 82, pp. 19–26.
 30. Popović V. Die süddanubischen Provinzen in der Spätantike vom Ende des 4. bis zur Mitte des 5. Jahrhunderts. Hänsel B. (Hrsg.), *Die Völker Südeuropas im 6. bis 8. Jharhunderts*. Berlin, München, Südosteuropa-Ges. u.a., 1987, pp. 95–140.
 31. Popović I. Les nécropoles des Ve et VIe siècles. Popović I., Kazanski M., Ivanišević V. (Eds.), *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*. Leuven, Paris, Bristol, Peeters Publ., 2017, pp. 39–92.
 32. Popović I., Kazanski M., Ivanišević V. (Eds.), *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*. Leuven, Paris, Bristol, Peeters Publ., 2017, 274 p. (Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies, 53).

33. Salamon A., Barkóczy L. Bestungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts. *Alba Regia*, 1971, No. 11, pp. 35–76.
34. Salamon A., Lengyel I. Kinship Interpretations in a Fifth-Century “Pannonian” Cemetery An Archaeological and Paleobiological Sketch of the Population. Fragment Buried in the Möszt Cemetery, Hungary. *World Archaeology*, 1980, No. 12, pp. 93–104.
35. Slabe M. *Dravljje. Grobišče iz časov preseljevanja ljudstev (Situla 16)*. Ljubljana, Narodni muzej Publ., 1975, 157 p.
36. Tejral J. *Grundzüge der Völkerwanderungszeit in Mähren*. Praha, Academia Publ., 1976, 120 p.
37. Tejral J. *Morava na sklonku antiku*. Praha, Academia Publ., 1982, 253 p.
38. Tempelmann-Maczynska M. *Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit*. Kraków, Uniwersytet Jagielloński Publ., 1989, 177 p.
39. Tihelka K. Knížeci hrob z období stěhování národu u Blučiny, okr. Brno-Venkov. *Památky archeologicke*, 1963, No. 54, pp. 467–498.
40. Uenze S. *Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien)*. München, C.H. Bech'she Verlagsbuchhandlung, 1992, 600 p.
41. Vinski Z. *Arheološki spomenici velike seobe naroda u Srijemu (Situla 2)*. Ljubljana, Narodni muzej, 1957, 54 p.
42. Vinski Z. Razmatranja o iskopavanjima u Kninu na nalazištu Greblji. *Starohrvatska prosvjeta*, 1991, No. 19, ser. III, pp. 5–74.

A. V. MASTYKOVA

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

THE COSTUME OF THE POPULATION OF SIRMIMUM IN THE GREAT MIGRATION PERIOD

Abstract: This paper addresses the type of costume of the population of *Sirmium* (capital city of the province of *Pannonia II*) in the Great Migration period (fifth and sixth centuries), known from the excavations at the cemetery of this city. There is well determinable female attire of the Eastern Germanic traditions with the brooches: other types of costume do not have such a pronounced ethno-cultural attribution. There are graves featuring belt or, rarely, footwear fittings, necklaces of beads, necklaces and crossbow brooches, earrings, and costume elements placed near the dead person as funeral offerings. Generally, the cemetery of *Sirmium* from the Great Migration period kept its late antique appearance. The graves are separate inhumations, often with stone constructions (tombs of stone slabs, bricks, roof-tiles, etc.), usually accompanied with no grave goods or a limited number of artefacts, such as bone combs, buckles, and earrings. There are few cases when cemeteries were obviously related to cult constructions, such as the cemetery at the urban basilica and the one at the octagonal structure / mausoleum. It becomes evident against this background, that the attire of *Sirmium* documented in the graves reflects primarily late antique traditions existing among the city residents. A few burials of “barbarian” and primarily Eastern Germanic cultural tradition with brooches on shoulders or footwear fittings testify to the introduction and later integration of separate groups of barbarians (Ostrogoths and Gepids) into the population of *Sirmium*.

Key words: Northern Serbia, *Sirmium*, Great Migration period, Eastern Germanic cultural traditions, inhumations, costume, costume parts.

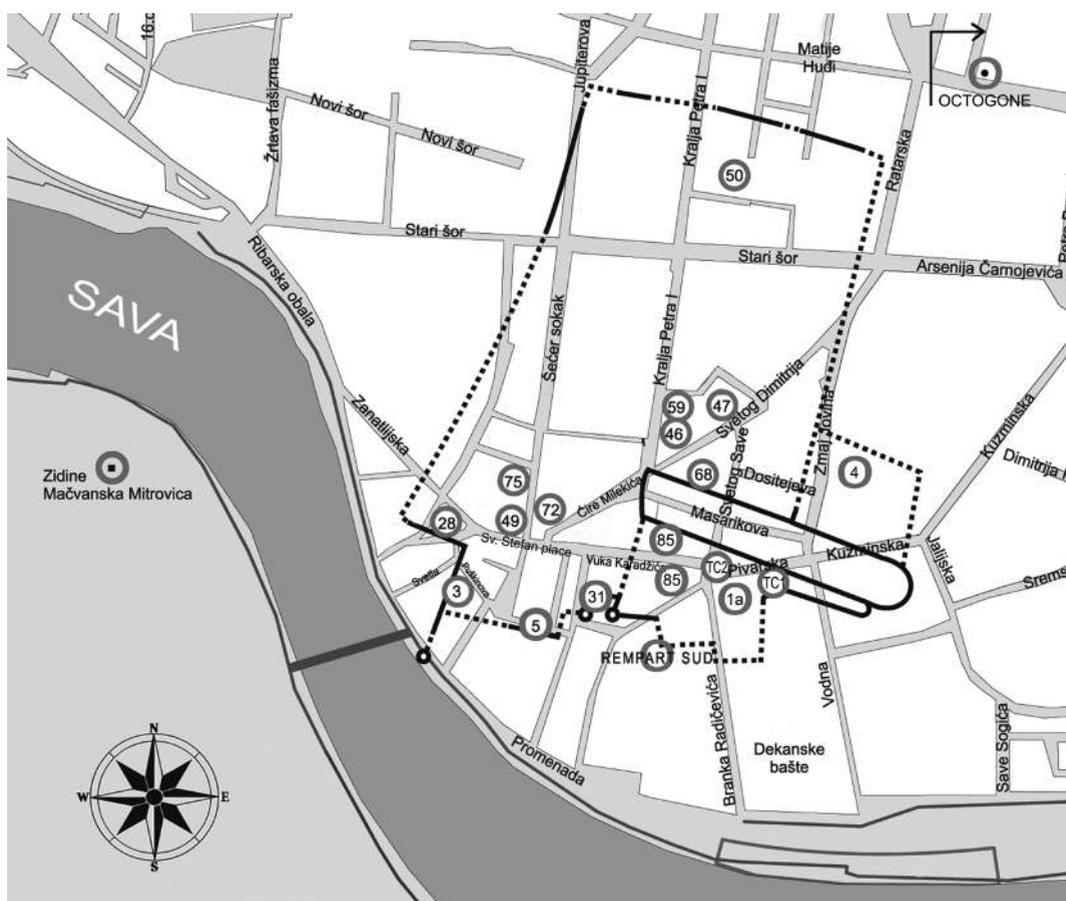

Рис. 1. Сирмий. Топография могильников V–VI вв. [по: 31, plan 1]

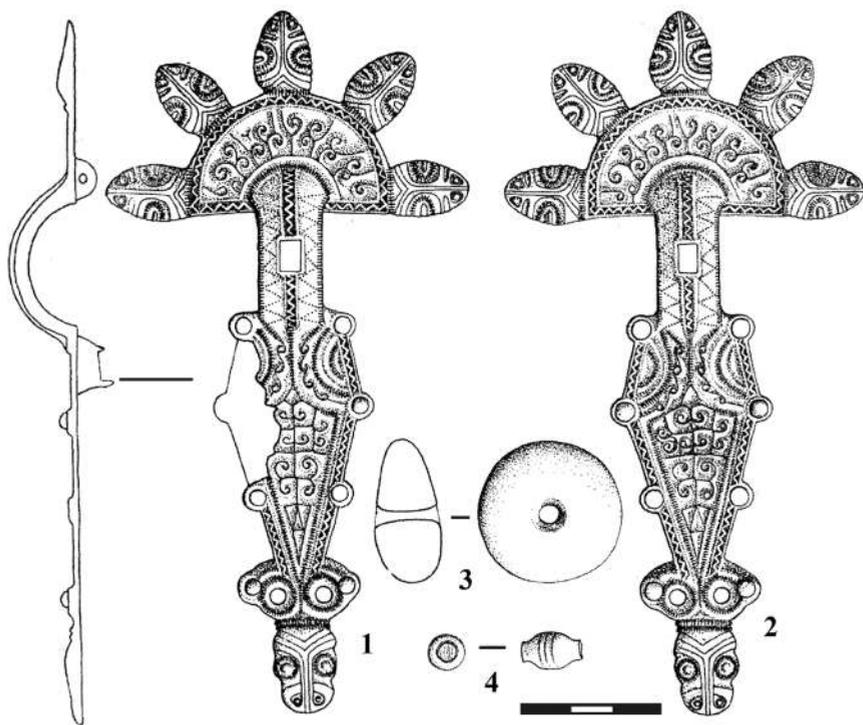

Рис. 2. Сирмий, вещи из погребения 1, участка 3 [по: 31, pl. 2,3]

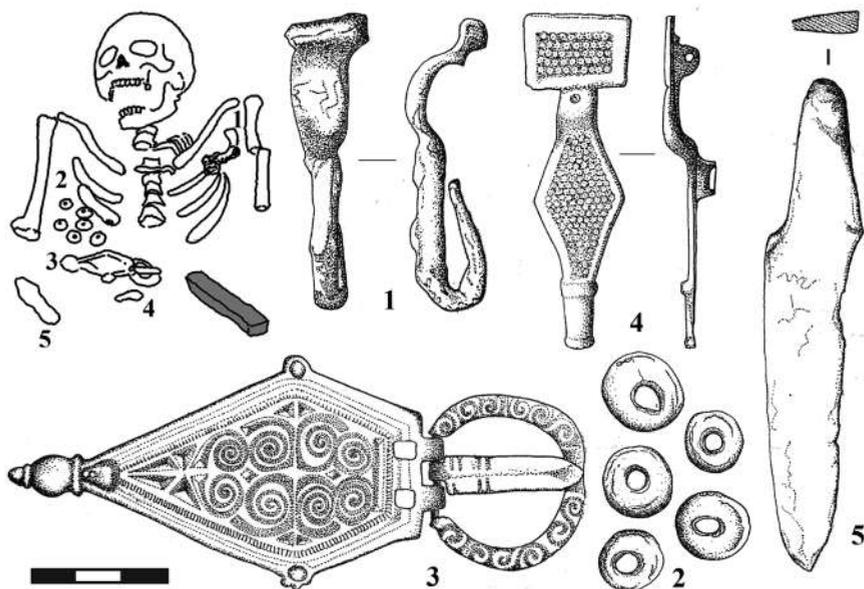

Рис. 3. Сирмий, погребение 149 кладбища Мачванска Митровица / Mačvanska Mitrovića [по: 31, pl. 9]

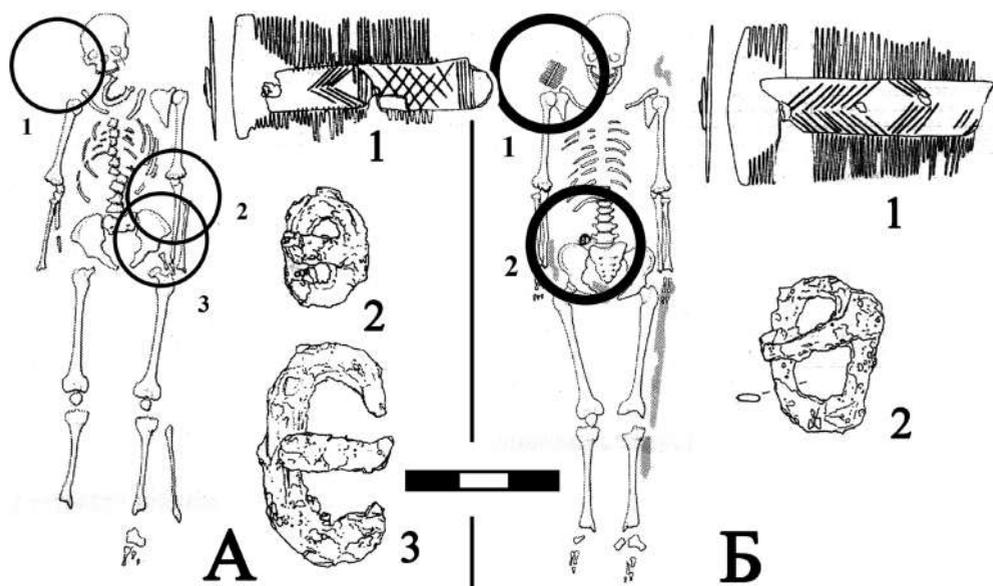

Рис. 4. Сирмий, погребения 3 (А) и 4 (В) у Октагонального сооружения [по: 31, рл. 10,2,3]

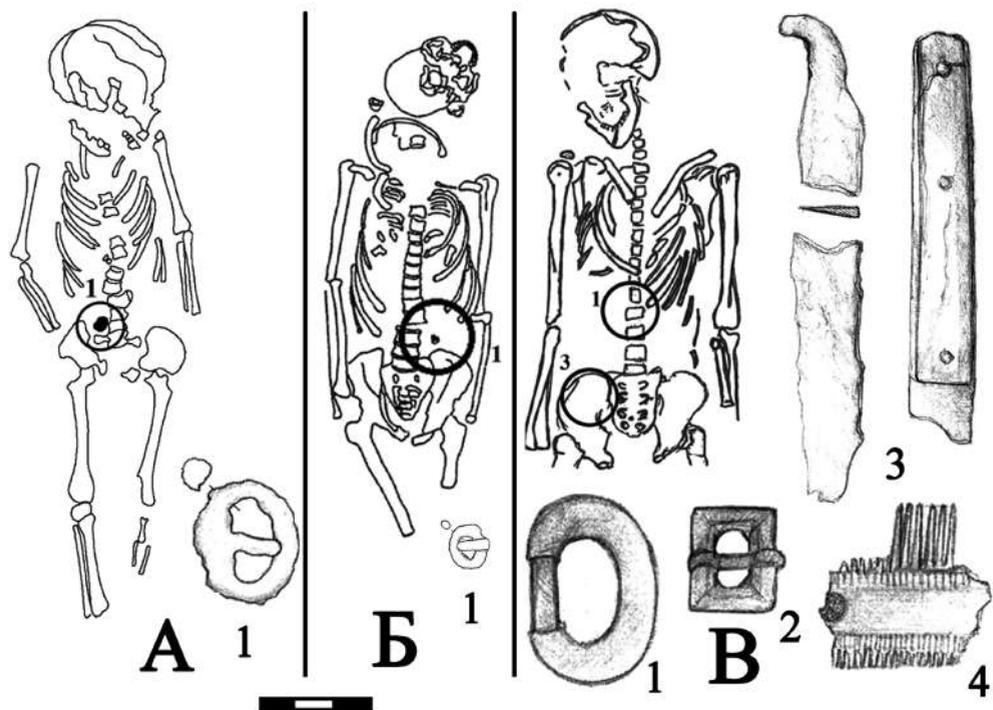

Рис. 5. Сирмий, погребение 3.2006, участка 1а (А); погребение 7b.2006 (Б); погребение 158, участка 85 (В) [по: 31, рл. 4,1; 6,2; 8,2]

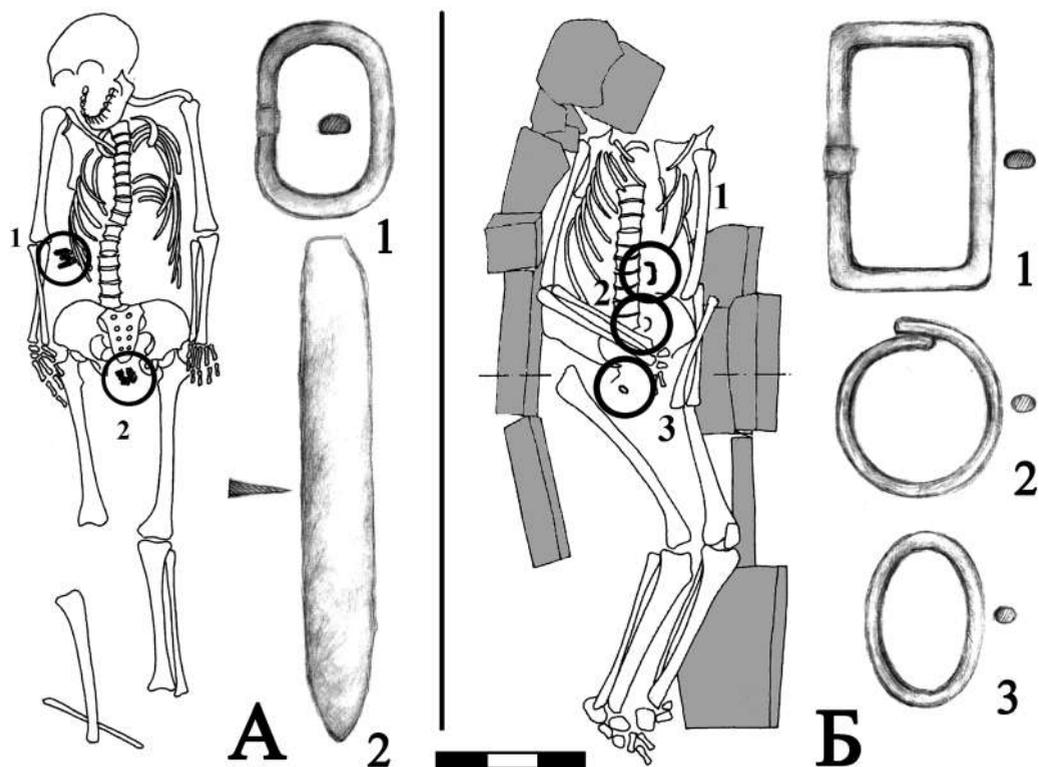

Рис. 6. Сирмий, погребение 5 (А) и погребение 6 (Б), участка 47 [по: 31, pl. 1,3; 2,1]

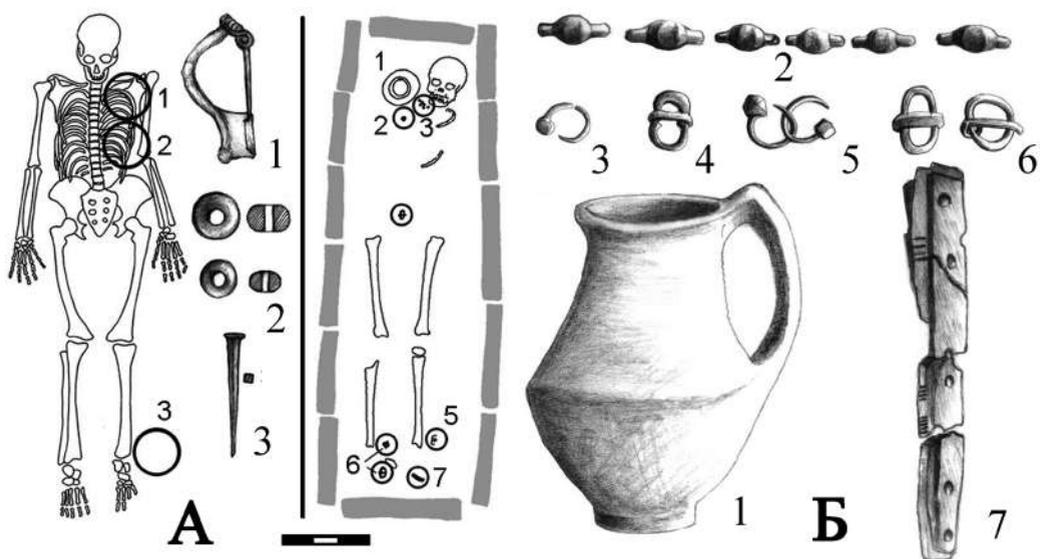

Рис. 7. Сирмий, погребение 3, участка 47 (А); погребение 1 из Восточного кладбища (Б) [по: 31, pl. 1,1,2]

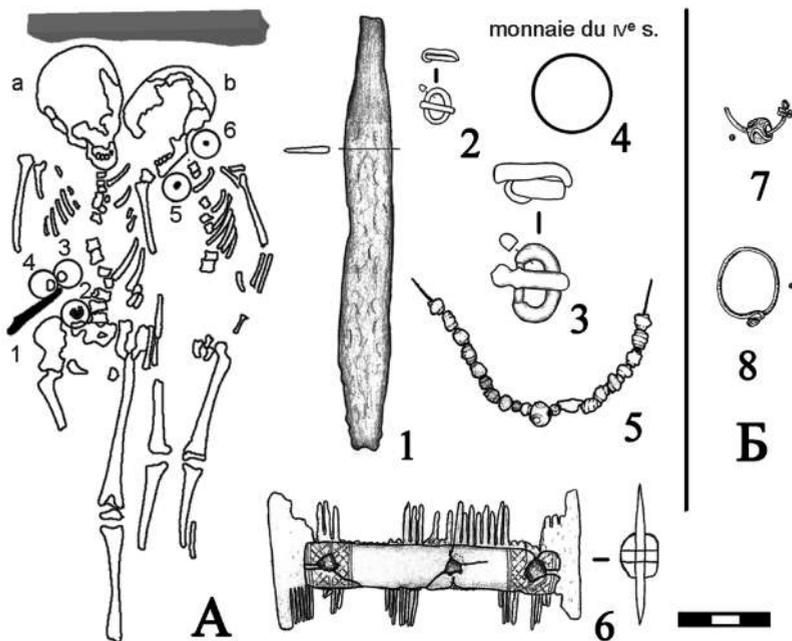

Рис. 8. Сирмий, погребение 4.2006 (А), участка 1а; погребение 4, участка-ТС1 (Б) [по: А – 31, pl. 4,2; Б – 18, pl. 12,7,8]

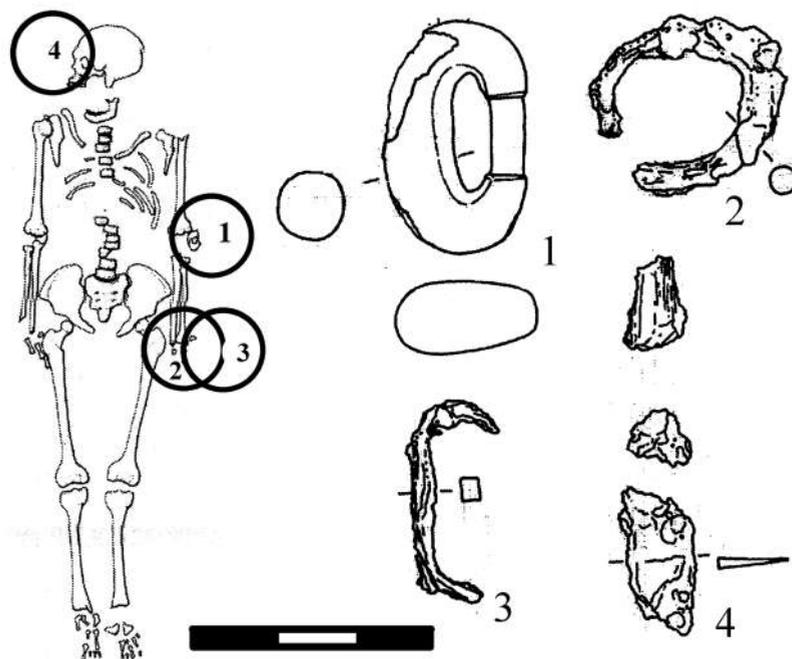

Рис. 9. Сирмий, погребение 5 у Октагонального сооружения [по: 31, pl. 11,1]

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОДВЕСКИ-БУЛЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ

Аннотация: Среди украшений византийского круга, бытовавших в Юго-Западном Крыму у гото-аланского населения в эпоху раннего средневековья, выделяются небольшие подвески линзовидной формы, сделанные из золота или бронзы. Они являются одной из поздних разновидностей римских булл – полых медальонов, хорошо известных по многочисленным археологическим находкам и иконографическим материалам, а также по упоминаниям в сочинениях древних авторов. Ближайшие аналогии крымским подвескам-буллам найдены на территории Северной Италии, Болгарии и Малой Азии, на готских и византийских памятниках. В могильнике у с. Лучистое подвески выявлены *in situ* в женских и детских погребениях второй четверти VI – первой половины VII в. Подвески-буллы носили в ожерельях по одной, по две, либо набором из шести или девяти экземпляров. Жительницы Юго-Западного Крыма использовали линзовидные подвески-буллы не только в качестве украшения, но и для защиты от дурного глаза и различных болезней.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, крымские готы, женский костюм, украшения, подвески-буллы, ожерелья.

Судя по находкам из раннесредневековых погребений могильника у с. Лучистое, у представительниц гото-аланской общины, жившей у подножья горы Демерджи, пользовались популярностью небольшие подвески-буллы линзовидной формы, выполненные из золота или бронзы (рис. 1; 2). Предлагаемая статья посвящена этому виду украшений. Наряду с типологией и хронологией подвесок-булл, рассматриваются особенности изготовления, исследуются происхождение, роль и место в костюме.

Типология и хронология подвесок

Подвески состоят из двух спаянных выпуклых половинок и прикрепленной сверху пластинчатой петельки для подвешивания (рис. 1,7; 2,5,12). По материалу и способу изготовления они представлены двумя вариантами.

К **варианту 1** отнесены подвески с припаянной сверху петелькой из рифленой узкой пластины, выполненные из золота 750° пробы (табл. 1; рис. 1,1–6). Внутри они

заполнены светло-желтой пастой (рис. 1,7). Вес подвесок от 0,67 до 0,9 г; диаметр 1,2 см; высота вместе с петелькой для подвешивания – 1,6 см. В центре подвесок напаяно цилиндрическое гнездо диаметром 0,4 см. На одной подвеске в гнезде сохранилась полусферическая вставка из красного камня (рис. 1,1,1а). Вставки остальных подвесок утрачены в древности, а стенки гнезд погнуты (рис. 1,3,6) или спилены до основания (рис. 1,2,4,5). Гнездом с каменной вставкой прикрывалось технологическое отверстие (рис. 1,7), через которое полая подвеска заполнялась светло-желтой пастой, придававшей прочность всему изделию, спаянному из двух выпуклых тонких пластинчатых деталей. При небольшом количестве затраченного золота – на изготовление каждой подвески было использовано от 0,49 до 0,63 г металла, получалось довольно массивное на вид украшение. В такой же технике выполнены золотые серьги с многогранником, бытовавшие в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в. (рис. 3,4,10) [28, с. 195]. Полый многогранник из тонкого листа металла укреплялся на проволочном кольце и заполнялся расплавленной серой через отверстие, поверх которого, после затвердевания заполнения, напаявалось гнездо с каменной или стеклянной вставкой. Многогранник с затвердевшей серой становился более прочным, вес изделия при этом сильно не увеличивался. Этот способ изготовления полых золотых украшений известен с эпохи эллинизма; расплавленной серой заполняли полые золотые украшения римские ювелиры, а позже – и византийские [55, р. 40; 51, р. 152].

Золотые линзовидные подвески-буллы варианта 1 найдены в Лучистом в склепе 122а, в погребении 22 вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком с выгисненным изображением льва 6-го варианта (рис. 3,2) второй половины VI – первой половины VII в. [2, рис. 16] и парой двухпластинчатых фибул (рис. 3,3), близких по форме наплечным застежкам варианта 1б из могильника Дюрсо первой и второй трети VI в. [10, с. 75, 101]. Судя по стратиграфии костных останков в склепе 122а, погребение 22 совершено после того, как в нем похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. и до захоронения женщины с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII в. Скорее всего, женщина с линзовидными подвесками была похоронена в склепе в последней трети VI в.

Аналогичные золотые подвески известны на византийских памятниках и среди древностей остготов. Они найдены в Северной Италии – в составе клада середины VI в. из Реджо Эмилии, принадлежавшего семье остготского вельможи (рис. 1,8) [35, р. 204, fig. III.87, Cat. Nr. III.28.n-o; 34, fig. 4], в Северо-Восточной Болгарии – в одном из погребений готской женщины второй половины V – VI в. из базилики в с. Хан Крум (рис. 1,10) [6, с. 72, обр. 21,2] и на юго-западе Малой Азии – в Сардах, в слоях византийского времени (рис. 4,17,18) [63, р. 134–135, Cat. Nr. 884, 885, Pl. 50.884,885]. В коллекции Художественного музея Кливленда (Cleveland Museum of Art) хранится византийская золотая цепь VI–VII вв., происходящая якобы из Константинополя, к которой подвешены крест, пара цилиндрических филиктериев и булла, украшенная гранатом, вставленным в цилиндрическое гнездо (рис. 1,9,9а) [48, р. 72–73].

В Болгарии, в ранневизантийской крепости у с. Малък Преславец, в доме, погибшем в пожаре в конце VI в., обнаружен клад золотых украшений, среди которых – полая подвеска-булла с гравированным орнаментом (рис. 4,14) и пара серег [19, рис. 121; 54, р. 99]. К одной из названных серег прикреплена линзовидная подвеска, украшенная сканью и красным камнем в напаянном по центру гнезде (рис. 4,12), по форме и декору повторяющая подвески-буллы. В качестве аналогий также отметим золотую лангобардскую подвеску-буллу VII в., хранящуюся в Метрополитен-музее (рис. 4,11) [36, р. 207, 344, fig. 18.9]. Она почти в два раза больше подобных украшений и с двух сторон украшена сканью и зернью.

Золотые подвески-буллы, скорее всего, являются византийской продукцией. Появление этих предметов у остготов в Северной Италии и в Подунавье, равно как и у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма, следует рассматривать как влияние византийской моды. Не исключено, что в Юго-Западном Крыму аналогичные изделия изготавливали местные ювелиры по привозным образцам. Известно, что в раннесредневековое время в регионе производили различные аксессуары одежды и украшения. Судя по ним, местные ювелиры в совершенстве владели технологией отливки крупных серебряных и бронзовых предметов, делали проволоку и тонкую золотую фольгу, применяли пайку, чеканку, тиснение, украшали изделия красным камнем или цветным стеклом, вставленным в цилиндрические гнезда [32, р. 165–167]. Бесспорно, для мастеров, владеющих такими навыками, изготовить золотые подвески-буллы не составляло большого труда. В местных мастерских из тех же материалов (золотая пластина), в той же технике (тиснение, пайка, заполнение полых золотых изделий серой) и с таким же декором из красного камня, вставленного в цилиндрические гнезда, делали серьги с полым многогранником [4, с. 259–260].

Подвески **варианта 2** выполнены из бронзы (рис. 2). Они спаяны из двух выпуклых половинок, штампованных из тонкой бронзовой пластины. Петелька для подвешивания сделана из узкой пластины или проволоки, концы которой укреплены внутри подвески (рис. 2,2,5,11,12). Диаметр подвесок 1,1–1,3 см; высота вместе с петелькой для подвешивания 1,6 см. На лицевой стороне подвески из склепа 131 напаяно цилиндрическое гнездо с полусферической вставкой из желтого прозрачного стекла (рис. 2,12). Подвески очень хрупкие и зачастую в погребениях сохраняются в мелких фрагментах.

Для датировки крымских подвесок варианта 2 показательны сопровождавшие их в погребениях из могильника у с. Лучистое находки и стратиграфия захоронений в склепах (рис. 3). Погребения из склепов 207 и 259 с названными украшениями были совершены в первой половине VI в. или около середины VI в., так как после них там похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в.

В склепах 102 и 186 бронзовые подвески-буллы выявлены вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта второй половины VI – первой половины VII в. (рис. 3,5) и парой больших двупластинчатых фибул с накладками или без них вариантов Пв-1 и Пв-2, бытовавших в этот же период

(рис. 3,6) [2, с. 26, 27, 42, рис. 16; 22,19; 28, с. 216, рис. 10]. Время захоронений в нижнем слое склепа 186 ограничено второй половиной VI – началом VII в., поскольку их перекрывали погребения с инвентарем первой половины VII в. [2, с. 42, рис. 22,19], а захоронение с подвеской-буллой из склепа 102 – концом VI – первой четвертью VII в., так как рядом с ним выявлен костяк с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта, датированной этим периодом [2, рис. 12,II].

В погребении 2 из склепа 42 подвеска-булла лежала вместе с парой двупластинчатых фибул с накладками варианта Пв-1 (рис. 3,9) и орлиноголовой пряжкой (рис. 3,8), относящейся к 2-му варианту поясных застежек этого типа, бытовавших в регионе в конце VI – первой четверти VII в. [2, с. 21–22, рис. 12,II, табл. 174,15; 176–178]; в склепе 43, в погребении 7 – вместе с фрагментом стенки красноглиняной амфоры класса 1 по херсонесской классификации 1995 г., аналогии которой известны в комплексах конца VI – первой четверти VII в. из Херсона [23, с. 16–19, табл. 2,1–3; 3,4–6; 3, с. 10–11, рис. 1,1, табл. 15,13,20].

В склепе 64, вместе с подвеской выявлена подножка рюмки первого типа по Л. А. Голофаст из оливкового стекла конусовидной формы с полым валиком по краю (рис. 3,12). Подобные рюмки были доминирующим типом стеклянных изделий практически во всех центрах византийского мира в VI–VII вв. [8, с. 155–156]. Судя по находкам из могильника Скалистое, в Юго-Западном Крыму рюмки этого типа использовались в VII–VIII вв. [7, с. 194–195, тип II, рис. 14,27; 80,15; 85,3; 88,4; 98,16]. В основном их делали из стекла серо-голубого цвета. Рюмки из оливкового стекла, аналогичные найденной в Лучистом, редки. В Херсоне их фрагменты зафиксированы только в трех комплексах конца VI – начала VII в., первой четверти VII в. и третьей четверти VII в. [8, с. 111, 116, 117–118, 157, рис. 41; 63,15–17; 70,13,15]. В склепе 64, рядом с погребением 1 на полу камеры зачищены захоронения с пряжками с прямоугольным щитком с вытисненным геометрическим орнаментом варианта 1-3 второй половины VI в. и типа «Суцидава» [3, рис. 9,1,2; 4, рис. 116; 117; 170,4]. Учитывая перечисленные находки, интересующее нас погребение 1 из склепа 64 можно отнести к концу VI – первой четверти VII в.

В склепе 131 подвески зачищены в погребении 4 конца VI – первой четверти VII в. вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 6 с вытисненным изображением льва и привезенными из Балканских провинций Византии фибулами – в форме голубя и прогнутой, с подвязной ножкой (рис. 3,18–21) [2, с. 26, рис. 16,14–16; 1, с. 60–61, рис. 4,15–17; 31, с. 151–152, рис. 1,1,3], а также в захоронении 3 первой половины VII в. – вместе с двумя фибулами: серебряной пальчатой с концентрическими ромбами на ножке варианта 2-1 первой половины VII в. [2, с. 25, рис. 15,22] и византийской железной прогнутой подвязной (рис. 3,28,30).

В склепе 79 подвески-буллы выявлены в погребении конца VI – первой четверти VII в. вместе с пряжкой типа I-7, штампованной из серебряной пластины с трапециевидной рамкой и геральдическим щитком с выемками на боковых сторонах (рис. 3,14) и железной широкопластинчатой, прогнутой подвязной фибулой (рис. 3,13) [3, с. 40–42, рис. 11,12,14].

В склепе 77 подвески найдены: в погребении 6 конца VI – первой четверти VII в. – вместе с пальчатыми фибулами с концентрическими ромбами на ножке варианта 2/1 (рис. 3,16) и цельнолитой пряжкой с В-образным широкопластинчатым выпуклым кольцом типа I-3 с овальной прорезью для ремня и с геральдическим щитком (рис. 3,15); в погребении 2 второй четверти VII в. – вместе с литой двупластинчатой фибулой (рис. 3,26), железной прогнутой, подвязной фибулой (рис. 3,27) и пряжкой, представляющей собой довольно грубую имитацию соответствующих деталей гепидских пряжек VI в. и больших пряжек с прямоугольным щитком или орлиноголовых, бытовавших в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в. (рис. 3,25); в захоронении 3 второй четверти VII в. – вместе с деталями обувных наборов типов 3-2А и 3-2Б (рис. 3,23,24) [3, с. 37–39, рис. 10,10–13,23–26].

Бронзовые подвески-буллы найдены в погребениях второй четверти VI – первой половины VII в. При этом большинство из них происходят из комплексов конца VI – первой четверти VII в. Бронзовые изделия были более дешевым вариантом золотых подвесок-булл. Скорее всего, они изготовлялись по привозным образцам в местных ювелирных мастерских, где в такой же технике производились популярные в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – первой половине VII в. бронзовые серьги с полым многогранником и небольшие полые кресты, декорированные полусферическими стеклянными вставками в цилиндрических гнездах [28, с. 196–197].

Подобные бронзовые подвески-буллы с вытисненным на лицевой стороне изображением личины найдены в кладе VI в. из крепости у с. Белчин в Западной Болгарии (рис. 4,16) [25, с. 153–157]. Подвески-буллы, близкие по форме крымским изделиям, но сделанные из согнутой пополам пластины, обнаружены в одном из англо-саксонских погребений VII в. около Винчестера, на юге Британии [39, р. 86, fig. 7,138].

Происхождение подвесок-булл

Подвески линзовидной формы являются одной из поздних разновидностей римской буллы (*bullae*) – полого медальона, состоящего из двух выпуклых металлических пластинок, соединенных по краям, с широкой пластинчатой петлей для подвешивания (рис. 5). Они хорошо известны по многочисленным археологическим находкам и иконографическим материалам, а также по описаниям в сочинениях древних авторов.

Согласно сообщениям Плиния Старшего (I в.), Плутарха (I–II вв.) и Макробия (V в.), в Древнем Риме булла первоначально считалась знаком отличия сыновей одного из привилегированных сословий эквитов (всадников). Традиция ношения этого украшения появилась после того, как римский царь Тарквиний Приск наградил золотой буллой своего четырнадцатилетнего сына, проявившего мужество, убив врага в рукопашном бою [57, р. 7-8, liv. XXXIII.IV.10; 21, с. 327, № 101; 18, с. 25, кн. I, гл. 6.7-8]. Макробий, ссылаясь «на самых знающих древность» людей, добавляет, что обычай мог быть введен самим Ромулом, якобы надевшим буллу в качестве дара на первого ребенка, родившегося от похищенной сабинянки [18, с. 27, кн. I, гл. 6.16]. Плутарх, отвергая версию Варрона о происхождении слова «булла» от эолийского

«болла» – «совет», считал, что изделие получило свое название из-за сходства формы с пузырем. При этом историк предполагал, что сама булла была знаком луны, поскольку ночное светило «... в первой четверти представляется нам не шаром, а как бы чечевицей или диском» [20, с. 74, гл. XX; 21, с. 328, № 101].

Римляне заимствовали буллу у этрусков. Сохранились многочисленные находки этрусских булл, сделанных из золота или бронзы и богато декорированных. Судя по иконографии и археологическим материалам, у этрусков это было универсальное украшение, характерное не только для женщин, но и для мужчин и детей. Обычно буллу носили на шее, по одной или набором из нескольких экземпляров. Также известны этрусские браслеты, составленные из нескольких булл [59, р. 754–755, Fig. 892–894; 47, р. 60–61]. В святилищах Этрурии найдены votивные терракоты, изображающие запеленатых младенцев с одной или несколькими буллами на шее [47, с. 63; 37, р. 283].

В I – начале V в. буллы получили широкое распространение по всему римскому миру, о чем свидетельствуют их находки на территории Португалии, юго-восточной Франции, Бельгии, Британии, Египта, Малой Азии и Северного Причерноморья. Особой популярностью буллы пользовались в провинциях Подунавья – на территории одной только Паннонии их выявлено более семидесяти (рис. 4,1–6) [43, р. 150; 53]. Судя по находкам из некрополя Херсонеса, в римское время золотые и бронзовые буллы пользовались популярностью у жителей города (рис. 4,7–10) [17, с. 237, рис. 16,2,3; 12, с. 108–109, рис. 74,12–15; 14, с. 99–100, рис. 2; 11, с. 165, табл. 34,3]. Из Херсонеса подвески распространились у варварского населения в округе города, о чем свидетельствуют находки из погребений второй половины III – IV в. в могильнике Совхоз 10 [24, с. 178–180, рис. 35,16] и в столице позднескифского государства Неаполе Скифском [5, с. 125, табл. IV,28].

Буллы продолжили свое существование в эпоху раннего средневековья. Их находки известны в слоях ранневизантийского времени в городах Малой Азии – в Анемурии (рис. 4,15) [58, Fig. 5,41] и в Сардах (рис. 4,17,18) [63, Pl. 50,884,885]. Наряду с традиционной формой булл – из согнутой пополам пластины с вырезанной петлей и с небольшим бортиком по краю (рис. 4,15,17,18), появляются подвески линзовидной формы, спаянные по краям и с узкой петелькой для подвешивания (рис. 1,9; 4,14). Декоративные элементы в форме буллы можно увидеть на византийских серьгах (рис. 4,12). Под влиянием византийской моды в VI в. подвески-буллы распространились у остготов Италии и в Подунавье (рис. 1,8,10), а также у готто-аланского населения в Юго-Западном Крыму; позже, в конце VI – VII в. – у лангобардов и авар (рис. 4,11,19,20) [36, Fig. 18.9; 45, S. 49–51. Taf. 29,1–3] и даже у англо-саксонских племен в Британии [39, р. 86, fig. 7,138]. Одновременно у лангобардов появились и украшения, повторяющие форму римской буллы. К такому роду изделий можно отнести различные вариации небольших пластинчатых умбоновидных золотых подвесок, характерных для лангобардских ожерелий [50, р. 390–391, Cat. Nr. X49c; 56, р. 41, 77, Tav. 32,7c; 82,7g; 197]. В отличие от классических булл, они делались односторонними, с полусферическим выступом на лицевой стороне. Самые поздние, отдаленные вариации римских булл можно увидеть в крупных умбоновидных бронзовых подвесках, характерных для древностей круга антов VII в. [16, табл. 52,15–

17; 67,7–8; 68] и детского костюма первой половины VII в. гото-аланского населения Юго-Западного Крыма [2, рис. 21,18, табл. 144,1–4; 146; 3, рис. 3,25, табл. 69; 74,1,2; 75].

Особенности использования римских булл

У римлян золотую буллу изначально могли носить только сыновья сенаторов и эквитов. Постепенно право ношения буллы распространилось на всех сыновей свободных граждан, а позже – и на детей вольноотпущенников. Дети простых граждан использовали буллы из бронзы или кожи. При достижении совершеннолетия, на семнадцатом году, юноши снимали буллу и посвящали ее домашним богам Ларам или Геркулесу [59, р. 755; 47, р. 66]. На посвященном Ларам алтаре эпохи императора Августа, хранящемся в Капитолийских музеях, среди даров домашним богам изображены две подвешенные на лентах буллы (рис. 5,2) [37, р. 284–285, pl. III, fig. 7].

Сохранились многочисленные скульптурные изображения юных римлян с буллой (рис. 5,1). Они носили буллу на шее, на кожаном шнуре поверх одежды. На протяжении долгого времени булла считалась неотъемлемым атрибутом детства. В первых веках н.э. были распространены бронзовые и терракотовые фигурки Гарпократа – Гора, изображавшегося в виде мальчика с буллой на шее, подвешенной на шнурке [52, р. 12–13; 33, р. 195]. Судя по находкам из некрополей в римской провинции Паннонии, в позднеантичное время буллы стали носить дети независимо от пола, а также молодые девушки и женщины [61, Taf. 9,165/1; 18,1109/2; 42, S. 102; 38, S. 129–130, Abb. 106]. Буллы включались в состав шейных ожерелий вместе с бусами. В Херсонесе буллы найдены укрепленными на шейных гривнах [13, рис. 4,1,2]. Согласно изобразительному материалу, происходящему из Египта, в III–IV вв. в регионе бытовали подвески, подобные римским буллам, которые носили на шее и дети, и женщины, укрепленными на шнурке (рис. 5,4) или на шейной гривне (рис. 5,5–7). Они служили амулетами, оберегавшими от всяких бед и болезней, а также гарантировавшими здоровье носящему [33, р. 194].

Буллы часто носили вместе с амулетами. К одной из золотых булл римского времени прикреплена цепочка с миниатюрной фигуркой Исиды – Фортуны, которая должна была приносить счастье, удачу и отворачивать любое дурное влияние [59, р. 755, Fig. 895]. В некрополе Апта Юлия (современный Апт), на юго-востоке Франции, в погребении годовалого ребенка I в. золотая булла диаметром 1,0 см найдена в наборе с амулетом от дурного глаза [40, р. 217–219, fig. 23; 25].

Защитные свойства булле могли придаваться ее содержимым. В Италии в детском погребении VI в. до н.э. найдена булла, заполненная мелкими белыми камешками, которые, вероятно, производили шум на манер колокольчика, тем самым отгоняя злых духов [37, р. 285]. Согласно Макробию, булла служила украшением для триумфатора. Во время триумфа ее выставляли напоказ, заключив внутрь средства, считавшиеся «весьма действенными против зависти» и от дурного глаза [18, с. 25, кн. I, гл. 6.9].

Буллы использовались и как своеобразный контейнер для медицинских магических амулетов. Внутрь одной из небольших золотых булл первой половины II в., происходящей из Александрии, была помещена тонкая серебряная пластинка раз-

мером 6,4х3,4 см, согнутая несколько раз [44, р. 217–231]. На пластинке процарапано заклинание на греческом языке, вызывающее к защите Соломона от демонов температуры, эпилепсии и бешенства, ангины, а также служащее защитным средством от любого яда, дурного глаза и даже от рецидива болезни [44, р. 221–222]. Марцелл Эмпирик, медик и фармаколог времен императора Феодосия I, практикующий врач, о чем свидетельствует его прозвище «Эмпирик», рекомендовал для предотвращения болезней глаз носить на шее буллу с помещенными внутрь глазами зеленой ящерицы, предварительно аккуратно удаленными у животного медной иглой [37, р. 285].

Внутри булл часто находятся остатки растений (кориандра, цветков львиного зева) или ткани, а иногда – растения, завернутые в ткань [42, S. 93–96; 60, S. 151–171; 53, р. 199–204]. В нескольких происходящих из Паннонии буллах III–V вв. найдены завернутые в кусочки ткани или помещенные в специально сшитый мешочек остатки цветков Львиного зева (*antirrhinum maius*) [42, S. 99, Taf. 36,1]. Львиный зев считался растением, наделенным магическими свойствами, лекарством от дурного глаза и отравлений [42, S. 98]. Из Паннонии происходит и бронзовая булла с сохранившейся внутри бронзовой фигуркой Гарпократа, завернутой в лавровый лист [53, р. 195, 200].

Представления о защитных свойствах буллы, возможно, сохранились и в раннесредневековое время. В византийском ожерелье VI–VII вв. из Художественного музея Кливленда подвеска-булла была укреплена на золотой цепи вместе с трубчатými амулетами, внутри которых зачастую хранились вложения с магическими защитными текстами, и с крестом, обладавшим, по представлению средневекового человека, мощными защитными свойствами (рис. 1,9).

Подвески-буллы в costume готто-аланского населения Юго-Западного Крыма

В шестнадцати погребениях из склепов могильника у с. Лучистое подвески-буллы выявлены *in situ*. Двенадцать из них принадлежали женщинам (склепы 42, 43, 64, 77, 79, 102, 122а, 131, 181, 186, 207), четыре – детям (склепы 77, 107, 259). Более точный возраст установлен только в трех случаях: это были костяки женщин 30–35 лет (склеп 186, захоронение 12), 35–40 лет (склеп 181, захоронение 1) и ребенка 8–9 лет (склеп 259, погребение 4)¹. Пол погребенных детей не установлен. Судя по инвентарю, найденному в детских погребениях (бусы, серьги, фибулы, браслеты), можно говорить о том, что эти захоронения принадлежали девочкам (рис. 7). В пяти женских захоронениях вместе с подвесками-буллами найдены большие пряжки, в основном, с прямоугольным щитком с изображением льва и пара фибул, в большинстве случаев, двупластинчатых. Во второй половине VI – VII в. широкий пояс, застегивавшийся большой пряжкой, был обязательным элементом парадного костюма замужних женщин крымских готто-аланцев [4, с. 269–270].

Представительницы готто-аланской общины, оставившей могильник у с. Лучистое, носили подвески-буллы на шее, в коротких, в основном, однорядных ожерельях, длиной 10,0–35,0 см (рис. 2; 6). Такие ожерелья состояли, как правило, из небольших янтар-

¹ Возраст и пол погребенных определен В. Ю. Радочиным, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского [22, с. 198].

ных бочковидных уплощенных бусин, часто чередующихся с бисером из черного глухого стекла. Ожерелья этого типа были характерны для женского костюма крымских готов во второй половине VI – первой половине VII в. [26, с. 107–108]. В петельках для подвешивания некоторых подвесок-булл видны остатки нити, на которую собиралось ожерелье, и прикипевшие бисерины из черного глухого стекла (рис. 2,1,2).

В ожерельях девочек присутствуют парные подвески-буллы (рис. 2,13,15–16; 7,8); в одном случае зафиксирована единичная подвеска (рис. 2,17). В женских погребениях подвески выявлены, в основном, по одной (склепы 42, 43, 64, 77, 131, 186, 207; рис. 2,14; 6,2,4–6; 8,1), в одном случае – парой (склеп 102; рис. 8,2) [28, рис. 8,8,1; 10], в двух захоронениях – наборами по 6 и 9 экземпляров (рис. 6,1,3; 9,6).

В некоторых ожерельях с подвесками-буллами присутствуют кресты (склеп 102) и подвески из органических материалов – из просверленных зубов оленя (склепы 77, 131, 186) и раковин каури (склепы 42, 186) (рис. 2,17; 6,6) [28, рис. 8; 10]. Подвески из зубов оленя часто встречаются в раннесредневековых ожерельях женщин и девочек из Юго-Западного Крыма. Особенно популярными они были в VI–VII вв. Как правило, в ожерелья включали по 1–3 подвески. В отдельных случаях число просверленных оленьих зубов в низке с бусами достигало семи и даже семнадцати. Подвески из зубов оленя, безусловно, служили амулетами. С эпохи античности существовало представление об олене, как борце со змеями. Плиний Старший приводит множество рецептов лекарств из рога, костей и шкуры оленя против укуса змеи, а также сообщает о том, что достаточно иметь при себе один зуб оленя, чтобы обратиться в бегство змею [49, р. 275, XXVIII, 42.2]. В средние века олень, уничтожающий змею, уподобляется Христу, побеждающему зло. Возможно поэтому, в ожерельях христиан часто подвески из зуба оленя помещали рядом с крестом.

Подвески из небольших раковин каури с обрезанной лицевой частью также относятся к амулетам. По этнографическим данным, у среднеазиатских народов каури предохраняли носящего от болезней и дурного глаза. На Кавказе у многих народов раковины каури связывались с лечебной и предохранительной магией: их прикрепляли к больному месту, носили на шее, подвешивали к колыбели ребенка [15, с. 60–61, рис. 33]. В Северном Причерноморье раковины каури, привозившиеся из теплых тропических морей, использовались в ожерельях с эпохи античности. В Юго-Западном Крыму, во второй половине VI – первой половине VII в. женщины и девочки часто включали в свои ожерелья по 1–4 подвески из раковин каури. В склепе 38 из могильника у с. Лучистое, в одном из женских погребений второй половины VII в. найдено ожерелье, в состав которого входило 19 подвесок из раковин каури [2, табл. 132,2а; 185,1].

В женских погребениях из склепов 79, 102 и 122А порядок бус и расположение подвесок-булл в ожерельях зафиксированы *in situ*. В склепе 122А, в погребении 22 последней трети VI в. на шейных позвонках среди бус на равном расстоянии друг от друга лежало шесть золотых подвесок, украшенных красными камнями в цилиндрических гнездах, напаянных на лицевой стороне (рис. 6,3). Пространство между подвесками занимали чередующиеся наибольшие янтарные и сердоликовые бусины и бисер из черного

глухого стекла. Подвески-буллы составляли единый гарнитур с найденными в этом же погребении золотыми серьгами с многогранником, украшенным вставками из красного камня (рис. 3,4). На изготовление шести подвесок было потрачено 3,33 г золота (табл. 1). Для всего набора, состоящего из пары серег и подвесок-булл, ушло около 19 г золота. Богатый гарнитур из золотых украшений с красным камнем носила замужняя женщина, чье платье было подпоясано широким ремнем с большой серебряной пряжкой с изображением льва на прямоугольном щитке, а плечи покрывала накидка, пристегнутая парой серебряных двупластинчатых фибул (рис. 3,2,3).

В склепе 79, в погребении конца VI – первой четверти VII в. на шейных позвонках зачищено 30 янтарных уплощенных бочковидных бусин почти одинакового размера, 3 небольшие сферические сердоликовые бусины и 9 бронзовых подвесок-булл (рис. 6,1; 9,7). Последние располагались в центральной части ожерелья, между янтарными бусинами. В каналах отверстия некоторых бусин и в петельках для подвешивания подвесок сохранились фрагменты крученой нити, на которую были нанизаны все элементы ожерелья (рис. 2,5–9). Также удалось проследить отдельные фрагменты ожерелья с чередующимися подвесками и янтарными бусинами (рис. 2,7–9). Женщина, похороненная в склепе 79, носила ожерелье с подвесками-буллами на шее, поверх платья, которое покрывала накидка, застегнутая на левом плече железной прогнутой подвязной фибулой, украшенной низкой бус из стекла, янтаря и дымчатого горного хрусталя (рис. 9,2,4,6).

В захоронении конца VI – первой четверти VII в. из склепа 102 бусы лежали в два ряда в области шеи и верхней части грудной клетки (рис. 8,7). По центру каждого ряда ожерелья висело по кресту. Две подвески-буллы располагались в верхнем ряду, по обе стороны от креста. Верхний ряд ожерелья состоял из 30 небольших сферических и эллипсоидных уплощенных янтарных бусин и около десятка стеклянных, в основном, сферических из желтого и зеленого стекла. В нижнем ряду находилось несколько янтарных и стеклянных, а также 27 сердоликовых сферических бусин. Одна из сердоликовых бусин инкрустирована белой краской (рис. 8,5). Украшенные подобным образом сердоликовые бусы были распространены в позднеантичное и раннесредневековое время на широкой территории от Восточного Средиземноморья до Юго-Восточной Азии [41, р. 221–278]. Считается, что центры их производства находились в Иране и Индии [9, с. 141–142]. В Юго-Западном Крыму инкрустированные сердоликовые бусины найдены в погребениях VII–VIII вв. из Эски-Кермена, Алмалык-Дере (Мангуп), Скалистого и Лучистого. В Крым, скорее всего, они поступали с Северного Кавказа, куда в большом количестве привозились из Ирана [30, с. 93]. Помимо бус, в области шеи погребенной в склепе 102 обнаружено небольшое кольцо диаметром 1,1 см из скрученной в полтора оборота бронзовой проволоки (рис. 8,6), служившее своеобразной застежкой ожерелья, к которой привязывались концы нитей с бусами. Такие простые застежки часто присутствуют в раннесредневековых ожерельях, найденных в Крыму (рис. 2,17; 6,6) [29, с. 314, рис. 7,7a].

Ожерелья, подобные описанным, не уникальны. Парные золотые подвески-буллы найдены вместе с янтарными бусинами в Северо-Восточной Болгарии – в одном из

погребений готской женщины второй половины V – VI в. из базилики в с. Хан Крум (рис. 1,10) [6, с. 72, обр. 21,2]. Судя по находкам из Реджо Эмилии в Северной Италии, остготские женщины носили в середине VI в. в ожерельях крест вместе с парой подвесок-булл (рис. 1,8). В лангобардских погребениях конца VI в. из Италии обнаружены ожерелья из стеклянных бусин и небольших золотых умбоновидных подвесок, копирующих форму римских булл. Число таких подвесок в ожерельях доходило до 5–6 штук [56, р. 41, 77, Тав. 32,7с; 82,7г; 197]. В одном из англо-саксонских погребений VII в. около Винчестера, на юге Британии среди стеклянных и янтарных бусин лежало 11 бронзовых подвесок-булл, близких по форме крымским изделиям [39, р. 86, fig. 7,138].

Раннесредневековые подвески-буллы не были простым украшением. В Лучистом среди фрагментов некоторых бронзовых подвесок выявлены фрагменты текстиля. Скорее всего, это остатки специальных вложений, предававших буллам защитную силу. Носившиеся в ожерельях среди бус подвески-буллы, как и другие амулеты – зубы оленя, раковины каури, должны были защищать владелицу от невидимых злых сил.

В настоящее время на территории Юго-Западного Крыма подвески-буллы выявлены только в могильнике у с. Лучистое. Однако неверно было бы считать их уникальным украшением, присущим исключительно представительницам общины, оставившей могильник. Некрополи с однотипными погребальными сооружениями и аналогичными погребальным обрядом и инвентарем выявлены во всем Юго-Западном Крыму – от низовьев реки Черная до Алушты, в регионе, где исследователи локализируют описанную Прокопием страну Дори, населенную готами [4, с. 6–9]. Анализ погребальных сооружений и обряда, антропологического материала и находок из них позволяет заключить, что все эти некрополи оставлены одним и тем же смешанным гото-аланским населением [4, с. 149–250]. Безусловно, по находкам из могильника у с. Лучистое можно судить о материальной культуре населения всего региона. Наверняка, подвески-буллы носили во всей стране Дори. Отсутствие их в других могильниках региона объясняется степенью изученности памятников, а также тем, что большинство исследованных погребений оказались разграбленными еще в древности. При этом многие вещи сохранились в мелких, не поддающихся определению фрагментах, а самые хрупкие – рассыпались.

Таблица 1. Характеристика набора линзовидных подвесок из могильника у с. Лучистое (склеп 122а, погребение 22). Материал и проба изделий определены в 2001 г. в Государственной пробирной службе Украины

Подвески	Материал	Проба	Общий вес, г	Чистый вес, г	Примечание
1 Рис. 1,1,1а	Золото	750°	0,9	0,63	Вес вставки из красного камня 0,05 г
2 Рис. 1,2	Золото	750°	0,67	0,5	
3 Рис. 1,3	Золото	750°	0,8	0,6	
4 Рис. 1,4	Золото	750°	0,66	0,49	
5 Рис. 1,5	Золото	750°	0,73	0,54	
6 Рис. 1,6	Золото	750°	0,77	0,57	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 60–70.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2008. 336 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь: Майстер Книг, 2014. 400 с.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
5. Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 94–141.
6. Балабанов Т. Готски епископски център от IV–VI в. до с. Хан Крум, Шуменско // *Goterna. Current aspects of the gothic historical and cultural Heritage in Bulgaria* / Ed. R. Milev. Sofia: Balkan Media, 2006. P. 71–77.
7. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 206 с.
8. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
9. Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений // МИА. 1963. № 114. Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции. 1958–1960 гг. Т. II). С. 141–142.
10. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–107.
11. Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг. М., 2017. 184 с.
12. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.
13. Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. / Ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 78–105.
14. Зубарь В.М., Мещеряков И.Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. / Ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1982. С. 96–114.
15. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском Шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
16. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.
17. Лепер Р.Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя // ХСб. 1927. Вып. II. С. 189–256.
18. Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича, Ред. М.С. Петрова. М.: Кругъ, 2013. 810 с.
19. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV–VII век. София: Септември, 1978. 74 с.
20. Плутарх. Ромул / Пер. В. Алексеева // Избранные жизнеописания. Т. I. М.: Правда, 1990. С. 54–88.
21. Плутарх. Моралии: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. 1120 с.
22. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003–2007 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 184–235.
23. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 170 с.

24. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
25. Хаджиангелов В. Раннохристиански и железодобивен центр в Самоковската котловина // *Goterna III. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007–2010)* / Ed. R. Milev. Sofia: Balkan Media, 2011. P. 153–159.
26. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
27. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // *МАИЭТ*. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
28. Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // *МАИЭТ*. 2013. Вып. XVIII. С. 187–216.
29. Хайрединова Э.А. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // *БИ*. 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.
30. Хайрединова Э.А. Византийские кресты с инкрустацией из Юго-Западного Крыма // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22, № 5. С. 86–99.
31. Хайрединова Э.А. Византийские наплечные и поясные застёжки в женском костюме крымских готов // *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X Международного Византийского семинара (г. Севастополь, 28 мая – 1 июня 2018 г.)*. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 151–158.
32. Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. // *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 165–167.
33. Aubert M.-F., Cortopassi R. Portraits funéraires de l'Égypte romaine. Cartonnage, lincaux et bois. Paris: Musée du Louvre, 2008. 348 p.
34. Baldini Lipolis I., Gil J.P. Osservazioni sul Tesoro di Reggio Emilia // *Ipsam Nolam barbari vastaverunt. L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI*. Atti del Convegno internazionale di studi / Eds. C. Ebanista, M. Rotili. Cimitile: Tavolario edizione, 2010. P. 113–128.
35. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // *I Goti*. Milano: Electa, 1994. P. 170–213.
36. From Attila to Charlemagne. Arts of the early Medieval Period in the Metropolitan Museum of Art / Eds. K.R. Brown, D. Kidd, Ch. Little. New York: Metropolitan Museum of Art, 2000. 428 p.
37. Dasen V. Les amulettes d'enfants dans le monde gréco-romain // *Latomus*. 2003. T. 62, Fasc. 2 (avril – juin). P. 275–289.
38. Das Kaiserzeitliche Gräberfeld von Halbturn, Burgenland. Teil I: Archäologie, Geschichte und Grabbrauch / Hrsg. N. Doneus. Mainz, 2014. 308 S.
39. Dinwiddy K.E. An Anglo-Saxon Cemetery at Twyford, near Winchester // *Hampshire Studies: Proceedings of the Hampshire Field Club and Archaeological Society*. 2011. Vol. 66. P. 75–126.
40. Dumoulin A. Recherches archéologiques dans la région d'Apt (Vaucluse) // *Gallia*. 1958. T. 16, fasc. 1. P. 197–241.
41. Eger Ch. Indisch, Persisch oder Kaukasisch? Zu den Karneolperlen mit Ätzdekor der Gruppe C nach Beck und den östlichen Fernkontakten der Provinz Arabia // *Jahrbuch des RGZM*. 2010. Bd. 57. S. 221–278.
42. Facsar G., Skoffek I., Salamon Á. Eine Kapsel Frucht (Antirrhinum) aus einer römischen Bulla und Bullen aus Bestattungen von Intercisa // *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*. 1997. Bd. 7. S. 93–110

43. Feugère M. L'évolution du mobilier non céramique dans les sépultures antiques de Gaule méridionale (II siècle av. J.-C. – début du V siècle ap. J.-C.) // Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. 1993. Bd. 3. S. 119–165.
44. Froehner W. Sur une amulette basilidienne inédite du Musée Napoléon III // Bulletin de la Société des antiquaires de Normandie. 1869. T. V.
45. Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 432 S.
46. Antický Rim / Eds. G. Giannelli, U.E. Paoli. Bratislava: Tatran, 1975. 304 c.
47. Haak M.-L. Boules et bulles. Un exemple de transfert culturel // Dialogue d'histoire ancienne. 2007. Vol. 33, no. 2. P. 57–67.
48. Hahn C.J., Chadour-Sampson A.B., Hindman S. The Thing of Mine I Have Loved the Best: Meaningful Jewels. London: Paul Holberton Publishing, Paris: Les Enluminures, 2018.
49. Histoire naturelle de Pline / Traduction en français par É. Littré. T. II. Paris, 1877.
50. I Longobardi / Ed. G.C. Menis. Milano: Electa, 1990. 494 c.
51. La Niece S., Cowell M. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination // Andrasi J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London: British Museum, 2008. P. 151–160.
52. Lafaye G. Harpocrates // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio. T. 3. Paris, 1900. P. 12–13.
53. Migotti B. Rimska bula u Panoniji // Vjesnik Arheološkogo muzeja u Zagrebu. 2007. XL. P. 187–219.
54. Minchev A. The third Early Byzantine treasure from Odessos (Varna) // Niš & Byzantium IX. The collection of scientific works / Ed. M. Rakocija. Niš, 2011. P. 85–111.
55. Ogden J. Jewellery of the Ancient World. London: Trefoil Books, 1982. 185 p.
56. Paroli L., Ricci M. Necropoli Altomedievale di Castel Trosino. Firenze, 2007. 135 p.
57. Pliny. Natural History with an English translation in ten volumes / Ed. H. Rackham. Vol. IX. Libri XXXIII–XXXV. Cambridge: Harvard University Press, London: William Heinemann LTD, 1961. 421 p.
58. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context // City, Town and countryside in the Early Byzantine Era / Ed. R.L. Hohlfelder. New York: Columbia University press, 1982. P. 133–164.
59. Saglio E. Bulla // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio. T. 1. Paris, 1873. P. 754–755.
60. Szilágyi M. Késő császárkori bullák és amulettkapzulák az Aquincumi múzeumban // Budapest Régiségei. 2005. XXXIX. P. 151–171.
61. Vágó E.B., Bóna I. Die Gräberfelder von Intercisa des Spätromische Südosteriedhof. Budapest: Akadémiai Koadó, 1976. 243 S.
62. Voisenet J. L'animal et la pensée médicale dans les textes du Haut Moyen Age // Rursus. 2006. No. 1. P. 1–22.
63. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. London, Cambridge, 1983. 216 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Rannevizantiiskie voinskie fibuly s podviaznoi nozhkoi iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, Vol. 39, pp. 60–70.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* Simferopol, Kerch, Maister Knig Publ., 2014, 400 p.

4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
5. Babenchikov V.P. Nekropol' Neapolia Skifskogo. *Istoriia i arkheologiiia drevnego Kryma*, Kiev, Akademiia nauk USSR Publ., 1957, pp. 94–141.
6. Balabanov T. Gotski episkopski tsent»r ot IV–VI v. do s. Khan Krum, Shumensko. Milev R. (Ed.), *Goterna. Current aspects of the gothic historical and cultural Heritage in Bulgaria*, Sofia, Balkan Media Publ., 2006, pp. 71–77.
7. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka, 1993, 206 p.
8. Golofast L.A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 97–260.
9. Deopik V.B. Klassifikatsiia i khronologiia alanskikh ukrashenii. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1963, No. 114, pp. 141–142.
10. Dmitriev A.V. Rannesrednevekoveye fibuly iz mogil'nika na r. Diurso. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 69–107.
11. Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A. *Kompleksy s iuvelirnymi izdeliiami iz khersonesskogo nekropolia. Chast' I. Materialy raskopok R.Kh. Lepera v 1909–1910 gg.* Moscow, 2017, 184 p.
12. Zubar' V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* Kiev, Naukova dumka, 1982, 144 p.
13. Zubar' V.M. Etnicheskii sostav naseleniia Khersonesa tavrisheskogo pervykh vekov nashei ery (po materialam nekropolia). Vysotskaia T.N. (Ed.), *Materialy k etnicheskoi istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n.e.*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 78–105.
14. Zubar' V.M., Meshcheriakov I.F. Nekotorye dannye o verovaniakh naseleniia Khersonesa (po materialam nekropolia pervykh vekov n.e.). Vysotskaia T.N. (Ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, pp. 96–114.
15. Ierusalimskaia A.A. *Moshchevaia Balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na Severokavkazskom Shelkovom puti*. St-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2012, 384 p.
16. Korzukhina G.F. Klady i sluchainnye nakhodki veshchei kruga “drevnostei antov” v Srednem Podneprov'e. Katalog pamiatnikov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, Vol. V, pp. 352–435.
17. Leper R.Kh. Dnevniky raskopok Khersonesskogo nekropolia. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 189–256.
18. Makrobii Feodosii. *Saturnalii*. Moscow, Krug Publ., 2013, 810 p.
19. Ovcharov D., Vaklinova M. *Rannovizantiiski pametnitsi ot B''lgariia IV–VII vek*. Sofia, Septemvri Publ., 1978, 74 p.
20. Plutarkh. Romul. *Izbrannye zhizneopisaniia*, T. 1, Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 54–88.
21. Plutarkh. *Moralii: Sochineniia*. Moscow, Kharkov, Eksmo-Press Publ., Folio Publ., 1999, 1120 s.
22. Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika u s. Luchistoe (raskopki 2003–2007 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 184–235.
23. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona. Srednevekovi Kherson. Istoriia, stratigrafii, nakhodki*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 1995, 170 p.
24. Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugy Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletiia novoi ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz № 10»). *Stratum plus*, 2003–2004, No. 4, pp. 27–277.
25. Khadzhiangelov V. Rannokhristiianski i zhelezodobiven tsentr v Samokovskata kotlovina. Milev R. (Ed.), *Goterna III. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007–2010)*, Sofia, Balkan Media Publ., 2011, pp. 153–159.
26. Khairedinova E.A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 91–133.

27. Khairedinova E.A. Rannesrednevekovey kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151–182.
28. Khairedinova E.A. Bronzovye ser'gi s polym mnogogrannikom iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 187–216.
29. Khairedinova E.A. Kostium gorodskogo naseleniia Bospora v VII–VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolia v Bosforskom pereulke). *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2013, Vol. XXVIII, pp. 286–317.
30. Khairedinova E.A. Vizantiiskie kresty s inkrustatsiei iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, T. 22, No. 5, pp. 86–99.
31. Khairedinova E.A. Vizantiiskie naplechnye i poiasnye zastezhki v zhenskom kostiume krymskikh gotov. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy X Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminara "XEPΣΩNOΣ ΘEMATA: imperiia i polis"*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 151–158.
32. Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*, Saint-Germain-en-Laye, 1993, pp. 165–167.
33. Aubert M.-F., Cortopassi R. *Portraits funéraires de l'Égypte romaine. Cartonnage, lincaux et bois*. Paris, Musée du Louvre, 2008, 348 p.
34. Baldini Lipolis I., Gil J.P. Osservazioni sul Tesoro di Reggio Emilia. Ebanista C., Rotili M. (Eds.), *Ipsam Nolam barbari vastaverunt. L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI. Atti del Convegno internazionale di studi*, Cimitile, Tavolario edizione, 2010, pp. 113–128.
35. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia. *I Goti*, Milano, Electa, 1994, pp. 170–213.
36. Brown K.R., Kidd D., Little Ch. (Eds.), *From Attila to Charlemagne. Arts of the early Medieval Period in the Metropolitan Museum of Art*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2000, 428 p.
37. Dasen V. Les amulettes d'enfants dans le monde gréco-romain. *Latomus*, 2003, T. 62, Fasc. 2 (avril – juin), pp. 275–289.
38. Doneus N. (Hrsg.), *Das Kaiserzeitliche Gräberfeld von Halbtorn, Burgenland. Teil I: Archäologie, Geschichte und Grabbrauch*. Mainz, 2014, 308 p.
39. Dinwiddy K.E. An Anglo-Saxon Cemetery at Twyford, near Winchester. *Hampshire Studies: Proceedings of the Hampshire Field Club and Archaeological Society*, 2011, Vol. 66, pp. 75–126.
40. Dumoulin A. Recherches archéologiques dans la région d'Apt (Vaucluse). *Gallia*, 1958, T. 16, fasc. 1, pp. 197–241.
41. Eger Ch. Indisch, Persisch oder Kaukasisch? Zu den Karneolperlen mit Ätzdekor der Gruppe C nach Beck und den östlichen Fernkontakten der Provinz Arabia. *Jahrbuch des RGZM*, 2010, Bd. 57, pp. 221–278.
42. Facsar G., Skoflek I., Salamon Á. Eine Kapsel Frucht (Antirrhinum) aus einer römischen Bulla und Bullen aus Bestattungen von Intercisa. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*, 1997, Bd. 7, pp. 93–110.
43. Feugère M. L'évolution du mobilier non céramique dans les sépultures antiques de Gaule méridionale (II siècle av. J.-C. – début du V siècle ap. J.-C.). *Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz*, 1993, Bd. 3, pp. 119–165.
44. Froehner W. Sur une amulette basilidienne inédite du Musée Napoléon III. *Bulletin de la Société des antiquaires de Normandie*, 1869, T. V.
45. Garam É. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 2001, 432 p.
46. Giannelli G., Paoli U.E. (Eds.), *Antický Rím. Bratislava*, Tatran Publ., 1975, 304 p.
47. Haak M.-L. Boules et bulles. Un exemple de transfert culturel. *Dialogue d'histoire ancienne*, 2007, Vol. 33, no. 2, pp. 57–67.
48. Hahn C.J., Chadour-Sampson A.B., Hindman S. *The Thing of Mine I Have Loved the Best: Meaningful Jewels*. London, Paris, Paul Holberton Publishing, Les Enluminures, 2018.

49. *Histoire naturelle de Pline*. T. II. Paris, 1877.
50. Menis G.C. (Ed.), *I Longobardi*. Milano, Electa, 1990, 494 p.
51. La Niece S., Cowell M. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination. Andradi J., Aibabin A. *The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material*, London, British Museum, 2008, pp. 151–160.
52. Lafaye G. Harpocrates. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio*, T. 3, Paris, 1900, pp. 12–13.
53. Migotti B. Rimska bula u Panoniji. *Vjesnik Archeološkoga muzeja u Zagrebu*, 2007, XL, pp. 187–219.
54. Minchev A. The third Early Byzantine treasure from Odessos (Varna). Rakocija M. (Ed.), *Niš & Byzantium IX. The collection of scientific works*, Niš, 2011, pp. 85–111.
55. Ogden J. *Jewellery of the Ancient World*. London, Trefoil Books, 1982, 185 p.
56. Paroli L., Ricci M. *Necropoli Altomedievale di Castel Trosino*. Firenze, 2007, 135 p.
57. Pliny. *Natural History with an English translation in ten volumes*. Vol. IX. Libri XXXIII–XXXV. Cambridge, London, Harvard University Press, William Heinemann LTD, 1961, 421 p.
58. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context. Hohlfelder R.L. (Ed.), *City, Town and countryside in the Early Byzantine Era*, New York, Columbia University press, 1982, pp. 133–164.
59. Saglio E. Bulla. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio*, T. 1, Paris, 1873, pp. 754–755.
60. Szilágyi M. Késó császárkori bullák és amulettkapuzulák az Aquincumi múzeumban. *Budapest Régiségei*, 2005, XXXIX, pp. 151–171.
61. Vágó E.B., Bóna I. *Die Gräberfelder von Intercisa des Spätromische Südosteriedhof*. Budapest, Akadémiai Koadó, 1976, 243 p.
62. Voisenet J. L'animal et la pensée médicale dans les textes du Haut Moyen Age. *Rursus*, 2006, No. 1, pp. 1–22.
63. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis*. London, Cambridge, 1983, 216 p.

E.A. KHAIREДИNOVA

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

EARLY MEDIAEVAL BULLA PENDANTS FROM THE CEMETERY NEAR LUCHISTOE VILLAGE

Abstract: Among the ornaments of the Byzantine tradition existing in the south-western Crimea among the Gotho-Alanic population in the Early Middle Ages, there were impressive fine lens-shaped pendants made of gold or bronze. They were a late derivative of Roman bullae, i. e. hollow medallions well-known from numerous archaeological finds, iconographic materials, and accounts of ancient writers. The closest parallels to Crimean bulla pendants were discovered at Gothic and Byzantine sites located in Northern Italy, Bulgaria, and the Asia Minor. In the cemetery of Luchistoe, such pendants were found in situ in graves of women and children from the sixth and the first half of the seventh century. The bulla pendants were worn in necklaces, one, two, or as a set of six or nine pieces in time. The women of the south-western Crimea used lens-shaped bulla pendants not only for ornaments but also as charms protecting from evil eye and various deceases.

Key words: Byzantium, south-western Crimea, Crimean Goths, female costume, ornaments, bulla pendants, necklaces.

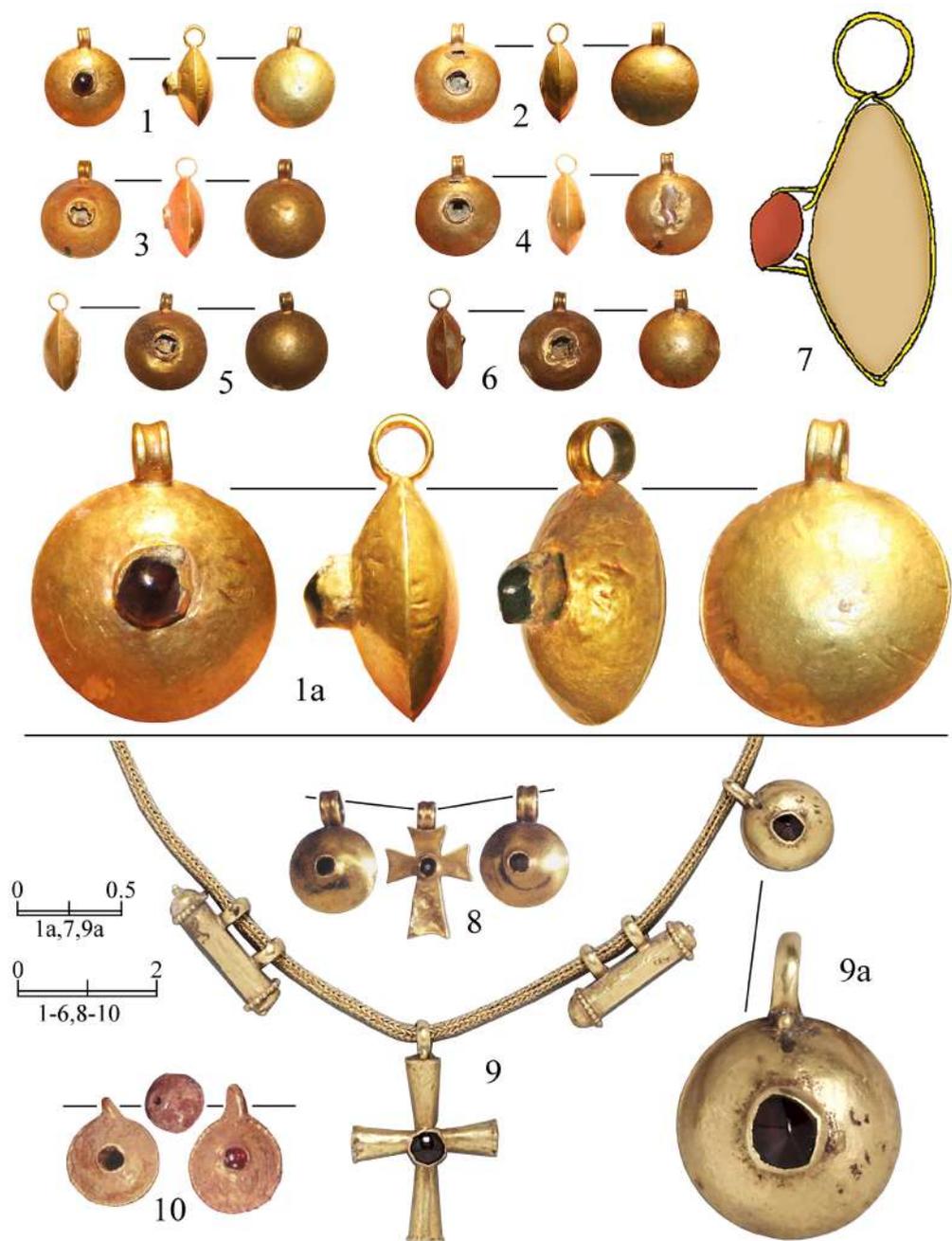

Рис. 1. Золотые подвески-буллы раннесредневекового времени.

1-7 – Лучистое, склеп 122а, костяк 22 (7 – конструкция подвески); 8 – Реджо Эмилия, Италия [35, Fig. III.87]; 9 – Константинополь, Художественный музей Кливленда [48, p. 72-73]; 10 – Хан Крум, Болгария [6]. (1-7 - фото и рисунок автора)

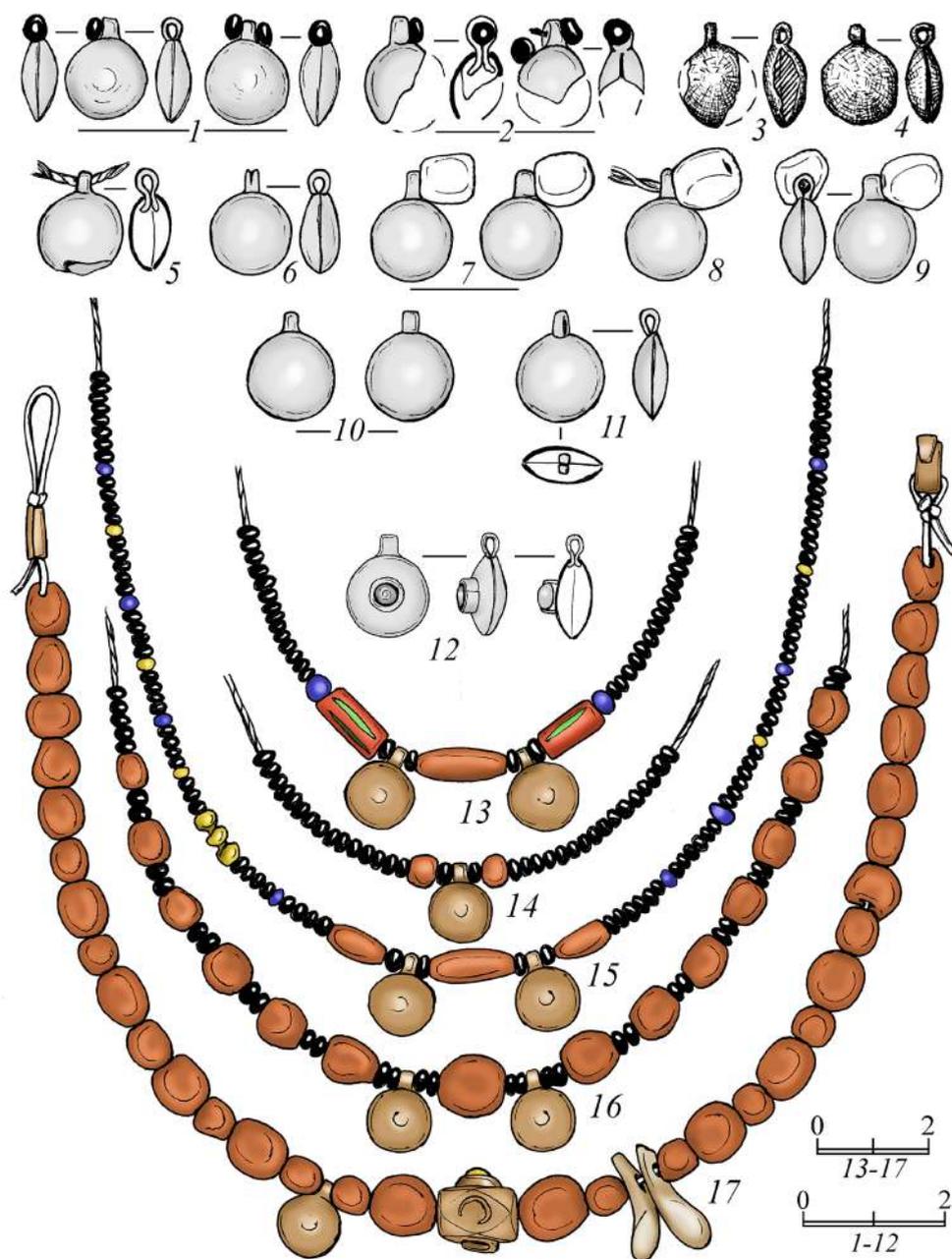

Рис. 2. Бронзовые подвески-буллы варианта 2 (1–12) из могильника у с. Лучистое и реконструкция ожерелий с ними (13–17).

1, 13 – склеп 107; 2, 15 – склеп 77, костяк 6; 3 – склеп 77, костяк 3; 4, 17 – склеп 77, костяк 2; 5–11 – склеп 79, костяк 1; 12 – склеп 131, костяк 4; 14 – склеп 181, костяк 1; 16 – склеп 259, костяк 4. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

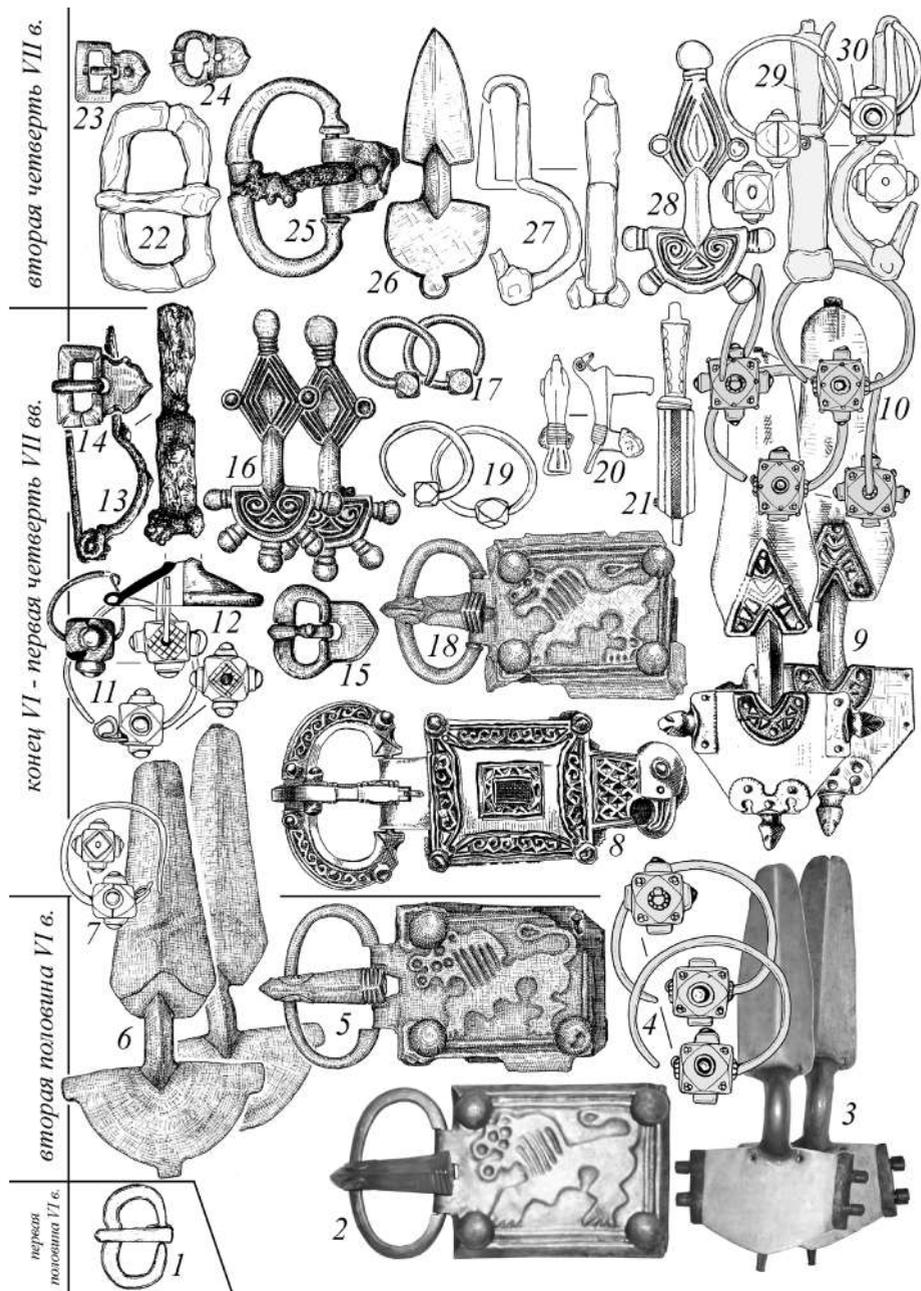

Рис. 3. Хронология погребений с подвесками-буллами из могильника у с. Лучистое.

1 – склеп 259, погребение 4; 2–4 – склеп 122а, погребение 22; 5–7 – склеп 186, погребение 12; 8–10 – склеп 42, погребение 1; 11, 12 – склеп 64, погребение 1; 13, 14 – склеп 79, погребение 1; 15–17 – склеп 77, погребение 6; 18–21 – склеп 131, погребение 4; 22–24 – склеп 77, погребение 3; 26, 27 – склеп 77, погребение 2; 28–30 – склеп 131, погребение 3

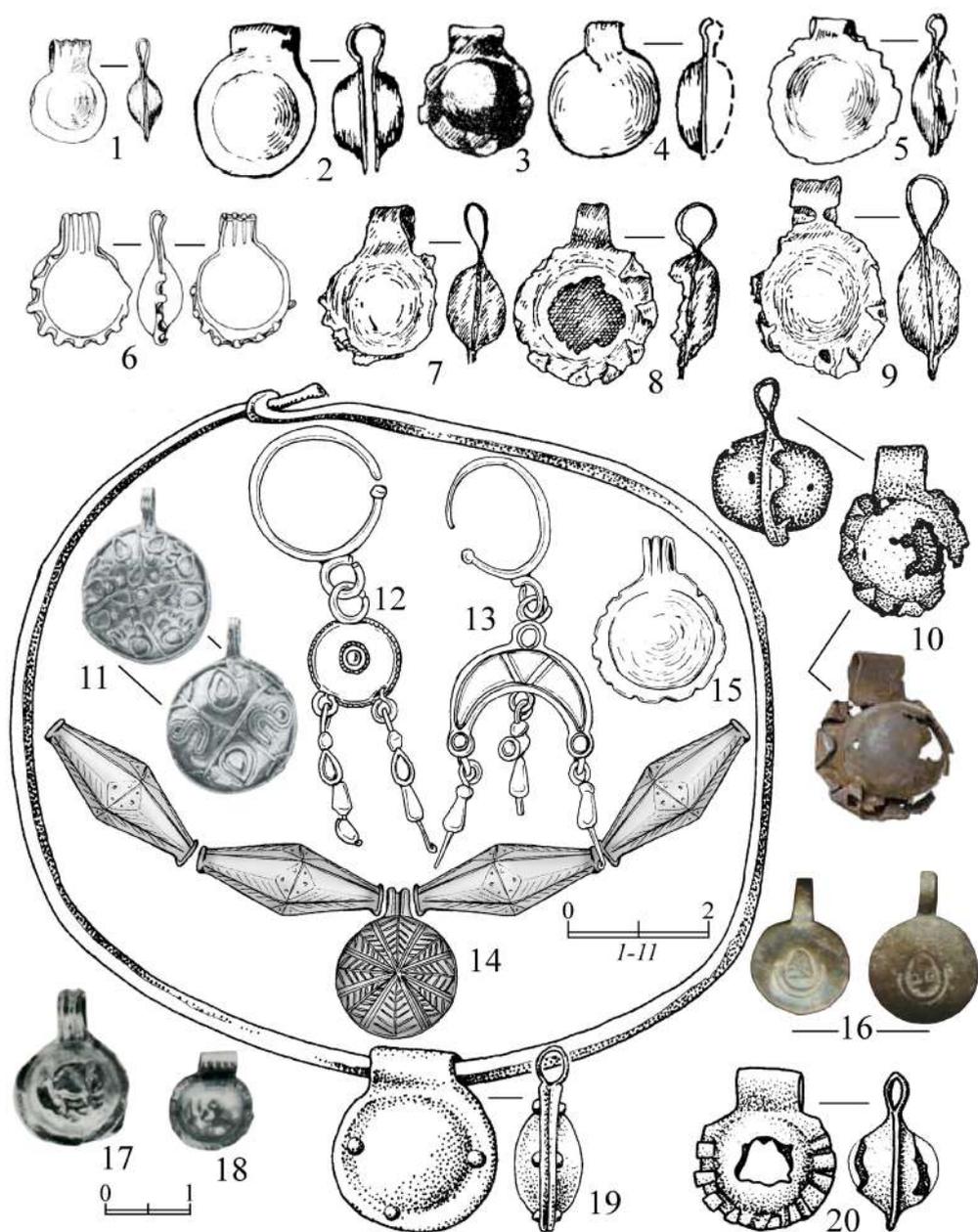

Рис. 4. Позднеримские (1–10) и раннесредневековые (11–20) подвески-буллы.

1–6 – Паннония (1 – Сагвар, Венгрия; 2–5 – Интерциза, Венгрия; 6 – Сисак, Хорватия) [53, Tab. 1–4];
 7–10 – Херсонес [12, рис. 74,13–15; 11, табл. 34,3]; 11 – Италия [36, Fig. 18.9]; 12–14 – Малык Пресла-
 вец [19, рис. 121]; 15 – Анемурий [58, Fig. 5,41]; 16 – Белчин [25]; 17, 18 – Сарды [63, Pl. 50,884,885]; 19
 – Тисафюред-Майорош [45, Taf. 29,1]; 20 – Кестей-Фенек [45, Taf. 29,2]

Рис. 5. Изображения булл на римских (1–2) и египетских памятниках (4–7); золотая булла из погребения римского времени (3).

1 – скульптура римского мальчика I в. н.э., Национальный археологический музей Пармы [46, p. 55];
 2 – алтарь, эпоха Августов, Рим, Капитолийские музеи [37, Fig. 7]; 3 – Апт, Франция [40, Fig. 23; 24];
 4 – Египет, Музей Метрополитен; 5–7 – погребальные портреты, Египет, Лувр [33, Cat. 45; 46; 59]

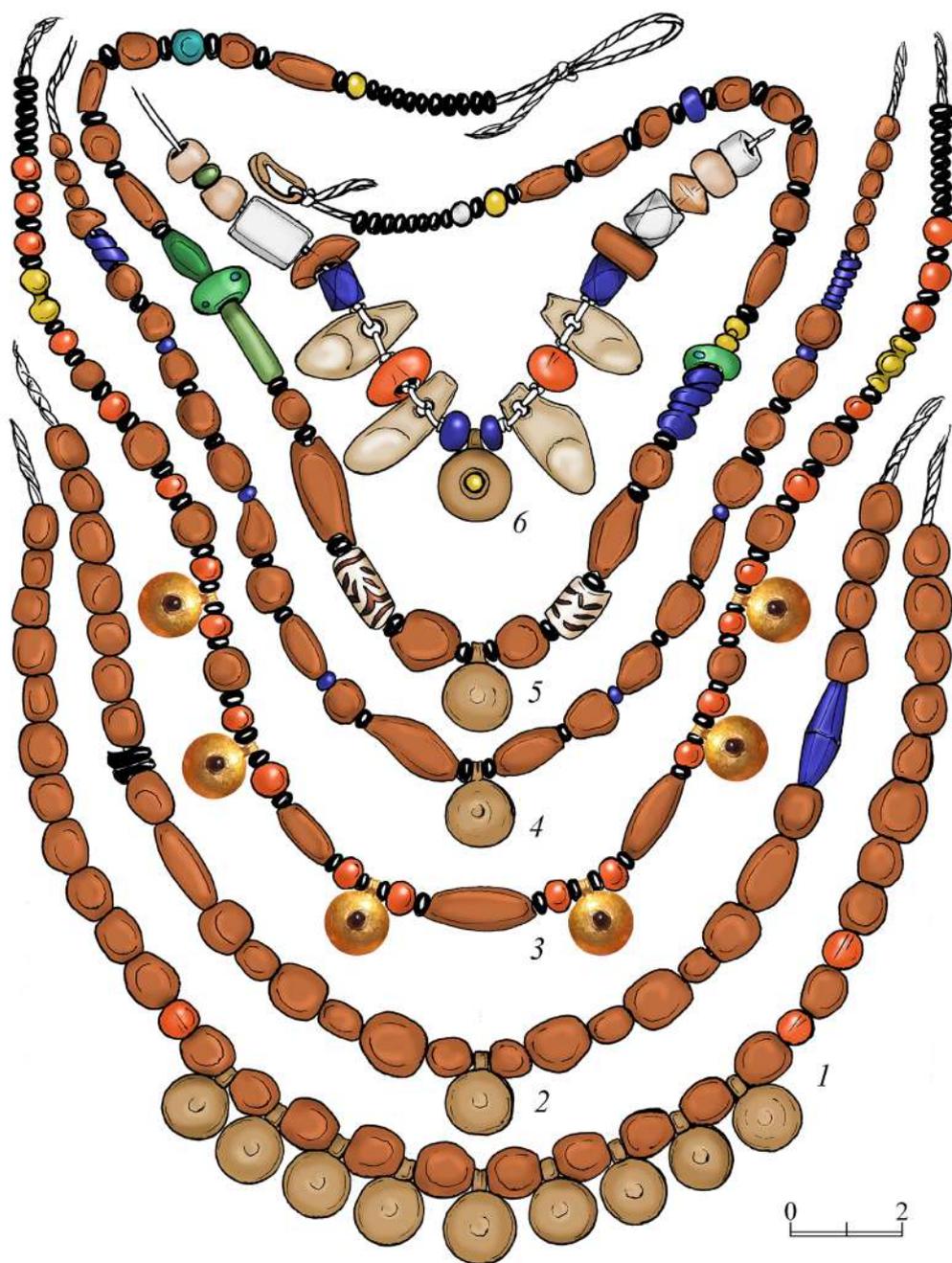

Рис. 6. Реконструкция ожерелий с линзовидными подвесками из могильника у с. Лучистое. 1 – склеп 79, костьяк 1; 2 – склеп 77, костьяк 3; 3 – склеп 122а, костьяк 22; 4 – склеп 64, костьяк 1; 5 – склеп 43, костьяк 7; 6 – склеп 131, костьяк 4. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

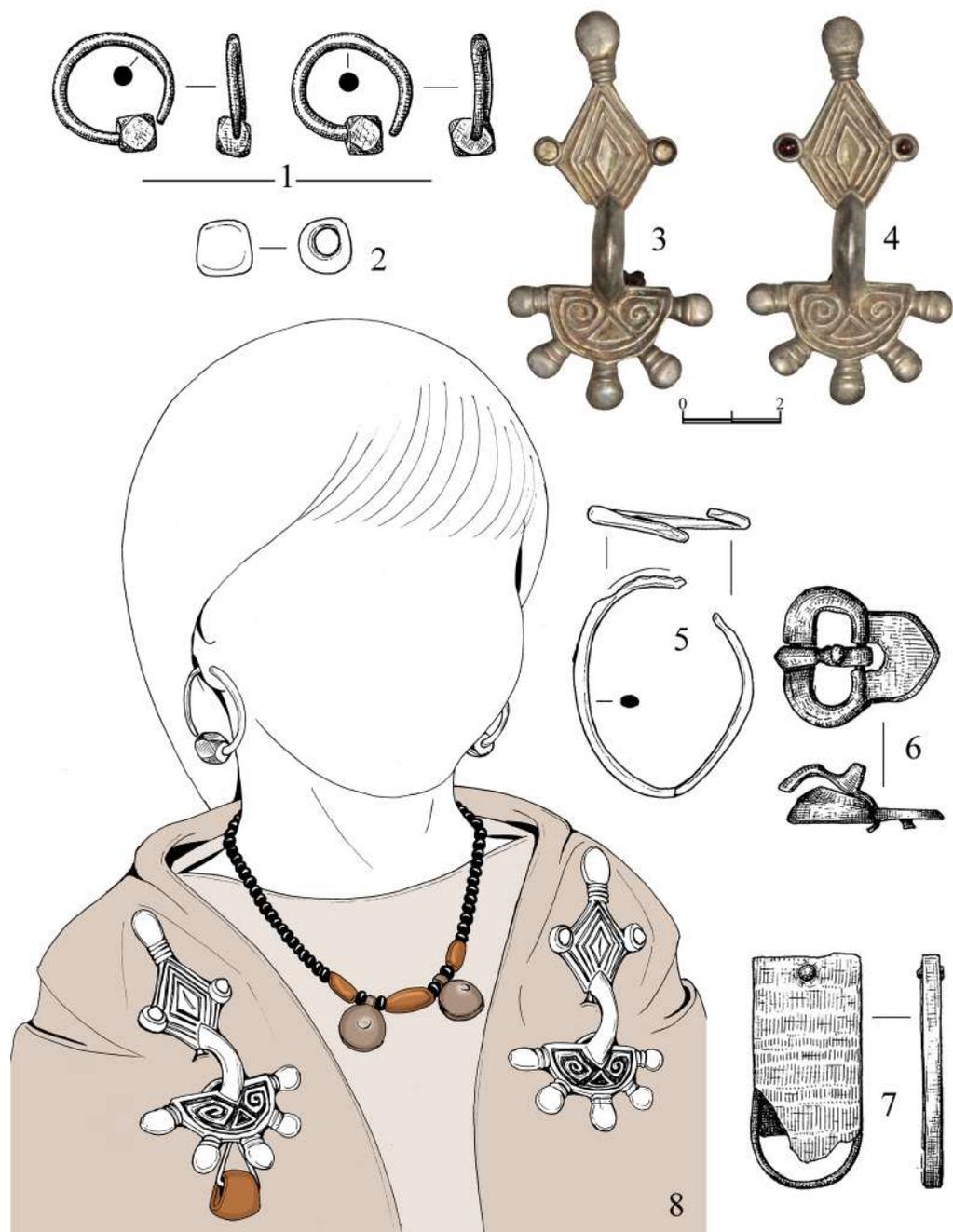

Рис. 7. Могильник у с. Лучистое. Склеп 77, детское погребение 6 конца VI – первой четверти VII в.: 1–7 – находки из погребения; 8 – реконструкция костюма погребенного ребенка. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

Рис. 8. Могильник у с. Лучистое. Женские погребения конца VI – первой четверти VII в. из склепов 42 (1–3) и 102 (4–7): 2–6 – находки из погребений; 1, 7 – реконструкция костюма погребенных. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

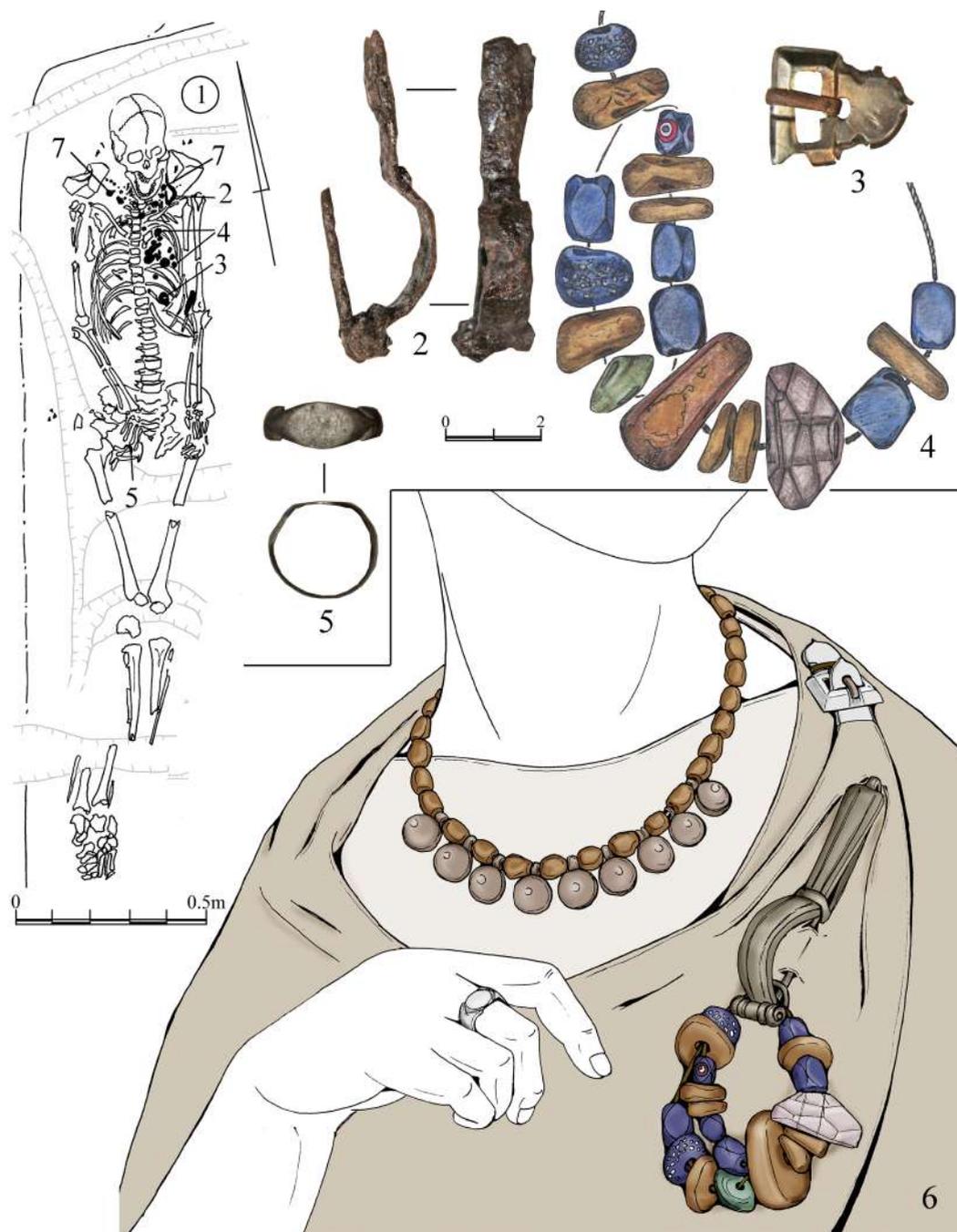

Рис. 9. Могильник у с. Лучистое. Склеп 79, женское погребение конца VI – первой четверти VII в.: 1 – план погребения; 2–5 – находки из погребения; 6 – реконструкция костюма погребенной; 7 – бусы и подвески-буллы (Реконструкция, фото и рисунок автора)

И. А. ЗАВАДСКАЯ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ЧИСЛОВЫЕ ПРОПОРЦИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ БАЗИЛИК ХЕРСОНЕСА¹

Аннотация: В статье изложены результаты изучения плановой структуры 11 ранневизантийских базилик Херсонеса/Херсона с использованием системы числовых пропорций, которую разработал Ханс Бухвальд (Hans Buchwald). Все они принадлежат к так называемому эллинистическому типу или типу «простой нефной базилики». На основе размеров и пропорциональных особенностей планов эти базилики можно разделить на три группы, каждой из которых характерен свой вариант пропорциональной системы. Эти варианты отличаются по главным пропорциям, формирующим план наоса (центральный и боковые нефы) и здания базилики в целом.

Первому варианту пропорциональной системы соответствуют базилики с «удлиненными» пропорциями (Западная и Уваровская базилики), у которых соотношение ширины и длины здания с одним нартексом равно 1:2, наос имеет пропорцию 2:3. Особенностью Уваровской базилики, которая была городским кафедралом, является удвоенная ширина нартекса, поэтому пропорцию 1:2 имеет наос с апсидой и половиной нартекса или наос с целым нартексом (без апсиды). Второй вариант демонстрируют базилики со «средними» пропорциями (Базилика 1935 г., Восточная базилика и Базилика на холме). Пропорцию 1:2 имело здание с двумя нартексами, пропорцию 2:3 наос составлял только вместе с апсидой или нартексом. Третий вариант представляют базилики с «укороченными» пропорциями (Базилика в базилике, Базилика 1932 г., Базилика на агоре (№ 28)), у которых соотношение ширины и длины всего здания – 2:3, а наоса – 1:1. Разновидностью данного варианта (подвариантом), вероятно, можно считать еще более приземистые пропорции планов Северной базилики и Базилики № 17. Пропорцию 1:1 их наосы имеют вместе с нартексом или апсидой.

Многие пропорции отдельных частей зданий были общими для большинства базилик разных вариантов (например, нартекс 1:4, центральный неф 1:2, ширина бокового и центрального нефов 1:3). Соотношение ширины центрального нефа и ширины базилики 1:2 имеют все базилики.

Три пары базилик, а именно Базилика 1935 г. и Восточная, Базилика 1932 г. и № 28, а также Северная и № 17, которые принадлежат соответственно второму и третьему вариантам пропорциональной системы, имели очень близкие не только пропорции, но и размеры. Скорее всего, каждая из этих пар была построена одними и теми же строительными артелями по одним «типовым» проектам, которые претерпели некоторые изменения в ходе строительства каждой конкретной базилики, благодаря чему приобрели индивидуальные черты.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

В статье впервые продемонстрирован практический метод сравнения планов разных базилик путем их совмещения с изменением масштаба, но сохранением пропорций (с помощью компьютерной программы Photoshop). Этот метод позволил выявить сходство или даже идентичность пропорциональной структуры планов некоторых базилик Херсонеса между собой, а также с планами многих базилик в Константинополе, Малой Азии, на Балканском полуострове и на островах Средиземного моря.

Широкий ареал аналогий свидетельствует о применении общих приемов и методов в проектировании значительного числа базиликальных церквей в ранневизантийский период, а также об использовании типовых планов, которые приспосабливались к местным условиям и потребностям каждого конкретного проекта.

Ключевые слова: Херсонес/Херсон, ранневизантийские базилики, методы проектирования, числовые пропорции, типовой проект.

В раннехристианский период (IV–VI вв.) на территориях, подвластных Византийской империи и находящихся в сфере ее влияния, доминирующим архитектурным типом церковного здания была базилика, внутренняя структура которой оказалась наиболее приемлемой для богослужения на раннем этапе существования христианства в качестве государственной религии. Сходство огромного количества этих памятников, обнаруженных в разных регионах, от Италии до Ближнего Востока, может свидетельствовать о неких общих приемах, повсеместно применявшихся при их строительстве. Поиск этих приемов, а также проблема реконструкции процесса создания базиликальных храмов периодически попадают в сферу интересов исследователей разных регионов. Чрезвычайно перспективными в этом отношении являются также раннехристианские базилики Херсонеса/Херсона, главного византийского центра в Крыму.

Херсонес – один из очень немногих византийских городов, в которых зафиксированы остатки сравнительно большого количества ранних базилик. На территории его городища известны руины 11 базилик², которые, согласно археологическим данным, построены в сравнительно краткий период, а именно в VI в., скорее всего, в эпоху Юстиниана I и его ближайших приемников (не позже конца VI – начала VII в.) [7]. Несмотря на не очень хорошую сохранность строительных остатков в целом, планы базилик достаточно точно прослеживаются, что позволяет изучить их метрические и структурные характеристики.

По своему архитектурному типу 10 базилик Херсонеса принадлежат к так называемому эллинистическому типу [35, р. 17–36; 16, с. 183–184; 41, р. 121; 11, с. 24; 17, с. 33–39; 8, с. 262–263; и др.] или к типу «простой нефной базилики» (“the simple aisled basilica” или “simple basilique à trois nefs”) [22, р. 19; 32, р. 325; 41, р. 123]. Изначально они имели

² Например, на территории Болгарии больше всего, а именно 10 ранневизантийских базилик сохранилось в Диаклетианополисе (Хисаре) и его округе [17, с. 263]. В Греции значительное количество ранних базилик обнаружено в городах Argos (6 трехнефных базилик и 3 базилики (?) неопределенного типа), в Коринфе (5 трехнефных базилик и 3 базилики (?) неопределенного типа), в Новом Анхиаде (5 трехнефных базилик и 2 базилики (?) неопределенного типа), в Никополесе (4 трехнефных базилик и 2 базилики (?) неопределенного типа) [28, р. 342–521 (catalogue)].

одну выступающую полукруглую или пятигранную снаружи апсиду, три нефа, нартекс, в четырех случаях экзонартекс, в комплексе кафедральной Уваровской базилики был также атриум с фиалом. Крыши состояли из деревянных стропил, перекрытых черепицей. Наос делился на нефы двумя рядами мраморных колонн с капителями.

Конструктивно базилика была сравнительно простым сооружением. Один из первых исследователей памятников Херсонеса военный инженер А. Л. Бертье-Деллагард называл базилику «простым сараем, доступным к построению с необычайной быстротой» и легкостью «любим невеждой каменщиком» [2, с. 48]. По мнению К. Манго, именно потому, что базилика «была проста в построении и обеспечивала максимальный эффект при минимальных усилиях», она просуществовала столь долго на обширной территории [33, р. 70]. Н. Спремо-Петрович в простоте базилик «с минимумом поверхностей и объемов» видела «непреходящую красоту и монументальность» и считала их «наиболее замечательным выражением архитектурной гармонии», которая достигалась благодаря строительной практике, основанной на принципах пропорциональности [41, р. 122].

Использование пропорций в архитектуре имеет очень давнюю историю. Наиболее близким к раннехристианскому периоду является трактат римского архитектора Витрувия I в. до н.э., призывавшего при создании храмов соблюдать правила соразмерности, которая «возникает из пропорции» (Витрувий, 3.1:1). Аккумулируя и передавая опыт многих древнегреческих и римских архитекторов, он утверждал, что подобно человеческому телу «части храмов должны каждая в отдельности находиться в самой стройной соразмерности и соответствии с общей величиной всего целого» (Витрувий, 3.1:3). Имея глубокие античные корни, практика соблюдения определенных закономерностей при построении храмов, вероятно, претерпев некоторые изменения, сохранилась и в раннехристианском церковном строительстве. Об этом свидетельствует письмо Григория Нисского (335–394) Амфилохию, епископу Икония, около 380 г. с описанием проекта будущего храма-мартирия в честь мучеников. Григорий надеялся, что Амфилохий поможет найти добросовестных и недорогих мастеров для реализации этого проекта. По замыслу Григория, храм будет иметь вид креста, составленного из четырех прямоугольных зданий: каждое из них «в ширину будет 8 локтей, в длину – в полтора раза больше, а высоту – сколько потребует соразмерность с шириной...» (Святитель Григорий Нисский. Письма. 25. Амфилохию) [33, р. 26–27]. Указывая эти и некоторые другие размеры, Григорий уверен, что Амфилохий сможет определить «общую меру числа локтей», вычислить стоимость материалов и количество мастеров, необходимое для строительства. Скорее всего, речь шла об уже известном архитектурном типе храма³, план и объем которого можно было представить, зная лишь некоторые величины и соотношения.

То, что раннехристианские базилики тоже проектировались с соблюдением определенных пропорций, подтверждают их планы. Но, поскольку описание данного про-

³ На основании описания Григория Нисского, предложена одна из возможных реконструкций плана храма-мартирия [42, р. 74, fig. 62; 33, р. 26].

цесса в письменных источниках не сохранилось, достоверно неизвестно, каким образом достигалась эта пропорциональность и какие методы для этого использовались.

В изучении методов проектирования наиболее популярна теория о геометрических пропорциях, построенных с помощью геометрических фигур, главным образом, квадрата и прямоугольника. Согласно данной теории, соотношения между их длиной, шириной и диагональю определяют основные пропорции базилики и ее частей. Различные геометрические соотношения выявлены в планах многих базилик разных регионов [например: 41; 11, с. 26–31; 29]. При этом предлагаются как сравнительно простые соотношения, так и более сложные, выраженные в иррациональных числах, которые, по мнению некоторых исследователей, могли осознанно применяться строителями-архитекторами [например: 41, р. 127–132; 29]. Как правило, одновременно с геометрическими пропорциями идет поиск главного размера, выступающего в роли модуля, который лежит в основе всех параметров здания. Классическим примером совмещения геометрических пропорций и модульной системы является труд сербской исследовательницы Невенки Спремо-Петрович, посвященный базиликам Иллирика [41]. Базовым (минимальным) модулем она считала толщину стены, размер которой формирует модульную сетку, в которой, в свою очередь, развиваются все элементы сооружения⁴ [41, р. 126]. В то же время в конструктивном смысле основным элементом, начальным размером здания, она называет ширину наоса, которая зависит от длины поперечных балок крыши, в то время как длина наоса и всей базилики определяется пропорциями. По этим же конструктивным причинам другие ученые базовой величиной называют центральный неф (а не всю ширину базилики, наос) [45, р. 64; 33, р. 70; 23, р. 3–4]. Большинство исследователей считает, что модуль должен быть эквивалентен принятой в то время единице измерения, а именно футу, хотя его размер даже для одной эпохи, скорее всего, не был единым [45, р. 65–73; 32, р. 325; 41, р. 127; 11, с. 27–33; 44, р. 536–537; 29]. По мнению же Томаса Тиме (Th. Thieme), модуль не обязательно должен совпадать с принятой единицей измерения. По его вычислениям, при строительстве базилики св. Иоанна Студита в Константинополе могли быть использованы два модуля, из которых только один (равный 29,29 см) близок к римскому футу [43].

Иную пропорциональную систему, которая могла быть использована при проектировании базилик, выявил архитектор, историк архитектуры Ханс Бухвальд (Hans Buchwald). Это – система числовых пропорций, которые, в отличие от геометрических, состоят из отношений только целых чисел, выражающих соотношение разных величин базилики или ее частей. Числовые пропорции могут применяться независимо от бытующей системы измерения с помощью простых измерительных приспособлений, таких, как веревка или рейка, и элементарной арифметики. Данную систему пропорций Х. Бухвальд иллюстрировал на примере плана церкви ЕА, построенной

⁴ Архитектор Ю. Г. Лосицкий, изучавший храмы Херсонеса, в том числе базилики, с точки зрения их планировки, также рассматривал их в рамках модульной сетки, базовой величиной которой является толщина стены [9, с. 42; 10, с. 92–93].

в середине IV в. в Сардах, столице провинции Лидия на юго-западе Малой Азии [23, р. 2–3, fig. 1; 24]. В каждой пропорции первое, меньшее число отражает ширину архитектурного компонента, второе, большее – его длину. Пропорция всей церкви ЕА, включая нартекс и апсиду, составляет 1:2, центрального и боковых нефов вместе (наоса) – 2:3, центрального нефа – 1:3, нартекса – 1:4, соотношение ширины бокового и центрального нефов – 1:2 (рис. 1). Три из этих пропорций, а именно, центрального нефа, наоса и соотношение ширины бокового и центрального нефов, Х. Бухвальд считал наиболее важными, т.е. определяющими внутреннее пространство и внешний вид базилики, по крайней мере, на уровне ее плана [22, р. 22]. Поскольку открыты лишь руины церкви ЕА, ее высота неизвестна. Однако в хорошо сохранившейся равненской базилике Сант-Аполлинаре-ин-Классе (533–549 гг.), план которой имеет аналогичные пропорции, ширина и высота центрального нефа пропорциональны 3:4. По мнению Х. Бухвальда, такая же пропорция могла быть и в церкви ЕА [23, р. 3]. Таким образом, главные измерения двух этих базилик были определены с помощью пропорций, состоящих из первых четырех чисел (1, 2, 3, 4), т.е. тетрады [там же].

Система числовых пропорций в разных вариациях присутствует в планах очень многих раннехристианских базилик Черноморского и Средиземноморского регионов, которые изучал Х. Бухвальд. По результатам этих исследований он готовил большую монографию о числовых пропорциях в христианских базиликах («On Tetractric Proportions in Christian Basilicas»), которую не успел закончить⁵. Основные положения своей теории о числовых пропорциях Х. Бухвальд изложил в нескольких публикациях [22; 23; 24, р. 2], а также в нашей совместной статье о числовых пропорциях базилик Крыма [26]. Дальнейшее изучение числовых пропорций базилик Херсонеса позволяет уточнить некоторые из них и классифицировать базилики на основе их пропорций, а также рассмотреть более широкий круг их аналогий.

Исследователи базилик, как и других храмов, сохранившихся лишь в руинах, при изучении их пропорций сталкиваются с рядом сложностей. Прежде всего, это

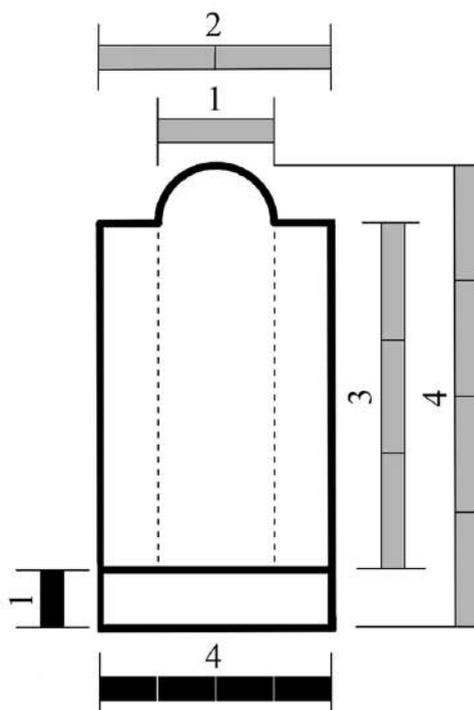

Рис. 1. Сарды. Церковь ЕА. План с числовыми пропорциями по Х. Бухвальду [23, р. 2, fig. 1]

⁵ Ханс Бухвальд умер 31 октября 2013 г.

качество используемых планов данных сооружений, точность которых не всегда возможно проверить. Практически для каждой базилики Херсонеса существует несколько планов, достаточно вариативных. В ходе работы мы отобрали наиболее точные из них, что было проверено некоторыми натурными измерениями [26, fig. 3–12]. В таблице 1 приведены основные размеры херсонесских базилик, которые представляются наиболее вероятными из всех, которые упоминаются разными исследователями (табл. 1). Однако не исключено, что в дальнейшем эти размеры в какой-то степени могут быть откорректированы. Судя по планам и сохранившимся архитектурным остаткам, херсонесские базилики были построены с определенными погрешностями и отклонениями, т.к. не все стены и колоннады строго параллельны или перпендикулярны друг другу. Подобная неаккуратность архитекторов и строителей отмечается многими исследователями храмов разных регионов Византии [например: 45; 44]. Допускается, что измерительные инструменты ручного производства не всегда были абсолютно точными, так же как и выполняемые ими измерения. Кроме того, используемые в то время строительные материалы, такие как кирпичи, каменные блоки, не отличаются соблюдением метрического стандарта, что тоже влияло на размер сооружения. На точность разбивки плана могли влиять также особенности участка, отведенного под строительство. Йорам Цаффрир (Y. Tsafri) назвал практику отклонения от точной планировки, характерную для византийского периода (в отличие от предыдущего римского), «комфортным беспорядком (нарушением)» (*comfortable disorder*), при котором строитель, стремящийся к максимальной экономии труда, строительных материалов и времени, не считал нужным соблюдать точность измерений и исправлять отклонения, особенно если они не были заметны [44, p. 538]. Таким образом, при поиске закономерностей в плановой структуре византийских храмов следует иметь в виду возможную долю отклонения от точности первоначального плана сооружения.

Принимая во внимание возможные погрешности при разбивке плана базилики, а также учитывая тот факт, что строители могли отмерять необходимые размеры от разных точек стены или колоннады, Х. Бухвальд ввел следующие сокращения в круглых скобках, уточняющие способ вычисления пропорции: (cl.) – от внутренней поверхности стены или колонны, т.е. ясное, четкое (*clear*) измерение, (ext.) – от внешней (*exterior*) поверхности стены или колонны; (o.c.) – от середины (*on centers*) стен или колонн [26].

Несмотря на возможные отклонения от изначального проекта, к которым следует отнести кривизну некоторых частей, а иногда и всего здания, а также возможные неточности имеющихся планов, числовые пропорции выявлены для всех ранневизантийских базилик Херсонеса. Учитывая размеры и основные пропорции этих сооружений, можно предположить, что при их проектировании было использовано не менее трех вариантов пропорциональной системы с определенным набором пропорций. Все базилики Херсонеса в процессе функционирования в течение нескольких веков превратились в центры целых культовых комплексов. У многих из них появились дополнительные боковые апсиды, часовни и другие пристройки. В данной работе пропор-

ции вычислены только для основного здания базилики, состоявшего из трех нефов, одной полукруглой или пятигранной снаружи апсидой, одним или двумя нартексами.

К числу наиболее крупных базилик Херсонеса принадлежит **Западная базилика (№ 13 по счету ИАК)**, расположенная на северо-западной оконечности города⁶. Раскопки базилики проводились в 1891, 1892 и 1901 гг. К. К. Косцюшко-Валюжиничем, дополнительные исследования проведены в 1963 г. Е. Г. Суровым [1, с. 29–42; 16, с. 160; 6, с. 327; 13, с. 39–43]. Согласно реконструкции, предложенной М. Скубетовым на основании открытой в 1901 г. *in situ* базы колонны, базилика имела экзонартекс или портик с колоннадой [1, рис. 27], от которого к 1963 г. ничего не осталось. Примерные размеры базилики по внешним очертаниям: 20,8x39,0 м, центрального нефа внутри: 9,2–9,4x28,0 м. Пропорции базилики вычислены на основании архивного плана 1963 г.⁷ [6, рис. 3]. Соотношение ширины и длины базилики с апсидой и нартексом составляет 1:2 (о.с./ext.), наоса (три нефа) – 2:3 (cl.), центрального нефа – 1:3 (cl./о.с.), нартекса – 1:4 (о.с./cl.), соотношение ширины бокового нефа и ширины центрального нефа – 1:2 (о.с.)⁸ (рис. 2; табл. 2). Эти числовые пропорции аналогичны пропорциям рассмотренной выше церкви ЕА в Сардах (рис. 1). Размеры этих базилик также очень близки. Длина церкви ЕА снаружи: 40,93 м, ширина: 21,09 м, размеры центрального нефа внутри: 9,55x29,05 м [22, р. 28, tabl. 1; 24, р. 2].

Интересно отметить, что Витрувий в своем трактате рекомендует соблюдать соразмерность ширины и длины базилики не менее 1:3 и не более 1:2⁹. Пропорцию 1:2 имели многие раннехристианские греческие базилики, в том числе одна из са-

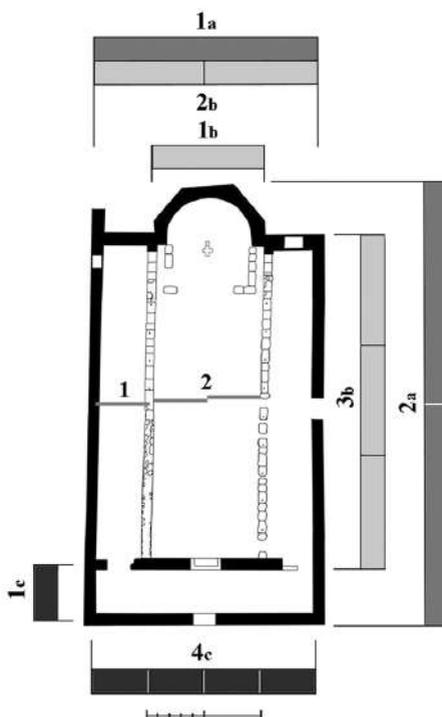

Рис. 2. Херсонес. Западная базилика. План с числовыми пропорциями (на основе плана: НА НЗХТ. Д. 1138)

⁶ Краткая история изучения, вопросы хронологии и библиография о херсонесских базиликах см.: [26, с. 17–23].

⁷ НА НЗХТ. Д. 1138.

⁸ Пропорции Западной базилики существенно уточнены по сравнению с более ранней публикацией [26, с. 18].

⁹ «...базилики должны быть в ширину не меньше трети и не больше половины своей длины, если только этому не препятствуют условия места и не заставляют как-нибудь изменять их соразмерность» (Витрувий, 5.1:4). Здесь Витрувий также свидетельствует о возможном влиянии местных условий на начальный проект сооружения.

мых ранних – церковь *extra muros* в Филиппах IV в. [11, с. 29]. Поль Лемерль упоминает пропорцию наоса 2:3 и центрального нефа 1:3, как характерные для греческих трехнефных базилик [32, р. 325]. К рассмотренному варианту пропорциональной системы среди греческих памятников принадлежат, например, базилики А в Новом Анхиале и Амфиполисе, Ираклион в Нимее, базилика в Дионе, базилика В в Деметриаде [11, с. 27, 36, р. 112, plan 3; 30, р. 125, fig. 57; 41, № 14; 18, fig. 57, 131]. Аналогичные пропорции имели планы некоторых базилик на островах Крит (базилика в Суйе), Кипр (Панагия Канакария в Литранкоми) и Кос (св. Стефана вблизи Кефалоса, св. Павла в Зипари и св. Иоанна в Мاستихари) [41, № 17; 34, fig. G; 38, р. 332–334, fig. 1–3]. Базилики с подобными пропорциями известны также на территории Болгарии (базилика D в Ятрусе) и Румынии («большая базилика» в Томи, в Тропеум Траяни) [17, с. 198–199; 20, р. 124, 163, fig. 37; 60,2]. Но наибольшее распространение базилики с указанным набором пропорций получили в Малой Азии, главным образом, в западной части. По наблюдениям Х. Бухвальда, их имели 70 малоазийских базилик [25, р. 130; 21, р. 202]. В их числе кафедральные церкви в Иераполисе, Книде, Идиросе, Ксанфе [40, р. 409–414, fig. 2–4, 6]. Плановая структура каждой из упомянутых базилик имеет свои особенности, например, в очертаниях апсиды, в соотношении отдельных частей. Так, у многих из них были более широкие нартексы с пропорцией 1:3 (а не 1:4). Однако основные пропорции наосов и зданий в целом совпадают или имеют незначительные отклонения.

Для того, чтобы наглядно сравнить плановую структуру разных базилик, был применен метод совмещения их планов с изменением масштабов, но обязательным сохранением пропорций (с помощью компьютерной программы Photoshop). Планы базилик соотносились по длинным стенам (при наличии кривизны, точки схождения находились на середине их длины). Этот метод позволил выявить сходство или даже идентичность пропорциональной структуры планов некоторых базилик Херсонеса между собой, а также с планами базилик из разных регионов. Примером применения данного метода является совмещение планов Западной базилики Херсонеса и кафедрала в Ксанфе (Ликия, юго-запад Малой Азии), которое демонстрирует практически их полное совпадение, несмотря на то, что малоазийская базилика значительно больше по своим размерам (рис. 3). Отличалась лишь форма апсид обеих базилик (пятигранная у херсонесской базилики и полукруглая у малоазийской). Кроме того, церковь в Ксанфе дополнял атриум. Основные же части планов этих базилик спроектированы с соблюдением одних и тех же пропорций.

Данному варианту пропорциональной системы в значительной степени соответствует и план **Уваровской базилики (№ 23)**, кафедрального храма Херсонеса, самой крупной ранневизантийской базилики в Крыму. Она открыта графом А. Уваровым в 1853 г., периодически раскопки продолжались с 1876/77 г. до 1910 г., исследования проводились в 1970-х и 1980-х гг. [16, с. 152; 13, с. 71; 26, с. 17]. Примерные размеры базилики с апсидой и двумя нартексами снаружи: 22,40x52,50 м, центрального нефа внутри: около 11,14x30,35 м. Практически все опубликованные планы

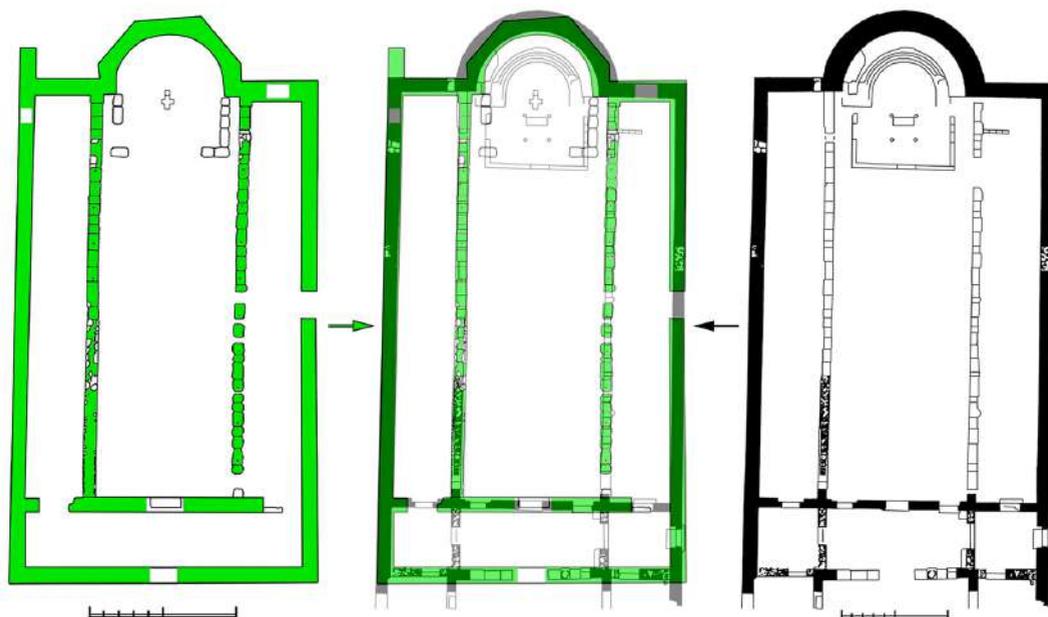

Рис. 3. Западная базилика в Херсонесе (слева) и кафедральный храм в Ксанфе (справа) [40, р. 414, fig. 6].
Совмещение планов

базилики пропорционально близки между собой. Для вычисления пропорций использован план, изданный в 2004 г. [13, р. 150, fig. 44]. Одна из основных пропорций плана, а именно соотношение ширины и длины наоса, составляет 2:3 (o.c./ext.), т.е. такое же, как и в Западной базилике. Отличие Уваровской базилики от Западной и других базилик Херсонеса – в пропорции ее нартекса, 1:2 (ext.) (рис. 4). Возможно, расширение нартекса в 2 раза связано с функциональным назначением базилики, как кафедральной. Данное обстоятельство привело к изменению пропорций здания в целом. Пропорцию 1:2 (cl./o.c.) имеет не вся базилика, а только наос с нартексом или наос с апсидой и половиной нартекса. Еще одна особенность базилики – в соотношении ширины одного бокового и центрального нефов, которое составляет 1:3 (cl.), что делает центральный неф просторнее, по сравнению с пропорцией 1:2 в Западной базилике. Более широкий центральный неф Уваровской базилики имеет пропорцию 1:3 (o.c.) только вместе с апсидой. Интересно отметить, что пропорция ее экзонартекса в рамках длинных стен составляет 1:4 (o.c./cl.), как и пропорции нартексов большинства херсонесских базилик. Соответствие пропорций основной части плана Уваровской базилики рассмотренному варианту пропорциональной системы демонстрирует пример совмещения ее плана с планами Западной базилики (рис. 5) и базилики св. Стефана на острове Кос (рис. 6).

Следующий вариант пропорциональной системы зафиксирован в планах трех херсонесских базилик: Базилики 1935 г., Восточной базилики и Базилики на холме.

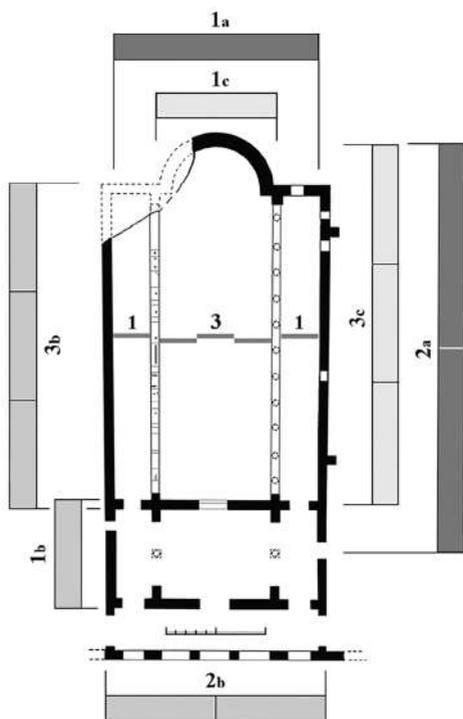

Рис. 4. Херсонес. Уваровская базилика. План с числовыми пропорциями (на основе плана: [13, р. 150, fig. 44])

Восточная базилика (№ 36). Она была раскопана в 1876 г. и доследовалась в 1908 и 1970-х гг. [16, с. 165; 26, с. 18–19]. Большая часть апсиды обрушилась в море. Приблизительные размеры базилики с апсидой и двумя нартексами снаружи: 18,2х36,0 м, центрального нефа внутри: 9,0х20,5 м. Для изучения пропорций использован план базилики на генеральном плане северо-восточной части городища 1928 г., ставший основой плана, включенного в монографию А. Л. Якобсона [3, табл. I; 16, с. 166, рис. 72]. Совмещение планов Восточной базилики и Базилики 1935 г. в одном масштабе убеждают в том, что контуры основных частей этих базилик, исключая их экзонартексы, практически полностью совпадают (рис. 8). Отличается только пропорция нартекса. В Восточной базилике он немного расширен и имеет соотношение 1:3 (о.с./с.л.) (табл. 2). Также отличаются пропорции экзонартексов. Тем не менее, пропорция нартекса и экзонартекса вместе в обеих базиликах практически та же: в Базилике 1935 г. – 1:2 (с.л./ext.), в Восточной – 1:2 (о.с.).

Вероятно, аналогичную пропорциональную систему использовали и при проектировании **Базилики на холме (№ 14)**. Верхняя, более поздняя базилика А была раскопана в 1890 г. В 1973–1977 гг. под ней открыты остатки большой ранневизантийской базилики Б [6, с. 336–337; 7, с. 82; 26, с. 20–21]. Приблизительные

Раскопки **Базилики 1935 г.** на северном берегу Херсонеса начались, соответственно, в 1935 г. и продолжались в конце 1940-х и в 1950-х гг. [4, с. 205–213, рис. 1; 5, с. 94–104, рис. 2; 13, с. 61–66; 26, с. 19–20]. Размеры ранневизантийской базилики с апсидой и двумя нартексами снаружи: около 18,5х37,0–38,0 м, центрального нефа внутри: около 9,0х20,8 м. Наиболее полным и точным является план, изданный Е. Н. Жеребцовым [4, с. 207, рис. 1]. По своим пропорциям Базилика 1935 г. менее вытянута, по сравнению с Западной и Уваровской базиликами (рис. 7). Пропорцию 1:2 (ext./о.с.) она имеет только с двумя нартексами, а наос составляет пропорцию 2:3 вместе с нартексом или с апсидой, соотношение ширины и длины центрального нефа – 1:2 (ext./о.с.), нартекса – 1:4 (с.л.), ширины одного бокового нефа и ширины центрального нефа – 1:3 (с.л.).

Наиболее близкой аналогией Базилике 1935 г. в самом Херсонесе не только по пропорциям, но и размерам является **Вос-**

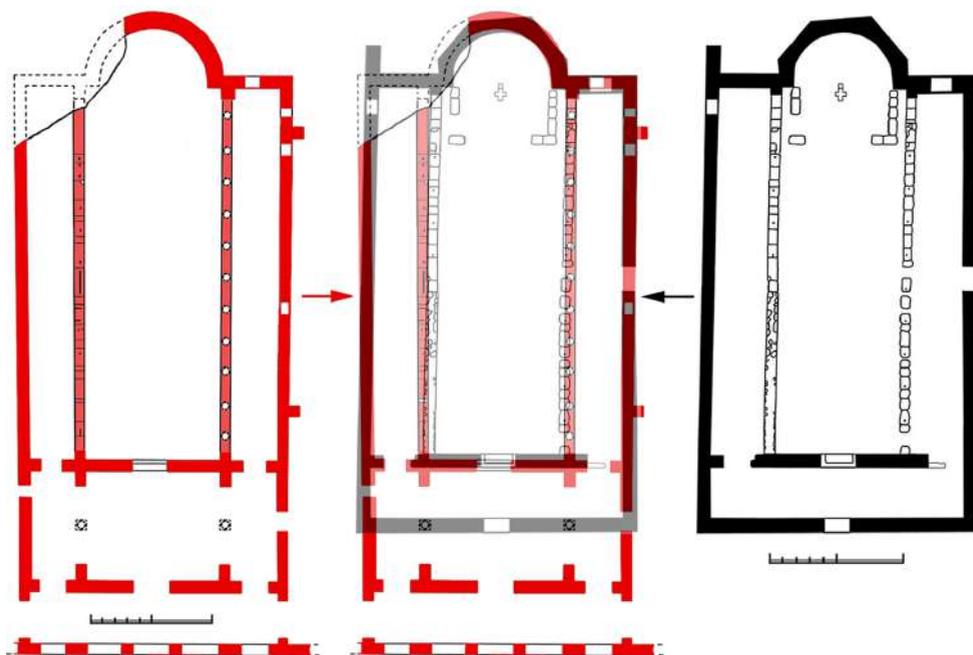

Рис. 5. Херсонес. Уваровская базилика (слева) и Западная базилика (справа). Совмещение планов

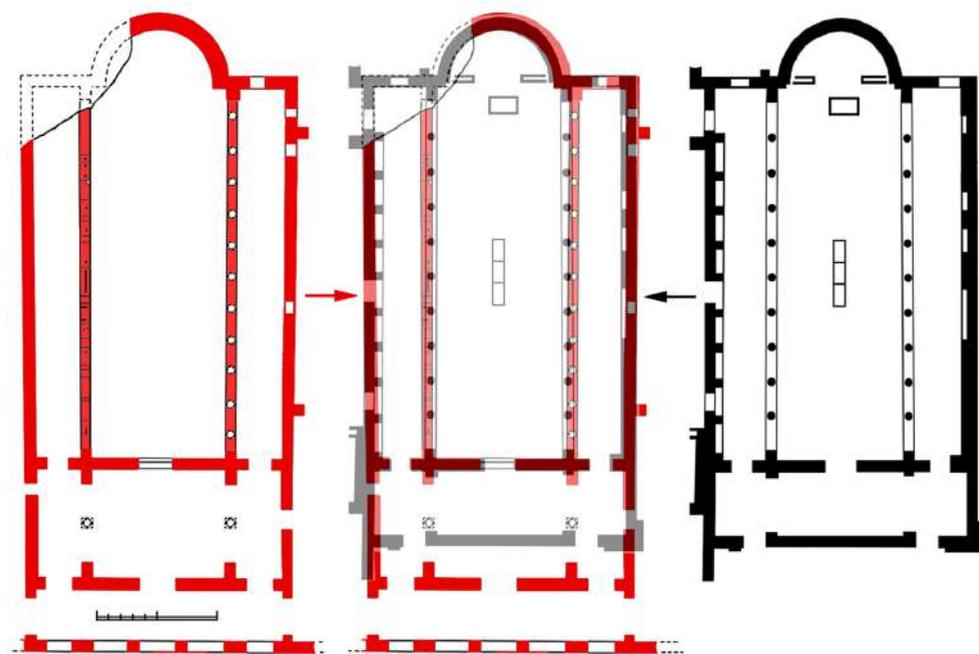

Рис. 6. Уваровская базилика в Херсонесе (слева) и базилика св. Стефана на острове Кос (справа) [38, р. 332, fig. 1]. Совмещение планов

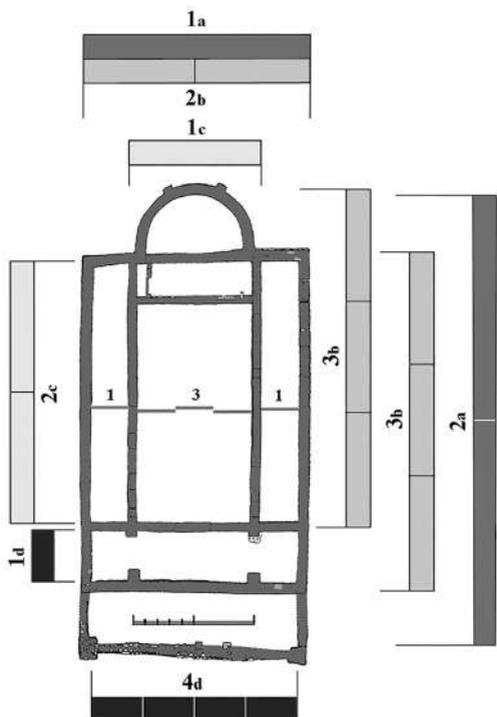

Рис. 7. Херсонес. Базилика 1935 г. План с числовыми пропорциями (на основе плана: [4, с. 207, рис. 1])

размеры базилики с апсидой и нартексом снаружи: 22,5x38,0 м, центрального нефа внутри: 8,0(?)x25,5 м. Остатки базилики Б сохранились очень плохо и ее план в значительной степени реконструирован [13, р. 112, рис. 33]. Базилика на холме, в отличие от базилик 1935 г. и Восточной, не имела экзонартекса, тем не менее, ее основные пропорции сопоставимы с пропорциями этих базилик (табл. 2).

Рассмотренному варианту пропорциональной системы соответствуют планы некоторых базилик Греции (Ахиропоитос в Салониках, базилика В в Новом Анхиале), Малой Азии («большая» церковь в Милете, две базилики в Анемуриуме) и Кипра (базилики Айя Триас около Ялусы) [44, № 6, 22; 40, р. 422, fig. 9; 39, fig. 2, 6; 37, р. 499, fig. 4]. Наиболее близкие пропорции херсонесским памятникам обнаружены в планах базилик № 3 и № 8 в Хисарах (Болгария) и базилики с баптистерием в Стоби (Северная Македония) [17, с. 266, рис. 74, с. 273, рис. 80; 30, fig. 78]. Их особенностью является немного менее выступающая апсида (рис. 9).

Третий вариант пропорциональной схемы демонстрируют Базилика в базилике (№ 15), Базилика на агоре (№ 28), Базилика 1932 г., а также Северная базилика (№ 22) и Базилика № 17. Они значительно меньше по размерам и имеют укороченные пропорции (табл. 1 и 2).

Ранняя **Базилика в базилике (№ 15)** раскопана до уровня мозаичных полов в 1889 и 1890 гг., под мозаиками – в 1972–1975 гг. [16, с. 172, 175; 12, с. 290–299]. Размеры базилики с апсидой и нартексом снаружи: около 18,5x27,0 м, центрального нефа внутри: около 9,1x17,5 м. Пропорции вычислены на основании плана раскопок 1973 г., хранящегося в архиве¹⁰ [26, р. 44, fig. 8]. Поскольку план базилики отличается определенной кривизной, например, в восточной части она несколько шире, пропорции измерялись по центральным осям. Вся базилика с апсидой и нартексом имеет соотношение 2:3 (cl.), наос – 1:1 (ext./o.c.), центральный неф – 1:2 (cl./o.c.), ширина одного бокового нефа и ширина центрального нефа – 1:3 (cl.), нартекс – 1:4 (ext.) (рис. 10).

¹⁰ НА НЗХТ. Д. 1640. В опубликованном плане базилики по раскопкам 1970-х гг. нарушены пропорции, вероятно, по техническим причинам [12, с. 291, рис. 1].

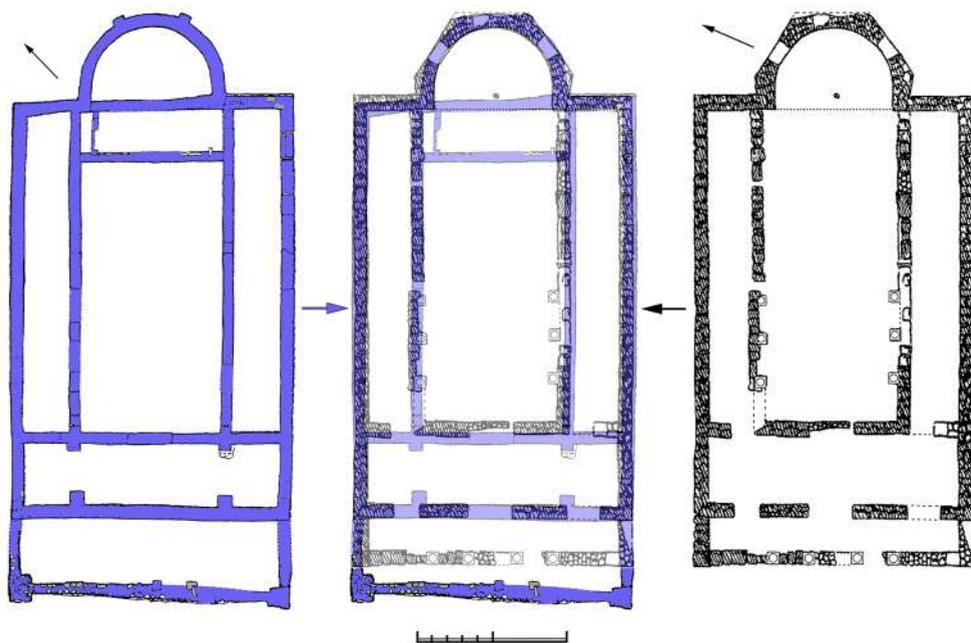

Рис. 8. Херсонес. Базилика 1935 г. (слева) и Восточная базилика (справа). Совмещение планов

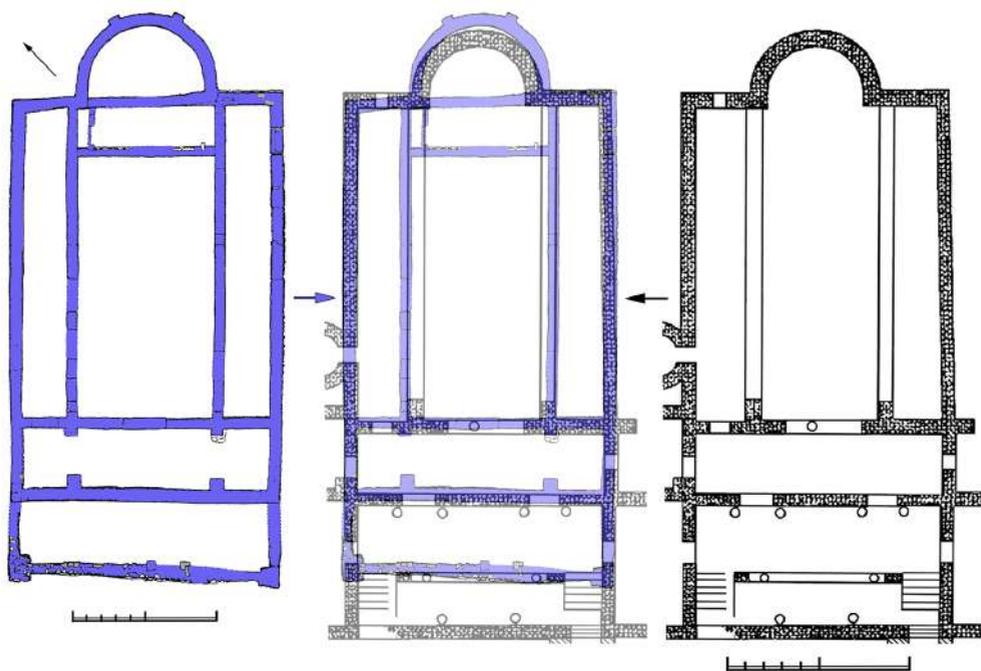

Рис. 9. Базилика 1935 г. в Херсонесе (слева) и базилика с баптистерием в Стоби, Северная Македония (справа) [30, fig. 78]. Совмещение планов

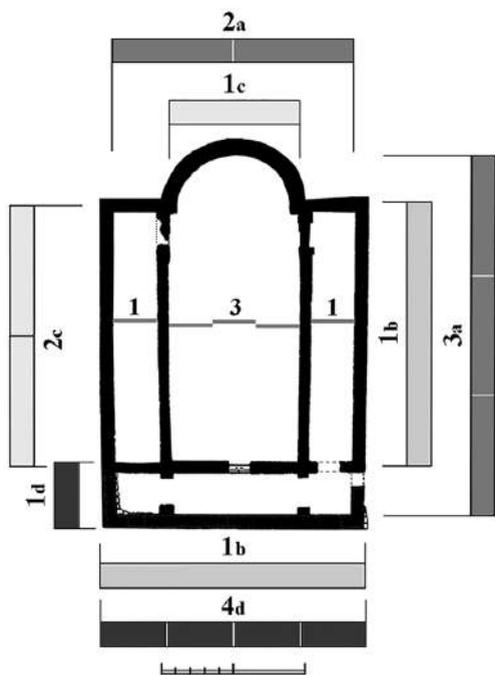

Рис. 10. Херсонес. Базилика в базилике. План с числовыми пропорциями (на основе плана: НА НЗХТ. Д. 1640)

около 8,5–8,7х16,0 м. Пропорции вычислены по плану раскопок 1932 г. и плану, опубликованному в 2004 г. [13, р. 134, fig. 38] (табл. 2). Планы базилик № 28 и 1932 г. очень близки не только по своим пропорциям, но и по размерам (рис. 11). Есть лишь несущественные отличия, такие как расположение колоннад и апсид.

Пропорциональная система, с данным набором пропорций, имеет очень близкие аналогии, прежде всего, в Константинополе и на Балканах. Такие же числовые пропорции имеет план базилики св. Иоанна Студийского монастыря в Константинополе [23, р. 5–6; 26, с. 29], несмотря на то, что ее размеры значительно больше: 26,30х32,68 м [43, р. 302]. Как установил Х. Бухвальд, многие из этих пропорций наблюдаются и в других плохо сохранившихся базиликах Константинополя (Базилика А и С на площади Безыт, Халкопратийская), поэтому он считал их особенностью известных столичных базилик и условно называл «константинопольскими пропорциями» [26, с. 29]. Базилики с такими пропорциями известны также на территории Болгарии, например, Старая Митрополия в Несебре, № 1 в Сандански, № 1 в Кабиле, № 1 в Абрите [17, с. 169, 229, 236], а также в Греции (близ Кепии) [19] и в Сербии (базилика у подножия акрополя в Царичин Граде) [27, р. 442–443]. Совмещение планов Базилики в базилике и Старой Митрополии подтверждают их принадлежность к одному варианту пропорциональной системы (рис. 12).

Базилика на агоре (№ 28) сохранилась частично. После очень кратко задокументированных исследований в 1861 и 1890-х гг. в ходе сооружения на агоре нового собора остатки стен ее боковых нефов и нартекса были полностью разобраны. В начале 2000-х гг. базилика была частично реставрирована [1, с. 61–63, рис. 43, 44; 16, с. 168–172; 13, р. 171–174]. Приблизительные размеры базилики с апсидой и нартексом снаружи: 16,0–17,0х26,0–27,0 м, центрального нефа внутри: 8,5х16,0 м. Наиболее точным представляется план первых раскопок 1861 г. [1, рис. 44], по которому вычислены основные пропорции. Они такие же, как и у базилики № 15, иногда с небольшими колебаниями в рамках половины толщины стены (табл. 2). Это относится и к пропорциям **Базилики 1932 г.**, исследования которой проводились в 1932, 1967, 1978 и 1979 гг. [26, с. 23]. Размеры базилики снаружи: около 16,5х26,0 м, центрального нефа внутри:

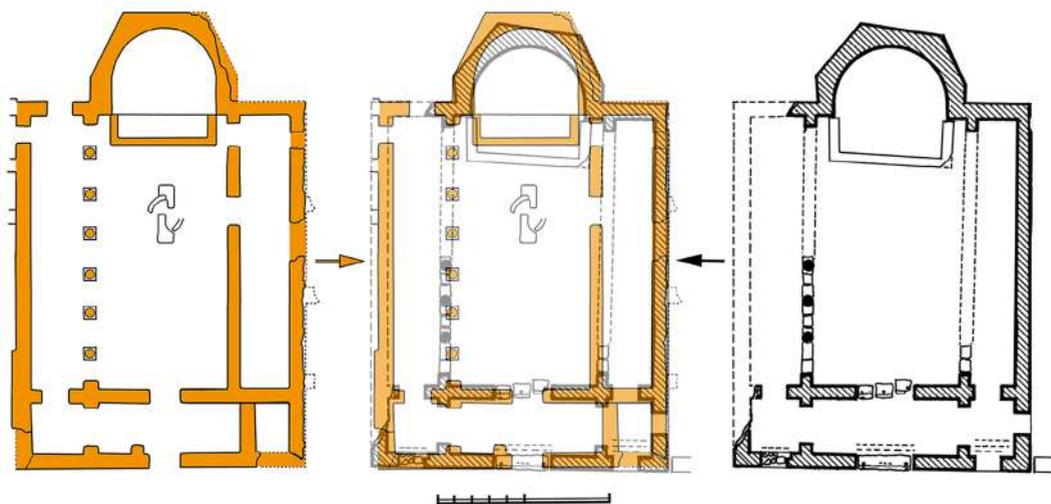

Рис. 11. Херсонес. Базилика на агоре (№ 28) [1, рис. 44] (слева) и Базилика 1932 г. [13, р. 134, fig. 38] (справа). Совмещение планов

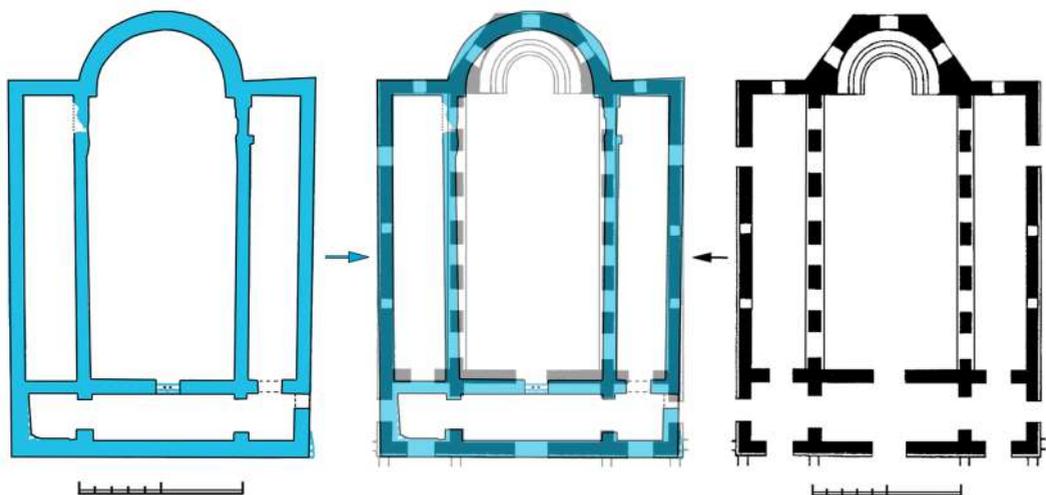

Рис. 12. Базилика в базилике в Херсонесе (слева) и Старая Митрополия в Несебре [17, с. 229] (справа). Совмещение планов

К числу «малых», укороченных базилик Херсонеса принадлежат также Северная базилика (№ 22) и Базилика № 17. Однако пропорции их планов имеют свои особенности.

Остатки **Северной базилики (№ 22)** (раскопки 1893 и 1981 гг.) плохо сохранились, т.к. в результате постепенного обрушения северного берега Херсонеса в море к настоящему времени практически полностью утрачен северный неф и значительная часть апсиды и центрального нефа [1, с. 27–29, рис. 22; 16, с. 168, рис. 75; 13, р. 145–147, fig. 43]. Приблизительные размеры базилики снаружи: 19,0x25,0 м, центрального нефа

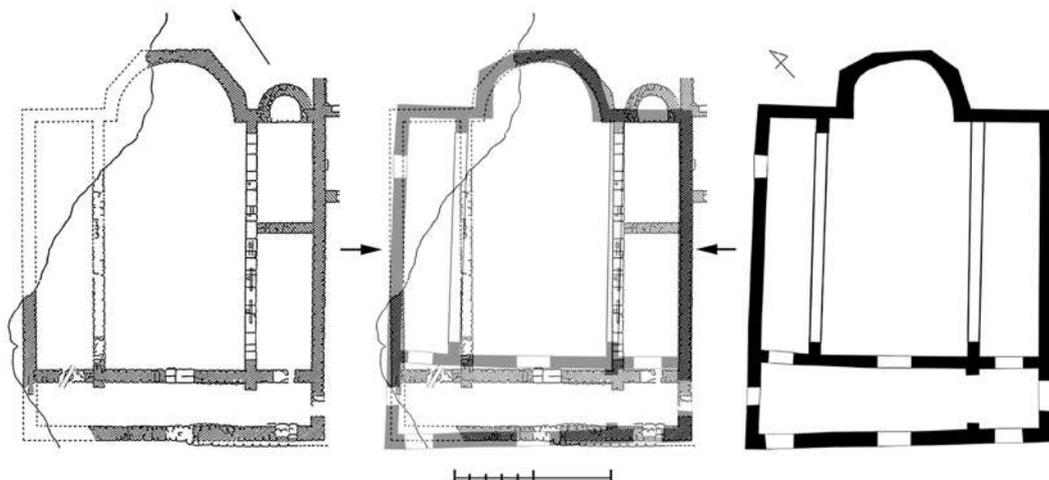

Рис. 13. Херсонес. Северная базилика [16, с. 169, рис. 75] (слева) и Базилика № 17 [31 р. 2278, fig. 7A] (справа). Совмещение планов

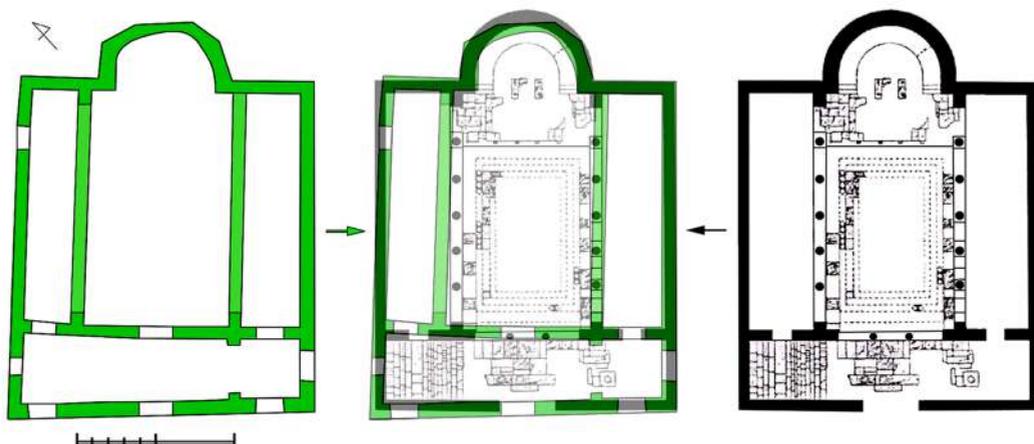

Рис. 14. Базилика № 17 в Херсонесе (слева) и базилика из Глифады (Греция) [18, р. 194, fig. 253] (справа). Совмещение планов

внутри: 8,8x15,7 м. Пропорции вычислены на основании опубликованного А. Л. Якобсоном плана, который уточняет более схематичный и неполный план по раскопкам 1893 г. [1, рис. 22; 16, с. 169, рис. 75]. Согласно данному плану, Северная базилика имеет более укороченные пропорции, по сравнению с описанными выше «малыми» базиликами (табл. 2). Пропорция наоса составляет 1:1, если ширина измеряется внутри, а длина – с учетом толщины стен (cl./ext.), т.е. внутри ширина наоса больше его длины примерно на толщину двух кладок. Соотношение наоса вместе с нартексом или наоса вместе с апсидой – 1:1, если измерять ширину с учетом толщины стен, а

длину внутри, между стенами (ext./cl.). Центральный неф имеет пропорцию 1:2 (o.c./cl.) вместе с апсидой.

С Северной базиликой по размерам и пропорциям сопоставима **Базилика № 17**, открытая (повторно?) в 1889 г. К. К. Косцюшко-Валжиничем [14, с. 14]. В 2012–2013 гг. раскопки были продолжены Е. Ю. Клевиной и А. Б. Бернацки, однако исследование памятника еще не завершено [31, р. 2264–2265]. Максимальные размеры базилики: 19,6x25,81 м [там же]. План базилики по результатам последних раскопок позволяет изучить его пропорции [31 р. 2278, fig. 7A]. Пропорция наоса вместе с нартексом или апсидой такая же, как у Северной базилики – 1:1 (ext./cl.), если, учитывая кривизну плана, принимать во внимание максимальную ширину (западная стена) и минимальную длину (южная стена). Наос Базилики № 17 короче наоса Северной базилики чуть более, чем на толщину стены, за счет чего нартекс стал шире (рис. 13). Основные пропорции плана Базилики № 17 очень близки, например, базилике из Глифады (близ Афин) (рис. 14). Более укороченные пропорции Северной базилики и Базилики № 17, возможно, являются результатом корректировки первоначального типового проекта и, в таком случае, их можно считать разновидностью (подвариантом) описанного выше третьего варианта пропорциональной системы. Однако нельзя исключать вероятность того, что при их проектировании могли руководствоваться какими-то другими приемами и расчетами.

Существенно отличается от перечисленных херсонесских базилик **Базилика Крузе (№ 7)**, раскопки которой проводились в 1891, 1998 гг. и возобновлены с 2005 г. под руководством С.В. Ушакова [1, с. 67–70; 16, с. 188–90, рис. 91; 15]. Она имела большую триконхиальную апсиду, три нефа и нартекс. При небольших размерах (17,7x24,4 м) у нее были мощные стены (1,2 м толщиной) и сравнительно узкие боковые нефы (2,2 и 2,5 м) и нартекс (около 2 м), что не исключает их перекрытие каменными сводами. Кроме того, Базилика Крузе отличается сильно укороченными пропорциями. Согласно плану, созданному по новейшим раскопкам [15, с. 200, рис. 1], ширина наоса существенно больше его длины и пропорцию 1:1 (cl./o.c.) он имеет только вместе с нартексом. При проектировании и планировке базилики могли использовать и другие числовые пропорции (табл. 2) [26, с. 23–24]. Тем не менее, архитектурно-конструктивные особенности выделяют ее из ряда других херсонесских базилик.

* * *

Таким образом, особенности планировочной структуры базилик Херсонеса свидетельствуют о том, что все они могли быть спроектированы с помощью числовых пропорций, составленных из первых трех или четырех чисел. Их применение не требовало высокой квалификации и было доступным для строителей с начальным образованием, получившими профессиональный опыт на строительных площадках. При разбивке плана нужны были только основные измерительные приспособления (веревки или рейки) и простые практические методы, с использованием нескольких чисел [26, с. 28].

Пропорциональные особенности планов 10 херсонесских базилик позволяют предположить, что при их проектировании были использованы, по крайней мере, три варианта пропорциональной системы. Эти варианты достаточно четко отличаются по главным пропорциям, формирующим план основной части (наоса) и здания базилики в целом.

Первому варианту соответствуют базилики, у которых соотношение ширины и длины здания с одним нартексом – 1:2, а наос имеет пропорцию 2:3. Условно (применительно для Херсонеса) эти базилики можно назвать «удлиненными». К ним принадлежат Западная и Уваровская базилики. Как уже отмечалось, особенностью Уваровской базилики является удвоенная ширина ее нартекса, поэтому пропорцию 1:2 имеет наос с апсидой и половиной нартекса или наос с целым нартексом (без апсиды).

Второй вариант демонстрируют базилики со «средними» пропорциями: Базилика 1935 г., Восточная базилика и Базилика на холме. Пропорцию 1:2 имело здание с двумя нартексами, пропорцию 2:3 наос составлял только вместе с апсидой или нартексом.

Третий вариант представляют базилики с «укороченными» пропорциями, у которых соотношение ширины и длины всего здания – 2:3, а наоса – 1:1. В их числе Базилика в базилике, Базилика 1932 г. и Базилика на агоре (№ 28). Подвариантом данного варианта, вероятно, можно считать еще более короткие (приземистые) пропорции планов Северной базилики и Базилики № 17. Пропорцию 1:1 их наосы имеют вместе с нартексом или апсидой.

Многие пропорции отдельных частей зданий были общими для храмов разных вариантов. Например, пропорции нартекса 1:4 и центрального нефа 1:2, а также соотношение ширины одного бокового и центрального нефов 1:3 и соотношение ширины нартекса и ширины центрального нефа 1:2 характерны для большинства базилик. Соотношение ширины центрального нефа и ширины базилики 1:2 отмечается во всех базиликах (табл. 2) [26, с. 30–32].

Близость размеров и пропорций трех пар базилик: 1935 г. и Восточной (№ 36) (рис. 8), 1932 г. и на агоре (№ 28) (рис. 11), а также Северной и № 17 (табл. 13), свидетельствуют о том, что они построены не только с использованием одних и тех же вариантов пропорциональных систем (соответственно, второго и третьего), но также и по одним архитектурным проектам. Эти, выражаясь современным языком, типовые проекты претерпели определенные изменения в ходе строительства каждой конкретной базилики, благодаря чему они приобрели индивидуальные черты (форма апсиды, соотношения нартексов, расположение колоннад и др.). Скорее всего, каждая из этих пар была построена одними и теми же строительными артелями примерно в одно и то же время. Примеры сходства параметров разных базилик известны и в других городах. Н. Спремо-Петрович упоминает несколько пар базилик с похожими размерами и пропорциями из Никополя, Нового Анхиала, критского Херсонеса и некоторых других мест, как правило, расположенных поблизости, и объясняет это существованием хорошо разработанных планов [41, р. 125–126].

Достаточно широкий круг базилик IV–VI вв. с аналогичными пропорциями из разных регионов свидетельствует о том, что рассмотренные варианты пропорцио-

нальной системы привнесены в Херсонес в уже готовом виде. Выбор пропорций для каждого храма мог определяться разными причинами (конструктивными, функциональными, идейно-религиозными). Некоторая вариативность в использовании пропорций свидетельствует о том, что они не применялись как жесткие шаблоны или неизменные формулы [26, с. 32]. Определенная пропорциональная схема могла быть скорректирована для каждого конкретного сооружения. Византийские мастера, скорее всего, участвовавшие в проектировании и строительстве херсонесских базилик, достаточно свободно подходили к данному процессу и применяли известные им архитектурные приемы с учетом местных условий и потребностей.

Таким образом, система числовых пропорций, предложенная Х. Бухвальдом, универсальна и достаточно проста. Она позволяет сооружать базилики любого размера при любых метрических стандартах. Применение числовых пропорций открывает новые возможности в изучении плановой структуры базилик, выявлении ее закономерностей, позволяет проследить архитектурные влияния и, возможно, реконструировать процесс создания наиболее монументальных сооружений ранневизантийской эпохи.

Таблица 1. Размеры базилик Херсонеса

размеры базилики	базилика (снаружи)		центральный неф (внутри)	
	ширина	длина	ширина	длина
Уваровская базилика (№ 23)	≈ 22,4 м	≈52,5 м (с 2 нартексами)	11,14 м	30,35 м
Западная базилика (№ 13)	≈ 20,8 м	39,0 м (с 1 нартексом)	9,2-9,4 м	28,0 м
Базилика 1935 г.	18,5 м	37,0-38,0 м (с 2 нартексами)	9,0 м	20,8 м
Восточная базилика (№ 36)	≈18,2 м	≈36,0 м (с 2 нартексами)	9,0 м	20,5 м
Базилика на холме (№ 14)	22,5 м	≈38 м	8,0 м (?)	25,5 м
Базилика в базилике (№ 15)	18,5 м	27,0 м	9,1 м	17,5 м
Базилика 1932 г.	≈16,5 м	≈26,0 м	8,5-8,7 м	≈16,0 м
Базилика на агоре (№ 28)	16,0-17,0 м	26,0-27,0 м	8,5 м	≈16,0 м
Северная базилика (№ 22)	19,0 м	≈25,0 м	8,8 м	≈15,7 м
Базилика № 17	19,6 м	25,81 м		
Базилика Крузе (№ 7)	17,7 м	24,4 м	8,0-8,1 м	10,7 м

Таблица 2. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса

		вся базилика	наос	наос и нартекс вместе	наос и апсида вместе	центр. неф	центр. неф и апсида вместе	нартекс	ширина 1 бок. нефа и центр. нефа
1-й вариант	Уваровская базилика (№ 23)	1:2 cl./o.c. (с ½ нартекса)	2:3 o.c./ext.	1:2 cl./o.c.	-	-	1:3 o.c.	1:2 ext.	1:3 cl.
	Западная базилика (№ 13)	1:2 o.c./ext.	2:3 cl.	-	-	1:3 cl./o.c.	1:3 ext./o.c.	1:4 o.c./cl.	1:2 o.c.
2-й вариант	Базилика 1935 г.	1:2 ext./o.c.	-	2:3 o.c.	2:3 ext.	1:2 ext./o.c.	1:3 cl./o.c.	1:4 cl.	1:3 cl.
	Восточная базилика (№ 36)	1:2 ext.	-	2:3 o.c./cl.	2:3 o.c./cl.	1:2 ext./cl.	≈ 1:3 cl./o.c.	1:3 o.c./cl.	1:3 cl.
	Базилика на холме (№ 14)	-	-	≈ 2:3 o.c.	≈ 2:3 o.c./ext.	≈ 1:2 ext./cl.	≈ 1:3 cl./ext.	≈ 1:4 o.c.	≈ 1:3 cl.
3-й вариант	Базилика в базилике (№ 15)	2:3 cl.	1:1 ext./o.c.	-	-	1:2 cl./o.c.	1:2 ext./cl.	1:4 ext.	1:3 cl.
	Базилика 1932 г.	2:3 ext.	1:1 ext.	-	-	1:2 cl./ext.	1:2 ext./cl.	1:4 o.c.	1:3 cl.
	Базилика на агоре (№ 28)	2:3 ext./o.c.	1:1 ext./o.c.	-	-	1:2 o.c.	1:3 cl./ext.	1:4 o.c./cl.	≈ 1:3 cl./ext.
	Северная базилика (№ 22)	-	1:1 cl./ext.	1:1 ext./cl.	1:1 ext./cl.	-	1:2 o.c./cl.	1:4 ext./o.c.	1:2 ext.
	Базилика № 17		-	1:1 ext./cl.	1:1 ext./cl.	-	1:2 cl.	1:4 o.c./ext.	1:3 cl.
	Базилика Крузе (№ 7)	2:3 cl./o.c.	-	1:1 cl./o.c.	1:1 ext./cl.	-	≈ 1:2 ext./o.c.	1:4 ext./o.c.	≈ 1:3 cl./o.c.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. 153 с.
2. Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб., 1893. № 12. 64 с.
3. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. 1930. Вып. III. С. 6–139.
4. Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1963. Т. XXIII. С. 205–213.
5. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 94–105.
6. Завадская И.А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 327–343.
7. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 77–90.
8. Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 261–289.
9. Лосицкий Ю.Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. Київ, 1990. № 2. С. 33–46.
10. Лосицкий Ю.Г. Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. Київ, 1991. № 2. С. 83–97.
11. Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство, 1973. 352 с.
12. Рыжов С.Г. Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 290–299.

13. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина, С.Г. Рыжов. Poznan: Wydawnictwo Poznanskie, 2004. 249 с.
14. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1889 г. СПб., 1892. С. 13–15.
15. Ушаков С.В. «Базилика Крузе» в Херсонесе: основные итоги исследований // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. М., СПб., 2011. Вып. VIII. С. 198–212.
16. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 5–362.
17. Чанева-Дечевска Н. Ранно-христианската архитектура в България IV–VI в. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. 346 с.
18. Atlas of the Christian Monuments of the Aegean from the Early Christian Years to the Fall of Constantinople. Athens, 2014. 453 p.
19. Bakirtzis Ch. Excavation of the Early Christian Baslica at Kepia on Mount Pangaion (in Greek) // Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη. Θεσσαλονίκη, 1991. Vol. 2 (1988). P. 433–441.
20. Barnea I. Les monuments paléochrétiens de Roumanie. Roma, 1977. 276 p.
21. Buchwald H. Western Asia Minor as a Generator of Architecture Forms in the Byzantine Period, Provincial Back-wash or Dynamic Center of Production? // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Vienna, 1984. Bd. 34. S. 199–234.
22. Buchwald H. Notes on the Design of Aisled Basilicas in Asia Minor // Studien zur byzantinischen Kunstgeschichte. Festschrift für Horst Hallensleben zum 65. Geburtstag / Hrs. B. Borkopp, B. Schellewald, L. Theis. Amsterdam, 1995. S. 19–30.
23. Buchwald H. Christian Basilicas, Proportions, Pythagoras and Vitruvius // SYMMEIKTA: Collection of Papers in Honour of the Fortieth Anniversary of the Institute of Art History of the Faculty of Philosophy, University of Belgrade / Ed. I. Stevovic. Beograd: Filozofski fakultet, 2012. P. 1–26.
24. Buchwald H., with a contribution by A. McClanan. Churches EA and E at Sardis. Cambridge, London, 2015. 341 p. (Archaeological Exploration of Sardis. Reports 6).
25. Buchwald H., Savage M. Churches // The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks / Ed. Ph. Niewöhner. New York: Oxford University Press, 2017. P. 129–147.
26. Buchwald H., Zavadskaya I. Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 14–48.
27. Duval N. L'architecture religieuse de Tsaritchin Grad dans le carde de l'Illyricum oriental au VIe siècle // Actes du colloque organisé par l'École française de Rome (Rome, 12–14 mai 1982). Rome: École française de Rome, 1984. P. 399–481.
28. Caraher W.R. Church, Society, and the Sacred in Early Christian Greece. Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of The Ohio State University. The Ohio State University, 2003.
29. Chen D. On Planning of Synagogues and Churches in Palaestina: a Comparison with Syria and Illyricum // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries / Eds. G.C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1990. P. 523–533.
30. Hoddinott R. Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. A Study of the Origins and the Initial Development of East Christian Art. London, New York: St. Martin's Press, 1963. 347 p.
31. Klenina E. The Early-Christian Churches Architecture of Chersonesos in Taurica // Acta XVI Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Romae (22–28.9.2013) / Eds. O. Brandt, G. Castiglia. Rome: Città del Vaticano, 2016. Pars II. P. 2255–2280.
32. Lemerle P. À propos des basiliques paléochrétiennes de Grèce // Bulletin de correspondance hellénique. 1946. Vol. 70. P. 319–328.
33. Mango C. Byzantine Architecture. New York: H. N. Abrams, 1976. 383 p.

34. Megaw A.H.S., Hawkins J.W. The Church of the Panagia Kanakaria at Lythrankomi in Cyprus. Washington, 1977. 173 p.
35. Millet G. L'École grecque dans l'architecture byzantine. Paris: E. Leroux, 1916. 329 p.
36. Orlandos A. C. Les monuments paléochrétiens découverts ou étudiés en Grèce de 1938 à 1954 // Actes du V-e Congrès international d'archéologie chrétienne (13–19 septembre 1954). Paris, 1957. P. 109–116.
37. Papageorghiou A. Foreign Influences on the Early Christian Architecture of Cyprus // Actes of the international archaeological symposium "Cyprus between the orient and the occident". Nicosia, 8–14 september 1985. Nicosia, 1986. P. 490–504.
38. Parrish D. An Early Byzantine Mosaic Workshop Based on Kos: Architectural Context and Pavement Design // Antiquité Tardive. 2001. No. 9. P. 331–349.
39. Russell J. Christianity at Anemurium (Cilicia) // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21–28 septembre 1986). Rome: Ecole française de Rome, 1989. Vol. II. P. 1621–1637.
40. Sodini J.-P. Les groupes épiscopaux de Turquie (à l'exception de la Cilicie) // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21–28 septembre 1986). Rome: Ecole française de Rome, 1989. Vol. I. P. 405–426.
41. Spremo-Petrović N. Proportions architecturales dans les plans des basiliques de la préfecture de l'Illyricum. Beograd: Institut archéologique, 1971. 137 p.
42. Strzygowski J. Kleinasien: Ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1903.
43. Thieme Th. Metrology and Planning in the Basilica of Johannes Stoudios // Le dessin d'architecture dans les sociétés antiques. Actes du Colloque de Strasbourg, 26–28 Janvier 1984. Université des Sciences Humaines de Strasbourg. Travaux de Centre de Recherche sur le Proche Orient et la Grèce Antiques. Vol. 8. 1985. P. 291–308.
44. Tsafir Y. On the Pre-Planning of Ancient Churches and Synagogues. A Test Case: the Northern Church at Rehovot in the Negev // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries / Eds. G.C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1990. P. 535–541.
45. Underwood P.A. Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian // Cahiers Archéologiques. 1948. Vol. III. P. 64–74.

REFERENCES

1. Ainalov D.V. *Razvaliny khramov. Pamiatniki khristianskogo Khersonesa*. Moscow, 1905, Vyp. 1, 153 p.
2. Bert'e-Delagard A.L. Raskopki Khersonesa. *Materialy po arkheologii Rossii*, S-Petersburg, 1893, No. 12, 64 p.
3. Grinevich K.E. Severo-vostochnye kvartaly Khersonesa Tavricheskogo po dannym raskopok R. Kh. Lepera. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1930, Vol. III, pp. 6–139.
4. Zherebtsov E.N. K izucheniiu rannesrednevekovykh pamiatnikov Khersonesa. *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1963, T. XXIII, pp. 205–213.
5. Zavadskaya I.A. Problemy stratigrafii i khronologii arkhitekturnogo kompleksa «Bazilika 1935 g.» v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 1996, Vol. V, pp. 94–105.
6. Zavadskaya I.A. Rannesrednevekovye khramy zapadnoi chasti Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 327–343.
7. Zavadskaya I.A. Khronologiya pamiatnikov rannesrednevekovoï khristianskoï arkhitektury Khersonesa (po arkheologicheskim dannym). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 77–90.
8. Zavadskaya I.A. O proiskhozhdenii khristianskoï arkhitektury rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 261–289.

9. Losits'kii Iu.G. Do pitannia tipologichnoï evoliutsii monumental'noï arkhitekturi seredn'ovichnogo Krimu. *Arkheologiya*, Kiev, 1990, No. 2, pp. 33–46.
10. Losits'kii Iu.G. Pro vizantiis'ki baziliki Khersonesa. *Arkheologiya*, Kiev, 1991, No. 2, pp. 83–97.
11. Polevoi V.M. *Iskusstvo Gretsii. Srednie veka*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973, 352 s.
12. Ryzhov S.G. Novye dannye o «bazilike v bazilike». *Antichnyi mir. Vizantiia: K 70-letiiu professora V.I. Kadeeva, Khar'kov, Biznes Inform Publ.*, 1997, pp. 290–299.
13. Bernatski A.B., Klenina E.Iu., Ryzhov S.G. (Eds.), *Rannevizantiiskie sakral'nye postroiки Khersonesa Tavricheskogo*, Poznan, Wydawnictwo Poznanskie, 2004, 249 p.
14. Raskopki v Khersonese. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1889 g.*, St-Petersburg, 1892, pp. 13–15.
15. Ushakov S.V. «Bazilika Kruze» v Khersonese: osnovnye itogi issledovani. Karpov S.P. (Ed.), *Prichernomor'e v srednie veka*, Moscow, St-Petersburg, 2011, Vol. VIII, pp. 198–212.
16. Iakobson A.L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Nauka Publ., 1959, No. 63, pp. 5–362.
17. Chaneva-Dechevska N. *Ranno-khristianskata arkhitektura v B»lgariia IV–VI v.* Sofia, Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski», 1999, 346 p.
18. *Atlas of the Christian Monuments of the Aegean from the Early Christian Years to the Fall of Constantinople*. Athens, 2014, 453 p.
19. Bakirtzis Ch. Excavation of the Early Christian Baslica at Kepia on Mount Pangaion (*in Greek*) *To Arhaiologikó Ergo sti Makedonia kai Tháki, Thessaloníki*, 1991, Vol. 2 (1988), pp. 433–441.
20. Barnea I. *Les monuments paléochrétiens de Roumanie*. Roma, 1977, 276 p.
21. Buchwald H. Western Asia Minor as a Generator of Architecture Forms in the Byzantine Period, Provincial Back-wash or Dynamic Center of Production? *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Vienna, 1984, Bd. 34, pp. 199–234.
22. Buchwald H. Notes on the Design of Aisled Basilicas in Asia Minor. Borkopp B., Schellewald B., Theis L. (Hrs.), *Studien zur byzantinischen Kunstgeschichte. Festschrift für Horst Hallensleben zum 65. Geburtstag*, Amsterdam, 1995, pp. 19–30.
23. Buchwald H. Christian Basilicas, Proportions, Pythagoras and Vitruvius. Stevovic I. (Ed.), *SYMMEIKTA: Collection of Papers in Honour of the Fortieth Anniversary of the Institute of Art History of the Faculty of Philosophy, University of Belgrade*, Beograd, Filozofski fakultet Publ., 2012, pp. 1–26.
24. Buchwald H., with a contribution by A. McClanan. *Churches EA and E at Sardis*. Cambridge, London, 2015, 341 p. (Archaeological Exploration of Sardis. Reports 6).
25. Buchwald H., Savage M. Churches. Niewöhner Ph. (Ed.), *The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks*. New York, Oxford University Press, 2017, pp. 129–147.
26. Buchwald H., Zavadskaia I. Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 14–48.
27. Duval N. L'architecture religieuse de Tsaritchin Grad dans le carde de l'Illyricum oriental au VIe siècle. *Actes du colloque organisé par l' École française de Rome (Rome, 12–14 mai 1982)*, Rome, École française de Rome, 1984, pp. 399–481.
28. Caraher W.R. *Church, Society, and the Sacred in Early Christian Greece*. Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of the Ohio State University. The Ohio State University, 2003.
29. Chen D. On Planning of Synagogues and Churches in Palaestina: a Comparison with Syria and Illyricum. Bottini G.C., Di Segni L., Alliata E. (Eds.), *Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries*, Jerusalem, Franciscan Printing Press, 1990, pp. 523–533.

30. Hoddinott R. *Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. A Study of the Origins and the Initial Development of East Christian Art*. London, New York, St. Martin's Press, 1963, 347 p.
31. Klenina E. The Early-Christian Churches Architecture of Chersonesos in Taurica. Brandt O., Castiglia G. (Eds.), *Acta XVI Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Romae (22–28.9.2013)*, Rome, Città del Vaticano, 2016, Pars II, pp. 2255–2280.
32. Lemerle P. À propos des basiliques paléochrétiennes de Grèce. *Bulletin de correspondance hellénique*. 1946. Vol. 70. pp. 319–328.
33. Mango C. *Byzantine Architecture*. New York, H. N. Abrams, 1976, 383 p.
34. Megaw A.H.S., Hawkins J.W. *The Church of the Panagia Kanakaria at Lythrankomi in Cyprus*. Washington, 1977, 173 p.
35. Millet G. *L'École grecque dans l'architecture byzantine*. Paris, E. Leroux, 1916, 329 p.
36. Orlandos A. C. Les monuments paléochrétiens découverts ou étudiés en Grèce de 1938 à 1954. *Actes du V-e Congrès international d'archéologie chrétienne (13–19 septembre 1954)*, Paris, 1957, pp. 109–116.
37. Papageorgiou A. Foreign Influences on the Early Christian Architecture of Cyprus. *Actes of the international archaeological symposium "Cyprus between the orient and the occident". Nicosia, 8–14 september 1985*, Nicosia, 1986, pp. 490–504.
38. Parrish D. An Early Byzantine Mosaic Workshop Based on Kos: Architectural Context and Pavement Design. *Antiquité Tardive*, 2001, No. 9, pp. 331–349.
39. Russell J. Christianity at Anemurium (Cilicia). *Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21–28 septembre 1986)*, Rome, Ecole française de Rome, 1989, Vol. II, pp. 1621–1637.
40. Sodini J.-P. Les groupes épiscopaux de Turquie (à l'exception de la Cilicie). *Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21–28 septembre 1986)*, Rome, Ecole française de Rome, 1989, Vol. I, pp. 405–426.
41. Spremo-Petrović N. *Proportions architecturales dans les plans des basiliques de la préfecture de l'Illyricum*. Beograd, Institut archéologique, 1971, 137 p.
42. Strzygowski J. *Kleinasion: Ein Neuland der Kunstgeschichte*. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1903.
43. Thieme Th. Metrology and Planning in the Basilica of Johannes Stoudios // *Le dessin d'architecture dans les sociétés antiques. Actes du Colloque de Strasbourg, 26–28 Janvier 1984. Université des Sciences Humaines de Strasbourg. Travaux de Centre de Recherche sur le Proche Orient et la Grèce Antiques*. Vol. 8, Strasbourg, 1985, pp. 291–308.
44. Tsafirir Y. On the Pre-Planning of Ancient Churches and Synagogues. A Test Case: the Northern Church at Rehovot in the Negev. Bottini G.C., Di Segni L., Alliata E. (Eds.), *Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries*, Jerusalem, Franciscan Printing Press, 1990, pp. 535–541.
45. Underwood P.A. Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian. *Cahiers Archéologiques*, 1948, Vol. III, pp. 64–74.

I. A. ZAVADSKAYA

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

NUMERIC PROPORTIONS OF THE EARLY BYZANTINE BASILICAS OF CHERSONESOS

Abstract: This paper discusses the results of research of design planning structures of 11 Early Byzantine basilica churches in Chersonesos/Cherson by numeric proportions method developed by Hans Buchwald. All these buildings belong to the so-called Hellenistic type or the “simple aisled basilica”

type. From the size and ground plan proportions of these basilicas, there are reasons to divide them into three groups, each featuring specific variant of proportion system. Each of the variants has different proportions forming the ground plan of the naos (the nave and two aisles) and the basilica building in general. The first variant of proportion system comprises basilicas with “elongated proportions” (West Basilica and Uvarov Basilica), featuring the ratio of width and length of the building to the sole narthex 1:2 and the naos proportioned 2:3. The feature of the Uvarov basilica, which was the cathedral, is the doubled width of the narthex, so the proportion 1:2 is of the naos plus the apse and half-narthex or the naos with complete narthex and no apse. The second variant comprises the basilicas with “medium” proportions (Basilica 1935, East Basilica, and Basilica on a Hill). The proportion 1:2 belonged to the building including two narthexes, and the proportion 2:3 is of the naos plus the apse or the narthex. The third variant comprises the basilicas with “shortened” proportions (Basilica in a Basilica, Basilica 1932, Basilica on the Agora [no. 28], and North Basilica), with the width to length proportion of the whole building 2:3, and of the naos 1:1. A variety of this variant probably comprises shorter and lower proportions of the ground plans of the North Basilica and Basilica no. 17. Their naoses have the proportion 1:1 with the narthex or the apse. Many of the proportions of particular elements of the building are common for the majority of basilicas of various variants (for example, the narthex 1:4, the nave 1:2, and the aisle and nave width 1:3). All the basilicas have the proportion of the width of the nave and that of the basilica 1:2. Three pairs of the basilicas, Basilica 1935 – Eastern Basilica, Basilica 1932 – Basilica on the Agora and North Basilica – Basilica no. 17, which belong to the second and third variants of proportion system respectively, show much similar proportions and size. Most likely, every pair in question was constructed by the same team of builders following the same standard building projects, which were slightly changed during the construction of every particular basilica to supply it with individual features. This paper is the first case to demonstrate practical method of comparison of ground plans of different basilicas by overlapping them and changing their scale but keeping their proportion with Photoshop software. This method has allowed one to determine the similarity and even parallelism of proportion structure of ground plans of some basilicas in Chersonesos, and with those of many basilicas in Constantinople, the Asia Minor, the Balkan peninsula, and the Mediterranean islands. The wide distribution area of analogous buildings testifies to the application of common techniques and design planning methods for a great number of basilica churches from the Early Byzantine period and to the use of standard building designs adjusted to local conditions and needs of every particular project.

Key words: Chersonesos/Cherson, early Byzantine basilica churches, design planning methods, numeric proportions, standard building design.

А. В. СМОКОТИНА

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ КРИТСКИЕ АМФОРЫ В ГОРОДАХ БОСПОРЕ И ТИРИТАКЕ¹

Аннотация: Благодаря недавним исследованиям в городах Боспоре и Тиритаке (на территории современного г. Керчь) были открыты новые археологические комплексы ранневизантийского времени. Местные боспорские амфоры доминировали в слоях второй половины IV – V вв., при наличии значительной доли импорта из Синопы и Гераклеи и только редких единичных находках критских амфор. Импорт товаров с о-ва Крит на Боспор резко увеличился во второй четверти VI в. К середине VI в. доля критских амфор достигала около 30% в заполнении некоторых боспорских хозяйственных ям и рыбозасолочных цистерн, а в некоторых слоях разрушений после середины VI в. она составляла иногда до половины всех амфорных находок. Вероятно, критский импорт преобладал, по крайней мере, до конца VI в. или немного позднее. Амфоры TRC 4, часто с дипинти на плечиках, являлись наиболее популярным и широко распространенным типом критских амфор в боспорском регионе, где также были обнаружены немногочисленные находки сосудов TRC 2, TRC 5, TRC 6, TRC 9 и некоторых других редких типов.

Ключевые слова: Крым, Боспор, Тиритака, критские амфоры, торговые связи.

Боспор и Тиритака, расположенные на территории современного г. Керчь, были основными городскими центрами на европейском берегу Боспора Киммерийского в позднеримское и ранневизантийское время. На протяжении столетий город Боспор (Пантикапей) был столицей Боспорского царства. В начале второй четверти VI в. он перешел под контроль Византийской империи и подвергся кратковременному захвату гуннами, а затем, вероятно, серьезно пострадал в результате нашествия тюрков в 576 г. [1, с. 94–95, 134–141]. Однако столица продолжала функционировать как единственный населенный центр в регионе с регулярными заморскими торговыми контактами во второй половине VI – первой половине VII вв. Массовый импорт амфор и краснолаковой керамики в Тиритаку продолжался примерно до середины VI в.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

Благодаря недавним исследованиям в Босфорском переулке г. Керчь и на участке раскопа XXVI в Тиритаке было открыто большое количество новых археологических комплексов ранневизантийского времени². Изучение наиболее интересных и информативных керамических комплексов из слоев разрушения, заполнений хозяйственных ям и рыбозасолочных цистерн позволяет получить более полную и детальную информацию о соотношении местных и импортных амфор в различные хронологические периоды, а также установить хронологические и количественные изменения поставок импортных товаров в амфорах из различных производственных регионов.

Хронология импорта критских амфор в Боспор и Тиритаку

На протяжении второй половины IV и V вв. местные боспорские амфоры доминировали в керамических комплексах Боспора, при наличии значительной доли импорта из южнопонтийских центров, таких как Синопа и Гераклея [9, с. 70; 21, р. 715, fig. 1,2]. Начиная с середины прошлого столетия находки критских амфор, тогда еще неопределенного происхождения, регулярно фиксировались в ходе раскопок Боспора и Тиритаки [4, с. 120, табл. XXXIX,99; 3, рис. 13; 7, рис. 5,2]. Редкие и, возможно, случайные находки критских амфор начинают встречаться в комплексах Боспора со второй половины V в. Их единичные фрагменты были найдены в заполнении двух боспорских рыбозасолочных цистерн: цистерны П–4 середины – третьей четверти V в. (рис. 1,1; табл. 1,1) и цистерны П–2 конца V – первой четверти VI вв. (рис. 1,2; табл. 1,2).

Таблица 1. Соотношение некоторых типов амфор в заполнении рыбозасолочных цистерн середины V – середины VI вв. в Босфорском переулке г. Керчь, раскопки 2007 и 2009 гг.

№	Предварительная дата	Цистерны	Всего амфор	Критские TRC	Антонова V	LR 1
1	Середина – третья четверть V в.	П–4	674 фр.	1 фр. (0,2%)	–	23 фр. (3,5%)
2	Конец V – первая четверть VI вв.	П–2	614 фр.	1 фр. (0,2%)	–	16 фр. (2,6%)
3	Вторая четверть – середина VI в.	П–5	843 фр.	137 фр. (16,3%)	154 фр. (18,3%)	109 фр. (12,9%)
4		П–10	1769 фр.	522 фр. (29,5%)	312 фр. (17,6%)	220 фр. (12,3%)

Начиная с конца V – начала VI вв. постепенно меняется соотношение местных и импортных товаров в амфорах и, соответственно, основные направления торговых связей Боспора. Ко второй четверти VI в. прекратилось производство местных боспорских амфор. Синопский и гераклеийский импорт резко сократился или полностью прекратился. Взамен на боспорский рынок начинает доставляться новый понтийский тип амфор Антонова V и резко возрастает импорт амфор из Восточного

² Выражаю глубокую признательность руководителям раскопок А. И. Айбабину и В. Н. Зинько за возможность использовать керамические материалы из их раскопок в Босфорском переулке г. Керчь в 2007–2009 гг. и на участке раскопа XXVI в Тиритаке в 2002–2009 гг.

Средиземноморья, особенно с о-ва Крит (TRC), а также региона Киликии и Кипра (LR 1B) [9, с. 72; 21, р. 716]. На протяжении второй четверти VI в. критские амфоры поступают в порты боспорских городов в большом количестве. В этот период в заполнении рыбозасолочных цистерн в Босфорском переулке г. Керчь их доля возрастает от около 16,3% до 29,5% уже к середине VI в. (рис. 1,3–13; 2,14–21; табл. 1,3,4).

Близкую ситуацию можно наблюдать на материале из двух хозяйственных ям, исследованных в 2008 г. в Босфорском переулке г. Керчь. Восточная стена и часть дна ямы № 19 была прорезана и частично разрушена более поздней ямой № 20. Керамический комплекс из заполнения ямы № 19 датируется второй четвертью VI в., возможно, началом второй четверти VI в. Доля критских амфор в нем оставалась еще незначительной и составляла только около 3,6% (табл. 2,1). В то же время она резко возрастает до приблизительно 30,6% в заполнении ямы № 20 около середины VI в. (рис. 2,22,23; табл. 2,2).

Таблица 2. Соотношение некоторых типов амфор в заполнении хозяйственных ям №№ 19 и 20 из раскопок 2008 г. в Босфорском переулке г. Керчь

№	Предварительная дата	Хоз. ямы	Всего амфор	Критские TRC	Антонова V	LR 1
1	Вторая четверть VI в.	19	422 фр.	15 фр. (3,6%)	56 фр. (13,3%)	35 фр. (8,3%)
2	Около середины VI в. (+третья четверть VI в.?)	20	496 фр.	152 фр. (30,6%)	68 фр. (13,7%)	104 фр. (21%)

Две археологически целые критские амфоры были найдены в Тиритаке в заполнении хозяйственной ямы № 87 второй четверти VI в. (рис. 3,24,25; табл. 3,1). К середине VI в. импорт разных типов критских амфор здесь также заметно увеличивается и вместе с понтийскими амфорами Антонова V они доминируют в тиритакских комплексах этого периода (рис. 3). Археологическими исследованиями на участке раскопа XXVI в Тиритаке в 2002–2009 гг. всего было выявлено 100 фрагментов профильных частей критских амфор, что составляет около 6,6% всех позднеримских и ранневизантийских амфор. При этом все они были зафиксированы в комплексах второй четверти VI в.³ (табл. 3). Следует отметить, что несмотря на то, что некоторые ранневизантийские амфоры имеют более широкие хронологические рамки, наиболее поздние из них, массово обнаруженные при раскопках Тиритаки, за редким исключением, вероятно, были изготовлены не позднее середины VI в. [21, р. 716].

Таблица 3. Датировка комплексов из раскопа XXVI Тиритаки с представленными на рисунках критскими амфорами

№	Комплекс	Предварительная дата
1	2007 г. Кв. 17, 18. Хозяйственная яма № 87 (рис. 3)	Вторая четверть VI в.
2	2002 г. Кв. 5-12. Желто-суглинистый слой (рис. 4,26)	
3	2005 г. Хозяйственная яма № 28 (рис. 4,27)	
4	2003 г. Хозяйственная яма № 12 (рис. 4,28)	

³ Амфоры из археологических исследований В. Н. Зинько на участке раскопа XXVI в Тиритаке в 2002–2009 гг. проанализированы автором и в настоящий момент готовятся к публикации.

Около 576 г. город Боспор пострадал от вторжения тюрков и был частично разрушен, что, вероятно, вызвало даже некоторое сокращение территории города [1, с. 134, 141]. К началу VII в. на исследованном участке в Босфорском переулке г. Керчи прекратилась активная жизнедеятельность, местные жители начали использовать эту землю для захоронений [2, с. 6]. Наиболее поздние ранневизантийские керамические комплексы здесь датируются концом VI в. В заполнении хозяйственной ямы № 3 второй половины / конца VI в. критские амфоры достигают около 28,4% всех находок (рис. 4,29-32; табл. 4,3) [8, рис. 2–6; 10,3–7; 11,1, табл. 2,1,2]. Они были обнаружены также в комплексе конца VI – начала VII вв. на ул. Театральная, 12 в г. Керчь [12, р. 72, 92, fig. 14–16].

Таким образом, критский импорт продолжал доминировать на Боспоре по крайней мере до конца VI в. и, возможно, позднее. Керамические комплексы города Боспора, дати-

Таблица 4. Соотношение типов критских амфор в некоторых комплексах из раскопок 2007–2009 гг. в Босфорском переулке г. Керчь

№	Предварит. дата	Комплекс	Всего TRC	TRC 4	TRC 6	TRC 9
1	Вторая четверть – середина VI в.	Рыбозасол. цистерна II–5	137 фр.	91 фр. (66,4%)	41 фр. (29,9%)	5 фр. (3,7%)
2	Около середины VI в. (+третья четверть VI в.?)	Хоз. яма 20	152 фр.	98 фр. (64,5%)	54 фр. (35,5%)	–
3	Вторая половина – конец VI в.	Хоз. яма 3	283 фр.	240 фр. (84,8%)	43 фр. (15,2%)	–

руемые в пределах только первой половины VII в., пока не были выявлены. В то же время среди материалов из средневековых слоев и боспорского некрополя ранее удалось выявить находки, в первую очередь, краснолаковой керамики (формы ARS 105B/C, ARS 109A, LRC/PhRS 10C), на основании которых можно говорить о продолжении поставок некоторых средиземноморских товаров в столицу, по крайней мере, до середины VII в. [10, с. 321].

Типы критских амфор в Боспоре и Тиритаке и их содержимое

Критские амфоры изготавливались в нескольких мастерских на о-ве Крит [13, р. 35–60, 75; 18, р. 374–375; 22, р. 520–521]. Они использовались для транспортировки и хранения знаменитого критского вина [13, р. 24–29, 155–161]. Необходимо отметить, что находки таких амфор из Боспора и Тиритаки, за очень редким исключением, не сохраняют следов смоления, что, вероятно, объясняется условиями их залегания в земле.

В 2001 г. на основании анализа находок из раскопок Гортины на о-ве Крит, с учетом материалов более ранних исследований из других критских центров, была предложена общепринятая в настоящее время классификация критских амфор и выделено одиннадцать типов позднеримских и ранневизантийских сосудов *Tardo Romano Cretese* (TRC) 1–11 [17, р. 263, 302–313]. В дальнейшем типология была дополнена находками из Элефтерны (TRC 12–16) [22, р. 510–520; 23, р. 189–197]. Попытка создания более детальной типологии и уточнения хронологии критских

амфор на основе находок из Северного Причерноморья недавно предпринималась А. В. Сазановым [20, p. 400–404].

Критское вино на Боспор доставлялось главным образом в амфорах типа **TRC 4** [17, p. 306–307, tav. 45,d,e; 53,d,e; 16, p. 422, fig. 5,39,40]. Он соответствует типу Зеест 99 [4, с. 120, табл. XXXIX,99] и классу 16 по херсонесской классификации 1995 г. [5, с. 35–37, табл. 11,68; 17,69–72].

Амфоры TRC 4 имеют вытянутый слегка утолщенный венчик с заостренным краем диаметром около 4–6 см, овалоидное тулово, две небольшие ручки и округлое дно с центральной выемкой, иногда желобчатое в придонной части (рис. 1,3–5,8–13; 2,14,15,22,23; 3,24,25; 4,29–32). В основном на плечиках, но иногда и на горле или верхней части тулова таких сосудов регулярно встречаются дипинти красной краской. Амфоры TRC 4 были изготовлены из красного или светло-красного глиняного теста с визуально различимыми включениями известняка, мелкой слюды и различных темных и красных минеральных частиц. Они были покрыты светлым ангобом по внешней поверхности. Абсолютное большинство таких сосудов имеют близкую структуру глиняного теста и, вероятно, были изготовлены в одном производственном центре. Однако на Боспоре встречаются также редкие фрагменты критских амфор с более грубым и рыхлым черепком, без ангоба, с более крупным округлым или заостренным вытянутым венчиком (рис. 1,3; 2,23).

На Крите амфоры TRC 4 датировались концом V – VII вв. [16, p. 422; 17, p. 307; 23, p. 191–192, fig. 52,d]. На основании анализа материалов из Северного Причерноморья А. В. Сазанов относил эти амфоры ко второй четверти VI – первой половине / третьей четверти VII вв. [6, с. 50, рис. 3,11; 19, p. 92, fig. 2,22]. А. Опайц отмечал находки TRC 4 в Добрудже в последней четверти VI в. [14, p. 24]. По материалам из Западного Причерноморья также была предложена датировка амфор TRC 4 в рамках VI – начала VII вв. [15, p. 103].

Амфоры TRC 4 являются наиболее популярным и широко распространенным типом критских амфор в боспорском регионе. В Тиритаке на участке раскопа XXVI они были выявлены в многочисленных комплексах второй четверти VI в., где преобладали среди находок критских амфор (88 фр., 88,0%) (табл. 3). Амфоры TRC 4 составляют более 60% всех критских амфор в некоторых комплексах Босфорского переулка г. Керчь второй – третьей четверти VI в., а к концу VI в. их доля, вероятно, еще возрастает и в заполнении хозяйственной ямы № 3 она достигает около 84,8% (табл. 4) [8, с. 107–108, табл. 2,1, рис. 2–6; 11, с. 272–273, рис. 7,2,3]. Фрагменты таких сосудов были обнаружены также в комплексах конца VI – начала VII вв. из хозяйственной ямы, исследованной на ул. Театральная, 12 [12, p. 72, fig. 14].

В то же время, хотя доля амфор типа **TRC 6** [17, p. 308, tav. XLV,b,c, LIV,a,b; 16, p. 422, fig. 5,43] в некоторых боспорских комплексах второй четверти – середины VI в. достигала около 30% всего критского импорта, к концу VI в. она, вероятно, сокращается и в заполнении хозяйственной ямы № 3 составляет уже только около 15,2%⁴ (табл. 4) [8, с.

⁴ При публикации материала из заполнения боспорской хозяйственной ямы № 3 в 2008 г. фрагменты амфор TRC 6 были ошибочно отнесены автором к типу Зеест 98 [8, с. 108, табл. 2,2].

108, табл. 2,2]. Находки сосудов этого типа хорошо известны в Боспоре и Тиритаке [8, с. 108, рис. 10,3–7; 11,1, табл. 2,2; 21, р. 716, fig. 6,3; 7,11; 11, с. 273–274, рис. 7,4; 8,1; 12, р. 73, fig. 15]. Они являются здесь вторым по численности типом критских амфор (табл. 4). На участке раскопа XXVI Тиритаки всего было найдено 8 фр. профильных частей TRC 6, что составляет около 8,0% критских амфор.

На о-ве Крит находки амфор TRC 6 датировались VI–VII вв. [16, р. 422] и VII в. [17, р. 308; 23, р. 192, fig. 52,e]. Предполагалось также, что этот тип, наряду с амфорами TRC 5, мог быть частью производства мастерских Херсониссоса [17, р. 308].

Амфоры TRC 6 имеют валикообразный венчик диаметром около 5,0–7,0 см, пухлое горло с двумя небольшими ручками, овалоидное тулово и округлое дно с небольшой центральной выемкой (рис. 1,1,2,6; 2,16–18; 3,26,27; 4,33). Глиняное тесто обычно красновато-желтое, хорошего качества, часто без видимых примесей или с редкими включениями известняка и мелкой слюды. Однако у некоторых находок встречается более грубый черепок с примесью известняка, железистых и неопределенных темных частиц (рис. 2,17). Внешняя поверхность часто покрыта светлым ангобом. На плечиках встречаются дипинти красной краской (рис. 1,2; 4,33).

В VI – начале VII вв. критское вино доставлялось в боспорский регион также в других более редких типах амфор. Некоторые из них были выявлены в исследованных комплексах Боспора и Тиритаки в сравнительно небольшом количестве (TRC 2, TRC 2/4, TRC 5, TRC 9) (рис. 1,7; 2,19–21; 3,28; 4,34).

Особо стоит отметить находки амфор **TRC 9**, которые были найдены на о-ве Крит в слоях VII–VIII вв. [16, р. 422, fig. 6,46; 17, р. 310–311, tav. XLVII,b,c; LIV,c–f; 22, р. 514–515; 23, р. 192, fig. 51]. Однако в Северном Причерноморье они встречаются в комплексах, начиная со второй четверти VI в. [20, р. 403–404]. В Боспоре и Тиритаке амфоры TRC 9 в небольшом количестве были обнаружены главным образом в комплексах второй четверти – середины VI в. (рис. 2,19,20; 3,28, табл. 4,1) [21, р. 716, fig. 6,4; 11, с. 273, рис. 8,2]. При этом в Тиритаке на участке раскопа XXVI в комплексах второй четверти VI вв. было выявлено всего 4 фр. таких сосудов, что составляет 4,0% всех критских амфор. Находки амфор TRC 9 известны также в заполнении боспорской хозяйственной ямы конца VI – начала VII вв., исследованной на ул. Театральная, 12 [12, р. 73, fig. 16].

В ранневизантийское время многие критские амфоры имитировали импортные средиземноморские типы амфорной тары [22, р. 507; 23, р. 192; 24, р. 768]. Амфоры TRC 9 считаются имитацией одного из наиболее известных и широко распространенных в Средиземноморье и Причерноморье типов амфор Late Roman 1 [17, р. 310; 24, р. 768].

Находки амфор TRC 9 в Боспоре и Тиритаке не дают представления о полной форме сосудов (рис. 2,19,20; 3,28). Для них характерен отогнутый утолщенный или валикообразный венчик диаметром в среднем около 6–8 см, с западиной под ним. Поверхность тулова гладкая, часто с зонами глубоких желобков на плечиках, без покрытия. На плечиках встречаются дипинти красной краской (рис. 2,19,20). Амфоры TRC 9 в Боспоре и Тиритаке чаще всего имели двуцветный красновато-желтый черепок, иногда с серой сердцевинной, с визуально различимыми включениями известняка, железистых частиц и редкой слюды.

Таким образом, после абсолютного преобладания в городах Боспоре и Тиритаке во второй половине IV – V вв. продукции в амфорах из различных центров причерноморского региона, во второй четверти VI в. наблюдается резкая переориентация основных направлений торговых связей. Прекращается производство местных боспорских амфор, синопский и гераклеийский импорт сильно сокращается или сходит на нет. Взамен в большом количестве начинают поставляться товары (прежде всего вино) в амфорах из пока еще точно не локализованного понтийского центра (Антонова V), а также значительно возрастает импорт из Восточного Средиземноморья, особенно из регионов Крита (TRC), Киликии и Кипра (LR 1B). Критские амфоры становятся одними из наиболее многочисленных в комплексах второй четверти VI в. и продолжают доминировать на Боспоре по крайней мере до конца VI в. или немного позднее. На основании анализа амфорного материала можно говорить о второй четверти VI в. как о времени наибольшей интеграции Боспора и Тиритаки в дальнюю восточно-средиземноморскую торговлю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 5–8.
3. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки 1935–1940 гг. // МИА. 1952. №25. С. 15–134.
4. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.
5. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 173 с.
6. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60.
7. Сазанов А.В., Ивашенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–102.
8. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–144.
9. Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
10. Смокотина А.В. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 312–339.
11. Смокотина А.В. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–279.
12. Fedoseev N.F., Domžalski K., Opař A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos. Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006 // Archeologia. Warsaw, 2010. LXI. P. 63–94.
13. Marangou-Lerat A. Le vin et les amphores de Crète: de l'époque classique à l'époque impériale. Athènes: Ecole française, 1995. 178 p.
14. Opař A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford: Archaeopress, 2004. 180 p.
15. Paraschiv D. Amfore romane si romano-bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I–VII p. Chr.). Iasi: Editura Fundației Axis, 2006. 256 p.
16. Portale E.C., Romeo I. Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 2000. Vol. 36. P. 417–426.
17. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Trasporto // Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995) / Ed. A. Di Vita. Padova: Ausilio, 2001. Vol. V.3. T. I. P. 260–410.

18. Rendini P. Anfore // Gortina II. Pretorio: Il materiale degli scavi Colini 1970–1977 / Eds. A. Di Vita, A. Martin. Padova: Bottega d'Erasmus, 1997. P. 371–389.
19. Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe Congrès de L'AIECM2. Aix-en-Provence: Narration Éditions, 1997. P. 87–102.
20. Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology // LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Archaeopress, 2014. P. 399–409. (BAR IS 2616/I).
21. Smokotina A. Late Roman Amphorae from Tyritake // *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*. 2016. Vol. 44. P. 715–724.
22. Yangaki A.G. Amphores crétoises: le cas d'Eleutherna, en Crète // BCH. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 503–523.
23. Yangaki A.G. La céramique des IVE–VIIIe siècles ap. J. C. d'Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen. Athènes: Scripta, 2005. 485 p.
24. Yangaki A.G. Amphores crétoises de forme globulaire: remarques préliminaires // LRCW 2: Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry / Eds. M. Bonifay, J.-C. Trégli. Oxford: Archaeopress, 2007. Vol. II. P. 767–774. (BAR IS 1662/II).

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I., Smokotina A.V., Khairedinova E.A. Nekotorye itogi raskopok rannesrednevekovoi Kerchi v 2007 g. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "IX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Militaria"*, Kerch, 2008, pp. 5–8.
3. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, No. 25, pp. 15–134.
4. Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1960, No. 83, 180 p.
5. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995, 173 p.
6. Sazanov A.V. O khronologii Bospora rannevizantiiskogo vremeni. *Sovetskaia arkheologiya*, 1989, No. 4, pp. 41–60.
7. Sazanov A.V., Ivashchenko Iu.F. K voprosu o datirovках pozdneantichnykh sloev gorodov Bospora. *Sovetskaia arkheologiya*, 1989, No. 1, pp. 84–102.
8. Smokotina A.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny VI v. iz raskopok g. Bospora. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, vol. XIV, pp. 103–144.
9. Smokotina A.V. Amfory LR 1 na Bospore. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, vol. XIX, pp. 68–87.
10. Smokotina A.V. Import krasnolakovoi keramiki v g. Bospor v kontse IV – pervoi polovine VII vv. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2015, T. 19, pp. 312–339.
11. Smokotina A.V. Import tovarov v amforakh i krasnolakovoi keramiki na Bospor v kontse IV – pervoi polovine VII vv. *Stratum plus*, 2018, No. 4, pp. 263–279.
12. Fedoseev N.F., Domžalski K., Opař A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos. Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006. *Archeologia*, Warsaw, 2010, T. LXI, pp. 63–94.
13. Marangou-Lerat A. *Le vin et les amphores de Crète: de l'époque classique à l'époque impériale*. Athènes, Ecole française Publ., 1995, 178 p.

14. Opaît A. *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia*. Oxford, Archaeopress, 2004, 180 p.
15. Paraschiv D. *Amfore romane si romano-bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I–VII p. Chr.)*. Iasi, Editura Fundației Axis, 2006, 256 p.
16. Portale E.C., Romeo I. Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2000, Vol. 36, pp. 417–426.
17. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Trasporto. Di Vita A. (Ed.), *Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995)*, Padova, Ausilio, 2001, vol. V.3, t. I, pp. 260–410.
18. Rendini P. Anfore. Di Vita A., Martin A. (Eds.), *Gortina II. Pretorio: Il materiale degli scavi Colini 1970–1977*, Padova, Bottega d’Erasmus, 1997, pp. 371–389.
19. Sazanov A. Les amphores de l’antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture ? Le cas de la mer Noire. *Actes du VIe Congrès de L’AIECM2 “La céramique médiévale en Méditerranée”*, Aix-en-Provence, Narration Éditions, 1997, pp. 87–102.
20. Sazanov A. Cretan amphorae from the northern Black Sea region: contexts, chronology, typology. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., Kilikoglou V. (Eds.), *LRCW 4: Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*, Oxford, Archaeopress, 2014, pp. 399–409.
21. Smokotina A. Late Roman Amphorae from Tyritake. *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta*, 2016, Vol. 44, pp. 715–724.
22. Yangaki A.G. Amphores crétoises: le cas d’Eleutherna, en Crète. *Bulletin de correspondance hellénique*, 2004–2005, Vol. 128–129, pp. 503–523.
23. Yangaki A.G. *La céramique des IVe–VIIIe siècles ap. J. C. d’Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen*. Athènes, Scripta Publ., 2005, 485 p.
24. Yangaki A.G. Amphores crétoises de forme globulaire: remarques préliminaires. Bonifay M., Trégliat J.-C. (Eds.), *LRCW 2: Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry*, Oxford, Archaeopress, 2007, vol. II, pp. 767–774.

A. V. SMOKOTINA

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

EARLY BYZANTINE CRETAN AMPHORAE IN BOSPORUS AND TYRITAKE

Abstract: Recent excavations in Bosphorus and Tyritake (in the area of the modern city of Kerch) have uncovered new archaeological assemblages from the Early Byzantine period. Local Bosporan amphorae predominated in the layers from the second half of the fourth to fifth centuries, while imports from Sinope and Herakleia also reached a considerable quantity, with a few isolated finds of Cretan amphorae. Substantial increase of Cretan imports into Bosphorus occurred in the second quarter of the sixth century. By the mid-sixth century, Cretan amphorae reached approximately 30% of all amphorae finds in the filling of some storage pits and fish-salting cisterns in Bosphorus; after the mid-sixth century, there appeared some of destruction layers to have them as much as a half of all amphorae finds. Cretan imports probably predominated to the late sixth century or a little later. TRC 4 amphorae, often with dipinti on the shoulders, were the most popular and widespread Cretan type in the Bosporan area, though there also were a few TRC 2, TRC 5, TRC 6, TRC 9 and other relatively rare types.

Key words: Crimea, Bosphorus, Tyritake, Cretan amphorae, trade relations.

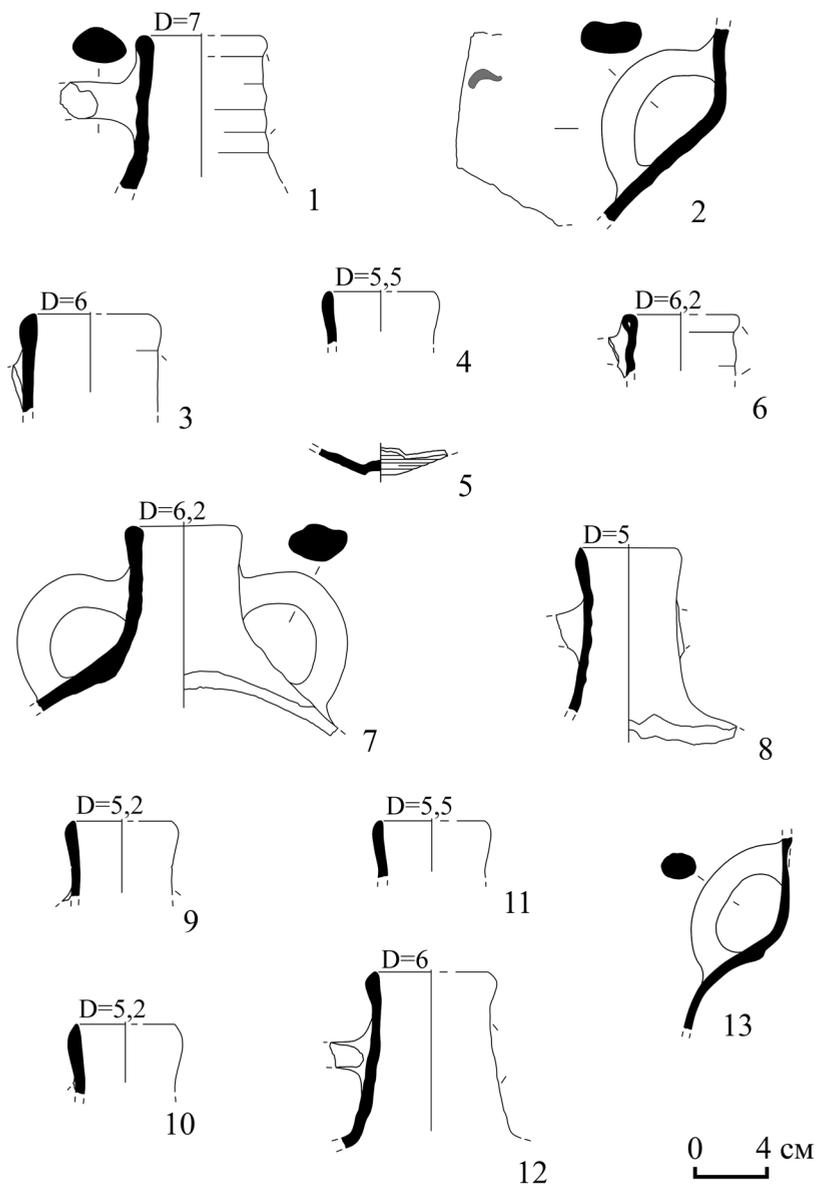

Рис. 1. Критские амфоры из раскопок в Босфорском переулке г. Керчь.
1 – 2009 г., рыбозасолочная цистерна II-4; 2 – 2009 г., рыбозасолочная цистерна II-2; 3–7 – 2007 г.,
2009 г., рыбозасолочная цистерна II-5; 8–13 – 2009 г., рыбозасолочная цистерна II-10

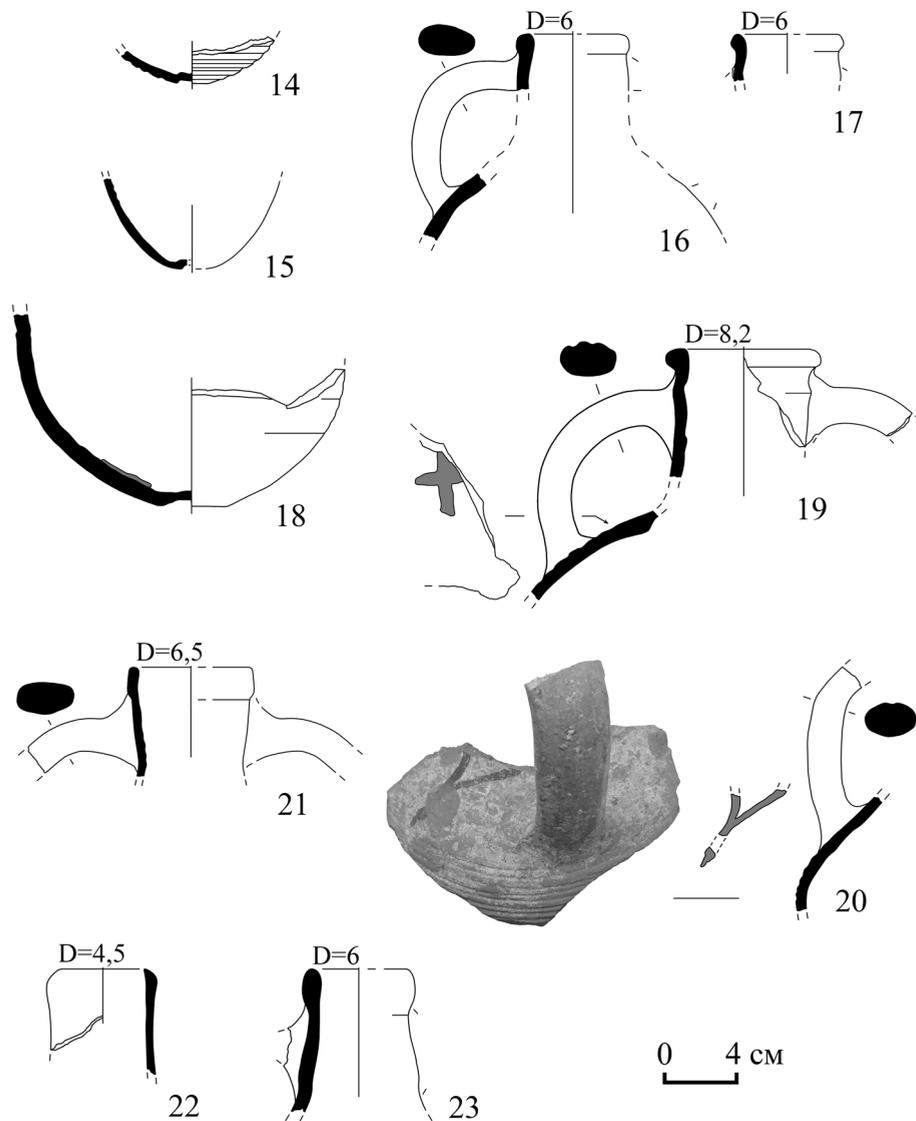

Рис. 2. Критские амфоры из раскопок в Босфорском переулке г. Керчь.
14–21 – 2009 г., рыбозасолочная цистерна П–10; 22, 23 – 2008 г., хозяйственная яма № 20

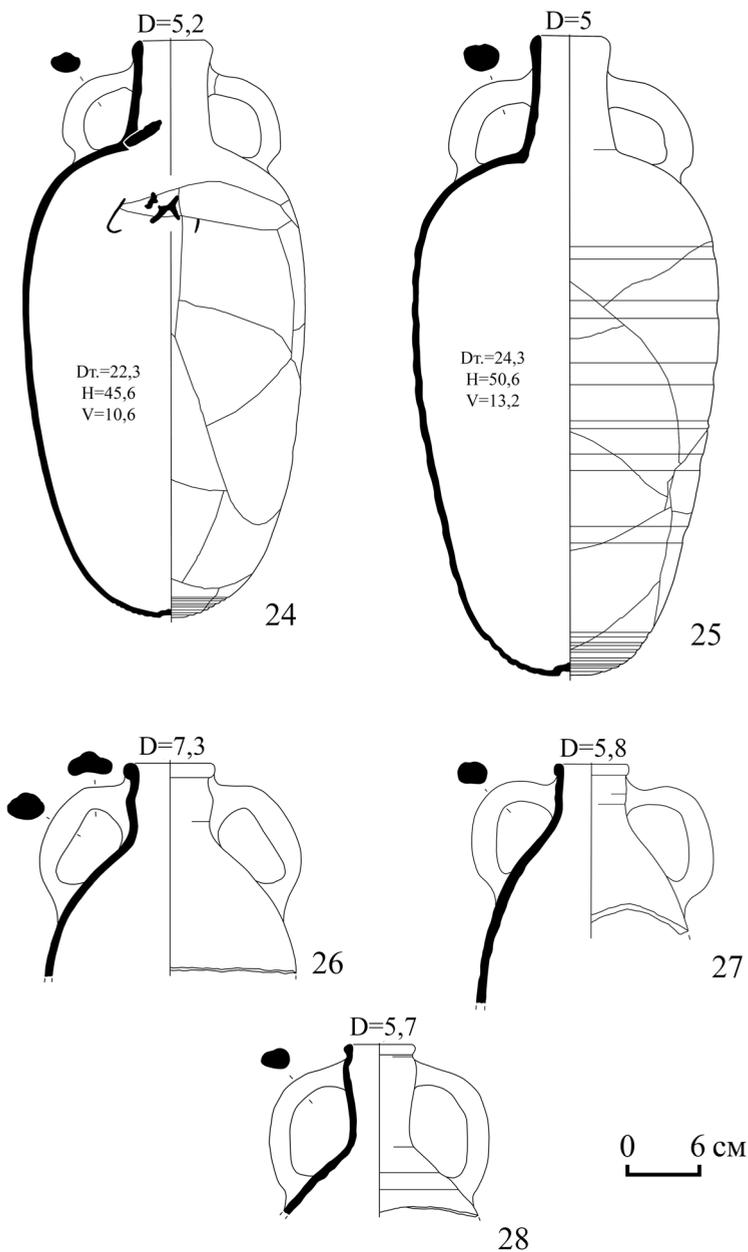

Рис. 3. Критские амфоры из раскопок Тиритаки.

24, 25 – 2007 г., хозяйственная яма № 87; 26 – 2002 г., кв. 5-12, желто-суглинистый слой; 27 – 2005 г., хозяйственная яма № 28; 28 – 2003 г., хозяйственная яма № 12

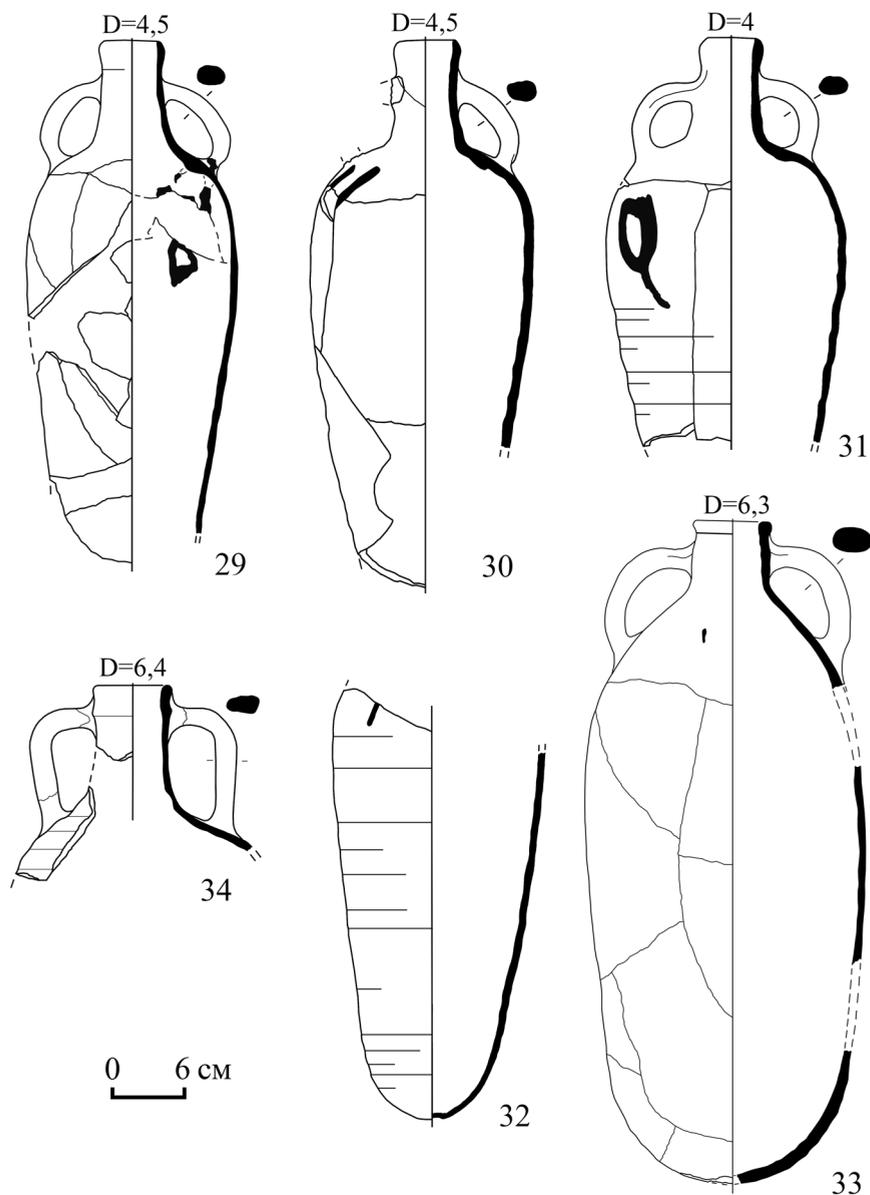

Рис. 4. Критские амфоры из раскопок в Босфорском переулке г. Керчь.

29-31 – 2007 г., хозяйственная яма № 3; 32 – 2007 г., хозяйственная яма № 3; 33 – 2007 г., строительный комплекс 3 (СК-3); 34 – 2008 г., хозяйственная яма № 18

В. Н. ЗИНЬКО, А. В. ЗИНЬКО

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

АМФОРНЫЙ СКЛАД ИЗ РАСКОПОК РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ТИРИТАКИ¹

Аннотация: В результате археологических раскопок в центральной части боспорского города Тиритаки, на участке квадратов №№ 15–18 раскопа XXVI в 2007 г. была исследована ранневизантийская прямоугольная в плане двухкамерная постройка. В северной части помещения 1 была обнаружена частично разрушенная хозяйственная яма 87. Особый интерес представляет комплекс транспортной тары, среди которых были четыре амфоры типа Зеест 103 (КО.30–33), одна красноглиняная амфора типа V по АДСВ-71, покрытая ангобом серо-желтого оттенка (КО.34), две светлоглиняные амфоры LR 1 (КО.35–36) и две амфоры типа Зеест 99 (КО.37–38). В результате сопоставления датировок всех четырех типов амфорной тары, можно заключить, что небольшой винный склад, состоявший из 9 амфор, следует датировать в пределах второй четверти VI в. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи и, вероятно, хранилось для личного употребления одной семьи.

Ключевые слова: боспорский город Тиритака, ранневизантийское время, амфорный склад.

В результате археологических раскопок в центральной части боспорского города Тиритаки, на участке квадратов №№ 15–18 раскопа XXVI (рис. 1) в 2007 г. был исследован ранневизантийский строительный комплекс СК-VIII [6]. Он представляет собой прямоугольную в плане двухкамерную постройку (рис. 2), вытянутую в направлении СВ–ЮЗ. Поскольку юго-западная часть СК-VIII оказалась за пределами раскопа, а стены исследованной северо-восточной части сохранились фрагментарно, внешние и внутренние размеры постройки реконструируются частично. Ее ширина по внешнему обводу составляла 3,70 м, длина – не менее 9,80 м. Соответственно, внутренние размеры северо-восточного помещения 1 составляли 4,60х2,40 м. Для юго-западного помещения 2 размеры удалось определить только в направлении СЗ–ЮВ – 2,40 м, а в направлении СВ–ЮЗ они превышали 3,30 м. Это помещение 2 было практически полностью перекрыто каменным завалом и суглинистым

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

желтым слоем мощностью до 0,40 м, образовавшимся вследствие разрушения стен постройки. После расчистки в помещении 2 были обнаружены печь и каменный ларь-закром, примыкавшие к северо-западной стене постройки. Пол помещения 2 представляет собой тонкую прослойку плотного суглинка, смешанного с большим количеством древесных угольков и мелких комков обожженной глины.

Северо-восточное помещение 1, в отличие от юго-западного помещения 2, было перекрыто каменным завалом частично, и он был не столь мощным. В северной его части (северо-западный угол квадрата 18) была обнаружена частично разрушенная хозяйственная яма 87 (рис. 3). В плане она имела округлую форму, в разрезе: по направлению север-юг – прямоугольную, запад-восток – трапециевидную. Размеры ямы на сохранившемся уровне – 1,47x1,42 м, на уровне дна – 1,60x1,47 м. Прослежена она на глубину 0,44 м и заполнена суглинком зелено-желтого оттенка с примесью золы и мелких известняковых камней. В яме лежали 9 амфор, кроме этого были найдены немногочисленные фрагменты стенок красноглиняных кувшинов и мисок, а также стенки лепных горшков.

Особый интерес представляет комплекс транспортной тары, состоящий из четырех амфор типа Зеест 103 (КО.30–33), одной красноглиняной амфоры типа V по АДСВ-71, покрытой ангобом серо-желтого оттенка (КО.34), двух светлоглиняных амфор LR 1 (КО.35–36) и двух амфор типа Зеест 99 (КО.37–38). Рассмотрим амфоры каждого типа более подробно².

Амфоры типа Зеест 103 (рис. 4–7)

Амфоры типа Зеест 103 [5, с. 121, табл. XL,103] соответствуют типу Антонова I (по херсонесской классификации 1971 г.) [1, с. 82–83, рис. 1–2], классу 1 по ХК-95 [7, с. 16–19, табл. 2, 1–3; 3, 4–6], типу 7 по Якобсону [14, с. 12, рис. 3,1]. Они продолжают линию развития колхидских амфор с IV в. до н.э. и относятся к одной из разновидностей большого типа амфор Kx ID2 по Внукову [2, с. 13, рис. 6, 8]. Распространена широкая датировка амфор Зеест 103 в рамках IV–VII вв. [5, с. 121; 17, р. 180–181]. Амфоры Зеест 103 (Внуков Kx ID2) изготавливались со второй половины IV в. [2, с. 13, рис. 6, 8] и, вероятно, до конца VII в., однако их более детальная типология пока не разработана. Такие амфоры использовались, по всей видимости, для транспортировки вина и изготавливались из глиняного теста практически без примеси пироксена, но со сложным набором различных минеральных включений, характерных, в частности, для производства на территории современной Абхазии [2, с. 7–9, 13, рис. 2,2–7].

Находки амфор Зеест 103 известны по более ранним раскопкам Тиритаки [8, с. 51, рис. 4,13в; 10, рис. 5,3; 10,11,14,15]. В 1939 г. была найдена хорошо сохранившаяся, очевидно, вторично использованная амфора, закупоренная пыжом из соломы и наполненная нефтью, вероятно, из Чонгелекского месторождения на Керченском п-ове, с остатками зерна различных хлебных злаков и насекомых на дне [3, с. 481–482, рис. 82; 4, с. 62–63, рис. 70; 149; 13, с. 415–421].

² Благодарим А. В. Смокотину за помощь и ценные рекомендации.

Объем единственной (КО.31), найденной в хозяйственной яме 87, археологически целой амфоры Зеест 103 составляет 20,4 л, при высоте 82,7 см (рис. 5). Другие две почти целых амфоры (КО.30,32) (рис. 4; 6), а также верхняя часть амфоры КО.33 (рис. 7), судя по сохранившимся частям, были близкой высоты и объема. Максимальный диаметр тулова у этих амфор составляет в среднем около 21–23 см. Они имеют вытянутую форму с «перехватом», который расположен от центра тулова до нижней его трети, с желобками на плечиках и в придонной части. Желобки в средней части тулова отсутствуют или практически не заметны. Венчик вытянутый подтреугольный, диаметром около 4,5–7 см, горло слегка вогнутое или незначительно расширяется книзу. Уплощенные ручки, шириной около 3,0–4,8 см крепятся от верхней части горла к плечикам плавно или почти под прямым углом. Донья у рассматриваемых амфор имеют коническую форму, часто с небольшим округлым выступом в центре. Глиняное тесто амфор Зеест 103 красновато-коричневое (2,5 YR 4/4), красное (2,5 YR 5/8), красновато-желтое (5 YR 6/6) или светло-красное (2,5 YR 6/8-7/8), иногда с красновато-серой сердцевинной (2,5 YR 5/1). Визуально различимы включения известняка, темных минеральных включений, кварцевого песка и железистых частиц.

КО.30 (рис. 4). Амфора без дна с подтреугольным вытянутым венчиком, плоскими ручками с плавным перегибом с небольшой западиной в сечении и небольшим «перехватом» примерно на середине желобчатого тулова. Тесто красноглиняное (2,5 YR 5/8) с красновато-серой сердцевинной (2,5 YR 5/1) с включениями известняка, темных минеральных частиц, кварцевого песка и железистых частиц. Восстановлена из 52 фрагментов. Размеры: D–6,0; Dt. –22,4; h–74,5; рчк–3,7x1,5.

КО.31 (рис. 5). Археологически целая амфора с подтреугольным вытянутым венчиком, ручками с перегибом почти под прямым углом, в сечении плоскими с тремя неглубокими желобками. Тулово с «перехватом» в нижней трети. Дно коническое с небольшим выступом. Плечики и придонная часть желобчатые. Тесто красновато-желтое (5 YR 6/6) с примесью известняка, темных минеральных частиц, кварцевого песка, железистых частиц. Восстановлена из 37 фрагментов. Размеры: D–6,5; Dt. –23,0; h–82,7; рчк–3,9x1,3; V–20,4.

КО.32 (рис. 6). Амфора без венчика. Ручки с плавным перегибом, в сечении плоские с двумя слабыми желобками. Тулово желобчатое на плечиках и в нижней части, с «перехватом» на середине. Дно коническое, с небольшим выступом. Тесто светло-красное (2,5 YR 6/8) с примесью известняка, темных минеральных частиц, кварцевого песка, железистых частиц. Восстановлена из 34 фрагментов. Размеры: Dt.–21,2; h–76,5; рчк–3,8x1,4.

КО.33 (рис. 7). Верхняя часть амфоры. Венчик подтреугольный с небольшим желобком на внешней стороне, горло и верхняя часть тулова желобчатые. Ручки с плавным перегибом, в сечении плоские с двумя слабыми желобками. Тесто красновато-коричневое (2,5 YR 4/4) с примесью известняка, темных минеральных включе-

ний, песка, железистых частиц. Фрагмент восстановлен из 11 обломков. Тип Зеест 103. Размеры: D–6,6; h–22,4; рчк–4,0x1,5.

Амфора типа Антонова V (рис. 8)

Амфоры типа Антонова V по АДСВ-71 [1, с. 85, рис. 6] соответствуют типу 98 по Зеест [5, с. 120, табл. XXXIX,98], классу 6 по ХК-95 [7, с. 24–25, табл. 7,32–33; 8,34] и датируются в пределах второй четверти VI–VII вв. [9, с. 64; 7, с. 24]. Вариант с песчанистым тестом отличается некоторыми морфологическими особенностями, а также цветом и структурой глиняного теста и, возможно, представляет собой независимый тип амфор. Внешняя поверхность частично в верхней части покрыта светлым ангобом. Одной из характерных особенностей этого варианта амфор является неровная и шероховатая из-за многочисленных выступающих крупных частиц песка внутренняя и внешняя поверхность.

КО.34 (рис. 8). Археологически целая амфора объемом около 13,5 литров, с валикообразным венчиком, расширяющимся книзу горлом, овальными с двумя ребрами ручками. Тулово овалоидное с наибольшим расширением в верхней части, желобчатое. Дно округлое с небольшим выступом в центре. Тесто желтовато-красное (5 YR 5/6) переходящее к красновато-желтому (7.5 YR 7/6) с серой сердцевинной разных оттенков, песчанистое с примесью известняка, песка, железистых частиц. Внешняя поверхность частично покрыта светлым ангобом. Амфора восстановлена из 43 фрагментов. Размеры: D–7,1; Dt. –25,4; h–54,3; рчк–3,3x2,0; V–13,5.

Амфоры типа LR 1 (рис. 9–10)

Амфоры типа Late Roman 1 (LR 1) [23, p. 212–216, fig. 91,337,338,346,347] соответствуют классам 12 и 13 по ХК-95 [7, с. 29–34, №№ 52–65, табл. 10,56,65; 11,63; 12,52–55,60–62; 14,57; 16,59], типу II.1 по Бетгеру [15, S. 45–47, Taf. 22] и типу 5 по Хейсу [16, p. 63–64, 100, 103, fig. 47,156,157]. Эволюция амфор типа LR 1 с конца IV до середины VII вв. была прослежена Д. Пьери, который на основании диаметра венчика и по форме тулова выделил два основных (LR 1A и 1B) и несколько производных вариантов таких амфор (переходные формы и маленькие модули) [20, p. 69–85, pl. 1–22]. В Тиритаке две целых амфоры из заполнения хозяйственной ямы № 87 с остатками дипинти красной краской на плечиках, объемом около 13,7 литров (КО.35) и около 14,9 литров (КО.36), принадлежат ранним или переходным экземплярам варианта LR 1B1, характерным для начала VI в. [20, p. 72]. Горло у этих амфор слегка расширяется кверху, а пояс на венчике уже трансформировался в ребро на горле. Дно округлое с небольшим выступом, выделенным концентрическим желобком или с выемкой в центре. Подобные амфоры хорошо известны в комплексах второй четверти – середины VI в. из раскопок г. Боспора [12, с. 72–73, рис. 4,18; 5,20–23; 24, p. 126–127, fig. 4,18; 5,20–23]. Близкие по форме амфоры LR 1B из раскопок Тиритаки были ранее найдены на раскопах XIV и XXV [4, с. 122, рис. 150,1; 151; 10, рис. 7,4].

КО.35 (рис. 9). Археологически целая амфора. Венчик округлый, с небольшим ребром под ним. Горло усечено-коническое, сужающееся книзу, желобчатое. Ручки овальные с тремя перекрученными желобками. Тулово овалоидное с наибольшим расширением в верхней части, желобчатое. Дно округлое с небольшим выступом, выделенным концентрическим желобком. На плечиках сохранилось дипинти красной краской. Тесто розовое (7,5 YR 8/4) с точечными включениями известняка, песка и мелкого пироксена. Восстановлена из 37 фрагментов. Тип LR 1B1. Размеры: D–9,0–9,4; Dt.–26,1; h–48,0; рчк–2,8x2,6; V–13,7.

КО.36 (рис. 10). Археологически целая амфора. Венчик отогнутый округлый с четко выраженным ребром под ним. Горло усечено-коническое, сужается книзу. Ручки овальные с двумя желобками. Тулово овалоидное с наибольшим расширением в верхней части. Дно округлое с небольшой выемкой в центре. На плечики нанесена надпись красной краской, а дипинти на тулове сохранилось плохо. Тесто на разных участках варьируется от красновато-желтого (7,5 YR 8/6) до светло-желтого (2,5 Y 8/2) с точечными примесями известняка, песка, мелкого пироксена и редких железистых частиц. Тип LR 1B1. Размеры: D–9,0–9,3; Dt.–28,0; h–52,1; рчк–3,3x2,4; V–14,9.

Амфоры типа Зеест 99/TRC 4 (рис. 11–12)

Амфоры типа Зеест 99 [5, с. 120, табл. XXXIX,99] или Tardo Romano Cretese (TRC) 4 [22, р. 306–307, tav. 45,d,e; 53,d,e; 21, р. 422, fig. 5,39,40] соответствуют классу 16 по херсонесской классификации 1995 г. [7, с. 35–37, табл. 11,68; 17,69–72]. На Крите амфоры Зеест 99/TRC 4 датировали концом V – VII вв. [21, р. 422; 22, р. 307]. По материалам из Северного Причерноморья А. В. Сазанов относил эти амфоры ко второй четверти VI – первой половине / третьей четверти VII в. [8, с. 50, рис. 3,11]. А. Опайц отмечал их находки в Добрудже в последней четверти VI в. [18, р. 24]. По материалам из Западного Причерноморья также была предложена датировка амфор TRC 4 / Зеест 99 в рамках VI – начала VII в. [19, р. 103]. Многочисленные крупные фрагменты таких амфор были найдены в г. Боспоре в комплексах второй половины – конца VI в. [11, с. 107–108, табл. 2,1, рис. 2–6]. Амфоры TRC 4 / Зеест 99 были наиболее популярным и широко распространенным типом критских амфор в боспорском регионе. Амфоры TRC 4 / Зеест 99 из Тиритаки имеют вытянутый слегка утолщенный венчик с заостренным краем средним диаметром около 4–6 см, цилиндрическое или расширяющееся книзу горло около 8–9 см высотой. Расстояние от края венчика до верхнего прилепа овальных ручек, иногда с небольшим желобком или ребром, чаще всего составляет около 2,5–3,0 см, высота ручек – около 7,5–9 см. Тулово овалоидное с наибольшим расширением в верхней части. Поверхность тулова гладкая или с редкими неглубокими желобками. Дно округлое с выемкой в центре, иногда желобчатое в придонной части. У двух археологически целых амфор в придонной части имеются семь мелких концентрических желобков. Объем двух археологически целых амфор из хозяйственной ямы 87 составляет 10,6 и 13,2 литров.

КО.37 (рис. 11). Археологически целая амфора. Венчик слегка утолщенный с заостренным краем. Горло расширяется книзу. Ручки овальные с небольшим сме-

щенным от центра желобком. Тулово вытянутое овалоидное с наибольшим расширением в верхней части, с редкими неглубокими желобками. Дно округлое с выемкой в центре, желобчатое (7 желобков). Тесто светло-красное (2,5 YR 7/8) с мелкими примесями известняка, песка, железистых частиц, слюды. Внешняя поверхность покрыта тонким светлым ангобом. Амфора восстановлена из 33 фрагментов. Размеры: D–5,0; Dt.–24,3; h–50,6; рчк–2,8x2,2; V–13,2.

КО.38 (рис. 12). Археологически целая амфора. Венчик утолщенный с заостренным краем и слегка расширяющимся книзу горлом. Ручки овальные с ребром. Тулово овалоидное с наибольшим расширением в верхней части, дно желобчатое (7 желобков) с выемкой в центре. На горле и плечиках плохо сохранившееся дипинти красной краской. Тесто светло-красное (2,5 YR 7/8) с примесью известняка, песка, редких железистых частиц и мелкой слюды. Внешняя поверхность покрыта тонким светлым ангобом. Амфора восстановлена из 38 фрагментов. Размеры: D–5,2; Dt.–22,3; h–45,6; рчк–2,3x1,6; V–10,6.

В результате сопоставления датировок всех четырех типов амфорной тары можно заключить, что небольшой винный склад, состоявший из 9 амфор, следует датировать в пределах второй четверти VI в. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи, а хранилось для личного употребления одной семьей. Помимо хозяйственной ямы 87, других хозяйственно-бытовых сооружений в помещении 1 обнаружено не было. Таким образом, есть все основания полагать, что северо-восточное помещение 1 СК-VIII предназначалось для хозяйственных нужд и, вероятно, являлось кладовой для хранения съестных продуктов и вина, в то время как юго-западное помещение 2 было жилым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–107.
- 2 Внук С.Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4. С. 5–15.
- 3 Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- 4 Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
- 5 Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.
- 6 Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 91–102.
- 7 Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. 173 с.
- 8 Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4. С. 41–60.
- 9 Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 60–72, 252–265.
- 10 Сазанов А.В., Ивашенко Ю. Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–102.
- 11 Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 103–144.

12. Смокотина А.В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 68–87.
13. Успенский В.А. Исследования древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. 1952. № 25. С. 415–421.
14. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
15. Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Berlin, 1982. Bd. II. S. 33–94.
16. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul: 2. The Pottery. Princeton: University Press, 1992. 455 p.
17. Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Pieri D. La collection d'amphores d'Ismail Karakan à Sinop // *Anatolia Antiqua*. 2003. Vol. XI. P. 169–200.
18. Opaït A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford: Archaeopress, 2004. 180 p. (BAR IS 1274).
19. Paraschiv D. Amfore romane si romano–bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I–VII p. Chr.). Iasi: Editura Fundației Axis, 2006. 256 p.
20. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005. 329 p.
21. Portale E.C., Romeo I. Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana // *Rei Cretariae Romanae Fautores Acta*. 2000. Vol. 36. P. 417–426.
22. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Trasporto // *Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995) / Ed. A. Di Vita*. Padova: Ausilio, 2001. Vol. V.3, t. I materiali. P. 260–410.
23. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic life at Berenice*. Vol. II / Ed. J.A. Lloyd. Tripoli: The Dep. of Antiquities, 1979. P. 91–465.
24. Smokotina A.V. The import of LR 1 amphorae into Bosphorus // *Per terram, per mare: seaborne trade and the distribution of Roman amphorae in the Mediterranean / Ed. S. Demesticha*. Uppsala: Åströms förlag, 2015. P. 121–135.

REFERENCES

1. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1971, Vol. 7, pp. 81–107.
2. Vnukov S.Iu. Amfornoe proizvodstvo na territorii Abkhazii v epokhu ellinizma i rimskoe vremia. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2012, No. 4, pp. 5–15.
3. Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1949, 624 p.
4. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1952, No. 25, pp. 15–134.
5. Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1960, No. 83, 180 p.
6. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Tiritaka v V–VI vv. n.e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 91–102.
7. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995, 173 p.
8. Sazanov A.V. O khronologii Bospora rannevizantiiskogo vremeni. *Sovetskaia arkheologiia*, 1989, No. 4, pp. 41–60.
9. Sazanov A.V. Amfornyi kompleks pervoi chetverti VII v. n.e. iz severo-vostochnogo raiona Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II, pp. 60–72, 252–265.
10. Sazanov A.V., Ivashchenko Iu. F. K voprosu o datirovkakh pozdneantichnykh sloev gorodov Bospora. *Sovetskaia arkheologiia*, 1989, No. 1, pp. 84–102.
11. Smokotina A.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny VI v. iz raskopok g. Bospora. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 103–144.

12. Smokotina A.V. Amfory LR 1 na Bospore. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 68–87.
13. Uspenskii V.A. Issledovaniia drevnei amfory s neft'iu, naidennoi v Tiritake. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1952, No. 25, pp. 415–421.
14. Yakobson A.L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
15. Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastell Iatrus. *Iatrus-Krivina*, Berlin, 1982, Bd. II, pp. 33–94.
16. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul: 2. The Pottery*. Princeton, University Press, 1992, 455 p.
17. Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Pieri D. La collection d'amphores d'Ismaïl Karakan à Sinop. *Anatolia Antiqua*, 2003, Vol. XI, pp. 169–200.
18. Opaït A. *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia*. Oxford, Archaeopress, 2004, 180 p.
19. Paraschiv D. *Amfore romane si romano-bizantine in zona Dunarii de Jos (sec. I–VII p. Chr.)*. Iasi, Editura Fundației Axis, 2006, 256 p.
20. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, Institut Français du Proche-Orient, 2005, 329 p.
21. Portale E.C., Romeo I. Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana. *Rei Cretariae Romanae Fautores Acta*, 2000, Vol. 36, pp. 417–426.
22. Portale E.C., Romeo I. Contenitori da Trasporto. Di Vita A. (Ed.), *Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989–1995)*, Padova, Ausilio, 2001, Vol. V.3, t. I materiali, pp. 260–410.
23. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice. Lloyd J.A. (Ed.), *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic life at Berenice*, Vol. II, Tripoli, The Dep. of Antiquities, 1979, pp. 91–465.
24. Smokotina A.V. The import of LR 1 amphorae into Bosporus. Demesticha S. (Ed.), *Per terram, per mare: seaborne trade and the distribution of Roman amphorae in the Mediterranean*, Uppsala, Åströms förlag, 2015, pp. 121–135.

V. N. ZIN'KO, A. V. ZIN'KO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

AN AMPHORAE STORAGE EXCAVATED IN EARLY BYZANTINE TYRITAKE

Abstract: Archaeological excavations in the central area of the Bosporan city of Tyrityake, at excavation grids nos. 15–18 of the trench XXVI in 2007 investigated an early Byzantine rectangular building of square size, with two rooms. In the north of room 1, there appeared partially destroyed storage pit 87. Especially interesting is the transport ware assemblage, comprising four amphorae of the type Zeest 103 (collection list 30–33), one red-clay amphora of Type V of ADSV–71, covered with greyish yellow engobe (collection list 34), two light-clay amphorae LR 1 (collection list 35–36), and two amphorae of the type Zeest 99 (collection list 37–38). From the comparison of dates of all the four types of transport amphorae, there are reasons to infer that the small storage of wine of nine amphorae should be dated throughout the second quarter of the sixth century. The total volume of the wine stored there was ca. 147.5 l. Such a small volume could hardly be intended for sail; perhaps it was kept there for personal use of one family.

Key words: Bosporan city of Tyrityake, Early Byzantine period, amphorae storage.

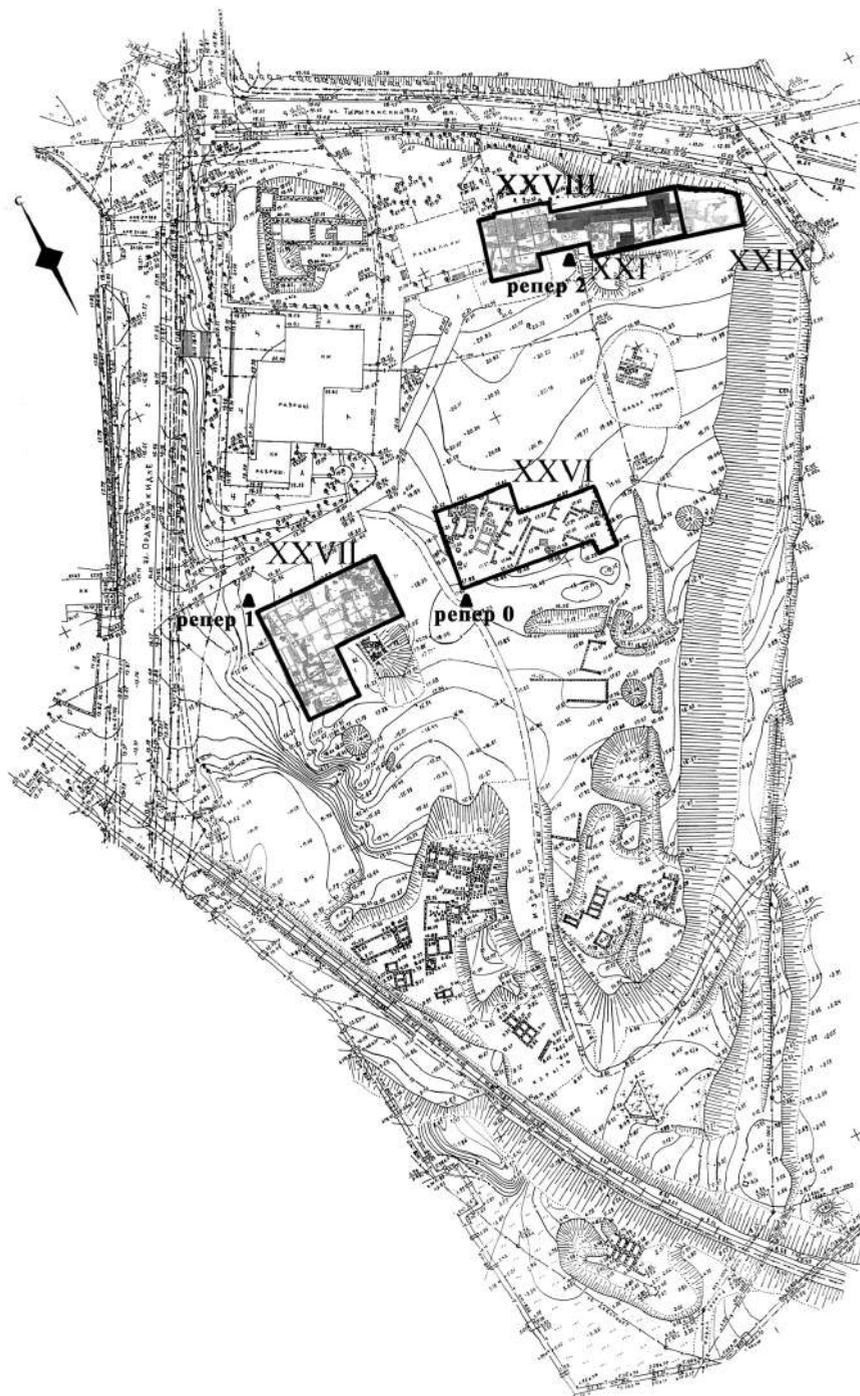

Рис. 1. План городища Тиритака

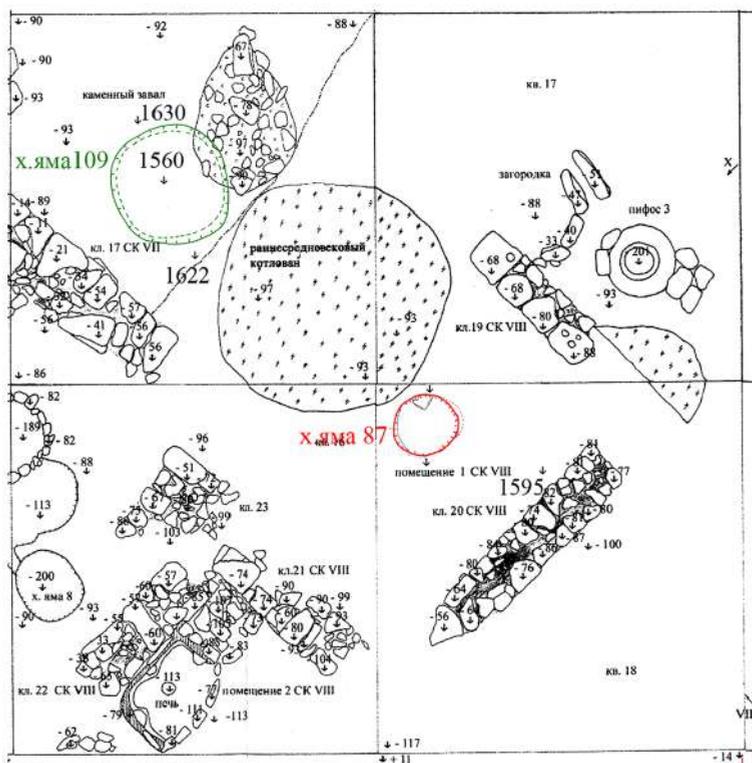

Рис. 2. План СК-VIII на участке кв. №№ 15–18 раскопа XXVI

Рис. 3. Развал амфор в хозяйственной яме 87. Вид с запада

Рис. 4. Амфора (КО.30) тип Зеест 103

Рис. 5. Амфора (КО.31) тип Зеест 103

Рис. 6. Амфора (КО.32) тип Зеест 103

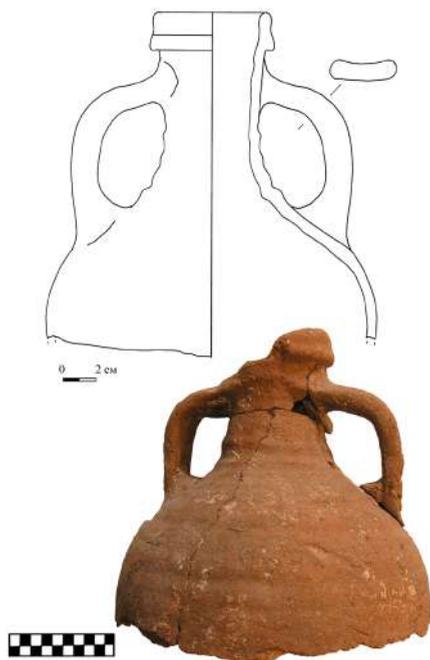

Рис. 7. Верхняя часть амфоры (КО.33) тип Зеест 103

Рис. 8. Амфора (КО.34) типа Антонова V по АДСВ-71

Рис. 9. Амфора (КО.35) типа Late Roman 1 (LR 1)

Рис. 10. Амфора (КО.36) типа Late Roman 1 (LR 1)

Рис. 11. Амфора (КО.37) типа Зеест 99 / TRC 4

Рис. 12. Амфора (КО.38) типа Зеест 99 / TRC 4

Л. А. ГОЛОФАСТ^{а)}, П. А. ЕВДОКИМОВ^{б)}

а) Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

б) ГБОУ Школа «Интеллектуал» (Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ БЫТОВАНИЯ АМФОР С МЕЛКИМ ЗОНАЛЬНЫМ РИФЛЕНИЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ФАНАГОРИИ¹⁾)

Аннотация: В статье рассматриваются так называемые амфоры с МЗР (шаровидные амфоры), которые наряду с амфорами причерноморского типа с желобчатым туловом составляют самую большую группу в керамическом комплексе раннесредневековых городов и поселений Северного Причерноморья. В Средиземноморье шаровидные амфоры были распространены с первых десятилетий VII в. (или даже с VI в.) до конца VIII, возможно, до середины IX в. Что же касается Северного Причерноморья, то здесь наиболее часто появление амфор с МЗР относят к VIII в., а конец бытования – к X или XI в., что существенно отличается от датировки аналогичных сосудов в Средиземноморье. Однако появление новых данных позволяет скорректировать указанные даты. В статье анализируются комплексы, которые обычно используют для обоснования долгого бытования шаровидных амфор. Кроме того, рассматриваются комплексы с амфорами причерноморского типа с МЗР и с желобчатым туловом из раскопок Фанагории, которые подтверждают предположение об их несинхронном бытовании и о выходе первых из бытования к концу IX в.

Ключевые слова: раннесредневековые амфоры причерноморского типа, шаровидные амфоры, Фанагория.

Самую большую группу в керамическом комплексе раннесредневековых городов и поселений Северного Причерноморья, несомненно, составляют амфоры т.н. северопричерноморского или причерноморского типа². А. Л. Якобсон выделил три их варианта: вариант с коротким горлом и хорошо выраженной желобчатостью на тулове (вариант 2) [53, с. 31, рис. 13,1–3] и 2 варианта с гладким корпусом, в большин-

¹ Авторы признательны В. Д. Кузнецову за возможность публикации материалов из его раскопок.

² Огромный массив работ, в которых детально рассматриваются вопросы, касающиеся истории возникновения термина, истории изучения, происхождения, ареала, типологии и хронологии рассматриваемых амфор, самая обстоятельная из которых – исследование В. Е. Науменко о керамике Тиритакки [30, с. 35–39], освобождает нас от необходимости подробно останавливаться на этих вопросах.

стве случаев с мелким зональным рифлением (далее – МЗР) на плечиках (варианты 1 и 3), отличающиеся друг от друга формой тулова: удлинненным суживающимся книзу у варианта 1 [53, с. 29–30] и округло-яйцевидным у варианта 3 [53, с. 32]³.

Варианты 3 и 1 относятся к разряду т.н. византийских шаровидных (*Byzantine globular amphorae*) и шаровидно-яйцевидных амфор (*Byzantine globular-ovoid amphorae*), которые составляют семьи соответственно «византийских шаровидных» («Family of the Byzantine Globular Amphorae») и «византийских шаровидно-яйцевидных» («Family of the Byzantine Globular-Ovoid Amphorae») [65, р. 874]. Они были широко распространены по всему Средиземноморью и производились в нескольких центрах: в Арголиде, бассейне Эгейского моря (на о-вах Кос, Парос, Самос), на Крите, Кипре, в Северной Африке, Италии и Сирии, которая поддерживала отношения с Византией и после арабского завоевания [55; 61, р. 442, fig. 5, A58; 65, р. 874–876; 70, р. 294–295]. Несколько центров по их производству зафиксировано в Таврике: на территории современной Ялты (в урочище Аутка, в бывшем поселке Дереккой, на территории санатория Кипарисный), в Ливадии, Чабан-Куле, Канакской балке, Мисхоре. Из Крыма они вывозились в Нижнее Подонье, Приазовье, Кубань, Поднепровье и т.д. [33, с. 53–79].

В Средиземноморье шаровидные и шаровидно-яйцевидные амфоры были распространены, начиная с первых десятилетий VII в. (или даже с VI в.). Более того, в VII в. они уже доминировали в комплексах над амфорами типа LRA 2, от которых, как считается, произошли и с которыми какое-то время сосуществовали [65, р. 874]. Яркой иллюстрацией их одновременного бытования является комплекс амфор из кораблекрушения у Яси Ада, которое первоначально на основании находки монеты Ираклия (610–641) датировали началом VII в. [56, р. 557], но сейчас склонны относить ко второй половине столетия [69, р. 159, 169]. Из 80 шаровидных амфор (тип Яси Ада 2) 50 принадлежали амфорам со сплошным, иногда волнистым рифлением (подтип Яси Ада 2а), остальные украшены зонами горизонтального рифления, нанесенного мелким зубчатым штампом (подтип Яси Ада 2b)⁴. Авторы особо отмечают

³ Исследователи неоднократно пытались составить более дробную типологию амфор причерноморского типа [2, с. 88–91; 3, с. 32, рис. 11; 40, с. 50–61; 44, с. 170–171, рис. 1–4; 51, с. 445–450 и др.], однако ни одна не получила общего признания. Это объясняется большим количеством морфологических вариаций: каждая из многочисленных мастерских выпускала амфоры чем-то отличающиеся от изделий других центров, и даже в пределах одного центра часто одновременно использовались различные технологические приемы и производились амфоры, отличающиеся друг от друга какими-то морфологическими характеристиками и составом глиняного теста [33, с. 76; 18, с. 422–423]. Например, при раскопках гончарной мастерской в урочище Суат был обнаружен обрушившийся прямо в процессе обжига горн с двадцатью амфорами причерноморского типа трех вариантов с разным профилем горла, разным цветом глины и составом отошителей. И. А. Баранов объясняет этот факт тем, что в одной печи обжигалась продукция нескольких гончаров. Поэтому более целесообразным представляется деление амфор на изначально выделенные А. Л. Якобсоном варианты: амфоры с МЗР и амфоры с желобчатым туловом, которого придерживаются многие исследователи [5, с. 84–86; 33, с. 75–76; 26, с. 184–185; 8, с. 395–396; 30, с. 37; 32, с. 261–282; 49, с. 202].

⁴ Если МЗР наносилось с помощью мелкого зубчатого штампа, то на амфоры типа LRA2 – инстру-

практически полную морфологическую идентичность подтипов, хотя первые несколько больше по объему.

К переходному типу можно отнести три амфоры (тип Пьери LRA 2C последней трети VI – первой половины VII вв. [64, р. 88]), найденные в заполнении цистерны, открытой в помещении 9а (двор поздней усадьбы) в квартале VIII Северного района Херсонеса, засыпанной в конце VII в. Судя по глине и морфологическим признакам, они явно относятся к средиземноморской продукции, и одна из них уже украшена двумя зонами мелкого рифления [14, с. 383, рис. 18].

В Средиземноморье шаровидные амфоры бытовали до конца VIII, возможно, до середины IX в., а шаровидно-яйцевидные, которые считаются подтипом шаровидных, относят к VIII–IX вв. [65, р. 874–875].

Что же касается Северного Причерноморья, то здесь наиболее часто появление амфор с МЗР относят к VIII в., а конец бытования – к X или XI в., что существенно отличается от датировки аналогичных сосудов в Средиземноморье⁵. Однако появление новых данных позволяет скорректировать указанные даты, и рядом исследователей уже высказывалось предположение о том, что амфоры с МЗР и амфоры с желобчатым туловом появляются несинхронно, и что первые относятся к более раннему времени [33, с. 75–77; 32; 49, с. 214].

Самые ранние в Причерноморье экземпляры амфор с МЗР происходят: из слоя пожара в Керчи, образовавшемся не ранее 660 г. [1, с. 169]; закрытых комплексов Сугдеи рубежа VII – первой половины VIII вв., в которых они являются основным типом амфорной тары [4, с. 40; 5, с. 84, рис. 7]⁶; жилища, построенного в начале VIII в. на развалинах Тиритакской базилики; две целые амфоры со сферическим туловом найдены на Пастырском городище, прекратившем существование во второй половине VIII в. [39, с. 63, рис. 95,5; 97,1,2, фото 36,2; 47,1,2]. Однако на сегодняшний день самым ранним комплексом, содержащим фрагменты амфор с МЗР, по-видимому, следует признать засыпь рыбозасолочной цистерны 3, открытой С. Г. Рыжовым⁷ в квартале IX Северного района Херсонеса, в которой, помимо перечисленных фрагментов амфор, найдены фрагменты горшков с круглой в сечении или крученой ручкой с пальцевым вдавлением у основания, мисок группы «Фокейской краснолаковой» формы 10А 570/580–650/670 гг. и блюда группы «Африканской краснола-

ментом с острым концом, который просто приставлялся к тулову вращавшейся на гончарном круге амфоры и постепенно поднимался вверх, прочерчивая непрерывную спираль, которую можно проследить на целых экземплярах. Делалось это до прикрепления ручек [57, р. 106].

⁵ Здесь нет необходимости приводить весь спектр мнений по поводу датировки рассматриваемых амфор. Их тщательный анализ содержится во многих работах [напр.: 29, с. 328; 19, с. 423].

⁶ Причем сугдейские комплексы наряду с амфорами с МЗР содержат и амфоры типа LRA2, широко распространенные в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V в. [60, р. 66] до середины VII в. [67, р. 255; 62, р. 148–149]. До этого же времени доживают, судя по сугдейским комплексам, и т.н. амфоры с перехватом.

⁷ Авторы глубоко признательны Станиславу Григорьевичу Рыжову за разрешение использовать готовящийся к публикации материал из его раскопок.

ковой» формы 104С 550–625 гг. Отметим, что фрагменты амфор с МЗР и горшков с пальцевым вдавлением у основания ручки были распределены по всей толще засыпи, а не концентрировались в ее верхних слоях. Однако здесь следует еще раз обратить внимание на характер образования заполнения херсонесских цистерн и колодцев, которые, как правило, засыпались грунтом, взятым из нивелировочных насыпей или мусорных свалок, что не позволяет уверенно использовать подобные комплексы для хронологических построений. Кроме того, настораживает тот факт, что в других комплексах Херсонеса, образование которых можно отнести к VII в., находки фрагментов амфор с МЗР до сих пор зафиксированы не были.

Какое-то время амфоры с МЗР безраздельно господствовали на северо-причерноморском рынке. Только амфоры с МЗР присутствовали в засыпи водохранилища в Херсонесе, которую на основании отсутствия в ней кувшинов с плоскими ручками относят к первой половине IX в. [40, с. 48], хотя не исключена возможность, что водохранилище было засыпано или его начали засыпать несколько раньше: самые поздние монеты в заполнении относятся к чекану Юстиниана II (705–711) [44, с. 176] и присутствуют фрагменты поливной керамики группы GWW1, в том числе аналогичной сосудам, происходящим из слоев стадии II Большого дворца в Константинополе [47, с. 648], которую Р. Стивенсон относит к концу правления Исаврийской династии (717–802) [66, р. 36, 38].

Только амфоры с МЗР присутствовали и в засыпи колодца в Портовом квартале 1 [40, с. 47], засыпи цистерны Е в Северном районе Херсонеса и ямы в общественном здании цитадели [46, л. 63–72]. На Мангупе в слое пожара VIII в., зафиксированном на раскопе I-IA в Лагерной балке, и в «полу» хозяйственного помещения к юго-западу от комплекса зданий 2 и 5 также найдены исключительно амфоры с МЗР [9, с. 244, 264]. На городище Ак-Кая выявлен комплекс, содержащий только амфоры с МЗР в сопровождении лощеных сосудов и датированный авторами раскопок VIII–IX вв. [17, с. 43]. В Сугдее в слое первой половины IX в. вместе с поясным набором салтовского типа этого времени были найдены исключительно широкогорлые амфоры причерноморского типа, аналогичные амфорам из заполнения цистерны в Херсонесе [4, с. 40]. Такая же картина наблюдается и на некоторых других памятниках Крыма [48, с. 372; 25, с. 102–103; 26, с. 184; 27, с. 266–270; 28; 38, с. 268; 40, с. 47; 44, с. 170–171]. Только амфоры с МЗР присутствуют в слоях второй половины VII – первой половины VIII в. на территории западного пригорода Танаиса и в хозяйственных ямах на западном участке некрополя, на поселении Мартыново I VIII – начала IX в. [32, с. 261–266].

Самый поздний комплекс, в котором присутствуют исключительно амфоры с МЗР – засыпь колодца в херсонесской цитадели, где были найдены две монеты Василия I (867–886) [45, с. 123–124]⁸.

⁸ Есть мнение, что они вышли из употребления еще раньше: уже к IX в. [31, с. 197–198]. Однако последнюю дату опровергает их присутствие в Саркеле [34, рис. 29,5], основанном в 840 г. [50, с. 666].

Скорее всего, в течение IX в. в Северном Причерноморье происходят изменения в ассортименте амфорной тары: амфоры с МЗР постепенно сходят на нет, и их место занимают амфоры с желобчатым туловом (вариант 2 по А. Л. Якобсону), появление которых В. Е. Науменко на основе анализа содержащих их комплексов относит к первой половине / середине IX в., а пик бытования – ко второй половине IX – первой половине X в., а также кувшины с плоскими ручками, появление которых датируют серединой – второй половиной или концом IX в., пик бытования — X – первой половиной XI в. [53, с. 32, 75; 2, с. 92; 35, с. 74; 36, с. 175; 42, с. 47; 40, с. 63; 41, с. 320; 30, с. 54, 57; 10, с. 137; 9, с. 255–256]⁹.

Судя по комплексам, в которых зафиксировано единовременное бытование амфор с МЗР и амфор с желобчатым туловом, а также кувшинов с плоскими ручками, все три типа какое-то время в рамках второй половины IX в. сосуществовали. Однако первые, несомненно, являются более ранним типом и ко времени появления амфор с желобчатым туловом и кувшинов с плоскими ручками уже выходили из употребления.

Подтверждением тому служат выявленные в ходе исследований в Крыму последовательно сменявшие друг друга закрытые комплексы, среди которых более ранние содержали исключительно амфоры с МЗР, а более поздние – только желобчатые амфоры. В святилище у с. Заветное выделен закрытый комплекс из засыпи очага и золистого слоя вокруг очага, который сформировался за очень короткий промежуток времени и содержал только амфоры с МЗР в сочетании с фрагментами амфор с перехватом, ойнохой баклинского типа и горшков салтовского типа. После перестройки святилище продолжает функционировать, и на момент гибели его ритуальная площадка оказалась полностью погребена под золистым слоем, в котором выявлены только амфоры с бороздчатым туловом и кувшины с плоскими ручками, а также салтовские кухонные горшки. Амфоры с МЗР в слое, связанном со вторым периодом функционирования святилища, отсутствуют полностью [38, с. 271–273].

На Тепсене и в Сугдее амфоры с МЗР являются преобладающими до середины IX в., в то время как второй тип отсутствует. Во второй половине IX – первой половине X в. наблюдается обратная картина [4, с. 40, 41; 25, с. 102].

Следует отметить существование гончарных центров, в которых производили исключительно амфоры с МЗР, наряду с центрами, в которых производили и амфоры с МЗР, и амфоры с желобчатым туловом, но, как правило, первые связывают с более ранним этапом функционирования мастерских. В крупном гончарном центре в урочище Сотера амфоры с МЗР количественно преобладают в нижних стратиграфических слоях, т.е. на начальном этапе функционирования этот тип сосудов производился в большем количестве [49, с. 210, 213–214, 217]. О преобладании первого типа амфор на раннем этапе местного гончарного производства (примерно с

⁹ Центры по производству кувшинов с плоскими ручками пока не выявлены, но наиболее вероятными районами их изготовления считают Таманский (Таматарха и ее округа) и Керченский полуострова [9, с. 255], где, по предположению А. Г. Герцена и В. Е. Науменко, они появляются в комплексах, датированных временем около середины IX в. или немногим ранее [10, с. 138].

середины VIII до середины IX вв.) свидетельствуют также материалы исследования поселения на левом берегу р. Ай-Лия [48].

Что же касается комплексов, которые обычно приводят в пользу бытования амфор с МЗР в Северном Причерноморье до X–XI вв. включительно, то их нельзя признать надежными.

Так, в Керкинитиде в засыпи ямы несколько амфор с МЗР найдены вместе с обломками кувшина с плоскими ручками. Однако автор раскопок особо отмечает, что яма сильно пострадала от перекопов [23, с. 27, рис. 5]. В качестве аргумента в пользу бытования амфор с МЗР до XI в. включительно приводят засыпь колодца в квартале VII Северо-восточного района Херсонеса, содержащую монету Константина VII (945–959) и керамику группы GWW II [43, с. 240–242]. Однако заполнения херсонесских цистерн и колодцев, как правило, содержат большой процент примеси более раннего материала [12, с. 100; 13, с. 175]. Поэтому наличие в комплексе «горла и средней части ручки» не может использоваться как аргумент.

В Тиритаке в культурном слое, заполнявшем раскопанные в 1935 году помещения I и II, многочисленные фрагменты амфор с МЗР были найдены вместе с амфорой с желобчатым туловом варианта 2 и фрагментами высокогорлых кувшинов с плоскими ручками [7, с. 51], хотя отсутствие крупных фрагментов амфор с МЗР является показателем того, что они в данном контексте представляют «примесь снизу». Гладкостенная амфора с МЗР варианта 1, найденная в засыпи херсонесского склепа с монетами Романа I (920–944), также не может использоваться в качестве доказательства, т.к. она была найдена на поверхности засыпи [6, с. 254, рис. 26].

Присутствие амфор с МЗР в скоплении керамики из подводных исследований близ села Учкуевка, интерпретируемом автором раскопок В. В. Лебединским как место кораблекрушения [24, с. 2038–2039], также нельзя использовать для обоснования поздней даты рассматриваемых амфор. Выявленный в нем материал [11, с. 24–31] распадается на две хронологические группы: V–VII вв. и конца VIII – первой половины X в. Деление материала на две группы носит достаточно условный характер, и вторую группу, в принципе, можно разделить еще на две, например, конца VIII – первой половины IX в. и второй половины IX – первой половины X в., но если приведенные в статьях таблицы с рисунками амфор отображают статистику находок, то подавляющее большинство во второй хронологической группе составляют амфоры с МЗР, что позволяет отнести кораблекрушение к тому времени, когда еще доминировали амфоры с МЗР, но уже появляются амфоры с желобчатым туловом, т.е. к первой половине / середине IX в. Странно присутствие на месте кораблекрушения керамики V–VII вв. Возможно, скопление керамики на Учкуевке следует интерпретировать не как кораблекрушение, а как якорную стоянку, действовавшую с ранневизантийского времени? В средневековье при отсутствии причалов товары перегружали со стоящих на рейде кораблей на лодки (лихтеры), которые доставляли груз на берег. Такая практика была общепринятой в средневековое время [63, р. 237–238]. Возможно, таким образом снаб-

жались довольно многочисленные поселения, расположенные на Северной стороне Севастопольской бухты и в бассейне реки Бельбек.

Еще один комплекс, в котором присутствуют амфоры с МЗР, амфоры с желобчатым туловом и кувшины с плоскими ручками – это слой пожара в усадьбе 32 на Гераклеяском полуострове, в котором была найдена монета Романа IV Диогена (1067–1071) [54, с. 354]. Однако тот факт, что амфоры с МЗР и кувшины с плоскими ручками являются в нем самым массовым материалом при некотором доминировании первых, кажется довольно странным. Как уже отмечалось Л. Ю. Нидзельницкой и И. Б. Тесленко, отсутствие в публикации детальной стратиграфии памятника и послойного анализа керамических находок не позволяет использовать материалы этой усадьбы для определения времени бытования найденной здесь керамики. Не может быть использована в качестве обоснования такой даты и отмеченная в публикации монета Романа IV Диогена (1067–1071): в личной беседе автор раскопок сама высказала сомнение, что монету можно использовать для определения даты разрушения, т.к. она могла попасть в слой в результате перекопа.

Что же касается присутствия амфор с МЗР в культурных горизонтах Саркела X–XI вв. (1–3-й «пласты») [37, с. 225, рис. 73,5; 75], то на этом стоит остановиться несколько подробнее. В диаграмме из публикации 2006 года приведен рисунок найденной в Саркеле амфоры с МЗР из публикации 1959 года [34, рис. 29,5], в которой С. А. Плетнева выделила 5 видов амфор. 1 вид – это большие желтоглиняные продолговатые круглодонные амфоры с неглубоким рифлением, высоким горлом, слабо выраженным венчиком и ручками с выступающим ребром (или валиком) вдоль верхней поверхности [34, с. 241, рис. 28,3–6]. Судя по приведенным в публикации рисункам и ссылке на опубликованные к тому времени амфоры из гончарной мастерской у села Морского Судакского района (Чабан-Куле) [52, рис. 75], это амфоры с МЗР с воронкообразным и коническим горлом с плоско срезанным краем. 2 вид – это «близкие по форме к амфорам первого вида амфоры с коротким горлом и желобчатым туловом» [34, рис. 28,1,2,7], т.е. вариант 2 по А. Л. Якобсону. 3 вид – амфоры типа Ганос «с грушевидным туловом» (тип I по классификации Н. Гюнзенин, датирующиеся IX – серединой XI и началом XII в. [58, р. 269–271; 59, р. 21–25]) [34, с. 244, рис. 29–30], к которым С. А. Плетнева ошибочно отнесла амфоры с МЗР [34, рис. 29]¹⁰. К 4 виду отнесены амфоры тоже «с грушевидным», по описанию автора, туловом и с венчиком воротничкового типа (тип II по Н. Гюнзенин [58, р. 271; 59, р. 26–28]) середины X – XI / начала XII в. [68, р. 135]. Наконец, 5 вид – это поздние амфоры с высоко поднятыми ручками. Интересующие нас амфоры вида 1 («амфоры с продолговатым туловом и высоким горлом») обнаружены в заполнении ям самой ранней группы I, куда наряду с ними входят также кувшины с плоскими ручками и амфоры с желобчатым туловом

¹⁰ Ошибочно попав в группу амфор типа Ганос, амфоры с МЗР в ее составе спустя 40 с лишним лет перекочевали на диаграмму [37, рис. 71]. При этом в личной беседе с Л. Ю. Нидзельницкой Светлана Александровна говорила о полном отсутствии в Саркеле амфор с МЗР [32, с. 266], что, по нашему мнению, свидетельствует о незначительном их количестве на памятнике.

(амфоры, близкие к первому виду «по форме тулова, с укороченным горлом и небольшими полукруглыми ручками») [34, с. 261], что позволяет датировать заполнение ям первой группы второй половиной IX в. Далее при описании керамики из пласта 1, к которому относятся, по мнению исследовательницы, ямы группы 1, упоминаются «очень незначительное количество» фрагментов «амфор с продолговатым туловом», «амфор с грушевидным туловом», а также кувшины с плоскими ручками. Исходя из выше приведенных описаний выделенных видов амфор, первое из этих определений может в равной степени относиться как амфорам с МЗР, так и к амфорам с желобчатым туловом, а второе – как к амфорам типа Ганос, к которым, напомним, Светлана Александровна отнесла и амфоры с МЗР, так и к амфорам типа II по Гюнзенин [34, с. 266]. Такая ситуация вполне объяснима на начальном этапе изучения керамики. Но при этом С. А. Плетнева специально отмечает, что «в массе своей культурный слой первых десятилетий был опущен в ямы. От него на поверхности осталось, может быть, каких-либо 10–15 см (именно на этой глубине прослеживались верхние края ям группы 1). В дальнейшем этот большой слой постоянно перекапывался и перемешивался с последующими наслоениями. В результате керамика первых 50 см, начиная с материка, представляет собой единый, резко отличающийся от предыдущего (т.е. из ям) комплекс» [34, с. 262, 266]. Таким образом, мы не можем использовать керамический комплекс 1 пласта в качестве доказательства одновременного бытования амфор с МЗР и амфор типа Гюнзенин-II. Что же касается зафиксированного в ямах группы 1 сочетания амфор с МЗР, амфор с желобчатым туловом и кувшинов с плоскими ручками, то оно вполне нормально для второй половины IX в., когда амфоры с МЗР постепенно выходят из употребления.

Кроме того, следует отметить, что слой хазарского периода жизни города не совпадает с первым полуметровым условным пластом, а захватывает еще часть второго пласта, т.к. разбивка на пласты носила формальный характер: каждый пласт – это 50 см, начиная от материка, и поэтому пласт 2 пришлось разделить еще на 2 подпласта, из которых первый содержал тот же набор тарной керамики, что и пласт 1, за исключением увеличения в нем процента «грушевидных амфор X в.». Таким образом, в публикации описывается комплекс керамики из постепенно нарастающего пласта 1 (50 см) и первого подпласта 2 пласта (еще 25 см) как одно целое без более дробной разбивки, например, по глубине залегания или по более мелким напластованиям, хотя в начале описания специально отмечается, что «в первые десятилетия нарастание культурного слоя шло очень медленно», и подчеркивается, что границы между слоями не могли быть резкими: «В густонаселенном городе неизбежны перекопы, культурный слой постоянно перемешивался на глубину от 10 до 20 см. Таким образом в «хазарский» слой попадали вещи из вышележащих слоев, и наоборот» [34, с. 268]. Как видим, комплекс керамики из слоя, постепенно накапливавшегося и перемешивавшегося в течение довольно долгого периода времени от основания города в 840 году до его разгрома в 965 году, никак нельзя использовать для обоснования вывода о совместном бытовании амфор с МЗР и поздних типов

амфор и, соответственно, в качестве аргумента в пользу бытования амфор МЗР до конца XI / начала XII вв.

Подтверждают тезис о несинхронном бытовании амфор с МЗР и амфор с желобчатым туловом и раскопки в Фанагории, где в ходе исследований последних лет открыты значительные площади на раскопе «Верхний город», расположенном на холме в центральной части городища (рис. 1).

В 2007–2008 гг. на Западном участке раскопа в северо-западном углу квадрата 65, юго-восточном углу квадрата 59, а также в небольшой части квадратов 64 и 58 была выявлена полоса грунта, заметно отличающаяся по цветности и структуре от окружающей этот участок поверхности (рис. 2). Грунт представлял собой светло-серую белесую супесь комковатой структуры, с заметными включениями золы, костей крупных животных, камней, осколков стеклянных сосудов и керамики. Полоса этого грунта тянулась от западного борта раскопа на восток-северо-восток с отклонением примерно на 25–30°, с юга и с севера была ограничена параллельно идущими траншеями XIX в. и имела ширину 7,0–7,5 м. При зачистке и прометании поверхности подошвы штыка, грунт по мере просыхания характерным образом растрескивался так, что трещины выявляли комковатую структуру грунта и образовывали линии, идущие параллельно бортам обеих ограничивающих описываемую полосу траншей, причем прослеживалось падение частиц грунта к северу, что предполагало образование данного слоя в результате ссыпания земли вниз по склону. В слое помимо раннего материала (нескольких фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор типов E и F, стенки амфоры типа LRA1) найдены крупные фрагменты амфор с МЗР (рис. 3), 4 фрагмента венчиков горшков салтовского типа и ножка стеклянной рюмки, сформованной отдельно от тулова.

Мощность слоя на разных квадратах различается: на квадрате 59 следы засыпи удалось проследить при прохождении 7 штыка (нивелировочная отметка подошвы –1,40, отметка обнаруженной в этом штыке амфоры –1,24/–1,34) и далее в 8–9 штыках, а на квадрате 65 этот слой прослеживался на протяжении 8–10 штыков (нивелировочная отметка –1,71).

Такая разница в мощности слоя объясняется значительным уклоном всего участка в направлении северо-северо-запад, что заставляло жителей города перед каждым очередным масштабным строительством проводить нивелировочные работы. В ходе этих работ часть накопленного культурного слоя перемещалась из южной части участка к северу, вниз по склону, в результате чего культурные напластования отдельных эпох оказываются непредставленными в стратиграфическом разрезе раскопа. Так, на описываемом участке почти полностью отсутствует слой римского времени (сохранился только в ямах), под средневековыми отложениями прослеживается сгоревшая в пожаре 63 г. до н.э. царская резиденция позднеэллинистического времени, а прямо под ней – слои классического времени и эпохи архаики. Показательна неоднократно описанная в ряде публикаций стратиграфическая и планиграфическая ситуация на центральном участке раскопа Верхний город, где выявлены следы нивелировоч-

ных работ, непосредственно предшествовавших строительству общественного здания, южная часть фундамента которого покоилась прямо на специально подтесанном материке (с которого были предварительно удалены культурные отложения второй половины VI – первой половины IV в. до н.э.) [20; 16]. Следы нивелировочных работ выявлены и в северо-восточной части раскопа Верхний город, где ниже по склону за пределами линии укреплений эпохи поздней архаики было обнаружено скопление амфорной тары IV в. до н.э. [15, с. 93–94, 97–100].

Сделав эти общие замечания, перейдем непосредственно к стратиграфии и планиграфии культурных отложений и строительных остатков средневекового времени на Западном участке раскопа Верхний город (рис. 1). Сразу следует отметить, что от застройки, связанной с рассматриваемой нивелировочной засыпью, сохранились лишь обрывки вымосток. Отчасти она была разрушена мусорными ямами, отчасти траншеями XIX в., отчасти выборкой камня под строительство окрестными жителями в Новое и Новейшее время, но в первую очередь строительной активностью самих жителей Фанагории, которые из-за отсутствия камня на Таманском полуострове вынуждены были добывать строительный материал из старых построек.

Итак, от поздней застройки на участке сохранились следующие объекты. **Объект 352** (рис. 4–5), расположенный в южной части участка (квадраты 52–55, 69) и представляющий собой фрагмент большой каменной вымостки с фланкирующими ее с севера шестью небольшими грубо обработанными подпорными камнями с округлыми углублениями на верхней поверхности, предназначенными для установки деревянных опор. Все камни, кроме одного¹¹, имели подквадратную в плане форму. Расстояние между центрами баз – 2,2–2,5 м. Очевидно, что сохранившаяся часть вымостки находилась под навесом, который опирался на стены здания, расположенного к югу от него, а также на деревянные колонны. Аналогичный строительный прием был прослежен при раскопках культурных напластований средневекового времени на северо-восточном участке раскопа Верхний город, а также на раскопе Нижний город [21]. Можно полагать, что к не сохранившемуся зданию, остатками дворовой вымостки которого является объект 352, примыкала крытая галерея, проходившая через весь Западный участок. Общая ее длина должна быть более 10 м. Вымостка, таким образом, представляла собой, вероятнее всего, мощеный внутренний двор большого здания, площадь которого, если он в плане был квадратным, могла быть около 100 м², что в целом предполагает очень солидные размеры всего сооружения.

В 6,5 м к югу открыт **объект 355** (рис. 6), представляющий собой достаточно мощную (ширина 0,9 м) стену, ориентированную параллельно линии колонн объекта 352. Стена сложена в технике двухпанцирной кладки из грубо обработанных достаточно крупных камней (известняк, ракушечник) с забутовкой между панцирями. Длина сохранившейся части стены – 2,4 м. Велика вероятность, что она представля-

¹¹ Вторая с запада опора была представлена простым крупным камнем без следов обработки, но его положение на одной линии с остальными и на равном расстоянии между двумя соседними опорами не оставляет сомнений в его использовании в качестве одной из опор.

ет собой заглубленную ниже уровня древней дневной поверхности часть фундамента северной стены здания, к которому относилась вымостка (объект 352).

Стена 354 ориентирована почти точно перпендикулярно к линии стены 355 и колонн, фланкировавших вымостку 352. Стена сложена в технике «елочкой», имеет ширину 0,6 м и также сложена в два панциря с забутовкой. Сохранилась на протяжении 1,4 м в один ряд. Возможно, перед нами остатки восточной стены всего комплекса.

В северной части исследуемого участка выявлена **кладка 359** шириной 0,4 м (рис. 8), также сложенная в «елку» в два панциря с забутовкой из более мелких камней. Сохранилось два ее ряда на длину 3,3 м. Примерно посередине сохранившегося участка этой стены, в 1,4 м от восточного края верхний (второй снизу) ряд в южном фазе кладки фланкирован поставленным на ребро крупным плоским камнем, оформлявшим, по всей видимости, дверной проем. Второй обрамлявший проем камень не сохранился, но угадывается в 60 см западнее, где второй ряд кладки снова возобновляется и продолжается до западного края стены. Поверхность кладки лежит на глубине $-0,92$ – $-1,03$ м от репера, нивелировочная отметка подошвы кладки $-1,10$ м. Примечательно, что вокруг этой стены были обнаружены 6 амфор причерноморского типа с желобчатым туловом (рис. 8,а). Амфоры лежали в беспорядке с обеих сторон стены на древней дневной поверхности, две амфоры – возле южного фаса кладки, две амфоры и две горловины – к северу от кладки.

Еще севернее, в 1,05 м к югу от северного борта раскопа сохранился обрывок каменной **кладки 369** (рис. 7), также сложенной «в елку». От кладки до нас дошел только один панцирь (длина 0,9 м, ширина 0,2 м), сложенный из шести камней. Общая ширина всей стены может быть высчитана лишь предположительно – ок. 0,5 м. Поверхность кладки лежит на глубине $-0,85$ – $-0,9$ м от репера, нивелировочная отметка подошвы $-1,12$ м.

Кладка 361 (рис. 9,а) относилась к какому-то достаточно большому зданию (сохранившаяся протяженность до 7,4 м при ширине от 20 до 30 см; западный край сооружения уходит за пределы раскопа) и представляет собой остатки кладки фундамента, сложенного в технике «в елку» из плоских камней. Кладка, очевидно, изначально была двухпанцирной, но сохранился только ее северный панцирь. Нивелировочные отметки поверхности кладки $-0,52$ – $-0,64$ м от репера, нивелировочные отметки подошвы $-0,68$ – $-0,75$ м. При разборе кладки обнаружены 10 фрагментов желобчатых стенок круглодонных амфор причерноморского типа, использованных в качестве забутовки, т.е. стена построена не ранее первой половины IX в. – времени появления амфор с желобчатым туловом.

Кладка 361 разрезана на две части поздней ямой 351, которая, к тому же, пробивает нивелировочную засыпь (рис. 9). В ее заполнении, помимо большого количества раннего материала, выявлены фрагменты стенок амфор причерноморского типа с желобчатым туловом. Идентичность материала из ямы и кладки 361 говорит о том, что промежуток времени между прекращением использования стены и образованием режущей ее ямы был небольшим.

Все сохранившиеся объекты участка, расположенные как в южной его части (стены 354 и 355 и вымостка 352), так и заметно ниже по склону (кладки 359 и 369), вписываются в единую планировочную структуру: стены 355, 361, 359 и 369, относящиеся к разным сооружениям, имеют одинаковый уклон к оси север–юг, будучи ориентированы поперек склона холма, а стена 354 идет перпендикулярно и спускается вдоль склона. Глубина залегания этих объектов примерно одинаковая (в пределах отметок +0,37, +0,30 м от нулевого репера).

К сожалению, данные для датировки большинства выявленных на участке кладок отсутствуют. Только кладка 361 стоит непосредственно на участке, на котором выявлен нивелировочный слой, поэтому для определения относительной хронологии культурных напластований существенным является взаиморасположение объектов 361 и 366 (рис. 9; 10).

Под западной половиной стены на глубине 0,2 м от ее подошвы прослеживаются следы пожара в виде обгоревших до оранжевого цвета печин, сгоревшей до белого цвета органики, золы, обгоревшей земли. Еще ниже идет черпаяная вымостка 366 (рис. 10), в бытовании которой в средневековом горизонте прослежено два периода, разделенных земляной прослойкой толщиной 25–38 см. Вымостка, сложенная из мелко дробленных фрагментов керамики, а также заметной доли костей животных, включая зубы, прослежена на всю ширину западного участка (от западного борта до восточного края квадрата 49) и имеет общую протяженность 15,9 м. Ширина объекта определяется приблизительно: в центральной части она равна примерно 2 м, у восточного борта раскопа – до 2,6 м, у западного – до 3,3 м. Южный край пробит траншеей XIX в. Верхний уровень мощений (второй период бытования вымостки) лежит на глубине 0,81–0,84 м от репера, нижний (первый уровень бытования вымостки) – на глубине от –1,05 м (восточный край) и до –1,22 м (западный край) от репера. В обоих случаях мощение положено в один слой и плотно втоптанно в древнюю дневную поверхность.

Существенно, что в ходе расчистки этого объекта по мере продвижения к северу плотность мощения уменьшалась, а его качество заметно падало, постепенно сходя на нет и превращаясь в утопанную поверхность. Возможно, край вымостки, постепенно сходящей на нет по мере продвижения к северу, мог соответствовать предполагаемой северной границе участка, сnivelированного под застройку в финальный период жизни на Верхнем городе. Таким образом, общая стратиграфическая ситуация на участке вырисовывается следующим образом. В связи с новым строительством с вершины холма была удалена часть культурных напластований, содержащих крупные фрагменты амфор с МЗР. Часть перемещенного грунта была сброшена вниз по склону, увеличив площадь сnivelированного участка. Поверх перемещенного грунта была положена вымостка, которая бытовала достаточно продолжительное время и, по мере затаптывания и образования поверх нее культурного слоя, подновлялась¹².

¹² С. А. Плетнева, открывшая на раскопе «Центральный» часть города хазарского времени, зафиксировала четыре слоя мостовых, также разделенных прослойками в 15–20 см грунта. По ее мнению, ули-

После того как вымостка перестала функционировать, на этом участке было какое-то локальное возгорание, а затем спустя какое-то время (следы возгорания прослежены на глубине 0,2 от подошвы стены) была положена каменная кладка 361, относившаяся к сооружению довольно серьезных размеров. После того как сооружение 361 было разрушено и весь участок, видимо, превратился в пустырь, где захоранивались бытовые отходы, кладку 361, вымостку 366 и нивелировочную засыпь пробила яма 351. Таким образом, между формированием нивелировочной засыпки и возведением здания, которому принадлежала стена 361, должно было пройти довольно много времени, в течение которого появились два уровня вымостки, разделенных между собой 35–38 см грунта, и произошел пожар, следы которого прослежены на глубине 0,2 от подошвы стены.

В 2011 году в ходе работ на Северном участке раскопа «Верхний город» (рис. 11) в северо-восточном углу квадрата 89 в 3,6 м от южного борта и в 14,05 м от западного был обнаружен развал шести шаровидных амфор с мелким зональным рифлением, ориентированный по линии север–юг. Длина развала 1,6 м, при максимальной ширине 0,55 м (объект 602) (рис. 13; 14).

Амфоры находились под кладкой 601, исследованной в сезоне 2010 г. и представляющей собой фундамент стены, ориентированной по линии север–юг с небольшим отклонением северного конца к востоку. Фундамент двухпанцирный с забутовкой из мелких камней и черепков. Панцири сложены из небольших камней, многие из которых уложены в технике «елочкой». Сохранившаяся длина стены 3,9 м, ширина 0,7 м. Нивелировочные отметки амфор 0,90–1,30, подошвы стены 0,68–0,77.

Кладка синхронна стене 600, расположенной в 3,3 м от южного борта того же участка и уходящей под северный борт почти в самом северо-восточном углу раскопа. Она также представляет собой фундамент стены, ориентированной с севера на юг с небольшим отклонением северного конца к востоку. Кладка двухпанцирная с забутовкой из мелких камней и черепков, сложена из не очень крупных камней, хотя периодически попадаются и довольно массивные. Длина фундамента 7,15 м, ширина 0,65–0,7 м. От обеих сохранившихся на участке кладок сохранился лишь один ряд. В 0,7 м к западу от стены 600 открыты развалы нескольких амфор причерноморского типа с желобчатым туловом (рис. 12).

Таким образом, налицо резкое отличие набора амфор из нивелировочной засыпки в квадратах 58–59, 64–65 и из развала под стеной 601, с одной стороны, и сосудов, связанных с остатками домов, выстроенных в технику «в елку», которые, судя по одинаковому набору сопровождавшего их материала, синхронны домам 2008 года раскопок [22]. В первом случае это исключительно амфоры с МЗР. Абсолютно другой комплекс амфор сопровождал строительные остатки верхнего горизонта Фанагории, где на несколько десятков амфор с желобчатым туловом, оставленных

ца подновлялась новой подсыпкой по мере загрязнения и роста культурного слоя вокруг мостовой, и с учетом нарастания культурного слоя 1 см в год можно предположить, что улица существовала не менее 80–100 лет [36, с. 181].

покидавшими город жителями в своих домах, приходится лишь один кувшин с плоскими ручками и ни одной амфоры с МЗР. Учитывая принятую на сегодняшний день дату появления кувшинов с плоскими ручками в 60–70-х гг. IX в., логично сделать вывод о выходе к концу IX в. амфор с МЗР из употребления.

Суммируя все вышеизложенное, историю застройки участка можно реконструировать следующим образом. Рассмотренные комплексы с амфорами с МЗР говорят о существовании на участке застройки, восстановленной после разгрома Фанагории предположительно во второй половине VI в.¹³ Время ее появления из-за отсутствия каких-либо данных остается неясной. Понять, что она собой представляла, тоже невозможно, т.к. была полностью разобрана, а территория, некогда занимаемая ею, сnivelирована. «Гибель» застройки произошла уже в период доминирования амфор с МЗР, который в Северном Причерноморье приходится, скорее всего, на VIII в., поскольку, как уже отмечалось, комплексов с амфорами с МЗР, датирующихся VII в., в регионе чрезвычайно мало. В частности, в Херсонесе среди нескольких известных на сегодняшний день комплексов VII в., в том числе конца столетия, пока выявлен только один, и тот содержит лишь несколько фрагментов амфор рассматриваемого типа. Т.е. говорить о широком распространении шаровидных амфор в Северном Причерноморье в VII в. не приходится.

Что заставило жителей города покинуть свои дома в VIII в., непонятно. Письменные источники о каких-либо событиях подобного рода не упоминают.

Новая застройка, от которой на рассматриваемом участке сохранилось только два уровня вымостки, и проведенная перед ней нивелировка были произведены спустя какое-то, по-видимому, непродолжительное время.

Наконец, возможно, только в первой половине IX в. появляются дома, выстроенные в технике «в елку».

Естественно, это – весьма приблизительная схема, поскольку от застройки, предшествующей поздним домам, на участке почти ничего не сохранилось.

Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что:

1. Раскопки Фанагории подтверждают предположение о несинхронном бытовании амфор с МЗР и амфор с желобчатым туловом и о выходе первых из бытования к концу IX в.

2. Не подтверждается предположение о регионализме в распространении разных вариантов амфор причерноморского типа, сделанное на основе картографирования находок, которое показало, что «амфоры с МЗР, доминирующие на памятниках Южной Таврики, численно уступают иным типам «причерноморских» амфор, полученных раскопками в других районах полуострова, в Приазовье и Нижнем Подонье, еще реже они встречаются за пределами указанного региона. Напротив, «причерноморские» желобчатые амфоры количественно преобладают на поселениях в Восточном Крыму, Приазовье и Подонье» [30, с. 43; 9, с. 255]. Этот вывод не применим, по крайней мере, к Фанагории. Здесь амфоры с МЗР, если не считать незначительное количество

¹³ В открытом в 2019 году на участке «Нижний город» слое пожара VI в. был обнаружен золотой солид Юстиниана I 542–565 гг. выпуска. Авторы признательны М. Г. Абрамзону за предоставленную информацию.

амфор с перехватом, являются практически единственным видом амфорной тары в слоях, предшествующих поздней застройке, и наоборот – в верхних слоях городища представлены исключительно амфоры с желобчатым туловом в сочетании с редкими экземплярами кувшинов с плоскими ручками, а амфоры с МЗР присутствуют во фрагментах в комплексе «ранней» керамики, составляющей большую часть керамического комплекса всех без исключения слоев фанагорийского городища¹⁴.

3. На участке «Верхний город» удалось проследить как минимум три строительных периода: 1 – период доминирования амфор с МЗР; строительные остатки не сохранились, но судя по брошенным амфорам, дома были покинуты жителями, скорее всего, из-за какой-то опасности; 2 – следующая застройка, представленная нивелировочной засыпью и двумя уровнями вымостки, скорее всего, относится к VIII в.; 3 – застройка с хорошо сохранившимися домами с кладкой «в елку», предположительно появившаяся в первой половине IX в.

4. Рассмотренные в статье амфоры, несомненно, входят в «семью» амфор, распространенных по всему Средиземноморью и известных в литературе под названием «globular» («шаровидных»), поэтому следует отказаться от «регионального» термина «амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением» и перейти на международную терминологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. XII. С. 168–185.
2. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81–101.
3. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 165 с.
4. Баранов И.А., Джанов А.В., Майко В.В. Раскопки средневековой Сугдеи // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 38–45.
5. Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 83–100.
6. Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. М., 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. С. 237–254.
7. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. М., Л., 1952. № 25. Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. С. 15–134.
8. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (к вопросу периодизации Мангупской цитадели) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.

¹⁴ Доминирование в керамических комплексах всех слоев городища значительной «примеси снизу» объясняется принятой в Фанагории практикой мостить улицы фрагментами керамики, где для этих целей использовалась керамика очень широкого хронологического диапазона, включая керамику античного времени, которую в изобилии находили в ходе разбора кладок ранних построек в целях получения строительного материала. В поисках дефицитного камня жители города выкапывали довольно глубокие ямы, что также приводило к нарушению слоев, и попадавшаяся в ходе подобных «раскопок» керамика тоже шла в дело.

9. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 127–151.
11. Гинькут Н.В. Керамика IX – первой половины X вв. с места кораблекрушения близ Учкучевки (Севастопольский прибрежный район) // Подводная археология: сто лет исследований. Материалы международной научно-практической конференции «К 100-летию подводной археологии». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 24–31.
12. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 96–260.
13. Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135–216.
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
15. Завойкин А.А. Торговые связи Фанагории по керамической таре и археологическая периодизация «Верхнего города» (6–3 вв. до н. э.) // Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М., 2018. С. 91–105. (Фанагория. Т. 7. Вып. 4).
16. Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Керчь, 2013. С. 182–189.
17. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г., Шкрибляк И.И. Раскопки городища Ак-Кая // Археологічні дослідження в Україні 2012 р. Київ, 2013. С. 41–44.
18. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген // Боспорские исследования. 2005. Вып. X. С. 236–268.
19. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Ред. Г.Е. Афанасьев. М., 2008. С. 420–440.
20. Кузнецов В.Д. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город») // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 2011. С. 256–289.
21. Кузнецов В.Д. Раннесредневековый дом в Фанагории // Древности Боспора. 2016. Вып. 20. С. 306–317.
22. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1(27). С. 393–429.
23. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев: Наукова Думка, 1990. 176 с.
24. Лебединский В.В. Подводные археологические исследования в акватории Гераклеяского полуострова: история и современность // 38 International Congress of Asian and North African Studies. Papers. 10-15.09. 2007. Vol. IV. Ankara, 2012. P. 2038–2039
25. Майко В.В. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 101–123.
26. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
27. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности. Харьков, 2009. С. 263–272.

28. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012. С. 54–62, 120–123.
29. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I. С. 324–340.
30. Науменко В.Е. Амфоры. Кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 35–57.
31. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. М., Иерусалим, 2007. С. 193–214. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2).
32. Нидзельницкая Л. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом 5-начала 9 вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 261–282.
33. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 52–81.
34. Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. М., Л., 1959. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. II. С. 212–272.
35. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75.
36. Плетнева С.А. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003. С. 171–183.
37. Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Симферополь, 2006. 244 с. (МАИЭТ. Suppl. I).
38. Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 264–282.
39. Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ, Чернівці, 2005. 244 с., 152 илл.
40. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. 170 с.
41. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 312–329.
42. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 42–57.
43. Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. II. С. 229–256.
44. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // СА. 1995. № 2. С. 170–177.
45. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 123–124.
46. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997 // Архив ИА РАН. Д. 2632.
47. Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 646–650.
48. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековое поселение на левом берегу р. Ай-Лия (по материалам исследований 2005 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Киев, 2015. С. 366–527. (Археологический альманах. Вып. 33).

49. Тесленко И.Б., Телиженко С.А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Киев, 2015. С. 201–310. (Археологический альманах. Вып. 33).
50. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
51. Чхайдзе В.Н. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // Древности Боспора. 2005. Вып. VIII. С. 443–464.
52. Якобсон А.Л. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 164–172.
53. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 162 с.
54. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 349–358.
55. Arthur P. Early Medieval Amphorae, the Duchy of Naples and the Food Supply of Rome // Papers of the British School at Rome. 1993. Vol. 61. P. 231–244.
56. Bass G.F. Underwater Excavations at Yassi Ada: a Byzantine Shipwreck // Archaeologischer Anzeiger. 1962. P. 537–564.
57. Boardman J. The Finds // Balance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. Excavations in Chios. 1953–1955. Byzantine Emporio. London, 1989. P. 86–142.
58. Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs // Recherches sur la Ceramica Byzantine. Paris, 1989. P. 267–276.
59. Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques (thèse de doctorat présentée à l'Université Paris I, Panthéon-Sorbonne). Paris, 1990.
60. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
61. Hayes J.W. Early Christian Pottery from Knossos: the 1978–1981 Finds from the Knossos Medical Faculty Site // The Annual of the British School at Athens. 2001. Vol. 96. P. 431–454.
62. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border // Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity / Eds. S. Kingsley, M. Decker. Oxford, 2001. P. 129–166.
63. Martin L.R. Horse and Cargo (Handling on Medieval Mediterranean Ships) // The International Journal of Nautical Archaeology. 2002. Vol. 31. P. 237–247.
64. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. 329 p.
65. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th c. AD. Preliminary Results of the EU Funded "Pythagoras II" Project: the Cretan Case Study // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Vol. I / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford, 2014. P. 873–883.
66. Stevenson R. The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, London, 1947. 33 p.
67. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond. Oxford, 2007. P. 251–280.
68. Todorova E. The Medieval Amphorae (9th to 14th centuries AD) from Excavations at Silistra in 2007 (Preliminary Report) // PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table Held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007 / Eds. Ch. Tzochew, T. Stoyanov, A. Bozkova. Sofia, 2011. P. 131–140.
69. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. Seventh–Fourteenth Centuries // Trade in Byzantium. Papers from the Third International

Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium (Istanbul, 24-27 June, 2013) / Eds. P. Magdalino, N. Necipoğlu. Istanbul, 2016. P. 157–177.

70. Vroom J. The Byzantine Web: Pottery and Connectivity Between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni. Studi e Ricerche no. 4 / Eds. S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 2017. P. 285–310.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Khazarskii sloi v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. XII, pp. 168–185.
2. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1971, Vol. 7, pp. 81–101.
3. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990, 165 p.
4. Baranov I.A., Dzhanov A.V., Maiko V.V. Raskopki srednevekovoi Sugdei. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. 1994 g., Simferopol, 1997, pp. 38–45.
5. Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizonty Sudakskogo gorodishcha serediny VIII – pervoi poloviny X vv. *B''lgarite v Severnoto Prichernomorie*, Veliko Tŕrnovo, 2000, T. VII, pp. 83–100.
6. Belov G.D. Zapadnaia oboronitel'naia stena i nekropol' vozle nee (Raskopki 1948 g.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34, pp. 237–254.
7. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1952, No. 25, pp. 15–134.
8. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun (k voprosu periodizatsii Mangupskoi tsitadeli). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII, pp. 371–494.
9. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastroiki (seredina IX – nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 240–295.
10. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX-XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-Burun. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 127–151.
11. Gin'kut N.V. Keramika IX – pervoi poloviny X vv. s mesta korablekrusheniia bliz Uchkuevki (Sevastopol'skii pribrezhnyi raion). *Podvodnaia arkheologii: sto let issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «K 100-letiiu podvodnoi arkheologii»*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2002, pp. 24–31.
12. Golofast L.A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 96–260.
13. Golofast L.A. Shtampy V–VII vv. na posude gruppy «Fokeiskoi krasnolakovoi» iz raskopok Khersonesskogo gorodishcha. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, Vol. IX, pp. 135–216.
14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyi raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia (kvartaly VIII i IX). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 363–411.
15. Zavoikin A.A. Torgovye sviazi Fanagorii po keramicheskoi tare i arkheologicheskaia periodizatsiia «Verkhnego goroda» (6–3 vv. do n. e.). Kuznetsov V.D., Zavoikin A.A. (Eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*, Moscow, 2018, pp. 91–105.
16. Zavoikin A.A., Kuznetsov V.D. «Verkhniĭ gorod» Fanagorii v 5 v. do n. e. (problemy periodizatsii i urbanistiki). *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanistiki*, Kerch, 2013, pp. 182–189.
17. Zaitsev Iu.P., Koltukhov S.G., Shkribliak I.I. Raskopki gorodishcha Ak-Kaia. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2012 r.*, Kiev, 2013, pp. 41–44.

18. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovi gorizont poseleniia Geroevka-2 u poselka El'tigen. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2005, Vol. X, pp. 236–268.
19. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovi gorizont poseleniia Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. Afanas'ev G.E. (Ed.), *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A.G. Atavina*, Moscow, 2008, pp. 420–440.
20. Kuznetsov V.D. Zametki o kul'turnom sloe Fanagorii (po materialam raskopa «Verkhni gorod»). *Grecheskie i varvarskie pamiatniki Severnogo Prichernomor'ia. Opyt metodiki rossiiskikh i ukrainskikh polevykh issledovaniy*, Moscow, 2011, pp. 256–289.
21. Kuznetsov V.D. Rannesrednevekovi dom v Fanagorii. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2016, Vol. 20, pp. 306–317.
22. Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010. № 1(27), pp. 393–429.
23. Kutaisov V.A. *Antichnyi gorod Kerkitida*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990, 176 p.
24. Lebedinskii V.V. Podvodnye arkheologicheskie issledovaniia v akvatorii Gerakleiskogo poluostrova: istoriia i sovremennost'. *38 International Congress of Asian and North African Studies. Papers. 10-15.09.2007*, Vol. IV, Ankara, 2012, pp. 2038–2039.
25. Maiko V.V. Keramicheskii kompleks VIII–X vv. prabolgarskogo gorodishcha Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu (predvaritel'naia tipologiya). *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie*, Veliko Tŕnovo, 2000, T. VII, pp. 101–123.
26. Maiko V.V. *Srednevekove gorodishche na plato Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu*, Kiev, Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
27. Maiko V.V. Arkheologicheskie materialy dlia rekonstruktsii posada rannesrednevekovoï Sugdei. *Drevnosti*, Khar'kov, 2009, pp. 263–272.
28. Maiko V.V. Sugdeia vo vtoroi polovine VII – pervoi polovine VIII vv. Obzor arkheologicheskoi situatsii. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*, Vol. 2, Kharkiv, 2012, pp. 54–62, 120–123.
29. Naumenko V.E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniia u podnozhii Mangupa. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Vol. I, Simferopol, 1997, pp. 324–340.
30. Naumenko V.E. Amfory. Kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekxy VIII–X vv.*, Simferopol, Kerch, 2009, pp. 35–57.
31. Nidzel'nitskaia L.Iu., Il'iashenko S.M. Rannesrednevekove poselenie na territorii Tanaisa. *Srednevekove drevnosti Dona*, Moscow, Jerusalem, 2007, pp. 193–214.
32. Nidzel'nitskaia L. Vizantiiskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym ornamentom 5-nachala 9 vv. (po materialam donskikh muzeev). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia*, Rostov-na-Donu, 2009, pp. 261–282.
33. Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. *Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichernomor'i*, Kiev, 2001, pp. 52–81.
34. Pletneva S.A. Keramika Sarkela-Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1959, No. 75, pp. 212–272.
35. Pletneva S.A. Saltovo-maiatskaia kul'tura. *Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednekov'ia*, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75.
36. Pletneva S.A. Goroda Tamanskogo poluostrova v kontse VIII–XII vv. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednekov'ia, Moscow, 2003, pp. 171–183.
37. Pletneva S.A. *Drevnerusskii gorod v kochevoi stepi*. Simferopol, 2006, 244 p.
38. Ponomarev L.Iu. Saltovskoe ukreplenie i sviatilishche u s. Zavetnoe. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2003, Vol. III, pp. 264–282.
39. Prikhodniuk O.M. *Pastirs'ke gorodishche*. Kiïv, Chernivtsi, 2005, 244 p.

40. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersonesa*. Ekaterinburg, 1995, 170 p.
41. Ryzhov S.G., Sedikova L.V. Kompleksy X v. iz raskopok kvartala X «B» Severnogo raiona Khersonesa. *Khersonesskii sbornik*, Sebastopol, 1999, Vol. X, pp. 312–329.
42. Sazanov A.V. K khronologii tsitadeli Baklinskogo gorodishcha IX–XI vv. *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol, 1994, pp. 42–57.
43. Sazanov A.V. Keramicheskii kompleks nachala XI v. iz Khersonesa. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Vol. II, Simferopol, 2001, pp. 229–256.
44. Sedikova L.V. Keramicheskii kompleks pervoi poloviny IX v. iz raskopok vodokhranilishcha v Khersonese. *Sovetskaia arkheologiia*, 1995, No. 2, pp. 170–177.
45. Sedikova L.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny IX v. iz tsitadeli v Khersonese. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*, Simferopol, 1995, pp. 123–124.
46. Sedikova L.V. *Keramicheskoe proizvodstvo i import v Khersonese v IX v. Text of kandidat. diss.* Moscow, 1997.
47. Sedikova L.V. K voprosu o vremeni poiavleniia vizantiiskoi polivnoi posudy v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 646–650.
48. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Srednevekovoe poselenie na levom beregu r. Ai-Liia (po materialam issledovaniu 2005 g.). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika*, Kiev, 2015, pp. 366–527.
49. Teslenko I.B., Telizhenko S.A. Issledovaniia srednevekovogo poseleniia na myse Sotera (predvaritel'nye itogi rabot 2004, 2008–2013 gg.). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika*, Kiev, 2015, pp. 201–310.
50. Zuckerman C. Vengry v strane Levedii: novaia derzhava na granitsakh Vizantii i Khazarii ok. 836–889 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 663–688.
51. Chkhaidze V.N. Rannesrednekovyye amfory iz Fanagorii (po materialam raskopok 1939–1980 gg.). *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2005, Vol. VIII, pp. 443–464.
52. Iakobson A.L. Rannesrednekovyye goncharynye pechi v vostochnom Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1954, Vol. 54, pp. 164–172.
53. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoii Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 162 p.
54. Iashaeva T.Iu. Rannesrednekovoe poselenie v predmest'e Khersona na Gerakleiskom poluostrove. *Khersonesskii sbornik*, Sebastopol, 1999, Vol. X, pp. 349–358.
55. Arthur P. Early Medieval Amphorae, the Duchy of Naples and the Food Supply of Rome. *Papers of the British School at Rome*, 1993, Vol. 61, pp. 231–244.
56. Bass G.F. Underwater Excavations at Yassi Ada: a Byzantine Shipwreck. *Archaeologischer Anzeiger*, 1962, pp. 537–564.
57. Boardman J. The Finds. Balance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. *Excavations in Chios. 1953–1955. Byzantine Emporio*. London, 1989, pp. 86–142.
58. Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs. *Recherches sur la Ceramica Byzantine*, Paris, 1989, pp. 267–276.
59. Gunsenin N. *Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques (thèse de doctorat présentée à l'Université Paris I, Panthéon-Sorbonne)*. Paris, 1990.
60. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, 1992, 455 p.
61. Hayes J.W. Early Christian Pottery from Knossos: the 1978–1981 Finds from the Knossos Medical Faculty Site. *The Annual of the British School at Athens*, 2001, Vol. 96, pp. 431–454.
62. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border. Kingsley S., Decker M. (Eds.), *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*, Oxford, 2001, pp. 129–166.

63. Martin L.R. Horse and Cargo (Handling on Medieval Mediterranean Ships). *The International Journal of Nautical Archaeology*, 2002, Vol. 31, pp. 237–247.
64. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, 2005, 329 p.
65. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th c. AD. Preliminary Results of the EU Funded “Pythagoras II” Project: the Cretan Case Study. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., Kilikoglou V. (Eds.), *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*, Vol. I, Oxford, 2014, pp. 873–883.
66. Stevenson R. *The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Oxford, London, 1947, 33 p.
67. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context. Poulter A. (Ed.), *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond*, Oxford, 2007, pp. 251–280.
68. Todorova E. The Medieval Amphorae (9th to 14th centuries AD) from Excavations at Silistra 2007 (Preliminary Report). Tzochew Ch., Stoyanov T., Bozkova A. (Eds.), *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table Held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007*, Sofia, 2011, pp. 131–140.
69. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. Seventh-Fourteenth Centuries). Magdalino P., Necipoğlu N. (Eds.), *Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium (Istanbul, 24-27 June, 2013)*, Istanbul, 2016, pp. 157–177.
70. Vroom J. The Byzantine Web: Pottery and Connectivity Between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean. Gelichi S., Negrelli C. (Eds.), *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo). Scambi, porti, produzioni. Studi e Ricerche no. 4*, Venice, 2017, pp. 285–310.

L. A. GOLOFAST^{a)}, P. A. EVDOKIMOV^{b)}

a) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

b) School “Intellectual” (Moscow, Russia)

ON THE CHRONOLOGY OF THE AMPHORAE WITH FINE CORRUGATION ZONES (ACCORDING TO THE EXCAVATIONS IN PHANAGOREIA)

Abstract: This paper addresses the so-called amphorae with fine corrugation zones (globular amphorae), which, along with the Black Sea amphorae with ribbed body, form up the largest group in the pottery complex from the Early Medieval towns and settlements in the Northern Black Sea Area. In the Mediterranean, globular amphorae appeared from the first decades of the seventh century (or even from the sixth century) to the late eighth or, plausibly, mid-ninth century at the latest. In the Northern Black Sea Area, the amphorae with fine corrugation zones are usually dated to the eighth century, with the final of their existence to the tenth or eleventh centuries, which is significantly different from the chronology of analogous ware in the Mediterranean. However, the new data in possession supplies the data to clarify the chronology. This paper addresses the assemblages usually attracted to argument the long existence of globular amphorae. Moreover, we address the complexes containing the amphorae of the Black Sea type with fine corrugation zones and grooved body excavated at Phanagoreia, which confirm the idea that they were not synchronous and that globular amphorae fell into disuse by the late ninth century.

Key words: Early Mediaeval Black Sea amphorae, globular amphorae, Phanagoreia.

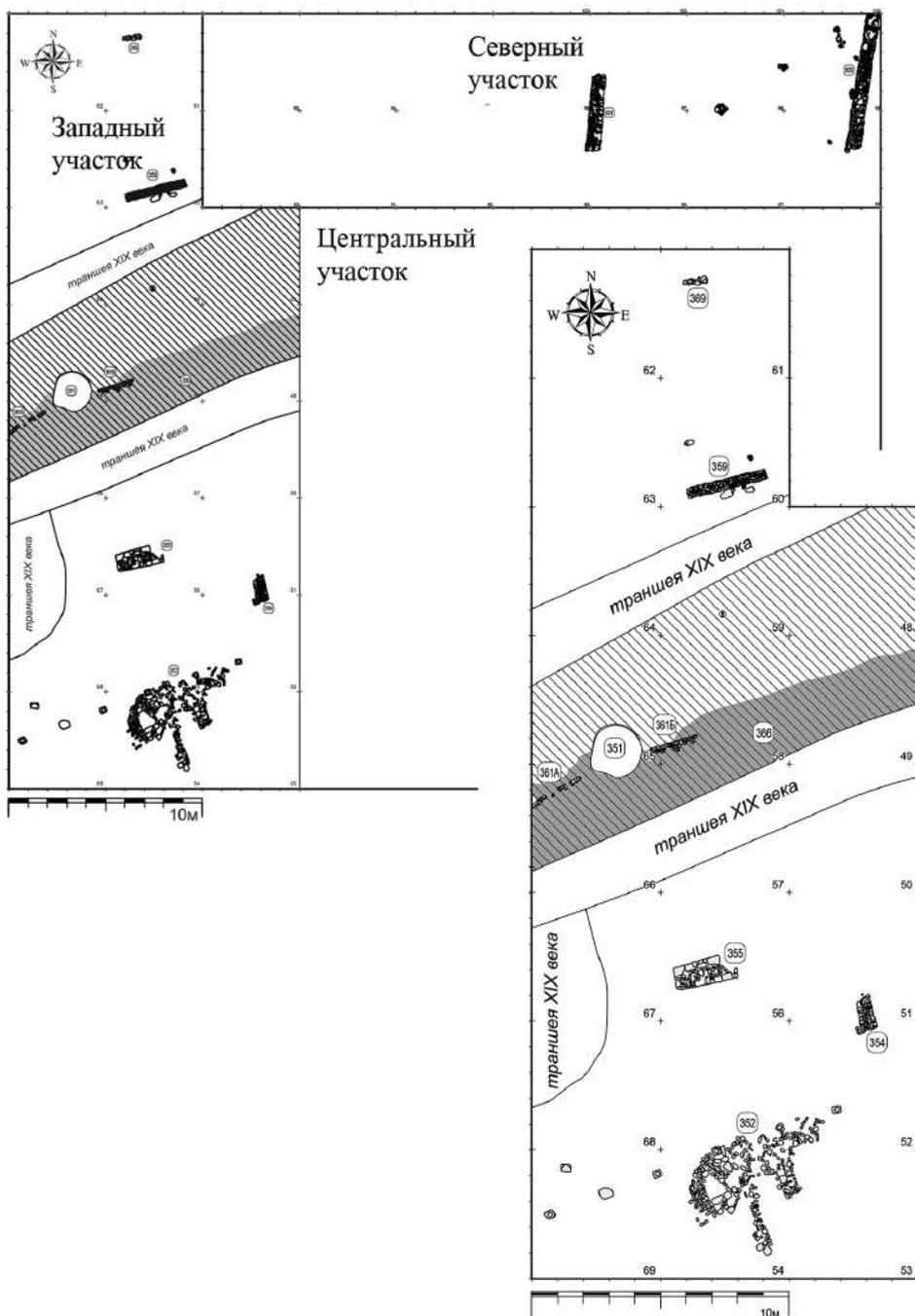

Рис. 1. Фанагория. Схема расположения участков раскопа «Верхний город». План Западного участка раскопа «Верхний город»

Рис. 2. Западный участок раскопа «Верхний город». Зачистка подошвы 8 штыка. Вид на квадраты 64–65–66, 59–58. Траншея XIX в. Южный край предполагаемой нивелировочной засыпи отмечен стрелками

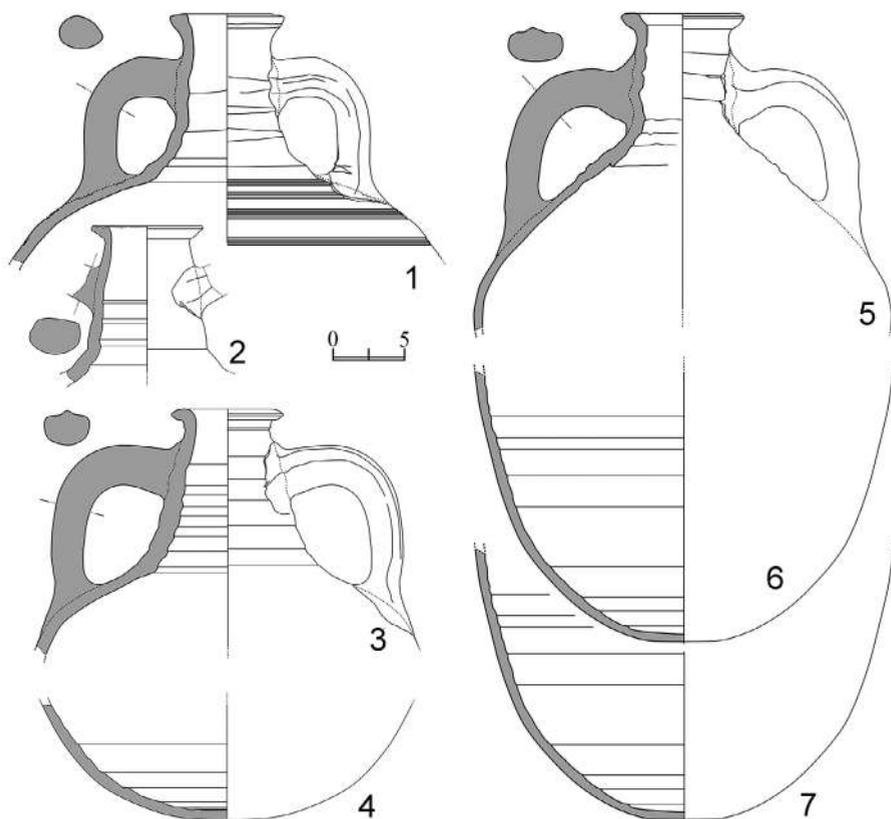

Рис. 3. Амфоры из нивелировочной засыпи на раскопе «Верхний город»

Рис. 4. Объекты 352, 354, 355. Вид с юго-запада

Рис. 5. Объекты 352, 354, 355. Вид с северо-востока

Рис. 6. а – Объект 355. Вид с востока. б – Объект 355. Северный фас

Рис. 7. Объект 369. Восточный край, северный фас

Рис. 8. а – Объект 359 в процессе расчистки. Вид с востока. б – Объект 359. Северный фас

Рис. 9. а – Объект 361, яма 351. Восточный край, северный фас. б – Объект 361 и яма 351. Вид с запада

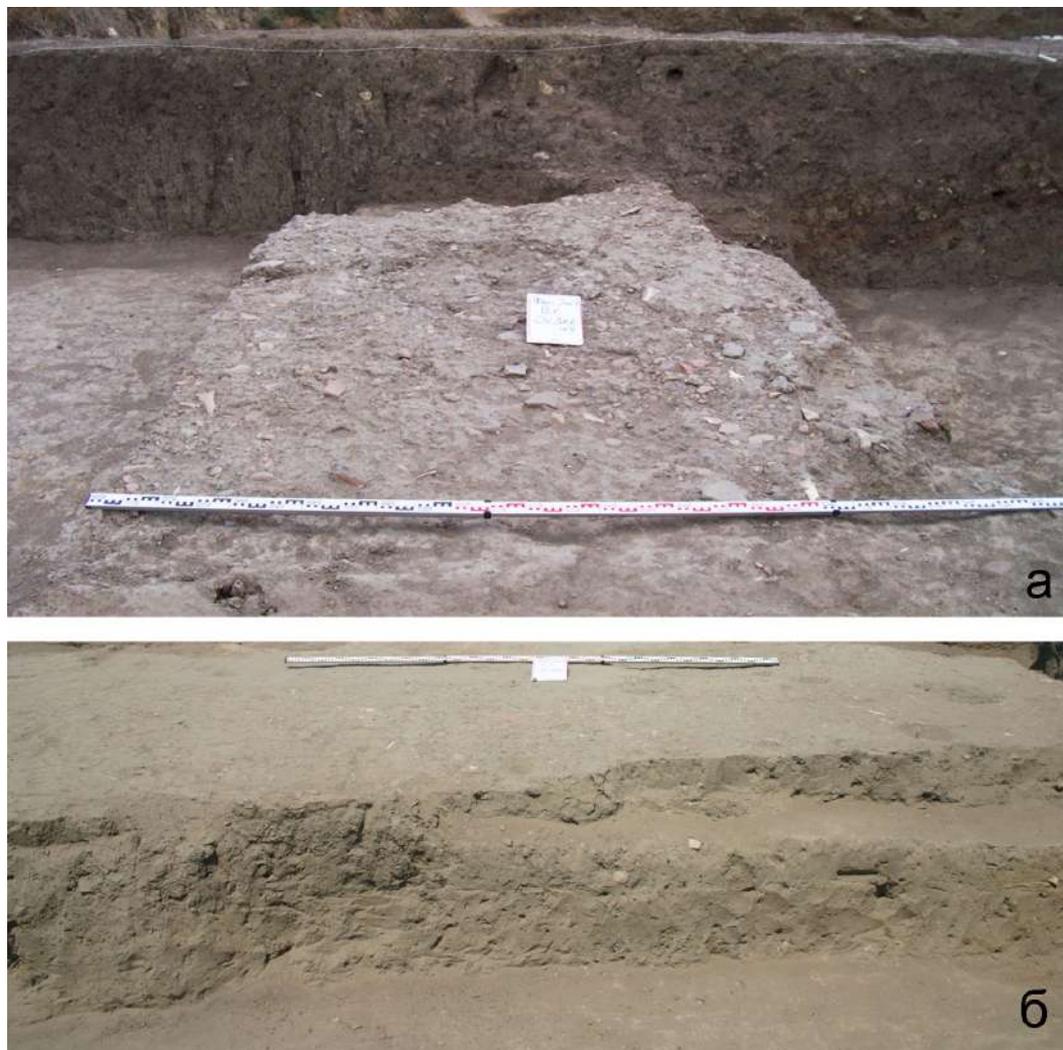

Рис. 10. а – Вымостка 366, уровень 2, восточная часть, вид с запада, по сторонам – траншеи XIX в.
б – Вымостка 366, уровень 1, профилировка нивелировочной засыпи в борту траншеи XIX в.

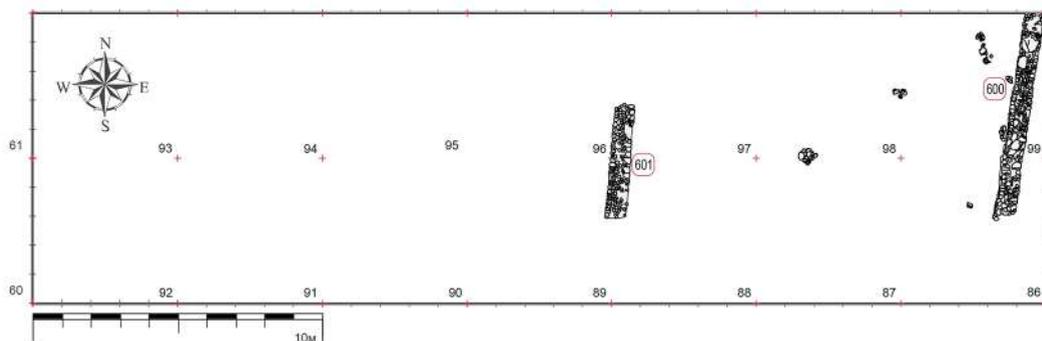

Рис. 11. План Северного участка раскопа «Верхний город»

Рис. 12. Объект 600

Рис. 13. Развал амфор, открытый под кладкой 601

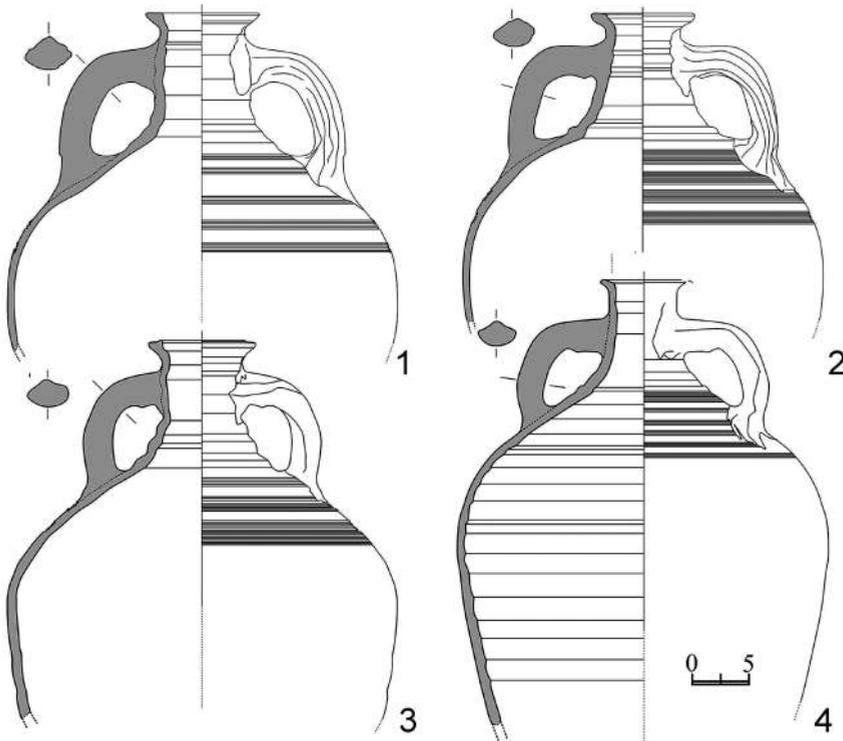

Рис. 14. Амфоры (объект 602), открытые под кладкой 601

В. Е. НАУМЕНКО, А. А. ДУШЕНКО

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

УНИКАЛЬНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ КОСТЯНАЯ ИКОНКА ИЗ РАСКОПОК МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА¹

Аннотация: Статья посвящена публикации уникальной костяной иконки с изображением евангелиста св. Иоанна Богослова из раскопок Мангупского городища. Памятник происходит из нижнего яруса погребений конца XIII – начала XIV в. в скальной гробнице в наосе «церкви 2015 г.». Иконка представляет собой памятник византийского прикладного искусства, который был выполнен в одном из провинциальных центров империи. Образ следует сложившемуся уже в X в., прежде всего, в византийской книжной миниатюре, иконографическому канону изображения апостола – в виде одухотворенного старца с высоким лбом с залысинами, короткими курчавыми волосами, небольшой бородой с выделенными прядями, держащим в руках Евангелие. Одновременно этот канон был воспринят и другими областями византийского искусства. В мелкой пластике – на ларцах-реликвариях, триптихах, «личных» иконках, независимо от материала изделий (слоновая кость, стеатит, кость и рог животных), преобладают погрудные образы святого, где каноническими оставались принципы композиции изображения, в то время как портретные черты практически всегда были индивидуальны. Как показывают приведенные в работе примеры, иконография образа св. Иоанна Богослова на памятниках прикладного искусства Византии существенно не менялась вплоть до XIII–XIV вв., что вызывает существенные трудности при датировке предметов с его изображениями исключительно на основе анализа их художественных или стилевых особенностей. В этой связи находка иконки Иоанна Богослова из хорошо датированного археологического комплекса на Мангупе является исключительной редкостью для рассматриваемой группы византийских предметов личного благочестия.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангупское городище, Византия, Золотая Орда, «церковь 2015 г.», византийская археология, иконография, Иоанн Богослов.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Основные этапы христианизации Мангупского городища в Юго-Западном Крыму: синтез исторических и архитектурно-археологических исследований» (проект № 19-49-910007), а также в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты» (проект № FZEG-2017-0010). Авторы выражают признательность А. Г. Герцену, руководителю Мангупской археологической экспедиции ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (далее – КФУ им. В.И. Вернадского), за возможность публикации материалов из раскопок памятника.

Одним из основных направлений археологического изучения Мангупского городища традиционно являются раскопки многочисленных храмов и монастырей и связанных с ними христианских некрополей [15; 20]. На сегодняшний день, на площади Мангупского плато и в его ближайшей округе известно 27 скальных и наземных культовых христианских комплексов (рис. 1), общие сведения о которых недавно были суммированы в отдельном каталоге [20, с. 150–158]. На большинстве из них в разное время проводились архитектурно-археологические обследования. Однако установление точной хронологии и композиции многих памятников остается по-прежнему актуальной задачей для изучения исторической топографии Мангупа и выделения основных этапов истории проживавшей здесь христианской общины. Чтобы решить эту проблему недостаточно тщательного изучения материалов прежних раскопок и максимально полного введения их в научный оборот. С учетом различной степени изученности и качества проведенных ранее работ, нам бы хотелось обратить внимание на ряд храмовых комплексов городища, раскопанных совсем недавно – церковь Св. Георгия [16; 42], «базилику Маркевича» [41], Илькинский храм [38; 44], «церковь 2015 г.» [17; 43], «церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.» (раскопки 2018–2019 гг.). Они не только исследованы полностью, на широкой площади, достаточной для атрибуции, но и демонстрируют не характерные для раскопок второй половины XIX – XX в. обилие и высокую степень стратифицированности археологического материала.

Необходимо отметить еще один важный момент, с которым сталкиваются исследователи при изучении данной категории археологических памятников. Раскопки церковно-монастырских комплексов и прихрамовых некрополей – сейчас это уже не только рассмотрение их общей хронологии, периодизации, композиции и планировки, но и решение многих вопросов социальной и культурной истории региона, обозначенных в «византийской», «церковной» и «христианской» археологии как «археология церковной утвари и реликвий», «археология предметов личного благочестия», «археология погребений», «археология паломничества» и пр. [6; 37, с. 164–166; 58, с. 105–106]. Изучение таких древностей, зачастую не вписывающихся в археологический контекст и поэтому имеющих самостоятельный научный интерес, требует известной доли междисциплинарности, то есть использования в ходе анализа полученного материала всего разнообразия методов истории, археологии, искусствоведения и дисциплин естественно-научного профиля.

Мы попытаемся показать необходимость такого всестороннего подхода при изучении памятников провинциально-византийской материальной культуры и искусства на примере только лишь одной находки – костяной иконки с изображением евангелиста св. Иоанна Богослова из недавних раскопок Мангупского городища (рис. 6,9). Ее уникальность заключается даже не столько в самом факте обнаружения, впервые за многие годы раскопок Мангупа, такого рода предмета христианского личного благочестия, сколько в том, что она имеет ясный археологический

контекст и обстоятельства обнаружения, что довольно редко встречается среди типологически близких памятников византийской мелкой пластики.

Археологический контекст находки

Иконка происходит из раскопок «церкви 2015 г.», расположенной в верховьях мыса Елли-бурун, приблизительно в 100 м к западу от церкви св. Георгия (рис. 1, 19; 2–3). Единственным упоминанием о ней следует признать замечание В. Х. Кондо-раки 1872 г. о каменной колонне вблизи обрыва на мысе Елли-бурун, «глубоко вса-женной в землю над самой пропастью» [27, с. 423]. Обнаружение основания этой колонны *in situ* на площади нашего раскопа позволило идентифицировать объект.

Раскопки церкви проводились в течение трех полевых сезонов, в 2015–2017 гг. В 2015–2016 гг. была открыта юго-восточная часть памятника и изучено заполнение расположенных здесь скальных гробниц №№ 1–4 [материалы работ опубликованы: 13, с. 134; 40, с. 88; 43; 56, с. 160–174]. В 2017 г. раскоп был значительно расширен в северо-западном направлении (до 122 м²), что позволило завершить исследование храмового комплекса, выяснить его хронологию и предложить реконструкцию планировочного решения [кратко об этом: 17, с. 22–24; 19, с. 38]. Так как полные результаты раскопок готовятся к публикации, в своей работе мы ограничимся самыми общими замечаниями об их итогах, перейдя затем к характеристике гробницы № 4, из заполнения которой происходит иконка.

К сожалению, после прекращения своего функционирования памятник сильно пострадал в ходе разборки стен на строительный материал. Не сохранились кладки стен апсиды и заплечий храма; от других стен здания *in situ* остались только отдельные камни нижних рядов либо пятна нивелировочной растворной субструкции на скале. Поэтому можно лишь предполагать, что все они были сложены на известковом растворе, а в качестве строительного материала, с учетом небольшой ширины скальных «постелей» под стены (не более 0,5–0,6 м), использовались обработанные каменные блоки. Еще одна проблема – отсутствие архитектурных деталей в «слое разрушения» памятника и в целом на площади раскопа. По сути, для реконструкции плана и композиции церкви мы можем использовать лишь отдельные сохранившиеся *in situ* архитектурные компоненты (базы колонн, гробницы, водоотводные желоба), а также участки обработанной скальной поверхности, указывающие на трассу стен и композицию комплекса.

Возведению церкви предшествовала тщательная подготовка скальной строительной «церковной площадки» размерами 6,0х6,0 м, с перепадом высотных отметок не более 0,2 м при общем уклоне в северном направлении. С юга и запада ее ограничивал водоотводный желоб № 1. К югу от желоба и, соответственно, за пределами строительной площадки, вырублены две гробницы №№ 1 и 2 (обе прямоугольной формы, размерами соответственно – 1,5х0,8х1,1–1,45 м и 1,3х0,6х1,6 м), расположенные на территории прихрамового некрополя. Еще одна синхронная им гробница № 3 была открыта снаружи южного заплечья храма. Она имеет прямоугольную форму, бочковидный профиль и размеры 1,6х0,7х0,9 м.

По своему планировочно-композиционному решению «церковь 2015 г.» представляла собой культовую постройку зального типа, сориентированную по оси северо-восток – юго-запад и состоящую из трех архитектурных компонентов – алтарной части, наоса и нартекса-притвора. Ее общие размеры по внешнему контуру – 6,8x5,3 м, по внутреннему обводу стен – 5,7x4,2 м. Уже отмеченная небольшая ширина стен и наличие в наосе двух симметрично расположенных известняковых колонн (диаметром не более 0,4 м) предполагают трехнефную композицию храма, с одним (широким) центральным и двумя (узкими) боковыми нефами, и его стропильное перекрытие базиликального типа. Однако эта гипотеза требует серьезной работы на этапе поиска аналогий и объемно-пространственной реконструкции церкви. На сегодняшний день, такое исследование вряд ли можно считать выполненным, хотя уже следует признать крайнюю редкость подобной композиции для византийской храмовой архитектуры. В своде греческих базилик средне- и поздневизантийского времени, составленном М. Альтриппом, ближе всего к нашему памятнику группа «средних и малых базилик с колоннами» XI–XIV вв., особенно церковь св. Николая конца XIV в. (?) в г. Истиея (о. Эвбея) [59, S. 21–32, 181, Taf. 46–47]. Однако сходство храмов ограничено наличием двух колонн в их наосах и конструкцией перекрытия. По своим размерам и композиции, это, безусловно, разные памятники.

Среди всех архитектурных компонентов «церкви 2015 г.» хуже всего сохранилась алтарная часть. Внутренние размеры апсиды 2,0x1,45 м, ширина стен 0,5 м; длина северного и южного заплечий храма 1,15–1,2 м, ширина не более 0,5 м. В центре, на расстоянии 0,95 м от углов заплечий, зачищена квадратная вырубка со стороной 0,1 м и глубиной до 0,15 м, предназначенная для установки ствола алтарного престола. На расстоянии 0,6 м от нее, уже в наосе храма, прослежена невысокая (до 0,07 м) скальная ступень, возможно, внешняя граница солей.

Наос имеет квадратную в плане форму с внутренними размерами 4,2x4,2 м. Главной особенностью его композиции является наличие вдоль центральной поперечной оси, на расстоянии 0,7 м от северной и южной стен, двух колонн – южной (№ 1) и северной (№ 2; сохранилась лишь скальная вырубка под нее), что предполагает, как уже говорилось, трехнефную планиграфию и стропильный характер перекрытия здания. В таком случае, центральный (широкий) неф постройки имел размеры 4,2x1,9 м, боковые (узкие) нефы – 4,2x0,7 м. Композиция церкви дополнена двумя скальными гробницами, вырубленными на свободном пространстве между колоннами и стенами – № 4 (южной; о ее устройстве ниже) и № 5 (северной; прямоугольной формы, размеры 1,25x0,5x0,5–0,6 м). Обе гробницы имеют «заплечики» под плиты перекрытия глубиной и шириной до 0,1 м, что указывает на использование пространства боковых нефов в процессе церковной литургии. Также важно отметить несколько десятков кусков фрески с полихромной росписью линиями красного, желтого и черного цветов из заполнения гробницы № 5, что указывает на то, что внутренний интерьер церкви имел в свое время богатую фресковую настенную роспись.

Первоначальный вход в наос находился в западной стене церкви, но не сохранился. Позднее в процессе перестройки храма он был оформлен в виде небольшого нартекса-притвора. Его размеры 2,1x1,4 м; контур с запада, определяют две колонны на расстоянии 1,1 м друг от друга, от которых сохранились только их базы – северная (№ 4) и южная (№ 3). Между базами располагается входная плита со ступенчатым профилем, вырубленная в скале. Колонны нартекса установлены на нивелировочной забивке из фрагментов черепицы и камней водоотводного желоба № 1, который перестал функционировать по своему назначению.

Помимо плохой сохранности церковного комплекса необходимо отметить незначительную мощность культурного слоя на площади раскопа, возрастающую с востока на запад от 0,05–0,1 м до 0,5–0,6 м. В ходе исследований внутри храма в 2017 г. удалось окончательно выделить три основных культурных горизонта в стратиграфии памятника, в том числе «слой разрушения в процессе разборки стен на строительный материал» (слой № 3, мощностью до 0,2 м, насыщенный щебнем, отесом и деструктурированным раствором), а также ряд локальных стратиграфических контекстов, связанных с заполнением скальных желобов, вырубков и гробниц. Это позволило получить необходимый для датировки церкви археологический материал. При этом важно отметить, что объем вещественного комплекса находок (всего 2682 фрагмента керамики, в том числе 722 фрагмента от бытовых сосудов, а также несколько десятков индивидуальных находок) и его хорошая стратифицированность практически исключают элемент случайности в наших заключениях.

Анализируя археологический комплекс находок из раскопок «церкви 2015 г.», следует обратить внимание на то, что более 90% материала надежно соотносится с периодом XIV–XV вв. в истории Мангупского городища, материальная культура которого хорошо изучена в процессе раскопок памятника. Крайне редки находки раннесредневекового и османского времени. Важная деталь – отсутствие реперных категорий керамики периода княжества Феодоро (условно 1425–1475 гг.), особенно поливных изделий групп «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware» с монограммами «ТХ» и «ІSAAK» (группа «Юго-Западный Крым»), «Slip-Painted Ware», «Monochrome (Blue) Ware», «Miletus Ware», «Lustre Ware», «селадон» и «псевдоселадон» [об этом см.: 12, с. 402–412; 18, с. 57; 39, с. 193–195, 213–215, 224, 232], что позволяет исключить из обсуждения данный хронологический отрезок времени. Для сужения хронологии строительства и функционирования церкви решающее значение имеют обнаруженные в культурном слое и в закрытых археологических комплексах фрагменты византийской глазурованной белоглиняной керамики группы «Glazed White Ware IV» (далее – GWW-IV), золотоордынских поливных красноглиняных кувшинов с тисненым рельефным орнаментом и нумизматические находки.

Сосуды группы GWW-IV представлены практически целым (без венчика) одноручным кувшином с овалоидным корпусом, покрытым по красно-коричневому ангобу монохромной зеленой глазурью (рис. 4, I), и фрагментом миски с вертикальным заостренным краем с подглазурной бесконтурной росписью линиями зеленого

и коричневого цветов (рис. 4,2). Они происходят из нижних (нетронутых поздними ограблениями и разрушениями) ярусов захоронений гробниц №№ 1 и 2 прихрамового некрополя [43, с. 118, 122, ил. 81,3; 82,4]. Такие изделия хорошо известны по раскопкам византийских центров Средиземноморья и Причерноморья, где они датируются второй половиной XII – XIII в. [66, р. 30–33; 62, р. 121]. Дискуссионный вопрос их производства вплоть до конца XIII в. перестает быть актуальным благодаря многочисленным примерам включения сосудов группы GWW-IV, в том числе целых форм, в состав комплексов разрушения третьей четверти – конца XIII в., открытых во время раскопок различных районов Херсонеса [21, с. 210–212, рис. 14–16; 49, с. 178–188, табл. 194–209; 55, с. 74, рис. 19,10,14–16; 23, с. 14–15, кат. 72–134; 57, с. 352–357, 632–635, кат. 421–427; 52, с. 420–423, рис. 16–19]. На территории Крыма такая керамика также известна в Сугдее [32, с. 71, рис. 5,3] и на Мангупе [11, с. 260, рис. 2]. Особенно впечатляет крупная коллекция изделий группы GWW-IV (100 предметов в каталоге) из кораблекрушения третьей четверти XIII в. в акватории п. Новый Свет [36].

Из «слоя разрушения» (слоя № 3) нижнего (также нетронутого) яруса захоронений в гробнице № 5 и верхних культурных напластований на площади «церкви 2015 г.» извлечены несколько фрагментов красноглиняных **кувшинов, покрытых монохромной зеленой глазурью и украшенных рельефным орнаментом в технике тиснения** в матрице – «кальпе» (рис. 4,3–6) [некоторые опубликованы: 43, с. 112, 114, рис. 78,3; 81,1]². Все они сформованы из одинакового глиняного теста – плотного, с характерной примесью крупных частиц шамота, что позволяет уверенно соотносить их с кувшинами на кольцевом поддоне, сферическим (несколько сплюсненным) туловом, коническим (или раструбообразным) горлом и тисненым орнаментом группы «Юго-Восточный Крым», которые изготавливались в золотоордынское время в Сугдее, Солхате и на поселении Бокаташ II в окрестностях современного г. Старый Крым и имели широкий ареал распространения на всей территории Улуса Джучи, но, главным образом, в Юго-Восточном Крыму и в Приазовье. Общая хронология таких кувшинов определяется в пределах последней четверти XIII – середины / третьей четверти XIV в. При этом пик производства приходится на 1330-е гг., что хорошо демонстрируют материалы Азака, где они присутствуют в качестве импорта [53, с. 43–44, рис. 21; там же библиография вопроса; о крымской тисненой керамике в Азаке см.: 35, с. 465, 473, рис. 4,7–9; 19,5,7]. Отметим еще одно важное наблюдение для географии находок тисненой керамики на территории Крыма. В отличие от юго-восточной части полуострова, она редко встречается на памятниках Южнобережной и Юго-Западной Таврики. Только в Херсонесе, в том числе в слое пожара конца XIV в., обнаружены три практически целых кувшина

² В литературе эта керамика обычно называется «штампованной», что не совсем верно, учитывая разные способы орнаментации сосудов с помощью рельефной моделировки их поверхности в матрице – «кальпе» и оттиском штампа. В. Ю. Коваль предлагает иную терминологию – «тисненная полумайолика» или просто «тисненная керамика», с чем мы согласны [26, с. 112–113, цв. ил. 45,3,5–6].

с тисненым рельефным орнаментом, покрытых зеленой глазурью [49, с. 190, табл. 210,1,3–4]. По мнению И. Б. Тесленко, это свидетельствует о зонах миграции поданных Улуса Джучи в Крыму или тесных кросскультурных контактах населения региона [53, с. 44].

Нумизматическая коллекция из раскопок «церкви 2015 г.» состоит из 14 монет. Четыре из них полностью стерты, сведения об остальных собраны в таблице № 1³. Анализ этих находок показывает, что все они, за исключением пентануммия Юстиниана I (527–565), хорошо вписываются в стратиграфический контекст памятника и позволяют, вместе с наблюдениями за его планировкой и датирующими группами керамики, восстановить последовательность основных этапов истории храмового комплекса.

Памятник функционировал в относительно небольшой промежуток времени (не более столетия) и имел два строительных периода. Судя по находкам из нижних горизонтов заполнения гробниц №№ 1, 2, 4 и 5 керамики группы GWW-IV, пула времени Ногая (около 1280–1299 гг.) (рис. 6,6) и византийской скифатной монеты XIII в. (?) (рис. 4,11)⁴, а также преобладания среди нумизматических материалов монет Токты (1291–1313) (рис. 4,7–10), храм был построен не позднее последней четверти XIII в. и сразу приобрел вид храма зального типа с одной апсидой и стропильным перекрытием. Тогда же в наосе были вырублены симметрично расположенные гробницы №№ 4 и 5, установлены две колонны, придавшие наосу трехнефную композицию. Вблизи церкви начинает функционировать прихрамовый некрополь, основными погребальными сооружениями которого становятся скальные гробницы-костницы для многократных захоронений. В начале XIV в. композиция храма дополняется небольшим нартексом-притвором, после чего комплекс без особых изменений функционирует до конца столетия. С учетом находок в культурном слое и в закрытых археологических комплексах редкой для региона глазурованной керамики с тисненым орнаментом, его необходимо рассматривать как элемент городской застройки Мангупа в золотоордынский период его истории, погибшей в ходе военного противостояния Тохтамыша и Тимура-Тамерлана в начале 1390-х гг. Последствия этой катастрофы описаны в поэме иеромонаха Матфея, составленной около 1395 г. [14; 15, с. 12–13].

После восстановления крепости в самом начале XV в. церковь уже не используется по своему назначению и начинает разбираться на строительный материал. Примечателен факт возведения во второй четверти XV в., в 100 м к востоку от нее, новой квартальной церкви, посвященной св. Георгию, вокруг которой формируется

³ Определение монет выполнено А. В. Якушечкиным.

⁴ Эта монета вызывает особый интерес не только в связи с датой строительства церкви. На сегодняшний день, она является едва ли не единственным примером византийского монетного обращения XIII в. на Мангупе, происходящим непосредственно из раскопок городища. Остаются не изданными три монеты подобного типа с территории Мангупского плато из частной коллекции, о которых сообщал в свое время А. Н. Коршенко. Автор датировал их предварительно 40–60-ми гг. XIII в. и считал местными подражаниями монетам Мануила I Комнина (1143–1180) [28].

прихрамовый некрополь [42, с. 107; 16, с. 20]. Возможно, некрополь уже заброшенной «церкви 2015 г.» превратился в западную периферию этого христианского могильника. Присутствие генуэзско-татарского аспра 1453–1475 гг. и особенно акче султана Мехмеда II Фатиха (1451–1481) в культурном слое храма свидетельствуют, что его разрушение продолжалось на протяжении всего XV в. и окончательно прекратилось после турецкого завоевания Мангупа в 1475 г., когда из церкви была убрана одна из колонн в наосе.

Последние захоронения на некрополе «церкви 2015 г.» производились, возможно, еще в начале XVI в. (монета Мехмед Гирея I выпуска 1517–1518 гг. в верхнем ярусе погребений гробницы № 2). В течение XV–XVI вв. на прилегающей с запада территории мыса Елли-бурун функционировал грунтовой безынвентарный христианский могильник, частично исследованный в 2017 г. Его отличительной особенностью является большой процент детских захоронений и в целом невысокий социальный статус погребенных [19, с. 38].

Гробница № 4 (рис. 2–3; 5). К сожалению, результаты археологических и антропологических исследований комплекса в первоначальной публикации 2017 г. оказались представленными отдельно, вне связи друг с другом [43, с. 134–136; 56, с. 173–174]. Это заставляет нас вновь обратиться к описанию выявленной здесь страгифической ситуации и обнаруженного вещественного материала.

По своему местоположению, размерам, качеству обработки поверхности гробница № 4 резко отличается от всех других скальных могил на площади раскопа. Вероятно, она выполняла роль какого-то центрального, наиболее почитаемого, погребального комплекса во время богослужения в храме. Гробница вырублена в юго-восточной части церкви, между скальной «постелью» под южную стену и основанием южной колонны наоса (№ 1), вплотную примыкая к ним. Ориентирована по оси северо-восток – юго-запад, совпадающей с ориентацией «церкви 2015 г.». В плане имеет вытянутую овалоидную форму (прямоугольник с сильно скругленными углами) с внутренними размерами 2,0x0,6x0,3–0,4 м. Плита перекрытия отсутствует *in situ*, хотя по периметру могилы сохранились ступенчатые «запличики» под нее, шириной и глубиной до 0,1 м. Борта гробницы плавно сужаются по направлению к плоскому дну, перепад высотных отметок которого не превышает 0,02 м. В целом, анализируя планировку могилы и ее вписанность в композицию церкви, закономерен вывод о принадлежности данного комплекса к числу наиболее ранних погребальных сооружений на памятнике, появившихся, очевидно, одновременно с его строительством.

На начальном этапе выборки заполнения гробницы складывалось впечатление ее полной сохранности, что не совсем так. Потревоженность культурного слоя ощущается на уровне верхнего слоя заполнения (слоя № 1) и, вероятно, верхнего яруса захоронений (слоя № 2). Однако нижние ярусы заполнения могилы (слои №№ 3 и 4) остались нетронутыми.

В ходе исследований зафиксировано четыре слоя заполнения гробницы, три из которых (слои №№ 2–4) соответствуют различным ярусам погребений. Всего, по наблюдениям Т. Ю. Шведчиковой, здесь в разное время были погребены девять индивидов. Мужские захоронения отличаются схожей морфологией посткраниальных скелетов, что свидетельствует о родственных связях погребенных [56, с. 173]. В таком случае, напрашивается заключение о том, что погребения в могиле производились в относительно небольшой промежуток времени, возможно, в течение нескольких десятилетий.

1-м слоем заполнения могилы является серый рыхлый грунт мощностью до 0,1 м, практически без археологического и антропологического материала. Из него происходят лишь фрагменты железных гвоздей и сосуда из синего прозрачного стекла с налепным продольным волнообразным валиком, выполненным отдельной широкой стеклянной нитью (рис. 6,1). Стратиграфически, это нивелировочная засыпь могилы, вскрытой в ходе разборки стен храма, скорее всего, в XV в.

2-й слой заполнения комплекса соответствует 1-му ярусу погребений, от которого, из-за потревоженности горизонта, сохранились лишь отдельные части человеческих скелетов (рис. 5,1). По антропологическим данным, здесь погребены шесть человек – женщина 20–30 лет (*Adultus* II), мужчина с выраженным на посткраниальном скелете «комплексом всадника», примерно этого же возраста (*Adultus* I-II), подростки 15–17 и 17–19 лет, дети в возрасте 2,5 и около 5 лет [56, с. 173, табл. 4,16]. Находки из слоя невыразительны. Кроме фрагментов черепицы и кухонных сосудов с широкой датой в пределах XIV–XV вв., из него происходят мелкие обломки красноглиняного сосуда с орнаментом в технике «сграффито», покрытого монохромной желто-коричневой глазурью, этого же времени (группы «Юго-Западный Крым») (рис. 6,2), престольного креста из железной пластины (рис. 6,3), гвоздей и сосуда из прозрачного бесцветного стекла (рис. 6,4).

3-й слой заполнения гробницы соотносится с непотревоженным одиночным погребением мужчины зрелого возраста (*Maturus* I-II, 40–50 лет), в виде вытянутого труположения на спине со скрещенными в локтях руками (2-й ярус погребений) (рис. 5,2). Посткраниальный скелет отличается массивностью и хорошо выраженным мускульным рельефом [56, с. 173, табл. 4,16]. Из слоя происходят фрагменты черепицы и бытовых неглазурованных сосудов XIV–XV вв., а также полихромная бусина из пастового стекла (рис. 6,5) и монета времени правления золотоордынского беклярибека Ногая (около 1280–1299 гг.) (рис. 6,6). Несмотря на некоторую потертость, ничего не мешает рассматривать эту монету как главную датирующую находку в погребении. В таком случае, мужское захоронение относится к концу XIII – началу XIV в., то есть к наиболее раннему периоду в истории церкви.

Наконец, **4-й слой** заполнения гробницы соответствует 3-му ярусу захоронений, затянутому серым рыхлым грунтом с щебнем мощностью до 0,15 м (рис. 5,3). Ярус захоронений представлен частично сохранившимися скелетами двух молодых мужчин в возрасте от 20 до 40 лет (*Adultus* I-II и II) [56, с. 173, табл. 4,16]. Из моги-

лы происходят немногочисленные находки – железный гвоздь, медные шаровидные пуговицы с петелькой (рис. 6,7), медный нательный крест (рис. 6,8) и интересующая нас костяная иконка с изображением св. Иоанна Богослова (рис. 6,9). Все они найдены в центральной части могилы, в процессе снятия яруса захоронений и выборки подстилающего грунта. Несмотря на то, что во время раскопок предметы одежды и личного благочестия не удалось точно соотнести с тем или иным индивидом, сомневаться в их принадлежности погребенным не приходится [о сохранности антропологического материала в могилах для коллективных захоронений и особенностях их исследований, на примере Мангуца, см.: 56, с. 140–143].

Для установления хронологии данного яруса погребений в гробнице № 4 решающее значение имеет находка нательного креста (рис. 6,8). Он представляет собой тип литого из медного сплава двустороннего креста-тельника, с несколько расширяющимися округлоконечными лопастями с тремя симметричными выступами на концах и оглавием в виде плоского ушка. В центре средокрестия и на концах лопастей – округлые углубления, между ними – углубления прямоугольной формы. Все углубления в свое время были заполнены эмалью желтого и зеленого цветов (сейчас не сохранилась). Такие кресты хорошо известны, прежде всего, по раскопкам поселений, городищ и могильников Киевской Руси домонгольского времени, где они датируются XI–XIII вв. (чаще XI–XII вв.) и считаются изделиями киевских ремесленников [34, с. 113–117; 31, с. 137–143, тип XII, вариант 9, №№ 240–255; 7, с. 347, рис. 3,7]. В 1993 г. во время раскопок на Киевском Подоле обнаружена мастерская начала – первой половины XIII в. по их изготовлению [51, с. 35–36, рис. 2,8–9]. Вне древнерусских памятников крестики с выемчатой эмалью киевского производства практически не известны. В Крыму обнаружены только два идентичных экземпляра из раскопок храма в пещере Иограф I, из слоя с сомнительной датой в пределах XI–XIII вв. [54, с. 116, 124, рис. 37]. В отличие от комплекса в пещере Иограф крестик из гробницы № 4 имеет более ясные условия находки. Он позволяет датировать 4-й слой заполнения могилы и соответственно 3-й ярус захоронений в пределах раннего этапа функционирования «церкви 2015 г.», то есть конца XIII – начала XIV в.

Таким образом, археологический контекст находки костяной иконки с изображением св. Иоанна Богослова на Мангупе не вызывает особых сомнений. Она относится к раннему этапу истории «церкви 2015 г.», который датируется в пределах конца XIII – начала XIV в.

Иконография, прототипы и аналогии, датировка иконы

Икона представляет собой костяную пластину подквадратной формы, общими размерами 4,44x4,05x0,52 см (рис. 6,9). Ее выровненная, но грубо зашлифованная, тыльная сторона сохранила остатки губчатой структуры, характерной для рога оленя. На гладкой, местами полированной, лицевой стороне, в углубленном поле, окруженном по периметру бордюром высотой и шириной 1–2 мм, вырезано рельефное погрудное изображение святого, обращенное вправо. Иконка имеет удовлетворительную сохранность. Несмотря на фрагментарность (склеена из

трех пластин) и утраты по краям, на поверхности нет следов сильной потертости в результате длительного использования. Хорошо сохранились все детали образа на лицевой стороне, вплоть до морщин вокруг глаз, припухлости губ, завитков и прядей волос, складок одежды и пр. По сторонам нимба святого – два не симметрично расположенных овальных отверстия диаметром около 2 мм. Они явно появились позднее изготовления иконы и предназначались для ее крепления к какой-то твердой основе. В верхнем правом углу пластины, вблизи внешнего бордюра, вырезана греческая буква «Α» в круге (от «Ἁγίος» – «святой»), в верхнем левом углу – две греческие буквы «Ιω» под горизонтальной чертой (от «Ἰωάννης» – «Иоанн»). Вместе с иконографическими деталями изображения и наличием Библии в руках святого это позволяет уверенно отождествить его с одним из евангелистов в христианской традиции – апостолом св. Иоанном Богословом.

На иконе св. Иоанн Богослов изображен как пожилой мужчина с крупной головой, округлым лицом, высоким выпуклым лбом с залысинами и небольшой курчавой бородой. Лицо проработано особенно тщательно: крупные, несколько выпуклые брови и глаза со зрачком посередине, окруженные морщинами, что придает взгляду выразительность и некоторую отрешенность; массивный расширяющийся книзу нос с выделенными ноздрями; пухлые губы; рельефные скулы; большой подбородок; волосы на голове короткие, курчавые, прядями падают вниз. Хорошо ощущается несоразмерность головы с короткой шеей и маленькой левой рукой с также короткими, без какой-либо детальной проработки, четырьмя видимыми пальцами, что придает фигуре, с одной стороны, массивность, а с другой – укороченность и общую непропорциональность. Однако, это очевидный выбор резчика, который делал акцент в своей работе на лике святого. Одежда евангелиста также дана без детализации. Она имеет свободный покрой с крупными складками, одна из которых образует «перевязь» через левую руку. Этой же рукой святой придерживает закрытую Библию, обложка которой орнаментирована по краю крупным рельефным пунктиром. Интересно отметить, что таким же пунктиром украшен нимб вокруг головы Иоанна Богослова. Правая рука фигуры или хотя бы ее пальцы не попали в поле изображения, что является некоторым отступлением от иконографического канона, но объясняется небольшими размерами иконы.

В целом на нашей пластине представлен цельный, продуманный до деталей иконографический образ св. Иоанн Богослова, общие черты которого известны в византийском искусстве, начиная со второй половины IX в. и вплоть до поздневизантийского периода [9; об основных тенденциях развития византийской живописи см. соответствующие разделы в монографии О. С. Поповой: 46]. Лучшее всего процесс складывания и эволюции образа святого демонстрирует византийская книжная миниатюра, где он изображен, как правило, в виде одухотворенного старца с «узнаваемыми», устойчивыми чертами лица – высокий, выпуклый, изборожденный морщинами лоб с залысинами, короткие курчавые волосы и небольшая окладистая борода с выделенными прядями. Основными типами изображений являются «сто-

ящий евангелист с открытым (или закрытым) Евангелием в руках» и «сидящий евангелист: пишущий, читающий или пребывающий в задумчивости»; популярными были изображения Иоанна Богослова с учеником Прохором, записывающим изречения апостола [9; 45, ил. 23, 26, 64, 68, 73, 116, 132, 218, 226, 228, 245, 247, 260, 267–268, 362, 365, 375].

Конечно, сопоставление образа Иоанна Богослова на иконке с его изображениями на памятниках византийского монументального искусства и книжной миниатюры позволяет говорить лишь об их самом общем (типологическом) сходстве. К тому же последние, за редким исключением, изображают апостола в полный рост, что невозможно было представить, сохранив детализацию портрета, на предмете подобном нашему из-за его размеров. Единственное, на что следует обратить внимание – достаточно редко встречаемая несоразмерность крупной головы святого с другими частями тела, что отдаленно напоминает принципы так называемого «аскетического» стиля», получившего на короткое время распространение в византийской монументальной живописи в 30–50-е гг. XI в. и сохранившегося в ансамблях мозаик и фресок отдельных крупных храмов и монастырей на территории материковой (Осиос Лукас, Фокида, Ватопед) и островной Греции (Неа Мони), Македонии (Охрид, Водоча), Малой Азии (Миры Ликийские) и на Руси (Софийский собор в Киеве) [46, с. 240–265]. Однако в данном случае невозможно говорить о простом использовании этих образов резчиком мангупской иконки. Изображение св. Иоанна Богослова на ней является примером индивидуального психологического портрета, характерного в целом для византийской живописи на протяжении средне- и поздневизантийского периодов.

Погрудное изображение св. Иоанна Богослова, обращенное вправо и с открытым евангелием в руках, не часто встречается на византийских иконах [см., например: 71, с. 212, 218, № 90, 117]. Однако и здесь все образы индивидуальны и вряд ли могут быть сопоставимы с интересующей нас находкой.

В связи с поиском возможных аналогий и прототипов изображению Иоанна Богослова на иконке из раскопок «церкви 2015 г.» особый интерес вызывают рельефные образы святого (погрудные или в полный рост; анфас или в профиль) на византийских иконках, диптихах (триптихах) или ларцах-реликвариях, вырезанных из слоновой кости, кости животных или стеатита в технике мелкой пластики.

Ларцы и триптихи из слоновой кости. Большинство известных по публикациям предметов византийской мелкой пластики из слоновой кости собраны в фундаментальном каталоге А. Голдшмидта и К. Вайцмана еще в начале 30-х гг. XX в. Изображения св. Иоанна Богослова присутствуют здесь на ларцах [64, S. 56–57, №№ 99–100, 102; об устройстве, декоре и назначении таких шкатулок в целом см.: 68; 61] или пластинах от триптихов (диптихов) [65, S. 33–35, 38–39, 62, №№ 31–33, 43, 45, 130–131, 189]. Сопоставление их с образом святого на иконке из раскопок Мангупа позволяет обнаружить вполне надежные прототипы. Особенно близкими оказываются изображения на ларце-реликварии второй половины X в. со «сценой Деисуса»

из Метрополитен-музея в Нью-Йорке (США) (рис. 7,1–2) [64, S. 57, Taf. LX, № 100; ср.: 69, р. 131, № 78; 63, р. 51] и створке триптиха конца X в. с поясными изображениями четырех святых из музея в кафедральном соборе г. Аахен (Германия) (рис. 7,3) [65, S. 66–67; Taf. LIV, LXIII, № 155]. На них Иоанн Богослов изображен погрудно, с поворотом фигуры вправо, в виде пожилого мужчины с каноническими для византийской иконографии портретными чертами. Однако полного сходства в деталях все-таки нет. Изображение апостола на ларце из Нью-Йорка дано в медальоне; греческая надпись иная, дополненная словом «Θεολόγος» – «Богослов»; Евангелие прижато к туловищу на локтевом сгибе левой рукой, правая рука поднята в благословляющем жесте; одежда показана схематично, в частности, отсутствует характерная «перевязь» через левую руку. находка из Аахена лишена какой-либо надписи на поле изображения; голова апостола вытянутая, овальная, что ближе к классическому варианту ликов святых в византийской миниатюре; к индивидуальным чертам портрета святого, переосмысленного резчиком, следует отнести короткую прическу без залысин с линией хорошо выраженных завитков на лбу и крупные уши, не прикрытые волосами. Таким образом, если указанные изображения св. Иоанна Богослова и использовались изготовителем мангупской иконки в качестве оригинала для своей копии, то они были им серьезно переработаны уже на стадии замысла изделия.

Однако главная проблема атрибуции образов Иоанна Богослова на ларце и триптихе из Нью-Йорка и Аахена в качестве прототипов иконке из раскопок Мангупа заключается в их неопределенной дате. В современной историографии, следуя во многом традиции, подавляющее большинство византийских изделий из слоновой кости относится к периоду X–XI вв. Считается, что они изготавливались в Константинополе и затем вывозились в византийские провинции, где местные ремесленники, в частности, в том же Херсоне, использовали их в качестве образцов для местного производства подобных изделий из подручного материала (кости и рога животных). К XII в. резьба по слоновой кости в Византии приходит в упадок; лишь немногие находки могут быть датированы более поздним временем [1, с. 336–337; 2, с. 186–189; 3, с. 190–195; 4, с. 82–88; 5, с. 109–112; 22, с. 277–280; 25, с. 458–461; 47, с. 47; 48, с. 96–98; 60, р. 186–225; 70, р. 12–16, 23]⁵. Между тем, в каталоге А. Голдшмидта и К. Вайцмана, очевидно, определяющем эту хронологию, собраны в основном предметы византийского прикладного искусства, не имеющие ясных условий происхождения, купленные или переданные в дар музеям в разное время. Их датировки обоснованы лишь анализом художественного стиля изображений, что выглядит недостаточным для окончательных заключений и является предметом постоянной дискуссии [ср., например: 67, р. 20–26].

В любом случае, в своей работе мы рассматриваем образ св. Иоанна Богослова на ларце из Нью-Йорка и триптихе из Аахена как наиболее ранние сохранившиеся

⁵ Ср. также датировки пластин из слоновой кости, найденных в Сугдее [33, с. 154–156, рис. 189,3–5,7].

примеры изображений апостола на памятниках византийского прикладного искусства. Они свидетельствуют, что уже в X в. в мелкой пластике культового назначения сложился вполне определенный тип такого изображения, иконография которого находит близкие параллели, прежде всего, в византийской книжной миниатюре.

Стеатитовые иконы и диптихи. Наиболее важным исследованием византийских стеатитовых икон, на сегодняшний день, остается монография И. Калаврису-Максейнер [67]. Ее главным результатом являются два вполне обоснованных вывода: о заимствовании техники резьбы, композиции и содержания изображений из области обработки слоновой кости и длительном изготовлении икон из стеатита (от X до XV в.). В то же время, сравнивая их с изделиями из слоновой кости, необходимо помнить, что, в силу природной мягкости материала, изображения на стеатите всегда отличаются низким рельефом, слабой проработкой деталей и большей стилизованностью.

Для нашей работы наибольший интерес представляют два изображения св. Иоанна Богослова – на иконе XIV в. из Лувра и на пластине диптиха-реликвария XIII в. из кафедрального музея в г. Мдина (Мальта). На первом из них образ повторяет традиционную композицию византийских икон с погрудным изображением апостола, но обращенным влево и держащим открытую Библию в руках (рис. 7,4) [67, p. 215, pl. 68, № 146]. Его объединяет с мангупской иконкой несоразмерность частей тела (крупная голова и маленькие руки) и хорошо выделенная «перевязь» складки одежды святого. В остальном же это авторская интерпретация сложившегося в византийской мелкой пластике и иконописании образа Иоанна Богослова. находка из Мдины дает более классический вариант изображения – погрудная фигура пожилого мужчины, обращенная вправо, с закрытым Евангелием и «перевязью» складки одежды через левую руку (рис. 7,5) [67, p. 180–184, pl. 51, № 102a.].

Поздняя дата обеих находок и практически каноническое изображение Иоанна Богослова на диптихе из Мдины свидетельствуют, что сложившаяся в византийской мелкой пластике еще в X в. иконография образа апостола продолжала оставаться востребованной в поздневизантийское время. Неизменна общая композиция изображения, в то время как портретные черты святого практически всегда имели индивидуальное решение.

Костяные иконки с изображением святого (рис. 8). В данном случае нас интересует группа икон из обычной кости или рога животных с образами византийских святых, которые рассматриваются в работе как «предметы личного благочестия». В то же время, судя по многочисленным, не всегда логичным, поздним отверстиям на внешнем бордюре и поле изображений, они могли на каком-то этапе иметь и другие функции – стационарные иконы, створки диптихов (триптихов), пластины-обкладки ларцов (шкатулок) и пр. К сожалению, специальных исследований таких христианских древностей в историографии, по-видимому, не существует. Это вынуждает ограничиться обзором опубликованных костяных иконок-образков с территории Крыма и Северного Кавказа. Таких «личных» иконок, помимо найденной во время

раскопок «церкви 2015 г.», нам известно всего четыре. Идентификации изображенных на них святых помогают греческие надписи с именами.

Наиболее известной является икона с погрудным изображением евангелиста св. Луки, обращенным влево, из раскопок 1902 г. центрального района акрополя Херсонесского городища (прямоугольная пластинка из копыта коня размерами 5,8x5,2 см) (рис. 8,1) [29, с. 53–54, рис. 32]. Ее традиционно датируют XI в. [24, с. 104, № 594; 57, с. 580, № 316], хотя условия находки остаются не надежными и, по сути, единственным аргументом в пользу этой хронологии является гипотеза о том, что она была изготовлена в Херсоне по высокохудожественному образцу из слоновой кости византийского происхождения.

Более определенны условия обнаружения другой иконки из Херсонеса – с погрудным изображением анфас св. Николая (пластина подквадратной формы размерами 3,3x2,9 см) (рис. 8,3), найденной в слое разрушения третьей четверти XIII в. усадьбы 3 квартала X-A [8, с. 205, № 219; 50, с. 309–310; о дате гибели квартала X в целом см.: 21, с. 224]. Тем не менее, следуя традиции датировки таких предметов исключительно по прототипам и аналогиям из круга византийских изделий из слоновой кости, ее по-прежнему относят к более раннему времени – X–XI вв., игнорируя, таким образом, зафиксированный археологический контекст [см.: 57, с. 580, № 315]⁶.

Еще одна костяная иконка с образом св. Никиты (?) происходит из раскопок храмового комплекса в пещере Иограф I (рис. 8,4) [54, с. 115, рис. 36]. Она представляет собой прямоугольную пластину размерами 5,2x4,05 см. Изображение святого – погрудное, почти анфас, немного повернутое влево, выполнено в низком рельефе, что напоминает технику резьбы на стеатитовых иконах. Остается не ясным археологический контекст находки; автором раскопок она датируется в широких пределах XI–XIII вв.

Наконец, наиболее территориально отдаленной находкой интересующего нас круга византийских икон является иконка с изображением св. Иоанна Богослова (рис. 8,2), происходящая из дореволуционных раскопок Среднего Зеленчукского храма на территории Нижне-Архызского городища в Алании [30, с. 189–192, рис. 30,5]. Памятник был построен в два этапа – в 920-е и 950–960-е гг., и функционировал до XIII в., оставаясь кафедральным собором города и Аланской митрополии [10, с. 177–178]. К сожалению, условия обнаружения иконки, как и ее датировка, остаются не ясными. Однако, несмотря на низкое качество прорисовки в публикации 1971 г., искажающей многие детали образа святого, можно с уверенностью сказать, что ее изготовитель, как и автор иконки из раскопок «церкви 2015 г.», очевидно, использовал близкий круг прототипов для изображения Иоанна Богослова в своей работе. Сходство проявляется не только в общей композиции изображений, но и в

⁶ Аналогичная ситуация с еще одной иконкой из кости домашнего животного с изображением «сидящего воина» (на троне?) из раскопок соседней усадьбы 1 в квартале X-A. Несмотря на условия находки (слой разрушения третьей четверти XIII в.), ее продолжают датировать XII в. [1, с. 338–340: 57, с. 582, № 319].

некоторых деталях, которые трудно объяснить простой случайностью, как в случае с одинаковым декором нимба святых с помощью крупного рельефного пунктира.

В целом перечисленные в нашем обзоре «личные» иконки с изображениями святых, несмотря на разные условия происхождения, демонстрируют приверженность сложившимся в Византии иконографическим канонам. Особо следует обратить внимание на вопрос хронологии данной категории предметов личного благочестия. Несмотря на то, что для большинства из них стратиграфические условия обнаружения, по сути, отсутствуют, маловероятной представляется априорная датировка по аналогии с подобными изображениями на изделиях из слоновой кости в пределах X–XI вв. Скорее всего, примеры иконок св. Николая из Херсонеса и св. Иоанна Богослова на Мангупе, которые были обнаружены во время раскопок в закрытых археологических комплексах соответственно третьей четверти XIII в. и конца XIII – начала XIV в., ясно свидетельствуют о приоритете археологических аргументов при установлении точной даты для такого рода культовых предметов. С учетом материала их изготовления (обычная кость или рог животных), также маловероятным кажется слишком длительный период использования иконок.

Основные выводы

Костяная иконка с изображением евангелиста св. Иоанна Богослова из раскопок «церкви 2015 г.» Мангупского городища, несомненно, является памятником византийского прикладного искусства, который был выполнен в одном из провинциальных центров империи. Образ следует сложившемуся уже в X в., прежде всего, в византийской книжной миниатюре, иконографическому канону изображения апостола – в виде одухотворенного старца с высоким, изборожденный морщинами лбом с крупными залысинами, короткими курчавыми волосами, небольшой бородой с выделенными прядями, держащим в руках Евангелие. Одновременно этот канон был воспринят и другими областями византийского искусства. В мелкой пластике – на ларцах-реликвариях, диптихах, «личных» иконках, независимо от материала изделий (слоновая кость, стеатит, кость и рог животных), преобладают погрудные образы святого, где каноническими, то есть наиболее устойчивыми, оставались принципы композиции изображения, в то время как портретные черты практически всегда были индивидуальны.

Как показывают приведенные в работе примеры, иконография образа Иоанна Богослова на памятниках прикладного искусства Византии существенно не менялась вплоть до XIII–XIV вв., что вызывает существенные трудности при датировке предметов с его изображениями исключительно на основе анализа их стилевых и художественных особенностей. В этой связи находка иконки св. Иоанна Богослова из хорошо датированного, в пределах конца XIII – XIV в., археологического комплекса на Мангупе является исключительной редкостью для рассматриваемой группы византийских изделий. Для истории же городища ценность ее обнаружения еще более возрастает, с учетом крайней немногочисленности материальных источников, которые можно было бы надежно датировать этим периодом времени.

Таблица 1. Монеты из раскопок «церкви 2015 г.»: атрибуция и стратиграфический контекст

№	Атрибуция монеты	Условия находки	Стратиграфический контекст
1	Золотая Орда. Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313) (?). Выпуск 690 г.х. (1291 г.). Анонимный пул. Медь	2015 г. Квадрат 1. 1-й слой	Современный по происхождению горизонт. Однако находку рассматриваем как синхронную времени функционирования храма (конец XIII – XIV в.)
2	Генуэзская колония Кафа. Монетный двор «Кафа». Эмиссия периода 1453–1475 гг. Аспр. Серебро	2015 г. Квадрат 1. 1-й слой	Современный по происхождению горизонт. Тем не менее, монета, скорее всего, связана с периодом разборки стен храма на строительный материал в течение XV в.
3	Византийская империя. Юстиниан I (527–565). Монетный двор г. Херсонес. Пентануммий. Медь	2017 г. Квадрат 4. 2-й слой	Слой сформировался после окончательной разборки стен церкви на строительный материал, скорее всего, в течение XVI–XVII вв. Находка рассматривается как случайная «примесь снизу», не имеющая отношения к истории памятника
4	Золотая Орда. Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313). Выпуск 692 г.х. (1293 г.). Пул. Медь	2017 г. Квадрат 2. 2-й слой	Слой сформировался после окончательной разборки стен церкви на строительный материал, скорее всего, в течение XVI–XVII вв. Несмотря на это, с учетом многочисленности монет Токты на памятнике, находку рассматриваем как синхронную времени функционирования храма (конец XIII – XIV в.)
5	Крымское ханство. Монетный двор «Крым». Мехмед Гирей I (1515–1523). Выпуск 923 г.х. (1517/1518 гг.). Акче. Серебро	2015 г. Квадрат 1. Гробница 2. Заполнение. 2-й слой (1-й ярус погребений)	Более позднее ограбление или погребение начала XVI в., когда территория храма еще использовалась в качестве прихрамового некрополя церкви св. Георгия
6	Османская империя. Мехмед II Фатих, второе правление (1451–1481). Монетный двор «Константайе» (=Константинополь; Стамбул). Акче. Серебро (?)	2017 г. Скальная вырубка под базу северной колонны (№ 2) в наосе храма. Заполнение	По структуре заполнение аналогично 3-му слою на площади раскопа. Таким образом, монета свидетельствует о продолжавшейся разборке стен храма вплоть до конца XV в., то есть после взятия Мангупа турецкой армией в 1475 г. Именно тогда со своего места была извлечена одна из колонн в наосе церкви

7	Золотая Орда, Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313). Выпуск 704 г.х. (1305 г.). Данг. Серебро	2017 г. Квадрат 2-4. Зачистка 3-го слоя	3-й слой сформировался в результате разборки стен храма на строительный материал в течение XV в., однако, содержит только находки времени его функционирования (конец XIII – XIV в.)
8	Золотая Орда. Монетный двор «Крым». Токта (1291–1313). Пул. Медь	2017 г. Керамический завал у входа в храм. Заполнение скального желоба № 1	Контекст отражает незначительную перестройку церкви, вероятно, на начальном этапе ее истории. В результате перестройки храм приобрел небольшой двухколонный нартекс. Закрытый археологический комплекс
9	Золотая Орда. Монетный двор «Сакчи». Время правления Ногая (период 1280–1299 гг.). Пул. Медь	2015 г. Квадрат 1. Гробница 4. Заполнение. 3-й слой (2-й ярус погребений)	Нетронутый ярус погребений времени функционирования храма, скорее всего, XIV в. (до 1395 г.). Закрытый археологический комплекс
10	Византийская империя. Скифатная монета. Скорее всего, XIII в. (?). Медь, с плакировкой желтым металлом (?).	2017 г. Квадрат 3. Гробница 5. Заполнение. 2-й слой	Нетронутый ярус погребений времени функционирования храма, скорее всего, XIV в. (до 1395 г.). Закрытый археологический комплекс. Несмотря на плохую сохранность и вторичное использование, монета, возможно, является наиболее ранней нумизматической находкой на памятнике, имеющей отношение ко времени его строительства

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О.А. Резные костяные пластины от шкатулки: попытка реконструкции и толкования // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 333–344.
2. Банк А.В. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных // ВВ. 1956. Т. 9. С. 186–192.
3. Банк А.В. Константинопольские образцы и местные копии (по материалам прикладного искусства X–XII вв.) // ВВ. 1973. Т. 34. С. 190–195.
4. Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII веков. Очерки. М.: Наука, 1978. 312 с.
5. Банк А.В. Некоторые сходные памятники средневековой мелкой пластики, найденные в Константинополе, Херсонесе и в Болгарии // Byzantino-bulgarica. 1981. Т. VII. С. 109–122.
6. Беляев Л.А. Византийская археология // Православная энциклопедия. 2004. Т. VIII. С. 232–252.
7. Веремейчик Е.М. Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 344–354.
8. Византийский Херсон: каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с.
9. Виноградов А.Ю., Королев А.А., Турилов А.А., Макаров Е.Е., Нерсесян Л.В., иером. Николай (Сахаров). Иоанн Богослов // Православная энциклопедия. 2010. Т. XXIII. С. 679–731.
10. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.

11. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII в. Киев: Стилос, 2005. С. 257–287.
12. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. Материалы международной конференции, посвященной памяти А.В. Банк. С. 387–419.
13. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Корзюк Д.В., Лавров В.В., Смекалова Т.Н., Шведчикова Т.Ю., Чудин А.В. Результаты междисциплинарных исследований Мангупского городища в 2015 г. // КСИА. 2016. № 243. С. 127–147.
14. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9. С. 247–258.
15. Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–55.
16. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг. // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь С.Г. Рыжова / Ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград: ИД «РОСТ-ДОАФК», 2018. С. 12–43.
17. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Набоков А.И. К изучению исторической топографии Мангупа золотоордынского времени. «Церковь 2015 г.» и некоторые синхронные находки из раскопок дворца // III Свято-Владимирские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси. Севастополь: Телескоп, 2018. С. 22–25.
18. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. X Международный Византийский семинар. Материалы конференции. Севастополь, 2018. С. 53–58.
19. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Набоков А.И. Археологические исследования Мангупского городища // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 37–40.
20. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2 / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 115–176.
21. Голофаст Л.В., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
22. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М.: Искусство, 1975. 352 с.
23. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.
24. Искусство Византии в собраниях СССР. М.: Советский художник, 1977. Т. 2. 156 с.
25. Катлер Э. Слоновая кость, стеатит, эмаль и стекло // Оксфордское руководство по византистике (под ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдона, Р. Кормака). Харьков: Майдан, 2014. С. 458–467.
26. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
27. Кондараки В.Х. Мангуп-Кале // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 419–426.
28. Коршенко А.Н. Находки скифатных монет на Мангупе // VI Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 48–49.
29. [Косцюшко-Валюжинич К.К.]. Извлечения из Отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 1–62.
30. Кузнецов В.А. Алапия у X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 248 с.

31. Кутасов С.Н., Селезнев А.Б. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М.: Группа «ИскательИ», 2010. 320 с.
32. Майко В.В. Закрытый комплекс первой половины XIII в. в портовой части средневековой Сугдеи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Сборник научных трудов / Ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 69–90.
33. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Видавец Олег Филлок, 2014. 467 с.
34. Мальм В.А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 113–117.
35. Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII в. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Изд-во «Stratum Plus», 2017. С. 455–489.
36. Морозова Я.И., Тимошенко М.Э., Зеленко С.М. Византийская белоглиняная керамика из раскопок корабля XIII века (каталог находок). Феодосия: Арт Лайф, 2016. 172 с.
37. Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 163–222.
38. Науменко В.Е., Душенко А.А., Корзюк Д.В. Новый христианский культовый комплекс в округе Мангупского городища. Храм на г. Илька // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. VIII Международный Византийский семинар. Материалы конференции. Севастополь, 2016. С. 77–83.
39. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
40. Науменко В.Е. Христианская топография Мангупского городища периода княжества Феодоро (по материалам новейших археологических исследований) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. IX Международный Византийский семинар. Материалы конференции. Севастополь, 2017. С. 83–90.
41. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Археология средневекового храма: материалы научной конференции, посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 50–55.
42. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. Церковь Святого Георгия // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 56–108.
43. Науменко В.Е., Набоков А.И. «Церковь 2015 г.» // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 109–139.
44. Науменко В.Е., Иожица (Корзюк) Д.В. Церковь на г. Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника // Вопросы Всеобщей истории архитектуры. 2018. Вып. X. С. 170–196.
45. Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А. Византийская миниатюра второй половины X – начала XII вв. М.: ГАММА-ПРЕСС, 2012. 468 с.
46. Попова О.С. Пути византийского искусства. М.: ГАММА-ПРЕСС, 2013. 460 с.
47. Пуцко В.Г. Византийське пластичне мистецтво середньовічного Криму // Археологія. Киев, 2011. № 4. С. 45–59.
48. Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 84–105.
49. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург, 2003. 224 с.

50. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 290–311.
51. Сагайдак М.А., Сергеева М.С., Михайлов П.С. Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // Древности–1996. Харьков, 1997. С. 31–37.
52. Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 402–458.
53. Тесленко І.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 4(29). С. 7–83.
54. Турова Н.П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялта // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 93–173.
55. Ушаков С.В. Поливная керамика из комплексов XIII в. Северо-Восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII в. Киев: Стилос, 2005. С. 70–92.
56. Шведчикова Т.Ю. Антропологические материалы из раскопок церкви Святого Георгия и «церкви 2015 года» // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Федоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангунского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 140–174.
57. Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техасского университета, 2011. 708 с.
58. Яшаева Т.Ю. Византийская археология Херсонеса Таврического // История и археология Крыма. Симферополь, 2017. Вып. VI. С. 101–136.
59. Altripp M. Die Basilika in Byzanz. Berlin: De Gruyter, 2013. 212 S.
60. Cutler A. The Hand of the Master. Craftsmanship, Ivory, and Society in Byzantium (9th–11th C.). New Jersey: Princeton University Press, 1994. 293 p.
61. Cutler A. On the Byzantine Boxes // Cutler A. Late Antique and Byzantine Ivory Carvings. Norfolk, 1998. P. 33–47.
62. Dark K. Byzantine Pottery. Charlston: Tempus, 2001. 160 p.
63. Evans H.C., Holcomb M., Hallman R. The Arts of Byzantium. New York: The metropolitan Museum of Art, 2001. 68 p.
64. Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1979. Bd. I. Kästen. 75 S.
65. Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1979. Bd. II. Reliefs. 96 S.
66. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. New Jersey, Washington: Princeton University Press, 1992. 455 p.
67. Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. 252 p.
68. Nye Ph. C. The Oblong Caskets of the Byzantine Period // American Journal of Archaeology. 1919. Vol. 23. No. 4. P. 401–412.
69. The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843–1261 / Ed. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York: The metropolitan Museum of Art, 1997. 574 p.
70. Weitzmann K. The Icons of Constantinople // The Icon. New York, 1982. P. 11–84.
71. Vokotopoulos P. Byzantines Icones. Athens: Ekdotiki Athinon, 1995. 229 p.

REFERENCES

1. Andreeva O.A. Reznye kostyanye plastiny ot shkatulki: popytka rekonstrukcii i tolkovaniya. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 333–344.

2. Bank A.V. Starye nahodki iz Hersonesa v svete nekotoryh novyh dannyh. *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1956, T. 9, pp. 186–192.
3. Bank A.V. Konstantinopol'skie obrazcy i mestnye kopii (po materialam prikladnogo iskusstva X–XII vv.). *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1973, T. 34, pp. 190–195.
4. Bank A.V. *Prikladnoe iskusstvo Vizantii IX–XII vekov. Ocherki*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 312 p.
5. Bank A.V. Nekotorye skhodnye pamyatniki srednevekovoj melkoj plastiki, najdennye v Konstantinopole, Hersonese i v Bolgarii. *Byzantino-bulgarica*, 1981, T. VII, pp. 109–122.
6. Belyaev L.A. Vizantijskaya arheologiya. *Pravoslavnaia eksiklopediia*, 2004, T. VIII, pp. 232–252.
7. Veremejchik E.M. Predmety hristianskogo kul'ta XI–XIII vv. na sel'skikh poseleniyah Chernigovskogo Poles'ya. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki*, St-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, pp. 344–354.
8. *Vizantijskij Herson: katalog vystavki*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 256 p.
9. Vinogradov A.Yu., Korolev A.A., Turilov A.A., Makarov E.E., Nersesyan L.V., ierom. Nikolaj (Saharov). Ioann Bogoslov. *Pravoslavnaia eksiklopediia*, 2010, T. XXIII, pp. 679–731.
10. Vinogradov A.Yu., Beleckij D.V. *Nizhnij Arhyz i Senty: drevnejšie hramy Rossii. Problemy hristianskogo iskusstva Alanii i Severo-Zapadnogo Kavkaza*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 392 p.
11. Gercen A.G., Naumenko V.E. *Polivnaya keramika iz raskopok citadeli Mangupa. Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII v.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 257–287.
12. Gercen A.G., Naumenko V.E. Arheologicheskij kompleks tret'ej chetverti XV v. iz raskopok knyazheskogo dvorca Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2010, T. LI, pp. 387–419.
13. Gercen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Korzyuk D.V., Lavrov V.V., Smekalova T.N., Shvedchikova T.Yu., Chudin A.V. Rezul'taty mezhdisciplinarnyh issledovanij Mangupskogo gorodishcha v 2015 g. *Kratkie soobshchenie Instituta arkheologii RAN*, 2016, No. 243, pp. 127–147.
14. Gercen A.G., Naumenko V.E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaya civilizaciya*, Kazan, 2016, No. 9, pp. 247–258.
15. Gercen A.G., Naumenko V.E. Istoriya izucheniya i topografiya hramovyh kompleksov i nekropolej Mangupskogo gorodishcha. Gercen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*. Moscow, St-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 10–55.
16. Gercen A.G., Naumenko V.E. Cerkov' Svyatogo Georgiya Mangupskogo gorodishcha. Obshchie itogi arheologicheskikh issledovanij 2015–2016 gg. Majko V.V., Yashaeva T.Yu. (Eds.), *Arheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda: sbornik statej v chest' S.G. Ryzhova*, Sevastopol, Kaliningrad, Rost-Doafk Publ., 2018, pp. 12–43.
17. Gercen A.G., Naumenko V.E., Nabokov A.I. K izucheniyu istoricheskoy topografii Mangupa zolotoordynskogo vremeni. «Cerkov' 2015 g.» i nekotorye sinhronnye nahodki iz raskopok dvorca. *III Svyato-Vladimirskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 1030-letiyu Kreshcheniya Rusi*, Sevastopol, 2018, pp. 22–25.
18. Gercen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskij dvorec Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiya uchastka issledovanij 2006–2017 gg. (predvaritel'noe soobshchenie). *Materialy X Mezhdunarodnogo Vizantijskogo seminarara «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2018, pp. 53–58.
19. Gercen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gancev V.K., Nabokov A.I. Arheologicheskie issledovaniya Mangupskogo gorodishcha. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2018, Vol. VIII, pp. 37–40.

20. Gercen A.G., Naumenko V.E. Sakral'naya topografiya Mangupa: istoriya izucheniya, katalog i periodizatsiya kul'tovyh pamyatnikov gorodishcha. Alekseenko N.A. (Ed.), *Miry Vizantii. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*, Vol. 2, Simferopol, 2019, pp. 115–176.
21. Golofast L.V., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v Severnom rajone Hersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 182–260.
22. Darkevich V.P. *Svetское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, 352 p.
23. Zaleskaya V.N. *Pamyatniki vizantijskogo prikladnogo iskusstva. Vizantijskaya keramika IX–XV vv.: katalog kollekcii.* St-Petersburg, Gosudarstvennii Ermitazh Publ., 2011, 256 p.
24. *Iskusstvo Vizantii v sobraniyah SSSR.* T. 2, Moscow, Sovetskij hudozhnik Publ., 1977, 156 p.
25. Katler E. Slonovaya kost', steatit, emal' i steklo. *Oksfordskoe rukovodstvo po vizantinistike (pod red. E. Dzheffris, Dzh. Heldona, R. Kormaka)*, Harkov, Majdan Publ., 2014, pp. 458–467.
26. Koval' V.Yu. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII vv.* Moscow, Nauka Publ., 2010, 269 p.
27. Kondaraki V.H. Mangup-Kale. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1872, T. VIII, pp. 419–426.
28. Korshenko A.N. Nahodki skifatnyh monet na Mangupe. *VI Vserossijskaya numizmaticheskaya konferenciya: tezisy dokladov*, St-Petersburg, Gosudarstvennii Ermitazh Publ., 1998, pp. 48–49.
29. [Koscuyushko-Valyuzhinich K.K.]. *Izvlacheniya iz Otcheta o raskopkah v Hersonese v 1902 g. Izvestiia Arkheologicheskoi komissii*, Moscow, 1904, Vol. 9, pp. 1–62.
30. Kuznecov V.A. *Alaniya u X–XIII vv.* Ordzhonikidze, Ir Publ., 1971, 248 p.
31. Kutasov S.N., Seleznev A.B. *Natel'nye kresty, krestovklyuchennye i krestovidnye podveski.* Moscow, Gruppya «Iskateli» Publ., 2010, 320 p.
32. Mayko V.V. Zakrytyj kompleks pervoj poloviny XIII v. v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis: Sbornik nauchnyh trudov*, Sevastopol, 2013, pp. 69–90.
33. Mayko V.V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X–XII vv.* Kiev, Oleg Filyuk Publ., 2014, 467 p.
34. Mal'm V.A. *Krestiki s emal'yu. Slavyane i Rus*, Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 113–117.
35. Maslovskij A.N. Vostochnokrymskij polivnoj import v zolotoordynskom Azake. Voprosy hronologii. Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (Eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII v.*, Kazan, Kishinev, Stratum Plus Publ., 2017, pp. 455–489.
36. Morozova Ya.I., Timoshenko M.E., Zelenko S.M. *Vizantijskaya beloglinyanaya keramika iz raskopok korablya XIII veka (katalog nahodok).* Feodosiya, Art Lajf Publ., 2016, 172 p.
37. Musin A.E. Arheologiya «lichnogo blagochestiya» v hristianskoj tradicii Vostoka i Zapada. *Hristianskaya ikonografiya Vostoka i Zapada v pamyatnikah material'noj kul'tury Drevnej Rusi i Vizantii: Pamyati T. Chukovoj*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006, pp. 163–222.
38. Naumenko V.E., Dushenko A.A., Korzyuk D.V. Novyj hristianskij kul'tovyj kompleks v okruge Mangupskogo gorodishcha. Hram na g. Il'ka. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy VIII Mezhdunarodnogo Vizantijskogo seminarf «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2016, pp. 77–83.
39. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskij dvorec Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie H yuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennyh arheologicheskikh issledovanij). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 187–238.
40. Naumenko V.E. Hristianskaya topografiya Mangupskogo gorodishcha perioda knyazhestva Feodoro (po materialam novejsih arheologicheskikh issledovanij). Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy IX Mezhdunarodnogo Vizantijskogo seminarf «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2017, pp. 83–90.
41. Naumenko V.E., Iozhica D.V., Nabokov A.I. «Bazilika Markevicha» na yuzhnoj periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovanij 2012–2016 gg.). *Arheologiya*

- srednevekovogo hrama: materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 170-letiyu K.K. Koscyushko-Valyuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 50–55.
42. Naumenko V.E., Iozhica D.V., Nabokov A.I. *Cerkov' Svyatogo Georgiya*. Gercen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*. Moscow, St-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 56–108.
 43. Naumenko V.E., Nabokov A.I. «Cerkov' 2015 g.». Gercen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*. Moscow, St-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 109–139.
 44. Naumenko V.E., Iozhica (Korzyuk) D.V. *Cerkov' na g. Il'ka v okruge Mangupskogo gorodishcha (Yugo-Zapadnyj Krym)*. Arhitekturnyj analiz i ob»emnaya rekonstrukciya pamyatnika. *Voprosy Vseobshchei istorii arkhitektury*, 2018, Vol. X, pp. 170–196.
 45. Popova O.S., Zaharova A.V., Oreckaya I.A. *Vizantijskaya miniatyura vtoroj poloviny X – nachala XII vv.* Moscow, Gamma-press Publ., 2012, 468 p.
 46. Popova O.S. *Puti vizantijskogo iskusstva*. Moscow, Gamma-press Publ., 2013, 460 p.
 47. Pucko V.G. *Vizantijs'ke plastichne mistectvo seredn'ovichnogo Krimu*. *Arheologiya*, Kiev, 2011, No. 4, pp. 45–59.
 48. Romanchuk A.I. *Izdeliya iz kosti v srednevekovom Hersone*. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*. *Antichnyj i srednevekovyj gorod*, Sverdlovsk, 1981, pp. 84–105.
 49. Romanchuk A.I. *Glazurovannaya posuda pozdnevizantijskogo Hersona*. *Portovyj rajon*. Ekaterinburg, 2003, 224 p.
 50. Ryzhov S.G. *Srednevekovye zhilye kvartaly X–XIII vv. v Severnom rajone Hersonesa*. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 290–311.
 51. Sagajdak M.A., Sergeeva M.S., Mihajlov P.S. *Novye nahodki drevnerusskogo remesla v Kieve*. *Drevnosti-1996*, Har'kov, 1997, pp. 31–37.
 52. Sedikova L.V. *Keramicheskij kompleks XIII v. iz sloya razrusheniya usadeb 2 i 3 v kvartale L Hersonesskogo gorodishcha*. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 402–458.
 53. Teslenko I.B. *Virobnictvo poliv'yanogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu*. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, Kiev, 2018, Vol. 4(29), pp. 7–83.
 54. Turova N.P. *Srednevekovyj peshchernyj kompleks hrebta Iograf nad g. Yalta*. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2014, Vol. 6, pp. 93–173.
 55. Ushakov S.V. *Polivnaya keramika iz kompleksov XIII v. Severo-Vostochnogo rajona Hersonesa (kvartal XCVII, pomeshcheniya 1, 3, 11)*. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII v.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 70–92.
 56. Shvedchikova T.Yu. *Antropologicheskie materialy iz raskopok cerkvi Svyatogo Georgiya i «cerkvi 2015 goda»*. Gercen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*. Moscow, St-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 140–174.
 57. Yashaeva T., Denisova E., Gin'kut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. *Nasledie vizantijskogo Hersona*. Sevastopol, Ostin, Teleskop Publ., 2011, 708 p.
 58. Yashaeva T.Yu. *Vizantijskaya arheologiya Hersonesa Tavricheskogo*. *Istoriya i arheologiya Kryma*, Simferopol, 2017, Vol. VI, pp. 101–136.
 59. Altripp M. *Die Basilika in Byzanz*. Berlin, De Gruyter, 2013, 212 p.
 60. Cutler A. *The Hand of the Master. Craftsmanship, Ivory, and Society in Byzantium (9th–11th C.)*. New Jersey, Princeton University Press, 1994, 293 p.

61. Cutler A. On the Byzantine Boxes. *Late Antique and Byzantine Ivory Carvings*, Norfolk, 1998, pp. 33–47.
62. Dark K. *Byzantine Pottery*. Charlston, Tempus, 2001, 160 p.
63. Evans H.C., Holkomb M., Hallman R. *The Arts of Byzantium*. New York, The metropolitan Museum of Art, 2001, 68 p.
64. Goldschmidt A., Weitzmann K. *Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.–XIII. Jahrhunderts. Bd. I. Kästen*, Berlin, Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1979, 75 p.
65. Goldschmidt A., Weitzmann K. *Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.–XIII. Jahrhunderts. Bd. II. Reliefs*, Berlin, Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1979, 96 p.
66. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2. The Pottery, New Jersey, Washington, Princeton University Press, 1992, 455 p.
67. Kalavrezou-Maxeiner I. *Byzantine Icons in Steatite*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985, 252 p.
68. Nye Ph. C. The Oblong Caskets of the Byzantine Period. *American Journal of Archaeology*, 1919, Vol. 23, No. 4, pp. 401–412.
69. Evans H.C., Wixom W.D. (Eds.), *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843–1261*. New York, The metropolitan Museum of Art, 1997, 574 p.
70. Weitzmann K. The Icons of Constantinople, *The Icon*, New York, 1982, pp. 11–84.
71. Vokotopoulos P. *Byzantines Icones*. Athens, Ekdotiki Athinon, 1995, 229 p.

V. E. NAUMENKO, A. A. DUSHENKO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

A UNIQUE BYZANTINE BONE ICON EXCAVATED AT THE ANCIENT TOWN OF MANGUP

Abstract: This paper publishes a unique bone icon portraying St. Evangelist John the Divine excavated at the ancient town of Mangup. This monument originates from the lowermost layer of burials dated from the late thirteenth and early fourteenth centuries in the rock tomb in the naos of the 2015 Church. The icon is a monument of Byzantine applied art made in one of the Empire's provincial centres. This image follows iconographic canon which already developed in the tenth century, primarily in Byzantine book miniature, portraying the apostle as inspired old man with high forehead with bald temple areas, short curling hair, and small beard with underlined strands, holding the book of Gospel in his hands. Simultaneously, this canon was adopted by other branches of Byzantine culture. Half-length images of the saint predominated among the pieces of fine plastic art, such as reliquary caskets, triptychs, or "personal" icons, disregarding the material they were made of (ivory, steatite, horn and bone of animals), keeping composition principles canonical, but making portrait features individual in almost every case. Our analyses has discovered several examples showing that the iconography of St. John the Divine on the pieces of Byzantine applied art did not sustain important changes as long as the thirteenth and fourteenth centuries, so there would be difficulties in dating the artefacts featuring such images by their artistic or stylistic features only. In this connection, the find of the icon of St. John the Divine in well-datable archaeological assemblage is an extremely rare case for the group of Byzantine artefacts of personal piety under analysis.

Key words: south-western Crimea, ancient town of Mangup, Byzantium, Golden Horde, 2015 Church, Byzantine archaeology, iconography, St. John the Divine.

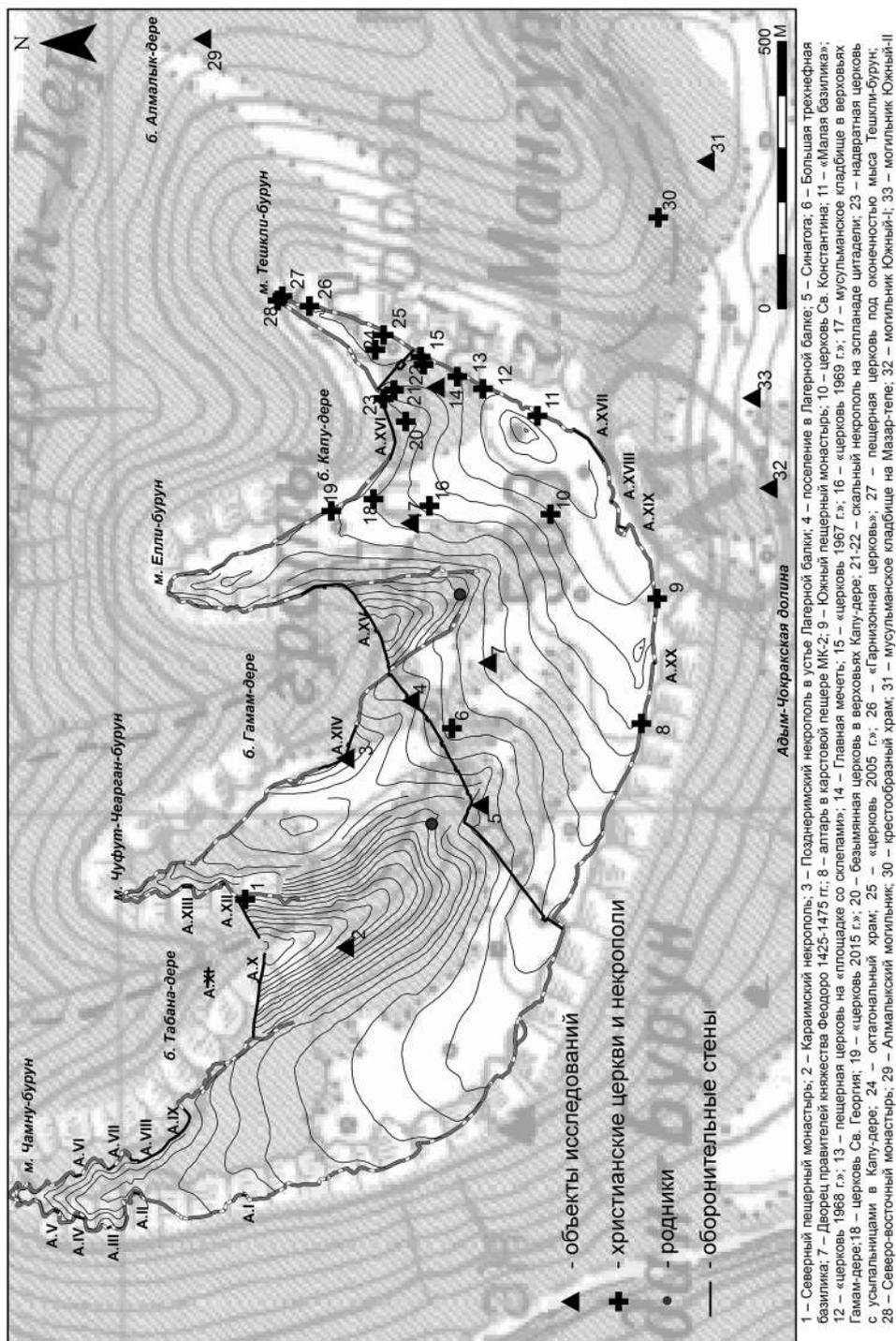

Рис. 1. Общий план Мангупского городища с указанием основных объектов археологических исследований 1853–2019 гг.

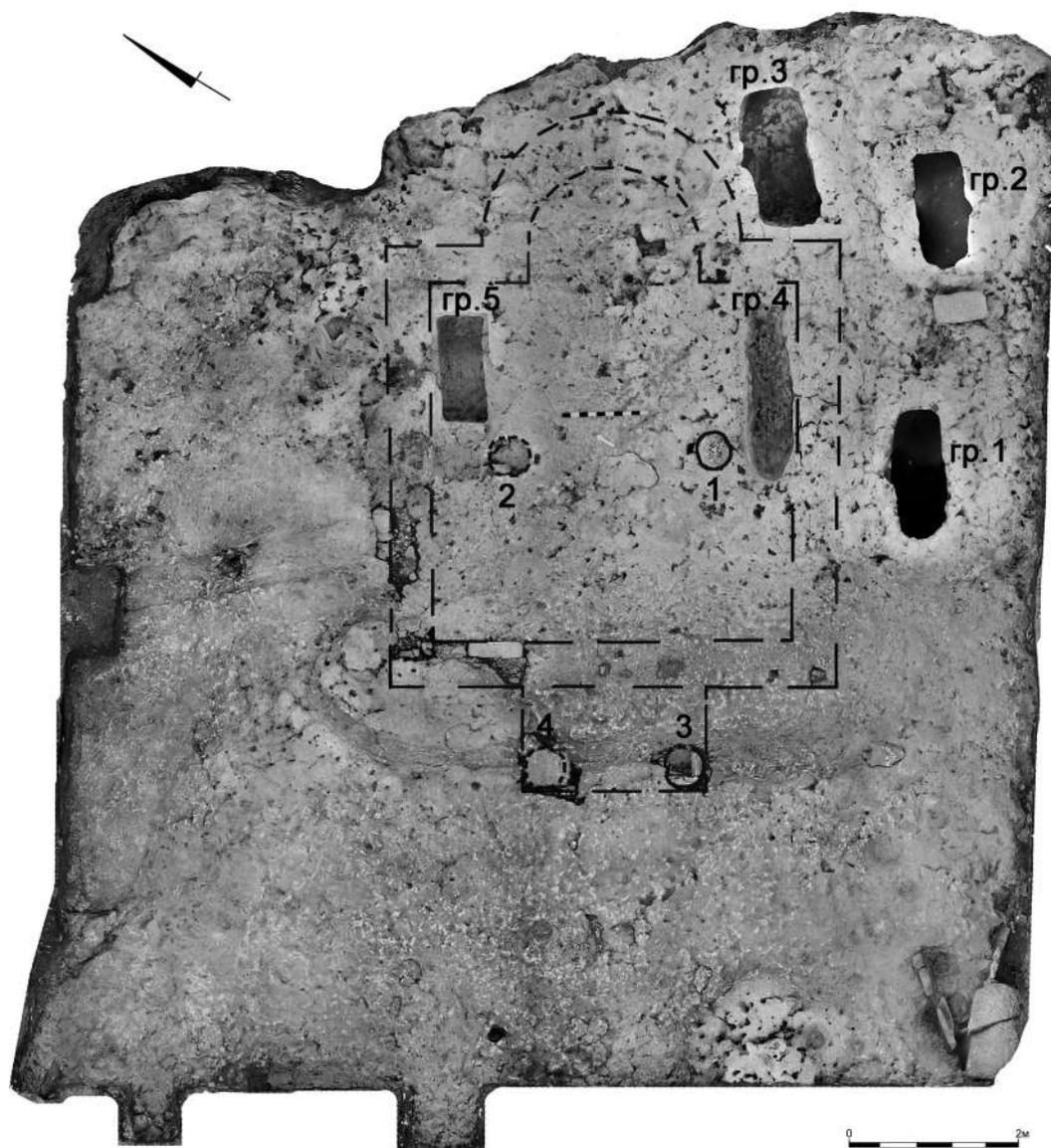

Рис. 2. «Церковь 2015 г.». Ортофотоплан участка исследований 2015–2017 гг. с реконструкцией плана храмового комплекса. Цифрами обозначены номера колонн в тексте (выполнен А.И. Набоковым)

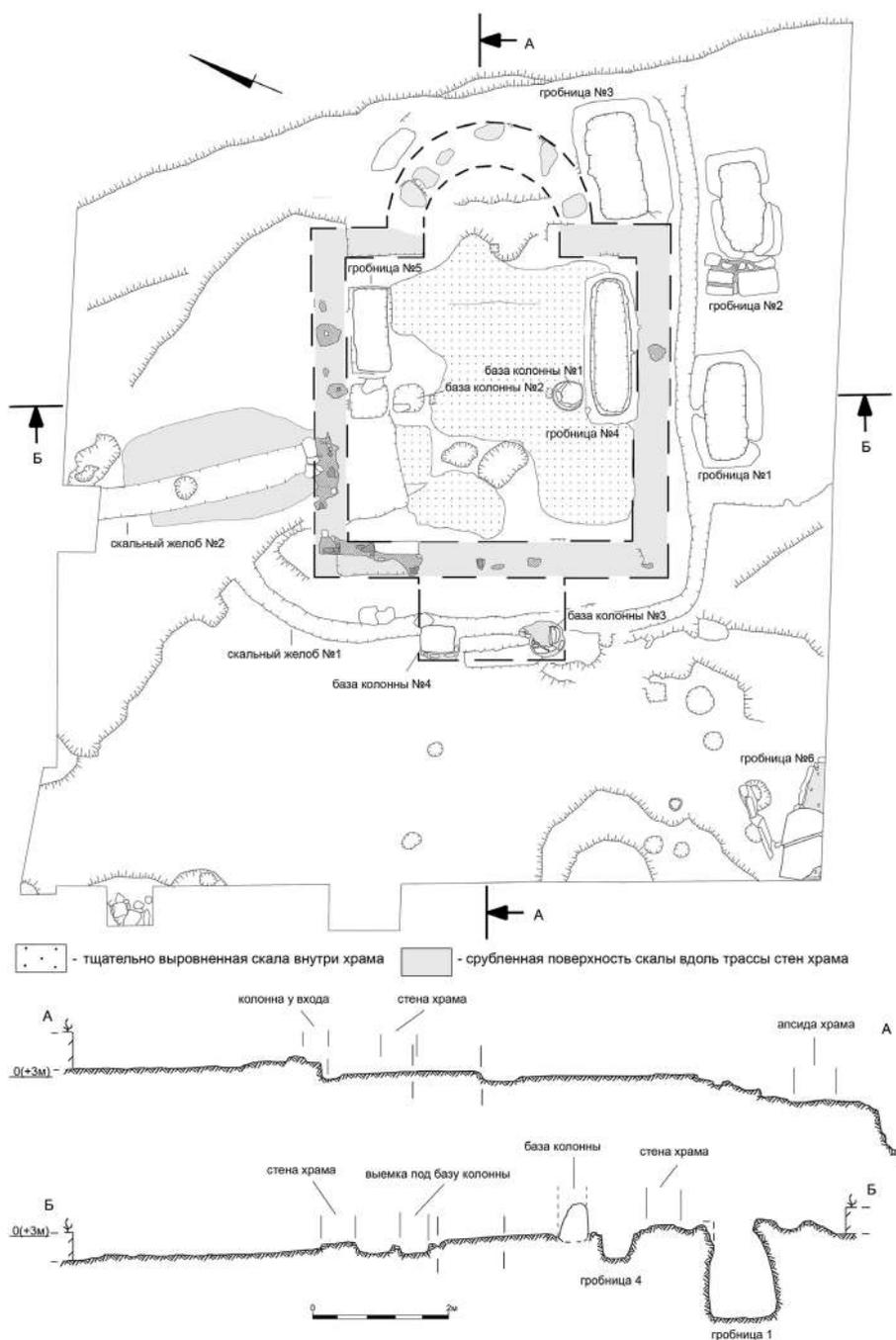

Рис. 3. «Церковь 2015 г.». Общий план участка исследований 2015–2017 гг. Реконструкция плана и архитектурные разрезы храмового комплекса

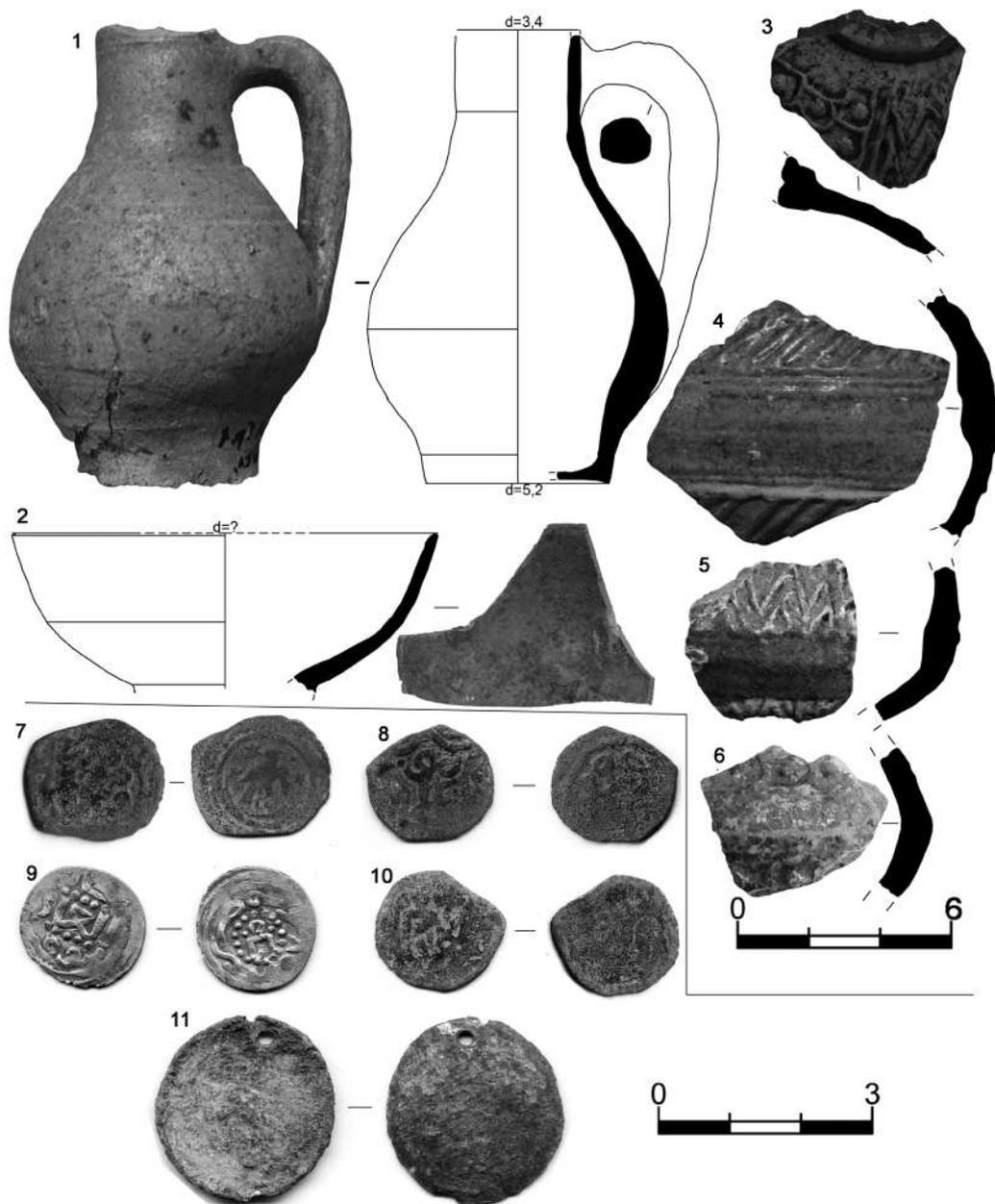

Рис. 4. «Церковь 2015 г.». Датирующие находки из культурного слоя и археологических комплексов. 1–2 – византийская глазурированная керамика группы GWW-IV (1 – гробница № 1, 3-й слой; 2 – гробница № 2, 3-й слой); 3–6 – золотоордынские кувшины с тисненым рельефным орнаментом (3 – 1-й слой; 4 – 2-й слой; 5 – зачистка 3-го слоя; 6 – гробница № 5, 2-й слой заполнения); 7–10 – монеты времени хана Токты (7 – 1-й слой; 8 – 2-й слой; 9 – зачистка 3-го слоя; 10 – заполнение желоба № 1 у входа в храм); 11 – византийская скифатная монета (гробница № 5, 2-й слой заполнения)

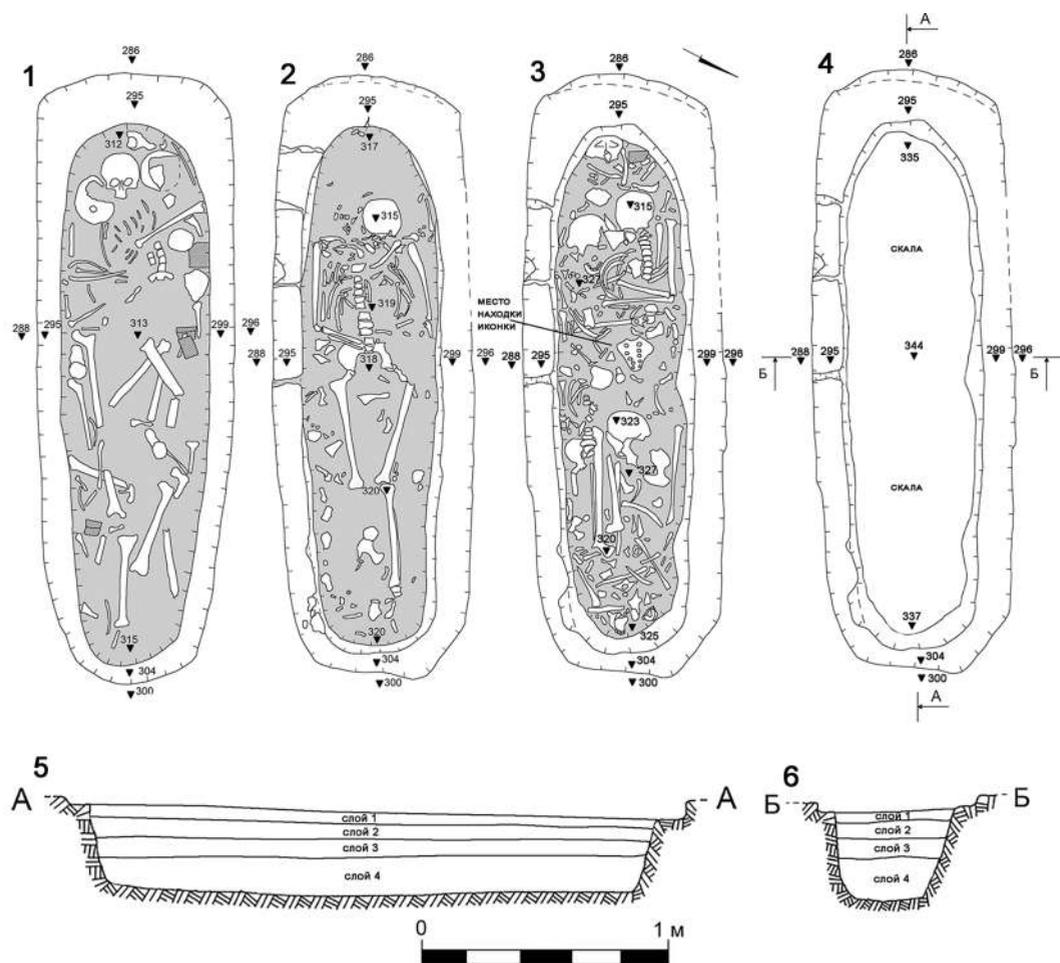

Рис. 5. «Церковь 2015 г.». Гробница № 4. 1 – план по уровню 1-го яруса погребений; 2 – план по уровню 2-го яруса погребений; 3 – план по уровню 3-го яруса погребений; 4 – план по завершении работ; 5–6 – стратиграфические разрезы

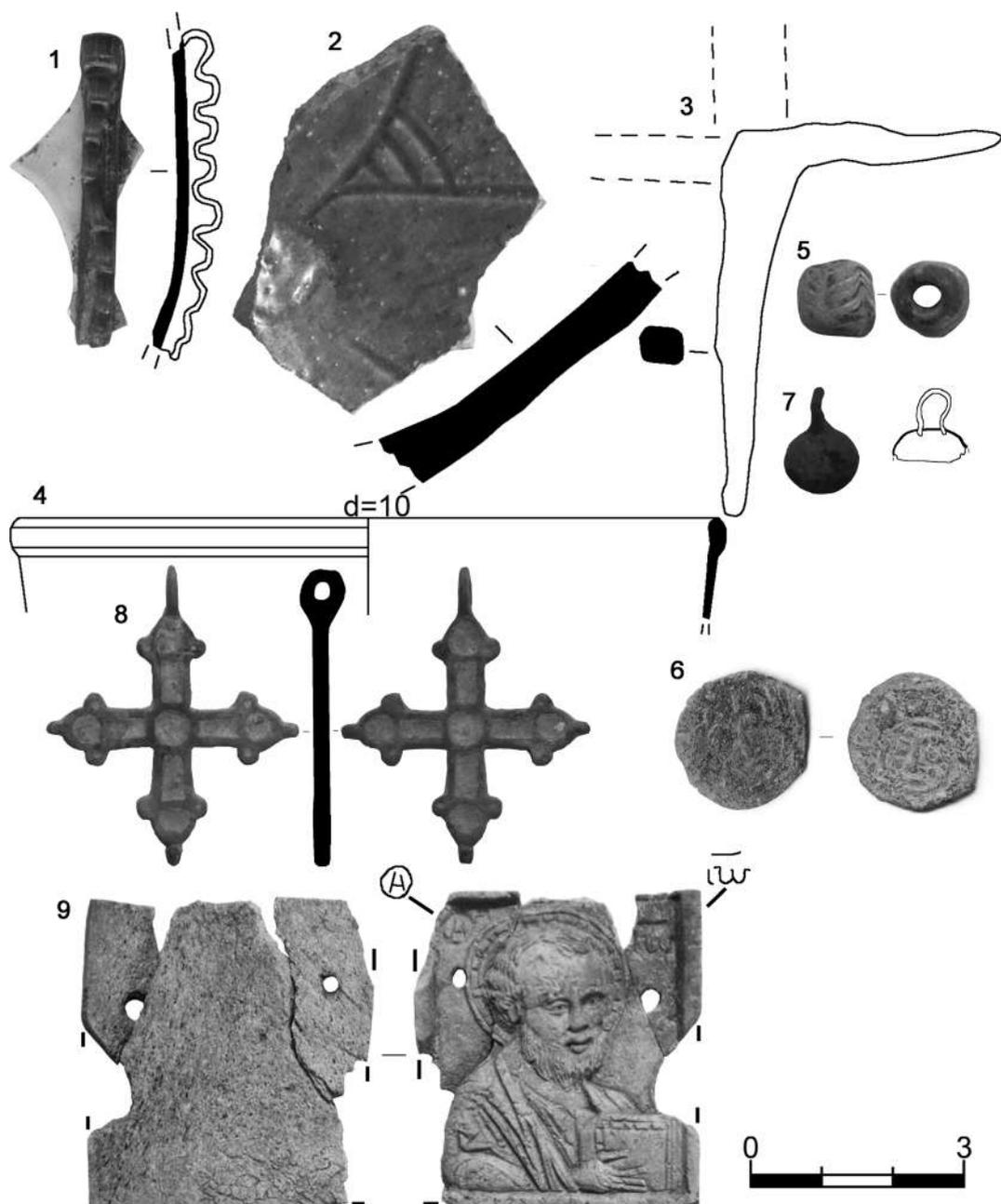

Рис. 6. «Церковь 2015 г.». Гробница № 4. Находки из заполнения. 1 – 1-й слой; 2–4 – 2-й слой; 5–6 – 3-й слой; 7–9 – 4-й слой

Рис. 7. Изображения св. Иоанна Богослова на изделиях из слоновой кости (1–3) и стеатита (4–5): 1–2 – ларец-реликварий из собрания Метрополитен-музей [по: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/464238>]; 3 – триптих из Музея в кафедральном соборе в Аахене [по: 65, Taf. XLVII, № 130]; 4 – икона из Лувра [по: 67, pl. 68, № 146]; 5 – икона из кафедрального музея г. Мдина (Мальта) [по: 67, pl. 51, № 102a]

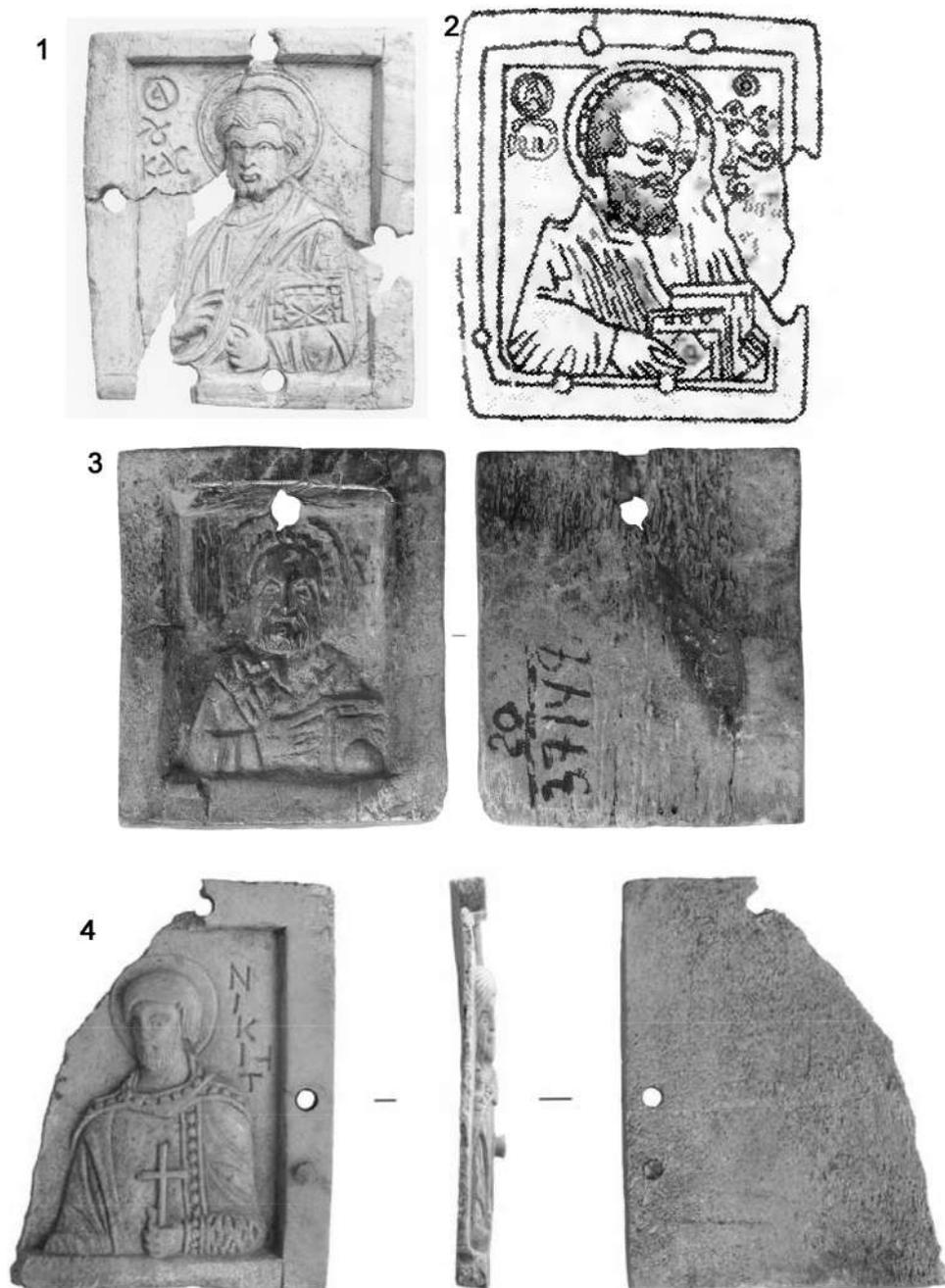

Рис. 8. Костяные иконки с изображениями византийских святых из раскопок в Крыму и на Северном Кавказе: 1 – икона св. Луки (Херсонес) [по: 57, с. 286, № 316]; 2 – икона св. Иоанна Богослова (Нижне-Архызское городище) [по: 30, с. 192, рис. 30,5]; 3 – икона св. Николая (Херсонес) [по: 57, с. 286, № 315]; 4 – икона св. Никиты (Иограф) [по: 54, рис. 36]

А. И. АЙБАБИН^{а)}, Э. А. ХАЙРЕДИНОВА^{б)}

а) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

б) Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ПЛИТОВЫЕ МОГИЛЫ XIV В. НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН¹

Аннотация: В центральной части городища на плато Эски-Кермен расположена трехнефная базилика, построенная в конце VI в. и функционировавшая вплоть до гибели города в конце XIII в. Рядом с базиликой находилось кладбище. В 2018–2019 гг. перед базиликой открыты три плитовые могилы, публикации которых посвящена настоящая статья. Могилы впущены в слой разрушения конца XIII в., а две из них перерезают северную стену помещения, погибшего в пожаре этого времени. По серебряной монете хана Узбека выпуска 1320–1341 гг., золотым серьгам в виде знака вопроса, появившимся в Крыму в XIV в., и гончарному кувшину, относящемуся к бытовавшей в XIV–XV вв. группе неполивной керамики Юго-Западного Крыма, плитовые могилы датируются XIV в. Открытый участок некрополя позволяет говорить о том, что и после гибели большей части городища в пожаре конца XIII в., на плато Эски-Кермен проживала небольшая группа населения. находка костяного стило – инструмента для письма в одном из погребений молодой женщины является свидетельством распространения грамотности среди местных жителей и показателем высокого уровня культуры населения Горного Крыма в эпоху средневековья. Плитовые могилы находятся на большом расстоянии от базилики 1930 г. и от часовни 1978 г. Возможно, здесь в XIV в. функционировала еще одна небольшая часовня.

Ключевые слова: Эски-Кермен, городище, базилика, плитовые могилы, серьги в виде знака вопроса, костяное стило, железные шарнирные ножницы.

В центральной части городища на плато Эски-Кермен расположена трехнефная базилика, построенная в конце VI в. и функционировавшая вплоть до гибели города в конце XIII в. [10, с. 166–167]. Рядом с базиликой находилось кладбище. Руины базилики были почти полностью открыты экспедицией ГАИМК в 1930 г. [39]. Тогда же обнаружено 17 погребальных сооружений: 4 гробницы, пристроенных с внешней стороны к северной и южной стенам базилики, 6 перекрытых плитами могил, вырубленных в скале в полу притвора, и 7 могил, располагавшихся за апсидой и около за-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».

падной стены храма (рис. 1,А). По мнению Ф. И. Шмита, раскопанные погребальные сооружения относились к позднему периоду существования базилики [39, с. 216].

В 1979–1981 гг. Эски-Крменский отряд Южнокрымской экспедиции Института археологии АН УССР исследовал участок, прилегающий к северной части базилики (рис. 1,Б) [26; 22]. В ходе этих работ была полностью раскопана открытая в 1930 г. часовня, а также исследовано 16 погребальных сооружений: 4 пристроенных к северной стене базилики гробницы, 5 костниц (одна из которых была зачищена еще в 1930 г. и открыта повторно) и 7 грунтовых могил. В зачищенных погребальных сооружениях выявлен инвентарь IX–XIII вв.

В 2018–2019 гг. продолжилось ведущееся нами с 2003 г. исследование городища. В его центральной части, на участке перед базиликой 1930 г., на месте предполагаемой площади и примыкающих к ней кварталов раскопан участок общей площадью около 100 м² (рис. 1,В). На расстоянии 9–15 м к западу от западной стены притвора базилики открыты три плитовые могилы (рис. 1,В; 2), публикации которых посвящена настоящая статья.

Могилы впущены в слой разрушения конца XIII в. (рис. 2,2), а две из них перерезают северную стену помещения 1, погибшего в пожаре этого времени (рис. 2,1) [12, с. 27–29]. Для датировки слоя разрушения и пожара показательны находки относящихся к XII–XIV вв. амфор классов 52, 45 (Günsenin IV), 48 (Günsenin III) по херсонесской классификации 1995 г. (далее – ХК-95) [30], поливных белоглиняных сосудов группы GWW IV XII–XIII вв., красноглиняных поливных сосудов группы дериватов «Зевксипа» второй половины XIII в.², а также сирийских парадных стеклянных кубков второй половины XIII – первой половины XIV в. Аналогичный набор керамических находок присутствует в слоях разрушения и на других раскопанных участках городища, погибшего в пожаре во время набега Ногая в 1299 г. [6, с. 246–249; 7, с. 217–220; 8, с. 428–429].

Описание погребальных сооружений

Могила 1/2018 расположена на расстоянии 9 м к западу от юго-западного угла притвора базилики 1930 г. (рис. 2–6). Трапецевидная в плане яма ориентирована длинной осью с востока на запад, с небольшим отклонением по линии северо-восток – юго-запад. Ее длина 2,05 м, ширина 0,6–0,77 м, глубина 0,43–0,5 м. Борты ямы выложены шестью и перекрыты тремя прямоугольными, плотно подогнанными друг к другу, тщательно отесанными плитами из известняка толщиной 0,12–0,2 м (рис. 3,II; 4). В торцах могилы установлено по одной плите размерами 0,47х0,52 и 0,42х0,5 м (рис. 4,1,3). В облицовке южного борта могилы использованы две плиты размерами 0,49х1,7 и 0,25х0,46 м (рис. 4,5), северный борт выложен двумя плитами размерами 0,45х0,54 и 0,49х1,16 м (рис. 4,4). В перекрытии использованы плиты размерами 0,53х0,6, 0,54х0,68 и 0,59х0,68 м (рис. 3,II; 5,2). Под одну из плит перекрытия

² Массовый керамический материал определен И. Б. Тесленко, старшим научным сотрудником отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН.

подложен обломок керамиды (рис. 3,2; 4,7). Размеры могилы внутри плит: длина 1,7 м, ширина 0,35–0,46 м, глубина 0,48 м.

Плиты перекрытия были полностью засыпаны сверху дикарным камнем (рис. 3,1). Верхняя часть каменного завала выступала на 0,15–0,2 м над современной дневной поверхностью (рис. 5,1). Размеры каменного завала 1,35x2,67 м, высота 0,24x0,3 м. В его западной части найден каменный блок со следами подтески размерами 38,5x49,0 м, толщиной 32,0 см, на одной из сторон которого прорезан крест в виде двух прямых пересекающихся линий (рис. 3,1; 4,6; 6,4). Высота креста 23,0 см, ширина 17,0 см. Возможно, в древности камень стоял торцом на плите перекрытия, почти над головой погребенного, наподобие надгробной стелы. При расчистке каменного развала над могилой найдены фрагменты красноглиняных пифосов, обломки стенок амфор классов 52/ХК-95 и 45/ХК-95 (Günsenin IV) XII–XIV вв.

На дне могилы зачищены остатки погребений женщины 19–25 лет (кость 1) и ребенка возрастом 13–19 месяцев (кость 2)³, захороненных вытянуто на спине, головой на юго-запад, с обращенным на восток лицом (рис. 3,III; 5,3). Тело ребенка было уложено вдоль левой ноги женщины и вплотную к плите из облицовки северного борта могилы. Кости верхней части женского скелета переворошены. В погребении женщины обнаружены: в области верхней части грудной клетки – семь серебряных, покрытых позолотой полых сферических пуговиц с петелькой для пришивания (высота 0,9 см, диаметр 0,5 см; рис. 6,2), в области пояса – бронзовый литой перстень с врезным декором на щитке (диаметр 2,0 см; рис. 6,1), вдоль правой плечевой кости – железные шарнирные ножницы (длина 15,2 см; рис. 6,5). Детское погребение безынвентарное.

В грунте под костяком 1 найден фрагмент стенки красноглиняного гончарного сосуда закрытой формы (размеры 5,0x7,1 см, толщина 0,7 см), на внутренней поверхности которой по обожженной глине прочерчен крест в виде двух пересекающихся прямых линий (рис. 6,3).

Могила 2/2019 расположена в 0,5 м к западу от могилы 1/2018 г., на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности (рис. 2; 7–11).

Прямоугольная в плане яма ориентирована длинной осью с запада на восток (рис. 7). Ее размеры: длина 2,25 м, ширина 0,8–0,85 м, глубина 0,74–0,78 м. Борта ямы облицованы четырьмя плитами из известняка толщиной 0,2 м. Вдоль каждого длинного борта установлено по одной массивной плите размерами 0,78x2,18 и 0,74x1,93 м (рис. 8,1,2). По краям этих плит, на обращенных внутрь могилы сторонах по всей высоте вырублены поперечные уступы, в которых закреплены прямоугольные торцовые плиты (рис. 8,3,4). Получившаяся конструкция из четырех плит представляет собой своеобразный каменный ящик – саркофаг, внутренние размеры которого 0,45x1,85 м, глубина 0,74–0,78 м. Сверху он перекрыт двумя известняковыми плитами прямоугольной формы толщиной 0,19–0,21 м (рис. 7,1; 9,1).

³ Исследования антропологического материала выполнены В. Ю. Радочиным, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

В северо-восточном углу могилы, на глубине 0,6 м от верхнего края борта выявлены перемещенные кости скелетов трех детей возрастом от 2,5 до 6 лет и мужчины 25 лет (рис. 7,II; 9). Среди костей лежали: серебряная полая сферическая пуговица с проволочной петелькой для пришивания (высота 1,1 см, диаметр 0,7 см; рис. 10,5), пара бронзовых колец из круглой в сечении проволоки с сомкнутыми концами (диаметр 2,9 и 3,1 см; рис. 10,11), железный черешковый наконечник стрелы (длина 16,7 см; рис. 7,II,1; 10,7), и раздавленный гончарный коричневоглиняный одноручный кувшин с росписью белым ангобом (высота 20,5 см, диаметр венчика 5,5 см, диаметр дна 8,1 см; рис. 7,II,2; 11,1).

На дне могилы, под 0,1–0,18-метровой засыпью темной земли зачищены остатки погребения молодой женщины 18–19 лет, захороненной вытянуто на спине, головой на запад, с обращенным к востоку лицом, с согнутыми в локтях руками и уложенными на животе кистями (рис. 7,III; 9,3). В погребении найдены: около правой височной кости – золотая серьга из круглой в сечении проволоки в виде знака вопроса (размер 1,8x2,2 см; рис. 7,III,10; 10,2), около правого локтевого сустава – аналогичная по форме золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами (размер 1,8x2,7 см; рис. 7,III,6; 10,1), на костях пальцев правой руки – золотой перстень с пластинчатой шинкой и цилиндрической жуковиной с полусферической вставкой из зеленого камня (бирюзы?) (размер 2,0x2,4 см; рис. 7,III,7; 10,3), на левой стороне грудной клетки – пара бронзовых колец из круглой в сечении проволоки с сомкнутыми концами (диаметр 2,7 и 3,0 см; рис. 7,III,8; 10,8) и серебряная монета хана Узбека выпуска 1321–1340 гг.⁴ (диаметр 1,7 см; рис. 7,III,9; 11,2), в области пояса, слева – костяное стило в виде круглого в сечении стержня с утолщенной центральной частью, украшенной врезным орнаментом из пересекающихся прямых линий (длина 13,0 см; рис. 7,III,5; 10,4), между бедренных костей – астрагал (размер 2,2x3,3 см; рис. 7,III,3; 10,6), на левой пяточной кости – пара бронзовых, вставленных одно в другое колец из круглой в сечении проволоки с сомкнутыми концами (диаметр каждого 2,9 см; рис. 7,III,4; 10,9). В грунте под тазовыми костями скелета лежала пара аналогичных бронзовых колец (диаметр каждого 2,8 см; рис. 10,10).

Могила 3/2019 расположена параллельно могиле 2/2019, на расстоянии 1 м к югу от нее, под 0,35-метровым слоем дерна (рис. 2; 12–14).

Прямоугольная в плане яма ориентирована длинной осью с запада на восток (рис. 12). Ее размеры: длина 2,05 м, ширина 0,72–0,74 м, глубина 0,42–0,45 м. Борты ямы облицованы плотно подогнанными друг к другу десятью плитами, а сверху перекрыты двумя плитами и блоком из известняка. В торцах могилы вкопано по одной плите прямоугольной формы размерами 0,42x0,47 и 0,41x0,43 м, толщиной 0,16 и 0,17 м (рис. 13,2,3). В облицовке длинных бортов могильной ямы использовано по три плиты прямоугольной формы размерами от 0,4x0,45 до 0,45x0,6 м, толщиной 0,15–0,17 м (рис. 13,4,5). В восточной части могилы облицовку из ряда плит

⁴ Мы признательны В. А. Сидоренко за определение монеты.

завершает каменный блок. Для выравнивая плит под некоторые подложены камни. Размеры могилы внутри плит: длина 1,68 м, ширина 0,35–0,4 м, глубина 0,4 м.

Для перекрытия могилы использованы две прямоугольные плиты (размерами 0,47х0,67 и 0,5х0,8 м, толщиной 0,6–0,8 м) и каменный блок (размеры 0,25х0,6 м, толщина 0,21 м), уложенный поперек над восточным торцом могилы (рис. 12,II; 14,2). Плиты перекрытия были засыпаны необработанным камнем и земляным грунтом (рис. 12,I; 14,1). Размер каменного завала 1,1х2,65 м, высота 0,15–0,21 м. В его западной части найден дикарный камень размером 34,0х49,0 м, толщиной 32,3 см, на одной из сторон которого прорезан крест в виде двух прямых пересекающихся линий (рис. 12,III,3; 13,1). Высота креста 11,5 см, ширина 10,5 см. Камень лежал по центру плиты перекрытия, крестом вниз.

На дне могилы, под 0,2-метровым слоем темной земли зачищены остатки погребения девушки 16–18 лет, захороненной вытянуто на спине, головой на запад, с обращенным к востоку лицом, с согнутыми в локтях руками и уложенными на животе кистями (рис. 12,III; 14,3). Около правого локтевого сустава найдено бронзовое кольцо из круглой в сечении проволоки с сомкнутыми концами (диаметр 3,2 м; рис. 12,1). За головой погребенной лежал фрагмент черепицы (рис. 12,2).

Характеристика инвентаря

В могилах 1/2018 и 2/2019 найдены серебряные полые сферические пуговицы с горизонтальным швом и проволочной петелькой для пришивания (рис. 6,2; 10,5). На плато Эски-Кермен пуговицы аналогичной формы выявлены в слое гибели городища конца XIII в. и в погребальных сооружениях X–XIII вв., расположенных около пещерных храмов на подъемной дороге [3, с. 47, рис. 7,16], вдоль северной стены базилики 1930 г. [26, с. 46, фото 5], под алтарной частью часовни в квартале 1 [8, с. 452, рис. 20,2–6], внутри храма, открытого в квартале 2 в 2019 г. Судя по находкам, жители городища на плато Эски-Кермен использовали сферические пуговицы двух типов: 1 – бронзовые цельнолитые с пластинчатой петелькой для пришивания; 2 – серебряные полые, составленные из двух половинок и с припаянной проволочной петелькой. Пуговицы типа 1 могли делать местные ремесленники: в квартале 1, в одном из помещений усадьбы 4, погибшей в пожаре конца XIII в., найдена каменная литейная форма для изготовления таких предметов. Процесс производства пуговиц типа 2 гораздо сложнее: их корпус спаивался из двух штампованных деталей, сверху припаявалась проволочная петелька, затем многие покрывались позолотой, наносившейся путем амальгамирования (подробно о технологии изготовления пуговиц см. статью А. Ю. Лободы и соавторов в настоящем сборнике). Такие пуговицы, изготовленные в специализированных мастерских, скорее всего, были привозными.

Сферические пуговицы из серебра или бронзы обоих типов бытовали в Крыму в X–XV вв. Они часто встречаются в погребениях XII–XIII вв. из Херсона [16, с. 190, 216, рис. 20,15,17,19], Юго-Западного Крыма [28, рис. 9,4; 34, с. 219, 221, рис. 6.2,204,254], Сугдеи [23, с. 150–151, рис. 167,12] и Боспора [24, с. 372, 374, рис. 17,6,8–10; 18,3,15].

В эпоху средневековья небольшие сферические пуговицы с петелькой для пришивания были распространены на широкой территории. Помимо Крыма они найдены в Константинополе – в слоях X–XVI вв. [44, р. 263], в Ясосе – в могилах второй половины XIII – XVI в. [41, р. 190, Pl. 1; 3], в Сардах – в могиле XIV–XV вв. [48, р. 126, Cat. Nr. 762–783, Pl. 46], в Белгороде-Днестровском – в слоях конца XIII – XIV в. [21, с. 85, рис. 34,22], в Киеве – в слоях конца X – XIII в. [19, с. 66], в Древнем Новгороде – в слоях XI–XV вв. [32, с. 155, рис. 61,3–7], а также на памятниках оседлого и кочевнического населения, находившегося под властью Золотой Орды [36, с. 70, рис. 12, AI, AP; 18, рис. 4,8,10; 5,5,19; 7,2,5; 13,8; 42,8; 49,7; 50,4,8].

Золотые серьги, обнаруженные в могиле 2/2019 (рис. 10, I, 2), относятся к группе так называемых «серег в виде знака вопроса», имевших массовое распространение в эпоху Золотой Орды на широкой территории от Дуная до Иртыша [36, с. 39–41, рис. 6, VI; 31, с. 218; 14, с. 10–18]. В Крыму серьги в виде знака вопроса найдены в погребениях половцев XIV в. В одном из таких захоронений, раскопанном в Приморском, в кургане 2, золотая серьга выявлена вместе с чеканенной в 1330 г. монетой хана Узбека и железными шарнирными ножницами [5, с. 76, табл. 50,17–20; 4, с. 292, табл. 2,17–20]. Популярны у кочевников серьги этого вида имеют длинный вертикальный стержень, часто украшенный спирально навитой проволокой. Найденные на Эски-Кермене серьги сделаны с коротким стержнем для жемчужных бусин. Аналогичное украшение обнаружено в Силистре (Болгария) в одном из погребений XIV в. около Соборной базилики [14, с. 51].

Железные шарнирные ножницы из могилы 1/2018 состоят из двух удлинённых клинообразных однолезвийных режущих полотен с круглыми рукоятями на завершении (рис. 6,5). Аналогичные ножницы обнаружены на плато Эски-Кермен, в квартале 1, в подвале одной из усадеб, погибших в пожаре конца XIII в. В Крыму шарнирные ножницы найдены в погребениях половцев XIII–XIV вв. [4, с. 292, табл. 2,17], а также в средневековой крепости Чембало, в слое XV в. [1, с. 28–29, рис. 47,2] и на Мангупе, в верховьях балки Гамам-дере, в одной из построек, функционировавшей во второй половине XVI – XVII в. [15, с. 250, 281, рис. 43,8].

Шарнирные железные ножницы известны на византийских памятниках второй половины XI – XIV в. [43, р. 369, Cat. Nr. 445; 446; 42, S. 362–363, Abb. 11,3; 48, р. 62, Cat. Nr. 240–241, Pl. 17]. Изображение подобных инструментов можно увидеть на фресках в так называемом «Храме с сандалиями» в Каппадокии (Чарикли-килисе, Гёреме), датированном серединой XI в. [45, р. 128–131] или началом XIII в. [47, S. 373–374, 381, Taf. 2,5,8].

Судя по находкам, в XI–XIV вв. аналогичным инструментом пользовались в Древней Руси [17, с. 18–19, табл. 10,13–24]. В Древнем Новгороде шарнирные ножницы бытовали в XIII–XIV вв. При этом ножницы со сплошным сварным округлым кольцом на концах рукояти, подобные найденным на Эски-Кермене, появляются только в XIV в. [20, с. 59–60, рис. 47,6]. Железные шарнирные ножницы встречаются

в кочевнических погребениях второй половины XIII – XIV в. из Среднего Приднестровья [29, с. 310, рис. 1,8–11] и Подонья [13, с. 154–156, рис. 2,6].

Особого внимания заслуживает находка костяного стило – палочки для записей по застывшему воску (рис. 10,4). Оно выточено на токарном станке с рельефной верхней частью. В центральной части стило украшено врезными пересекающимися линиями. В верхней части сделано поперечное овальное отверстие для ремешка или шнура. На стило сохранилась железная петля от кожаного чехла. Костяные стило аналогичной формы известны с эпохи античности [27, с. 60–61, табл. XII,19–22]. Подобные инструменты для письма найдены на территории Греции – на памятниках XII в. [43, р. 491, Cat. Nr. 672], в Древнем Новгороде – в слоях середины XIII – XV в. и известны на Северо-Востоке Руси в XIV–XV вв. [25, с. 58–59, 63, тип 15, рис. 14,1–3].

В могиле 1/2018 обнаружен фрагмент стенки гончарного сосуда, на внутренней стороне которой прочерчен крест (рис. 6,3). Находки подобного рода известны и в других захоронениях из Эски-Кермена. Небольшие фрагменты черепицы с прочерченными крестом и формулой «IC XC NIKA» («Иисус Христос – Ника») обнаружены: в квартале 1 – в костнице под апсидой часовни XIII в. [8, с. 426, рис. 19,9; 9, с. 14–15], в квартале 2 – в гробнице, пристроенной к южной стене однефного храма X–XIII вв., а также в одной из могил XIII в., открытых на участке кладбища около храма «Трех всадников» [11, с. 20–21].

Фрагменты гончарных сосудов или черепицы с прочерченными крестами выявлены в погребениях и на других крымских памятниках средневекового времени. На южном, самом позднем участке могильника у с. Лучистое, в каменном склепе и плитовых могилах XIII в. под черепом или под грудной клеткой костяков лежали небольшие фрагменты керамических сосудов с процарапанным крестом. На одном черепке было прорезано два креста. Возможно, он предназначался для двух погребенных [2, с. 187–188; 37, с. 176; 38, с. 72–74, рис. 1]. На северо-восточном склоне горы Аю-Даг, в южной части храма XIV–XVI вв., в могиле № 12, зачищен костяк мужчины, нижняя часть черепа которого была прикрыта крупным фрагментом стенки амфоры с дуговидными ручками XII–XIV вв. На ее внутренней стороне, обращенной к лицу покойного, имелась прочерченная формула «IC XC NIKA», вписанная между ветвями креста [35, с. 262–263, прим. 8]. Обломок стенки амфоры с дуговидными ручками с процарапанным крестом и фрагмент стенки пифоса с крестом и буквами «I» и «X» обнаружены в заполнении могилы № 14 на храмовом некрополе на южной окраине с. Малый Маяк у юго-восточных отрогов горы Ай-Тодор [35, с. 266, 290, рис. 13,2,3]. Подобные предметы найдены в с. Гончарное и на некрополе Судак IX [23, с. 456, рис. 188].

Скорее всего, фрагменты керамики с прочерченным крестом и христианской формулой заменяли носившиеся при жизни нательные кресты и были сделаны специально для погребений. Такая практика зафиксирована и в христианском погребальном обряде поздневизантийского времени (XIII – середины XV в.) на территории Греции [46, р. 377, 407, 413, fig. 20,3], а также у оседлого населения Нижнего Поднепровья во второй половине XIII – XIV в. [18, рис. 12,2,10; 19,6; 21,5; 22,4,6; 27,2; 30,16; 31,7; 32,1; 35,8; 36,9; 38,3; 39,3; 40,7; 41,2; 42,5; 44,2; 45,6,7,9; 47,2].

Датировка погребений

Время совершения захоронений в публикуемых могилах определяется по инвентарю и стратиграфии культурных напластований на исследованном участке. Показательны находки из могилы 2/2019: серебряная монета хана Узбека выпуска 1321–1340 гг., золотые серьги в виде знака вопроса, появившиеся в Крыму в XIV в., и гончарный кувшин, относящийся к группе неполивной керамики Юго-Западного Крыма, бытовавшей в XIV–XV вв. [33, с. 228]. Как отмечено выше, все могилы вписаны в слой разрушения конца XIII в. Таким образом, плитовые могилы, расположенные напротив базилики 1930 г., следует датировать XIV в.

Проведенные в 2018–2019 гг. археологические исследования позволяют уточнить планировку центральной части средневекового города на плато Эски-Кермен. В центральной части города располагалась главная базилика, перед которой была устроена небольшая площадь, шириной около 5 м (рис. 1). В XII–XIII вв., в последний период существования города, площадь с западной стороны ограничивалась парапетом из мощных известняковых блоков. За парапетом располагались жилые кварталы с двухэтажными усадьбами, крытыми черепицей. По планировке усадьбы центральной части города не сильно отличались от жилых построек из других городских кварталов. Открытое в 2018–2019 гг. помещение первого этажа, как и во всех исследованных ранее усадьбах на городище, было хозяйственным – в его скальном полу вырублены хранилища, в которых устанавливались пифосы и амфоры с зерном и другими продуктами. Окна находившейся перед базиликой усадьбы были застеклены, о чем свидетельствуют многочисленные находки фрагментов оконного стекла. Вместе с другими постройками на плато усадьба погибла в сильном пожаре в конце XIII в. во время набега войск Ногая [6, с. 249–250].

Обнаружение на разных участках городища в слое разрушения и в засыпанных этим слоем подвалах останков погибших от пожара и непогребенных людей, безусловно, свидетельствует как о единовременной гибели города, так и о том, что после пожара его не восстанавливали. Однако на плато выявлены свидетельства сохранения церковной жизнедеятельности и в XIV в. Скорее всего, в конце XIII – XIV в. к главной базилике пристроили часовню. Около базилики найдена высеченная из местного известняка надгробная модель крестовокупольного храма XIV в. [40, с. 30–33, рис. 1]. Продолжали функционировать вырубленные в XIII в. пещерные храмы с фресками [4, с. 282–283]. Жилые постройки XIV в. на плато Эски-Кермен пока не найдены. Открытые в 2018–2019 гг. плитовые могилы, в которых впервые зафиксированы закрытые комплексы XIV в., позволяют говорить о присутствии небольшой группы населения на плато уже после гибели большей части городища. В одной из могил впервые на плато найдена золотоордынская монета. находка костяного стило – инструмента для письма в одном из погребений молодой женщины является свидетельством распространения грамотности среди местных жителей и показателем высокого уровня культуры населения Горного Крыма в эпоху средневековья. Плитовые могилы находятся на большом расстоянии от базилики 1930 г. и от часовни 1978 г. (рис. 1), возможно, здесь в XIV в. функционировала еще одна небольшая часовня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб., Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 210 с.
2. Айбабин А.И. Раскопки могильника средневековой Фуны // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 187–188.
3. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
4. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277–306.
5. Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 74–81.
6. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
7. Айбабин А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 215–227.
8. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
9. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 годов на городище Эски-Кермен // ТГЭ. СПб., 2013. Т. LXIX. Византия в контексте мировой культуры. С. 7–21.
10. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
11. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Средневековый некрополь у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. X Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 19–22.
12. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования центральной части городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 25–32.
13. Березуцкий В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1989. С. 152–165.
14. Владимиров Г. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. Казань, 2018. 128 с.
15. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
16. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
17. Древняя Русь. Быт и культура. Археология СССР в 20-ти т. / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
18. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье: Запорожский государственный университет, 2001. 275 с.
19. Килевич С.Р., Орлов Р.С. Новое о ювелирном ремесле Киева в X в. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 61–76.
20. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология // МИА. 1959. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. II. С. 7–120.

21. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). Киев: Наукова думка, 1986. 127 с.
22. Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.
23. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Издатель Олег Филук, 2014. 467 с.
24. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИ-ЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
25. Овчинникова Б.Б. Писала – стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 45–105. (Проблемы истории России. Вып. 3).
26. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
27. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 192 с.
28. Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы по материалам раскопок 1993–1994 гг. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 136–142.
29. Плетнева С.А. Об одном уникальном могильнике Среднего Приднестровья // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 307–321.
30. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
31. Руденко К.А. Булгарское серебро. Казань: Заман, 2015. 528 с.
32. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
33. Тесленко И.Б. Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (бывш. Биук Ламбат, южный берег Крыма) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Донецк, 2012. С. 225–246. (Археологический альманах. № 48).
34. Тесленко И.Б. Изделия из металла, стекла и камня // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Киев, 2015. С. 219–224. (Археологический альманах. № 32).
35. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев, 2004. С. 260–296.
36. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 274 с.
37. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
38. Хайрединова Э.А. Кресты в захоронениях: особенности погребального обряда средневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма». Севастополь, 2017. С. 72–74.
39. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // «Готский сборник». ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1–8. С. 213–254.
40. Якобсон А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. Београд, 1976. Вып. 7. С. 30–33.

41. Berti F. Grave Goods from the Necropolis in the Agora of Iasos // *Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul. Istanbul, 2012. P. 187–211.
42. Böhlendorf-Arslan B. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy // *Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul. Istanbul, 2012. P. 351–368.
43. *Everyday Life in Byzantium* / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002. 600 p.
44. Harrison R.M. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 1. Princeton, 1986.
45. Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Paris, 1991. 392 p.
46. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe*. Kraków, 2012. P. 377–428.
47. Warland R. Der Gegenstand im Bild zur Kontextualisierung von Realien in der byzantinischen Wandmalerei Kappadokiens // *Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul. Istanbul, 2012. P. 369–384.
48. Waldbaum J. C. *Metalwork from Sardis*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1983. 216 p.

REFERENCES

1. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g.* St-Petersburg, Simferopol, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2012, 210 p.
2. Aibabin A.I. Raskopki mogil'nika srednevekovoi Funy. *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 goda*, Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 187–188.
3. Aibabin A.I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II, pp. 43–51.
4. Aibabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkheologicheskim svidetel'stvam. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 277–306.
5. Aibabin A.I. Step' i Iugo-Zapadniy Krym. Makarova T.I., Pletneva S.A. (Eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII vv.*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 74–81.
6. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 240–277.
7. Aibabin A.I. O date razrusheniia gorodishcha na plato Eski-Kermen. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2014, Vol. 42, pp. 215–227.
8. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekovaiia chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 422–457.
9. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Predmety khristianskogo kul'ta iz raskopok 2003–2008 godov na gorodishche Eski-Kermen. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2013, T. LXIX, pp. 7–21.
10. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
11. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Srednevekovyi nekropol' u khrama «Trekh vsadnikov» na sklone plato Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy X Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminara "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 19–22.
12. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Issledovaniia tsentral'noi chasti gorodishcha na plato Eski-Kermen v 2018 g. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy XI Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminara "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"*, Simferopol, 2019, pp. 25–32.

13. Berezutskii V.D. Novye dannye o pozdnykh kochevnikakh iz levoberezh'ia Srednego Dona. *Issledovanie pamiatnikov arkheologii Vostochnoi Evropy*, Voronezh, 1989, pp. 152–165.
14. Vladimirov G. *Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoi Bolgarii (XIII–XIV vv.): o material'nykh sledakh kumanov i Zolotoi Ordy v kul'ture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva*. Kazan, 2018, 128 p.
15. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastroiiki (XVI–XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 233–298.
16. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v severnom raione Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 182–260.
17. Kolchin B.A., Makarova T.I. (Eds.), *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura*. Moscow, Nauka Publ., 1997, 368 p.
18. El'nikov M.V. *Srednevekovi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniu 1989–1992 gg.)*. Zaporozh'e, Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2001, 275 p.
19. Kilevich S.R., Orlov R.S. Novoe o iuvelirnom remesle Kiev a X v. *Arkheologicheskie issledovaniia Kiev a 1978–1983 gg.*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 61–76.
20. Kolchin B.A. Zhelezoobrabatyvaiushchee remeslo Novgoroda Velikogo (produktiisia, tekhnologija. *Materialy i issledovanie po arkheologii SSSR*, Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, No. 65, pp. 7–120.
21. Kravchenko A.A. *Srednevekovi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV vv.)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 127 p.
22. Lositskii Iu.G., Parshina E.A. Eski-Kermenskaia bazilika. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 99–113.
23. Maiko V.V. *Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine X–XII vv.* Kiev, Oleg Filiuk Publ., 2014, 467 p.
24. Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 344–393.
25. Ovchinnikova B.B. Pisala – stilosy drevnego Novgoroda X–XV vv. (svod arkheologicheskogo istochnika). *Novgorodskaiia Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*, Ekaterinburg, 2000, pp. 45–105.
26. Parshina E.A. Eski-Kermenskaia bazilika. Bibikov S.N. (Ed.), *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
27. Peters B.G. *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 192 p.
28. Petrovskii V.A., Trufanov A.A. Srednevekovi khristianskii kompleks k zapadu ot Bakly po materialam raskopok 1993–1994 gg. Mogarichev Iu.M., Khrapunov I.N. (Eds.), *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*, Simferopol, Tavriia Publ., 1995, pp. 136–142.
29. Pletneva S.A. Ob odnom unikal'nom mogil'nike Srednego Pridnestrov'ia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 307–321.
30. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995.
31. Rudenko K.A. *Bulgarskoe srebro*. Kazan, Zaman Publ., 2015, 528 p.
32. Sedova M.V. *Iuvelirnye izdeliia Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 195 p.
33. Teslenko I.B. Keramika iz raskopok khristianskogo khrama s nekropolem v s. Malyi Maiak (byvsh. Biiuk Lambat, iuzhnyi bereg Kryma). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posviashchennyi 1800-letiiu goroda Sudaka*, Donetsk, 2012, pp. 225–246.
34. Teslenko I.B. Izdeliia iz metalla, stekla i kamnia. *Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy*, Kiev, 2015, pp. 219–224.
35. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Srednevekovi khristianskii khram na iuzhnoi okraie s. Malyi Maiak i ego arkheologicheskoe okruzhenie. «O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh» (po materialam konferentsii v chest' 210-letia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena), Kiev, 2004, Spp. 260–296.

36. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu Zolotoordynskikh khanov*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1966, 274 p.
37. Khairedinova E.A. Rannesrednevekovye kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151–182.
38. Khairedinova E.A. Kresty v zakhoroneniakh: osobennosti pogrebal'nogo obriada srednevekovogo khristianskogo naseleniia Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy nauchnoi konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo khrama»*, Sevastopol, 2017, pp. 72–74.
39. Shmit F.I. Eski-Kermenskaia bazilika. «*Gotskii sbornik*». *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, Leningrad, 1932, T. XII, Vol. 1–8, pp. 213–254.
40. Yakobson A.L. Model' khrama iz raskopok Eski-Kermen v Krymu i problema novogo arkhitekturnogo stilia v Vizantii. *Zograf*, Beograd, 1976, Vol. 7, pp. 30–33.
41. Berti F. Grave Goods from the Necropolis in the Agora of Iasos. *Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veröffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul*, Istanbul, 2012, pp. 187–211.
42. Böhlendorf-Arslan B. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy. *Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veröffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul*, Istanbul, 2012, pp. 351–368.
43. Papanikola-Bakirtzi D. (Ed.), *Everyday Life in Byzantium*. Athens, 2002, 600 p.
44. Harrison R.M. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 1, Princeton, 1986.
45. Jolivet-Lévy C. *Les églises byzantines de Cappadoce*. Paris, 1991, 392 p.
46. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe*, Kraków, 2012, pp. 377–428.
47. Warland R. Der Gegenstand im Bild zur Kontextualisierung von Realien in der byzantinischen Wandmalerei Kappadokiens. *Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veröffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul*, Istanbul, 2012, pp. 369–384.
48. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis*. Cambridge, MA, Harvard UP, 1983, 216 p.

A. I. AIBABIN^{a)}, E. A. KHAIREДИNOVA^{b)}

a) *V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)*

b) *Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)*

FOURTEENTH-CENTURY SLABBED GRAVES AT ESKI-KERMEN PLATEAU

Abstract: In the central area of the ancient town atop Eski-Kermen plateau, there was a nave-and-two-aisles basilica constructed in the late sixth century, which functioned to the fall of the city in the late thirteenth century. Near this basilica, there was a cemetery. In 2018–2019, excavations in front of the basilica uncovered three slabbed graves to be published in the present paper. These graves were sunken into the thirteenth-century destruction layer, two of them cutting the northern wall of a room which perished in fire in the same period. From a silver coin of Khan Uzbek minted in 1320–1341 AD, golden question-mark-shaped earrings, which appeared in the Crimea in the fourteenth century, and a wheel-made pitcher of the group of unglazed pottery existing in the south-western Crimea in the fourteenth and fifteenth century, there are reasons to date the graves in question to the fourteenth century. The area of the cemetery under excavations allows us to suggest that, after the main part of the town perished in fire in the late-thirteenth century, a small population group continued living on the Eski-Kermen plateau. The find of a bronze stylus in a young woman's grave testifies to the literacy of the

local residents and the indicates advanced cultural level of the Mountainous Crimea population in the Mediaeval period. These slabbed grave were located at a considerable distance from 1930 Basilica and 1978 Altarless Church. Perhaps, there was another small altarless church from the fourteenth century.

Keywords: Eski-Kermen, fortified town, basilica, slabbed graves, question-mark-shaped earrings, bone stylus, iron hinged scissors.

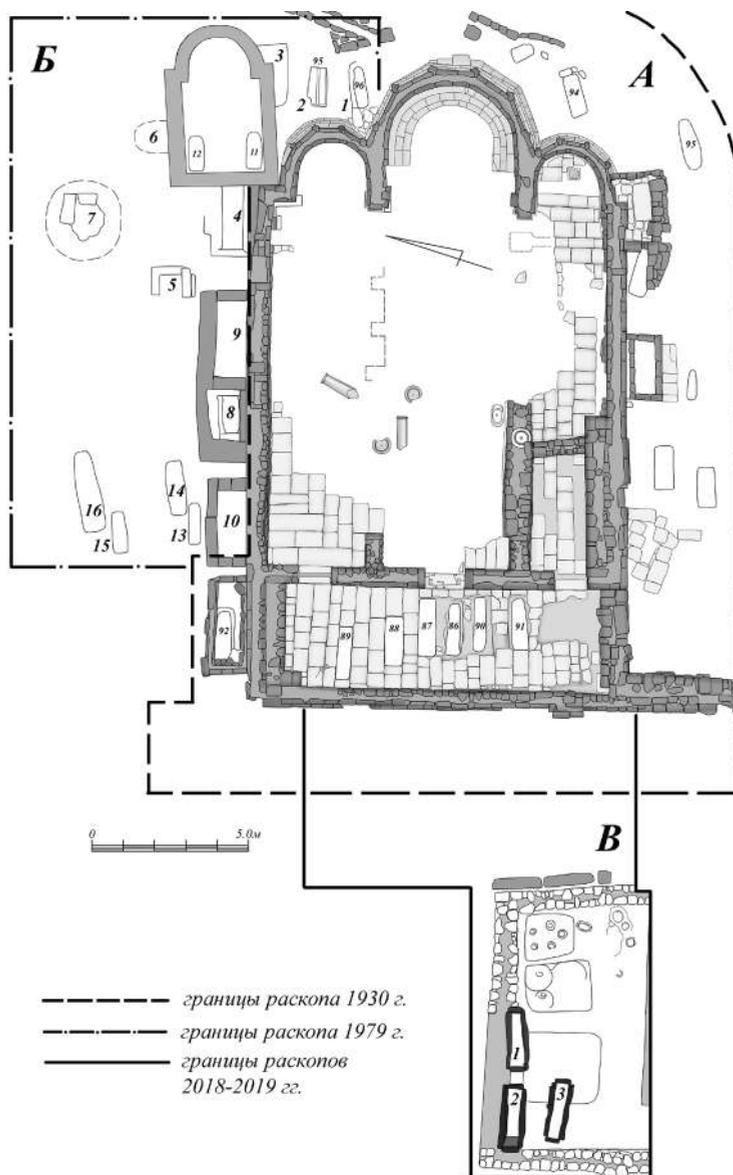

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен. План трехнефной базилики и прилегающей территории. А – раскоп 1930 г.; Б – раскоп 1979 г.; В – раскопы 2018–2019 гг. (составлен Э.А. Хайрединовой)

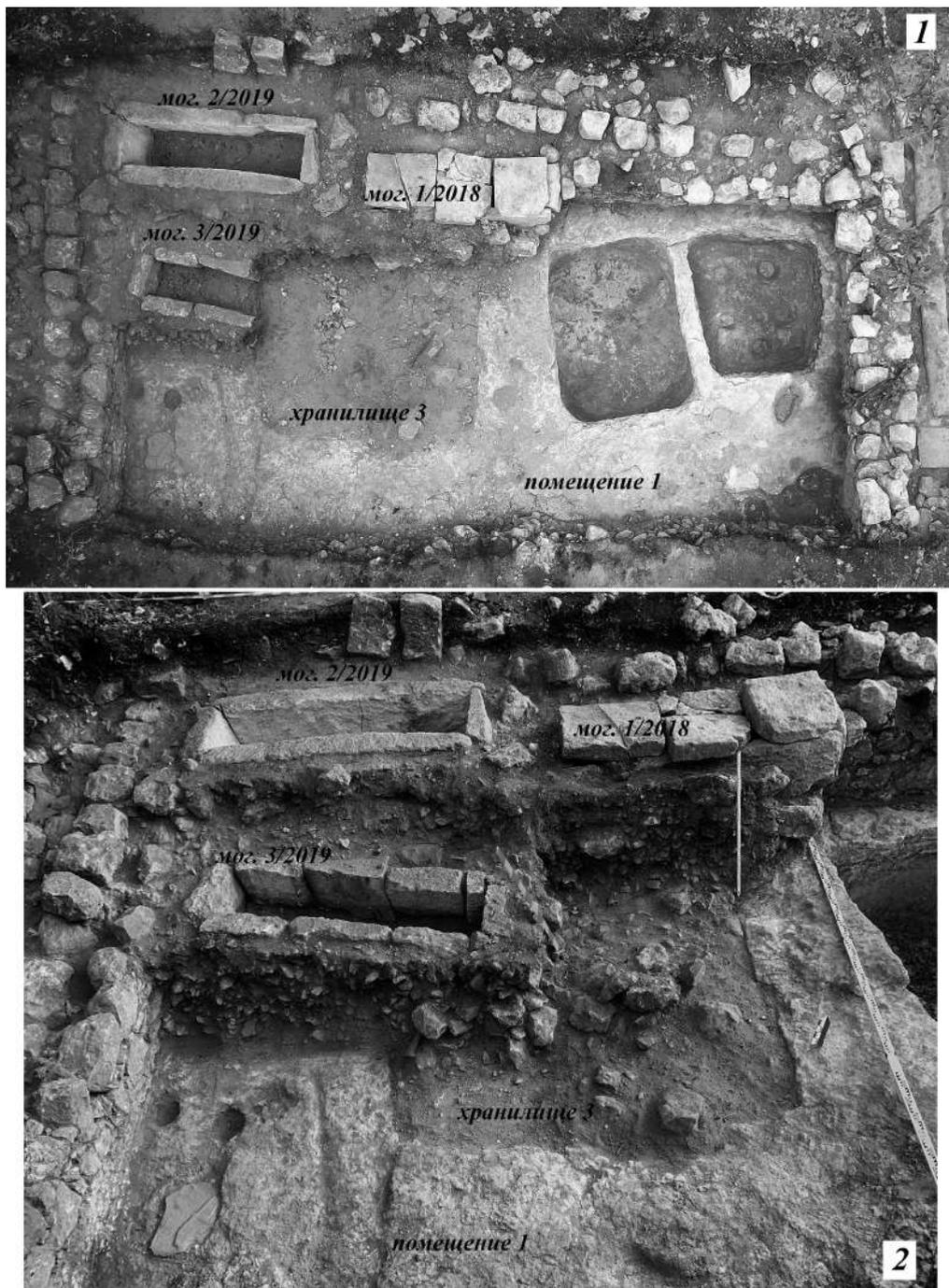

Рис. 2. Городище на плато Эски-Кермен. Раскопы 2018–2019 гг.

1 – общий вид сверху (фото А.А. Душенко); 2 – вид с юго-востока (фото А.И. Айбабина)

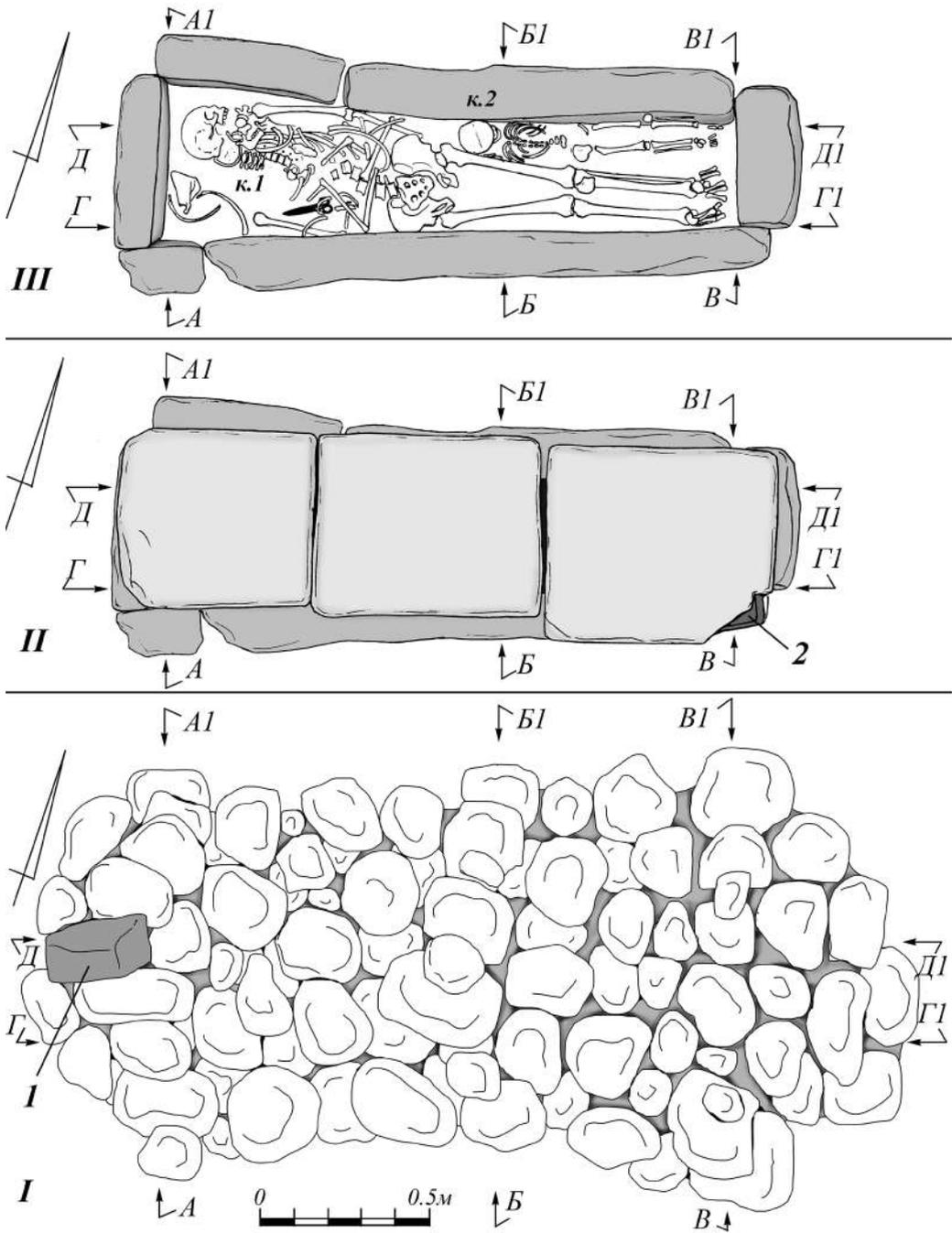

Рис. 3. Городище на плато Эски-Кермен. План плитовой могилы 1/2018.

I – каменный завал над плитовым перекрытием (1 – камень с прорезанным крестом); II – плитовое перекрытие могилы (2 – фрагмент керамиды); III – погребения (чертеж Э.А. Хайрединовой)

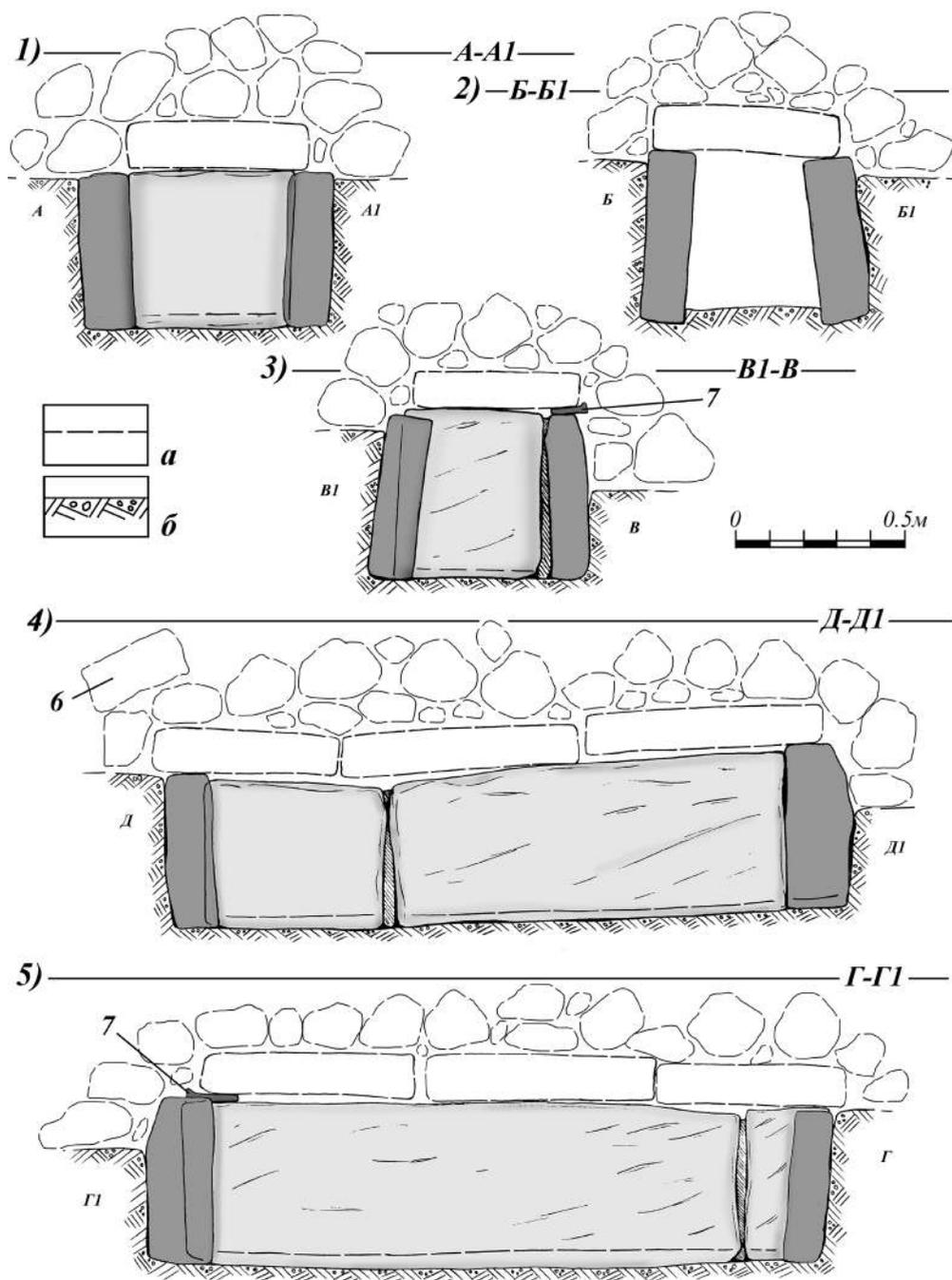

Рис. 4. Городище на плато Эски-Кермен. Плитовая могила 1/2018.

1–5 – разрезы к плану и фасировки бортов могилы; 6 – камень с прорезанным крестом; 7 – фрагмент керамиды (чертеж Э.А. Хайрединовой)

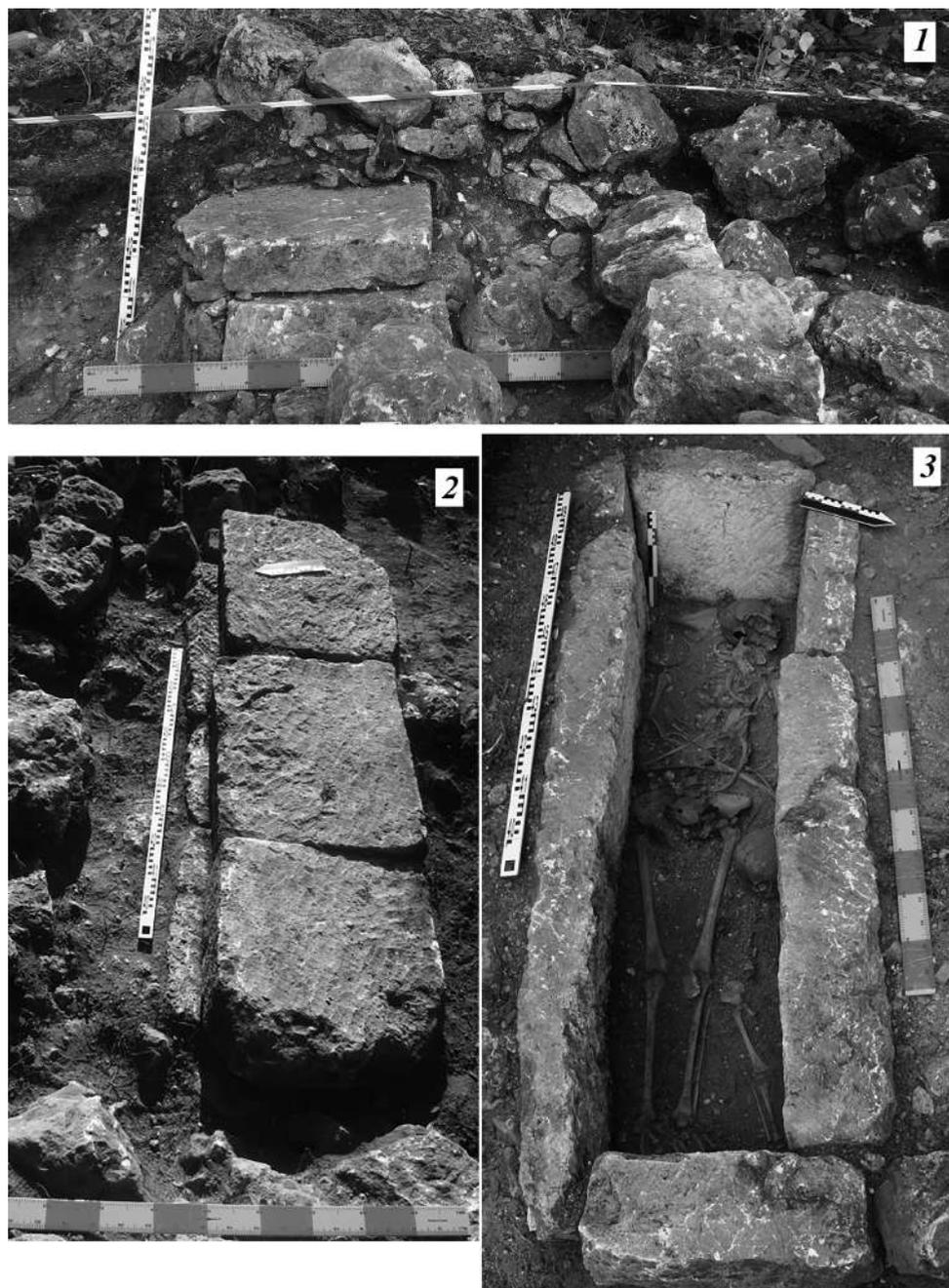

Рис. 5. Городище на плато Эски-Кермен. Плитовая могила 1/2018.

1 – каменный завал над могилой в поперечном разрезе, вид с северо-востока (фото А.И. Айбабина);
2 – плитовое перекрытие, вид с запада (фото А.И. Айбабина); 3 – погребения, вид с северо-востока
(фото Э.А. Хайрединовой)

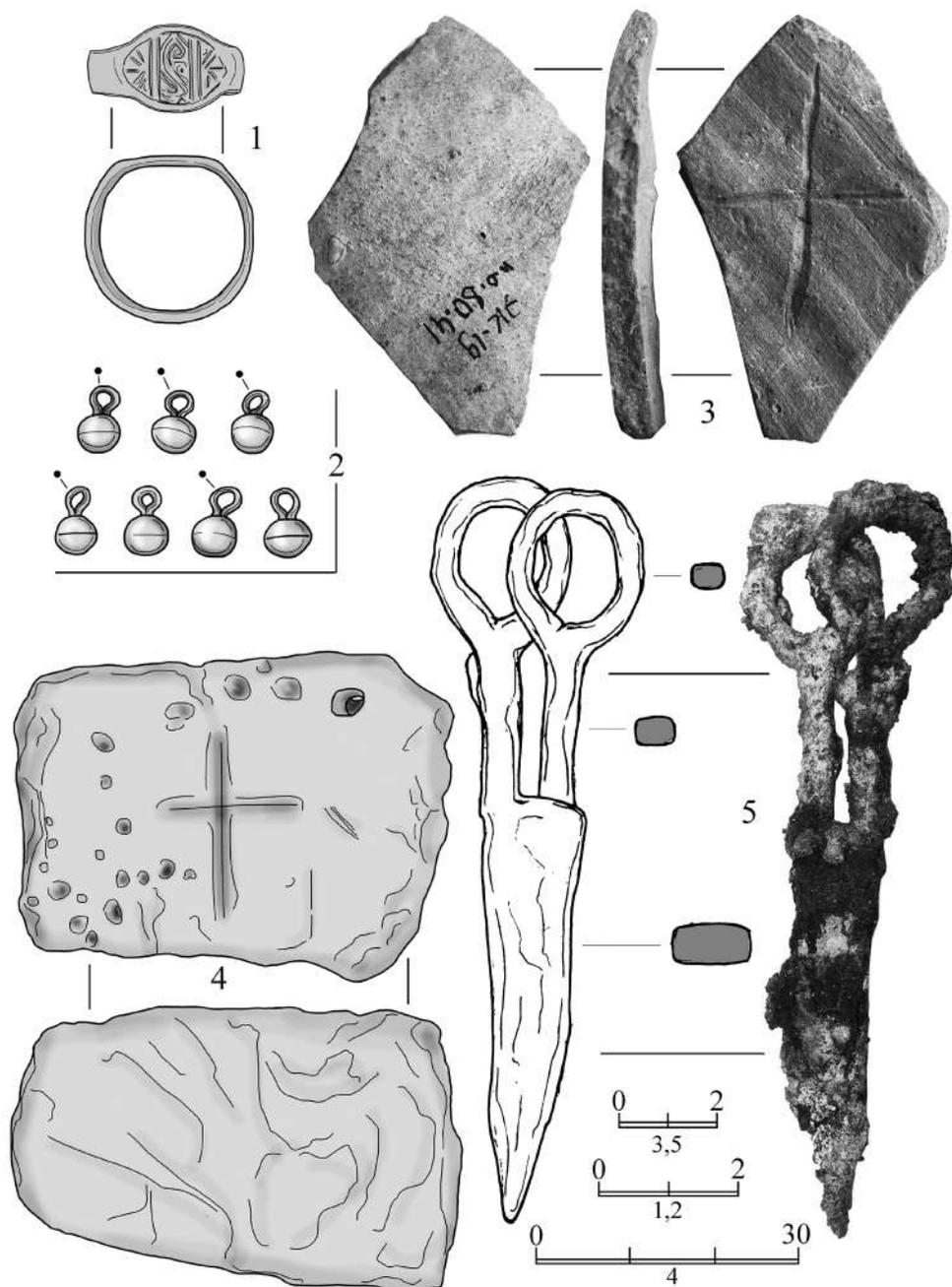

Рис. 6. Городище на плато Эски-Кермен. Находки из плитовой могилы 1/2018.

1 – бронзовый перстень; 2 – серебряные пуговицы, покрытые позолотой; 3 – фрагмент стенки гончарного сосуда с прочерченным крестом; 4 – каменный блок с прорезанным крестом; 5 – железные шарнирные ножницы (фото и рисунок Э.А. Хайрединовой)

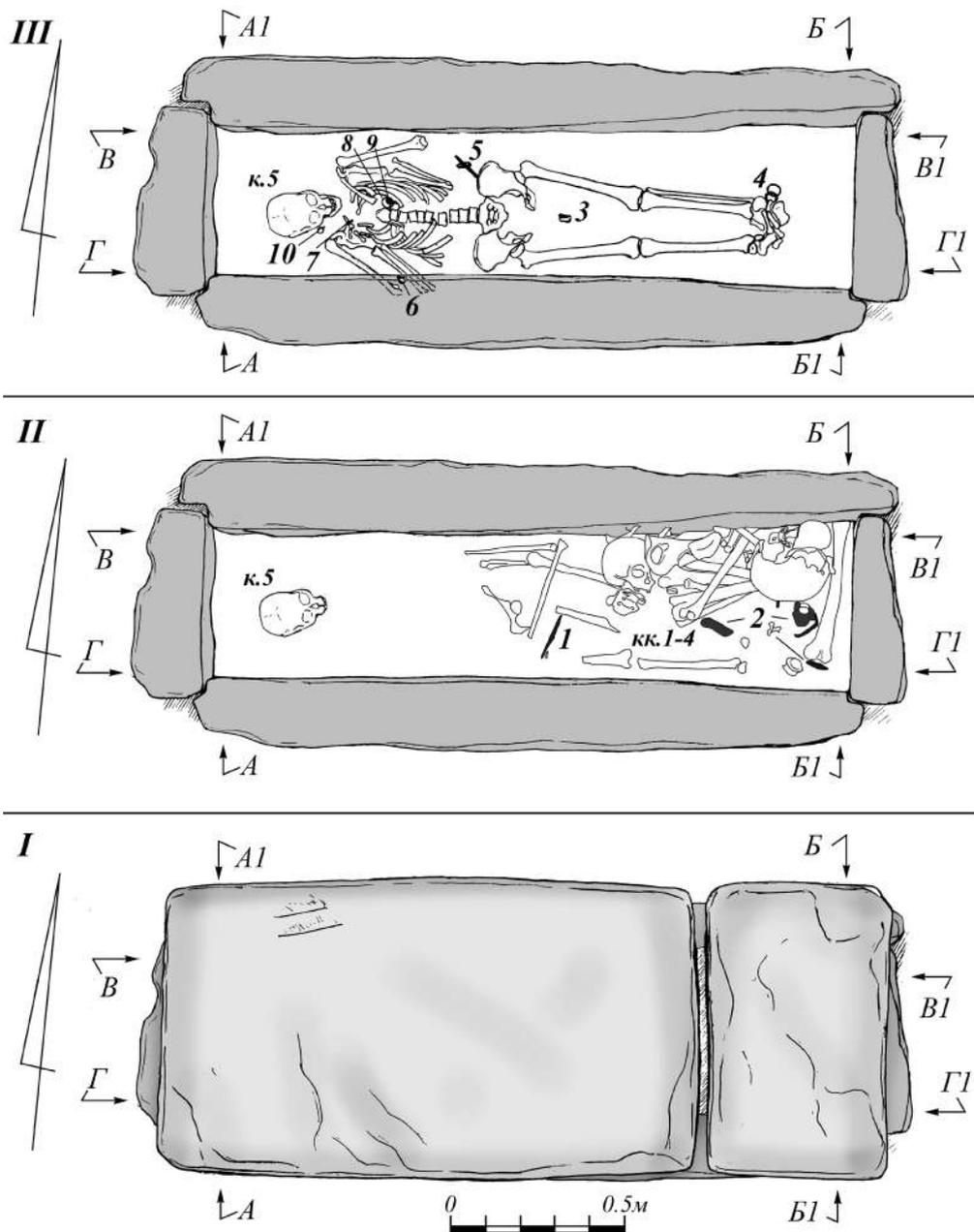

Рис. 7. Городище на плато Эски-Кермен. План плитовой могилы 2/2019.

I – плитовое перекрытие могилы; II – перемещенные кости погребений 1–4 (1 – железный наконечник стрелы; 2 – фрагменты гончарного кувшина); III – погребение 5 (3 – астрагал; 4, 8 – бронзовые кольца; 5 – костяное стилlo; 6, 10 – золотые серьги; 7 – золотый перстень; 9 – серебряная монета) (чертеж Э.А. Хайрединовой)

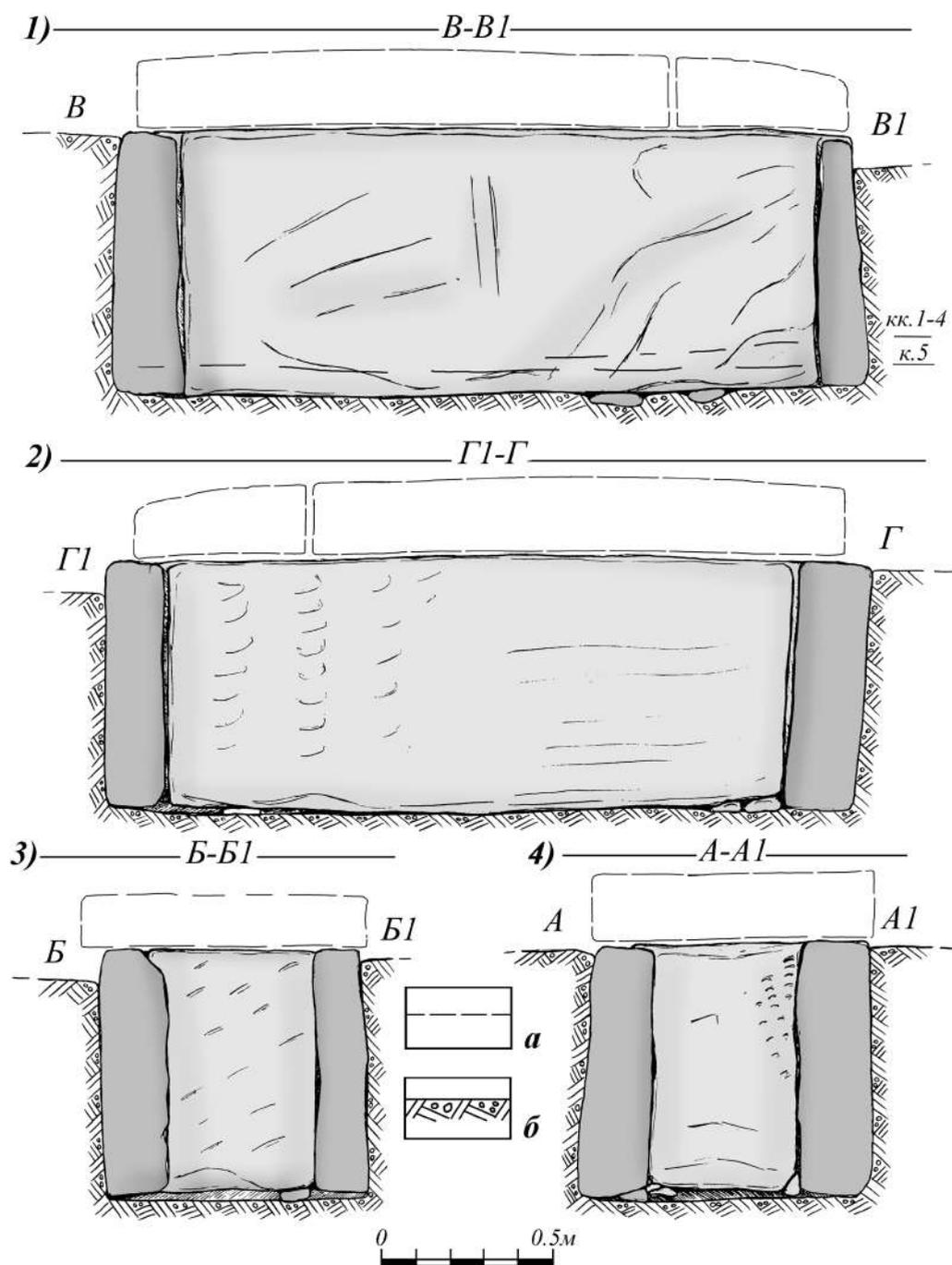

Рис. 8. Городище на плато Эски-Кермен. Плитовая могила 2/2019.
Разрезы к плану и фасировки бортов могилы (чертеж Э.А. Хайрединовой)

Рис. 9. Городище на плато Эски-Кермен. Плитовая могила 2/2019.

1 – плитовое перекрытие, вид с юго-востока (фото А.И. Айбабина); 2 – перемещенные погребения 1–4, вид с юго-запада (фото А.И. Айбабина); 3 – погребение 5, вид с северо-востока (фото Э.А. Хайрединовой)

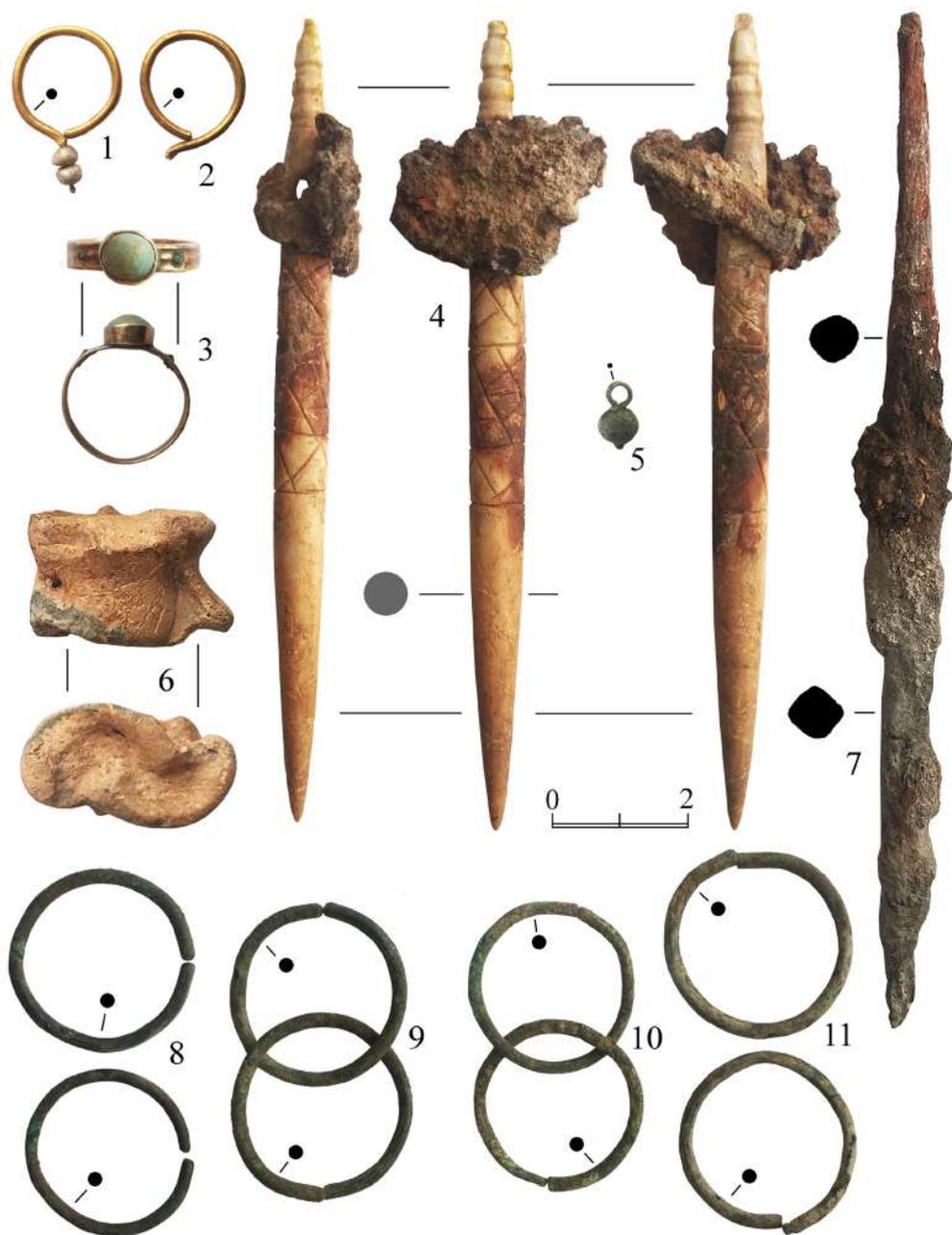

Рис. 10. Городище на плато Эски-Кермен. Находки из плитовой могилы 2/2019.

1, 2 – золотые серьги; 3 – золотой перстень; 4 – костяное стило с железной петлей от чехла; 5 – бронзовая пуговица; 6 – астрагал; 7 – железный наконечник стрелы; 8–11 – бронзовые кольца (фото Э.А. Хайрединовой)

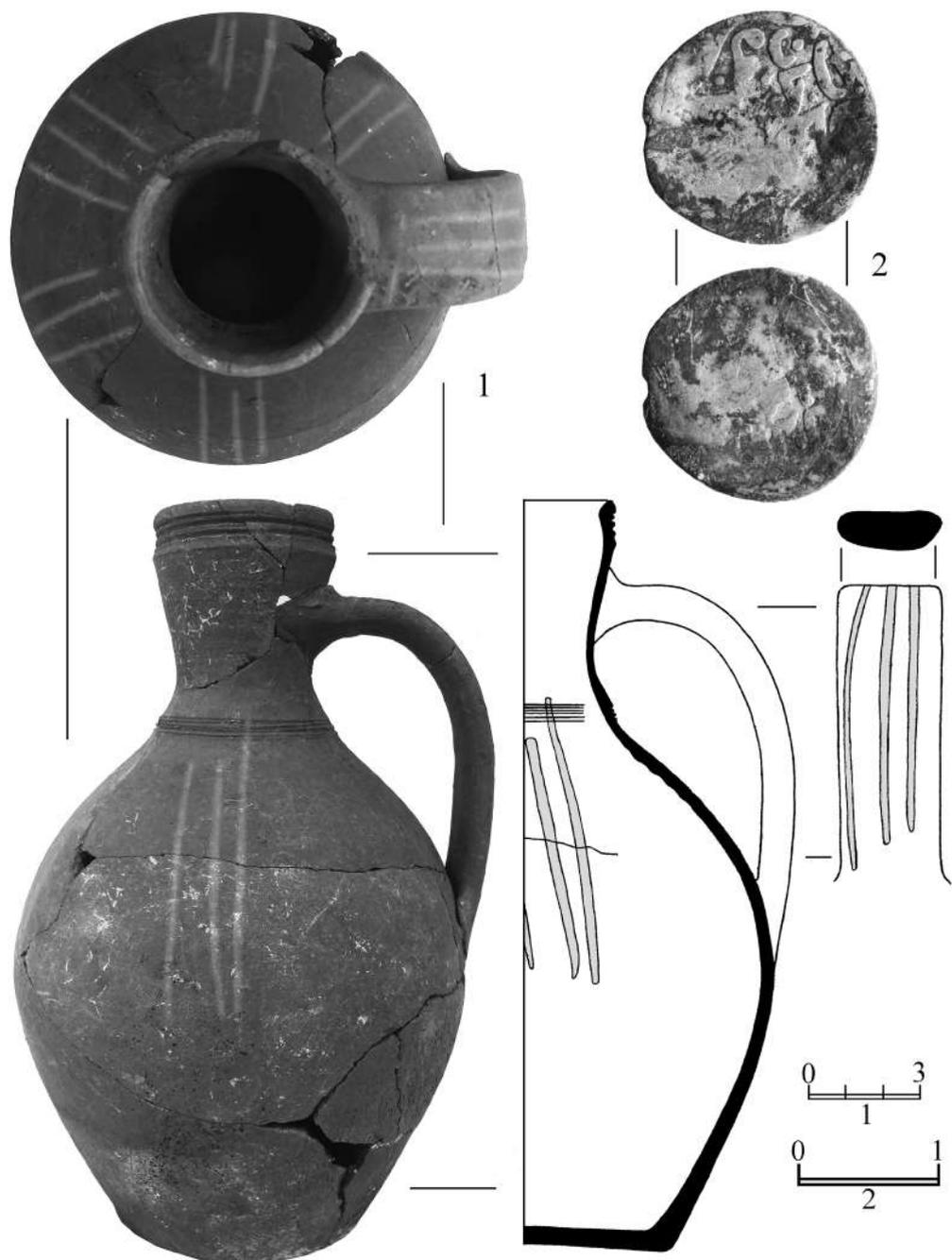

Рис. 11. Городище на плато Эски-Кермен. Находки из плитовой могилы 2/2019.
1 – гончарный кувшин группы неполивной керамики Юго-Западного Крыма; 2 – серебряная монета хана Узбека выпуска 1321–1340 гг. (фото Э.А. Хайрединовой)

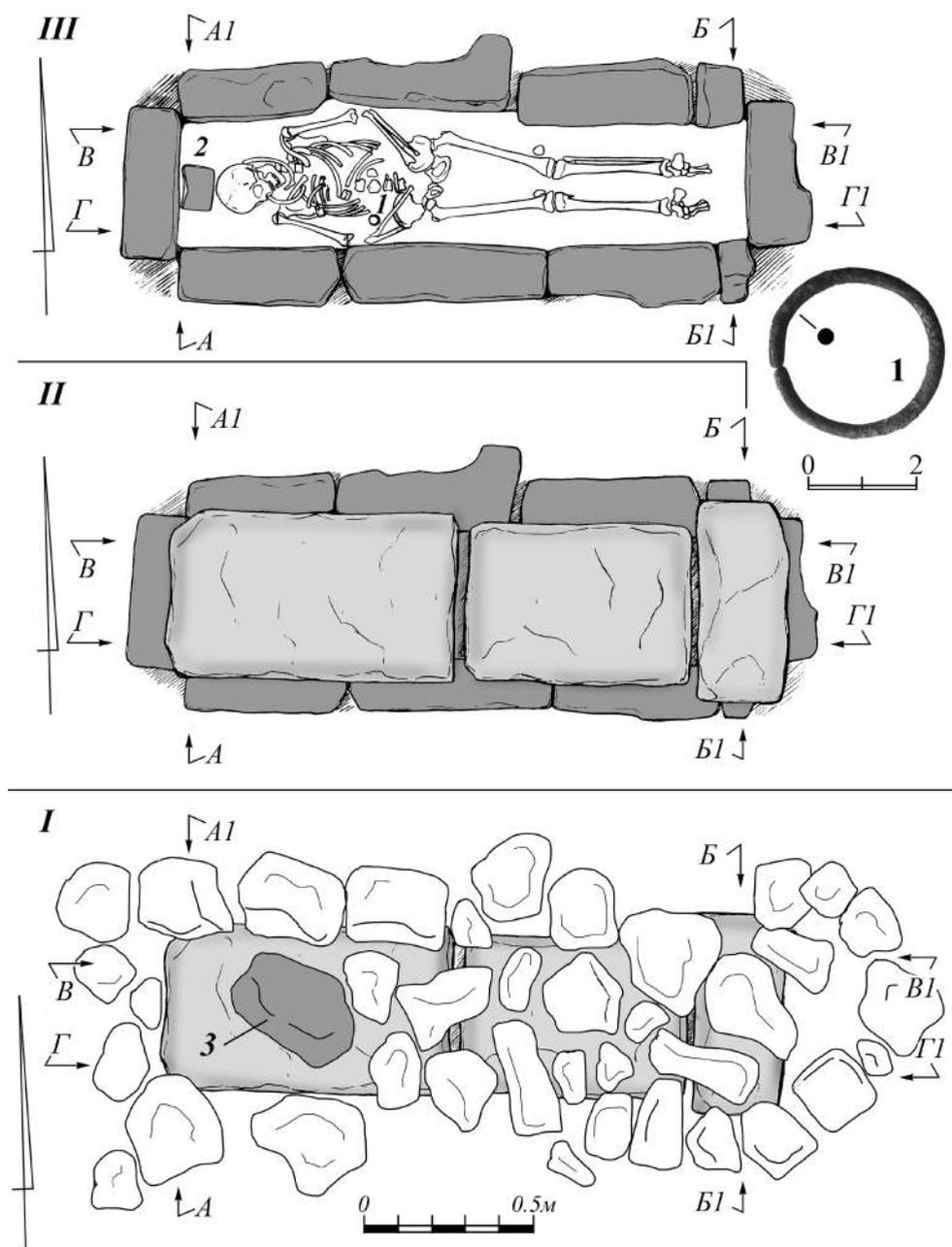

Рис. 12. Городище на плато Эски-Кермен. План плитовой могилы 3/2019.

I – каменный завал над плитовым перекрытием (3 – камень с прорезанным крестом); II – плитовое перекрытие могилы; III – погребение (1 – бронзовое кольцо; 2 – фрагмент керамиды) (чертеж Э.А. Хайрединовой)

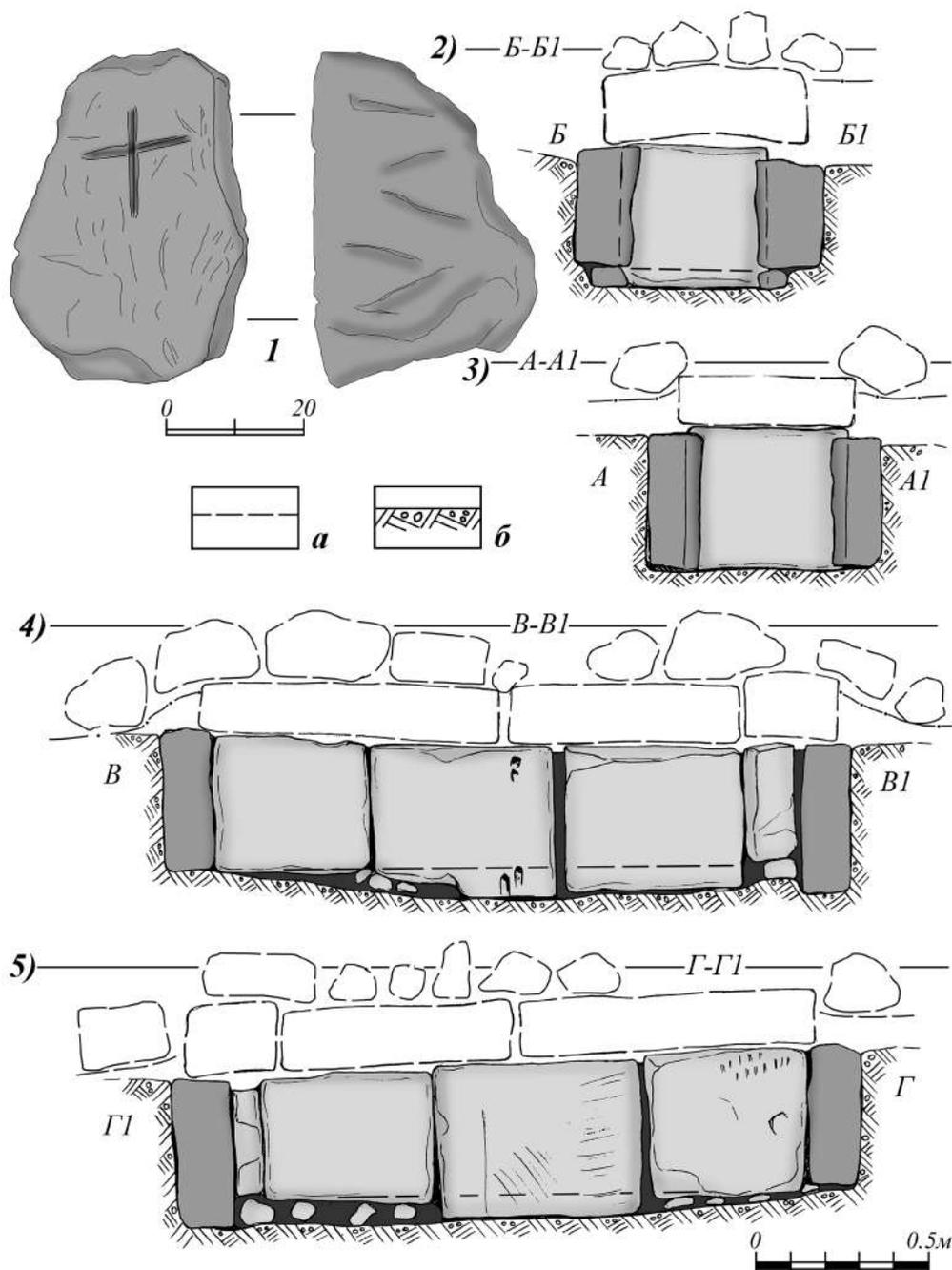

Рис. 13. Городище на плато Эски-Кермен. Плитовая могила 3/2019.

1 – камень с прорезанным крестом; 2–5 – разрезы к плану и фасировки бортов могилы (чертеж Э.А. Хайрединовой)

Рис. 14. Городище на плато Эски-Кермен. Плитовая могила 3/2019.

1 – каменный завал над могилой, вид с северо-востока (фото А.И. Айбабина); 2 – плитовое перекрытие, вид с северо-востока (фото А.И. Айбабина); 3 – погребение, вид с северо-востока (фото Э.А. Хайрединовой)

**А. Ю. ЛОБОДА^{а)1}, А. В. АНТИПЕНКО^{р)2}, Н. Н. ПРЕСНЯКОВА^{а)},
В. М. РЕТИВОВ^{б)}, Е. С. ВАЩЕНКОВА^{б)}, Е. Ю. ТЕРЕЩЕНКО^{а,в)},
Е. Б. ЯЦИШИНА^{а)}**

а) НИЦ «Курчатовский институт» (Москва, Россия)

б) НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА (Москва, Россия)

в) ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН (Москва, Россия)

г) Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОЛЫХ СФЕРИЧЕСКИХ ПУГОВИЦ XIII – НАЧАЛА XIV В. (ПО НАХОДКАМ ИЗ МОГИЛЫ 1/2018 НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН)

Аннотация: Элементный состав семи полых сферических пуговиц, найденных в могиле 1/2018 на плато Эски-Кермен, был исследован методом РФЛА. Две пуговицы затем были изучены методом МС-ИСП-ЛА, микропробы от них были исследованы РЭМ/ЭРМ. Цель исследования состояла в выявлении технологических этапов создания изделий и определении рецептуры всех использованных в работе сплавов. Сделан вывод, что все семь обнаруженных в погребении пуговиц являются серией предметов, изготовленных одновременно и из одного сырья.

Ключевые слова: городище на плато Эски-Кермен, сферические пуговицы, элементный состав, РФЛА, МС-ИСП-ЛА, РЭМ/ЭРМ, техника изготовления.

В 2018 г. совместной экспедицией Института археологии Крыма РАН и НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой в центральной части городища Эски-Кермен, в 10 м к юго-западу от Главной базилики открыта

¹ Исследования проводились при поддержке Министерства науки и высшего образования в рамках выполнения работ по Государственному заданию ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН в части «исследования состава исторического металлического изделия», Тематического плана НИЦ «Курчатовский институт» в части «развитие методологии изучения объектов культурного наследия с применением естественно-научных методов».

² Исследование проводилось в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZG-2017-0008 по теме «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».

плитовая могила 1/2018 с захоронениями женщины и ребенка конца XIII – начала XIV в. В состав инвентаря женского погребения входили семь одинаковых полых сферических металлических пуговиц (высота 0,8–0,9 см, диаметр 0,6 см) с проводочной петелькой для пришивания [3, с. 26] (рис. 1).

Пуговицы представляют собой сборную конструкцию из трех спаянных между собой деталей – петли для пришивания, верхней и нижней полусферы. На верхней полусфере всех пуговиц присутствует ровное округлое отверстие, сделанное, скорее всего, для отвода газов при пайке. Петля для пришивания выполнена в виде кольца из круглой в сечении проволоки (толщиной 0,07–0,1 см) с несомкнутыми концами.

Пуговицы этого типа бытовали на территории Крыма в IX–XIV вв. Они встречаются в погребениях Юго-Западного Крыма, Сугдеи и Боспора [5, с. 370–372, рис. 17,6,8–10; 7, рис. 9,4; 4, с. 150–151, рис. 167,12]. На плато Эски-Кермен пуговицы аналогичной конструкции выявлены в усыпальницах, вырубленных около пещерных храмов на подъемной дороге [1, с. 47, рис. 7,16], в склепах около северной стены Главной базилики [6, с. 46, фото 5], а также в костнице под алтарной частью часовни в квартале 1 [2, с. 452, рис. 20,2–6].

До настоящего времени элементный состав найденных в Крыму полых сферических пуговиц, а также технология их изготовления не изучались. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Образцы и методика исследований

Первичное рентгенофлуоресцентное исследование (РФЛА) всех семи пуговиц, обнаруженных в погребении, проводилось в НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского на энергодисперсионном рентгеновском флуоресцентном спектрометре M1 MISTRAL (Bruker), с полупроводниковым кремний-дрейфовым детектором высокого разрешения (50 кэВ, мощность 50 Вт), ПО – XSpестPro. Размер пучка на образце (изучаемая область) составлял 1,5*1,5 мм². Регистрация флуоресцентного излучения проводилась «на воздухе», что позволило детектировать элементы с атомным номером выше 17 (Cl). Исследование элементного состава проводилось на неочищенных предметах. Изучались зоны в центральной части полусферы пуговиц.

Для более подробного анализа технологических особенностей изготовления был проведен ряд дополнительных исследований двух пуговиц с различным содержанием ртути и золота в поверхностном слое (№ 24 – объект А и № 26 – объект Б):

(1) Элементный состав металла каждой пуговицы (нижней полусферы) был определен методом масс-спектрометрии индуктивно связанной плазмой с пробоотбором лазерной абляцией (МС-ИСП-ЛА). Использование этого метода позволяет установить с высокой точностью примесный состав сплава, вплоть до следовых концентраций. Для проведения измерений использовали масс-спектрометр с индуктивно связанной плазмой ELAN DRC-е с системой лазерной абляции NWR 213 с параметрами:

Плазмообразующий поток аргона – 0,5 дм³/мин

Расход гелия через ячейку с образцом, дм³/мин – 0,5

Режим работы лазера – непрерывный

Диаметр пятна лазерного луча – 110 мкм

Мощность лазерного луча – 85%

Частота импульсов лазерного луча – 10 Гц

Плотность потока энергии лазерного луча – 1,8 Дж/см²

Скорость сканирования шаблона – 80 мкм/с

Градуировку масс-спектрометра проводили по твердым стандартным образцам NISTSRM612, NISTSRM610, NISTSRM614, NISTSRM616.

Исследуемый объект помещали на столик для пробы, прикрепляя его углеродным скотчем для электронной микроскопии, позиционируя пробу таким образом, чтобы интересующая точка (центральная область нижней полусферы пуговицы) находилась в верхней плоскости. Далее столик помещали в ячейку для абляции, вакуумировали и продували гелием. Перед рабочим измерением проводили предварительную лазерную очистку поверхности для удаления следов внешнего воздействия и улучшения сходимости результатов. Затем последовательно осуществляли абляцию и анализ калибровочных стандартов и исследуемых образцов.

(2) Также были выполнены исследования элементного состава поверхности и распределения элементов по глубине в шлифах микропроб от обеих пуговиц с применением методов растровой электронной микроскопии (РЭМ) с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (ЭРМ). Эксперименты проводились на двухлучевом растровом электронном микроскопе Versa 3D (ThermoFisherScientific), оборудованном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром (EDAX, энергетическое разрешение 128 эВ), при ускоряющем напряжении 30 кВ в условиях высокого вакуума (10⁻⁴ Па), что позволило регистрировать легкие элементы (кислород, углерод и т.д.). Содержание элементов в объекте определялось в диапазоне от 0,5 до 100 массовых % с использованием ПО TEAM (EDAX). При исследовании поверхности объектов две пуговицы помещались в РЭМ, их элементный состав измерялся в различных областях по всей поверхности, в том числе, в зоне шва в центре тела пуговиц. На поверхности микрошлифов выполнялся точечный ЭРМ и строились карты распределения химических элементов для изучения стратиграфии приповерхностной области. Ввиду наблюдаемой сборной конструкции пуговиц, микропробы металла были отобраны от каждого конструктивного элемента без нарушения основной целостности объектов. Для сохранения оригинальной ориентации (поверхность/основа), микропробы помещались в эпоксидную смолу и шлифовались. Зоны отбора микропроб:

объект А (пуговица №24)

A1 – Петля для пришивания

A2 – Верхняя полусфера

A3 – Нижняя полусфера

A4 (A4.1, A4.2) – Соединение петли и верхней полусферы

Исследование микрошлифа этой переходной зоны происходило в два этапа – были проведены измерения и построены карты распределения химических элементов от пробы A4.1, затем образец повторно шлифовался, после чего снова анализировался, как проба A4.2.

объект Б (пуговица №26)

Б1 – Петля для пришивания

Б2 – Верхняя полусфера

Б3 – Нижняя полусфера

Из зоны соединения петли и верхней полусферы пуговицы 26 не было возможности отобрать пробу, не повреждая изделие.

Результаты

Измерения элементного состава поверхности пуговиц, проведенные методом РФЛА (табл. 1), показали высокое содержание в изделиях золота (до 50,15%), серебра (до 84,09%), меди (до 31,74%) и ртути (до 13,56%). Кроме того, в составе пуговиц был зафиксирован цинк (до 0,46%).

Таблица 1. РФЛА данные элементного состава металла пуговиц

		Ag	Cu	Au	Hg	Zn
Пуговица № 22	Точка 1	61,93	10,76	22,85	4,46	–
	Точка 2	84,09	4,74	7,81	3,36	–
Пуговица № 23	Точка 1	30,83	10,29	47,14	11,42	0,32
	Точка 2	30,69	15,46	41,14	12,39	0,32
Пуговица № 24 (объект А)	Точка 1	31,44	12,37	42,44	13,56	0,19
	Точка 2	31,22	7,65	49,14	11,80	0,19
Пуговица № 25	Точка 1	30,78	13,86	44,25	10,89	0,23
	Точка 2	26,10	19,58	41,33	12,79	0,20
Пуговица № 26 (объект Б)	Точка 1	31,19	11,33	46,04	11,20	0,23
	Точка 2	25,45	31,74	32,54	9,88	0,39
Пуговица № 27	Точка 1	31,17	5,74	50,15	12,77	0,18
	Точка 2	27,20	15,44	43,45	13,45	0,46
Пуговица № 28	Точка 1	34,57	7,16	46,09	12,106	0,17
	Точка 2	30,74	10,57	45,44	13,10	0,14

Обнаружение в элементном составе пуговиц золота и ртути позволило предположить использование технологии амальгамного золочения в их декоративной отделке. Дальнейшее изучение примесей в составе металла и стратиграфия слоев выполнялись на двух пуговицах (24 и 26).

Исследование элементного состава пуговиц 24 (А) и 26 (Б) методом МС-ИСП-ЛА показало, что они близки по содержанию как основных, так и примесных элементов (табл. 2).

Таблица 2. Результаты МС-ИСП-ЛА измерения элементного состава пуговиц

	Ag	Cu	Au	Hg	Pb	Sn	Sb	Zn	Tl	Te	Fe	Ni
А основа	13,136	46,900	3,670	0,562	0,015	0,013	0,002	0,003	0,001	0,001	0,001	0,001
Б основа	12,275	46,000	3,634	0,575	0,016	0,013	0,003	0,004	0,001	0,001	0,001	0,001

Помимо элементов, указанных в таблице 2, в металле обеих пуговиц обнаружено присутствие (менее 10 мкг/г): Li, Be, B, Al, Ti, V, Cr, Mn, Co, Sr, Zr, Mo, Cd, Ba, W, Th, U. Следует отметить, что глубина проникновения лазера на объекты превышала толщину слоя позолоты и, следовательно, полученные данные о содержании примесей относятся не только к приповерхностной зоне, но и к основному металлу.

РЭМ/ЭРМ измерения элементного состава поверхности пуговиц (табл. 3, А-І, Б-І) показали, что металл крайне схож по содержанию меди (2,2–2,6%), золота (71,7–71,9%) и ртути (6,8–8,3%), а также по общему характеру и количеству других микропримесей (Fe 0,2–0,4%; Ag 1,4–2,2%; O 14,7–15,7%). В составе пуговицы 26 (табл. 3, Б-І) обнаружен свинец (0,4%). На фоне измерений основного металла по своему составу выделяется область поверхностной зоны шва на пуговице 24 (табл. 3, А-ІІ) – содержание меди здесь достигает 48,7%, свинца – 3,6%, появляется цинк (3,8%), понижается содержание золота (8,2%) и серебра (2,8%), почти исчезает ртуть (0,7%), зафиксированы: P (1,6%), Si (0,9%), Al (4,4%).

Таблица 3. Данные РЭМ/ЭРМ элементного состава: *обл. Ім* – основной металл; *обл. 2з* – слой позолоты; *обл. 3*, *обл. 3.1*, *обл. 3.2* – промежуточные слои, лежащие между основным металлом и слоем золочения

Поверх- ность			Ag	Cu	Au	Hg	Zn	Pb
	А-І		1,4	2,6	71,7	8,3	–	–
	А-ІІ		2,8	48,7	8,2	0,7	3,8	3,6
	Б-І		2,2	2,2	71,9	6,8	–	0,4
Шлифы микропроб (по глубине)	А1	<i>обл. Ім</i>	81,7	12,6	1,4	0,1	0,1	1,3
		<i>обл. 2з</i>	2,0	1,5	78,0	14,4	–	–
	А2	<i>обл. Ім</i>	79,3	15,3	0,7	0,2	–	1,0
		<i>обл. 2з</i>	4,4	1,0	70,7	22,8	–	0,1
	А3	<i>обл. Ім</i>	81,0	11,5	1,0	0,7	–	2,0
		<i>обл. 2з</i>	30,9	4,4	2,6	59,1	–	0,7
	А4.1	<i>обл. Ім</i>	81,6	13,1	0,3	–	–	1,0
		<i>обл. 2з</i>	20,4	9,3	52,9	9,9	0,2	0,8
		<i>обл. 3</i>	80,6	6,0	0,4	0,1	2,1	4,7
	А4.2	<i>обл. Ім</i>	75,4	22,6	0,1	–	–	0,8
		<i>обл. 2з</i>	20,3	4,0	50,0	18,5	–	0,6
		<i>обл. 3.1</i>	4,4	60,5	1,7	0,2	11,0	10,2
		<i>обл. 3.2</i>	26,3	25,7	1,2	1,7	14,9	16,6
	Б1	<i>обл. Ім</i>	81,3	13,0	0,6	0,1	–	1,4
		<i>обл. 2з</i>	12,3	5,3	66,9	7,5	0,7	–
	Б2	<i>обл. Ім</i>	80,9	13,5	0,4	0,3	–	1,4
		<i>обл. 2з</i>	23,8	13,8	43,6	8,5	–	–
	Б3	<i>обл. Ім</i>	81,8	12,7	0,5	0,2	–	1,2
		<i>обл. 2з</i>	6,8	2,1	72,3	5,8	0,4	–

Анализ распределения химических элементов на поверхности шлифов (рис. 2) показал, что основной металл, из которого изготовлены все детали обеих исследованных пуговиц, представляет собой сплав на основе серебра (75,4–81,7%) и меди (11,5–22,6%) (табл. 3, *A1 обл.1м – A4.2 обл.1м, B1обл.1м – B3 обл.1м*). Также в основном металле обнаружен свинец (0,8–2,0%), в одной зоне фиксируется наличие цинка (0,1%), присутствуют в малых количествах золото (0,1–1,4%) и ртуть (0,1–0,7%).

Исследование слоя золочения (табл. 3, *A1 обл.2з – A4.2 обл.2з, B1 обл.2з – B3 обл.2з*), визуально детектируемого на всех микрошлифах (рис. 2), показало значительную неоднородность в содержании ртути (5,8–59,1%), а также колебания концентраций золота (2,6–78,0%), серебра (2,0–30,9%), меди (1,0–13,8%) и свинца (0–0,8%). Цинк обнаружен в пробах A4.1, B1 и B3 (0,2%, 0,7% и 0,4% соответственно).

Присутствие меди зафиксировано также выше слоя золочения – в зоне, относящейся к внешней поверхности пуговицы, и, вероятно, имеющей коррозионный характер.

Отдельно нужно отметить исследования, проведенные на микрошлифах от области соединения петли с верхней полусферой (A4.1, A4.2). Построение карт распределения химических элементов на поверхности микрошлифа A4.1 (рис. 3) позволило обнаружить в образце три зоны, различные по структуре и элементному составу: основной металл (табл. 2, *A4.1обл.1м*), слой золочения (табл. 2, *A4.1обл.2з*) и переходная зона (табл. 2, *A4.1 обл.3*), которая отличается как от основного металла, так и от слоя позолоты. Состав слоя золочения и зоны основного металла полностью соответствует аналогичным зонам других микрошлифов и описан выше (табл. 3, *обл.2з; обл.1м*). Элементный состав переходной зоны характеризуется высоким содержанием серебра (80,6%), присутствием меди (6,0%), микропримесями золота (0,4%) и ртути (0,1%). Ее особенностью, в первую очередь, является наличие цинка (2,1%) и увеличение концентрации свинца (4,7%).

Исследование микрошлифа A4.2, в свою очередь, показало наличие четырех зон (рис. 4): основной металл (табл. 3, *A4.2обл.1м*) и слой золочения (табл. 3, *A4.2обл.2з*), аналогичные выше описанным, и переходная зона, представляющая собой два слоя, отличающиеся морфологией и элементным составом (табл. 3, *A4.2 обл.3.1; обл.3.2*). Область 3.1 расположена ближе к слою золочения и по данным ЭРМ содержит 4,4% серебра, 60,5% меди, 10,2% свинца, 11,0% цинка, 1,7% золота и 0,2% ртути. Область 3.2 находится между областью 3.1 и основным металлом и характеризуется наличием 26,3% серебра, 25,7% меди, 16,6% свинца, 14,9% цинка, 1,2% золота и 1,7% ртути.

Обсуждение

Исследуемые пуговицы представляют собой сборную конструкцию. Она состоит из верхней и нижней полусферы. Хорошо виден соединительный шов. К верхней полусфере прикреплена петля. Предположительно, отдельные детали пуговицы соединялись при помощи пайки с применением припоя.

Сопоставление результатов измерений элементного состава металла пуговиц различными методами позволило охарактеризовать основной металл изделий как сплав серебра (75,4–81,7%) с медью (11,5–22,6%) и свинцом (0,8–2%). Наличие свин-

ца в сплаве подтверждается и результатами масс-спектрометрии: он присутствует в центральной части нижней полусферы пуговиц 24 (А) и 26 (Б) (0,562 и 0,575%).

Переходный слой обнаружен только на микропробе А4, отобранной с места соединения петли и верхней полусферы (табл. 3, *А4.1 обл.3, А4.2 обл.3.1; обл.3.2*). Этот дополнительный слой расположен на поверхности основного металла и покрыт золочением так же, как и вся остальная поверхность пуговицы. Двукратная шлифовка микрошлифа А4 (*А4.1, А4.2*) позволила более подробно изучить данную область. Зона 3.1 (*А4.2*) расположена ближе к слою золочения и отличается от состава основного металла, как по элементному составу, так и по морфологии образца (рис. 4). Можно предположить, что эта зона представляет собой область не до конца растекшегося припоя, тогда как области 3 (*А4.1*) и 3.2 (*А4.2*) отражают зоны диффузии припоя в основной металл. Вероятнее всего, припой, использованный для пайки составных элементов пуговицы 24, представлял собой медный сплав (Cu 60,5%) с высоким содержанием цинка (11,0%) и свинца (10,2%). Обнаружение в составе этого слоя золота (1,7%), серебра (4,4%) и ртути (0,2%), вероятно, связано с диффузионными процессами в ходе пайки и золочения.

Слой позолоты покрывает всю поверхность изделий, включая места предположительной пайки, его толщина достигает 20 мкм. Крайне неоднородный элементный состав этой зоны связан с формированием в нем как соединений ртути с золотом (табл. 3, *А2 обл.2з*) (Au – 70,7%, Hg – 22,8%), так и соединений ртути с серебром (табл. 3, *А3 обл.2з*) (Au – 30,9%, Hg – 59,1%). Вероятно, это обусловлено использованием для создания амальгамы золота с высоким содержанием серебра и примесями меди [8, с. 112].

Обнаруженная на микрошлифах послойность приповерхностной зоны пуговиц, а также элементный состав каждого слоя позволяют реконструировать последовательность изготовления изделий и предположительную рецептуру всех использованных сплавов:

1) На первом этапе из серебряно-медного сплава были изготовлены элементы конструкции каждой пуговицы – две полусферы и петля для пришивания.

Вероятно, из листа металла были изготовлены круглые заготовки, которым давлением в округлой матрице была придана полусферическая форма. Для каждой пуговицы в одной из двух полусферических заготовок было проделано отверстие. Наблюдаемый в оптическом микроскопе рельефный выступ у отверстий указывает на их изготовление пробиванием изнутри полусфер до сборки пуговиц, а круглый, не искаженный давлением контур отверстий, свидетельствует о пробивании уже после придания заготовкам полусферической формы.

Петля для пришивания была изготовлена из согнутой в кольцо проволоки.

2) На втором этапе, после подготовки всех деталей пуговиц, проводилась пайка медным припоем, легированным цинком и свинцом. Температура плавления подобных сплавов составляет 800–9000С.

3) Заключительным этапом работ было нанесение на поверхность пуговиц золотой амальгамы и последующее медленное нагревание изделий для выпаривания ртути.

Выводы

Обнаруженное сходство элементного состава всех исследуемых пуговиц (по данным РФЛА), а также сходство микропримесного состава двух пуговиц, изученных более подробно (по данным МС-ИСП-ЛА), с учетом идентичности их формы и размеров, позволяет предположить, что данные изделия являются серийными предметами, изготовленными, скорее всего, одновременно и из одного сырья.

Важным фактором, характеризующим производственные традиции мастерской, является выявленная рецептура припоя – медный сплав, легированный цинком и свинцом. Для каждого мастера использование при пайке того или иного состава припоя крайне индивидуально. Дополнительные исследования элементного состава и технологических особенностей сборных полых изделий, анализ состава использованного припоя помогут в будущем выделить несколько мастерских и, возможно, определить их вероятное местоположение.

Ювелирное производство и связанная с ним миграция драгоценных металлов всегда оказывают значительное влияние не только на совершенствование местных и заимствованных ремесленных традиций, но и на экономическое и торговое развитие региона. Дальнейшие естественно-научные исследования металлических изделий, происходящих из закрытых комплексов, и последующее создание базы данных значительно расширят наше представление о материальной культуре и социально-экономических аспектах истории средневековых городов Горного Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования центральной части городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Симферополь, 2019. С. 25–32.
4. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев, 2014. 467 с.
5. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
6. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
7. Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы по материалам раскопок 1993–1994 гг. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 136–142.
8. Плаксин И.Н. Металлургия благородных металлов. М.: Metallurgizdat, 1958. 367 с.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Osnovnye etapy istorii gorodishha Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, vol. II, pp. 43–51.

2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekovaja chasovnja na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, vol. XVII, pp. 422–457.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Issledovanija central'noj chasti gorodishcha na plato Eski-Kermen v 2018 g. *Materialy nauchnoj konferencii XI Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis"*, Simferopol, 2019, pp. 25–32.
4. Maiko V.V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X-XII vv.* Kiev, Oleg Filjuk Publ., 2014, 467 p.
5. Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo cerkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, vol. VI, pp. 344–393.
6. Parshina E.A. Eski-Kermenskaja bazilika. Bibikov S.N. (Ed.), *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovanija v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
7. Petrovskij V.A., Trufanov A.A. Srednevekovyj khristianskij kompleks k zapadu ot Bakly po materialam raskopok 1993–1994 gg. Mogarichev Ju.M., Khrapunov I.N. (Ed.), *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*, Simferopol, Tavrija Publ., 1995, pp. 136–142.
8. Plaksin I.N. *Metallurgija blagorodnyh metallov*. Moscow, Metallurgizdat Publ., 1958, 367 p.

**A. Yu. LOBODA^{a)}, A. V. ANTIPENKO^{d)}, N. N. PRESNYAKOVA^{a)}, V. M. RETIVOV^{b)},
E. S. VASHCHENKOVA^{b)}, E. YU. TERESHHENKO^{a,c)}, E. B. YATSISHINA^{a)}**

a) National Research Center "Kurchatov Institute" (Moscow, Russia)

b) National Research Center "Kurchatov Institute" – IREA (Moscow, Russia)

c) Federal Scientific Research Center "Crystallography and Photonics" RAS (Moscow, Russia)

d) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE FEATURES OF THE MAKING OF HOLLOW SPHERICAL BUTTONS FROM THE THIRTEENTH AND EARLY FOURTEENTH CENTURIES (ACCORDING TO THE FINDS IN GRAVE 1/2018 AT ESKI-KERMEN PLATEAU)

Abstract: The elemental composition of seven hollow spherical buttons found in grave 1/2018 at Eski-Kermen plateau was studied by XRD. After, two buttons were studied with MS-ICP-LA, and their micro-samples were examined by SEM/EDAX. The purpose of the research was to identify the technological stages of the button-making and to determine recipes of all the alloys used. The conclusion is that all seven buttons found in the burial are a series of items made simultaneously from one raw material.

Key words: ancient town at Eski-Kermen plateau, hollow spherical buttons, elemental composition, XRD, MS-ICP-LA, SEM/EDAX, production technology.

Рис. 1. Пуговица 26 из могилы 1/2018 на плато Эски-Кермен

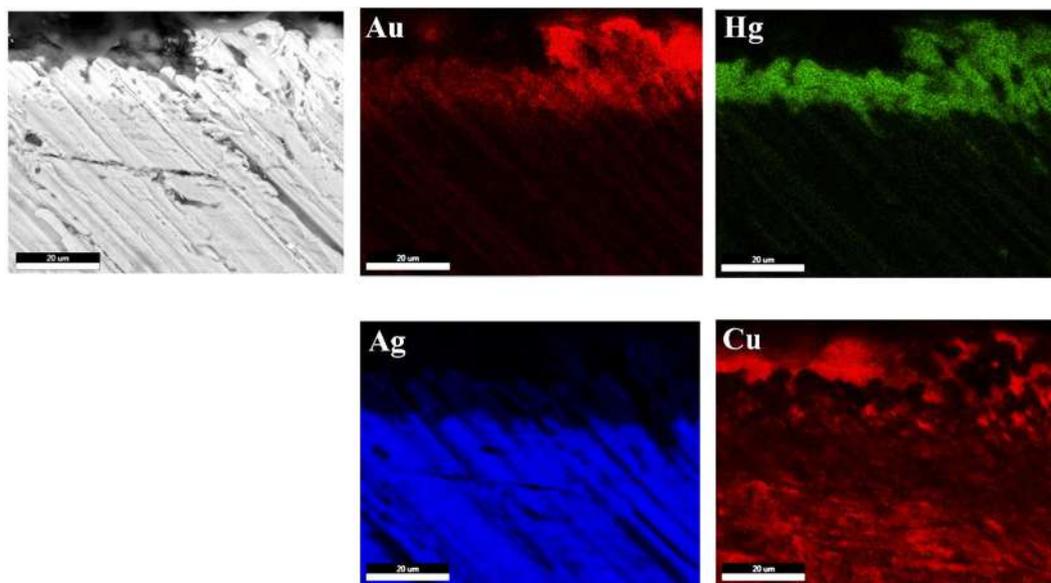

Рис. 2. Карта распределения химических элементов на поверхности шлифа микрообразца А2

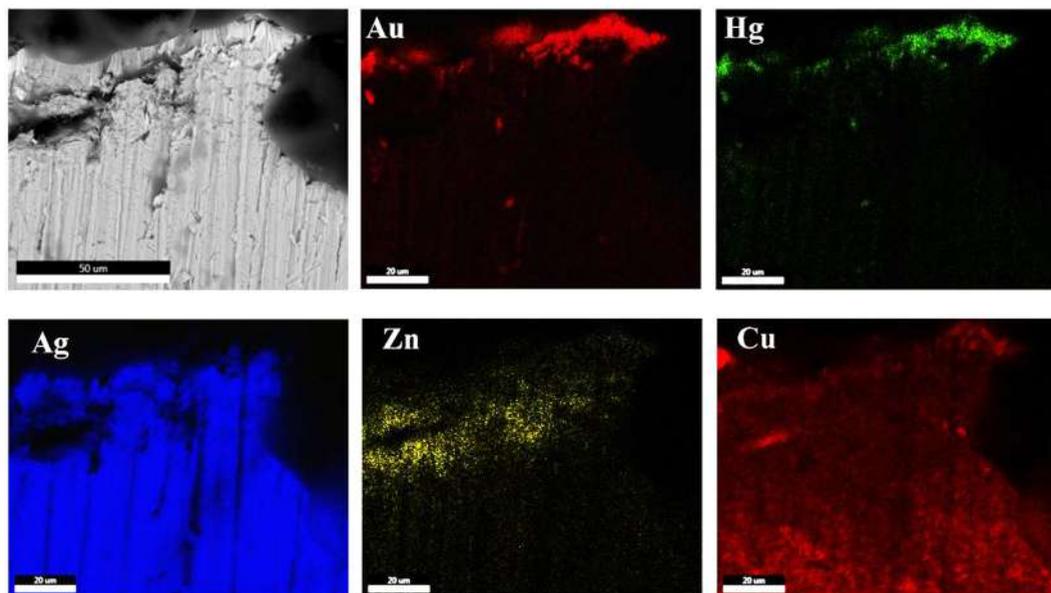

Рис. 3. Карта распределения химических элементов на поверхности шлифа микрообразца А4.1

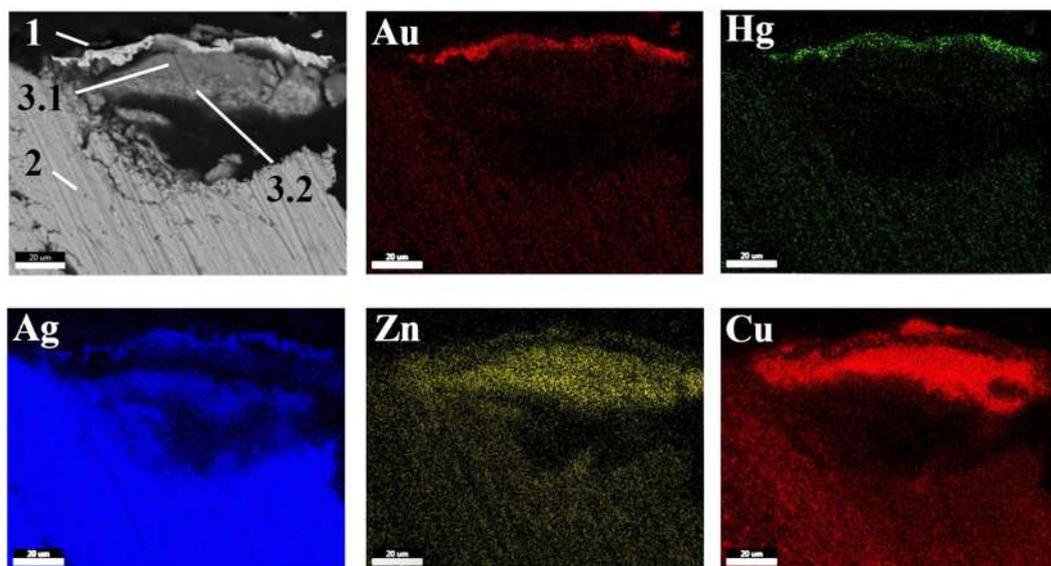

Рис. 4. Карта распределения химических элементов на поверхности шлифа микрообразца А4.2

В. В. МАЙКО

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

КЕРАМИКА С МОНОГРАММАМИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СОЛДАЙИ. ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются монограммы средневековой Солдаи, нанесенные на поливную керамику крымского производства. Эти монограммы являются подражанием византийским монограммам на керамике типа «Elaborate Incised Ware», которая начинает поступать на рынки городов Таврики с середины XIV в. Выделены основные типы монограмм и сделан вывод о том, что в подавляющем большинстве они представлены экземплярами с именем «Михаил». Другим характерным отличием монограмм Солдаи является наличие сложносоставных экземпляров и изделий со знаковыми монограммами. Часть из них не имеет аналогий в известных на сегодняшний день подглазурных монограммах Таврики. Все приведенные в работе монограммы датируются в рамках третьей четверти XIV в. – 1475 г. и нанесены на керамику в гончарных мастерских Каффы, Солдаи и Чембало. Исходя из проанализированных монограмм этих городов, именно такой состав первых, в отличие от Феодоритского государства, характерен для территорий Таврики, находившихся под контролем генуэзской администрации.

Ключевые слова: Солдаи, керамика юго-восточного Крыма, монограммы, типология, территория распространения.

Подглазурные монограммы, нанесенные в технике сграффито на внутреннюю поверхность дна красноглиняных сосудов – одна из ярких черт материальной культуры Византийской империи второй половины XIV – первой половины XV вв. В Константинополе такая маркировка керамических изделий появляется в середине XIV в. на совершенно определенном типе керамики, получившей в западной литературе термин «Elaborate Incised Ware». Высочайшее качество ее производства, небольшой набор хорошо узнаваемых форм, сложные и яркие орнаментальные мотивы способствовали тому, что она стала желанным товаром на рынке любого Причерноморского и Приазовского города. Проникновение ее на рынки городов Таврики совпало с полным подчинением приморских крепостей и городов генуэзской администрации, заинтересованной в активизации торговли. Археологические раскопки показывают стабильный, но относительно небольшой процент этой керамики, в том

числе с монограммами, в стратиграфических горизонтах всех крымских городов. Исключение составляет крепость Чембало, где процент этой керамики выше. Типология основных типов монограмм на сосудах «Elaborate Incised Ware» давно и хорошо разработана [35], а новые работы лишь корректируют ее отдельные типы и варианты.

Для территорий полуострова, подконтрольных Генуе, наибольшую популярность приобрели монограммы имени Михаил в виде двухъярусной композиции «МІХ». Именно они и стали прототипом местных монограмм, связанных с этим именем.

Первая крымская монограмма с именем «Михаил» была зафиксирована в 1896 г. близ Херсонеса, в заполнении кладовой Георгиевского монастыря у мыса Фиолент вместе с византийской чашкой типа «Elaborate Incised Ware». Она сразу привлекла внимание и через два года была опубликована [25, с. 199, рис. 579].

Однако большую известность эти монограммы приобрели позже благодаря публикации Э.Р. фон Штерном обширных материалов, собранных А.Л. Бертье-Делагардом при строительстве Феодосийского порта [31, табл. VI]. Автор разделил все известные ему монограммы, в том числе и местные с именем «Михаил», на несколько групп, справедливо отметив византийский характер их происхождения и общие хронологические рамки существования.

Именно эта публикация послужила основанием Д. Талботу-Райсу включить монограммы этого типа с именем «Михаил» в разработанную им типологию в качестве крымских [35, p. 79, fig. 6,26-27].

Долгое время ввиду отсутствия массового характера находок рассматриваемые монограммы не привлекали внимания специалистов. Исключение составила обобщающая монография А. Л. Якобсона, где он, наряду с анализом всего керамического комплекса города, обратился и к монограммам, опубликовав известный с 1898 г. экземпляр [32, с. 117, рис. 82,2]. Аналогичная монограмма с изображением буквы «X» в виде креста была атрибутирована автором, как граффити [32, с. 117, рис. 81,23]. Однако присутствие в этой же иллюстрации византийских монограмм заставляет предположить, что и в данном случае перед нами еще одна херсонесская монограмма имени «Михаил». Учитывая единичность в 1940-х гг. этих находок в Крыму и объединение их Д. Талботом-Райсом в один тип с византийскими монограммами, А. Л. Якобсон также посчитал их византийским импортом.

До начала 1990-х гг. можно отметить только отдельные опубликованные находки, сделанные в ходе раскопок Горзубит [26, с. 74, рис. 14,14] и Каффы [7, с. 72, рис. 6,5]. При этом, следуя концепции А. Л. Якобсона, Е. А. Паршина повторила вывод о том, что местные крымские монограммы имени «Михаил» получили широкое распространение на полуострове и известны во всех крупных городах [26, с. 76]. В середине 70-х гг. прошлого века в Каффе экспедицией Института археологии АН СССР была раскопана гончарная мастерская, среди материалов которой была зафиксирована местная анализируемая монограмма. Однако этой столь важной на-

ходке не придали должного значения, и она была опубликована только более 40 лет спустя [29, с. 15, рис. 6,4].

В 1991 г. вышла очень важная статья А. А. Кравченко, посвященная коллекции керамики Каффы, хранящейся в Одесском археологическом музее. В ней автор впервые детально рассмотрела все монограммы Каффы, в том числе и опубликованные Э. Р. фон Штерном. Находясь так же под влиянием концепции А. Л. Якобсона, исследовательница анализировала все монограммы вместе: и импортные прототипы, и местные. Исходя из этого, был повторен вывод о широком распространении всех типов монограмм на территории Причерноморья [21, с. 114–116], что верно только для византийских экземпляров. Вместе с тем, впервые было отмечено, что среди рассмотренной коллекции есть монограммы грубого исполнения, возможно местные подражания византийским образцам [21, с. 116].

В этой связи нельзя не отметить и небольшую работу А. В. Сазанова и Ю. Ф. Иващенко, где впервые была описана глина сосудов с местными каффинскими монограммами имени «Михаил» и импортных чаш группы «Elaborate Incised Ware», входивших с ними в один комплекс [27, с. 180–183].

Решающее значение имела находка полуфабриката монограммы имени «Михаил», сделанная во время раскопок еще одной каффинской гончарной мастерской экспедицией Крымского филиала Института археологии в 1994–1995 гг. [33, р. 28–29; 11, с. 17]. К сожалению, само изображение остается пока неопубликованным, но сомнения о возможности местного производства посуды с монограммами имени «Михаил» полностью отпали.

В начале 1990-х гг. была опубликована и первая монограмма Солдайи, происходящая из раскопок на территории так называемого квартала I между привратной башней Якобо Торселло и Безымянной № 5, к сожалению, без какого-либо анализа [13, с. 118, рис. 6]. Семь лет спустя при подготовке первой конференции, посвященной поливной керамике, И. А. Баранов издал еще 11 их экземпляров и один фрагмент привозной византийской чаши типа «Elaborate Incised Ware» с монограммой «MIX» [14, с. 23, рис. 2]. И тут, к сожалению, какой-либо анализ опубликованных монограмм отсутствовал. Эта небольшая статья готовилась ученым в спешке перед началом конференции, что привело к ряду досадных недоразумений. Вся представленная в ней керамика с монограммами, фото которой оказалось очень низкого качества, никакого отношения к так называемой торговой лавке¹ на участке квартала I не имеет. Вся она, образующая единый комплекс, была раскопана в 1984–1985 гг. в заполнении Безымянной башни № 3 совсем на другом участке города. В заключительной части ученый повторил уже устоявшийся к этому времени вывод о массовости распространения подобных монограмм в Херсонесе, Константинополе и на Балканах [14, с. 24].

¹ Для правильного понимания сути проблемы необходимо отметить, что, исходя из раскопок автора статьи 1994–2000 гг., для атрибуции какого-либо помещения на участке квартала I в качестве торговой лавки нет никаких оснований.

Научные интересы исследователя, связанные с хазарским периодом, привели к тому, что больше к подглазурным монограммам Солдайи он не обращался. Уже после его смерти в 2004 г. А. В. Джанов и автор данной статьи подготовили в виде связанной публикации материалы нескольких отчетов, посвященных раскопкам ремесленных помещений на участке куртины XIV Судакской крепости. В этой статье без какого-либо анализа и выводов было опубликовано еще 5 местных монограмм [15, с. 537, 552, рис. 8,1; 25,1-4] и 1 типа «MIX» на плоскодонном кубке типа «Elaborate Incised Ware» [15, с. 537, рис. 8,1]. Одна из этих иллюстраций была повторена в статье В. Л. Мыца [23, с. 298, рис. 2,1-4]. Несколько позже при анализе раскопок 1997 г. на участке т.н. квартала I Судакской крепости были опубликованы еще две монограммы [22, с. 369, 384, рис. 5,11; 11,17].

С таким багажом в решении данной проблемы крымская медиевистика подошла к XXI веку. В 2005 г. появилась знаковая публикация В. Л. Мыца, подводившая итоги исследований в данной области и посвященная расшифровке, назначению и типологии всех известных автору на то время крымских подглазурных монограмм [23, с. 288–305]. Автор выделил 14 типов монограмм, справедливо оговорив, что их количество может быть скорректировано при проведении дальнейших раскопок. И это оказалось действительно так, что подтвердили раскопки самого же автора в крепости Чембало. По сути дела, предложенная типология оказалась рабочей только для той части полуострова, которая находилась под контролем княжества Феодоро. Для подвластных генуэзцам территорий набор местных монограмм оказался совсем другим. Например, для Солдайи, Каффы, Чембало и Алустона большинство монограмм относятся к типу 3, и только единичные экземпляры – к типу 4. Вместе с тем, присутствуют и местные монограммы, совершенно не учтенные В. Л. Мыцом. Безусловно, выделенные исследователем монограммы типов 8 и 9 есть во всех перечисленных памятниках, кроме Алустона. И это не удивительно. Ведь это византийские монограммы, поступавшие на полуостров в результате продажи качественной византийской парадной посуды «Elaborate Incised Ware».

В этом, на наш взгляд, главная методическая ошибка ученого. При составлении типологии необходимо было, по возможности, четко оговорить, какие из выделенных им типов монограмм являются местными, а какие известны исключительно на импортной посуде. Самое главное – неправомерно, объединяя в один тип византийские прототипы монограмм имени «Михаил» и местные им подражания, говорить о широком распространении последних на территории Причерноморского региона [23, с. 290]. Это верно только для византийских прототипов, прежде всего монограммы типа «MIX» на сосудах типа «Elaborate Incised Ware». Ни одна крымская местная монограмма имени «Михаил» за пределами Таврики неизвестна, да и на полуострове они локализируются предельно узко. И это совершенно логично, поскольку на Балканах существовали свои местные подражания византийским прототипам, совершенно отсутствующие в Крыму. Несмотря на эти моменты, работа В. Л. Мыца,

особенно в части аргументации посвящения монограмм архистратигу Михаилу, остается актуальной до сего дня.

Основные ее ошибочные положения, связанные с широким распространением местных монограмм имени «Михаил» в Причерноморском регионе, были повторены в работе В. Н. Залесской, посвященной византийской поливной керамике в целом [18, с. 217]. Вместе с тем исследовательница еще раз справедливо указала на разнообразный стиль исполнения местных монограмм.

Значительным шагом вперед в понимании происхождения местных монограмм имени «Михаил», как и других экземпляров подобных изделий, явились разработки И. Б. Тесленко. Исследовательницей совершенно обоснованно была выделена группа местной керамики производства юго-восточного Крыма (ЮВК) [29, с. 7–83]. На этом основании ею высказана наиболее аргументированная точка зрения о том, что появление местных крымских чаш с двухъярусной монограммой «МХ», посвященных архистратигу Михаилу, приходится на середину XIV в. Наличие же византийских прототипов и популярность культа Святого на полуострове способствовали появлению значительного количества их вариаций [29, с. 60]. Большое значение имели и многолетние работы Н. В. Гинькут, которая на примере монограмм крепости Чембало четко выделила группу импортных монограмм и группу керамики локального, в том числе Чембальского, производства с иным составом монограмм культового и светского характера [17, с. 14–15]. Таким образом, появилась возможность совершенно точно определять местный или импортный характер сосуда, на который помещена та или иная монограмма.

Источниковую базу работы составляют 90 подглазурных монограмм, выполненных в технике сграффито и помещенных исключительно на керамику крымского производства. Наибольшая коллекция происходит из Солдайи и составляет 53 монограммы, 16 монограмм происходят из Каффы, 10 – из Чембало (раскопки 2002–2017 гг. экспедиции Государственного Эрмитажа), 6 – из Алустона, 2 – из Херсонеса, по 1 монограмме обнаружено в Горзубитах, сельском поселении у западного подножья г. Аю-Даг и Мангупе². Среди этих материалов без какого-либо типологического и хронологического анализа опубликовано только 19 монограмм из Солдайи, 7 – из Каффы, 4 – из Алустона и все монограммы, обнаруженные в Чембало, Херсонесе, Горзубитах и Аю-Даге. Неопубликованные монограммы Каффы, Алустона и Мангупа, известные по архивным материалам, приведены в работе в качестве аналогий.

В данной статье в качестве основы для типологии использованы наиболее представительные Солдайская и Каффинская коллекции. При этом отметим, что в нее хорошо «укладываются» все местные монограммы, обнаруженные на крымских территориях, находившихся под контролем генуэзцев. Исключение составляют только несколько типов монограмм, в том числе сложносоставных, которые будут

² Информация о находке крымской монограммы с именем Михаил на цитадели Мангупа любезно предоставлена А. Г. Герценым и В. Е. Науменко, за что выражаю им глубокую признательность.

проанализированы ниже. Типология, построенная исключительно по морфологическому признаку, включает 11 основных типов.

Тип 1 – представлен в Солдае семью одноярусными монограммами, где стилизация буквы «М» достигает максимальных пределов, превращая ее в букву «Н» с дополнительной вертикальной чертой, отходящей вниз от горизонтальной черты (рис. 1, 1–4, 6). Окончание всех черт буквы подчеркнуты черточками, развернутыми в противоположные стороны. Нижний угол центральной вертикальной черты развернут влево. Наиболее известной аналогией этой монограмме, встреченной за пределами Солдаи, является экземпляр, обнаруженный во время раскопок Каффы 1995 г. на восточном склоне Карантинного холма в районе юго-восточной стены цитадели и происходящий из слоя темно-коричневого суглинка у гончарной печи № 1. Принципиальное значение имеет не столько местонахождение фрагмента возле гончарной мастерской, сколько его полуфабрикатное состояние [9, рис. 59,9; 11, с. 17; 33, р. 28–29]. На сегодняшний день это пока единственная находка полуфабриката среди всех известных подобных монограмм полуострова, датированная на основании нумизматического материала в пределах 1420-х гг. – конца третьей четверти XV в. [29, с. 16]. Вторая аналогия монограмме этого типа известна из раскопок Чембало 2012–2013 гг., где она была зафиксирована на археологически целой миске, происходящей из слоя завала в квадрате 3 [5, с. 189, рис. 68]. Датируется сосуд XV в.

Тип 2 – представлен в Солдае единственным экземпляром (рис. 1, 5). Принципиальным его отличием от вышеописанного является наличие не только нижней вертикальной центральной черты, угол которой повернут влево, но и верхней, угол которой повернут вправо. Таким образом, первоначальная буква «М» в данном случае трансформирована в букву «Ж». Единственной аналогией за пределами Солдаи является экземпляр, монограмма которого выполнена более небрежно, происходящий из раскопок 1981–1983 гг. заполнения башни Каффы [7, с. 72, рис. 6,5].

Тип 3 – представлен в Солдае тремя экземплярами (рис. 1, 7–9). Отличие его от базового типа 1 заключается в наличии двух горизонтальных черт, параллельных одна другой. Точные аналогии этому типу за пределами Солдаи автору неизвестны. Единственный типологически близкий экземпляр обнаружен в Чембало в ходе раскопок 2008–2009 гг. в культурном слое между домом 3 и крепостной стеной [3, с. 274, рис. 204, к.о. 97]. Отличием экземпляра является наличие завитков на концах вертикальных черт буквы «М» и центральная вертикальная черта, пересекающая две горизонтальные и заканчивающаяся двумя завитками. Исходя из наличия в этом слое треножных подставок сепав и отсутствия аналогий в Солдае и Каффе, не исключено, что монограммы этого варианта являются «чембальским» производством.

Тип 4 – двухъярусные монограммы, состоящие из букв «МХ», где «М» полностью идентична типам 1–3. На имеющемся в нашем распоряжении материале, монограммы этого наиболее распространенного типа можно разделить на три стабильных варианта.

Вариант 4.1 – монограммы, представленные в Солдае тремя экземплярами, где находящаяся в верхней части буква «Х» выполнена в виде простого креста раз-

личной конфигурации (рис. 1,10–12). Этот вариант монограммы отсутствовал в публикации Э. Р. фон Штерна, но впоследствии с упрощенным схематическим написанием буквы «Х» в качестве креста был выбран зарубежными исследователями в качестве эталонного примера подобных монограмм [35, р. 79, fig. 6,26; 34, р. 95, fig. 26; 36, р. 122, 8.5], что не соответствует действительности.

Вариант 4.2 – монограммы, наиболее массовые, представленные в Солдае десятью экземплярами (рис. 2,1–4,7–9,11), где полукруглые завитки находящейся в верхней части буквы «Х» обращены друг к другу, смыкаясь с одной из сторон или подходя вплотную, образуя подобие крыльев бабочки. В основном подобная буква «Х» расположена горизонтально, но известны случаи вертикального ее расположения (рис. 2,7).

Наибольшее число аналогий происходит из раскопок Каффы, где этот вариант составляет подавляющее большинство. Так, тремя экземплярами представлены монограммы с вертикальным расположением «бабочковидной» буквы «Х». Один из них, выполненный небрежно, происходит из заполнения хозяйственной ямы на раскопе 1992 г. А. В. Сазанова и датируется 1380-ми гг. [27, с. 180, рис. 1,1]. Другой обнаружен на поверхности 5 в слое коричневого суглинка в помещении 1 упомянутой выше гончарной мастерской, раскопанной в 1994–1995 гг. [8, рис. 34,1; 33, р. 28–29]. Третий, со смещенной нижней частью «бабочковидной» буквы «Х», происходит из исследований Э. Р. фон Штерна [31, табл. VI, № 45; 21, с. 115, рис. 3,3; 23, с. 299, рис. 3,4]. Четырьмя экземплярами представлены и каффинские монограммы этого варианта с горизонтальным расположением «бабочковидной» буквы «Х». Один из них, полностью аналогичный солдайским, происходит из сборов Э. Р. фон Штерна [31, табл. VI, № 42; 21, с. 115, рис. 3,4; 23, с. 299, рис. 3,1]. Три остальных каффинских экземпляра представлены полностью идентичными монограммами, но горизонтальная черта буквы «М» и горизонтальная «бабочковидная» буква «Х» выполнены тонкой линией, в отличие от подчеркнуто толстых основных линий буквы «М». Одна из этих монограмм происходит из сборов Э. Р. фон Штерна [31, табл. VI, № 51; 21, с. 115, рис. 3,5; 23, с. 299, рис. 3,6], другая – из раскопок 1994–1995 гг. хозяйственной ямы 1 гончарной мастерской [8, рис. 85,1; 33, р. 28–29], третья, со смещенной буквой «Х» – из слоя серой глины с камнями на раскопе 6 2005 г. [16, рис. 31,2]. В Солдае монограмм, подобных трем вышеописанным, пока не обнаружено.

Три экземпляра монограмм с вертикальным расположением «бабочковидной» буквы «Х» известны в Чембало. Один из них происходит из раскопок 2012–2013 гг. [5, с. 56]. Второй обнаружен в ходе исследований 2004 г. на площади раскопа 2 [2, с. 177, рис. 117,6]. Третий зафиксирован в ходе работ 2011 г. в слое каменного завала у оборонительной стены [4, с. 192, рис. 65, к.о. 80]. Сосуд, на который последняя монограмма нанесена, отличается высоким качеством изготовления, но, все же, судя по прорисовке поддона, относится к керамике крымского производства.

За пределами Солдайи, Каффы и Чембало аналогии монограммам этого варианта единичны. В Алустане они представлены всего двумя экземплярами, происходящими из материалов раскопок жилой застройки города, в том числе с незам-

кнутыми концами горизонтальной «бабочковидной» «X» [28, с. 225, рис. 3,1; 29, с. 53, рис. 29, 14,17]. Автор публикаций справедливо отнесла оба этих сосуда с монограммами к керамике группы юго-восточного Крыма. Единственным экземпляром монограмма этого варианта представлена на Мангупе.

Помимо Алустана и Мангупа, единственная монограмма этого варианта, найдена в 1896 г. в заполнении кладовой Георгиевского монастыря у мыса Фиолент [25, с. 199, рис. 579; 32, с. 117, рис. 82,2; 18, с. 217, № 450]. Отнесение и ее к керамике группы юго-восточного Крыма наиболее вероятно. Предваряя детальный разбор, отметим, что это единственная находка в Крыму подобных монограмм, сделанная при раскопках культового комплекса.

Вариант 4.3 – монограммы, представленные в Солдае тремя экземплярами (рис. 2,10; 3,8,10), где находящаяся в верхней части буква «X» выполнена в виде свастики с более или менее выраженными завитками. Близка к ним еще одна монограмма с крупной свастикой с ярко выраженными завитками. Последними, что нехарактерно для этого типа, заканчиваются и концы буквы «M» (рис. 3,9). В качестве аналогий следует, прежде всего, упомянуть экземпляр, происходящий из раскопок гончарной мастерской в Каффе, расположенной в южной части цитадели в районе башен Криско и Клемента VI с внутренней стороны оборонительных сооружений, производившихся в 1975–1976 гг. Феодосийской археологической экспедицией Института археологии АН СССР [29, с. 15, рис. 6,4]. Мастерская датируется 80-ми гг. XIV в. Помимо этого еще один каффинский экземпляр известен из раскопок 1994–1995 гг. второй гончарной мастерской города и происходит из слоя светло-серого суглинка на раскопе 1 [8, рис. 12,6; 33, р. 28–29]. За пределами Сугдеи и Каффы одна монограмма этого варианта обнаружена в культурном слое Горзубит [26, с. 74, рис. 14,14]³, еще одна – в Херсонесе [32, с. 117, рис. 81,23] и третья – в культурном слое сельского поселения у западного подножья г. Аю-Даг [30, с. 186, цв. вставка 15,5; 29, с. 53, рис. 29,15]. И. Б. Тесленко последний сосуд справедливо отнесла к группе керамики юго-восточного Крыма.

Тип 5 – монограммы, представленные в Солдае двумя экземплярами (рис. 2,5,6), где стандартная буква «M», характерная для типов 1-4, в верхней части разделена двумя пересекающимися диагоналями, заменяющими, вероятно, букву «X». На солдайских экземплярах на втором ярусе монограммы помещен завиток. Два экземпляра подобных монограмм известны в Каффе. Один из них обнаружен в заполнении хозяйственной ямы раскопа 1992 г. А. В. Сазанова [27, с. 180, рис. 1,2], второй происходит из сборов Э. Р. фон Штерна начала XX в. и опубликован в качестве

³ Описывая монограмму из Гурзуфа, Е. А. Паршина упоминает о находках подобных монограмм в Солхате [24, с. 76]. Однако из доступного автору материала таких находок неизвестно, что не исключает их присутствия в материалах памятника. Возможно, исследовательница имеет в виду широко известные, в том числе и на полуострове, монограммы «MIX», отмеченные исключительно на византийских, импортных для Крыма, сосудах типа «Elaborate Incised Ware». Одна из таких монограмм была недавно опубликована [19, с. 433, № 339].

эталонного типа данных монограмм [31, табл. VI, № 47; 35, р. 79, fig. 6,27; 21, с. 115, рис. 3,6; 23, с. 299, рис. 3,5; 34, р. 95, fig. 27; 36, р. 122, 8.5], что не соответствует действительности. На последней монограмме в нижней части помещена стилизованная буква, возможно дельта. Еще одна подобная монограмма обнаружена в Чембало в ходе раскопок 2017 г. в помещении 2 XV в. раскопа 2 [6, с. 178, рис. 71,2]. Ее отличие заключается в присутствии крупного завитка, отходящего от горизонтальной черты влево. Считать этот завиток самостоятельной буквой, составляющей монограмму, вряд ли правильно. За пределами Каффы, Сугдеи и Чембало монограмма этого типа всего в одном экземпляре зафиксирована в материалах жилой застройки Алустона [28, с. 225, рис. 3,1; 29, с. 53, рис. 29,16] и справедливо отнесена к группе керамики юго-восточного Крыма.

Тип 6 – монограммы, резко отличающиеся от пяти вышеописанных типов характером исполнения буквы «М». В данном случае она представлена в виде двух вертикальных черт с отходящими в противоположные стороны уголками или завитками, разделенных диагоналями на два смыкающихся вершинами треугольника. От места их соединения вниз отходит вертикальная линия, аналогичная вышеописанным типам с поворотом уголка или завитка вправо или влево. Верхний ярус монограмм представляет собой букву «Х», выполненную в виде свастики.

Вариант 6.1 – монограммы, где поле треугольников заполнено сетчатым орнаментом, окончание линий букв выполнено в виде завитков, центральная горизонтальная линия заканчивается завитком, повернутым вправо (рис. 3,1–3).

Вариант 6.2 – монограммы, где поле треугольников заполнено различного вида завитками, окончание линий букв выполнено в виде уголков, центральная горизонтальная линия заканчивается уголком, повернутым влево, как на большинстве монограмм типов 1–5 (рис. 3,4–7,11). За пределами Солдайи, где их насчитывается пока восемь, ни одной монограммы подобного типа автору не известно.

Тип 7 – выделен предварительно и представлен единственной двухъярусной монограммой, где поле треугольников в букве «М» не заполнено, а в нижней части у «подножия» буквы прочерчена горизонтальная волнистая черта. Верхний ярус этой монограммы, атрибутировать который сложно, выполнен в виде креста с отходящими от него завитками (рис. 4,10). Исходя из небрежности исполнения самой монограммы и ее единичного характера, не исключено, что в данном случае перед нами своеобразный «экспериментальный» образец.

Тип 8 – монограммы, наиболее приближенные к первоначальному византийскому двухъярусному прототипу «MIX»⁴ и отличающиеся, по сути, только отсутствием буквы «I». В Солдайе они представлены тремя, отличающимися в деталях экземплярами (рис. 4,1–3). В монограмме (рис. 4,2) утолщение окончаний черт буквы «М» заменены отходящими в противоположные стороны уголками, схематичнее

⁴ Солдайские и чембальские монограммы этого типа нельзя объединять с синхронными болгарскими монограммами с одиночным «М» и титлом над буквой, ввиду их принципиального отличия в палеографии. Тем не менее, не исключено, что и те, и другие происходят от византийского прототипа «MIX».

выполнена буква «Х». Монограмма (рис. 4,1) выполнена значительно небрежнее, но в целом повторяет предыдущую. Схожее начертание буквы «М», но выполненной более толстыми линиями, зафиксировано на монограмме из Чембало [1, с. 225, рис. 78,155; 23, с. 300, рис. 4,3]. Заметные отличия содержит солдайская монограмма (рис. 4,3), прочерченная тонкой линией, которую во многом условно можно отнести к этому типу. К тому же, в отличие от предыдущих сосудов, сам кольцевой поддон тарелки изготовлен значительно качественнее. Буква «М» только в общих чертах повторяет описанные выше, а основания боковых черт представляют собой круг и раздвоенный завиток. Являются ли последние элементы самостоятельными буквами, сказать сложно. Слева к букве «М» примыкает еще одна, вероятно, «дельта». Среди крымских местных монограмм похожее начертание «дельты» зафиксировано в составе сложных многоярусных монограмм, происходящих из раскопок 2017 г. уже упоминавшегося помещения 2 раскопа 2 крепости Чембало [6, с. 167, рис. 60,1,2].

Таким образом, все проанализированные выше восемь типов, атрибутированные как монограммы имени «Михаил», составляют подавляющее большинство всех монограмм Солдаи (40 экземпляров). Такая же картина характерна и для других памятников полуострова, находившихся под контролем генуэзцев. Среди 15 монограмм Каффы только одна относится к другим типам, из 12 местных монограмм Чембало к проанализированным выше типам относится 9 и только одна к монограммам «ТХ». Только монограммы имени «Михаил» обнаружены в Горзубитах, Аю-Даге, Фиоленте, Херсонесе. Более сложная ситуация в Алустоне, где наряду с монограммами рассмотренных типов присутствуют три монограммы «ТХ», характерные для княжества Феодоро [23, с. 294], что можно объяснить пограничным расположением феодоритских и генуэзских владений.

Всего шесть монограмм Солдаи, отнесенные к двум следующим типам, имеют иную интерпретацию. Рассмотрим их подробнее.

Тип 9 – условный тип, объединяющий монограммы, встреченные в Солдае в единичных экземплярах и, самое главное, не имеющие аналогий в материалах раскопок других крымских памятников. Монограмма (рис. 4,4) по общей манере исполнения аналогична монограммам типа 1, но вместо горизонтальной черты присутствует диагональная, превращающая ее в латинскую букву «N». При этом угол центральной горизонтальной черты повернут вправо. Не исключено, что это так же своеобразный экспериментальный образец или брак. Другая солдайская монограмма, вероятно, с буквой «N» (рис. 4,11), выполнена в совершенно другой манере.

Другой случай представляет монограмма (рис. 4,5), являющаяся сложносоставной. По крайней мере, четко выполнена расположенная на верхнем ярусе буква «Т», опирающаяся на верхний левый угол крупной буквы «П». К вертикальным чертам последней присоединены горизонтальные линии, заканчивающиеся уголками, превращающими их в две буквы «Л». Слева присоединена еще одна буква, возможно «М», сохранившаяся частично.

Третий вариант представляет монограмма (рис. 4,6), сохранившаяся частично. Четко просматривается буква «К» и расположенная рядом буква, вероятно «Н». Подобное сочетание букв автору среди крымских экземпляров неизвестно. Сочетание трех букв «МНК», усложненных дополнительными элементами, где «К» выполнена в аналогичной манере, встречено на монограмме из Чембало [3, с. 184, рис. 94, к.о. 28].

Четвертый случай представляет монограмма (рис. 5,10), которую можно было бы рассматривать как вариант наиболее распространенного для столицы Феодоро сочетания букв «ТХ» с загнутыми концами перекладины «Т», если бы не полное отсутствие на Мангупе, Алустане, Фуне и Чембало подобных монограмм, где принцип соединения этих двух букв другой.

Расшифровка последних трех монограмм требует специального анализа. В целом можно заметить, что появление сложносоставных крымских монограмм, аналогии которым пока не удастся найти, явление характерное для всех городов полуострова в рассматриваемый хронологический период.

Тип 10 – составляют три монограммы (рис. 4,7-9), которые, в отличие от предыдущих, имеют типологическое сходство как раз с феодоритскими монограммами. Наиболее информативными являются монограммы (рис. 4,7,8), представляющие, несмотря на фрагментарность, сочетание двух букв «ТВ». Ближайшими аналогиями ей являются монограммы, зафиксированные на керамике феодоритской крепости Фуна [20, с. 139, рис. 2,11] и Алустана [24, рис. 84,2]. Третья подобная монограмма сохранилась крайне фрагментарно (рис. 4,9), но ее отнесение к указанному типу возможно.

Тип 11 – составляют семь знаковых монограмм Солдайи (рис. 5,1-4,7-9). Аналогии монограмме (рис. 5,1), представляющей собой ромб со слегка вогнутыми гранями, соединенными на месте изгибов диагоналями, автору работы неизвестны. Другая ситуация с монограммами (рис. 5,2,7), представляющими собой два диаметрально развернутых трилистника, наложенных, в одном случае, частично один на другой, во втором – смыкающиеся вершинами (рис. 5,7). Верхний луч перекрывающего трилистника в первом случае подчеркнут двумя линиями (рис. 5,2). К этой группе относится и монограмма с одинарным трилистником (рис. 5,4).

Территориально наиболее близкими аналогиями являются фрагмент, опубликованный Э. Р. фон Штерном [31, табл. VI, № 53] и фрагмент красноглиняной тарелки с аналогичным одинарным трилистником, происходящей из заполнения башни средневековой Каффы [7, с. 72, рис. 6,4]. Еще одна каффинская чаша с монограммой в виде одиночного трилистника с боковыми лепестками в виде линий происходит из материалов раскопок слоя светло-коричневого суглинка с внешней стороны апсиды храма Святых Феодоров [10, рис. 26,15]. Помимо этого, на территории Таврики аналогия монограмме с одинарным трилистником известна в Алустане и связана с горизонтами жилой застройки последней четверти XIV – первой половины XV вв. [28, с. 225, рис. 3,1]. За пределами полуострова тарелка с аналогичным трилистником обнаружена в Аккермане. Археологический контекст находки остался неизвестным. Сосуд покрыт желтой поливой на обеих сторонах. На внутренней поверхно-

сти дна отмечены следы треножника [18, с. 227, № 471]. Однако наиболее близкой аналогией является красноглиняная чашечка с плавно изогнутыми стенками сегментовидного профиля под бледно-желтой поливой, происходящая из материалов Южноозереевского могильника вблизи Новороссийска. Внутри на дне сосуда помещена монограмма в виде двух мелких диаметрально развернутых трилистников, смыкающихся основаниями [12, с. 501, рис. 1]. Авторы публикации связывают сосуд с крымским производством.

Две других знаковых монограммы Солдайи представляют собой разного вида христограммы (рис. 5,3,9). Одна из них (рис. 5,3) усложнена наличием у основания буквы «Т» нижней горизонтальной черты, преобразующей монограмму в два смыкающихся вершинами треугольника, разделенных пополам линией. Единственная типологически близкая монограмма известна из раскопок Чембало 2011 г., где была зафиксирована в слое каменного завала у оборонительной стены [4, с. 193, рис. 66, к.о. 64] вместе с монограммой типа 4.2.

Не имеет аналогий знаковая монограмма, представляющая собой неровный «подтреугольный» овал, в который вписан меньший овал более плавных очертаний (рис. 5,8).

Рассмотрим археологический контекст находок монограмм Солдайи. В 1969–1970 гг. М. А. Фронджуло при раскопках мастерской на участке башни Бернабо ди Франки ди Пагано обнаружил пять монограмм. Из них типа 1 два экземпляра и три монограммы типа 11, одна с трилистником и одна христограмма в виде двух треугольников. Засыпь постройки датировалась 1410-ми гг. – временем завершения строительства предмостного укрепления.

В 1971 и 1972 гг. при раскопках башни Якобо Торселло в слое, датированном последней четвертью XIV – первой четвертью XV вв., М. А. Фронджуло обнаружил еще одну монограмму типа 10 и одну типа 4.3.

В 1979 г. в слое на уровне первоначального пола Генуэзской Лоджии обнаружена одна монограмма типа 4.2.

Монограммы типа 4.1 и типа 3, а также две монограммы типа 9 с редкими сюжетами зафиксированы при раскопках 1981 г. в культурном слое последней четверти XIV в. – 1475 г., подстилавшем постройки турецкого времени между Генуэзской Лоджией и Башней № 5. В 1983 г. в этом же слое в восточной части раскопа под кладкой турецкого времени № XIII было зафиксировано еще пять экземпляров типов 4.2, 5, 7, 8 и типа 11 с монограммой в виде пересеченного диагоналями ромба. При расширении раскопа 1981–1983 гг. в этом же культурном слое в 1994–2001 гг. было обнаружено еще девять монограмм типов 1, 3, 4.1 (2 шт.), 4.2 (2 шт.), 6.1, 6.2 и 8.

В 1984 г. одна монограмма типа 4.3. была обнаружена к юго-западу от Башни Паскуале Джудичи в слое, который датировался широкими хронологическими рамками всего генуэзского периода Солдайи.

В 1987 г. на участке куртины XIV Судакской крепости в заполнении помещения «Б» комплекса ремесленных мастерских было зафиксировано четыре монограммы типов 1, 4.2 и 6.2 (2 шт.). Еще две монограммы типов 5 и 6.2 обнаружены в заполнении

помещения «В» комплекса мастерских. Верхний слой заполнения этих объектов датируется третьей четвертью XIV в., временем прекращения их функционирования и подчинения города генуэзцам. На этом же участке города у куртины XV в 1989 г. в засыпи над полом помещения «А» двухкомнатной постройки обнаружено еще три монограммы типов 1 (2 шт.) и 9 с монограммой «КН». Эта засыпь датируется хронологическими рамками генуэзского периода в истории города. Здесь же под полом турецкого времени на территории Безымянной башни 3 в 1984 и 1985 гг. найдено тринадцать монограмм типов 1, 2, 4.2 (3 шт.), 4.3 (2 шт.), 6.1 (2 шт.), 6.2 (полный профиль) и 10 с фрагментом «В». Слой также датируется генуэзским периодом в истории города. К востоку от башни в 1988 г. в слое этого же времени обнаружена еще одна монограмма типа 3.

В портовой части Сугдеи обнаружено всего 2 монограммы редких типов: тип 8 на участке раскопа III в 1968 г. и тип с христомграммой в заполнении хозяйственной ямы, раскопанной в 1993 г. на раскопе V.

На территории посада Сугдеи в 2003 г. в культурном слое первой половины XV в. найдена всего одна монограмма типа «ВТ».

Синхронность монограмм типа «МІХ», «ПАЛ» и «Димитриос», известных в Сугдее на византийской керамике «Elaborate Incised Ware», и некоторых рассматриваемых крымских экземпляров не вызывает сомнений. Монограмма в виде христомграммы на местном сосуде (рис. 5,9) и монограмма «ПАЛ» встречены в 1993 г. в портовой части в заполнении одной хозяйственной ямы. Монограмма «МІХ» (рис. 5,5) присутствует в заполнении башни Якобо Торселло и в том же слое на участке квартала I, что и местные монограммы. Аналогичные монограммы «МІХ» (рис. 5,6) обнаружены в заполнении Башни № 3 и помещения «Б» ремесленных мастерских на участке куртины XIV вместе с рассмотренными выше местными крымскими экземплярами.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Каффе. В сборах Э. Р. фон Штерна начала XX в. в Феодосии три монограммы типа 4.2 и одна типа 5 были встречены вместе с двумя монограммами «ПАЛ», двумя «МІХ» и одной «К» [21, с. 115, рис. 3]. В 1994 г. в заполнении хозяйственной ямы 1 на участке гончарной печи 2 монограмма типа 4.2 встречена вместе с монограммой «ПАЛ» [8, рис. 85,4]. Еще более показательна ситуация в Чембало, керамический комплекс которого содержит наибольший процент разнообразной керамики «Elaborate Incised Ware». Некоторые местные монограммы этого памятника найдены в одних и тех же комплексах, что и византийские образцы.

Местонахождение местных монограмм на территории средневековой Солдайи связано с семью основными объектами города (рис. 6). Прежде всего, это культурный слой на участке т.н. квартала I, где обнаружено 18 монограмм. Этот культурный слой подстилает кладки турецкого периода на этом участке города, но связать находки с каким-либо расположенным здесь объектом генуэзского времени не представляется возможным. С этим местонахождением монограмм, вероятнее всего, связаны находки двух монограмм в Генуэзской Лоджии и в заполнении Башни Якобо Торселло, к которым указанный культурный слой примыкает. Рядом расположен и культурный слой на участке соседней Башни Бернабо ди Франки ди Пагано, где

зафиксировано пять монограмм. Таким образом, на этом небольшом пространстве найдено 24 монограммы.

Вторым скоплением монограмм являются три объекта, находящиеся в другой части города. Это, прежде всего, заполнение Безымянной башни № 3, где найдено 13 монограмм, и примыкающий к ней культурный слой генуэзского времени, отмеченный в верхней части заполнения ремесленных мастерских к востоку от башни и в заполнении двухкамерного дома к западу от нее. Здесь в общей сложности найдено еще 9 монограмм. Не исключено, что большая часть этих находок, общее количество которых составляет 22, имеет отношение именно к двухкамерному дому, функционирование которого в генуэзское время не вызывает сомнений.

Находки двух монограмм в портовой части Сугдеи, как и находки по одному экземпляру возле Башни Паскуале Джудичи и на территории посада города можно считать случайными.

Из всех известных монограмм Солдайи ни одна не связана с раскопками культовых объектов. Такая же ситуация наблюдается в Каффе, где только одна монограмма в виде трилистника найдена с внешней стороны апсиды храма Святых Феодоров [10, рис. 26,15], и в Чембало. Таким образом, если посвященный христианский характер монограмм вероятен, то использование сосудов, на которых они помещались, в литургическом обряде данными раскопок не подтверждается.

Подводя итог этому небольшому предварительному исследованию, стоит отметить следующее. Во-первых, все рассмотренные в работе монограммы, за исключением нанесенных на византийскую керамику типа «Elaborate Incised Ware», помещены на сосуды крымского производства. Судя по находкам полуфабрикатов и массовости изделий, нанесение монограмм происходило в мастерских Каффы, Сугдеи, Чембало. Во-вторых, все они датируются серединой XIV в. – 1475 г. и полностью совпадают с генуэзским периодом в истории полуострова. В-третьих, до середины XV в. многие из них встречены в комплексах вместе с керамикой типа «Elaborate Incised Ware». В-четвертых, подавляющее число местных монограмм уверенно расшифровывается, как имя «Михаил». Последних на сегодняшний день можно выделить восемь основных типов и десять вариантов. Остальные типы монограмм, многие из которых не имеют аналогий, представлены единичными экземплярами. Среди них есть наиболее поздние, сложносоставные монограммы, также не имеющие прямых аналогов. Только одна монограмма, встреченная на посаде Солдайи, имеет прямые аналогии среди монограмм, характерных для княжества Феодоро. Исходя из этого, в качестве постановки проблемы можно говорить о специфическом характере монограмм на керамике, выпускавшейся на территориях, подконтрольных генуэзской администрации, прежде всего, в восточном Крыму. Подобные монограммы, как и местные подражания самой керамике типа «Elaborate Incised Ware», явились ярким византийским следом в материальной культуре генуэзских городов Крыма, даже после падения самой Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. СПб.; Симферополь, 2004. 254 с.
2. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб.; Симферополь, 2005. 192 с.
3. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. СПб.; Симферополь, 2010. 304 с.
4. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012. 210 с.
5. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. СПб.; Севастополь, 2014. 272 с.
6. Адаксина С.Б., Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 г. СПб.; Севастополь, 2018. 218 с.
7. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67–81.
8. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 3, Инв. № 323. Папка 652.
9. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневековой Каффы в 1995 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 3, Инв. № 410. Папка 759.
10. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет об археологических исследованиях средневековой Каффы в 1996 году (раскопки храма Свв. Феодоров Тирона и Стратилата) // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 4, Инв. № 495. Папка 852.
11. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Археологические исследования Каффы // Археологические исследования в Крыму 1995 год. Симферополь, 2007. С. 17–18.
12. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Поливная посуда XIII–XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань; Кишинев, 2017. С. 499–512.
13. Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 101–121.
14. Баранов И.А. Поливная керамика XIV в. из Судака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1998. С. 21–24.
15. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. I. С. 524–559.
16. Бочаров С.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях средневековой Каффы (раскоп 6) в 2005 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 5, Инв. № 1053. Папка 1401.
17. Гинькут Н.В. Монограммы на поливной посуде местного производства из раскопок крепости Чембало и близлежащей округи // IV Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Севастополь, 2012. С. 14–15.
18. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. СПб., 2011. 256 с.
19. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М., 2019. 504 с.
20. Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum plus. 1999. № 6. Время денег. С. 137–141.

21. Кравченко А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 111–120.
22. Майко В.В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 363–393.
23. Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 288–305.
24. Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустон в 1991 г. Симферополь, 1992 // Архив Института археологии НАН Украины. № 1991/11. 24468.
25. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // Отчет Императорской археологической комиссии за 1986 год. СПб., 1898. С. 165–199.
26. Паршина Е.А. Средневековая керамика южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 56–94.
27. Сазанов А.В., Ивашенко Ю.Ф. Исследования средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник. М., 1994. Т. 4. С. 179–186.
28. Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности 2010. Харьков, 2010. С. 216–234.
29. Тесленко И.Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 4(29). С. 7–83.
30. Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Майко В.В., Семин С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. Т. Симферополь, 2017. Вып. V. С. 172–196, 242–285.
31. Штерн Э. Феодосия и ее керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. III. Одесса, 1906. С. 52–83.
32. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 260 с.
33. Aibabina E., Botcharov S., Mytz V. A Glazed Pottery Workshop of the XVth century at Caffa // VIIe Congres International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11–16 octobre 1999). Préactes. Thessaloniki, 1999. P. 28–29.
34. Dark K. Byzantine pottery. G. Britain, Stroud, 2001. 160 p.
35. Rise D.T. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930.
36. Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide. Bijleveld, 2005. 224 p.

REFERENCES

1. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 godu.* St-Petersburg; Simferopol, 2004, 254 p.
2. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu.* St-Petersburg; Simferopol, 2005, 192 p.
3. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2008–2009 gg.* St-Petersburg, Simferopol, 2010, 304 p.
4. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g.* St-Petersburg, Simferopol, 2012, 210 p.
5. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2012–2013 gg.* St-Petersburg, Sevastopol, 2014, 272 p.

6. Adaksina S.B., Alekseyenko N.A., Ginkut N.V., Myts V.L. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovooy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2017 g.* St-Petersburg, Sevastopol, 2018, 218 p.
7. Aibabina E.A. *Oboronitelnyye sooruzheniya Kaffy. Arkhitekturno-arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu.* Kiev, 1988, pp. 67–81.
8. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Otchet o raskopkakh Feodosiyskoy ekspeditsii v 1994 godu. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 3. Inv. № 323. Folder 652.*
9. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Otchet o raskopkakh srednevekovooy Kaffy v 1995 godu. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 3. Inv. № 410. Folder 759.*
10. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovooy Kaffy v 1996 godu (raskopki khrama Sv. Feodorov Tirona i Stratilata).* Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 4. Inv. № 495. Folder 852.
11. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Arkheologicheskiye issledovaniya Kaffy. Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu 1995 god.* Simferopol, 2007, pp. 17–18.
12. Armarchuk E.A., Dmitriyev A.V. *Polivnaya posuda XIII–XIV vekov iz Severo-Vostochnogo Prichernomoria. Polivnaya keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII veka,* Kazan', Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, vol. 2, pp. 499–512.
13. Baranov I.A. *Zastroyka vizantiyskogo posada na uchastke glavnykh vorot Sudakskoy kreposti. Vizantiyskaya Tavrika,* Kiev, 1991, pp. 101–121.
14. Baranov I.A. *Polivnaya keramika XIV v. iz Sudaka. Istoriko-kulturnyye svyazi Prichernomoria i Sredizemnomoria X–XVIII vv. po materialam polivnoy keramiki: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii,* Simferopol, 1998, pp. 21–24.
15. Baranov I.A. *Kompleks tretyey chetverti XIV veka v Sudakskoy kreposti. Sugdeyskiy sbornik,* Kiev, Sudak, 2004, vol. I, pp. 524–559.
16. Bocharov S.G. *Otchet ob okhrannykh arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovooy Kaffy (raskop 6) v 2005 godu. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 5. Inv. № 1053. Folder 1401.*
17. Ginkut N.V. *Monogrammy na polivnoy posude mestnogo proizvodstva iz raskopok kreposti Chembalo i blizlezhazhchey okrug. IV Vizantiyskiy seminar «XEPΣONOS ΘEMATA: imperiya i polis»,* Sevastopol, 2012, pp. 14–15.
18. Zaleskaya V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiyskaya keramika IX–XV vekov. Katalog kolleksii.* St-Petersburg, 2011, 256 p.
19. *Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoj imperii: katalog vystavki.* Moscow, 2019, 504 p.
20. Kirilko V.P. *Aspry s bolshim «Т» na litsevoy storone: opyt interpretatsii. Stratum plus,* 1999, No. 6, pp. 137–141.
21. Kravchenko A.A. *Importnaya polivnaya keramika XIII–XIV vv. iz Kaffy. Vanchugov V.P. (Ed.), Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaya zona drevnih kul'tur,* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 111–120.
22. Maiko V.V. *Stratigraficheskie issledovaniya na t.n. uchastke kvartala I Sudakskoy kreposti v 1997 g. Sugdeyskiy sbornik,* Kiev, Sudak, 2012, vol. V, pp. 363–393.
23. Myts V.L. *Istoriko-kulturnyy kontekst nekotorykh bukv. monogramm i nadpisey na polivnoy keramike Kryma XIV–XV vv. Polivnaya keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.,* Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 288–305.
24. Myts V.L., Adaksina S.B. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah na kreposti Aluston v 1991 g. Simferopol, 1992. Arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy,* no. 1991/11, 24468.
25. *Otchet zavedushchego raskopkami v Khersonese K.K. Kostsyushko-Valyuzhinicha za 1896 god. Otchet Imperatorskoy arkhelogicheskoy komissii za 1886 god,* St-Petersburg, 1898, pp. 165–199.

26. Parshina E.A. Srednevekovaya keramika yuzhnoy Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). *Feodalnaya Tavrika*, Kiev, 1974, pp. 56–94.
27. Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. Issledovaniya srednevekovoy Kaffy v 1991–1992 gg. *Bosporskiy sbornik*, Moscow, 1994, vol. 4, pp. 179–186.
28. Teslenko I.B. Polivnaya posuda Kryma XV v. (mestnoye proizvodstvo do turetskogo perioda). *Drevnosti*, Kharkov, 2010, pp. 216–234.
29. Teslenko I.B. Virobnitstvo poliv'yanogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini*, Kiïv, 2018, vol. 4(29), pp. 7–83.
30. Teslenko I.B., Lysenko A.V., Maiko V.V., Semin S.V. Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnoz'h'ja g. Aju-Dag (Juzhnyj Krym). *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 192–233.
31. Shtern E.R. Feodosija i ee keramika. *Muzej Imperatorskogo Odesskogo obwestva istorii i drevnostej*, 1906, vol. III, pp. 52–83.
32. Yakobson A.L. Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1950, vol. 17, 260 p.
33. Aibabina E., Botcharov S., Mytz V. A Glazed Pottery Workshop of the XVth century at Caffa. *VIII Congres International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11–16 octobre 1999)*, Thessaloniki, 1999, pp. 28–29.
34. Dark K. *Byzantine pottery*. G. Britain, Stroud, 2001, 160 p.
35. Rise D.T. *Byzantine glazed pottery*. Oxford, 1930.
36. Vroom J. *Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide*. Bijleveld, 2005, 224 p.

V. V. MAIKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

THE MONOGRAM POTTERY IN MEDIAEVAL SOLDAIA: ITS TYPOLOGY, CHRONOLOGY, AND PRODUCTION SITE

Abstract: This paper addresses the monograms of mediaeval Soldaia applied on glazed pottery of the Crimean production. These monograms imitated Byzantine monograms on ceramic ware alike the Elaborate Incised Ware, which penetrated to the markets of the cities and towns in Taurica from the mid-fourteenth century on. The main types of monograms are suggested, and the conclusion is drawn that their overwhelming majority featured the name «Mikhail». Other typical feature of the monograms from Soldaia is compound artefacts and those with sign monograms. Some of them do not meet with analogies in the underglaze monograms discovered in Taurica so far. All the monograms analysed in the present study date throughout the third quarter of the fourteenth century to 1475; they were inscribed onto ceramic wares in pottery workshops of Caffa, Soldaia, and Chembalo. According to the monograms under analysis from the said cites, unlike to Theodoro principality, such a composition was typical of the areas of Taurica controlled by the Genoese administration.

Key words: Soldaia, south-eastern Crimean pottery, monograms, typology, distribution area.

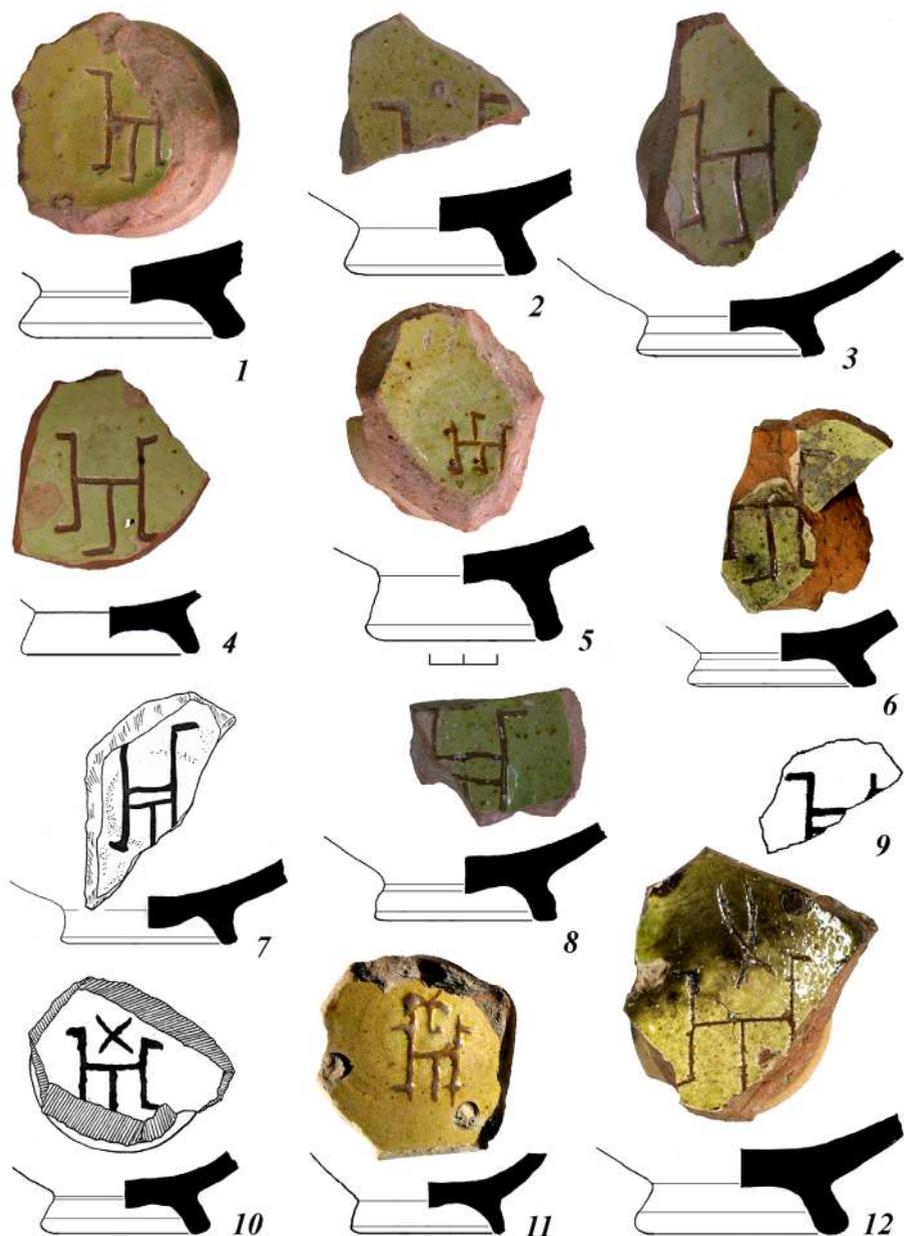

Рис. 1. Монограммы Сугдеи типа 1-4.

1-4, 6 – тип 1; 5 – тип 2; 7-9 – тип 3; 10-12 – тип 4.1.

1, 2 – 1969 г. башня Бернабо ди Франки ди Пагана; 3, 5 – 1985 г. башня № 3; 4, 8 – 1987-88 гг. мастерские; 6, 7, 9-12 – 1981, 1994, 1997, 2001 гг. квартал I

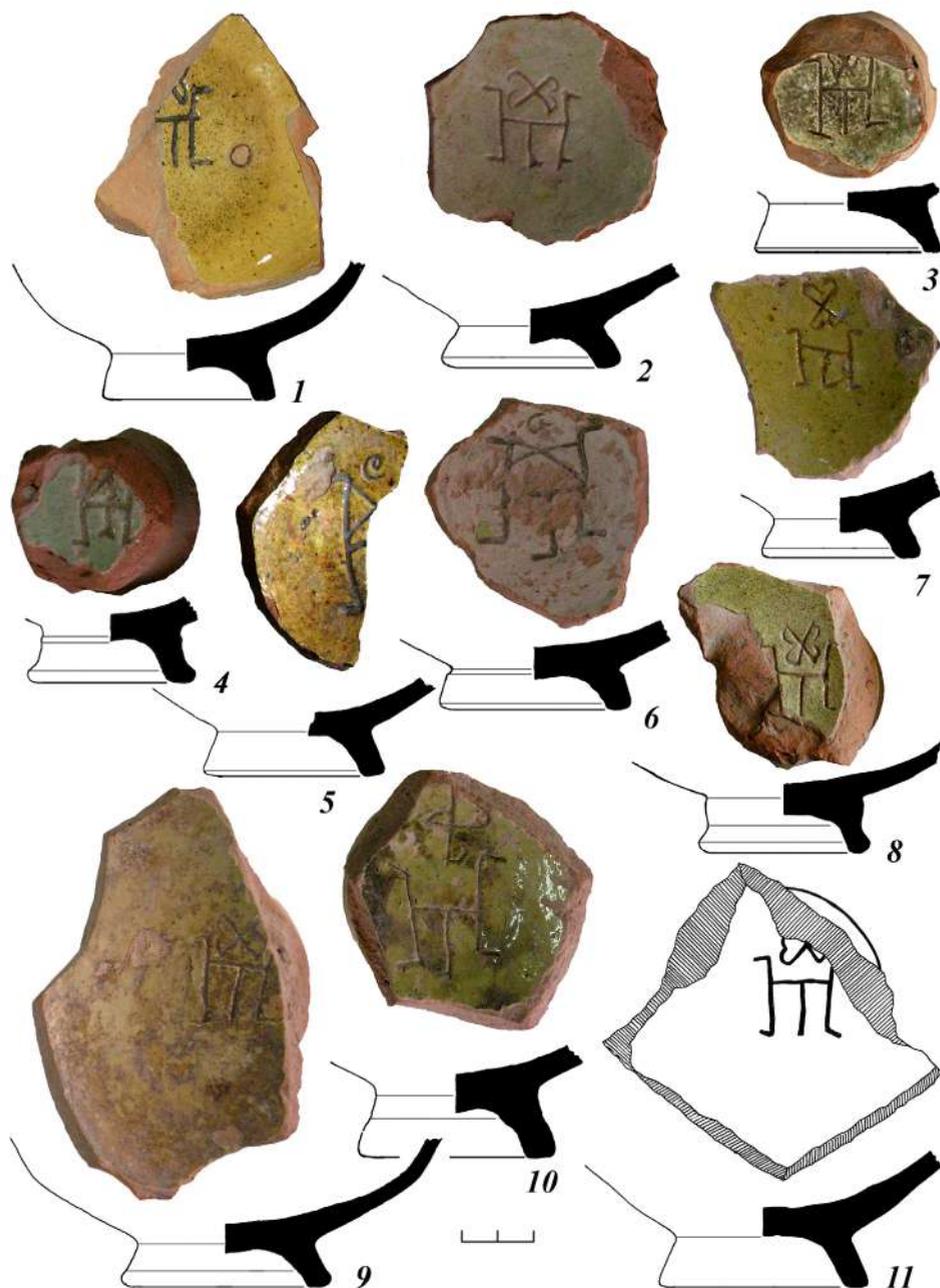

Рис. 2. Монограммы Сугдеи типа 4–5.

1-4, 7-9, 11 – тип 4.2; 5, 6 – тип 5; 10 – тип 4.3.

1 – 1979 г. лоджия; 2, 4, 7, 10 – 1985 г. башня № 3; 3 – 1987 г. мастерские; 5, 8, 9, 11 – 1983, 1995, 1999 гг. квартал I; 6 – 1987 г. мастерские

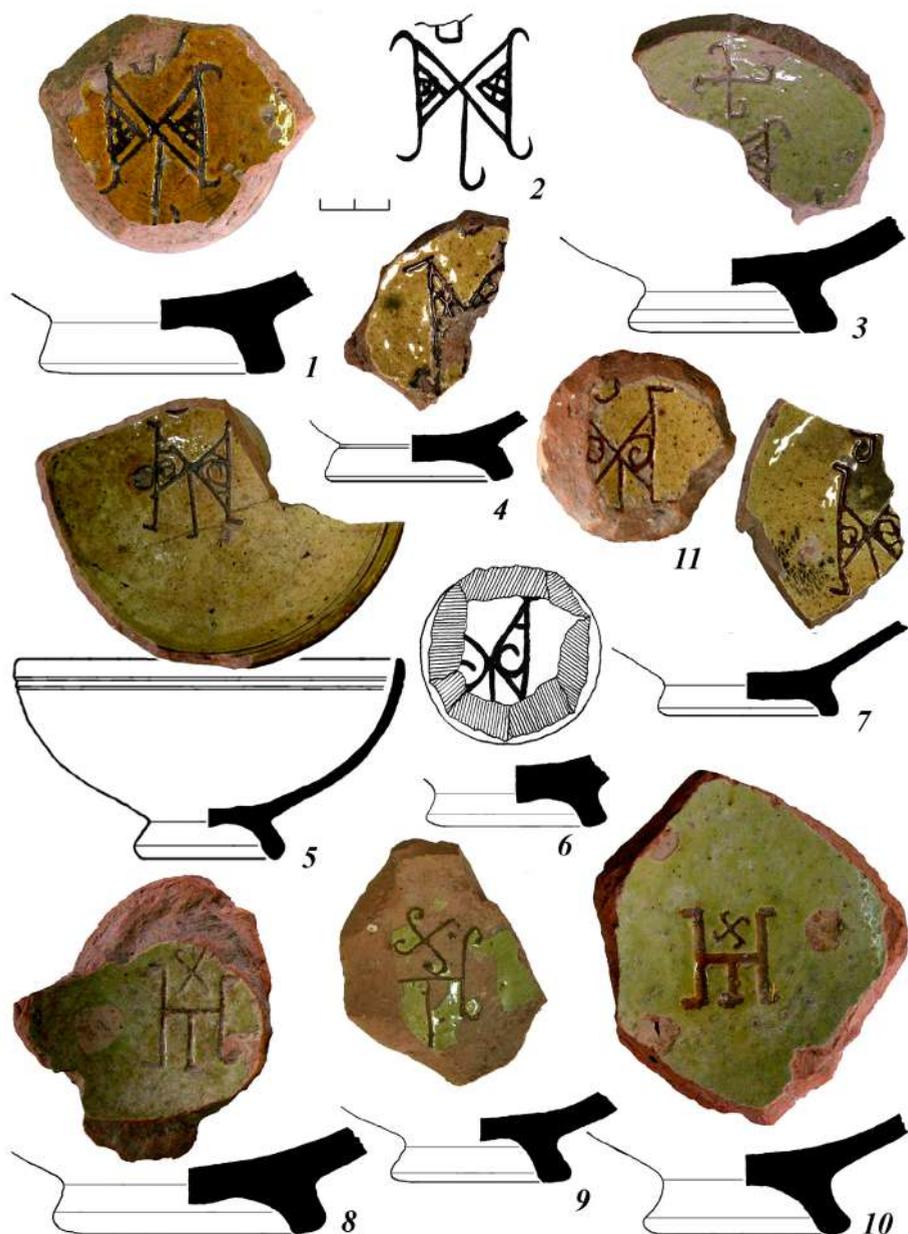

Рис. 3. Монограммы Сугдеи типа 4 и 6.

1-3 – тип 6.1; 4-7, 11 – тип 6.2; 8-10 – тип 4.3.

1, 3, 5, 10 – 1984-85 гг. башня № 3; 2, 6 – 1995, 1997 гг. квартал I; 4, 7 – 1987 г. мастерские; 8 – башня Паскуале Джудичи; 9 – 1971 г. Башня Якобо Торселло; 10 – 1987 г. мастерские

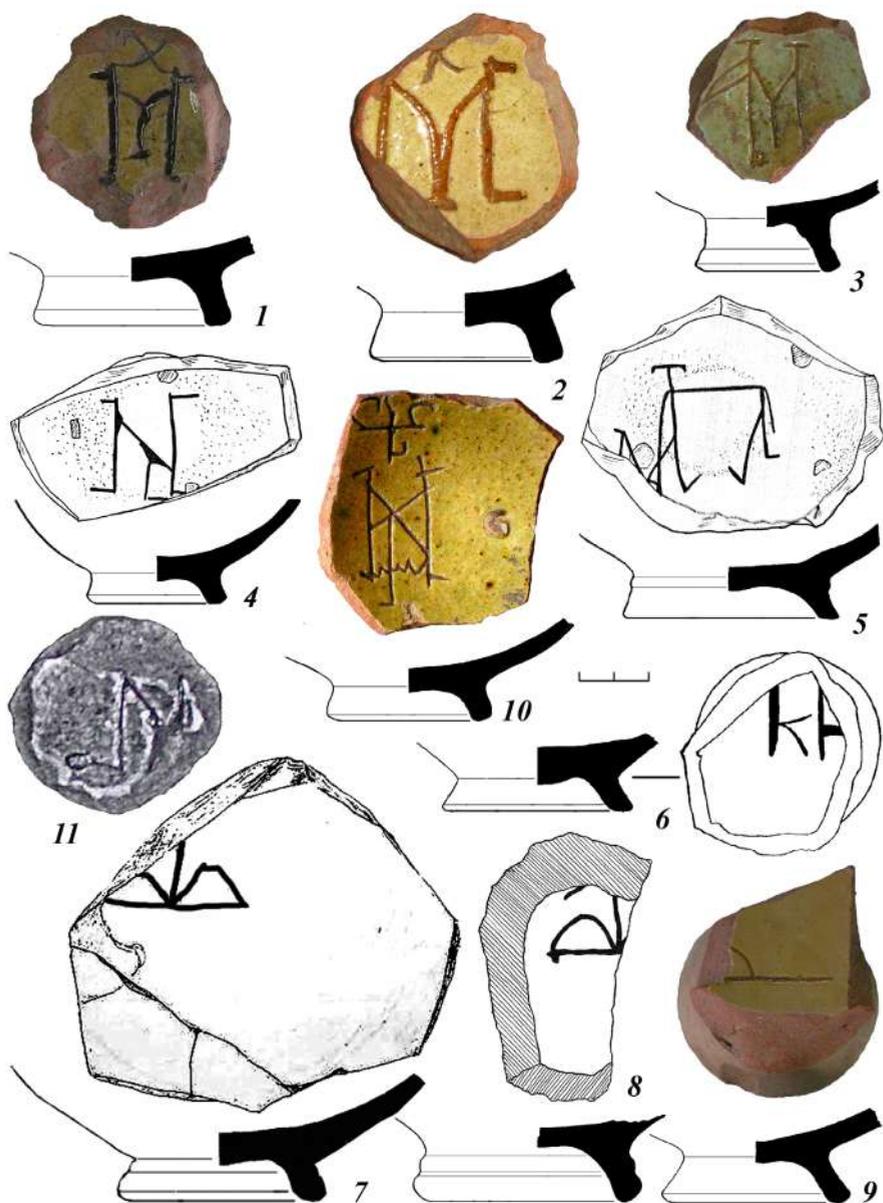

Рис. 4. Монограммы Сугдеи типа 7–10.

1-3 – тип 8; 4-6,11 – тип 9; 7-9 – тип 10; 10 – тип 7.

1 – 1968 г. порт, раскоп III; 2, 10 – 1983 г. квартал I; 3 – 1996 г. квартал I; 4, 5 – 1981 г. квартал I; 6 – 1989 г. помещение; 7 – 2001 г. квартал I; 8 – 2003 г. посад; 9 – 1984 г. башня № 3; 10 – 1983 г. квартал I; 11 – 1988 г. перекрытие пола сахароварни

Рис. 5. Монограммы Сугдеи типа 9, 11 и византийские монограммы.

1-4, 7-9 – тип 11; 10 – тип 9; 5, 6 – византийские монограммы на группе керамики «Elaborate Incised Ware»

1 – 1983 г. квартал I; 2-5,7 – 1969-1972 гг. башня Бернабо ди Франки ди Пагана; 6 – 1985 г. башня № 3; 8 – 2001 г. квартал I; 9 – 1993 г. порт яма 1; 10 – 1972 г. Башня Якобо Торселло.

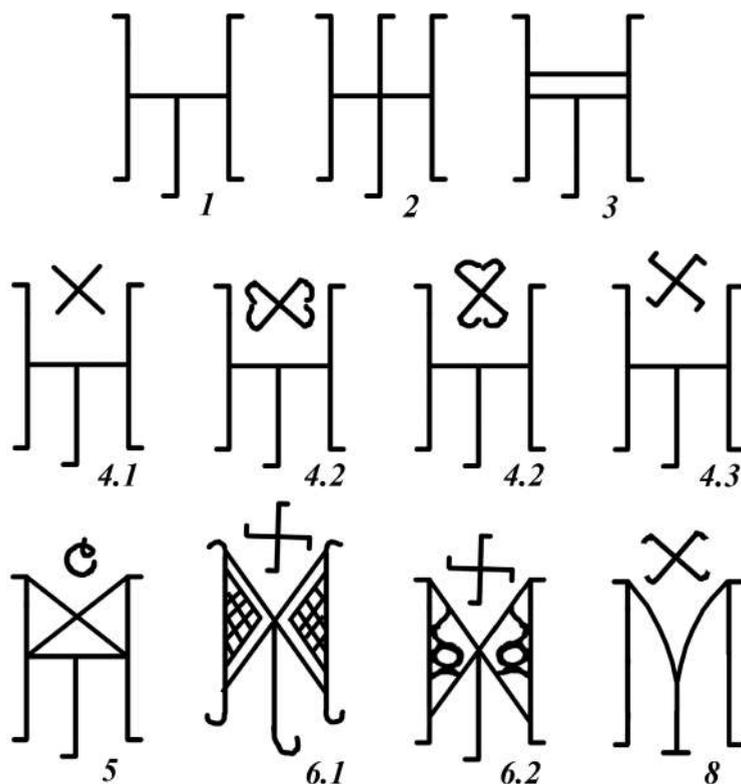
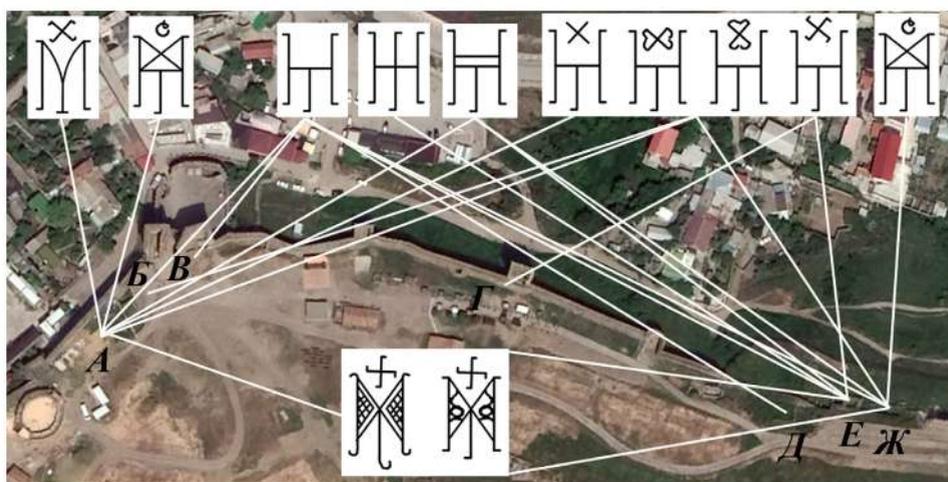

Рис. 6. Основные типы монограмм с именем «Михаил» и месторасположение их находок в Солдае. А – культурный слой на участке квартала I; Б – генуэзская Лоджия; В – Башня Бернабо ди Франки ди Пагана; Г – Башня Паскуале Джудичи; Д – двухкамерный дом; Е – Башня № 3; Ж – мастерские

И. Б. ТЕСЛЕНКО^{а)}, Е. А. ПАРШИНА^{б)}, И. А. АЛЕКСАНДРОВА^{в)}

а) Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

б) Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина)

*в) Центральный музей Тавриды, отдел «Алуштинский историко-краеведческий музей»
(Алушта, Россия)*

КРЫМСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА XIV–XV ВВ. ИЗ РАСКОПОК В ПАРТЕНИТЕ (1985–1988 гг.)

Аннотация: Средневековое поселение Партениты находится в юго-восточной части современного поселка Партенит, на берегах р. Аян-Дере в Южном Крыму. Охранные археологические исследования здесь проводились под руководством Е.А. Паршиной в 1985–1988 гг. Материалы раскопок, большинство которых составляют керамические находки с VII по XVI вв., были переданы в Алуштинский историко-краеведческий музей. В настоящей публикации представлена коллекция поливной керамики XIV–XV вв. крымского производства, которая не была опубликована ранее. В ней преобладает группа изделий Юго-Восточного Крыма предположительно каффинских мастерских (97,5%), которая образует 7 декоративных отделов. Незначительную часть (2,5%) составляет продукция гончарного центра, локализованного на городище в Алуште. Примечательно отсутствие в коллекции «штампованной» керамики и кашина, характерных для керамических комплексов «золотоордынского» культурного круга. В целом, в керамическом материале уже с первой половины XIV в. абсолютно преобладают товары коммуны Каффы, что в свою очередь свидетельствует о доминировании генуэзцев в региональной торговле еще до фактического перехода этих территорий под их юрисдикцию.

Ключевые слова: Крым, Партенит, XIV–XV вв., поливная керамика, крымское гончарное производство.

Городище Партениты (VII – XVI–XVIII вв.) – один из ключевых археологических объектов Южного Крыма. Памятник находится в юго-восточной части пгт Партенит, на берегах р. Аян-Дере (Аян-Дере-Узень, Узень, Партенитка), на высоте до 165 м над уровнем моря, примерно в 0,4 км от берега моря. Восточная часть поселения (на левом берегу р. Аян-Дере) занимает склоны скалистого горного массива Тепелер. Западная часть (на правом берегу р. Аян-Дере) располагается на вершине и восточном склоне водораздельного холма между реками Аян-Дере-Узень и Орта-Узень (совр. Аранлар) (рис. 1). Общая площадь объекта составляет около 12–15 га [12].

Средневековый Партенит упоминается в нескольких письменных источниках. Различные археологические исследования на территории памятника проводились на протяжении около столетия – с начала XX до начала XXI в. [детальнее см.: 25; 26; 12]. Наиболее масштабные раскопки предпринимались в 1985–1988 гг. Партенитским отрядом Горно-Крымской новостроечной экспедиции ИА АН УССР под руководством Е. А. Паршиной. В процессе работ у южного подножья массива Тепелер на площади около 0,15 га были изучены разновременные культурные слои и остатки жилой застройки. Мощность культурных отложений здесь составила до 3,5–5,0 м. Полученные данные позволили выделить четыре основных строительных периода, видимо, соответствующие этапам существования памятника: VII–VIII, X, XII–XIV и XVI вв. В комплексе со сведениями исторических источников можно прийти к выводу, что в эпоху средневековья Партенит представлял собой крупное приморское поселение с морским портом [25; 26].

Материалы этих раскопок, в большинстве своем, поступили в Алуштинский краеведческий музей (ныне – Алуштинский отдел ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»). Часть коллекций со временем была опубликована. Основное внимание при этом уделено керамике из слоев VI–VIII – X–XIII вв., которые сохранились наилучшим образом и из которых происходит наибольшее количество находок [25; 26; 27]. Не так давно были обработаны и представлены в научных изданиях коллекции бытовой керамики османского времени (XVI в.) [2; 3], а также импортные поливные изделия византийского круга конца XIII – начала XIV вв. [36]. Однако значительное количество находок все еще не введено в научный оборот. Среди них существенную долю составляет поливная керамика производственных центров Крыма, активная деятельность которых приходится на период с конца XIII в. до османского завоевания в 1475 г. [35]. Этот отрезок времени в истории Южного берега Крыма подразделяют на 2 этапа: золотоордынский (последняя треть XIII в. – 1380-е гг.) и генуэзский (1380-е гг. – 1475 г.) [см., напр.: 5, с. 186; 19]. Детально охарактеризовать оба этих этапа в истории Партенита, используя данные археологии, в настоящее время затруднительно, так как соответствующие им культурные остатки здесь оказались в значительной степени повреждены в процессе последующей разновременной антропогенной деятельности. Значительный ущерб памятнику был нанесен в том числе при масштабных земляных работах, связанных с подготовкой площадки под строительство военного санатория в 1980-е гг. В результате стратифицированные объекты верхних горизонтов поселения на исследуемой территории оказались практически полностью уничтожены, а происходящие из них артефакты перемещены со своего первоначального положения¹ [21; 22; 23; 24]. Соответственно, их хронологическая позиция может быть определена только на основании аналогий. Саму выборку материала также нельзя считать статистически значимой для исследования особенностей местных керамических комплексов. Тем не менее, она представ-

¹ Лишь на небольшом участке раскопа 3 в 1987 г. удалось зафиксировать *in situ* остатки архитектурно-археологического комплекса раннеосманского времени (XVI в.), состоящего из двух строений, огражденной площадки и ямы [26, с. 91; 2]. Объекты XIV–XV вв. здесь не отмечены.

ляет интерес для изучения керамического ремесла средневекового Крыма вообще и роли Партенита в культурно-экономических взаимосвязях в регионе в частности.

В целом, при работе с музейной коллекцией удалось идентифицировать около трех сотен поливных керамических находок, которые могут быть отнесены к золотоордынскому и генуэзскому периодам. Из них выделено около 30 фрагментированных сосудов открытой формы византийского круга последней трети XIII – первой половины XIV в. [36]². Остальные изделия – в общей сложности обломки более 240 сосудов (из них 6 частично или полностью реконструируемых форм) – соотносимы с продукцией крымских керамических мастерских XIV–XV вв. Из них 35 фрагментированных сосудов закрытой (5) и открытой (30) формы происходят из объектов османского времени (примесь снизу) и были опубликованы ранее [2, с. 452–454, рис. 4, II; 5]. Остальные – будут детально проанализированы впервое³.

Рассматриваемая поливная керамика включает две группы изделий крымско-производства: «Алушта» и «Юго-Восточный Крым» (далее ЮВК). Абсолютное большинство составляют сосуды группы ЮВК – 97,5% коллекции. Для них характерны плотный черепок от светлого красновато-бежевого до насыщенного желто-красного цветов, примесь шамота, естественные включения крупиц известняка в различной концентрации, использование скоростного гончарного круга при формовке, прозрачные глазури зеленого, желтого, коричневого или желто-коричневого цветов различной насыщенности и оттенков. Как неоднократно отмечалось, группа ЮВК в целом не гомогенна. В нее условно объединяют три подгруппы изделий, предположительно связываемых с продукцией крупных гончарных мастерских Каффы, Солхата и Сугдеи. Керамика подгрупп различается по ряду визуально фиксируемых технологических признаков [более детально см.: 14, с. 355–373; 18; 35, с. 32–33, 39–67]. В партенитской коллекции подавляющее большинство составляют сосуды подгруппы «Каффа», среди отличительных черт которой относительно светлая окраска черепка, при этом поверхностный слой обычно светлее излома, и незначительная концентрация шамота мелкой фракции (либо его отсутствие) в формовочной массе. Лишь 3 фрагментированных чаши с насыщенным желто-красным черепком и хорошо заметной примесью шамота в тесте, вероятно, могут быть соотношены с подгруппой «Солхат» (рис. 5, 16, 23; 7, 8).

В составе группы сосуды закрытой (2) и открытой (199) формы (рис. 2–4; 5, 1–14, 16, 17, 20, 22, 23; 6–9).

Сосуды закрытой формы представлены фрагментом горла с прилепом овальной в сечении ручки крупного кувшина (рис. 2, 2) и обломком нижней части корпуса

² В этой публикации не учтен 1 мелкий фрагмент стенки чашки византийского круга, украшенной в стиле «Elaborate Incised Ware» (EIW), середины – второй половины XIV в., который был обнаружен уже после выхода статьи.

³ Не менее 68% рассматриваемой коллекции сформированы материалами 1985 г., около 8% и 5% керамических изделий найдены соответственно в 1986 и 1988 г., для 17% фрагментов год обнаружения точно не определен.

сосуда с практически вертикальными стенками и слабо выраженной деформацией корпуса при помощи вертикальных вдавлений (рис. 2,1). Полную форму реконструировать сложно. Глазурь соответственно зеленая и темно-желтая, нанесена снаружи по белому и слабо окрашенному в желтовато-розовый цвет ангобу.

Большинство обломков сосудов открытой формы принадлежат изделиям с типичными для этой группы морфологическими характеристиками. В большинстве это чаши с вертикальным или слегка наклоненным вовнутрь прямым или округлым бортом, завершающиеся не выраженным или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 2,3,4,7,9,10,11,14; 3,2–5,7; 4,2–4,10–12,14,18–27,31,33; 6,3,8,9), полусферические и эллипсоидальные чашки-пиалы (рис. 4,28–30,33–36,40,41; 6,18). В меньшем количестве встречаются чаши с колоколовидным корпусом (рис. 3,6; 6,11), а также тарелки и блюда с горизонтальным или условно горизонтальным бортом и без него (рис. 2,8; 4,1,9; 6,12,20). По способу оформления внешней поверхности выделено 7 отделов.

1. С монохромной поливой без дополнительного декора (plane glazed ware). Сюда относятся оба поливных сосуда закрытой формы и около 12% – открытой формы (рис. 2). На последних глазурь преимущественно желтого или желто-коричневого цвета, неравномерно окрашенная (рис. 2,5–10,12,13–18,20–22,24). Фрагменты с зеленой, желто-зеленой и светлой зеленовато-желтой глазурью более редки (рис. 2,3,4,11,14,19,23,25,26). Детальная датировка изделий затруднительна, хронологическая позиция в целом определяется в рамках XIV–XV вв. Одна из донных частей небольшой чашки, край которой дополнительно обработан мелкими сколами, вероятно, использовалась вторично (рис. 2,15).

2. С монохромной поливой и рельефным моделированием верхней части корпуса при помощи коротких вертикальных вдавлений (рис. 7,19–22) (2% сосудов открытой формы). По находкам в Крыму и Северном Причерноморье хронологическая позиция изделий определяется в рамках третьей четверти – второй половины XIV в. [34, с. 392, рис. 8,1–3; 13,1–4; 35, с. 46, рис. 24; 18, с. 485, рис. 11,6,7; 23,5,6]. В комплексах XV в. они уже практически не встречаются [32; 33].

3. С росписью белым ангобом под монохромной глазурью (slip-painted decoration) (рис. 6,18–22) (2,5%). Сохранились элементы декора в виде точек, радиальных потеков, спиралей, стилизованных ныряющих рыбок, типичные для этой декоративной группы. Появление подглазурной росписи белым ангобом на крымской керамике относят к первой четверти XIV в., ее широкое распространение приходится на середину – вторую половину XIV в. [17, с. 194; 35, с. 44–46, рис. 22]. В Крыму подобная посуда довольно стабильно встречается в комплексах и слоях середины – второй половины XIV в. При этом, на Южном берегу Крыма и в Херсонесе количество находок заметно меньше, чем в Каффе, Судак, Старом Крыму и их окрестностях [20, с. 73; 28, с. 31, табл. 6,17; 35, с. 44–46, рис. 22; 29, с. 180–182, рис. 1,3; 4, с. 534, рис. 4,3,5,6; 10, с. 153, 156, 158, 165, табл. 1,4; 4,1,4; 6,7; 13,2; 11, с. 149, табл. 31,1; 1, с. 234, рис. 11,1]. На внешний рынок сосуда группы ЮБК с подглазурной росписью белым ангобом поступают

вплоть до последней трети XIV в. [18, с. 485]. Детальная хронология изделий затруднительна, однако очевидно, что позднее XIV в. они уже не производятся [32; 33].

4. С росписью брызгами или пятнами пурпурно-коричневой краски (окисел марганца) под прозрачной светло-желтой или зеленовато-желтой поливой (*purple splash under the yellow glaze*) (рис. 3) (около 11% коллекции). Появление этого декоративного приема в местном гончарстве, как считается, связано с подражанием керамике византийских центров, которая в значительном количестве поставлялась в Северное Причерноморье в конце XIII – первой четверти XIV вв. [16, с. 237; 6, с. 21]. Ранние экземпляры группы ЮВК с пурпурно-коричневой пятнистой расцветкой относят к первой четверти XIV в., однако ее наибольшее распространение, судя по материалам из комплексов Азака, приходится на 30-е – начало 40-х гг. XIV в. [15, с. 96; 17, с. 194; 18, с. 470–471; 6, с. 22]⁴. В Крыму подобные изделия в значительном количестве представлены практически на всей территории полуострова, включая Южнобережье [20, с. 73, рис. 13; 38, с. 202, цв. вст. 8–9; 35, с. 46, рис. 23]. В крымских комплексах последней трети XIV в. они не отмечены, по крайней мере, в качестве стабильного компонента [см. напр.: 29; 30; 4; 1; 34]. На многослойных объектах, начавших свое существование около середины XIV в. – встречаются в небольшом количестве [7, с. 53, 58, рис. 3, 11–14].

5. С орнаментом сграффито самостоятельно или в сочетании с выемчатой техникой под монохромной глазурью (*monochrome sgraffito ware with green, yellow or brown glaze*) (рис. 4; 5; 6, 1–17) (около 40%). Эта техника в крымской керамике начинает использоваться одной из первых, достигая расцвета во второй – третьей четверти XIV в. [17; 18, с. 463–485] и была наиболее применяема в декоре местной поливной посуды, до массового появления полихромного сграффито [35, с. 46–61, рис. 25–32]. В партенитской коллекции она представлена в трех вариантах исполнения, в целом типичных для группы ЮВК: гравировка инструментом одной толщины (0,15–0,25 см), тонким (0,15–0,25 см) и широким (0,3–0,5 см) резцами, а также сочетание сграффито и резерва (рис. 4; 5; 6, 1–17). Большинство изделий покрыто коричнево-желтой неравномерно окрашенной поливой, реже встречается зеленая, желтовато-зеленая, слабоокрашенная желтая или зеленовато-желтая глазурь. На 6 предметах отмечена комбинация коричнево-желтой и слабоокрашенной в желтый цвет поливы внутри сосуда и зеленой – в верхней части снаружи (рис. 4, 2, 32; 5, 16; 6, 8, 9, 11). Все сосуды этого отдела могут быть отнесены к XIV в. Исключение составляют 2 мелких фрагмента чашек-пиал (рис. 4, 40, 41), более характерных для комплексов первой половины XV в. [33, с. 228–229, рис. 1].

По наличию специфичных мотивов рисунка и использованию определенных схем расположения орнамента выделяются отдельные декоративные серии, хронология которых может быть несколько детализирована.

⁴ Изготовление подобной декоративной серии известно также в мастерских Азака (1350–1360-е гг.) и Маджара (точная дата не ясна) [6, с. 22–23], однако в Крым продукция этих центров не поступала, во всяком случае, массово.

Одна из них объединяет изделия с узким орнаментальным поясом вокруг центрального неорнаментированного медальона (рис. 6,2; 4,3,7,8,13–17). Подобная схема построения декора типична для сосудов из комплексов 1330-х гг. [18, с. 471–472]. Среди них одно блюдо большого диаметра с орнаментом из чередующихся полулепестков с мелкими завитками в центре каждого из них и темно-зеленой глазурью (рис. 6,2). Возможно, оно наиболее раннее в этой серии. Остальные 7 сосудов – чаши или тарелки средних параметров с желто-коричневой поливой – украшены зигзагом из миндалевидных фигур в сочетании с центрическими спиралями (рис. 4,3,7,8,13–17). Подобный орнаментальный мотив появляется в декоре местной керамики со второй четверти XIV в. и в дальнейшем, вплоть до конца третьей четверти XV в., используется в отделке крымской глазурованной посуды как в монохромных, так и в полихромных вариациях [18, с. 471–472, рис. 4,5; 19,4; 38, с. 204, цв. вставка 18,2,5; 32, рис. 3,III; 35, с. 57, рис. 25,8,9; 34,9; 44, fig. 1,b]. Он находит близкие параллели в семье керамики стиля «Port St. Simeon Ware» и его дериватов, получивших распространение в Северной Сирии, Анатолии и на Кипре с XIII в. [41, р. 96–97, pl. 14,a-c; 43, pl. XVIII,94; 40, taf. 148,758; 165,893; 39, р. 52–56], в столовой керамике сельджукской Анатолии, производство которой связывают с ирано-кавказской традицией, распространяемой армянскими и грузинскими мастерами [42, р. 316–322, fig. 5], а также на Кавказе [13, табл. 25,358,415; 9, с. 157, рис. 30].

Среди иных специфических орнаментальных мотивов, встречающихся со второй четверти XIV в. – изображение ветви граната с парными листьями, выполненными широким резцом (рис. 6,14) и пояски из стилизованных полузвеньев «сельджукской» цепи (рис. 6,8,9) [18, с. 483, рис. 7,4; 18,2; 35, с. 57, рис. 25,8].

К 1330-м годам относится также появление композиций, основу которых составляет центральный медальон в окружении тонких лучей с С-образными завитками у основания (рис. 5,1,4,16) [18, с. 479, 481–482]. Они, как и элементы сельджукской цепи, используются в различных модификациях вплоть до последней трети XIV в., встречаясь как в монохромном, так и полихромном (рис. 7,4,18) исполнении [18, с. 484, рис. 20,5; 35, рис. 27,8; 34,9; 37,3]. С этого же времени и далее отмечено массовое использование в декоре поливной посуды ЮВК изображений различных пернатых [18, с. 483, рис. 7; 18; 35, с. 60, рис. 29,2–13]. Однако в партенитской коллекции они представлены всего 1 фрагментом, точную аналогию которому найти не удалось (рис. 6,17).

Ко второй половине XIV в. относятся серии чаш и тарелок средних размеров с рисунком во все поле, зачастую выполненным двумя резцами разной ширины. Среди распространенных декоративных элементов, встречающихся в партенитской коллекции – крупные спирали в сложных геометрических композициях (рис. 5,6; 6,5); 4-8-лепестковые розетки (рис. 5,9; 6,3,10); пересекающие все поле ряды косой штриховки между параллельных полос (рис. 6,7); сетчатая штриховка с завитками в ячейках (рис. 5,10); комбинации из полос и центрических спиралей, выполненных широкой и тонкой линиями (стилизованные розы?) (рис. 4,30) и т.п. [35, с. 46–61, рис. 25–32]. Отдельные композиции находят прямые аналогии среди изделий из усадеб Алушты

второй половины XIV в. и поселения у западного подножья г. Аю-Даг [34, рис. 14,2; 38, цв. вставка 17,2,4; 35, рис. 27,8], что свидетельствует об их синхронности, а также, вероятно, принадлежности к стандартным сериям продукции одной мастерской.

6. С орнаментом сграффито и подцветкой рисунка минеральными красками (painted sgraffito; polychrome painted sgraffito; brown and green sgraffito; green, brown and purple sgraffito) (рис. 7,1–14,17; 8; 9) (около 31%). Для подцветки гравировки использовались от одной до трех красок, изготовленных на основе окислов меди (зеленая), железа (коричневая), марганца (пурпурно-коричневая), в различных комбинациях. Наиболее часто встречаются сочетания двух (коричневого и зеленого) и трех (коричневого, зеленого и марганцевого) красителей. Использование техники подцветки гравированного изображения в местном гончарстве фиксируется с первой четверти XIV в. [17, с. 194, рис. 1,12,14]. Однако массовыми полихромные изделия становятся в комплексах не ранее второй половины / третьей четверти XIV в. и продолжают доминировать вплоть до османского завоевания Крыма [18, с. 485–486, рис. 9; 10; 12,4–9; 21; 22; 26; 32, с. 226–228, рис. 4; 33, с. 229–231, рис. 1; 35, с. 61–67; 37]. Однако и здесь также есть возможность уточнить датировку некоторых разновидностей изделий.

Хронологически значимыми признаками в данном отделе являются как техника гравировки в сочетании с элементами изображения, так и цветовая гамма в комплексе с манерой раскраски рисунка, а также качество кроющей глазури⁵ [33, с. 229–231; 35, с. 61–67].

Например, использование окисла марганца (самостоятельно и в комбинации с одной или двумя другими красками), отмеченное на 6 изделиях коллекции (рис. 7,4,5,9,11,13,18), присуще керамике из комплексов второй половины XIV – начала XV вв. [33, с. 229; 34, с. 392, рис. 11,2,3; 15,1,2]. Большинство партенитских экземпляров (рис. 7,4,5,9,18), видимо, следует датировать серединой – второй половиной XIV в., так как в их графическом декоре присутствуют элементы, характерные для этого периода [35, рис. 27; 36,2,5; 37,3].

К этому же времени, вероятно, относится несколько фрагментированных чаш с коричневой, зеленой или зелено-коричневая расцветкой (рис. 7,2,3,6,8,4), которые находят аналогии в комплексах середины – второй половины XIV в. [35, с. 62–66, рис. 34,1–8; 36].

Ко времени не позднее первой четверти XV в. относится чаша, от которой уцелел фрагмент борта с зеленой поливой внутри, с двухцветной раскраской декоративного пояса снаружи (рис. 7,1) [33, с. 229–231; 8, с. 214, рис. 6,3–5; 7,6–9].

К находкам, более типичным для комплексов XV в., следует отнести изделия с гравировкой, выполненной двузубым и трезубым резцами и двухцветной (коричневой и зеленой) подцветкой рисунка (рис. 8,13,14,16–18,20–23; 9,1,8,10,16,17,19–22), а также две чаши, одна из которых со сложным геометрическим декором с внешней

⁵ В XV в. она, как правило, более блеклая, со значительным количеством крупниц не растворившегося красителя или мелкого песка.

стороны борта, вторая – с розеткой из четырех спиралей на лицевой поверхности (рис. 8,3; 9,9). Все эти предметы находят многочисленные параллели в комплексах второй – третьей четвертей XV в. [см. напр.: 32, с. 221–223, 226–228, рис. 2,4; 33, с. 229–232; 44], хотя сама техника и отдельные элементы декора начинают появляться во второй половине XIV в. [18, с. 486]. Хронологическую позицию остальных изделий этого отдела партенитской коллекции возможно определить пока в рамках конца XIV – третьей четверти XV вв.

7. Последний, самый малочисленный отдел в группе ЮВК составляют изделия, украшенные росписью пятнами коричневой или зеленой краски под слабо окрашенной в желтоватый цвет прозрачной глазурью со значительным количеством не растворившихся песчаных крупиц. Это 2 обломка слегка вогнутого горизонтального борта тарелки (без дополнительной профилировки) и 2 фрагмента днищ на кольцевом поддоне от небольших чаш (1,5% рассматриваемой коллекции). В одном из поддонов по обожженной глине просверлено округлое отверстие, назначение которого не ясно и вероятно связано с вторичным использованием чаши или ее обломка. Качество глазури, по крайней мере на поддонах, характерно для изделий не ранее XV в.

Группа «Алушта» гораздо менее представительна. Это 5 обломков от 4–5 сосудов открытой формы с орнаментом сграффито (рис. 5,15,18,19,21,24). Она состоит из продукции гончарной мастерской, следы деятельности которой зафиксированы на территории средневекового городища в историческом центре современной Алушты [31; 35, с. 26–29; 45]. Черепок изделий плотный, на изломе приглушенного желто-красного или коричневатого-красного цвета, поверхность иногда более темная. Глиняное тесто песчаное, с включениями дресвы плотного минерала темно-коричневого или серо-коричневого цвета, заметны также частицы рыхлого минерала белого цвета (известняка). Морфологические особенности и декор большинства изделий типичен для сосудов этой группы [35, рис. 14–16]. Наиболее активный период функционирования мастерской приходится примерно на вторую треть XIV в. [31, с. 332; 35, с. 29]. Более детальная хронология ее деятельности пока затруднительна.

Выводы

В завершение еще раз отметим, что коллекция поливной керамики XIV–XV вв. из охранных раскопок средневекового городища в Партените, проводимых на протяжении 1985–1988 гг., происходит из перемещенных отложений и по этой причине не может считаться репрезентативной для изучения специфики керамических комплексов местных домашних хозяйств. Между тем она представляет собой довольно большую случайную выборку, позволяющую получить общее представление об особенностях ассортимента поливной керамики XIV–XV вв. этого населенного пункта в целом. Так, очевидно, что в рассматриваемом комплексе столовых изделий абсолютно преобладает (97,5%) поливная посуда группы ЮВК, предположительно каффинского производства. Всего лишь 2,5% составляет продукция ближайшей (из ныне известных) гончарной мастерской, локализованной на городище в Алуште. В то же время в коллекции отсутствует так называемая «штампованная» (тисненая в орнаментиро-

ванной форме) посуда, характерная для керамических комплексов «золотоордынско-го» культурного круга, в том числе – юго-восточного и восточного Крыма, где известны центры ее производства (Солдая, Солхат) [35, с. 43–44]. Также примечательно отсутствие золотоордынского керамического импорта, в частности, изделий из кашина, которые стабильно встречаются в городах и на поселениях, тем или иным образом вовлеченных в торговлю с Улусом Джучи.

В целом, коллекция керамики из раскопок Партенита по своему качественному составу близка к синхронным керамическим комплексам городища Алушта [34] и поселения у западного подножья горы Аю-Даг [38]. В керамическом материале всех этих объектов уже с первой половины XIV в. ярко выражено абсолютное преобладание товаров коммуны Каффы, что в свою очередь свидетельствует о доминировании генуэзцев в региональной торговле гораздо раньше фактического перехода этих территорий под их юрисдикцию. Дальний керамический импорт византийского круга также связан с коммерческой активностью итальянских негоциантов [46]. Очевидно, что Партенит, как и упомянутые населенные пункты, находился в сфере торговой активности генуэзцев и не имел стабильных торговых связей с городами Золотой Орды. С третьей четверти XIII в. лигурийцы доставляли на местный рынок дешевую массовую керамику византийских центров [36], а затем, с появлением гончарного производства в Каффе – керамическую продукцию своей крымской фактории. Безусловно, это лишь самые общие наблюдения, которые можно будет детализировать в будущем, при условии возобновления археологических изысканий в Партените.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. I / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 229–246.
2. Алядинова Д.Ю. Керамика османского времени из раскопок Партенита // Археологический альманах. Вып. 33: Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. Киев, 2015. С. 451–481.
3. Алядинова Д.Ю., Тесленко І.Б. Турецький напівфаянс та італійська майоліка із османського Партеніту // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. 2019. Вип. 28 (в печаті).
4. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2004. Вып. I. С. 524–559.
5. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» / Ред. В.Л. Мыц и др. Киев: Стилос, 2004. С. 186–204.
6. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск, 2012 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: ИА им. А.Х. Халилова АН РТ, 2016. С. 20–42. (Археология евразийских степей. Вып. 23).
7. Гинькут Н.В. Поливная керамика XIV–XV вв. из раскопок «консульской церкви» Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: сборник научных трудов / Гл. ред. Ю.А. Бабинов. Севастополь: Вебер, 2001. С. 53–60.

8. Зенюк Д.И., Масловский А.Н. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в г. Азове // Поволжская археология. 2018. № 2(24). С. 204–221.
9. Ибрагимов Б.И. Средневековый город Киран. Баку, М., 2000. 176 с.
10. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички (результаты полевых исследований). Материалы Старокрымской археологической экспедиции. I: Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002.
11. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). Материалы Старокрымской археологической экспедиции. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004.
12. Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Исследования средневекового укрепления на холме Кале-Поти // Археологический альманах. Вып. 22: Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010. № 22. С. 323–346.
13. Майсурадзе З.П. Грузинская художественная керамика XI–XIII веков. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1954. 33 с.
14. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2006. Вып. 21. С. 308–472.
15. Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. 2008. Т. 6. С. 93–124.
16. Масловский А.Н. Об одной группе византийской поливной керамики кон. XIII – 1-й пол. XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. 2010. Вып. 8. С. 231–252.
17. Масловский А.Н. Начало производства поливной керамики в Юго-Восточном Крыму в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // Филология и культура. 2012. № 1(27). С. 192–196.
18. Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдигов. Казань, Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. С. 455–490. (Археологические источники Восточной Европы).
19. Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. // Stratum Plus. 2016. Вып. 6. С. 69–106.
20. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодалная Таврика / Ред. С.Н. Бибииков и др. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
21. Паршина Е.А. Отчет об археологических раскопках в поселке Фрунзенское в 1985 г. // Архив Алуштинского историко-краеведческого музея.
22. Паршина Е.А. Отчет об археологических исследованиях в поселке Фрунзенское в 1986 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1986/25-а.
23. Паршина Е.А. Отчет об археологических исследованиях в поселке Фрунзенское в 1987 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1987/27-а.
24. Паршина Е.А., Занкин А.Б., Созник В.В. Отчет об археологических исследованиях средневекового Партенита в поселке Фрунзенском в 1988 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1988/30-а.
25. Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика / Ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 64–100.
26. Паршина Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Ред.-сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Сталос, 2002. С. 89–109.
27. Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) / Гл. ред. М.І. Гладких. Київ, 2012. С. 7–42.

28. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург: УрГУ, 2003. 223 с.
29. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследования средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник / Ред. Я.М. Паромов. М.: Фарсал, 1994. С. 179–186.
30. Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. 1995. Вып. 27. С. 117–130.
31. Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1 / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стило, 2005. С. 324–348.
32. Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I: Типология, распространение, происхождение // Древности. Харьков, 2010. Вып. 9. С. 216–234.
33. Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть II: Хронология // Древности. Харьков, 2012. Вып. 11. С. 223–236.
34. Тесленко И.Б. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. С. 387–407. (Археологические источники Восточной Европы).
35. Тесленко И.Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. 2018. № 4(29). С. 7–83.
36. Тесленко И.Б., Александрова И.А. Византийская керамика палеологовского времени из Партенита // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X научной конференции (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Севастополь, 2019. С. 193–198.
37. Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по материалам керамических комплексов конца XV–XVI вв.) // Stratum Plus. 2019. № 5 (в печати).
38. Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Майко В.В., Семин С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2017. Вып. V. С. 192–233.
39. Avissar M., Stern E.J. Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 2005. 178 p. (Israeli Antiquities Authority Reports. Vol. 26).
40. Böhlendorf-Arslan B. Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei. Vol. 3. Istanbul: Yayinlari. 2004. 326 p.
41. François V. La ceramique Byzantine a Thasos. Athenes: Ecole Française D’Atènes, 1995.
42. François V. Céramique fine de l’Anatolie Seldjoukide: une production de tradition Irano-Caucasienne // VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée, Thessaloniki, 1999: actes / Ed. Ch. Bakirtzes. Athens, 2003. P. 313–324.
43. Papanikola-Bakirtzis D. Medieval Glazed Pottery of Cyprus: The Workshops of Paphos and Lapithos. Nicosia: The A. G. Leventis Foundation, 1996.
44. Teslenko I. Ceramic Import and Export of Crimea at the Final Stage of the Genoese Domination in the Black Sea Region // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, October 19–24, 2015, Antalya / Eds. F. Yenişehirlioğlu. Antalya, 2018. P. 159–163.
45. Teslenko I., Waksman S.Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea // In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell’ AIECM3. Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17–19 april 2015 / Eds. M. Ferri, C. Moine, L. Sabbionesi. Faenza: All’Insegna del Giglio, 2016. P. 192–194.

46. Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). *Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology*. 2010. Vol. 39.2. P. 357–375.

REFERENCES

1. Ajbabina E.A. Keramika iz raskopok zolotoordynskogo poseleniya bliz Feodosii. Bocharov S.G., Myc V.L. (ed.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. Vol. 1*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 229–246.
2. Alyadinova D.Yu. Keramika osmanskogo vremeni iz raskopok Partenita. *Arheologicheskij al'manah. Vol. 33: Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj jubileju E.A. Parshinnoj*, Kiev, 2015, pp. 451–481.
3. Alyadinova D.Yu., Teslenko I.B. Turec'kij napivfayans ta italijs'ka majolika iz osmans'kogo Partenitu. *Novi doslidzhennya pam'yatok kozac'koj dobi v Ukraïni*, 2019, vol. 28, forthcoming.
4. Baranov I.A. Kompleks tret'ej chetverti XIV veka v Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij Sbornik*, 2004, vol. I, pp. 524–559.
5. Bocharov S.G. Zametki po istoricheskoj geografii Genuezskoj Gazarii XIV–XV vv. Yuzhnyj bereg Kryma. Myc V.L. et al. (ed.), «*O drevnostyah Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskih*», Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 186–204.
6. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Polivnaja keramika s rospis'ju margancem (Vizantija i Zolotaja Orda). Obuhov Ju.D. (ed.), *Materialy pervogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma. Pjatigorsk – Budenovsk, 2012*, Kazan, 2016, pp. 20–42.
7. Gin'kut N.V. Polivnaya keramika XIV–XV vv. iz raskopok «konsul'skoj cerkvi» Chembalo. Babinov Yu.A. (ed.), *Vzaimootnosheniya religioznych konfessij v mnogonacional'nom regione: sbornik nauchnyh trudov*, Sevastopol, Veber Publ., 2001, pp. 53–60.
8. Zenyuk D.I., Maslovskij A.N. Keramicheskij kompleks pervoj chetverti XV v. iz raskopok v g. Azove. *Povolzhskaya arheologiya*, 2018, vol. 2(24), pp. 204–221.
9. Ibragimov B.I. *Srednevekovyj gorod Kiran*. Baku, Moscow, 2000, 176 p.
10. Kramarovskij M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki (rezul'taty polevyh issledovanij). Materialy Starokrymskoj arheologicheskoy ekspedicii. I: Raskopki v Starom Krymu v 1998–2000 gg.* St-Petersburg, Gos. Ermitag Publ., 2002.
11. Kramarovskij M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokataš II (rezul'taty polevyh issledovanij Zolotoordynskoj ekspedicii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg.). Materialy Starokrymskoj arheologicheskoy ekspedicii. II.* St-Petersburg, Gos. Ermitag Publ., 2004.
12. Lysenko A.V., Teslenko I.B. Issledovaniya srednevekovogo ukrepleniya na holme Kale-Poti. *Arheologicheskij al'manah. Vol. 22: Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika*, Donetsk, 2010, pp. 323–346.
13. Majsuradze Z.P. *Gruzinskaya hudozhestvennaya keramika XI–XIII vekov*. Tbilisi, Akademia nauk Gruzinskoj SSR Publ., 1954, 33 p.
14. Maslovskij A.N. Keramicheskij kompleks Azaka. Kratkaja harakteristika. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 godu*, 2006, vol. 21, pp. 308–472.
15. Maslovskij A.N. Podval kupecheskogo doma konca pervoj poloviny XIV veka iz Azaka. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja*, 2008, vol. 6, pp. 93–124.
16. Maslovskij A.N. Ob odnoj gruppe vizantijskoj polivnoj keramiki kon. XIII – 1-j pol. XIV v. iz raskopok zolotoordynskogo Azaka. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja*, 2010, vol. 8, pp. 231–252.
17. Maslovskij A.N. Nachalo proizvodstva polivnoj keramiki v Jugo-Vostochnom Krymu v poslednej chetverti XIII – pervoj polovine XIV v. *Filologija i kul'tura*, 2012, vol. 1(27), pp. 192–196.

18. Maslovskij A.N. Vostochnokrymskij polivnoj import v zolotoordynskom Azake. Voprosy hronologii. Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII veka. Vol. 2*, Kazan, Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, pp. 455–490.
19. Myc V.L. Zavoevanie pozdnevizantijskoj Tavriki Mongolami: istoriko-arheologicheskij kontekst katastrofy poslednej chetverti XIII v. *Stratum Plus*, 2016, vol. 6, pp. 69–106.
20. Parshina E.A. Srednevekovaya keramika Yuzhnoj Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). Bibikov S.N. (ed.), *Feodal'naya Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56–94.
21. Parshina E.A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v posyolke Frunzenskoe v 1985 g. *Arhiv Alushtinskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*.
22. Parshina E.A. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v posyolke Frunzenskoe v 1986 g. *Nauchnyj arhiv Instituta Arkheologii NAN Ukrainy*. No. 1986/25-a.
23. Parshina E.A. Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyah v posyolke Frunzenskoe v 1987 g. *Nauchnyj arhiv Instituta Arkheologii NAN Ukrainy*. No. 1987/27-a.
24. Parshina E.A., Zankin A.B., Soznik V.V. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah srednevekovogo Partenita v posyolke Frunzenskom v 1988 g. *Nauchnyj arhiv Instituta Arkheologii NAN Ukrainy*. No. 1988/30-a.
25. Parshina E.A. Torzhishche v Partenitah. Tolochko P.P. (ed.), *Vizantijskaya Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 64–100.
26. Parshina E.A. Drevnij Partenit (po materialam raskopok 1985–1988 gg.). Rudnickaya V.G., Teslenko I.B. (eds.), *Alushta i Alushtinskij region s drevnejshih vremen do nashih dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 89–109.
27. Parshina E.A., Soznik V.V. Amfornaya tara Partenita (po materialam raskopok 1985–1988 gg.). Gladkih M.I. (ed.), *1000 rokov vizantijs'koj trgovli (V–XV stolittya)*, Kiev, 2012, pp. 7–42.
28. Romanchuk A.I. *Glazurovannaya posuda pozdnevizantijskogo Hersona. Portovyj rajon*. Ekaterinburg, UrGU Publ., 2003, 223 p.
29. Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. Issledovaniya srednevekovoj Kaffy v 1991–1992 gg. Paromov Ya.M. (ed.), *Bosporskij sbornik*, Moscow, Farsal Publ., 1994, pp. 179–186.
30. Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. Hronologiya sloev genuezskoj Kaffy. *Prichernomor'e v srednie veka*, 1995, vol. 27, pp. 117–130.
31. Teslenko I. B. Proizvodstvo polivnoj keramiki v kreposti Aluston (Krym). Bocharov S.G., Myc V.L. (eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. Vol. 1*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 324–348.
32. Teslenko I.B. Polivnaya posuda Kryma XV v. (mestnoe proizvodstvo do tureckogo perioda). Part I: Tipologiya, rasprostranenie, proiskhozhdenie. *Drevnosti*, Kharkov, 2010, vol. 9, pp. 216–234.
33. Teslenko I.B. Polivnaya posuda Kryma XV v. (mestnoe proizvodstvo do tureckogo perioda). Part II: Hronologiya. *Drevnosti*, Kharkov, 2012, vol. 11, pp. 223–236.
34. Teslenko I.B. Kompleks keramiki iz raskopok usad'by zolotoordynskogo perioda na territorii srednevekovogo gorodishcha v Alushte (Krym). Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII veka. Vol. 2*, Kazan, Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, pp. 387–407.
35. Teslenko I.B. Virobnictvo poliv'yanogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini*, 2018, vol. 4(29), pp. 7–83.
36. Teslenko I.B., Aleksandrova I.A. Vizantijskaya keramika paleologovskogo vremeni iz Partenita. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. Materialy XI nauchnoj konferencii (Sevastopol – Balaklava, 3–7 iyunya 2019 g.)*, Sevastopol, 2019, pp. 193–198.
37. Teslenko I.B., Alyadinova D.Yu. Vliyanie osmanskogo zavoevaniya 1475 g. na kul'turu zhitelej Yuzhnogo Kryma (po materialam keramicheskikh kompleksov konca XV–XVI vv.). *Stratum Plus*, 2019, vol. 5, forthcoming.

38. Teslenko I.B., Lysenko A.V., Majko V.V., Semin S.V. Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnoz'h'ja g. Aju-Dag (Juzhnyj Krym). *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 192–233.
39. Avissar M., Stern E.J. *Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel*. Jerusalem, Israel Antiquities Authority Publ., 2005, 178 p.
40. Böhlendorf-Arslan B. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Vol. 3. Istanbul, Yayinlari Publ., 2004, 326 p.
41. François V. *La ceramique Byzantine a Thasos*. Athenes, Ecole Française D'Atènes Publ., 1995.
42. François V. Céramique fine de l'Anatolie Seldjoukide: une production de tradition Irano-Caucasienne. Bakirtzes Ch. (ed.), *VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée, Thessaloniki, 1999: actes*, Athens, 2003, pp. 313–324.
43. Papanikola-Bakirtzis D. *Medieval Glazed Pottery of Cyprus: The Workshops of Paphos and Lapithos*. Nicosia, The A. G. Leventis Foundation, 1996.
44. Teslenko I. Ceramic Import and Export of Crimea at the Final Stage of the Genoese Domination in the Black Sea Region. F. Yenişehirlioğlu (eds.), *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics, October 19-24, 2015, Antalya*, Antalya, 2018, pp. 159–163.
45. Teslenko I., Waksman S.Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea. Ferri M., Moine C., Sabbionesi L. (eds.), *In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17-19 april 2015*, Faenza, All'Insegna del Giglio, 2016, pp. 192–194.
46. Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology*, 2010, vol 39.2, pp. 357–375.

I. B. TESLENKO^{a)}, E. A. PARSHYNA^{b)}, I. A. ALEKSANDROVA^{c)}

a) Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

b) Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

c) Alushta History and Regional Museum Department, Central Museum of Tavrida (Alushta, Russia)

THE FOURTEENTH AND FIFTEENTH CENTURY CRIMEAN GLAZED WARE EXCAVATED IN PARTENIT (1985–1988)

Abstract: The mediaeval settlement of Parthenity is located in the south-eastern area of the modern town of Partenit, on the banks of the Aian-Dere river, in southern Crimea. E.A. Parshina headed archaeological researches in this area in 1985–1988. Excavated materials, mostly pottery from the seventh to sixteenth centuries, now reside in the Alushta History and Regional Museum. The paper presents a previously unpublished collection of glazed ware from the fourteenth and fifteenth centuries made in Crimean workshops. The majority of this assemblage comprises a group of the south-eastern Crimean production (97.5%), supposedly from Caffa workshops, including seven decorative series. An insignificant part of the pottery (2.5%) was made in the workshop located in the mediaeval town of Alushta. It is worth mentioning the absence in the collection of softpaste (kashin) ware and ware, typical for ceramic assemblages of the Golden Horde cultural tradition. Generally, vessels from Caffa predominated among ceramic materials from the first half of the fourteenth century. Obviously, the Genoese predominated in the regional trade even before they established their jurisdiction over the southern coast of the Crimea.

Key words: Crimea, Partenit, fourteenth and fifteenth centuries, glazed ware, Crimean pottery production.

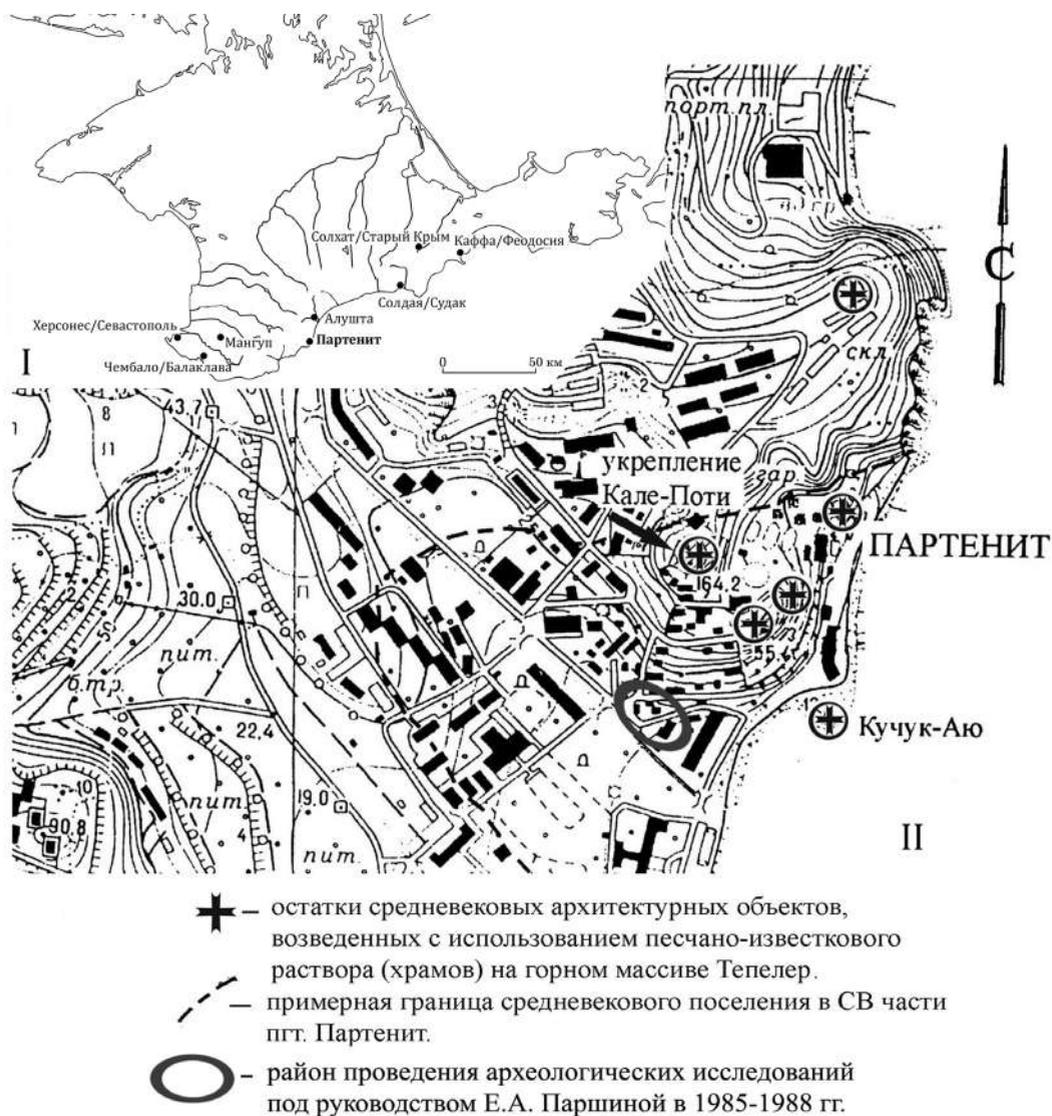

Рис. 1. I — основные средневековые населенные пункты Крыма, упомянутые в статье. II — карта средневековых археологических объектов на территории пгт Партенит

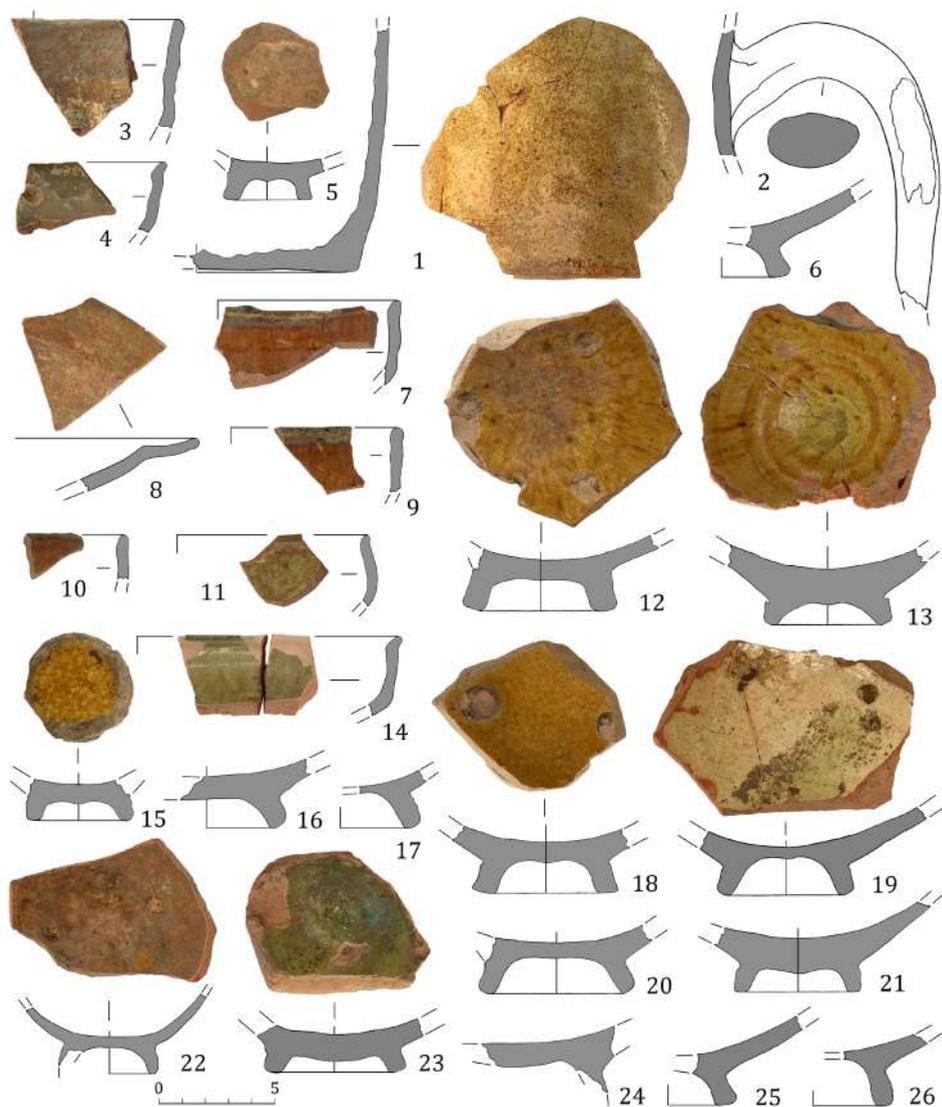

Рис. 2. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК с монохромной глазурью без дополнительного декора

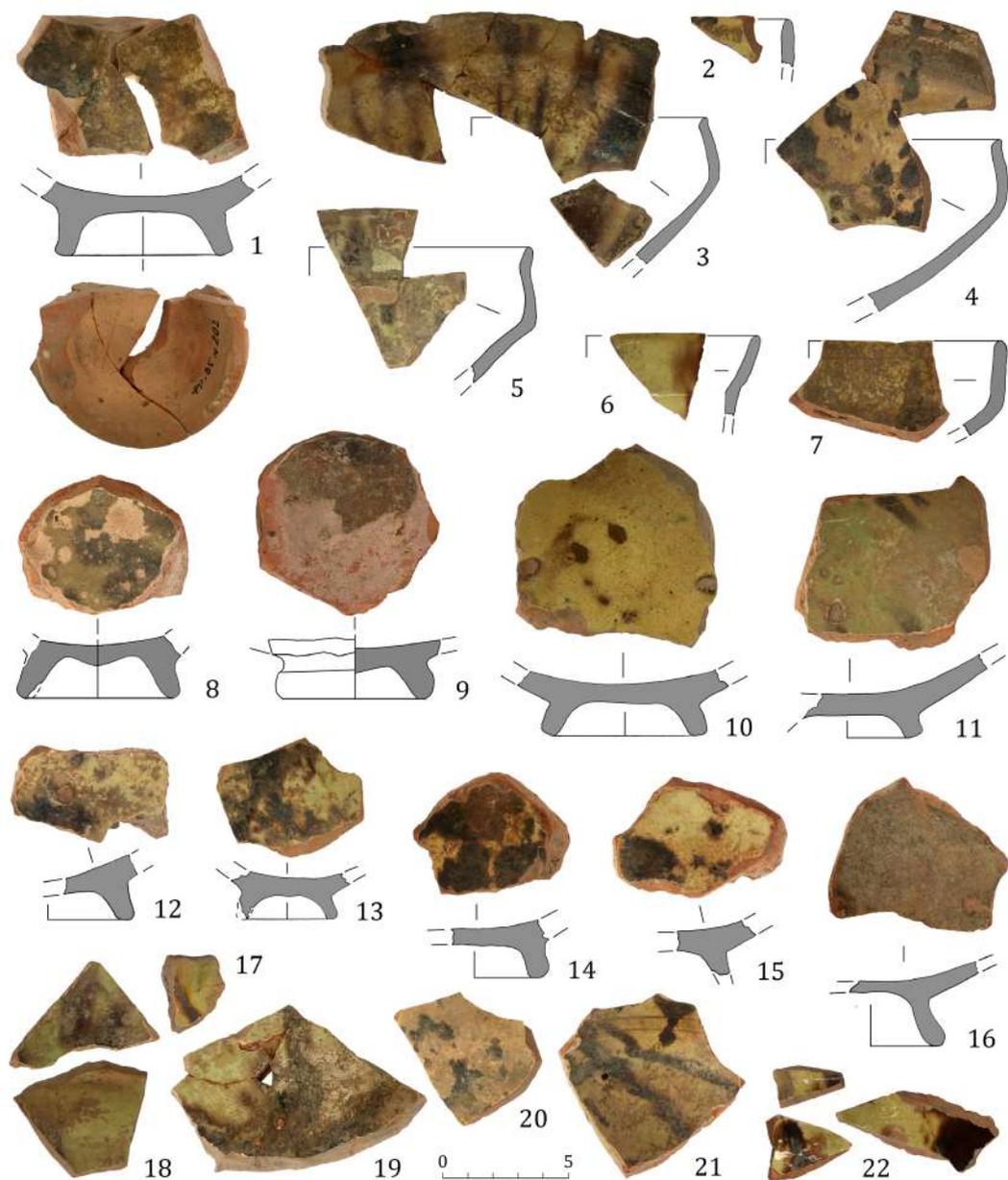

Рис. 3. Партеит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК с росписью пятнами пурпурно-коричневой краски под прозрачной светло-желтой или зеленовато-желтой поливой

Рис. 4. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК с орнаментом сграффито под монохромной глазурью

Рис. 5. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика групп ЮВК (1–14, 16, 17, 20, 22, 23) и «Алушта» (15, 18, 19, 21, 24) с орнаментом сграффито под монохромной глазурью

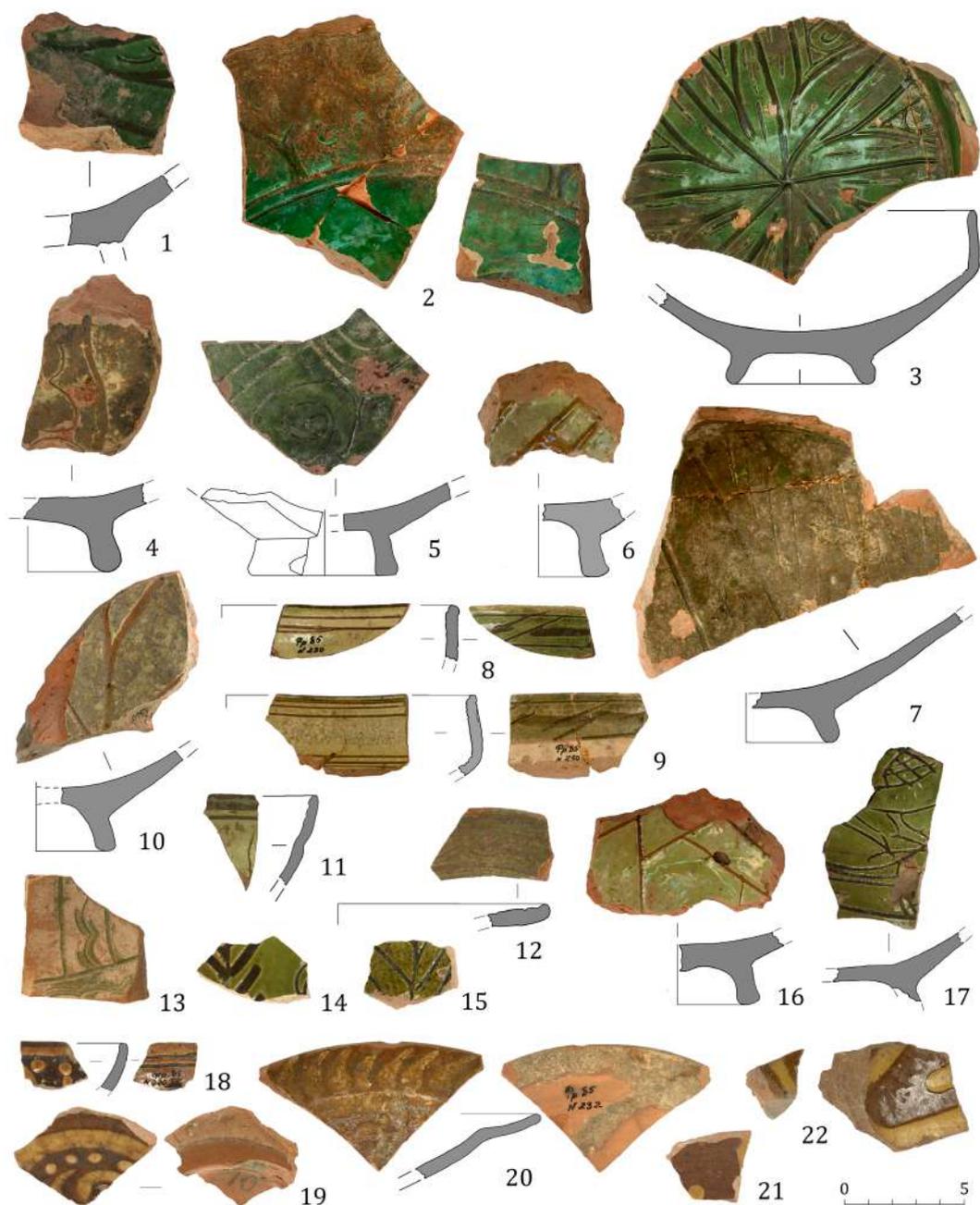

Рис. 6. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК: 1–17 – с орнаментом сграффито под монокромной поливой; 18–22 – с росписью белым ангобом под монокромной глазурью

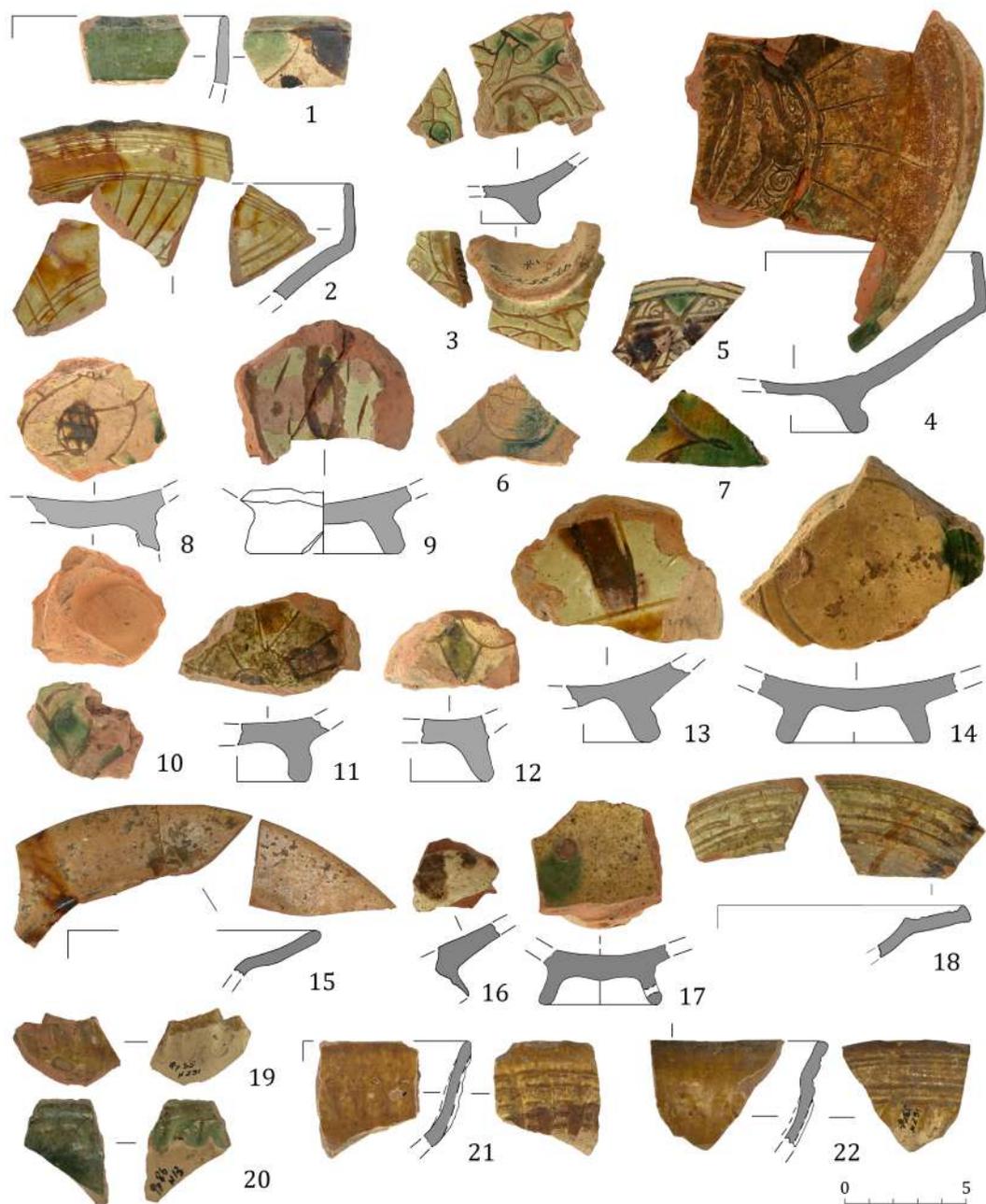

Рис. 7. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК: 1–18 – с орнаментом сграффито и подцветкой минеральными красками; 15–17 – с росписью пятнами коричневой или зеленой краски под слабо окрашенной в желтоватый цвет прозрачной глазурью; 19–22 – с рельефным моделированием верхней части корпуса и монохромной поливой

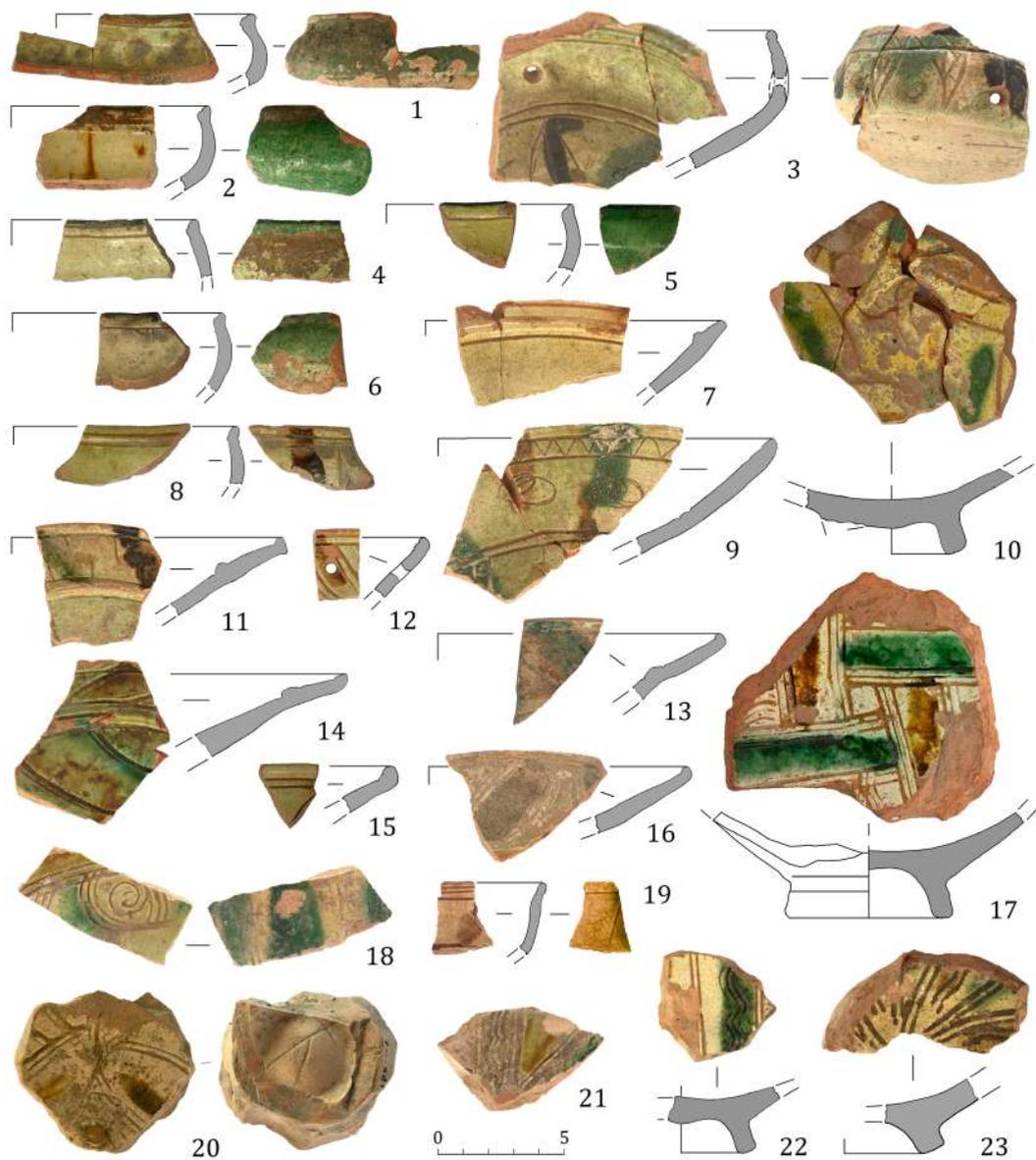

Рис. 8. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК с орнаментом сграффито и подцветкой минеральными красками

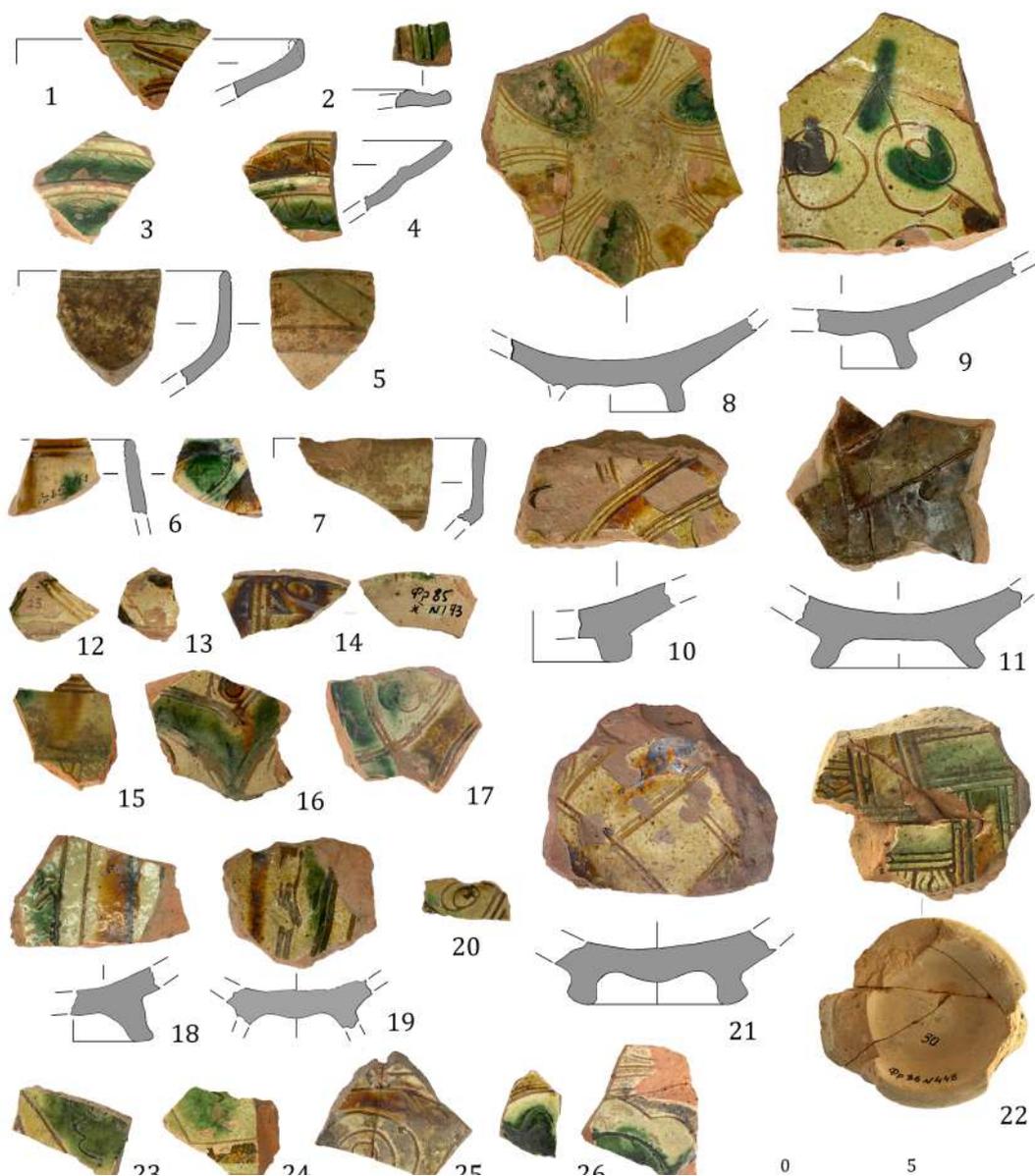

Рис. 9. Партенит, раскопки 1985–1988 гг. Керамика группы ЮВК с орнаментом сграффито и подцветкой минеральными красками

Д. Э. СЕЙДАЛИЕВА

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПТИЦ НА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ КЕРАМИКЕ СОЛХАТСКОГО ГОРОДИЩА И ОКРУГИ¹

Аннотация: В ходе археологических исследований ряда памятников золотоордынской культуры Крыма было выявлено значительное количество керамического материала. Среди этих находок выделяется группа сосудов с нанесенными на них изображениями птиц. В статье представлены материалы, обнаруженные на территории средневекового городища Солхат и его ближней и дальней округи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Старокрымском литературно-художественном музее и Крымскотатарском музее культурно-исторического наследия. Предпринята попытка систематизации, анализа и интерпретации данной категории находок. Даны определения некоторых видов птиц, которых изображали на средневековой золотоордынской керамике. Среди них хорошо идентифицируются павлин, кольчатая горлица, голубь, изображения на некоторых сосудах определяются условно. Опубликованные материалы существенно дополняют данные о материальной и художественной культуре населения средневекового Крыма, демонстрируют местные самобытные традиции, культурные и торгово-экономические связи золотоордынского Крыма с соседними регионами и государствами. Всего приведено 47 находок, датируемых концом XIII – первой половиной XV вв. Статья сопровождается каталогом с подробным описанием найденной керамики и таблицами иллюстраций.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхатское городище, глазурированная керамика, зооморфный орнамент, птицы.

Город Солхат/Крым являлся одним из крупных торгово-ремесленных центров в западной части золотоордынской цивилизации. Одной из отличительных черт его материальной культуры было развитое керамическое производство. До настоящего времени основным источником для изучения керамического производства Солхата остается археологический материал, так как в письменных источниках данный вопрос не освещается.

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

Солхат/Крым возник в 50–60-е гг. XIII в. как столица Крымского улуса Золотой Орды и начал угасать с середины XV в., когда основатель династии крымских ханов Хаджи Гирей (1441–1466) перенес столицу в окрестности современного Бахчисарая. Город Крым представлял собой обширное городское поселение с не менее обширной округой. На его территории исследовано множество памятников и получен разнообразный археологический материал, среди которого значительное количество составляет керамика с зооморфным орнаментом в виде птиц.

С 1978 г. по настоящее время ведутся раскопки столицы крымского юрта Золотой Орды, из которых происходит бытовая (неполивная и поливная) посуда². Всего в настоящем исследовании представлены 24 фрагмента сосудов с изображением птиц, ныне хранящихся в Старокрымском литературно-художественном музее, 22 фрагмента сосудов, хранящихся в фондах отдела Востока Государственного Эрмитажа и 1 фрагмент чаши из фондов Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия (г. Симферополь). Ряд фрагментов с орнитоморфным изображением мы не учитывали в своей статье, поскольку атрибуция изображения на них затруднительна, либо они не имеют привязки к археологическому контексту.

С начала XX века исследователи начинают публиковать научные статьи о золотоордынской поливной керамике. Широкую известность приобрели фундаментальные труды К. Н. Папа-Афаносопуло [32], Н. Б. Булатова [2; 3; 4], Г. А. Федорова-Давыдова [36], Н. Н. Вактурской [6], Т. И. Макаровой [28], Т. Д. Пановой [31], Н. Ф. Лисовой [27], И. Б. Тесленко [34] и других. Н. Н. Вактурская в работе «Керамика Хорезма» описывает несколько фрагментов с изображением уток [6, рис. 29,1]. Подобные птицы встречаются также на посуде Сарайчика [1, с. 193, рис. 7,10,11]. Е. Р. Давлетшина в статье «Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII–XIV вв.» описывает, анализирует и систематизирует изображения на золотоордынской посуде и трактует образы встречающихся птиц. Особое внимание она уделяет изображению утки, являющейся одним из ключевых персонажей общетюркской и болгаро-татарской мифологии [9; 10].

Н. Ф. Лисова в монографии «Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья» [27, с. 74–92] отдельно обращает внимание на зооморфные мотивы в орнаментации с полихромной росписью с присутствием и отсутствием рельефной моделировки орнамента, в сине-черной и бело-синей керамике, а также в красноглиняной керамике с орнаментом «сграффито» с территории Нижнего Поволжья. Исследователь выделяет более двадцати типов чаш с изображением птиц и пишет о том, что в XIV веке существовали строгие художественные каноны в отношении изображения птиц и животных на керамических сосудах. Н. Ф. Лисова также отмечает, что самым распространенным изображением птицы была утка [27, с. 76]. Интересно отметить, что изображение утки наделено сакральным и одновременно мифологическим смыслом [7]. Существует татарская легенда

² Выражаю благодарность доктору исторических наук, руководителю старокрымской экспедиции Государственного Эрмитажа М. Г. Крамаровскому за возможность опубликовать материал.

о творении земли, в которой говорится о том, что, когда не было суши, утка плавала в океане и, нырнув на дно, достала комок земли, он и стал основой творения земной тверди [8]. С утверждением ислама в золотоордынской культуре образ утки постепенно эволюционировал в декоративный мотив. Г. А. Федоров-Давыдов трактует образ утки как символ благополучия [36].

В этих и других работах постепенно формируется система современных представлений об основных группах и особенностях керамики Золотой Орды с орнитоморфными изображениями, как местного производства, так и привозных изделий.

Перечень предметов, их описание и датировка археологического контекста представлены в каталоге (см. Приложение 1) и сводной статистической таблице (см. Приложение 2). Отметим, что в статье рассматриваются находки, полученные в ходе систематических раскопок различных объектов городища Солхат и его округи в 1978–2017 гг. Приведенные материалы хронологически укладываются в достаточно широкий временной диапазон конца XIII – начала XV вв., на основании общей даты существования поселения. В случаях, когда комплекс можно было датировать в более узких хронологических рамках, как правило, на основании нумизматического материала, находки датировались в пределах XIV в. Для более детальной датировки необходимо привлечение более широкого круга аналогий и подробного анализа стратиграфических колонок городища Солхат и поселений его округи, что на данном этапе изучения памятников затруднительно.

На территории Солхата за все время археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа было обнаружено значительное количество фрагментов керамических сосудов с изображением птиц: голубя, павлина, цесарки, перепелки и др. Птицы изображаются на сосудах как обычный декор и, возможно, несут в себе функцию оберега, или отражают восприятие мира мастером либо заказчиком. Многие исследователи трактуют изображение птицы как символ радости, счастья и любви [10, с. 354–359]. К примеру, образ павлина встречается в мифах, где бог сотворил мировой дух павлина и дал ему посмотреть на свое отражение. В восторге от увиденной красоты птица пролила капли пота, а из этих капель произошли все существа [29, с. 273]. Мусульманские мастера, возможно, продолжают традиции позднеантичного искусства, для которых образ павлина символизировал воскрешение [30, с. 46].

Рассматриваемая в статье глазурованная посуда Солхата представлена серией фрагментов с изображениями птиц, выполненными подглазурным рисунком в технике «сграффито» и «резерв». Птицы встречаются на сосудах открытого и закрытого типа.

Вероятней всего, местные ремесленники изображали тех птиц, которые обитали в юго-восточном Крыму в эпоху средневековья, либо использовали изображения на импортной посуде. Нельзя также исключать наследие позднеантичной или византийской традиции. В большинстве случаев мы можем лишь предполагать, какие виды птиц изображены на сосудах. По предварительным определениям Е. Ю. Яниш³

³ Выражаю благодарность кандидату биологических наук, младшему научному сотруднику института зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины Е. Ю. Яниш за консультации по определению видов

хорошо идентифицируются павлины (*Pavo cristatus*) (рис. 3,20; 6,39) и кольчатые горлицы (*Streptopelia decaocto*) (рис. 2,14–16; 4,23; 5,30; 7,41). Несколько птиц изображены в одной манере и явно относятся к одному виду. Также мы можем предполагать, что средневековые мастера изображали кеклика (*Alectoris graeca*) (рис. 6,35) или чибиса (*Vanellus vanellus*) (рис. 1,1–7; 2,8; 5,31). Предположительно встречаются изображения голубей (отряд голубеобразные) (рис. 3,18,19; 2,10–13; 7,40), фазанов обыкновенных (*Phasianus colchicus*) (рис. 3,17), перепелов (*Coturnix coturnix*) (рис. 3,21; 4,24–27) или куропаток (рис. 7,44) и цесарок (*Numida meleagris*) (рис. 6,36–38; 7,42–43,45–47). М. Г. Крамаровский считает, что на некоторых сосудах изображены птицы, относящиеся к группе удонов (рис. 5,32,34) [11, с. 431]. У многих народов птицы, относящиеся к семейству удоновых, интерпретировались как символ начала весны и плодородия [11, с. 430].

Мы разделили находки по морфологии на две категории – открытые и закрытые, затем выделили четыре группы по функциональному назначению: чаши, блюда, кувшины и фляги. Далее материал делится по технике нанесения орнамента – с орнаментом в технике «сграффито» и в комбинации «сграффито» и «резерв». На кувшинах и фляге орнамент выполнен только в технике «сграффито». Также выделяются варианты в зависимости от вида птицы, изображенной на сосуде.

Группа I – чаши (72,3%). К чашам (рис. 1,1–7; 2,8–16; 3,17–21; 4,22–27; 5,28–34) относятся сосуды открытого типа, как правило, на невысоком кольцевом поддоне и с вертикальным венчиком, который иногда слегка отогнут. Для этой категории находок характерен красноглиняный в изломе черепок, формовочная масса с большим количеством дробленного шамота и небольшими включениями известняка. Сосуды покрыты изнутри монохромной зеленой (цвет варьируется от светлой до темной) или светло-коричневой глазурью. На некоторых экземплярах находок снаружи вдоль верхнего края изделие покрывалось зеленой глазурью. Реже встречается полихромное покрытие глазурью (зеленой, коричневой, желтой). Орнамент выполнен в технике «сграффито» и на восьми фрагментах встречается в комбинации с техникой «резерв» (рис. 1,1,3,6,7; 2,8,16; 3,20; 5,32). Чаще всего встречаются изображения кеклика или чибиса (рис. 1,1–4,5–7; 2,8; 5,31), голубя (рис. 2,10–13; 3,18–19). Также изображаются кольчатая горлица (рис. 2,14–16; 4,23; 5,30), перепела (рис. 3,21; 4,24–27) и одно изображение павлина (рис. 3,20). 55,9% чаш относится к закрытым комплексам, датированных по нумизматическому материалу концом XIII – второй половиной XIV в.

Изделия из раскопок городища и округи представлены преимущественно фрагментами доньев и стенок. Две целые чаши (рис. 1,5; 2,14) с вертикальным слегка отогнутым венчиком, декорированы снаружи в верхней части сосуда горизонтальными отрывистыми и концентрическими по кругу линиями. Предположительно, все представленные экземпляры чаш изготавливались в мастерских Солхата, кроме

одной чаши (рис. 2,14). М. Г. Крамаровский предполагает, что эта чаша была изготовлена в Малой Азии [11, с. 364].

Группа II представлена небольшим количеством блюд (10,6%). Это сосуды открытого типа на кольцевом поддоне и с широким горизонтально отогнутым краем (рис. 6,35–39). Для нее характерен красноглиняный черепок, формовочная масса с примесью шамота и известняка. Изнутри покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светлой до темной) глазурью. Два археологически целых блюда снаружи покрыты зеленой глазурью. Одно блюдо-полуфабрикат (рис. 6,37) покрыто белым ангобом, глазурь нанесена не была. Орнамент выполнен в технике «сграффито» и на одном археологически целом блюде встречается в комбинации с техникой «резерв» (рис. 6,36). Ремесленники наиболее часто изображали цесарок (рис. 6,36–38), также встречается кеклик (рис. 6,35) и павлин (рис. 6,39). 60% блюд относятся к закрытым комплексам, по нумизматическому материалу датируемых концом XIII – началом XV в.

Блюда, обнаруженные в округе Солхата – на поселениях Бокаташ-II и Кринички-II, представлены преимущественно археологически целыми формами с широкими горизонтально отогнутыми краями и на низких кольцевых поддонах. Предположительно, все представленные экземпляры изготавливались в мастерских Солхата, три – определенно на ремесленном поселении Бокаташ-II.

Группа III представлена сосудами закрытого типа – кувшинами (14,9%) (рис. 7,40–46). Для нее характерен довольно насыщенный красноглиняный в изломе черепок, формовочная масса с примесью шамота, известняка и в некоторых фрагментах с включениями органики. Только два фрагмента (рис. 7,40,41) покрыты монохромной зеленой и светло-коричневой глазурью. Все остальные обнаруженные фрагменты кувшинов – полуфабрикаты и покрыты только белым ангобом. Орнамент на всех изделиях выполнен в технике «сграффито». Мастера, предположительно, чаще всего изображали цесарок (рис. 7,42–43,45–46), также встречаются изображения голубя (рис. 7,40), кольчатой горлицы (рис. 7,41) и, вероятно, либо куропатки, либо перепела (рис. 7,44).

Кувшины, обнаруженные на поселениях Бокаташ-II и Кринички-II, со сферическим туловом, узким горлом и, возможно, плоскодонные. Все кувшины происходят из закрытых комплексов. 86% кувшинов датируются по нумизматическому материалу концом XIII – началом XIV в. Необходимо отметить, что стенка одного кувшина вторично была использована под игральную фишку (?) (рис. 7,41).

Группа IV представлена единственной находкой (2,1%) сосуда закрытого типа в виде фляги пилигрима, переделанной по сырой глине под светильник (рис. 7,47). Тесто красноглиняное, с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Сосуд покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Фляга на высоком цилиндрическом кольцевом поддоне. Сосуд происходит с поселения Бокаташ-II из закрытого комплекса гончарной печи № 1, датируемой концом XIII – началом XIV в.

Большинство фрагментов и целых археологических форм (47,5%) было обнаружено на территории гончарной мастерской на том же ремесленном золотоордынском поселении южной окраины Солхата – Бокаташ-II [23; 24; 25]. Селище находит-

ся в предгорье хребта Карасан-Оба, в 1,4 км к юго-востоку от города Старый Крым (средневековый Солхат) и в 1,25 км к югу от городского водохранилища. Через поселение проходит ответвление от старой (земской) дороги, которая ведет из г. Старый Крым через перевал Таш-Капу в сторону поселка Коктебель. С северо-востока Бокаташ-II ограничен оврагом Мартыг-Дере, с юго-запада – Арматлукским массивом коренного леса и Имеретской долиной. Северная часть памятника представляет собой в плане овальную седловину. Южная часть расположена на небольшом отроге, который отходит в западном направлении. Большинство найденных тут сосудов представляют собой полуфабрикаты, поскольку на них не нанесена глазурь, они покрыты только белым ангобом. На изделиях с поселения Бокаташ-II изображение птиц отличается своеобразным стилем, аналогий к настоящему времени среди опубликованных материалов за пределами Крыма (золотоордынских комплексов Подонья, Поволжья, Приднепровья и Приднестровья) и из других гончарных центров полуострова мы, к сожалению, не обнаружили [35, с. 88]. Отметим, что на керамических изделиях, обнаруженных в Южном Туркменистане, поле сосудов заполняют геометрическими мотивами, выполненными в схожей технике [5, с. 42–43, 47, 52].

На поселении Кринички-II керамика с орнитоморфным орнаментом отличается от обнаруженной на территории Солхатского городища и других поселений его окружи. Сосуды выполнены более качественно, формовочная масса хорошо вымешана, птицы изображены наиболее натурально. На поселении присутствует значительное количество качественной импортной керамики из Ближнего и Дальнего Востока, Западной Европы [22, с. 90], что, вероятно, свидетельствует о том, что здесь жили люди с более высоким социальным статусом. Поселение Кринички-II находится в 4 км от города Старый Крым, в степной зоне, примыкающей к горному кряжу Агармыша. Общая исследованная площадь составляет 375 м². Все основные сооружения относятся к эпохе развитого средневековья [22, с. 6]. Памятник условно делится на два неравнозначных района, находящихся вокруг искусственного водоема. Район северо-западной возвышенности являлся, вероятно, жилым кварталом, а юго-восточный район, возможно, являлся ремесленным поселением [22, с. 178].

Фрагмент чаши, найденный в 2016 г. на поселении Тобен-Сарай, расположенном на территории дальней округи Солхата, достаточно индивидуален, на наш взгляд. Поселение обнаружено в 0,5 км к югу от с. Добролюбовка Белогорского района, на правой стороне р. Булганак, в естественной низине [33, с. 3]. Находка представляет собой фрагмент дна на кольцевом поддоне. Тесто красноглиняное, плотное с примесью шамота, известняка, кварцевого песка. Изнутри сосуд покрыт полихромной глазурью (зеленой, желтой, коричневой), орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы с распростертыми крыльями, обращенной влево, в окружении геометрического и растительного орнамента [26, с. 142, № 82]. Комплекс датируется серединой – второй половиной XIV в. Полных аналогий нами до сих пор не обнаружено. По структуре

и составу керамической массы можно предположить, что такого вида чаши также могли изготавливаться в мастерских Солхата.

Исследования орнамента с изображением птиц на поливной керамике позволяют сделать вывод о том, что становление керамического ремесла проходило синхронно с развитием всей культуры Золотой Орды.

Таким образом, в нашей работе была предпринята попытка систематизации, обобщения и описания изображений птиц на золотоордынских чашах, найденных в Солхате и на территории его округа. Среди керамических находок Солхатского городища и его округа предметы с зооморфными изображениями сравнительно малочисленны. В то же время зооморфные мотивы широко представлены в бытовой глазурованной посуде золотоордынского Крыма. Стилистический анализ зооморфного орнамента поливной посуды отражает процесс формирования единой художественной культуры Золотой Орды. Зародившись во многом как рисунок, наполненный глубоким символическим содержанием, впоследствии он перерастает в традиционный орнамент, вероятно, уже лишенный этого смысла, а отражающий лишь абстрактное восприятие искусства средневековым населением Крыма. В перечисленных экземплярах отсутствует широкое разнообразие видов рисунка, но его исполнение делает керамику особенной и заметной. Изображения птиц на ордынской посуде часто сопровождаются растительными орнаментами, которые усиливают выразительность рисунка. Изучение разнообразной коллекции керамических сосудов с изображением птиц позволяет расширить знания о производстве художественной керамики в средневековом Солхате. Эта керамика представляет собой важную отрасль производства гончарного ремесла, прочно входит в быт и получает широкое распространение в средневековых городах Золотой Орды. Наряду с этим, всестороннее изучение столовой посуды дает определенное представление об уровне развития гончарного ремесла и о художественных и эстетических вкусах местного населения в золотоордынский период.

Приложение 1

Каталог керамических сосудов с изображением птиц из раскопок Солхатского городища и округа

1. **Чаша.** СКАЭГЭ–1978. Мечеть хана Узбека. Раскоп II. Участок 2 (Восточный). Штык 6. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного⁴ [13, с. 59, табл. XX]. Орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Птица расположена в центре сосуда. Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. Тулово расчерчено на ромбовидные ячейки, часть головы утрачена. Размер сохранившейся поверхности 4,5х4,6 см. Датировка слоя/комплекса: начало – середина XIV в.

⁴ Некоторые описания состава керамической массы составлены по археологическому отчету, т.к., к сожалению, у нас не было возможности работать с материалом, хранящимся в Государственном Эрмитаже.

2. **Чаша.** СКАЭГЭ–1982. Архитектурный комплекс медресе. Раскоп VI. Фрагмент дна на кольцевом поддоне [14, с. 54, табл. XIII]. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» Птица расположена в центре сосуда. Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. Размер сохранившейся поверхности 9,6x7,9 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
3. **Чаша.** СКАЭГЭ–1982. Архитектурный комплекс медресе. Раскоп VI. Фрагмент дна на кольцевом поддоне [14, с. 54, табл. XIII]. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Птица расположена в центре сосуда. Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. Вокруг птицы имеются ветви с прямыми лепестками, выполненные в технике «резерв». Размер сохранившейся поверхности 9,7x8,7 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
4. **Чаша.** СКАЭГЭ–1983. Архитектурный комплекс медресе. Раскоп VI. Квадрат 92 (за западной стеной медресе). Штык 6. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [15, с. 94]. Изнутри покрыт монохромной светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Птица расположена в центре чаши на дне. Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы в виде завитков, сохранилась часть изображения хвоста. Верхняя часть птицы утрачена. Размер сохранившейся поверхности 6,3x5,5 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
5. **Чаша.** СКАЭГЭ–1983. Архитектурный комплекс медресе. Раскоп VI. Квадрат 84-92. Яма 2. Заполнение. Археологически целая чаша красноглиняная. Покрыта монохромной бледно-зеленой глазурью, имеются вкрапления зеленых пятен и зеленая линия, проходящая по краю сосуда. Орнамент выполнен в технике «сграффито». Изображение птицы нарисовано красно-коричневым контуром. Птица расположена в центре чаши на дне. Круг прорисован по краю чаши в виде двух параллельных друг другу полос. Детали туловища птицы и оперения орнаментально стилизованы. Клюв заострен и опущен вниз. Точки у верхнего края головы имитируют хохолок птицы [12, с. 429, № 333]. Диаметр края 16,7 см, высота 8 см. Датировка слоя/комплекса: вторая половина XIII – первая треть XIV в.
6. **Чаша.** СКАЭГЭ–1984. Куршун-Джами. Шурф 2. Штык 1-2. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [16, с. 67, табл. XVII, с. 92, № 44]. Изнутри покрыт монохромной светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Птица расположена в центре чаши на дне. Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. На месте расположения крыла имеется ветвь с прямыми лепестками, выполненные в технике «резерв». Часть головы утрачена. Размер сохранившейся поверхности 8,2x7,4 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
7. **Чаша.** СКАЭГЭ–1984. Куршун-Джами. Шурф 2. Штык 1-2. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [16, с. 67, табл. XVII, с. 92, № 87]. Изнутри

покрыт монохромной светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Птица расположена в центре чаши на дне. Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. На месте расположения крыла имеется ветвь с прямыми лепестками, выполненные в технике «резерв». Часть головы утрачена. Размер сохранившейся поверхности 9,1х7,3 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.

8. **Чаша.** СКАЭГЭ–1985. Предпортальная площадь мечети хана Узбека. Раскоп VI. Западная стенка. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [17, с. 51, рис. 7]. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. На месте расположения крыла проходит ветвь с прямыми лепестками, выполненные в технике «резерв». У верхнего края головы расположены три завитка, имитирующие хохолок. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
9. **Чаша.** СКАЭГЭ–1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Квадрат 63. Яма 5. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [18, с. 127, рис. 4]. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали туловища и оперения орнаментально стилизованы. Крылья раскрыты. Часть тулова и головы утрачена. Диаметр 5,2 см. Датировка слоя/комплекса: первая четверть – середина XIV в.
10. **Чаша.** СКАЭГЭ–1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Квадрат 63. Яма 5. Фрагмент стенки красноглиняной [18, с. 127, рис. 4]. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы орнаментально стилизованы. Тулово утрачено. Размер сохранившейся поверхности 2,9х3,5 см. Датировка слоя/комплекса: первая четверть – середина XIV в.
11. **Чаша.** СКАЭГЭ–1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Квадрат 63. Яма 5. Фрагмент слегка отогнутого вертикального венчика красноглиняного [18, с. 127, рис. 4]. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы орнаментально стилизованы. Тулово и часть клюва утрачены. Размер сохранившейся поверхности 2,3х2,8 см. Датировка слоя/комплекса: первая четверть – середина XIV в.
12. **Чаша.** СКАЭГЭ–1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Квадрат 63. Яма 1. Фрагмент стенки красноглиняной [18, с. 129, рис. 4]. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы орнаментально стилизованы. Тулово утрачено. Размер сохранившейся поверхности 3,0х3,4 см. Датировка слоя/комплекса: вторая половина XIV в.
13. **Чаша.** СКАЭГЭ–1991. Караван-Сарай. Раскоп XII. Квадрат 51-63. Бровка. Яма. Фрагмент стенки красноглиняной [18, с. 130, рис. 5]. Изнутри покрыт монохром-

ной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы орнаментально стилизованы. Тулово утрачено. Также имеется изображение рыбы. Размер сохранившейся поверхности 3,4х5,9 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.

14. **Чаша.** СКАЭГЭ–1992. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 39. Юго-восток. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [19, с. 114]. Изнутри покрыт монохромной темно-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы орнаментально стилизованы. Тулово утрачено. Диаметр – 6,3 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
15. **Чаша.** СКАЭГЭ–1994. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 62. Фрагмент вертикального венчика красноглиняного [20, с. 65]. Изнутри покрыт монохромной светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы орнаментально стилизованы. Тулово утрачено. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
16. **Чаша.** СКАЭГЭ–1994. Караван-Сарай. Раскоп XII. Участок 50. Археологически целая чаша красноглиняная [20, с. 65]. Изнутри покрыта монохромной светло-зеленой глазурью, снаружи – зеленой, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Графическое по характеру изображение птицы, детали головы и тулова орнаментально стилизованы. Византийская Малая Азия (?) [11, № 364, с. 457]. Диаметр 8,7 см, высота 4,5 см. Датировка слоя/комплекса: XIII в.
17. **Чаша.** СКАЭГЭ–1994. Куршун-Джами. Раскоп XI. Квадрат В1. Каменный колодец. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного [20, с. 71, № 217]. Изнутри покрыта монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова утрачена. Диаметр 6,6 см. Датировка слоя/комплекса: XIV в.
18. **Чаша.** СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Квадрат А2. Слой 4. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота и известняка. Изнутри покрыта светло-зеленой и зеленой глазурью с вкраплениями коричневой, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Часть тулова утрачена. Диаметр 5,2 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIV – начало XV в.
19. **Чаша.** СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Жилище 1. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота и известняка. Изнутри покрыта светло-зеленой и зеленой глазурью с вкраплениями коричневой, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова утрачена. Диаметр 5,0 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIV – начало XV в.

20. **Чаша.** СКАЭГЭ–2000. Плато 1 (округа Кринички-II). Яма 2. Фрагмент дна на кольцевом поддоне светло-красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Имеются три завитка у верхнего края головы, вероятно, имитирующие хохолок птицы. Диаметр 7,0 см. Датировка комплекса/слоя: XIV в.
21. **Чаша.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики [26, с. 143, № 91]. Изнутри покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение двух птиц, обращенных вправо и влево, ориентированных параллельно друг другу. Хвост и приподнятые кверху крылья переданы густой штриховкой, туловище заполнено сеткой с крупными ячейками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Головы и туловища частично утрачены. Заготовка. Размеры сохранившейся поверхности 15,96x10,5 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
22. **Чаша.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Изнутри покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Туловище утрачено. Заготовка. Размеры сохранившейся поверхности 6,8x3,9 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
23. **Чаша.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыта монохромной светло-зеленой глазурью с болотным оттенком. Орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Туловище утрачено. Размеры сохранившейся поверхности 3,8x8,2 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
24. **Чаша.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Изнутри покрыт белым ангобом, сохранились остатки зеленой глазури, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение двух птиц, обращенных вправо и влево, ориентированных параллельно друг другу. Туловища заполнены кружками. Головы и туловища частично утрачены. Брак. Размеры сохранившейся поверхности 7,9x4,2 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.

25. **Чаша.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь № 1. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью крупно дробленного шамота, известняка, органики. Изнутри покрыт монохромной темно-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение трех птиц, обращенных вправо и влево, ориентированных параллельно друг другу. Туловища заполнены точками, лапы заштрихованы зигзагообразной линией. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Головы и туловища частично утрачены. Брак (?). Диаметр 9,0 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
26. **Чаша.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXII. Квадрат А6. Слой 4. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Изнутри покрыт монохромной темно-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение трех птиц, обращенных вправо и влево, ориентированных параллельно друг другу. Туловища заполнены кружками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Головы и туловища частично утрачены. Брак (?). Диаметр 6,2 см. Датировка комплекса/слоя: не ранее 1287–1291 гг. – 30-е гг. XIV в [24, с. 312].
27. **Чаша.** СКАЭГЭ–2005. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Участок Г 23. Слой 4. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение трех птиц, обращенных вправо и влево, ориентированных параллельно друг другу. Туловища расчерчены на ячейки, которые заполнены кружками и точками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Головы и туловища частично утрачены. Датировка комплекса/слоя: не ранее 1287–1290 гг. [25, с. 211].
28. **Чаша.** СКАЭГЭ–2005. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Участок Б'10. Слой 1-5. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью с болотным оттенком, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы, туловище которой заполнено точками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова и туловище частично утрачены. Диаметр 8,0 см. Датировка комплекса/слоя: середина XIV в [25, с. 211].
29. **Чаша.** СКАЭГЭ–2006. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 10. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы, туловище которой заполнено параллельными друг другу линиями.

Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова и туловище частично утрачены. Размеры сохранившейся поверхности 3,2x5,2 см. Датировка комплекса/слоя: XIV в.

30. **Чаша.** Тобен-Сарай–2016. Раскоп I. Квадрат 4. Хозяйственная яма 3. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка, кварцевого песка. Изнутри покрыт полихромной (зеленой, желтой, коричневой) глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы с распростертыми крыльями, обращенной влево, в окружении геометрического и растительного орнамента [26, с. 142, № 82]. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Размеры сохранившейся поверхности 14,5x12,0 см, диаметр 6,4 см. Датировка комплекса/слоя: середина – вторая половина XIV в.
31. **Чаша.** СКАЭГЭ–2017. Шурф 7 (округа средневековой бани). Хозяйственная яма. Фрагмент придонной части красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью с болотным оттенком, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы, обращенной вправо. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Туловище частично утрачено. Размеры сохранившейся поверхности 5,2x3,9 см. Датировка комплекса/слоя: XIV в.
32. **Чаша.** СКАЭГЭ–2017. Шурф 7 (округа средневековой бани). Хозяйственная яма. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, органики, кварцевого песка, известняка. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы с распростертыми крыльями, обращенной вправо. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Размеры сохранившейся поверхности 7,3x6,9 см, диаметр 7,0 см. Датировка комплекса/слоя: XIV в.
33. **Чаша.** СКАЭГЭ–2017. Раскоп 46 (расположенный в северном секторе Солхатского городища, в 50 м к югу от бетонной дороги, ведущей на Старокрымский карьер). Участок А6. Штык 4 [11, № 335, с. 431]. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы с распростертыми крыльями, обращенной вправо. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Точки у верхнего края головы, вероятно, имитируют хохолок птицы. Размеры сохранившейся поверхности 11,5x11,7 см, диаметр 7,5 см. Датировка комплекса/слоя: XIII–XIV вв.
34. **Чаша.** СКАЭГЭ. Городище Солхат. Фрагмент дна на кольцевом поддоне красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка [11, № 336, с.

- 431]. Изнутри покрыт светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Размеры сохранившейся поверхности 5,0x5,5 см. Датировка: XIII–XIV вв.
35. **Блюдо.** СКАЭГЭ–1987. Городище Солхат. Археологически целое блюдо красноглиняное на кольцевом поддоне, борт широкий горизонтально отогнутый. Изнутри и снаружи покрыто светло-зеленой и зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Поле сосуда занимает птица, обращенная вправо. Туловище заполнено параллельными вертикальными линиями. Борт украшен эпиграфическим узором. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Диаметр 18,2 см, высота 8,9 см. Датировка: XIV в.
36. **Блюдо.** СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XX. Квадрат В6/60. Археологически целое блюдо красноглиняное на кольцевом поддоне, борт широкий горизонтально отогнутый. Плотное тесто с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыто монохромной светло-коричневой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито» и «резерв». Поле сосуда занимает птица, обращенная вправо. Оттопыренный хвост и приподнятые кверху крылья переданы параллельной штриховкой. Туловище заполнено параллельными вертикальными линиями. Борт украшен горизонтальными прерывистыми линиями. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Датировка комплекса/слоя: конец XIV– начало XV в.
37. **Блюдо.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1. Блюдо красноглиняное на кольцевом поддоне, плотного теста с примесью шамота, известняка, борт широкий горизонтально отогнутый. Орнамент выполнен в технике «сграффито». Поле сосуда занимают расположенные по кругу изображения трех шагающих птиц, обращенных вправо. Оттопыренный хвост и приподнятые кверху крылья переданы густой параллельной штриховкой. Туловище пернатых заполнено многочисленными кружками. Борт украшен густой сеткой с ромбовидными ячейками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Диаметр венчика 24,0 см, диаметр дна 7,5 см, высота 6,8 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – середина XIV в.
38. **Блюдо.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент широкого горизонтально отогнутого венчика красноглиняного, плотного теста с примесью шамота, известняка. Изнутри покрыт монохромной темно-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Борт украшен изображением шагающей вправо птицей. Туловище заполнено многочисленными точками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова и часть хвоста частично утрачены. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
39. **Блюдо.** СКАЭГЭ–2006. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 17. Фрагмент горизонтально отогнутого венчика красноглиняного, плотного теста с приме-

стью шамота, известняка. Изнутри покрыто монохромной светло-зеленой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Поле сосуда занимают расположенные по кругу изображения двух шагающих птиц, обращенных вправо. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.

40. **Кувшин.** СКАЭГЭ–1998. Кринички-II. Раскоп XIX. Жилище 1. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка. Снаружи покрыт белым ангобом и частично сохранилась зеленая глазурь, орнамент выполнен в технике «сграффито». Изображение птицы обращено вправо. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Туловище утрачено. Завитки у верхнего края головы, вероятно, имитируют хохолок птицы. Размеры сохранившейся поверхности 4,7х6,1 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIV – начало XV в.
41. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2003. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Участок E7. Землянка 1. Заполнение. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью мелко дробленного шамота, известняка. Снаружи покрыт монохромной светло-коричневой глазурью, орнамент выполнен в технике «сграффито». Изображение птицы обращено вправо. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Туловище и часть клюва утрачены. Размеры сохранившейся поверхности 2,4х2,6 см. Датировка комплекса/слоя: вторая половина XIII – начало XIV в.
42. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Снаружи покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы, обращенной вправо. Туловище заполнено кружками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова и туловище частично утрачены. Заготовка. Размеры сохранившейся поверхности 9,9х5,1 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
43. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Снаружи покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изображение птицы, обращенной вправо. Туловище заполнено кружками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова и туловище частично утрачены. Заготовка. Размеры сохранившейся поверхности 5,9х7,9 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
44. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Хозяйственная яма 2. Фрагмент стенки красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики. Снаружи покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Центральную часть внутренней поверхности занимает изобра-

жение птицы, обращенной влево. Туловище заполнено точками. Графическое по характеру изображение птицы, детали тулова орнаментально стилизованы. Голова и туловище частично утрачены. Заготовка. Размеры сохранившейся поверхности 4,9x10,7 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.

45. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1. Хозяйственная яма 2. Фрагмент верхней части красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка, органики [26, с. 143, № 89]. Тулово сферической формы, горло узкое. Снаружи покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Корпус украшает изображение трех птиц, обращенных вправо. Хвост и приподнятые кверху крылья пернатых переданы густой параллельной штриховкой. Туловище птиц заполнено зигзагообразными линиями и точками. Графическое по характеру изображение птиц, детали тулова орнаментально стилизованы. Высота 10,8 см, диаметр тулова 18,2 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
46. **Кувшин.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1. Хозяйственная яма 2. Фрагмент верхней части красноглиняной, плотного теста с примесью шамота, известняка. Тулово сферической формы, горло узкое. Снаружи покрыт белым ангобом, орнамент выполнен в технике «сграффито». Корпус украшает изображение трех птиц, обращенных вправо. Хвост и приподнятые кверху крылья пернатых переданы густой параллельной штриховкой. Туловище птиц заполнено зигзагообразными линиями и точками. Графическое по характеру изображение птиц, детали тулова орнаментально стилизованы. Высота 9,7 см, диаметр тулова 18,4 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.
47. **Фляга.** СКАЭГЭ–2004. Бокаташ-II. Раскоп XXIII. Гончарная печь 1. Хозяйственная яма 2. Фляга красноглиняная, плотного теста с примесью шамота, известняка. В обеих лицевых стенках имеется семь сквозных отверстий, прорезанных по сырой глине. Горло и ручки утрачены. Поддон высокий цилиндрический, на дисковидном основании. Орнамент выполнен в технике «сграффито». На широких боковых стенках сосуда изображены три шагающие птицы, обращенные вправо и влево. Оттопыренный хвост и приподнятые кверху крылья пернатых переданы густой штриховкой. Туловище птиц заполнено мелкими кружками. Графическое по характеру изображение птиц, детали тулова орнаментально стилизованы. Высота 21,9 см, диаметр тулова 13,0 см, диаметр дна 8,0 см. Датировка комплекса/слоя: конец XIII – начало XIV в.

Сводная статистическая таблица керамических сосудов с изображением птиц

Категория находки	Место находки	Датировка	Полу-фабрикаты	Бракованные вещи	Готовые изделия
Чашы	Мечеть хана Узбека	начало – середина XIV в.			3
	Архитектурный комплекс медресе	XIV в.			4
	Куршун-Джами (Свинцовая мечеть)	XIV в.			3
	Караван-Сарай	первая четверть – вторая половина XIV в.			8
	Кринички-II	конец XIV – начало XV в.			3
	Бокаташ-II	конец XIII – XIV в.	2	4	3
	Тобен-Сарай	середина – вторая половина XIV в.			1
	Раскоп 46 (северный сектор Солхатского городища)	XIV в.			1
	Шурфы в округе средневековой бани	XIV в.			2
Находка на городище Солхат				1	
Блюда	Кринички-II	конец XIV – начало XV в.			1
	Бокаташ-II	конец XIII – XIV в.	1	1	1
	Находка на городище Солхат				1
Кувшины	Кринички-II	конец XIV – начало XV в.			1
	Бокаташ-II	конец XIII – XIV в.	4		1
Фляга	Бокаташ-II	конец XIII – XIV в.	1		
<i>Всего</i>			8	5	34

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов П.В., Кадырбаев М.К. Сокровища Древнего Казахстана. Памятники материальной культуры. Алма-Ата: Жалын, 1979. 250 с.
2. Булатов Н.М. Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. С. 37–49.
3. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. Вып. 2. С. 46–59.
4. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
5. Бяшимова Н.С. Поливная керамика Южного Туркменистана (IX–XIV вв.) Ашхабад: Ылым, 1989. 224 с.
6. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Ред. С.П. Толстов. М., 1959. Т. IV. С. 261–342.

7. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 216 с.
8. Валеев Ф.Х. Татарский народный орнамент. Казань, 2002. 302 с.
9. Давлетшина Е. Р. Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1. С. 471–478.
10. Давлетшина Е.Р. Некоторые зооморфные мотивы в золотоордынской поливной керамике // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 354–359.
11. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
12. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
13. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1978 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Ленинград, 1979 // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
14. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1982 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа Старый Крым, Ленинград, 1983 // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
15. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1983 г. Старый Крым, Ленинград, 1984 // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
16. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Ленинград, 1985 // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
17. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, Ленинград, 1986 // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
18. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1991–1992 гг. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
19. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1992–1993 гг. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
20. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1994 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Отдела Востока Эрмитажа и сектора средневекового Солхата ИВ Национальной Академии Наук Украины. Старый Крым, СПб., 1994–1995 гг. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
21. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2017 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 2018 г. // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа.
22. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты полевых исследований). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. 183 с.
23. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. 380 с.
24. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. 314 с.

25. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. 261 с.
26. Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.
27. Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 15).
28. Макарова Т.И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М.: Наука, 1967. 127 с.
29. Мифы народов мира. Энциклопедия / Ред. С.А. Токарев. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. 936 с.
30. Ошарина О.В. Образ павлина в коптском искусстве // Культура и искусство христиан-негров. СПб., 2001. С. 45–49.
31. Панова Т.Д. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. 1986. № 1. С. 222–230.
32. Папа-Афаносопуло К.Н. Золотоордынская керамика: (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. III. Вып. 3.
33. Сейдалиев Э.И. Научный отчет о научных археологических исследованиях (раскопках) на объектах культурного наследия: «Поселение «Чобан-Чокрак», «Поселение Тууш-1» Кировского района, «Поселение и некрополь Тобен-Сарай», «Городище и поселение Мелек», Белогорского района, «Поселение «Денисовка I» Симферопольского района Республики Крым в зоне строительства высоковольтной линии 220 кВ Кафа-Симферопольская II цепь в 2015–2016 гг.: в 2-х т. Симферополь, 2016 // Архив Института археологии РАН.
34. Тесленко И.Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вып. 4(29). С. 7–83.
35. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV в. // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 85–106.
36. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья М.: Изд-во МГУ, 1994. 229 с.

REFERENCES

1. Agapov P.V., Kadyrbaev M.K. *Sokrovishcha Drevnego Kazakhstana. Pamiatniki material'noi kul'tury*. Alma-Ata, Zhalyln Publ., 1979, 250 p.
2. Bulatov N.M. Antropomorfnye i zoomorfnye siuzhety v keramike Zolotoi Ordy. *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka*, Moscow, 2002, pp. 37–49.
3. Bulatov N.M. K voprosu o stanovlenii keramicheskogo remesla v zolotoordynskikh gorodakh. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1969, Vol. 2, pp. 46–59.
4. Bulatov N.M. Klassifikatsiia krasnoglinoi polivnoi keramiki zolotoordynskikh gorodov. *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia*. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 73–107.
5. Biashimova N.S. *Polivnaia keramika Iuzhnogo Turkmenistana (IX–XIV vv.)*. Ashkhabad, Ylym Publ., 1989, 224 p.
6. Vakturskaia N.N. Khronologicheskaia klassifikatsiia srednevekovoi keramiki Khorezma (IX–XVII vv.). Tolstov S.P. (Ed.), *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, Moscow, 1959, Vol. IV, pp. 261–342.
7. Valeev F.Kh. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia*. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1975, 216 p.
8. Valeev F.Kh. *Tatarskii narodnyi ornament*. Kazan, 2002, 302 p.

9. Davletshina E.R. *Obraz ptitsy v polivnoi keramike Zolotoi Ordy XIII–XIV vv. Zolotoordynskoe nasledie*, Kazan, 2009, Vol. 1, pp. 471–478.
10. Davletshina E.R. *Nekotorye zoomorfnye motivy v zolotoordynskoi polivnoi keramike. Zolotoordynskoe nasledie*, Kazan, 2011, Vol. 2, pp. 354–359.
11. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki*. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 p.
12. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura: katalog vystavki*. St-Petersburg, Slavia Publ., 2005, 264 p.
13. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax 1978 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, Leningrad, 1979. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
14. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax 1982 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, Leningrad, 1983. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
15. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 1983 g. Staryi Krym, Leningrad, 1984. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
16. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, Leningrad, 1984. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
17. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, Leningrad, 1986. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
18. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax 1991 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, St-Peterburg, 1991–1992. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
19. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax 1992 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, St-Peterburg, 1992–1993. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
20. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax 1994 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Otdela Vostoka Ermitazha i sektora srednevekovogo Solkhata IV Natsional'noi Akademii Nauk Ukrainy. Staryi Krym, St-Peterburg, 1994–1995. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
21. Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiax 2017 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, St-Petersburg, 2018. Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.*
22. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (Rezultaty polevykh issledovaniiax)*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2002, 183 p.
23. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatah II (Rezultaty polevykh issledovaniiax Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg.)*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2004, 380 p.
24. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatah II (Rezultaty polevykh issledovaniiax Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g.)*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 314 p.
25. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax srednevekovogo poseleniia Bokatah II v 2005 godu*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, 261 p.
26. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*. Simferopol, Tarpan Publ., 2016, 160 p.

27. Lisova N.F. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia*. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2012, 184 p.
28. Makarova T.I. *Polivnaia posuda: Iz istorii keramicheskogo importa i proizvodstva Drevnei Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 127 p.
29. Tokarev S.A. (Ed.), *Mify narodov mira. Entsiklopediia*. T. 2. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1988, 936 p.
30. Osharina O.V. *Obraz pavlina v koptskom iskusstve. Kul'tura i iskusstvo khristian-negrekov*, St-Petersburg, 2001, pp. 45–49.
31. Panova T.D. Vostochnaia polivnaia keramika iz raskopok v Moskovskom Kremlе. *Sovetskaya arkheologiya*, 1986, No. 1, pp. 222–230.
32. Papa-Afanosopulo K.N. Zolotoordynskaia keramika: (Opyt sistematzatsii i opisaniia zolotoordynskoi posudy). *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1925, T. III, Vol. 3.
33. Seidaliev E.I. Nauchnyi otchet o nauchnykh arkheologicheskikh issledovaniiakh (raskopkakh) na ob'ektakh kul'turnogo nasledii: «Poselenie «Choban-Chokrak», «Poselenie Tuush-1» Kirovskogo raiona, «Poselenie i nekropol' Toben-Sarai», «Gorodishche i poselenie Melek», Belogorskogo raiona, «Poselenie «Denisovka I» Simferopol'skogo raiona Respubliki Krym v zone stroitel'stva vysokovol'tnoi linii 220 kV Kafa-Simferopol'skaia II tsep' v 2015-2016 gg.: v 2 t. Simferopol, 2016. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossijskoj Akademii Nauk*.
34. Teslenko I.B. Virobnitstvo poliv'ianogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu. *Arkheologiia i davnii istoriia Ukraïni*, Kiev, 2018, Vol. 4 (29), pp. 7–83.
35. Teslenko I.B., Seidalieva D.E. Goncharnoe proizvodstvo i keramicheskii import Kryma kontsa XIII – nachala XV v. *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*, Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 85–106.
36. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*. Moscow, Universitet Publ., 1994, 229 p.

D. E. SEIDALIEVA

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

IMAGES OF BIRDS ON THE GOLDEN HORDE POTTERY FROM ANCIENT SOLKHAT AND ITS ENVIRONS

Abstract: Archaeological researches of a few sites of the Golden Horde culture in the Crimea provided a great deal of ceramic finds. Among them there is an interesting group of vessels featuring images of birds. This paper presents the materials discovered at the mediaeval settlement of Solkhat and its close and remote environs, now residing in the State Hermitage Museum, Staryi Krym Literature and Art Museum, and the Crimean Tatar Museum of Cultural and Historical Heritage. An attempt has been made to systematize, analyze, and interpret this category of finds. Some species of birds depicted on medieval ware from the Golden Horde have been defined, particularly peacock, ring-necked dove, and pigeon, though some of the images on vessels are interpreted tentatively. The materials under publication substantially supplement the notion of the material culture and art of the population of mediaeval Crimea, demonstrate original local traditions, and cultural, trade and economic ties of the Crimea with neighbouring regions and states in the Golden Horde period. The total number of finds is 47, and their chronology comes from the late thirteenth to the second half of the fifteenth century. The paper provides the catalogue supplying detailed accounts of pottery finds and illustrations.

Keywords: Golden Horde, ancient town of Solkhat, glazed ware, zoomorphic design, birds.

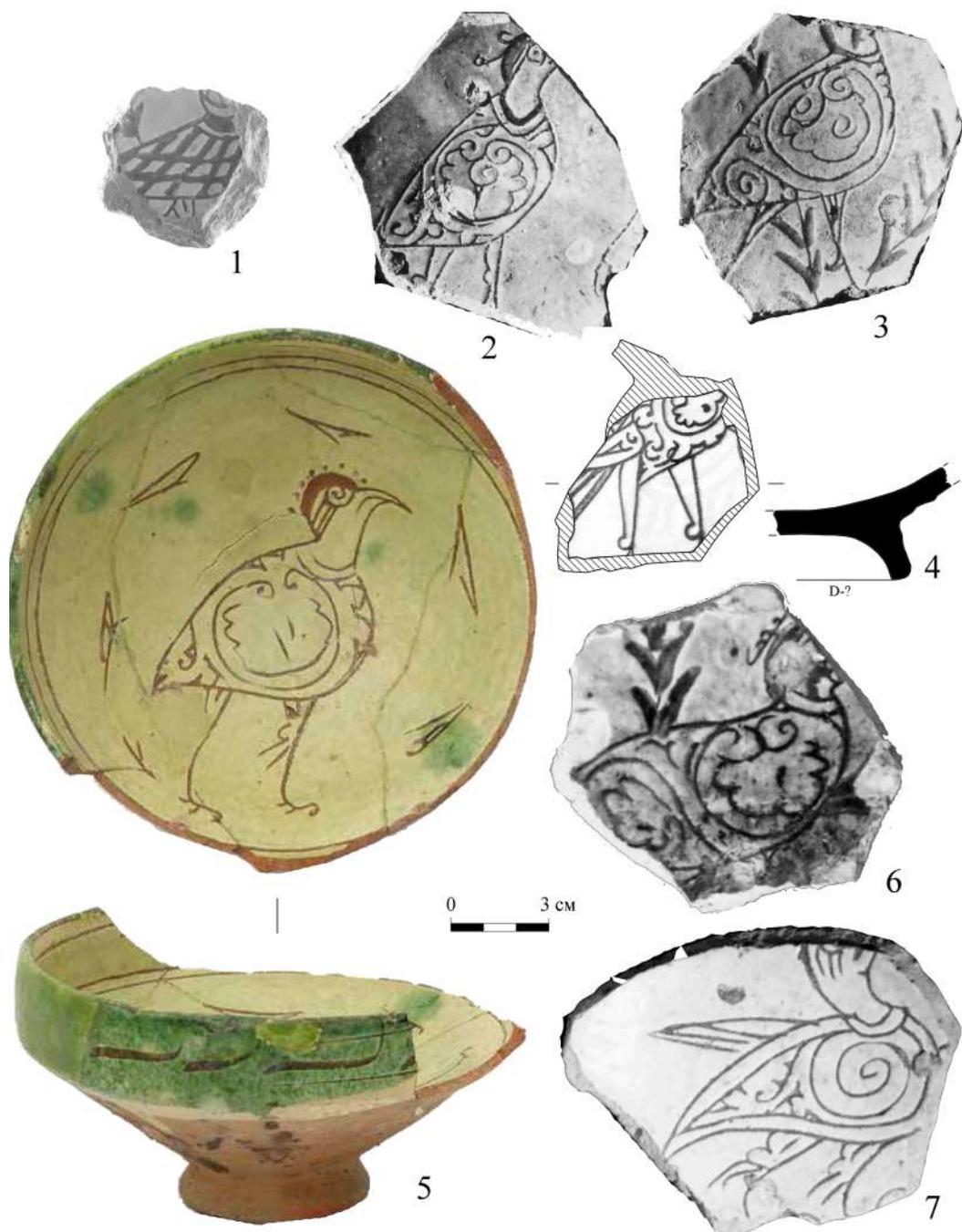

Рис. 1. Фрагменты чаш из раскопок Солхатского городища (1-7 – группа I)

Рис. 2. Фрагменты чаш и чаша из раскопок Солхатского городища (8-16 – группа I)

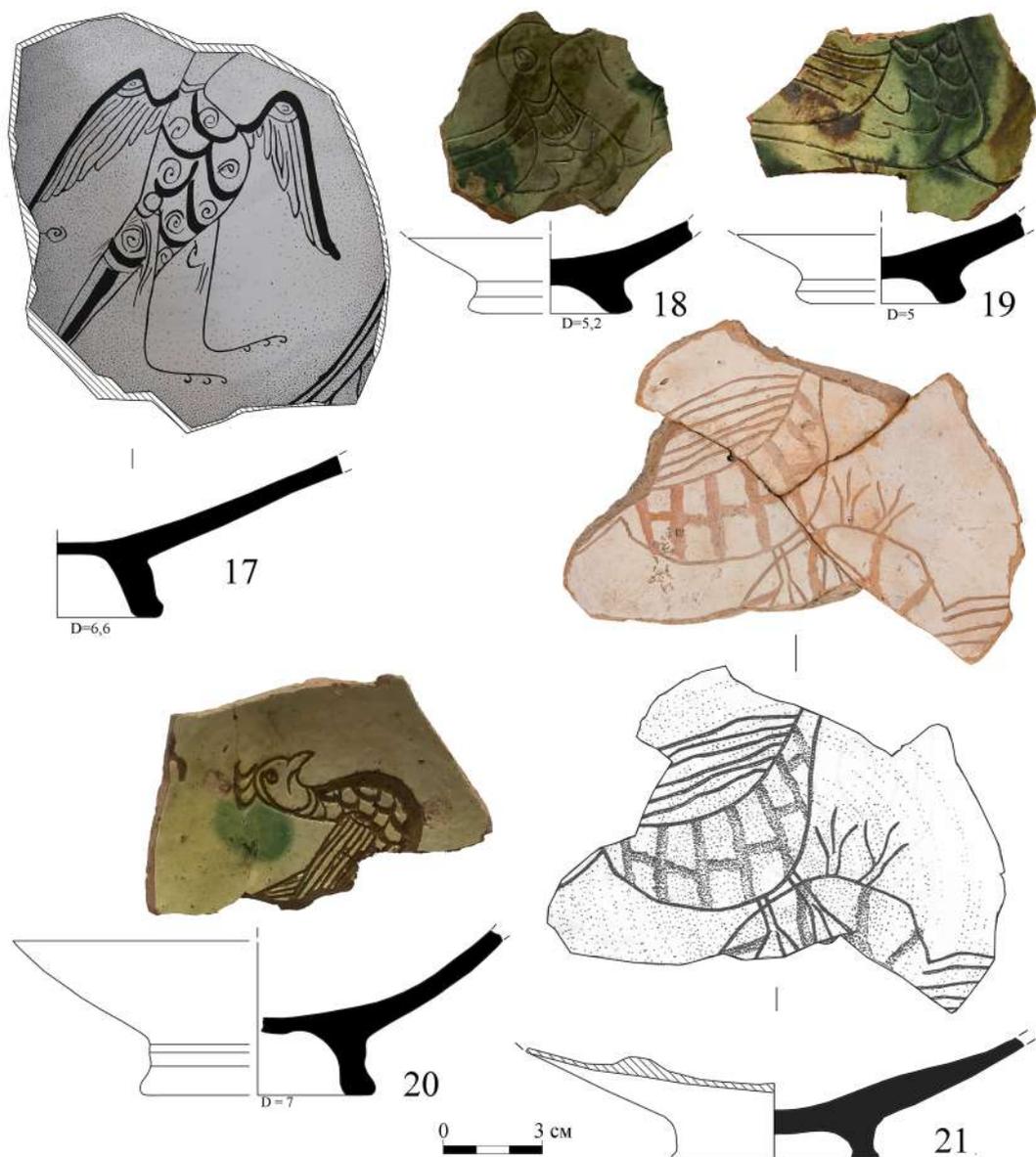

Рис. 3. Фрагменты чаш из раскопок Солхатского городища (17-19 – группа I) и округи (20-21 – группа I)

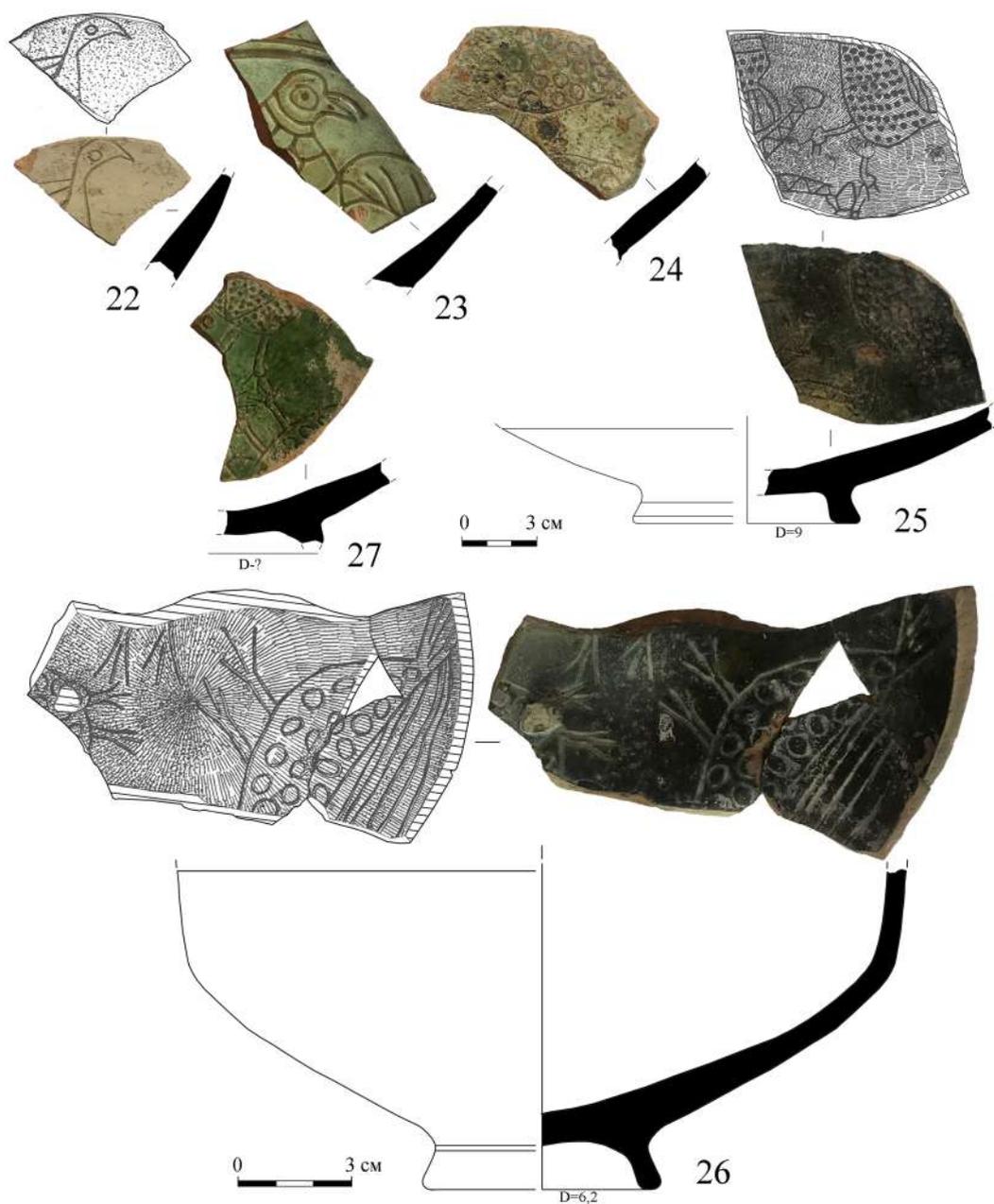

Рис. 4. Фрагменты чаш из раскопок округи Солхатского городища (22-27 – группа I)

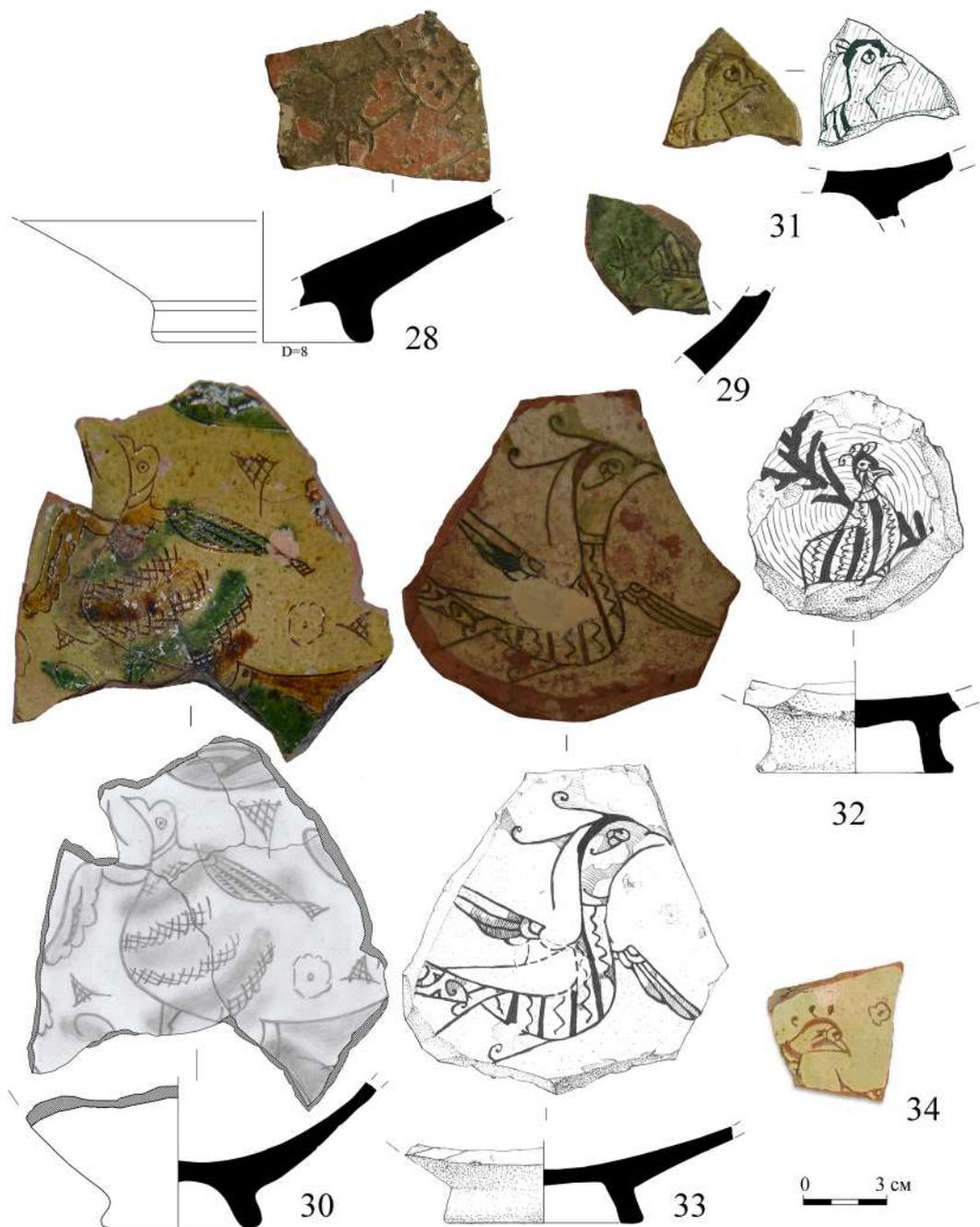

Рис. 5. Фрагменты чаш из раскопок округи Солхатского городища (28-30 – группа I) и Солхатского городища (31-34 – группа I)

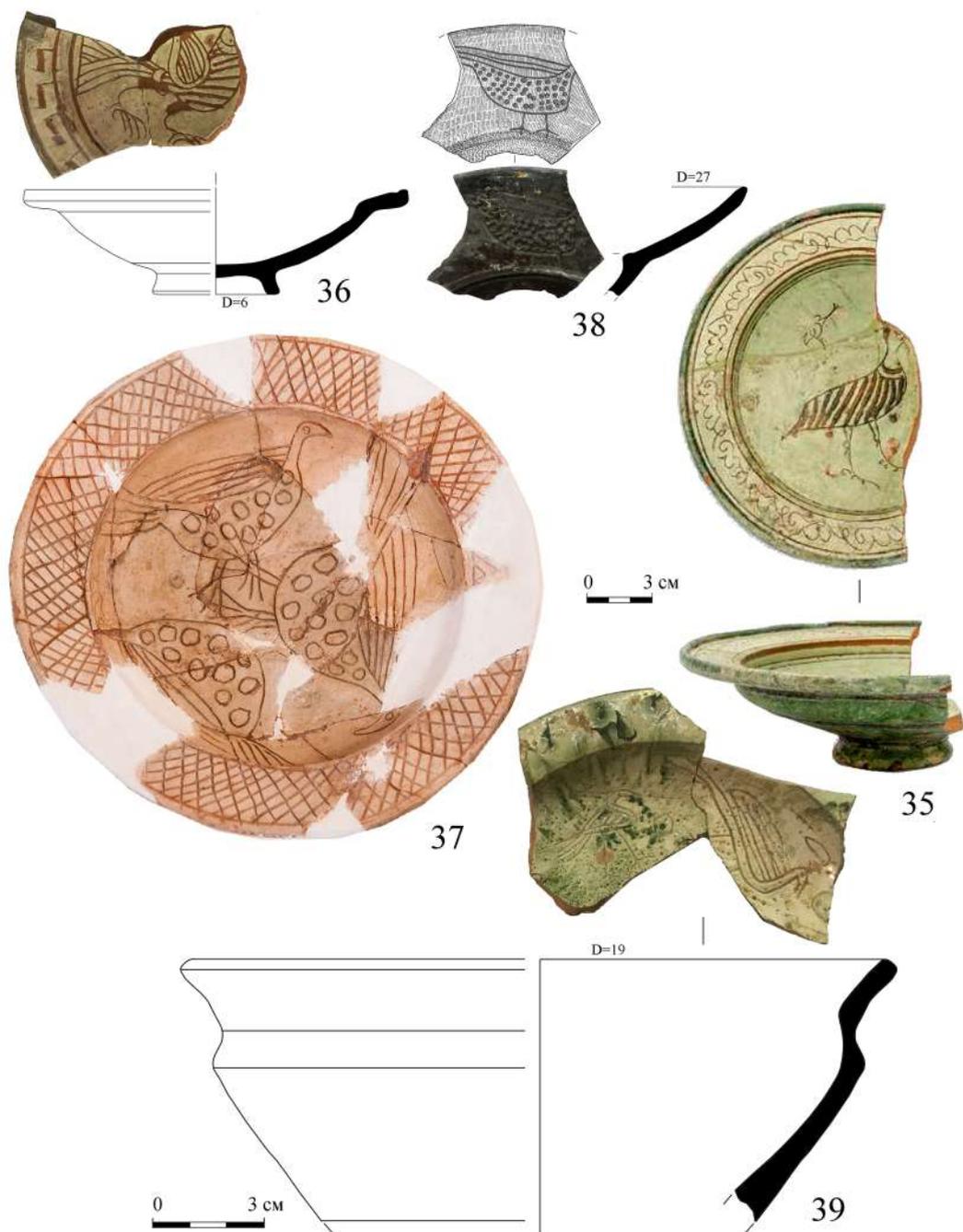

Рис. 6. Фрагменты блюд из раскопок Солхатского городища (35-38 – группа II) и ремесленного поселения Бокаташ-II (39 – группа II)

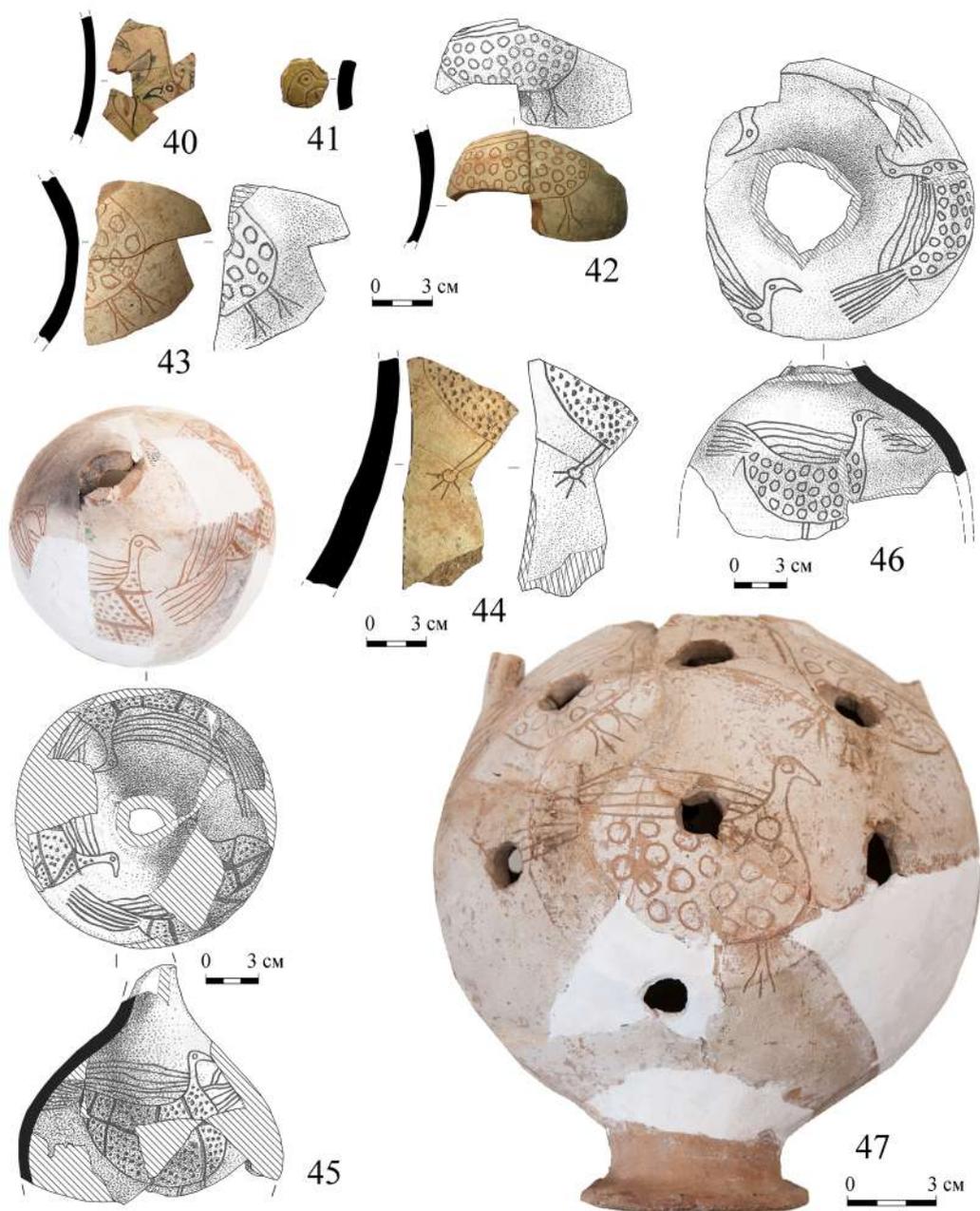

Рис. 7. Фрагменты кувшинов из раскопок округи Солхатского городища (40-46 – группа III). Фляга из раскопок ремесленного поселения Бокаташ-II (47 – группа IV)

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

*Крымский инженерно-педагогический университет; Институт археологии Крыма
Российской академии наук (Симферополь, Россия); Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)*

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СТАРЫЙ ФОНТАН В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация: Статья посвящена публикации предварительных итогов археологических исследований одного из поселений золотоордынского времени в Белогорском районе Республики Крым. До настоящего времени изучение памятников эпохи Золотой Орды в Крыму было сосредоточено лишь на самых крупных и знаковых объектах, таких как средневековое городище Солхат/Крым, его ближайшей округи и поселений из окрестностей Бахчисарая. После начала масштабных строительных работ на территории Крымского полуострова было выявлено значительное количество ранее неизвестных памятников золотоордынского периода. В 2016 г. в рамках строительства высоковольтной линии электропередач «Каффа–Симферополь» в Белогорском районе Республики Крым, неподалеку от современного села Некрасово (Мелек) было обнаружено поселение периода Улуса Джучи, названное по располагавшемуся тут в XIX – начале XX века хутору «Старый Фонтан». В ходе охранно-спасательных работ была изучена часть поселения площадью около 100 м². На основании анализа керамических находок и нумизматического материала были выделены три хронологических периода существования поселения. Первый датируется 20-30-ми гг. – серединой XIV в., что связано, в первую очередь, с расцветом золотоордынской столицы Крыма и общей стабилизацией обстановки в Улусе Джучи. Второй период датируется 60-70-ми гг. – концом XIV века. Третий этап связан по времени с поселением эпохи Крымского ханства, вероятно, с этим этапом связано строительство какого-то сооружения, представленного остатками каменной стены. Об этом также свидетельствуют нумизматические находки. Обнаруженное поселение и материалы, происходящие из культурного слоя, существенно дополняют данные о материальной культуре населения степного и предгорного Крыма и исторической географии региона в эпоху владычества Джучидов над Крымским полуостровом.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Крым, Старый Фонтан, поселение.

Исследование золотоордынских памятников Крыма до недавнего времени носило спорадический характер. Начавшись со статьи-отчета В. Д. Смирнова в конце

XIX в., в которой приводилось краткое описание ряда памятников золотоордынского Солхата, исследования продолжились более активно в 20-30-е гг. XX в. на памятниках юго-восточного Крыма и в Бахчисарае [7; 14]. После репрессий 1930-х гг., депортации крымских татар и постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. исследования в области истории Улуса Джучи велись уже в русле советской идеологии, а археологическое изучение золотоордынских памятников в Крыму было практически остановлено.

Наиболее масштабные исследования на территории золотоордынского Солхата начинаются в 1978 г. в ходе работ Старокрымской (золотоордынской) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вот уже более 40 лет непрерывно эти работы ведутся на городских и околородских объектах [6, с. 138–153]. К сожалению, до настоящего времени исследования степных и предгорных золотоордынских памятников практически не проводилось, исключениями стали лишь упомянутые раскопки на Солхатском городище, на поселениях Кринички и Бокаташ II, в монастыре Сурб-Хач и на поселении Эски-Юрт в округе современного г. Бахчисарай.

Активизация археологических исследований в Крыму, в том числе и на памятниках Золотой Орды и Крымского ханства, начинается в период масштабного строительства на полуострове. В первую очередь, это связано со строительством линии электропередач в 2014–2016 гг., а также строительством федеральной трассы «Таврида», где было локализовано и исследовано значительное количество памятников золотоордынского периода [2, с. 8, 10–11; 20, с. 71; 5, с. 87; 8, с. 97]. Часть выявленных в процессе разведок на территориях строительства объектов уже была известна, часть была обнаружена впервые. Часть памятников была опубликована А. В. Гавриловым [3]. Отметим, что информация в указанной статье носит предварительный характер, шурфовки и раскопки на большинстве обозначенных памятников не проводились, поэтому многие из представленных объектов требуют дополнительного изучения. Среди объектов, обнаруженных в ходе разведок по линии электропередач, отметим одно из поселений в Белогорском районе Республики Крым, о котором и пойдет речь дальше. Впервые информация об этом поселении была опубликована в сборнике материалов международной научной конференции «Проблемы истории и археологии средневекового Крыма» [12, с. 103–104], часть археологических материалов из раскопок также была опубликована в виде отдельной статьи [13, с. 499–509].

В ходе проведения археологических разведок в конце 2014 г. в связи с предстоящим строительством на территории Белогорского района Республики Крым высоковольтной линии электропередач «Каффа–Симферополь» было выявлено значительное количество объектов археологии. В том числе было обнаружено новое поселение золотоордынского времени, получившее название «Старый Фонтан»¹. В 0,27 км к юго-востоку от с. Некрасово у подножия северного склона горного массива Кубалач изначально было выявлено поселение эпохи раннего железного века (рис. 1)

¹ Автор благодарит Ю. П. Зайцева и И. И. Шкрибляк за помощь в проведении полевых и камеральных работ.

[11, с. 162, 163, рис. 316, 317]. До 1948 г. село Некрасово носило название Мелек, и это наименование было решено присвоить вновь открытому объекту археологии раннего железного века [10, с. 34–37]. Поселение золотоордынского времени было обнаружено в 1 км к юго-востоку с. Некрасово [10, с. 37]. Сведения о поселении Мелек приводятся в «Ведомости о выведенных из Крыма в Приазовье христианах» от 18 сентября 1778 года [1]. Петр Симон Паллас писал в книге «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах» о поместье, «...которому также принадлежат две татарские деревни, одна русская и одна ногайская, называемая Мелек, имеющая пятьсот человек населения» [9, с. 113]. На картах 1842 и 1865 годов рядом с селом Мелек обозначен хутор Фонтан, который на карте 1924 года фиксируется уже как хутор Старый Фонтан. Именно так и было предложено именовать поселение средневекового времени.

Поселение Старый Фонтан было выявлено в результате осмотра мест расположения опор линии электропередач (в дальнейшем ЛЭП) №№ 181–183 и 186–188. Осмотр показал, что сооружение опоры № 182 ЛЭП запланировано на локальном зольнике близ водоносной балки в 1 км к юго-востоку от села Некрасово [10, с. 37–38; 11, с. 203–216]. Идентификацию возвышенности в качестве зольника подтверждали найденные на его вершине многочисленные фрагменты керамики средневекового времени. Сооружение котлована для опоры на этом месте угрожало полным разрушением объекта археологии и в этой связи было принято решение изучить культурные отложения зольника на площади 100 м². В ходе исследований 2016 года на территории поселений Мелек и Старый Фонтан было обозначено три участка. Участок 3 соответствовал поселению Старый Фонтан и был разбит на территории запланированной для установки опоры 182. За центр раскопа был принят геодезический репер опоры [11, с. 206, рис. 394], от него по оси север-юг был разбит раскоп со сторонами 10x10 м, в общей сложности это составило 4 квадрата со сторонами 5x5 м (рис. 2). Последовательное изучение слоя дерна и ниже залегающих горизонтов до скалы подтвердило наличие здесь культурного слоя мощностью от 0,5 до 1,2 м (рис. 3–4). В соответствии со стратиграфией северного борта раскопа было установлено, что накопление культурного слоя происходило в два этапа – первый (нижний ранний горизонт) связан со слоем светлого золистого суглинка на скале мощностью 0,2–0,3 м, второй (верхний) – со слоем золистого гумуса мощностью 0,6–0,8 м. Культурные горизонты разделяет стерильная прослойка темного гумуса мощностью 0,15 м. Такая стратиграфическая ситуация фиксируется в северной части раскопа в квадратах 1 и 2. В то же время в южных квадратах 3 и 4 стратиграфия несколько другая. Как видно из чертежа стратиграфии западного борта квадрата 3 и восточного борта квадрата 4 (рис. 4), сразу под слоем дерна прослеживается слой светлого золистого гумуса мощностью около 0,5 м, под которым сразу прослеживается слой предметрикового щебня (кв. 3) или глины (стерильный суглинок?, кв. 4). В целом, оба горизонта укладываются хронологически в так называемый золотоордынский период, который широко датируется в пределах второй половины XIII – первой половины

XV вв. Отсутствие жилых или хозяйственных построек на изученном участке поселения и наличие в слоях большого количества золистых отложений может говорить, что был исследован участок, игравший роль зольника или свалки хозяйственных отходов. В то же время наличие в округе Участка 3 архитектурных деталей может косвенно свидетельствовать о расположении неподалеку основательных построек – жилищ или сооружений хозяйственного назначения. Стерильная прослойка темного гумуса между верхним и нижним горизонтами, вероятно, свидетельствует о некотором перерыве во времени функционирования поселения.

Слой золистого гумуса максимально насыщен гончарной керамикой, среди которой преобладают фрагменты столовой посуды с покрытием глазурью разных цветов и орнаментацией и фрагменты плоскодонных красноглиняных амфор. С этим же горизонтом связаны многочисленные железные, бронзовые и серебряные изделия: гвозди, ослиные подковы, механизмы дверных замков, пряжки, ножи, серп, перстни и их фрагменты, монеты. Находки датируются в достаточно широких пределах и были широко распространены на всей территории Золотой Орды и сопредельных государств. Нумизматический материал из нижнего горизонта участка исследований (слой плотного золистого суглинка) датируется в целом временем правления хана Узбека (1313–1341). Происходящие из верхнего горизонта (слой серого золистого гумуса) монеты в большинстве своем датируются 60-70-ми гг. XIV в.² Серебряные акче крымских ханов XVIII в., происходящие и из нижнего горизонта, и из верхнего, скорее всего, попали в слой из верхних слоев (из дерна?) случайно в ходе исследований. Таким образом, нумизматический материал позволяет выделить во времени функционирования поселения три этапа: первый датируется 20-30-ми гг. – серединой XIV в.; второй – серединой – 60-70-ми гг. XIV в.; третий этап связан с поселением эпохи Крымского ханства.

В средней части квадратов 1 и 2 зафиксированы камни кладки, образующие угол сооружения (рис. 2). Кладка расположена на слое золистого гумуса, камни кладки представляют собой необработанный известняк, сложенный, видимо, насухо или на грязевом растворе (рис. 4). С этим сооружением, вероятно, связан слой пожара, мощностью 0,2-0,25 м, который примыкает к подошве кладки с севера. С восточной стороны от окончания кладки прослеживается развал сырцово-глиняной. Учитывая стратиграфическую ситуацию, связанную с этой кладкой, вероятным кажется предположение, что она была сооружена уже после формирования слоя золистого гумуса (рис. 4).

Для нижнего горизонта дата определена таким образом, поскольку одна из монет представляет собой пул 726 г.х. (1326 г.) выпуска, чеканенный на монетном дворе г. Сарая (вероятно также, что дата искажена и следует читать 772 г.х. (1370 г.)) [13, с. 501]. На одной стороне расположен двойной картуш из точечной (внешней) и сплошной концентрических окружностей. Внутри, в центре, надпись: «Высочайшее повеление», вокруг, вдоль внутренней окружности, еще одна надпись: «16 пул – дан-

² Определение монет выполнено независимым исследователем А. В. Якушечкиным.

ник». На обратной стороне расположен двойной картуш из точечной (внешней) и сплошной концентрических окружностей. Внутри, в центре, рисунок птицы влево, голова развернута вправо, над спиной три небольших круга, расположенных треугольником. Вокруг, вдоль внутренней окружности надпись: «Бита в Сарае, 726». Вторая монета предположительно датируется серединой XIV в. На ней, с одной стороны, имеется орнамент в виде цветочной розетки, обратная сторона стерта. Третья монета представляет собой данг 720 г.х. (1320/1321 гг.), чекан монетного двора г. Крым. На одной стороне, в нижней части – тамга дома Бату и надпись «Султан Мухаммед Узбек Хан, да будут победы его славны». На другой стороне – два картуша из сплошной окружности. Во внутреннем картуше надписи символ веры. Между картушами, по кругу, надпись: «[Бита (в) богохранимом Крыму в году семьсот двадцатом]». Надчекан «хан». Золотая Орда, время правления хана Узбека (1313–1341).

Примечательны находки глазурованной посуды, происходящей из данного горизонта. Фрагменты доньев на кольцевом поддоне от двух сосудов типа «Elaborate Incised Ware» были опубликованы [13, с. 502, 508]. Керамика этого типа традиционно датируется в пределах XIII–XIV вв., в Северном Причерноморье находки ее зафиксированы в комплексах «не ранее середины – второй половины XIV в.», а производство ее связывают с Константинопольскими мастерскими. В то же время, на основании химического анализа сырья, было высказано предположение, что место производства крымских находок другое, хоть и близкое мастерским, обнаруженным в ходе раскопок 2007 г. в Стамбуле [16, с. 471, 497]. Наличие сходных по форме и декоративному оформлению сосудов отмечает И. Б. Тесленко в мастерских Никеи и Салоник [15, с. 112]. Отметим, что находки подобных сосудов широко известны на памятниках не только Крыма, но и в целом Северного Причерноморья и Восточного Средиземноморья [16, с. 471; 13, с. 502]. В нижнем горизонте также было выявлено некоторое количество фрагментов керамических сосудов тарного и кухонного назначения. Тарная керамика представлена фрагментами амфор и кувшинов (рис. 13,1,2). Кухонная керамика представлена преимущественно горшками. Столовая керамика, кроме упомянутых выше фрагментов сосудов типа «Elaborate Incised Ware», представлена фрагментами чаш, пиал и тарелок, покрытых желтой, коричневой и светло-зеленой глазурью, с подглазурной росписью белым ангобом и орнаментом в технике сграффито и шамплеве (группа «Polychrome Sgraffito Ware») (рис. 13,3–9; 14,6–8; 15,5,6). Сосуды таких типов производились в ремесленных центрах Крыма и многими исследователями относятся к группе керамики Юго-Восточного Крыма [17, с. 86–87].

Среди находок других категорий выделим строительные и декоративные железные гвозди, изделия неясного назначения из меди (грузила?), железное кольцо (кольчужное?), железное шило, железный серп (рис. 9,1–9; 12,2,3), фрагменты железных наконечников стрел, инструментов, скобы и др. [11, с. 124–159]. Все находки из металла достаточно хорошей сохранности.

Второй горизонт датируется по нумизматическому материалу в пределах 60–90-х гг. XIV в. Согласно определению А. В. Якушечкина, среди монетных находок

встречаются экземпляры с надписью «Хан Абдаллах, да продлит [Аллах его правление]» (годы правления хана 1367–1379 гг.), монеты, отчеканенные на монетном дворе «Ал-Джадид» в 782 г.х. (1380 г.), на монетном дворе Азак. В сером гумусе, который также соответствует верхнему горизонту, были обнаружены еще несколько монет, две из которых датируются соответственно 772 г.х. (1380 г., монетный двор «Ал-Джадид») и 796 г.х. (1393/1394 г.). Вторая монета содержит в надписи имя хана Токтамышша, местом чекана обозначен «Крым». Остальные монеты из этого слоя сложно определимы.

Другие находки в этом позднем горизонте представлены фрагментами керамических сосудов с глазурью и без покрытия. Неглазурованная керамика представлена в виде фрагментов столовой и кухонной посуды (рис. 5; 6,1–9; 11,1,2; 19,10–12; 14,10; 15,1; 27,14,15).

Среди находок глазурованной керамики из верхнего горизонта (слоя золистого гумуса) выделяются многочисленные полихромные чаши с орнаментом в технике «сграффито» и «шамплеве» (группа «Polychrome Sgraffito Ware»), чаши с подглазурной росписью белым ангобом под коричневой, желтой или зеленой глазурью (группа «Slip-Painted Ware»), чаша с гравировкой по светлому ангобному покрытию под монохромной желтой глазурью (группа «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware») и др. (рис. 11,3–7; 14,1–9,12; 15,2,16,17). Существует предположение, что подобные изделия изготавливались на территории Юго-Восточного Крыма [17, с. 85–90]. Импортная керамика представлена фрагментом сероглиняного штампованного кувшина с оттиснутым орнаментом в виде чешуек (т.н. «кольчужный орнамент») (рис. 15,3). Аналогии обнаруженному кувшину известны на ряде золотоордынских памятников. Исследователи связывают их производство с Поволжьем и прямым подражанием мастерам из Средней Азии [18, с. 147; 13, с. 503].

Верхний горизонт, в отличие от нижнего, в большей степени насыщен предметами из металла, также хорошей сохранности. Среди металлических находок выделяются предметы быта: ножи, иглы и шилья, фрагменты ключей и посуды (рис. 6,14,15,17; 12,1,7,8,13,14); конструктивные детали: гвозди, скобы и клинья (рис. 6,16; 12,10–12; 12,5,11); оружие: наконечники стрел, кольчужные (?) кольца (рис. 6,10,11; 12,13). Большая часть перечисленных находок широко датируется и характерна как для кочевого, так и для оседлого населения Улуса Джучи. Отметим, что один наконечник стрелы (рис. 6,10) находит аналогии среди кочевнических древностей и соответствует типу BIV по Г. А. Федорову-Давыдову. Этот экземпляр черешковый, четырехгранный в сечении, пирамидальный с несколько выгнутыми гранями и небольшим упором для древка. Второй наконечник также черешковый, круглый (или четырехгранный в сечении?). Такого вида наконечники можно отнести к бронебойным. Тип идентифицируется условно, такие наконечники Г. А. Федоров-Давыдов относит к типу BIII [19, с. 26–27].

Отметим значительное количество (29 штук) плоских полукруглых подков, предназначение которых чаще всего определяется как бычьи или коровьи (рис.

6,12,13; 12,4), все они происходят из верхнего слоя памятника. Наличие большого количества этих находок может свидетельствовать о скотоводческой направленности хозяйства жителей поселения на втором этапе его существования. Предметы из цветных металлов представлены кольцами, назначение которых определить затруднительно, а также медным перстнем с небольшим округлым щитком (рис. 12,10,12). Среди костяных изделий отметим астрагал (рис. 12,9). Учитывая, что на нем присутствуют следы обработки, можно предположить, что он предназначался для игр, что подтверждается историческими и этнографическими данными [4, с. 227–228].

Первоначальный анализ керамического материала и монет позволил датировать верхний горизонт зольника XIV веком и связать его с крупным поселением, существовавшим на берегу водоносной балки в эпоху развитого средневековья. Дальнейший анализ археологического материала позволил уточнить датировку поселения и выделить три этапа его функционирования. Первый датируется 20-30-ми гг. – серединой XIV в., что связано в первую очередь с расцветом золотоордынской столицы Крыма и общей стабилизацией обстановки в Улусе Джучи. После наступления периода «Великой замятни» в государстве, поселение ненадолго прекращает свое существование, с этим периодом, вероятно, связана тонкая прослойка стерильного суглинка. В период относительной стабильности военно-политической ситуации в конце XIV в. поселение вновь возрождается, что подтверждается находками монет соответствующего периода. Третий этап связан по времени с поселением эпохи Крымского ханства, вероятно, с этим этапом связано сооружение каменной кладки в квадратах 1 и 2.

Таким образом, поселение Старый Фонтан, в совокупности с другими выявленными памятниками, вносит дополнительные сведения о населении Крыма, проживающем на пограничье степи и предгорий в эпоху средневековья, и исторической географии крымских владений Джучидов. Данная статья носит предварительный характер, для конкретизации полученных сведений необходимы дальнейшие планомерные археологические исследования памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости о выведенных из Крыма в Приазовье христианах ... от 18 сентября 1778 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.azovgreeks.com/gendb/rus/dzuha/5-app-3.htm> (дата обращения: 22.09.2019).
2. Внуков С.Ю., Шаров О.В. Исследования Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017–2018 гг. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2-х т. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. 1. С. 6–12.
3. Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академперіодика, 2008. Вып. III. С. 331–384.
4. Душенко А.А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 222–247.
5. Коваль В.Ю. Археологические раскопки поселения Чокрак-Найман 1 // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2-х т. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. 2. С. 87–95.

6. Крамаровский М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб., 2014. С. 138–153.
7. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.
8. Мاستыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2-х т. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. 2. С. 97–115.
9. Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
10. Сейдалиев Э.И. Научный отчет о научных археологических исследованиях (раскопках) на объектах культурного наследия: «Поселение «Чобан-Чокрак», «Поселение Тууш-1» Кировского района, «Поселение и некрополь Тобен-Сарай», «Городище и поселение Мелек», Белогорского района, «Поселение «Денисовка I» Симферопольского района Республики Крым в зоне строительства высоковольтной линии 220 кВ Кафа-Симферопольская II цепь в 2015–2016 гг.: в 2-х т. Симферополь, 2016. Т. 1 // Архив Института археологии РАН.
11. Сейдалиев Э.И. Научный отчет о научных археологических исследованиях (раскопках) на объектах культурного наследия: «Поселение «Чобан-Чокрак», «Поселение Тууш-1» Кировского района, «Поселение и некрополь Тобен-Сарай», «Городище и поселение Мелек», Белогорского района, «Поселение «Денисовка I» Симферопольского района Республики Крым в зоне строительства высоковольтной линии 220 кВ Кафа-Симферопольская II цепь в 2015–2016 гг.: в 2-х т. Симферополь, 2016. Т. 2 // Архив Института археологии РАН.
12. Сейдалиев Э.И. Новое поселение золотоордынского времени в Белогорском районе Республики Крым // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антика, 2019. С. 103–104.
13. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Керамика как индикатор инновация в традиционной кочевнической культуре Золотой Орды (на примере находок с поселения «Старый Фонтан») // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 499–509.
14. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. 1887. Т. 1. Вып. 4. С. 273–302.
15. Тесленко И.Б. Византийская керамика группы «ElaborateIncisedWare» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым) // Поливная керамика Причерноморья–Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунауч. семинара. Севастополь, 2014. С. 109–115.
16. Тесленко И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 459–498.
17. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII–начала XV вв. // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 85–106.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 275 с.
20. Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2-х т. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. 2. С. 71–85.

REFERENCES

1. Vedomosti o vyvedennykh iz Kryma v Priazov'e khristianakh... ot 18 sentiabria 1778 goda. URL:<http://www.azovgreeks.com/gendb/rus/dzuha/5-app-3.htm>
2. Vnukov S.Iu., Sharov O.V. Issledovaniia Krymskoi novostroechnoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN v 2017–2018 gg. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* T. 1, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2019, pp. 6–12.
3. Gavrilov A.V. Srednevekoveye pamiatniki Iugo-Vostochnogo Kryma (materialy k arkheologicheskoi karte). *Sugdeiskii sbornik*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2008, Vol. III, pp. 331–384
4. Dushenko A.A. Igral'nye prinadlezhnosti iz kosti i roga iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 222–247.
5. Koval' V.Iu. Arkheologicheskie raskopki poseleniia Chokrak-Naiman 1. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* T. 2, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2019, pp. 87–95.
6. Kramarovskii M.G. Zolotoordynskaia (Starokrymskaia) ekspeditsiia. *Ekspeditsii. Arkheologiiia v Ermitazhe*, St-Petersburg, 2014, pp. 138–153.
7. Lomakin D.A. *Musul'manskii pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izuchenii, sovremennoe sostoianie*. Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p.
8. Mastykova A.V., Reshetova I.K., Chaukin S.N., Ganichev K.A. Issledovaniia srednevekovogo poseleniia i mogil'nika Su-Bash I v Iugo-Vostochnom Krymu. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* T. 2, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2019, pp. 97–115.
9. Petr Simon Pallas. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
10. Seidaliev E.I. Nauchnyi otchet o nauchnykh arkheologicheskikh issledovaniiax (raskopkakh) na ob'ektakh kul'turnogo nasledii: «Poselenie «Choban-Chokrak», «Poselenie Tuush-1» Kirovskogo raiona, «Poselenie i nekropol' Toben-Sarai», «Gorodishche i poselenie Melek», Belogorskogo raiona, «Poselenie «Denisovka I» Simferopol'skogo raiona Respubliki Krym v zone stroitel'stva vysokovol'tnoi linii 220 kV Kafa-Simferopol'skaia II tsep' v 2015–2016 gg. Simferopol, 2016, T. 1. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk*
11. Seidaliev E.I. Nauchnyi otchet o nauchnykh arkheologicheskikh issledovaniiax (raskopkakh) na ob'ektakh kul'turnogo nasledii: «Poselenie «Choban-Chokrak», «Poselenie Tuush-1» Kirovskogo raiona, «Poselenie i nekropol' Toben-Sarai», «Gorodishche i poselenie Melek», Belogorskogo raiona, «Poselenie «Denisovka I» Simferopol'skogo raiona Respubliki Krym v zone stroitel'stva vysokovol'tnoi linii 220 kV Kafa-Simferopol'skaia II tsep' v 2015–2016 gg. Simferopol, 2016, T. 2. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk*
12. Seidaliev E.I. Novoe poselenie zolotoordynskogo vremeni v Belogorskom raione Respubliki Krym. Khairtdinova E.A. (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina*, Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 103–104.
13. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Keramika kak indikator innovatsiia v traditsionnoi kochevnicheskoi kul'ture Zolotoi Ordy (na primere nakhodok s poseleniia «Staryi Fontan»). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 499–509.
14. Smirnov V.D. Arkheologicheskaiia ekskursiia v Krym letom 1886 goda. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*, 1887, T. 1, Vol. 4, pp. 273–302.
15. Teslenko I.B. Vizantiiskaia keramika gruppy «Elaborate Incised Ware» iz usadeb XIV v. gorodishcha Lusta (sovremennaia Alushta, Krym). *Polivnaia keramika Prichernomor'ia–Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu vizantiiskoi tsivilizatsii*, Sevastopol, 2014, pp. 109–115.

16. Teslenko I.B. Polivnaia keramika vizantiiskogo kruga epokhi Paleologov iz raskopok kreposti v Alushte. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 459–498.
17. Teslenko I.B., Seidalieva D.E. Goncharnoe proizvodstvo i keramicheskii import Kryma kontsa XIII – nachala XV vv. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki*, Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 85–106
18. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*. Moscow, University Publ., 1994, 228 p.
19. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov*. Moscow, University Publ., 1966, 275 p.
20. Khokhlov A.N., Mel'kova V.R. Issledovaniia zolotoordynskogo poseleniia Zhemchuzhina v Iugo-Vostochnom Krymu. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg. T. 2*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2019, pp. 71–85.

E. I. SEIDALIEV

*Crimean Engineering and Pedagogical University;
Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia);
Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)*

THE GOLDEN HORDE SETTLEMENT STARYI FONTAN IN CENTRAL CRIMEA (PRELIMINARY RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

Abstract: The paper publishes preliminary results of archaeological researches at a settlement from the Golden Horde period in the Belogorsk district of the Republic of the Crimea. Until now, the researches of the sites from the Golden Horde period in the Crimea focused their attention on the largest and most significant sites, such as the mediaeval town of Solkhat / Krym, its nearest vicinity, and the settlements in the Bakhchisarai area. Following the beginning of large-scale construction works in the Crimean peninsula, a great number of previously unknown sites from the Golden Horde period were revealed. In 2016, the construction of the “Caffa--Simferopol” high-voltage power line discovered a settlement from the Dzhuchi Ulus period located in the Belogorsk district of the Republic of the Crimea, in vicinity of the modern village of Nekrasovo (Melek). It is named after Staryi Fontan farmstead which existed there in the nineteenth and early twentieth centuries. Rescue excavations uncovered a part of the cemetery covering about 100 m². From the analysis of ceramic and numismatic finds, there are reasons to determine three chronological periods of the settlement. The first period from the 1320s/1330s to the mid-fourteenth century was related primarily to the flourishing of the capital city of the Crimea from the Golden Horde period and general stabilization of the situation in the Dzhuchi Ulus. The second period dates from the 1360s/1370s to the late fourteenth century. The third period was related to the settlement from the age of the Crimean Khanate, perhaps with the building of a structure represented by the stone wall site and coin finds. The settlement and cultural layer materials under present study supplement the data on the material culture of the population of the steppe and sub-mountainous Crimea and historical geography of the country in the age when the Dzhuchids ruled over the Crimean peninsula.

Keywords: Dzhuchi Ulus, Golden Horde, Crimea, Staryi Fontan, settlement.

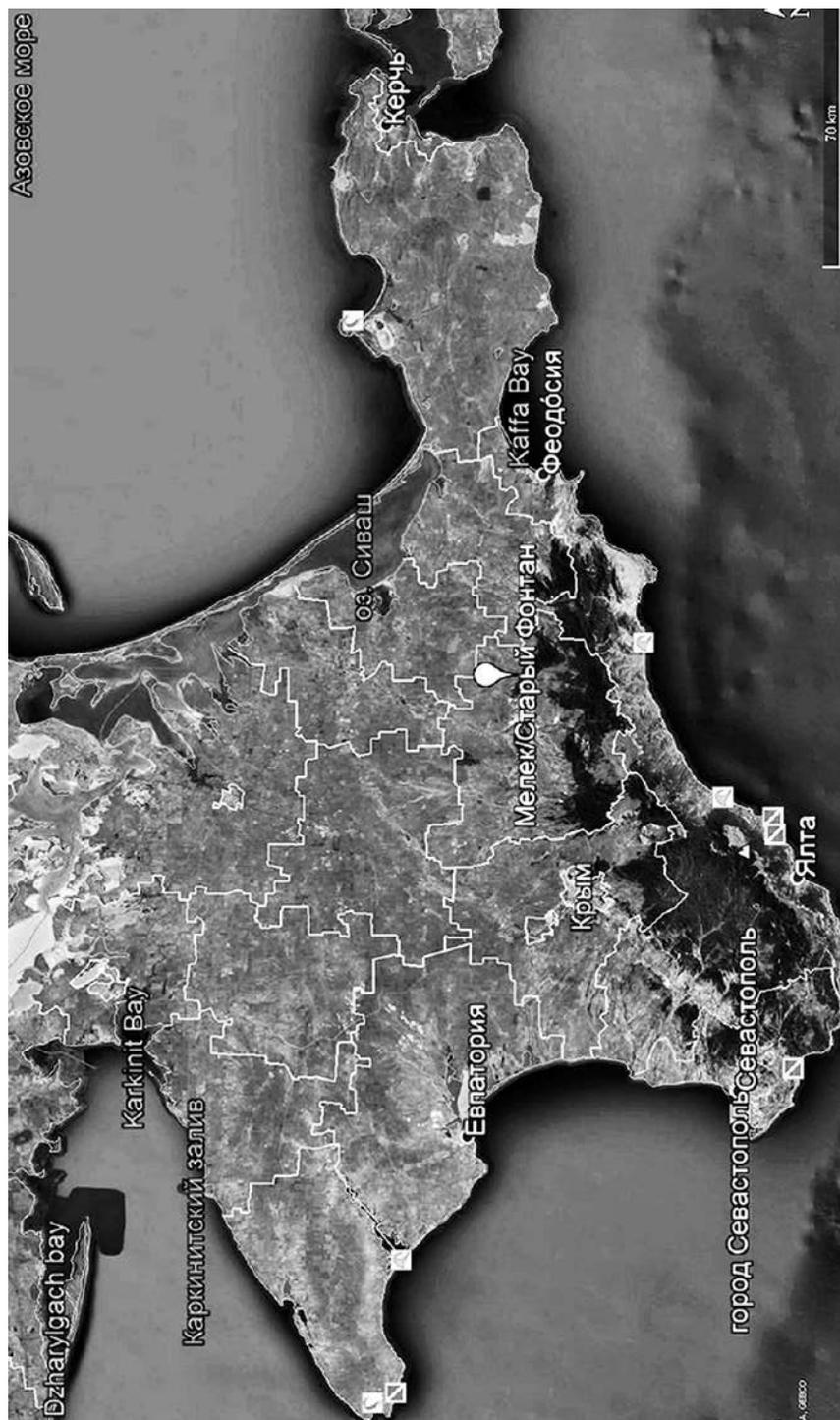

Рис. 1. Карта полуострова Крым с указанием места расположения поселений Мелек и Старый Фонтан (ресурс Google Earth)

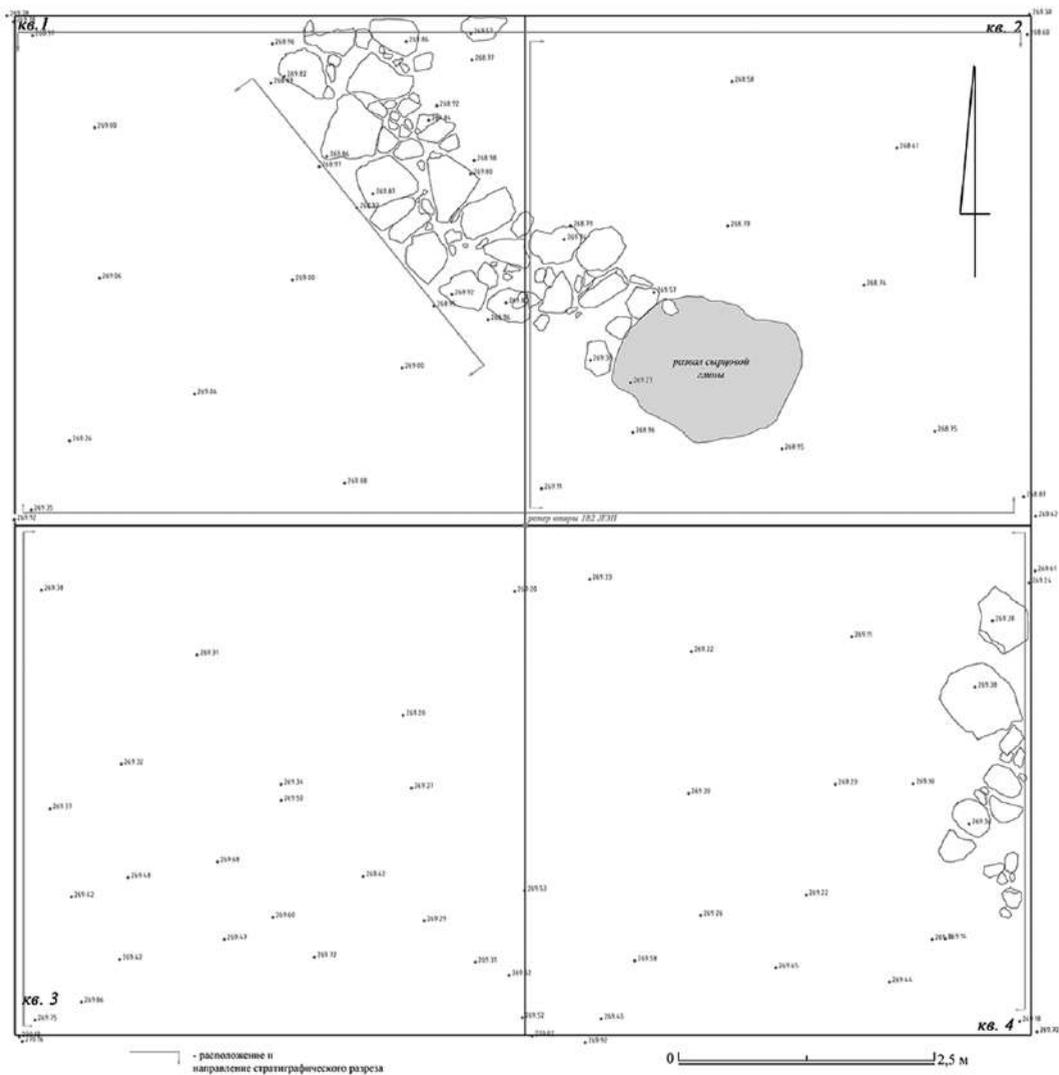

Рис. 2. Общий план участка исследования на поселении Старый Фонтан. Участок 3 (здесь и далее чертежи выполнены И. И. Шкрибляк)

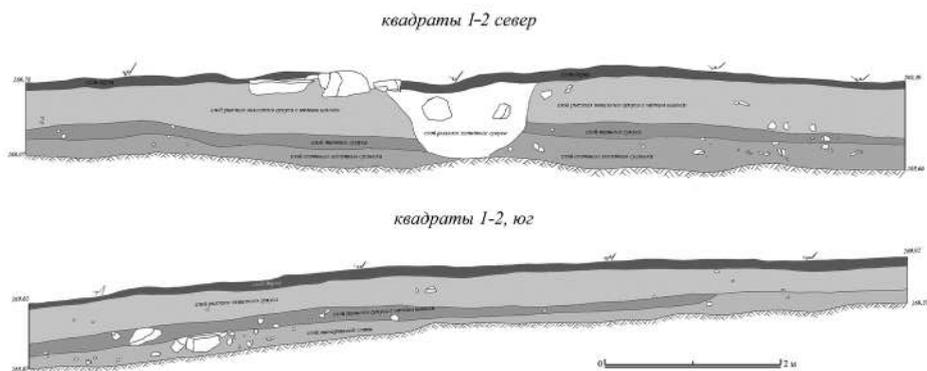

Рис. 3. Стратиграфия северного и южного бортов квадратов 1 и 2

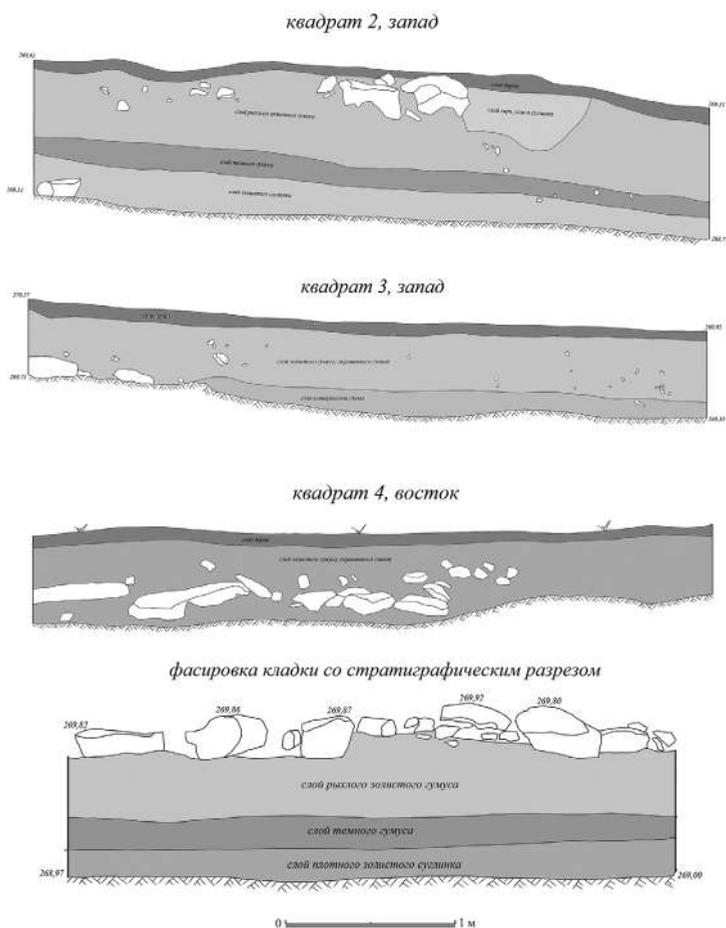

Рис. 4. Стратиграфия западного борта квадрата 2, западного борта квадрата 3, восточного борта квадрата 4 и фасировка кладки со стратиграфическим разрезом

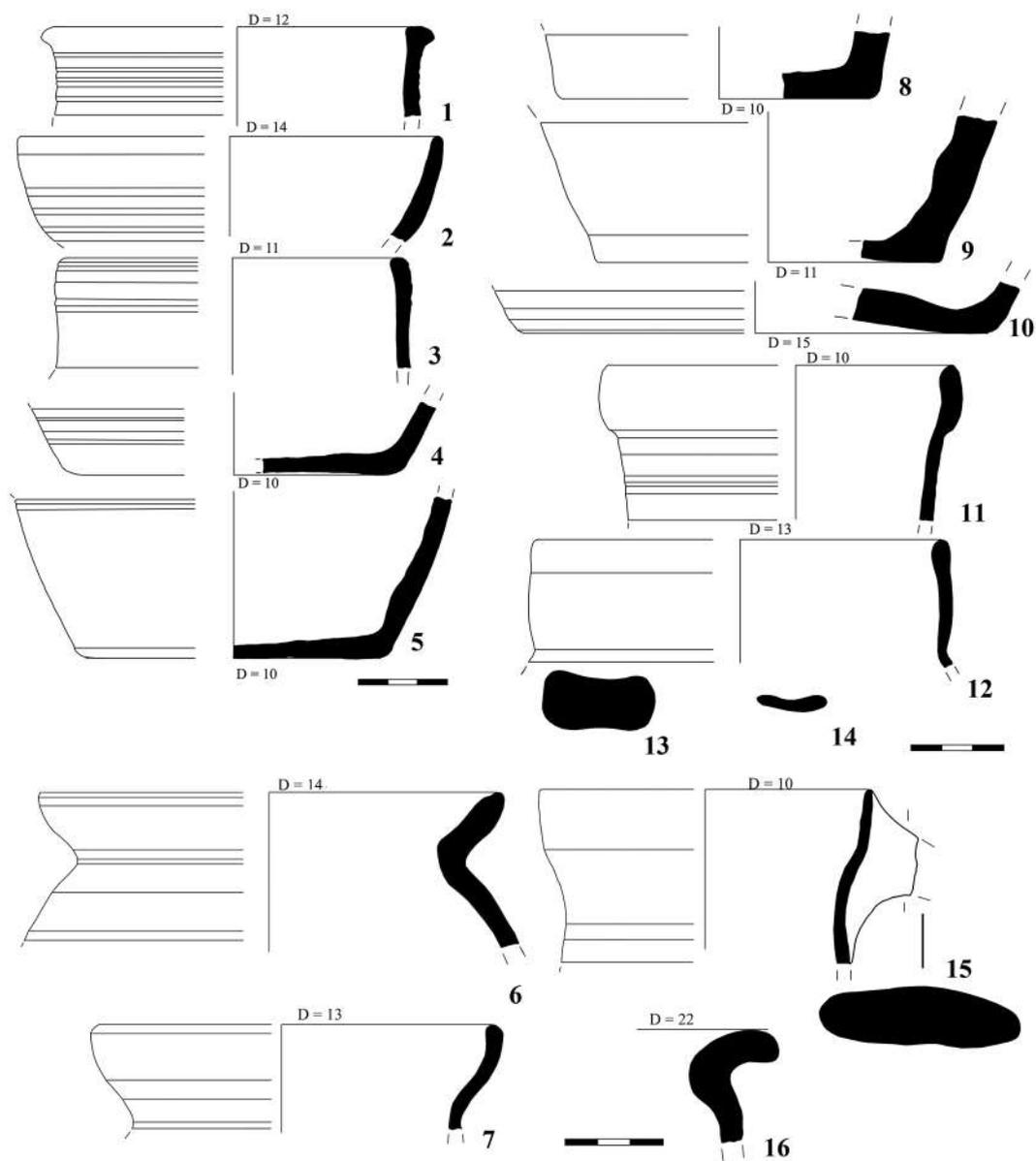

Рис. 5. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 3. (здесь и далее рисунки археологических находок выполнены Д. Э. Сейдалиевой)

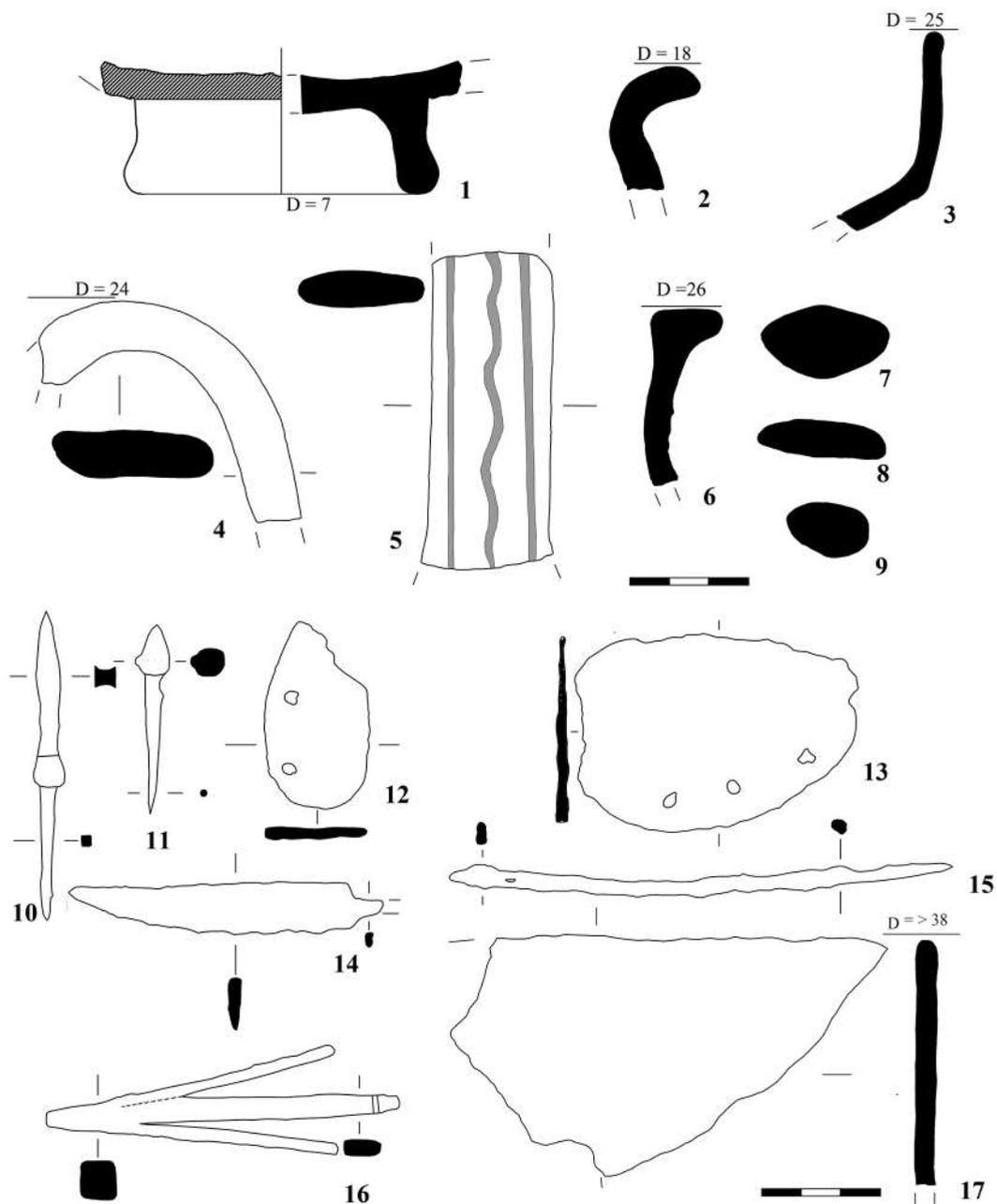

Рис. 6. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 2. Верхний горизонт

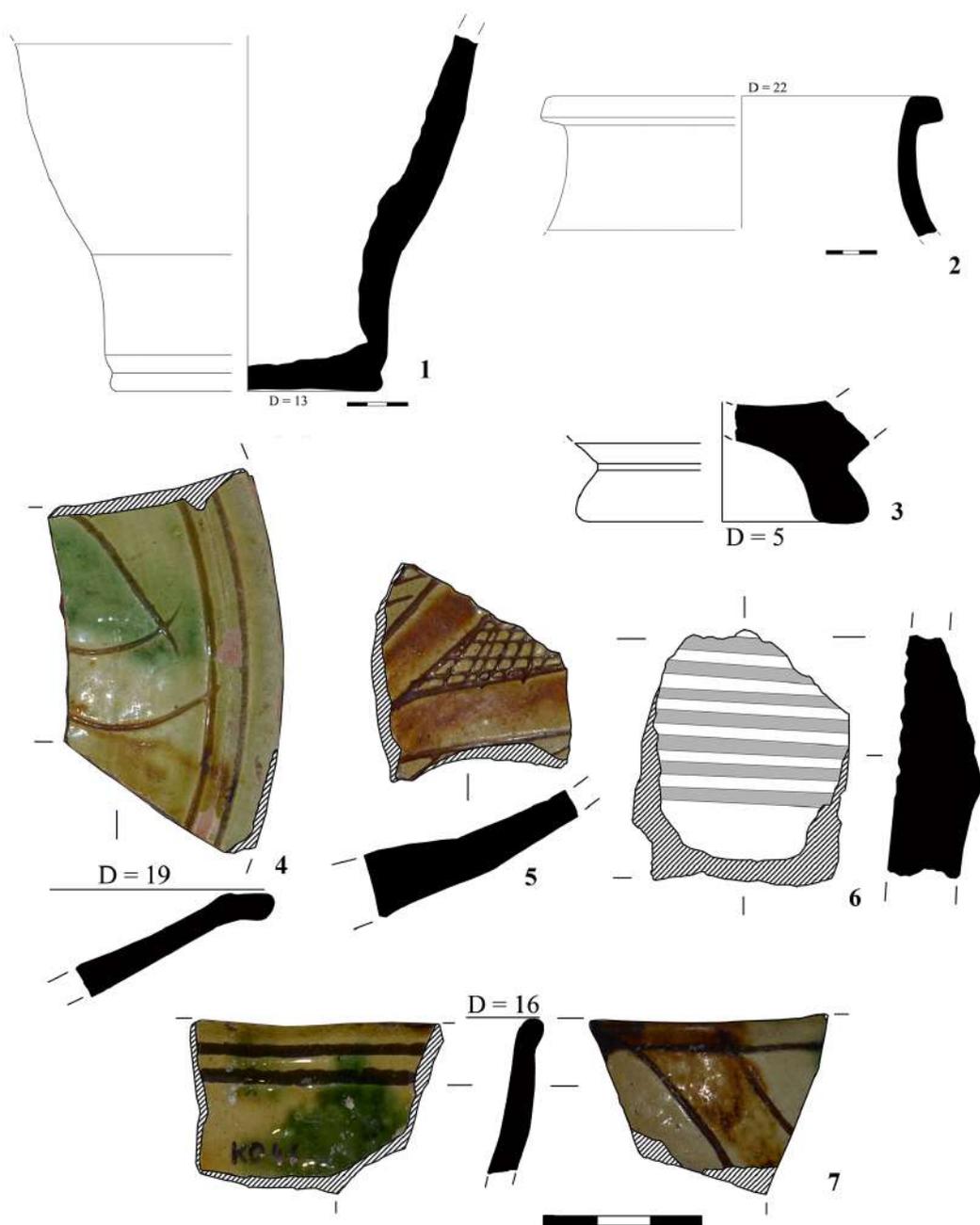

Рис. 7. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 1

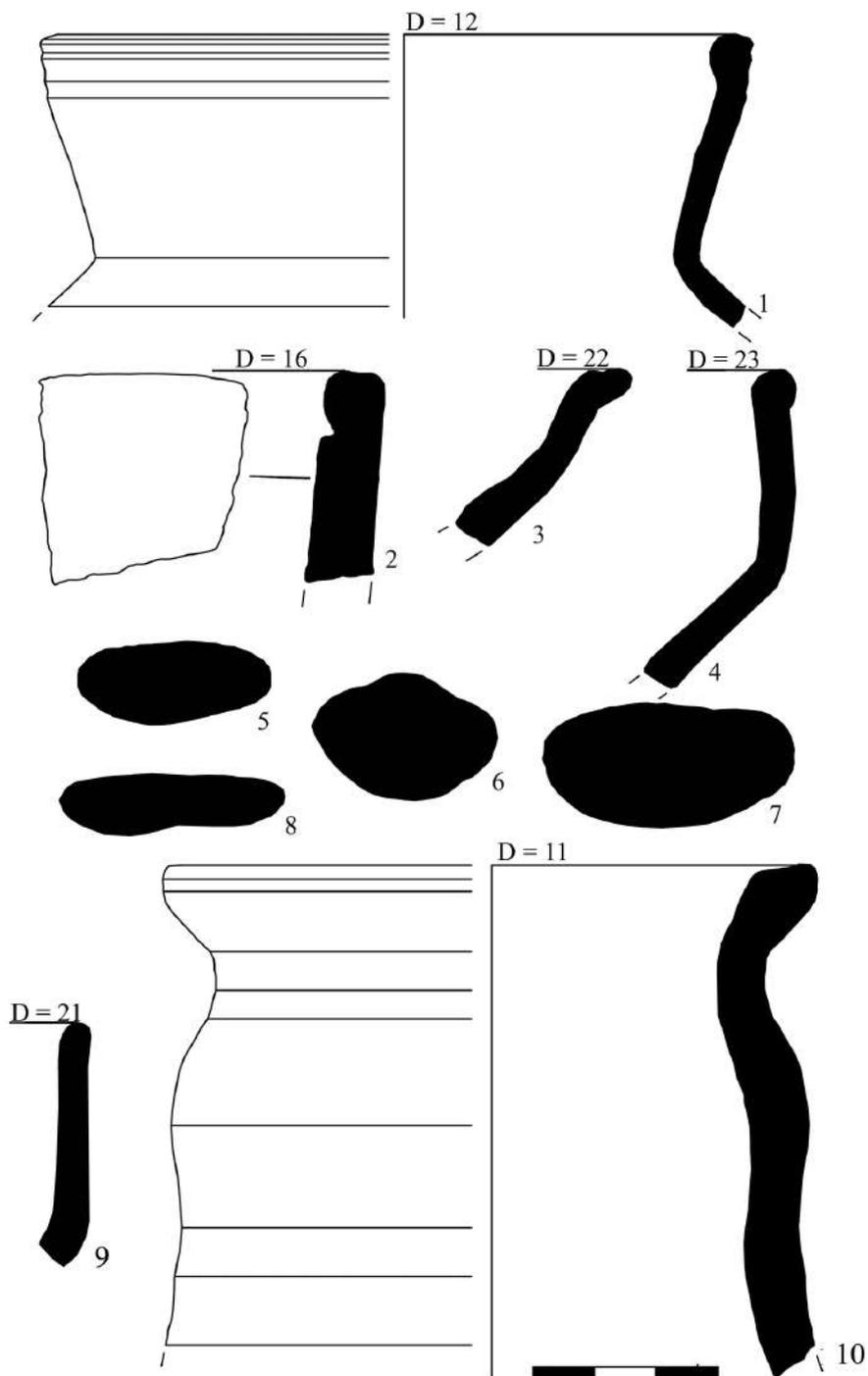

Рис. 8. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 2. Нижний горизонт

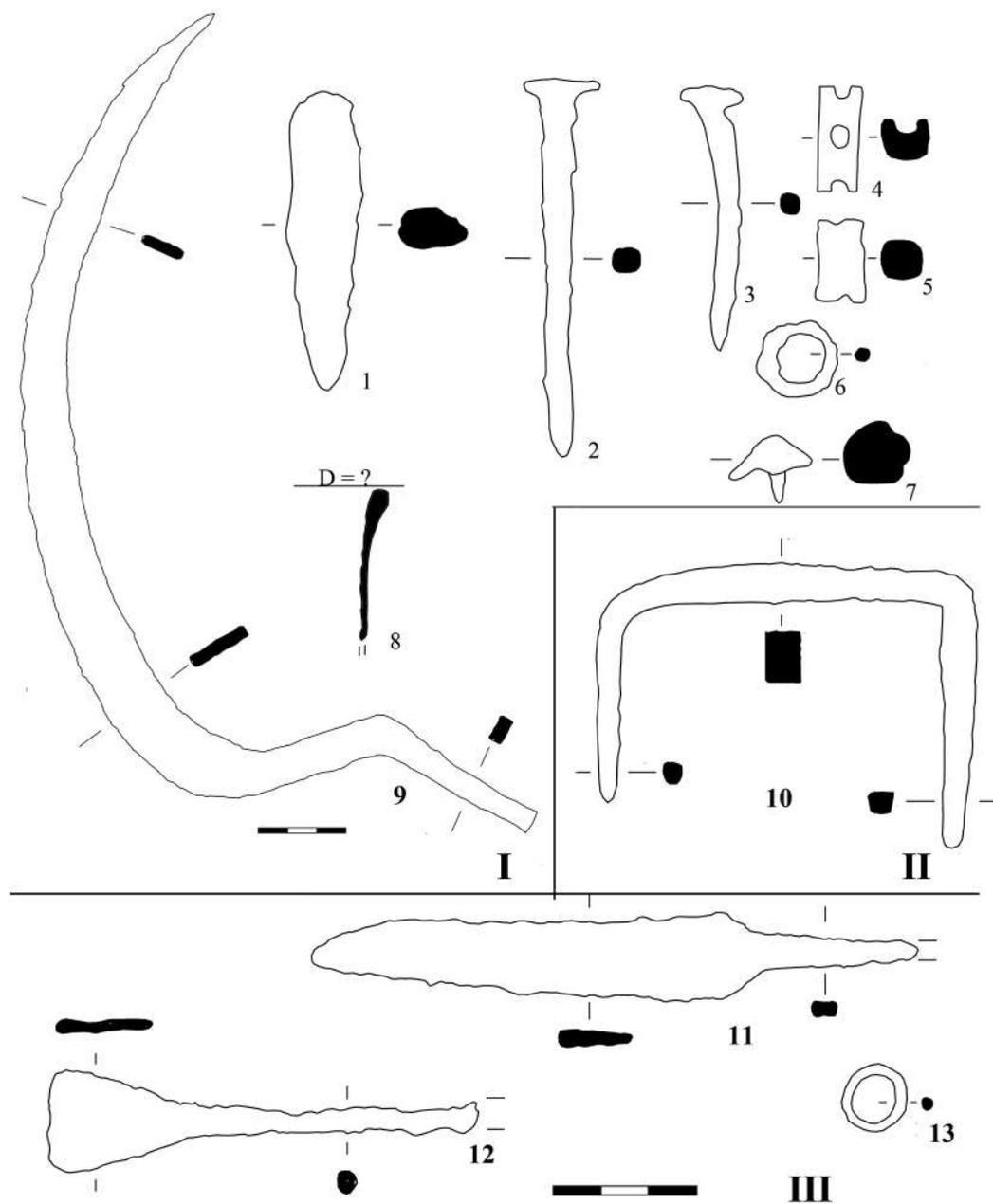

Рис. 9. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. I – Квадрат 2. Нижний горизонт. II – Квадрат 1. III – Квадрат 2. Верхний горизонт

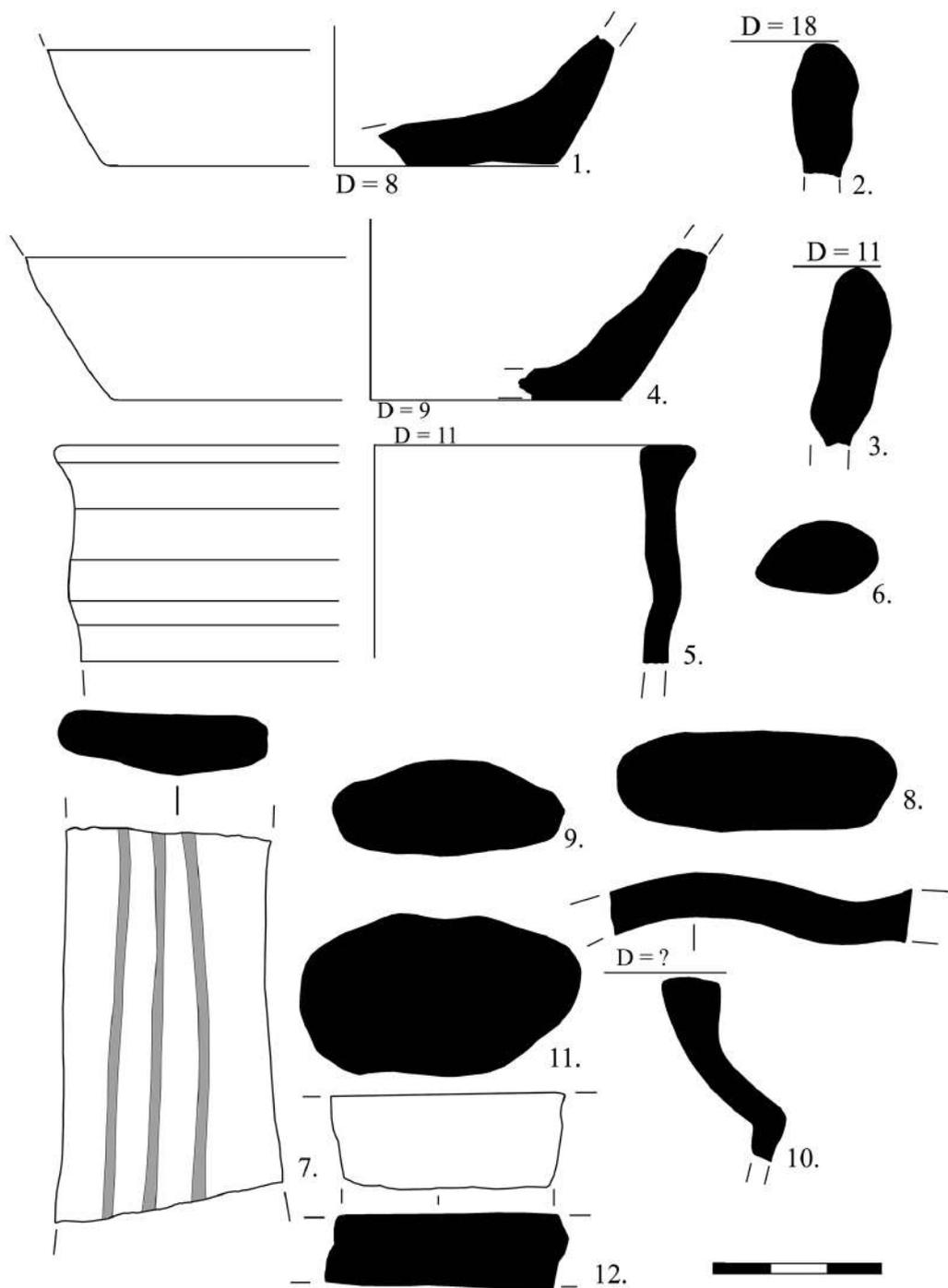

Рис. 10. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 1

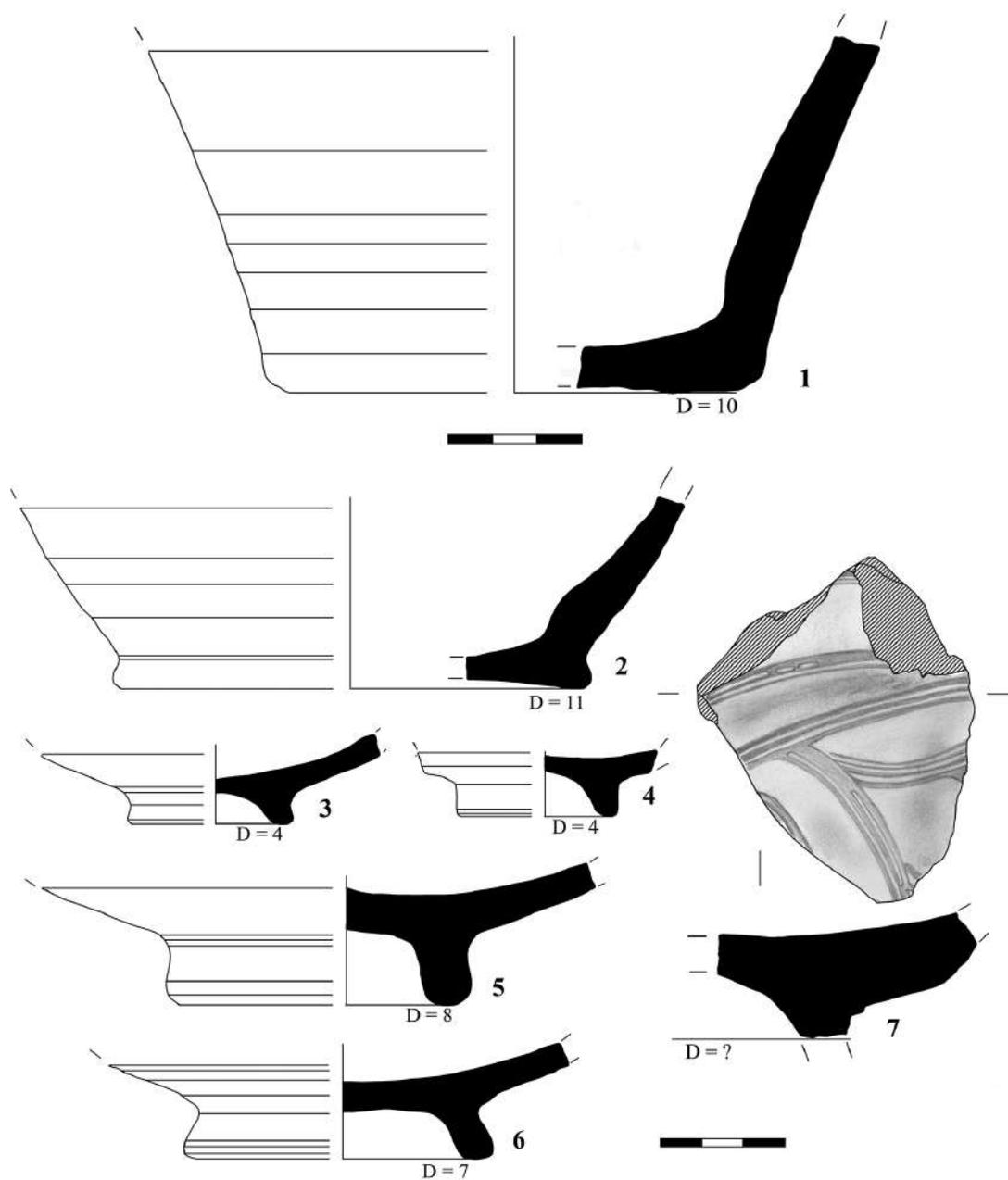

Рис. 11. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 4

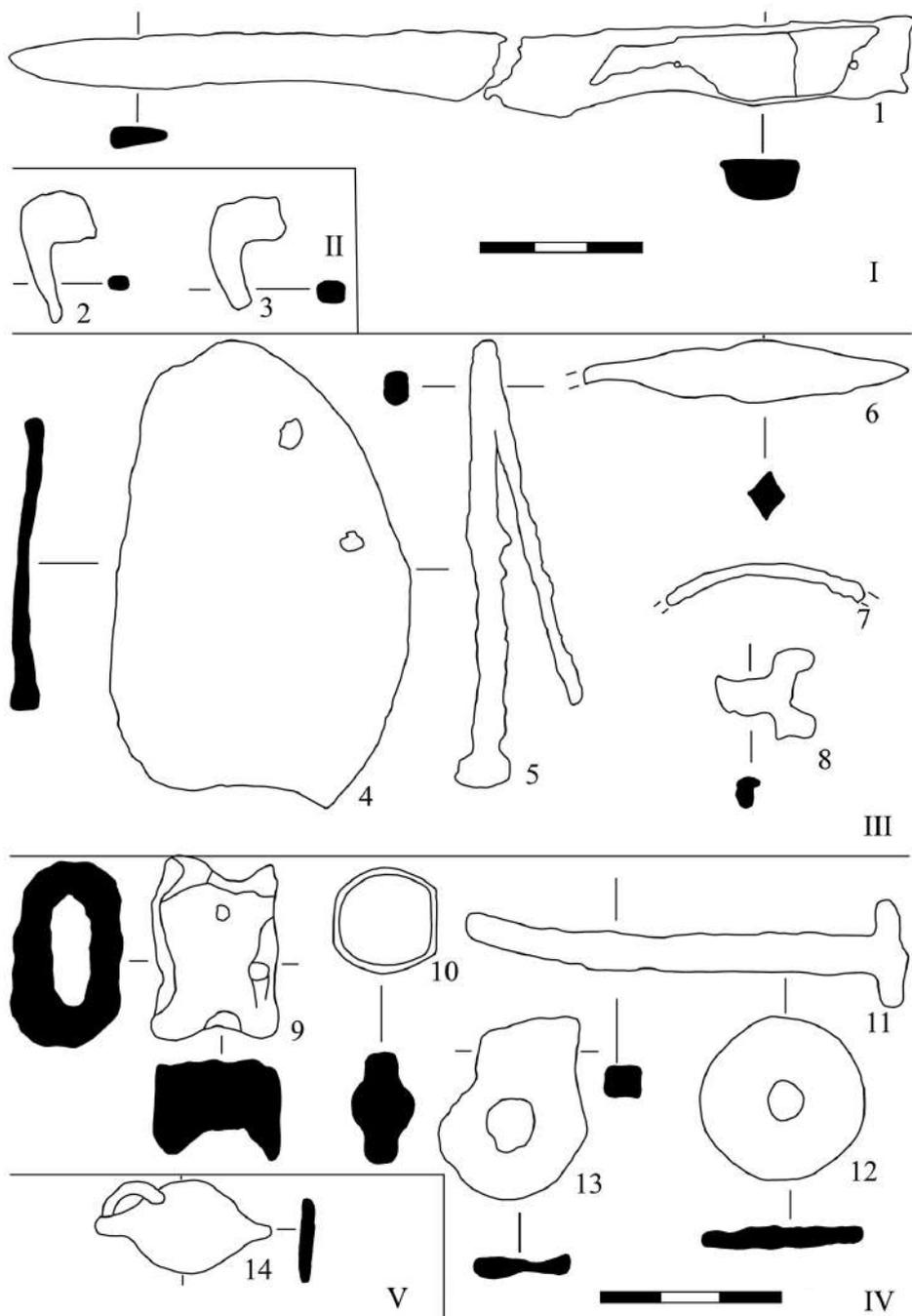

Рис. 12. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. I – Квадрат 3. Дерн. II – Квадрат 2. Нижний горизонт. III – Квадрат 4. Серый гумус. IV – Квадрат 3. Серый гумус. V – Квадрат 2. Верхний горизонт

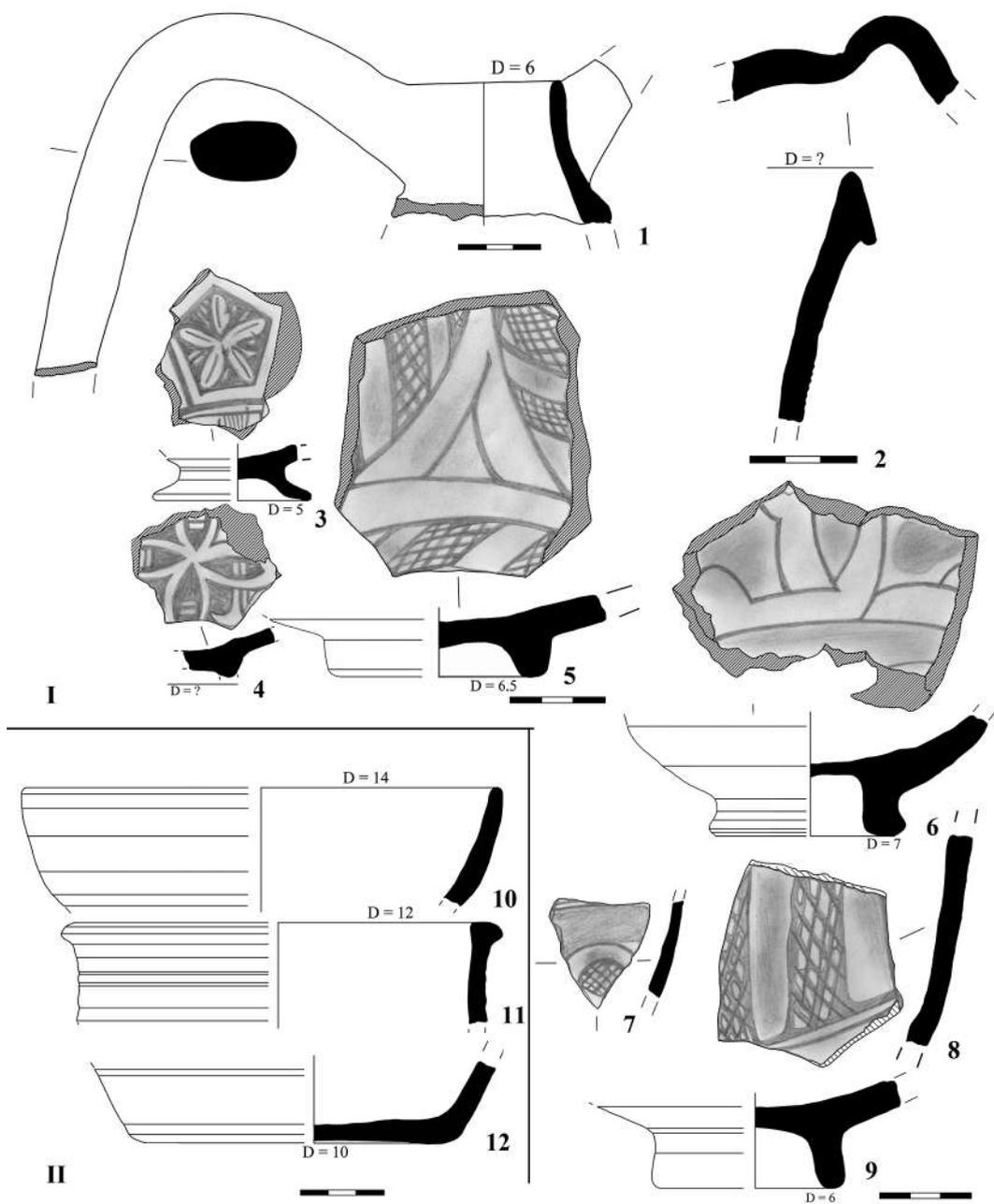

Рис. 13. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. Квадрат 2. Нижний горизонт

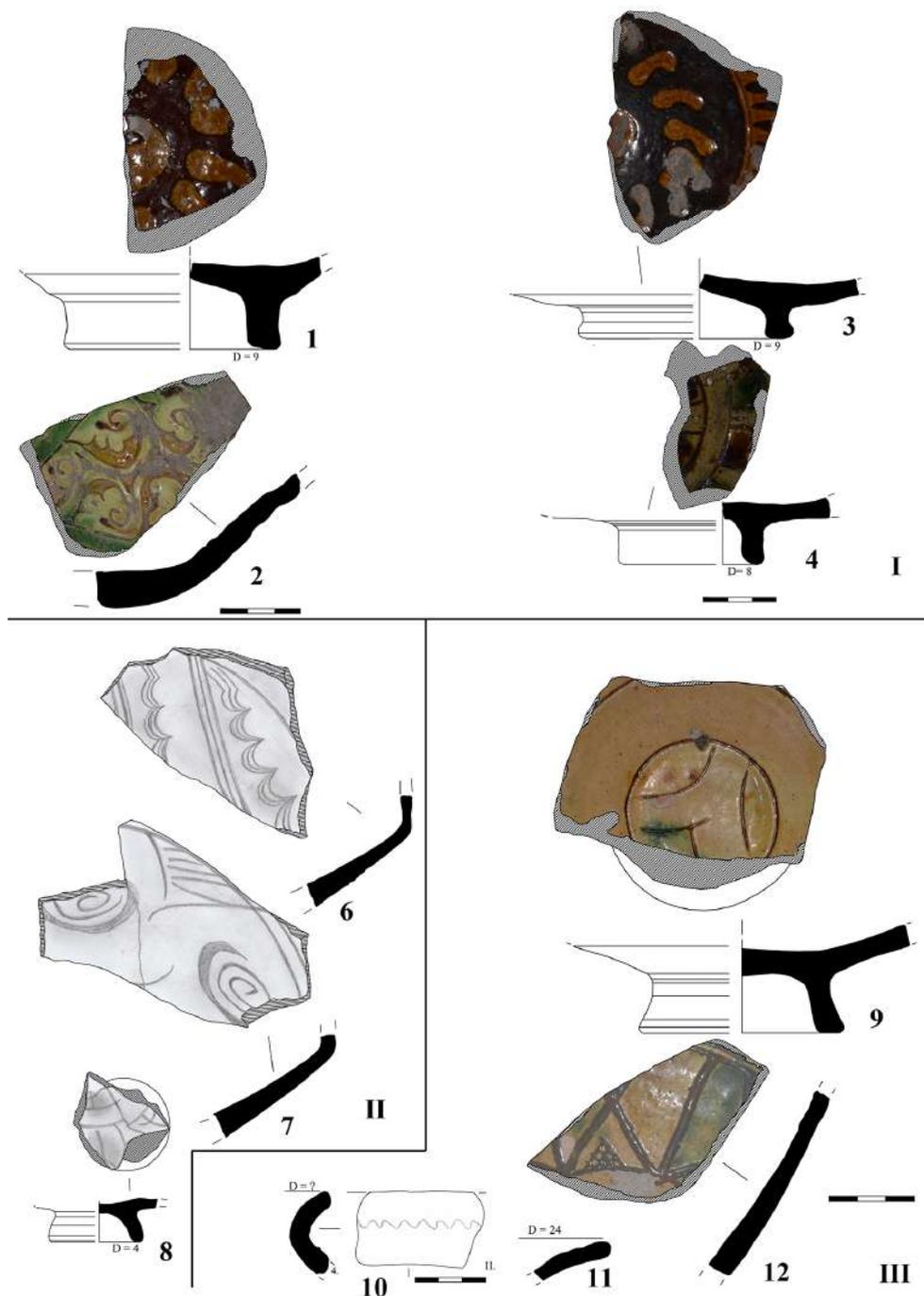

Рис. 14. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. I – Квадрат 2. Верхний горизонт. II – Квадрат 2. Нижний горизонт. III – Квадрат 4

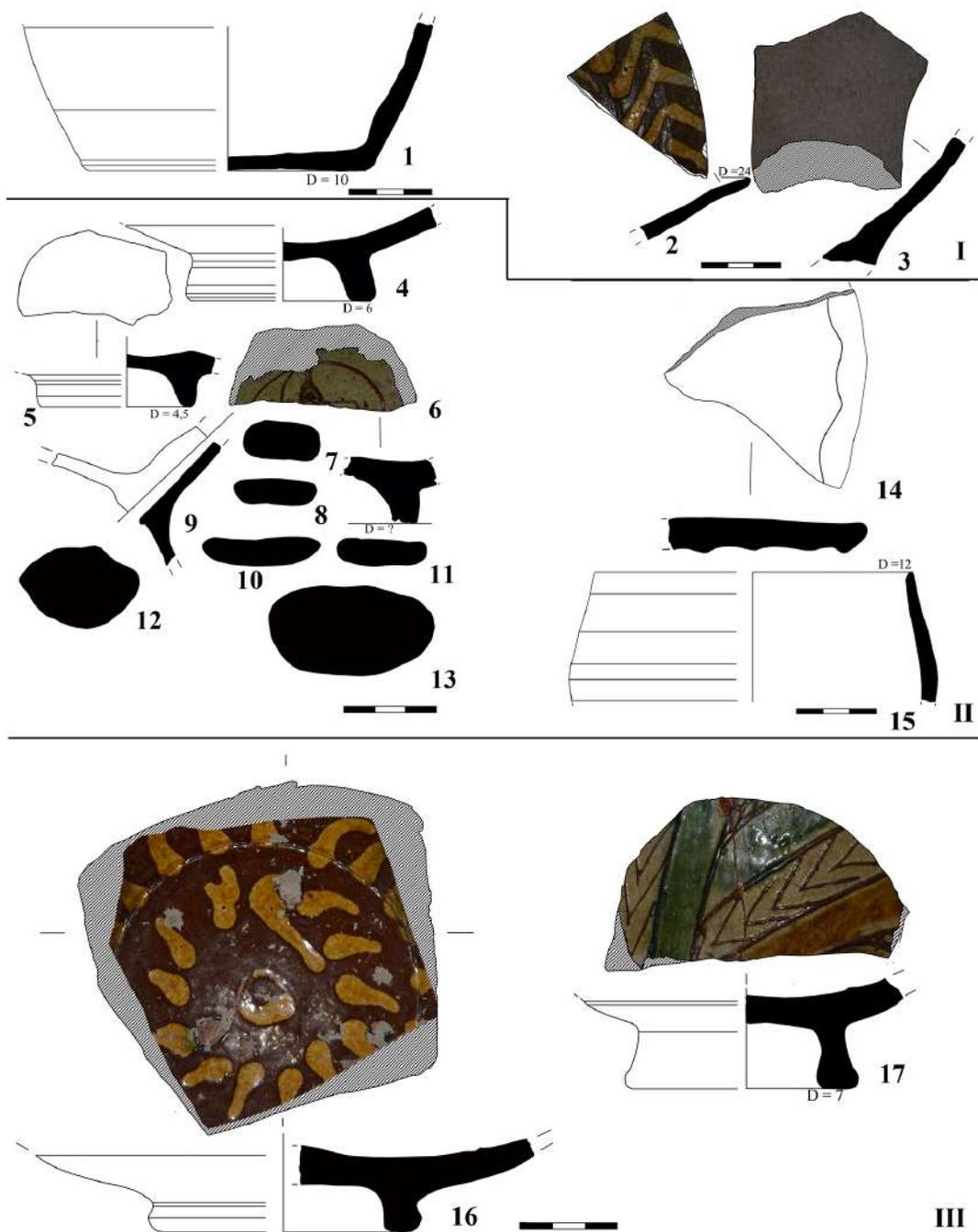

Рис. 15. Находки из раскопок поселения Старый Фонтан. Участок 3. I – Квадрат 2. Верхний горизонт. II – Квадрат 4. III – Квадрат 1

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

**Т. Н. СМЕКАЛОВА^{а,б)}, М. Г. АБРАМЗОН^{в,г)}, И. А. САПРЫКИНА^{г)},
А. В. АНТИПЕНКО^{а)}, А. Ю. ЛОБОДА^{б)}, Н. В. БЫКОВСКАЯ^{д)},
О. В. ГУНЧИНА^{д)}**

а) Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

б) Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (Москва, Россия)

*в) Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(Магнитогорск, Россия)*

г) Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

д) Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (Керчь, Россия)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЧЕКАНКЕ РИСКУПОРИДА V И ФАРСАНЗА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТАВА СПЛАВА МОНЕТ ИЗ КЕРЧЕНСКИХ КЛАДОВ 1964 И 1988 гг.¹

Аннотация: Середина III в. н. э. явилась переломным моментом в истории Боспорского царства, что нашло яркое отражение в его монетной чеканке. Изучение состава сплава монет из двух керченских кладов 1988 и 1964 гг. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, основу которых составляют статеры Рискупорида V 242–253 гг. и Фарсанза 253 и 254 (?) гг., дает новые данные для выявления особенностей чеканки Боспора. На основе проведенного исследования делается заключение о том, что статеры Рискупорида V и Фарсанза, хотя и были отчеканены на одном монетном дворе, но не одновременно и по существенно различным технологиям. Этот вывод подкрепляет ранее высказанное предположение о том, что Рискупорид V и Фарсанз не были соправителями, а последний, возможно, на непродолжительный срок (менее года) узурпировал власть на Боспоре.

Ключевые слова: Боспор, монетная чеканка III в. н. э., Рискупорид V, Фарсанз, состав монетных сплавов, рентгено-флуоресцентный анализ.

В первые века новой эры Боспор стал союзником Рима, который был заинтересован в том, чтобы причерноморские города были форпостами империи, сдерживающими натиск варваров. Поэтому Рим заботился о боеспособности боспорского во-

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке проекта РНФ № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

йска и поддерживал царей Боспора денежными субсидиями, которые шли, прежде всего, на монетную чеканку. На Боспоре с середины I в. до н.э. в денежном обращении находятся только золотые и медные монеты, и такое положение длится в течение всего императорского периода. С 80 г. н.э. боспорские цари получили право изображать свои портреты, титул и имя на лицевой стороне статеров, при этом портрет правящего императора переместился на оборотную сторону монет, где находится и дата боспорской эры, составляющая основу для хронологии статеров Боспора.

Сформировавшиеся при Рискупориде II (68–91 гг.) внешний вид и вес (около 8 г) статеров сохраняются до самого конца боспорской чеканки в первой трети IV в. н.э. Однако даже беглое наблюдение над почти непрерывным рядом статеров приводит нас к выводу о деградации как их стилистики, так и сплава. Постепенное ухудшение качества металла хорошо заметно уже по их внешнему виду: цвету и фактуре. С помощью рентгено-флуоресцентной спектроскопии удастся детально проследить изменения состава сплава боспорских статеров.

Общая картина «порчи» сплава боспорских статеров

Среди многих проявлений перехода от полновесной монеты к знаку условной стоимости одним из наиболее ярких является факт так называемой «порчи» металла золотых монет Боспора первых веков новой эры – статеров.

Необходимо отметить, что основные и наиболее важные закономерности в изменении состава боспорских статеров были описаны еще В. Ф. Гайдукевичем [4, с. 455, 456] и подробно изучены Н. А. Фроловой по результатам пробирного анализа [21; 17]. Несколько статеров было проанализировано М. Ю. Трейстером с помощью эмиссионной спектроскопии [23]. Недавно появилась выполненная на высоком современном уровне публикация крупного (почти 4 тысячи монет) клада позднебоспорских статеров, найденного в 2011 г. на некрополе Фанагории, в которую вошли и данные по составу сплава, полученные с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра [1]. В конце 1990-х годов нам удалось с помощью того же неразрушающего и скоростного метода проанализировать состав сплава более 3 тысяч позднебоспорских статеров из коллекции Государственного Эрмитажа [15, с. 44–49]. Общая картина изменения содержания золота в боспорских статерах показана на рисунке 1.

График содержания золота наглядно демонстрирует ступенчатое падение концентрации этого драгоценного металла в монетах. Наиболее высокое его содержание – более 90% – фиксируется для золотых монет, выпущенных до правления Асандра (49/48–21/20 гг. до н.э.). При нем начинается постепенное снижение содержания золота в статерах: от 90 до 67%. Статеры царицы Динамии (21/20–17/16 гг. до н.э.) (66–83% золота) и Аспурга (14–37 гг. н.э.) (77–86% золота) еще достаточно высокопробны. Котис I (45–62 гг. н.э.), как известно, получил царскую власть с помощью Рима [4, с. 326]. Все статеры Котиса I содержат высокий процент золота: 60–85%, в среднем – 74%.

С 80 г. н.э. в монетном деле Боспора наступают важные перемены: ослабевают или совсем прекращается контроль Рима над чеканкой золота боспорскими царями,

что незамедлительно выразилось в понижении веса статеров и в некотором уменьшении их золотого содержания – в среднем до 70% (при разбросе от 55 до 78%).

Однако первая серьезная «ступень» в падении процента золота в статерах Боспора совпадает со временем царствования Савромата I (93–123 гг. н.э.) (рис. 1). Теперь статеры содержат не более 60% золота, а среднее содержание этого металла составляет около 50%. Приход к власти императора Адриана (117–138 гг. н.э.) отмечен увеличением количества статеров, состав которых остался прежним. Подобное явление – увеличение с приходом к власти нового императора числа ежегодно выпускаемых боспорских статеров – можно предположительно объяснить тем, что на их выпуск шла часть средств, выплачиваемых Римом боспорским царям в виде «даров», которые, возможно, цари получали при возобновлении договора о дружбе (*amittitia*) [6, с. 203].

При Котисе II (123–132 гг.) и Риметалке (131–154 гг.) содержание золота в статерах удерживалось на уровне около 50% (с разбросом от 45 до 55%). Только в конце правления Риметалка, начиная с 149–150 гг., количество золота в статерах уменьшается до 45–46%.

Статеры Евпатора (154–170 гг.) в начале его правления содержат столько же золота, что и монеты его предшественника. Начиная с 161 г., т.е. со времени прихода к власти императора Марка Аврелия, ежегодное количество статеров возрастает примерно в три раза, а среднее содержание золота в них несколько падает (41–42%) (рис. 1).

Наиболее резкие изменения произошли во время правления Савромата II (174–210/211 гг.), когда начинают чеканить многочисленные статеры с содержанием золота около 32%. Следующая «ступень» в уменьшении золота фиксируется для царствования Рискупорида III (210–226 гг.), при котором статеры содержат золота уже только около 30% (в начале его правления) (рис. 1). К 215–217 гг. относится увеличение количества статеров и одновременно некоторое ухудшение качества сплава, в среднем содержащем теперь до 27% золота, а в конце правления этого царя (в 228 г.) чеканятся статеры, в которых золота остается только 21–25%. Интенсивность работы монетного двора в середине правления Рискупорида III исследователи объясняют развитием экономической жизни Боспора. Как отмечает В. Ф. Гайдукевич, Боспор в первые десятилетия III в. еще оставался достаточно сильным государством, ведущим активную торговлю с городами южного Причерноморья [4, с. 338].

Решительное уменьшение концентрации золота в статерах произошло при Котисе III (227–234 гг.), в начальные годы правления которого статеры содержат еще 20–27% золота, а начиная с последних выпусков 228 г. – уже не более 15%, причем многие монеты вообще практически не золотые (рис. 1).

Исследованные статеры Савромата III (229–231 гг.), выпущенные в 229 г., содержат золота от 4 до 18%, т.е. столько же, сколько и синхронные статеры Котиса III. При Ининфимее (234–238 гг.) примерно половина из исследованных 24 статеров еще имеют от 1 до 4% золота в своем составе, но все больше появляется монет, где золота совсем нет (только в пределах естественной примеси в составе серебра). Из статеров

Рискупорида V (242–276 гг.) только некоторые содержат золота более 1,5–2,5%, в основном статеры чеканятся теперь из серебра различной пробы.

Статеры Фарсанза (253/4–254/5 гг.) из собрания Государственного Эрмитажа по составу сплава на поверхности монет не отличаются от синхронных монет Рискупорида V, однако, как показали дальнейшие исследования, они были сделаны методом плакирования поверхности тонким слоем серебра.

Дальнейшее ухудшение состава сплава статеров относится ко времени прихода к власти Тейрана (266, 275–278 гг.). Оказалось, что именно в его правление некоторые статеры были сделаны из сплава, совершенно не содержащего ни золота, ни серебра. Эта тенденция получит полное развитие в правление следующего царя – Фофорса (285–308 гг.). Теперь статеры чеканятся из бронзы с довольно значительным, доходящим до 40%, содержанием свинца, другими словами – из очень низкокачественного и дешевого сплава. Несколько возрастает содержание цинка, которое, впрочем, остается на уровне до 1–1,5%. Статеры Радамсада (309–322 гг.) несколько обеднены примесями, часто встречаются монеты, чеканенные из «чистой» меди.

И, наконец, статеры последнего боспорского правителя Рискупорида VI (314–341/342 гг.), имя которого появляется на монетах, изготовлены из сплава, не содержащего даже следов драгоценных металлов, и без соблюдения определенной рецептуры. Очевидно, что в дело шел любой медный сплав, подходивший для чеканки монет. Большинство статеров чеканено из оловянно-свинцовой бронзы с небольшим количеством олова и свинца.

Состав сплава статеров Ининфимея и Рискупорида V

На фоне выявленной нами общей картины ступенчатых изменений в составе сплавов статеров, выделяются периоды не только количественных, но и качественных перемен в монетном деле Боспора. Середина III в. н. э. явилась переломным моментом в истории Боспорского царства, что нашло яркое отражение в его монетной чеканке. Изучение состава сплава монет из двух керченских кладов 1988 и 1964 гг. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, основу которых составляют статеры Рискупорида V 242–253 гг. и Фарсанза 253 и 254 (?) гг., дает новые данные для решения важных вопросов политической истории Боспора. Значение изучения монет Фарсанза заключается в том, что они являются единственным историческим источником, сообщающим имя этого правителя. Кем он являлся – узурпатором власти или соправителем Рискупорида V? Для прояснения этой проблемы, дающей ключ к реконструкции конкретных событий самого начала второй половины III в., необходимо всестороннее и полное изучение особенностей монетного дела Боспора этой эпохи.

Исследование состава сплава и технологии изготовления монет из двух кладов, время сокрытия которых (253–254? гг.) приходится именно на интересующий период, наряду с традиционными нумизматическими методами, помогает в определении сходства и различий в чеканке обоих правителей. Сравнительный анализ динамики изменений металлической ценности монет и объемов чеканки по годам проясняет

вопросы о римских субсидиях и масштабах военных расходов, а затухание или прекращение чеканки свидетельствуют о потере власти правителей над Боспором.

Первый клад был обнаружен в 1988 г. на территории предприятия Сад-база в Керчи, в 1 км к северо-востоку от городища Мирмекий. Имеются сведения, что клад состоял из большого количества монет (2000–3500 экз.), содержащихся в кувшине, из которых только 521 статер попал в музей, остальные, к сожалению, разошлись по рукам и осели в частных коллекциях [10, с. 220–222]. В составе клада монеты распределены следующим образом: статеры Инифимея 234, 237 и 238 гг. (5 экз.), Рискупорида V 242–253 гг. (508 экз.) и Фарсанза 253 и 254 (?) гг. (8 экз.).

На территории, где был найден керченский клад 1988 г., не зафиксировано следов ни позднеантичного поселения, ни некрополя. Поэтому вопрос о том, кем был спрятан клад, неясен. Возможно, им был богатый житель Мирмекия, который в момент опасности пытался выехать из города в северо-западном направлении, взяв с собой накопленные сокровища, но по пути вынужден был спрятать их в силу каких-то обстоятельств. Но этому предположению противоречит тот факт, что наиболее поздними найденными монетами в Мирмекии были денарии Рискупорида III (210–226 гг.) [8, с. 6, прим. 22]. Это наблюдение и другие археологические данные свидетельствуют о том, что сам Мирмекий к середине III в. был, вероятно, оставлен жителями, но спустя некоторое время, в конце III или в начале IV века жизнь на месте разрушенных домов возрождается [Гайдукевич В.Ф. Отчет о работе Боспорской экспедиции в 1959 г. Архив ИИМК. Ф. Р. I. Д. 9196]. Поблизости от Мирмекия в середине III в., возможно, еще существовали сельскохозяйственные усадьбы [9, с. 255–259], в которых и мог проживать хозяин клада, попытавшийся спастись в момент набега врагов. География кладов 254 г. (Керченские клады 1988 г. и 1964 г., Илуратский клад 1976 г.) говорит о том, что опасность в этот год коснулась именно восточной части европейского Боспора.

Второй клад был найден в 1964 г. в приморской части Пантикапейского городища [5; 12, с. 347–349]. Примечателен археологический контекст находки этого клада. Он был обнаружен в ходе раскопок какого-то вспомогательного помещения при громадной производственной печи, которая осталась не полностью раскрытой. В один комплекс с печью входили две ямы, обложенные камнем, которые автор раскопок Т. И. Макарова называет колодцами [12, с. 347]. В развале печи было найдено большое количество монет; всего их было обнаружено 78, из которых 48 были определены К. В. Голенко. В печи также было найдено большое количество фрагментированных предметов из меди и бронзы, имеющих как вид сырья или заготовок, так и вполне определенных предметов (ключ с петлей, часть замкового механизма, колокольчик и т.п.) [12, с. 349, рис. 4,17-19,23]. Обилие этих предметов без сомнения указывает на назначение печи: она использовалась для плавки металлов и литья различных предметов домашнего обихода; с этой печью исследователи связывают и находку литейной формы для отливки зеркал, вырезанной из белого мрамора [12, с. 348]. Рядом с печью в заполнении помещения были найдены также монеты; сама

печь, как и помещение, где она находилась, погибли в пожаре в результате первого готского похода 256 г. н.э. [5, с. 88; 12, с. 350].

Найденные монеты составляли единый археологический комплекс с помещением, погибшим в пожаре. Исследователи предполагают, что монеты могли быть, так же как и другие находки, изготовлены в этом помещении, и связывают его с частью монетного двора Фарсанза [12, с. 350]. Клад включал один денарий римского императора Александра Севера 232 г. и 77 боспорских статеров. Последние представлены чеканкой двух боспорских царей: Рискупорида V 252 г. (3 экз.) и Фарсанза 253 и 254 (?) гг. (44 экз.) [5]. Остальные монеты клада неопределимы в силу очень плохой сохранности.

Оба клада роднит очень близкая дата сокрытия – начало или середина 254 г., что позволяет предположить, что они связаны с одними и теми же неожиданными и трагическими для Боспора событиями.

Метод исследования

Все монеты были исследованы с помощью неразрушающего метода безэталонного РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker). Измерения проводились в музейных условиях; время съемки составляло 30 с на одну точку взятия пробы. На каждую монету бралось от 1 до 3 точек на аверсе и на реверсе. Основной целью исследования является набор статистических данных, позволяющих далее получать средние значения по содержанию основных легирующих компонентов сплава. Это является важным методическим приемом, позволяющим минимизировать различие в содержании основных легирующих компонентов на поверхности изучаемых предметов в зависимости от участка исследования.

Для изучения нами были выбраны следующие химические элементы, входящие в состав монетного сплава: медь (Cu), цинк (Zn), свинец (Pb), олово (Sn), железо (Fe), серебро (Ag), мышьяк (As), золото (Au), марганец (Mn), сурьма (Sb). Олово и свинец являются основными рецептурными добавками в бронзу; цинк содержится в ранних латунях в количестве от нескольких до 28 процентов [16, с. 143]. Остальные элементы представляют собой естественные примеси, встречающиеся в месторождениях полиметаллических руд.

Состав сплава статеров Рискупорида V

По результатам исследования монет из Керченского клада из Сад-базы 1988 г. многочисленные (5 экз.) статеры Инифимея (234, 237, 238 гг.) (рис. 2) еще содержат несколько процентов золота в своем составе (от 1,2 до 6,4%), но в своей основе сплав состоит из почти равных пропорций меди (в среднем 47,1%) и серебра (в среднем 48,8%).

В статерах Рискупорида V только выпуски до 248 г. (рис. 3,а) содержат едва заметное количество золота от 1 до 6%, в среднем 1,5%. Следы этого драгоценного металла, вероятно, связаны с переплавкой монет предыдущих правителей, сделанных из трехкомпонентного сплава (золото–серебро–медь). Необходимо отметить очень большой разброс по содержанию серебра в статерах Рискупорида V с 242 по 248 гг. (от 20 до 90%) (рис. 4). Тем не менее, судя по осредненным показателям,

несколько более высокое количество золота в сплаве статеров неразрывно связано с повышенным содержанием серебра. Но, начиная с 248 г., сплав статеров меняется как в количественном, так и в качественном отношении.

Прежде всего заметно неуклонное понижение содержания серебра, хотя в 248–250 гг. его содержание в монетах удерживается у среднего значения 30% и только начиная с 251 по 253 гг. довольно резко падает до 16%. Содержание золота с 249 г. уменьшается до уровня естественных примесей (менее 1%). Одновременно в сплаве статеров наблюдаются изменения в составе микропримесей: некоторое повышение содержания свинца и падение содержания примеси олова. Скорее всего, в этот период на монетные дворы поступало т.н. «чистое» серебро, «загрязненное» рядом сопутствующих ему микропримесей, а не переплавленный золотосеребряный сплав (?), если судить по результатам исследований. Наблюдаемое явление в общем укладывается в короткий промежуток времени между правлениями императоров Гордиана III и Валериана, когда в римскую монетную чеканку поступало восточное серебро. Выпуски 247 г. крайне малочисленны – в кладе присутствует только одна монета этого года.

В 248/249–251/252 гг. (рис. 3,б) отмечается резкое увеличение эмиссий, при этом можно отметить не понижение, а стабильное сохранение среднего содержания серебра в металле монет (рис. 4). Возможно, это можно связать с приходом к власти нового императора и получением от него Рискупоридом V субсидий для сдерживания варваров на границе Боспора. Вероятно, Рискупорид V получает денежную помощь от римского императора в виде серебряных монет, которые пошли в переплавку для чеканки статеров, что позволило ему проводить полноценные денежные эмиссии без т.н. «порчи» монет.

Особенности чеканки статеров Фарсанза

Научная ценность клада 1964 г. из Керчи определяется тем, что в нем наиболее полно представлены статеры боспорского царя Фарсанза (44 экз.), имя которого известно только из легенд на стateraх. К. В. Голенко, исходя из немногочисленности эмиссий 254 г. Рискупорида V и, наоборот, относительно большого количества известных монет этого года с именем Фарсанза, а также рассматривая количество штемпелей, стилистические особенности и дифференцы монет того и другого правителя, пришел к выводу, что монеты обоих правителей чеканились на одном монетном дворе, одними мастерами и практически без перерыва. Однако одновременного чекана Рискупорида и Фарсанза не было. Фарсанз был единоличным правителем Боспора в течение периода менее года [5, с. 93]. Проведенные исследования химического состава металла монет из состава клада и изучение особенностей техники изготовления монет Фарсанза из клада 1964 г. позволили получить новые данные для характеристики как монетного дела Боспора в позднеримский период, так и периода правления этого царя.

Неожиданной удачей для исследования химического состава металла монет методом РФА оказались плохая сохранность монет и расслоение металла в результате коррозионных процессов: это позволило исследовать как поверхность, так и

сердцевину монеты. Особенно показательными в этом отношении являются монеты КН-2768, 2791, 2762 (рис. 5). На этих экземплярах особенно хорошо виден поверхностный слой, представляющий собой тонкую фольгу из сплава с более высоким содержанием серебра.

На срезе ранее распиленного экземпляра (КН-2766) удалось детально исследовать распределение различных металлов в сплаве от сердцевины к поверхности монет. Сердцевина монеты неизменно состояла из низкопробного сплава, в котором стабильно присутствует 7–16% серебра, остальное – медь (рис. 6). Плакированный слой, который фрагментарно сохранился на некоторых монетах, сделан из достаточно высокопробного серебра, в котором в среднем присутствует около 60% этого драгоценного металла.

О том, что статеры Фарсанза были изготовлены именно с помощью плакировки – термомеханическим покрытием одного сплава другим сплавом (в виде листа), говорит, прежде всего, внешний вид монет: характерное отслаивание верхнего слоя (плакировки) от тела монеты. Это позволило исследователям, ранее изучавшим этот клад, уверенно говорить о применении этой техники [5, с. 88, табл. 11; 12, с. 350]. Проведенный анализ химического сплава сердцевины монет и их верхнего слоя показал, что низкопробная (медно-серебряная) заготовка монеты покрывалась фольгой из более высокопробного серебряного сплава. Заготовки для монет отлиты из сплава, содержащего в среднем 10–15% серебра (остальное – медь), в то время как на поверхности монет содержание серебра достигает 80%. Проведенные в свое время эксперименты по плакированию монет серебряной фольгой показали, что наилучший результат достигается в случае, если используется метод горячей плакировки с нагревом на очень короткое время в промежутке от 800 до 950° С. В этом случае обеспечивается лучшее сцепление двух металлов за счет жидкой фазы как в медном сплаве, так и в поверхностном серебряном слое [24, р. 229; 22, р. 87–90; 20, р. 476–479; и др.]. Нагрев, как правило, производится в печи; соответственно, найденные в ходе раскопок 1964 г. статеры, наиболее вероятно, являются продуктом работы мастерской по плакировке монет серебряной фольгой. Хотя в настоящий момент установить это довольно трудно, но документальные свидетельства по внешнему облику монет [5, с. 88, табл. 11, г-д] косвенно свидетельствуют в пользу того, что некоторые монеты из состава клада являются недоработанными до конца заготовками (т.е. процесс плакировки до конца завершен не был). Возможно, что интерпретация исследователей помещения с печью у церкви Иоанна Предтечи как одного из монетных дворов (?) является верной.

Техника серебряной плакировки монет в римском монетном деле активно использовалась и до III в. н.э., но для Боспора до правления Фарсанза она не известна; исследованный клад является, по сути, первым явным свидетельством использования метода серебряной плакировки в боспорском монетном деле. Вновь эта техника встречается через два десятилетия в статерах Савромата IV и Тейрана, ставших соправителями Рискупорида V в 275/276 г. [2]. Таким образом, в период правления

Фарсанза с помощью использования этого метода (плакировки поверхности высокопробным серебром) была осуществлена попытка обеспечить боспорскому статеру более высокий, чем в предыдущее время, номинал. Исследователи отмечают, что подобным образом поступали и другие правители римских провинций, захватывавшие в них власть [19, р. 518–519].

Заключение

Анализ химического состава металла монет Рискупорида V из состава Фанагорийского клада 2011 г. и Керченского клада из Сад-базы 1988 г. по методу безэталонного РФА-анализа демонстрирует содержание серебра на уровне 10–30%, с повышенной концентрацией его в верхнем слое монет. Металлографическое исследование показало, что происхождение серебра в верхнем слое связано с процессом обратной ликвации, а также кристаллизацией сплавов в окислительной атмосфере. Монеты Рискупорида V изготавливались без использования специальных методов серебрения поверхности, а повышенное содержание драгоценного металла на поверхности монет достигалось в процессе литья и последующего охлаждения литой заготовки, ее рафинирования путем выдерживания в уксусной или лимонной кислоте и упрочения поверхности проковкой [14, с. 490].

Принципиально иной является, судя по результатам исследования, техника серебрения поверхности для монет периода правления Фарсанза – в этот период медные монеты, металл которых содержал уже крайне низкую концентрацию серебра, покрывали высокопробной серебряной фольгой (метод горячей плакировки). По своему химическому составу основа монет Фарсанза практически не отличалась от монет Рискупорида V; однако проблема поддержания номинала статера была решена по-другому. Это позволило, по-видимому, решить важную политическую проблему легитимизации власти за счет высокого номинала денег, чеканенных Фарсанзом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что статеры Рискупорида V и Фарсанза, хотя и были отчеканены на одном монетном дворе, но не одновременно и по существенно различным технологиям. Этот вывод дает новые данные для предположения о том, что Рискупорид V и Фарсанз вместе не правили, а последний, скорее всего, на непродолжительный срок (менее года) узурпировал власть на Боспоре.

Наступление резкого перелома в истории Боспорского царства многие исследователи связывают с вторжением в Северное Причерноморье племен германцев (готов, герулов, боранов) [11, с. 10; 18, с. 85–86; 17, Ч. 2, с. 54–55; 3, с. 22–25], губительно отразившимся на благополучии Боспора, которое основывалось, по мнению раннесредневекового историка Зосима, на хорошо налаженной торговле, устойчивом положении царской власти и денежных субсидиях Рима [4, с. 450]. Однако археологический материал подтверждает, что появление остроготов и других племен в области Меотиды не сопровождалось разрушением городов и поселений [3, с. 24]. И. Т. Кругликова объясняет это тем, что варвары вошли в соглашение с Фарсанзом, который появляется на боспорском престоле в 253–254 гг. [8, с. 8].

Выявленные особенности статеров Фарсанза и их технологические отличия от чеканки Рискупорида V, а также непродолжительность предполагаемого единоличного правления Фарсанза заставляют нас еще раз вспомнить известный пассаж Зосима, в котором он обвинил в пиратских набегах варваров с боспорской территории «ничтожных и недостойных правителей», пришедших к власти после прекращения старого царского рода [Zosim, I, 31 (3)]. Т. Моммзен первым предположил, что, видимо, Зосим имел в виду Фарсанза [13, с. 217, прим. 1]. И. Т. Кругликова считала, что Фарсанз захватил власть в результате переворота в 253 г. [7, с. 69]. После 255 г. все следы Фарсанза теряются, что, вероятно, связано с его гибелью. Нумизматический материал свидетельствует о том, что правление Рискупорида V, возможно, прерванное в 253–254 гг. на период менее года, продолжилось до 276 г. [17, Ч. 2, с. 30–66].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М., 2017. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5).
2. Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. Содержание серебра в статерах Савромата IV // ПИФК. 2018. № 1. С. 107–124.
3. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1996.
4. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
5. Голенко К.В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. С. 87–99.
6. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1951. № 16.
7. Кругликова И.Т. Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновка // СА. 1958. № 3. С. 134–143.
8. Кругликова И.Т. Боспор III–IV вв. н.э. в свете новых исследований // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 2–10.
9. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
10. Куликов А.В., Чевелев О.Д., Иванина О.А., Куликова Е.В. Клад боспорских серебряных монет III в. н.э. из района Мирмекия (Сад-база 1988) // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 220–222.
11. Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909.
12. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 344–392.
13. Моммзен Т. История Рима. Т. V. СПб.: Наука, 1995.
14. Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., Гунчина О.Л., Равич И.Г., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К.М. Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статеров из Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М., 2017. С. 484–493. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5).
15. Смекалова Т.Н. Еще раз к вопросу о составе сплава боспорских монет первых веков новой эры // ПИФК. 2001. № 11. С. 17–53.
16. Смекалова Т.Н. Изобретение чеканки монет разных номиналов из разных сплавов на медной основе // Stratum Plus. 2017. № 6. С. 139–148.
17. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины I в. до н. э. – середины IV в. н.э. Ч. 1–2. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
18. Хайрединова Э.А. О влиянии морских варварских походов на историю Крымского полуострова // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века.

Тезисы докладов VII международной научной конференции, 17–24 мая 1994 г. Ростов-на-Дону, 1994. С. 85–86.

19. Bland R. From Gordian III to the Gallic Empire (AD 238–274) // *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage* / Ed. W.E. Metcalf. New York: Oxford University Press, 2012. P. 514–537.
20. Deraisme A., Beck L., Pilon F., Barrandon J.-N. A Study of the Silvering Process of the Gallo-Roman Coins Forged during the Third Century A.D. // *Archaeometry*. 2006. No. 48(3). P. 464–480.
21. Frolova N.A. The Coinage of the kingdom of Bosphorus A.D. 69–238. Oxford, 1979. 382 p. (BAR. International Series. 56).
22. Kraft G., Flege S., Reiff F., Ortner H.M., Ensinger W. EPMA Investigation of Roman Coin Silvering Techniques // *Microchim Acta*. 2006. No. 155. P. 179–182.
23. Treister M.Ju. Spectroanalytical study of the kingdom of Bosphorus bronze coins // *Bulletin of the Metals Museum*. 1988. No. 13. P. 3–21.
24. Zwicker U., Oddy A., La Niece S. Roman technique of manufacturing silver-plated coins // *Metal Plating and Patination. Cultural, Technical and Historical Developments* / Eds. S. La Niece, P. Craddock. Oxford, 1993. P. 223–246.

REFERENCES

1. Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. *Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii*. M., 2017. (Fanagoriya. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy. T. 5).
2. Abramzon M.G., Saprykina I.A., Smekalova T.N. Soderzhanie srebra v staterakh Savromata IV. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2018, No. 1, pp. 107–124.
3. Bolgov N.N. *Zakat antichnogo Bospora*. Belgorod, Belgorodskiy Universitet Publ., 1996.
4. Gaydukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow, Leningrad, Akadimiya Nauk SSSR Publ., 1949.
5. Golenko K.V. Monety, naydennye pri raskopkakh v Kerchi v 1964 g. *Vestnik drevney istorii*, 1970, No. 2, pp. 87–99.
6. Zograf A.N. Antichnye monety. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, Moscow, 1951, No. 16.
7. Kruglikova I.T. Klad bosporskikh staterov III v. iz der. Semenovka. *Sovetskaya arheologiya*, 1958, No. 3, pp. 134–143.
8. Kruglikova I.T. Bospor III-IV vv. n.e. v svete novykh issledovaniy. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR*, 1965, Vol. 103, pp. 2–10.
9. Kruglikova I.T. *Sel'skoe khozyaystvo Bospora*. Moscow, Nauka Publ., 1975.
10. Kulikov A.V., Chevelev O.D., Ivanina O.A., Kulikova E.V. Klad bosporskikh serebryanykh monet III v. n.e. iz rayona Mirmekiya (Sad-baza 1988). *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "V Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy"*, Kerch, 2004, pp. 220–222.
11. Latyshev V.V. *PONTIKA*. St-Petersburg, 1909.
12. Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1997, Vol. VI, pp. 344–392.
13. Mommzen T. *Istoriya Rima*. Tom V. St-Petersburg, Nauka Publ., 1995.
14. Saprykina I.A., Pel'gunova L.A., Gunchina O.L., Ravich I.G., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Nazarov K.M. Nekotorye zamechaniya o tekhnike izgotovleniya bosporskikh staterov iz Fanagoriyskogo klada 2011 g. *Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii*. Moscow, 2017, pp. 484–493. (Fanagoriya. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy. T. 5).
15. Smekalova T.N. Eshche raz k voprosu o sostave splava bosporskikh monet pervykh vekov novoy ery. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2001, No. 11, pp. 17–53.
16. Smekalova T.N. Izobreteniye chekanki monet raznykh nominalov iz raznykh splavov na mednoy osnove. *Stratum Plus*, 2017, No. 6, pp. 139–148.

17. Frolova N.A. *Monetnoe delo Bospora serediny I v. do n. e. – serediny IV v. n.e.* Part 1–2. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997.
18. Khayredinova E.A. O vliyaniy morskikh varvarkikh pokhodov na istoriyu Krymskogo poluostrova. *Tezisy dokladov VII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i v srednie veka”*, Rostov-na-Donu, 1994, pp. 85–86.
19. Bland R. From Gordian III to the Gallic Empire (AD 238–274). Metcalf W.E. (Ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*, New York, Oxford University Press, 2012, pp. 514–537.
20. Deraisme A., Beck L., Pilon F., Barrandon J.-N. A Study of the Silvering Process of the Gallo-Roman Coins Forged during the Third Century A.D. *Archaeometry*, 2006, No. 48(3), pp. 464–480.
21. Frolova N.A. *The Coinage of the kingdom of Bosporus A.D. 69–238*. Oxford, 1979, 382 p. (BAR. International Series. 56).
22. Kraft G., Flege S., Reiff F., Ortner H.M., Ensinger W. EPMA Investigation of Roman Coin Silvering Techniques. *Microchim Acta*, 2006, No. 155, pp. 179–182.
23. Treister M.Ju. Spectroanalytical study of the kingdom of Bosporus bronze coins. *Bulletin of the Metals Museum*, 1988, No. 13, pp. 3–21.
24. Zwicker U., Oddy A., La Niece S. Roman technique of manufacturing silver-plated coins. La Niece S., Craddock P. (Eds.), *Metal Plating and Patination. Cultural, Technical and Historical Developments*, Oxford, 1993, pp. 223–246.

T. N. SMEKALOVA^{a, b)}, M. G. ABRAMZON^{c, d)}, I. A. SAPRYKINA^{d)}, A. V. ANTIPENKO^{a)}, A. Yu. LOBODA^{b)}, N. V. BYKOVSKAIA^{e)}, O. V. GUNCHINA^{e)}

a) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

b) National Research Centre “Kurchatov Institute” (Moscow, Russia)

c) Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

d) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

e) Eastern Crimea Historical and Cultural Museum-Preserve (Kerch, Russia)

NEW DATA ON THE COINAGES OF RHESKOUPORIS V AND PHARSANZES ACCORDING TO THE ALLOY COMPOSITION ANALYSIS OF THE COINS FROM 1964 AND 1988 KERCH HOARDS

Abstract: The middle of the third century AD was a turning point in the history of the Bosporan kingdom, strikingly reflected in its coinage. The research of the alloy composition of the coins from two Kerch hoards discovered in 1988 and 1964 now residing in the Eastern Crimea Historical and Cultural Museum-Preserve, which core comprises staters minted by Rheskouporis V (242–253) and Pharsanzes (253 and 254?), provides new data to determine the features of the mintage in Bosporos. According to the present research, we have drawn the conclusion that the staters of Rheskouporis V and Pharsanzes were produced in the same mint but not simultaneously, and using significantly different technologies. This conclusion supplies new arguments for the assumption that Rheskouporis V and Pharsanzes were never co-rulers, and the latter, perhaps for a short period (less than a year), usurped the power over Bosporos.

Key words: Bosporos, third-century AD coinage, Rheskouporis V, Pharsanzes, composition of coin alloys, X-ray fluorescence analysis.

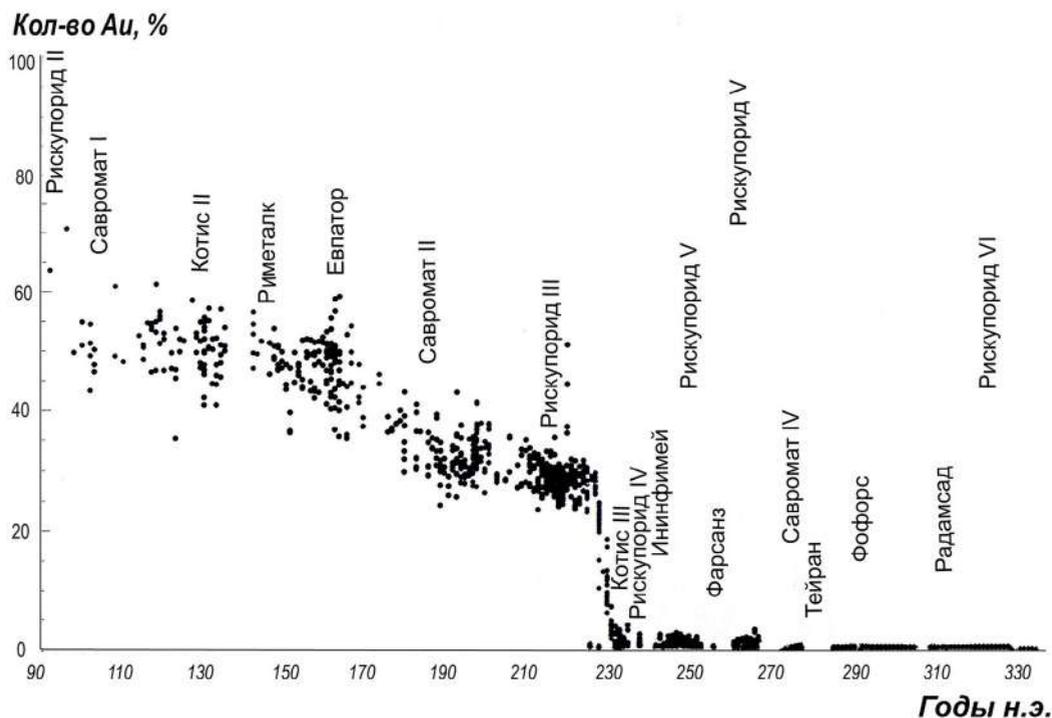

Рис. 1. Зависимость содержания золота (кружки) в боспорских статерах 90–342 гг. н.э. и их количества (ромбики) от года выпуска

Рис. 2. Статеры Иннифимея: а – 234 г. н.э. (инвентарный номер монеты в Керченском музее: КН-3978); б – 238 г. н.э. (КН-3982)

Рис. 3. Статеры Рискупорида V: а – 234 г. н.э. (КН-3978); б – 250 г. н.э. (КН-3978)

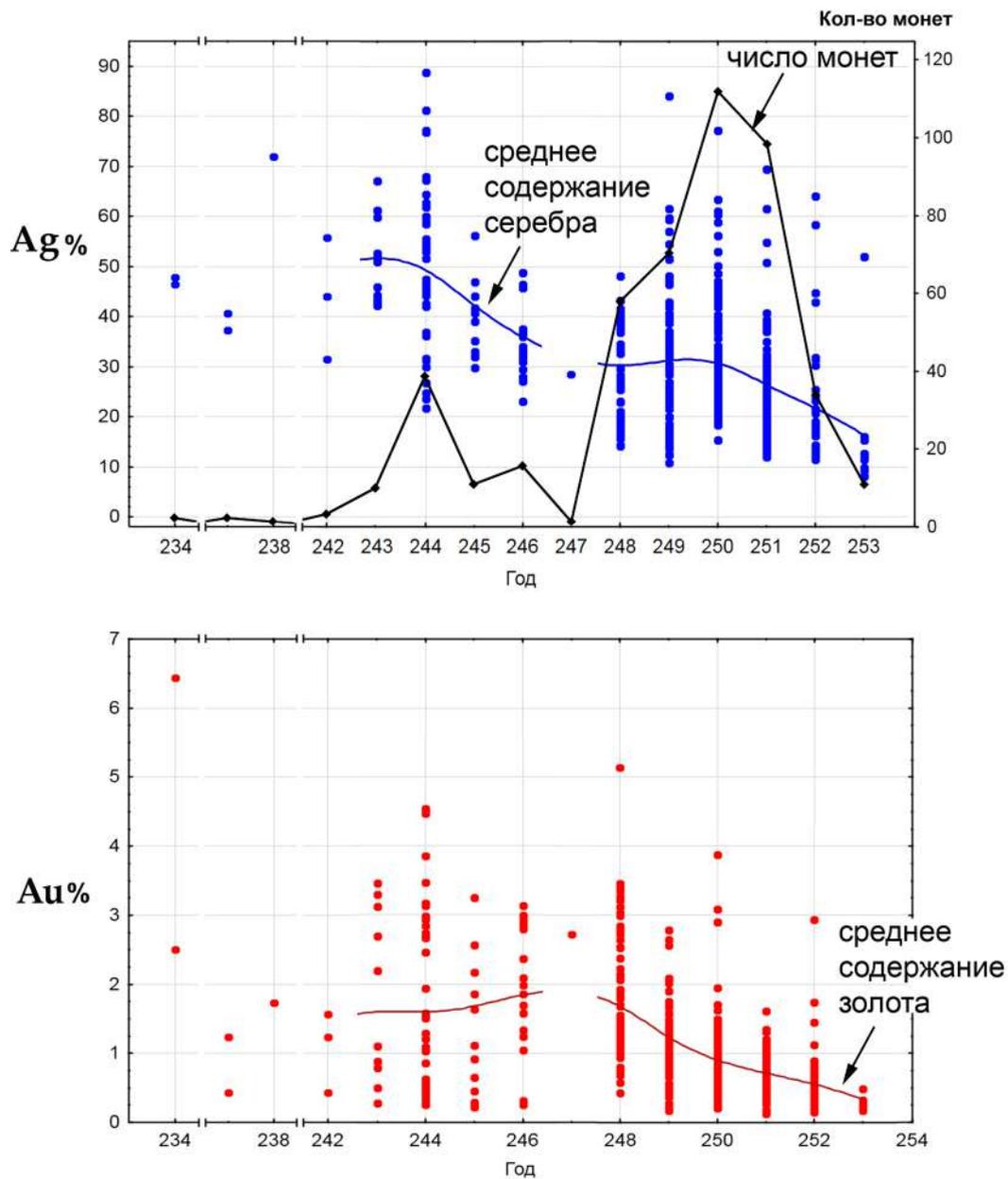

Рис. 4. Графики изменения содержания серебра (а) и золота (б) в составе сплава и количества статеров Рискупорида V (по материалам клада 1988 г.)

Рис. 5. Статеры Фарсанза 253 г. н.э. из Керченского клада 1964 г.: а – КН-2768, б – КН-2791, в – КН-2762

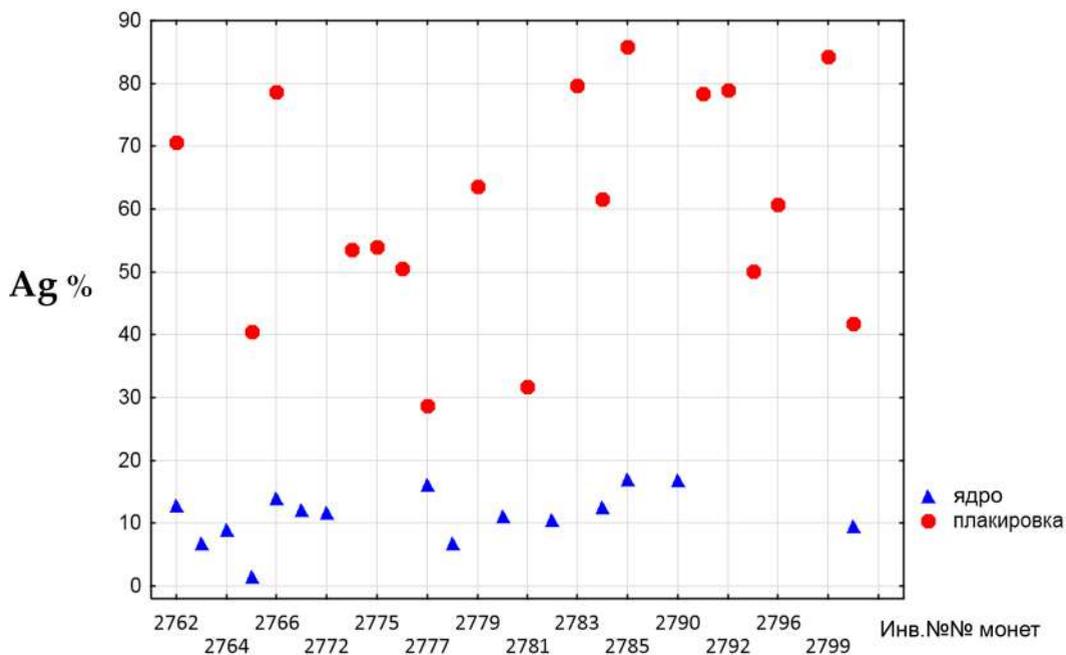

Рис. 6. Содержание серебра в плакированном слое (верхняя часть графика) и в сердцевине (ядре) монет (нижняя часть графика) Фарсанза из Керченского клада 1964 г. На нижней оси приведены номера монет

М. Г. АБРАМЗОН^{а,б)}, В. Д. КУЗНЕЦОВ^{а)}, С. Н. ОСТАПЕНКО^{а)}

а) Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

*б) Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(Магнитогорск, Россия)*

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ РИМСКИМ ДЕНАРИЯМ ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ 2010–2018 ГГ.

Аннотация: В статье публикуются новые находки северокавказских подражаний римским денариям с типом идущего Марса из раскопок Фанагории 2010–2018 гг. Среди них два экземпляра билонные, остальные – медные. Монеты датируются серединой III – началом IV в. н.э. Количество найденных подражаний римским денариям в Фанагории дает основание утверждать, что те обращались на денежном рынке города вместе с синхронными боспорскими статерами. На Тамань данные подражания поступали с юго-восточной периферии Боспора, где они чеканились сармато-аланами.

Ключевые слова: Фанагория, Северный Кавказ, чеканка, варварские подражания римским денариям, денежное обращение.

Северокавказские подражания римским денариям с типом идущего Марса [8, с. 128–136] составляют заметную группу в монетном комплексе Фанагории. На данный момент зарегистрировано уже более 30 таких монет, найденных на городище, в основном медных, реже билонных [1, с. 103–104, № 160–185]. Напомним, что еще Л. П. Харко в 1920-е гг. приобрел у жителей ст. Сенной несколько подражаний, собранных на городище [8, с. 136, № 8; 10, с. 257]. В 1936 г. на городище была найдена монета из биллона [7, с. 76–77, № 169]; в 1939 г. на раскопе «Береговой» – медное подражание [8, с. 136, № 10]. В 1955 г. два медных экземпляра зарегистрированы: на раскопе «Северный город» и как случайная находка [14, с. 114, № 1018; 119, № 1132]; при раскопках 1959 г. найдено 12 медных монет [8, с. 136, № 12]. Раскоп «Центральный» дал еще 8 медных подражаний, найденных в 1960–1970-х гг. [14, с. 103, № 156–161, 350, 437]. Все они по классификации Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткина, уточненной Д. Б. Шеловым [16, с. 190–193], относятся к третьей группе и датируются концом III – началом IV в. н.э. Раскопки 2010–2018 гг. добавили еще пять экземпляров.

Находки северокавказских подражаний зарегистрированы и в соседних Кепях [13, с. 199–201], а также на других памятниках Таманского полуострова.

Растущее количество находок подражаний римским денариям в Фанагории дает основание утверждать, что они обращались на денежном рынке города вместе с синхронными боспорскими статерами – царей Рискупорида V, Фофорса, Радамсада, Рискупорида VI. Вместе с тем они не играли существенной роли в денежном обращении Боспора.

Подражания римским денариям из раскопок Фанагории 1927–1939, 1950–1970 гг.:

1.¹ Городище, 1927–1938 гг. Металл не известен [10, с. 257; 8, с. 136, № 8];

2. Городище, 1936 г. Биллон [7, с. 76–77, № 169; 8, с. 136, № 9].

3. Раскоп «Береговой», 1939 г. Медь [9, с. 39, № 18];

4. Раскоп «Северный», 1955 г. Медь [9, с. 40, № 20; 15, с. 114, № 1018];

5. Городище, 1955 г. Случ. нах. Медь [15, с. 119, № 1132];

6–17. Городище, 1959 г. [9, с. 40, № 22];

18–23. Раскоп «Центральный», 1968 г. Медь [14, с. 106, № 156–161];

24. Раскоп «Центральный», 1972 г. Медь [14, с. 110, № 350];

25. Раскоп «Центральный», 1972 г. Медь [14, с. 112, № 437].

Нумизматические материалы раскопок 2017–2018 гг. в Фанагории включают два билонных подражания римским денариям с типом идущего Марса, относящиеся, судя по составу металла и степени деградации стиля, ко второй группе по классификации Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткина [8, с. 131], датируемой второй половиной III в. н.э. Эта группа является самой многочисленной и распространенной серией, объединяя монеты из низкопробного серебра. На аверсе изображен узор, редко имеющий сходство с человеческой головой, иногда превращающийся в орнамент в виде розетки с отходящими от нее лучами. На обороте схематически изображен воин с копьем. На всех монетах этой группы справа и слева от фигуры воина имеются значки в виде сочетаний кружочков, дужек, крестиков и т.д., играющих роль своеобразных дифферентов, отличающих различные группы этих монет.

Летом 2017 г. в отделе реставрации ГИАМЗ «Фанагория» был проведен анализ химического состава металла подражания № Ф-17-37 по методу неразрушающего безэталонного РФА. Исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker) и выявило следующий состав сплава: Ag – 23.7%, Cu – 62.28 %, Zn – 11.18%, Sn – 1.85%, Pb – 0.26%². Другие подражания из раскопок Фанагории последних лет – медные и относятся к третьей группе (конец III – IV в. н.э.).

Концентрация находок таких монет охватывает в основном южную и юго-восточную периферию Боспора от Горгииппии до Краснодара и Бат и прилегающие западные районы Северного Кавказа. Отдельные экземпляры заносились и на Европейский Боспор: так, например, зарегистрированы находки подражаний в Пантикапее [5, с. 340, № 144, 221; 2, табл. 124, 552), Тиритаке [9, с. 63, № 566] и Китее [2, с. 114,

¹ Точное количество монет неизвестно.

² Авторы выражают искреннюю благодарность начальнику отдела реставрации ГИАМЗ «Фанагория» О. Л. Гунчиной за проведенные исследования химического состава сплава металла.

№ 553). Известны клады, целиком состоявшие из варварских подражаний [6, с. 262–268; 11, с. 22, № 1056; 8, с. 128–135] или включавшие небольшое их количество вместе с боспорскими статерами (Гай-Кадзорские клады 1972 и 1977 гг.) [12, с. 174, № 231, 232; 4, с. 421, № 235, 236; с. 431, № 111–113; 3, с. 537, № 228–229; 543, № 111–113].

Д. Б. Шелов связывал чеканку подражаний римским денариям с типом идущего Марса не с готами, а с сираками или сармато-аланскими племенами [16, с. 194]. Разгромив ряд античных поселений Боспора и восточного побережья Понта, эти племена застали здесь в обращении деградированные боспорские статеры, ходившие только на внутреннем рынке. Очевидно, в этот исторический момент на Азиатском Боспоре и в примыкающих к нему западных районах Северного Кавказа появились варварские подражания римским денариям. Отсутствие сведений о кладах, в которых такие подражания пересекаются с боспорскими статерами, привели Д. Б. Шелова к выводу о том, что это закономерно, так как и те и другие обладали своим собственным курсом и должны рассматриваться как особый вид монет, циркулируя при этом одновременно на одном рынке [16, с. 194]. Между тем, Гай-Кодзорские клады 1972 и 1977 гг. содержат северокавказские подражания римским денариям, что доказывает их обращение на боспорском рынке, также как и единичные находки подражаний в слоях боспорских городов (особенно многочисленные в Фанагории и на Тамани). Таким образом, новые находки северокавказских подражаний в позднеантичных слоях Фанагории и других боспорских городов, а также в кладах из Гай-Кодзора подтверждают датировку времени их обращения с середины III до середины IV в. н.э.

Приложение

Список северокавказских подражаний из раскопок Фанагории 2010–2018 гг.

А) Монеты из низкопробного серебра (биллона). Ок. 250–275 гг. н.э.

Л.с. Схематичное изображение головы императора вправо; вокруг черты в виде лучей, имитирующие легенду.

О.с. Схематичное изображение Марса с копьем, идущего влево; справа и слева по кружку.

1. № описи Ф-17-37; 18 мм; 1,46 г (2017 г., «Нижний город», кв. И2, шт. 18) (рис. 1,1).

2. № описи Ф-18-18; 18 мм; 2,44 г (2018 г., «Верхний город», кв. 118, шт. 10) (рис. 1,2).

Б) Медные монеты. Вторая половина III – начало IV в. н.э.

Л.с. Схематичное изображение головы императора вправо; вокруг черты в виде лучей, имитирующие легенду.

О.с. Схематичное изображение Марса с копьем, идущего влево; вокруг набор крестов, окружностей, точек и черт.

3. № описи Ф-10-119; 17 мм; 0,89 г – половинка монеты (2010 г., «Верхний город», кв. 78, шт. 8);

4. № описи Ф-13-4; 19 мм; 1,38 г (2013 г., «Верхний город», кв. 75, шт. 9) (рис. 1,3);

5. № описи Ф-13-11; 18 мм; 2,08 г; отверстие (2013 г., Подводный раскоп) (рис. 1,4).

Рис. 1. Северокавказские подражания римским денариям из Фанагории

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. I. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2013. С. 61–107.
2. Абрамзон М.Г., Иванина О.А. Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво, 2010. 320 с. (Нумизматическая коллекция. Т. II).
3. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005 гг.). Симферополь, Керчь, 2007–2008. 872 с. (Боспорские исследования. Suppl. 2).
4. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на Юге России (по материалам Краснодарского края). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 592 с.
5. Анисимов А.И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 329–353.
6. Захаров Н.А. Вопрос о монетах «неизвестного» народа // ВДИ. 1937. № 1. С. 262–268.
7. Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л., 1945. Т. I. С. 29–85.
8. Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. 1961. № 1. С. 128–136.
9. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. М.: Наука, 1961. 120 с. (САИ. Вып. Г4–4).
10. Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. 1951. Т. XV. С. 256–272.
11. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IV. Баку, 1949. 116 с.
12. Салов А.М. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 4. С. 172–186.
13. Усачева О.Н. Новая находка подражания римским денариям из Кеп // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 199–201.
14. Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1981. № 1. С. 100–135.
15. Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. 1962. Т. III. С. 56–129.
16. Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 190–193.

REFERENCES

1. Abramzon M.G. Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii. Kuznetsov V.D. (Ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanij. T. I. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vol. I*, Moscow, IA RAS Publ., 2013, pp. 61–107.
2. Abramzon M.G., Ivanina O.A. *Antichnye monety. Iz kolleksii Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika*, Kiev, Mistetstvo Publ., 2010, 320 p.
3. Abramzon M.G., Frolova N.A. *Korpus bosporskih kladov antichnyh monet. Vol. I. (1834–2005 gg.)*, Simferopol, Kerch, 2007–2008, 872 p.
4. Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. *Klady antichnyh monet na Yuge Rossii (po materialam Krasnodarskogo kraya)*, Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 592 p.
5. Anisimov A.I. Monety iz raskopok Pantikapeya 1977–1986 gg. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo museya izyashchnykh iskusstv im. A.S. Pushkina*, 1992, Vol. 10, pp. 329–353.
6. Zakharov N.A. Vopros o monetakh «neizvestnogo» naroda. *Vestnik drevnej istorii*, 1937, No. 1, pp. 262–268.
7. Zograf A.N. Rasprostranenie nakhodok antichnykh monet na Kavkaze. *Trudy Otdela numizmatiki Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, 1945, Vol. I, pp. 29–85.
8. Kazamanova L.N., Kropotkin V.V. «Varvaskie» podrazhaniya rimskim denariyam s tipom idushchego Marsa. *Vestnik drevnej istorii*, 1961, No. 1, pp. 128–136.
9. Kropotkin V.V. Klady rimskih monet na territorii SSSR. Moscow, Nauka Publ., 1961, 120 p.
10. Krushkol Yu.S. Monety Fanagoriyskogo gorodishcha raskopok 1937 i 1939 gg. Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. *Sovetskaya arkheologiya*, 1951, Vol. XV, pp. 256–272.
11. Pakhomov E.A. Monetnye klady Azerbajdzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza. Baku, 1949, Vol. IV, 116 p.
12. Salov A.M. Klad III–IV vv. s Shum-rechki (Anapskij r-n). *Sovetskaya arkheologiya*, 1975, No. 4, pp. 172–186.
13. Usacheva O.N. Novaya nakhodka podrazhaniya rimskim denariyam iz Kep. *Problemy antichnoj kul'tury*, Moscow, 1986, pp. 199–201.
14. Frolova N.A. Monety iz raskopok Fanagorii s 1962 po 1975 gg. *Vestnik drevnej istorii*, 1981, No. 1, pp. 100–135.
15. Shelov D.B. Nakhodki monet v Fanagorii v 1947–1957 gg. Numizmatika i epigrafika, 1962, Vol. III, pp. 56–129.
16. Shelov D.B. O datirovke severokavkazskikh podrazhaniy rimskim denariyam. Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti, Moscow, 1973, pp. 190–193.

M. G. ABRAMZON^{a, b)}, V. D. KUZNETSOV^{a)}, S. N. OSTAPENKO^{a)}

a) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

b) Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

THE NORTH CAUCASIAN IMITATIONS OF ROMAN DENARII FROM 2010–2018 EXCAVATIONS AT PHANAGOREIA

Abstract: The paper publishes the North Caucasian imitations of Roman denarii depicting Mars walking, excavated in 2010–2018 at Phanagoreia. Two pieces are made of billon, and the others of copper. These coins date from the mid-third to the early fourth century AD. From the big number of imitations of Roman denarii in Phanagoreia, there are reasons to suggest that they circulated in the local money market along with simultaneous Bosporean stater. These imitations arrived to the Taman peninsula from the south-eastern periphery of the Bosporean kingdom, where they were minted by the Sarmato-Alans.

Key words: Phanagoreia, North Caucasus, coinage, barbarian imitations of Roman denarii, coin circulation.

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ВИЗАНТИИ В XII В.: ИМПЕРИЯ «ПОЧТЕННЫХ» НОБИЛЕЙ ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

Аннотация: Византийские моливдовулы XII столетия показывают, что система государственного управления империи претерпевает серьезную реформу. Причем это коснулось не только администраций провинций, но и органов центральной власти. В провинциях в основном сохраняются представители первой категории рангов – дуки, которых позже меняют преторы. Чиновники второй категории рангов в имперской практике становятся достаточно большой редкостью. В это время практически исчезают печати представителей ведомств главного логотета или ἐπί τῶν οἰκειακῶν, равно как и многих других имперских служб. Сохраняются лишь некоторые отдельные посты (анаграфевсы, редко – судьи). В то же время печати рассматриваемого периода представляют многочисленную группу лиц, на печатях которых не содержится никакой информации об их служебных обязанностях. Как можно судить по моливдовулам этой категории, государством в это время управляют многочисленные севасты, куропалаты и новеллссимы, как из родственных или приближенных к царствующей фамилии аристократических родов (Комнины, Дуки, Ангелы и др.), так и достаточно малоизвестные, судя по их родовым именам, происходящие из провинций (Амастриды, Каппадоки и др.). Судя по всему, в империи продолжает существовать некая бюрократическая форма, но, видимо, уже не традиционного централизованного управления, а больше ориентированная на имперский нобилитет и провинциальную элиту. В этой связи, исчезновение около рубежа XI–XII вв. печатей представителей провинциальной администрации в большинстве регионов Византии (в том числе и в Таврике), по всей видимости, совсем не означает отсутствие имперской государственной власти на местах. Очевидно в византийском управлении главную роль в стратегических, административных и экономических сферах, в том числе финансовом контроле и фиске, стали играть приближенные василевсов, высокопоставленные придворные столицы и аристократы из регионов.

Ключевые слова: история Византии, центральная и провинциальная администрации, сфрагистика, печати, моливдовулы.

В последнее время вопрос о существовании византийской власти в Таврике в постфемный период оказался в зоне наиболее пристального внимания современных исследователей [см.: 13; 14; 19; 18; 53]. Недостаточность источниковой базы породи-

ла ожесточенные споры и дискуссии, в том числе и о самой структуре имперской администрации. Однако В. П. Степаненко не случайно напомнил, что эти вопросы и раньше волновали многих исследователей, а проблема структуры византийского пограничья была даже специально вынесена на один из византийских Конгрессов [14, с. 112]. В своей статье, посвященной византийской Таврике в постфемный период, В. П. Степаненко, ссылаясь на свидетельства Никиты Хониата, отметил, что «рудименты фемной организации, по крайней мере в пограничье, сохранились до 70-х гг. XII в.», а также высказал предположение, что реформация управления привела к появлению в регионах частных администраций и, соответственно, постепенному захвату последними государственных функций на местах [13, с. 714].

К сожалению, информация по этой проблеме отсутствует в источниках. Реальное положение дел в империи на тот период отражают сохранившиеся памятники сфрагистики. Однако в Таврике найдено всего лишь несколько моливдовулов XII столетия, представляющих только высокопоставленных имперских сановников, но не администраторов. Поэтому сложно говорить об определенных имперских административных институтах.

Хорошо известны моливдовулы севастов Михаила Синадина [20, с. 181–182; 49, р. 179, nr. 14; 52, S. 702, Nr. 2853], Константина Ксира [6, с. 296–298; 26, р. 95, note 37; 27, р. 27, note 75; 52, S. 70, 71, Nr. 1547] и частная печать Феодора Агиостефанитиса [1, с. 418, 424, № 1, рис. 1], датировки которых в пределах XII столетия достаточно условны, в силу того, что мы не располагаем точными сведениями о данных персонажах. Исключением, пожалуй, могут являться лишь найденный в Херсонесе моливдовул деспота и паниперсеваста Алексея Враны Комнина, который был известным византийским военачальником и родственником императора [5, с. 539–542], найденная около крепости Ени-Кале булла со стихотворной «вычурной», по выражению Н. П. Лихачева, легендой [12, с. 118, 119, № 13 (M-8219), табл. LXIV,13; 16, с. 367–369, № 5, рис. 5], владельцем которой был известный по письменным источникам Иоанн Ангел (чаще называемый Дукой), сын деспота Константина Ангела и дочери импе-

Рис. 1. Моливдовул севаста Теогноста Тессараконтапиха из Херсонеса (XII в.)

ратора Алексея I Комнина Феодоры, а также печать из Партенита, принадлежавшая Иоанну Контостефану-Комнину [21 с. 253–267].

В данную группу следует включить ранее не публиковавшуюся печать византийского вельможи севаста Феогноста из рода Тессараконтапихов («в сорок локтей») (рис. 1).

AKh-77. Музей Шереметьевых (Киев)¹.

Диаметр – 34 мм; толщина пластинки – ок. 3,2 мм.

Сохранность: на оборотной стороне по центру шестой строки утрата поля по линии канала; незначительные разрывы металла на концах катала; частично коррозирована; светло-коричневая патина.

Происхождение: найдена в акватории Северного района Херсонеса (1995 г.)

Не издана (упомянута как хранящаяся в коллекции Самойленко (Севастополь) в Корпусе печатей с метрическими легендами А.-К. Василиу-Зайбт [51, S. 393 Nr. 872]).

Аверс. Погрудное изображение Богоматери Епискепис в ободке из слившихся в линию жемчужин; на груди Богородицы изображение образа младенца Христа в медальоне. По сторонам титлы: слева – $\overline{\text{MP}}$; справа – $\overline{\text{V}}$ – $\text{M}\eta\tau\eta\rho\ \Theta\epsilon\omicron\upsilon$.

Реверс. Семистрочная надпись, заключенная в ободок из слившихся в линию жемчужин:

+	$\Theta\epsilon\omicron\gamma\upsilon\omega$
$\Theta\epsilon\omicron\Gamma\text{N}\Omega$	στον $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\upsilon\text{N}[\epsilon]$
$\Upsilon\text{O}\text{N}\Gamma\text{A}\text{N}\text{A}\Gamma\text{N}.$	σεβαστὸν σκέ
$\Sigma\epsilon\rho\alpha\Upsilon\text{O}\text{N}\Sigma\kappa\epsilon$	ποις Τεσσα
$\text{P}\text{O}\text{I}\Sigma\Upsilon\epsilon\text{C}\Sigma\text{A}$	ρακονταπ[η]
$\text{P}\text{A}\text{K}\text{O}\text{N}\text{T}\text{A}\text{P}.$	χυν ἐ[κ] $\acute{\alpha}[\sigma(\eta\varsigma)]$
$\chi\upsilon\text{N}\epsilon.\text{P}\text{A}.$	βλάβη[ς]
$\text{P}\text{.}\Lambda\text{.}\text{A}\text{.}\text{B}\text{.}\text{H}.$	

$\Theta\epsilon\omicron\gamma\upsilon\omega$ στον $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\upsilon\epsilon$ σεβαστὸν σκέλοις Τεσσαρακονταπηχυν ἐκ πάσης βλάβης –
Пресвятая (Богородица), защити всегда севаста Феогноста из рода Тессараконтапихов.

Аналогичный экземпляр известен в собрании печатей французского института византийских исследований (IFEB 913) [51, S. 393, 394, Nr. 872].

Стилистические особенности печати и использование специфического шрифта с применением лигатур и характерных начертаний отдельных литер свидетельствуют о том, что данный памятник относится ко времени не ранее XII столетия. А.-К. Василиу-Зайбт французский экземпляр относит ко второй – третьей четверти XII в. [51, S. 393].

Семейство Тессараконтапихов А. П. Каждан относит к третьему разряду византийской знати, представители которой на рубеже XII–XIII вв. принадлежали к военной аристократии и, как правило, были известны как протоновеллисиμοипертаты [9, с. 115].

В то же время немногочисленные представители фамилии известны и по памятникам сфрагистики, и по письменным источникам. Так, современником вышеу-

¹ Автор благодарит А. Шереметьева за предоставленную возможность публикации моливдовула.

помянутого Теогноста был Иоанн Тессараконтапих, известный по личной печати из коллекции К. Оргидана [37, р. 236, nr. 470], а в Актах Афонского монастыря Лавра в мае – июне 1196 г. отмечен Константин Тессараконтапих, который в документе представлен как достославный (пансеват) севаст и ἐλί τῶν οἰκεῖακῶν [22, р. 353₉₅].

Рассмотренная выше печать из Херсона также лишь принадлежала византийскому высокопоставленному сановнику не облеченного какими-либо административными обязанностями.

Практическое отсутствие официальных печатей византийской администрации в Таврике начиная с конца XI в. позволило К. Цукерману прийти к заключению, что в последней трети XI столетия здесь наступает политический кризис и, как следствие, происходит исчезновение византийской административной власти в Крыму и на Тамани [54, с. 311–329]. В то же время, по мнению оппонентов французского исследователя, имперская власть все-таки сохраняется, но претерпевает очередную трансформацию, приспосабливаясь к специфическим особенностям региона. С точки зрения В. Н. Чхаидзе, аристократическая корреспонденция в регионы, свидетельством чего являются находки моливдовулов византийских высокопоставленных вельмож, могла поступать в частные родовые владения имперских придворных [19, с. 18, 19], которые в новых условиях могли управлять вверенными им территориями. Напомним, что и В. П. Степаненко полагает, что появление частных администраций привело к постепенному захвату последними всех государственных функций на местах [13, с. 714].

К сожалению, как было отмечено выше, для решения этой проблемы источниковая база слишком мала, так что принять ту или иную сторону в дискуссии достаточно сложно. Каждая из позиций требует убедительной аргументации. Однако все-таки попробуем привлечь данные византийской сфрагистики из других провинций, а также центра, и попытаемся определить, какова была общая тенденция в административном управлении в рассматриваемый период.

В первую очередь следует отметить, что кризис фемного строя второй половины XI в. и резкое сокращение подвластной Византии территории ко времени правления Алексея I Комнина (1081–1118), а также начавшаяся эра крестовых походов, судя по всему, привели к существенному изменению системы государственного управления во всей Византийской империи. В Малой Азии и на Ближнем Востоке утвердились сельджуки (Иконийский султанат) и появились малые государства крестоносцев: Иерусалимское королевство (1099–1291), Антиохийское княжество (1098–1268), графства Эдессы (1098–1144) и Триполи (1109–1289). Империя сохранила лишь западные владения, ранее принадлежавшие имперским военно-административным областям (фемам и катепанатам-дукатам) Фракии, Македонии, Стримону, Фессалонике, Диррахию, Никополису, Пелопоннесу и Элладе с островами Эгейского моря, Критом и Кипром. К этому времени итальянский катепанат был уже утрачен (на юге Италии обосновались норманны). Не ясно, оставались ли и Ионические острова византийскими (фема Кефалония) или тоже перешли под власть Сицилийского королевства (сфрагистика на этот счет пока безмолвствует).

В то же время, в соответствии с данными источников (в особенности это известный пассаж из Страворомана о керченской нефти [31, р. 190, 191]), к территориям византийских интересов и влияния причисляется регион Керченского пролива. Определенным подтверждением тому являются находимые здесь – в Крыму (Херсон, Сугдея) и на Тамани печати византийских сановников второй половины XI в. Нет необходимости вступать в дискуссию с К. Цукерманом относительно исчезновения византийских институтов власти в Крыму и на Тамани во второй половине XI в. [54, с. 326–329; 18, с. 242], поскольку в наши задачи входит исследование вопросов имперского администрирования в следующее столетие. В своей работе французский ученый отмечает малочисленность доказательств византийского присутствия в регионе в XII в. Ссылаясь на данные византийских привилегий для западных торговцев (1167 и 1192 гг.), по которым их кораблям позволялось плавать во всех регионах империи, за исключением Рóсии (Керчи) и Матрахи, исследователь подразумевает, что последние принадлежат империи, но все же задается вопросом, какую форму контроля фактически осуществляла Византия вдоль своего северного и восточного побережий на Черном море, оставляя его решение за будущим [54, с. 328].

Таким образом, судить о сложившейся к рубежу XI–XII вв. и существовавшей в XII столетии византийской административной системе не только на северных рубежах Империи, но, очевидно, и во всем государстве мы можем только из анализа памятников сфрагистики. Благодаря многочисленным буллам византийских чиновников многие стороны сложной бюрократической имперской машины сегодня не только известны, но и во многом понятны.

Несмотря на разразившийся кризис фемного строя во второй половине XI в. на многих территориях империи еще продолжали существовать разнообразные чиновники, в известной степени иллюстрирующие сохранение в империи развитого государственного уклада. Об этом, красноречиво свидетельствуют известные печати представителей различных управлений центральной власти и функционеров провинциальных администраций. Однако к 1080–1090-м гг. бюрократический аппарат империи, похоже, в значительной степени сокращается, и теперь лишь для отдельных территорий можно назвать чиновников с сохранившимися государственными функциями. В качестве примеров приведем датированные печати этого времени – магистра Христофора Копсина (1089), великого хартулярия и анаграфевса Коса или монаха Георгия Ксира (1090–1094), панипертима, дьяконофилакса и анаграфевса Волерона, Стримона и Фессалоники [42, р. 99, 100, нр. 103, 104].

Но все-таки моливдовулы конца XI в. в большинстве своем представляют исключительно чиновников первой категории рангов – военных администраторов и губернаторов провинций, таких как дука Диррахия (ок. 1081 г.), куропалат Георгий Палеолог [40, р. 41, нр. 12.2]; дука Милитины (конец XI в. – до 1101 г.), протонovelлссим Гавриил [41, р. 104, нр. 108]; дука Пафлагонии (1080–1085), новеллссим Феодор Комнин; претор объединенной фемы Волерона, Стримона и Фессалоники (1080–1090), куропалат Иоанн Радин; претор Фракии и Македонии (1096/1097), но-

велиссим Николай Мерментопул [25, р. 139, 171, 181, нр. 117, 149, 159]; дука Болгар (около 1096 г.), протопроедр Никита Карикис [40, S. 242, Nr. 250], и этот ряд еще можно продолжить. На рубеже XI–XII вв. члены клана Комнинов – севаст Алексей и сын севастократора Иоанн поочередно занимают пост дуки Диррахия [40, р. 40, нр. 12.1, 12.3] и, вероятно, последний, позже, получив титул севаста, становится дукой Скопии [40, р. 98, нр. 30.1]. Очевидно, в дальнейшем должность дуки уступает место *преторам* провинций. Здесь мы можем назвать печати преторов Пелопоннеса и Элады куропалатов Михаила и Григория Каматира [41, р. 37, 39, нр. 8.33, 8.39]. Причем последний на одном из своих моливдовулов представлен уже как протопретор [48, S. 176, Nr. 101]. Напомним, что еще с конца X в. термин *претор* зачастую использовался в качестве синонима крити (судье) и, как правило, обозначал гражданского администратора провинции [43, р. 1710]. Упомянутый в письменных источниках Евматий Филокал [39, р. 86], совместил на своей печати два поста: великий дука и претор Элады и Пелопоннеса (около 1118 г.) [41, р. 68, нр. 22.15]. В то же время следует отметить, что, как некое исключение из правил, буллу первой половины XII в. Никиты Даватина, магистра и катепана [25, р. 103, нр. 85], и печать Иосифа Вальсамона, дуки Фив и Эврипоса, датирующаяся временем около середины XII в., [49, S. 245, Nr. 252]. Обе, бесспорно, принадлежали высокопоставленным функционерам.

На первый взгляд, несмотря на сократившуюся территорию империя продолжает прежнюю бюрократическую политику и традиционное развитие административной инфраструктуры. Однако, судя по памятникам сфрагистики XII столетия, можно констатировать сохранение лишь отдельных чиновничьих постов. Собственники печатей в большинстве своем перестают указывать на принадлежность к тем или иным государственным институтам власти, которых, конечно, не могло не существовать и в этот период в развитом бюрократическом обществе Византийской империи.

Тенденция реорганизации имперской административной системы прослеживается не только на местах, но и в центральном государственном аппарате. В посвященном византийской администрации томе Корпуса византийских печатей В. Лорана, насчитывается около сорока имперских функционеров исключительно XII в., представлявших далеко не все столичные управления. Так, имперскую канцелярию представляли ритор, асикрит Николай Катафлор [38, р. 49, 50, нр. 115], мистики Евстафий Синопит и Николай Фарангапул [38, р. 56, 57, нр. 125, 126], мистолект Евставий и хранители императорской чернильницы Михаил Агиофеодорит (новые экземпляры его булл теперь происходят и из находок в Болгарии [35, р. 270, 279, нр. 738, 762]), безымянный сановник, занимавший также пост дикеодота (председатель одного из высших судов Константинополя) и Константин Месопотамит [38, р. 106–108, нр. 225–227]. В то же время уже отсутствуют еще многочисленные в XI столетии печати мистографов, нотариев, мандаторов и других представителей имперского кабинета.

Управление логофета геникона, представлено лишь двумя высшими разрядами. Среди них два логофета [38, р. 158, 159, нр. 329, 330] Иоанн Цирифон, который в феврале 1109 г. докладывал императору Алексею I Комнину о налогах в диойкисиях

Фракии и Македонии [30, S. 168, nr. 1245], и Никифор Каспакос, присутствовавший в качестве председателя гражданского жюри на синоде в июле 1173 г. [32, p. 553, 554, nr. 1126], и единственный великий хартулярый логофесии геникона Михаил Акрополит [38, p. 170, 171, nr. 353], фигурирующий в торжественном акте императора Мануила I Комнина (февраль 1148 г.), гарантирующем церкви Святой Софии и всем другим епископальным институтам полное сохранение их владений [36, p. 325; 29, p. 215, nr. 1372].

Логофесии Дрома принадлежал единственный моливдовул главы ведомства, логофета Михаила Агиофеодорита [38, p. 214, 215, nr. 353], которого мы уже упоминали выше в должности хранителя императорской чернильницы. По источникам хорошо известны еще несколько логофетов Дрома XII столетия, например, Стефан Мелес, Стефан Агиохристорит, Иоанн Каматир, Василий Каматир-Дука, Иоанн Дука и Димитрий Торник [34, p. 59–66, nr. 34–40].

Ведомство Идикона представлено двумя печатями главы секрета имперской сокровищницы (Филака) филакса Константина Кафара [38, p. 346, 347, nr. 671, 672], который был корреспондентом гераклеийского митрополита Михаила в сентябре 1161 г. [32, p. 510, nr. 1055].

Имперскому управлению – общественной приемной (Вестиариум) принадлежали два моливдовула его глав, вестиариев Стрифна и Епифания Артаваздоса [38, p. 368, 369, nr. 712, 713], а бюро сакеллария – булла неизвестного по имени великого сакеллария, носившего высокий титул протоновеллисима [38, p. 409, 410, nr. 783].

Более многочисленны печати служащих различных судебных инстанций. Среди них можно назвать печати известного судьи Алексея Аристина [38, p. 409, 410, nr. 783], в ходе своей карьеры занимавшего и церковные (номофилакс [38, p. 484, 485, nr. 912, 913], орфанотроф, великий эконо, ипертим), и светские (дикеодот) должности [10, с. 189, 190; 29, p. 84, 85, note 36, 37; 33, p. 213], дикаифилаксов Михаила Акрополита, уже названного выше в должности великого хартулярия Геникона (известного еще и как парафаласита – начальника столичного порта [38, p. 629, 630, nr. 1133]) и Михаила Аплухейра (известного и в должности епарха столицы [38, p. 573, nr. 1040]), дикеодотов Феодора Пантехниса и Никифора Тривлаттита [38, p. 477–480, nr. 903–906; новый экземпляр из коллекции Г. Закоса см.: 25, p. 50, nr. 32].

Немногочисленны и моливдовулы военных ведомств империи. Великий доместикат представляют лишь буллы великого доместика всего Востока и Запада Иоанна Аксуха (Ахочух) и великого доместика Запада Алексея Гида [38, p. 506–509, nr. 941–944]. Владельцы двух булл в легендах указывают на свое отношение к служебному аппарату великого доместика. Это печати Космы, назвавшего себя «величайшим служителем» последнего, и севаста Василия, к сожалению, с неполной легендой [38, p. 506–509, nr. 941–944], но показывающей принадлежность владельца к аппарату великого доместика.

Известны только две печати командующих флота, великих дук протосеваста Иоанна Комнина и Михаила (Стрифна) [38, p. 529–531, nr. 973, 974].

Этим списком практически и исчерпываются представители столичной администрации XII в. Как видим, уже нет булл прежних столбюстителей из многочисленных столичных служб и ведомств, еще существовавших во второй половине XI столетия. Лишь в редких случаях можно назвать отдельных представителей столичной бюрократии, печати которых в основном датируются серединой – второй половиной XII в. Так, например, внук упоминавшегося выше великого дуки и претора Эллады и Пелопоннеса (около 1118 г.), носивший имя своего деда и сохранивший в своей титулатуре память о нем (σεβαστοπάλλου), Евматий Филокал на печати второй половины XII в. предстает в качестве грамматика (секретаря) [38, р. 667, nr. 1192], должности достаточно скромной. Однако печать хранит память о его знаменитом предке.

В дополнение к сведениям Корпуса печатей византийской администрации можно добавить моливдовулы известного по источникам логофета Дрома Иоанна Каматира [25, с. 77, 78, nr. 58] и нескольких дворцовых титулярных сановников, протонотария Варды [25, р. 94, nr. 76], симпона и носокома (субординанта эпарха столицы и куратора больниц) Стефана [28, с. 160, nr. 2.116] или пинкерна (виночерпия императора) Димитрия [25, с. 88, nr. 70] и некоторых других.

Мы не называли немногочисленные печати персонажей, датировки которых охватывают XI–XII вв. Отнесение большинства персонажей к тому или иному столетию достаточно проблематично.

Аналогичную картину отображают и моливдовулы из византийских провинций. Анализ памятников сфрагистики XII в. показывает, что практически повсеместно (не только в Таврике!) исчезают многочисленные печати представителей самых разнообразных ведомств империи, и их место занимают буллы высокопоставленных византийских сановников, большинство из которых являлись выходцами из известных (или не очень) аристократических родов империи, нередко непосредственно связанных с царствующим домом.

Судя по изданным моливдовулам, чиновники второй категории рангов (субординанты наместников провинций и руководителей бюро и секретов) в имперской практике становятся достаточно большой редкостью. С началом XII столетия практически исчезают печати представителей ведомств главного логофета или ἐπι τῶν οἰκειακῶν, равно как и многих других имперских служб.

Не исключено, что столичными службами стали руководить представители клана Комнинов и других важных аристократических семейств, которым, надо полагать, было достаточно упоминания на печатях их высоких придворных рангов и принадлежности к царской фамилии. К сожалению, печати не дают ответа на этот вопрос. Вероятно, многие функции финансового контроля и государственного фиска могли перейти к правителям провинций. Впрочем отдельные моливдовулы исследователи датируют и началом XII в. Среди них буллы Никиты Анзы, хартулярия Запада [40, р. 5, nr. 1.8], и вестарха Михаила Антипапаса, проноита Афин [48, S. 77,

78, № 22]. *Пронит* являлся гражданским администратором региона, на которого возлагалась *прония* имперских поместий [43, p. 1733].

Видимо, вопросы государственного контроля, в особенности соблюдения имперского земельного законодательства, дольше других находились под специальным надзором византийских чиновников. На рубеже XI–XII вв. найдены почти исключительно печати гражданских провинциальных чиновников *анаграфевсов*, в чьи основные функции входила инспекция имперского земельного кадастра [43, p. 84; ср. 11, с. 300–303]. К примеру, среди них моливдовулы куропалата Никифора Декана, анаграфевса Ниша, и протопроедра Льва Никерита, анаграфевса Пелопоннеса [40, p. 100, nr. 32.1; 41, p. 63, nr. 22.2]. Следует отметить, что по печатям анаграфевсы или *анографевсы*, как они стали называться с середины XII в., прослеживаются вплоть до первой половины XIV в. [42, p. 130, 136, nr. 139, 146].

Достаточно редки среди памятников сфрагистики рубежа XI–XII вв. печати региональных судей. В известных мировых собраниях нам удалось разыскать лишь моливдовулы Василия Эротика, судьи Эллады и Пелопоннеса [48, p. 153. № 84], неизвестного по имени судьи македонцев [40, p. 116, nr. 43.15] и веста Михаила Спанополоса, судьи Эгеиона (т.е. Эгейских островов) [41, p. 117, nr. 40.16]. Судья Никифор Сервлиас известен по печати первой половины XII столетия из собрания Афинского нумизматического музея [48, S. 350, Nr. 231], а судья и квестор <Василий> Пекулис представлен на булле XII в. из Болгарии [35, p. 344, nr. 934]. Но в малочисленности булл судей, по-видимому, нет ничего необычного. Это, очевидно, связано с тем, что анаграфевсы часто совмещали свои обязанности с судебными и, очевидно, необходимость содержания двух чиновников таким образом отпадала.

На этом практически исчерпываются данные о чиновничьих постах, бытовавших в имперской бюрократической практике на протяжении XII в. Возможно, публикации еще не изданных коллекций и новые находки со временем дополнят и расширят этот список. Тем не менее, общая тенденция в определенном сокращении византийского бюрократического аппарата в XII столетии очевидна.

Нельзя забывать, что в памятниках сфрагистики рассматриваемого периода представлен еще один достаточно многочисленный пласт персонажей, обладавших собственными печатями, не содержащими никакой информации о служебных обязанностях владельцев. Как правило, исследователи называют их буллами для личной корреспонденции или частными печатями. Вероятно, часть из них таковыми и являются. Однако другие, могли отражать некие деловые связи высокопоставленных придворных сановников с представителями аппарата власти на местах.

Судя по моливдовулам, страной в это время управляли многочисленные севасты, куропалаты и новелиссимы, как из родственных или приближенных к царствующей фамилии аристократических родов (Комнины, Дуки, Ангелы Палеологи, Алиалты, Каматиры, Вриени, Деканы, Маниаки и др.), так и достаточно малоизвестные, судя по их родовым именам, происходящие из провинций (Феодосиополит, Смирнайос, Васпараканитис, Амастрид, Каппадок и др.).

Просопографические исследования византийской аристократии показывают, что многие из представителей знатных фамилий нередко занимали значительные посты в управлении государством. Однако их государственный статус далеко не всегда отражен на их печатях. Многие из сановников ограничиваются лишь упоминанием родов, выходцами из которых они являются. Не исключено, что в XII столетии произошла переоценка приоритетов, когда указание на важный государственный пост уходит на второе место, а первое занимает принадлежность к аристократическому роду. Очевидно, престижным становится даже само упоминание на печати принадлежности к знатному семейству или родственнику. Среди таких булл можно, например, назвать печать начала XII в., принадлежавшую Константину, сыну протонovelиссима Татикия [28, р. 469, nr. 5.141], или буллу севастократора Алексея Ангела конца XII в. [46, S. 85, nr. 35]. И даже хорошо известный великий дука Михаил Стрифон, имевший титулы севаста и протонovelиссимоипертата [53, р. 1560, 1561, nr. 2748, 2748 bis], еще на одной из своих булл (1195–1203 гг.) кроме чина великого дуки указывает, что он муж Феодоры, сестры императрицы [42, р. 119, 120, nr. 126].

Рассмотренные нами византийские моливдовулы XII столетия показывают, что систему государственного управления серьезно реформировали практически на всей территории империи. Причем это коснулось не только администраций провинций, но и органов центральной власти. Печати, конечно, не могут назвать причин изъятия из легенд наименований служебных постов их владельцев. Отдельные посты все-таки сохраняются и, судя по всему, в империи продолжает существовать некая бюрократическая форма управления, однако уже не традиционного централизованного, а больше ориентированная на имперский нобилитет. Хочется надеяться, что понимание этой необычной структуры со временем придет из сопоставления данных письменных и сфрагистических источников, которые нередко дополняют друг друга.

Возможно, это принесет свои плоды и в разгоревшейся дискуссии по византийской администрации в Таврике и на Тамани. Доводы К. Цукермана о закате византийской администрации на северных границах империи к концу XI в. не лишены определенной аргументации. В то же время, необходимо привести несколько замечаний.

Во-первых, трудно согласиться с заключением исследователя, «что преемник не поладившему с жителями Херсона катепану назначен не был» [18, с. 242]. Данное утверждение предусматривает, что печать катепана Никифора Алана должна предшествовать или быть синхронной событиям, связанным со смертью князя Ростислава, т.е. должна относиться ко времени между 1059–1067 гг. Однако никаких критериев для такой датировки нет, как, впрочем, и отнесения моливдовулов сугдейских стратигов к 70–80-м гг. XI в. [18, с. 242]. Напомним, что мы предложили отнести печать херсонского катепана к 1060–1090-м гг. [2, с. 9], когда еще не было известно про печать Олега-Михаила, дуки Матрахи и Хазарии [23, р. 29; 24, р. 97–104]. С такой датировкой практически согласился В. Зайбт, сузив ее до 1060–1080-х гг., уже с учетом находки новой печати Олега-Михаила [47, р. 192]. На наш взгляд,

нет никаких оснований связывать Никифора Алана со смертью русского князя. Стилистические и эпиграфические особенности печати сближают ее с аналогичными памятниками самого конца XI в. [подробнее см.: 2, с. 9], так что датировка печати катепана может быть ограничена и началом третьей четверти XI в. (т.е. 1075–1083 гг.). Что же касается фемы Сугдея, то, по мнению В. И. Булгаковой, она существовала в первой половине XI столетия [7, с. 314], а Е. В. Степанова сначала называла широкую дату – XI в. [15, с. 105, 106], но в дальнейшем ограничивает время ее существования 1015–1059 гг. [17, с. 304]. Как известно, Сугдея в 1059 г. уже входила в фему Херсона. В этой связи мы предположили, что она вместе с землями Восточного Крыма также вошла состав херсонского катепаната [3, с. 425]. Думается, что не следует забывать и о моливдовулах стратига Боспора Аркадия [44, р. 251, нр. 13; 45, р. 206, 207, нр. 16; 8, с. 87–90], наличие которых, вне всякого сомнения, наряду с находками булл высокопоставленных представителей имперской знати [12, с. 108, 118, 119, №№ 15 (М-8086), 13 (М-8219), табл. LXIII, 15, LXIV, 13; 16, с. 366, 367, № 3 (М-5935), рис. 3], свидетельствуют о существовании византийской власти в регионе не только в последней четверти X – начале XI в., но, вероятно, и в XII столетии [4, с. 234, 235]. Так что, в отличие от предложенной К. Цукерманом схемы существования византийской администрации в Крыму и на Тамани [18, с. 241, 242], мы ее видим несколько иначе:

- 1) ок. 941 – ок. 1059 гг. – византийская фема Херсона;
- 2) ок. 971–975 гг. – начало XI в. – византийская фема Боспора;
- 3) 1015 – ок. 1059 гг. – византийская фема Сугдеи;
- 4) ок. 1059 – начало / середина 1060-х гг. – византийская фема Херсона и Сугдеи;
- 5) ок. 1066–1083 гг. – византийский катепанат Херсона и Хазарии;
- 6) 1083 г. – XII в. – провинциальная (?) администрация Херсона;
- 7) 1083–1094 гг. – византийский дукат и архонтат Матрахи и всей Хазарии;
- 8) 1094 г. – русский архонтат Матрахи, Зихии и всей Хазарии.

Очевидно, еще рано однозначно утверждать о закате эры византийской власти на ее северных рубежах в конце XI столетия. Исчезновение в последней четверти XI в. печатей представителей византийской администрации как в Таврике, так и в других местах, по всей видимости, совсем не означает полное отсутствие имперской административной власти на местах. Скорее всего, в византийском управлении главную роль во всех сферах жизнедеятельности провинций, стали играть представители имперского нобилитета – высокопоставленные придворные столицы и местные аристократы. Однако разобраться в этой структуре управления и понять ее специфику и особенности, безусловно, еще предстоит в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевко Н.А. Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 417–424.
2. Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
3. Алексеевко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017.
4. Алексеевко Н.А. Исследователи XIX–XX вв. и зарождение крымской сфрагистики: к вопросу о византийской администрации на Боспоре // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 229–239.
5. Алексеевко Н.А. Печать паниперсеваста Алексея Враны-Комнина из византийского Херсона // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 537–546.
6. Банк А.В. Вислая свинцовая печать XI–XII вв. // МИА. 1953. № 34. С. 296–299.
7. Булгакова В.А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Судакский сборник. Киев; Судак, 2008. Т. III. С. 296–330.
8. Йорданов И. Печатите на Аркадий стратег на Боспора (X–XI в.) из Преслава // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 28 мая – 1 июня 2018 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 87–90.
9. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974.
10. Красножен М. Комментарий Алексея Аристина на канонический Синописис // ВВ. 1913. Т. XX. Вып. 1. С. 189–207.
11. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
12. Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследие. М.: Наука, 1991. Т. 19. 360 с.
13. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
14. Степаненко В.П. К структуре византийского пограничья в Крыму // Проблемы истории и археологии Средневекового Крыма. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина (Симферополь, 10–11 января 2019 г.). Симферополь, 2019. С. 111–112.
15. Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 97–108.
16. Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
17. Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 году // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак. 2006. Т. II. С. 303–306.
18. Цукерман К. Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь, 2019. С. 237–244.
19. Чхаидзе В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 721–730.
20. Шандровская В.С. Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // ВВ. 1990. Т. 51. С. 174–182.
21. Шандровская В.С. Печать Иоанна Контостефана Комнина // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 263–267.
22. Actes de Lavra / Eds. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. Paris, 1970. Vol. I.
23. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia, in Oleksii Sheremetiev's Collection // International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography

- «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ – КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ» (Kiev, 13–16.09.2013). Program and Abstracts. Kiev, Sevastopol, 2013. P. 28–31.
24. Alf'orov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia (in Oleksii Sheremetiev's Collection) // *Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography* (Kiev, Ukraine, 13–16 Septembre 2013). Kyev, 2015. P. 97–104.
 25. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-CL. *Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Genève, 2016.
 26. Caseau B. Saint Mark, a family saint? The Iconography of the Xeroi Seals // "Ηπειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigilljgraphy (Ioannina, 1–3 October 2009) / Eds. Chr. Stavrakos, B. Papadopoulou. Ioannina, 2011. P. 81–110.
 27. Cheynet J.-Cl. Les Xéroi, administrateurs de l'Empire // SBS. 2012. Vol. 11. P. 1–34.
 28. Cheynet J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul*. Istanbul, 2012.
 29. Darrouzès J. Notice sur Grégoire Antiochos (1160 à 1196) // REB. 1962. T. XX. P. 61–92.
 30. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. München, 1995. Teil 2. Regesten von 1025–1204.
 31. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos // REB. 1965. T. XXIII. P. 168–204.
 32. Grumel V. *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople*. Paris, 1989. Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. II et III (705–1206).
 33. Guiland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantine. L'orphanotrophe // REB. 1965. T. XXIII. P. 205–221.
 34. Guiland R. Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine // REB. 1971. T. XXIX. P. 5–115.
 35. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Sofia, 2009. Vol. III.
 36. Lampros Sp. Ὁ Ἰατὴρ τοῦ Μανουὴλ Κομνηνοῦ διορθούμενος καὶ συμπληρούμενος // *Νεός Ἑλληνομνήμων*. Athens, 1916. Vol. 13. P. 321–328.
 37. Laurent V. *Documents de sigillographie byzantine*. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
 38. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin*. Paris, 1981. Vol. II. L'administration centrale.
 39. Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vindobonae, 1890. Vol. VI.
 40. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1991. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.
 41. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1994. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor.
 42. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, 1986.
 43. *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A.P. Kazdan. New York, Oxford, 1991. Vol. I–III.
 44. Schlumberger G. *Sceaux byzantine inédits* // *Revue des Études Grecques*. 1889. P. 245–259.
 45. Schlumberger G. *Melanges d'archeologie byzantine*. Monnaies, medailles, mereaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoires, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquiaires etc. Paris, 1895.
 46. Seibt W. *Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft; die Bleisiegel im Museum August Kestner*. Rahden/Westf., 2011.
 47. Seibt W. *Was lehren die Siegel uber die Verwaltung von Cherson im Mittelalter?* // *Зборник радова византолошки институт*. Београд, 2013. Кн. 50/1. С. 187–194.

48. Stavrakos Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen. Wien, 2000.
49. Stavrakos Chr. Sigillographische Beiträge zur Familie der Synadenoï // SBS. 2002. Vol. 7. P. 167–180.
50. Wassiliu A.-K., Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 2004. Teil II.
51. Wassiliu-Seibt A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Wien, 2011. Teil 1.
52. Wassiliu-Seibt A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Wien, 2015. Teil 2.
53. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.
54. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in Nirth-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Pechati predstavitelej vizantijskoj aristokratii v Tavrike: novye personazhi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 417–424.
2. Alekseenko N.A., Tzepakov Yu.A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidelstva ili istoricheskie realii. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2012, Vol. XVII, pp. 7–17.
3. Alekseenko N.A. *Vizantijskij Cherson VI–XIII stoletij v pamyatnikah sfragistiki. 1. Chinovniki Chersona VIII–XI vv.* Sevastopol, 2017.
4. Alekseenko N.A. Issledovateli XIX–XX vv. i zarozhdenie krymskoj sfragistiki: k voprosu o vizantijskoj administracii na Bospore. *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, 2017, Vol. XXXV, pp. 229–239.
5. Alekseenko N.A. Pechat panipersevista Alekseya Vransy-Komnina iz vizantijskogo Chersona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 537–546.
6. Bank A.V. Vislaja svincovaja pechat' XI–XII vv. *Materialy i issledovaniya po archeologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34, pp. 296–299.
7. Bulgakova V.A. Sigillograficheskij kompleks porta Sugdei (materialy podvodnyh issledovanij 2004–2005 gg.). *Sudakskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2008, Vol. III, pp. 296–330.
8. Jordanov I. Pechatite na Arkadij strateg na Bospora (X–XI v.) iz Preslava. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. X Mezhdunarodnyj Vizantijskij Seminar (Sevastopol' – Balaklava 28.05–01.06.2018)*. *Materialy nauchnoj konferencii*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 87–90.
9. Kazhdan A.P. *Socialnyj sostav gosподstvuyushchego klassa v Vizantii XI–XII vv.* Moscow, 1974.
10. Krasnozhen M. Kommentarij Alekseya Aristina na kanonicheskij Sinopsis. *Vizantijskij vremennik*, St-Petersburg, 1913, T. XX, Vol. 1, pp. 189–207.
11. Litavrin G.G. *Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vv.* Moscow, 1960.
12. Lihachev N.P. Molidovuly grecheskogo Vostoka. *Nauchnoe nasledie*, Moscow, 1991, Vol. 19.
13. Stepanenko V.P. Vizantiya i Krym v postfemnyj period (konec XI – XII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 713–720.
14. Stepanenko V.P. K strukture vizantijskogo pogranich'ya v Krymu. *Problemy istorii i arheologii Srednevekovogo Kryma. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 70-letiyu A.I. Ajbabina (Simferopol, 10–11.01.2019)*, Simferopol, 2019, pp. 111–112.
15. Stepanova E.V. Sudakskij arhiv pechatej: predvaritel'nye vyvody. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 97–108.
16. Stepanova E.V. Vizantijskie pechati, najdennye v Kerchi i na Tamanskom poluostrove, iz sobranija N.P. Lihacheva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 364–374.
17. Stepanova E.V., Farbej A.M. Vizantijskie svincovye pechati, najdennye v Sudake v 2005 godu. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture*, Kiev, Sudak, 2006, T. II, pp. 303–306.
18. Zuckerman C. Zakat vizantijskoj vlasti v Krymu: polemicheskij otklik. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XI Mezhdunarodnyj Vizantijskij Seminar (Sevastopol – Balaklava 3–7.06.2019)*. *Materialy nauchnoj konferencii*, Simferopol, 2019, pp. 237–244.

19. Chkhaidze V.N. Vizantijskaya vlast na Bospore (poslednyaya chetvert XI – nachalo XIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 721–730.
20. Shandrovskaja V.S. Pechati predstavitelej roda Sinadinov v Jermitazhe. *Vizantijskij vremennik*, Moscow, 1990, T. 51, pp. 174–182.
21. Shandrovskaya V.S. Pechat' Ioanna Kontostefana Komnina. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 263–267.
22. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N. (Eds.), *Actes de Lavra*, Vol. I, Paris, 1970.
23. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia, in Oleksii Sheremetiev's Collection. *International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography «Sphragistic Meridian: Kiev – Korsun'/Xerson – Konstantinopolis» (Kiev, 13-16.09.2013). Program and Abstracts*. Kiev, Sevastopol, 2013, pp. 28–31.
24. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia (in Oleksii Sheremetiev's Collection). *Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography (Kiev, Ukraine, 13–16 Septembre 2013)*. Kyiv, 2015, pp. 97–104.
25. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-CL. *Sceaux de la collection Ceorge Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Genève, 2016.
26. Caseau B. Saint Mark, a family saint? The Iconography of the Xeroi Seals. Stavrakos Chr., Papadopoulou B. (Eds.), *Ἡπειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography (Ioannina, 1–3 October 2009)*, Ioannina, 2011, pp. 81–110.
27. Cheynet J.-Cl. Les Xéroï, administrateurs de l'Empire. *Studies in Byzantine Sigillography*, Berlin, Boston, 2012, Vol. 11, pp. 1–34.
28. Cheynet J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul*. Istanbul, 2012.
29. Darrouzès J. Notice sur Grégoire Antiochos (1160 à 1196). *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1962, T. XX, pp. 61–92.
30. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. München, 1995, Teil 2. Regesten von 1025–1204.
31. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos. *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1965, T. XXIII, pp. 168–204.
32. Grumel V. *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople*. Paris, 1989, Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. II et III (705–1206).
33. Guiland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantine. L'orphantrophe. *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1965, T. XXIII, pp. 205–221.
34. Guiland R. Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine. *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1971, T. XXIX, pp. 5–115.
35. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. III. Sofia, 2009.
36. Lampros Sp. Ὁ Ἰατὴρ τοῦ Μανουῆλ Κομνηνοῦ διορθούμενος καὶ συμπληρούμενος. *Νεὸς Ἑλληνομνήμων*, Athens, 1916, Vol. 13, pp. 321–328.
37. Laurent V. *Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan*. Paris, 1952.
38. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin*. Paris, 1981. Vol. II: L'administration centrale.
39. Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vol. VI. Vindobonae, 1890.
40. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1991. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.
41. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1994, Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor.
42. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, 1986.
43. Kazdan A.P. (Ed.), *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. I–III. New York, Oxford, 1991.

44. Schlumberger G. Sceaux byzantine inedits. *Revue des Études Grecques*, Paris, 1889, pp. 245–259.
45. Schlumberger G. *Melanges d'archeologie byzantine. Monnaies, medailles, mereaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoires, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquaires etc.* Paris, 1895.
46. Seibt W. *Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft; die Bleisiegel im Museum August Kestner.* Rahden/Westf., 2011.
47. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? *Zbornik radova vizantoloshki institut*, Beograd, 2013, Vol. 50/1, pp. 187–194.
48. Stavrakos Chr. *Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen.* Wien, 2000.
49. Stavrakos Chr. Sigillographische Beiträge zur Familie der Synadenoï. *Studies in Byzantine Sigillography*, Washington, 2002, Vol. 7, pp. 167–180.
50. Wassiliu A.-K., Seibt W. *Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich.* Wien, 2004. Teil II.
51. Wassiliu-Seibt A.-K. *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden.* Wien, 2011. Teil 1.
52. Wassiliu-Seibt A.-K. *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden.* Wien, 2015. Teil 2.
53. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals.* Basel, 1972. Vol. 1.
54. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in Nirth-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

N. A. ALEKSEENKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

THE TWELFTH-CENTURY STATE MACHINERY OF BYZANTIUM: THE EMPIRE OF “VENERABLE” NOBLES ACCORDING TO SIGILLOGRAPHIC DATA

Abstract: The twelfth-century Byzantine *molybdoboulla* indicate that the empire’s government system came through important reform. It concerns both provincial administrations and central authorities. In provinces, there still existed representatives of the first rank category, the *doukes*, later replaced by *praitores*. The officials of the second rank category became rather rare in the imperial practice. It was the period when almost all the seals of officials of the *megalos logothetos* department or ἐπι τῶν οικειᾶκῶν, and also of many other imperial departments, disappeared. There continued only a few positions (*anagrapheuses* and, rarely, *kritai*). Moreover, the seals from the period in question feature a big group of persons, but do not indicate their official duties. As far as one can see from the *molybdoboulla* of this category, in the said period the state was governed by numerous *sebastoi*, *kouropalatai*, and *nobelissimoi* from emperor’s relatives or close aristocratic families (Komnenoi, Doukai, Angeloi, and others), and also by poorly known persons, whose origin, according to the family names, was related from provinces (Amastris, Cappadocia, and others). By all appearances, the empire still kept some bureaucratic form, now not of traditional centralised government but oriented to the imperial nobles and provincial elites. In this connection, the disappearance ca. 1100 of the seals of provincial administrators in most Byzantine regions (Taurica in particular) does not seem to indicate the absence of imperial government at the local level. Perhaps the Byzantine government changed, so the main role in strategic, administrative, and economic spheres, such as financial control and state treasury, came to the *basileus’* retinue of high-ranked courtiers in the capital and aristocrats in provinces.

Key words: Byzantine history, central and provincial administrations, sigillography, seals, *molybdoboulla*.

В. А. СИДОРЕНКО

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

БЕК БУЛАТ (ПУЛАД) И НАЧАЛО ВЫПУСКА ГЕНУЭЗСКО-ТАТАРСКИХ МОНЕТ КАФФЫ¹

Аннотация: История золотоордынского хана Бек Булата (Пулада) получила неверное освещение в интерпретации записи бухгалтерской книги массарии Каффы за 1386 год. Она сообщает о денежных выплатах, предоставленных «государю императору», огланам его войска, находившегося под Каффой, и владельцу Солхата в сумме 333 соммо 37 саджо 12 каратов. Эта запись свидетельствует о счете денежных сумм в весовом эквиваленте серебра и отсутствии у Каффы собственной монетной чеканки раньше 1386 г. Первым свидетельством чеканки «*aspri di Caffa*» является упоминание в документе 1409 г. считаемого в них и составленного в 1396 г. завещания. Исходя из этого, начало чеканки Каффой двуязычных монет должно относиться ко времени хана Токтамыша, датируясь 1386–1396 гг. Ее монеты представляли собой аспры с изображением крупной буквы «Т» и легендой «IMPERATOR» на оборотной (латинской) стороне. Буква «Т» являлась сокращением слова *Tartariae* (или *Tartarorum*), составлявшего вместе с титулом «император» звание хана Токтамыша, каким оно употреблялось в документах Каффы, а одновременно – и начальной латинской буквой имени хана. Использование этого монетного типа продолжалось до 1419 г., начала правления Улу Мухаммеда, один из видов монет которого отчеканен штемпелем оборотной стороны предшествующих выпусков. Следующая затем серия монет Улу Мухаммеда несет на себе изображение генуэзского герба «замка» или «портала», которое в последующих выпусках генуэзско-татарских монет становится их непременным атрибутом.

Ключевые слова: Бек Булат, Токтамыш, генуэзско-татарские аспры, Каффа, Солхат.

Опубликованная А. Л. Пономаревым запись бухгалтерской книги массарии Каффы за 1386 год сообщает о денежных выплатах, предоставленных «государю императору», огланам его войска, находившегося под Каффой, и владельцу Солхата [42, с. 20]. Незначительная неточность в пунктуации перевода имела негативное значение для определения А. Л. Пономаревым статуса Бек Булата (Пулада). Как и в известной притче о монаршем указе «Казнить нельзя помиловать», отсутствие запя-

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

той в нем допускало путаницу. Но грамматическая связь членов речи в предложении латинского языка, подкрепляемая управляющей фразой «два других оглана», делает разделение слов знаком препинания не обязательным. Это не касается русского перевода, в котором необходима запятая после слова «император»: «Государь император(, – В.С.) Бек Булат и два других оглана, находящихся с ним в войске под Каф-фой, а также владетель Солхата Кутул-буга бей получили из казны согласно счету на листе 241 в картулярии предыдущей массарии... 333 соммо 37 саджо 12 каратов...» [42, с. 20]. Ошибочное возведение Бека Булата в 1386 г. в ранг «императора», то есть хана, которым он позже (1391–1392 гг.) действительно объявляет себя, явилось темой доклада на Второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М. А. Усманова (Казань, 29–30 марта 2011 г.), где реконструируются события мнимой «Солхатской войны» и описывается роль в ней преждевременно возведенного в ханы оглана. Открытие «новых» страниц в истории Золотой Орды времени Токтамыша подрывало авторитет письменных источников, которые, уступая объективностью описываемых ими событий документальным записям массарии Каффы, возводились в степень неполноты или недостоверности.

История Бек Булата (Бек Пулада) в той или иной мере затрагивалась в работах исследователями [49, с. 132–133; 51, с. 146, 150, 155, 158; 63, с. 157; 43, с. 172] или обходилась стороной как малозначительное событие периода соперничества Токтамыша и Тимура [8; 9; 10]. Специально посвящена ей была статья И. М. Миргалеева [32], построенная на обзоре и сопоставлении сведений источников.

О Бек Булате (Бек Пуладе) можно судить по сообщению Никоновской летописи, что он Джучид по происхождению, имевший кочевье в верховьях Дона [28, с. 96]. По мнению Ю. В. Селезнева, «Анализ хронологических и биографических данных о ряде Чингизидов с именем Пулад позволяет предполагать отождествление Бек-Пулад-оглана с Пуладом – четвертым сыном Тимур-бека, второго сына Кутлук-Тимура, сына Нумкана (Томгана), второго сына Абая, второго сына Кин-Тимура (Уз-Тимура), четвертого сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана» [53, с. 182–183]. В письменных источниках Бек Булат (Бек Пулад) действительно иногда упоминается как Булат (Пулад), одноименным с известными под таким именем ханами [43, с. 142–147]. Ибн Халдун, называвший оглана Булата, «одним из родичей» Токтамыша [52, с. 392], сообщал: «Оглан Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на имущество Тохтамыша и домочадцев его» [52, с. 393]. Как замечал М. Г. Сафаргалиев, то, что речь идет о Бек Булате, подкрепляется наличием его монет, чеканившихся в Орде в 1391 г., и «только после этого появляются его монеты в Сарае» [51, с. 158]. При этом М. Г. Сафаргалиев ссылается на «Инвентарный каталог мусульманских монет» А. К. Маркова, в котором значится монета Бек Пулада, чеканенная в Орде в 792 г.х. (20.12.1389–8.12.1390 гг.) [30, с. 491, № 1225], но это результат прочтения А. К. Марковым неполного оттиска цифры единиц даты на монете, относящейся к 793 г.х. (9.12.1390–28.11.1391 гг.). Такие монеты с хорошо

читае­мой датой известны в настоящее время. Г. А. Федоров-Давыдов замечал, что уход Бек Булата (Бек Пулада) в Крым после оставления им Сарая подтверждается чеканкой его монет в Крыму в 794 г.х. [63, с. 157].

Монеты хана Бек Пулада публиковались Х. М. Френом [76, р. 357–358, №№ 1–9; 64, с. 30–31, №№ 276–279, Tab. VIII, CCXLVIII, CCL, CCLII], отмечавшим, что в письменных источниках он упоминается только как оглан. Несколько неопубликованных им разновидностей монет этого хана описаны П. С. Савельевым среди других, находившихся в составе Екатеринославского клада [49, с. 132–136, №№ 320–327]. В нем находилась и монета чекана Орды 793 г.х., известная Х. М. Френу [76, р. 357, № 1; 64, с. 30, № 276], но экземпляр из клада отмечен П. С. Савельевым как битый общим штемпелем оборотной стороны с монетами Токтамыша [49, с. 133–134, № 320]. Монеты 794 г.х. (29.11.1391–16.11.1392 гг.) с надписью «Чеканка в городе», он атрибутирует как крымские [49, с. 135, № 323], поддерживая высказывавшуюся ранее догадку Х. М. Френа [64, с. 31, № 279].

Отмечу, что рассматривая (здесь и далее) обозначения монетных дворов и не считая Сарай и Сарай ал-Джедид разными городами, я не принимаю во внимание ставшее традицией после Х. М. Френа отнесение эпитета надписей монет «ал-джедиде» (новый) к монетному двору. Здесь Х. М. Френ нарушает свой же принцип чтения названия монетного двора без эпитетов как «Чеканка (монета) Сарайская», «...Азакская», «...Крымская». С позиций употребления арабского «ал-» надписи монет могут читаться как «Чеканка (монета) Сарайская новая (такого-то года)», «Чеканка (монета) новая года 782 Крымская» ($\dot{A}.j^3 687 \dot{O}Am f\dot{i}f.A Liy$).

Сводку монет Бек Пулада (Бек Булада) приводит Н. Агат, включив в нее чеканки Орды 792, 793 и 794 г.х. и Крыма 794 г.х. [71, с. 104–105]. Если об источнике упоминания чеканки в Орде в 792 г.х. легко догадаться [30, с. 491, № 1225], то в определении несуществующего выпуска той же Орды 794 г.х. можно только предполагать то ли ошибку в прочтении даты монет 793 г.х., то ли отнесение крымских монет 794 г.х. с надписью «Чеканка в городе» к выпускам Орды.

В Таврическом дворянском депутатском собрании сохранялся (до возвращения владельцу в 1839 г.) тарханный ярлык Тохтамыша, выданный Беку-Хаджи, даруге Кырк-Йера и главе племени шуракуль, в котором подтверждаются прежние привилегии, пожалованные ханом Пуладом (Булатом). Изначально принимавшееся исследователями чтение даты ярлыка как 24 зулькаада 784 г.х. (29.01.1383 г.) [34, с. 145–146; 14, с. 339] пересматривалось И. Н. Березиным как «94», т.е. 24 зулькаада 794 г.х. [4, с. 11–15, 43–49], что соответствует 12 октября 1392 г., отмечавшим, между тем, что эта дата не совпадает с указанным в нем годом двенадцатилетнего животного цикла [4, с. 49]. Достоверность обеих предлагавшихся дат ярлыка ставилась под сомнение рядом исследователей, относящим его в целом ко времени Токтамыша [56, с. 138; 2, с. 335, пр. 135; 60, с. 119–122, 129; 11, с. 55–70]. Но уже А. Н. Самойлович находил подтверждения предлагавшейся И. Н. Березиным дате [50, с. 141–142], принятой Ш. Ф. Мухамедьяровым [36, с. 105] даже после выхода в 1940 г. работы

А. Н. Курата, пересматривавшего ее и остановившегося на 1391 г. Несостоятельность предпринятой А. П. Григорьевым попытки досконально разобраться в чтении даты, установившим таковую как 24 зулькаада 782 г.х. (19 февраля 1381 г.) [12, с. 80–88], обосновывается невозможностью Бек Пулада (Булата) предоставлять тарханы кому-либо до того, как он провозгласил себя ханом. Его монетная чеканка в Сарае датируется 793 г.х. (9.12.1390–28.11.1391 гг.). Независимо от чтения даты, которая, как отмечалось А. П. Григорьевым, является вторичной записью, сделанной неразборчивым почерком с пропуском одной из цифр, упоминаемый год животного цикла (чтение А. П. Григорьева и А. Н. Курата), в котором писался ярлык, мог быть 1392 или 1404. Надо понимать, что в 1404 г. Токтамышу, занятому войнами с Едигеем и находившемуся далеко от места написания ярлыка, было уже не до бухгалтерии. Следует признать верными предлагавшуюся И. Н. Березиным датировку ярлыка и уточнения, сделанные А. Н. Самойловичем. М. Г. Сафаргалиев, принимавший дату 10 сентября 1392 г., находил возможности ярлыка «раскрыть более подробно обстоятельства, обеспечившие победу Токтамыша над новым ханом», считая, что для победы над осажденным в Солхате Бек Булатом Токтамышу пришлось путем выдачи тарханов привлекать их получателей на свою сторону [51, с. 159]. Возможно, что-то подобное и было. Только Токтамыш не выдает новый, а подтверждает выданный Пуладом тархан, признавая, таким образом, законность и этого документа, и ханствования Пулада, по крайней мере, над Крымом, а документирование выданных крымским беям, очевидно, устных гарантий Токтамыша могло происходить только после его победы над Бек Булатом. Датировка ярлыка 10 сентября или 12 октября 1392 г. подтверждается временем ханста Бек Булата (Пулада) в Сарае и в Крыму, окончившегося до сентября 1392 г.

Типы и варианты видов монет Бек Булата (Бек Пулада) были представлены в статье Ю. В. Зайончковского [17], попытавшегося бросить новый взгляд на письменные источники о нем. Монета этого хана, чеканенная в Сарае (zeno.ru/#105437), бесспорно подтверждает письменное свидетельство о захвате им главного города улуса [17, с. 535, 541, рис. 1]. Автор не читает дату (793) на монете и не обращает внимания на идентичность монетного типа ее лицевой стороны с монетами, чеканенными в том же году в Орде. Подобная идентификация монетных типов одной из сторон монет позволила в свое время Х. М. Френу отнести к чеканке Крыма монету с неуказанным названием места чеканки – «Чеканка в городе» [76, р. 358, № 5; 64, с. 31, № 279, Tab. VIII, CCLII], что позже подтвердилось обнаружением экземпляров, битых общим штемпелем [49, с. 135, № 323]. Связанных общим штемпелем лицевых сторон монет Бек Пулада (Бек Булада) чеканок Орды и Сарая 793 г.х. не обнаруживается, однако, общности монетного типа достаточно, чтобы заключить о производстве их на одном монетном дворе – в Сарае. Они чеканились от имени хана Бек Булата (Бек Пулада), когда он захватил столицу Сарай, а с ним, соответственно, и Орду после битвы Токтамыша с Тимуром 18 июня 1391 г., но чеканка продолжалась недолго и была прекращена, когда Бек Булад оставил волжскую столицу. Укрепив-

шись в Крыму, он успел выпустить свои монеты, датированные 794 г.х. (29.11.1391–16.11.1392 гг.) [64, с. 30, № 277, Tab. VIII, CCL]. События, последовавшие после захвата Сарая Бек Булатом, так описываются Ибн Халдуном: «Токтамыш пришел в Сарай и опять завладел им. Оглан Булат бежал в Крым и овладел им. Токтамыш выступил против него с войсками и осадил его (Крым). Вслед за тем явился в Сарай сын Урус-хана и овладел им. Тогда Токтамыш возвратился (туда) и вырвал его (Сарай) из рук его. Войско его (Токтамыша) продолжало идти в Крым и возобновило осаду его, пока наконец не овладело им. Он (Токтамыш) одержал верх над Оглан Булатом и убил его» [52, с. 393]. Не названный Ибн Халдуном сын Урус хана, изгнанный из Сарая Токтамышем, не успел выпустить там своих монет, возможно, и объявить себя ханом.

Замечания Ю. В. Зайончковского о вероятном отсутствии чеканенных в 792 г.х. в «Орду Джедид» монет Бек Булата (Бек Пулада) [17, с. 535], упоминаемых в «Инвентарном каталоге» А. К. Маркова [30, с. 491, № 1225], созвучны наблюдениям А. Г. Мухамадиева, определяющего *terminus a quo* чеканки монет Бек Булата (Пулада) разгромом Тимуром Токтамыша 18 июня 1391 г. [35, с. 99]. Новый источник – запись массарии Каффы 1386 г. – не опровергает подобных мнений.

Итак, согласно записи в бухгалтерской книге массарии Каффы, в войске «государя императора», стоявшем под стенами города в 1386 г., присутствовали оглан «Бек Булат и два других оглана, находящихся с ним в войске под Каффой». Не подлежит сомнению, что «государем императором» назван не участвовавший лично в походе своего войска хан Токтамыш, по генуэзским документам «император татар» в «Imperio Gazarie», как именовался Золотоордынский улус, в том числе и в надписях на строительных плитах Каффы времени Токтамыша – 1383 г. [67, с. 279, № IV; 84, р. 54, по. 10] и 1384 г. [67, с. 278, № III; 84, р. 49, 53, по. 8, 9]. Командующим войска был оглан Бек Булат (Бек Пулад). Перед тем зимой 1385–1386 гг. он же возглавлял кампанию Токтамыша по завоеванию Тебриза. Шереф ад-Дин Йезди пишет: «...Токтамыш-хан через Дербенд отправил к Тебризу огромную армию, приблизительно 9 туманов, большей частью язычников, всех безжалостных и злобных, с 12 огланами Джучиева рода, во главе с Бек-Буладом» [52, с. 151].

Выплата массарией Каффы общей суммы «государю императору», огланам и солхатскому наместнику Кутлу Буге не требовала необходимости нахождения не только Токтамыша, но и его наместника среди возглавляемого Бек Булатом (Бек Пуладом) войска. Хан находился в это время в Сарае, покидать который было бы для него, как показывают события, рискованно. Об отсутствии в войске самого Токтамыша и владельца Солхата Кутлу Буги, значившихся среди получателей денежных средств, прямо говорит запись массарии, отмечающая реальное присутствие в стоявшем под стенами города войске только военачальников: «Бек Булат и два других оглана, находящихся с ним (Бек Булатом – *В.С.*) в войске под Каффой».

Ю. В. Зайончковский находит «согласование» исторических заключений А. Л. Пономарева с походом Бека Булата во главе войска Токтамыша на Тебриз. По его

мнению, «Интерпретация записи Массарии Кафы о Бек-Булате А. Л. Пономаревым согласуется с предшествующими событиями. В 1386 г. ... победоносный полководец – потомок Джучи – вернулся с богатой добычей из закавказского похода. И был провозглашен ханом» [17, с. 538]. Если «согласования» между заключением А. Л. Пономарева о «ханствовании» Бека Булата и участии его в тебризском походе во главе войска Токтамышша не может и быть, то согласованность находится между сведениями документов, относящихся к происходившим в один год событиям. Надо полагать, что среди оказавшихся в 1386 г. под Каффой воинов находились и те самые «безжалостные и злобные» участники тебризского похода, которые были «большой частью язычники». Огланы представляли старший командный состав – командующего с начальниками правого и левого крыльев токтамышева войска. Можно предполагать, что этими начальниками были известные по походу на Тебриз эмиры Иса-бек и Янгидай [52, с. 97–98, 109–111]. Это не значит, что составы кампаний Токтамышша не подвергались ротации. Тот же Иса-бек осенью следующего 1387 г. находился в числе начальников отрядов, посланных для осады Саурана и разграбления Ташкента, а участие в этой кампании Бек Пулада не свидетельствуется [52, с. 110–111, 153–154]. Нам не известны все подробности событий этого времени, но отстранение Бек Булата от командования войском, а с ним и неучастие крыла Янгидая в походе на Сауран и Ташкент, возможно, были обусловлены начавшимися разногласиями между Токтамышем и Бек Булатом, вылившимися в дальнейшем в отмежевание от Токтамышша всего крымского крыла, наконец же – и захватом Сарая крымским огланом.

Причиной похода войска Токтамышша под Каффу в 1386 г. могло быть несоблюдение городом пунктов договора, заключавшегося между консулом Яноном да Боско и солхатским владетелем Черкес-беком в последний день месяца шабана 782 г.х. (28 ноября 1380 г.) «с согласия Монгольского хана Кыпчакской орды Токтамышша и народа Крымского» [20, с. 82]. По мнению П. И. Кеппена, тогда же хан оставил в Каффе своего чиновника «для разбора дел подданных хана» и «митаря» для сбора налогов «по старому обычаю» [20, с. 83], но здесь выражено ничем не обоснованное мнение П. И. Кеппена. Договор 1380 г. не предусматривал каких-либо обязательств Каффы, касающихся денежных выплат Токтамышшу. В нем, в основном, определялись шертные отношения: «...быть верными и преданными императору, быть приятелями его друзей и врагами его неприятелей и не принимать в свой город и в свою крепость ни его противников, ни тех, которые от него отложатся». Возможно, Каффа, пользуясь отсутствием пунктов вассальных отношений с ханом в договоре, не выплачивала ему дани, что и побудило Токтамышша напомнить о себе, послав войско для получения мзды.

Очевидно, что цель похода 1386 г. была оправдана, и Каффа подчинилась Токтамышшу. Осенью 1388 г. для похода в Среднюю Азию в ответ на потерю разрушенного Тимуром Ургенча (Хорезма) Токтамышш «собрал со своего Улуса огромное войско из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов (жителей) Крыма, Кафы и Азака, башкирдов и мокши – неподдающуюся счету армию, превосходившую число древесных листьев и дождевых капель» [52, с. 156]. Как видно, Каффа наряду с другими участни-

ками кампании предоставила вооруженное воинство. В Сейхунском сражении у Сырдарьи весной 1389 года участвовали все известные военачальники Токтамыша.

Перед неуспешным для Токтамыша сражением с Тимуром 18 июня 1391 года в долине Кондурче [31, с. 43; 13, с. 24; 7, с. 7–11] Бек Булат (Бек Пулад) находился в числе огланов, командующих частями токтамышева войска. Шереф ад-Дин Йезди в своей «Книге побед» пишет: «Токтамыш-хан украсил центр и фланги своего войска царевичами Джучиева рода, как-то: Таш-Тимур-огланом, Бек-Ярык-огланом, Ильгамыш-огланом, Бек-Пулад-огланом ... и другими, да эмирами и нойонами...» [52, с. 168]. Но Шереф ад-Дин Йезди идеализирует свое описание, демонстрирующее боеспособность войска, поскольку перед сражением некоторые огланы и эмиры покидают Токтамыша, увозя с собой своих воинов. Отложившись от Токтамыша в самое неподходящее время, они бросали ему вызов, заявляя о своей самостоятельности в избрании хана. Уже после осады Бек Булата в Крыму, в ярлыке Ягайле Токтамыш писал: «Бог нас пожаловал, предал нам враждующих угланов и беков, из коих главные Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгич и Турдучак Берди Давуд» [3, с. 51]. В другом ярлыке изложено на западно-русском наречии: «Бог нас пожаловал опять, наши неприятели-ворозы, дал нам всех у наши руки. Мы их сказнили, так што опять не будут нам пакостити» [3, с. 22]. И. М. Миргалеев считает, что Токтамыш расправился с Бек-Булатом уже весной 1392 г. [31, с. 112; 32, с. 147].

В данном случае нас не может не заинтересовать форма выплат в 1386 г. массарией Каффы Токтамышу, владельцу Солхата Кутлу-буге, Бек Булату и двум другим огланам 333 соммо 37 саджо 12 каратов, счисляемых в весе металла. Документально достоверная информация записи массарии свидетельствует о том, что «соммо» являлся денежно-весовой единицей. Курс соммо сохранял постоянство в отличие от аспра: в казначейских книгах массарии Каффы записи расхода и прихода велись для соммо и аспра раздельно без перерасчета сумм. Для выяснения ее величины возможным подспорьем могут служить записи на двух серебряных чашах. Их исследователь приходит к заключению, что расхождения действительных их весов с сообщаемыми надписями объяснимы лишь в случае, если мастером был указан исходный вес металла до потерь при его плавке [24, с. 71]. Согласиться с этим значило бы признать, что мастер не был знаком с флюсовой плавкой и сплавлением остатков металла после механической обработки, с методами компенсации лигатурного угара, иными словами – не был мастером. В описании Ф. Пеголотти расчетов производства продукции монетным двором Таны, а именно – чеканки 202 аспров из одного слитка-соммо с удержанием в пользу двора 12, никак не предусматриваются какие-либо потери металла [81, р. 35]. Если же мастер-ремесленник откровенно занимался кражей серебра, то зачем надо было писать об этом на своей продукции? Более правдоподобно считать, что разница в сообщаемых надписями и действительных весах чаш составляла оплату труда мастера, а в самих надписях указана стоимость изделия, выраженная в денежно-весовом серебряном эквиваленте соммо. Счисление массарией Каффы стоимости расходов в весовых единицах показывает,

что денежно-весовой счет серебра существовал наряду с монетным, а стоимость сомма была стабильной и не менялась в отличие от изменчивой монетной стопы [81, р. 26]. Тогда теоретические расчеты веса слитка соммо, производившиеся Г. А. Федоровым-Давыдовым [62, с. 67–68], применимы к его денежно-весовой стоимости, а при весе соммо в 204,7 г выплата массарией Каффы Токтамышу с его войском составляла почти 70 кг серебра ($204,7 \text{ г} \times (333+37/45+12/24/45) = 68 \text{ 335,68 г}$).

Ф. Пеголотти упоминает как счетно-весовую единицу для взвешивания серебра – «соммо серебра», так же как для золота (драгоценных камней и жемчуга), по его сообщению, использовалась другая – «саджо» [81, р. 24]. Но «саджо» также применялся и для серебра: там же он сообщает о равенстве «соммо» 45 «саджам». Последний, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, соответствовал принятому на востоке для взвешивания золота «мискалю» [62, с. 67]. При счислении веса соммо из расчета его равенства 45 мискалям получаем 206,5 г.

Существенным для нас свидетельством является вытекающее из записи массарии заключение об отсутствии в 1386 г. монетной чеканки у Каффы, хорошо известной для второй – третьей четвертей XV в. по выпуску двуязычных татаро-генуэзских аспров. В. Н. Юргевич обращал внимание на то, что в уставах Генуи 1290 и 1360 гг. чеканка монет запрещалась под угрозой штрафа в 500 генуэзских лир [68, с. 151; 44, с. 56–57]. Возможно, причиной запретов являлись частные монетные чеканки.

Из договора 27 ноября 1380 г. консула Каффы Джанноне дэл Боско с солхатским владельцем Кутлубугой, выступавшим как наместник и полномочный представитель «императора», согласно одного из пунктов которого татары должны были чеканить хорошую монету, В. Н. Юргевич заключал об отсутствии и в это время чеканки у Каффы, иначе бы, по его мнению, татары требовали бы того же соблюдения качества монеты от генуэзцев [68, с. 151; 69, с. 467]. Несогласие с этим мнением В. Н. Юргевича выражал О. Ф. Ретовский, предполагавший, что побуждающим этот пункт договора был выпуск каффинской монеты, превосходившей в пробе татарскую, а понижение пробы монет Токтамыша «должно было быть причиной убытков для Генуэзцев» [44, с. 57]. Гаспар Луиджи Одерико передает содержание этого пункта договора: «Коттоллобога синьор Солката обещает со своей стороны, что во время его господства будут делаться деньги в Солкате...»². Далее говорит о жалобе (queste) торговцев (parole) консулу (cose), которую могла удовлетворить чеканка в Солхате монет (di Solcati battea moneta). О качестве их, как видно, не говорилось. Начиная с 782 г.х. (7.04.1380–27.03.1381 гг.) в Солхате чеканятся монеты с именем Токтамыша [76, р. 307, № 12; 64, с. 23, № 191, Tab. V, CLVI], и речь могла бы идти об этой чеканке.

Но вопрос с договорами не столь прост, чтобы решать его, не обращаясь к текстам. В. Н. Юргевич руководствовался пересказом Одерико содержания отдельных пунктов договора, а текст его, изданный А. Оливери [80, р. 72–74], очевидно, не

² «Di piu Cottolloboga Signor di Solcati promette per sua parte, che toto tempore dominationis suae fieri faciet pecuniam in Solcati...» [79, p.182].

был ему знаком. Другой договор сходного содержания с первым, заключенный 24 февраля 1381 г. тем же консулом Яноном де Боско с представителем хана и наместником Солхата, был опубликован Сильвестром де Саси в *Notices et extraits*, XI, 52 [82, p. 52–56]. Совместное издание текстов обоих договоров осуществил в 1887 г. К. Десимони, снабдив его следующим коротким комментарием: «Представить здесь текст договора между генуэзцами и татарами мы обещали в предыдущей книге на странице 114. Он сохраняется в двух оригинальных документах, различных между собой и по дате, и по имени человека, который представлял императора Кипчака. Только один из этих двух был известен де Саси и опубликован в *Notices et extraits*, XI, 52; другой, знакомый только Одерико, найденный среди его документов и опубликованный Оливери в *Carte e Cronache manoscritte per la storia genovese*, 1855, p. 73. Будучи теперь опубликованы вместе перед вами, они показывают причину различий, которые обманывали ученых, доверявших только одному договору. Даты сводятся к незначительной разнице во времени: для документа Чаркассо 27 ноября 1380 и для Элия Бея 24 февраля 1381, спустя около трех месяцев» [74, p. 161].

Публикация договора 27 ноября 1380 г. была осуществлена К. Десимони с большим количеством ошибок типографского набора в латинском тексте и расхождением с чтением А. Оливери. Договоры же 27 ноября 1380 г. и 24 февраля 1381 г. также, помимо неоспоримого совпадения последовательности и формулировок пунктов, имеют расхождения и в именах, и в деталях. Оба документа имеют абсолютно схожие преамбулы, датированные 28 июля 1383 г. и совпадающие по упоминанию имени Элия только с одним из них. Различие заключается в именовании для правительств «Газарии» или «Тартарии»:

«В тысяча триста восемьдесят третьем, день двадцать восьмой июля.

Это пример или регистрация красивейшего документа, написанного на уйгурском языке, информации и конвенционного свидетельства начала и завершения договора между великими и (полно)мощными господами Элия, от имени (бывшего) тогда господина Сорката и наместника Величайшего Императора татар, и от имени его как господина Сорката с одной стороны, и прекрасными, благородными и честными людьми, господами Яноном де Босхо, (бывшим) тогда консулом Каффы, и генуэзским всем правительством Газарии (Тартарии), Бернабо Рицци и Терамо Пиченото, массариями Каффы, и консилиумом тоже господина консула, от имени и наместника всепобеждающей и высокой коммуны Генуи с другой стороны, и в качестве пункта документа более полно изложена, и перевода слов с языка уйгурского на язык мандатной комиссии, отличных и известных мужей Мелиадука Катаны, консула Каффы, и генуэзцев всего правительства Газарии (Тартарии), мной Джулианом Панисарием, нотарием и судьей Каффы писаны письменные образцы содержания указанного документа в переводе с уйгурского языка Франциско Жибеллето, секретаря называемой курии переводчиков на родной язык с уйгурского и

интерпретации и референции латинского языка Лучино Калигепара, интерпретации комуны и курии Каффы, из всего ниже буквально содержащегося»³.

Из этого поясняющего текста следует, что предворяет он перевод на латынь писаного на уйгурском языке договора между Чаркассо (Jarcasso) и консулом Каффы Яноном де Боско, а перевод составлен более года спустя со времени заключения обоих договоров при консуле Мелиадуке Катане. Первый договор заключался с Эллиас Беем, сыном Кутлубуги и сеньором Солката, представителем хана («Elias Bey fa lo comandamento de lo Imperao» – *Эллиас Бей исполняет распоряжение императора*). В договоре 24 февраля 1381 г. со стороны императора выступает сеньор Сорката – Чаркассо, он же фигурирует в нем под титулом Zicho, т.е. «шейх» (CĪq) [56, с. 135], список подписавшихся со стороны татар иной и значительно больший. Можно заметить, что ни в одном из договоров имя хана не упоминается, в первом – он именуется императором, во втором – императором и Великим императором. Судя по датам договоров, первый – не мог заключаться с представителем хана Тулака, последним из ставленников Мамая, поскольку состоялся после знаменательной Куликовской битвы 8 сентября 1380 г., после которой имя Тулака – его монет и Тетяка – русских летописей нигде не встречается. Он подписан прежней (до Токтамыша) администрацией Солхата. Существование чеканенных в Азаке монет Мамая, на которых он назван ханом [64, с. 20; 41, с. 117–119], допускает, что солхатский наместник Чаркассо представлял Мамая, ханская власть которого распространялась на Азак и Крым. В Крыму выпусков серебряных монет хана Мамая неизвестно, но надчеканкой в виде трехной тамги с боковым ответвлением от кольцевого навершия снабжались обращавшиеся со времени Узбека серебряные крымские монеты, часто уже имевшие более раннюю надчеканку «хан» (Джанибека) и генуэзский «портал».

Поскольку оба договора составлялись на «уйгурском» (монгольском, уйгурским письмом) языке, а письменные переводы их были сделаны позже, инициаторами первого договора могла выступать татарская сторона, то есть Мамай, искавший убежища в Каффе от Токтамыша. Один из пунктов касался возвращения генуэзцам 18 селений, отобранных лет за пять до этого Мамаем. Независимо от того, был ли этот договор заключен, или нет (Г. Десимони считал его проектом), поставленная на

³ «Millesimo trecentesimo octuagesimo tertio die vigesima octava Julii. Hoc est exemplum seu registratio cuiusdam instrumenti scripti in lingua ugarasca certorum pactorum et conventionum initorum et firmatorum inter magnificum et potentem Dominum Eliam tunc Dominum Sorcati nomine et vice Excellentissimi Domini Imperatoris Tartarorum, et nomine ipsius tanquam domini Sorcati ex una parte, et egregios et nobiles et prudentes viros dominorum Ianonum de Boscho tunc Consulem Caffè et Januensium in toto Imperio Gazarie, Bernabovem Ricium et Teramum Pichenotum massarios Caffè et consilium ejusdem domini Consulis, nomine et vice victoriosissimi et excelsi Comunis Janue ex altera parte et prout in dicto Instrumento plenius continetur, et translato de dicta lingua ugarasca in lingua latina de mandato et ex commissione egregii et nobilis viri Domini Meliaducis Catan(ei) Consulis Caffè et Januensium in toto imperio Gazarie per me Julianum Panizarium notarium et Curie Caffè scribam scribentem, legente dictum instrumentum in dicta lingua ugarasca Francisco de Gibelleto scriba dicte curie quo ad dictam linguam ugarascam, et interpretante et referente in lingua latina Luchino Calligeparii interprete Comunis et Curie Caffè in omnibus prout inferius ad litteram continetur» [74, pp. 161–162].

нем дата 27 ноября 1380 г. фиксирует время пребывания Мамаю в Крыму незадолго до своей кончины. Судя по спешности составления удобного для Каффы соглашения со всеми уступками со стороны Мамаю, версия о его смерти в Солхате теряет состоятельность. Р. Ю. Почекаев пишет о Мамае: «...в самом конце 1380 или начале 1381 г. он был достигнут сторонниками Токтамыша под Солхатом или в самом городе и умерщвлен», находя подтверждение тому в русской летописи и в Утемиш-хаджи [43, с. 140, пр. 384], но обходит молчанием свидетельство источников о пребывании его в Каффе. Большинство исследователей именно так представляли и представляют эти события [39, с. 41, 82, 187, 337, 366; 33, с. 51; 19, с. 46–47; 57, с. 279; 61, с. 104; 6, с. 269; 15, с. 427]. Другие – отдают предпочтение сообщению «Задонщины», что Мамаю обращался к генуэзцам, но они отказали ему в прибежище [39, с. 104, 118, 131]. Б. Д. Греков и Я. Ю. Якубовский придерживались другой версии: «Разбитый Мамаю направился в Каффу (Феодосия), где и был убит» [9, с. 189]. События этих дней им представлялись следующими: «Оставленный всеми, имея при себе лишь небольшую дружину, Мамаю начал переговоры с властями приморского крымского торгового города Кафы о предоставлении ему убежища... Власти города Кафы дали Мамаю нужное разрешение. Мамаю явился туда с небольшим отрядом... Однако «кафинцы» неспроста пропустили неудачливого золотоордынского правителя; не прошло и нескольких дней, как они убили его и захватили его богатства» [10, с. 322]. Такую версию, где акцентируются меркантилизм и вероломство властей Каффы, представляет Патриаршая летопись [28, с. 69]. Но, судя по заключению с Мамаем договора, в котором он выступает как «император», таковым он и оставался для генуэзцев, не замышлявших ничего недоброго. Отдать его преследователям вынудила их осада Каффы войском Токтамыша, и по требованию осаждавших Мамаю был сброшен им со стен города, после чего осада была снята [56, с. 136]. Как известно, Токтамыш приказал похоронить его с подобающими чингизиду почестями [56, с. 135].

В свете освещения событий с привлечением содержания и цели договора выглядит необоснованной попытка искать погребение Мамаю в расположенном между Феодосией (Каффой) и Старым Крымом (Солхатом) кургане Шах-Мамаю. Один из договоров был заключен на горе Јаџим между Каффой и Тремя Колодцами. По догадке В. Д. Смирнова, на этом кургане и был заключен договор «на свежей могиле Мамаю между генуэзцами и новыми представителями татарской власти в Крыму» [56, с. 134]. Название «Три Колодца» можно переводить и как «Пограничный колодец» – после того, как прилагательное «уч» было обнаружено В. А. Гордлевским и В. В. Бартольдом в значении «пограничный». В подобном случае место встречи переговорщиков должно было находиться ближе к Каффе в пределах ее территории. К тому же спутать гору со свеженасыпанным курганом трудно. Это не исключает возможности захоронения Мамаю неподалеку от Старого Крыма в кургане, раскопанном М. Г. Крамаровским [26; 27], но недоказательно.

Второй договор 24 февраля 1381 г. заключался с новым солхатским наместником Эллиас Беем, сыном Кутлугуби, назначенным уже Токтамышем, что объясняет

и наличие общей преамбулы у переводов, в которой назван Эллиас и «Величайший император», то есть Токтамыш: второй договор является подтверждением первого со стороны нового хана и новой администрации Солхата.

Отец Эллиаса Кутлубуга, по-видимому, тот Кутлу-Буга, который выступает словом Токтамыша в 1380 г. в Литву к Ягайло, в чем высказывал сомнения В. Д. Смирнов [56, с. 137]. Упоминание его в договоре 1387 г. уже как наместника в Солхате и сходство этого документа с договором 1381 г. склоняет к мысли о несогласованиях при копировании и возможной ошибке в написании даты переписчиком. Не имея возможности ознакомиться с оригиналом документа 1387 г., мы его не рассматриваем.

Подытоживающие договоры 1380 и 1381 гг. пункты:

<p>«Anchora sihavo ne sihava se de Caffà fuzirà e in Sorcati anderà e de Sorcati in Caffà fuzirà se deia rende, trentacinque asperi de troveyre se prenda e no pu. Se li homi de lo Imperio averan questiun ni a di ni a fa arcunna cossa cum li Franchi»;</p>	<p>«Anchora sihavo, ni sihava, se eli Fuziran de Sorcati in Caffà e de Caffà in Sorcati, quei lay se deiam rende. Oтра trentacinque asperi de troveura atromente no se prenda. Anchora se lo Canlucho a questiun o ademanda alcunna cossa da lo Zenoyse la raxun faça»,</p>
--	---

не подтверждают предположения О. Ф. Ретовского о производстве Каффой генуэзско-татарских монет до 1380 г. Хотя в них и говорится об аспрах, но речь идет о размере налога в «тридцать пять аспров» – это латинское название татарских акче. В более поздних документах Каффы при упоминании аспров имеются и уточняющие сведения – «asperì Caffae», «aspri di Caffà» или, начиная с 1424 г., «монета общины (de medio) Каффы – аспр» [55, с. 75–78].

Запись массарии Каффы о выплате весовой суммы серебра войску Токтамыша предполагает отсутствие монетной чеканки у нее в 1386 г. Новый договор был заключен между Солхатом и Каффой в 1387 г., и он также предусматривал обязательства Солхата чеканить монету «хорошей пробы» [25, с. 150]. Но, возможно, договор, упоминаемый Ж. Шлюмберже [83, р. 464], это тот же – 1381 г. Занимающий в работе Ж. Шлюмберже «Нумизматика Латинского Востока» страницы 455–469 очерк истории Каффы с описанием ее монет составлен по работам Хейда, Юргевича и Десимони и, по признанию автора, является их резюме, а новых источников к своему труду он не привлекал. Сведения о договоре почерпнуты у них. Оригиналы договоров были написаны монгольским языком уйгурским алфавитом и представляли, возможно, серьезные трудности для переводчиков. Возможно, мы имеем дело с копией или дубликатом договора с ошибочно прочтенной датой.

Начало чеканки Каффой монет не могло приходиться на время ранее 1386 г., в котором Каффа рассчитывалась серебряным денежно-весовым эквивалентом стоимости с Токтамышем, его наместником в Солхате и прибывшим под стены города войском во главе с Бек Булатом (Пуладом).

Свидетельством чеканки «*aspri di Caffa*» является документ 1409 г. о счисляемом ими завещании, составленном в 1396 г. В. Кёне, ссылаясь на договор 1380 г. и это завещание, полагал, что начало чеканки аспров относится к 1380–1396 гг. [21, с. 288]. Его точка зрения находила возражения со стороны В. Н. Юргевича, пытавшегося доказать, что чеканка монет в Каффе генуэзцами была начата только в 1449 г. [68, с. 153–154], но переписка с Г. Десимони и авторитетное мнение последнего, которое позже было опубликовано [72, р. 210; 73, р. 161–165], заставили его пересмотреть свое заключение [69, с. 465]. Уточнив время отсутствия у Каффы чеканки, мы имеем возможность сузить эту дату до 1386–1396 гг.

К первым двуязычным монетам Каффы, правда, не несущим на себе символов города и его названия, могут быть отнесены опубликованные О. Ф. Ретовским аспры с изображением крупной буквы Т в кольцевом ободке и легендой IMPERATOR на оборотной стороне и также в окружении ободка и неразборчивой арабской легенды – джучидской тамги с полумесяцем справа от нее вверху – на лицевой [45, с. 50, №№ 1–2, табл. V, 18–19; 46, с. 16–17, № 4, табл. VI, 20; 47, с. 69–71, табл. VI, Аспры с Т, 1–4; 48, с. 16, №№ 6–7, табл. I, 6–7]. Не находя объяснения значению крупной буквы «Т», О. Ф. Ретовский допускал возможность чеканки этих монет в Тане, но, не настаивая на окончательности решения, рассматривал также допустимость отнесения их к числу генуэзско-татарских Каффы: «Можно было бы видеть в букве Т указание на колонию “Тана” (на месте нынешнего Азова), которую Генуэзцы в конце 13-го века отняли у Венецианцев, но если предположение барона Кёне, что тамга с маленьким полумесяцем и той формы, которую мы встречаем на монете № 1, представляет герб города Каффы, окажется верным, то надо будет и эти монеты отнести к нынешней Феодосии» [45, с. 51–52]. Но в переиздании своих статей в «Известиях Императорской археологической комиссии» он ограничивается предположением о возможности их чеканки в Тане (Азаке) [47, с. 71], отказавшись от предположения Б. В. Кёне об атрибуции тамги с полумесяцем как герба Каффы.

Можно привести два аргумента в пользу каффинской принадлежности аспров с большой буквой «Т». Первый – геральдика Каффы. Сопровождение джучидской тамги бризурой в виде полумесяца на монетах с буквой «Т» кроме них встречается только на геральдических щитах в оформлении консульских строительных надписей Каффы. Высказывавшееся Б. В. Кёне предположение о том, что джучидская тамга с полумесяцем, помещенная в геральдический щит, являлась гербом Каффы [21, с. 295], разделявшееся Н. Мурзакевичем и поддержанное (позже отказавшимся от него) О. Ф. Ретовским [47, с. 15, пр. 1] и другими исследователями, может не рассматриваться после опровержения подобных мнений [16, с. 26–27; 70, с. 74]. По правилам средневековой геральдики бризура (изображение полумесяца) в соединении с говорящим гербом (джучидской тамгой) обращает его в личный герб [40, с. 244].

Изображение герба в виде размещенной на латинском геральдическом щите тамги с полумесяцем справа в верхней части поля щита находится на плите с надписью консула Джованни де Скаффа, хранившейся до 1941 г. в Павловском дворце близ

Санкт-Петербурга вместе с шестью другими, вывезенными из Феодосии. В. Н. Юргевич прочитал на ней имя неизвестного до этого консула: «+MCCCXXXII HOC OPPUS FACTU(m) FUIT T(em)P(o)RE DO(mi)NI IOHIS DE SCAFFA CONSSULIS IANNUENSIUM IN CAFFA» [67, с. 275, № 1]. Е. Ч. Скржинская уточнила его чтение: «+MCCCXXXII HOC OPPUS FACTU(m) FUIT T(em)P(o)RE D(omi)NI IOH(ann)IS DE SCAFFA CONSULIS JANUENSIUM IN CAFFA. Приписывание Е. Ч. Скржинской обнаружения имени нового консула [70, с. 180], очевидно, ошибочно.

Подобный же герб находится на фрагменте плиты с именем того же консула, ошибочно отнесенном В. Н. Юргевичем к той же плите, которой, якобы, принадлежит и другой фрагмент [66, с. 159, № 1–3]. О том, что сколотые части относятся к разным плитам, можно судить по видимым на опубликованных фотографиях отличиям высот сопоставляемых частей, размеров и конфигураций геральдических щитов, стилистической трактовки основного узла лилейного орнамента, орнаментальным заполнением поля возле гербов только одного из фрагментов и другим признакам (рис.1). На принадлежность этих двух рознящихся фрагментов разным плитам не обращалось внимания [84, с. 32–34, № 2a–b; 1, с. 187, табл. I,2; 70, с. 135, рис. 8; 59, с. 100, 102; 5, с. 172–173]. Тем не менее, совпадение и надписей, и гербов с сохранившейся достаточно полно плиты из Павловска позволяет заключить, что все они были подобны по содержанию, а две, на которых находятся гербы с тамгами и имя консула, несли дату, читающуюся на одной из них полностью как 1342 г. [67, с. 275, № 1]. Надпись над татарским гербом плиты читалась В. Н. Юргевичем как ...IS TPR.DNI JOHAIS DE SOFIA – «(regimin)is tempore Domini Johannis de Sofia» [66, с. 159]. Чтение имени консула было уточнено Е. Ч. Скржинской: «[hoc op]us t(em) p(o)r(e) d(omi)ni Ioha[nn]is de Scaffa» – «...во время управления господина Джованни ди Скаффа...» [84, р. 32].

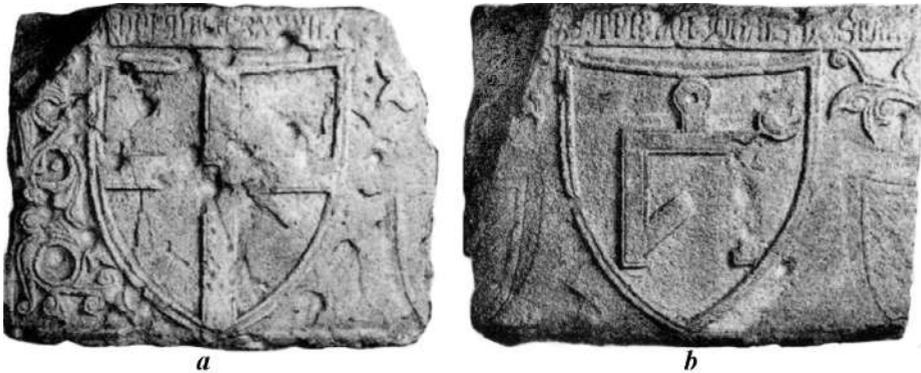

Рис. 1. Отнесенные В. Н. Юргевичем к одной плите фрагменты плит из Феодосийского музея [66, с. 159; 1, с. 187, табл. I,2; 70, с. 135, рис. 8]

Наличие не двух, а трех сходных по надписям и оформлению гербами плит с именем консула ди Скаффа свидетельствует об интенсивных строительных работах, осу-

шествовавших в 1342 г. Каффой, поскольку водружение их на одном здании маловероятно. Возможно, они размещались на башнях, сообщая о крепостном строительстве, чему соответствует и схожесть размеров этих плит. Возможная ситуация, побудившая укрепление оборонительной системы Каффы в 1342 г., нами не рассматривается.

На плите с упоминаниями папы Климента VI, консула Эрмирио Мордини и даты – 1346 г. [75, t. V, p. 299; 85, № 20; 66, с. 160, V; 84, с. 35–36, № 3; 1, с. 191, табл. V,2; 70, с. 136, рис. 10] полумесяц расположен справа от тамги посередине (рис. 2,2*b*). Такой же герб находится на другой, утратившей правую сторону плите из Феодосийского музея [1, с. 193, табл. VII,2] (рис. 2,2*d*). Еще одно изображение подобного герба находится посередине между щитами с генуэзским крестом на строительной плите с изглаженной или стертой надписью, хранящейся в том же музее [1, с. 192, табл. VI; 70, с. 142, рис. 25] (рис. 2,2*c*).

Расположение развернутого вправо полумесяца над тамгой справа встречается на датированных плитах 1384 г. [84, p. 49–51, № 8*a*], 1386 г., 1389 г. [84, p. 56–57, № 11] и 1396 г. [84, p. 58–59, № 12] (рис. 2,4*a–4c*).

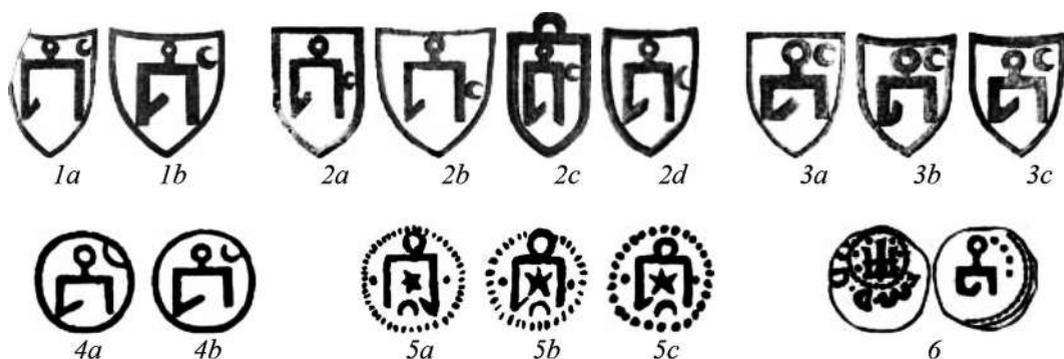

Рис. 2. Геральдические личные гербы золотоордынских ханов на строительных плитах с надписями Каффы и ханские гербы двуязычных монет: 1 – каффинский герб золотоордынского хана на плите с надписью 1342 г. консула Ди Скафа (*a*) и фрагменте плиты с именем того же консула (*b*); 2 – личный герб золотоордынского хана Джанибека (1342–1357 гг.) на плите 1346 г. с упоминанием папы Климента VI (1342–1352 гг.) и именем консула Эрмирио Мондини (*a*) и подобные гербы на недатированных плитах из Феодосийского музея (*b–d*); 3 – изображения герба хана Токтамыша (1380–1397 гг.) на строительных плитах Каффы 1386, 1389, 1396 гг. (*a–c*); 4 – изображение герба Токтамыша на аспрах с буквой «Т»; 5 – каффинский герб Улуг Мухаммеда (1419–1442 гг.) по изображениям на генуэзско-татарских аспрах (*a–c*); 6 – медные монеты Каффы, выпускавшиеся, судя по легенде лицевой стороны, во времена правления герцога Мариа Висконти (1421–1435 гг.)

Возможно, размещение полумесяца-бризуры относительно тамги-герба вносило различия в латинизированные личные гербы ханов в соответствии с традициями европейской геральдики. По датированным надписями плит, первый тип латинских гербов с полумесяцем над тамгой справа, развернутым под косым углом кверху вправо (рис. 2,1*a–1b*), мог принадлежать непродолжительно правившему хану Тинибеку

(1341–1342 гг.) или представлял еще не окончательно оформившуюся геральдику ханских символов в начале правления Джанибека. Второй тип герба – тамга с полумесяцем справа от нее, развернутым вправо (рис. 2,2a–2d) – может быть отнесен к хану Джанибеку (1342–1357 гг.). Третий – с полумесяцем над тамгой, смещенным и развернутым вправо (рис. 2,3a–3c) – встречается на датированных плитах времени Токтамышша (1380–1397 гг.). Можно отметить изменения пропорций тамги «дома Бату» на латинских гербах, обретающей ко времени Токтамышша уплощенную форму нижней части, такую же, какую находим в изображениях тамги на монетах с буквой «Т» (рис. 2,5a–5b). Наблюдаемые изменения пропорций тамги типичны только для монументальных плит Каффы, поскольку ту же форму нижней части тамги, как на гербах Токтамышша, имеет «джучидская» тамга на медных монетах Каффы (рис. 2,7), выпускавшихся, судя по легенде D.MD.CAF, при Миланском герцоге Мариа Висконти (1421–1435 гг.). Таким образом, изменения формы и пропорций воспроизводившейся в Каффе джучидской тамги не могут приниматься за ориентиры для датировки, находясь в зависимости от стиля мастера-камнереза или резчика штемпелей.

Рассматривая типы каффинских личных гербов золотоордынских ханов, нельзя не упомянуть латинизированный личный герб Улуг Мухаммеда (рис. 2,6), изображавшийся на некоторых из аспров Каффы времени сеньории над Генуей герцога Мариа Висконти [45, с. 16–17, №№ 40–41, табл. IV,12–13; 47, с. 27–28, №№ 46–47, табл. I,46–47; 48, с. 6–7, №№ 46–47, 47a, 47b, табл. I,46–47,47b]. От остальных аспров с именем того же хана они отличаются не только тамгой «дома Бату» (вместо тамги Большой Орды), которую сопровождают несколько бризур (полумесяц, звезда, две точки), но и более пространной легендой на одном из штемпелей, читавшейся О. Ф. Ретовским:

ÉÑÈÈ É¼A f¼AÉ É¼ É¼A f¼A ÉBa f¼. ¼eB¼A ÉBj ¼r¼A

– «Справедливый султан Мухаммед хан, да упрочит Бог его власть и да поддержит Бог его царствование» [48, с. 6–7]. Перевод можно уточнить: «Султана ал-адиль Мухаммед хана да сделает вечным Аллах царствие и да упрочит Аллах власть», что, впрочем, для нас не существенно. Столь полная легенда, передававшая начало хутбы хана, и необычное для остальных каффинских монет Улуг Мухаммеда оформление их латинским гербом свидетельствуют о чеканке этих аспров по какому-то особому случаю, возможно, для *новины* – традиционного подношения новоизбранному хану. Изображение джучидской тамги на монетах не соответствовало требованиям времени, но оно тем более понятно, что только начиная с монет Мухаммеда изображалась «новая» тамга Большой Орды, а вся последующая чеканка Каффы (до Хаджи Герая) сопровождалась уже ее изображением. Можно заметить, что аналогичное использование джучидской тамги в то время, как сами татары ее уже не изображали, отмечается В. В. Зайцевым для клейм на русских платежных слитках новгородского типа, датируемых по сопутствующим им находкам монет [18, с. 55, рис. 2–4]. Очевидно, они отображали адресат платежей в понятии изготовителей этих клейм.

Тамга с полумесяцем сверху справа от нее на лицевой стороне аспров, с крупной буквой «Т» на оборотной – изображала личный герб хана, каким его представ-

ляли в Каффе по традициям латинской геральдики. Кроме этого признака резки штемпелей генуэзским мастером, заметно его плохое знакомство с арабской письменностью и языком, отраженное в неразборчивости арабской надписи, которая на всех известных в настоящее время экземплярах аспров исполнена грубо и не поддается уверенному чтению. Даже отдаленное сходство с арабскими буквами имеют далеко не все знаки. Если эта сторона двуязычных монет представляла «татарскую», то понятной им она была только в представлениях генуэзцев. На лицевой же стороне латинская легенда исполнена разборчиво. Безымянное «император» дополняется латинской крупной буквой «Т» в центре, представлявшей, что наиболее вероятно, «Tartariae», сопровождавшее титул «император» в документах Каффы. Возможно, что одновременно она выражала начальную латинскую букву имени Токтамышша, но поскольку во всех официальных документах Каффы имя его и следующих ханов никогда не упоминалось, то и после него не было необходимости в изменении монетного типа, который вполне подходил любому новому «императору Татарии».

Нельзя сказать, что к вопросу о значении крупной буквы «Т» на каффинских монетах не обращались исследователи. В. П. Кирилко выдвинул предположение, что сами монеты чеканились для княжества Феодоро (Теодоро), хотя, по его же замечанию, «на хронологически близких монетах генуэзских колоний в соседних регионах большая буква аверса в качестве основного элемента композиции обычно соответствует первой букве имени монетного сеньора, но никак не города» [22, с. 137]. Непонятно, о какой степени «хронологической близости» недатированных монет с приводимыми в ссылке номерами типов по изданию Дж. Лунарди [77] могла идти речь, если последние представляют Гаттилузию 1376–1396 гг. (G6, G8), 1400–1449 гг. (G12), 1449–1459 гг. (G15) и предположительно отнесенный к ней тип G23 (1383–1456 гг.)? Также невозможно уловить параллель, усматриваемую им между начальной буквой названия Перы на дукатах (P1, P2) и инициалами Филиппо Мариа Висконти или Томазо ди Кампофрегозо. Чтобы связать рассуждения с выводом, В. П. Кирилко прибегает к подмене понятий: «В Хазарии смысловым эквивалентом большого Т аспров вполне мог быть Т-образный знак, который является неизменной основой всех официальных монограмм князей Крымской Готии» [22, с. 137]. Для последнего утверждения ему потребовалось пренебречь принципами средневековой геральдики и приписать все монограммы на геральдических щитах и медальонах плит со строительными надписями из Юго-Западного Крыма князьям Феодоро, включая и монограммы щитов, где изображались личные гербы-монограммы сеньоров. Из трех монограмм, изображаемых на плитах третьей четверти XV в., центральная – принадлежит сюзерену, одна из боковых – второму сюзерену в лице мангупского князя, другая же – непосредственному владельцу крепости, их вассалу. Выяснение хронологии истории Крымского ханства не оставляет сомнений, что в средней монограмме фуннской надписи 1459 г. заключается имя хана Большой Орды Ахмада, представленное в виде греческой транскрипции его тюркско-арабского написания. Греческие варианты передачи этого имени *Αχμάτ*, *Ἀχμάτης*, *Ἀχμέτης* [78, р. 81]. Бли-

зок к правильному чтению монограммы был В. Л. Мыц [37, с. 192], позже отказавшийся от него в пользу измышляемых В. П. Кирилко имен [38, с. 399]. Признание владельцем Фунны (возможно, и князем Феодоро) вассалитета перед Большой Ордой в лице Ахмада, как видно, сохранялось в июле 1459 г.

Другим аргументом в пользу принадлежности монет с буквой «Т» Каффе служит наличие выпуска, отчеканенного штемпелем оборотных сторон с Т и лицевых – с изображением тамги Большой Орды в круглом ободке, окруженном легендой с именем Мухаммеда [45, с. 51, табл. V,20; 47, табл. VI, Аспры с Т,5] (рис. 3,1–2). Подобные «гибридные» выпуски не редкость для Золотоордынского улуса [54, с. 269–270], а использование старых штемпелей для их производства (как лицевых, так и оборотных) не должно выходить за пределы одного монетного двора.

В распоряжении О. Ф. Ретовского имелось 4 экземпляра этого вида монет, о которых он пишет: «На всех моих 4 экземплярах главная сторона почти совсем стерта, обратные же стороны дают полную легенду» [45, с. 51; 47, с. 71]. Под «главной» он подразумевает сторону с «Т», которую мы рассматриваем как оборотную на основании визуального выявления экземпляров с отчетливой деформацией монетного кружка со стороны наложения верхнего (меньшего по диаметру) штемпеля (рис. 3,4,35–36). Обращает на себя внимание изношенность штемпеля этой стороны всех экземпляров монет, являющаяся, очевидно, результатом значительной продолжительности эксплуатации оборотных штемпелей. Если же символ Т на них обозначал начальную букву имени Токтамыша или понимаемую латинянами как дополняющий легенду «IMPERATOR» инициал слова «Tartariae», то несинхронность этой стороны монеты с оборотной, на которой изображена тамга Большой Орды и имя Мухаммеда, можно объяснить использованием изношенного, вышедшего из употребления штемпеля, что отмечалось О. Ф. Ретовским: «...главная сторона почти совсем стерта». Датировка этой монеты 1419 г., предлагавшаяся А. Л. Пономаревым, достаточно обоснована отнесением ее к самому началу чеканки монет с именем Улу Мухаммеда, но датировка тем же годом всех выпусков монет с большой буквой «Т» – недопустима.

Монет с «Т», битых общим штемпелем лицевой стороны с другими монетами Мухаммеда, обнаружить не удастся. Но имеется серия монет, эксплуатирующая монетный тип этой стороны гибридной чеканки в качестве типа тех же лицевых сторон, на сходство которых с гибридным выпуском обращал внимание О. Ф. Ретовский. Это – опубликованные им монеты с изображением на оборотной стороне генеузского «замка» или «портала» в окружении легенды «Чеканка крымская» (Áĵ³ Lj y) [45, с. 49–50, №№ 1–3, табл. V,15–17; 47, с. 68–69, табл. VI, Генеузские аспры г. Крыма, 1–3; 48, с. 16] (рис. 4,3–5). Лицевая сторона (по О. Ф. Ретовскому – оборотная), повторяющая тип монет с буквой Т гибридной чеканки, содержит такую же, как на них, отчетливо прописанную легенду «ас-Султан ал-Адиль Мухаммед хан» (рис. 4,3–14). О принадлежности монет О. Ф. Ретовский писал: «Трудно сказать, как следует понимать надпись Áĵ³ Lj y (чекан Крыма): значит ли это, что монеты чеканены в самом городе Эски-Крыме, или же в ближайшей главной генеузской колонии, Каффе, для г. Крыма. Впрочем, это вопрос не

важный; гораздо важнее то, что существование этих монет дает нам право предполагать, что во время чеканки их прежняя столица ханов Золотой Орды была в руках Генуэзцев... Мухаммед-хан царствовал приблизительно от 1419 до 1436 г.: наши монеты, следовательно, чеканены в то время, когда миланский герцог Филипп Мария Висконти был владыкой Генуи» [45, с. 49; 47, с. 69]. Примечательно в цитированной выдержке из О. Ф. Ретовского, что он допускал возможность чеканки Каффой монет с легендой «Чеканка крымская», объясняя это возможным нахождением в руках генуэзцев «прежней столицы ханов Золотой Орды» (столицы наместников хана?). Далее он достаточно убедительно мотивирует принадлежность Каффе и этих монет, и аспров с буквой «Т»: «Относительно того, что монеты с надписью $\text{Ā}j^3 \text{Lj} \text{y}$, описанные выше, чеканены Генуэзцами, не может быть сомнения, так как изображение портала на них ясно показывает их происхождение. Другое дело монеты с буквою Т на Ав. Генуэзского герба на них нет, и надпись на главной стороне почти совсем стерта, так что нет прямых указаний на то, кем они чеканены. Если я их все-таки причисляю к генуэзско-татарским монетам, то меня побуждает к этому большое сходство Rev. их с каффскими монетами... Это, конечно, еще не доказывает, что монеты, о которых идет речь, также чеканены Генуэзцами; но если не ими, то кем же?» [45, с. 50; 47, с. 71].

Под переходом «прежней столицы ханов Золотой Орды» в руки генуэзцев О. Ф. Ретовский очевидно подразумевал присвоение Каффой роли столицы Крыма. Нет ничего удивительного в том, что в период ослабления власти ханов над Крымом генуэзцы пытались претендовать на свое главенство над ним, что, вероятно, особенно отчетливо проявилось после поражения Токтамыша в сражении с Тимуром. По сообщению Ал-Аскалани, в 799 г.х. (5.10.1396–23.09.1397 гг.) произошло сражение между Токтамышем и генуэзскими франками [58, с. 451, 454]. Ибн ал-Форат называет иную дату – по его словам, Токтамыш пошел войной на «владельца» города Каффы, осадив ее 17 марта 1396 г. [58, с. 337, 364]. А. Ю. Якубовский замечал: «Оба автора согласны в том, что Кафа принадлежала тогда генуэзцам, которые, по-видимому, непосредственно после разгрома Тимуром Золотой Орды, в дни полной политической разрухи и безвластия, захватили в свои руки власть в Крыму» [10, с. 377–378]. О походе Токтамыша на «Приморские грады» сообщает под 1398 г. Никоновская летопись [28, с. 167]. По мнению А. Ю. Якубовского, считавшего, что речь идет о той же осаде Каффы 1396 г., «Можно думать, что Токтамышу удалось тогда захватить Кафу и удержать ее некоторое время в своих руках» [10, с. 378]. Но, различно называя дату этого похода, ни один из источников не говорит о взятии города. Возможно, и на этот раз Каффа предпочла откупиться, избежав разорения. О какой-то пережитой городом осаде может свидетельствовать серьезное разрушение одной из башен, о восстановлении которой сообщает строительная надпись 1396 г. [84, р. 58–59, no. 12].

Среди двадцати монет с буквой «Т» из клада, найденного у ворот Чуфут-Кале [29, рис. 45–46], три – перечеканены их других [29, №№ 979, 980, 4286], одна снабжена надчеканкой [29, № 990], причисляемой к Аспрокастроу (Белгород-Днестровский) [23, с. 160]. В целом же известные в настоящее время монеты с крупной «Т» (рис. 4) отличаются разнообразием

зачастую не читаемых арабских легенд, а в надписи одного из видов, не сопровождаемой изображением тамги, скорее угадывается, чем читается, имя Шадибека (рис. 3,33–34).

Возвращаясь к гибриднему выпуску в 1419 г. монет Улуг Мухаммеда с использованием забитого штемпеля с большой буквой «Т», нельзя не обратить внимания на технически несовершенную организацию чеканки, отражающую не только спешность подготовки, ограничивавшуюся изготовлением только одного нового штемпеля, но также и вероятное отсутствие возможности выбора среди вышедших из употребления штемпелей с буквой «Т». Если эксплуатация подобных не прекращалась с уходом Токтамыша с политической арены в 1399 г., о чем можно судить по их механическому износу, то продолжительность ее составляла не менее 18 лет. Можно с достаточной долей вероятности предполагать, что в течение этих лет в Каффе продолжали чеканить монеты с буквой «Т», не согласовывая их производство со сменяющимися один за другим ханами. Эта буква на монетах при латинской легенде «император», понимаемая как сокращение слова «Тартарии» (если ее удавалось прочесть по неполно прочеканенным оттискам изношенных штемпелей), была универсальной при всех сменявшихся за это время ханах.

Та же картина бесконтрольной со стороны Большой Орды чеканки монет не слишком качественно исполненными штемпелями, сочетаемыми в беспорядке и, часто, в несоответствии дат правлениям отмеченных на них ханам и эмира Идику (Эдигу), наблюдается в период правлений Пулада, Шадибека, Чегре и др., продолжаясь и после наступившей в 1421 г. смуты, о которой писал де Ланнуа. На некоторых из монет обозначается место чеканки «Каффа», или «Каффа Джедид». На несоответствие этих надписей месту выпуска указывает наличие общих штемпелей «псевдокаффинских» монет с крымскими (по надписи), а также продолжение датированных чеканок с именами умерших ханов, в том числе и Бека Суфи – когда параллельно производившийся выпуск его генуэзско-татарских монет Коммуной Генуи в Каффе был прекращен. Монетные выпуски первой четверти XV в. могли принадлежать различным монетным мастерским, обозначающим место выпуска в несоответствии своему местонахождению или тем же не локализуемым в пределах полуострова названием «Крым». находка значительного по величине клада монет первой четверти XV в. в Старом Крыму [65, с. 367] дает основания предполагать, что монетная чеканка этого времени находилась в ведении владетелей Солхата.

Подытоживая сказанное, можем заключить, что первые генуэзско-татарские выпуски Каффы начались в правление Токтамыша между 1386–1396 гг. и представляли собой аспры с изображением крупной буквы «Т» и легендой «IMPERATOR». Эксплуатация этого монетного типа продолжалась до начала правления Улу Мухаммеда в 1419 г., один из видов монет которого отчеканен штемпелем обратной стороны предшествующих выпусков. Следующая затем серия монет Улу Мухаммеда, битая с использованием одного штемпеля лицевых сторон и трех – обратных, несет на себе изображение генуэзского герба «замка» или «портала», который в последующих выпусках генуэзско-татарских монет становится неизменным изображением их лицевой стороны.

Рис. 3. 1–38 – Монеты с крупной буквой «Т» по О. Ф. Ретовскому [45, с. 51, табл. V, 20; 47, табл. VI, Аспры с Т, 5], В. В. Майко (из клада у ворот Чуфут-Кале) [29, рис. 45–46], из интернет-ресурса Zeno.ru и частных коллекций; 35 – надчеканка Аспрокастроны [29, №№ 990]; 36–38 – перечеканки [29, №№ 979, 980, 4286]

Рис. 4. 1–2 – Гибридный выпуск (1419 г.?), монета, битая лицевым штемпелем с именем Улу Мухаммеда и оборотным – предшествующих выпусков с легендой «IMPERATOR» и буквой «Т» [45, с. 51, табл. V,20; 47, табл. VI, Аспры с Т, 5]; 3–14 – монеты с именем Улу Мухаммеда с изображением на оборотной стороне генуэзского «замка» или «портала» в окружении легенды «Чекан крымский», 3–4 – рисунки лицевого и трех оборотных штемпелей по О. Ф. Ретовскому [45, с. 49–50, №№ 1–3, табл. V,15–17; 47, с. 68–69, табл. VI, Генуэзские аспры г. Крыма, 1–3; 48, с. 16], 1419 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с.
2. Бартольд В.В. Персидская надпись на стене анийской мечети // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М.: Наука, 1966. С. 313–338.
3. Березин И.Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань: Тип. Н.Кокovina, 1850. 72 с.
4. Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань: Тип. Университета, 1851. 60 с.
5. Вальков Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2017. 369 с.
6. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997.
7. Гагин И.А. Токтамыш-хан в истории Среднего Поволжья (К вопросу о битве на реке Кондурча в 1391 году) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 7–11.
8. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология джучидов: к выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Памяти Бориса Дмитриевича Кочнева. Нижний Новгород, 2002. С. 9–55.
9. Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 204 с.
10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 473 с.
11. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 140 с.
12. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник–2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–142.
13. Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. Вып. 21. С. 3–24.
14. Григорьев В.В., Ярцов Я.О. Ярлыки Токтамыша и Саадет-Гирея // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 337–346.
15. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
16. Еманов А.Г. Образование городской коммуны Каффы (до середины XV в.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1997. 32 с.
17. Зайончковский Ю.В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 534–549.
18. Зайцев В.В. О датировке «татарских» клейм на платежных слитках новгородского типа // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. VI Международный Нумизматический Симпозиум (Севастополь–Балаклава, 16–20.09.2019 г.). Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 55–60.
19. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. Книга вторая. М.: Книга, 1988.
20. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб., 1837. 418 с.
21. Кёне Б. Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений, равно как царств: Понтийского и Боспора Киммерийского. Т. I. СПб., 1857. 412 с.

22. Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. № 6. Время денег. С. 137–141.
23. Коциевский А.С. Надчеканка татарских монет в средневековом Белгороде // *Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы*. Кишинев, 1990. С. 156–165.
24. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы // *СГЭ*. 1980. № 45. С. 68–71.
25. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа* / Ред. Г.И. Смирнов. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 141–157.
26. Крамаровский М.Г. Погребение беклярбека Мамая (?): археологические наблюдения и исторический контекст // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. СПб., 1996. С. 38–41.
27. Крамаровский М.Г. Где могила Мамая? // *Родина*. 2005. № 9. С. 77–78.
28. *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью* // *ПСРЛ*. СПб., 1897. Т. XI. VII, 254 с.
29. Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев: Академперіодика, 2007. 190 с.
30. Марков А. Инвентарный каталог монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
31. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
32. Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // *Научный Татарстан*. 2004. № 1/2. С. 145–149.
33. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. VI, 92 с.
34. Мурзакевич Н. Письменные памятники Тохтамыш-хана // *Журнал министерства народного просвещения*. 1840. № 8. С. 143–148.
35. Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 188 с.
36. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. 277 с.
37. Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. // *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, 1991. С. 179–193.
38. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
39. Памятники Куликовского цикла. Ред. Б.А. Рыбаков, В.А. Кучкин. Составители: А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин. СПб.: Блиц, 1998. 416 с.
40. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Alexandria, 2017. 448 с.
41. Пачкалов А.В. К вопросу об именных монетах Мамая // *Нумизматика Золотой Орды*. Казань, 2012. Вып. 2. С. 117–119.
42. Пономарев А.Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // *Золотоордынское наследие. Материалы Второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова*. Казань, 29–30 марта 2011 г. Вып. 2. Казань, 2011. С. 18–21.
43. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
44. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // *ИТУАК*. Симферополь, 1897. № 27. С. 49–104.
45. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья вторая // *ИТУАК*. Симферополь, 1899. № 29. С. 1–52.

46. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья третья // ИТУАК. Симферополь, 1902. № 32–33. С. 1–17.
47. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. СПб., 1906. Вып. 18. С. 1–72.
48. Ретовский О.Ф. Новые генуэзско-татарские монеты // ИАК. СПб., 1914. Вып. 51. С. 1–16.
49. Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Выпуск второй. СПб., 1858. 326 с.
50. Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симферополь: Доля, 2000. 292 с.
51. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 276 с. (Ученые записки Мордовского Государственного университета, вып. XI).
52. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
53. Селезнев Ю.В. Золотоордынские военачальники конца XIV – начала XV вв. и их родственные связи // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. Вып. 2. С. 181–185.
54. Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // МАИЭТ. 1999. Вып. VII. С. 267–288.
55. Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 384 с.
56. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2-х т. Т. I. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.
57. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 4. М., 1988.
58. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. XVI + 566 с.
59. Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея Древностей. 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
60. Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XV–XVII вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
61. Фахреддинов Р.С. Ханы Золотой Орды / Пер. с тат. С. Шамси. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. 126 с.
62. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны // СА. 1958. № 3. С. 65–72.
63. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.
64. Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету / Пер. с нем. М. Волков. СПб., 1832. XVI, 80 с.
65. Хромов К.К. Правление ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Историко-географічні дослідження в Україні. Вип. 9. Київ, 2006. С. 367–371.
66. Юргевич В. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V. С. 157–177.
67. Юргевич В. Новые надписи Генуэзские // ЗООИД. Одесса, 1868. Т. VII. С. 274–282.
68. Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. С. 147–160.
69. Юргевич В. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в VIII томе Записок Общества, сделанные итальянским ученым К. Десимони // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. С. 465–471.
70. Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 208 с.

71. Aġat N. Altinordu (Cuçi oġullari). Paralari Kataloġu 1250–1502. Ek olarak seçere ve tarih düzeltmeleri. İstanbul, 1976. 186 s.
72. Desimoni C. Tre cantari dei secoli XV e XVI concernenti fatti di storia genovese ripubblicati dal socio Cornelio Desimoni // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1874. Vol. X. P. 619–682.
73. Desimoni C. Tavole dei valori in lire antiche e in lire italiane delle principali monete d'oro e d'argento genovesi dal 1139 al 1804, con alcuni cenni sul loro peso e contenuto in metallo fino, e sulle monete correnti nelle colonie genovesi della Crimea // Belgrano: Vita private dei Genovesi. Genova, 1875. P. 45–66.
74. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartan nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1887. Vol. 20. P. 161–165.
75. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6 Bände. Paris, 1839–1849.
76. Fraehn Ch.M. Recencio Numerorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli: Litteris Academicis, 1826. XXXVIII + 744 p. (Numi muhammedani, qui in Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae. Museo Asiatico Asservantur. Tomus I).
77. Lunardi G. Le monete delle colonie Genovesi. Genova: Nella sede della Società Ligure di Storia Patria, 1980. 324 p. (Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol. XX (XCIV). Fasc. I).
78. Moravcsik G. Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. 2 Auflage. Berlin, 1958. 378 S.
79. Oderico G.L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche Sullo Stato Geografico della Liguria fino temp di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa, Ed altri luoghi della Crimea posseuti un tempo da'Genovesi, e Spiegazione de' Monumenti Liguri quivi esistenti. Bassano, 1792. XXII, 214 p.
80. Olivieri A. Carte e cronache manoscritte per la storia Genovese esistenti nella... Genova, 1855. 244 p.
81. Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Ed. by A. Evans. Cambridge, Massachusetts, 1936. 244 p.
82. Sacy A.I.S. de. Pieces tirées des archives de Gènes // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi, Les au Comité établi par Sa Majesté dans l'Académie royale des Inscriptions & Belles-Lettres. T. XI. Paris, 1826. P. 52–58.
83. Schlumberger G. Numismatique de l'Orient Latin. Paris, 1878. 504 p.
84. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928. 140 p. (Atti della Società Ligure di storia patria. Vol. 56).
85. Waxel L. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'empire de Russie: dessinées d'après les originaux en 1797 & 1798 avec une carte géographique ancienne du pays ou ces antiquités furent decouvertes. Berlin: J.F. Schüppel, 1803. 30 p., 19 pl.

REFERENCES

1. Aibabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv.* Simferopol, Sonat Publ., 2001, 280 p.
2. Bartol'd V.V. *Persidskaia nadpis' na stene aniiskoi mecheti. Bartol'd V.V. Sochineniia, T. IV,* Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 313–338.
3. Berezin I.N. *Khanskie iarlyki. I. Iarlyk Tokhtamysh khana k Iagailu.* Kazan, Kokovin Publ., 1850, 72 p.
4. Berezin I.N. *Tarkhannye iarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireia.* Kazan, Universitet Publ., 1851, 60 p.
5. Val'kov D.V. *Genuezskaia epigrafika Kryma.* Moscow, 2017, 369 p.
6. Vernadskii G.V. *Istoriia Rossii: Mongoly i Rus'.* Tver, Lean Publ., Moscow, Agraf Publ., 1997.
7. Gagin I.A. Toktamyskh-khan v istorii Srednego Povolzh'ia (K voprosu o bite na reke Kondurcha v 1391 godu). *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2009, T. 11, № 2, pp. 7–11.

8. Gaev A.G. Genealogiia i khronologiia dzhuchidov: k vyiasneniiu rodosloviia numizmaticheskii zafiksirovannykh pravitelei Ulusa Dzhuchi. *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov. Vyp. IV. Numizmaticheskii sbornik. T. 3. Pamiati Borisa Dmitrievicha Kochneva*, Nizhnii Novgorod, 2002, pp. 9–55.
9. Grekov B., Iakubovskii A. *Zolotaia Orda (Ocherk istorii Ulusa Dzhuchi v period slozheniia i rastsveta v XIII–XIV vv.)*. Leningrad, OGIZ Publ., 1937, 204 p.
10. Grekov B.D., Iakubovskii A.Iu. *Zolotaia Orda i ee padenie*. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 473 p.
11. Grigor'ev A.P. *Mongol'skaia diplomatika XIII–XV vv. (chingizidskie zhalovannye gramoty)*. Leningrad, Universitet Publ., 1978, 140 p.
12. Grigor'ev A.P. *Zolotoordynskie iarlyki: poisk i interpretatsiia. Tiurkologicheskii sbornik–2005. Tiurkskie narody Rossii i Velikoi stepi*, Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, pp. 74–142.
13. Grigor'ev A.P., Telitsin N.N., Frolova O.B. Nadpis' Timura 1391 g. *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*, St-Petersburg, Universitet Publ., 2004, Vol. 21, pp. 3–24.
14. Grigor'ev V.V., Iartsov Ia.O. Iarlyki Toktamysa i Saadet-Gireia. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, Odessa, 1844, T. I, pp. 337–346.
15. Gumilev L.N. *Drevniaia Rus' i Velikaia Step'*. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 766 p.
16. Emanov A.G. *Obrazovanie gorodskoi kommuny Kaffy (do serediny XV v.)*. Abstract of dokt. diss., Ekaterinburg, 1997, 32 p.
17. Zaionchkovskii Iu.V. Dzhuchid Bek-Bulat po dannym pis'mennykh i numizmaticheskikh istochnikov. *Zolotoordynskoe obozrenie*, Kazan', 2016, T. 4, No. 3, pp. 534–549.
18. Zaitsev V.V. O datirovke «tatarskikh» kleim na platezhnykh slitkakh novgorodskogo tipa. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy nauchnoi konferentsii "PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VI Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii Simpozium (Sevastopol–Balaklava, 16–20.09.2019 g.)"*, Simferopol, 2019, pp. 55–60.
19. Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniia 1842–1844 gg. Book 2. Moscow, Kniga Publ., 1988.
20. Keppen P. *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Krymskii sbornik)*. St-Petersburg, 1837, 418 p.
21. Kene B. *Opisanie muzeuma pokoinogo kniazia Vasiliia Viktorovicha Kochubeia i issledovaniia ob istorii i numizmatike grecheskikh poselenii, ravno kak tsarstv: Pontiiskogo i Bospora Kimmeriiskogo. T. I*. St-Petersburg, 1857, 412 p.
22. Kirilko V.P. Aspry s bol'shim «T» na litsevoi storone: opyt interpretatsii. *Stratum plus*, St-Petersburg, Kishinev, Odessa, 1999, No. 6, pp. 137–141.
23. Kotsievskii A.S. Nadchekanka tatarskikh monet v srednevekovom Belgorode. *Numizmaticheskie issledovaniia po istorii iugo-vostochnoi Evropy*, Kishinev, 1990, pp. 156–165.
24. Kramarovskii M.G. Klad serebrianykh platezhnykh slitkov iz Starogo Kryma i zolotoordynskie sumy. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, 1980, No. 45, pp. 68–71.
25. Kramarovskii M.G. Solkhat-Krym: k voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv. *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1989, pp. 141–157.
26. Kramarovskii M.G. Pogrebenie beklarbeka Mamaia (?): arkheologicheskie nabliudeniia i istoricheskii kontekst. *Ermitazhnye chteniia pamiati B.B. Piotrovskogo*, St-Petersburg, 1996, pp. 38–41.
27. Kramarovskii M.G. Gde mogila Mamaia? *Rodina*, 2005, No. 9, pp. 77–78.
28. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, T. XI, St-Petersburg, 1897, 254 p.
29. Maiko V.V. *Kyrk-Erskii klad gorodishcha Chufut-Kale v iugo-zapadnom Krymu*. Kiev, Akadempriodika Publ., 2007, 190 p.

30. Markov A. *Inventarnyi katalog monet Imperatorskogo Ermitazha*. St-Petersburg, 1896, 872 p.
31. Mirgaleev I.M. *Politicheskaiia istoriia Zolotoi Ordy perioda pravleniia Tokhtamysh-khana*. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003, 164 p.
32. Mirgaleev I.M. K voprosu o Bek Bulate – Bek Pulade. *Nauchnyi Tatarstan*, Kazan, 2004, No. 1/2, pp. 145–149.
33. Murzakevich N. *Istoriia genuezskikh poselenii v Krymu*. Odessa, 1837, 92 p.
34. Murzakevich N. Pis'mennye pamiatniki Tokhtamysh-khana. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, Moscow, 1840, No. 8, pp. 143–148.
35. Mukhammadiev A.G. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII–XV vv.* Moscow, Nauka Publ., 1983, 188 p.
36. Mukhamed'iarov Sh.F. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gosudarstvennyi stroi Kazanskogo khanstva*. Kazan, Ikhlas, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2012, 277 p.
37. Myts V.L. Neskol'ko zametok po epigrafike srednevekovogo Kryma XIV–XV vv. *Vizantiiskaia Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 179–193.
38. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009, 528 p.
39. Rybakov B.A., Kuchkin V.A. (Eds.), *Pamiatniki Kulikovskogo tsikla*. St-Petersburg, Blits, 1998, 416 p.
40. Pasturo M. *Simvolicheskaiia istoriia evropeiskogo srednevekov'ia*. St-Petersburg, Alexandria Publ., 2017, 448 p.
41. Pachkalov A.V. K voprosu ob imennykh monetakh Mamaia. *Numizmatika Zolotoi Ordy*, Vol. 2, Kazan, 2012, pp. 117–119.
42. Ponomarev A.L. «Solkhatskaia voina» i «imperator» Bek Bulat. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaiia i sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Zolotoi Ordy»*, posviashchennaia pamiati M.A. Usmanova, Vol. 2, Kazan, 2011, pp. 18–21.
43. Pochekaev R.Iu. *Tsari ordynskie. Biografi khanov i pravitelei Zolotoi Ordy*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2010, 408 p.
44. Retovskii O.F. Genuezsko-tatarskie monety goroda Kaffy. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1897, No. 27, pp. 49–104.
45. Retovskii O.F. Genuezsko-tatarskie monety goroda Kaffy. Stat'ia vtoraia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1899, No. 29, pp. 1–52.
46. Retovskii O.F. Genuezsko-tatarskie monety goroda Kaffy. Stat'ia tret'ia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1902, No. 32–33, pp. 1–17.
47. Retovskii O.F. Genuezsko-tatarskie monety. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, St-Petersburg, 1906, Vol. 18, pp. 1–72.
48. Retovskii O.F. Novye genuezsko-tatarskie monety. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, St-Petersburg, 1914, Vol. 51, pp. 1–16.
49. Savel'ev P.S. *Monety Dzhuchidskie, Dzhagataiskie, Dzhelairidskie i drugie, obrashchavshiesia v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha*. Vol. 2, St-Petersburg, 1858, 326 p.
50. Samoilovich A.N. *Izbrannye trudy o Kryme*. Simferopol, Dolia Publ., 2000, 292 p.
51. Safargaliev M. G. *Raspad Zolotoi Ordy*. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 276 p.
52. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. T. II: Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1941, 308 p.
53. Seleznev Iu.V. Zolotoordynskie voenachal'niki kontsa XIV – nachala XV vv. i ikh rodstvennye sviazi. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Vol. 2, Kazan, 2009, pp. 181–185.
54. Sidorenko V.A. Khronologiia pravlenii zolotoordynskikh khanov 1357–1380 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1999. Vol. VII, pp. 267–288.

55. Sidorenko V.A. *Monetnaia chekanka Krymskogo khanstva (1442–1475 gg.)*. Simferopol, Biznes-
Inform Publ., 2016, 384 p.
56. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Partiy*. T. I. Moscow, Rubezhi
XXI Publ., 2005, 542 p.
57. Solov'ev S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. T. 4. Moscow, 1988.
58. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy*. T. I. St-Petersburg,
Akademiia nauk Publ., 1884, 566 p.
59. Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i
nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia Drevnostei. 1771–1871*. Kiev, Bolero Publ., 2011, 240 p.
60. Usmanov M.A. *Zhalovannye gramoty Dzhuchieva Ulusa XV–XVII vv.* Kazan, Universitet Publ.,
1979, 318 p.
61. Fakhreddinov R.S. *Khany Zolotoi Ordyy*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1996, 126 p.
62. Fedorov-Davydov G.A. *Denezhno-vesovye edinitsy Tany. Sovetskaia arkheologiia*, 1958, No. 3,
pp. 65–72.
63. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordyy*. Moscow, Universitet Publ., 1973, 180 p.
64. Fren Kh.M. *Monety khanov ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordyy s monetami inykh mukhammedanskikh
dinastii v pribavlenii; iz prezhnego sobraniia G-na Professora, Statskogo Sovetnika i Kavalera
K. Fukhsa v Kazani, prinadlezhashchego nyne tamoshnemu Imperatorskomu Universitetu*.
St-Petersburg, 1832, 80 p.
65. Khromov K.K. *Pravlenie khanov v Krymskom uluse Zolotoi Ordyy v 1419–1422 gg. po numizmaticheskim
dannym. Istoriko-geografichni doslidzhennia v Ukraini*, Vol. 9, Kiev, 2006, pp. 367–371.
66. Iurjevich V. *Genuezskie nadpisi v Krymu. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,
Odessa*, 1863, T. V, pp. 157–177.
67. Iurjevich V. *Novye nadpisi Genuezskie. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,
Odessa*, 1868, T. VII, pp. 274–282.
68. Iurjevich V. *O monetakh genuezskikh, nakhodimykh v Rossii. Zapiski Odesskogo obshchestva
istorii i drevnostei*, Odessa, 1872, T. VIII, pp. 147–160.
69. Iurjevich V. *Zamechaniia na stat'iu o genuezskikh monetakh, pomeshchennuiu v VIII tome Zapisok
Obshchestva, sdelannye ital'ianskim uchenym K. Desimoni. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii
i drevnostei*, Odessa, 1872, T. VIII, pp. 465–471.
70. Iarovaia E.A. *Geral'dika genuezskogo Kryma*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ.,
2010, 208 p.
71. Ađat N. *Altinordu (Cuđi ođullari). Paralari Katalođu 1250–1502. Ek olarak řecere ve tarih
düzeltmeleri*. İstanbul, 1976, 186 p.
72. Desimoni C. *Tre cantari dei secoli XV e XVI concernenti fatti di storia genovese ripubblicati dal
socio Cornelio Desimoni. Atti della Società Ligure di Storia Patria*, 1874, Vol. X, pp. 619–682.
73. Desimoni C. *Tavole dei valori in lire antiche e in lire italiane delle principali monete d'oro e
d'argento genovesi dal 1139 al 1804, con alcuni cenni sul loro peso e contenuto in metallo fino, e
sulle monete correnti nelle colonie genovesi della Crimea. Belgrano: Vita private dei Genovesi*,
Genova, 1875, pp. 45–66.
74. Desimoni C. *Trattato dei genovesi col chan dei tartan nel 1380–1381 scritto in lingua volgare.
Archivio Storico Italiano*, Firenze, 1887, Vol. 20, pp. 161–165.
75. Dubois de Montpéroux. *Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en
Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. 6 Bände. Paris, 1839–1849.
76. Fraehn Ch.M. *Recencio Numorum Muhammedanorum Academiae Imperialis Scientiarum
Petropolitanae*. Petropoli, Litteris Academicis, 1826, 744 p.

77. Lunardi G. *Le monete delle colonie Genovesi*. Genova, Nella sede della Società Ligure di Storia Patria, 1980. 324 p.
78. Moravcsik G. *Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*. 2 Auflage. Berlin, 1958, 378 p.
79. Oderico G.L. *Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche Sullo Stato Geografico della Liguria fino temp di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa, Ed altri luoghi della Crimea posseuti un tempo da'Genovesi, e Spiegazione de'Monumenti Liguri quivi esistenti*. Bassano, 1792, 214 p.
80. Olivieri A. *Carte e cronache manoscritte per la storia Genovese esistenti nella...* Genova, 1855, 244 p.
81. Pegolotti F.B. *La prattica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts, 1936, 244 p.
82. Sacy A.I.S. de. *Pieces tirées des archives de Gènes. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi, Les au Comité établi par Sa Majesté dans l'Académie royale des Inscriptions & Belles-Lettres*. T. XI. Paris, 1826, pp. 52–58.
83. Schlumberger G. *Numismatique de l'Orient Latin*. Paris, 1878, 504 p.
84. Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava)*. Genova, 1928, 140 p.
85. Waxel L. *Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'empire de Russie: dessinées d'après les originaux en 1797 & 1798 avec une carte géographique ancienne du pays ou ces antiquités furent decouvertes*. Berlin, J.F. Schüppel, 1803, 30 p.

V. A. SIDORENKO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

BEK BULAT (PULAD) AND THE BEGINNING OF THE RELEASE GENOESE-TATAR COINS KAFFA

Abstract: History of the Golden Horde Khan Bek Bulat (Pulad) received the wrong lighting in the interpretation of the accounting book Massari Kaffa from 1386. She tells about cash payments provided “the Emperor”, oglanam his troops, who were under Kaffa, and the keeper of Solkhat in the amount of 333 sommo 37 sajo 12 carats. This record shows the account of monetary amounts in the weight equivalent of silver and the absence of Kaffa's own coinage before 1386. The first evidence of the coinage of “aspri di Caffa” is mention in the document of 1409 of the will counted in them and made in 1396. Based on this, the beginning of the Kaffa minting bilingual coins must refer to the time of khan Toktamys, dating 1386–1396 years. Her coins represent an aspro with a picture of a large letter “T” and legend “IMPERATOR” on the reverse (Latin side). The letter “T” was a contraction of the word Tartariae (or Tartarorum), which together with the title “Emperor” was the nickname of khan Toktamys, as it was used in the documents of Kaffa, and at the same time – and the initial Latin letter of the khan's name. The use of this coin type continued until 1419, the beginning of the reign of Ulu Muhammad, one type of coin which is stamped with the reverse side of the previous issues. The next then a series of coins Ulu Muhammad bears on itself image of the Genoese “castle” or “portal”, which in subsequent editions Genoese-Tatar coins becomes their indispensable attribute.

Keywords: Bek Bulat (Pulad), Toktamys, the Genoese-Tatar aspro, Caffa, Solkhat.

ИСТОРИЯ

А. И. АЙБАБИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВИЗАНТИИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ В КРЫМУ В КОНЦЕ X В.¹

Аннотация: Историю перерастания в конце X века союза Византии и Древней Руси в их противостояние под Херсоном реконструируют по фрагментарной и противоречивой информации, содержащейся в арабских, византийских и древнерусских письменных источниках. Авторы разных концепций недостающие сведения восполняли умозрительными предположениями или вымыслами. В многочисленных публикациях неоднократно высказывались взаимоисключающие мнения о причинах нападения князя Владимира на пограничный византийский город. В последней четверти XIX – XX в. в российской историографии утвердилась самая популярная версия причины похода Владимира на Херсон. Историки изображали завоевание Владимиром Херсона как вызывающий акт агрессии по отношению к Василию II с целью оказать давление на императора, чтобы тот исполнил свое обещание отправить сестру на Русь. Во всех цитированных восточных источниках не указано место крещения Владимира. Следует отметить, что описание Яхьи Антиохийского позволяет предположить отправку в Киев византийских иерархов для крещения Руси. В «Памяти и похвале» Владимир крестился в Киеве до похода, а в «Повести временных лет» – в Корсуни в 988 г. Древнерусские источники свидетельствуют о кратковременности конфликта с Византией. По сообщению «Повести временных лет», после выполнения Константинополем его требований Владимир вернул Корсунь империи и с войском возвратился в Киев.

Ключевые слова: Херсон, князь Владимир, Древняя Русь, Византия, противостояние, крещение Руси.

В 987 г. императоры Византии Василий II (975–1025) и Константин VIII (960–1028) находились в критической ситуации в результате восстания провозгласившего себя императором domestика схол Востока Варды Фоки Младшего. Летом 988 г. он уже контролировал большую часть Малой Азии и с берега Босфора угрожал Константинополю. В Европе восставшие болгары подчинили многие фемы [27, с. 23–24; 6, с. 86–87; 18, с. 202; 38, р. 1666; 42, р. 517].

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

Арабские и византийские авторы свидетельствуют о стремлении Василия II и Константина VIII заключить союз с Древней Русью. По словам историка начала XI в. Яхьи Антиохийского, в сложившейся ситуации Василий II обратился за помощью к русскому князю Владимиру: «И стало опасным дело его (Варды Фоки), и им был озабочен Василий по причине силы его войска и победы над ним. ...И побудила его нужда послать к царю русов ... чтобы просить их помочь ему... И согласился он (Владимир) на это. И заключили они между собою договор о свойстве и браке царя руссов с сестрой царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы крестился тот и весь народ великий. ...И послал к нему царь Василий после этого митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех... и отправил (Василий) к нему сестру свою. Когда же факт брака между ними утвердился прибыли войска русов также и соединились с войсками ромеев ... и отправились все вместе на борьбу с Вардой Фокой морем и сушей, в Хрисополь и победили они Фоку» [27, с. 23–24; 25, с. 162]. Похожее описание события приводит сирийский христианин Эль-Макин (1205–1273): «...царь Василий ... был принужден просить помощи у царя русов, хотя тот был его врагом. Царь русов согласился с тем условием, чтобы царь Василий дал свою дочь царю русов. Василий также согласился, но с тем, чтобы они стали христианами. ...Царь русов согласился. Василий из греков послал монахов, митрополитов и епископов. Они сделали государство русов христианским... Затем царь русов, собрав большое войско, пришел и, соединившись с Василием, они напали с моря и с суши на Варду Фоку и победили...» [27, с. 198–199]. Более кратко обращение царя Василия II за помощью к князю Владимиру изложено в арабской хронике Багдадского астронома Ибн аль-Асйра (1160–1233): «...и послали они тогда послов к царю русов и просили у него помощи и женили его на одной из сестер. И отказалась она отдать себя человеку неодинаковой с нею религии и принял он тогда христианство. И было это началом христианства у русов. И женился он на ней и пошел он на встречу Вардису и они сражались и воевали» [27, с. 201]. Михаил Псел писал об участии в битве отряда «отборных тавроскифских воинов» [20, с. 10; 6, с. 91–92]. Согласно Иоанну Скилице, воевавший с Фокой император Василий II обратился к князю Владимиру за военной помощью, женив его на своей сестре Анне. Император посадил русских на корабли. Союзники напали на врагов и легко их разгромили [37, р. 318–319]. Иоанн Зонара повторил рассказ Скилицы о союзе Василия II с князем Владимиром, скрепленном браком с сестрой царя [36, р. 552, 553, 631].

Цитированные арабские историки указывают на существование договора между Василием II и князем Владимиром, который после крещения в Киеве прибыл в Константинополь, где женился на сестре императора и во главе дружины вместе с войсками греков участвовал в разгроме армии мятежника Фоки при Хрисополе, расположенном на противоположном от Константинополя берегу Босфора [27, с. 23–24, 199–200; 6, с. 89–90]. Это сражение (март 988 – март 989) [8, с. 178–179 (III, 25); 21, с. 621] произошло до окончательного разгрома Фоки 13 апреля 989 г. при Авидосе [27, с. 25; 18, с. 205]. Византийские авторы отмечали лишь женитьбу Владимира и

участие русов в битве при Хрисополе и умолчали о его крещении [6, с. 91–93; 39, р. 71].

По утверждению армянского историка Ассох'ика, в 1000 году Византии еще служили 6000 русских воинов, «которых просил царь Василий у царя русов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего» и когда «...руссы уверовали во Христа» [8, с. 200].

Историк второй половины X в. Лев Диакон, в отличие от цитированных выше арабских и византийских авторов, сообщает о военном конфликте империи с Русью и взятии «тавроскифами» Херсона [17, Кн. X, 10, с. 91, 222]. По мнению В. Г. Васильевского и В. Р. Розена, это событие произошло между апрелем и июлем–августом 989 г. [27, с. 214–215; 6, с. 99–100]. Н. М. Богданова предложила уточнить перевод текста Льва Диакона. По ее мнению, русские захватили Херсон до Хрисопольского и Авидосского сражений [3, с. 46]. По предположению А. Л. Пономарева и Н. И. Серикова, Владимир взял Херсон до 16 декабря 988 г. [25, с. 181].

Поход князя Владимира на византийский Херсон также описан в древнерусских источниках. Как сказано в древнерусском агиографическом сочинении второй половины XI в. «Память и похвала Владимиру», приписываемом монаху Иакову: «Крести же ся самъ князь Володимеръ, и чада своя, и весь домъ свой ... Крестиль же ся князь Володимеръ въ десятое лѣто по убьении брата своего Ярополка (987 г.)... По святемъ крещении поживе блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ (987 г.). На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи на третье Корсунь городъ взя». Причину похода на Корсунь Владимир объяснил в молитве: «Господи Боже Владыко всѣхъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да прииму и да приведу люди кристианы и попы на всю землю, и да научать люди закону кристианскому». И послуша Богъ молитвы его, и прия градъ Корсунь, и взя съсуды церковныя, и иконы, и мощи священомученика Климента и иныхъ святы». Из Корсуни Владимир обратился к правителям Византии: «И въ ты дни бѣаста цари два въ Цариградѣ, Константинъ и Василий, и посла къ нимъ Володимеръ, прося у нихъ сестры оженитися, да бы ся болма на кристианский законъ направишь. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта ему, и мощи святыхъ даста ему» [10, с. 245; 14, с. 66–75].

Иная версия захвата Херсона изложена в «Повести временных лет»: «И спросил Владимир (бояр) где примем крещение? Они же сказали: Где тебе любо? И когда прошел год, в 6496 (988 г.) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. ... Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: „Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу“. И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: „...Если крестишься, то и ее получишь, ... и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя“. Услышав это, сказал Владимир посланным к нему

от царей: „Скажите царям вашим так: я крещусь” ...И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру... Ответил же Владимир: „Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня”. И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. ...Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь... Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира» [24, с. 69–70, 185–186; 23, с. 53].

Процитированные древнерусские источники умалчивают об отображенном в арабских и византийских источниках договоре о военном союзе императоров Василия II и Константина VIII с князем Владимиром и по-разному поясняют причины его военного конфликта с империей под Херсоном.

В «Памяти и похвале» Владимир в 987 г. крестился в Киеве. Для подготовки крещения Руси и усиления авторитета христианства он через два года [21, с. 618–628] захватил Херсон и, стремясь заключить равноправный союз с Византией, добился от императоров согласия на брак с принцессой Анной и отправку византийских клириков для крещения населения Руси [10, с. 157–164]. А. В. Назаренко уточнил приводимые в первых изданиях «Памяти и похвале» даты этих событий. Владимир принял крещение в 6495 (987/988 г.), а Херсон взял в 6497 (989/90 г.) [21, с. 618, 623].

В «Повести временных лет» говорится о другой причине похода на Херсон: «...чтобы там принять крещение от греков». Князь «в лето 6496» (988/89 г.) осадил Херсон [21, с. 623]. Из захваченного города он попросил выдать за него принцессу Анну, на которой женился после крещения [32, с. 7; 11, с. 105].

Историю взаимоотношений Византии и Древней Руси в конце X в., в особенности события, послужившие причиной перерастания союза двух государств в их противостояние под Херсоном, реконструируют по фрагментарной и противоречивой информации, содержащейся в рассмотренных источниках. Авторы разных концепций недостающие сведения восполняли умозрительными предположениями или вымыслами. В многочисленных публикациях неоднократно высказывались порою взаимоисключающие мнения о причинах нападения князя Владимира на пограничный византийский город и других аспектах столь значительного события.

В опубликованных в XVIII – начале XIX вв. первых трудах по истории России – «Российской истории», стилизованной В. Н. Татищевым под древнерусскую летопись [30, с. 49–101, 249–279], и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина – авторы следовали летописному рассказу о решении Владимира креститься в византийском Херсоне и женитьбе в захваченном городе на сестре императоров Византии [29, с. 51–53; 15, с. 249–251].

Некоторые историки полагали, что нападение на Херсон всего лишь для принуждения императора к согласию на брак с его сестрой было не достаточным мотивом для военного конфликта с Византией и приписывали князю Владимиру более амбициозные задачи: укрепление позиции Руси в Северном Причерноморье [31,

с. 414; 28, с. 109, 114, 115], или возвращение выхода к Черному морю [35, с. 64], или присоединение Таврики к Руси [9, с. 157–158].

Высказаны и весьма умозрительные гипотезы. Историки XIX в. А. А. Куник, Ф. Брун, В. Томашек и А. А. Шахматов считали, что упомянутый в славянской редакции жития Св. Стефана Сурожского эпизод о походе князя Бравлина или Бравалина из Новгорода на Сурож вставлен поздними переписчиками, искажившими легенду о походе князя Владимира от Корчева до Корсуни. Основываясь на придуманной легенде, упомянутые историки приписывали князю Владимиру не только захват Херсона, но и разорение Сурожа (Сугдеи), Корчева и городов Готии [41, S. 38; 16, с. 89, 104–106; 4, с. 128; 32, с. 121, 122]. В. Г. Васильевский и А. А. Васильев доказали несостоятельность отождествления князя Бравлина с князем Владимиром и «отправки» киевского князя в сухопутный поход из Херсона через города Готии на Корчев [7, с. CXLV–CXLVI; 43, р. 132–133]. В ранней греческой редакции жития сюжет о походе в Крым русского князя Новгорода Бравлина отсутствует.

В. Е. Науменко проигнорировал аргументацию В. Г. Васильевского и А. А. Васильева и предложил археологическое обоснования гипотезе А. А. Куника, Ф. Бруна, В. Томашека о расширении «театра военно-политического противостояния Древней Руси и Византии» на весь Крым и приписал дружине Владимира пожары не только в Херсоне, но и во всех городах Крыма и на Тамани [22, с. 182–183]. В своих выводах автор полагается на упоминания монет второй половины X в. в статьях о раскопках Алустона и Сугдеи. Однако для отнесения к концу X в. зачищенных при раскопках в этих городах слоев необходим анализ их стратиграфии и обнаруженных в них комплексов керамики. Некорректны и ссылки на якобы выявленные в городах Боспор и Тмутаракань одновременные слои пожаров. По керамике эти слои датированы второй половиной IX в. [1, с. 222]. Данная гипотеза не согласуется и с письменными источниками, в которых идет речь только о походе на Херсон.

По уверению автора еще одной умозрительной гипотезы А. Поппэ, князь Владимир захватил Херсон не как враг Василия II, а как союзник венценосного шурина для восстановления законной византийской власти в городе, поддержавшем мятежного полководца Варду Фоку [38, р. 197–244]. Несостоятельность измышлений А. Поппэ блестяще показал Д. Д. Оболенский [23, с. 54–60].

В последней четверти XIX – XX в. в российской историографии утвердилась самая популярная версия причины похода Владимира на Херсон. По утверждению А. Л. Бертье-Делагарда, согласно «Памяти и похвалы» Владимир «на другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи» встречать принцессу Анну. Однако она не прибыла. Тем самым византийские императоры не выполнили условие договора с князем Владимиром о военной помощи [2, с. 51–52]. Поэтому Владимир осадил Херсон. По летописным текстам А. Л. Бертье-Делагард реконструировал осаду Владимиром Корсуни. Согласно А. Л. Бертье-Делагарду, флот Владимира из нескольких сот ладей с экипажем в пять–шесть тысяч воинов проплыл под городскими стенами в Карантиную бухту [2, с. 6, 9–11]. По мнению Б. Д. Грекова, войско русов высадилось

в Стрелецкой бухте [11, с. 109–110]. Однако это маловероятно. Она расположена почти в 2 км от стен города, а лагерь находился гораздо ближе – на расстоянии полета стрелы [35, с. 64–65]. По А. Л. Бертъе-Делагарду, Владимир осадил Херсон с суши. Из-за отсутствия у русов стенобитных машин осада затянулась на девять [2, с. 15] или шесть месяцев [21, с. 623]. Осаждавшие разрушили несколько кварталов в Северном и Западном районах города [34, с. 14–15]. В городе найдены зарытые напуганными горожанами клады монет [12, с. 460–462]. Херсонский священник Анастас сообщил Владимиру о местонахождении водопровода, по которому в город поступала вода. Вскоре после того как русы перерезали водопровод, город капитулировал [2, с. 28–36; 11, с. 110–112; 12, с. 456–487].

Взятием Херсона Владимир показал Василию II, что в случае несоблюдения империей договора, союзник может стать опасным врагом. Поэтому императору пришлось согласиться выполнить требование Владимира. В Корсуни после крещения Владимира состоялось его бракосочетание и Анны [19, с. 602–605; 13, с. 144; 33, с. 87; 5, с. 196–201; 6, с. 88, 90–91; 43, р. 132–133; 18, с. 207–210; 28, с. 108; 26, с. 220–225; 21, с. 621].

Эту версию довольно точно охарактеризовал Д. Д. Оболенский: «Завоевание Владимиром Херсона изображается как вызывающий акт агрессии по отношению к Василию II с целью оказать давление на императора, чтобы тот исполнил свое обещание отправить сестру на Русь» [23, с. 54].

Нетрудно заметить, что в данной концепции события воссоздаются по Яхье Антиохийскому (просьба о военной помощи, подписание договора о помощи в обмен на брак царя руссов с сестрой царя Василия, брак и прибытие помощи), а также по тексту «Памяти и похвале» (поход к порогам) и по «Повести временных лет» (крещение в Херсоне). В арабских и византийских источниках отсутствует информация о попытках императора уклониться от брака его сестры с князем Владимиром.

Согласно рассматриваемой концепции, поход мог состояться только до битвы при Хрисополе, датированной Степаносом Торонским 437 г. по древнеармянскому летоисчислению (март 988 – март 989) [8, с. 178–179 (III, 25); 21, с. 621]. По А. В. Назаренко, Владимир с войском мог переправиться к берегам Босфора в навигационный сезон 988 г. (в мае – начале осени) и не мог пойти на Херсон раньше осени этого года и захватить город в начале весны 989 г. [21, с. 621–623], то есть в марте 989 г. Если принять эти расчеты, то дружина Владимира могла не успеть к битве при Хрисополе. Он еще должен был связаться с Константинополем для оповещения о победе и разъяснения своих претензий, вернуться в Киев с корсунскими попами и крестить народ. Очевидно, Владимир взял Херсон в навигационный сезон 988 г. Мы признаем условность данных расчетов. Однако в источниках отсутствуют абсолютные даты.

Во всех цитированных выше восточных источниках не указано место крещения Владимира. Следует отметить, что описание Яхьи Антиохийского позволяет предположить отправку в Киев византийских иерархов для крещения Руси. В «Памяти и похвале» Владимир крестился в Киеве до похода, а в «Повести временных

лет» – в Корсуни в 988 г. Древнерусские источники свидетельствуют о кратковременности конфликта с Византией. По сообщению «Повести временных лет», после выполнения Константинополем его требований Владимир вернул Корсунь империи и с войском возвратился в Киев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 351 с.
2. Бертъе-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 1–67.
3. Богданова Н.М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39–46.
4. Брун Ф.К. Материалы для истории Сугдеи // Черноморье. Одесса, 1880. Ч. II. С. 121–158.
5. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 176–377.
6. Васильевский В.Г. К истории 976–986 годов // Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 1. С. 56–124.
7. Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды. Петроград, 1915. Т. 3. С. 117–121.
8. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / пер. и объяснения Н. Эмин. М., 1864. 335 с.
9. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. 360 с.
10. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. 968 с.
11. Греков Б.Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3(60). С. 99–112.
12. Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X–XI в.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 456–488.
13. Завитневич В.З. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды Киевской духовной академии. 1888. № 1. С. 126–152.
14. Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. № 37. С. 66–75.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I. 297 с.
16. Куник А.А. О записке готского топарха // Записки императорской Академии наук. СПб., 1874. Т. XXIV. С. 61–160.
17. Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, ком. М.Я. Сюзюмов, С.А. Иванов. М.: Наука, 1988. 238 с.
18. Левченко М.В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // ВВ. 1953. Т. VII. С. 194–223.
19. Линниченко И. Современное состояние вопроса об обстоятельствах Крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. 1886. Декабрь. С. 587–606.
20. Михаил Псел. Хронография / Пер. и прим. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 319 с.
21. Назаренко А.В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2013. С. 593–654.
22. Науменко В.Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 165–188.
23. Оболенский Д.Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55. С. 53–61.

24. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачев, ред. В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
25. Пономарев А.Л., Сериков Н.И. 989(6496) – год крещения Руси (филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века. М., 1995. Т. 2. С. 156–185.
26. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998. 443 с.
27. Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб.: Тип. Академии Наук, 1883. (ИРАН. Записки. Т. 44). 447 с.
28. Талис Д.Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв. II. // ВВ. 1958. XIV. С. 103–115.
29. Татищев В. Российская история. М., 2003. Т. 2. 736 с.
30. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., Киев, 2005. 544 с.
31. Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 1997. Т. 2. Период Македонской династии (867–1057). 528 с.
32. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира // Сборник в честь В.И. Ламанского. СПб.: Изд-во имп. АН, 1906. (отд. отт.). С. 1–126.
33. Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. 142 с.
34. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 256 с.
35. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. 364 с.
36. Joannes Zonaras. Epitome historiarum, vol. 3 // Corpus Scriptorum. Historiae Byzantinae / eds. M. Pindar, M. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. 934 p.
37. John Skylitzes. A synopsis of Byzantine History, trans. 811–1057 / Trans. by J. Wortley. Cambridge, 2010. 491 p.
38. Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–889 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. № 30. P. 197–244.
39. Shepard J. Some remarks on the sources for the conversion of Rus' // *Le origini e lo sviluppo della cristianita slavo-bizantia*. Roma, 1992. P. 59–95.
40. *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. A.P. Kazdan. New York, Oxford, 1991. Vol. 3. 2232 p.
41. Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien I. Wien, 1881. 77 S.
42. Treadgold W.A. *History of the Byzantine State and Society*. Stanford, 1997. 1019 p.
43. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936. 292 p. (Monographs of the Medieval Academy of America, No. 11).

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 351 p.
2. Bert'e-Delagard A.L. Kak Vladimir osazhdal Korsun. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk*, 1909, T. 14, Book 1, pp. 1–67.
3. Bogdanova N.M. O vremeni vziatiia Khersona kniazem Vladimirom. *Vizantiiskii vremennik*, 1986, T. 47, pp. 39–46.
4. Brun F.K. *Materialy dlia istorii Sugdei. Chernomor'e*, Odessa, 1880, Part II, pp. 121–158.
5. Vasil'evskii V.G. Variago-russkaia i variago-angliiskaia družhina v Konstantinopole XI i XII vekov. *Trudy V.G. Vasil'evskogo*, T. I, St-Petersburg, 1908, pp. 176–377.
6. Vasil'evskii V.G. K istorii 976–986 godov. *Trudy V.G. Vasil'evskogo*, T. II, Vol. 1, St-Petersburg, 1912, pp. 56–124.

7. Vasil'evskii V.G. Zhitie sv. Stefana Surozhskogo. *Trudy V.G. Vasil'evskogo*, T. 3, Petrograd, 1915, pp. 117–121.
8. *Vseobshchaia istoriia Stepanosa Taronskogo, Asokhika po prozvaniuu, pisatel'ia XI stolet'ia*. Moscow, 1864, 335 p.
9. Gadlo A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. St-Petersburg, 2004, 360 p.
10. Golubinskii E.E. *Istoriia russkoi tserkvi*. T. 1. Moscow, 1901, 968 p.
11. Grekov B.D. «Povest' vremennykh let» o pokhode Vladimira na Korsun. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, Simferopol, 1929, T. 3(60), pp. 99–112.
12. Zavadskaia I.A. Katastrofa v Khersonе v kontse X–XI v.: kritika gipotezy o zemletriasenii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 456–488.
13. Zavitnevich V.Z. O meste i vremeni kreshcheniia sv. Vladimira i o gode kreshcheniia kievlian. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, 1888, No. 1, pp. 126–152.
14. Zimin A.A. Pamiat' i pokhvala Iakova Mnikha i Zhitie kniazia Vladimira po drevneishemu spisku. *Kratkie soobshcheniia Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, 1963, No. 37, pp. 66–75.
15. Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*. T. I. St-Petersburg, 1818, 297 p.
16. Kunik A.A. O zapiske gotskogo toparkha. *Zapiski imperatorskoi Akademii nauk*, St-Petersburg, 1874, T. XXIV, pp. 61–160.
17. Lev Diakon. *Istoriia*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 238 p.
18. Levchenko M.V. Vzaimootnosheniia Vizantii i Rusi pri Vladimire. *Vizantiiskii vremennik*, 1953, T. VII, pp. 194–223.
19. Linnichenko I. Sovremennoe sostoianie voprosa ob obstoiatel'stvakh Kreshcheniia Rusi. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, 1886, December, pp.587–606.
20. Mikhail Psel. *Khronografiia*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 319 p.
21. Nazarenko A.V. Dostovernnye godovye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlia izucheniia drevnerusskoi istoriografii. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*, Moscow, 2013, pp. 593–654.
22. Naumenko V.E. Nekotorye kliuchevye voprosy istorii Tavriki X–XI vv.: politiko-administrativnyi aspekt. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2011, Vol. 40, pp. 165–188.
23. Obolenskii D.D. Kherson i kreshchenie Rusi: protiv peresmotra traditsionnoi tochki zreniia. *Vizantiiskii vremennik*, 1994, T. 55, pp. 53–61.
24. *Povest' vremennykh let*. 2th ed. St-Petersburg, Nauka Publ., 1999, 668 p.
25. Ponomarev A.L., Serikov N.I. 989(6496) – god kreshcheniia Rusi (filologicheskii analiz tekstov, astrologiia i astronomiia). *Prichernomor'e v Srednie veka*, Moscow, 1995, T. 2, pp. 156–185.
26. Rapov O.M. *Russkaia tserkov' v IX – pervoi treti XII v. Priniatie khristianstva*. Moscow, 1998, 443 p.
27. Rozen V.R. *Imperator Vasiliu Bolgaroboitsa. Izvlecheniia iz letopisi Iakh"i Antiokhiiskogo*. St-Petersburg, Akademia Nauk Publ., 1883, 447 p.
28. Talis D.L. Iz istorii russko-korsun'skikh politicheskikh otnoshenii v IX–X vv. II. *Vizantiiskii vremennik*, 1958, T. XIV, pp. 103–115.
29. Tatischev V. *Rossiiskaia istoriia*. T. 2. Moscow, 2003, 736 p.
30. Tolochko A.P. «Istoriia Rossiiskaia» Vasiliia Tatischeva: istochniki i izvestiia. Moscow, Kiev, 2005, 544 p.
31. Uspenskii F.I. *Istoriia Vizantiiskoi imperii*. T. 2. Moscow, 1997, 528 p.
32. Shakhmatov A.A. Korsun'skaia legenda o kreshchenii kniazia Vladimira. *Sbornik v chest' V.I. Lamanskogo*, St-Petersburg, Akademia Nauk Publ., 1906, pp. 1–126.
33. Shestakov S.P. Ocherki po istorii Khersonesa v VI–X vv. po R. Ch. *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa*, Moscow, 1908, 142 p.

34. Yakobson A.L. Srednevekovi Kherones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1950, No. 17, pp. 1–256.
35. Yakobson A.L. Rannesrednevekovi Kherones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, No. 63, pp. 1–364.
36. Joannes Zonaras. *Epitome historiarum*, vol. 3. Pindar M., Büttner-Wobst M. (Eds.), *Corpus Scriptorum. Historiae Byzantinae*. Bonn, 1897, 934 p.
37. John Skylitzes. *A synopsis of Byzantine History*trans, 811–1057. Cambridge, 2010, 491 p.
38. Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–989. *Dumbarton Oaks Papers*, 1976, No. 30, pp. 197–244.
39. Shepard J. Some remarks on the sources for the conversion of Rus'. *Le origini e lo sviluppo della cristianita slavo-bizantia*, Roma, 1992, pp. 59–95.
40. Kazdan A.P. (Ed.), *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 3. New York, Oxford, 1991, 2232 p.
41. Tomaschek W. *Die Goten in Taurien. Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien I*. Wien, 1881, 77 p.
42. Treadgold W.A. *History of the Byzantine State and Society*. Stanford, 1997, 1019 p.
43. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936, 292 p.

A. I. AIBABIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE CONFLICT BETWEEN BYZANTIUM AND RUS' IN THE CRIMEA IN THE LATE TENTH CENTURY

Abstract: Researchers have reconstructed the history how in the late tenth century the alliance of Byzantium and Rus' developed into their conflict according to their speculations supplied with fragmented and contradictive accounts of Arabic, Byzantine, and Rus'ian written sources. Authors of alternative interpretations have filled up gaps in sources with speculations and fantasies. There is a number of publications suggesting different reconstructions of the reasons behind Prince Vladimir's raid on the town on Byzantine frontier. In the last quarter of the nineteenth and twentieth centuries, the most popular interpretation of the cause of the said events gained a foothold in Russian scholarship. Historians interpreted Vladimir's conquest of Cherson as a provocative act of aggression on Basil II to press the emperor to fulfil his promise of getting his sister in marriage to Rus'. Neither of all the sources in possession mentions the place where Vladimir was baptised. It is worth mentioning that Yahya of Antioch's account suggests that Byzantine church hierarchs were sent to Kiev to baptise Rus'. According to the Memory and Praise to Vladimir, he was baptised in Kiev prior to the raid, though the Russian Primary Chronicle states that the baptism was in Cherson in 988 AD. Rus'ian sources inform that the conflict with Byzantium lasted but for a short term. According to the Russian Primary Chronicle, Vladimir returned Cherson to the Empire when Constantinople fulfilled his demands and came back to Kiev with his army.

Key words: Cherson, Prince Vladimir, Ancient Rus', Byzantium, conflict, baptism of Rus'.

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

ПОСТВИЗАНТИЙСКИЙ КРЫМ В XIII В.¹

Аннотация: После 1204 г. византийские владения в Крыму были предоставлены собственной участи. Подобно представителям иных провинциальных элит местные архонты и севасты фактически встали во главе Херсона, Климатов Готии и Сугдеи, приобретя определенную легитимность ценой признания сюзеренитета императора Трапезунда (два первых) и выплаты ежегодной дани. Неизвестно как долго продлилось бы подобное положение, если бы не начавшиеся монгольские набеги на Крым, в ходе которых были разрушены многие центры Готии и постепенно утратил свое экономическое значение Херсонес. Сугдея после нескольких погромов, в конечном счете, оказалась в составе генуэзских владений в Крыму.

Ключевые слова: Византия, Крым, Херсонес, Трапезунд, климаты Готии, фемы, моливдовулы.

История Крыма в XII–XIII вв. достаточно смутна и неопределенна [6, с. 266–292]. Нарративные источники отсутствуют, сигиллографические – фрагментарны. Для анализа структуры византийской администрации здесь в XII в. авторы вынуждены обращаться к материалам Балкан и Малой Азии, транспонируя сделанные на их основе выводы на собственно Крым². Существование здесь фемной структуры фиксируется, как минимум, до конца XI в. [7]. Вероятно, ситуация в Крыму, как и в империи в целом, меняется в связи с реформами Алексея Комнина в 80–90-х гг. XI в.³ К сожалению, более известна его реформа табели о рангах, нежели административная⁴. Можно констатировать, что большая часть фем как административных единиц была физически уничтожена в 80-е гг. XI в. сельджуками в Малой Азии и печенегами, половцами и норманнами на Балканах. Восстановить свои позиции Византия смогла

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на международной научной конференции «Проблемы истории и археологии средневекового Крыма», посвященной 70-летию А. И. Айбабина (Симферополь, 10–11 января 2019 г.).

² См. статью Н. А. Алексеенко в данном сборнике.

³ По-видимому, здесь имело место некоторое запаздывание процессов, связанное с географическим положением региона. Тем не менее, фемные структуры прямо или косвенно фиксируются до 90-х гг. XI в. [2, с. 7–17; 12, с. 56–60].

⁴ Историографию вопроса см.: [8, с. 53–98].

лишь в последнем регионе, тогда как утрата Малой Азии была признана по условиям Девольского договора 1081 г. с образовавшимся здесь сельджукским Румским султанатом. Вопреки мнению К. Цукермана [21, р. 311–336], византийская администрация в Крыму в XII в. продолжала существовать. Вероятно, как и в собственно Византии, она была «приватизирована» кланом Комнинов, опиравшимся на провинциальную аристократию. В пользу этого свидетельствуют редкие, как и всюду в империи, печати, найденные здесь – Иоанна Ангела, Иоанна Контостефана Комнина, Алексея Враны Комнина [1, с. 537–546; 9, с. 118–119; 16, с. 263–267].

При характеристике ситуации в Крыму после 1204 г. исследователи обычно цитируют известный пассаж синопсиса «Жития Евгения Трапезундского» скевофилакса Иоанна Лазаропулоса (ок. 1364 г.) в переводе Ф. И. Успенского [14, с. 51 (107–108)]⁵ о том, что после заключения соглашения о мире между Великим Комнином Андроником Гидом и султаном Рума Ала ад дином Кей Кубадам, в 1223 г. «соглашение было нарушено вследствие несправедного поступка реис Хетума, подчиненного султану наместника Синопа. Начало военных действий было вызвано следующим случаем. Нагруженное собранными с Херсона и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно, на котором находился как заведующий казенными сборами Алексей Пактиарий, так и некоторые херсонские архонты, шло на направлении в нашу сторону с целью уплаты василевсу Гиду годовичного взноса. Но по причине бурной погоды судно было прибито к Синопу. Названный губернатор разграбил это судно, завладел находящимися в нем денежными суммами и пленил всех вместе с корабельщиками. Кроме того, послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности» [17, р. 310.1161–312.1182]. При издании критического текста и английского перевода Жития данный пассаж был переведен как «neighbouring region of Gotthia» [17, р. 311]. Если же обратиться к оригиналу, то там ясно читается «τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκεῖσε κλιμάτων Γοτθίας». Так что логичнее перевести «с Херсона и климатов тамошней Готфии».

Как следствие, возникает вопрос о существовании пресловутых климатов Готтии в первой четверти XIII в. Обвинить Лазаропулоса в том, что он некритически использовал ранний источник, так как писал то он во второй половине XIV в., вряд ли возможно. Для него климаты существуют в первой четверти XIII в. О климатах писали много при предельно незначительной информации о сем предмете. Почти вся она была собрана М. А. Никифоровым [11, с. 570–586]. К данной проблематике обращались Ф. И. Успенский, А. А. Васильев, в последние годы Х.-Ф. Байер и К. Цукерман [14, с. 51–52; 19, р. 160–162; 3, с. 160–161; 20, р. 210–222]. В печати находится статья на данную тему А. И. Айбабина⁶. При этом, как мы ранее отмечали, византийские владения в Крыму традиционно рассматриваются как «вещь в себе», вне политической ситуации на полуострове в каждый конкретный период времени.

⁵ А. А. Васильев ограничился пересказом пассажа [19, р. 160–161].

⁶ Айбабин А.И. Топоним Климаты в средневековом Крыму. Мои благодарности коллеге за возможность ознакомиться с ней до публикации.

В значительной степени это связано с отсутствием источников. Отсюда метания относительно статуса архонта Хазарии Цулы и того, что же представляла собой та же Хазария позже, на протяжении XI в., располагалась ли она в Крыму, на Тамани или более неопределенно «на Северном Кавказе» [см. библиографию: 15]. В свое время была актуальна проблема структуры византийского пограничья. Она была вынесена на византийский конгресс в Бухаресте [13, с. 21–26; 18, р. 71–90] и решена лишь частично. По мнению авторов доклада, «византийская восточная граница постепенно перемещалась... Изменялся и ее географический облик, изменялся этнический субстрат, но тем не менее оставалась неизменной социально-политическая структура приграничных областей, остававшихся бахромой племенных княжеств подле централизованной и многоэтнической империи» [13, с. 21].

Были ли Крым частью этой восточной границы и не являлись ли эти Климаты именно «княжествами» – архонтиями, то подпадавшими под контроль империи и даже входившие в ее состав, то приобретающие автономию в периоды ее ослабления, как это могло иметь место после 1204 г., что и зафиксировал текст «Жития»?

Мы достаточно смутно представляем себе Крым после 1204 г. Создается впечатление, что византийские владения здесь мало интересовали как Никейскую, так и Латинскую империи, занятые междоусобной борьбой с участием соседей, Рума, Болгарии и Эпира. Иное дело географически расположенный ближе Трапезунд, довольно рано исключенный из числа претендентов на Константинополь. В Крыму к 1204 г. существовала фема Херсон и, вероятно, фема Сугдея. После 1094 г. империя получила Тмутаракань. Ее владения в Крыму располагались от Херсонеса по южному берегу, возможно, с некоторыми изъятиями. После 1204 г. Сугдея стала автономной (данные синаксаря Халки) и в 1223 г. (?) [историография: 7, с. 46–78; 10, с. 176–186] подверглась нападению румских войск, что вписывалось в политику Рума, стремившегося поставить под свой контроль конечные пункты «диагонального» пути между средиземноморским и черноморским побережьями Малой Азии.

В 20-е гг. XIII в. Сугдея платила дань половцам, затем пережила монгольские набеги 1223 и 1239 гг. О ситуации на Боспоре ничего не известно, как и о климатах Готии. Судя по Синопису, как и Херсонес они признавали номинальную власть императоров Трапезунда. Номинальную, так как имперской администрации здесь не было и ежегодный разовый сбор, как перевел термин «пакт» Ф. И. Успенский, вез в Трапезунд не только трапезундский чиновник Алексей Пактиарий, но и херсонские архонты. Ежегодный сбор в данном случае не более, чем дань, приносимая в обмен на признание Трапезундом власти этих архонтов в Херсонесе и Готии, легитимация их власти в регионе. И хотя Алексей III Великий Комнин и ввел в свою титулатуру термин «владелец Ператии» (Побережья), реальной властью здесь он не обладал⁷.

⁷ Хрисовул венецианцам от 1364 г. [19, р. 186, п. 1]. Неизвестно, каковы были отношения Херсонеса и климатов Готии с Трапезундом, особенно после погрома Мангуца в 90-е гг. XIV в. Но показательное восстановление их в XV в. вплоть до династических браков представителей династии Великих Комнинов и «господина» Феодоро Алексея.

Что касается статуса Херсонеса и климатов Готии, то для данного периода он не уникален. После краха центральной власти в Византии многие архонты на местах приобрели реальную независимость, как в Малой Азии (Мануил Марвозом, Феодор Манкафа, Савва Асиден, Лев Гавала), так и на Балканах (Слав, Лев Хамарет, Лев Сгур). Их следующим шагом было приобретение легитимности ценой признания более чем призрачной власти кого-либо из сильных соседей. В Крыму ситуация была несколько иной. Эти соседи были за морем, что вполне устраивало местных архонтов. Отсюда признание сюзеренитета Трапезунда и выплата ежегодной дани. Известной параллелью здесь является статус Сугдеи, ставшей автономной и переходившей из рук в руки, временами приобретая автономию под властью местных севастов⁸. Утверждение о том, что она также признала сюзеренитет Трапезунда, не подтверждается источниками [6, с. 282]. Оно основано на предположении о том, что сельджукский поход на Сугдею связан с военным конфликтом Трапезундской империи и Румского султаната, который синхронизируется с военными действиями румских войск против Херсона. К сожалению, исследователей больше интересовала датировка сельджукского похода на Сугдею, нежели статус города [7, с. 46–78; 10, с. 176–186].

Подведем итоги. После 1204 г. византийские владения в Крыму были предоставлены собственной участи. Подобно представителям иных провинциальных элит, местные архонты и севасты фактически встали во главе Херсона, Климатов Готии и Сугдеи, приобретя определенную легитимность ценой признания сюзеренитета императора Трапезунда (два первых) и выплаты ежегодной дани. Не известно, как долго продлилось бы подобное положение, если бы не начавшиеся монгольские набеги на Крым, в ходе которых были разрушены многие центры Готии и постепенно утратил свое экономическое значение Херсонес. Сугдея после нескольких погромов и разрушений, в конечном счете, оказалась в составе генуэзских владений в Крыму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. Печать паниперсеваста Алексея Враны-Комнина из византийского Херсона // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 537–546.
2. Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
3. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 500 с.
4. Байер Х.-Ф. Метрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным Просопографического Лексикона времени Палеологов // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. С. 65–76.
5. Джанов А.В. Походы сельджукских войск на Сугдак и Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I // Судакский сборник. Киев, Судак, 2008. Вып. III. С. 46–78.
6. История Крыма: в 2-х т. / Ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 1. 600 с.

⁸ Судьбы города отчасти прослеживаются по информации приписок Сугдейского (Халкинского) синаксаря [см.: 4, с. 65–76; 6, с. 261–287].

7. Иорданов И. Печати на византийската администрация в България (971–1118). Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2019. 375 с.
8. Каждан А.П. Загадка Комнинов. (Опыт историографии) // ВВ. 1964. Т. XXV. С. 53–98.
9. Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М.: Наука, 1991. 360 с.
10. Мыц В.Л. К датировке похода эмира Хусам в дина Чобана на Судак // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 176–186.
11. Никифоров М.А. Таврические климаты византийских источников // МАИЭТ. 2012. Вып. XVII. С. 570–586.
12. Степаненко В.П. Фема Сугдея в XI в. // ТГЭ. 2018. Т. XCIV: Материалы и исследования отдела нумизматики. С. 56–60.
13. Удальцова З.В., Каждан А.П., Бартикян Р.М. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // Actes du XIVe Congrès international des Etudes Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. Т. II. Bucarest, 1975. P. 21–26.
14. Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезундской империи. СПб.: Евразия, 2003. 320 с.
15. Чхаидзе В.Н. «Хазария» XI века. К вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. 44 с.
16. Шандровская В.С. Печать Иоанна Контостефана Комнина // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 263–267.
17. Hagiographical dossier of st. Eugenius of Trebizond in Codex Athous Dionisiou C 154 / Critical edition with introduction, translation, commentary and indexes by I. O. Rosenqvist. Uppsala, 1996.
18. Oikonomides N. L'organisation de la frontiere orientale de Byzance aux Xe–XIe c. et le Takticon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Etudes Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. Т. II. Bucarest, 1975. P. 71–90.
19. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
20. Zuckerman C. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and the modern Greek Studies. 1997. Vol. 21. P. 210–222.
21. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Pечат' panipersevista Alekseia Vranь-Komnina iz vizantiiskogo Khersona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 537–546.
2. Alekseenko N.A., Tsepkov Iu.A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 2012, Vol. XVII, pp. 7–17.
3. Baier Kh.-F. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2001, 500 p.
4. Baier Kh.-F. Metropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym Prosopograficheskogo Leksikona vremeni Paleologov. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Simferopol, 1995, Vol. 27: Vizantiia i srednevekovi Krym, pp. 65–76.
5. Dzhanov A.V. Pokhody sel'dzhukskikh voisk na Sugdak i Kilikiuu v pravlenie Ala al-Dina Kaikubada I. *Sudakskii sbornik*, Kiev, Sudak, 2008, Vol. III, pp. 46–78.
6. Iurasov A.V. (Ed.), *Istoriia Kryma*, Т. 1, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018, 600 p.
7. Iordanov I. *Pechati na vizantiiskata administratsiia v B"lgariia (971–1118)*. Shumen, Universitetsko izdatelstvo «Episkop Konstantin Preslavski», 2019, 375 p.
8. Kazhdan A.P. Zagadka Komninov. (Opyt istoriografii). *Vizantiiskii vremennik*, 1964, Т. XXV, pp. 53–98.
9. Likhachev N.P. *Molivdovuly grecheskogo Vostoka*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 360 p.
10. Myts V.L. K datirovke pokhoda emira Khusam vd dina Chobana na Sudak. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 1999, Vol. 30, pp. 176–186.

11. Nikiforov M.A. Tavricheskie klimaty vizantiiskikh istochnikov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2012, Vol. XVII, pp. 570–586.
12. Stepanenko V.P. Fema Sugdeia v XI v. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2018, T. XCIV, pp. 56–60.
13. Udaltsova Z.V., Kazhdan A.P., Bartikian R.M. Sotsial'naia struktura vostochnykh granits Vizantiiskoi imperii v IX–XII vv. *Actes du XIVe Congrès international des Etudes Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971*, T. II, Bucarest, 1975, pp. 21–26.
14. Uspenskii F.I. *Ocherki iz istorii Trapezundskoi imperii*. St-Petersburg, Evrazia Publ., 2003, 320 p.
15. Chkhaidze V.N. «Khazariia» XI veka. *K voprosu o lokalizatsii (po dannym vizantiiskikh molivdovulov)*. Moscow, 2016 44 p.
16. Shandrovskaiia V.S. Pechat' Ioanna Kontostefana Komnina. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 263–267.
17. *Hagiographical dossier of St. Eugenius of Trebizond in Codex Athous Dionisiou C 154*. Critical edition with introduction, translation, commentary and indexes by Ian Olaf Rosenqvist. Uppsala, 1996.
18. Oikonomides N. L'organisation de la frontiere orientale de Byzance aux Xe–XIe c. et le Takticon de l'Escorial. *Actes du XIVe Congrès international des Etudes Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971, T. II*, Bucarest, 1975, pp. 71–90.
19. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936.
20. Zuckerman C. Two notes on the early history of the *thema* of Cherson. *Byzantine and the modern Greek Studies*, 1997, Vol. 21, pp. 210–222.
21. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

V. P. STEPANENKO

Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

POST-BYZANTINE CRIMEA IN THE THIRTEENTH CENTURY

Abstract: After 1204, Byzantine domains in the Crimea were left to their own fate. Similarly to the representatives of other provincial elites, local archontes and Sebastoi actually became the leaders of Cherson, Klimata of Gothia, and Sougdaia. They got a degree of legitimacy by recognising the suzerainty of the first and second emperors of Trebizond over them and paying annual tribute. It is not known how long this situation would have lasted if the Mongols had not started their raids on the Crimea to destroy many centres of Gothia and to make Cherson gradually losing its economic importance. Having suffered repeated severe massacres, Sougdaia finally found itself a part of Genoese domains in the Crimea.

Key words: Byzantium, Crimea, Chersonese, Trebizond, Klimata of Gothia, themes, molybdoboulla.

Н. И. ХРАПУНОВ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

КРЫМСКИЕ ПИСЬМА ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА¹

*Все глубже и глубже проникали мы в сердце тьмы...
Нам недоступно было понимание окружающего...
Джозеф Конрад, «Сердце тьмы», часть II*

Аннотация: В статье рассматривается малоизвестный источник по истории Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. Его автор – Эдвард-Даньел Кларк, написавший знаменитые «Путешествия», сильно повлиявшие на общественную мысль Запада. Кларк внес немалый вклад в формирование некоторых стереотипов в отношении Крыма и России, сохраняющих актуальность до наших дней. Однако его письма к матери и лучшему другу Уильяму Оттеру фактически избежали внимания исследователей, хотя они отразили непосредственное восприятие и осмысление Кларком российских реалий. Письма показывают, что многие негативные оценки, впоследствии развитые в книге путешествия, возникли у Кларка непосредственно в Крыму. Во вводной части статьи проанализированы особенности того, как формировалось мировоззрение британца, и каким образом он осмысливал непривычные реалии. Показана глубокая субъективность оценок предрассудочного и несдержанного англичанина, не знавшего русского языка и не готового приспособиться к иным культурным нормам, смотревшего на другие страны с позиции британского превосходства. Впервые публикуется русский перевод «крымских» писем Кларка.

Ключевые слова: Эдвард-Даньел Кларк, тревелог, воображаемая география, Крым, Российская империя.

Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) оставил одно из самых цитируемых описаний Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. [59]. Основой для него послужили материалы, собранные в поездке на полуостров летом и осенью 1800 г. Знаменитый путешественник происходил из небогатой семьи [о его биографии и творчестве см.: 77; 87,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.». Я признателен сотрудникам Крымского федерального университета (Симферополь) канд. биол. наук Владимиру Викторовичу Назарову за консультации в области ботаники и канд. ист. наук Денису Валерьевичу Конкину за советы, позволившие идентифицировать некоторых исторических личностей.

р. 52–55; 71, р. 267–274; 83, р. 146–150; 65, р. 388–391; рус. пер.: 16, с. 415–418; 35, с. 254–260; 36, с. 56–57, 583, 589, 603; 42, с. 399–404; 44, с. 141–153; 46, с. 116–132]. Обладавший несомненными способностями юноша получил степень бакалавра в Кембриджском университете. Кларк занимался самыми разными предметами, в том числе древними языками, поэзией, химией, минералогией и ботаникой. Однако отсутствие средств побудило его оставить университет и избрать карьеру гувернера. В обществе своего воспитанника Джона-Мартена Криппса (1780–1853) Кларк в 1799–1802 гг. совершил длительную образовательную поездку по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту. Путешественник вел подробные дневники, делал зарисовки экзотических мест, собирал гербарии и минералы, древние рукописи, статуи и надписи. После возвращения на родину дела Кларка постепенно наладились. В награду за привезенную из Греции и подаренную Кембриджскому университету античную статую он получил степень доктора права. Кларк удачно женился и принял сан англиканского священника, что, наряду с продажей коллекций, принесло ему достаточный доход. В 1807 г. он начал читать в Кембридже лекции по минералогии, в следующем году став первым в университете профессором по этой дисциплине.

Параллельно Кларк работал над подготовкой описания своих странствий. В 1810 г. началась публикация «Путешествий» (последний, шестой том вышел уже после смерти автора), выдержавших множество изданий на разных языках и принесших автору не только мировую славу, но и внушительные гонорары. Благодаря своему трудолюбию, энциклопедическим знаниям и разнообразным интересам, Кларку удалось подготовить энциклопедическое сочинение, повествующее о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии виденных им стран. Для нескольких поколений англичан записки Кларка стали важным источником сведений о прошлом и настоящем России и Крыма, Греции и Турции, Палестины и Египта.

При подготовке описания Крыма Кларк не просто опирался на собственные наблюдения, но изучил разнообразные источники, прежде всего труды древних и средневековых авторов. Он широко использовал труды своих современников. Первым был знаменитый натуралист Петер-Симон Паллас (1741–1811), с которым англичанин познакомился в Симферополе. Паллас сопровождал Кларка в одной из его поездок в юго-западный Крым, консультировал его по самым разным вопросам и даже вылечил от малярии. Впоследствии Кларк внимательно читал английский перевод опубликованного Палласом энциклопедического описания Крымского полуострова [78; 79; 25]. Вторым автором, сочинение которого цитировал англичанин, был Реджинальд Хебер (1783–1826), известный религиозный поэт и епископ индийской Калькутты. Хебер передал Кларку неопубликованный дневник путешествия в Крым в 1806 г., пространные цитаты из которого тот поместил в примечаниях к очередному изданию своего труда. Эти записки были полностью изданы только после смерти автора [69; рус. пер.: 41].

Сочинение Кларка сочетает в себе элементы путевого дневника, исследований по археологии, истории, минералогии, ботанике, а также политического памфлета. Оно и сегодня считается классикой жанра путевых записок, являясь примером восприятия других стран представителями образованного класса Англии, их преубеждений и стереотипов. Кларк разочаровался в России и проникся отвращением и презрением к русским. Во введении к «русской» части описания своих путешествий Кларк указал, что граница Российской империи была одновременно границей между двумя мирами – цивилизацией и варварством: *«Не так хорошо известно, как следовало бы, что переправа через маленькую речушку, разделяющую две страны, Швецию и Россию, [...] простое пересечение моста приводило путешественника от всего того, что украшает и облагораживает человеческое сознание, туда, где находилось все то наиподлейшее, что его унижает»* [60, р. i–ii].

О том, что эти слова – не литературный прием, свидетельствуют письма Кларка, отправленные на родину вскоре после пересечения границы. Своему другу Уильяму Оттеру (1768–1840) путешественник жаловался на русское воровство, так контрастирующее со шведской порядочностью [77, р. 265]. Матери Кларк писал о русском холоде, превосходящем пределы английского воображения [77, р. 268]. Позднее, когда англичане пересекли Россию с севера на юг и оказались на берегах Азовского моря, письма Кларка выражали характерное ощущение «цивилизованного человека в стране дикарей» [77, р. 287–288]. Эти мотивы сохранились и в его «Путешествиях», когда автор получил возможность акцентировать отдельные моменты, при необходимости подкрепив их ссылками на авторитеты и пространными теоретическими рассуждениями. Нелюбовь Кларка к России выражала ощущение своего культурного превосходства и страх перед народом, казавшимся ему «примитивным», которому англичанин отказывал в «европейскости».

Рассказ Кларка о путешествии в «варварскую страну» напоминает описание другого, вымышленного путешествия, которое некий англичанин предпринял много лет спустя, правда, направившись не на север, а на юг. Его автором был Джозеф Конрад, или Юзеф Коженёвский (1857–1924), поляк по происхождению и классик английской литературы. Капитан Марлоу, герой, вероятно, самого популярного произведения Конрада «Сердце тьмы» (1899), рассказывает о путешествии по безымянной реке вглубь Африки, в места, которых не достигла цивилизация, о погружении вглубь вековой тьмы, «сдиравшей» с европейцев налет высокой культуры. Обстановка первобытной глуши действовала угнетающе. Рассказ Марлоу напоминает ночной кошмар: *«Мне кажется, что я пытаюсь рассказать вам сон – делаю тщетную попытку, ибо нельзя передать словами ощущение сна, эту смесь нелепицы, удивления, недоумения и нарастающего возмущения, когда вы чувствуете, что стали добычей невероятного, каковое и является самой сущностью сновидения...»* [15, с. 44].

Охватившее литературного героя настроение напоминает чувство, которым пронизан травелог Кларка и его письма родным и близким. Как и Марлоу, Кларк не понимал логики происходящего, воспринимая многие окружающие явления как

больной бред (не связано ли это с его постоянными жалобами на здоровье и, в частности, приступы малярии, которую он подхватил в Крыму?) и тщетно пытаясь отыскать в них хоть каплю здравого смысла. Впоследствии эту традицию восприятия российской действительности унаследуют многие западные писатели. Но если Марлоу пытался смириться с проявлениями первобытной глуши и примитивного общества, законы которого он даже не пытался разгадать, то Кларк не просто отказал России в праве именоваться «цивилизованной державой», но считал необходимым силой исправить «ошибки истории», например – вернуть Крым османам [59, р. 268–272; 46, с. 124]. Кстати, как свидетельствуют письма Кларка, впервые эта мысль пришла ему в голову почти сразу после приезда в Крым [77, р. 293].

Считается, что на мировосприятии Джозефа Конрада сказалось пережитое Юзефом Коженёвским в детстве, которое прошло в России. Его отец был сослан за связь с польскими повстанцами. Мальчик рано потерял родителей, в чем мог винить, справедливо или нет, российские власти. Впоследствии он эмигрировал, сначала во Францию, затем в Англию [37, с. 74–86; 54, с. 334–344]. Очевидно, в силу этой травмы Конрад искренне ненавидел Россию, воспринимая ее как что-то вроде порождения больного сознания. В ней он не видел ни силы, ни единой позитивной черты, ни возможности для прогресса, а потому считал, что Российское государство должно исчезнуть. «*В могиле не может быть развития*», писал он в посвященном русско-японской войне эссе, которое можно без особых преувеличений назвать «катехизисом русофоба» [64, р. 45]. Вряд ли Конрад читал записки Кларка, но нет сомнений, что он согласился бы с его инвективами.

Вскоре после публикации «Путешествий» Кларка в североамериканском альманахе появилась пространная рецензия, указавшая на массу неточностей и фактических передёргиваний и объяснившая многие из негативных суждений Кларка о России результатом невежества и нелюбопытства [74]. Хотя автор не назвал себя, редакция же сообщила, что это был русский дворянин, который побывал во многих западных странах, а в описываемое время проживал в Северной Америке. Рецензия якобы была написана по-французски и переведена на английский издателями. Можно думать, что к ее публикации приложил руку Павел Петрович Свиныин (1787–1839), впоследствии ставший известным журналистом и издателем, который в 1811–1813 гг. служил в русской дипломатической миссии в Филадельфии. Обстоятельства его жизни не противоречат указанному американскими редакторами [32, т. 18, с. 218–219]. Свиныин опубликовал книгу (1813), во втором издании (1814) получившую название «Очерков о России», одной из целей которой было опровергнуть обвинения Кларка. Во введении он заметил: «*Некоторые путешественники, проехав через обширную Российскую империю за три месяца, как, например, д-р Кларк, написали историю этой страны, критикуя её язык, не поняв ни единого его слова. Воспользовавшись русским гостеприимством, они присвоили себе право клеветать на русский народ и [тем самым] обманывать своих читателей*» [85, р. ii–iii; cf. р. 29, passim]. Усомниться в справедливости Кларковой критики позволил себе и неизвестный переводчик его

книги на французский язык [58, passim]. Не заметить критику Кларк не мог, и потому в четвертом издании его травелога появилось предуведомление, объявившее критику недобросовестной, результатом деятельности агентов, в одном случае, российского правительства, а в другом – Наполеона [60, без пагинации].

Причину русофобии Кларка можно искать во многих обстоятельствах, среди которых его изначальная предубежденность, объективные трудности путешествия, психологический дискомфорт, вызванный пребыванием в стране с иными культурными требованиями, уязвленное самомнение человека, не получившего должной оценки от новых знакомых [42, с. 400–404], а также трудности с реализацией коммерческого проекта по скупке и вывозу античных находок, не встретившего поддержки со стороны властей [43, с. 608]. Некоторым путешественникам на собственном опыте довелось убедиться в субъективности Кларка. Прибывший в Крым в 1827 г. шотландец Джеймс Уэбстер был вынужден выслушивать упреки в том, что Кларк искажил многие факты и, в частности, приписал русским солдатам несовершенное ими преступление [93, р. 60; рус. пер.: 45, с. 392].

Британский офицер Джеймс-Эдвард Александер, который провел в России и в Крыму несколько месяцев в 1829 и 1830 г., не раз полемизировал со знаменитым соотечественником. По его мнению, самолюбивый и неуживчивый, обладавший исключительным самомнением Кларк критиковал Россию прежде всего из-за личных обид и неспособности принять нормы другой культуры. *«Непостижимо, сколько вреда приносят подобные путешественники. Давая волю дурным страстям в своих трудах, они не только ставят под подозрение тех, кто последовал за ними, но и провоцируют вражду между народами, взаимные интересы которых в том, чтобы оставаться в мире»* [55, р. 245; ср. рус. пер.: 2, с. 246–247].

Предметом особенного интереса Кларка было прошлое, особенно классическая античность. Путешественник не скрывал своих амбиций: *«Если бы нашелся уроженец России, со страстью к литературе, который к знанию татарского языка приложил бы знание новогреческого (а многие русские бегло говорят на них обоих), древняя топография Крыма недолго пребывала бы в неизвестности. К сожалению, все те люди, которым Екатерина [III] поручала путешествия по своим владениям с научными целями, либо занимались исключительно изучением естественной истории, или же создавали, в более политических целях, великолепные статистические описания наиболее провинций. Почти все они лишены информации о классической [античности]. Первым и любимым занятием Палласа была зоология; после того он возделывал поле минералогии, ботаники и энтомологии. Проживая в Крыму, он был слишком стар годами и слишком слаб здоровьем, чтобы посвящать свое время иным занятиям; в противном случае, он смог бы многое прибавить к имеющейся у нас информации. Все, что до сих пор опубликовано в отношении географии и древностей Крыма, написано людьми, которые никогда не видели эту страну. Те же, кто здесь побывали, к сожалению, не были ни географами, ни антикварами»* [59, р. 127–129].

Ясно, что Кларк собирался создать самое полное, точное и эрудированное описание античных древностей Тавриды. Не мудрено, что он часто цитировал древних и средневековых авторов, хотя нередко и совершал ошибки. Так, путешественник «обнаружил» следы античных технологий в памятниках Старого Крыма, которые на самом деле относятся к мусульманской эпохе, и попытался связать этот город с одним из греческих поселений – Киммериком или Феодосией, в реальности находившихся далеко оттуда, и в отличие от Старого Крыма, на берегу моря [59, р. 154–156; 47, с. 839–840]. В другой раз, размышляя о местоположении античного Херсонеса, Кларк запутался в источниках, городах и бухтах, потому отыскать городище по его указаниям будет не самым простым делом [59, р. 210–212; см. также нумерованные карты «Древностей Крыма» и «Ахтиарской бухты»; 48, с. 416]. Конечно, нельзя требовать от путешественника конца XVIII в. современных знаний античной топографии – но следует отметить, что спутником Кларка в поездке по юго-западному Крыму был Паллас, точно локализовавший Херсонес [48, с. 416]. Анекдотично выглядят с точки зрения современной науки попытки Кларка прочесть на херсонесских монетах с литерой «В» имя киевского князя Владимира, что якобы подтверждало его крещение в этих местах [59, р. 290; 49, с. 136]. Еще один пример того, как далеко иногда заходили британца фантазии, связан с так называемыми «пещерными городами» Крыма. Многие путешественники доверяли местным легендам, согласно которым некогда море покрывало большую часть Крыма, а люди жили на вершинах гор, образующих архипелаг. Передвигались между ними на лодках, которые привязывали к специальным, сохранившимся доныне кольцам [48, с. 421–422]. Кларк отверг эту интерпретацию и предположил, что загадочные кольца служили для крепления каната, переброшенного через Бахчисарайскую долину, на котором в дни праздников устраивались представления акробатов на потеху крымским ханам [59, р. 187].

Кларк стал использовать археологию как «идеологическое оружие». По его мнению, русские безжалостно и бессмысленно уничтожали памятники культурного наследия, созданные древними греками, средневековыми генуэзцами и крымскими татарами. Это доказывало их непреодолимое варварство и неспособность России когда-либо достичь цивилизации, вершиной которой он, разумеется, считал английскую культуру [46, с. 119–126]. Для «спасения» крымских памятников оставался один путь – нужно было вывозить их в «цивилизованную» Англию. И хотя письма Кларка полны жалоб на то, что «варвары» и «скифы» не давали это сделать, в итоге многие надписи и рельефы оказались в коллекции Кембриджа. Быть может, здесь не обошлось без помощи Палласа. «Благородно» заботясь о сохранении античных памятников, Кларк не забывал о собственных карьере и кармане. Продажа коллекций в музеи английских университетов обеспечила ему солидный доход и способствовала получению докторской степени [46, с. 123].

Нужно сказать, риторика Кларка работала лишь в одну сторону. Так, в 1801 г. путешественник видел, как в Афинах по приказу британского дипломата лорда Томаса Элгина демонтировали мраморные статуи Парфенона, чтобы отправить их в Англию.

Разумеется, в путевых записках он не стал делать из этой истории выводов о «варварстве» своих соотечественников. Более того, Кларк отыскал поблизости две античные статуи и прибавил их к собственной коллекции [62, р. 218–219, 223–227; 46, с. 124–125]. Правда, в письмах англичанин высказался резко: *«Под предлогом спасения предметов искусства от турецких рук сносили храмы, которые на протяжении веков сопротивлялись действию времени, войны и варварства – чтобы украсить жалкую шотландскую виллу»* [77, р. 347]. Кажется, Кларк возмущался действиями Элгина прежде всего потому, что увидел в нем конкурента по поиску древностей. Само намерение вывезти памятники в Англию осуждения не вызвало. Впоследствии биограф Кларка Уильям Оттер заметил, что его друг жаловался зря, ведь ко всеобщему удовольствию «мраморы Элгина» оказались не в поместье лорда, а в Британском музее [77, р. 349]. К чести англичан, далеко не все они остались равнодушными к поступку Элгина. Например, Байрон во второй песне «Паломничества Чайльд-Гарольда» с горечью заметил: *«Но кто же, кто к святилищу Афины / Последним руку жадную простер? / Кто расхищал бесценные руины, / Как самый злой и самый низкий вор? / Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!»* [6, с. 180 (пер. В. Левик)].

Подчеркивая варварство русских, Кларк называл их «скифами», отметив, что так поступали и жившие в Крыму греки [59, р. 145]. Путешественник отлично владел не только научными знаниями, но и риторическими приемами своей эпохи. В эпоху Просвещения этнические процессы еще не были открыты. Важнейшим (как мы бы сказали сейчас – этнодетерминирующим) свойством народа считали его название [33, с. 124–128]. Предполагалось, что народы не исчезают бесследно, меняются лишь этнонимы. Потому авторы XVIII в. отождествляли скифов с разными современными народами, причем этнографические представления иногда неотделимы от литературных метафор [подробнее см.: 10]. В античности и средневековье скифы считались жителями Севера. Потому со временем так стали называть самые разные племена, приходившие с севера, например, готов, русов, печенегов, половцев и других [26, с. 198–228]. В XVIII в. к России зачастую относились как к северной стране, игнорируя географические реалии [22, с. 111–124]. Позднее участники Наполеоновского похода 1812 г. подчеркивали северный характер России, а потому преувеличивали тяготы российского климата и называли его едва ли не главной причиной своего поражения [28, с. 219, 227–238; 18, с. 349, 372, прим. 45]. Именуя «скифами» русских, Кларк имел в виду не только географию, но и культуру, ведь многие древнегреческие и римские авторы рассматривали скифов как архетипичных варваров. Правда, другие, о которых Кларк, вероятно, не знал, скифов отчасти идеализировали, показывая на их примере недостатки собственной культуры [31, с. 6, 85, 88–91, 101–104]. Отметим, что «скифское варварство» заключалось не только в воинственности, грубых нравах, особенностях повседневной жизни, но и в политическом строе. Древние писатели противопоставляли демократическое устройство греческих городов-государств «тирании» скифской царской власти [26, с. 120]. В свою очередь, Кларк обличал «скифский» деспотизм Российской империи.

Его «Путешествия» оказались одним из самых популярных британских описаний России и Крыма. Оно выдержало пять прижизненных изданий, было переведено на французский [58] и немецкий [61] языки. Характерная оценка книги выражена рецензией в журнале «The Edinburgh Review», автор которой превозносил Кларка *«не только за здравый смысл, продемонстрированный им просто и ясно – рассказывающая обычные вещи в обычной манере; избегая красноречия и шуток во всех описаниях; записывая то, что полезно читателю, вне зависимости от того, может ли оно продемонстрировать его собственные способности; но также за мудрость, которую он продемонстрировал, отобрав по большей части самые интересные детали из весьма обширных запасов, и за ученость, которую он выказал, рассматривая и комментируя свои факты»* [82, p. 335].

Можно задаться вопросом, насколько сочинение Кларка повлияло на желание его соотечественников отправиться на юг России с образовательными целями. Судя по количеству опубликованных тревелогов, после короткого перерыва, связанного с Наполеоновскими войнами, паломничество британцев в Крым возобновилось и значительно расширилось [66, p. 134 ff.]. Большинство путешественников XIX в. обращались к авторитету Кларка, рассказывая о прошлом и настоящем Крыма. Например, издатель писем Филипа-Йорка Ройстона (1807) цитировал сочинение Кларка в подтверждение мысли о безветренном климате Крыма и о том интересе, который представляет поселение караимов на Чуфут-Кале [81, p. 168 n.*; p. 170, n.*].

В. В. Ададуrow обратил внимание на сходство антироссийской риторики Кларка и политической пропаганды Наполеона. В обоих случаях использовался дискурс русского варварства, противостоящего западноевропейской цивилизации [1, с. 22–32]. Впрочем, подобная риторика не помешала французскому императору инициировать ограбление соборов Московского кремля [1, с. 213–223]. Такой образ мысли был в принципе свойственен западному сознанию. Например, уверенность в своем превосходстве над другими и в своей преемственности от великих цивилизаций древности оправдывала в глазах участников Египетского похода Наполеона необходимость «спасения» археологических памятников от «недостойных» местных жителей путем вывоза их во Францию [29, с. 160–161].

На рубеже XVIII–XIX вв. античность становилась модной [68, p. 63–88]. Потоmu разрушение греко-римских памятников считалось признаком нецивилизованности. Отметим, что случаи разрушения памятников русскими солдатами, моряками и строителями действительно фиксируются источниками [напр.: 43, с. 598, 601, 603–604, 615]. Исследователи отмечают, что до определенного момента русской культуре было свойственно особое отношение к памятникам прошлого, заметно отличавшееся от взглядов Запада. Несмотря на большой интерес к греко-римскому прошлому, расположенные на территории России древности интереса не вызывали. Возможно, причина в том, что до блестящих завоеваний Екатерины II у русских не было «своих» античных памятников [53, с. 13–15; 40, с. 129–137]. Это, конечно, сказывалось на действиях представителей образованного общества.

Топос русского варварства по отношению к прошлому, у истоков которого стоял Кларк, оказался весьма живучим. Через несколько десятков лет француз Астольф де Кюстин издал свой знаменитый антироссийский памфлет. Его текст временами заставляет вспомнить о Кларке: *«...в этой стране [России - Н.Х.] с исторической правдой считаются не больше, чем с клятвенным обещанием; здесь так же невозможно определить подлинность священных камней, как и достоверность слов и документов. В каждое новое правление исторические здания преобразуются заново, словно бесформенная глина, по воле государя; и благодаря нелепой страсти, громко именуемой прогрессивным развитием цивилизации, ни одно здание не остается стоять на том месте, где было поставлено при основании; даже могилы не защищены от бурь императорской прихоти»* [17, с. 575–576]. Тогда же исследователь северного Причерноморья швейцарец Фредерик Дюбуа де Монперё печально заметил: *«первый день Севастополя стал последним – Херсона»* [67, р. 155]. Он имел в виду, что камни древнего города пошли на строительство базы Черноморского флота, тем самым подтверждая свидетельство Кларка.

Новый виток интереса к сочинению Кларка вызвала Крымская война (1853–1856). Британская риторика этого времени весьма близка Кларковой. Сторонники вооруженного конфликта называли Россию «воплощением Деспотизма» [86, р. 89]. Генри Палмерстон (в годы войны ставший премьер-министром) считал необходимым отторжение от России ряда территорий, расположенных вдоль ее западных границ, включая Крым [12, с. 376]. Участник британской экспедиции в Тавриду Томас Милнер, опубликовавший описание полуострова, негативно оценил роль России в его истории и не раз цитировал Кларка. Очевидно, под влиянием рассказов соотечественника о жестокостях, которые русские завоеватели творили в Бахчисарае [подробнее: 59, р. 172–180; рус. пер.: 51, с. 165–170], Милнер даже переосмыслил известный анекдот о Екатерине II. Приехав в Крым в 1787 г., императрица сменила свой казачий конвой на татарский. Поначалу это испугало ее спутников, но храбрость правительницы произвела на них большое впечатление, а кроме того помогла завоевать доверие ее новых подданных [84, р. 192–193]. Милнер же решил, что *«это была лишь умело созданная видимость согласия и лояльности, созданное князем плутов [Потемкиным — Н.Х.], дабы скрыть подлинное состояние страны. Преданные мурзы, беи, имамы, аги и солдаты были цыганами, евреями, армянами и казаками, обряженными по случаю в костюмы татарской знати, чиновников и солдат»* [73, р. 259, 260; ср. рус. пер.: 21, с. 183].

В середине XIX в. французы, супруги Ксавье и Адели Омер де Гелль издали описания своих путешествий по югу России, в которых не раз говорили о разрушении русскими памятников культурного наследия. Хотя они напрямую не ссылались на Кларка, но, очевидно, следовали уже полностью сформировавшимся в западной культуре (во многом под влиянием британца) представлениям о «русском варварстве» и, как и Кларк, прикрывали показной заботой о судьбе крымских древностей желание вывезти на родину ценные артефакты [24]. Не мудрено, что в годы Крым-

ской войны англичане и французы вели раскопки в Херсонесе и на Боспоре, отправляя найденные вещи в музеи своей родины [72, р. 44–106; рус. пер.: 20, с. 66–143; 52, с. 268–270]. Разумеется, не обошлось без рассуждений о «русских варварах»: *«Русский вандализм уничтожил все следы некогда существовавших здесь [в Керчи – Н. Х.] величественных развалин: стены древнего города [Пантикапея] сравняли с землей, а все его памятники разрушили. С тех пор как русские овладели Крымом, они совершенно истребили все древние остатки его бывшего величия, а прекрасные архитектурные сооружения снесли, чтобы получить материалы для строительства огромных банальных казарм»* [72, р. 32; ср.: 20, с. 54]. Заметим, что сами союзники отнюдь не были примером «цивилизованного поведения». Например, сожжение Керчи и уничтожение местного музея произвело тягостное впечатление даже на американского шкипера Джона Кодмана, командира зафрахтованного французами транспортного судна. По его словам, действия союзников ничем не отличались от Наполеона, ограбившего музеи Италии [63, р. 76–77].

Нужно сказать, что обвинения в уничтожении культурного наследия как проявлении варварства были оружием обоюдоострым, и со временем его усвоили русские пропагандисты. В Первую мировую войну уже российская пресса безжалостно высмеивала немцев за подобные действия [38, с. 173].

Впоследствии рассуждения о необходимости вывоза крымских древностей из России ради их «спасения» не раз возникали в риторике Запада. Например, похожие аргументы фигурируют в рассуждениях украинских властей, «археологов» и «музейщиков», а самое главное – их зарубежных покровителей во время печально известного «дела о скифском золоте», точнее, о вещах из коллекций крымских музеев, оказавшихся на выставке в Амстердаме, претензии на которые предъявила Украина. В настоящее время известия Кларка о Крыме используют отечественные и особенно зарубежные исследователи, зачастую без должной источниковедческой критики [некоторые примеры см. в: 44, с. 142].

Если «Путешествия» Кларка излагают его взгляды в законченном виде, то его письма, отправленные из поездки, раскрывают его непосредственные впечатления. Они опубликованы Уильямом Оттером, директором Королевского колледжа в Лондоне (как полагают, третий английский университет после Оксфорда и Кембриджа) и епископом Чичестерским, в составе жизнеописания Кларка. Разумеется, письма уступают по информативности травелогам, хотя бы потому, что автор не имел возможности дополнять наблюдения кабинетной работой. Но в этом и заключается ценность писем для реконструкции творческой биографии Кларка, понимания того, как формировались его взгляды, а также осмысления непосредственного восприятия Крыма глазами англичанина. Эти письма демонстрируют подборку стереотипов, определивших размышления британца, оказавшегося в другой стране, предубежденного и несдержанного, не знавшего языка и не готового приспособиться к иной культуре. Письма показывают, что многие негативные оценки, впоследствии развитые в книге путешествия, возникли у Кларка в Крыму.

Источник указывает на трудности, с которыми сталкивались западные путешественники по Восточной Европе. Многие субъективные проблемы продиктованы столкновением с незнакомой культурной средой. Были и объективные сложности – незнакомый климат, пища, слабо развитая инфраструктура. Разумеется, мешало незнание местных языков и необходимость привлекать непрофессиональных переводчиков. Более низкий уровень экономического и социального развития окраин Российской империи способствовал формированию тенденциозных и даже расистских суждений. Распространены были обобщения, когда негативные (реже – позитивные) наблюдения из собственного опыта общения с местными жителями переносили на всю этническую группу [50]. Отметим склонность Кларка к эмоциональным преувеличениям. Учитывая его постоянные жалобы на российские власти, иронией звучат слова отставного таврического губернатора Андрея Михайловича Бороздина (1765–1838) в передаче Уэбстера: *«Кажется, для Кларка всегда главенствовали личные переживания. Говоря о том, как тот искажал факты, Бороздин сказал: “Je ne sçais pourquoi, parce qu’il a été si bien accueilli partout”². Ему разрешили выехать из С.-Петербурга и путешествовать по всей стране без всяких препятствий»* [93, р. 60; рус. пер.: 45, с. 392].

Фрагменты из книги Кларка несколько раз переводили на русский язык. Была издана глава, рассказывающая о Бахчисарае и его окрестностях [51]. Значительно хуже русский вариант «Керченской» главы, выполненный в двойном переводе с французского издания [14]. Его правильнее будет назвать пересказом, причем не самым лучшим. Достаточно отметить, что переводчики умудрились принять французскую «М.», стоящую перед именем Кларка и, очевидно, означающую «Monsieur» – «господин», за инициал автора, а «Е» – «Edward» (англ.) или «Edouard» (франц.) – в русской версии превратилось в «Е.», хотя следовало бы «Э.» («Эдвард», «Эдуард»). Однако письма Кларка укрылись от внимания исследователей и переводчиков. Настоящая публикация должна заполнить этот пробел.

Книга Оттера не раз переиздавалась [напр.: 75; 76; 77]. Перевод крымских писем выполнен по последнему изданию. Сверка с предыдущими изданиями показала, что различия между ними не более, чем косметические. Заметим, что Оттеру пришлось разбирать рукописные записи, сделанные в не самых лучших условиях – на постоянных дворах, на борту судна, уставшим и больным путешественником, чем могут объясняться незначительные неточности. Переводчик старался следовать принципам, сформулированным А. Л. Бертъе-Делагардом и С. Л. Белявской, авторами русского издания крымского травелога Палласа. Главный из них – это точность в ущерб литературности, буквальное следование авторской мысли, даже если это делает стиль шероховатым [25, с. 17–18].

Необходимые комментарии, по возможности краткие, даны в подстрочных примечаниях. За исключением особо оговоренных случаев, источниками послужи-

² Не знаю, почему, ведь его повсюду так хорошо принимали (франц.).

ли энциклопедические справочные издания по археологии Крыма [9], исторической географии Северного Причерноморья [13; 70], античной и византийской культуре [88; 89], биографиям российских государственных деятелей [32; 19].

В традициях своей эпохи Кларк называл словом «Russians» представителей как этноса («русские»), так и политической нации (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»). Проблема использования подобных терминов в травелогах – сюжет для отдельного исследования. В данной публикации «Russians» передается как «русские», следуя отечественной традиции перевода сочинений путешественников, берущей начало в конце XVIII в.

Страницы оригинального издания указаны в угловых скобках <> перед началом соответствующей части текста. В квадратных скобках [] – дополнения переводчика. Кларк записывал имена и названия зачастую со слуха, иногда выбирал из книг, зачастую придавая им необычные формы. Идентифицировать их в большинстве случаев не так уж трудно. Латинские формы приводятся в квадратных скобках после первого их появления. Они, в частности, показывают, что Оттер, незнакомый с крымскими реалиями, не всегда точно разобрал почерк своего друга, и что Кларк в большинстве случаев передавал античные и современные топонимы на манер классической латыни.

Эдвард-Даньел Кларк

Письма о Крыме

<р. 292>

*Достопочтенному Уильяму Оттеру
Еникале³, в Крыму, 12 июля 1800 г.*

Мы только что переправились из Азии через Босфор Киммерийский [Cimmerian Bosphorus]⁴. К счастью, в Таганроге [Taganrok] я обнаружил книжку Плиния⁵, которая стала нашим путеводителем по этим интересным местам, хотя это огромный фолиант; всю дорогу не выпускал я ее из рук. Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы её первых колоний, в которых мы роемся? Мы поселились в доме спартанца [Spartan]. Его жена, рожденная на Паросе [Paros], украшает наш

³ Османская крепость, построенная в начале XVIII в., находится в северной части современной Керчи [8, с. 69–107].

⁴ Босфор Киммерийский – древнегреческое название нынешнего Керченского пролива. Согласно античной традиции, он был границей между Европой и Азией.

⁵ Плиний Старший (ок. 61–112) – знаменитый римский ученый-энциклопедист. Кларк, очевидно, имеет в виду его «Естественную историю», в которой содержатся сведения о географии Северного Причерноморья.

стол розами и мёдом⁶. О его галерею разбиваются волны Босфора. В этот миг перед моими глазами земля с такой разнообразной историей, что заставляет слезы безразлично бежать по щекам. Разве не видишь маленький флот аргонавтов, ползущий недалеко от берега? команды в челнах, изучающих окрестности с той смесью энтузиазма, любопытства и интереса, что ощущаем сейчас и мы? Гребли ли они вдоль Европейской или Азиатской стороны? Кто нам теперь расскажет? Все это имеет значение, и от него многое зависит. Имею основания надеяться, что смогу разобраться, по крайней мере, с одной из неясных страниц истории. Но что позволяет нам историк узнать о поразительных руинах, которыми покрыты эти берега? Храмы и театры, где некогда звучали клятвы, сотрясавшиеся аплодисментами избранных людей, в прошлом, относительно которого в греческих анналах сообщается много непонятно и невероятного. Откуда текло богатство, где те каменоломни, откуда брали мрамор для дворцов, стоявших посреди пустыни, где природа не могла снабдить архитектора материалом? Остров Тамань [Taman]⁷ сложен из песка и глины, но ведь развалины города Фанагории [Phanagoria]⁸ больше <р. 293> Кумских [Cuma]⁹. Помоги нам, Господи! Мы спешим в Италию, чтобы увидеть труды дня вчерашнего, а если окажемся в Греции, то, думаю, доберемся и до истоков. Почему же образованные путешественники не едут в эти места, где земля вымощена мраморными надписями, где историю можно поднять из могилы, и где скифы, более варварские, чем их предки-атропофаги¹⁰, погребают ценнейшие свидетельства в фундаментах своих крепостей? О, если бы турки и татары¹¹ снова стали хозяевами этой земли!¹²

Без книг влачусь я, как сова на солнце, а без Плиния был бы и вовсе слеп. О, если бы здесь оказались даже немногие из тех записей, что лежат без всякого смысла в моем кабинете. Когда я собирался в Египет и Грецию в компании лорда Бервика

⁶ Кларк нарочно использует архаичные термины, в частности, Спарта – древнегреческое государство на юге полуострова Пелопоннес. Парос – остров в Кикладском архипелаге в южной части Эгейского моря. Очевидно, он общался с недавними эмигрантами, переселившимися в Керчь и Ени-Кале в 1775 г. по приглашению российских властей [30, с. 5–78].

⁷ На рубеже XVIII–XIX в. Таманский полуостров зачастую именовали островом, поскольку воды р. Кубань формально отделяли его от материка.

⁸ Фанагория – древнегреческий город на восточном берегу Керченского пролива, близ пос. Сенной Краснодарского края.

⁹ Кумы (Cumaе) – древнегреческая колония в Италии, близ современного Неаполя.

¹⁰ «Скифами» Кларк называл русских; антропофаги (*греч.*) – людоеды.

¹¹ Кларк записывал этноним «татары», добавив в него лишнюю «р» – тартары (Tartars). Это явление было широко распространено в европейских документах средневекового и Нового времени, отразив страх перед монголами XIII в. В них увидели выходцев из ада, предсказанных пророками предвестников конца света. Потому в название грозных кочевников и их страны добавили лишнюю букву – так «тартары» и «Тартария» напомнили о Тартаре, преисподней древнегреческих мифов [39, с. 13, 39, прим. 16].

¹² Впоследствии, издавая описание своих путешествий, Кларк предложил европейским державам силой вернуть Крым османам, дабы прекратить страдания крымских татар, и даже наметил план военных действий, которые должны были начаться с высадки десантов на почти неохраняемом южном берегу [59, р. 268–270].

[Berwick]¹³, то собрал всю информацию, какую только мог найти, и теперь эти бумаги лежат в Колледже, годные лишь на прикуривание трубки. Как мне по Плинию определить местоположение Статоклии [Statoclia] или Кеп, Гермонассы и даже Фанагории? Он ведь даже не указывает, на каком берегу пролива лежат упомянутые города. Вот все его слова: «Oppida, in aditu Bosphori, primo Hermonassa, dein Cери, mox Stratoclia, et Phanagoria, et pene desertum Apaturos; ultimoque in ostio Zimmerium quod antea Cerberion vocabatur»¹⁴.

Фанагория определяется достаточно точно: знание этого проливает свет на остальное. Апатур нашел я сам. Зиммерий [Zimmerium], как говорит он в другом месте, находится за проливом, – думаю, на острове Тамань¹⁵. Работавшие в крепости Фанагория солдаты нашли маленькую серебряную монету и дали ее мне. На ней изображен бык с буквами ФАНА сверху, а остальные пропали. На другой стороне – голова во фригийском колпаке¹⁶. Я скопировал некоторые надписи на мраморе и надеюсь привезти домой часть самих мраморов для нашей публичной библиотеки. Готовится прошение губернатору Крыма от моего имени, с тем, чтобы получить мраморную греческую гробницу, которую весь этот город использует в качестве бассейна в общественном водопроводе, причем старухи намереваются наказать меня за попытку забрать их стиральное корыто¹⁷. Она похожа на те, что помещали на своих картинах Пуссен¹⁸ и самые классические художники, демонстрируя простое величие, свойственное временам высочайшего стиля. Несмотря на огромный вес, ее можно перевезти на корабле; какова же будет моя радость, когда увижу ее под защитой нашего Университета¹⁹, где, помещенная вне досягаемости скифов и

¹³ Барон Томас Бервик (1770–1832), британский аристократ и покровитель искусств, в 1792–1794 гг. путешествовал по Германии, Швейцарии и Италии, пригласив в поездку Кларка, расходы которого взял на себя.

¹⁴ Сегодня латинский текст уточнен и переводится так: «Города при входе [в Босфор: сначала] Гермонасса, затем Кепы [– колония] милетян, потом Стратоклия и Фанагория, почти покинутый Апатур и последний в устье пролива – [город] Киммерий, который прежде назывался Химерий» [27, с. 184–185]. Упомянутые древнегреческие города локализуются на Таманском полуострове следующим образом. Гермонасса – на территории современной станицы Тамань. Кепы – севернее, в самой восточной части Таманского залива. Местоположение Стратоклии, Апатура (здесь было известное святилище богини Афродиты) и Киммерика достоверно не установлено.

¹⁵ В данном случае, Кларк (или Оттер) записали название города с ошибкой в первой же букве. На противоположных берегах Керченского пролива находились два города, называвшиеся Киммерик. Европейский был на юге Керченского полуострова, близ горы Опук. Вероятно, это и ввело путешественника в заблуждение.

¹⁶ Это двойной обол фанагорийской чеканки, выпущенный, по современным представлениям, в начале IV в. до н. э. [3, с. 139, № 84, табл. 2,84].

¹⁷ Строители крепости Ени-Кале соорудили сложную систему сбора и подачи воды, в одном из фонтанов действительно применив крышку античного саркофага в качестве водосборной емкости [8, с. 92–101]. Кларк не только описал, но и зарисовал эту необычную конструкцию [59, р. 97, cf. 74, 102–103].

¹⁸ Никола Пуссен (1594–1665) – французский художник, прославившийся пейзажами, а также картинами на исторические и религиозные темы, выполненными в классическом стиле.

¹⁹ Имеется в виду Кембридж, где учился Кларк.

татар, она сможет побудить некий предприимчивый ум спасти от забвения остатки этих бесценных реликвий, которые ежедневно становятся жертвой времени и варварского невежества.

После того, как я написал последние слова, меня отвлекло послание генерала от инженерии; имею удовольствие сообщить вам, что не менее пяти мраморов <р. 294> с надписями и пр. сейчас находятся в безопасности на борту «Мадонны Турлиани», следующей в Константинополь²⁰; отсюда они отправятся в Англию и Кембридж. Надеюсь вскоре выслать другую партию²¹. Что до монет, я приобрел несколько штук, но пока только одну вазу; и хотя подозреваю, что здесь их можно отыскать, полагаю, что ни один антиквар²² пока не додумался связать свои любимые предсказания со столь отдаленным краем.

Южный берег Черного моря является одним непрерывным театром истории. Развалины видны на всём пути от Константинополя до Трапезунта [Trebisond]²³ и даже до Анапы. В Амасре [Amasera]²⁴ они далеко выступают в море, а рыбаки и моряки до сих пор считают волшебными колонны, которые не могут опрокинуть волны. Здесь я беседовал с жителями всех окружающих Эвксин²⁵ городов, и все они говорят одно и то же касательно важнейших объектов на его берегах. Амасера находится всего только в трехстах милях от Константинополя, и уж туда, по крайней мере, я надеюсь поехать. Мой дорогой друг, я так устал, что едва могу видеть написанное, а не то мне пришлось бы о многом вам рассказать. В последнем письме я много похвалялся утонченностью и цивилизованностью Европы, но ничего подобного не могу сказать о современной Азии. Та ее часть, что мы пересекли, полна опасностями и *désagrémens*²⁶. К тому же нас пожирала комары, и понадобился конный конвой из вооруженных казаков, состоявший из шести, восьми или десяти всадников с пиками, пистолетами, саблями и пр. Мы проникли в Черкесию – но под прикрытием пушек Екатеринодара²⁷. Когда мы впервые прибыли на реку Кубань, черноморские [Tchernomorski] <казаки>²⁸ и черкесы были в состоянии войны, но

²⁰ Нынешняя столица Турции Стамбул до 1930 г. называлась Константинополем.

²¹ После возвращения Кларк действительно передал Кембриджскому университету коллекцию скульптуры и надписей на камне, часть которых вывезена из российских владений [57, р. 1–2, no. 1; р. 4–8, nos. 4–8; р. 46–47, no. 24].

²² Английское «antiquarian» (так же, как и русское «антиквар») со времен Кларка несколько изменило свое значение; тогда оно обозначало «исследователя и любителя древностей», а не торговца ими, как сейчас.

²³ Древнегреческий, затем византийский город в восточной части южного берега Черного моря, ныне – Трабзон в Турции.

²⁴ Древнегреческий, потом византийский город Амастрида в западной части южного берега Черного моря, ныне – Амасра в Турции.

²⁵ Понт Эвксинский («гостеприимное море») – древнегреческое название Черного моря.

²⁶ трудностями (*франц.*).

²⁷ Ныне город Краснодар.

²⁸ Переселенные на Кубань в 1792 г. остатки запорожских казаков. Ниже Кларк приводит перевод их названия.

мы имели удовольствие посетить посольство черкесских князей, которые прибыли с кавказских гор со своими луками и стрелами, в доспехах, чтобы принести клятву мира черноморским казакам [Cossacks of the Black Sea], перед Анапским пашой. Туземцы Отахейта [Otaheite]²⁹ не более дики, но менее свирепы, чем черкесы. Их красота прославлена по справедливости. Мы видели несколько сот человек, а женщины, плененные казацким войском, вероятно, красивее всех в мире; чтобы вы могли составить мнение о мужчинах, отправляю портрет черкеса в тунике из черной овечьей шерсти, которую все они носят.

(Здесь приложен грубо нарисованный карандашом портрет на фоне окрестных гор)

Прекрасен вид Кавказских гор, пока едешь в нескольких милях³⁰ от них вдоль реки Кубань на протяжении долгих дней. На расстоянии в триста верст виднеется гора Келлеборес [Kellebores]³¹; <р. 295> ее вершина покрыта вечными снегами. Они неприступны из-за болот у их подножья.

Посмотрите на них! и скажите, нужны ли вам растения с равнин внизу. Одно из них могу передать вам. Ходить за плугом у черкесов стало делом воинов, а сеятель идет сажать зерно, взяв с собою саблю, фузею³² и лошадь, которая способна обогнать ветер. Когда мы были на берегах Кубани, там продавали черкесских девушек по двадцать пять рублей за голову. Родители выставляют на продажу собственных детей. Талию девочек они зашивают в пояс из овечьей шкуры, прилегающий прямо к коже, который не снимают на протяжении многих лет, дабы придать ей элегантную форму. Многих из них отправляют в турецкие серали. Турецкий купец покупает на рынке юношей и девушек, словно телят. Захватив нас, они бы доставили нас в Персию для продажи; вероятно, единственный способ осмотреть внутреннюю часть их страны – стать добровольным пленником. Одного из их князей развеселило, что мы сняли шапки, из уважения к паше, в его шатре; он очень громко смеялся, подражая нашим поклонам, которые, несомненно, показались ему очень забавными. Более пятидесяти князей явились на Кубань, чтобы заключить мир с черноморскими [казаками].

Наше мнение об Азии, составленное по той её части, что мы пересекли, можно передать в нескольких словах – дурной воздух, дурная вода, дурная пища, дурной климат, дурные люди.

Я собирал насекомых лишь для того, чтобы не упустить ничего из того, что следовало бы увидеть по мнению наших оставшихся в Англии друзей. Наши руки и наши головы переполнены, и чтобы и те, и другие смогли немного отдохнуть, сей-

²⁹ Другое название острова Таити в Тихом океане, широко известного современникам Кларка благодаря плаваниям капитана Джеймса Кука.

³⁰ Английская сухопутная миля равна 1609 м.

³¹ Возможно, гора Казбек – одна из высочайших вершин Кавказа.

³² Дульнозарядное гладкоствольное ружье.

час придется пожелать вам доброй ночи. Криппса [Cripps]³³ беспокоит, как бы я не забыл передать его поклоны. Бог да благословит вас.

К матери

*Акмечеть [Achmedchid]³⁴, в доме профессора Палласа,
в Крыму. 15 августа 1800 г.*

«Итак, – скажете Вы, – наконец-то я получила письмо от Нэда³⁵». И о чем же оно? Лишь о том, что он и его товарищ в порядке; и стоило ли писать об этом на расстояние в 3000 миль?

Вы должно быть слышали о знаменитом профессоре Палласе, который по приказанию покойной императрицы³⁶ проехал через всю Сибирь до самой Камчатки [Kamschatka]³⁷; одним из величайших scavans³⁸ <р. 296> Европы, которому принадлежит множество прекрасных публикаций. Это у него мы сейчас живем, пока корабль не подготовят к отплытию в Константинополь; но как мне описать всю его доброту? С нами обоими он нежен, как отец; всё, что находится в его доме, теперь принадлежит нам. Когда мы встретились, у меня не было сил от усталости, и я страдал трехдневной малярией. Г-н Паллас ухаживал за мною, выхаживал, а затем снабдил всякого рода подарками, книгами, рисунками, насекомыми, растениями, минералами и пр. Стоило проделать весь этот путь из Англии, чтобы иметь счастье поговорить с таким человеком, и это не считая превосходных качеств его сердца. Здесь мы живем в прекрасном, истинно английском доме; и если вам знакома радость чистой постели после того как многие месяцы, в пустынях и среди дикарей, вы не снимали одежды, то вы поймете счастье нашего отдыха. Наше судно находится в Козлове [Kosloff]³⁹, на расстоянии сорока миль, а когда мы будем уезжать из Крыма, г-н и г-жа Паллас вместе со своей дочерью, вышедшей замуж за генерала⁴⁰, куда мы жили в их доме, отправятся вместе с нами в Козлов и отобедают у нас на борту в день отплытия. Они приготовили для нас все, что нужно для путешествия.

Генерал-губернатор Крыма, а также его главный заместитель Бурици [Bouritzi] и князь Вяземский [Viazemskoi]⁴¹, комендант гарнизона и командующий войсками

³³ Джон-Мартен Криппс (1780–1853), воспитанник Кларка.

³⁴ Татарский город Акмечеть находился на месте нынешнего Симферополя.

³⁵ Уменьшительная форма имени Эдвард.

³⁶ То есть Екатерины II (1729–1796), российской императрицы в 1762–1796 гг.

³⁷ Знаменитый натуралист Петер-Симон Паллас (1741–1811) в 1768–1774 гг. совершил длительное путешествие по восточным губерниям России с научными целями, осмотрев и описав Южную Сибирь и Забайкалье, но до Камчатки не добрался. С 1795 г. он проживал в Крыму [35].

³⁸ ученых (*искаж. франц.*).

³⁹ Крымский город Кезлев, тюркское название которого русская народная этимология, очевидно, связала с известным животным, превратив в «Козлов»; ныне Евпатория.

⁴⁰ Третьей женой Палласа была Каролина Ивановна, в девичестве Польшман. Его дочь от первого брака, Альбертина (1777–1851), была замужем за генералом Георгом фон Вимпфеном (1760–1807).

⁴¹ Идентифицировать этих лиц не удалось. Кларк здесь путается, поскольку в 1796 г. Таврическая область была ликвидирована, а Акмечетский и Перекопский уезды вошли в состав Новороссийской губернии с центром в Екатеринославе (ныне Днепр).

в Ахтиаре [Achtiar]⁴², уделили нам массу внимания. Жаль, что нужно уезжать, но очень похоже на то, что иначе нам пришлось бы зимовать в Крыму.

Мы ничего не знаем о том, как обстоят дела у вас, на другом конце Европы, и даже о том, идет ли еще война или уже наступил мир⁴³. Если мир, прикажите, чтобы мой молодой виноград обрезали и пустили по кухонному окну, и сварили крепкого пива, и велите Мастеру Вуду [Wood] использовать помповую воду; если же война, спросите, как дела у бедного старого Транчена [Truncheon], хватит ли ему лекарств дотянуть до того, как придут французы и отрубят ему голову; полагаю, леди⁴⁴ Осборн [Osborne] осталась таким же добрым, хорошим созданием, и никогда не пьет, если не считать «капельки чего-нибудь приятного по воскресеньям».

Не волнуйтесь, если не получаете вестей от меня на протяжении месяцев. Нельзя угадать, когда придет письмо, а если случится, что оно потеряется на долгом пути, возникнет опять же трехмесячная пауза.

Думаю, что если смогу найти красивый, элегантный персидский ковер в Константинополе, из теплой багдадской пряжи, толщиной около двух дюймов, он будет хорошо смотреться под вашими ногами в Акфилдской гостиной⁴⁵. «Но, дорогой Нед! не нужно тащить домой такую большую вещь, что сможет накрыть весь Акфилд».

Из Константинополя поедем прямо домой – верьте этому, ведь дальше нам не проехать: в Египте стоят французы, в Малой Азии и Сирии – мятежи и чума⁴⁶. <р. 297> Что же до Африки и мыса Доброй Надежды, нам предстоит нанести столько визитов, что им придется простить наше отсутствие на этот раз.

Кажется, забыл важную вещь. Вероятно, к этому времени вы [уже] получили большой сундук из Лондона, с плодами в стеклянных банках и пр. Когда бы его не привезли, прошу, позаботьтесь о нем как можно лучше. Мы отправили его вам, так как боялись, чтобы они не скисли или не разлились. В нем будут два сорта лапландской земляники, сваренные в сахаре. Но так как делали их разные люди, в одних сахара больше, чем в других; сварите их еще раз в свежем сахаре, и сделайте все, что можно, ради их сохранения; но не смешивайте сорта или испорченную с хорошей. Это фрукт, который никогда не видели в Англии. Там будут две маленькие бутылочки с растением и его плодами в винном спирте – сохраните все как есть. Известно, что вы умеете хранить такие вещи, а потому, рассчитывая на вашу заботу, мы приказали доставить их вам.

⁴² Ахтиар (Ак-Яр) – название небольшого крымскотатарского поселения на северном берегу Севастопольской бухты, которое иногда переносили на Севастополь.

⁴³ Речь идет о войне II коалиции (Великобритания, Россия, Австрия, Османская империя, 1798–1802) с Францией. В 1800 г. военные действия, иногда прерывавшиеся переговорами, велись в Италии, Австрии и Германии.

⁴⁴ Британский титул «*dame*» был аналогом рыцарского титула для дам, а также титулом супруги баронета.

⁴⁵ Акфилд – город на юге Англии, где жили родственники Кларка.

⁴⁶ Кларк имеет в виду Египетский поход французской армии (1798–1801), приведший к крупным потрясениям на Ближнем Востоке.

*Достоп<очтенному> Уильяму Оттеру
Акмечеть, столица Крыма,
27 августа 1800 г.*

Теперь я уже встаю на ноги, и могу написать Вам длинное письмо, изложив разные интересные вещи об этом замечательном полуострове. Я уже говорил, что по приезде напоминал сову на солнце, но, привыкнув к его лучам, стал меньше моргать и больше видеть. Не имея книг, я брёл по античной земле, не понимая, где нахожусь. Вы знаете, что у меня было письмо к профессору Палласу – яркой звезде среди скифов. Его доброте обязан я всем, что у меня здесь есть хорошего, а может быть, и собственной жизнью. Измученный и уставший, я подхватил гнусную трёхдневную малярию, приступы которой были непереносимы. Он же стал мне больше, чем отцом – принял меня в своем доме, стал моим врачом, моим другом и моим наставником. Он дал мне здоровье, развлечение и отдых. Я выздоровел и, благодаря Богу и моему доброму самаритянину⁴⁷, могу наслаждаться досугом и исследованиями в обстановке, которая интереснее всего того, что я прежде видел. Ему, живущему вдали от мест, где гостит наука, беседы с людьми, которым по душе его поиски, показались настолько интересными, и он почувствовал такую ко мне привязанность, что снабдил меня книгами, насекомыми, растениями, древностями, рисунками и, полагаю, <р. 298> опустошил бы ради меня свою библиотеку, если бы я оказался достаточно эгоистичным, чтобы позволить это сделать.

Отсюда я совершил поездку на Малый полуостров Херсонеса [Minor Peninsula of Chersonesus]⁴⁸, а затем верхом пересек южный берег Крыма. Жестокая лихорадка сопровождала меня всю дорогу. По возвращении в моем распоряжении оказались замечательные комнаты, где утро проходит в учёных занятиях, а вечер – в самом изысканном и приятном обществе Российской империи. После нашего возвращения его [Палласа – Н. Х.] дочь вышла замуж за генерала. Мы сопровождали её в церковь и присоединились к свадебным торжествам. Криппс наслаждается вечным, никогда не покидающим его здоровьем и толстеет среди любовных интриг, пока мы с профессором смахиваем пыль с фолиантов.

Теперь же я удалюсь за занавес, чтобы Вы смогли увидеть всю сцену целиком, лениво вытянув ноги посреди скал и развалин этой исторической земли, наслаждаясь плодами весьма мучительного паломничества.

Гробница Феагена [Theagenes], что посреди развалин города Херсонеса – или Херронеса, если вы захотите возразить, держа в руках Страбона⁴⁹, – взломана и раз-

⁴⁷ Кларк ссылается на притчу о милосердии из Нового завета [Лк. 10:30–37].

⁴⁸ Кларк имеет в виду юго-западную оконечность Крыма, которую сейчас называют Гераклеийский полуостров, описанную прославленным античным географом Страбоном (ок. 64 до н. э. – после 21 н. э.) [34, с. 282]. Древний автор называет это место μικρά χερρόνησος, то есть буквально «малым полуостровом», на контрасте с «большим полуостровом» (μεγάλη χερρονήσος), то есть Крымом. Кларк же выразился не очень ловко, по сути допустив тавтологию и назвав «Малым полуостровом» Гераклеийский, а «Херсонесом» – Крым.

⁴⁹ Античный город, остатки которого ныне оказались в черте города Севастополя. Его название, оз-

граблена войсками скифов, искавших строительные материалы. Я сделал это открытие случайно, заметив мраморную плиту, [некогда] закрывавшую устье гробницы, среди камней и раствора, предназначенных для ремонта греческой⁵⁰ церкви в Севастополе. Этот прекрасный барельеф изображает философа или историка с рукописным свитком в руке, а рядом с ним – его жена, <оба> в прекраснейшей драпировке, <свойственной> греческой скульптуре. Его мне продали за пустячную цену, но, когда скифские генералы узнали, что я получил нечто для себя ценное, то его отобрали. Я надеялся поместить его в публичной библиотеке вместе с другими [камнями], которые ранее отправил в Константинополь; всё что я могу сейчас сделать – отправить [Вам копию] надписи. Вот она, с датой и всем остальным⁵¹:

начавшее «полуостров», в древнегреческом языке писалось чуть по-разному: Хερσόνασος (Херсонас) в дорическом диалекте, Хερσόνησος (Херсонес) в ионическом, Χερρόνησος (Херронес) в аттическом. Страбон использовал последнюю версию топонима.

⁵⁰ То есть православной.

⁵¹ См. «Путешествие» д-ра Кларка, том I, с. 495 (прим. издателя). Отгер ссылается на следующий фрагмент из «Путешествий» Кларка: *«По сравнению с русскими, турки обладают вкусом и глубокой ученостью. Среди прочих интересных древностей, вывезенных первыми из города Херсонеса, был прекрасный барельеф на беломраморном циппусе, высеченный не менее совершенно, что и некоторые из самых восхитительных произведений древних мастеров. Этот циппус закрывал вход в гробницу философа по имени Феаген. Всякий житель Ахтиара мог приобрести его на вес, вместе с тонной других камней, за один-единственный // рубль. Продавать его нам запретили, потому что мы были чужестранцами, и хуже всего, мы были англичанами. Коммодор Биллингс [Billings], в частности, утверждал, что последствия для <местных> жителей были бы тяжельми, если бы императору доложили, что англичанам позволили вывезти такого рода вещь; так что нам пришлось предоставить циппус Феагена на волю судьбы. На этом барельефе изображены философ и его жена. Драпировка этих фигур обнаруживает ту степень совершенства, которой достигло искусство скульптуры в Херсонесе, тем самым иллюстрируя и подтверждая наблюдения Плиния. В левой руке философ держит свиток, формой и размером напоминающий рукописи, найденные в Помпеях. Его ноги обуты в сандалии. Жена его, по греческому обычаю, носит длинное платье, как кажется, небрежно спадающее складками до земли. Оба они показаны в расцвете жизни; под ногами – следующая надпись:*

ΘΕΑΓΕΝΗΣΧΡΗΣΤΙΩΝΟΣ.ΚΑΙ
ΝΓΥΗΝΑΥΤΟΥ.ΟΥΛΠΙΑ.ΜΑ
ΚΑΡΙΑΕΤΩΝΖΕΚ.ΝΒΧΑΙΡΕ

// По стилю надписи, покойный профессор Порсон [Porson] заключил, что ее дата, по меньшей мере, на два века древнее христианства. Затем нас провели к усыпальнице, из устья которой был извлечен циппус. Это был семейный склеп, высеченный в скале за городскими стенами древнего Херсонеса. Внутри были ниши для тел умерших. Открыв склеп, солдаты нашли несколько сохранившихся костей, которые сейчас разбросаны среди развалин. Здесь было много других подобных усыпальниц, с того же края скалы, где нашли гробницу Феагена, все <они были> высечены в той же манере, и каждая закрыта большим камнем. Таким образом, херсонесским обычаем было, вероятно, закапывать, а не сжигать умерших. За исключением вазы, найденной в Ени-Кале, нигде в Крыму не видели мы золы, урн и // других доказательств того что в древности тела покойников предавали огню» [59, р. 207–210]. Циппус – этрусское надгробие в виде столба, украшенного надписями и рельефами. Капитан-командор Джозеф (Иосиф Иосифович) Биллингс (1758–1806) – русский мореплаватель, по происхождению англичанин, прославившийся исследованиями Чукотки и Алеутских островов, в описываемое время служил на Черноморском флоте. Ссылаясь на Плиния, Кларк имеет в виду слова римского ученого о том, что в городе Херсонесе «сохраняются греческие обычаи» [27, с. 173]. Расшифровка надписи в данном отрыв-

ΘΕΑΓΕΝΗΣΧΡΗΣΤΙΩΝΟΣ ΚΑΙ
ΝΓΥΗΝΑΥΤΟΥ ΟΥΛΠΙΑ ΜΑ
ΚΑΡΙΑΕΤΩΝΖΕΚΝΒΧΑΙΡΕ⁵²

Историк Феаген из Регия [Rhegium] работал в V в. до Р. Х.⁵³, что не соответствует этой дате; потому оставляю кембриджским мудрецам судить, что это мог быть за Феаген. Точно также у меня отняли и <р. 299> другие барельефы и надписи, имеющие ещё большее значение. Что думаете Вы о надписи, сделанной в Крыму во времена Тиберия (?)⁵⁴, которая начинается такими словами:

ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ⁵⁵

А теперь сменим сцену – Фьють! – оставим надписи!

Крым – это непаханое поле для антиквара. Когда займется изучением истории, она будет бить ключом. История станет сильной, когда будет изучена. Страбон точнее Паттерсоновой «Книги дорог»⁵⁶. Современные географы, желавшие проиллюстрировать древних, испытали его в своих кабинетах. Всем им свойственны известные ошибки и известная точность. Карту крымских древностей очень ждали, и, бесконечными трудами, я выполнил эту работу, исправляя ошибки предшественников, отмечая достоверное и добавляя новое. Пусть другие, которые придут после, сочтут мой труд избыточным.

Паллас уехал на несколько дней к своим судакским виноградникам. По его возвращении мы вместе снова отправимся на Малый Полуостров. Я сделал несколько открытий, бывших ему неизвестными, и мы будем вместе трудиться среди развалин в поисках надписей и растений. Последние два тома «Flora Russica» вверят моим заботам⁵⁷. Рисунки закончены, а в текст нужно внести незначительные дополнения.

ке несколько отличается от письма. Ричард Порсон (1759–1808) – выдающийся английский антиковед, профессор Кембриджского университета. В другом примечании Кларк пояснил, со ссылкой на древние источники, что предпочел писать «Херсонес», а не «Херронес». В третьем он утверждал, что кости находили в разных греческих гробницах, в том числе и куда более древних, чем Феагенова.

⁵² «Феаген, (сын) Хрестиона, и его жена Ульпия Макария, 65 и 52 лет, прощай!» (*др.-греч.*). Современная датировка надписи – II в. н. э. [IOSPE I², № 453, с. 413–415]. В настоящее время камень хранится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

⁵³ Феаген из Регия (VI в. до н. э.) – знаменитый античный грамматик и толкователь Гомера. Регий – древнегреческий город на крайнем юге Италии, сейчас это город Реджо-ди-Калабрия.

⁵⁴ Тиберий (42 до н. э. – 37 н. э.) – римский император в 14–37 гг.

⁵⁵ «При царе царей Тиберии Юлии...» (*др.-греч.*). Кларк ошибся – надпись поставлена не при римском императоре, а при одном из боспорских правителей из династии Тибериев Юлиев, правивших в первые вв. н. э. Документ датируется второй половиной II – началом III в. н. э. Путешественник воспроизвел только начало пространной надписи в 60 строк. Она представляет собой список имен, поставленный при неизвестном правителе по неизвестной причине [КБН, № 1179, с. 694–698]. Эту надпись, найденную в Анапе, Кларк вывез в Англию [57, № VII, р. 6–7].

⁵⁶ Кларк имел в виду многократно переиздававшуюся книгу английского военного топографа Даньела Патерсона (1739–1825), представляющую собой описание дорог Великобритании с указанием точных расстояний между пунктами [80].

⁵⁷ «Flora rossica» («Российская флора») – описание растений России, над которым много лет работал Паллас. Никаких свидетельств того, что его завершение поручено было Кларку, не сохранилось. Оче-

Осталось лишь сделать гравюры. У меня есть много растений, которых нет у Линнея⁵⁸, а некоторые вообще никогда не описывали ботаники. Добавьте сюда монеты, рукописи, насекомых, животных, рисунки и другие подобные приобретения, нужные, чтобы проиллюстрировать древнюю и современную историю Крыма. Криппс ведет очень полезный дневник и с необыкновенной заботой собирает растения. Не думаю, чтобы он что-то мог упустить. Уверяю вас, у меня никогда не было такого спутника [в путешествии]. Однажды вы убедитесь в его способностях в поиске *феноменов*; не думаю, что вы предпочли бы ему даже самого обученного товарища [по путешествию], которого мог бы дать вам [наш] Университет. Я должен отдать ему должное за постоянную заботу и превосходное ко мне отношение, тем более, что это истинная правда.

Величайшим вредом для географии стало невежество и тщеславие Потемкина [Potemkin]⁵⁹, который, попытавшись дать разным местам в Крыму их первоначальные названия, половину из них нарек неточно, создав такую путаницу, что сложно будет поправить⁶⁰. Основная цель должна заключаться в том, <р. 300> чтобы определить место Пантикапея [Panticapaeum]⁶¹ и Фанагории. Надеюсь, это сделано мною – признаюсь в этом ближайшему другу, ведь прежде это не было сделано сколько-нибудь точно. Формалеони [Formaleoni], Одерико [Oderico], граф Потоцкий [Potocki]⁶² – все они уделили время этому вопросу, но они никогда не покидали своего кресла, а как признал сам Потоцкий, невежа может больше сделать на месте событий, чем образованный человек – в кабинете. Дело в том, что карт не существует. Посмотрите самый лучший атлас, откройте д'Анвиля [D'Anville] или Вогонда [Vaugonde]⁶³, – во что они превратили Кубань и страну донских казаков! какая путаница, какие ошибки преобладают на берегах Palus Maeotis⁶⁴ и Понта Эвксинского!

видно, путешественник не избежал соблазна приукрасить свои ученые заслуги. Паллас работал над своим трудом в Крыму, но закончить его не успел, вышло лишь два первых тома [35, с. 172–181, 267–268].

⁵⁸ Карл Линней (1707–1778) – прославленный шведский ботаник и зоолог, создатель системы классификации растительного и животного мира.

⁵⁹ Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) – выдающийся российский государственный деятель, в описываемое время генерал-губернатор Новороссийского края (фактически, всевластный наместник Юга России).

⁶⁰ Давая названия вновь основанным на юге городам и переименовая уже существующие, Екатерина II и Потемкин использовали античные, византийские и древнерусские топонимы, чтобы подчеркнуть связь этих мест с древней историей России и, следовательно, правомочность российской экспансии на юг. Многие названия действительно оказались далеко от своих исторических мест [91; 92].

⁶¹ Пантикапей (Panticapaeum) – древнегреческий город, находившийся на вершине горы Митридат в центральной части нынешней Керчи (Республика Крым).

⁶² Виченцо Формалеони (1752–1797) и Гаспар-Луиджи Одерико (1725–1803) – итальянские историки, Ян Потоцкий (1761–1815) – польский историк, археолог и писатель. Все они исследовали историю и топографию Северного Причерноморья в древности и средневековье.

⁶³ Жан-Батист д'Анвиль (1697–1782) – знаменитый французский географ и картограф. Жиль де Вогонди (de Vaugondy, 1688–1766) и его сын Робер (1723–1786) – выдающиеся французские картографы XVIII в.

⁶⁴ Palus Maeotis («Меотийское болото», *лат.*) – античное название Азовского моря.

Остается храм Дианы Таврической [Diana of the Tauride], где жрицей была Ифигения [Iphigenia]. Опасайтесь пути к нему! По желанию богини ее алтари каждый год должна окропить кровью чужестранца. Мы нашли ее святилище, и, не зная о связи с дочерью Агамемнона, спаслись, подобно Оресту [Orestes] и Пилладу [Pylades]⁶⁵. Не так легко определить местоположение Древнего Херсонеса [old Chersonesus], который, как говорит Страбон, лежал в развалинах⁶⁶. Остатки другого города с таким же названием так велики, что его ворота были невредимы, когда, после завоевания Крыма, скифы занялись любимым делом – разрушением⁶⁷. Найден Ахиллий [Achilleum], Нимфей [Nymphæum], Афиней [Athenaion], Парфений [Parthenium] – гробницы и дворец боспорских царей, пределы их империи в разные времена, а также местоположение Мирмекия [Murmecium]⁶⁸ и Апатура; все это сделано впервые, ведь до этого их можно было искать на Темзе с той же легкостью, как и там, где указывали карты.

Мы отплываем в Константинополь через четырнадцать дней. Турецкая бригантина под командой Османа Киса [Osman Kees] ждет нас в Козлове. В Черном море не прекращаются шторма. Нам так не везет на водах, что опасаемся этого путешествия, но осень считается наиболее спокойным и благоприятным временем года. Бакенбарды сделали меня похожим на кота, они черны как чернила и тянутся от уха до уха. Вскоре мы превратимся в самых настоящих турок, а солнце окрасило нашу кожу, как у настоящих магометан. Вероятно, уже рассказывал, что нашел близ Дона одно растение – замечательную разновидность колокольчика: цветы этого колокольчика

⁶⁵ Речь идет об античном мифе об Ифигении – дочери царя Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне, которая служила в храме богини Артемиды (Дианы) в далекой северной стране тавров. Здесь принесли в жертву богине чужестранцев, попавших в руки варваров. В конце концов в Тавриду прибыли брат Ифигении Орест и его друг Пиллад, которые, после ряда приключений, похитили девушку и вернулись вместе с ней на родину. В эпоху Просвещения чрезвычайно популярными были оперные и театральные постановки на этот сюжет [40, с. 93–94]. По современным представлениям, античный миф не стоит понимать буквально и потому бессмысленно искать остатки святилища, где жрицей была Ифигения, на крымской земле [11, с. 85–97; 26, с. 50].

⁶⁶ По словам античного географа, поблизости от города Херсонеса в Таврике находились развалины древнего города с таким же названием [34, с. 282]. Современные исследователи локализуют его, как правило, на Маячном полуострове – юго-западной оконечности Крыма.

⁶⁷ Здесь Кларк, очевидно, доверился словам своего проводника – Палласа. В вышедшем через год описании Крыма немецкий естествоиспытатель писал: «При занятии Крыма [русскими – Н. Х.] еще были видны большей частью его [Херсонеса – Н. Х.] стены, построенные из прекрасного штучного камня; красивые городские ворота и значительная часть двух больших башен <...> но построение города Ахтиара закончило разорение этого древнего города. Прекрасный штучный камень выбрали даже из фундаментов для постройки домов...» [25, с. 47]. Как и везде, Кларк не упустил возможности обвинить русских (а не исторических скифов) в бессмысленном уничтожении памятников культурного наследия.

⁶⁸ Ахиллий или Ахиллеон – остров, связанный с памятью о легендарном герое Ахилле, по мнению древних, находившийся в Северном Причерноморье; Нимфей (Nymphæum) – античный город в восточной части Керченского полуострова, на территории современного поселка Героевское городского округа Керчи; Афиней или Афинейон – древнегреческий город, предположительно находившийся в северо-западном Крыму; Парфений – по словам Страбона, мыс поблизости от Херсонеса в Таврике; Мирмекий – античный город в восточной части Керченского полуострова, на севере современной Керчи.

синего цвета, с чашечкой, но между каждым боковым цветоносным ответвлением и основным стеблем имеется маленький белый цветок без чашечки; цветы колокольчика – *Pentandria trigynia*, а белые цветы – *Tetrandria digynia*. Паллас сказал, что прежде никогда не видел и не слышал о таком⁶⁹. <р. 301>

28 авг[уста], утро. – Только что он [Паллас – Н. Х.] вернулся в экипаже, груженном богатствами его виноградников, устроенных на южном берегу полуострова. Потому у меня больше нет времени писать.

*Ему же
Акмечеть, столица Крыма⁷⁰
25 сентября 1800 г.*

Итак, вот он я, накануне погрузки на корабль к долгожданному Константинополю! Смотрите, как красиво и ровно написал я его название! Вероятно, вы не ждали, что получите еще одно письмо из Тавриды. Два месяца жили мы у профессора Палласа, в его уютном доме, и в восхитительном обществе. Не думайте, что я тратил время: я оставлял свои занятия лишь чтобы послушать арфу, когда его прекрасная дочь вечерами пела аллилуйю. Теперь – в Эвксин! Все наши вещи погружены, ждем лишь сигнала капитана. Для меня это истинный праздник, первый после отъезда из Англии. Моя работа выполнена, дневник завершен, сумки упакованы, здоровье поправлено. Многие вещи, которых сейчас я назвать не могу, будут пробуждать воспоминания о Крыме. Эта страна была интересна нам обоим.

Я совершил вторую поездку к Малому полуострову Херсонеса в сопровождении профессора Палласа, г-на Галера [Galera]⁷¹ из Генуи и Криппса. Мы вели поиск растений и развалин. Из первых мы нашли несколько таких, о которых никогда не слышали ни в Англии, ни даже в Европе. Из последних, также немало. Мы отыскивали не только старый Херсонес Страбона, но даже и храм Дианы на мысе Парфений.

У меня на руках много важных бумаг, боюсь только, чтобы они не пропали в Черном море. Если Криппс и бумаги будут в безопасности, пусть мое брненное тело достанется дельфинам, если те пожелают. Завершение «*Flora Russica*» полностью предоставлено моим заботам. В моем распоряжении весь гербарий профессора Палласа;

⁶⁹ Кларк «обнаружил» на одном растении цветы, принадлежавшие к двум различным классам по системе Линнея. Вероятно, не бывший профессиональным ботаником, но имевший огромные научные амбиции Кларк ошибся, не распознав сезонно-экологическую аномалию, которая очень характерна для видов *Campanula* [7], когда появившиеся вначале цветения цветки окрашены в один цвет, а поздние цветки – в другой. Чтобы подчеркнуть значимость своей «находки», он сообщает, что даже такой знаток растений юга России и Крыма как профессор Паллас никогда не видел подобного растения.

⁷⁰ Кларк ошибся: в результате реформы 1796 г., упразднившей Таврическую область, Акмечеть (Симферополь) оказалась центром одного из двух уездов, сформированных на территории полуострова.

⁷¹ Бартелеми Галлера (Barthelemy Gallera) несколько раз упоминается в крымских документах. Выходец из Савоны, города на северо-западе Италии, недалеко от Генуи, он принял российское подданство, с 1787 г. занимаясь в Крыму торговлей и земледелием. В 1801 г. стал управляющим обширных поместий на полуострове, принадлежавших адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову [4, с. 141–150, 302–313; 5, с. 539–548].

один лишь род астрагалов⁷² столь велик, как вся ботаническая коллекция обыкновенных людей – вот что я везу в Константинополь. Следующий случится будущей весной. Наполнены и роды *Pedicularis*, *Veronica*, *Lychmus*, *Pyrola* и пр.⁷³ Таков результат исследований, трудов и путешествий всей его жизни. Не показывайте это письмо моей матери, ведь нужно сказать вам, что если во время нашего путешествия по Черному морю случится несчастье, я поручил Палласу написать д-ру Пирсу [Pearce]⁷⁴, хорошо зная, что вам не захочется <р. 302> получить письмо с такими новостями. Когда узнаете, что мы благополучно обрелись до Константинополя, можете переслать ей это или любое другое из моих писем по собственному усмотрению.

Что до литературных новостей, могу сказать Вам, что профессор Паллас заканчивает свою последнюю работу о путешествиях, часть которой вышла в Лейпциге, а остальное будет опубликовано следующим летом, включая много интересных наблюдений о Крыме⁷⁵.

Не могу перечислить все то, что он передал нам, как и сколь многим мы обязаны ему за советы. В наш сундук он вложил «Путешествия» Турнефора [Tournefort]⁷⁶, столь невероятно важные для путешественника по Греции. Есть у меня и подарок от него сэру Джозефу Банксу [Joseph Banks]⁷⁷. Он снабдил нас семенами растений, собранных в Сибири, Персии, Тибете, на Камчатке, Американских островах и [Американском] континенте, и т. д. и т. п.

Здесь, также как и мы, жил бедный Туэдделл [Tweddell]⁷⁸, пользуясь теми же преимуществами. Я видел его письма и некоторые его рисунки. В Константинополе надеюсь восстановить некоторые из его рукописей и бумаг. Работавший на него художник очень хорошо знаком нашему слуге Антонио [Antonio], – это турок, живший при нем вплоть до месяца, когда тот умер. Антонио говорит примерно на одиннадцати языках, так что вы можете себе представить, насколько он был и будет нам полезен; сейчас он не может сложить и слова по-английски, что тоже хорошо.

⁷² В это время Паллас готовил к печати свою монографию «Виды астрагалов». По не вполне проверенным данным, он подарил британцу полный гербарий, собранный им в путешествиях; впоследствии Кларк продал его, и теперь эта коллекция рассеяна по европейским и североамериканским музеям [35, с. 239–246, 259–261].

⁷³ Роды классификации Линнея: мытник, вероника, зорька, грушанка (*лат.*).

⁷⁴ Судя по письмам Кларка, это был декан собора в Эли, графство Кембриджшир, в Восточной Англии [77, р. 391, 393].

⁷⁵ Речь идет о публикации записок Палласа, сделанных во время путешествия по югу России. Первый том, рассказывающий о поездке по Волге, северному Прикаспию, Северному Кавказу и Приазовью, вышел в Лейпциге в 1799 г., второй, «крымский», – в 1801 г.

⁷⁶ Жозеф де Турнефор (1656–1708) – французский ботаник, создатель системы классификации растений, автор популярного описания путешествия по Греции и Малой Азии.

⁷⁷ Джозеф Банкс (Бэнкс, 1743–1820) – знаменитый английский ботаник, участник первого кругосветного путешествия капитана Джеймса Кука (1768–1771), президент Королевского общества (аналог Академии наук). Паллас переписывался с ним, делясь дубликатами ценных растений из своей коллекции. Возможно, подарок для Бэнкса в итоге осел в коллекции Кларка [35, с. 191, 259–260].

⁷⁸ Джон Туэдделл (Tweddell, 1766–1799) – английский путешественник, в 1795 г. отправившийся в путешествие по Востоку для подготовки к карьере дипломата и умерший в Афинах. В 1797 г. побывал в Крыму, где общался с Палласом [90, р. 183–199].

Если хотите составить себе представление о Крыме в нескольких словах – это бесплодная равнина от Перекопа до пока вы не окажетесь близ южного берега, представляющего собой барьер из высоких известняковых гор. Города Карасу, Базар [Karasu, Basar]⁷⁹, Акмечеть, Бахчисарай [Bachiserai] и Ахтиар образуют границу к северу от них. Примечательно, что страна, где имеется такое множество интересных и даже важных объектов, так плохо известна, и сюда так редко ездят. Нет даже пристойной ее карты.

Малый полуостров Херсонес, образованный перешейком между бухтами Балаклавской [Balaclava], или Портус-Символорум [Portus Symbolorum], и Ктенунтской [that of the Ctenus], наполнен древностями⁸⁰. Наиболее примечательны гроты Инкермана, развалины нового и старого Херсонеса, основанного гераклеотами⁸¹, храм Дианы, стена на перешейке⁸², с разными крепостями и курганами херсонеситов.

Из новых растений сейчас могу сообщить вам лишь несколько названий. *Centaurea myriocephala*, *Melica villosa*, *Salvia hablixiana*, *Robinia jubata*, *Rosa pygmaea*⁸³.

Климат Крыма столь же пропитан малярией, как и самые дурные болота Италии. Каждый страдает от перемежающейся лихорадки. Если выпьете молока – малярия. Если съедите яиц – она же. <р. 303> Масла – она же. Гуляете по вечерам – она же. Выпили воды после фруктов – она же, она же, она же.

Паллас научил нас искать самые редкие и лучшие растения в песчаной почве, на меловых холмах и в соленых болотах. Чтобы высушить экземпляры очитка, алоэ и любых других мясистых растений, опустите их на два-три дня в коньяк, что даст наилучший результат. Все сибирские, лапландские и арктические растения лучше всего растут под сте-

⁷⁹ Вероятно, редактор не разобрал почерк Кларка – речь идет об одном населенном пункте, Карасубазаре, современном Белогорске, который находится в центральной части Республики Крым. В травелог Кларк корректно воспроизвел это название – Karasubazar [59, p. 158–160].

⁸⁰ Аллюзия на слова Страбона, который в описании юго-западной оконечности Крымского полуострова сообщает: «*Эта гавань называется Символон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий. Это перешеек, который замыкает Малый Херсонес...*» [34, с. 282]. Здесь «Малым Херсонесом» (буквально «малым полуостровом») назван современный Гераклеийский полуостров, находящийся западнее линии Балаклава – Инкерман. «Порт (бухта, гавань) символов» – это современная Балаклавская бухта. Местоположение Ктенунта (очевидно, Оттер прочел здесь «Ctenus», а не «Stenus», по ошибке) является предметом дискуссии; обычно его локализуют в районе Инкермана. Стадий – древнегреческая мера длины, величина которой различалась в разных системах (несколько менее 200 м). Отметим, что в травелог Кларк, попытавшись разобраться в древней топографии окрестностей города Херсонеса в Таврике, совершенно запутался [59, p. 210–212; см. также нумерованные карты «Древностей Крыма» и «Ахтиарской бухты»].

⁸¹ Гераклея Понтийская – древнегреческий город на южном берегу Черного моря, близ современного города Эрегли в Турции. Выходцы из Гераклеи действительно основали Херсонес в Таврике.

⁸² Об остатках оборонительной стены между современными Балаклавой и Инкерманом, отделяющей Гераклеийский полуостров от Крыма, писал Паллас, со ссылкой на не вполне понятные указания Страбона [25, с. 42; ср.: 34, с. 285]. В травелог Кларк утверждал, что стену эту удалось обнаружить во время совместной с Палласом поездки [59, p. 219, 285–286].

⁸³ Василек крупноголовый, один из видов перловника, шалфей скабиозолистный (*Salvia hablitiziana*, названный так Палласом в честь своего друга Карла-Людвига Габлица, известного ученого и вице-губернатора Тавриды), карагана гривастая, шиповник карликовый (*лат.*). Здесь Кларк, очевидно, привел названия таксонов по Палласу, классификация которого во многом устарела [35, с. 245–249].

клянным колпаком. Кто мог это подозревать? Все водные растения можно выращивать в горшках, добавив немного грунта и потом наполнив водой. Так поступал голландец.

Хочу поехать с караваном из Астрабада [Astarabat]⁸⁴ на южном берегу Каспия в Мултан [Multan]⁸⁵, по северу Персии, и вверх по Инду до Кашмира [Cashmir]⁸⁶. Тот, кто совершит это, сделает важные открытия. Он пересечет высочайшую область Азии, где на плодородных горах впервые стала заниматься земледелием человеческая раса. Он откроет изначальные обычаи и диалекты первого человека. Животные, растения и минералы, неизвестные целому миру, станут результатом его исследований. Я посвящу этому плану еще десять лет, если вы составите мне компанию. Правительство должно протянуть нам руку, а нет, так постараюсь заработать достаточно, чтобы хватило на картошку и чай. Здоровье может ухудшиться, даже жизнь может закончиться, но наука будет благодарна нам за труды, а критик нравов признает откровенно, что мы не извели эту часть своих дней на лень. Верите ли, но в Самарканде [Samarcand]⁸⁷ на земле бухарских татар есть библиотека из многих тысяч рукописей на еврейском, армянском, коптском, парфянском, халдейском и других языках? Я беседовал со шпионами из Кефалонии [Cephalonian]⁸⁸, посланных в Индию британской Компанией⁸⁹ для ведения дел с афганцами, завоевавшими северную часть этого обширного региона, который кажется почти неизвестным. Земли размером в пол-Европы стали ареной войны и мира. Нации и империи выигрывают и проигрывают, а образованная часть земного шара ничего о них не знает. Что бы мы не делали, давайте не будем сидеть в неподвижности; для этого будет достаточно времени, когда мы больше не сможем стоять на ногах.

В настоящее время, отдыхая, я бросаю взгляд на Анатолию [Anatolia]⁹⁰. В городах Амастриде [Amastris], Синопе [Sinope]⁹¹ и Трапезунде найдутся любопытные надписи. Теперь же, зная, что вам доставит удовольствие весточка от профессора Палласа, предоставлю ему возможность прибавить несколько слов собственной рукой.

(Ниже следующее написано почерком д-ра Палласа)

Д-р Паллас очень сожалает о том, что не имел удовольствия видеть г-на Оттера в Крыму вместе с г-дами Кларком и Криппсом; <р. 304> было бы большим счастьем познакомиться с господином, о котором ему рассказали столько хорошего.

⁸⁴ Астрабад, ныне Горган – город на севере Ирана, к юго-востоку от Каспийского моря.

⁸⁵ Мултан – город в центральной части современного Пакистана.

⁸⁶ Кашмир – исторический регион на севере современной Индии, на границе с Китаем, Афганистаном и Пакистаном.

⁸⁷ Город на территории современного Узбекистана, крупнейший центр восточной учености, во времена Кларка находился под властью Мангытской династии.

⁸⁸ Остров в Ионическом море к западу от Греции.

⁸⁹ Британская Ост-Индская компания – акционерное общество (1600–1874), сыгравшее решающую роль в колонизации Индии и ряда других стран Востока.

⁹⁰ Малая Азия.

⁹¹ Амастрида (Амастра) и Синопа – древнегреческие, затем византийские города на южном берегу Черного моря, соответственно в западной и центральной его части, ныне Амасра и Синоп в Турции.

Скажите Мальтусу [Malthus]⁹², что мы никогда не забывали о термометре. Наблюдения велись, не прерываясь ни на день, с тех пор как мы расстались с вами. Самая сильная жара в Крыму в этом году дала девяносто пять градусов по шкале Фаренгейта или тридцать семь на нашем термометре со шкалой Цельсия⁹³. Прошлая и позапрошлая зимы в этой стране стали самыми суровыми за все времена. Термометр упал до восемнадцати градусов ниже 0 по шкале Реомюра⁹⁴. Обычно в Крыму не более семи градусов холода, но и это удивительно на данной широте. Здесь замораживают вино, чтобы удалить воду и получить концентрат. Среди татар бытует мнение, что, когда пришли русские, то принесли с собой зиму⁹⁵.

Следующее письмо, разумеется, будет из Константинополя, если нам удастся уцелеть в плавании. Единственная причина для страха – невежество турок, плавающих на своих странных судах, и тяжесть груза, который они перевозят.

*К матери
Одесса, на Черном море, близ устьев
Дуная⁹⁶. 30 окт[ября] 1800 г.*

Наконец-то могу описать подлинные подробности нашего пребывания в этой отвратительной стране, ведь не стоит отсылать это письмо в Англию, пока мы в целостности и сохранности не высадимся в Константинополе, где оно не вызовет любопытства шельмецов из российской полиции, и уж конечно сын сможет написать родителям, не попав из-за этого в тюрьму, а его письмо не будет конфисковано за рассказ о его делах. Если бы вы знали обо всем том, что нам пришлось пережить после того, как мы переправились через шведскую границу, вы бы не удивились, обнаружив ругань в моем письме – но, пожалуй, почувствовали бы желание добавить еще одно искреннее, от себя. Я провел в путешествиях десять лет, повидав многие страны Европы, кроме Испании и Португалии, но нигде не встречал столько несправедливости, жестокости, воровства, грубости и варварства, как в России. Разве имя англичанина служит здесь защитой? Разве паспорт лорда Гренвила [Granville]⁹⁷ стоит ломаный грош? «Свободные подданные Его

⁹² Томас Мальтус (1766–1834) – знаменитый английский демограф и экономист, знакомый Кларка [77, р. 243, 288, 339].

⁹³ Впоследствии Кларк действительно опубликовал результаты наблюдений над температурой, которые он проводил в поездке, используя температурную шкалу, разработанную немецким ученым Габриэлем Фаренгейтом [59, р. 513–521].

⁹⁴ В температурной шкале, разработанной французским исследователем Рене-Антуаном Реомюром, –18 соответствуют приблизительно –22 по Цельсию.

⁹⁵ Вероятно, эта мысль позаимствована у Палласа, который позднее напишет: «У татар общепризнана мысль о том, что зимы в Тавриде стали суровее и длиннее со времени завоевания этой страны русскими. Вероятно, к этому дали повод суровые зимы, немедленно следовавшие за овладением страной и в особенности жестокая, тяжелая зима с 1786 на 87 год» [25, с. 161]. Но для Кларка и его читателей этот факт мог представляться символическим, ведь и в начале XIX в. на Западе Россию продолжали считать северной страной с исключительно холодным климатом [23, с. 154–159; 28, с. 219, 226–238].

⁹⁶ Буквально: «mouths of the Danube». Кларк, по-видимому, именовал так дельту Дуная.

⁹⁷ Уильям Гренвилл (1759–1834), британский политический деятель, в описываемое время занимал пост министра иностранных дел.

Британского Величества, путешествующие под защитой британских законов». Эти прекрасные на слух слова не имеют никакого значения среди скифов. В прошедшие десять месяцев наше положение <р. 305> было не лучше, чем у военнопленных в стране дикарей. Полагаю, Вы знаете, что в Петербурге уже провозгласили войну Англии. Тогда мы были в Крыму. Не знал, как и надеяться на бегство из России. С июня месяца мы пытались попасть в Константинополь. В конце концов, мы сфабриковали некий паспорт, обманувший мерзавцев в причерноморских портах, и теперь ждем лишь [попутного] ветра. Сейчас я приготовлю это письмо к отправке в Англию в момент нашего прибытия, и, получив его, вы будете знать, что мы, выбравшись из западни, находимся в комфорте и безопасности. Ни одна из тех ловушек, что ставят на мышей, не сравнится с мышеловкой, которой эта страна является для путешественников. Если когда-нибудь услышите, что кто-то собрался отправиться сюда, скажите им, что лучше уж попасть в Ньюгейт⁹⁸, чем в Россию. Времена изменились. Екатерина [II] мертва! Нынешний император⁹⁹ – глупец или безумец, в зависимости от того, в плохом он настроении, или хорошем. Но послы держат все в секрете, а русские заботятся о том, чтобы ни один англичанин не смог распускать слухов, пока находится в этой стране. Вы знаете, что они пытались бросить нас на произвол судьбы, без слуг, в лесу, без переводчиков и проводников. Но это ничто по сравнению с тем, что мы испытали впоследствии. Благодаря Богу, их игра подошла к концу – теперь ход за нами. Не собираюсь составлять каталог их выходов. Русские относятся к путешественникам, как некоторые дети к мухам – обрывают им крылышки и кладут в коробку с пауками, чтобы те поохотились.

Когда мы прибыли в Петербург, сэр Чарльз Уитворт [Charles Whitworth]¹⁰⁰ подал петицию о наших слугах. Павел [I] был в гневе, поклявшись, что у нас не будет ни своих, ни любых других слуг. Все купцы паковали свои вещи, чтобы убраться из страны – свободные британские купцы! Павел [I] поклялся, что не выпустит ни одного из них. Вскоре в Петербурге нам стало невыносимо. Нам посоветовали лучше уехать на южные границы [России] и переправиться в Турцию. По прибытии в Москву, губернатор граф Салтыков [Soltikow]¹⁰¹ отказал нам в паспортах, как для продолжения поездки, так и для возвращения назад. У нас были равные шансы сесть в экипаж – или в тюрьму... Мы смотрели друг на друга, терпеливо¹⁰² восклицая: «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских»¹⁰³.

⁹⁸ Печально известная Ньюгейтская тюрьма в Лондоне.

⁹⁹ Павел I (1754–1801), российский император в 1796–1801 гг.

¹⁰⁰ Чарльз Уитворт (1752–1825), британский посланник в Петербурге в 1788–1800 гг.

¹⁰¹ Иван Петрович Салтыков (1730–1805), российский военачальник, генерал-фельдмаршал, московский генерал-губернатор в 1797–1804 гг.

¹⁰² Буквально: «patiently». Возможно, издатель не разобрал стоявшее в рукописи «pathetically» («жалостно») или «impatiently» («нетерпеливо»).

¹⁰³ Цитата из Священного писания [Пс. 119:5]. В английском переводе («Библия короля Якова»), которым, очевидно, пользовался Кларк, это 120-й псалом. Мосох – местность в Армении. Кедар – внук Авраама, сын Измаила [Быт. 25:13]. Считалось, что его потомки были кочевниками [Иер. 49:28–29]. Кларк жалуется на то, что пребывает в чужих землях (в изгнании), и что ему угрожают враги-варвары

В конце концов, мы добрались до Крыма, проблуждав во время кружной поездки по Кавказским горам, по самой Черкесии, постаравшись как можно лучше скрыться из воспоминаний и с торных дорог. Когда мы высадились в Крыму, у нас закончились деньги, так что у нас не было ни копейки, чтобы купить хлеба. Казалось, наш дух <р. 306> поднимался по мере того, как увеличивались трудности, а когда закончились деньги и хлеб, мы притворялись русскими¹⁰⁴ и, схватив первую попавшуюся старую курицу, варили из нее похлебку, и, не сходя с места, обгладывали ее бедные старые кости.

К счастью, как раз в эту сложнейшую пору, мы встретили лучшего из друзей, профессора Палласа, которому покойная императрица [Екатерина II] подарила поместье в Крыму¹⁰⁵, который принял нас в своем доме и окружил нас отеческой добротой. У него мы провели прошлое лето, пока не смогли устроить дела так, чтобы покинуть [Российскую] империю, надеюсь, навсегда.

Мы покинули его около трех недель назад, нагруженные подарками, которыми он и его семья наполнили наш экипаж и наши сундуки. Не успокаивайте себя мыслью о том, что он русский! По рождению он немец, а по добродетелям гостеприимства, человеколюбия и всего того, что должен иметь человек, – самаритянин. Я перенес несколько лихорадок – сначала трехдневную, затем четырехдневную малярию. Криппс также болел, у него была лихорадка; но стоило Палласу, шелкнув пальцами, откупорить полдюжины бутылочек с лекарствами, как в тот же миг нам полегчало. Могу и сейчас представить его, ходящего вокруг [нас] с отваром из кассии и хины. Г-жа Паллас говорит, что стоит написать его портрет с бутылочкой с лекарством в одной руке и коробкой пилюль в другой. Уверен, что так или иначе, этот портрет восхитит вас, так что оставляю его таким, как есть.

Мы должны были отплыть из Козлова, что в Крыму; но судно перегрузили, так что мы сбежали и прибыли в Одессу, но сейчас, как и прежде, сидим, несолоно хлебавши. Это происшествие дополнительно нас задержало, к тому же заставив проехать лишних пятьсот миль. Мы решили ехать по суше и послали в Константинополь к Элгину¹⁰⁶ за эскортом янычар, чтобы нас встретили на границе в Бендерах и сопровождали [далее], защитив от мятежной армии Пазвантоглу-паши [Pasha Paswan d'Oglu]¹⁰⁷, собравшему силы в горах Бессарабии. Встретив же здесь имперскую бригадину с грузом зерна, собиравшуюся направиться в Порту¹⁰⁸ с первым же [попутным] ветром,

(намек на русских).

¹⁰⁴ То есть, по представлению Кларка, ворами.

¹⁰⁵ Паллас совершил путешествие по Югу России, в том числе Крыму, оплаченное из собственных средств, в 1793–1794 гг. В 1795–1810 гг. проживал в Крыму, где Екатерина II даровала ему несколько поместий. Причины этой вынужденной ссылки достоверно неизвестны [35, с. 193–201].

¹⁰⁶ Лорд Томас Элгин (1766–1841), британский посланник в Константинополе. Прославился тем, что вывез на родину мраморы из афинского акрополя.

¹⁰⁷ Осман-паша Пазвантоглу (1758–1807) – наместник болгарского Видина, прославившийся успешным восстанием против султана Селима III (1795–1799) и набегами на соседние страны.

¹⁰⁸ Порта (Оттоманская, Высокая, Блистательная и пр.) – правительство Османской империи, в переносном смысле – все Османское государство.

нам пришлось предоставить янычарам прохладиться в Бендерах и отплыть [на судне] капитана Франческо Бергамини [Francesco Bergamini], венецианца.

Живу лишь надеждой, что получу от вас новости в Константинополе. «О Боже, кто мог себе представить! Кто бы ожидал поездки в Константинополь за вестями от меня?» Эти самые слова! Я слышал, как Вы сказали их Анне¹⁰⁹, глядя через очки. Бог да благословит Вас! Если бы я только мог поцеловать вас в кончик носа, я бы упокоился с облегчением! «Что он мог иметь в виду, Анна, под “упокоиться”?»

Я расскажу вам! Я сниму кафтан, жилет и <р. 307> брюки, оставив панталоны и чулки из-за клопов, и камзол из-за вшей. Затем я перемещусь в горизонтальное положение, устроившись, как смогу, на чем-то вроде носилок на четырех ножках, вроде тех, на которых в Англии колют свиней, и после привычных симптомов недомогания, отдаться тому виду ночной пытки, который русские называют «отдыхом» – если это не «упокоиться», то что тогда?

Последняя весточка, которую я получил из Акфилда – Бог весть как! по одной из тех счастливых случайностей, что выпадают смертным, отправилась вслед за мною в Москву и пришла как раз в момент нашего отъезда. Она была в письме от Анны. После этого письма повсюду воцарилась тьма и тишина – внушающее ужас вмешательство незнания, враг, избавить от которого прошу¹¹⁰. Правда то, что я просил вас отправлять письма в Вену, но с тех пор я однажды написал вам с просьбой направить лучи света и сведений в Константинополь. Нельзя и предположить, что русские могли бы сделать с этим или любым другим из моих писем, и для какой неожиданной цели они могут их использовать. Если вы получили его, это меня утешит, если же нет – Бог да поможет мне.

У вас будет достаточно времени, чтобы написать мне в Константинополь, ведь из-за позднего времени года мы останемся там до весны. Вы спрашиваете, почему же мы еще не в Англии, согласно своим планам и обещаниям. Вам следовало бы приехать в Россию, чтобы понять истинные причины нашей задержки, и, проехав через всю эту империю, вы возведете очи к небу, изумляясь тому, что мы так далеко продвинулись на своем пути.

Ваши письма нужно адресовать «aux soins de Messrs. Barbaus et Co. Constantinople»¹¹¹. Если случится так, что нам придется отсюда уехать, будут даны [надлежащие] указания, чтобы ваше письмо смогло последовать за мной. Но так как мы оба хотим заняться сбором растений в этой стране после начала весны, не похоже на то, что нам придется покинуть Константинополь до прибытия вашего письма. В другом конверте приложите рекомендательное письмо г-на Кроли [Crawley]¹¹², [адре-

¹⁰⁹ По-видимому, тетушка Кларка, младшая сестра его отца [77, р. 19].

¹¹⁰ Отсылка к 58-му псалму по Русскому синодальному переводу Священного писания [Пс. 58:2]. В английской «Библии короля Якова» это 59-й псалом.

¹¹¹ «до востребования, г-дам Барбо и Компании, Константинополь» (франц.).

¹¹² Неизвестное лицо.

сованное] в одну из семей в Смирне [Smurna]¹¹³. Помнится, однажды он дал мне письмо к живущей там даме, но так как поездка не состоялась, письмо было возвращено.

Однажды вечером в Крыму господин родом из Смирны, полковник Дюрант [Durant]¹¹⁴, приютил нас в своем доме. Каково же было мое изумление, когда он оказался кузеном и тезкой г-на Кроли. Спросите г-на Кроли, знает ли он его. Он [Дюрант] служил в русской армии при князе Потемкине и был в большом фаворе у главного скифа.

Прошу вас, скажите Оттеру и Джорджу Стрейси [George Stracey]¹¹⁵, чтоб они написали нам письмо в Константинополь. Ни одна услуга <р. 308> не ощущается сильней, чем письмо из Англии, когда находишься так от нее далеко. Скажите моему милому брату Джорджу, что я не писал ему, так как полагал отправленное вам письмо общим для всей семьи. Но надеюсь, что он будет так любезен, что напишет мне несколько строк.

PS. 2-е ноября. Из каюты нашего корабля, ночью. – Благоприятная погода, которую мы наблюдаем в этих опасных водах, позволила мне взяться за перо, что редко получалось в море. Сейчас мы в середине пути, проведя на борту три дня; приятно плавание, когда едва чувствуется движение корабля, который, даже тяжело нагруженным, делает сейчас шесть узлов¹¹⁶ в час.

Мы только что миновали устье Дуная и остров Змеиный [Isle of Serpents], где некогда стоял храм Ахилла¹¹⁷, священный настолько, что на закате солнца в его нефы обыкновенно прилетали белые лебеди, чтобы окропить алтари водой со своих трепещущих крыльев. Белые дельфины играют у его берегов.

Имея большие надежды на устье Дуная, я хотел увидеть Нептуна во всем его блеске, приветствующего явление речных нимф. Но [придуманное мною] роскошное зрелище обратилось в ничто! Лишь плоский грязный берег с обширными зарослями тростников! Но поражает, сколь много воды приносит Дунай, самым грубым и тайным образом, в Черное море. Он окрашивает море в белый цвет на десять лиг¹¹⁸ и создает течение, которое мы используем в этот миг, которое продолжается до Константинопольского пролива. В трех лигах от устья реки вода чистая, а в одной лиге ее можно пить командам проходящих мимо судов.

¹¹³ Смирна – древнегреческий город на западе Малоазийского полуострова; ныне – Измир в Турции.

¹¹⁴ В травелогe Кларк писал, что полковник Ричард Дюнант (Richard Dunant) сопровождал их с Криппсом в поездке к караимам Чуфут-Кале, что в окрестностях Бахчисарая [59, р. 185, 190]. Его личность установить не удалось, однако известно, что приблизительно через десять лет Дюнант, выйдя в отставку, продолжал жить в Бахчисарае и общался с приезжавшими в город путешественниками [56, р. 186 et n. 2].

¹¹⁵ Священник Джордж Стрейси был другом и корреспондентом Кларка [59, р. 265–266, 335–338].

¹¹⁶ Узел – единица измерения скорости, равен 1 морской миле (1852 м) в час.

¹¹⁷ Кларк дает название этого острова в переводе. По современным представлениям, в древности там действительно был центр культа героя Ахилла и его святилище [11, с. 68–82].

¹¹⁸ Морская лига равняется трем милям и составляет 5556 м.

Доброй ночи! Сейчас я должен пойти прогуляться по палубе; ведь наступило полнолуние, а сопровождающие нас другие суда делают всю сцену слишком приятной, чтобы пропустить ее, если задержаться здесь для ее описания.

PS – 15 ноября 1800 г. – Все еще в море. Когда смогу написать, что мы высадились на землю, буду чувствовать себя лучше, чем сейчас.

О том, что мы видели и что пережили с тех пор, как я написал последний абзац, лучше рассказывать у камина, а не в письме. Мы окончили свое путешествие, достигнув устья Константинопольского пролива утром 5-го ноября. Штиль не позволил нам в него войти – но мы могли видеть даже дома и надеялись достигнуть цели до полудня. На смену штилю пришел ураган и не поддающаяся никакому описанию качка; <р. 309> ветер продолжался дни и ночи, вопреки всем расчетам. Наконец, мы вошли в небольшой порт в Турции¹¹⁹ и здесь ожидали перемены погоды. Я скопировал бортовой журнал нашего корабля, чтобы Джордж¹²⁰ смог увидеть, чем приходится заниматься команде во время урагана. Теперь мы шестнадцатый день проводим в море, хотя переход обычно занимает четыре, и совершенно неясно, когда закончится наше заключение [на корабле]. И снова – доброй ночи! Корабль слишком качает, чтобы написать еще что-либо. Лишь будьте уверены, когда получите письмо, что мы, благодаря Богу, пребываем в целости и сохранности.

PS 21-е ноя[брь]. Константинопольский пролив [Canal of Constantinople]¹²¹. – Порадуйтесь со мной, все вместе! В этот день завершилось наше бегство из Черного моря. Мы пережили еще один ужасный шторм, а теперь легли в дрейф в проливе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ададуrow В.В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1: Религия – язык. Киев: Laugus, 2017. 400 с.
2. Александер Дж. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевич. М.: Аграф, 2008. 302 с.
3. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 180 с.
4. Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 614 с.
5. Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. 706 с.
6. Байрон Дж.Г. Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. 461 с.
7. Балобанова Н.П., Викторoв В.П. Морфология соцветий рода *Campanula* (Campanulaceae) // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2008. Вып. 1. С. 175–177.
8. Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.
9. Бурoв Г.М. Энциклопедия крымских древностей: археологический словарь Крыма. Киев: Стилос, 2006. 527 с.

¹¹⁹ Судя по всему, это Игнеада [ср.: 59, р. 520] – небольшой городок на берегу Черного моря, близ Константинополя.

¹²⁰ Брат Кларка, служивший капитаном британского флота [77, р. 319].

¹²¹ Кларк имеет в виду, очевидно, пролив Босфор, связывающий Черное море с Мраморным, на берегу которого находился Константинополь (Стамбул).

10. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И.И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
11. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005. 312 с.
12. История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Международные отношения, 1999. 446 с.
13. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 655 с.
14. Кларк М.Е.-Д. Путешествие по России, Татари и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. с франц. Н. Иванкевич, Н. Бусарева // Археология и история Боспора. III. Керчь, 1999. С. 11–38.
15. Конрад Дж. Сердце тьмы и другие повести / пер. с англ. А. Кривцова, М. Богословская. СПб.: Азбука, 2018. 416 с.
16. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
17. Кюстин А. де. Россия в 1839 г. / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкин, В. Мильчина, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
18. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / пер. с англ. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2012. 679 с.
19. Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII в. Запорожье: Просвіта, 2011. 336 с.
20. Мак-Ферсон Д. Древности Керчи / пер. с англ. О.Н. Герардини. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2008. 176 с.
21. Милнер Т. Крым. Ханы, султаны, цари. Взгляд на историю полуострова участника Крымской компании / пер. с англ. И.А. Петровская. М.: Центрполиграф, 2015. 255 с.
22. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинов, И.А. Пильщиков. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
23. Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2008. 200 с.
24. Орехов В.В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: Растр, 2017. 579 с.
25. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А.Л. Бертье-Делагард, С.Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 244 с.
26. Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции античности и средних веков. М.: Аквилон, 2016. 320 с.
27. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
28. Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. 254 с.
29. Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. 183 с.
30. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков: исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. 272 с.
31. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Российская академия истории материальной культуры, 1925. 624 с.

32. Русский биографический словарь: в 25 т. / ред. А.А. Половцов. СПб., 1896–1918.
33. Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–154.
34. Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-гр. Г.А. Стратановский. М.: Наука, 1964. 940 с.
35. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М.: Т-во научных изданий КМК, 2014. 456 с.
36. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
37. Урнов Д.М. Джозеф Конрад. М.: Наука, 1977. 127 с.
38. Филиппова Т., Баратов П. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 272 с.
39. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
40. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
41. Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 645–697.
42. Храпунов Н.И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Дж. Александер. Россия глазами иностранца // Ab imperio. 2011. № 2. С. 397–405.
43. Храпунов Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 595–630.
44. Храпунов Н.И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // ПИФК. 2014. № 4. С. 141–153.
45. Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
46. Храпунов Н.И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132.
47. Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 832–860.
48. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.
49. Храпунов Н.И. Английские путешественники и крымские деньги (рубеж XVIII–XIX вв.) // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. Материалы конференции. Севастополь, М., 2018. С. 135–140.
50. Храпунов Н.И. Британские травелогои конца XVIII – начала XIX в. о Крыме и о белорусских землях: некоторые параллели // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. Вып. 2. Минск: РИВШ, 2018. С. 10–16.
51. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016. С. 157–190.
52. Шаманаев А.В. Утрата культурных памятников в ходе Крымской войны // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 265–273.
53. Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени / пер. с англ. А. Степанов. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 360 с.
54. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макаров. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

55. Alexander J.E. *Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829*. Vol. II. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 327 p.
56. [Castelnau G. de]. *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie*. T. III. 2nd ed. Paris: Rey et Gravier, 1827. 347 p.
57. Clarke E.D. *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge*. Cambridge: Syndics of the Press, 1809. 81 p.
58. Clarke E.D. *Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie*. Vol. 2. Paris: Buisson; Arthus Bertrand, 1813. 509 p.
59. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
60. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 533 p.
61. Clarke E.D. *Reise durch Rußland und die Tartarie in den Jahren 1800–1801*, Weimar: Landes-Industrie-Comptoirs, 1817. 683 p.
62. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*. Pt. 2: Greece, Egypt, and the Holy Land. Section 2. 4th ed. Vol. 6. London: T. Cadell and W. Davies, 1818. 462 p.
63. Codman J. *An American Transport in the Crimean War*. New York: Bonnell, Silver & Co., 1897. 198 p.
64. Conrad J. *Autocracy and War // The North American Review*. 1905. Vol. 181. No. 584. P. 33–55.
65. Cross A.G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press: 1997. 474 p.
66. Cross A.G. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge: Open Book Publishers, 2014. 419 p.
67. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. T. VI. Paris: Librairie de Gide, 1843. 461 p.
68. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. 303 p.
69. [Heber R.] *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta*. Vol. I. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.
70. Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*. Leiden; Boston: Brill, 2006. 1233 p.
71. Lower M.A. *The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time*. Lewes: Geo. P. Bacon; Steam Printing Offices, 1865. 346 p.
72. McPherson D. *Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus; with Remarks on the Ethnological and Physical History of the Crimea*. London: Smith, Elder & Co., 1857. 130 p.
73. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Moderne History: The Khans, the Sultans, and the Czars*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans. 1855. 368 p.
74. *Observations on the First Volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey // The American Review of History and Politics, and General Repository of Literature and State Papers*. Vol. III. Philadelphia: Farrand and Nicholas, 1812. P. 76–120.
75. [Otter W.] *The Life and Remains of the Rev. Edward Daniel Clarke, LL. D., Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. London: George Cowie and Co., 1824. 670 p.
76. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. 2 vols. London: George Cowie and Co., 1825. 500+486 p.

77. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
78. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.
79. Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. 2nd ed. Vol. II. London: John Stockdale, 1812. 523 p.
80. Paterson D. A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain. 4th ed. London: T. Carnan, 1778. 272 col.
81. Pepys H. The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life. London: John Murray, 1838. 332 p.
82. Review of: "Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1" // The Edinburgh Review. 1810. Vol. 16. P. 334–368.
83. Roller D.W. Edward Daniel Clarke: The First Professor of Mineralogy at Cambridge // Earth Sciences History. 1988. Vol. 7. No. 2. P. 146–150.
84. Ségur [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. 680 p.
85. Svinine P. Sketches of Russia. 2nd ed. London: A.K. Newman and Company, 1843. 110 p.
86. Taylor A.J.P. Essays in English History. New York: Penguin Books, 1976. 334 p.
87. The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth. Vol. III. London: Vizetelly, Branston and Co., 1834. 588 p.
88. The Oxford Dictionary of Byzantium. 3 vols. / ed. A.P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 2232 p.
89. The Oxford Classical Dictionary. 3rd ed. / ed. S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford: Oxford University Press, 1999. 1640 p.
90. [Tweddell J.] Remains of the Late John Tweddell / ed. R. Tweddell. London: J. Mawman, 1815. 479 p.
91. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode slavonne // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 1–2. Pp. 65–75.
92. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235.
93. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. Vol. I. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 162 p.

REFERENCES

1. Adadurov V.V. *Vojna civilizacij. Sociokulturnaja istorija russkogo pohoda Napoleona. T. 1: Religija – jazyk*. Kiev, Laurus Publ., 2017, 400 p.
2. Alexander J. *Rossija glazami inostranca*. Moscow, Agraf Publ., 2008, 302 p.
3. Anohin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 180 p.
4. Arhiv grafov *Mordvinovyh*, vol. 2. St-Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova Publ., 1901, 614 p.
5. Arhiv grafov *Mordvinovyh*, vol. 3. St-Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova Publ., 1902, 706 p.
6. Byron J.G. *Sochinenija v treh tomah*, vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1974, 461 p.
7. Balobanova N.P., Viktorov V.P. Morfologija sovetij roda *Campanula* (Campanulaceae), *Izvestija Timirjzevskoj sel'skhozjajstvennoj akademii*, 2008, vol. 1, pp. 175–177.
8. Belik Ju.L. *Osmanskije oboronitel'nye sooruzhenija na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.)*. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2016, 236 p.
9. Burov G.M. *Jenciklopedija krymskich drevnostej: arheologicheskij slovar' Kryma*. Kiev, Stilos Publ., 2006, 527 p.

10. Wolff L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p.
11. Ivanchik A.I. *Nakanune kolonizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. je. v antichnoj literaturnoj tradicii: fol'klor, literatura i istorija*. Moscow, Berlin, Paleograf Publ., 2005, 312 p.
12. *Istorija vneshnej politiki Rossii. Pervaja polovina XIX veka (ot vojn protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1999, 446 p.
13. Kacharava D.D., Kvirkvelija G.T. *Goroda i poselenija Prichernomor'ja antichnoj jepohi. Malyj jenciklopedicheskij spravocnik*. Tbilisi, Mecniereba Publ., 1991, 655 p.
14. Clarke E.D. Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turcii. Glava XVIII. Ot Bospora Kimmerijskogo do Kaffy. *Arheologija i istorija Bospora*, vol. 3, Kerch, 1999, pp. 11–38.
15. Conrad J. *Serdce t'my i drugie povesti*. St-Petersburg, Azbuka Publ., 2018, 416 p.
16. Cross A.G. *Britancy v Peterburge. XVIII vek*. St-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2005, 528 p.
17. Custin A. de. *Rossija v 1839 g.* St-Petersburg, Kriga Publ., 2008, 704 p.
18. Liven D. *Rossija protiv Napoleona: bor'ba za Evropu, 1807–1814*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 679 p.
19. Makidonov A.V. *Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII v.* Zaporizhzhia, Prosvita Publ., 2011, 336 p.
20. McPherson D. *Drevnosti Kerchi*. Simferopol, Simferopol'skaja gorodskaja tipografija Publ., 2008, 176 p.
21. Milner Th. *Krym. Hany, sultany, cari. Vzglyad na istoriju poluostrova uchastnika Krymskoj kompanii*. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2015, 255 p.
22. Neumann I. *Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 336 p.
23. Orehov V.V. *Mif o Rossii vo francuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka*. Simferopol, Simferopol'skaja gorodskaja tipografija Publ., 2008, 200 p.
24. Orehov V.V. *V labirinte krymskogo mifa*. Velikij Novgorod, Simferopol, Nizhnij Novgorod, Rastr Publ., 2017, 579 p.
25. Pallas P.S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnyj namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* Moscow, Nauka Publ., 1999, 244 p.
26. Podosinov A.V., Dzhakson T.N., Konovalova I.G. *Skifija v istoriko-geograficheskoj tradicii antichnosti i srednih vekov*. Moscow, Akvilon Publ., 2016, 320 p.
27. Podosinov A.V., Skrzhinskaja M.V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij. Teksty, perevod, kommentarij*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 504 p.
28. Promyslov N.V. *Francuzskoe obshhestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremja vojny 1812 goda*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016, 254 p.
29. Prusskaja E.A. *Francuzskaja jekspedicija v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vosprijatie dvuh civilizacij*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016, 183 p.
30. Prjahn Ju.D. *Greki v istorii Rossii XVIII–XIX vekov: istoricheskie ocherki*. St-Petersburg, Aletejja Publ., 2008, 272 p.
31. Rostovtzeff M.I. *Skifija i Bospor: kriticheskoe obozrenie pamjatnikov literaturnyh i arheologicheskikh*. Leningrad, Rossijskaja Akademija Istorii Material'noj Kul'tury Publ., 1925, 624 p.
32. Polovcov A.A. (ed.). *Russkij biograficheskij slovar'*, 25 vols. St-Petersburg, 1896–1918.
33. Slezkine Yu. *Estestvoispytateli i nacii: russkie uchenye XVIII veka i problema jetnicheskogo mnogoobrazija. Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 120–154.
34. Strabo. *Geografija v 17 knigah*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 940 p.
35. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas*. Moscow, T-vo nauchnyh izdanij KMK Publ., 2014, 456 p.

36. Tunkina I.V. *Russkaja nauka o klassicheskikh drevnostjakh juga Rossii (XVIII – sredina XIX v.)*. St-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
37. Urnov D.M. *Dzhozef Konrad*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 127 p.
38. Filippova T., Baratov P. «*Vragi Rossii*». *Obrazy i ritorika vrazhdy v ruskoj zhurnal'noj satire Pervoj mirovoj vojny*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014, 272 p.
39. Filjushkin A. Kak Rossija stala dlja Evropy Aziej? *Izobretenie imperii: jazyki i praktiki*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 10–48.
40. Formozov A.A. *Stranicy istorii ruskoj arheologii*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 240 p.
41. Khrapunov N.I. Krym v opisanijah Redzhinal'da Hebera (1806 g.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, vol. 14, pp. 645–697.
42. Khrapunov N.I. Drugaja nikolaevskaja Rossija, ili polemika travelogov. Rec. na kn.: J. Alexander. *Rossija glazami inostranca. Ab imperio*, 2011, vol. 2, pp. 397–405.
43. Khrapunov N.I. Hersones v opisanijah evropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, vol. 17, pp. 595–630.
44. Khrapunov N.I. Bahchisaraj Jedvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossija i Krym. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, vol. 4, pp. 141–153.
45. Khrapunov N.I. Puteshestvie v Krym Dzhejmisa Ujebstera i ego tovarishhej (1827 g.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, vol. 19, pp. 379–426.
46. Khrapunov N.I. Krymskie drevnosti glazami Jedvarda-Dan'ela Klarka: ot arheologii k ideologii. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 116–132.
47. Khrapunov N.I. Staryj Krym i ego pamjatniki glazami puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX veka. *Zolotordynskoe obozrenie*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 832–860.
48. Khrapunov N.I. Mangupskoe gorodishhe v trudah puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v.: issledovanija i illjuzii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 412–433.
49. Khrapunov N.I. Anglijskie puteshestvenniki i krymskie den'gi (rubezh XVIII–XIX vv.). *PriPONTijskij menjala: den'gi mestnogo rynka. Materialy konferencii*, Sevastopol, Moscow, 2018, pp. 135–140.
50. Krapunov N.I. Britanskije travelogi konca XVIII – nachala XIX v. o Kryme i o belorusskikh zemljah: nekotorye paralleli. «*Dolgij XIX vek*» v istorii Belarusi i Vostochnoj Evropy: issledovanija po Novoj i Novejshej istorii, vol. 2, Minsk, RIVSh Publ., 2018, pp. 10–16.
51. Khrapunov N.I. and Gin'kut N.V. Bahchisaraj i ego pamjatniki glazami Jedvarda-Dan'ela Klarka. *Materialy k istorii Prichernomor'ja v Novoe vremja*, Simferopol, 2016, pp. 157–190.
52. Shamanaev A.V. Utrata kul'turnyh pamjatnikov v hode Krymskoj vojny. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3, pp. 265–273.
53. Schönle A. *Arhitektura zabvenija: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, 360 p.
54. Etkind A. *Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 448 p.
55. Alexander J.E. *Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829*, vol. 2. London, Henry Colburn and Richard Bentley, 1830, 327 p.
56. [Castelnau G. de]. *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie*, t. 3, 2nd ed. Paris, Rey et Gravier, 1827, 347 p.
57. Clarke E.D. *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge*. Cambridge, Syndics of the Press, 1809, 81 p.

58. Clarke E.D. *Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie*, t. 2. Paris, Buisson; Arthus Bertrand, 1813, 509 p.
59. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed., vol. 2. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 524 p.
60. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa, pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed., vol. 1. London, T. Cadell and W. Davies, 1817, 533 p.
61. Clarke E.D. *Reise durch Rußland und die Tartarie in den Jahren 1800–1801*, Weimar, Landes-Industrie-Comptoirs, 1817, 683 S.
62. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2: Greece, Egypt, and the Holy Land*, sect. 2, 4th ed., vol. 6. London, T. Cadell and W. Davies, 1818, 462 p.
63. Codman J. *An American Transport in the Crimean War*. New York, Bonnell, Silver & Co., 1897, 198 p.
64. Conrad J. Autocracy and War. *The North American Review*, 1905, vol. 181, no. 584, pp. 33–55.
65. Cross A.G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, New York, and Melbourne, Cambridge University Press, 1997, 474 p.
66. Cross A.G. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge, Open Book Publishers, 2014, 419 p.
67. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*, t. 6. Paris, Librairie de Gide, 1843, 461 p.
68. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1993, 303 p.
69. [Heber R.] *The Life of Reginald Heber, D.D., Lord Bishop of Calcutta*, vol. 1. New York, Protestant Episcopal Press, 1830, 638 p.
70. Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*. Leiden and Boston, Brill, 2006, 1233 p.
71. Lower M.A. *The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time*. Lewes, Geo. P. Bacon and Steam Printing Offices, 1865, 346 p.
72. McPherson D. *Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus; with Remarks on the Ethnological and Physical History of the Crimea*. London, Smith, Elder & Co., 1857, 130 p.
73. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Moderne History: The Khans, the Sultans, and the Czars*. London, Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855, 368 p.
74. Observations on the First Volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey. *The American Review of History and Politics, and General Repository of Literature and State Papers*, vol. 3. Philadelphia, Farrand, Nicholas, 1812, pp. 76–120.
75. [Otter W.] *The Life and Remains of the Rev. Edward Daniel Clarke, LL.D., Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. London, George Cowie and Co., 1824, 670 p.
76. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*, vol. 2. London, George Cowie and Co., 1825, 500+486 p.
77. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. New York, J. & J. Harper, 1827, 528 p.
78. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801, 525 p.
79. Pallas P.S. *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794*, 2nd ed., vol. 2. London, John Stockdale, 1812, 523 p.
80. Paterson D. *A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain*, 4th ed. London, T. Carnan, 1778, 272 col.

81. Pepys H. *The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life*. London, John Murray, 1838, 332 p.
82. Review of: "Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1". *The Edinburgh Review*, 1810, vol. 16, pp. 334–368.
83. Roller D.W. Edward Daniel Clarke: The First Professor of Mineralogy at Cambridge. *Earth Sciences History*, 1988, vol. 7, no. 2, pp. 146–150.
84. Ségur [L.-Ph.] de. *Mémoires ou souvenirs at anecdotes*, 3me éd., t. 3. Bruxelles, X. Renaudière, 1827, 680 p.
85. Svinine P. *Sketches of Russia*, 2nd ed. London: A.K. Newman and Company, 1843, 110 p.
86. Taylor A.J.P. *Essays in English History*. New York, Penguin Books, 1976, 334 p.
87. *The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth*, vol. 3. London, Vizetelly, Branston and Co., 1834, 588 p.
88. Kazhdan A.P. (ed.). *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 3 vols. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991, 2232 p.
89. Hornblower S., Spawforth A. (eds.). *The Oxford Classical Dictionary*, 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 1999, 1640 p.
90. [Tweddell J.] *Remains of the Late John Tweddell*. London, J. Mawman, 1815, 479 p.
91. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode slavonne. *Revue des études slaves*, 1936, t. 16, fasc. 1–2, pp. 65–75.
92. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque. *Revue des études slaves*, 1936, t. 16, fasc. 3–4, pp. 214–235.
93. Webster J. *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt*, vol. 1. London, Henry Colburn and Richard Bentley, 1830, 162 p.

N. I. KHRAPUNOV

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

EDWARD DANIEL CLARKE'S CRIMEAN LETTERS

Abstract: This article discusses a poorly known source on the history of the Crimea ca. 1800. Its author is Edward Daniel Clarke, who published famous *Travels* to influence much the Western mind. Clarke made an important contribution to the shaping of some stereotypes on the Crimea and Russia keeping their topicality to these days. Nevertheless, his letters to his mother and best friend escaped researchers' attention, despite their reflection of Clarke's immediate apprehension and reflections upon Russian realities. His letters uncover that Clarke got many negative evaluations to be developed later in the travelogue immediately when in the Crimea. The first part of the article has analysed the formation of the Clarke's worldview and his ways of thinking on uncommon realities. It has established that the Englishman's appraisals were far from being objective, that he was prejudicial and got a loose tongue, knew nothing of Russian, and was not ready to get accustomed to different cultural norms, viewing other countries from the position of British cultural superiority. The second part presents the first Russian translation of Clarke's letters from the Crimea.

Keywords: Edward Daniel Clarke, travelogue, imagined geographies, Crimea, Russian Empire.

Д. А. ПРОХОРОВ

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОЕКТЫ ШЛОМО БЕЙМА И АВРААМА ФИРКОВИЧА ПО СОХРАНЕНИЮ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» ЧУФУТ-КАЛЕ В XIX В. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)¹

Аннотация: В середине XIX – начале XX в. Чуфут-Кале стал объектом пристального внимания со стороны российских правительственных кругов, а также научного академического сообщества. Предпринимались различные инициативы с целью изучения и сохранения историко-культурного наследия караимов, одновременно направленные и на сохранение этого «пещерного города» как центра проживания караимов Таврической губернии. Однако открытие караимскими интеллектуалами, при участии представителей российских властей, школы нового типа для караимов на Чуфут-Кале вызвало негативную реакцию у представителей караимской общины, в то время не стремившихся к радикальным переменам в традиционной системе обучения. Отсутствие надлежащей поддержки и проблемы материального характера привели к тому, что это училище было закрыто. Помимо того, попытки Ш. Бейма и А. С. Фирковича перевести в Чуфут-Кале органы конфессионального самоуправления караимов из Евпатории и переселить сюда караимов из Троков и даже из стран Ближнего Востока также потерпели неудачу. В итоге «пещерный город» окончательно пустеет в конце 1870-х гг.

Ключевые слова: Чуфут-Кале, Шломо Бейм, Авраам Фиркович, караимы, Таврическая губерния, историко-культурное и архитектурное наследие.

После присоединения Крыма к России в конце XVIII в. караимские светские и духовные лидеры (Шломо «Чабак» Бабович, Биньямин бен Шмуэль Ага, Йицхак бен Шломо), выступившие в 1795 г. перед российскими властями с ходатайством об освобождении крымских караимов от двойного налогообложения, от уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя, смогли в итоге добиться изменения правового статуса и отмены для караимского населения дискриминационного двойного налога, установленного для российских евреев-раввинистов [13, с. 623, 624]. 8 июня 1795 г., в соответствии указом № 17340 императрицы Екатерины II повелевалось:

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

«...не брать с них [караимов] двойных податей, каковые положены на всех вообще евреев, а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя <...> им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от Нас высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности». Караимам разрешалось и приобретение земли в собственность [17, с. 705–706]. Выступая с инициативами в рамках российского правового поля и регулярно контактируя с представителями различных ветвей власти, караимам удалось сначала добиться открытия в 1837 г. органа конфессионального самоуправления – Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), а затем и уравнивания их в правах с христианским населением империи. В 1839 г. таврическим и одесским караимским гахамом караимов избрали купца 2-й гильдии Симху бен Шломо (Симху Соломоновича) Бабовича, а 8 апреля 1863 г. был принят закон, в соответствии с которым «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит» [19, с. 303].

В начале XIX в. из западных губерний Российской империи в Крым переезжают многие представители караимских общин Вольни. Например, в 1803 г. первым караимом, переселившимся вместе с семьей в Евпаторию из общины Луцка, стал Йосеф Шломо бен Моше «Яшар» (Йа-Ша-Р) Луцкий (1770–1844). Вскоре он занял должность духовного наставника караимской общины Евпатории. Последовав примеру Й. Ш. Луцкого, в 1823–1825 гг. на Крымский полуостров прибыли Авраам бен Шемуэль (Авраам Самуилович) Фиркович (1787–1874), Мордехай бен Йосеф Султанский (1771–1862) и Давид бен Мордехай Ниссим Мордкович (Кокизов) (1777–1855) [3, с. 267–270]. Выходцы из караимских общин западных регионов внесли существенный вклад в модернизацию системы традиционного караимского образования и в распространение идей Гаскалы (еврейского Просвещения). В свою очередь, миграция караимов из западных губерний на юг России, как полагает М. И. Гаммал, была обусловлена постепенным угасанием общин Польши и Литвы и, напротив, бурным экономическим ростом региона и перспективами, открывавшимися перед новыми переселенцами в Крыму [3, с. 270].

Продолжавшиеся контакты между караимской верхушкой и российской администрацией мотивировали представителей власти инициировать сбор сведений об истории, происхождении и занятиях караимов, что было вызвано прежде всего практическим интересом, связанным с проблемами инкорпорации караимов в правовое поле Российской империи и их интеграцией в российское языковое и культурное пространство. Внимание к этому вопросу также проявляли многие путешественники и высокопоставленные особы, посещавшие полуостров. Например, в 1834 г. в Крыму побывал французский маршал О. Ф. де Мармон. Он осмотрел Чуфут-Кале, а затем прибыл в Евпаторию в сопровождении князя М. А. Голицына,

графа М. С. Воронцова и графа И. О. Витта [10, с. 205, 206, 263]. Во время посещения евпаторийской караимской кенасы, встречи с караимским духовенством и лидерами местной общины (в их числе были С. Бабович, Й.-Ш. Луцкий, его сын Авраам бен Йосеф «Абен-Яшар» Луцкий (1792–1855), а также «ряд уважаемых и почтенных представителей евпаторийского общества») маршал задал несколько вопросов о происхождении караимов, о времени их появления в Крыму и о том, на каком языке они говорят, однако так и не смог получить на них внятные ответы. «Удивительно, что вы совершенно ничего не знаете о своем прошлом. Не знаете даже того, что происходило всего только 300 лет тому назад», – посетовал О. Ф. де Мармон. Оценив конфуз сложившейся ситуации, присутствовавший на этой встрече А. С. Фиркович заметил, что «нетрудно представить себе, какими невеждами мы показались этому гостю», а С. Бабович, по словам самого А. С. Фирковича, «почувствовал себя точно школьником» [23, с. 82, 83].

Отметим, что многие караимы в связи с трансформациями общественного и экономического характера покидали обжитые места, и, в первую очередь, Чуфут-Кале, который постепенно утратил значение общинного и религиозного центра караимов Крыма. В середине XIX в. многие представители иудейских общин полуострова переезжали в перспективную в торговом и экономическом отношении Одессу, где наблюдалась наибольшая концентрация представителей купеческого капитала по сравнению с другими губернскими городами юга Российской империи; неоднороден был и его национальный состав. Статус «порто-франко», присвоенный Одессе в 1819 г. (он действовал до 1859 г.), привлекал значительное число купцов из внутренних губерний России и из Европы. Во второй половине XIX в. большинство караимских семей также переселялись в Бахчисарай, Евпаторию, Севастополь, Симферополь и другие города Таврической губернии и юга России.

В середине XIX в. караимские и российские интеллектуалы предприняли ряд мер по сохранению Чуфут-Кале как исторического, культурного и духовного центра проживания крымских караимов. Впервые интерес к историческому прошлому «пещерного города» проявился у представителей российских академических кругов в первой половине XIX в. Начало было положено администрацией Таврической губернии, поставившей перед караимскими светскими лидерами и духовенством задачу – собрать наиболее полные сведения о караимах, проживавших на территории Российской империи. Так, 31 января 1839 г. Таврическим губернатором М. М. Муромцовым, по просьбе Одесского общества истории и древностей, а также Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора князя М. С. Воронцова, караимскому гахаму С. Бабовичу официально были направлены шесть вопросов, в том числе и о древности проживания караимов в Крыму.

«Не дождавшись Вашего приезда в Симферополь, – писал М. М. Муромцов С. Бабовичу, – я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою поручить кому либо из известных Вам своею опытностию и образованием караимов составить так сказать исторические об них замечания, с объяснением с которого времени и по какому

случаю они поселились в Крыму, откуда или от какого народа Караимы ведут свое происхождение, какие есть разительные черты в характере их, не были ли из числа их таких мужей, которые бы ознаменовали жизнь свою чем-нибудь особенным, нет ли в преданиях караимов каких-либо памятников, которые бы свидетельствовали о прежнем политическом их быте, и, наконец, чем особенно отмечаются догматы их религии от Еврейского исповедания?» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 73, 73 об.].

Именно в 1839 г., по мнению многих исследователей (В. В. Вихновича, В. Л. Лебедева и др.), гахамом С. Бабовичем была инициирована широкомасштабная деятельность А. С. Фирковича, положившего начало созданию обширной коллекции рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе и Крымского полуострова. Хотя следует заметить, что первоначально, по словам самого А. С. Фирковича, о собирании древних рукописей в предложении российских властей не было и речи. «Правительство требовало от караимов разрешения исторических вопросов, а вовсе не рукописей. Предложение гражданского губернатора, сделанное в такой форме гахаму, не могло не возбудить между караимами самого живого сочувствия. Гахам собрал ученых караимов, и предложил им составить ответы на вопросы, сделанные правительством», – вспоминал А. С. Фиркович [4, с. 289].

Интерес к прошлому караимов может быть объяснен и идеями европейского Просвещения, которые во многом определяли политику правительства по разным направлениям. 25 марта 1839 г., по ходатайству Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, в Одессе было учреждено Императорское Одесское общество истории и древностей, ставшее первой научной организацией в причерноморском регионе. В числе его организаторов были: попечитель Одесского учебного округа Д. М. Княжевич, А. С. Стурдза, А. Я. Фабр, М. М. Кирьяков, профессор Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевич и др. Почетным президентом общества избрали М. С. Воронцова, а президентом – Д. М. Княжевича. 25 сентября 1848 г. от М. С. Воронцова, занимавшего в то время должность главнокомандующего русскими войсками на Кавказе и наместника кавказского, на имя гахама С. Бабовича было направлено письмо, в котором, в частности, говорилось: «К крайнему сожалению моему услышал я, что жители Чуфут-Кале оставляют жилища своих предков и переселяются в другие города, которые предоставляют им более способов как для частной и коммерческой жизни, так и в особенности для воспитания детей их». Для решения этой проблемы М. С. Воронцов предлагал принять вполне конкретные меры. «Душевно желая всеми силами способствовать к сохранению этого любопытного памятника древности, – продолжал князь, – я, по совещанию с Таврическим губернатором, полагаю, что учреждение в Чуфут-Кале главного училища для обучения детей-караимов было бы одним из самых существенных средств к удержанию жителей этого города от переселения в другие города» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 1]. Далее М. С. Воронцов предполагал назначить на должность заведующего предполагавшимся к открытию учебного заведения старшего газзана Шломо бен Авраама (Соломона Авраамовича) Бейма, как «человека образованно-

го, знающего свое дело и постоянно обитающего в Чуфут-Кале», а также учредить должность помощника учителя – с соответствующим их положению содержанием.

Началась работа по организации русско-караимского училища. Заметим, что еще в начале 1840-х гг. газзан Ш. Бейм на деньги, которые он получал от общины в качестве жалования, а также на добровольные пожертвования создал в Чуфут-Кале караимское училище, где сам на протяжении длительного времени преподавал все предметы. В этом училище он впервые ввел обучение русскому языку; кроме того, учащиеся осваивали традиционные дисциплины – ТаНаХ, древнееврейский язык, логику, а также начальные правила арифметики и бухгалтерии [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 13]. Обучение велось по т. н. «ланкастерской» системе², подразумевавшей, что преподавание Закона Божия (в данном случае, «караимского вероучения») ограничивалось лишь чтением ТаНаХа – без его толкований. Важно подчеркнуть, что «систему Ланкастера», или «систему взаимного обучения» применял на практике и сам князь М. С. Воронцов, когда в 1815–1818 гг. он состоял командиром русского оккупационного корпуса во Франции, и в созданных им же школах обучал грамоте по ланкастерской системе солдат и младших офицеров [7, с. 91, 92]. Принцип этой системы заключался в том, что лучшие ученики (т. н. «мониторы»), под наблюдением учителя, в одно и то же время, в одном помещении обучали отстающих учеников. Весьма схожей в этом компоненте «ланкастерской» системы была система преподавания в караимских мидрашах. Первоначально в училище Ш. Бейма обучалось полтора десятка учеников; затем их число увеличилось, по некоторым сведениям, до 100 [21, с. 55, 56]. Срок обучения устанавливался в три – четыре года. Экзамены назначались по следующим предметам: ТаНаХ, древнееврейский язык, русский язык и логика. Таким образом, единственным программным нововведением в учебный курс школы стало включение русского языка, а сама система преподавания была механически перенесена в программу новой школы из традиционной караимской, мидрашной.

В апреле 1841 г. чиновники Бахчисарайского городского управления, по приглашению Ш. Бейма (очевидно, рассчитывавшего на их положительные отзывы и перспективу финансирования), посетили организованное им на Чуфут-Кале училище. «Прибыв туда, – сообщал один из приглашенных, – мы нашли очень порядочное здание, чисто и обдуманно устроенное, и в нем до 100 мальчиков учеников, которые благовидною и скромною своею наружностью внушали самое выгодное мнение о своем наставнике. Некоторые из случившихся тут ученых караимских старшин делали испытание учащимся и отзывались о их ответах с величайшею похвалою, как для них, так и для их учителя». По окончании экзамена учащиеся исполнили гимн «Боже, царя храни» на караимском языке, при этом Ш. Бейм пообещал присутствовавшим, что на следующий год дети будут исполнять этот гимн уже на русском языке. Далее чиновник сообщал, что Ш. Бейм, занимавший должность учителя в

² Данная система обучения была названа так по имени английского педагога и общественного деятеля Джозефа Ланкастера.

организованном им училище всего полтора года, «неусыпную и благонамеренную своею заботливостью умел склонить жителей Чюфут-Кале³ к исправлению улиц и дорог, и кроме того, успел уже завести в своем обществе очень много полезного, в том числе и это училище». По заключению местной администрации, до вступления Ш. Бейма в должность заведующего училищем в этом учебном заведении «было едва 14 учеников; притом, он первый начал здесь обучать их читать и писать по-русски» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 6, 6 об.].

В этой связи следует заметить, что подобный образовательный проект ранее уже предлагался А. С. Фирковичем, однако реализовать его не удалось. Дело в том, что новые реалии внутривосточной жизни Российской империи побуждали караимов вырабатывать и новые принципы конфессиональной и этнической идентичности. Поэтому в своем стремлении дистанцироваться от евреев-раввинистов караимские лидеры предприняли ряд шагов, которые должны были продемонстрировать главные отличия караимизма от талмудического иудаизма. Одним из проявлений такой идеологической борьбы стало возрождение полемического жанра традиционной караимской историографии, который, по заключению ряда исследователей, не был востребован в караимской литературе с XVIII в. [4, с. 289]. С начала 1820-х гг. А. С. Фиркович жил в Евпатории, где выполнял функции личного секретаря С. Бабовича и воспитателя его детей. Там же, в Евпатории, в 1830-х гг. была создана типография, финансирование которой осуществлял С. Бабович; он же принимал участие в формировании издательской политики [3, с. 278–279]. Общее руководство типографией осуществлял Й-Ш. Луцкий, текущими делами занимались А. С. Фиркович и Д. М. Кокизов.

Но не все издававшиеся в типографии книги доходили до читателя. Например, напечатанный там в 1858 г. тираж полемического сочинения М. Султанского «Сэфер Тетиб Даат» («Руководство ума»), направленного против еврейской религиозной философии и хасидизма (в этой книге, составленной в виде ответов на 21 вопрос, автор полемизировал с талмудической философией каббалистики), по решению ТОКДП был изъят – «во избежание повода для вражды между караимами и талмудистами» [14, с. 60]. Сфальцованный, но не обрезанный лист этого сочинения ныне хранится в фонде 241 Государственного архива Республики Крым [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1471. Л. 5–8]. Та же судьба постигла и труд А. С. Фирковича «Масса у-мерива» («Искушение и спор», 1838 г.), в котором автор подверг радикальной критике хасидизм. Тираж книги, вызвавшей скандал в караимской общине, по распоряжению самого С. Бабовича был уничтожен [4, с. 290–293]. Произведению А. С. Фирковича «Хотем тохнит» («Печать совершенства», 1834 г.), напротив, удалось избежать участи «Масса у-мерива», хотя антираввинистическая полемика является центральной темой вступления к трактату. А в книге «Воззвание» А. С. Фиркович выступил с идеей создания учебного заведения «нового» типа для караимского юношества, основные

³ Так в документе.

положения которого предвосхитили проект, впоследствии разработанный Ш. Беймом. В этом произведении А. С. Фиркович заочно полемизировал с талмудистами, изображая их в неприглядном и сатирическом ракурсе; другая группа евреев-раввинистов представлена *маскилим*, идеологами Гаскалы с их передовыми в то время просветительскими идеями и, в том числе, с идеей о реформировании системы традиционного еврейского образования. И хотя впоследствии А. С. Фиркович заявлял, что раскаивается «в том, что сделал все это с некоторой горячностью», тем не менее, антираввинистическая полемика его произведений вызвала серьезный идеологический и общественный резонанс [4, с. 290–293].

Отметим также, что открытое Ш. Беймом в 1840-х гг. в Чуфут-Кале караимское училище преследовало цель, чтобы учащиеся могли в его стенах получать прежде всего богословское образование. Для этого Ш. Бейм предполагал ввести специальное отделение для обучения газзанов, а выпускники, окончившие училище, получали бы звание кандидатов в караимские священнослужители. Тем не менее, несмотря на все прогрессивные для своего времени новации, эта школа просуществовала недолго – во многом из-за сопротивления консервативно настроенных влиятельных караимских кругов. Пытаясь привлечь внимание российской администрации к проблемам «пещерного города», Ш. Бейм предлагал восстановить работу данного учебного заведения.

Одновременно с Ш. Беймом активную деятельность по реформированию системы караимского народного образования развил и А. С. Фиркович. В 1844 г., во время визита попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича в Евпаторию, он смог добиться аудиенции у высокопоставленного чиновника, в ходе которой А. С. Фиркович, будучи уполномочен караимской общиной, сообщил, что «караимы, вполне постигая благодетельное внимание к ним Правительства, желают обучать своих детей Русскому языку», в связи с чем ходатайствуют об определении в мидраш при евпаторийской кенасе двух учителей русского языка. В соответствии с проектом, разработанным А. С. Фирковичем, один из предполагаемых к назначению учителей должен был владеть русским, еврейским и крымскотатарским языком, причем заниматься в училище ему предлагалось в основном с учениками, совершенно не владеющими русским языком. В обязанности старшего учителя входило бы обучение учащихся этой дисциплине на более углубленном уровне [РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 105. Л. 1, 1 об.]. При этом Д. М. Княжевич в рапорте на имя товарища (заместителя) министра народного просвещения подчеркнул, что преподававший до этого в мидраше зять А. С. Фирковича, Гавриил Семенович Фиркович (1805–1870), не только продемонстрировал на экзамене удовлетворительные познания в русском языке, но и был готов исполнять должностные обязанности младшего учителя безвозмездно. Помимо этого, как заметил попечитель Одесского учебного округа (ОдУО), Г. С. Фиркович «с похвальным усердием, желая всеми средствами способствовать просвещению своего племени, жертвует ежегодно по 171 р.[уб.] 48 и 6/7 к.[оп.] серебром, в течении четырех лет, на жалование Старшему учителю, в

чем и [далее] обязался подпискою». Вполне вероятно, что статус как Авраама, так и Гавриила Фирковичей в евпаторийской общине был довольно шатким, и все их инициативы носили исключительно инструментальный характер и преследовали цель закрепиться в общине, используя сложившуюся в караимской образовательной среде ситуацию⁴.

26 сентября 1844 г. был получен ответ от самого министра, действительного тайного советника С. С. Уварова, оказавшийся в целом благожелательным, и необходимое разрешение было вскоре подписано, однако с уточнением, что присвоение преимуществ службы учителей приходских училищ, установленных указами правительства, на караимов распространяться не могут, так как караимское училище при евпаторийской кенасе не являлось подведомственным Министерству народного просвещения [РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 105. Л. 1 об., 2, 6].

Тем не менее, проект Ш. Бейма, а также образовательные инициативы русских властей вновь отрицательно восприняли представители караимской общины Чуфут-Кале. Вызвано это было, прежде всего, фактом включения русского языка в программу училища, а также использованием новых методов преподавания (одним из нововведений стало также и то, что в училище Ш. Бейма обучение детей велось на европейский манер, за столами, тогда как в мидрашах ученики сидели на полу) [11, с. 12]. Скептически к идее создания школы нового типа отнеслось и руководство ТОКДП. Кроме того, отток караимских семей из «пещерного города» в конце 40-х гг. XIX в. приобретал массовый характер, и поэтому «заведенное Беймом училище [было] лишено верного и прочного обеспечения в своем существовании» [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 1 об.]. М. С. Воронцов, совместно с таврическим губернатором генерал-лейтенантом В. И. Пестелем и гахамом С. Бабовичем, разработал проект о предоставлении местному населению ряда льгот: например, речь шла об освобождении караимов, проживавших в Чуфут-Кале, от отбывания городских и земских повинностей сроком на 25 лет, или же бессрочно, что, по замыслу авторов проекта, должно было убедить жителей остаться в «пещерном городе» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 5, 6].

Помимо всего прочего, военный губернатор Симферополя и таврический гражданский губернатор генерал-лейтенант Г. В. Жуковский 2 ноября 1848 г. в отношении № 19625 обратился к караимскому гахаму с предложением о переносе Духовного правления из Евпатории в Чуфут-Кале – на том основании, что «этому учреждению более пристойно иметь пребывание в древней колыбели караимского народа, нежели в другом городе» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 8 об.]. Заметим, что на необходимости перевода ТОКДП в Чуфут-Кале прежде всего настаивал Ш. Бейм, стремившийся реализовать свои инициативы, направленные на удержание караимского населения на Чуфут-Кале (обсуждение возможности осуществления подоб-

⁴ Устный комментарий относительно роли А. С. и Г. С. Фирковичей в караимской общине Крыма сделан научным сотрудником кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова М. И. Гаммалом, за что автор выражает ему свою признательность.

ного шага еще неоднократно рассматривалась властями, о чем будет сказано ниже) [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 13 об.].

Предлагалось также перевести из Евпатории и караимскую типографию для печатания книг, необходимых для обучения караимского юношества, а также передать бахчисарайскую кенасу в подчинение Большой (Соборной) кенасе Чуфут-Кале, с назначением туда одного газзана по усмотрению ТОКДП [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 9].

8 ноября 1850 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор генерал-майор от инфантерии П. И. Федоров распорядился: 1) передать караимское училище в Чуфут-Кале в ведомство Дирекции народных училищ Таврической губернии; 2) назначить в это учебное заведение дополнительно еще одного учителя, а Ш. Бейму, помимо преподавательских обязанностей, поручить также и хозяйственное заведование училищем; 3) финансовое обеспечение училища осуществлять из сметы т. н. «татарского сбора» (ежегодно предполагалось расходовать до 500 руб.) [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 2].

Однако этот проект ожидаемо встретил возражения со стороны учебного начальства, поскольку в высших эшелонах власти было распространено довольно идеалистическое представление о действительности при отсутствии четкого понимание реальных проблем, сопровождавших интеграцию «инородческого» населения. Например, попечитель ОдУО, действительный статский советник М. Н. Бугайский, опираясь на данные доклада директора народных училищ Таврической губернии, коллежского советника А. В. Самойлова, обратил внимание министра просвещения князя П. А. Ширинского-Шахматова на то, что «Чуфут-Кале, не имея сейчас никакого течения в торговом или промышленном отношении, приходит в упадок, и при видимом уменьшении народонаселения, едва ли можно и с предполагаемым пособием поддержать на дальнейшее время существующее там Караимское училище. Нахождение этого местечка невдалеке от Бахчисарая, где еще сохранился Татарский характер, совершенно чуждый всякой мысли о правильном воспитании, представляет особенные трудности к искоренению предрассудков, существующих в сем отношении равно у Татар и Караимов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 10 об.].

Далее попечитель указывал на более важные, по его мнению, задачи в сфере караимского народного образования. М. Н. Бугайский сообщил, что функционировавшие при Евпаторийской кенасе семь караимских мидрашей (очевидно, речь шла о трех мидрашах с несколькими отделениями) более востребованы и в большей степени нуждаются в финансовой поддержке, так как могут «дать правильный ход образованию караимских детей», при этом самого Ш. Бейма, как «человека образованного и благонамеренного», М. Н. Бугайский предлагал направить в Евпаторию с назначением его на учительскую должность в один из этих мидрашей. Данный шаг, по мнению главы учебного ведомства, не только помог бы установлению надлежащего контроля за учебным процессом в караимских школах со стороны МНП, но и способствовал бы дальнейшей интеграции караимов и распространению среди них идей русской образованности и культуры. Аргументом в пользу доводов попечителя

ОдУО служила и значительная разница в числе караимов, проживавших в то время в Чуфут-Кале (около 300 чел.) и в Евпатории (2800 чел.), что делало существенным и предполагаемый контингент учащихся (30 против 274) [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 10 об., 11, 12]. За обсуждением этой проблемы угадывается и скрытый конфликт интересов, возникший между влиятельными членами караимской общины Евпатории и Ш. Беймом.

Тем не менее, П. А. Ширинский-Шахматов не нашел оснований отклонить проект Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, тем более, что великий князь Константин Николаевич, побывавший в 1850 г. в Крыму, по утверждению Ш. Бейма, в беседе с ним «изволил выразить <...> свое желание о сохранении древних памятников Чуфут-Кале» [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 633. Л. 13 об.]. В свою очередь, гахам С. Бабович, явно не желавший допускать обострения отношений с вышестоящим начальством, обратился к подведомственным ТОКДП караимским общинам с циркуляром, в котором, указывая на заинтересованность в этом вопросе М. С. Воронцова, В. И. Пестеля и Г. В. Жуковского, все же распорядился открыть караимское училище на Чуфут-Кале. Для этой цели в «пещерный город» им был командирован Г. С. Фиркович, в то время учитель Евпаторийского караимского училища (ранее он исполнял обязанности газзана и меламеда в Троках, а затем, переселившись в Крым между 1838 и 1840 гг., занимал аналогичные должности в караимской общине Симферополя) [2, с. 160]. Заведовать учебным заведением поручалось, по согласованию с вышестоящим начальством, старшему газзану Ш. Бейму с правом взимать с учеников (местных и приходящих иногородних) плату в размере от 4 до 15 руб. серебром в год (до назначения помощников и определения официального жалования). По замыслу гахама, представители караимской общины Чуфут-Кале «кроме исполнения воли Его Сиятельства, покажут пример и другим обществам, пример сильного желания и стремления к приличному образованию детей своих» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 12, 12 об.].

Однако в марте и апреле 1849 г. Ш. Бейм и Г. С. Фиркович докладывали, что поручение гахама по открытию училища в Чуфут-Кале ими выполнено не было «по причине неудовольствия бахчисарайского караимского общества» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 14, 15]. Очевидно, члены местной караимской общины крайне негативно отнеслись к нововведениям властей. В то время внутриобщинная жизнь караимов подчинялась строгой регламентации в соответствии с религиозными догмами и патриархальными традициями, поэтому любые попытки модернизации рассматривались как потенциальная угроза устоям общества. Тем не менее, в мае 1851 г. император Александр II утвердил положение об этом образовательном учреждении. В документе, в частности, было сделано распоряжение: передать училище в ведение Дирекции училищ Таврической губернии; назначить второго учителя на должность преподавателя русского языка (с окладом в 150 руб. серебром в год); Ш. Бейму поручить преподавание остальных предметов, а также заведование хозяйственной частью училища (с окладом 230 руб. в год). Кроме того, предполагалось ежегодно

выделять суммы на ремонт здания училища и на приобретение учебных пособий для воспитанников (в размере 120 руб.) [18, с. 352, 353; 21, с. 55, 56].

В апреле 1852 г. караимское училище в Чуфут-Кале, которое было призвано служить «центром образования живущих в Таврической губернии караимов», было торжественно открыто [8, с. 68]. Вот как описывали это событие очевидцы: «Двадцатого апреля, местечко Чуфут-Кале, в осчастливленное милостивым вниманием Государя Императора, даровавшего льготы для поддержания этого достопамятного по историческим воспоминаниям и древности гнезда Караимов, праздновало открытие Караимского приходского училища, для чего, по приглашению старшего Газзана и учителя закона Бейма, прибыли многие посетители и посетительницы. В 10 часов старшины Караимского сословия, предводимые учителем Беймом, посетили Г.[осподина] Директора [народных] Училищ [Таврической губернии], который представил их Председателю Казенной Палаты, Действительному Статскому Советнику Княжевичу, заменившего Г.[осподина] Начальника Губернии, удержанного болезнью. Старшины и учитель Бейм пригласили Его Превосходительство на торжество открытия; приняв приглашение, Г.[осподин] Председатель сказал им приветствие, изъявил надежду, что они воспользуются милостью Государя вполне оценить предлагаемые им средства воспитать детей своих, станут обучать их языку Русскому, и не покинут местечка замечательного по древности своей. Затем все общество, большею частью верхом, двинулось к местечку, предводимое старшинами. По прибытии к главным воротам на ровной площадке каменистой скалы Г.[осподин] Председатель Казенной Палаты Княжевич, генерал-майор Боассель, Директор Училищ Самойлов и все посетители встречены были гражданами Чуфут-Кале и детьми, поступающими в училище. Старшины поднесли хлеб-соль, и, изъявив признательность посетителям, один из них просил передать благодарность Г.[осподину] Начальнику Губернии за его милостивое ходатайство. Дети пропели приветственные стихи, и предводимые учителем Беймом, в сопровождении всего общества отправились в синагогу, где совершено было молебствие Газзаном Беймом, по обрядам Караимской веры, с возглашением многолетия Государю Императору и всему Августейшему семейству. Молебствие окончилось приветствием Г.[аззана] Бейма посетителям и словом к своим согражданам» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 35].

Тем не менее, отсутствие должной финансовой поддержки со стороны властей (по всей видимости, к тому времени уже охладевших к детищу Ш. Бейма) и караимской общины Бахчисарая вскоре все же привели к тому, что это учебное заведение стало испытывать серьезные затруднения материального характера. Помимо всего прочего, приглашенный на должность преподавателя русского языка и арифметики Д. И. Калпакчиев, проживавший в Бахчисарае, в 1855 г. подал в отставку, а сменивший его 7 декабря 1856 г. на этом посту педагог А. И. Тихонович, переведенный из Феодосийского уездного училища, не смог вести занятия, так как «проболел всю зиму» [8, с. 71]; 14 мая 1858 г. он скончался прямо на рабочем месте [РГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 936. Л. 3]. Помимо этого, из числившихся в училище 25 воспитанников в

действительности его посещали только восемь человек, и лишь трое из них обучались русскому языку.

В годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. население Бахчисарая значительно увеличилось как за счет расквартированных в городе воинских частей русской армии, так и в связи с наплывом беженцев из других городов полуострова, охваченных боевыми действиями. По сведениям, представленным канцелярией городской полиции Бахчисарая, в городе насчитывалось 976 караимов; из них значительный процент приходился на членов караимской общины Евпатории и Севастополя, а также близлежащих деревень. Часть беженцев разместились в почти уже опустевшем «пещерном городе» Чуфут-Кале. По словам очевидцев, вынужденные мигранты образовали общину приблизительно в 100 семей; большинство из них составляли бедняки или люди со средним достатком [5, с. 336–338; 11, с. 8, 9]. Число учеников в Чуфут-Кале увеличилось за счет прибывших беженцев: часть из них занималась в училище Ш. Бейма, а другие – у Моше Койлю (деда известного караимского ученого, писателя и просветителя Самуила Шемарьевича Пигита) [12, с. 50].

Во время Крымской войны Ш. Бейм не только сыграл важную роль в укреплении патриотического духа среди единоверцев, но и активно содействовал командованию русской армии. В мае 1855 г., по рекомендации генерала-лейтенанта В. И. Пестеля, старший газзан Ш. Бейм был приглашен в распоряжение главнокомандующего Южной армией в Крыму князя М. Д. Горчакова. Ему было поручено заниматься сбором сведений на территории Таврической губернии, снабжая информацией Главный штаб Южной армии, располагавшийся на Инкерманских высотах в прифронтной полосе [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 44; 21, с. 57, 58]. Собранную информацию Ш. Бейм передавал в Карасубазар гахаму С. Бабовичу. С начальником штаба русской армии генерал-адъютантом П. Е. Коцебу Ш. Бейм поддерживал личный контакт. В свою очередь, российское командование снабжало караимского газзана не только необходимыми инструкциями, но и деньгами, предназначенными для ведения разведывательной деятельности на полуострове и за его пределами, например, в Херсонской губернии (в частности, деньги шли на оплату информаторов и лазутчиков) [22, с. 502]. На Чуфут-Кале были прикомандированы двое рядовых солдат 6-го резервного Владимирского пехотного и 5-го резервного батальона Суздальского полков и для обеспечения охраны местных жителей от возможных «несправедливых требований военного начальства» [22, с. 501]. Главнокомандующий Южной армией в Крыму князь М. Д. Горчаков также поручил старшему газзану прокладку новой дороги на Чуфут-Кале, при этом сам проект строительства согласовали с настоятелем Успенского монастыря [9, с. 16]. Тогда же, в 1855 г., после проведения успешных переговоров с командованием союзников о выводе из Евпатории мирного населения, Ш. Бейму удалось вывезти из оккупированной Евпатории семьи караимов, которые не смогли сделать этого ранее (всего на Сакскую косу, а затем в Симферополь на подводах было эвакуировано 40 мужчин, 46 женщин и 117 детей) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об.; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 66, 66 об.].

По окончании войны вынужденные мигранты вернулись в свои города, и Чуфут-Кале вновь опустел. Ш. Бейм, в то время исполнявший обязанности Таврического и Одесского караимского гахама вместо умершего 12 июня 1855 г. С. Бабовича [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 21], предпринял очередную попытку привлечь внимание властей к проблемам «пещерного города». С этой целью он обратился к генерал-губернатору Новороссийскому и Бессарабскому графу А. Г. Строганову с ходатайством, чтобы ему был сделан официальный вызов в Санкт-Петербург – «для личного представления объяснений по делам, относящимся к вверенным ему духовным и учебным должностям» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 38, 38 об., 50, 50 об.]. В сопровождавшем ходатайство письме на имя А. Г. Строганова, в частности, говорилось: «Истинный покровитель науки и защитник ревнителей просвещения! С душевным благоговением глубокой признательности приемлю смелость повергнуть пред стопами Вашего Превосходительства те нижайшие просьбы, с которыми я имел счастье в июне 1851 г. представиться лично». Далее Ш. Бейм повторял свою просьбу, которая сводилась к тому, что «цель поддержания караимского училища с пособием от казны и дарованные льготы от Градских и земских повинностей и суммы на исправление дороги на Чуфут-Кале по Высочайшему повелению клонилась наверно к нравственному образованию бедных мальчиков, с показанием примера другим согражданам и спасению от опустения этой древней колыбели разных народов <...> но к крайнему сожалению, никаких успехов не оказалось в течении 5 лет при всех моих стараниях <...> Равно открытое с 1837 года Духовное Правление в Евпатории не имело никакого влияния на религиозное и нравственное положение моих единоверцев, движущихся вперед не просвещением, но светским обращением коммерческих сословий, среди коих они лишаются скромно-национальных своих обычаев, за которые получили до ныне похвальные результаты под покровительством Могущественного Правительства» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 53 об., 54].

В вышеприведенном фрагменте указана одна из причин неэффективности работы училища Ш. Бейма, а именно отсутствие поддержки со стороны как ТОКДП, так и местной караимской общины. По отзывам современников Ш. Бейма, многие недолго любили его за то, что старший газзан «свободомысляще относился к [караимским] законам», а это, по мнению оппонентов Ш. Бейма, могло привести к нежелательным последствиям. «Ты подаешь гибельный пример, ибо, глядя на тебя, так станет поступать и толпа: если на кедровые пал огонь, то что будет со стенным мхом?» – вопрошали старшего газзана недовольные его нововведениями старейшины общины [11, с. 10, 11]. Ш. Бейм признавал, что не в состоянии исправить данную ситуацию, к тому же осложнявшуюся открытым неприятием членов караимской общины и бездействием местных чиновников [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 56]. Очевидно, что у Ш. Бейма ранее возник серьезный конфликт и с некоторыми влиятельными караимами – об этом может свидетельствовать и упоминание в рапорте А. Г. Строганова на имя министра внутренних дел о ситуации, сложившейся в караимской общине после смерти гахама С. Бабовича. Так, таврический губернатор

Г. В. Жуковский сообщал А. Г. Строганову, что вызов Ш. Бейма в столицу «для личных объяснений» и по его просьбе не имеет под собой никаких веских оснований, тем более, что и. о. караимского гахама предполагал осуществить эту поездку за счет казны или же на средства караимской общины, при этом не имея от самой общины ни полномочий на подобные ходатайства, ни согласия на оплату расходов.

В конечном итоге Ш. Бейм официального вызова в столицу так и не получил, однако в августе 1856 г., во время торжеств по случаю официальной церемонии коронации императора Александра II, смог передать российскому самодержцу в качестве подарка часть пергаментного листа с отрывком из глав Пятикнижия XIV–XV вв. (Исх. 11:8–18:25), ранее хранившегося в кенасе Чуфут-Кале. На оборотной стороне пергамента Ш. Бейм написал «благоговейнейшее приветствие» императору по случаю его вступления на престол, выразив при этом надежду, что Александр II «утешит Караимское общество, не удостоившееся послать из среды своей депутатов» на столь представительное мероприятие. Кроме того, по мнению Ш. Бейма отрывок Пятикнижия, преподнесенный в дар императору, не только должен был подтвердить преданность караимов российскому самодержавию, но и послужить «неоспоримым документом древнего гнезда Караимов» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 39–42 об.]. К этому же времени относится и упоминание Ш. Беймом о подготовленном им очерке о Чуфут-Кале и караимах, который он представил на «благоусмотрение» таврического губернатора Г. В. Жуковского [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 42].

Помимо всего прочего, Г. В. Жуковский, высказавшийся о нецелесообразности вызова Ш. Бейма в Санкт-Петербург, сообщил вышестоящему начальству, что крымскими караимами на должность гахама был избран не Бейм, а два других кандидата, «об утверждении коих и вступило уже представление в Таврическое губернское правление, против какового выбора хоть Бейм и протестовал, но без достаточных доказательств о неправильности оного» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 51]. В конце 1856 г. в Евпатории состоялись выборы нового гахама, при этом большинство голосов получили: брат Симхи Бабовича, евпаторийский купец 2-й гильдии Бабакай Нагаму бен Шломо Бабович (100 голосов «за», 11 голосов «против»), и бахчисарайский мещанин Йицхак бен Йааков Пенбек (78 голосов «за», 32 «против»), причем таврический губернатор, генерал-майор граф Н. В. Адлерберг сообщил А. Г. Строганову, что из указанных лиц «достоин быть гахамом купец Бабакай Бабович» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 59, 59 об., 61].

Вероятно, вышеупомянутый конфликт произошел у Ш. Бейма с представителями семьи Бабовичей, а именно с братом Симхи Бабовича Бабакаем. Как следует из архивных документов, в соответствии с предложением таврического губернатора Н. В. Адлерберга и вице-губернатора И. Я. Браилко Таврическому губернскому правлению от 9 июля 1855 г., бахчисарайский старший газзан Ш. Бейм был допущен к исполнению обязанностей главы ТОКДП лишь до избрания нового гахама. В 1857 г. им официально стал евпаторийский купец 2-й гильдии Б. Бабович, причем сам

Ш. Бейм подписал протокол процедуры его избрания [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 3. Л. 78 об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 61].

Так как Ш. Бейм, осознававший все недостатки работы вверенного ему училища и сетовавший, что все это только способствовало усилению недовольства общины и вызывало нарекания у представителей администрации, фактически ничего не смог предпринять для изменения ситуации [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 54, 54 об.], то попечитель ОдУО, известный российский педагог и медик Н. И. Пирогов вскоре предложил прекратить отпуск денег на содержание училища и перенести его в Евпаторию или Бахчисарай. В августе 1857 г. караимское училище в Чуфут-Кале по распоряжению таврического губернатора Г. В. Жуковского было закрыто [21, с. 57; 8, с. 72].

Несмотря на это негативное для себя решение, Ш. Бейм не оставил идею о сохранении и возрождении Чуфут-Кале и вскоре направил в адрес вышестоящих административных кругов несколько ходатайств. Крымским исследователем О. Б. Белым в фонде 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» ГАРК были обнаружены важные документы, проливающие свет на эту проблему. Так, в 1860 г. в ТОКДП было заслушано предписание военного губернатора г. Симферополя и таврического гражданского губернатора В. Г. Жуковского от 25 ноября № 19625. В документе сообщалось, что Ш. Бейм в проекте, представленном Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М. С. Воронцову о преобразовании Чуфут-Кале предлагал: «...1. Восстановить упраздненное в Чуфут-Кале Главное Караимское Училище с тем, чтобы при нем учреждено было и особое отделение для образования собственно кандидатов в караимские Раввины. Это подчинить ближайшему ведомству Духовного Правления и Главному наблюдению общего Губернского Училищного Начальства. 2, Для большего оживления М.[естечка] Чефут-Кале привлечением караимов по встречающимся духовным делам, перевести туда из Евпатории Караимское Духовное Правление на том основании, что этому учреждению более пристало иметь пребывание в древней колыбели караимского народа, нежели в другом городе, кроме того полезно было бы завести в место пребывания Духовного правления Духовного Правления и Типографию для печатания собственно караимских книг необходимых к обучению караимского юношества; и 3, существующий ныне в Бахчисарае караимский молитвенный дом подчинить главной Чуфут-кальской синагоги, с назначением туда одного Раввина по усмотрению караимского духовного правления» [1, с. 662].

Однако в ответ на это Духовное правление в рапорте М. С. Воронцову заявило, что российское правительство в течение длительного времени предоставляло караимскому населению Чуфут-Кале различные льготы и привилегии, а именно: «...жители тамошние освобождены от податей и повинностей, учреждено было там на казенном иждивении Русское училище, вместе с продолжением издревле существовавшего такого караимского, но все эти усилия остались бесполезными, так, что из этих заведений не вышло и одного ученика порядочно выучившегося ни по-русски ни по-караимски». А поскольку караимы, после присоединения Кры-

ма к России, ознакомившись «с русскими обычаями и поняв пользу общежития и деятельной жизни по торговым промыслам и оборотам, оставляли постоянно свою уединенную дикую скалу Чефут-Кале и бездеятельную жизнь и найдя каждый из них по своим возможностям средства жизни водворились по разным местам», то необходимости поддерживать «пещерный город» в соответствии с положениями проекта Ш. Бейма ТОКДП не сочло необходимым [1, с. 663].

Помимо всего прочего, члены ТОКДП во главе с Б. Бабовичем полагали, что «ни один из караимов не согласился бы переехать в Чефут-Кале или отправить туда детей своих для обучения, потому что это было бы сопряжено с большими издержками, ибо нужно бы строить вновь все необходимые помещения, как для училищ, так и для частных людей, для Правления и служителей, то же самое надо сказать и о типографии, без которой весьма достаточно удовлетворяя надобность в книгах при самых учениках. В отношении же подчинения Бахчисарайского молитвенного дома к Чуфут-кальской синагоге, почти уже не существующей, то <...>⁵ нет ни малейшего повода» [1, с. 663].

В итоге ТОКДП вынесло свой вердикт относительно предложений, изложенных в проекте Ш. Бейма: «...мысль Газзана Бейма о разрушении постоянного караимского жительство в Евпатории и в других местах и восстановлении вновь их в древней жизни на развалинах Чефут-Кале, как колыбели караимской <...>⁶ совершенна ни при настоящим правилам ни понятиям, ни даже религиозным побуждениям». Члены ТОКДП, обращаясь к М. С. Воронцову, просили «не оставить ходатайством об оставлении проекта Газзана Бейма как не удобного бесполезного и клонящегося лишь к стеснению караимского общества, нарушении их спокойствия и к затруднению самого начальства оставить без последствий» [1, с. 663].

Тем не менее, попытки по сохранению Чуфут-Кале как центра проживания караимов не прекратились. Среди материалов, связанных с историей изучения и охраны Чуфут-Кале во второй половине XIX – начале XX вв., аккумулированных в ГАРК, следует указать на дела фонда 241 (все дела из 1-й описи; язык документов – иврит, караимский, русский): «Переписка Чуфуткальского газзана Бейма с Духовным правлением о сохранении Чуфут-Кале, как древней колыбели караимов» (ед. хр. № 1668; 1867 г.); «Переписка Одесского [караимского] общества с Духовным правлением <...> о сохранении Чуфут-Кале как древности» (ед. хр. № 1815; 1860 г.); «Обращение ТОКДП ко всем обществам по вопросу сохранения Чуфут-Кале как древности» (ед. хр. № 1888; б. д.); «О древнем городе Чуфут-Кале и охране его» (ед. хр. № 1895; б. д.) «О поддержании исторического караимского памятника Чуфут-Кале» (ед. хр. № 1175; 1911–1913 гг.), «Переписка Бахчисарайского общества с Духовным правлением об охране Чуфут-Кале» (ед. хр. № 1672; 1913 г.) и пр.

Например, 23 ноября 1860 г. Шломо Бейм докладывал в духовное правление, что, несмотря на все усилия по сохранению Чуфут-Кале, действия бахчисарайских караимов по «опустошению этой синагоги [Большой кенасы Чуфут-Кале] доводят

⁵ Неразборчиво в документе.

⁶ Неразборчиво в документе.

это осчастливленное Высочайшим вниманием местечко до крайности» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 9. Л. 23, 23 об.]. Личное вмешательство гахама в ситуацию, который потребовал разъяснить, какое именно имущество кенасы Чуфут-Кале, движимое и недвижимое, представители бахчисарайской караимской общины позволили разделить «по потребности приобретенного ими там [в Бахчисарае] молитвенного дома», и в силу каких причин Ш. Бейм препятствовал «караимам, в Бахчисарае живущим, молиться Богу в доме, для этого там ими приобретенном», общего положения дел не изменило – караимы продолжали массово покидать Чуфут-Кале.

Ш. Бейм, помимо своей преподавательской деятельности и службы на посту газзана, был известен и как один из пионеров археологических и археографических изысканий как в «пещерном городе» Чуфут-Кале, так и в самом Крыму и за его пределами. 29 сентября 1843 г. он получил открытое предписание таврического гражданского губернатора В. И. Пестеля приступить к поиску рукописей, книг и артефактов, имеющих отношение к истории караимов. «Предъявитель сего Бахчисарайский Караимский хаззан Соломон Авраамов сын Бейм отправляется в город Карасубазар, Старый Крым и Херсонес для разыскания древностей, – распорядился губернатор, – посему предписываю полицейским властям дозволить ему в означенных местах разыскание древних книг, надписей и проч., оказывать притом ему законное вспомоществование» [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 1]. 13 апреля 1851 г., в соответствии с письмом вице-президента императорского Русского географического общества М. Н. Муравьева, старшему газзану Ш. Бейму сообщалось об избрании его член-сотрудником общества. «Императорское Русское географическое общество, – говорилось в документе, – желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, избрало Вас своим членом-сотрудником». Ш. Бейму был также выслан диплом об утверждении его членом общества и его устав [РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 365. Л. 29].

Документальные свидетельства, связанные с исследовательской работой Ш. Бейма в окрестностях городища Чуфут-Кале и на его некрополе, на Тепе-Кермене и у г. Агармыш (г. Старый Крым), выявлены О. Б. Белым в фонде 489 «Бахчисарайская городская дума» ГАРК. Датируются эти документы периодом 1846–1859 гг. и представлены: ходатайствами Ш. Бейма в Бахчисарайскую городскую думу о выделении рабочих и средств для проведения раскопок, предписаниями и отношениями таврического губернатора и вице-губернатора в Бахчисарайскую думу с предложением оказывать помощь Ш. Бейму в его археологических изысканиях, ответными бумагами городской думы, записками, реляциями местной администрации и пр. [1, с. 643]. Так, например, таврический губернатор Г. В. Жуковский в апреле 1858 г. сообщил в Бахчисарайскую городскую думу, что «караимский газзан и Раввин Бейм, имеющий пребывание в Чуфут-Кале, принес в дар Ришельевскому лицу собранные им в некоторых местах Крыма окаменелости и раковины, изъявив желание не только продолжать собрание окаменелостей, но и открывать древние монеты и надписи, встречающиеся <...> под горою Агармыш, на Греческом, Генуэзском и древне-Еврейском языках. Вследствие

чего Г.[осподин] Попечитель Одесского учебного округа просит распоряжения об оказании Бейму со стороны местного начальства содействия в необходимых случаях, могущих представиться при отыскании под горою Агармыш древних надписей и монет, предназначенных для Ришельевского лицея» [1, с. 651].

В фонде 241 ГАРК также сохранились документы, проливающие свет на некоторые эпизоды из жизни и деятельности А. С. Фирковича. Например, это дела описи 1: «О древних рукописях Библии, найденных ученым А. Фирковичем» (ед. хр. № 1442, 1840 г.); «С циркулярным письмом Духовного правления караимским обществам об ученом Фирковиче и 8-ми памятниках в Чуфут-Кале доказывающим о пребывании караимов в Крыму после христ.[ианской] эры» (ед. хр. № 1498, 1863 г.); «Переписка ученого Фирковича с Духовным правлением об историческом значении Чуфут-Кале и сохранении его как колыбели караимов» (ед. хр. № 1910, 1868–1872 гг.) и др.

К началу 1860-х гг. относится и конфликт Ш. Бейма с А. С. Фирковичем (оба на тот момент состояли членами Императорского Географического Общества) относительно проблемы сохранения и изучения караимских надгробных памятников кладбища в Иосафатовой долине. Разногласия были вызваны тем, что А. С. Фиркович вывез с территории караимского кладбища в Чуфут-Кале восемь древних надгробных памятников (по словам же самого А. С. Фирковича, он «не раскапывал их могилы и не тронул надписи, только срезал головки надгробных камней с надписями»). В своем рапорте таврическому губернатору от 18 июля 1863 г. А. С. Фиркович сообщал, что представляет «свидетельство со списком на обороте оною, древним памятникам, найденным мною в недрах Земли <...> На караимском кладбище Иосафатовой долине в 11-м, 12-м и 13-м квадратах того в близи предместья Чуфут-Кале на благоусмотрения и зависящего распоряжения Вашего Превосходительства» [1, с. 653]. В ответ на это Ш. Бейм заявил, что «тревожить эти камни с места освященного веками в честь погребенных никакое лицо не может дерзать, кроме крайних случаев, по распоряжению правительства, и что перенесение подобных памятников куда-либо частными лицами послужит дурным примером для корыстолюбивых лиц» [1, с. 655]. В ответ А. С. Фиркович возразил, что надгробные памятники были им взяты «с позволения Бахчисарайского караимского общества при чиновнике полиции и с дозволения <...> Таврического Караимского духовного правления», и что «камни те отправлены уже мною в С.[анкт-]Петербург на имя Его Сиятельства министра двора Графа Адельберга» [1, с. 655–657]. Впоследствии восемь мацев, вывезенных А. С. Фирковичем с кладбища в Чуфут-Кале, хранились в фондах Азиатского музея в Санкт-Петербурге, а затем были перевезены в Ленинградский музей этнографии и антропологии АН СССР [25, с. 80].

Помимо этого, в фонде 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел» Российского государственного архива сохранилось несколько документов, свидетельствующих о еще одной стороне деятельности А. С. Фирковича. 24 апреля 1858 г., по распоряжению «Комитета по устройству евреев», А. С. и Г. С. Фирковичи подготовили докладную записку по вопросу о том,

«какого рода ограничения, для евреев постановленные, не должны распространяться на караимов». Ключевым в этом документе стало предложение об организации органов духовного самоуправления в Троках, поскольку подобное учреждение уже существовало у караимских общин центральных и южных губерний (ТОКДП). Одним из основных пунктов в прошении являлся пересмотр социального статуса караимов, населявших западные губернии, поскольку, как утверждалось в документе, караимское население при польских королях было причислено к городскому сословию (мещанам), существенно отличавшемуся по предоставляемым правам от городского сословия Российской империи, которое, в свою очередь, подразделялось на подгруппы (почетные граждане, купцы, мещане, цеховые ремесленники, посадские люди). Трокские караимы добивались пересмотра их социального статуса в Российской империи, намереваясь «выйти из мещанства» и быть причисленными к более привилегированному сословию – почетным потомственным гражданам, что подразумевало бы освобождение от выплаты подушной подати, от телесных наказаний и рекрутской повинности (т. е. от выплаты рекрутских взносов). В прошении также значились пункты об устройстве конфессионального караимского суда (т. н. словесного суда) для разбора дел гражданского характера между караимами, а также об отмене для караимов платежей за право торговли. Предлагалась даже возможность использования караимов в интересах МИД Российской империи в качестве «отличных драгоманов, переводчиков и купцов для сношения России с Востоком». Для этой цели необходимо было, по замыслу просителей, учредить высшее караимское училище при ДДДИИ МВД, «в котором бы молодые Караимы изучали сверх русской словесности и начал всех вообще главных наук, еще в особенности языка арабский и французский, столь необходимые и общеупотребительные во всей западной Азии, и которое имело бы целью готовить купцов, переводчиков и драгоманов для русских миссий на Востоке» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 79, 84, 85, 88 об, 89, 91 об., 93 об., 94 об., 95].

После проведения консультаций между ведомствами и руководствуясь полученными от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-майора от инфантерии П. И. Федорова, военного губернатора и управляющим гражданской частью, Гродненского, Ковенского и Минского генерал-губернатора В. И. Назимова отзывами высшие инстанции вынесли свой вердикт. Относительно ходатайства трокских караимов об уравнивании их в сословных правах с лицами христианского вероисповедания власти приняли решение о возможности предоставления таких прав, равно как и о их прошении именоваться «российскими караимами исповедания Ветхого Завета». Что же касается остальных «прав и преимуществ», изложенных в ходатайстве, то губернская администрация в лице П. И. Федорова и В. И. Назимова не нашла «никаких достойных уважения причин» для их удовлетворения. Что касается предложения А. С. Фирковича об организации караимского училища, то в высших инстанциях посчитали, что существовавшее в Троках уездное училище вполне удовлетворяло потребности населения в образовании, и караимы вполне могли отдавать туда своих детей. Создавать же специальное, организованное по на-

циональному признаку учебное заведение, финансируемое правительством, власти пока сочли нецелесообразным [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 112 об., 113, 123 об.].

Весьма энергичная и во многом скандальная деятельность А. С. Фирковича как коллекционера еврейских рукописей создала ему неоднозначную репутацию не только среди ученых, но и внутри караимской общины. И хотя сам А. С. Фиркович именовал себя «главным наставником всех сынов Писания», «Евпаторийским караимским учителем» или даже «главным караимским учителем» (подобная «тителатура» присутствует и в официальной переписке российских властей), однако его авторитет среди караимов был отнюдь не безусловен⁷. В 1865 г. А. С. Фиркович после возвращения с Ближнего Востока поселился в Чуфут-Кале, направляя свои усилия на возрождение покинутого караимами «пещерного города». Из материалов архивных дел известно, что А. С. Фиркович лично предпринимал меры к его благоустройству. «Чтобы сохранить для потомства значение этого местечка [Чуфут-Кале] и чтобы увековечить на месте дорогой знак Монаршего Благоволения» (в цитируемом фрагменте речь идет о пожалованной караимской общине Чуфут-Кале летом 1842 г. супругой российского императора Николая I Александрой Федоровной, в знак особого благоволения, серебряной кружке, или игольнице), А. С. Фиркович, в соответствии с данным им обетом, на собственные средства огородил караимское кладбище в Иосафатовой долине каменной стеной и построил помещение для кладбищенского сторожа. Кроме того, вместо «оставленных без всякого надзора» и вырубленных деревьев на этом кладбище А. С. Фиркович высадил фруктовый сад. В своих ходатайствах к новороссийскому и одесскому генерал-губернатору, а также министру внутренних дел он упоминал, что с целью «наблюдения за надлежащим устройством» Чуфут-Кале он вместе с семьей переселился на плато (в середине 1860-х гг.). Помимо этого, он собирался перевезти из Евпатории в Чуфут-Кале караимскую типографию, которой владел с конца 1850-х гг., а также «содержать там же своим иждивением местное техническое училище, если впоследствии на это дозволение вышестоящего начальства» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 2, 2 об.]. Как следует из этого документа, А. С. Фиркович намеревался воплотить в жизнь основные пункты нереализованного ранее проекта Ш. Бейма по сохранению Чуфут-Кале, где в 1860-х гг. проживало всего 40 караимов [1, с. 663].

Благодаря своей неутомимой энергии, А. С. Фиркович все же смог добиться от администрации Таврической губернии отпуска денежных средств на нужды Чуфут-Кале. Так, например, в 1872 г., как следует из рапорта Строительного отделения Таврического губернского правления, «главному караимскому наставнику» из государственных сумм было отпущено 500 руб. на проведение ремонтных работ по исправлению дороги, ведущей в крепость. По распоряжению Таврической контрольной палаты губернский архитектор Еремеев 4 марта 1874 г. провел освидетельствование выполненных А. С. Фир-

⁷ Подобная титулатура в контексте традиционной культуры караимов является искусственно созданной, и свидетельствует лишь о том, что А. С. Фиркович, помимо должности газзана, никаких официальных постов в караимской общине не занимал (устный комментарий М. И. Гаммала).

ковичем работ. В составленном архитектором акте, в частности, говорилось о том, что по дороге, ведущей от Успенского монастыря в крепость, «возможно довольно удобно проехать в экипаже до самых Восточных ворот Чуфут-Кале», при этом по сведениям, представленным бахчисарайским полицмейстером полковником Шостаком, до проведения ремонта этот путь длиной 1,5 версты (1,6 км) был непригоден для экипажей из-за загромождавших дорогу камней, упавших с обрыва, промоин и рытвин, образовавшихся после дождей и весеннего схода снега [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1477. Л. 1, 4]. Оставшуюся от затрат по ремонту сумму в 35 руб., как докладывал Еремеев, А. С. Фиркович использовал на устройство второй дороги, пригодной для верховых всадников, которая вела от основной дороги к западным воротам крепости, а ее протяженность составляла 120 саженей (256,03 м) – при этом архитектор замечал, что в настоящем виде дорога эта трудна и для двух верховых лошадей, в то время как А. С. Фиркович собирался сделать возможным проезд для четырех всадников в ряд. Расходы А. С. Фирковичем отпущенных ему казенных сумм властями были признаны «весьма умеренными», о чем Строительное отделение информировало Таврическую контрольную палату [ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1477. Л. 5, 5 об.].

А. С. Фиркович и далее продолжал предпринимать усилия для решения проблемы сохранения Чуфут-Кале. В 70-х гг. XIX в. он выдвинул проект переселения в город 40 караимских семейств из Трок. В феврале 1871 г. он обратился к российскому министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с докладной запиской, в которой, в частности, сообщал, что «к самым замечательным по своей древности местностям в Российской империи бесспорно принадлежит древнее жилище караимов местечко Чуфут-Кале», где, по словам ходатая, помимо исследованных им надгробных памятников караимского кладбища Иосафатовой долины, «находится много других замечательных по своей глубочайшей древности памятников, которых не коснулась еще рука человеческая и которые предстоит еще открывать». Далее А. С. Фиркович указывал, что эти памятники находятся под угрозой разрушения, так как многие жители выселились из этого «пещерного города», и с каждым днем опасность «святотатного посягательства невежества на эти памятники глубокой древности» возрастала [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 1].

Инициатива А. С. Фирковича состояла в следующем: для возрождения Чуфут-Кале как исторического памятника и центра проживания караимов он вновь предлагал перенести резиденцию ТОКДП из Евпатории (где оно находилось со времени своего утверждения в 1837 г.) в Чуфут-Кале, а также освободить 20 караимских семей (но не более 100 душ мужского пола), которые пожелали бы переселиться сюда из Литвы и Волыни, от всех денежных сборов и повинностей (в том числе, и от денежной недоимки в размере 200 руб. серебром, полагавшейся к выплате изъявившими желание переселиться в Крым со времени польского восстания 1830–1831 гг.) – «в вознаграждение за те лишения, которым они могут подвергнуться, поселясь в этом пустынном месте» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 1 об.]. А. С. Фиркович также предлагал рассмотреть возможность выдачи переселенцам в качестве беспро-

центного займа денежной суммы в 3 тыс. руб. сроком на десять лет для покрытия дорожных расходов и на приобретение необходимых в обзаведении хозяйством скота и земледельческих орудий. Кроме того, А. С. Фиркович ходатайствовал перед властями о возвращении Чуфут-Кале земельных угодий (полей и пастбищ), ранее составлявших собственность местной караимской общины и впоследствии перешедших в ведение городских властей Бахчисарая. Завершалась докладная записка выражением «полной надежды на просвещенное внимание» министра внутренних дел к благому делу науки и «преуспеянию народа, вверенного провидением мудрой заботливости возлюбленного монарха» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 3].

Проект А. С. Фирковича детально рассмотрели сразу в нескольких вышестоящих инстанциях, при этом он вызвал обстоятельную переписку между ведомствами. Например, департамент окладных сборов министерства финансов в докладной записке на имя А. Е. Тимашева от 24 февраля 1871 г. сообщал, что заселение Чуфут-Кале желательно не только ввиду сохранения памятников древности, имеющих важное историческое значение, «но и потому еще, что в оной местности, оставшейся совершенно безлюдною по выселении [из Крыма] татар <...> было бы весьма полезным образование поселений караимов, отличающихся своим трудолюбием, честностью и предприимчивостью» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 5 об., 6]. Таким образом, департамент окладных сборов выразил свое согласие поддержать проект А. С. Фирковича в части предоставления налоговых льгот и денежной субсидии переселенцам из западных губерний России в Крым, а вопрос о возвращении караимам земельных угодий отправил на рассмотрение МВД.

За окончательным разъяснением относительно проекта А. С. Фирковича МВД обратилось к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии П. Е. Коцебу, который 14 февраля 1872 г. представил свое мнение по интересующему делу. Как следовало из рапорта, после ходатайства А. С. Фирковича в 1870 г. генерал-губернатор отправил проект (как и в случае с проектом Ш. Бейма) в ТОКДП для соответствующего отзыва и дальнейшего заключения по данному вопросу. Однако последовавший вскоре ответ носил негативный характер для проекта А. С. Фирковича. В частности, Духовное правление вновь обращало внимание должностных лиц, что «в Чуфут-Кале не может быть никакой торговой и промышленной деятельности <...> Неудобства жизни там столь значительные, что почти все жившие в местечке караимы выселились оттуда, бросив свои жилища. При отдаленности местечка от заселенных местностей и неудобств существующей к нему скалистой дороги жители его с большим трудом приобретали необходимые жизненные потребности, отчего ценность их была несравненно выше, чем в Бахчисарае и в других городах, не говоря о том, что каждый из них должен был держать лошадей, ослов или мулов для ежедневных поездок в Бахчисарай за припасами. Те же из обывателей, которые имели торговые или ремесленные занятия в Бахчисарае, принуждены были <...> оставлять на целые дни свои семейства без всякого надзора и помощи», и даже в «опасности на случай болезни». Именно поэтому, по убеждению ТОКДП, караимские семьи «ни в коем случае не пожелают воротиться на

ту уединенную безводную степь для стеснительного жительствова», а предоставление определенных льгот и преференций «нисколько не приохотит их к переселению туда вновь» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 14, 14 об., 15, 21 об.].

Что же касается предложения А. С. Фирковича относительно перевода ТОКДП из Евпатории в Чуфут-Кале, то здесь члены правления были еще более категоричны. Они заявили, что осуществление подобного шага будет сопряжено с «притеснением всего караимского народа», так как справедливо полагали, что переезд этого учреждения из экономически развитой Евпатории, где караимская община к 1870-м гг. составляла практически половину от общего числа караимов, проживавших в Таврической губернии (например, в 1864 г. евпаторийская караимская община насчитывала 1524 чел., в то время как численность всех караимов, проживавших в губернии, доходила до 3500 чел.) [6, с. 262; 20, с. 129, 130], имело бы негативные последствия для всех караимских общин. Помимо всего прочего, ТОКДП указывало на то обстоятельство, что в Чуфут-Кале отсутствовала надлежащая инфраструктура для его работы (а именно, не было помещений ни для самого правления, ни для его членов; также отсутствовала гостиница для приезжавших по делам просителей). Постройка новых зданий для этих целей потребовала бы привлечения значительных средств, которыми, как говорилось в рапорте ТОКДП, караимы на тот момент не располагали. Любопытно, что ответ ТОКДП практически дословно повторял текст его же резолюции, данной по поводу проекта Ш. Бейма почти 10 лет назад.

Помимо всего прочего, члены ТОКДП сообщили генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, что перевод правления из Евпатории мог последовать лишь по инициативе самого правления, и лишь в том случае, если бы «оно видело в этом какое-либо удобство или выгоду, но переселение самого же Фирковича каждый год на зиму из Чуфут-Кале в Бахчисарай достаточно свидетельствует не в пользу удобства местечка для жительствова» (к тому же сам Бахчисарай превратился в заштатный городок, не представлявший, по мнению Духовного правления, для караимов экономического интереса) [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 15, 15 об., 16, 23]. В заключении своего рапорта члены ТОКДП просили власти об оставлении ходатайства А. С. Фирковича без последствий. Что же касается самого «пещерного города», то караимские общины сами высказали желание «предотвратить Чуфут-Кале от разорения», но посредством других мер, без «неуместного и бесполезного домогательства г.[осподина] Фирковича». Например, предлагалось переселить в Чуфут-Кале только несколько бедных караимских семей, представители которых могли осуществлять необходимый уход и охрану памятника. На эти цели, а также на содержание там младшего газзана и караимской кенасы предполагалось израсходовать, путем сбора общинного налога, денежные средства: с представителей купеческого сословия планировалось взимать по 1 руб., с мещан – по 25 коп. с человека. По мнению членов ТОКДП, данная мера была бы вполне достаточной для поддержания «колыбели караимов» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 16 об., 24].

Однако наиболее веским аргументом в позиции, занятой верхушкой караимского духовенства, стали опасения за возможные последствия принятия проекта А. С. Фирковича. «Подобными домогательствами, – говорилось в рапорте ТОКДП от 21 мая 1871 г., – [А.С.] Фиркович может безвинно выставить караимов в глазах правительства как недовольных дарованными им бесценными правами и монаршими милостями, которыми предки этого народа, со времени пленения и разорения Иерусалима Титом Веспасиановым сыном, до присоединения Крыма к России никогда и нигде не удостоились» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 23, 23 об.]. В свою очередь П. Е. Коцебу, разделяя мнение ТОКДП о нецелесообразности проекта А. С. Фирковича как «неудобного, бесполезного и клонящегося лишь к стеснению караимского общества», в рапорте на имя министра внутренних дел заметил, что «едва ли удобно, ценою льгот и пособий, привлекать еврейское население к водворению в пункт, находящийся в весьма близком расстоянии от христианского монастыря (Успенский скит)». Примечательно, но в отношении историко-архитектурных объектов П. Е. Коцебу констатировал, что Чуфут-Кале «была первоначально татарской крепостью <...> караимы же поселились там не ранее XVI столетия», и что кроме гробницы дочери хана Тохтамыша Ненкеджан-Ханым, не очень древних домов и караимских не древних надгробных надписей, по его мнению, «в Чуфут-Кале нет других особенных достопримечательностей. Многие надписи относятся к позднему времени, наиболее же древние из них вывезены г.[осподином] Фирковичем в Петербург, где проданы им <...> за значительную сумму». Новороссийский и Одесский генерал-губернатор выступил с предложением обратиться к Одесскому обществу истории и древностей с просьбой «попечения об охранении всего, что может быть достопримечательностью в Чуфут-Кале» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 18, 19]. Необходимое заключение вскоре было составлено секретарем ООИД, действительным статским советником Н. Н. Мурзакевичем, который в своей «Записке о достопримечательностях местечка Чуфут-Кале», помимо всего прочего, также подверг сомнению выводы, сделанные А. С. Фирковичем относительно древности пребывания караимов в Крыму [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 26–27 об.].

В конечном итоге проект А. С. Фирковича о переселении в Чуфут-Кале 20 караимских семей из Литвы и Волыни принят не был, поскольку вышестоящие инстанции сочли более приемлемым и менее затратным для государственной казны предложение о мерах по сохранению историко-архитектурных достопримечательностей «пещерного города», сделанное ТОКДП [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 31–35 об.]. К тому же, по некоторым сведениям, представители общины из г. Трок были разочарованы плохим качеством земли и отсутствием воды на плато и переселяться не пожелали [24, с. 78]. Однако уже 2 августа 1870 г. бахчисарайский полицмейстер Шостак в рапорте на имя таврического губернатора сообщал о том, что по приглашению старшего газзана А. С. Фирковича из Бакинской губернии прибыли девять семей субботников: «...с тем предположением, что если отыщут удобную землю вблизи для хлебопашества, то останутся жить в Чуфут-Кале». Но и пребывание

субботников в «пещерном городе» было весьма краткосрочным, и из Чуфут-Кале они направились в сторону Феодосийского уезда, с целью «поселиться на землях, принадлежащих караимам <...> если отыщут удобную землю, в противном случае, возвратятся домой» (при этом бахчисарайский полицмейстер ссылаясь в своем рапорте на сведения, которые ему сообщил симферопольский караимский купец и землевладелец И. И. Пастак) [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 1, 1 об., 5]. Вскоре Феодосийское городское полицейское управление докладывало, что девять семей субботников проездом через Феодосию «объявили, что едут в Тамань через Керчь» [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 7]. Тем не менее, попытки наладить общинную жизнь на Чуфут-Кале продолжались. В фонде 241 ГАРК имеется дело № 1532, озаглавленное «Заявление караимов, проживающих в Хите (Персия) о переселении их в Иерусалим или Чуфут-Кале», и датированное 1871 г.; в нем собраны различные документы по указанному вопросу. Однако этот проект в итоге тоже не был реализован.

Окончательно же Чуфут-Кале пустеет, по-видимому, после смерти самого А. С. Фирковича (в 1874 г.). Как свидетельствуют источники, последними обитателями Чуфут-Кале были братья М. и Ю. Пигиты. Впоследствии караимской общественностью еще неоднократно предпринимались попытки возродить Чуфут-Кале, которые, однако, в большинстве своем, остались лишь на бумаге [15, с. 41–61; 16, с. 392–396].

Таким образом, можно констатировать, что предпринимавшиеся в 40–70-х гг. XIX в. караимскими интеллектуалами Ш. Беймом и А. С. Фирковичем усилия по сохранению «пещерного города» Чуфут-Кале не принесли желаемого результата. Открытие Ш. Беймом, при участии представителей российских властей, школы нового типа для караимов вызвало негативную реакцию у представителей караимской общины, в то время не стремившихся к радикальным переменам в традиционной системе обучения. Отсутствие надлежащей поддержки у единомыслителей и проблемы материального характера привели к тому, что караимское училище на Чуфут-Кале было закрыто. Появление реформированных караимских учебных заведений, где наряду с традиционными дисциплинами преподавались и общеобразовательные, пришлось на начало 1870-х гг., когда осуществлялась масштабная реформа всей системы народного образования российских «иногородцев».

Что же касается многочисленных инициатив А. С. Фирковича, направленных на сохранение и поддержание «древней колыбели» караимов в Крыму, следует заметить, что и они не нашли должного отклика у общественности, хотя по ряду вопросов получили содействие правительства. А. С. Фиркович не всегда согласовывал свои масштабные проекты и шаги с последующей их реализацией с руководством караимских общин, и, что более важно, с влиятельными духовными и светскими лидерами караимов. Перенос учреждений караимского конфессионального самоуправления из экономически развитой Евпатории в Чуфут-Кале, предложенные Ш. Беймом и А. С. Фирковичем, заселение пустующего города выходцами из российских губерний и даже других стран, проекты по превращению города в оживленный центр караимского сообщества так и остались нереализованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый О.Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 639–666.
2. Гаммал М.И. «Зиккарон ле-дор ахарон» Гавриила Фирковича, или Литературные последствия одного банкротства // Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике / Ред. В.В. Мочалова. М., 2011. Т. II. Академическая серия. С. 159–173.
3. Гаммал М.И. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история. М., 2012. С. 265–286.
4. Гаммал М. Караимская историография в первой половине XIX века на примере полемических произведений А.С. Фирковича // Новые исследования по еврейской истории. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 42. М., 2012. Т. III. С. 288–305.
5. Гончарова Л.Л. Бахчисарай в годы Крымской войны 1854–1856 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 336–345.
6. Домбровский Ф.М., Ханацкий К.В., Элерс. Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкого. Симферополь: тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. С. 144–247.
7. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-информ, 2007. 312 с.
8. Казас И.И. О мерах к поддержанию Чуфут-Кале // ИТУАК. 1890. № 10. С. 61–73.
9. Лебедева Э.И. Крымская война и караимы. Симферополь: ЧП «Элиньо», 2004. 79 с.
10. [Мармон О.Ф.] Путешествие маршала Мармона в Венецию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь некоторые части Малой Азии Сирию, Палестину и Египет / пер. с фр., изд. К. Полевым. М., 1840. Т. 1. 26. 266 с.
11. [Пигит С.Ш.] Дни минувшие... Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. С. 8–14.
12. [Пигит С.Ш.] Дни минувшие... Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 43–51.
13. Познанский С. Бабович Симха бен-Соломон // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Ред. А.Я. Гаркави, Л. Каценельсон. СПб.: изд-ие Общества для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз-Ефрон, б. г. Т. III. Стлб. 623–624.
14. Приднев С. Караимские книги, изданные в Евпатории // Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1996. № 14. С. 58–64.
15. Прохоров Д.А., Кизилов М.Б. Чуфут-Кале – «Иудейская крепость» в Крыму – как экскурсионный объект в конце XIX – начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М.: Дом Еврейской книги, 2009. № 10–11. С. 41–61.
16. Прохоров Д.А. Документы по истории изучения Чуфут-Кале в XIX – начале XX вв. в Государственном архиве в АР Крым // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 392–396.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII. Отд. I. С. 705–706.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1852. Т. XXVI. Отд. I. 1851. С. 352–353.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1866. Т. XXXVIII, Отд. I. С. 302–306.

20. Статистический временник Российской империи / Изд-е Центрального статистического комитета МВД, СПб.: тип. К. Вульфа, 1866. Ч. I. XXXVI, 243, 117 с.
21. Фельдман Д.З. С.А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2000. № 3. С. 53–63.
22. Фельдман Д.З. Документы РГАДА по истории крымских караимов XVIII–XIX вв.: опыт архивного исследования // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XVIII вв.: проблемы и перспективы. Симферополь, 2016. С. 493–506.
23. Фиркович А. «Авнэ Зиккарон»: путевые заметки Авраама Фирковича // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. С. 82–87.
24. Хроника текущей жизни. Общие известия. Положение Чуфут-Кале // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 78.
25. L.Z. Podróż naukowa T.S. Lewi-Babowicza // Myśl Karaimska. Wilno, 1928. T. 1, Z. IV–V. S. 80.

REFERENCE

1. Belyj O.B. Novye materialy k biografii Solomona Bejma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 639–666.
2. Gammal M.I. «Zikkaron le-dor aharon» Gavriila Firkovicha, ili Literaturnye posledstvija odnogo bankrotstva. Mochalova V.V. (ed.), *Materialy XVIII Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2011, Vol. II, Akademicheskaja serija, pp. 159–173.
3. Gammal M.I. Intellektualy protiv pragmatikov: pol'skie karaimy v Krymu. *Evrei: drugaja istorija*, Moscow, 2012, pp. 265–286.
4. Gammal M. Karaimskaja istoriografija v pervoj polovine XIX veka na primere polemicheskikh proizvedenij A.S. Firkovicha. *Novye issledovanija po evrejskoj istorii. Materialy XIX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2012, Vol. 42, Akademicheskaja serija, Vol. III, pp. 288–305.
5. Goncharova L.L. Bahchisaraj v gody Krymskoj vojny 1854–1856 gg. Mogarichev Ju.M. (ed.), *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, Simferopol, AntikvA Publ., 2008, pp. 336–345.
6. Dombrovskij F.M., Hanackij K.V., Elers. Kratkoe istoriko-statisticheskoe obozrenie Tavricheskoj gubernii. Hanackij K.V. (ed.), *Pamjatnaja knizhka Tavricheskoj gubernii*, Simferopol, 1867, Vol. 1, pp. 144–247.
7. Zakharova O.Ju. *General-fel'dmarshal svetlejšij knjaz' M.S. Voroncov*. Simferopol, Biznes-inform Publ., 2007, 312 p.
8. Kazas I.I. O merah k podderzhaniju Chufut-Kale. *Izvestiya Tavricheskoj uchenoy arkhivnoj komissii*, Simferopol, 1890, Vol. 10, pp. 61–73.
9. Lebedeva Je.I. *Krymskaja vojna i karaimy*. Simferopol, Elin'o Publ., 2004, 79 p.
10. *Puteshestvie marshala Marmona v Veneciju, Transil'vaniju, Juzhnuju Rossiju, po Krymu i beregam Azovskogo morja, v Konstantinopol' nekotorye chasti Maloj Azii Siriju, Palestinu i Egipet*. Moscow, 1840, Vol. 1, 266 p.
11. Pigit S.Sh. Dni minuvshie... *Karaimskaja zhizn*, Moscow, 1911, Vol. 5–6, October–November, pp. 8–14.
12. Pigit S.Sh. Dni minuvshie... *Karaimskaja zhizn*, Moscow, 1911, Vol. 7, December, pp. 43–51.
13. Poznanskij S. Babovich Simha ben-Solomon. Garkavi A.Ja., Kaceneľsona L. (eds.), *Evrejskaja jenciklopedija. Svod znanij o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastojashhem*, St-Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., Vol. III, Stlb. 623–624.
14. Pridnev S. Karaimskie knigi, izdannye v Evpatorii. *Izvestija Krymskogo Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja*, Simferopol, 1996, Vol. 14, pp. 58–64.
15. Prokhorov D.A., Kizilov M.B. Chufut-Kale – «Iudejskaja krepost» v Krymu – kak jekskursionnyj ob'ekt v konce XIX – nachale XX vv. (K probleme ispol'zovanija pamjatnikov karaimskoj istorii

- i kultury). *Paralleli. Russko-evrejskij al'manah*, Moscow, Dom Evrejskoj knigi Publ., 2009, Vol. 10–11, pp. 41–61.
16. Prokhorov D.A. Dokumenty po istorii izuchenija Chufut-Kale v XIX – nachale XX vv. v Gosudarstvennom arhive v AR Krym. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "XIV Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Arheologicheskij ob'ekt v kontekste istorii"*, Kerch', 2013, pp. 392–396.
 17. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*, Sobranie 1, St-Petersburg, 1830, Vol. XXIII, Otd. I, pp. 705–706.
 18. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*, Sobranie 2, St-Petersburg, 1852, Vol. XXVI, Otd. I, pp. 352–353.
 19. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*, Sobranie 2, St-Petersburg, 1866, Vol. XXXVIII, Otd. I, pp. 302–306.
 20. *Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii*. St-Petersburg, 1866, Vol. I, XXXVI, 243, 117 p.
 21. Fel'dman D.Z. S.A. Bejm – glava karaimskoj obshhiny Kryma (po arhivnym materialam). *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'*, 2000, Vol. 3, pp. 53–63.
 22. Fel'dman D.Z. Dokumenty RGADA po istorii krymskikh karaimov XVIII–XIX vv.: opyt arhivnogo issledovanija. *Istochnikovedenie i istoriografija istorii Kryma XV–XVIII vv.: problemy i perspektivy*, Simferopol, 2016, pp. 493–506.
 23. Firkovich A. «Avnje Zikkaron»: putevye zametki Avraama Firkovicha. *Karaimskaja zhizn'*, Moscow, 1911, Vol. 5–6, October–November, pp. 82–87.
 24. Hronika tekushhej zhizni. Obshhie izvestija. Polozhenie Chufut-Kale. *Karaimskaja zhizn'*, Moscow, 1911, Vol. 2, July, p. 78.
 25. L.Z. Podróż naukowa T.S. Lewi-Babowicza. *Myśl Karaimska*, Wilno, 1928, Vol. 1, Z. IV–V, p. 80.

D. A. PROKHOROV

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

SHLOMO BEIM'S AND AVRAAM FIRKOVICH'S PROJECTS TO PRESERVE THE "CAVE TOWN" OF CHUFUT-KALE IN THE NINETEENTH CENTURY (ACCORDING TO ARCHIVAL MATERIALS)

Abstract: In the mid-nineteenth and early twentieth centuries, Chufut-Kale attracted intent attention from the Russian government and the academic community. There appeared numerous initiatives to study and preserve historical and cultural heritage of the Karaites, also directed at the preservation of this "cave town" as the residential centre for the Karaites living in the Taurida governorate. However, when the Karaite intellectuals with participation from Russian officials launched a new type school for Karaites in Chufut-Kale, it raised negative reaction from the Karaite community, which in that time did not want changes in the traditional education system. The lack of necessary support and material problems resulted in this school was closed soon. Sh. Beim's and A. S. Firkovich's attempts to move the bodies of confessional Karaite self-government from Evpatoria to Chufut-Kale and to settle there the Karaites from Troki and the Middle East countries failed as well. Finally, this "cave town" was depopulated in the late 1870s.

Key words: Chufut-Kale, Shlomo Beim, Avraam Firkovich, Karaites, Taurida governorate, historic-cultural and architectural heritage.

А. А. НЕПОМНЯЩИЙ

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРЫМУ (20-Е ГГ. XX ВЕКА)

Аннотация: На основе документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и Государственного архива Российской Федерации, которые впервые вводятся в научный оборот, восстановлены основные этапы биографии и деятельности в области собирания и изучения мелодий тюркских народов Крыма этнографа Аркадия Карловича Кончевского (1883–1969). В качестве сотрудника Института музыкальной науки он участвовал в экспедиционных исследованиях в Крыму, смог собрать уникальную коллекцию крымскотатарских музыкальных инструментов, стал составителем содержательных сборников песен тюрков Крыма, которые при его участии были гармонизированы и изданы с нотами. В основе трудов А. К. Кончевского – тезисы про «интернационализацию», взаимовлияние песенных культур различных народов Крыма и влиянии исторических событий на тематику фольклорных произведений. Систематизировано научное наследие исследователя, рассыпанное в различных музыкальных изданиях тех лет.

Ключевые слова: крымоведение, этнография, А. К. Кончевский, Институт музыкальной науки, фольклорные сборники.

Традиции полевого собирательства сложились в крымской этнографии во второй половине XIX – начале XX столетия, когда были опубликованы первые сборники фольклора и сформированы музейные этнографические экспозиции, посвященные тюркским этносам Крыма [1]. Несмотря на то, что уже в досоветский период исследования в области этнографии перешли в фазу научных обобщений и систематизации [2], работы по собирательству в первое десятилетие советской власти продолжали активно проводиться. Они коснулись неразработанных музыкально-этнографических штудий. Здесь выделяется малоизвестная деятельность этнографа и певца А. К. Кончевского.

Публикации Аркадия Карловича Кончевского (1883–1969) хорошо известны специалистам-этнографам. Исследователь определил область своих научных интересов как искусствоведение, дополняя при этом специализацию – «музыкальная этнография, черчение, художественное воспитание» [3, л. 71]. Вместе с тем, информа-

ции о деятельности А. К. Кончевского в области этнографического собирательства в 20-е годы прошлого века крайне мало. Представленные в научной литературе данные противоречивы. Определенную путаницу внесла публикация Р. И. Музафарова, в которой о деятельности А. К. Кончевского только упоминается, однако помещены библиографические фикции печатных работ этнографа [4, с. 111]. Общий обзор части опубликованного научного наследия А. К. Кончевского содержится у У. К. Мусаевой [5, с. 93–98]. При этом биографические сведения об этнографе нигде не приводились.

Восстановить биографию известного кримведа стало возможным благодаря документам фонда «Комиссия «Наука в России» (1916–1923); Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР» (1924–1930); Комиссия «Наука и научные работники в СССР» (1930–1932); «Комитет учета научных работников и изучение научных сил» (1932–1934)», который отложился в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Нами выявлены две собственноручно заполненные анкеты А. К. Кончевского, датированные 16 октября 1927 г. и 7 декабря 1933 г., которые позволили восстановить основную канву жизни этнографа. Эти данные дополняются биографическими сведениями, почерпнутыми в фонде Главнауки Наркомпроса РСФСР Государственного архива Российской Федерации.

А. К. Кончевский, «сын служащего», родился 22 июля 1883 г. в Тираспольском уезде Херсонской губернии [6, л. 70]. Эта информация корректирует данные справочника «Научные работники Крыма», подготовленного Крымской секцией научных работников в 1927 году, где указан год рождения А. К. Кончевского как 1884 [7, с. 7]. После окончания Киевского политехнического института, где А. К. Кончевский получил диплом агронома, он продолжил образование в Московской консерватории [3, л. 71] по классу народных инструментов. А. К. Кончевский был хорошо известен и как певец. В годы обучения в консерватории, занимаясь изучением музыкального народного творчества, он дополнительно изучал народные промыслы, технику изготовления народных музыкальных инструментов в московских Художественных мастерских.

А. К. Кончевский лето проводил на Южном берегу Крыма в собственном доме в Алуште, имея командировочное удостоверение для сбора этнографического материала, а в холодное время года проживал и работал в Москве (ул. Остоженка, 17, кв. 4) [6, л. 70]. Ученый собственноручно зафиксировал в биографических документах, что начал систематически собирать тексты и исследовать песенное народное творчество крымских татар, караимов и крымчаков с 1917 г. Именно тогда исследователь записал первые 62 образца песен крымских тюрков [3, л. 71; 8, с. 285]. Эту информацию подтверждает и сообщение Президиума Этнографической секции Института музыкальной науки. Собранные тогда 40 песен при организации Института А. К. Кончевский передал в создаваемую Этнографическую секцию [9, с. 6].

В ноябре 1921 г. в Москве был создан Государственный институт музыкальной науки. В этом научном учреждении отдельно работала Этнографическая секция. Основу ее коллектива составили музыканты-этнографы Москвы, сотрудничавшие в

Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В работу влились и сотрудники Музыкального подотдела Наркомпроса РСФСР. В качестве членов-корреспондентов секции были привлечены и наиболее известные провинциальные этнографы. Программа работы Этнографической секции включала собирание народных мелодий по всей стране, теоретическое изучение образцов музыкального творчества; художественную пропаганду народных песен; издательскую деятельность; педагогическую работу; научно-техническую организацию экспедиций (фотофиксацию и расшифровку мелодий); организационную работу [9, с. 53].

Летом 1923 г. Этнографическая секция Государственного института музыкальной науки провела крупную экспедицию по сбору мелодий крымских народных песен. Руководил работами А. К. Кончевский. В подготовленном для наркома просвещения и заведующего Музыкальным подотделом Главнауки Наркомпроса РСФСР «Докладе по командировке в Крым летом 1923 года для записи и исследования песен народов Крыма» А. К. Кончевский отметил: «Желая поставить работу свою на научную почву, я обзавелся фонографом малого размера с валиками, на которых были записи» [10, л. 3]. Институт обменял купленные этнографом заполненные валики на чистые и выдал ему записывающую мембрану. А. К. Кончевский взял с собой 24 валика. Он зафиксировал, что «Большой материал, найденный на месте и небольшое количество валиков, заставило меня на одном валике записывать несколько песен (мелодия одного куплета). В глухих деревнях фонограф встречался как машина, связанная с шайтаном (чертом) и стоило больших ухищрений заставить напеть на валик» [10, л. 3]. Этнографу пришлось в ходе экспедиции решать немало бытовых проблем, в частности он столкнулся с затруднениями при обмене червонцев в Симферополе на денежные знаки 1923 года. В деревнях этого сделать вообще было невозможно. В отчете он отметил, что выделенная ему Институтом музыкальной науки сумма в 22 368 рублей не покрывала необходимых расходов. В итоге у него не осталось денег на обратный путь: «В результате на обратный путь в Москву, который стоил 1,8 ч. р., я заработал физическим трудом в садах, где немало подслушал хороших песен. Добыта очень ценная коллекция (мелодии, тексты и переводы) исторических песен, колыбельных, обрядовых и бытовых». Исследователь справедливо заметил, что «Старинные обряды забываются и мною целиком записаны некоторые, как, например: сложный свадебный. Работая в прежние годы на Южном берегу, я задался целью обследовать песни степных татар и караимов. Караимы – загадочные для многих ветвь израильского народа, а не потомки хазар, что пытались доказать некоторые ученые. Я в эту поездку, по документам из древних «меджуме», караимских летописей, убедился, что Исаак Сунгари духовный руководитель караимов, в 767 году по Р.Х. распространил иудейство среди хазар. Факт, что хазары были единоверцами караимов, создал легенду, что караимы – это хазары. Издревле садоводы, караимы вкрапили свои сады среди татарских поселений, обиходный язык у них стал татарский, переняты и обычаи. Зачастую, старая

татарская песня лучше сохранилась у караимов, нежели у татар: с этой точки зрения караимы меня усиленно привлекали к себе. Сильным сродством песен древних караимских с персидскими, я устанавливаю их путь в Крым через Персию, а не через Карпаты, как некоторые полагали» [10, л. 3–3 об.].

Этнограф находил заимствования в песнях степных крымских татар из украинских песен. Он считал, что это любовные песни, занесенные на полуостров пленницами с Украины: «став хозяйкой в татарской семье, насильно принявшая магометанство, усвоившая татарский язык, пленница на этом языке изливала свое горе, текстую по-татарски свою украинскую мелодию» [10, л. 3 об.]. Такие образцы исследователь нашел в Перекопском уезде. Из записанных этнографом 82 песен – 8 обрядовые крымскотатарские, 13 колыбельные крымскотатарские и турецкие, 11 плакальные караимские и крымскотатарские, 26 исторические и эмигрантские, 4 чабанские. 17 песен были записаны с голоса на ноты: хасидские, арабские, крымскотатарские, турецкие. 3 греческие мелодии были списаны этнографом со старой рукописи. Записано 5 крымскотатарских сказок. А. К. Кончевский отметил проявляющуюся их связь с русской сказочной традицией. Записанные 10 сатирических анекдотов о Ходже Насреддине, по мнению А. К. Кончевского, были персидского происхождения, а также были зафиксированы и 9 легенд [10, л. 3 об.–4]. Заканчивая отчет, А. К. Кончевский просил Музыкальный отдел Главнауки выделить ему время для обработки собранного материала и средства для публикации фольклорных памятников в Госиздате. Таких средств не планировалось и первоначально попытки напечатать собранные песни не увенчались успехом.

В связи с отказом Государственного института музыкальной науки финансировать издание собранных материалов, А. К. Кончевский обратился с письмом к народному комиссару просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому. Этнограф знал об увлечении наркома просветительской деятельностью в области музыки: «Не имея средств подготовить собранные мною материалы о музыкальной этнографии Крыма к печати, я ходатайствую перед Вами о выдаче мне субсидии в минимально необходимой мне сумме в двадцать пять (25) червонцев. А. Кончевский» [11, л. 18].

Результатом работы над разбором собранного материала стала деятельность специально созданной группы крымскотатарских композиторов и музыкантов (Решат Рефатов, Джангази Шерфединов, Ягья Шерфединов) над переложением на ноты записанных А. К. Кончевским народных песен. Это делалось под непосредственным руководством самого этнографа, о чем сообщал рупор местного обкома ВКП(б) «Красный Крым» [12].

Изучение собственноручно составленных А. К. Кончевским списков своей избранной библиографии [3, л. 71; 6, л. 70] позволило расширить существовавшее до последнего времени представление о его творчестве. В 2015 г. был опубликован наиболее полный список научного наследия А. К. Кончевского с аннотациями и указанием рецензий на его труды [13, с. 331–332]. Первой из выявленных на данное время статей А. К. Кончевского стала его небольшая заметка «Песни Крыма» в журнале

«Музыкальная новь» (1924 г.) [14]. Автор остановился на характеристике истоков межкультурного взаимодействия крымских татар, караимов и крымчаков. На примере песенной традиции он сделал вывод о «коллективном народном творчестве» в Крыму. В этом же году увидела свет публикация этнографа «Музыка Крыма», которая была напечатана в еженедельнике Научно-художественной секции Государственного учебного совета – декабрьской книжке (№ 3) «Искусство трудящимся», выходившего в Москве. Автор, фото которого с пастушкой свирелью было помещено в статье, обозначил мультикультурную особенность населения полуострова. Отметив идеологическую «ценность» крымскотатарских народных песен, которые «ярко рисуют гнет и насилие» над народом в царский период, он остановился на характеристике сюжетного разнообразия песен и народных инструментов, на которых исполнялись мелодии. Фотографии народных инструментов также были помещены в журнале [15].

Государственный институт музыкальной науки в 1924 и 1925 годах по ходатайству А. В. Луначарского издал в двух томах часть собранных А. К. Кончевским в экспедиции 1923 года песен. Первым вышел сборник «Песни Крыма» – 25 текстов [16]. Вступительную статью к выпуску написал нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, который отметил интерес изучения региональной песенной культуры [17]. Хотя авторы (собиратель и фиксатор А. К. Кончевский и гармонизировавший мелодии В. В. Пасхалов) дважды отметили в тексте, что это первая попытка подобных изданий крымских песен [16, с. 5, 9], заметим, что еще в досоветские годы аналогичные работы проводил обучающийся в Лазаревском институте восточных языков Алексей Акимович Олесницкий (опубликовал 31 мелодию) [18; 19, с. 228–233], а также приват-доцент (в 20-е гг. уже профессор) сравнительного музыковедения Венского университета Роберт Лях, который записывал образцы крымскотатарских песен в австрийских лагерях для военнопленных в 1916 году (опубликовал 79 крымскотатарских мелодий) [20; 21]. В отличие от публикации Р. Ляха и А. А. Олесницкого, А. К. Кончевский не указал в данном издании места фиксации. В связи с тем, что внутри крымскотатарской музыкальной традиции существуют значительные отличия, необходимо указывать место записи каждого образца, а также помещать информацию про личность исполнителя. Эти данные позволили бы определять, в какой степени указанный образец аутентичен, или же на нем ощущается влияние иноплеменных элементов, что наполняет его новыми культурными чертами. Это, безусловно, заметил рецензент – крупный музыковед-фольклорист, один из основоположников советской музыкальной этнографии Климент Васильевич Квитка (1880–1953) [22, с. 239–240]. В обширной статье-рецензии критик проанализировал особенности собранного А. К. Кончевским материала, сравнил тенденции взаимовлияния культуры в песенном творчестве у крымских татар («интернационализация текста») с аналогичными процессами в других регионах СССР, в том числе и на Украине. Интересно, что внимание рецензента к данной работе возникло не случайно. К. В. Квитка в 1905–1907 годах работал в Симферопольском окружном суде, а затем мировым судьей. Еще тогда он активно интересовался крымской этнографией,

принимал участие в заседаниях Таврической ученой архивной комиссии, общался с ее наиболее яркими представителями [23, с. 37–42].

Все песни по мелодичности разделены составителем на две крупные группы – темпераментные (подвижные) и зауныло-протяжные (характерные для ногайцев и степных крымских татар). По содержанию этнограф разделил их на боевые, исторические, эмигрантские, любовные, колыбельные, игровые.

В 1925 г. свет увидела вторая часть сборника под названием «Песни Востока» – 16 текстов восточных народностей, осевших на полуострове [24]. Теоретический анализ всех песен в обоих томах принадлежит музыковеду, сотруднику Государственного института музыкальной науки Вячеславу Викторовичу Пасхалову (1873–1951). Специалист служил также в Румянцевском музее в Москве, где занимался описанием музыкальных архивов и организовал нотную библиотеку. В 1922 г. он создал в Румянцевской библиотеке отдельный научный отдел музыки и был его заведующим до 1929 г.

В рецензии на двухтомник крупный советский музыковед (инструментовед) Дмитрий Романович Рогаль-Левицкий (1898–1962), работавший в 1926–1929 годах научным сотрудником музыкально-этнографических курсов Государственного института музыкальной науки, отметил, что «будучи хорошо знакомым с местными наречиями татарского языка и со всеми обычаями и привычками народа, А. К. Кончевский сумел стать не только слушателем всех наиболее интересных песен, но и учеником певцов» [25, с. 4–5].

1925–1926 года – время проведения масштабной Солхатской (Старо-крымской) экспедиции, в которой совместно принимали участие Всесоюзная научная ассоциация востоковедения и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. За музеем стоял КрымОХРИС, представители которого курировали работы. Финансировал мероприятие ЦИК и СНК Крымской АССР. Предполагаемые вначале две отдельные экспедиции: археологическая (руководители И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров) и этнографическая (руководитель Б. А. Куфтин) были объединены в одну. Целью научной экспедиции 1925–1926 гг. стало изучение средневековых археологических и архитектурных памятников по всему полуострову, а также изучение крымскотатарского фольклора, жилища. В первый год исследований за 42 дня специалисты обследовали 64 населенных пункта. Руководил экспедицией авторитетный крымовец, профессор Илья Николаевич Бороздин. Фактически руководителей было двое, второй – Алексей Степанович Башкиров. Среди участников – весь цвет крымоведческого сообщества 1920-х гг., как столичного, так и местного: руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов, архитектор, историк искусства и архитектуры Павел Иванович Голландский, архитектор Центральных государственных реставрационных мастерских из Москвы Борис Николаевич Засыпкин, преподаватель Крымского педагогического института Осман Асанович Акчокраклы, директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеин Абдурефиевич Боданинский, заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николай Львович Эрнст, профессор 1 МГУ и Антропологического института Борис Алексеевич Куфтин. Исследователями тогда

было собрано более 150 этнографических и бытовых предметов, 50 рукописей, записано около тысячи образцов фольклора на Южном берегу Крыма и Восточном Крыму. Сделано 200 фотоснимков и 300 зарисовок объектов культурного наследия [26]. При разборе материалов был приглашен А. К. Кончевский, который тогда активно сотрудничал с Б. А. Куфтиным. Аркадий Карлович разбирал фольклорный материал, анализировал собранные разновидности песен, сказки, легенды.

А. К. Кончевский активно популяризировал свои работы по изучению музыки. В этой связи он сотрудничал с Российским обществом по изучению Крыма, на заседаниях которого он неоднократно выступал с развернутыми сообщениями. Так, 6 мая 1925 г. был заслушан его доклад «Старинные музыкальные инструменты Крыма» [27, с. 306]. В периодическом органе Общества – журнале «Крым» этнограф опубликовал статью «Прошлое и настоящее в песнях Крыма», где поставил задачу проследить, как основные события жизни региона запечатлелись в песенном творчестве. Этнограф привел многочисленные примеры отображения в песнях крымских татар различных исторических событий – набегов на Московское государство, эмиграции в Турцию, указа от 13 января 1874 г. о первом наборе крымских татар в солдаты царской армии, Первой мировой и гражданской войны, голода 1921–1922 годов [28]. Опубликованное в журнале «Крым» небольшое исследование явилось лишь тезисным вариантом обширной работы А. К. Кончевского о значении песни как исторического источника для крымской истории. Она была представлена на конкурс в научный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР, где была отмечена «премированием» [3, л. 71]. Однако в полном объеме, как полноценная монография, исследование не было опубликовано.

Благодаря сотрудничеству в РОПИК А. К. Кончевский был приглашен к участию в работе над путеводителем по Крыму, который готовился этим научным союзом совместно с Московским физиотерапевтическим обществом. Его составитель и редактор – доктор медицинских наук Иван Михайлович Саркизов-Серазини (1887–1964) посчитал необходимым поместить развернутый (на 11 страниц) очерк «Песни и музыка Крыма» [29]. А. К. Кончевский попытался в популярной форме продемонстрировать разнообразие песенного и музыкального творчества тюркских народов Крыма, делая акцент на смешении элементов культур, перекликающихся сюжетных линиях в песенном творчестве различных крымских этносов. Автор указал на наличие итальянских, арабских, турецких и украинских мотивов в тюркском песенном творчестве Крыма, как на Южном берегу, так и в степной части полуострова. Самобытные песни крымских татар он классифицировал по содержанию: колыбельные, трудовые и песни чабанов. Этнограф отметил отсутствие, как в музеях на полуострове, так и в крупных экспозициях Ленинграда и Москвы, полного набора крымскотатарских музыкальных инструментов. Это был призыв к организации сбора таких предметов, которые сам Аркадий Карлович собирал для своей коллекции.

Как к признанному знатоку крымскотатарской этнографии к А. К. Кончевскому обращались для экспертной оценки исследований, связанных с изучением быта этого народа. Во втором номере журнала «Крым» опубликована рецензия этнографа, скрыв-

шегося под псевдонимом «А. К.», на исследование заведующего отделом Средней Азии и Сибири Центрального музея народоведения, доцента Московского государственного университета Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953) «Жилище крымских татар» [30]. Рецензент отметил значение и объемы проводимых Б. А. Куфтиным исследований по формированию коллекции по истории материальной культуры крымских татар.

В 1927–1929 годах А. К. Кончевский, понимая безрезультатность попыток напечатать в полном объеме свое монографическое исследование, посвященное песням и легендам народов Крыма, публикует отдельные образцы устного народного творчества в журналах «Всемирный следопыт» [31; 32], «Всемирный турист» [33; 34], газете «Красный Крым» [35]. Значение этих публикаций отмечено служившим тогда газзаном в Севастополе, известным караимским деятелем Товием Симоновичем Бабовичем (1879–1956) [36].

Пожалуй, единственной публикацией этого периода, выходящей из ряда текстов легенд, стала интересная статья, опубликованная в 1928 г. в «Еженедельнике газеты «Красный Крым»», где этнограф рассуждал о причинах слабой изученности устного народного творчества, в том числе песен крымских этносов. Он заметил, что «своих образованных музыкантов в Крыму не было до последних лет и, следовательно, некому было фиксировать нотными записями ни песен, ни инструментальных мелодий» [37]. Автор отметил, что прошедшая гражданская война и начало 20-х годов – время голода в Крыму – унесли жизни многих стариков, знавших фольклор: «Материал, собранный мной за 10 лет оценен большими музыкальными авторитетами в СССР и за границей. Известный музыкальный критик С. А. Бугославский нашел, что ««Песни Крыма» – ценный вклад в мировую сокровищницу культуры» [37]. Из статьи становится известным, что в конце 1920-х годов гармонизацией крымскотатарских песен при участии А. К. Кончевского занимались народный артист Республики, профессор Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов (1859–1935), композитор Сергей Никифорович Василенко (1872–1956), композитор Григорий Григорьевич Лобачев (1888–1953). В этой статье впервые анонсировано издание «вскоре» сборника песен крымских татар, подготовленного композитором Асаном Рефатовым. Сборник вышел только в 1932 г. [38]. Рассказывая о роли песен как источника по истории полуострова в различные периоды А. К. Кончевский привел примеры отражения исторических фактов в музыкально-этнографическом творчестве.

Публиковал Аркадий Карлович и художественные произведения. Так, в 1928 г. в журнале «Мир приключений» он поместил рассказ «Дворец Двойной Секиры: приключения археолога» [39]. Продолжалась публикация нотных изданий – переложений на ноты с помощью композитора С. Н. Василенко записанных в ходе экспедиций крымскотатарских напевов [40].

В 1930 г. у А. К. Кончевского все же появилась возможность, если не опубликовать исследования о крымскотатарской музыке, то напечатать сборник частично собранного за 10 лет фольклорного материала. В популярной книжной серии «Библиотека пролетарского туриста» вышла его книга карманного формата «Сказки,

легенды и предания Крыма», рассчитанная на увлекательное чтение для отдыхающих [41]. Учитывая замечания коллег на предыдущие публикации, автор везде указал сказителей и места записи фольклорных фрагментов. В трех тематических разделах книги опубликовано 5 сказок, 11 легенд, 3 поэмы.

Приезжая на лето в Крым, Аркадий Карлович активно сотрудничал в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии, консультировал приезжавших на полуостров столичных этнографов [42, с. 593–597]. Хотя в протоколах заседаний Общества зафиксирован лишь один доклад ученого «Новые памятники старины близ Алушты», сделанный 28 августа 1927 г., в «Известиях» этой научной организации выявлены последние из известных крымоведческих публикаций А. К. Кончевского – тексты двух фольклорных памятников: народного предания и песни на революционную тематику [43; 44]. В попытке спасти Общество и журнал от закрытия его руководитель Арсений Иванович Маркевич пытался наполнить издание «актуальным» материалом об истории революционного движения. Хотя это и не спасло издание от ликвидации, мы имеем опубликованные образцы фольклора революционных лет [45, с. 169–183].

Неопубликованную запись крымчакской песни «Гезерем ялы, ялы» (не датировано), подготовленную А. К. Кончевским совместно с участником многих этнографических экспедиций в различные автономные республики РСФСР композитором Г. Г. Лобачевым, нам удалось выявить в собрании крымчакских рукописей этнографа Евсея Исаковича Пейсаха (1903–1977) [46].

После ликвидации Государственного института музыкальной науки в 1932 году А. К. Кончевский уехал из столицы. С этого времени он работал доцентом в Государственном педагогическом институте в Фергане (Узбекистан) и к крымской тематике не возвращался. Благодаря музыкально-этнографическим полевым исследованиям, проведенным А. К. Кончевским и его соратниками-композиторами по программе Государственного института музыкальной науки, мы имеем коллекции записей текстов и ноты мелодий многочисленных народных произведений. Широкая популяризаторская деятельность А. К. Кончевского способствовала дальнейшему развитию научных этнографических штудий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Непомнящий А.А. Становление и развитие историографии истории Крыма: этнографы и экспедиции (XIX – начало XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5(71), № 4. С. 21–66.
2. Непомнящий А.А. Крымоведение и крымоведы в судьбе академика А. Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация: научный ежегодник. Казань, 2016. № 9. С. 163–185.
3. Анкета А. К. Кончевского. 1931 г. // СПбФРАН, ф. 155, оп. 2, д. 350, л. 71.
4. Музафаров Р. Об изучении фольклора крымских татар // Советская тюркология. 1970. № 6. С. 110–113.
5. Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: историографические очерки. Симферополь, 2004. 214 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 2).

6. Анкета А. К. Кончевского. 1927 г. // СПбФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 350, л. 70.
7. Научные работники Крыма: справочник / сост. А. А. Танатар. Симферополь, 1927. 12 с.
8. Биографическая справка об А. К. Кончевском // Всемирный следопыт. 1927. № 4. С. 285.
9. От Президиума Этнографической секции // Труды Гос. института музыкальной науки: сборник работ Этнографической секции. М.: Госиздат, 1926. Вып. 1. С. 5–8.
10. Кончевский А. Доклад по командировке в Крым летом 1923 года для записи и исследования песен народов Крыма: [рукопись] // ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 492, л. 3–4 об. [1923 год].
11. Кончевский А. К. – Луначарскому А. В. // ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 492, л. 18. [1923 год].
12. А. «Разработанные» мелодии крымскотатарских народных песен // Красный Крым. 1923. № 210(835). 19 сентября. С. 4.
13. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
14. Кончевский А. Песни Крыма // Музыкальная новь. 1924. № 6/7. С. 33.
15. Кончевский А. Музыка Крыма // Искусство трудящимся. 1924. № 3. С. 16–17.
16. Песни Крыма / сост. А. К. Кончевский, гармонизированы М. А. Ставицким, В. В. Пасхаловым; вступ. ст. А. В. Луначарского: в 2-х ч. М., 1924. Ч. 1. 49 с. (Серия: «Труды Гос. института музыкальной науки»).
17. Луначарский А. Предисловие к сборнику «Песни Крыма» // Песни Крыма: собраны и записаны певцом-этнографом А. К. Кончевским, гармонизированы М. А. Ставицким, В. В. Пасхаловым: в 2-х ч. М., 1924. Ч. 1. С. 4.
18. Олесницкий А.А. Песни крымских турок: текст, перевод и музыка // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М., 1910. Вып. 32. XII, 150, 10 с.
19. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008. 600 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).
20. Lach R. Vorläufiger Bericht über die im Auftrage der Kaiser Akademie der Wissenschaften erfolgte Aufnahme der Gesänge russische Kriegsgefangener im August und September 1916 // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Vaiser Akademie der Wissenschaft in Wien. 1917. Bd. 183, abhandlung 4.
21. Lach R. Die Musik der Natur- und orientalischen Kulturvölker // Adler G. Handbuch der Musikgeschichte unter Mitwirkung von Fachgenossen herausgegeben. Frankfurt am Main, 1924. S. 1–26.
22. Квітка К. [Рецензія] // Записки Історично-філологічного відділу Української академії наук. 1925. Кн. 5. С. 239–250.
23. Непомнящий А.А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 29–48.
24. Песни Востока / сост. А. К. Кончевский; гармонизированы М. А. Ставицким, В. В. Пасхаловым; под ред. В. В. Пасхалова: в 2 ч. М.: Музыкальный сектор, 1925. Ч. 2. 41 с. (Серия: «Труды Гос. института музыкальной науки»).
25. Рогаль-Левитский Д. Песни крымских татар // Двухнедельник газеты «Красный Крым». 1927. № 4. 24 июля. С. 4–5.
26. Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4(70), № 4. С. 40–83.
27. Из деятельности Российского о[бщест]ва по изучению Крыма // Этнография. 1926. № 1/2. С. 306.
28. Кончевский А.К. Прошлое и настоящее в песнях Крыма // Крым. 1925. № 1. С. 31–33.
29. Кончевский А. Песни и музыка Крыма // Крым: путеводитель / под ред. И. М. Саркизова-Серазини. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С. 149–159.
30. Кончевский А. [Рецензия] // Крым. 1926. № 2. С. 207.

31. Кончевский А. Замурованные в пещере: приключения крымского следопыта // Всемирный следопыт. 1927. № 4. С. 278–289.
32. Кончевский А. Тайна кевогого дерева: краеведческий рассказ // Всемирный следопыт. 1927. № 9. С. 689–699.
33. Кончевский А. Новый водопад в Крыму // Всемирный турист. 1928. № 2. С. 51–55.
34. Кончевский А. В татарском ауле // Всемирный турист. 1929. № 4. С. 113–120.
35. Кончевский А. Шиих Альме ханым: крымская быль // Красный Крым. 1929. № 56. 10 марта. С. 4.
36. Lewi-Babowicz T. S. Karaimi na ziemiach południowo-ruskich w wiekach IX–XVII // Myśl karaimska. 1929. T. 2, zesz. 2. S. 25–32.
37. Кончевский А. Легенды и сказки Крыма // Еженедельник газеты «Красный Крым». 1928. № 43. 21 октября. С. 6–7.
38. Refat A. Qъgm tatar jъlgarъ [Песни крымских татар] / Вступ. ст. Я. Азизов. Симферополь, 1932. 52, 98 с.
39. Кончевский А. Дворец Двойной Секиры: приключения археолога // Мир приключений. 1928. № 11–12. С. 13–34.
40. Напевы Востока / записал А. Кончевский; гармонизировал С. Н. Василенко. М., 1927. 20 с.
41. Кончевский А. Сказки, легенды и предания Крыма. М.; Л.: Физкультура и спорт, 1930. 91 с. (Серия: «Библиотека пролетарского туриста»).
42. Непомнящий А.А., Грушецкая В.А. Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В. А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «История России». 2018. Т. 17, № 3. С. 581–607.
43. Кончевский А.К. Таракташские партизаны: народное предание // ИТОИАЭ. 1931. Т. 4. С. 69–71.
44. Кончевский А.К. Шомпол: татарская народная песня // ИТОИАЭ. 1931. Т. 4. С. 67–68.
45. Непомнящий А.А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. Белгород: Константа, 2018. 216 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).
46. Гезерем ялы, ялы / записана Г. Лобачевым и А. Кончевским // РНБ ОР, ф. 1269, оп. 1, д. 21, л. 1–5.

REFERENCES

1. Nepomniashchii A.A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: etnografy i ekspeditsii (XIX – nachalo XX veka). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2019, band 5 (71), vol. 4, pp. 21–66.
2. Nepomniashchii A.A. Krymovedenie i krymovedy v sud'be akademika A. N. Samoilovicha. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2016, vol. 9, pp. 163–185.
3. Anketa A.K. Konchevskogo. 1931 g. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN*. F. 155. Op. 2. D. 350. L. 71.
4. Muzafarov R. Ob izuchenii fol'klora krymskikh tatar. *Sovetskaia tiurkologiia*, 1970, vol 6, pp. 110–113.
5. Musaeva U.K. *Podvizhniki krymskoi etnografii, 1921–1941: istoriograficheskie ocherki*. Simferopol', 2004, 214 p. (Serii: «Biobibliografiia krymovedeniia»; vol. 2).
6. Anketa A.K. Konchevskogo. 1927 g. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN*. F. 155. Op. 2. D. 350. L. 70.
7. *Nauchnye rabotniki Kryma: spravochnik*. Simferopol, 1927, 12 p.
8. Biograficheskaia spravka ob A. K. Konchevskom. *Vsemirnyi sledopyt*, 1927, vol 4. pp. 285.
9. Ot Prezidiuma Etnograficheskoi sekti. *Trudy Gos. instituta muzykal'noi nauki: sbornik rabot Etnograficheskoi sekti*, Moscow, Gosizdat Publ., 1926, vol. 1, pp. 5–8.
10. Konchevskii A. Doklad po komandirovke na Krym letom 1923 goda dlia zapisi i issledovaniia pesen narodov Kryma: [rukopis']. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. F. A-2307. Op. 22. D. 492. L. 3–4 ob. [1923 god].

11. Koncheskii A. K. – Lunacharskomu A. V. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. F. A-2307. Op. 22. D. 492. L. 18. [1923 god].
12. A. «Razrabotannye» melodii krymskotatarskikh narodnykh pesen. *Krasnyi Krym*, 1923, vol. 210 (835), 19 Sept., p. 4.
13. Nepomniashchii A.A. *Istoriia i etnografiia narodov Kryma: bibliografiia i arkhivy (1921–1945)*. Simferopol', Antikva Publ., 2015, 936 p. (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiia krymovedeniia»; vol. 25).
14. Konchevskii A. Pesni Kryma. *Muzykal'naia nov'*, 1924, vol. 6/7, p. 33.
15. Konchevskii A. Muzyka Kryma. *Iskusstvo trudiashchimsia*, 1924, vol. 3, pp. 16–17.
16. Pesni Kryma. Moscow, 1924, band. 1, 49 p. (Serii: «Trudy Gos. instituta muzykal'noi nauki»).
17. Lunacharskii A. Predislovie k sborniku «Pesni Kryma». *Pesni Kryma: sobrany i zapisany pevtsom- etnografom A. K. Konchevskim, garmonizirovany M. A. Stavitskim, V. V. Paskhalovym*. Moscow, 1924, band. 1, p. 4. (Serii: «Trudy Gos. instituta muzykal'noi nauki»).
18. Olesnitskii A.A. Pesni krymskikh turok: tekst, perevod i muzyka. *Trudy po vostokovedeniiu, izdavaemye Lazarevskim institutom vostochnykh iazykov*, 1910, vol. 32, XII, 150, 10 p.
19. Nepomniashchii A.A. *Podvizhniki krymovedeniia*. Vol. 2: TAURICA ORIENTALIA. Simferopol', 2008, 600 p. (Serii: «Biobibliografiia krymovedeniia»; vol. 12).
20. Lach R. Vorläufiger Bericht über die im Auftrage der Kaiser Akademie der Wissenschaften erfolgte Aufnahme der Gesänge russische Kriegsgefangener im August und September 1916. *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Vaiser Akademie der Wissenschaft in Wien*, [1917], bd. 183, abhandlung 4.
21. Lach R. Die Musik der Natur- und orientalischen Kulturvölker. *Adler G. Handbuch der Musikgeschichte unter Mitwirkung von Fachgenossen herausgegeben*, Frankfurt am Main, 1924, pp. 1–26.
22. Kvitka K. [Retsenziia]. *Zapiski Istorichno-filologichnogo viddilu*, 1925, band. 5, pp. 239–250.
23. Nepomniashchii A.A. Arsenii Ivanovich Markevich. *Voprosy istorii*, 2018, vol. 11, pp. 29–48.
24. Pesni Vostoka. Moscow, Muzykal'nyi sector Publ., 1925, vol. 2, 41 p. (Serii: «Trudy Gos. instituta muzykal'noi nauki»).
25. Rogal'-Levitskii D. Pesni krymskikh tatar. *Dvukhnedel'nik gazety «Krasnyi Krym»*, 1927, vol. 4, 24 June, pp. 4–5.
26. Nepomniashchii A.A. Aleksei Bashkirov v krymovedcheskikh kommunikatsiakh pervoi treti XX stoletii. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2018, band 4 (70), vol. 4, pp. 40–83.
27. Iz deiatel'nosti Rossiiskogo o[bshchest]va po izucheniiu Kryma. *Etnografiia*, 1926, vol. 1/2, pp. 306.
28. Konchevskii A.K. Proshloe i nastoiashchee v pesniakh Kryma. *Krym*, 1925, vol. 1, pp. 31–33.
29. Konchevskii A. Pesni i muzyka Kryma. *Krym: putevoditel'*, Moscow; Leningrad, Zemlia i fabrika Publ., 1925, pp. 149–159.
30. Konchevskii A. [Retsenziia]. *Krym*, 1926, vol. 2, p. 207.
31. Konchevskii A. Zamurovannye v peshchere: priklucheniia krymskogo sledopyta. *Vsemirnyi sledopyt*, Moscow, Leningrad, 1927, vol. 4, pp. 278–289.
32. Konchevskii A. Taina kegovogo dereva: kraevedcheskii rasskaz. *Vsemirnyi sledopyt*, 1927, vol. 9, pp. 689–699.
33. Konchevskii A. Novyi vodopad v Krymu. *Vsemirnyi turist*, 1928, vol. 2, pp. 51–55.
34. Konchevskii A. V tatarskom aule. *Vsemirnyi turist*, 1929, vol. 4, pp. 113–120.
35. Konchevskii A. Shiikh Al'me khanym: krymskaia byl'. *Krasnyi Krym*, 1929, vol. 56, 10 Marth, p. 4.
36. Lewi-Babowicz T.S. Karaimi na ziemiach południowo-ruskich w wiekach IX – XVII. *Myśl karaimska*, 1929, vol. 2, No. 2, pp. 25–32.

37. Konchevskii A. Legendy i skazki Kryma. *Ezhenedel'nik gazety «Krasnyi Krym»*, 1928, vol. 43, 21 October, pp. 6–7.
38. Refat A. Q'r'm tatar j'rlar'=[Pesni krymskikh tatar]. Simferopol, 1932, 52, 98 p.
39. Konchevskii A. Dvorets Dvoinoi Sekiry: priklucheniia arkheologa. *Mir priklucheni*, 1928, vol. 11–12, pp. 13–34.
40. Napevy Vostoka. Moscow, 1927, 20 p.
41. Konchevskii A. *Skazki, legendy i predaniia Kryma*. Moscow, Leningrad, Fizkul'tura i sport Publ., 1930, 91 p. (Serii: «Biblioteka proletarskogo turista»).
42. Nepomniashchii A.A., Grushetskaia V.A. Remeslennaia kul'tura tsekhovogo krymsko-tatarskogo mastera po izgotovleniiu traditsionnoi kozhanoi obuvi (po rukopisnym i opublikovannym materialam V. A. Gordlevskogo). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: «Istoriia Rossii»*, 2018, T. 17, vol. 3, pp. 581–607.
43. Konchevskii A.K. Taraktashskie partizany: narodnoe predanie. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1931, vol. 4: K desiatiletiiu vlasti Sovetov v Krymu, pp. 69–71.
44. Konchevskii A.K. Shompol: tatarskaia narodnaia pesnia. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*. 1931, vol. 4: K desiatiletiiu vlasti Sovetov v Krymu, pp. 67–68.
45. Nepomniashchii A.A. *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie*. Belgorod, Konstanta Publ., 2018, 216 p. (Serii: «Bibliografiia krymovedeniia»; vyp. 27).
46. Gezerem ialy, ialy. *Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, Otdel rukopisei*. F. 1269. Op. 1. D. 21. L. 1–5.

A. A. NEPOMNYASHCHY

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

MUSICAL-ETHNOGRAPHIC FIELD RESEARCHES IN THE CRIMEA (1920s)

Abstract: The documents from St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive and the State Archive of the Russian Federation are introduced into the scholarship for the first time as the background to reconstruct the stages of biography and works for the collection and research of melodies of the Turkic peoples of the Crimea by ethnographer Arkadii Karlovich Konchevskii (1883–1969). As a research fellow of the Institute of Musical Science, he participated in expeditions into the Crimea, where he succeeded in collecting of a unique collection of Crimean Tatar music instruments and compiled collections of songs of Crimean Turks, with his participation harmonized and published with scores. The core of A. A. Konchevskii's work are his points on the “internationalization”, mutual influence of song cultures of different peoples of the Crimea, and the influence of historical events on the topics of folklore works. The researcher's scholarly heritage scattered through various musical editions from the period has been systematised.

Key words: Crimean studies, ethnography, A.A. Konchevskii, Institute of Musical Science, folklore collections.

М. А. ЛОМАКИНА^{а)}, Д. А. ЛОМАКИН^{б)}

а) Крымский этнографический музей (Симферополь, Россия)

б) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАНИ КАРАСУБАЗАРА В АКВАРЕЛЯХ К. Ф. БОГАЕВСКОГО¹

Аннотация: Представлены акварели К. Ф. Богаевского, выявленные в фондах Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского и Симферопольского художественного музея (всего 11 работ), с видами средневековых банных комплексов Карасубазара. Установлено, что рассматриваемые изображения памятников принадлежали не менее чем двум различным объектам, один из которых идентифицирован как Биюк-хамам. Выполнен искусствоведческий анализ работ, рассмотрена история их создания. Подчеркнута значимость рисунков при научном исследовании объектов культурного наследия Белогорска, воссоздании их идентичного вида, локализации и идентификации, изучении памятникоохранной деятельности в Крыму в 20-е годы XX века.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, акварель, Карасубазар, банный комплекс, Биюк-хамам, историко-архитектурный памятник.

В собрании «охрисовских» работ феодосийского художника Константина Федоровича Богаевского (1872–1943) выделяется серия акварелей с видами средневековых памятников Карасубазара (современный Белогорск). На них изображены традиционные жилые постройки, объекты общественного и культового назначения, среди которых постоянные дворы (ханы), мечети, сохранившиеся к середине 20-х гг. XX в. фрагменты исторических объектов и др. В средние века Карасубазар являлся крупным политическим, экономическим и культурным центром Крымского полуострова. Его расположение на оживленном торговом тракте между Солхатом и Бахчисараем, а фактически – между западным и восточным Крымом, придавало городу особое значение. Несмотря на былое архитектурное разнообразие и обилие историко-археологических объектов, к настоящему моменту средневековый архитектурный ансамбль города практически полностью утрачен. Учитывая крайнюю

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00024мол_а.

фрагментарность сведений, а также слабую научную разработку вопроса, ряд объектов на настоящем этапе исследований не поддается достоверной локализации и идентификации. В связи с этим акварельные «портреты» памятников Карасубазара, выполненные К. Ф. Богаевским в 1925–1926 гг., отличающиеся фотографической точностью, имеют особую значимость.

В «карасубазарском» цикле работ К. Ф. Богаевского выявлено 11 акварелей средневековых бань города. Работы хранятся в фондах Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского (10 акварелей) и Симферопольского художественного музея (1 акварель). Они различаются по колориту: внешний вид руин бань написан в ярких, охристых, лиловых, зелено-серых тонах, на этом фоне ярко выделяются розовые купола. Интерьеры высоких, затененных помещений с ярким пробивающимся через отверстия в куполе дневным светом прописаны в сине-сиреновом колорите.

1. Старые татарские бани в Карасубазаре. 1925. Бумага, акварель. 31x50,5. Симферопольский художественный музей, КП № 267, инв. № Г 157. Поступила 12.10.1944 г. На обороте – карандашный набросок феодосийской армянской средневековой церкви Иоанна Предтечи (рис. 1).

Общий вид бани со стороны одного из входов и помещения с печью («котельной»), вход которого огражден пристроенными с внешней стороны стенами. Вход в отделение оформлен порталом с шатровым граненым полукуполом над ним. К этому фасаду примыкало прямоугольное помещение, от которого сохранились руинированные участки стен. Видны два больших купола центральных банных залов. На фоне бутовой кладки выделяются участки сохранившейся известковой штукатурки. Бани запечатлены в состоянии запустения, начавшегося разрушения: проломы в стенах и куполах, полуразрушенные пристройки, растущая трава на кровле, груды камней от разрушающихся стен, в то же время здание в целом сохранилось. Подчеркнуты монументальность вросшей в землю постройки, массивность ее объемов.

Выявлены сведения о существовании нескольких бань Карасубазара: Биюк-хамам (рис. 12–16), Гёк-хамам (рис. 17–18) и Чай-хамам. Памятники не сохранились, их расположение не установлено. Биюк-хамам возведена по классическому принципу восточных (турецких) бань. Состояла из двух практически симметричных зальных комплексов (мужского и женского). Каждая часть включала в себя предбанник, залу для раздевания и отдыха (здесь же располагался орнаментированный фонтан на восьмигранном основании), небольшие комнаты для мытья. Из предбанника мужской части дверной проем вел в коридор, от которого налево – помещение с резервуаром для холодной воды, прямо – помещение, перекрытое двумя куполами. Из последнего можно было попасть в центральное крестообразное помещение, по углам которого размещались четыре кабинки для мытья. Для естественного освещения своды имели проемы шестигранной и круглой формы. Обе части бани были соединены помещением-котельной. Под резервуаром для горячей воды располагалась печь. Перед ней – углубление прямоугольной формы для хранения запасов топлива. Теплый воздух обогревал помещения по пяти каналам: два из них проходили

под емкостью для воды, три – под каменными полами. Помещение котельной было перекрыто полуцилиндрическим сводом, стены покрыты крепкой водонепроницаемой штукатуркой, составленной из известкового раствора с добавлением кирпичной крошки. Стены сложены из бутового камня, с обеих сторон оштукатурены. Своды и арки выложены из обожженного кирпича (размером 3х13х30 см) на известковом растворе с примесью крупной кирпичной крошки.

К 20-м гг. XX в. баня уже находилась в руинированном состоянии. 12–15 августа 1926 г. комиссией в составе Б. Н. Засыпкина, У. А. Боданинского и смотрителя памятников Карасубазарского района А. Г. Шейх-Заде был произведен осмотр памятников Карасубазара [5, с. 126]. В специальном акте от 15 августа указывалось, что «ввиду весьма доступного вхождения на крыши и внутри, интересное сооружение быстро разрушается и загрязняется» [5, с. 129]. Предполагалось оградить участок бани колючей проволокой протяжением 100 м. В этом же документе рекомендовалось для прекращения доступа внутрь Чай-хамам, «устроить две решетчатые железные двери и заложить камнем один пробитый проем» [5, с. 129].

2. Вход в старые бани в Карасубазаре. 1920-е. Бумага, акварель. 33,9х37,8. ФКГА, инв. № РГ 508. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 2) [4, с. 77].

Угловая часть здания бани с арочным входом, имеющим портал с опирающимся на кронштейны высоким шатровым граненым полукуполом. На правом откосе входа видны глубокие поперечные щелевидные пропилы (места дверных креплений?). К углу здания примыкает стена разрушенного помещения.

3. Старые татарские бани в Карасубазаре. Руины с аркой. 1920-е. Бумага, акварель. 31х48,1. ФКГА, инв. № РГ 520. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 3) [4, с. 74].

Проем фасада здания бани, имеющий арочную форму. Арка сложена из клинчатых камней пиленого известняка, рельефно выделяющихся на плоскости участка с кладкой из такого же камня. Этот участок венчает несколько рядов кладки из тесаного, меньшего размера камня другого цвета (возможно, песчаника), верх кладки обработан в форме зубцов. Проем ограничен двумя примыкающими стенками в виде контрфорсов и выделяется на фоне остальной кладки здания. Внутри арки с широким сводом виден низкий прямоугольный проем в стене внутреннего помещения. Арочный вход, вероятно, был устроен в помещении, служащем для оборудования в нем отопительной системы. По стилю и технике архитектурного оформления проема постройку можно сравнить с сооружениями османского периода.

4. Руины карасубазарских бань с розовым куполом. 1920-е. Бумага, акварель. 33,9х50,1. ФКГА, инв. № РГ 516. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 4) [4, с. 73].

Изображение руин, предположительно, бани Биюк-Хамам. Масштабная постройка, сложенная из крупного подтесанного плитняка, виден один из куполов, покрытый розовой известковой обмазкой. На куполе, перекрывающем центральный

зал, выделяются небольшие проемы для естественного освещения. Справа на стене цветом выделен треугольный выступ, которым был оформлен входной проем. На заднем плане, слева, высятся сплошные высокие стены, вероятно, караван-сарая, находящегося вблизи от бани, а также купол храма. Разрушение стен значительно, элементы постройки имеют хаотичный вид. Площадь вокруг здания покрыта грудами строительного материала и травянистой растительностью. Массивность стен, размеры постройки, система кладки из плотно уложенного плоского камня представляют здание как одно из значительных сооружений города.

5. Развалины старых бань в Карасубазаре. Вход. 1920-е. Бумага, акварель. 31,4x47,7. ФКГА, инв. № РГ 522. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 5) [4, с. 75].

Развалины стены с арочным входом, предположительно, бани Биюк-Хамам. Разрушенный портал имел вид высокого шатрового полукупола: на плоскости стены, покрытой известковой обмазкой, сохранились следы его контура (возможно, конструкция была деревянной). На откосе входного проема видны глубокие поперечные пропилены для крепления дверей. На стене здания выделяется выступ (слева) с низким входом и кронштейнами по обеим его сторонам, возможно, поддерживающим несохранившийся шатровый полукупол. Справа находилась глубокая арочная ниша с граненым профилированным, примыкающим к стене подножием, вероятно, водоем. За стеной возвышается купол со световыми проемами, покрытый розовой обмазкой. Верхняя часть стены и ее поверхность сильно разрушены. На акварели, предположительно, изображен фасад со стороны женского отделения.

Форма шатрового островерхого полукупола, украшающего вход, является характерным декоративным элементом для этих построек, подобные детали отражены в ряде изображений карасубазарских бань. Полукупол венчает внутренний входной проем в бахчисарайской бане Сары-гузель, интерьер которой запечатлен на рисунке О. Раффе 1837 г. [1, с. 110]. Оформление проемов или ниш полукуполами, имеющими граненую или более сложную форму, вероятно, было традиционным и получило распространение в татарской архитектуре полуострова, например, в декоре каминов ханского дворца в Бахчисарае [1, с. 141, 158, 159, 162, 164]. Подобным образом декорирована ниша в интерьере евпаторийской турецкой бани XVI в., только в отличие от вышеупомянутых, здесь полукупол ниши заглублен в стену, а не выступает из нее. Островерхий шатер служит логичным завершением минаретов, осеняет минберы, покрывает дымовые трубы. Эта деталь, как в архитектуре, так и в декоре, по-видимому, является одним из излюбленных мотивов в татарском искусстве полуострова.

6. Внутренний вид старых карасубазарских бань. Свод и две ниши. 1920-е. Бумага, акварель. 42,1x47,2. ФКГА, инв. № РГ 510. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 6) [4, с. 79].

Интерьер одного из главных крестообразных залов бани, перекрытых куполом. Большие стрельчатые ниши с клинчатыми арками имеют арочные выходы в

малые помещения для мытья. Зал перекрыт высоким сферическим куполом с отверстиями для освещения. Помещения бани находятся в состоянии запустения: сквозь полуобвалившуюся известковую обмазку видна кладка стен и парусных сводов из плитняка, сводов ниш и купола из плоского кирпича. В архитектуре зала сочетаются стрельчатая и полуциркульная формы арок, соразмерность объемов, мастерское воплощение функциональности и декоративность, что указывает на неординарность постройки и позволяет считать акварель изображением одной из крупнейших бань города. Таковой, сохранившейся к 1920-м гг. XX в., являлась баня Биюк-хамам.

7. Развалины старых Карасу-базарских бань. 1926. Бумага, акварель. 42,4x47,5. ФКГА, инв. № РГ 434. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР. В нижнем правом углу авторская надпись: «Карасу-базар КБ 26» (рис. 7) [4, с. 89].

Изображение внутреннего вида центрального зала крестообразного помещения, вид одной из четырех ниш со стрельчатым сводом. Из зала ведут арочные выходы в малые помещения для мытья. В центре ниши, в стене находятся трубы для подачи воды. Пол ниши разрушен, обнажен находящийся под полом канал для подачи горячего воздуха для обогрева помещений бани. Сферический купол зала разрушен. Паруса, арки и купол сложены из плоского кирпича, кладка проступает в местах обвалившейся известковой обмазки. Архитектура зала идентична запечатленной на предыдущей акварели. Это позволяет соотнести рисунок с тем же памятником, вероятно, баней Биюк-хамам. На фотоснимке бани 1926 г. видно полное соответствие с акварельным изображением (рис. 16).

8. Интерьер старых Карасубазарских бань. 1920-е. Бумага, акварель. 37,6x40,9. ФКГА, инв. № РГ 513. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 8) [4, с. 78].

Одно из малых помещений бани, предназначенных для мытья. Свод – полуциркульная арка. В стене видны трубы для подачи воды. У стены расположена полка для сиденья, стены разрушены, обнажен канал подачи горячего воздуха для обогрева помещения. Зал находится в состоянии запустения, пол покрыт камнями от разрушения скамьи. Акварель интерьера одного из помещений, предположительно, бани Биюк-хамам.

9. Вид Карасубазарских бань. Боковая ниша. 1920-е. Бумага, акварель. 50,2x33,6. ФКГА, инв. № РГ 521. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 9) [4, с. 82].

Интерьер одного из помещений бани с полуциркульной аркой. В центре сводчатого потолка – отверстия для естественного освещения. В помещениях сохранились полуразрушенные полки для сиденья, видны отверстия, ведущие в каналы для горячего воздуха. Вероятно, на рисунке одно из помещений бани Биюк-хамам. Составление интерьеров помещений позволяет отнести их к одной постройке.

10. Внутренний вид Карасубазарских бань с частью купола и тремя нишами. 1920-е. Бумага, акварель. 47,6x41,5. ФКГА, инв. № РГ 525. Поступила в 1944 г. от Н. К. Фурса и Ж. Г. Богаевской (рис. 10) [4, с. 81].

Центральный зал бани со стрельчатыми арками, поддерживающими сферический купол. Ниши и арки окружают восьмигранное помещение, в них находятся полки для сидения, в стене пробит вход в соседнее помещение, сделана небольшая стрельчатая нишка. Нижняя часть стен окрашена в пурпурный цвет, выделены ниша и откосы входа. Боковые ниши неглубокие, с сферической конхой, опирающейся на прямоугольный карниз.

11. Свод и ниша в старых банях Карасубазара. 1920-е. Бумага, акварель. 47,4x42,5. ФКГА, инв. № РГ 509. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР (рис. 11) [4, с. 80].

Интерьер центрального восьмигранного зала бани, отделенного от соседнего помещения широкой полукруглой аркой. Зал имеет неглубокие ниши по углам и декоративные стрельчатые арки между ними, перекрыт большим куполом. В соседнем помещении видны стрельчатой формы окно и разрушенный проем. Зал, запечатленный на акварелях № 10 и № 11, принадлежит, предположительно, к постройке, общий вид которой представлен на акварели № 1, имеющей на куполе квадратные проемы.

Акварели К. Ф. Богаевского с видами карасубазарских бань, общего вида и интерьеров, можно соотнести с двумя зданиями бань, одна из которых Биюк-хамам. Такое деление основано на изучении самих акварелей и их сопоставлении с фотоматериалами 1920-х годов. Учитывая, что к 20-м гг. XX в. в Карасубазаре еще сохранялись руины трех бань, идентификация второй бани на данном этапе исследования не представляется возможным. Таким образом, представленные акварели определяются как изображения двух банных комплексов: Биюк-Хамам (акварели №№ 4–9) и бани, не подлежащей идентификации в настоящее время (акварели №№ 1–3; 10–11).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайворонский О. Страна Крым: очерки о памятниках истории Крымского ханства. Симферополь, 2016. 336 с.
2. Мирас–Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. Т. 2. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.
3. Мирас–Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов. Т. 3. Казань: Астер-Плюс, 2017. 720 с.
4. Памятники крымской старины в графике К. Ф. Богаевского. Альбом иллюстраций / авт.-сост. И. Баранов. Киев: Энергия плюс, 2006. 95 с.
5. Хливнюк А. В. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР / под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 239 с. (Сер.: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

REFERENCES

1. Gaivoronskii O. *Strana Krym: ocherki o pamiatnikakh istorii Krymskogo khanstva*. Simferopol', 2016, 336 p.
2. *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh*. Vol. 2. Kazan', Izdat-Print Publ., 2016, 572 p.
3. *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh*. Vol. 3. Kazan', Aster-Plius Publ., 2017, 720 p.
4. *Pamiatniki krymskoi stariny v grafike K. F. Bogaevskogo. Al'bom illiustratsii*. Kiev, Energiia plus Publ., 2006, 95 p.
5. Khlivniuk A.V. *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR*. Simferopol', SGT Publ., 2008, 239 p.

M. A. LOMAKINA^{a)}, D. A. LOMAKIN^{b)}

a) Crimean Ethnography Museum (Simferopol, Russia)

b) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

MEDIAEVAL BATHS IN KARASUBAZAR ON WATERCOLOURS BY K. F. BOGAEVSKII

Abstract: This paper publishes watercolours by K.F. Bogaevskii discovered in the collection of I.K. Aivazovskii Feodosia Art Gallery and Simferopol Museum of Art (11 works total) presenting the views of mediaeval bathing complexes in Karasubazar. It has been stated that the images of the monuments under study portrayed at least two different objects, one identifiable as Biyuk-Hammam. The art historic analysis of the said works has been made, and the history of their making has been addressed. It has been underlined that these drawings have an extraordinary importance for scholarly researches of the cultural heritage properties located in modern Belogorsk, reconstruction of their historic appearance, location and identification, and also for the researches in monument protection works in the Crimea in the 1920s.

Key words: K. F. Bogaevskii, watercolour, Karasubazar, bathing complex, Biyuk-Hammam, historical and archaeological monument.

Рис. 1. Богаевский К. Ф. Старые татарские бани в Карасубазаре. 1925 г. Бумага, акварель. 31x50,5. Симферопольский художественный музей, КП № 267, инв. № Г 157

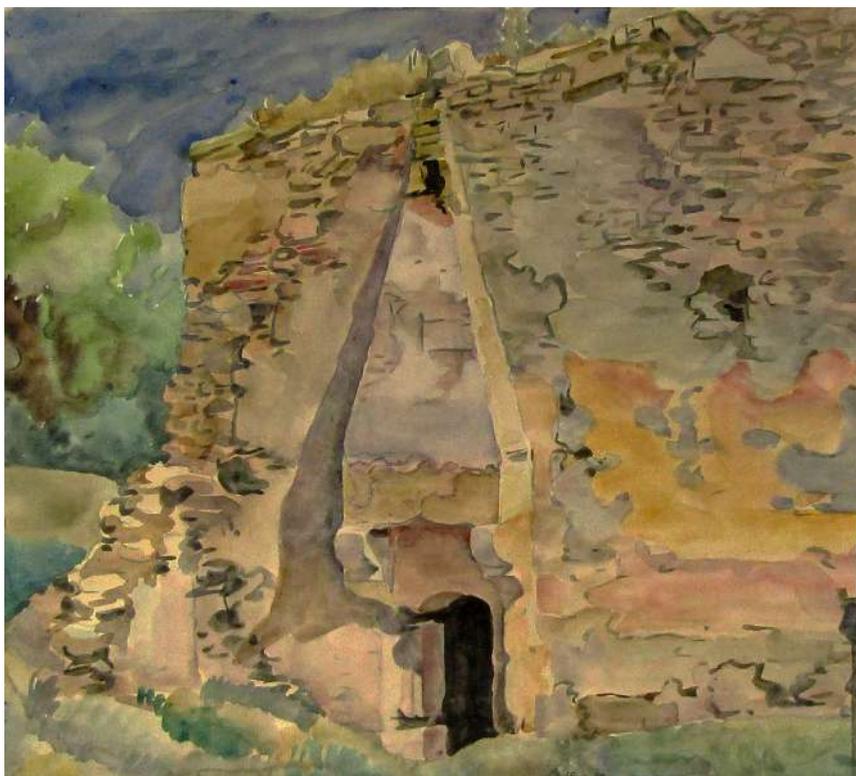

Рис. 2. Богаевский К. Ф. Вход в старые бани в Карасубазаре. 1920-е. Бумага, акварель. 33,9x37,8. ФКГА, инв. № РГ 508

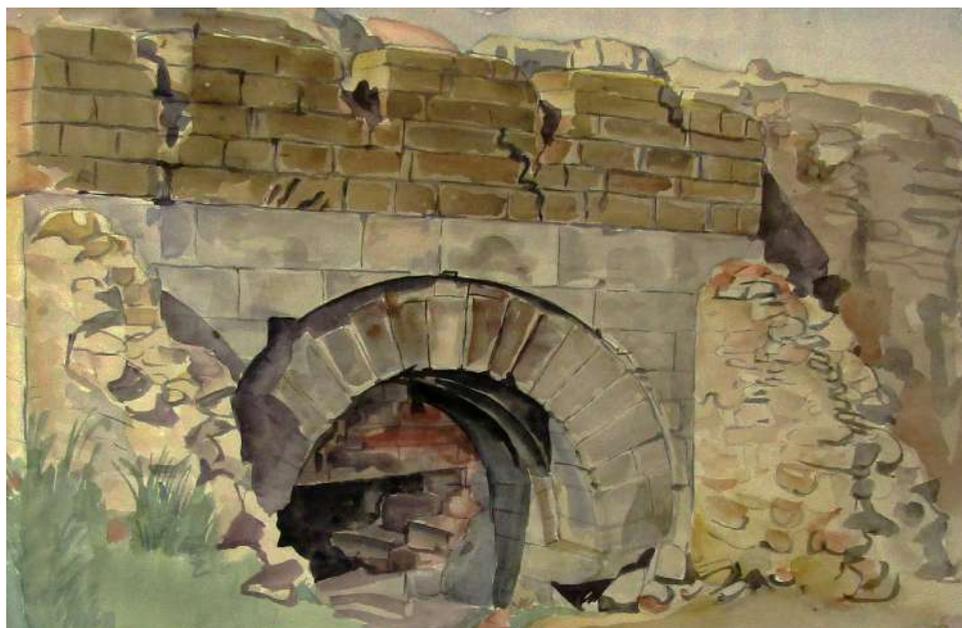

Рис. 3. Богаевский К. Ф. Старые татарские бани в Карасубазаре. Руины с аркой. 1920-е. Бумага, акварель. 31x48,1. ФКГА, инв. № РГ 520

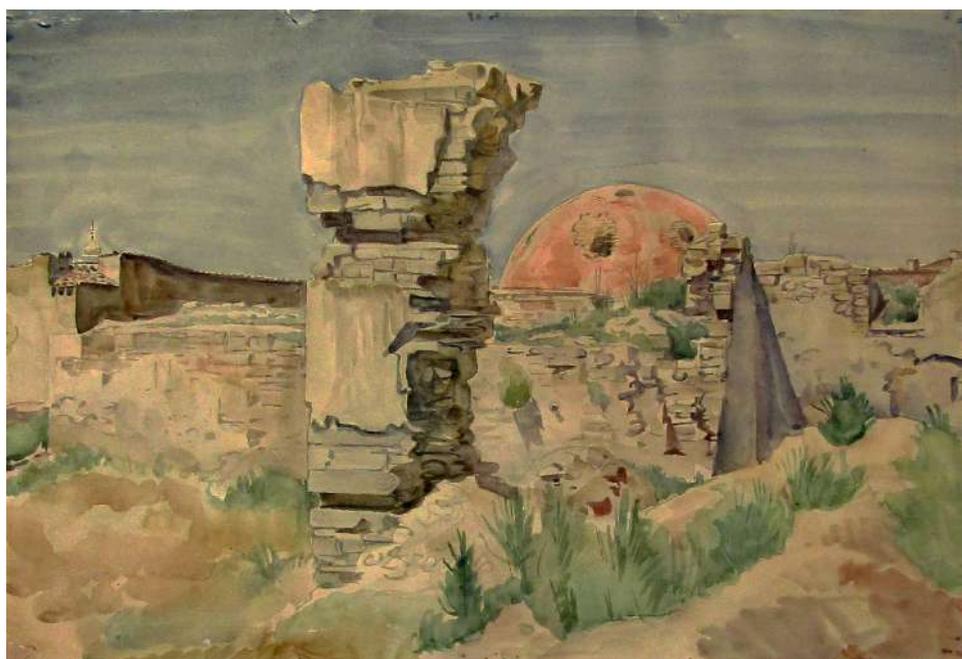

Рис. 4. Богаевский К. Ф. Руины карасубазарских бань с розовым куполом. 1920-е. Бумага, акварель. 33,9x50,1. ФКГА, инв. № РГ 516

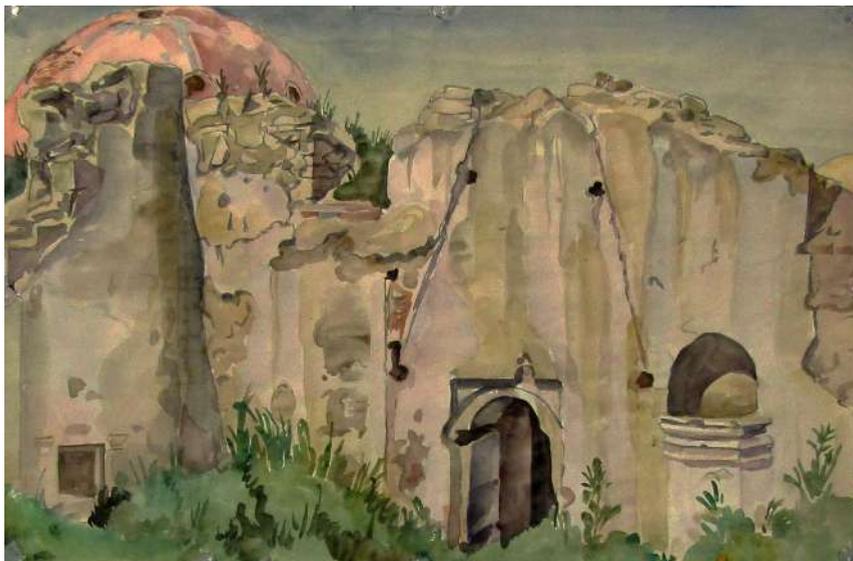

Рис. 5. Богаевский К. Ф. Развалины старых бань в Карасубазаре. Вход. 1920-е. Бумага, акварель. 31,4x47,7. ФКГА, инв. № РГ 522

Рис. 6. Богаевский К. Ф. Внутренний вид старых карасубазарских бань. Свод и две ниши. 1920-е. Бумага, акварель. 42,1x47,2. ФКГА, инв. № РГ 510

Рис. 7. Богаевский К. Ф. Развалины старых Карасубазарских бань. 1926 г. Бумага, акварель. 42,4x47,5. ФКГА, инв. № РГ 434

Рис. 9. Богаевский К. Ф. Вид Карасубазарских бань. Боковая ниша. 1920-е. Бумага, акварель. 50,2x33,6. ФКГА, инв. № РГ 521

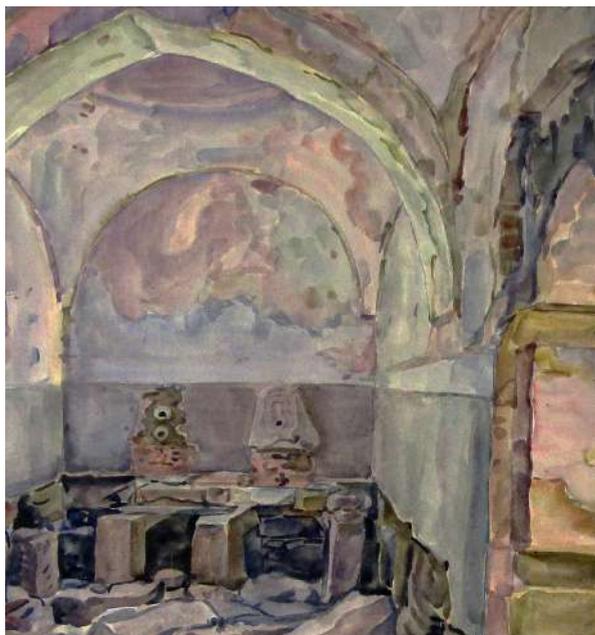

Рис. 8. Богаевский К. Ф. Интерьер старых Карасубазарских бань. 1920-е. Бумага, акварель. 37,6x40,9. ФКГА, инв. № РГ 513

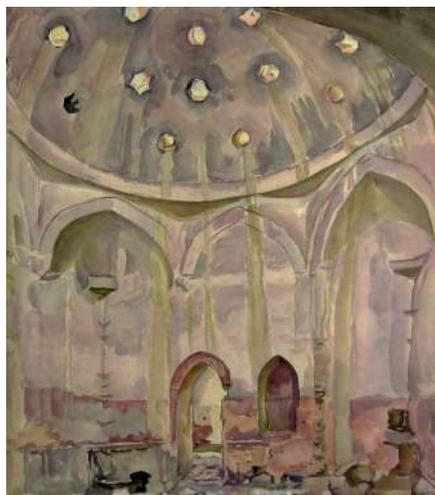

Рис. 10. Богаевский К. Ф. Внутренний вид Карасубазарских бань с частью купола и тремя нишами. 1920-е. Бумага, акварель. 47,6x41,5. ФКГА, инв. № РГ 525

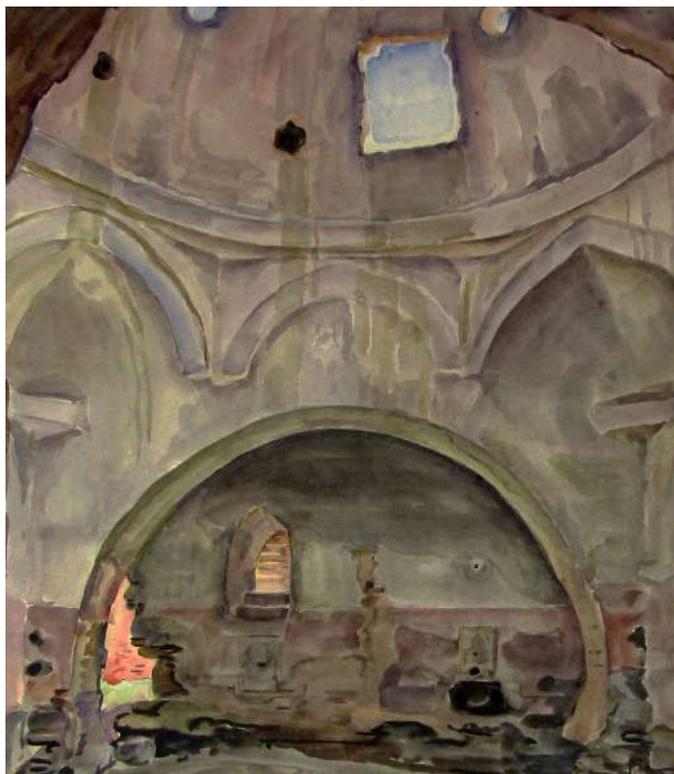

Рис. 11. Богаевский К. Ф. Свод и ниша в старых банях Карасубазара. 1920-е. Бумага, акварель. 47,4x42,5. ФКГА, инв. № РГ 509

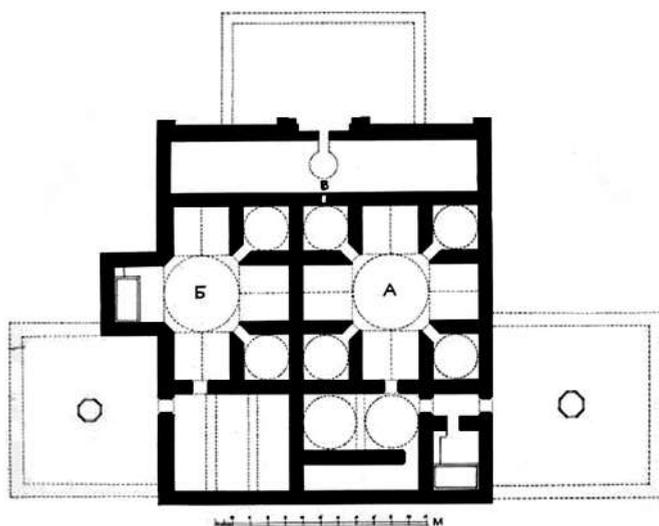

Рис. 12. План бань Биюк-хаммам. Бумага, тушь. 1926 г. Автор Б. Н. Засыпкин [по: 3, с. 106, рис. 668]

Рис. 13. Карасубазар. Бани. Внешний вид. Фото 1926 г. [по: 2, с. 482, рис. 480]

Рис. 14. Карасубазар. Бани Биюк-хаммам. Южный фасад. Фото 1928 г. [по: 3, с. 95, рис. 657]

Рис. 15. Карасубазар. Вход в бани Биюк-хаммам. Фото 1926 г. [по: 2, с. 485, рис. 483]

Рис. 17. Карасубазар. Бани Гёк-хаммам. Внешняя часть. Фото 1926 г. [по: 3, с. 144, рис. 706]

Рис. 16. Карасубазар. Бани Биюк-хаммам. Внутренний вид. Фото 1926 г. [по: 2, с. 481, рис. 479]

Рис. 18. Карасубазар. Бани Гёк-хаммам. Внутренняя часть. Фото 1926 г. [по: 3, с. 145, рис. 707]

Д. А. ЛОМАКИН

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

О КУПОЛЬНОМ ЗДАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ (20-е гг. XX – НАЧАЛО XXI вв.)¹

Аннотация: Аккумулирован, систематизирован и обобщен опыт изучения средневекового купольного здания – памятника мусульманской архитектуры Юго-Восточного Крыма, расположенного на территории генуэзской крепости в Судаке, с 20-х годов XX до начала XXI века. Выделены основные этапы исследования объекта культурного наследия, упорядочен многочисленный опыт составления архитектурной истории памятника и анализа его архитектоники в отечественной историографии. Рассмотрены возникшие на современном этапе научного освоения здания различные гипотезы, идеи и предположения, зачастую противоречащие друг другу, основанные как на научных фактах, так и на ничем не обоснованных догадках. Подчеркнуто, что научная дискуссия о времени возведения и первоначальном назначении сооружения в настоящее время далека до своего конструктивного разрешения.

Ключевые слова: Судак, купольное здание, мечеть, памятник архитектуры, объект культурного наследия, история изучения.

В середине 20-х гг. XX в. в кулуарах кабинетов крымских чиновников как никогда остро стоял вопрос о необходимости сохранения культурного наследия полуострова, в том числе яркого примера генуэзского наследия – Судакской крепости². Была осознана потребность сбережения наименее исследованного объекта на территории памятника – купольного здания бывшей мечети. Отсутствие регулярного качественного надзора привело к его многочисленным разрушениям и повреждениям.

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия». Статья является логическим продолжением принятой к рассмотрению с целью дальнейшей публикации научным журналом «Золотоордынское обозрение» статьи «Купольное здание на территории Судакской крепости в историографии последней четверти XVIII – начала XX века» (Ломакин Д. А., Непомнящий А. А.), предполагаемая дата выхода из печати: второе полугодие 2019 – первое полугодие 2020 г. Сюжет, связанный с историей изучения латинской надписи, расположенной над михрабом в купольном здании на территории Судакской крепости, рассмотрен в отдельной публикации автора [18].

² Памятник федерального значения (распоряжение Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17.10.15), расположен по адресу: Республика Крым, г. Судак, ул. Генуэзская крепость, д. 1.

22 сентября 1925 г. на заседании Архитектурно-реставрационного отделения Музейного отдела Главнауки профессор А. А. Фомин сообщил о произведенном им летом осмотре крепости. Он отметил, что «вследствие геологических и стихийных условий, а также вследствие механических причин (разрушения экскурсантами) эти древности быстро разрушаются. Охраны же фактически не существует никакой». Ученый считал необходимым «произвести срочно самый необходимый ремонт тех частей, которые находятся в наиболее угрожающем положении». На заседании было принято решение «признать положение судакских памятников весьма угрожающим и требующим срочных мер ремонта и охраны. Признать желательной организацию планомерных обследований в 1926 году» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 1].

6 февраля 1926 г. на заседании Комиссии по охране памятников Крыма был заслушан доклад Н. Д. Протасова «Об исследовании Судака в связи с исследованием других памятников Крыма». В прениях к докладу А. С. Башкиров указал, что «дальнейшие исследовательские работы и охрана в Судаке, ведущиеся более или менее случайно, дилетантские и имевшие от части туристический характер, должны быть поставлены на надлежащую высоту и поручены специалистам. Вещи, собранные лицами, производившими разведки в Судаке, должны быть сданы в одно из государственных хранилищ, в частности с этим предложением следует обратиться к А. А. Фомину». По итогам заседания в качестве одного из постановлений Комиссии было принято решение «поставить в Главнауке вопрос о необходимости командирования архитектора для обследования угрожаемых памятников, выяснения мер укрепления и производства точных обмеров и зарисовок» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 11–12].

Тогда же возникла идея о размещении в купольном здании местного музея древностей. На заседании Комиссии по выработке мер охраны памятников Крыма от 13 февраля 1926 г. А. И. Полканов сообщил о возникших трудностях в решении этого вопроса: «Костел³, предназначенный под музей, пока еще не передан. Центральным архивным управлением были даны неверные сведения, что костел посещается от 50 до 200 богомольцами, в действительности это экскурсанты, а община имеет всего 14 приходских семей, нет священника, и, вероятно, Центральное архивное управление, получив разъяснение, костел передаст» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 507, л. 1–3]. Рассматривался и иной вариант использования постройки. Уже после прекращения деятельности костела Б. Н. Засыпкин отметил, что «здание предполагается к восстановлению как мечеть (раскрытие михраба, орнаментов наличников и др.)» [10, с. 278].

Для оказания помощи крымским ученым Главнаукой на полуостров был командирован сотрудник Центральных государственных реставрационных мастерских, архитектор Б. Н. Засыпкин. 27–28 августа 1926 г. комиссией в составе Б. Н. Засыпкина, А. А. Фомина, Е. Ф. Карповича был произведен осмотр памятников Судакской крепости «на предмет определения их технического состояния и принятия мер к охране» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 14–19]. В документе зафиксировано состояние

³ В здании со 2 октября 1883 г. располагался армяно-католический собор во имя Успения Божьей Матери (рис. 1–3), когда в качестве последнего был освящен бывший храм Св. Матфея.

купольного здания и предложены первоочередные меры по его ремонту: «Здание сырое. Проветривания нет. Необходимо устроить сквозное проветривание. Железную крышу снять, купол и кровлю смазать известковым раствором или покрыть плитами, нужно произвести изыскание и сделать так, как было в древности. Железную крышу на 1/4 сорвало ветром. Она дисгармонирует с общим видом крепости. В остальных частях здание сохранилось хорошо. Галерея носит следы переделок. Здесь нужно архитектурно-археологическое исследование на предмет определения древнего вида. Все работы должны быть произведены под руководством архитектора-реставратора» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 14–19]. По результатам обследования Б. Н. Засыпкиным было выполнено два плана здания [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 509, л. 24–25]. В акте подчеркивалось, что памятник уже «перешел в полное ведение КрымОХРИС, и здесь по инициативе профессора А. А. Фомина начинается размещаться будущий археологический музей» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 14–19] (в дальнейшем – историко-археологический музей, филиал Государственного исторического музея).

П. И. Голландским, занимавшим должность архитектора-археолога при уполномоченном Музейного отдела Главнауки по Крыму, было подготовлено заключение по акту от 27–28 августа 1926 г. Архитектор в целях экономии средств был вынужден не согласиться с рядом запланированных мероприятий по сохранению объектов культурного наследия Судакской крепости. П. И. Голландский настаивал на перекрытии здания мечети листовым железом: «Черепиц на месте получить нельзя, а привозная, как мне заявлено в Судаче, будет стоить минимально 60 руб. за тысячу штук. К тому же, если покрыть черепицей низкие здания <...>, то ее хищнически разберут, так как снимать ее можно без всяких инструментов и всяких приспособлений. В армяно-католической церкви, покрытой уже железом, с наименьшей затратой пришлось бы пополнить недостающие листы. Конечно, если надлежит ее реставрировать (что должно быть специальной научной работой), то не только следует снять железную кровлю и восстановить прежнее перекрытие, было ли оно плитное или цементное или какое-либо другое, что подлежит обследованию и выяснению – но и очистить внутри штукатурку со стен и сводов, под которой я усмотрел орнаментировку по тесаной облицовке, и удалить многое другое, что явилось нарастанием за позднейшее время от основания памятника» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 517, л. 31–32].

Намеченный комплекс мероприятий из-за отсутствия должного финансирования в полном объеме выполнить не удалось. В письме начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову А. И. Полканов был вынужден сетовать на катастрофическую нехватку средств: «В Судаче действительно нет научного надзора за работами, но Главнаука отпустила на работы всего 800 руб., да КрымОХРИС 740 руб., что едва хватит на ограждение, а по минимальной смете работ там на 2400 руб.» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 509, л. 27–28].

В результате на основе собранного материала Б. Н. Засыпкиным было подготовлено обстоятельное исследование, опубликованное в 1927 г. на страницах журнала «Крым». Автор обратил внимание на значительное сходство архитектоники здания с мечетью Куршум-Джами в Старом Крыму, при этом выполнив чертежи

обоих памятников [11, с. 133]. Архитектор счел нужным сразу сделать оговорку, что считает здание капеллы (действовала до августа 1926 г.) «подлинно мечетью, а не зданием христианским, как то высказывалось некоторыми исследователями. За то несомненно говорит, во-первых, план мечети михрабом на юг и минаретом в северо-восточном углу <...>. По традициям хотелось бы видеть в северной стене вход с порталом, но этого нельзя было сделать, так как мечеть стоит на косогоре и уровень пола приходится очень высоко, вот почему вход пришлось сделать с восточной стороны, имевшей еще два окна» [11, с. 135]. Б. Н. Засыпкин впервые выполнил качественный архитектурный анализ памятника, аналогия которому была найдена в современном турецком г. Изник (мечеть Ешиль-Джами, 1379 г.). Автор справедливо подчеркнул, что «мечеть Судака, будучи до сих пор занятой костелом, очень мало исследована, вместе с тем углубленное изучение ее интересных конструкций и прекрасных деталей в обработке михраба, оконных наличников и капителей колонн, будет иметь решающее значение в вопросе: имеем ли мы здесь тюрко-сельджукскую мечеть? На основании наших наблюдений мы склонны мечеть в Судаке <...> отнести именно к тюрко-сельджукским» [11, с. 139]. При этом архитектор был склонен считать, что мечеть была возведена до 1314 г.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживался заведующий отделом византийских и киевских памятников Государственного исторического музея (г. Москва) Н. Д. Протасов. Автор считал, что купольное здание первоначально выполняло функции «романской базилики». Он отметил, что «по плану и общему характеру кладки, насколько это можно видеть без пробных расчисток и углубленных зондажей, церковь представляет собой типично романское провинциальное сооружение, в некоторых своих частях сильнейшим образом переделанное в целях обращения в мусульманскую мечеть» [22, с. 103]. Профессор был уверен, что «более внимательные штудии с реставраторским ножом и молотком позволят открыть из-под поздних переделок не один остаток мусульманской декорации, который даст лишнее доказательство того, что уже давно, может быть, в XV–XVI вв. бывшая здесь романская церковь была коренным образом переделана в мечеть» [22, с. 104].

В сентябре 1927 г. на Второй конференции археологов СССР в Херсонесе А. А. Фомин представил предварительные результаты разведочных работ в Судаке. В ходе обсуждений доклада У. А. Боданинский предположил, что обнаруженный возле здания мечети фрагмент поливной облицовочной плитки может принадлежать оформлению михраба [5, с. 47].

А. И. Полканов, автор одного из первых советских путеводителей по территории Судакской крепости, считал, что «первоначальная постройка ни в коем случае не была произведена генуэзцами, а вернее всего турками-сельджуками, которые возвели ее заново, или же воспользовались разрушенным зданием бывшей греческой церкви и на старом основании построили свою мечеть. Аргументация Дюбуа де Монпере и Бертье-Делагарда является наиболее убедительной» [21, с. 36]. Он также отметил, что при «рассмотрении здания ясно обозначаются три кладки: более

древняя (нижняя часть), средняя и новая. Необъясненной является остаток массивной стены, примыкающей к зданию с западной стороны» [21, с. 36].

В 1928 г. сотрудником ГАИМК Е. Ч. Скржинской в Генуе на французском языке опубликован свод лапидарных надписей Генуэзских колоний в Крыму, в который вошли все выполненные на тот момент варианты прочтения надписи над михрабом и предложен свой [34, с. 122]. В опубликованной уже после смерти исследователя «Истории генуэзских поселений в Крыму» подчеркнуто, что «весьма серьезного внимания и тщательного изучения заслуживает мечеть Судацкой крепости. <...> В настоящее время мнение специалистов-архитекторов склоняется к тому, что по стилю это здание ближе всего к постройкам сельджукского типа. <...> Над михрабом в мечети высечена латинская надпись с указанием на 1423 г., на основании которой можно полагать, что когда-то генуэзцы обратили мечеть в христианский храм. По-видимому, после взятия Судака турками в 1475 г. здание было опять обращено в мечеть, а потом снова было сделано христианской (армяно-католической) церковью. Теперь в нем помещается музей древностей Судака» [25, с. 81].

В 1928 г. на страницах «Византийского временника» А. Ю. Якубовским был представлен детальный пересказ хроники Ибн-ал-Биби, отразившей захват Судака сельджуками в первой четверти XIII в. Помещенные в ней сведения об основании мечети после захвата города легли в основу современных утверждений о сельджукском происхождении памятника, расположенного на территории Судакской крепости. А. Ю. Якубовский подчеркнул: «В наши дни среди специалистов-архитекторов преобладает мнение, что здание это не может быть построено ни генуэзцами, ни татарами и что по своему стилю оно ближе все же подходит к постройкам сельджукского типа. Сопоставляя последнее соображение с рассказом Ибн-ал-Биби о построении на высоком месте Судака мечети, мы получаем, таким образом, аргумент в пользу этого мнения. Окончательно же этот вопрос может быть решен лишь после тщательного изучения сохранившегося в Судаке памятника» [32, с. 75]. Автор допустил осторожную ремарку о том, что «судя по рассказу Ибн-ал-Биби, мечеть была не заново построена, а перестроена из христианского храма» [32, с. 75].

В течение двух археологических сезонов 1928–1929 гг. на территории Судакской крепости проводила археологические исследования экспедиция под руководством Ю. В. Готье. Работы были организованы Государственной академией истории материальной культуры с участием Государственного исторического музея (Москва) и Центрального музея Тавриды. На территории крепости были запланированы продолжительные систематические изыскания, поэтому ставились амбициозные цели: «расчистка крепостных построек; вскрытие городища на крепостной горе, в результате чего должна предстать картина дорог, улиц, общественных зданий и простых домов средневековой византийской Сугдеи и генуэзской Солдаи» [27, с. 147]. В ходе работ особое внимание было уделено фотофиксации памятников: «Намечено было систематически и полно снять главнейшие наземные памятники, а именно генуэзскую крепость, составляющую весьма целостный и в значительной мере уже

исследованный комплекс и мечеть, находящуюся в стенах той же крепости. Для этого экспедиция получила в свое распоряжение один из лучших аппаратов Академии, которым и было произведено более ста снимков (размером 13x18 и 9x12). Работа выполнялась А. Ю. Якубовским и Е. Ч. Скржинской, и заняла 8 дней» [26, с. 139]. Одним из объектов фотофиксации стало здание бывшей мечети.

Е. Ч. Скржинской в 1944 г. для Антифашистского комитета ученых была подготовлена незначительная по объему машинопись, из которой стала известна судьба памятника в годы Великой Отечественной войны: «В Судаке в здании музея (бывшая) мечеть) стояла румынская часть; в результате от музейных вещей, имущества и библиотеки осталась куча мусора, из которого кроме мелких фрагментов глиняной посуды, невозможно ничего выбрать» [28, с. 320].

В 1951 г. Е. Ф. Карпович «на основании своих личных впечатлений от изучения надписи [над михрабом – Д. Л.], а также соображений исторического характера», возведение здания отнес к «XIV или, может быть, даже XIII в.», отметив, что оно «является в Крыму древнейшим памятником этого рода» [13, с. 121]. Е. Ф. Карпович сообщил о реставрации мечети в 1593 г., ссылаясь на «сохранившиеся документы» [13, с. 123], без указания конкретных. В 1955 г. опубликованы «Очерки истории Су-рожа IX–XV вв.» С. А. Секиринского. Несмотря на перегруженность работы идеологическими мотивами, попытками вписать историю города в марксистско-ленинскую концепцию, не утратили своего значения описание архитектурного ансамбля крепости. Автор отметил, что в здании мечети «прослеживаются четыре разновременные кладки» [23, с. 70], не уточняя при этом хронологию.

Весной 1958 г. после таяния снега вследствие аварийного состояния купола памятника произошло замokание внутренней отделки здания. В результате реставрационного вмешательства специалистов было установлено, что штукатурка состоит из трех слоев. Под верхним из них, на западном пиллястре внутренней аркады, был выявлен фрагмент фрески: сохранившаяся по пояс фигура святого с нимбом в монашеском облачении (рис. 4). Значительное внимание неожиданной «находке» было уделено О. И. Домбровским. Автор отметил, что фреска близка к традициям итальянской живописи XIV – начала XV в., в связи с чем, ссылаясь на свидетельство Марко Поло о существовании в Судаке в XIII в. францисканского монастыря, предположил происхождение автора данной росписи [9, с. 74]. На основании обнаруженной фрески О. И. Домбровским вновь был поднят вопрос о первоначальном назначении здания: «По своему устройству оно одинаково не подходит ни для мечети, ни для церкви. Его строительная периодизация говорит лишь о позднейших переделках и приспособлениях этой постройки то под мечеть, то под церковь. Известное же сходство ее с некоторыми малоазийскими мечетями сельджуков, отмечаемое А. Л. Бертье-Делагардом, не доказывает мусульманского и вообще культового предназначения данного здания» [9, с. 71]. В результате исследователь пришел к достаточно оригинальному выводу: «Надпись на портале служит свидетельством использования здания не в религиозных, а в мирских целях и позволяет, как мы полагаем, считать, что само здание было

построено именно для этих целей и именно в то время, о котором говорит надпись. <...> Здание могло предназначаться не для мечети или церкви, а для вершения различных служебных дел и официальных приемов консула» [9, с. 71].

О. И. Домбровский считал, что, «если католическое духовенство и могло примириться с использованием михраба в качестве алтаря и обращением молящихся в сторону юга, то гордая консульская надпись с гербами не могла быть допустимой над алтарем какого бы то ни было христианского храма» [9, с. 71]⁴. Автор отнес сооружение здания, появление обнаруженной фрески в его внутреннем убранстве и надписи к концу XIV – началу XV в., считая их связанными одновременными событиями. С подобными выводами частично не был согласен В. А. Сидоренко: «От предложения О. И. Домбровского отнести судакскую фреску к первоначальной постройке следует отказаться. <...> Сохранность верхнего слоя [штукатурки – Д. Л.] позволяет предполагать его относительно недавнее происхождение; нижний слой с изображением святого <...> мог появиться не ранее XV в., когда мечеть была преобразована в армяно-католическую церковь. В целом этой датировке не противоречат стилистические особенности росписи, аналогичные армянскому искусству» [24, с. 120].

Тезисы О. И. Домбровского получили развитие в его работе, опубликованной после смерти автора. Он отметил, что «пресловутое купольное здание <...> было построено не ранее XV в. местными мастерами в свойственных им строительных традициях, но для генуэзцев, по-видимому, оказалось ничем иным как своего рода присутственной залой, тем “домом консульства”, что упомянуто в переписке последнего консула Солдайи. Уточнение даты его возведения кажется невозможным» [8, с. 619]. Учитывая незавершенность орнамента (рис. 5–6), автор предположил, что именно захват крепости турецкими войсками в 1475 г. не дал возможности полностью закончить постройку [8, с. 620].

А. Л. Якобсон не выразил сомнений по поводу первоначального назначения купольного здания, считая его «небольшой мечетью, построенной еще в первой половине XIV в., когда здесь обосновались татары» [31, с. 120]. Автор также подчеркнул, что «это, пожалуй, древнейшая в Крыму татарская мечеть, тип которой стал затем традиционным в татарском зодчестве Крыма» [31, с. 120].

В 1969 г. Судакским отрядом Крымской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством М. А. Фронджуло, в связи с планами реставрации мечети, проведены археологические изыскания внутренней части здания. После вскрытия деревянного пола на основной площади было заложено четыре шурфа, в восточной галерее – еще пять. Детально исследован фундамент храма, открыты следы его укрепления с восточной стороны. Обнаружено значительное количество фрагмен-

⁴ По мнению А. В. Джанова «надпись нельзя назвать ни “гордой”, ни “консульской”, поскольку в ней отсутствует имя заказчика и должность. В данном случае мы имеем дело с донаторской надписью, хотя и не лишенной официальной символики. В храмах Западной Европы донаторские надписи с геральдическими символами можно встретить в самых неожиданных местах: над отдельными сюжетами стеной росписи, на оборотных сторонах икон» [6, с. 658; 7, с. 188].

тов керамики XIII–XIV вв. Исследования позволили руководителю экспедиции сделать однозначные выводы: «Раскопками в мечети установлено, что первоначально соорудили мечеть (никаких остатков предшествующего христианского храма и захоронений не обнаружено). Основание минарета и галереи (с восточной стороны) сложены в перевязь с фундаментами здания. <...> В результате осмотра и зондажа бортов дренажной канавы, проложенной вдоль южной и западной стен здания, входа с южной стороны не обнаружено. Таким образом, раскопки храма подтвердили предположение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что первоначально здание строилось в качестве мечети» [29, с. 266; 30, с. 627].

В связи с благоустройством восточной и южной сторон мечети в 1971 г. было предпринято исследование фундамента михраба. Установлено, что он сооружен на каменном фундаменте, сложенном на известковом растворе, уложен на круто падающую к востоку скалу. Следов выравнивания материка не обнаружено. Выяснилось, что фундамент выступающей части михраба сложен в перевязь с фундаментом южной стены мечети. Следов перестройки не обнаружено. Таким образом, исследование показало, что предполагаемого первоначального входа в главное помещение храма не было. Михраб был сооружен одновременно с основным зданием [30, с. 628].

В 1974–1975 гг. у юго-восточного угла мечети проводились земляные работы, связанные с благоустройством территории и реставрацией восточной оборонительной стены. В связи с этим велось доисследование обнаруженных объектов [30, с. 628]. В результате работ с восточной стороны выявлена подпорная стена с парапетом над обрывом, сооруженная одновременно с мечетью. При ее расчистке по центру площадки на глубине около 4 м обнаружено отверстие, расположенное между кладкой и скалой, выполнявшее функцию отвода воды в обрыв [30, с. 629]. При расчистке восточной подпорной стены, в северной ее части было обнаружено четыре камня с фресками. По распоряжению Инспекции охраны памятников Государственного комитета УССР по строительству и инвестициям, фрагменты с фреской были изъяты из кладки и отправлены на исследование, результаты которого неизвестны. По предположению М. А. Фронджуло, «при строительстве мечети и стен вокруг площадки у юго-восточного угла храма использовался камень из разрушенных христианских храмов» [30, с. 630].

В результате продолжительных исследований здания М. А. Фронджуло пришел к выводу, что «мечеть была построена до прихода генуэзцев в Судак, за пределами города. Постройка использовалась генуэзцами для хозяйственных целей. В это время мечеть могла стать временным католическим храмом (до сооружения городского католического собора), затем в ней могло расположиться одно из учреждений генуэзской Солдайи» [30, с. 631].

В октябре 1982 г. в Ереване на республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении старшим научным сотрудником отдела археологии Института археологии АН УССР И. А. Барановым прочитан доклад «Судакская капелла. Датировка и атрибутация», в котором был предложен ряд не-

беспорных тезисов. Автор исключил возможность первоначального строительства здания в качестве храма, отметив при этом, что «вероятнее всего здание использовалось под городскую ратушу и в нем собирались представители разноэтничных общин Солдайи, оставившие свои автографы в галерее и на стенах самой постройки» [3, с. 276]. Автор, ссылаясь на известия Рашид-ад-Дина, отметил беспочвенность рассуждений о прямом участии сельджуков в строительстве рассматриваемой постройки. И. А. Баранов, считая датой возведения сооружения 1423 г., подчеркнул, что «оно не могло быть возведено на этом участке города ранее XV в., т.к. его застройка началась после 1409 г.» [3, с. 276]. Частично данные тезисы были перенесены автором в более поздние работы.

В связи с реставрационными работами с южной стороны здания в 1986 г. были продолжены археологические исследования под руководством И. А. Баранова. В результате работ наиболее ранний горизонт на исследуемом участке был датирован второй половиной XIV – XV в. [2, с. 649]. Это позволило руководителю экспедиции говорить о том, что здание мечети не могло возникнуть в более ранний период, исключая при этом связь с сельджукской эпохой [2, с. 650]. Ссылаясь на аналогии конструктивного решения перекрытия здания (мечеть Джума-Джами в Евпатории, соборная мечеть и османские бани в Феодосии), И. А. Баранов предположил, что ныне существующее перекрытие мечети было сооружено турками-османами при реконструкции постройки после 1475 г. [2, с. 633].

Исследователь одним из первых отметил наличие значительного количества граффити во внутреннем оформлении мечети. На откосах портала «четко выделяются геральдический щит с тремя лентами по диагонали, геральдический щит с гербом ГENUI, монограммы, тамга Гиреев и разнообразные кресты» [2, с. 638]. Многочисленные граффити выявлены на блоках перекрытия окна и его обрамления: монограммы, буквы греческого, латинского и армянского алфавитов, тюркские тамги, кресты на Голгофе и др. По утверждению И. А. Баранова, художником Н. Д. Струковым на верхней части откоса наличника окна было обнаружено четко вырезанное итальянское имя GERARDI на латыни [2, с. 641].

В 1986 г. была вновь раскрыта траншея вдоль южной стены здания, заложенная М. А. Фронджуло в 1969 г. Новые работы были предприняты с целью обнажения фундаментов для их экстренной просушки. В результате изысканий И. А. Баранов пришел к выводу о позднем оформлении современного вида михраба и об его отсутствии в первоначальном варианте здания: «Михрабный выступ <...> имеет полуциркулярную форму и выступает с внешней стороны южной стены купольного здания <...> Оси выступа и михраба сдвинуты; с восточной стороны выступ встроен в проем обрамления резного окна <...>, где отчетливо видна стыковка кладок. С западной стороны михрабный выступ оказался на 0,5 м дальше наличника окна и перекрыл его, будучи пристроенным к стене ратуши без перевязи, т.е. налицо его более позднее происхождение. Основание михрабного выступа стоит на каменной прямоугольной платформе, сложенной из крупного бута на глине, т.е. в совершенно

иной технике» [2, с. 650]. По мнению автора, михраб был установлен на месте существовавшего оконного проема: «при сооружении михраба в наличнике окна был снят нижний блок с растительным орнаментом, в результате чего было нарушено композиционное построение резьбы и создано ощущение незавершенности. Окно заложено без перевязи известняковыми блоками на высоте 2 м от пола» [2, с. 642].

И. А. Баранов поддержал выводы О. И. Домбровского о принадлежности фрески купольного здания с изображением святого Николая Мирликийского⁵ памятнику итальянского типа и светском общественном назначении постройки. По его мнению, это подтверждает и факт обнаружения в 1996 г. при очистке росписей поврежденной однострочной латинской надписи. Она выполнена красной краской по первоначальной штукатурке одновременно с ликом святого и гербами [2, с. 647].

Основываясь на результатах многолетних исследований памятника, И. А. Баранов пришел к ряду заключений: «Иконографических и историко-архитектурных данных, которые могли бы иметь отношение к догенуэзской, а тем более к сельджукской эпохе, при самом тщательном искусствоведческом анализе купольного здания обнаружить не удалось» [2, с. 647]. По его мнению, «застройка генуэзской Солдаи на исследуемом участке была начата не ранее 30-х гг. XV в. <...>. В 1450 г. консулом Бенедетто де Джудиче предпринимается строительство городской лоджии – “храма с аркадой”, для чего разбираются постройки над обрывом. Первоначально здание ратуши имело открытую галерею с аркадой вдоль восточной стены, из которой в присутственный зал вела парадная дверь с резным порталом и окно с резным наличником <...>. Одновременно с порталом и окном в галерее в южной стене главного зала ратуши сооружается большое парадное окно, украшенное высокохудожественной резьбой в том же “сельджукском” стиле. Галерея и центральный зал ратуши были первоначально перекрыты коробовым сводом. Такое же перекрытие сохранилось и на хорах <...>. Новая перестройка здания ратуши датируется 1473 г. и была предпринята господином Каталано, являвшимся, вероятно, донатором <...>. При Каталано закладывается аркада галереи и пробиваются две новые двери, северная из которых становится парадной. На этом генуэзский этап строительства и перестройки здания ратуши был завершен» [2, с. 651]. Следующий строительный период, по мнению И. А. Баранова, «связан уже с турецким владычеством, когда после 1475 г. здание ратуши переосвящается в крепостную мечеть Баязида Святого. Парадное окно закладывается и в его проеме сооружается михраб. Перед главным порталом на прямоугольной каменной платформе возводится минарет, совершенно преобразивший внешний облик генуэзской постройки. Коробовое перекрытие центрального зала <...> было заменено уплощенным куполом <...>. В таком состоянии мечеть простояла до занятия Судакской крепости российскими войсками в 1771 г.» [2, с. 651].

⁵ А. В. Джанов считает, что «в настоящий момент нет никаких оснований каким-либо образом интерпретировать данное изображение. В западноевропейской монументальной живописи XIV – XV вв. было принято изображать св. Николая в епископском облачении и уж во всяком случае, не в монашеском мафории» [6, с. 665; 7, с. 184].

В 1986 г. на страницах научного издания «Архитектурное наследство» А. И. Опочинская, ссылаясь на хронику Ибн-ал-Биби, выводы А. Л. Бертье-Делагарда и Б. Н. Засыпкина, результаты археологических исследований М. А. Фронджуло, заключила: «Думается, что судакское здание строилось в XIII в. как мечеть, а генуэзцы могли лишь его реставрировать, поместив над михрабом надпись. После них, в конце XV – XVI вв., мечеть подновлялась турками» [20, с. 264]. Автор, не соглашаясь с выводами О. И. Домбровского, отметила, что обнаруженная им фреска на пилястре притвора свидетельствует скорее о культовом назначении здания, а не общественном. Она подчеркнула: «Предположения О. И. Домбровского о том, что на фреске изображен Николай Мирликийский, а это святой, почитаемый преимущественно православной церковью, и что писавший фреску мастер мог происходить из францисканского монастыря, имевшегося в XIII в Солдайе, по свидетельству Марко Поло, трудно совместимы» [20, с. 264]. Еще одним аргументом в пользу несостоятельности теории О. И. Домбровского и А. И. Баранова об общественном назначении здания, по мнению А. И. Опочинской, является наличие купола: «Вызывает серьезные сомнения сам факт перекрытия куполом здания, если оно строилось генуэзцами как общественное. Купол для итальянцев – традиционная форма, свойственная культовой архитектуре. В общественных и жилых зданиях применялись только крестовые, коробовые своды или плоские деревянные перекрытия» [20, с. 264].

Рассматривая архитектуру здания судакской мечети, В. А. Сидоренко заключил, что михрабным обрамлением является верхняя часть резного портала, нижняя часть которого оказалась утраченной. По его мнению, портал мог быть перенесен при поспешном восстановлении мечети после турецкого завоевания Крыма в 1475 г. При этом В. А. Сидоренко склонен считать, что первоначально «портал был частью внешнего оформления входа католической или армяно-католической церкви» [24, с. 120].

В 1991 г. по заказу института «Укрпроектреставрация» опубликована работа Е. И. Лопушинской, посвященная историко-архитектурному описанию крепостного ансамбля Судакской крепости (рис. 7). Автор связала возведение мечети с захватом города сельджуками войсками под руководством Хусам-эд-Дина-Чупана, датируя это событие 1221 г. Выделен ряд строительных периодов здания: 1) начало XIII в. (сооружение здания сельджуками); 2) первая половина XIV в. (возрождение мечети под золотоордынским влиянием); 3) первая половина XV в. (превращение здания в капеллу); 4) конец XVI – начало XVII вв. (восстановление мечети); 5) конец XIX в. (армяно-католический храм). Надпись на архивольте михраба однозначно датирована 1422 г. и связана с приспособлением здания под капеллу [19, с. 63–69].

Тезис М. А. Фронджуло об использовании фрагментов христианского храма во время возведения здания мечети получил поддержку в 2005 г. в публикации А. В. Джанова, обнаружившего в кладке строения части надгробий со сбитыми рельефными изображениями крестов в круге, выполненные в циркульной технике [6, с. 660].

Существенные стилистические отличия в оформлении михраба исследователь не склонен связывать с его полным либо частичным переносом, изменением архитекто-

ники здания, перестройкой на раннем этапе и т.п. А. В. Джанов заключил, что нижняя часть михраба могла быть разрушена в середине XIX в. Во время реставрации 1883 г. отсутствовавшие блоки были заменены обычной кладкой и закрыты алтарем. На новых деталях орнамент продолжен по аналогии с сохранившимися фрагментами [6, с. 663; 7, с. 182]. Кроме того, добавленные фрагменты были выполнены из иного материала: верхняя часть обрамления, центральное поле и сталактитовый свод ниши михраба изготовлены из нуммулитового известняка, позднейшие добавления – из копсельского песчаника. «К сожалению, это обстоятельство ускользнуло от внимания исследователей, предполагавших наличие входного портала вместо михраба в генуэзский период и что само собой породило массу недоразумений, бытовавших несколько десятилетий в научной литературе», – заключил А. В. Джанов [6, с. 663; 7, с. 189].

Подытоживая свои размышления, он пришел к выводу, что «характерные черты мусульманской культовой архитектуры и аналогии второй четверти XIV в. не оставляют сомнения, что постройку начинали возводить как мечеть» [6, с. 667; 7, с. 185]. На последнем этапе строительство мечети из-за захвата Судака генуэзцами было прекращено. В 1373 г. недостроенное здание мечети обращено в католическую церковь, стены внутри оштукатурены и покрыты росписями с изображениями христианских святых. Над михрабом появилась латинская строительная надпись. В качестве заказчика этих работ в надписи значится некто Г. Каталано. По мнению А. В. Джанова, «это лицо не было представителем генуэзской администрации города, иначе в надписи была бы обязательно упомянута его должность. Даже вместо его полного имени в надписи оставлена только заглавная буква. Подчеркнуто уничижительное отношение к себе в подписях характерно было для представителей не светской, а церковной администрации» [6, с. 667; 7, с. 186]. Исследователь пришел к выводу, что упомянутый Г. Каталано являлся монахом, а купольное здание – храмом основанного им францисканского монастыря. По его мнению, «что в районе судакской мечети существовал монастырь, <...> свидетельствует тот факт, что территория, где расположен памятник, находилась до 1409 г. за пределами основной части города. Территория монастыря была обнесена отдельной каменной крепостной стеной, которую фланкировали с севера две башни <...>. Из других сооружений монастыря следует упомянуть большое квадратное здание к северу от храма, раскопанное в 1970 г., а также большую цистерну между ними» [6, с. 668; 7, с. 187].

В очередной раз схожесть архитектурной композиции мечетей в Судак и Куршум-Джами в Старом Крыму отметил В. П. Кирилко, подчеркнув, что «тождество обоих строений <...> проявляется главным образом в конструкции перекрытия – использовании тропов пирамидальной формы, которые в судакском строении отличались лишь более сложной пластикой (пятикратным изломом) гофрированной поверхности» [15, с. 92]. Он поддержал идею А. В. Джанова о возведении мечети накануне захвата Судака генуэзцами в 1365 г., строительство которой при этом осталось местами незавершенным. В. П. Кирилко обратил внимание на неординарную архитектонику сооружения, обусловленную во многом, по его мнению, особенно-

стью рельефа: «Характерной чертой мечети является наличие открытой снаружи галереи с арочным ограждением на столпах, примыкавшей к зданию сбоку <...>. Необычным представляется ассиметричное, со смещением, попарное расположение четырех окон на северном фасаде мечети, равно как, не имеют близких аналогий богато декорированные изысканной порезкой каменные наличники двух проёмов восточной стены, предположительно, появившихся позднее на месте первоначальных ниш» [14, с. 444]. Латинская надпись над михрабом исследователем датирована 1373 г. и связана, предположительно, с «приспособлением бывшего здания мечети Солдаи для новых потребностей Коммуны, возможно, под католическую церковь» [17, с. 413]. Автором справедливо подчеркнут дискуссионный характер гипотезы о возможности вторичного использования михраба в мечети, «время возведения и идентификация которой, в свою очередь, также небесспорны» [16, с. 166].

В. П. Кирилко предположил, что мечети в Судакской крепости могла принадлежать каменная емкость для воды, находившаяся рядом со зданием – заглубленная в землю круглая в плане цистерна, перекрытая куполом. В строение вел узкий лаз с дверным проемом и каменной лестницей, доходившей до дна цистерны. Емкость заполнялась привозной водой через керамическую трубу в куполе⁶. Среди аналогий наиболее близкая сардоба была выявлена в Бухаре (мечеть Халифа Худойдод) [14, с. 445].

В. П. Кирилко обратил внимание на явно вторично использованную деталь в устройстве фонтана начала XX в., расположенного близ главных ворот Судакской крепости (рис. 8). Сполия представляет собой нижнюю часть монументального наличника, украшенного сельджукской цепью с розетками и растительным орнаментом [14, с. 444]. Е. А. Айбабина склонна считать, что фрагмент «принадлежал значительной по своим размерам постройке второй половины XIV в. или первой половины XV в.» [1, с. 169]. А. Л. Бертье-Делагард отнес деталь к XV в. [4, с. 21], Е. И. Лопушинская соотнесла ее с порталом мечети Судакской крепости [19, с. 65]. А. В. Джанов, не соглашаясь с последней, подчеркнул, что «подобные предположения, по меньшей мере, слишком смелы. В немалом по меркам Причерноморья средневековом городе было наверняка достаточно зданий, украшенных каменной резьбой, к тому же, следов перестроек в кладке привходной части не наблюдается. На блоках же входного наличника, в нижней части все же сохранились подготовительные орнаментальные штрихи в виде сталактитовых лепестков, вероятно сделанных еще перед установкой блоков на место. Причина того, что не была закончена орнаментация дверного обрамления, капителей, оконных наличников и михраба, очевидно – одна и та же» [6, с. 664].

Авторитетный специалист в области генуэзской эпиграфики и геральдики Е. А. Яровая в 2004 г. на Второй Судакской международной конференции пришла к выводу, что на архивольте михраба мечети слева от надписи помещен герб рода Гоано⁷: «Гербы в нижней части архивольта справа и слева хорошо сохранились. Их

⁶ Устройство цистерны ранее описано Е. И. Лопушинской [19, с. 96].

⁷ Гоано (Guano) – торговцы и ремесленники гибеллины. Корни семьи прослеживаются в Лигурии с

можно рассмотреть по фотографии, сделанной Е. Ч. Скржинской во время Судакской экспедиции ГАИМК 1928 г. На ней четко виден герб с изображением донжона в поле с боковыми полосами справа налево. Он идентифицируется однозначно – это фамильный знак генуэзского рода Гоано» [33, с. 248].

Э. Д. Зиливинская, ссылаясь на работу А. В. Джанова и поддерживая его выводы, обратила внимание на то, что современные исследователи судакской мечети не видят прямых аналогий в архитектуре Малой Азии. По ее мнению, «“храм с аркадой” в Судаке представляет собой типичный образец небольшой купольной мечети постсельджукского и раннеосманского периодов. Таких мечетей в Малой Азии не одна или две, а несколько десятков. <...> Кроме уже упоминавшейся Зеленой мечети в Изнике можно привести в качестве аналогий мечети XIV в. Якуба Чеклеби в Изнике и Хаджи Феррух в Конье» [12, с. 34].

Изучением купольного здания, расположенного на территории Судакской крепости, занимается не одно поколение исследователей. Но итогом продолжительных изысканий стал не фундаментальный обобщающий материал по истории создания и функционирования памятника, а лишь накопившаяся масса серьезнейших вопросов, концепций и теорий, зачастую противоречащих друг другу. Т.н. «храм с аркадой» превратился в своеобразный исторический и историографический феномен, с каждым этапом изучения которого появляется множество новых домыслов и предположений, как серьезно обоснованных, так и базирующихся лишь на догадках и слабо аргументированных выводах. Большинство исследователей в качестве его первоначального назначения склонны предполагать мечеть, построенную в XIII в. (А. И. Опочинская), во второй четверти XIV в. (А. В. Джанов), в первой половине XIV в. (А. Л. Якобсон), в XIV или XIII в. (Е. Ф. Карпович), в 1221 г. (Е. И. Лопушинская), до 1314 г. (Б. Н. Засыпкин), до 1365 г. (М. А. Фронджуло), накануне 1365 г. (В. П. Кирилко). Э. Д. Зиливинская считает памятник «типичным образцом небольшой купольной мечети постсельджукского и раннеосманского периодов». Не утратила своей актуальности идея о строительстве сельджукской мечети на фундаменте христианского храма (А. И. Полканов, А. Ю. Якубовский), при этом вторичное использование архитектурных фрагментов христианской постройки подтверждается археологическими работами второй половины XX в. (М. А. Фронджуло, А. В. Джанов). Романской базиликой памятник считал Н. Д. Протасов. Оригинальными выглядят концепции О. И. Домбровского о сооружении здания в конце XIV – начале XV вв. для приема консула в качестве присутственной залы, «дома консульства»; А. В. Джанова о приспособлении мечети в 1373 г. под францисканский монастырь; И. А. Баранова об использовании памятника в качестве городской ратуши и его строительстве в 1423 г. (И. А. Баранов, 1982) или в 1450 г. консулом Бенедетто де Джудиче (И. А. Баранов, 2005).

1233 г. Известные представители рода: Джованни в 1308 г. исполнял обязанности подеста в Савоне (Лигурия). С 27 марта 1415 г. по 1 июля 1416 г. Барнаба ди Оттобоно Гоано занимал дожеское кресло в Генуе. Член семьи Гоано Пьетро проживал в Каффе около 1290 г. [36, с. 248].

Одним из наиболее острых вопросов, вызвавших массу споров и противоречий, является датировка надписи на наличнике михраба. При этом надпись рассматривается либо в качестве непосредственного указателя на дату возведения памятника, либо на момент его кардинальной перестройки или реставрации. Оставляет множество разночтений сам текст надписи. До настоящего момента достоверно не установлена личность Г. Каталано, чье имя в ней увековечено. Исходя из имеющихся предположений, он мог являться консулом города, представителем купеческого сословия, монахом-францисканцем, католическим священником. Не выяснена строительная история михраба мечети: сооружен одновременно с основным зданием (М. А. Фронджуло); возведен первоначально, нижняя часть утрачена в середине XIX в., восстановлена в 1883 г. (А. В. Джанов); установлен после 1475 г. на месте оконного проема (И. А. Баранов); перенесен при поспешном восстановлении мечети после турецкого завоевания 1475 г. (В. А. Сидоренко).

Обозначен лишь ряд наиболее спорных вопросов, возникших при исследовании здания. Следует учитывать обширное количество других, не менее сложных и проблемных нюансов истории возведения и функционирования памятника (почему мечеть оказалась недостроенной, когда и при каких обстоятельствах строительство было прервано? и др.). Массу вопросов вызывает архитектура строения. Данные вопросы своими корнями восходят ко второй половине XIX – началу XX века – времени его первоначального научного изучения. В дальнейшем, несмотря на неугасающий интерес к зданию, большинство из них до настоящего момента остаются без твердо аргументированных ответов. Для поиска конкретных исчерпывающих решений представленных сюжетов требуется комплексное всестороннее исследование объекта культурного наследия, продолжение археологических работ на территории Судакской крепости, качественная архивная и историографическая эвристика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Кафы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001. 280 с.
2. Баранов И.А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 632–653.
3. Баранов И.А. Судакская капелла. Датировка и атрибуция // Пятая республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении: тезисы докладов, 12–16 октября 1982 г. Ереван, 1982. С. 275–276.
4. Бертъе-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Вып. 55. С. 1–44.
5. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе по случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927), 10–13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927. 68 с.
6. Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судаке // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 654–669.
7. Джанов А.В. Храм с аркадой в Судаке. Мечеть или храм католического монастыря? // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Симферополь, 2002. С. 178–191.
8. Домбровский О.И. Средневековое купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 612–620.
9. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 110 с.

10. Засыпкин Б.Н. Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. 1927. № 18. С. 277–278.
11. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
12. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1: Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
13. Карпович Е.Ф. Судакская капелла: история одного архитектурного памятника // Известия Крымского отдела географического общества СССР. 1951. Вып. 1. С. 119–123.
14. Кирилко В.П. Архитектура Золотоордынского Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Т. 1. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 420–496.
15. Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма: общее и особенное // Археология евразийских степей. Казань, 2013. Вып. 17: Материалы Второго Международного болгарского форума «Средневековая Евразия: Симбиоз городов и степи», Казань, 21–23 мая 2011 г. С. 84–99.
16. Кирилко В.П. Сплоии в архитектуре Крымского Ханства // Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ, г. Казань, 26–28 сентябрь 2016 г. Казань, 2016. С. 160–169.
17. Кирилко В.П. Строительная летопись Таврики второй половины XIII – третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. 2014. № 1. С. 406–434.
18. Ломакин Д.А. Прочтение длиной в 155 лет: надпись на архивольте михраба мечети в Судак // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 737–755.
19. Лопушинская Е.И. Крепость в Судак. Киев: Будивельник, 1991. 106 с.
20. Опочинская А.И. Судакская крепость // Архитектурное наследие. 1986. № 34. С. 255–265.
21. Полканов А.И. Судак (Сугдея–Сурож–Солдайя): исторический очерк и путеводитель по крепости. Симферополь: Издание КрымОХРИСа, 1926. 79 с.
22. Протасов Н.Д. Памятники Судака // Крым. 1926. № 2. С. 95–105.
23. Секиринский С.[А.]. Очерки истории Сурожа IX–XV вв. Симферополь: Крымиздат, 1955. 102 с.
24. Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115–129.
25. Скржинская Е.Ч. Истории генуэзских поселений в Крыму // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 39–100.
26. [Скржинская Е.Ч.]. О работах экспедиции в судак в 1928 г. (июнь-август) // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 138–145.
27. [Скржинская Е.Ч.]. О Судакской экспедиции 1929 г. Доклад в ГАИМК // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 146–155.
28. Скржинская Е.Ч. О судьбе памятников культуры в Крыму во время немецкой оккупации // Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / Сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 319–320.
29. Фронджуло М.А. Дослідження в Судаку // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. 1972. Вип. 4. С. 264–266.
30. Фронджуло М.А. Раскопки «храма с аркадой» Судакской крепости (1969–1975 гг.) // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 621–631.
31. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 233 с.
32. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей) // ВВ. 1928. Т. 25. С. 53–76.

33. Яровая Е.А. О новых идентификациях гербов на закладных плитах из Судака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы Второй Судакской международной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. 2. С. 247–249.
34. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928. 140 p. (Atti della Societa ligure di storia patria. Vol. 56).

REFERENCES

1. Aibabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kafy XIV – XVIII vv.* Simferopol, Sonat Publ., 2001, 280 p.
2. Baranov I.A. Zal'noe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 632–653.
3. Baranov I.A. Sudakskaja kapella. Datirovka i atribucija. *Pjataja respublikanskaja nauchnaja konferencija po problemam kul'tury i iskusstva Armenii: tezisy dokladov.* Erevan, 1982, pp. 275–276.
4. Bert'e-Delagard A.L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komisii*, 1918, Vol. 55, pp. 1–44.
5. *Vtoraia konferentsiia arkheologov SSSR v Khersonese po sluchaiu stoletii stoletii khersonesskikh raskopok (1827–1927), 10–13 sentiabria 1927 g.* Sevastopol, 1927, 68 p.
6. Dzhanov A.V. «Hram s arkadoj» v Sudake. *Sugdejskij sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 654–669.
7. Dzhanov A.V. Hram s arkadoj v Sudake. Mechet' ili hram katolicheskogo monastyrja? *Cerkovnaja arheologija Juzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii «Cerkovnaja arheologija: problemy, poiski, otkrytija»*, Simferopol, 2002, pp. 178–191.
8. Dombrovskij O.I. Srednevekovoe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 612–620.
9. Dombrovskij O.I. *Freski srednevekovogo Kryma.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 110 p.
10. Zasyrkin B.N. Obsledovanie pamiatnikov arkhitektury Kryma. *Novyi Vostok*, 1927, Vol. 18, pp. 277–278.
11. Zasyrkin B.N. Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar. *Krym*, 1927, Vol. 2, pp. 113–168.
12. Zilivinskaia E.D. *Arkhitektura Zolotoi Ordj.* Kazan', Otechestvo Publ., 2014, 228 p.
13. Karpovich E.F. Sudakskaja kapella: istorija odnogo arhitekturnogo pamjatnika. *Izvestija Krymskogo otdela geograficheskogo obshhestva SSSR*, 1951, Vol. 1, pp. 119–123.
14. Kirilko V.P. Arkhitektura Zolotoordynskogo Kryma. *Miras – Nasledie, Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh*, T. 1, Kazan', Aster Plus Publ., 2016, pp. 420–496.
15. Kirilko V.P. Zolotoordynskaia arkhitektura Kryma: obshchee i osobennoe. *Arkheologija evrazijskikh stepei*, 2013, Vol. 17, pp. 84–99.
16. Kirilko V.P. Spolii v arhitekture Krymskogo Hanstva. *Materialy kongressa islamskoj arheologii Rossii i stran SNG*, Kazan', 2016, pp. 160–169.
17. Kirilko V.P. Stroitel'naja letopis' Tavriki vtoroj poloviny XIII – tret'ej chetverti XV vekov. *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2014, Vol. 1, pp. 406–434.
18. Lomakin D.A. Prochtenie dlinoi v 155 let: nadpis' na arkhivol'te mikhraba mecheti v Sudake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 737–755.
19. Lopushinskaja E.I. *Krepost' v Sudake.* Kiev, Budivelnik Publ., 1991, 106 p.
20. Opochinaika A.I. Sudakskaja krepost'. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, 1986, Vol. 34, pp. 255–265.
21. Polkanov A.I. *Sudak (Sugdeja–Surozh–Soldajja): istoricheskij ocherk i putevoditel' po kreposti.* Simferopol, KrymOHRIS Publ., 1926, 79 p.
22. Protasov N.D. Pamiatniki Sudaка. *Krym*, 1926, Vol. 2, pp. 95–105.
23. Sekirinskij S.A. *Ocherki istorii Surozha IX–XV vv.* Simferopol, Krymizdat Publ., 1955, 102 p.

24. Sidorenko V.A. Issledovanie arkhitekturnykh stilei pamiatnikov Iugo-Vostochnogo Kryma. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 115–129.
25. Skrzhinskaja E.Ch. Istorii genujezskih poselenij v Krymu. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 39–100.
26. Skrzhinskaia E.Ch. O rabotakh ekspeditsii v sudake v 1928 g. (iiun'-avgust). *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 138–145.
27. Skrzhinskaia E.Ch. O Sudaksoi ekspeditsii 1929 g. Doklad v GAIMK. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 146–155.
28. Skrzhinskaia E.Ch. O sud'be pamiatnikov kul'tury v Krymu vo vremia nemetskoj okkupatsii. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 319–320.
29. Frondzhulo M.A. Doslidzhennia v Sudaku. *Arheologichni doslidzhennia na Ukraïni v 1969 r.*, 1972, Vol. 4, pp. 264–266.
30. Frondzhulo M.A. Raskopki «khrama s arkadoi» Sudaksoj kreposti (1969–1975 gg.). *Sugdeiskii sbornik*, 2005, Vol. 2, pp. 621–631.
31. Jakobson A.L. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 233 p.
32. Yakubovskii A.Iu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziiskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. (cherty iz torgovoi zhizni polovetskikh stepei). *Vizantiiskii vremennik*, 1928, Vol. 25, pp. 53–76.
33. Yarovaja E.A. O novykh identifikacijah gerbov na zakladnyh plitah iz Sudaka. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture: materialy Vtoroj Sudaksoj mezhdunarodnoj konferencii*, Kiev, Sudak, 2004, Vol. 2, pp. 247–249.
34. Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava)*. Genova, 1928. 140 p.

D. A. LOMAKIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE DOMED BUILDING AT THE TERRITORY OF SUDAK FORTRESS (1920s TO THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY)

Abstract: This paper has accumulated, systematized, and generalized the experience of researches on the mediaeval domed building, a monument of Muslim architecture of south-eastern Crimea, located on the territory of the Genoese fortress in Sudak, from the 1920s to the early twenty-first century. The main stages of the research of this cultural heritage property have been determined, and abundant experience of the making of the architectural history of the monument and analyzing of its architectonics in Russian historiography has been regularised. Various hypotheses, ideas and assumptions that often contradict each other, based both on scientific facts and unreasonable conjectures, which appeared at the present stage of the scholarly researches on the building, have been considered. It has been emphasized that the academic discussion about the time of erection and the initial purpose of the structure is currently far from constructive resolution.

Key words: Sudak, domed building, mosque, monument of architecture, cultural heritage property, research history.

Рис. 1. Интерьер армяно-католического собора в здании мечети Судакской крепости. Фото 1889 г. [ЦМТ, архив А. Л. Бертье-Делагарда, оп. 5, № 78, кп. 11433/48, ф. 3338]

Рис. 2. Мечеть Судакской крепости в период использования в качестве армяно-католического собора. Фото начала XX в. [по: 25, с. 82]

Рис. 3. Мечеть Судацкой крепости в период использования в качестве армяно-католического собора. Фото начала XX в. [по: 27, с. 168]

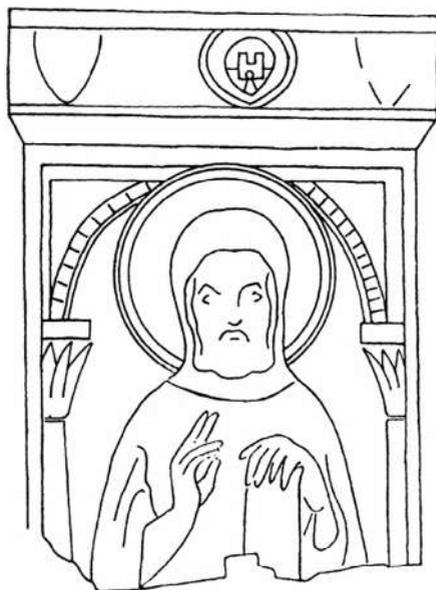

Рис. 4. Фреска на западной пилястре купольного здания Судацкой крепости [по: 8, с. 613, 614; 9, с. 72, 73]

Рис. 5. Наличник северного окна галереи мечети Судакской крепости. Фото 1889 г. [ЦМТ, архив А. Л. Бертъе-Делагарда, оп. 5, № 78, кп. 11433/47, ф. 3337]

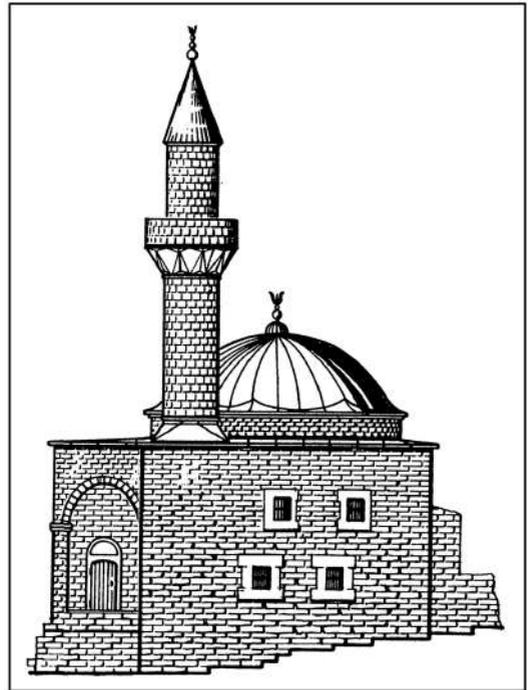

Рис. 7. Проект реставрации мечети с восстановлением минарета [по: 19, с. 65]

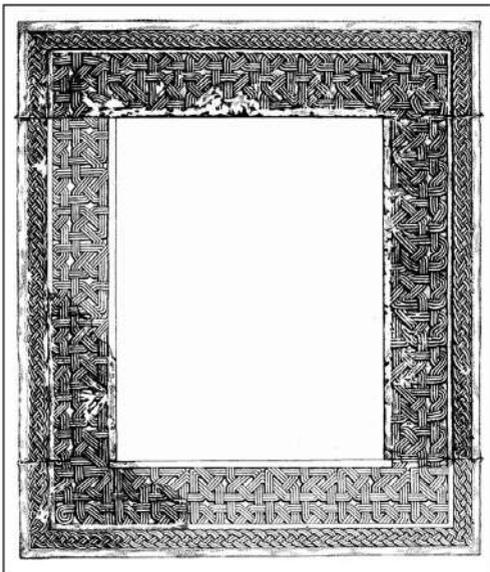

Рис. 6. Прорисовка наличника северного окна галереи [по: 2, с. 640]

Рис. 8. Фонтан в колонии Судак. Фото 1889 г. [ЦМТ, архив А. Л. Бертъе-Делагарда, оп. 5, № 78, кп. 11433/45, ф. 3335]

РЕЦЕНЗИИ

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Рец. на: Иорданов И. Печати на византийската администрация в България (871–1118). – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2019. – 375 с. + 12 табл.

Работа известного болгарского сигиллографа и нумизмата Ивана Иорданова «Печати византийской администрации в Болгарии (871–1118)» продолжает цикл его монографий и каталогов, в известной степени подводя итоги одной из тем его обширных научных интересов – изучению византийской администрации на территории Болгарии. Этому предшествовала огромная работа по изданию как локальных находок византийских моливдовулов, так и беспаспортных памятников из болгарских и европейских коллекций [2; 3; 5]. Данная тема имеет долгую историю в византистике и балканистике от работ В. Н. Златарского, Т. Герасимова, И. Божилова, В. С. Шандровской, Г. Г. Литаврина до последних работ автора и его учеников – Ж. Жековой, Т. Тодорова и Н. Кынева [1; 4; 7].

После публикации И. Иордановым преславского архива [5] начался новый период исследований структуры византийской администрации на территории Северо-Восточной Болгарии, как, впрочем, и на территории средневековой Болгарии в целом. Западная ее часть, ныне Северная Македония, в настоящее время исследована менее и, как следствие, печати с данной территории немногочисленны, но использованы в работе.

Монография открывается введением и библиографией. Сама работа разделена на две части, главы и параграфы – соответственно с процессом формирования византийской администрации в ходе завоевания Болгарии империей. В главе первой особо выделен период временной византийской администрации в ходе завоевания Болгарии в 970–980 гг. (с. 41–61). Семидесятые годы представлены печатями стратиггов Месемврии, Берои, Филиппополя, Друговитии, Нового Стримона, Иоаннополя, Федорополя, Илиуполя, Доростола (и Иоаннополя), Фракии и Македонии, (Западной) Месопотамии. Все они изданы соответственно существующим нормам публикации подобных памятников. В заключение главы автор анализирует издаваемый материал

с привлечением нарративных источников, реконструируя фемную структуру на территории завоеванной Византией территории Северо-Западной Болгарии на 970-е гг. Церковная администрация представлена в данный период митрополией Иоаннополя. Как рубеж в данном процессе выделен 975 г., с которым связано появление фем Фракия и Иоаннополь, Доростол, а также изменение структуры фем Месопотамия (=Западная Месопотамия), Филиппополь, Друговития, Новый Стримон (с. 62–76)¹.

Параграф 3 в основном посвящен анализу материалов преславского архива, на основе которого с привлечением иных источников автор реконструирует изменение структуры византийской администрации в регионе в целом, и в Преславе (971–990) в частности (с. 77–100). Печати преславского архива свидетельствуют об изменениях структуры византийской администрации на Балканах в пределах второй половины X в. Известны печати стратигов Иоаннополя и Доростола, Фракии и Иоаннополя. Давно известна печать Адриана, протоспафария и турмарха Перс'ава. Интерпретация ее крайне вариативна. По мнению И. Иорданова, речь может идти о Переяславце на Дунае, известном по нарративным источникам, но точно не локализованном. Тем более, как отмечает исследователь, Иоанн Скилица пишет о Великом и Малом Преславах. В надписях моливдовулов также присутствуют оба названия.

На одной из печатей Иоанна, протоспафария и стратига Персклавы (№ 1214) есть **надчеканка**, прочитанная как «Боже, помоги рабу твоему Василию, domestiku дуки Адрианополя». Интерпретируя термин «domestika дуки Адрианополя», И. Иорданов приводит колофон Адрианопольского евангелия, переписанного в 1008 г. Заказчиком его был Иоанн, императорский протоспафарий и проксимос дуки Адрианополя Феодорокана (известна его печать). Тождественны ли функции domestika и проксимоса дуки? Это, вероятно, но недоказуемо (с. 110–112). Как следствие, и датировка правления Иоанна в Преславе остается гипотетичной.

В преславском архиве найдены и печати корреспондентов местного стратига. Исследователь дал сводку 76 официальных и частных печатей от Иоанна Цимисхия до Константина Склира (с. 82–101), принадлежавших представителям как центральной (№№ 1–29), так и провинциальной администрации (№№ 30–76).

Основной является вторая часть монографии – «Византийская администрация 1000–1118 гг.». Отметим, что вторая дата предельно условна, так как после 90-х гг. какие-либо сигиллографические (и иные) источники, свидетельствующие о византийской администрации в Болгарии, отсутствуют, при том, что фактически она продолжала существовать как минимум до 1185 г. Дебаты о т.н. фемной реформе Алексея Комнина продолжаются пор сей день, но ответа на вопрос, что же заменило данную структуру, все еще нет по причине отсутствия сколько-нибудь репрезентативных источников².

В качестве первого хронологического отрезка выделен 1000–1059 гг. В его пределах исследователь публикует печати стратигов Преславицы (с. 106–149), есте-

¹ К сожалению, автору осталась неизвестной работа А. С. Мохова о «временных» фемах, возникающих и исчезающих в ходе византийского завоевания Болгарии [8, с. 19–30].

² Применительно к Крыму см. [9; 12; 16].

ственно, обращаясь к проблеме отождествления Преславицы и Преслава. По мнению исследователя, это два разных топонима, в пользу чего свидетельствуют находки печатей стратигов Преславицы в архиве стратигов Преслава среди печатей других его корреспондентов (с. 123). Наконец, в пользу данного вывода приводится пассаж хроники Скилицы, где при описании военных действий в 1000 г. одновременно упоминаются Великий Преслав, Преславица и Плиска (с. 129).

Что касается Плиски (1.5), то здесь найдено 150 печатей. А так как даты как образования фемы, так и ее упразднения не известны, то определенные хронологические реперы дает анализ печатей корреспондентов командиров гарнизона, позже стратигов Плиски, датируемых последней четвертью X – серединой XI вв. Но фемой, по мнению И. Иорданова, Плиска была лишь с 20-х гг. XI в. и до 1066 г., что подтверждается сигиллографическими данными.

Известна значительная группа печатей, найденная в Силистре и связанная с византийским присутствием на Дунае (280 экз.). Здесь была создана фема Доростол, известная по нарративным источникам как Парадунавис, Паристрион, «города на Дунае» (1.6), существование фемы фиксируется в 1016 г., когда ее стратигом был представитель известного таосского рода Джоджик-Цоцикий. И. Иорданов переиздает моливдовулы стратигов фемы, попутно, по мере возможности, реконструируя их *cursus honorum*. В ряде случаев при наличии патронима это представляется убедительным (Лев Дримас, № 158), в ряде – не очень (Михаил). Всего в настоящий момент известны печати всего лишь пяти стратигов Доростола (№№ 151–158), тогда как византийское присутствие здесь известно с середины X в. Но 87 из 280 печатей принадлежат корреспондентам начальников гарнизона и стратигам Доростола, в том числе датируемых X в. Это императорские печати (Иоанн Цимисхий, Василий II), домашних схол Запада (Петр, Лев Мелиссин), стратигов фем (Иоаннополь, Перкслава (Преслава), Фракия и Дрыстр), церковные (митрополитов Адрианополя и Евхаит). Но подавляющее большинство печатей датируется XI в. Фема к этому времени явно существовала, так как сюда пишут нотариусы, хартулярии, асикриты и криты, коммерциарии и стратиги. В целом, преобладают печати чиновников центральной администрации (с. 141–142).

О существовании фемы Варна (1.7) свидетельствует уникальная печать, датированная серединой XI в. Но функционирование коммерческой Дристра – Доростол, Преславица и Девельт известно благодаря значительному количеству печатей преимущественно Девельта (№№ 159–182).

Одной из основных проблем в исследовании византийской администрации на территории Болгарии оставалась проблема катепаната Болгария, времени его создания и исчезновения. По мнению И. Иорданова, создание его связано с завершением византийского завоевания Болгарии и падением Охриды в 1018 г., тогда как время его гибели неизвестно. Отсюда и широкие датировки 1018–1118 гг. Исследователь публикует все известные в настоящее время печати византийских функционеров в рамках фемы – логариастов, анаграфевсов, преторов, проноитов, катепанов и дук

Болгарии (№№ 183–223). Большинство из них гражданские чиновники. Здесь особый интерес представляют печати Константина, как веста, анфипата патрикия, логриаста и анаграфевса *всей* Болгарии 60-х гг. XI в. (№№ 201–206), вестарха и проноита *всей* Болгарии 60–70-х гг. XI в. (№№ 207–208), анфипата патрикия и дуки Фессалоники, Болгарии и Сервии 50-х гг. XI в. (№ 209). По мнению исследователя, все они принадлежат одному лицу, отражая этапы его карьеры. К сожалению, отсутствие патронима, что для середины века скорее исключение из правил, не дает возможности прийти к однозначному выводу.

Дебаты относительно территории и границ фемы Болгария, катепаната и дуката продолжают до сих пор, как и относительно причин объединения нескольких больших фем под руководством одного стратига [15, р. 192–194]. Для Закавказья это было проследжено К. Н. Юзбашьяном на примере фемы Иверия и Великая Армения. Он полагал, что первичными здесь были «малые» фемы, из которых сугубо индивидуально под конкретного стратига или в соответствии с ситуацией в регионе формировался дукат, территория которого не была стабильна [14, с. 191–196]. Отсюда и *λασης Βουλγαριας*, что, по видимому, должно свидетельствовать о максимальном увеличении территории фемы³.

Для периода 1059–1097 гг. печати фиксируют существование фем Другувития (№№ 224–261), Струмица (№№ 262–263), Касторья (№№ 264–265), Ниш (№ 266) и катепаната Парадунавис 1059–1067 гг. (№№ 269–286). Дата создания катепаната не известна. Первое упоминание о «городах на Дунае» относится к 1043 г. Катакалон Кекавмен был в этом году вестом и их архонтом. Устанавливая хронологию правления катепанов Парадунависа, автор отмечает, что ряд их печатей был найден в Плиске, гарнизон которой был эвакуирован в 1067 г. Попутно приводится *cursus honoꝝum* катепанов: Катакалона Кекавмена, Михаила, Романа Диогена, Василия Апокапа, Нестора, «человека» Дуки, Льва Никерита, последнего известного дуки Парадунависа в 1091 г. (с. 210–221). Всего для второй половины XI в. известны печати 17 катепанов (с. 231). Катепанат, позже – дукат, явно был преемником фемы Доростол, охватывая большую, нежели ранее, территорию.

По тому же принципу дан анализ сигиллографических свидетельств византийского присутствия в Преславе. Хронологически выделены пять периодов: до 1053 г. (25 печатей 12 лиц), 1053–1059 гг. (14 печатей 7 лиц), 1059–1067 гг. (26 печатей 13 лиц), 1067–1081 гг. (19 печатей 6 лиц), 1075–1087 гг. (30 печатей 20 лиц). По мнению автора, фема Преслав была упразднена в связи с созданием катепаната Парадунавис в 1059 г., тогда как византийский гарнизон был выведен из города после поражения византийской армии при Доростоле от печенегов в 1087 г.

Не совсем логичным представляется включение в данный параграф архонтии, созданной для бежавшего со своей ордой на территорию Балкан печенежского хана Кегена (№№ 267–268), ибо в прямом смысле административной единицей она не являлась. Место расселения печенегов неизвестно. К тому же сам хан, принявший

³ В этой связи показательны дебаты относительно термина «Вся Хазария» применительно к структуре византийской администрации в Крыму и на Тамани. Сводка данных: [11].

православие, вскоре вернулся в свои кочевья за Дунаем [6, с. 86–101]. Практика предоставления пограничных территорий потенциально союзным архонтам имела место и позже, как, например, русским князьям-изгоям [см.: 10, с. 169–175]. Но имело ли это отношение к византийской администрации в Болгарии?

Параграф 3 посвящен истории византийской провинциальной администрации Южной Болгарии как буферной зоны между Византией и кочевниками во второй половине XI в. по линии Месемврия – Анхиал – Бероя – Филиппополь – Триадица – Ниш – Белград. Известна она преимущественно по достаточно фрагментарным сфрагистическим источникам. Нарративные документы играют лишь вспомогательную роль. Чиновники Месемврии представлены преимущественно печатями эк просопу (№№ 287–294). Существование фемы фиксируется лишь в 60–70-х гг. печатями двух катепанов (№№ 295–299). Столь же кратким и ситуационным было существование дуката Анхиал, куда был переведен из Месемврии византийский флот. В 1087 г. известен протоновелиссимос и дука Анхиала Алексей Сиаус [Corpus II, no. 6560]. Здесь найдены 73 печати корреспондентов местного стратига (?), большая часть которых датируется второй половиной XI в., даже XII в., в том числе печати деятелей, известных по иным источникам (Константин Далассин, Константин Феодорокан, Лев Никерит, Андроник Лапарда, Анна Комнина и др.)

По-видимому, важным административным центром был расположенный северо-западнее Бургаса Аква Калиде (Термы), известный с римского времени. Здесь найдена 41 печать, в том числе Петра, патрикия и доместика всего Запада, Алексея Комнина, севаста и великого доместика (1078–1081).

Катепанат Берое также известен преимущественно по сфрагистическим источникам. До нас дошла всего одна печать Романа, магистра, веста и катепана Берои второй четверти XI в. (№ 300). В то же время известны находки византийских моливдулов в двух крепостях пограничья – в Сливенской области ок. села Злати воевода (52 экз.) и около Димитровграда, идентифицируемая как Белисмос нарративных источников (30 экз.). Всюду преобладают печати XI–XII вв. В первой крепости – 11 печатей 60–70-х гг. XI в. (Константин X Дука) и 21 печать конца XI – XII вв., в том числе Алексея Комнина, великого доместика и его же как императора, севаста Георгия Палеолога, протосеваста Адриана Комнина. В втором случае севаста Алексея Комнина, Константина Комнина, Никифора Комнина, Константина Иканата, Стефаана Вардалеса и пр. Как констатирует автор, это свидетельствует о сохранении крепостями именно военных функций в XII в. в постфемный период. В крепости у с. Мельница Елоховско по линии Месемврия – Бероя было найдено 134 моливдула, 3/4 которых датированы второй половиной XI – XIII вв. Так что этот район оставался под контролем Византии до начала XIII в.

Рассматривая материалы, относящиеся к истории фемы Филиппополь (Пловдив), И. Йорданов предполагает, что серия печатей эк просопу может иметь отношение к существованию здесь представителя стратига фемы Македония или самого императора до 1018 г. Более того, позже была создана объединенная фема Морра и

Филиппополь, стратиги и эк просопу которой известны по данным сигиллографии (№№ 301, 301а, 302а, 303а). Дукатом Филиппополь стал, по-видимому, в конце XI в. в правление Алексея Комнина. Найденные здесь печати фиксируют византийское присутствие с VI по XIV вв. (с. 278–280). Недалеко от Пловдива в крепости около с. Добри Дол также найдено 32 моливдовула преимущественно XI – начала XIII вв.

Что касается Триадицы (Сердики), то статус ее неизвестен. Считается, что ранее она была центром катепаната Болгария. При Константине Дуке (1059–1067) сюда был назначен Роман Диоген, статус которого также не известен. Но известны печати правившего здесь, по-видимому, в 60-е гг. XI в. Никифора Мелиссина как магистра и дуки Триадицы и магистра и катепана Триадицы [см.: 13, с. 118–119].

Довольно полно представлены византийские печати из района Софии. Все 28 печатей из крепости Кракра (Перник) датируются концом XI – XII вв. (с. 288–289), от императора Никифора Вотаниата до протонovelиссима Георгия Палеолога (№№ 2, 15). Концом XI в. датируется существование дуката Ниш (№№ 206–208). Дуки Скопье известны с 70-х гг. XI в. по начало XII в. Из 50 найденных здесь печатей большая часть датируется данным временем (с. 291–296). И, наконец, турма, позже фема Моглен упомянута как существующая в 80-е гг. XI в. и в 1181 г. Известна единственная печать Иосифа Маниака как турмарха Моглен (№ 309), широко датированная XI в.

Глава II посвящена церковной администрации на территории Болгарии между 1020–1118 гг. Известны 11 архиепископов Болгарии (печати №№ 309а–329). Ему подчинялись епископы Велеграда (Белград), Велбуджа (Кюстендел), Верии, Видина, Гревены, Дристры, Касторьи, Малесоба (Мелешево), Ниша, Пелагонии, Струмицы, Триадицы, Химеры. До нас дошли печати 13 епископов из 32. В 80-е гг. XI в. епископия Дристра была возведена в ранг митрополии и подчинена патриарху Константинополя. Известна печать Христофора, митрополита Дристры и протосинкела (№№ 364–368).

Вне диоцеза архиепископа Болгарии находились епархии Черноморского побережья, подчиненные патриарху непосредственно или опосредованно через епархию Хаймимонт. Это митрополии Филиппополь, Томи, архиепископии Месемврия, Анхиал, епископии Созополь, Девельт, Агатоникья, Охрид, Великия (?), Иоанница, Констанция, Бероя (с. 299–357).

Для не читающих по-болгарски, дано английское резюме (с. 359–360). Далее – индекс имен и таблицы фотографий печатей.

Резюмируя, можно сказать, что в дальнейшем по мере находок новых печатей что-то в системе построений И. Иорданова будет уточнено, что-то дополнено. В основном это касается датировки византийских моливдовулов и, как следствие, последовательности правления тех или иных стратиггов, если ее не отразили нарративные источники, тот же Иоанн Скилица. В целом же, повторимся, данная работа является этапной в исследовании византийской административной системы на территории средневековой Болгарии, полностью исчерпавшей всю известную в настоящее время источниковую базу, часть которой, сигиллографическая, и была создана самим И. Иордановым в его многотомных каталогах и многочисленных статьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жекова Ж. Каталог на монетите от зала «Съкровищница» в регионален исторически музей Шумен. Шумен, 2003.
2. Иорданов И. Корпус на византийските печати от България. Т. 1-3. София, 2003, 2006, 2009.
3. Иорданов И. Корпус на средновековните български печати. 2-е изд. Плиска – Преслав, 2016.
4. Тодоров Т. Контактите на византийските институции с Първото Българско царство (680–969). Приноси на сфрагистиката. Шумен, 2012.
5. Иорданов И. Печатите от страстигията в Преслав (971–1088). София, 1993.
6. Иорданов И. Печати на Иоанн Кеген, магистър и архонт на Печенегия // Нумазматика и сфрагистика. София, 1998. Т. 1. С. 86–101.
7. Кынев Н. Анонимен византийски печат от Анхиало (Поморие) // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2. Симферополь, 2019. С. 301–306.
8. Мохов А.С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X – XI вв. фема Сербия // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 19–30.
9. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.). К постановке проблемы // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
10. Степаненко В.П. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X – XII вв. // Пътуванията в средновековна България. Велико Търново, 2009. С. 169–175.
11. Чхаидзе В.Н. «Хазария» в XI в. К вопросу о локализации (по данным византийских молибдовулов). Препринт. М., 2016.
12. Чхаидзе В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 721–730.
13. Шандровская В.С. Некоторые исторические деятели «Алексиады» и их печати // Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской. СПб., 2019. С. 118–119.
14. Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.
15. Krsmanović B., Kolić T.G., Maksimović L. The byzantine province in change (on the Threshold between the 10th and 11th centuries). Belgrade, Athens, 2008.
16. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Zhekova Zh. *Katalog na monetite ot zala «S"krovishchnitsa» v regionalen istoricheski muzei Shumen*. Shumen, 2003.
2. Iordanov I. *Korpus na vizantiiskite pechatii ot B"lgariia*. T. 1-3. Sofia, 2003, 2006, 2009.
3. Iordanov I. *Korpus na srednovekovnite b"lgarski pechatii*. Pliska – Preslav, 2016.
4. Todorov T. *Kontaktite na vizantiiskite institutsii s P"rvoto B"lgarsko tsarstvo (680–969). Prinosi na sfragistikata*. Shumen, 2012.
5. Iordanov I. *Pечатите от страстигията в Preslav (971–1088)*. Sofia, 1993.
6. Iordanov I. *Печати на Ioann Kegen, magist"r i arkhont na Pechenegiia. Numazmatika i sfragistika*, Sofia, 1998, T. 1, pp. 86–101.
7. Kynev N. *Anonimen vizantiiski pechat ot Ankhialo (Pomorie). Miry Vizantii. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*, Vol. 2, Simferopol, 2019, pp. 301–306.

8. Mokhov A.S. Mikrostruktury vizantiiskoi voenno-administrativnoi sistemy v X – XI vv. fema Serviia. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2010, № 3(79), pp. 19–30.
9. Stepanenko V.P. Vizantiia i Krym v postfemnyi period (konets XI – XII vv.). K postanovke problemy. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 713–720.
10. Stepanenko V.P. «Goroda na Dunaе» v kontekste rusko-vizantiiskikh otnoshenii X–XII vv. *P"tuvaniata v srednovkovna B"lgariia*, Veliko Tyrnovo, 2009, pp. 169–175.
11. Chkhaidze V.N. «Khazariia» v XI v. *K voprosu o lokalizatsii (po dannym vizantiiskikh molivdovulov)*. Preprint. Moscow, 2016.
12. Chkhaidze V.N. Vizantiiskaia vlast' na Bospore (posledniaia chetvert' XI – nachalo XIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 721–730.
13. Shandrovskaiia V.S. Nekotorye istoricheskie deiateli «Aleksiady» i ikh pechati. *Vizantiiskaia sfragistika v trudakh V.S. Shandrovskoi*, St-Petersburg, 2019, pp. 118–119.
14. Iuzbashian K.N. *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia IX–XI vv.* Moscow, 1988.
15. Krsmanović B., Koliias T.G., Maksimović L. *The byzantine province in change (on the Threshold between the 10th and 11th centuries)*. Belgrade, Athens, 2008.
16. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Рец. на: Жекова Ж. Византийската императрица върху монетите и печатите. – Шумен: Издателство Фабер, 2017. – 254 с.

Женя Жекова, много лет хранящая «Сокровищницу» Регионального музея в Шумене, хорошо известна специалистам как по докладам на научных конференциях, так и по многочисленным публикациям. Сфера ее интересов – нумизматика и сфрагистика. Будучи ученицей известного болгарского византиниста И. Иорданова, Женя давно и успешно работает в данной проблематике [см., напр.: 2].

Рецензируемое издание «Византийские императрицы на монетах и печатях» имеет преимущественно научный характер, являясь почти исчерпывающей сводкой данных по нумизматике и сфрагистике не только византийских императриц, но и болгарских цариц. То есть, содержание книги шире ее названия. В то же время при кратких описаниях биографии своих героинь, автор не ссылается ни на источники, ни на предшествующие работы, хотя бы основные, предпочитая рассматривать чисто нумизматические проблемы со ссылками на сугубо специальные работы.

Хронологически работа охватывает период с VIII по XV вв. Что касается нумизматики, то лишь немногие византийские императрицы правили и, как следствие, монет, чеканеных от их имени, не так уж много. В истории Византии известны всего три императрицы (Ирина, Зоя и Феодора) и пять регентш (Ирина при Константине VI, Феодора при Михаиле III, Зоя при Константине VII, Евдокия при Михаиле VII и Анна Савойская при Иоанне V Палеологе). При том, что автор учел почти все немногочисленные по известным причинам нумизматические памятники, в работе отсутствует пробная монета императрицы Зои [1, с. 139–144]. Возможно, это связано с тем, что Ж. Жекова пользовалась монографией Ф. Грирсона, который естественно не мог учесть изданную позже монету [5]. Но в работу включены столь же немногочисленные монеты с изображениями императорских пар – Михаила VII Дуки и Марии Аланской и Алексея Комнина и Ирины Дукаины (с. 52–77).

Много богаче репертуар печатей императриц. Это правящие василиссы – все те же Ирина и Феодора. Печати Зои явно существовали, но к настоящему времени неизвестны. Печати регентш принадлежат почти той же группе лиц – Феодоре при Михаиле III, Зое при Константине VII, Феофане при Василии II и Константине VIII, Евдокии при Михаиле VII и Анне Палеологине при Иоанне V. Сохранились и собственные печати 13 императриц от Марии Аланской до Елены Палеологини. Представляется неожиданным включение в этот перечень печати севасты Марии Склирины, фаворитки Константина IX Мономаха (с. 96–98) [3, с. 84–89]. Атрибуция печати весьма гипотетична. Она приписывается то Марии Склирене, то Марии Аланской, о чем и пишет Ж. Жекова (с. 96–99). Но известно, что сан севасты получила именно первая [3, с. 86]. Строго говоря, не была императрицей мать Алексея Комнина Анна Далассина, «монахиня и мать императора», но регентшей она была и ее печати сохранились [4, р. 1478–1480, No. 2696].

Отсутствует в названии, но присутствует в работе раздел «Болгарские царицы, их монеты и печати» (с. 118–141). На монетах эпохи Второго Болгарского царства царицы присутствуют в изображениях царственных пар. Это Иван Александр и Феодора, Иоанн Страцимир и Анна, Михаил Асень и Ирина. Репертуар печатей несколько разнообразнее и обширнее хронологически. Это печати анонимной жены или сестры Симеона (автор сомневается в ее аутентичности), супруги царя Петра I Ирины Лакапины (967–962), Марии, вероятно, все той же супруги Петра I, и, наконец, Ирины Палеологини Асенины, супруги Иоанна Асеня III (1278–1280).

Структура работы не совсем логична. Так, об императрицах, в том числе и регентшах, автору приходится писать дважды, отдельно при их монетах и печатях (как, например, о Евдокии Макремволитисе на с. 66 и 90). Вероятно, было бы логичнее за основу параграфа взять краткую биографию императрицы, после чего дать список ее монет и печатей. Общий список монет и печатей дан в начале работы, а сами таблицы с их изображениями – в конце. Так что было бы желательно перенести список туда же, в конец работы рядом с индексом имен и титулов, включенных в легенды на монетах и печатях. Данный индекс предельно облегчает работу с книгой, так как автор в алфавитном порядке воспроизводит надписи монет и печатей, учтенных в работе. В конце книги даны четыре каталога, соответственно монет и печатей византийских императриц и болгарских цариц, индексы имен и титулов императоров и императриц на монетах и печатях. При этом даны собственно надписи памятников. Наконец, на с. 242–253 воспроизведены фотографии печатей и на с. 254 даны прорисовки стемм императриц на монетах и печатях. Обращает на себя внимание параллельный текст на болгарском и английском языках.

Следует отметить традиционно высокий для издательства «Фабер» полиграфический уровень издания. В целом же, несмотря на мелкие упущения, данную работу можно характеризовать сугубо положительно. Она полезна и как собственно научный труд, и как каталог. К сожалению, тираж ее был явно недостаточен и до специалистов дошли считанные экземпляры. Остается надеяться, что планируемое второе издание будет более доступно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурулева В.В. Пробная монета византийской императрицы Зои 1041 года // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2004. № 62. С. 139–144.
2. Жекова Ж. Каталог на монетите от зала «Съкровищница» в регионален исторически музей Шумен. Шумен, 2003.
3. Пселл Михаил. Хронография / Пер., статья и прим. Я.Н. Любарского. М., 1978.
4. Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. Part 3.
5. Grierson Ph. Byzantine coins. London, Berkeley, Los Angeles, 1982.

REFERENCES

1. Guruleva V.V. Probnaia moneta vizantiiskoi imperatritsy Zoi 1041 goda. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2004, No. 62, pp. 139–144.
2. Zhekova Zh. *Katalog na monetite ot zala «S"krovishchnitsa» v regionalen istoricheski muzei Shumen*. Shumen, 2003.
3. Psell Mikhail. *Khronografiia*. Moscow, 1978.
4. Zacos G., Veglery A. *Byzantine lead seals*. Vol. 1. Part 3. Basel, 1972.
5. Grierson Ph. *Byzantine coins*. London, Berkeley, Los Angeles, 1982.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамзон Михаил Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН (Москва, Россия); директор Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия), e-mail: abramzon-m@mail.ru

Айбабин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Александрова Инна Александровна, специалист по экспозиционной и выставочной деятельности ГБУ РК «Центральный музей Тавриды», отдел «Алуштинский историко-краеведческий музей», e-mail: petrova_23@mail.ru

Алексеев Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Антипенко Анна Витальевна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: an.antipenko@yandex.ru

Быковская Наталья Владимировна, заместитель генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (Керчь, Россия), e-mail: nvbykovskaya@gmail.com

Вашенкова Екатерина Сергеевна, заместитель заведующего аналитическим испытательным центром НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, e-mail: e_katerina2708@mail.ru

Голофаст Лариса Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: larisa_golofast@mail.ru

Гунчина Ольга Леонидовна, реставратор отдела реставрации Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (Керчь, Россия), e-mail: Gunchino@mail.ru

Душенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

Евдокимов Павел Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории ГБОУ города Москвы Школа среднего (полного) общего образования «Интеллектуал» (Москва, Россия), e-mail: apostate_re@mail.ru

Завадская Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Завойкина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: zavoykina@mail.ru

Зинько Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: a.zinko@mail.ru

Зинько Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: zinko@bfdemetra.org

Иштванович Эстер, кандидат исторических наук, археолог-музеевед, музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия), e-mail: istvanov@josamuzeum.hu

Кузнецов Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, заведующий Отделом классической археологии Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: phanagor@mail.ru

Кульчар Валерия, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия), e-mail: vkulcsar58@gmail.com

Лобода Анастасия Юрьевна, ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт» (Москва, Россия), e-mail: lobodaau@mail.ru

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: LomakinDA@mail.ru

Ломакина Мария Александровна, младший научный сотрудник Крымского этнографического музея (Симферополь, Россия), e-mail: Aibabina87@mail.ru

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Мастыкова Анна Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: amastykova@mail.ru

Науменко Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: byzance@rambler.ru

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань, Россия), e-mail: dr.aan@mail.ru

Ольховский Сергей Валерьевич, научный сотрудник, руководитель центра подводных исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: ptakkon@yandex.ru

Остапенко Сергей Николаевич, сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: sao_nasledie@mail.ru

Паршина Елена Александровна, научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Киев, Украина)

Преснякова Наталья Николаевна, инженер-исследователь НИЦ «Курчатовский институт» (гМосква, Россия), e-mail: kolobylina@gmail.com

Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: prohorovlda@yandex.ru

Радочин Владимир Юрьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: radochin_v@mail.ru

Ретивов Василий Михайлович, кандидат химических наук, заведующий центром НИЦ «Курчатовский институт» (Москва, Россия), e-mail: vasilii_retivov@mail.ru

Сапрыкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: dolmen200@mail.ru

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета; научный сотрудник Института археологии Крыма РАН; старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Симферополь, Россия), e-mail: codexcummanicus@gmail.com

Сейдалиева Джемиле Эльвировна, техник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: djemka65@gmail.com

Сидоренко Валерий Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: crimeastor@rambler.ru

Смекалова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия); ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт» (Москва, Россия); e-mail: tnsmek@mail.ru

Смокотина Анна Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: asmokotina@mail.ru.

Степаненко Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

Стоянова Анастасия Анзоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: ancient2008@mail.ru

Терещенко Елена Юрьевна, кандидат физико-математических наук, заместитель начальника лаборатории НИЦ «Курчатовский институт»; старший научный сотрудник ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН (Москва, Россия), e-mail: elenatereschenko@yandex.ru

Тесленко Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: i_teslenko@mail.ru

Труфанов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела раннего железного века Института археологии Крыма РАН, e-mail: trufanov.a67@mail.ru

Хайрединова Эльзара Айдеровна, кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Храпунов Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: khrapunovn@gmail.com

Яцишина Екатерина Борисовна, кандидат философских наук, заместитель директора, начальник лаборатории НИЦ «Курчатовский институт» (Москва, Россия), e-mail: yatsishina_eb@nrcki.ru

CONTRIBUTORS

Abramzon Mikhail, DSc, Full Professor, Leading Researcher of the Classical Archaeology Department, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Director of the Research Institute for Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), e-mail: abramzon-m@mail.ru

Aibabin Alexander, DSc., Prof., Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Aleksandrova Inna, Specialist in exposition and exhibition activities of the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea “Central Museum of Tavrida”, department “Alushta History Museum” (Alushta, Russia), e-mail: petrova_23@mail.ru

Alekseenko Nikolai, dr. études médiévales (Paris IV-Sorbonne), CSc, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: alekseyenkonikolaj@gmail.com

Antipenko Anna, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Center (Simferopol, Russia), e-mail: an.antipenko@yandex.ru

Bykovskaya Natalya, Deputy General Director of the East-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (Kerch, Russia), e-mail: nvbykovskaya@gmail.com

Dushenko Anton, CSc, Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

Evdokimov Paul, PhD, Head of History Department, The State Budgetary Educational Institution of the City of Moscow School Intellectual (Moscow, Russia), e-mail: apostate_pe@mail.ru

Golofast Larisa, PhD, Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: larisa_golofast@mail.ru

Gunchina Olga, Restorer of the Restoration Department of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve (Kerch, Russia), e-mail: Gunchino@mail.ru

Istvánovits Eszter, PhD, Archaeologist-Museologist at the Jósa András Museum (Nyíregyháza, Hungary), e-mail: istvanov@josamuzeum.hu

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department, Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Khrapunov Igor, DSc, Prof., Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Khrapunov Nikita, CSc, Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: khrapunovn@gmail.com

Kulcsár Valéria, PhD, Associate Professor at the Department of Archaeology, University of Szeged (Szeged, Hungary), e-mail: vkulcsar58@gmail.com

Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: phanagor@mail.ru

Loboda Anastasia, Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute (Moscow, Russia), e-mail: lobodaau@mail.ru

Lomakin Dmitry, CSc, Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre and Senior Researcher at the University History Museum, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: LomakinDA@mail.ru

Lomakina Maria, Junior Researcher at the Crimean Ethnography Museum (Simferopol, Russia), e-mail: Aibabina87@mail.ru

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Mastykova Anna, DSc, Leading Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: amastykova@mail.ru

Naumenko Valery, CSc, Ass. Prof. of the Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: byzance@rambler.ru

Nepomniashchii Andrei, DSc, Prof., Head of the Historic Regional Studies and Local Lore Department, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia); Leading Researcher at the Crimean Research Centre, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia), e-mail: dr.aan@mail.ru

Ol'khovskij Sergey, Researcher, Head of Center of underwater explorations, Institute of archaeology Russian Academia of Science (Russia, Moscow), e-mail: ptakkon@yandex.ru

Ostapenko Sergey, Researcher of the Classical Archaeology Department, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: sao_nasledie@mail.ru

Parshyna Elena, Researcher of the Institute of Archaeology of National Ukrainian Academy of Science (Kiev, Ukraine)

Presnyakova Natalya, National Research Center “Kurchatov Institute” (Moscow, Russia), e-mail: kolobyлина@gmail.com

Prokhorov Dmitry, CSc, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: prokhorovlda@yandex.ru

Radochin Vladimir, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: radochin_v@mail.ru

Retivov Vasiliy, CSc, National Research Center “Kurchatov Institute” (Moscow, Russia), e-mail: vasilii_retivov@mail.ru

Saprykina Irina, CSc, Researcher of the Institute of Archaeology of RAS (Moscow, Russia), e-mail: dolmen200@mail.ru

Seidaliyev Emil, CSc, Head of the History Department at the Crimean Engineering and Pedagogical University; Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia); Senior Researcher at the Crimean Scientific Center, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia), e-mail: codexcummanicus@gmail.com

Seidaliyeva Dzhemile, Technical Specialist at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: djemka65@gmail.com

Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: crimeastor@rambler.ru

Smekalova Tatiana, DSc, Head of the Department of natural science methods in archaeology of Crimea at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia); Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute (Moscow, Russia), e-mail: tnsmek@mail.ru

Smokotina Anna, CSc, Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: asmokotina@mail.ru.

Stepanenko Valery, DSc., Prof., Ancient and Mediaeval History Department, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

Stoyanova Anastasia, CSc, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: ancient2008@mail.ru

Tereshhenko Elena, CSc, National Research Center “Kurchatov Institute”; Federal Research Center “Crystallography and Photonics” (Moscow, Russia), e-mail: elenatereschenko@yandex.ru

Teslenko Irina, CSc, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: i_teslenko@mail.ru

Trufanov Alexander, CSc, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: trufanov.a67@mail.ru

Vashchenkova Ekaterina, Deputy Head of Analytical Test Center of National Research Center «Kurchatov Institute» – IREA (Moscow, Russia), e-mail: e_katerina2708@mail.ru

Yatsishina Ekaterina, CSc, National Research Center “Kurchatov Institute” (Moscow, Russia), e-mail: yatsishina_eb@nrcki.ru

Zavadskaya Irina, CSc, Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Zavoykina Natalia, CSc, Researcher at the Department of classical archaeology, Institute of archaeology Russian Academia of Science (Russia, Moscow), e-mail: zavoykina@mail.ru

Zin’ko Alexey, CSc, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: e-mail: a.zinko@mail.ru

Zin’ko Victor, DSc, Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: zinko@bfdemetra.org

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

АДСВ	— Античная древность и средние века
БИ	— Боспорские исследования
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград)
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ДБ	— Древности Боспора
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН	— Корпус боспорских надписей. М., Л.: Наука, 1965
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
НА НЗХТ	— Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
СА	— Советская археология
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры
РА	— Российская археология
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ ОР	— Российская национальная библиотека, отдел рукописей (Санкт-Петербург)
САИ	— Свод археологических источников
СГМИИ	— Сообщения государственного музея изящных искусств им. А.С. Пушкина
СПбФАРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ФКГА	— Феодосийская картинная галерея имени И. К. Айвазовского
ХСб	— Херсонесский сборник
ЦГАМ	— Центральный государственный архив города Москвы
ЦМТ	— Центральный музей Тавриды (Симферополь)
ABSA	— The Annual of the British School at Athens
BAR	— British Archaeological Reports
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
IOSPE I ²	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxinae graecae et latinae / ed. V. Latyshev. Vol. 1. Ed. 2. Petropolis, 1916.
REB	— Revue des Études Byzantines
SBS	— Studies in Byzantine Sigillography

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Завойкина Н.В., Ольховский С.В. Граффити на керамике из раскопок ОАН «Бухта Ак-Бурун» (Крым) в 2015 г.	5
Храпунов И.Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и в Альфельде.....	12
Труфанов А.А. Перстни с эмалевыми вставками из варварских погребений Крыма.....	35
Радочин В.Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из позднескифского могильника Левадки в Центральном Крыму.....	50
Мастыкова А.В. Костюм населения Сирмия в эпоху Великого переселения народов.....	94
Хайрединова Э.А. Раннесредневековые подвески-буллы из могильника у с. Лучистое.....	109
Завадская И.А. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса.....	135
Смокотина А.В. Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке.....	160
Зинько В.Н., Зинько А.В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки.....	173
Голофаст Л.А., Евдокимов П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории).....	186
Науменко В.Е., Душенко А.А. Уникальная византийская костяная иконка из раскопок Мангупского городища.....	217
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен.....	250
Лобода А.Ю., Антипенко А.В., Преснякова Н.Н., Ретивов В.М., Ващенко Е.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Особенности изготовления полых сферических пуговиц XIII – начала XIV в. (по находкам из могилы 1/2018 на плато Эски-Кермен).....	277
Майко В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства.....	288
Тесленко И.Б., Паршина Е.А., Александрова И.А. Крымская поливная керамика XIV–XV вв. из раскопок в Партените (1985–1988 гг.).....	312
Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи.....	335
Сейдалиев Э.И. Золотоордынское поселение Старый Фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования).....	363

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

Смекалова Т.Н., Абрамзон М.Г., Сапрыкина И.А., Антипенко А. В., Лобода А.Ю., Быковская Н.В., Гунчина О.В. Новые данные о чеканке Рискупорида V и Фарсанза по материалам исследования состава сплава монет из Керченских кладов 1964 и 1988 гг.	387
Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д., Остапенко С.Н. Северокавказские подражания римским денариям из раскопок Фанагории 2010–2018 гг.	402
Алексеев Н.А. Государственный аппарат Византии в XII в.: империя «почтенных» нобилей по данным сфрагистики.....	407
Сидоренко В.А. Бек Булат (Пулад) и начало выпуска генуэзско-татарских монет Каффы.....	423

ИСТОРИЯ

Айбабин А.И. Противостояние Византии и Древней Руси в Крыму в конце X в.	454
Степаненко В.П. Поствизантийский Крым в XIII в.	464

Храпунов Н.И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка.....	470
Прохоров Д.А. Проекты Шломо Бейма и Авраама Фирковича по сохранению «пещерного города» Чуфут-Кале в XIX в. (по архивным материалам).....	511
Непомнящий А.А. Музыкально-этнографические полевые исследования в Крыму (20-е гг. XX века).....	539
Ломакина М.А., Ломакин Д.А. Средневековые бани Карасубазара в акварелях К. Ф. Богачевского.....	552
Ломакин Д.А. О купольном здании на территории Судакской крепости (20-е гг. XX – начало XXI в.).....	566

РЕЦЕНЗИИ

Степаненко В.П. Рец. на: Иорданов И. Печати на византийската администрация в България (871–1118). Шумен, 2019.....	587
Степаненко В.П. Рец. на: Жекова Ж. Византийската императрица върху монетите и печатите. Шумен, 2017.....	595
Сведения об авторах.....	598
Список сокращений.....	604
Содержание.....	605

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Zavoykina N.V., Ol'khovskij S.V. Graffiti on Ceramic Ware from 2015 Excavations at the archaeological heritage property “Ak-Burun Bay” (Crimea).....	5
Khrapunov I.N., Istvánovits E., Kulcsár V., Stoyanova A.A. Horse Tack from the Sarmatian Period in the Crimea and Alföld.....	12
Trufanov A.A. Finger-Rings with Enamel Insets from Barbarian Graves in the Crimea.....	35
Radochin V.Yu. Preliminary Results of the Research of Palaeoanthropological Materials from the Late Scythian Cemetery of Levadki in Central Crimea.....	50
Mastykova A.V. The Costume of the Population of Sirmium in the Great Migration Period.....	94
Khairedinova E.A. Early Mediaeval Bulla Pendants from the Cemetery near Luchistoe Village...109	109
Zavadskaya I.A. Numeric Proportions of the Early Byzantine Basilicas of Chersonesos.....	135
Smokotina A.V. Early Byzantine Cretan Amphorae in Bosporos and Tyritake.....	160
Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. An Amphorae Storage Excavated in Early Byzantine Tyritake.....	173
Golofast L.A., Evdokimov P.A. On the Chronology of the Amphorae with Fine Corrugation Zones (According to the Excavations in Phanagoreia).....	186
Naumenko V.Ye., Dushenko A.A. A Unique Byzantine Bone Icon Excavated at the Ancient Town of Mangup.....	217
Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Fourteenth-Century Slabbed Graves at Eski-Kermen Plateau...250	250
Loboda A.Yu., Antipenko A.V., Presnyakova N.N., Retivov V.M., Vashchenkova E.S., Tereshhenko E.Yu., Yatsishina E.B. The Features of the Making of Hollow Spherical Buttons from the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (According to the Finds in Grave 1/2018 at Eski-Kermen Plateau).....	277

Mayko V.V. The Monogram Pottery in Mediaeval Soldaia: Its Typology, Chronology, and Production Site.....	288
Teslenko I.B., Parshyna E.A., Aleksandrova I.A. The Fourteenth and Fifteenth Century Crimean Glazed Ware Excavated in Partenit (1985–1988).....	312
Seidaliyeva D.E. Images of Birds on the Golden Horde Pottery from Ancient Solkhat and Its Environs.....	335
Seidaliyev E.I. The Golden Horde settlement Staryi Fontan in Central Crimea (Preliminary Results of the Archaeological Research).....	363

NUMISMATIC AND SIGILLOGRAPHY

Smekalova T.N., Abramzon M.G., Saprykina I.A., Antipenko A.V., Loboda A.Yu., Bykovskaya N.V., Gunchina O.V. New Data on the Coinages of Rheskouporis V and Pharsanzes According to the Alloy Composition Analysis of the Coins from 1964 and 1988 Kerch Hoards.....	387
Abramzon M.G., Kuznetsov V.D., Ostapenko S.N. The North Caucasian Imitations of Roman Denarii from 2010–2018 Excavations at Phanagoreia.....	402
Alekseenko N.A. The Twelfth-Century State Machinery of Byzantium: The Empire of “Venerable” Nobles According to Sigillographic Data.....	407
Sidorenko V.A. Bek Bulat (Pulad) and the Beginning of the Mintage of Genoese-Tatar Coins of Caffa.....	423

HISTORY

Aibabin A.I. The Conflict between Byzantium and Rus’ in the Crimea in the Late Tenth Century..	454
Stepanenko V.P. Post-Byzantine Crimea in the Thirteenth Century.....	464
Khrapunov N.I. Edward Daniel Clarke’s Crimean Letters.....	470
Prokhorov D.A. Shlomo Beim’s and Avraam Firkovich’s Projects to Preserve the “Cave Town” of Chufut-Kale in the Nineteenth Century (According to Archival Materials).....	511
Nepomnyashchy A.A. Musical-Ethnographic Field Researches in the Crimea (1920s).....	539
Lomakina M.A., Lomakin D.A. Mediaeval Baths in Karasubazar on Watercolours by K. F. Bogayevskii.....	552
Lomakin D.A. The Domed Building at the Territory of Sudak Fortress (1920s to the Early Twenty-First Century).....	566

REVIEW

Stepanenko V.P. Review of: Jordanov I. Seals of byzantine administration in Bulgaria (971–1118). Shumen, 2019.....	587
Stepanenko V.P. Review of: Zhekova Zh. The byzantine empress on coins and seals. Shumen, 2017...595	
Contributors.....	598
List of Abbreviations.....	604
Content.....	605

Научное издание

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Вып. XIV

Перевод на английский: *Н.И. Храпунов*
Корректор: *С.И. Власова*
Компьютерная верстка: *В.С. Смирнова*

Издательство:

ИП Кифниди Георгий Иванович
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Родниковый, 18
тел.: +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 722 63 66
e-mail: IP_kifnidi@mail.ru

Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (977) 805-63-95

Подписано в печать: 18.11.2019 г.
Выход в свет: 12.12.2019 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 49.4
Тираж 300 экз. Заказ № 81
Распространяется бесплатно

**Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым ООО «Соло-Рич»:**

ИП Кифниди Георгий Иванович
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Родниковый, 18
тел.: +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 722 63 66
e-mail: IP_kifnidi@mail.ru